

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ

АНТИЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КУБАНИ

Russian Academy of Sciences
Department
of History and Philology
Institute of Archaeology
Institute of Universal History

ANCIENT HERITAGE OF KUBAN

In three volumes

Edited by
G. M. Bongard-Levin,
V. D. Kuznetsov

Volume II

Moscow
Nauka
2010

Российская академия наук
Отделение
историко-филологических наук
Институт археологии
Институт всеобщей истории

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ

В трех томах

Под редакцией
академика
Г. М. Бонгард-Левина,
В. Д. Кузнецова

Том II

Москва
Наука
2010

Редакционная коллегия:

Алексеев А.Ю., д.и.н.

Бонгард-Левин Г.М., академик РАН

Бухарин М.Д., д.и.н.

Завойкин А.А., д.и.н.

Иванчик А.И., член-корреспондент РАН

Кокуньо Г.В., НП «Историко-культурное наследие Кубани»

Кошеленко Г.А., член-корреспондент РАН

Кузнецов В.Д., д.и.н. (главный редактор)

Марченко И.И., к.и.н.

Мунчаев Р.М., член-корреспондент РАН

Пиотровский М.Б., член-корреспондент РАН

Румянцева Т.Д., генеральный директор Благотворительного фонда «Вольное Дело»

Рецензенты:

Карпов С.П., член-корреспондент РАН

Масленников А.А., д.и.н.

Молодин В.И., академик РАН

Научно-редакционная группа:

Бухарин М.Д., Лучишкина Н.П., Соломатина Е.И.

Художник

Эрман Э.Л.

Античное наследие Кубани : В 3 т. / Отд-ние истор.-филол. наук РАН ; Ин-т археологии РАН ; Ин-т всеобщ. истории РАН ; ред., сост. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левин, д-р ист. наук В.Д. Кузнецов. — М. : Наука, 2010 — . — ISBN 978-5-02-036881-1.

Т. 2. — 2010. — 669 с. — ISBN 978-5-02-037381-5

В монографии на основе комплексного междисциплинарного подхода освещены страницы древней истории Прикубанья: история отдельных этносов, экономическая история, история искусства, религии и культуры, история и состав музейных коллекций России, ближнего и дальнего зарубежья. Авторскому коллективу удалось представить уникальный специфический характер древней истории Прикубанья — взаимодействие нескольких древних цивилизаций — античной, иранской (скифо-сарматской) и местной кавказской — и показать роль и место Прикубанья в истории античного мира и Древнего Востока. Особенностью данного издания является опора на последние достижения науки о древности в области археологии, эпиграфики и истории.

Для специалистов историков, археологов, эпиграфистов, филологов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-036881-1
ISBN 978-5-02-037381-5 (т. 2)

© Отделение историко-филологических наук РАН;
Институт археологии РАН;
Институт всеобщей истории РАН, 2010
© Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д., составление,
2010
© Эрман Э.Л., художественное оформление, 2010
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>В.Д. Кузнецов</i>).....	7
Часть VIII	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА	10
Глава 1. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.) (<i>А.А. Завойкин</i>).....	12
Глава 2. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) (<i>С.Ю. Сапрыкин</i>).....	80
Часть IX	
АЗИАТСКИЙ БОСПОР В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ	134
Глава 1. Литературные источники (<i>А.Ю. Виноградов</i>).....	136
Глава 2. Ранневизантийская эпиграфика (<i>А.Ю. Виноградов</i>).....	146
Глава 3. Эпоха поздней античности (<i>Д.В. Журавлев, С.В. Мокроусов, С.Ю. Сапрыкин</i>).....	166
Часть X	
ЭКОНОМИКА	204
Глава 1. Сельское хозяйство, ремесло и промыслы (<i>Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов</i>).....	206
Глава 2. Землепользование (<i>Г.П. Гарбузов</i>).....	236
Глава 3. Торговля (<i>Г.А. Кошеленко, А.А. Мальшев, В.В. Улитин</i>).....	256
Глава 4. Денежное обращение (<i>М.Г. Абрамзон, Н.А. Фролова</i>).....	290
Часть XI	
РЕЛИГИЯ. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ	352
Глава 1. Религия и культы (<i>Г.А. Кошеленко</i>).....	354
Глава 2. Некрополи и погребальные обряды (<i>Н.И. Сударев</i>).....	418
Глава 3. Население по антропологическим данным (<i>М.В. Добровольская, М.Б. Медникова</i>).....	474
Часть XII	
ИСКУССТВО	492
Глава 1. Искусство (<i>Е.А. Савостина</i>).....	494
Глава 2. Ювелирное дело и торевтика (<i>М.Ю. Трейстер</i>).....	534
Часть XIII	
ВОЕННОЕ ДЕЛО	600
Глава 1. Армия. Вооружение. Фортификация (<i>В.П. Толстиков, А.К. Нефедкин</i>).....	602
Глава 2. Контроль над территорией (<i>Г.В. Требелева</i>).....	656
Сведения об авторах.....	664
Список принятых сокращений.....	665
Список принятых сокращенных обозначений античных и византийских авторов и произведений.....	668

CONTENTS

Preface (V.D. Kuznetsov)	8
Part VIII	
POLITICAL HISTORY OF ASIATIC BOSPOROS	10
Chapter 1. Archaic, Classical and Hellenistic Periods (Sixth – Second Centuries BC.) (A.A. Zavoikin)	12
Chapter 2. Late Hellenistic and Roman Periods (First Century BC – Middle of the Third Century AD) (S.Yu. Saprykin)	80
Part IX	
ASIATIC BOSPOROS IN THE LATE ROMAN AND EARLY BYZANTINE TIMES	134
Chapter 1. Literary Sources (A.Yu. Vinogradov)	136
Chapter 2. Early Byzantine Epigraphy (A.Yu. Vinogradov).....	146
Chapter 3. Late Roman Period (D.V. Zhuravlev, S.V. Mokrousov, S.Yu. Saprykin)	166
Part X	
ECONOMY	204
Chapter 1. Agriculture and Crafts (G.A. Koshelenko, V.D. Kuznetsov).....	206
Chapter 2. Land Use (G.P. Carbuzov).....	236
Chapter 3. Trade (G.A. Koshelenko, A.A. Malyshev, V.V. Ulitin)	256
Chapter 4. Coinage and Circulation of Coins (M.G. Abramzon, N.A. Frolova)	290
Part XI	
RELIGION. FUNERAL RITES	352
Chapter 1. Religion and Cults (G.A. Koshelenko)	354
Chapter 2. Necropoleis and Funeral Rites (N.I. Sudarev).....	418
Chapter 3. Population after Anthropological Data (M.V. Dobrovolskaya, M.B. Mednikova).....	474
Part XII	
ART	492
Chapter 1. Art (E.A. Savostina)	494
Chapter 2. Jewellery and Toreutics (M.Yu. Treister).....	534
Part XIII	
WARFARE	600
Chapter 1. Army. Arms and Armour. Fortifications (V.P. Tolstikov, A.K. Nefedkin).....	602
Chapter 2. Control over the Territory of the Asiatic Bosphoros (G.V. Trebeleva)	656
Contributors	664
Abbreviations	665
Abbreviations of literary texts	668

ВВЕДЕНИЕ

Идея написания этого издания родилась восемь лет назад. Однако реальные очертания она начала приобретать в 2007 г. Летом этого года в лагерь Фанагорийской экспедиции приехали академик Г.М. Бонгард-Левин и члены-корреспонденты Р.М. Мунчаев и Г.А. Кошеленко. Тогда мы, прячась от зноя в тени «штабного» вагончика, обсуждали концепцию и структуру большой работы, посвященной античному наследию Кубани. Первоначально предполагалось, что она будет написана сотрудниками экспедиции. Благо в ее составе работало и продолжает работать значительное количество высококвалифицированных специалистов. Однако вскоре благодаря неугомонной активности академика Г.М. Бонгарда-Левина было решено расширить рамки работы и пригласить к участию исследователей из разных научных учреждений, так или иначе имеющих отношение к античным древностям Кубани. По ходу подготовки книги в штаб-квартире Благотворительного фонда «Вольное Дело» постоянно проводились совещания, которыми руководила Т.Д. Румянцева, его генеральный директор, и принимал активное участие координатор проекта Г.В. Кокунько.

Второй том «Античного наследия Кубани» посвящен общим проблемам истории, экономики и археологии Азиатского Боспора. Читателю может показаться не совсем логичным тот факт, что за рамками внимания оставлена европейская половина древнего государства. Действительно, без той части Боспора, которая находилась в Крыму, невозможно нарисовать полную картину истории этого древнейшего на территории России и Украины государственного образования, невозможно разорвать его общую культуру. Однако составители и авторы этого издания и не пытались это сделать. Задача книги изначально состояла в том, чтобы попытаться показать место, которое занимает античная цивилизация в древней истории Кубани и вообще Юга России, то наследие, которая она оставила нашей стране. Именно поэтому основное внимание было уделено археологии в ее первоначальном смысле слова, материальной и духовной культуре античности. Разделы, посвященные истории и экономике Азиатского Боспора, необходимы, прежде всего, для более полного понимания того, что нам оставила в наследство античная цивилизация. Совершенно очевидным является то, что написание общей работы по истории и культуре Боспора возможно, только если обе части государства будут рассмотрены как единое целое.

После ухода Г.М. Бонгарда-Левина на меня были возложены обязанности главного редактора этого издания. В связи с этим я еще раз хотел бы подчеркнуть, что Григорий Максимович проделал очень большую организационную работу, собрав в единый коллектив большое количество авторов, что способствовало успешной подготовке книги к изданию.

Осуществление такого проекта, каким является трехтомное «Античное наследие Кубани», было бы совершенно невозможным без активной поддержки Олега Владимировича Дерипаски, которому весь коллектив этого издания выражает самую глубокую признательность.

В.Д. Кузнецов

PREFACE

The idea of this publication was conceived 8 years ago. However, it actually started to take shape only in the summer of 2007, when the Member of the Russian Academy of Sciences G.M. Bongard-Levin and its Corresponding Members R.M. Munchaev and G.A. Koshelenko visited our expedition camp in Phanagoria. I clearly recall how we all together – seeking shelter from the burning heat in the shadow of our «staff» caravan – discussed the conception and structure of the future big work on the ancient heritage of Kuban. Originally it was planned to be written only by the members of the expedition, which employed (just as it still does) a large number of highly qualified specialists. However, due to G.M. Bongard-Levin's unrelenting activity, soon it was decided to extend the limits of the intended work and call upon researchers from different scientific institutions specializing in various aspects of Kuban's antiquity. While preparing the publication, the headquarters of the *Volnoe Delo* charity foundation constantly held working sessions headed by its Director-General T.D. Rummyantseva, with active participation of the *Ancient Heritage of Kuban* Project's Coordinator G.V. Kokunko.

The second volume of *Ancient Heritage of Kuban* deals with general aspects of history, economy and archaeology of the Asiatic Bosphoros. The reader may find it not quite logical that the European part of the Bosporan Kingdom has been left out of attention. It is indeed impossible to tear apart the single culture, to create a comprehensive study of the Bosphoros, which is the oldest state on the territory of modern-day Russia and Ukraine, without taking into consideration its part located in the Crimea. However, the authors and editors of these books did not attempt to do so. The goal of this publication was primarily to show the place of the ancient civilization in the history of Kuban and the whole Russia's South, to shed light on the heritage it left for our country. Accordingly, the focus of attention was on archaeology in the original meaning of this term, on the material and spiritual culture of antiquity. The chapters on history and economy of the Asiatic Bosphoros are essential for deeper understanding of the ancient heritage. Without doubt, writing a comprehensive study of the Bosporan history and culture is feasible only if the both parts of the ancient kingdom are examined as an integral whole.

After G.M. Bongard-Levin's demise, I had to take over the duties of the Editor-in-Chief. At this point I would like to emphasize once again that huge organizational work done by G.M. Bongard-Levin, who managed to rally a large number of authors to work for the common purpose and facilitated the preparation of this book for publication.

Implementation of a project as huge as the three-volume *Ancient Heritage of Kuban* is would be totally impossible without active support generously provided by Oleg Deripaska, to whom the whole team working on this publication would like to express their deepest gratitude.

V.D. Kuznetsov

Часть VIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
АЗИАТСКОГО
БОСПОРА

АРХАИЧЕСКИЙ, КЛАССИЧЕСКИЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ (VI—II вв. до н.э.)

А.А. ЗАВОЙКИН

Политическая история региона, примыкавшего к Киммерийскому Боспору с востока¹, начиная с конца V в. до н.э. неразрывно связана с историей Восточного Крыма, поскольку с этого момента обе разделенных проливом области были объединены общим политическим пространством — боспорской державой Спартокидов. Жизнь эллинских центров Таманского полуострова и примыкающих к нему земель в предшествующий период, хотя и протекала в рамках полисных автономий, тем не менее, при существующем состоянии источников может быть понята и охарактеризована только при сопоставлении с материалами Боспора Европейского.

В то же время исторические судьбы Азиатского Боспора как в первые два века, так и позднее отличаются определенной спецификой, выявить которую можно лишь при сопоставлении (и противопоставлении) с Европейским Боспором. Имея в виду тематическую ориентированность настоящего издания, основное внимание будет сосредоточено на материалах Боспора Азиатского², но при учете данных по истории Боспора в целом, поскольку центр, определяющий весь строй политической жизни региона, располагался за проливом, в столице государства.

Вопросы периодизации. История греческих центров, располагавшихся в районе Боспора Киммерийского, на протяжении VI—II вв. до н.э. в рамках общей периодизации античной культуры укладывается в периоды поздней архаики, классики и эллинизма. Вполне естественно, что, будучи неотъемлемой частью эллинского мира, Боспор (в том числе его политические формы) развивался в общем русле исторического процесса, наиболее существенные моменты которого отмечены в его периодизации. Вместе с тем конкретные исторические пути Боспора в рассматриваемый период обладали значительными отличиями от так называемой «классической модели». Тезис о «феноменальности» Боспора был сформулирован довольно давно и мыслился главным образом в рамках дихотомии «эллинизм и иранство», наиболее последовательно обоснованной в трудах М.И. Ростовцева³. Отмечая «синкретический» характер культуры боспорских греков в целом, исследователи справедливо акцентировали внимание на том, что одной из (если не самой) специфических сторон политической истории региона была исключительная устойчивость монархической формы власти, возникшей (если считать с момента образования единого государства Боспор) в конце V — начале IV в. до н.э. и дожившей до конца античной эпохи на северо-восточной периферии ойкумены.

С этой позиции история Боспора VI—II вв. до н.э. разделяется на два больших отрезка времени: VI—V вв. до н.э. — период политической автономии полисов; IV—II вв. до н.э. — период истории Боспора как единого государства под властью династии Спартокидов. В то же время, опираясь на периодизацию общенсторическую, уместно в пределах этих периодов выделить этапы, находящие соответствия в истории самого Боспора. *Первый период* может быть разделен на два этапа, грань между которыми приходится на 480/79 г. до н.э.: 1) соответствует эпохе поздней архаики (колонизация региона и становление полисов); 2) раннеклассический этап, примерно до окончания Пелопоннесской войны (начальная дата соответствует становлению в Пантикапее тирании Археанактидов, финальная — начальной стадии формирования державы Спартокидов, примерно с 410—406 гг. до н.э.). *Второй период* тоже делится на два этапа: 1) позднеклассический и раннеэллинистический (время становления и расцвета Боспорского государства, до официального принятия царского титула Спартоком, сыном Евмела, в начале

III в. до н.э.); 2) эллинистический начинается системным кризисом Боспора, обусловленным рядом причин, структурными перестройками в государственном устройстве, а завершается окончанием правления династии Спартокидов и вхождением Боспора в Понтийскую державу Митридата VI Евпатора в конце II в. до н.э.

Источники. Исследование политической истории Боспора VI—II вв. до н.э. находится в тесной зависимости от характера и сохранности источников, которые могут быть привлечены для раскрытия темы. Поэтому необходимо составить хотя бы краткое представление о том, какого рода сведения имеются в распоряжении ученых для реконструкции политических событий и какова доля разных категорий источников в этом процессе.

К сожалению, данные античной литературной традиции по истории раннего Боспора весьма скупы и лаконичны. Если исключить важные для характеристики стадии колонизации региона упоминания метрополий и ктистов ряда боспорских колоний (при этом по преимуществу в сочинениях сравнительно поздних), мы обнаружим, что помимо хронологических заметок Диодора Сицилийского (Diod. XII. 31. 1) о правлении местных династий (с 480/79 г. Археанактидов, а с 438/7 г. — Спартокидов) первые упоминания Боспора появляются с 428 г. до н.э., в связи с событиями на восставшем против Афин Лесбосе, ожидавшем хлеб и лучников с «Понта» (Thuc. III. 2. 2)⁴. Это был, пожалуй, частный эпизод, но, что примечательно, связанный с интересом прочих эллинов к главному богатству Боспора — хлебу. Именно этот предмет их внимания и обширная торговля им, в особенности с Афинами, если можно так сказать, выводит в конце V—IV в. до н.э. Боспор на «авансцену» в литературе исторического, судебно-делового и географического (отчасти и морально-философского в рамках стоической традиции⁵) характера, эпизодически — в драматургии⁶. В этой же связи упомянем сочинения аттических ораторов, в которых в различных аспектах затронуты вопросы, связанные с хлеботорговлей и ролью в этом процессе боспорских правителей (Лисий, Исократ, Демосфен, Динарх, Эсхин). По этой же теме имеется краткая, но содержательная информация у Страбона (Strab. VII. 4. 6), восходящая к раннему источнику. Особое место занимают исторический экскурс Диодора (XX. 20—25): о событиях после кончины Перисада I, политическом перевороте и правлении Евмела, а также стратегемы Полиена (VIII. 55; VI. 9, VI. 9, 1, 3—4; V. 23, 44: характеризующие различные моменты истории Боспора времени Сатира I — Левкона I), к которым примыкают небольшие пассажи Энея Тактика (V. 2) и Псевдо-Аристотеля (Оес. II. 2. 8), сохранившие первосортный исторический материал из не дошедшей до нашего времени литературы IV—III вв. до н.э.

Примечательно, что после того, как по ряду причин экспорт боспорского хлеба сошел на нет, интерес к Боспору в греческой литературе практически угас. Имеющиеся данные по истории Боспора III—II вв. до н.э. единичны и малоинформативны. Только финал династии (Strab. VII. 4. 4) и один эпизод династической истории III в. до н.э. (Schol. ad Ovid. Ibis. v. 310) получили отражение в письменной традиции, сохранившейся до наших дней. Вновь интерес к Боспору в греческой литературе появляется лишь в связи с его вхождением в Понтийскую державу Митридата VI и втягиванием Северопонтийского региона в его антиримскую политику.

Для рассматриваемой темы первостепенное значение имеют следующие группы лапидарных надписей.

Это прежде всего декреты правителей Боспора (рис. 1)⁷. Все документы этой группы укладываются в период от Левкона I до Спартока III включительно⁸, в целом совпадающий с хронологией декретов, принятых в честь самих Спартокидов в Афинах⁹ и других государствах¹⁰. Отметим особо ольвийский декрет в честь Сатира, сына Спартока (сторона А), — перед 393/2—391 гг.; и соглашение ольвиополитов с Левконом, сыном Сатира (сторона Б), — между 393/2—392/1 и 375 гг.¹¹

Посвятительные надписи, датированные титулатурой боспорских правителей¹² в разных вариантах (см. табл. 1, 7), начиная от Левкона I до Перисада II¹³, играют исключительную роль в исследовании эволюции монархической власти на Боспоре и формирования самой державы Спартокидов. В числе документов этого рода отдельного упоминания заслуживает посвящение самого Левкона I Аполлону после завоевания Феодосии¹⁴, освещающее очередной этап завоевания Синдики (рис. 2).

Группа надгробных памятников (рис. 3—5), среди которых наиболее интересны эпитафии двух категорий.

1. Боспорцев, захороненных в некрополе чужого города, с указанием демотикона (они существенны для понимания статуса городов, вошедших в состав Боспорского государства)¹⁵. Важен и сравнительный материал из-за пределов Боспора. Примерно с первой половины III в. до н.э. в различных документах и надгробиях фиксируется политоним «боспорит» (и ему подобные)¹⁶.

2. Иностранцев, по разным причинам оказавшихся на северо-востоке Понта (это характеризует направления и особенности взаимоотношений Боспора с другими регионами античного мира). Древнейшее надгробие — Филоксена, сына Келона, из Гелики, — происходит из Синдской Гавани¹⁷ и датируется концом VI — началом V в. до н.э. Пока это единственный известный нам памятник такого рода, относящийся к эпохе автономии полисов. Все остальные датируются временем с IV в. до н.э. и позднее. Принято считать, что в большинстве случаев иностранцы на Боспоре — торговцы или наемники¹⁸. Остальные надгробия иностранцев распределяются по времени следующим образом (см. табл. 2). Большая часть надгробий иностранцев приходится на IV — первую половину III в. до н.э. (17 из 19), из них к IV в. до н.э. относится не менее 14. В целом, эта статистика находится в соответствии с той периодизацией, что была намечена на базе других источников¹⁹.

Наконец, необходимо обратить внимание на списки имен (категория надписей, связанная исключительно с городами, имевшими полисный статус)²⁰, относящиеся к двум периодам: IV—III вв. до н.э.²¹ и I—III вв. н.э.²² Отсутствие списков II—I вв. до н.э. заставляет думать о каких-то переменах в общественной жизни, обусловивших эту лакуну. Отметим уникальность надписи IV в. из Гермонассы (КБН. 1056) и информативность агонистического каталога из Горгииппии (КБН. 1137), датированного временем не ранее конца IV — первой половины III в. Ономастические данные, содержащиеся в этих памятниках, важны для изучения социального состава населения городов, а последний документ еще и для характеристики взаимоотношений центральной власти и полиса в составе территориальной державы.

Особо отметим фрагмент псефизмы о взносах в казну I Афинского морского союза 425/4 г.²³ Этот документ (с привлечением данных Кратера — FHG. II. S. 617—622, цитируемых Гарпократионом: s.v. Νύμφαιον) содержит информацию о том, что между 425/4—410/9

Рис. 1. Декрет Перисада I с сыновьями в честь Дионисия Пирейца (КБН 1) из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 2. Постамент статуи с посвятельной эпитафией Левкона I Фебу-Аполлону из Лабриты (Семибратнее городище). 370–360-е годы до н.э. Анапский музей

(406/5) гг. до н.э. ряд боспорских полисов входил в состав Афинской архэ (в их числе азиатские — Киммерида, Патрей, Гермонасса (?); возможно, и другие).

Велика роль в исследовании политической жизни Боспора VI–II вв. до н.э. нумизматического источника. В ряде случаев это единственное надежное свидетельство автономного полисного статуса того или иного центра. Соответственно и утрата автономии, и монополизация монетного чекана в Пантикапее маркируют, с одной стороны, процесс инкорпорации гражданских общин в состав державы Спартокидов, с другой — само становление этой державы (процесс, в основном занявший последнюю декаду V — первую треть IV в. до н.э.). Сохранение в подконтрольной власти тиранов чеканке Пантикапея полисной легенды ΠΑΝ — ΠΑΝΤΙ, наряду с появлением нового типа лицевой стороны (голова сатира), — своего рода эмблемы правящего рода, — важный источник для реконструкции характера взаимоотношений этих двух важнейших элементов политической структуры государства. Новации в эмблематике, старт царской чеканки и возобновление чеканки меди в Фанагории после системного кризиса первой половины III в. до н.э. свидетельствуют о существенных переменах во внутривластной жизни государства. Чеканка монеты от имени архонта Гиgienонта (рис. 6) наряду с черепичными клеймами, содержащими в легенде его имя и титул, указывает на династический (и, может быть, политический) кризис на Боспоре позднеспартокидовского времени.

Синхронные исследуемой эпохе археологические памятники многочисленны и разнообразны. Раскопки городов, сельских поселений и могильников предоставляют материалы, которые, будучи систематизированы и проанализированы, содержат информацию о крупных процессах, характеризующих самые различные сферы жизнедеятельности населения Боспора, в том числе внешнюю и внутреннюю политику. Очевидно, что наиболее ярко и непосредственно в этом материальном источнике отразились те политические процессы, что связаны с военно-политическими событиями (следы военных разгромов, остатки фортификации, наличие оружия в погребальных комплексах

Рис. 3. Надгробие Эвалка, сына Леодика из Пантикапея (КБН 152). Конец V в. до н.э. ГЭ

Рис. 4. Надгробие Гедики, дочери Гордия из Пантикапея (КБН 184). Вторая половина IV в. до н.э. Керченский музей

Рис. 5. Надгробие Аполлония из Пантикапея (КБН 119). II—I вв. до н.э. ГЭ

и т.п.). Но не только. Масштабные изменения в политической и социальной области в ходе образования единого Боспорского государства нашли свое отражение в появлении статусных погребальных сооружений (прежде всего в каменных склепах с уступчатым перекрытием), принадлежавших новой элите боспорского общества, тесно связанной с правящей династией. Изменения в структуре землевладения и землепользования имели закономерным следствием соответствующие новации, отразившиеся в памятниках на сельской территории (резкий рост числа поселений, новая система межевания).

Перемены во внешнеполитических условиях, интенсивное сокращение хлебного экспорта, кризис финансовой сферы в первой половине III в. до н.э. находят соответствие в радикальной «перестройке» на хоре в Восточном Крыму (сокращается численность сельских поселений, меняется их тип, наблюдается отток оседлого скифского населения и пр.), в то время как Азиатский Боспор процветает.

С учетом того, что фонд археологических данных увеличивается наиболее динамично, характеризует многообразные стороны жизни боспорского общества на разных этапах его исторического пути, а свидетельства письменной традиции слишком малочисленны, отрывочны, роль этого источника в изучении политической истории Боспора все возрастает (это тем более важно учитывать применительно к тем отрезкам времени, которые характеризуются, по существу, полным отсутствием письменных источников).

Подводя итог краткому обзору источников, суммируем предварительные наблюдения. С точки зрения обеспеченности источниками, безусловно, выделяется период с последней декады V в. до н.э. до первой четверти III в. до н.э. (включительно). Мы уже отметили его соответствие исторической периодизации. Для его изучения имеются источники всех категорий, притом они представлены полнее, чем в другие периоды. Для предшествующего времени (VI–V вв. до н.э.) мы располагаем крайне немногочисленными и отрывочными данными письменных источников, практически отсутствуют эпиграфические документы, основную информацию об этом периоде мы получаем из анализа археологических памятников и местных чеканок. Во многом сходна характеристика завершающего периода (вторая четверть III – конец II в. до н.э.), но с той только разницей, что эпиграфических памятников неизмеримо меньше, чем в предшествующий период (отсутствуют полностью декреты), хотя все-таки имеются, а вот археологические памятники исследованы значительно слабее, чем более ранние²⁴.

В полной мере это относится, в частности, и к Азиатскому Боспору. Исследуя историю этого региона важно помнить, что включение его в состав единого государства Спартокидов наложило глубокий отпечаток на весь строй жизни здешнего эллинизма, не ограничиваясь только политикой. Так, хотя государство и не вторгалось прямо в религиозную сферу, можно говорить о распространении государственных культов (например, Аполлона Врача) на присоединенных территориях. Еще в большей мере это касается поземельных отношений (формирование так называемой «царской хоры») и социальной структуры (появление сословия, тесно связанного с центральной администрацией). Однако следует иметь в виду, что и влияние центров Азиатского Боспора на противоположный берег пролива тоже было весьма значительным. Если политический центр государства располагался в Пантикапее, то экономический фундамент его в первую очередь лежал к востоку от Киммерийского Боспора. Здесь же, очевидно, локализовался основной клин личных земельных владений правящей династии²⁵. Наконец, говоря о формировании единого политического (и экономического) пространства на Боспоре, нельзя забывать и о том, что относительная удаленность (изолированность) Азиатского Боспора от столичного центра играла немаловажную роль в сохранении полисного (автономного) самосознания, которое не умерло при Спартокидах и укрепилось в эпоху Митридата Евпатора.

Рис. 6. Статер архонта Гиgienонта. 210–200 гг. до н.э. Золото. ГИМ
а (лицевая сторона) — мужская голова, вправо;
б (оборотная сторона) — Афина на троне с копьем и щитом, влево; в правой руке Ника, монограммы в поле и под тронном; легенда: АРΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΝΟΝΤΟΣ

ПЕРИОД ПОЛИСНОЙ АВТОНОМИИ

(первая четверть VI в. — 410–406 гг. до н.э.)

1. Колонизация региона и становление полисов

Эллинская колонизация Боспора (первая — третья четверти VI в. до н.э.). Освоение греками территорий, примыкающих с востока к Боспору Киммерийскому (так, в противовес Боспору Фракийскому²⁶, называли совр. Керченский пролив), приходится на завершающий период Великой греческой колонизации. Не обсуждая здесь комплекс экономических и политических причин, побудивших колонистов покинуть метрополию и отправиться на поиски новой родины на северо-востоке Понта Евксинского²⁷, отметим лишь, что сильнейшим стимулом этой миграции стали последовательные завоевания Ионии лидийцами и персами. В соответствии с этими событиями исследователи выделяют этапы колонизационного движения восточных греков²⁸, которые в целом укладываются между началом VI в. до н.э. и второй половиной данного столетия. Это, конечно, не означает в принципе, что в более позднее время невозможно было основание новых апойкий, однако пока не известен ни один бесспорный случай, когда бы самостоятельный полис²⁹ на Боспоре был основан позднее третьей четверти VI в. до н.э. По-видимому, даже значительный приток населения после разгрома персами в 494 г. до н.э. Ионийского восстания не имел следствием появления новых апойкий: прибывшие колонисты вливались в состав уже существующих полисов в качестве эпойков, как, вероятно, было, например, в Фанагории, городская территория которой в это время увеличилась почти в два раза³⁰. Причина этому, видимо, состояла в том, что к последней четверти VI в. до н.э. фонд незанятых земель, пригодных для основания колоний в районе Боспора Киммерийского, в основном был исчерпан. Отражением этого явления на Таманском полуострове (Азиатский Боспор) стало удвоение (по сравнению с третьей четвертью VI в.) числа населенных пунктов на внутренних (сельских) территориях в последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. (что невозможно объяснить только демографическими процессами) и связывается исследователями с притоком населения извне³¹. Но дело не столько в том, что свободных земель не было «физически» (например, в Восточном Крыму степень освоенности хоры в разы уступала тому же показателю на Таманском полуострове³²), сколько в том, что еще не освоенные полностью территории были поделены между основанными ранее полисами.

Во второй четверти VI в. до н.э.³³ происходит массовая колонизация берегов Киммерийского Боспора³⁴. На Азиатском берегу милетянами³⁵ были основаны Кепы (Ps.-Scymn. Per. 886–889; Ps.-Arr. PPE. 74); ионийцами, по-видимому, при участии эолийцев — Гермонасса (Dion. Per. 541–553 = Eust. Comm. in Dion. 549); а также Патрей, Корокондама (см. рис. 7), Киммерида, Ахиллий и, быть может, другие³⁶, метрополии которых не известны.

Самостоятельный полисный статус ряда поселений (так же, как Мирмекия и Тиритаки в Восточном Крыму³⁷) не вполне доказан. Важно подчеркнуть, что в дискуссии о статусе боспорских апойкий, развернувшейся в последние годы³⁸, необходимо учитывать, что в принципе некоторые апойкии, возникшие в ходе Великой греческой колонизации, со временем могли утратить полисный статус или даже вовсе прекратить свое существование³⁹, а сведения об их

основании не сохраниться до наших дней. Реальная проблема исследования этого вопроса состоит в том, что решать его приходится исключительно на археологических источниках, а остатки поселений раннего периода, как правило (если не брать крупнейших центров), незначительны, и их интерпретация не всегда может быть однозначной. В то же время имеются попытки обосновать первоначальный статус поселения как апойкии, возникшей в ходе эллинской колонизации региона. Так, Н.И. Сударев приводит аргументы в пользу того, что по крайней мере во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. поселение «Береговой 4» (на западе Фонталовского полуострова) имело статус «первичной» апойкии⁴⁰. В любом случае эта проблема не может считаться решенной.

В третьей четверти VI в. до н.э., на завершающем этапе колонизации Боспора, в глубине современного Таманского залива теосцами была

Рис. 7. Схематическая карта Боспора Киммерийского с указанием главных центров

основана Фанагория (Ps.-Scymn. Per. 886—889; Eust. Comm. in Dion. Per. 549 (со слов Арриана), ср.: Ps.-Arr. PPE. 74)⁴¹, а к юго-востоку от Киммерийского Боспора в современной Анапской бухте — Синдская Гавань⁴².

В первый период своего существования боспорские колонии были весьма невелики (едва ли больше нескольких гектаров⁴³), а численность населения каждой, скорее всего, не превышала нескольких сотен человек⁴⁴. Возможно, в этом отношении несколько выделялась Фанагория, в которую выселилась часть гражданской общины Теоса под натиском персов (Herod. I. 168)⁴⁵.

Первые десятилетия поселения греков были не только малы, но и, судя по всему, не отличались благоустройством. В последнее время получила распространение точка зрения, будто лет 70—80 поселенцы вообще не знали наземного домостроительства и ютились в землянках и полуземлянках⁴⁶. Эти представления подверглись острой критике со стороны В.Д. Кузнецова, попытавшегося найти объяснение отсутствию следов ранних наземных домов в плохой сохранности архаического культурного слоя и методических просчетах археологов⁴⁷. Действительно, трудно подыскать приемлемое обоснование тому, что, перебравшись жить в Северное Причерноморье, греки «забыли» традиции домостроительства, усвоенные ими в метрополии, и предпочли наземным сооружениям землянки⁴⁸. Пожалуй, ссылки на простоту и дешевизну сооружения последних, их якобы большую приспособленность к более суровым климатическим условиям и на влияние местных, варварских традиций носят слишком общий характер и не имеют доказательной силы. Вместе с тем, видимо, следует признать, что собственно урбанистические структуры (города) формируются лишь спустя 2—3 поколения после того, как новая апойкия была основана. Сколько-нибудь убедительное объяснение этому факту еще предстоит найти, однако уже сейчас ясно, что следует избегать односторонней абсолютизации фактов: на Боспоре с третьей четверти VI в. до н.э. известны как остатки наземного домостроительства (например, в Фанагории или в Торике), так и «землянки» и «полуземлянки» (возможно, не только хозяйственного, но и жилого назначения).

Отмеченная проблема тесно связана с особенностями характера и темпов колонизации региона и демографии. Глубоко закономерным выглядит тот факт, что, по существу, исчисляя возраст ранних апойкий (по древнейшим образцам керамики) с первой половины VI в. до н.э., мы обнаруживаем на памятниках самые ранние слои и строительные остатки лишь с третьей четверти этого столетия⁴⁹. В подавляющем большинстве случаев — это остатки углубленных в материк конструкций и ям. Из этого, кажется, можно сделать только один вывод: следы жизни предшествующего периода остаются неизвестны, помимо разрозненных находок. Объяснить такую ситуацию, видимо, можно тем, что параметры самих поселений и численность населяющих их людей были несоизмеримы по сравнению со второй половиной столетия, когда боспорские полисы переживают «демографический взрыв», обусловленный, с одной стороны, внешними для них причинами (в метрополии), а с другой — успешным преодолением первого этапа освоения северопонтийских территорий, имевшего своего рода разведывательно-организационный характер.

Конституируясь изначально как полис, апойкия проходила и период генезиса социально-политических структур, но судить об этом процессе при

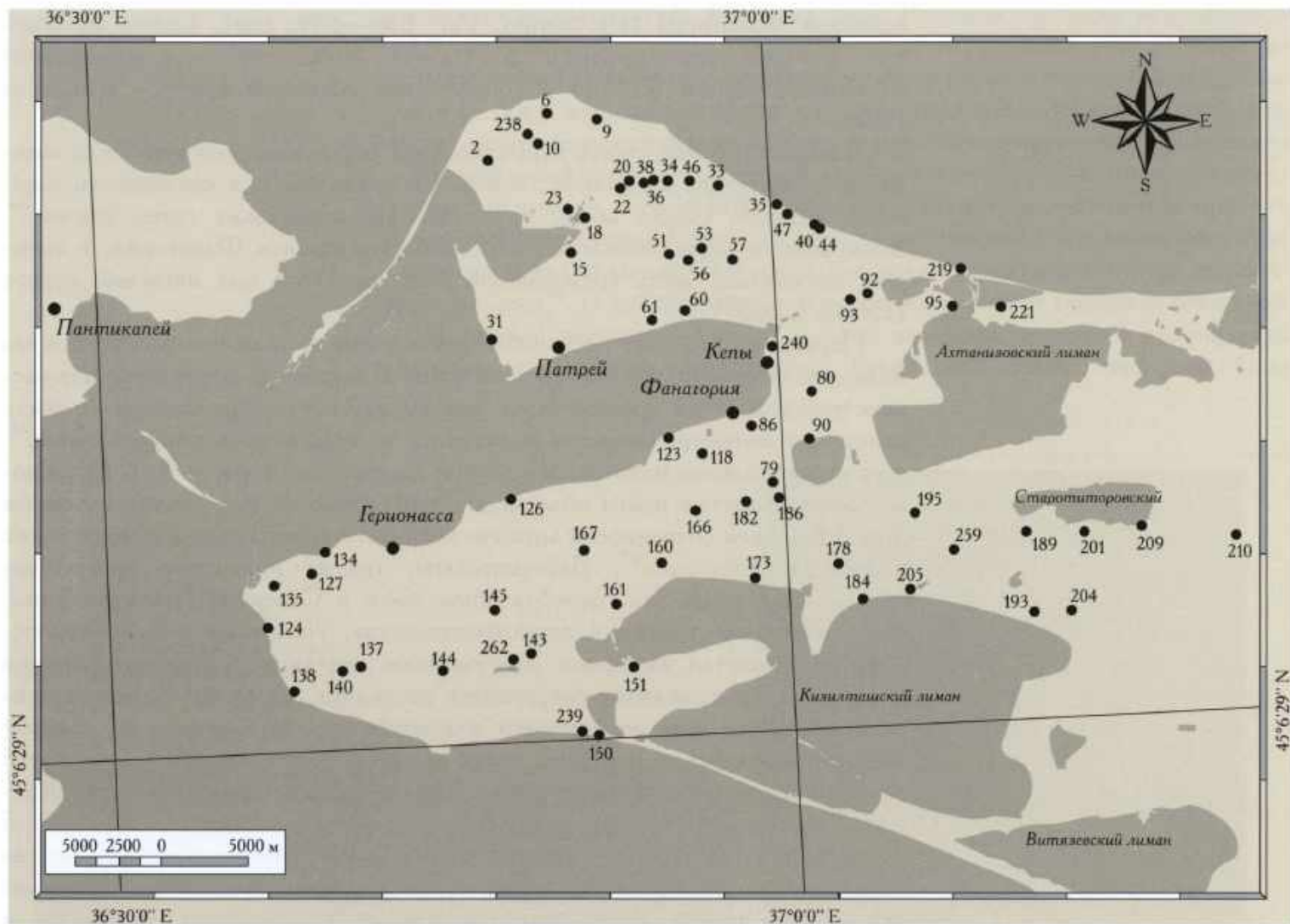

Рис. 8. Освоение греками Таманского полуострова в последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. (Паромов, 1993)

отсутствии письменных свидетельств мы не можем. Характерно, что в целом период становления урбанистических структур совпадает с завершением колонизации региона⁵⁰. И тогда же появляются первые сельские «поселения» на Таманском полуострове, которых сейчас известно около 25⁵¹.

Что касается этнополитической ситуации в районе Боспора Киммерийского накануне и в период его колонизации⁵², то принято считать доказанным, будто ко времени миграции на Боспор греков здесь отсутствовало сколько-нибудь значительное по численности оседлое местное население (хотя реликтовые остатки племен эпохи бронзы могли еще здесь обитать)⁵³. Древнейшие погребальные памятники скифов последней четверти VII — начала VI (Темир-Гора) — второй четверти — середины VI в. до н.э. (Цукурский лиман)⁵⁴, при сопоставлении их со свидетельством Геродота (IV. 28) о военных или сезонных миграциях номадов через пролив по льду в Синдику, позволили высказать мнение, что территории, примыкающие к Киммерийскому Боспору, входили в зону земель, контролируемых скифами⁵⁵.

В той же связи исследователи ссылаются на данные Стефана Византийского (s.v. Παντικάπειον) о том, что земли для основания Пантикапей были получены от скифского царя Агаэта, а также на свидетельство Ксенофонта (вложенное в уста Сократа) о господстве скифов над местами

(Хеп. Метог. II. 1. 10). Страбон же (XI. 2. 5) сообщает, что скифы в свое время изгнали из этих мест киммерийцев, а греки, основавшие Пантикапей и другие города, в свою очередь вытеснили скифов. Необходимо вслед за А.А. Масленниковым⁵⁶ подчеркнуть, что утверждение господства скифов и хозяйственное освоение ими (в форме сезонных кочевий) и основание первых эллинских апоекий по берегам Боспора приходится примерно на одно и то же время.

Сложность оценки этнополитической ситуации на Боспоре в период колонизации обусловлена, с одной стороны, отрывочностью и, часто, хронологической неопределенностью сведений письменной традиции, а с другой — тем, что «варварские» памятники интересующего нас периода буквально единичны; античные же ранее третьей четверти VI в. до н.э. представлены исключительно немногочисленной группой ранних находок (керамики) при почти полном, как уже говорилось, отсутствии синхронных слоев и строительных остатков. Таким образом, мы, по существу, лишены возможности судить об отношениях греков и варваров на Боспоре в первые полвека с начала колонизации региона.

Судя по тому, что колонии в первый период своего существования успешно росли и развивались, можно предполагать, что в целом их отношения

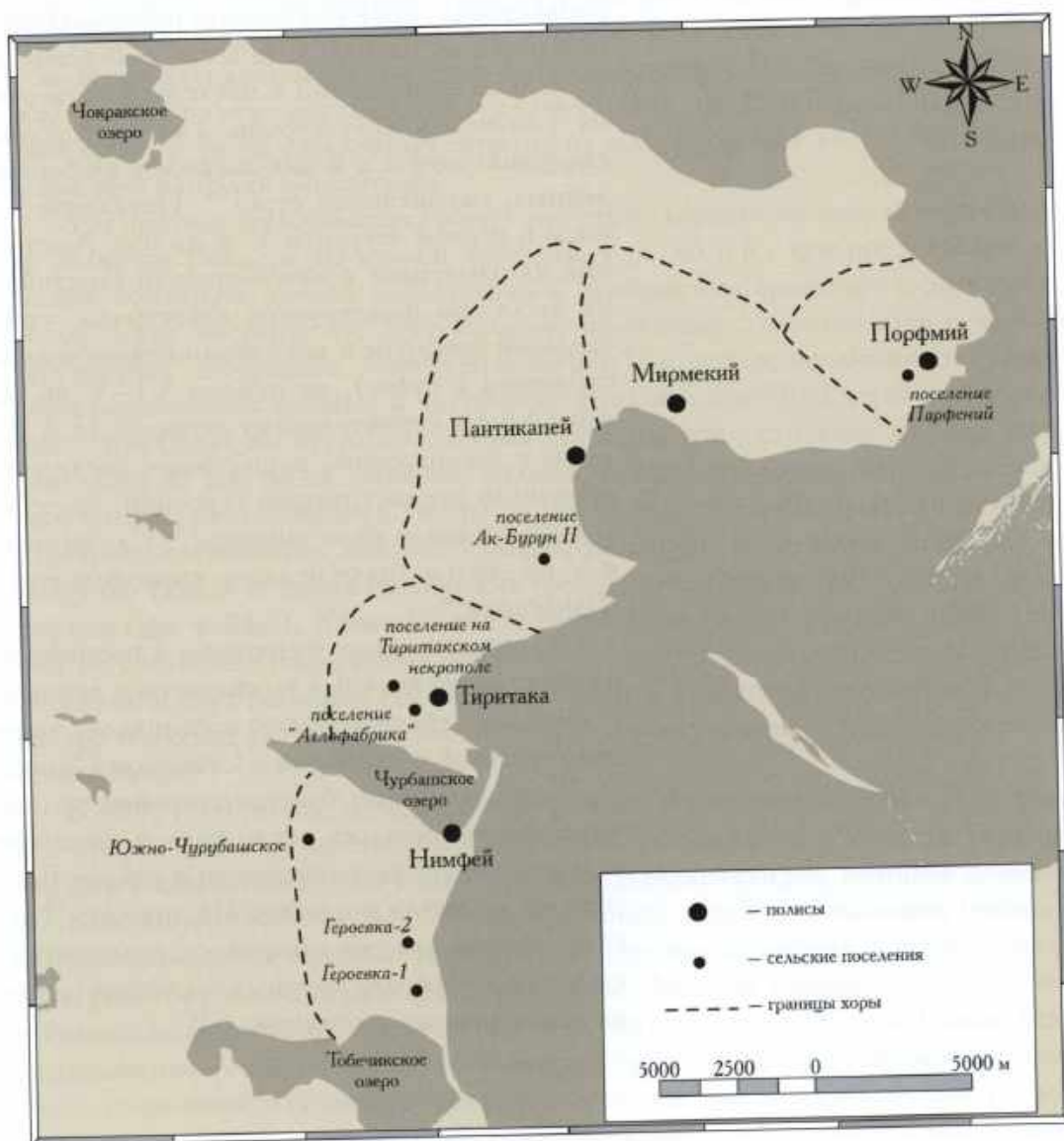

Рис. 9. Освоение греками Восточного Крыма в последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. (Зинько, 2007)

со скифами строились более или менее бесконфликтно, хотя потенциальная угроза со стороны кочевников, видимо, была постоянным фактором жизни колонистов⁵⁷. Если же этот важный факт сопоставить с обнаруженными следами пожара и наконечниками стрел в ямах третьей четверти VI в. до н.э. в Кепах⁵⁸, то оценивать военно-политические условия обитания греков в области Боспора Киммерийского на раннем этапе следует с большей осторожностью.

Заключительный отрезок данного этапа истории (*последняя четверть VI в. — ок. 480 г. до н.э.*) Боспорского региона характеризуется «внутренней колонизацией» — дальнейшим освоением греками как Восточного Крыма, так и (особенно интенсивно) Таманского полуострова. Процесс этот, вероятно, стимулировался не только естественным (внутренним) приростом населения, но и притоком эпейков из Ионии особенно после подавления персами Ионийского восстания в 494 г.

На Таманском полуострове в это время происходит сплошное освоение хоры городов (видимо, тогда же начинается массовый экспорт пшеницы с Боспора в Элладу (см.: Herod. VII. 147: 480 г. до н.э.))⁵⁹: вместо 26 поселений третьей четверти VI в. к данному периоду относят 59⁶⁰ (см. рис. 8). Иначе этот процесс протекал в Восточном Крыму⁶¹ (см. табл. 4 и рис. 9)⁶². Это различие объясняется исследователями «постоянным давлением со стороны степи», что и обусловило преобладание в Восточном Крыму «укрепленных пунктов, расположенных на побережье»⁶³.

Следы разрушений в последней четверти VI в. до н.э. зафиксированы и на Таманском полуострове. Так, на городище Патрей (в горизонте гибели сырцовых домов и в яме-погребке с амфорами) найдены, хотя и немногочисленные, наконечники стрел⁶⁴. Поселение «Торик» было оставлено населением в первой четверти V в. до н.э. Хотя следов насильственных разрушений на памятнике в завершающий (третий) строительный период выявлено не было, но фиксируется катастрофа, сопровождающаяся разрушениями, сильным пожаром и находками наконечников стрел (один из них найден застрявшим в стене), на рубеже VI—V вв. до н.э., которая предшествовала финальному строительному периоду. Н.А. Онайко связывала разгром поселения с «варварским» нашествием, после которого население ранней апейки произвело реконструкцию строений, но через два—три десятилетия окончательно оставило свои жилища⁶⁵. Следы разрушений не позднее рубежа VI и V вв. до н.э. были недавно выявлены при раскопках на «Верхнем городе» Фанагории⁶⁶.

Археологические материалы Европейского Боспора⁶⁷ также указывают на обострение военных конфликтов в данный период в результате вторжения с востока очередной волны кочевников, приведшего к дестабилизации этнополитической обстановки в Северном Причерноморье⁶⁸.

Таким образом, благодаря новым археологическим исследованиям значительно увеличилось число фактов, недвусмысленно указывающих на нарастание военной напряженности в районе Боспора Киммерийского. О том же говорит и анализ погребений с оружием⁶⁹ (см. табл. 5, 6). Однако в то же самое время, как уже говорилось, отмечается оформление градостроительных структур в наиболее крупных греческих центрах по обе стороны пролива, рост их экономического потенциала⁷⁰.

2. Полисная автономия:

**враги и союзники, поиски новых политических форм
(480/479 — ок. 410/406 гг. до н.э.)**

На рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э. (ок. 480—470-е годы) происходит общая дестабилизация внешнеполитической обстановки. Отражением этого являются разрушения на поселениях сельской округи и в некоторых городах⁷¹ и вместе с тем строительство оборонительных сооружений в Восточном Крыму (Порфмий, Тиритака, Мирмекий, Пантикапей)⁷².

В центральной части городища Фанагории во второй четверти V в. до н.э. фиксируется основательная перестройка, при которой одновременно засыпаются котлованы подвалов и ямы, в заполнении которых найдены бронзовые наконечники стрел. О нарастании военной угрозы говорит и статистика погребений с оружием в некрополях боспорских городов по обе стороны от пролива (см. табл. 5, 6): именно на вторую четверть столетия приходится пик их численности (хотя и в разных для обоих регионов пропорциях к общей численности возросшего населения).

Все эти события и процессы исследователи связывают с угрозой со стороны Скифского царства, активизировавшего давление на греческие города⁷³. Данное представление получило широкое распространение, однако в последнее время все чаще раздаются критические замечания в адрес концепции «скифской экспансии» на Боспор и ее последствий⁷⁴. В то же время продолжается рост количества сельских поселений. Так, на Таманском полуострове фиксируемое число населенных пунктов на хоре достигает 74⁷⁵. Почти вдвое вырастает площадь Фанагории⁷⁶.

Эти противоположные по своему значению характеристики исторического развития Боспора во второй четверти V в. до н.э., как представляется, можно объяснять только недостаточной дробностью археологических датировок. Судя по тому, что погребальные памятники⁷⁷ и памятники сельской территории⁷⁸ в середине — третьей четверти V в. до н.э. отражают состояние демографического кризиса и частичного упадка в освоении хоры по сравнению с предыдущим периодом, вторая четверть этого столетия должна быть разделена на две фазы: *раннюю*, видимо, предшествующую непосредственным боевым столкновениям (когда, вопреки нарастающей угрозе со стороны варваров, сохранялись поступательные тенденции в развитии Боспора), и *позднюю* (когда в жизни боспорских греков прослеживаются отрицательные последствия войны). Конечно, такое разделение весьма условно, поскольку оно не учитывает конкретных различий в судьбах не только отдельных полисов, но и двух регионов (Восточный Крым и Таманский полуостров), хотя анализ воинских погребений вполне определенно указывает на их существенные отличия⁷⁹.

В 480/79 г. до н.э. вследствие внутренних и внешних причин в Пантикапее происходит государственный переворот: устанавливается власть тиранического («династического») типа — власть Археанактидов, которые правили 42 года (Diod. XII. 31. 1). Эту дату принято считать начальным пунктом в образовании Боспорского государства. Оценки характера и первоначальных размеров этого образования различны. Многие ученые полагают, что с самого начала это был достаточно монолитный военный союз (симмахия) большинства (если не всех)⁸⁰ боспорских полисов по обе стороны от пролива, созданный для отпора скифской агрессии⁸¹, власть в котором (пользуясь правами «стратега-автократора») «вскоре» узурпировал некий Археа-

накт. Со временем, правда, некоторые полисы (Нимфей, Феодосия) ввиду узурпации власти в объединении пантикапейскими тиранами от него отпали⁸². Однако было высказано и мнение, что в 480 г. до н.э. Археанактиды установили тиранию над Пантикапейским полисом и его округой, а процесс складывания единого государства растянулся на долгие годы⁸³, притом в решающую фазу он вошел в период правления Сатира I и завершился только при Левконе I⁸⁴.

Разногласий почти⁸⁵ не вызывает лишь мнение, что предшественники Спартокидов заложили первый камень в фундамент боспорской монархии (хотя бы речь шла о том, что границы подвластного им государства не выходили за пределы одного полиса или *симполитии* Пантикапея и нескольких соседних с ним небольших общин). Вероятно, был прав Ю.Г. Виноградов, указывая на то, что тирания Археанактидов возникла на основе власти «стратега-автократора» (или иной подобной экстраординарной должности) в условиях обострения внешней угрозы, к которой мог добавиться и внутривластный кризис, обусловленный притоком эпейков после разгрома Ионийского восстания в 494 г. до н.э. При решении этого вопроса, не имея письменных свидетельств, можно оперировать лишь общими аналогиями, характеризующими механизмы становления тиранических режимов в классический период (например, в Сицилии).

В конце второй — начале третьей четверти V в. до н.э., как принято было до недавнего времени считать⁸⁶, ситуация на Боспоре стабилизируется⁸⁷. Легко заметить, что эти проявления мирной жизни и относительного благополучия имеют отношение к Боспору Европейскому. Благоприятные же условия развития Азиатского Боспора аргументировались главным образом стабилизацией численности сельских поселений на Таманском полуострове: если вторая четверть V в. характеризуется исследователями как «новая ступень в развитии системы расселения на Таманском полуострове... при сохранении тенденций, заложенных на более ранних этапах», то, вторая половина V в. в целом определяется «...как период стабилизации и развития исследуемой системы расселения»⁸⁸. Однако более детальный анализ датированных материалов позволяет усомниться в адекватности полученной ранее картины на сельской территории к востоку от пролива: для второй четверти V в. до н.э. фиксируется 74 памятника, для третьей четверти — 55, для последней — 43. Соответственно динамика численности сельских поселений Азиатского Боспора приобретает совершенно иной вид (табл. 4)⁸⁹. В сопоставлении с данными погребальных памятников можно говорить о частичном редуцировании хоры и даже о возможности перемещения населения в крупные города⁹⁰.

Этим же периодом датируются Старшие Семибратние курганы в низовьях Гипаниса (Кубани)⁹¹. Геродот (IV. 28) сообщает о зимних переходах скифов по льду пролива в Синдику, однако неизвестно, синхронны ли этому сообщению сами описываемые «отцом истории» события⁹². Исходя из хронологического распределения скифских памятников в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, можно, вероятно, поддержать мнение Ю.А. Виноградова о соотносимости этого свидетельства с событиями предшествующего периода⁹³.

В рассматриваемый отрезок времени, как считает ряд исследователей, в Пантикапее под эгидой храма Аполлона начинается чеканка серебряной монеты с легендой АПОΛ⁹⁴. Ее рассматривают как чеканку союза боспорских полисов, который возник ввиду скифской угрозы⁹⁵. Необходимо, однако,

подчеркнуть, что ни «союзный характер» этой монеты, ни конкретное место ее чеканки на Боспоре не могут считаться надежно установленными фактами. Напротив, предположение, что на монетном дворе Пантикапея наряду с полисной производилась чеканка еще и союзной монеты, кажется, не находит аналогий. С другой стороны, статистика монетных находок однозначно указывает на преобладание ее распространения на Таманском полуострове и даже позволяет ставить вопрос об эмиссии монет на Азиатском Боспоре⁹⁶. Чеканка серебра невыясненным центром под эгидой Аполлона продолжалась в пределах середины — третьей четверти V в. до н.э.⁹⁷

В 438/37 г. к власти в Пантикапее приходит основатель новой династии Спарток I (Diod. XII. 31. 1)⁹⁸. Через год-два в Понт (и на Боспор в частности) с эскадрой прибывает Перикл, чтобы сделать для «эллинских городов все, что им было нужно... а окрестным варварским народам, их царям и династам» продемонстрировать мощь Афин (Plut. Per. XX), т.е. обустроить дела в регионе в соответствии с интересами самих Афин⁹⁹.

Боспор между Афинами и Гераклеей: поляризация сил (ок. 437/436—410/406 гг. до н.э.). По-видимому, под воздействием экспедиции Перикла ряд боспорских городов вступает в I Афинский морской союз: Нимфей¹⁰⁰; на Таманском полуострове — Патрей, Гермонасса (?), Киммериды¹⁰¹; ... (IG I². 63; ATL. 1. P. 116 (A 9, № 38, 39); МИС. 1: 425/4 г.)¹⁰².

В этих обстоятельствах на Азиатском Боспоре¹⁰³, в Синдике, первоначально при покровительстве Афин¹⁰⁴ начинается чеканка серебряной монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Ее обычно, на основании легенды, приписывают племени синдов¹⁰⁵. Были высказаны мнения, что эта монета чеканена Синдской Гаванью (Синдиком)¹⁰⁶ и что монета с надписью ΣΙΝΔΩΝ принадлежала союзу греческих полисов в Синдике¹⁰⁷. Два последних взгляда встречают серьезное препятствие орфографического свойства в чтении легенды¹⁰⁸, поскольку на монете написано «синдов»¹⁰⁹. Отнесение же чеканки к племени синдов вызывает едва ли преодолимые вопросы как типологического¹¹⁰ и исторического характера¹¹¹, так и сомнения, обусловленные беспрецедентностью чеканки монеты от имени «(народа) синдов», тем более при наличии у них сильной царской власти¹¹². Оставляя в стороне окончательное решение данной проблемы, отметим присутствие в регионе некоего субъекта, плотно включенного в политические перипетии на Боспоре последней трети V в. до н.э.¹¹³ Примечательно, что даже в крупнейшем полисе Азиатского Боспора, Фанагории, собственной чеканки в это время пока не было (в городе строятся оборонительные стены¹¹⁴). По-видимому, эта нумизматически фиксируемая ситуация как-то связана с относительным упадком хозяйственной жизни и демографических показателей на греческих территориях к востоку от пролива (табл. 4—6).

Между 410 и 406 гг. до н.э. происходит резкое изменение внешнеполитических ориентиров: Афины и Пантикапей заключают союз¹¹⁵. Именно с этого времени источники фиксируют активную торговлю боспорским хлебом¹¹⁶. Вероятно, эта метаморфоза отразилась в смене символики монетных типов¹¹⁷: на «синдских» (3-я серия) появляется «голова Геракла (на триоболе с восьмилучевой звездой)», и та же символика чеканится на монетах Гераклеи Понтийской (несколько позднее ее символы будут чеканиться на монетах Фанагории и Феодосии¹¹⁸).

Смена внешнеполитических партнеров, видимо, развязала руки агрессивной пантикапейской тирании, прежде скованные патронажем Афин над членами I Морского союза. Между 410—405 гг. до н.э. Сатир I захватил

Нимфей¹¹⁹ (это событие служит точкой отсчета в процессе образования политического ядра государства Спартокидов — «Боспора»). После этого завоевательные планы сына Спартока были устремлены через пролив, на Таманский полуостров.

II. БОСПОР — ДЕРЖАВА СПАРТОКИДОВ

(конец V — II в. до н.э.)

1. Ранние Спартокиды.

Становление, упрочение и развитие единого государства
(около 410/406 г. — начало III в. до н.э.)

Формирование ядра Боспорского государства: от захвата Нимфея до смерти основателя державы (ок. 410/405—393/2 гг. до н.э.)¹²⁰. В течение полутора десятилетий, но, скорее всего, лет 5—10, пантикапейский тиран подчинил своей власти полисы азиатской части региона (кроме Синдской Гавани¹²¹). Строго говоря, определить последовательность завоевания Спартокидами полисов Боспора можно лишь приблизительно, опираясь на открытые археологические следы военных разрушений, там, где они фиксируются (Фанагория, Синдская Гавань) в совокупности с прекращением чеканки автономной монеты в центрах, которые ее чеканила (Нимфей, Фанагория, Феодосия). Только в редких случаях хронологическим ориентиром служат сведения письменной традиции (Aesch. III. 171—172; Naugros. s.v. Νύμφαιον; Plut. Dem. 4: о падении Нимфея и власти Сатира над Кепами). О конкретных обстоятельствах этого процесса можно судить лишь в общих чертах, опираясь на исторические параллели¹²².

Около 410/05—400 гг. до н.э. прекращается чеканка «синдской» монеты, т.е. примерно на четверть века раньше покорения племени синдов Левконом I¹²³. Попытка Ф.В. Шелова-Коведяева¹²⁴ «закрыть» эту хронологическую лакуну имеет чисто умозрительный характер. С.Р. Тохтасьев¹²⁵, ссылаясь на новеллу Полиена (VIII. 55) и посвящение Левкона I с Семибратнего городища, объясняет данный факт политическими сложностями, возникшими в синдском царском доме в первой четверти IV в. до н.э. В самом конце V (ок. 405—400 гг.) или в первые годы IV в. до н.э. чеканит свою монету (две серии) Фанагория¹²⁶. Но вскоре город был захвачен войсками Сатира I, городские стены его демонтированы, в южной части городища повсеместно прослеживаются слои пожарища с находками бронзовых наконечников стрел¹²⁷.

В начале IV в. до н.э. (ок. 400—393/2 гг. до н.э.) археологически прослеживаются следы военных действий на ряде поселений Боспора: в азиатской части — в Синдской Гавани¹²⁸; в европейской — на мысе Зюк¹²⁹, в Феодосии¹³⁰, в Мирмекии¹³¹. Фиксируя эти следы более или менее синхронных событий на разных памятниках Боспора, явно связанных с военной дестабилизацией в регионе, мы, однако, совершенно лишены возможности обоснованно интерпретировать их с содержательной стороны. Очевидно, например, что разрушения на Анапском городище не могут быть связаны с происходившими в Восточном Крыму событиями.

В последние годы жизни Сатир I начинает военные действия против Феодосии¹³² (Ulp. Schol. ad Dem. XX. 33; Naugros. Lex. s.v. Θεοδοσία), во время которых тиран умирает (Diod. XVI. 31, 6; Polyae. VIII. 55; Naugros s.v. Θεοδοσία)¹³³. Но незадолго до смерти Сатир I¹³⁴ вмешивается в дела Синди-

ки, поддерживая своего ставленника на престол Гекатея и устраивает династический брак с ним своей дочери, однако терпит в этом неудачу. Превенция супруга Гекатея, Тиргатао, после покушения на ее жизнь организует при поддержке иксаматов военную экспедицию против Боспора. Очевидно, речь идет об азиатских владениях Спартокидов (однако исследователям пока не удастся уверенно выделить следы разрушений в культурных слоях на памятниках Азиатского Боспора, быть может, исключая Синдскую Гавань). Сыну Сатира Горгиппу с трудом удастся замирить варваров при помощи даров (Polyae. VIII. 55)¹³⁵.

Итак, к моменту кончины Сатира, сына Спартока, пантикапейская тирания вследствие своей успешной в целом агрессивной внешней политики вышла за рамки полиса, породившего этот монархический режим, и подчинила своей власти соседний Нимфей, а также города, располагавшиеся на противоположном берегу пролива. Видимо, не случайно именно там, недалеко от Патрея, был возведен монумент в честь побед этого правителя (Strab. XII. 2. 7)¹³⁶.

Становление территориальной державы («Боспор и Феодосия») и «архонтата» Спартокидов (от восшествия на престол Левкона I до завоевания Феодосии — ок. 393/2 — ок. 366/364 гг.). Как справедливо отметил Ф.В. Шелов-Коведяев, политика, проводившаяся Левконом I в начале его правления, потребовала крайнего напряжения сил всего государства, «т.е. всех его подданных, огромных финансовых и материальных затрат. К тому же она разворачивалась на фоне осложнившегося международного положения Боспора, вызванного конфликтом с Гераклеей»¹³⁷.

После смерти Сатира Левкон I продолжил войну за Феодосию, на стороне которой (с 386 г.)¹³⁸ выступила Гераклея Понтийская¹³⁹ (Polyae. V. 23; VI. 9. 3—4; Ps.-Arist. Oec. II. 2. 8). В ходе военных действий гераклеоты приняли высадку десанта в различных местах Боспора (Polyae. VI. 9. 4). Разрушения этого времени сельских поселений (и их последующая перестройка) фиксируются в Восточном Крыму¹⁴⁰ и, вероятно, на хоре Феодосии¹⁴¹, а также в городских центрах этого региона¹⁴². Трудно не заметить, что предполагаемые следы упомянутых событий локализуются почти¹⁴³ исключительно к западу от пролива. Велик соблазн объяснить этот факт сепаратистскими настроениями в недавно завоеванных городах Азиатского Боспора (если не говорить о возможности прямого сговора с противником Левкона I?). Однако эта далеко идущая догадка, во-первых, не находит какого-либо подтверждения в других источниках¹⁴⁴, а во-вторых, должна будет корректироваться по мере дальнейших исследований археологических памятников и, быть может, новых эпиграфических находок.

В ходе войны с Гераклеей Левкон I успешно использовал силы наемных воинов и скифских лучников (Polyae. 9. 4; Aen. Tact. V. 2). Одновременно ему удалось справиться с внутренней оппозицией, которая оживилась в затруднительных для тирании условиях войны (Polyae. VI. 9. 2—4). Испытывая острый дефицит денежных средств, тиран начал проводить унификацию денежного хозяйства (вводится новый тип аверса — «голова сатира» — эмблема Спартокидов)¹⁴⁵, одновременно пополняя казну серебром (Polyae. VI. 9. 1)¹⁴⁶.

Феодосия выпускает последнюю серию медной монеты с «гераклеями» типами¹⁴⁷, однако ок. 366—364 гг. (terminus ante quem 355 г. — Dem. XX. 33; Polyae. V. 44. 1) город вынужден был покориться силе Левкона I¹⁴⁸.

На этот же период¹⁴⁹ приходится значительный рост числа сельских поселений Боспора¹⁵⁰. Говоря о резком росте числа сельских поселений, следует

отметить, что решение вопроса о темпах их роста на Азиатском Боспоре еще весьма далеко от необходимой точности.

«Золотой век» Спартокидов (ок. 366//364–304/3 гг. до н.э.). Завоевав Феодосию, Левкон I провозгласил себя «архонтом Боспора и Феодосии»¹⁵¹. Когда-то исследователи связывали титул «архонт» у Спартокидов с полисной традицией¹⁵², однако Ю.Г. Виноградов доказал¹⁵³, что этот титул обозначает властвование не над одним полисом, а над более обширным территориальным государством¹⁵⁴. Правда, исследователь считал, что титул «архонт Боспора» перешел к Спартокидам в наследство от Археанактидов, но это предположение не находит подтверждения в источниках. Напротив, титулатура впервые фиксирует формулу, отражающую «архонтскую» власть над «Боспором и Феодосией» одновременно. Это и позволило предположить, что до захвата Феодосии говорить о Боспоре как о «территориальном» государстве не следует. До этого момента Спартокиды (Сатир I — Левкон I) не были «архонтами» (а по сути дела — тиранами¹⁵⁵) своего рода «мегаполиса» или симполитии (Пантикапей — Боспор), инкорпорировавшей в свой состав другие, присоединенные силой гражданские общины¹⁵⁶ (на правах, условно говоря, «демов»). Вопрос о статусе полисов в составе державы Спартокидов должен рассматриваться отдельно. Важно подчеркнуть, что их политико-правовое положение на данном отрезке времени находилось в процессе становления, а не было чем-то раз и навсегда определенным. В полной мере это относится и ко всей политико-административной структуре Боспорского государства.

Дальнейшее расширение и модификация титулатуры Левкона I отражает этапы территориальных приобретений боспорского тирана и эволюцию характера его власти, структурирование государства. Важнейший документ, фиксирующий инициативу Левкона I вскоре после покорения Феодосии, был найден на Семибратнем городище¹⁵⁷. По мнению С.Р. Тохтасьева¹⁵⁸, Левкон под благовидным предлогом (устранение узурпатора власти законного синдского царя) приступил к аннексии Синдики. Вскоре (или, напротив, несколько раньше) была завоевана Синдская Гавань и на ее месте (первоначально рядом) основана Горгиппия, названная так в честь среднего брата Левкона I, Горгиппа¹⁵⁹.

Другой замечательный эпиграфический памятник — посвящение Теопротида сына Мегакла Дионису (рис. 10), найденный недавно в Нимфее¹⁶⁰, свидетельствует о дальнейших территориальных приобретениях Левкона I, который титулован здесь «архонтом Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев, псессов». Следует обратить внимание на то, что изначальное распространение архонтской (а не «царской», как позднее) власти Левкона на «варварские» племена Прикубанья позволяет отвергнуть предположения о том, что он заимствовал царский титул «у варварского правителя»¹⁶¹. Территориальное понятие «вся Синдика», встречающееся только

Рис. 10. Карниз пропилона с посвящением Мегакла сына Теопротида Дионису из Нимфея. Вторая четверть IV в. до н.э. Керченский лапидарий

в этой надписи, может быть понято при сопоставлении, с одной стороны, с понятием «весь Боспор» (используемом в декретах ранних Спартокидов)¹⁶² и последующей формулой титулатуры Левкона I в посвящении КБН 6а, где он назван «архонтом [Боспора и Фео]досии [и синдов], царствующим над торетами, дандариями, псессами» — с другой.

До находки нимфейского документа полагали, что посвящение КБН 6а — либо ошибка резчика¹⁶³, либо свидетельство того, что «...синды... здесь поставлены на одну доску с Боспором и Феодосией, а не с торетами, дандариями и псессами...»¹⁶⁴. Теперь же стало очевидным, что территория «синдов» титулатуры, наряду с остальной частью Синдики, занятой греческими городами в Синдике (или только Синдской Гаванью?), составляли понятие «всей Синдики». Дальнейшая дифференциация власти над греками (архонтская) и «варварами» (царская) привела к тому, что эллинская часть Синдики была «поглощена» понятием «Боспор», а «варварская» (синдская) сначала, в виде своего рода рудимента (или ввиду особого значения?), осталась под архонтской властью, а затем (КБН 6, 1037, 1038, 8) заняла место среди прочих варварских общин. Таким образом, параллельно с покорением меотских племен в Прикубанье шло становление политико-административной структуры Боспорского государства¹⁶⁵.

В этот период¹⁶⁶, как говорилось, на внутренних территориях Восточного Крыма появляются «деревни»; продолжается рост численности сельских поселений на Таманском полуострове. Левкон I, будучи, по словам Демосфена (Dem. XX. 30–32), «хозяином боспорского хлеба», увеличивает экспорт пшеницы, прежде всего в Афины¹⁶⁷ (Dem. XX. 29. 36; МИС. № 3 = Syll.³ 206), на Лесбос (МИС. 32), в Аркадию (КБН. 37)¹⁶⁸ и в другие центры. Боспорский правитель монопольно издает декреты (МИС. 32 = Syll.³ 212; и др.¹⁶⁹). По всей видимости, именно его исключительные права на пошлины на вывоз (хлеба) и ввоз товаров стали (наряду с налогообложением подданных) главным источником пополнения казны. Свидетельством экономического процветания Боспора является начало чеканки золотых статеров Пантикапея (рис. 11–12)¹⁷⁰.

Не случайно, что с правлением Левкона I древние авторы связывали становление Боспора как единого государства, называя династию «Левконидами» (Ael. Var. hist. VI. 13; Strab. VII. 4. 4; VII. 3. 8 [ссылаясь на Хрисиппа])¹⁷¹. Исторический портрет основателя территориальной державы Спартокидов предстает перед нами более отчетливо, чем черты его предков и потомков. Красочная зарисовка Афиня (Athen. VI. 71 (257c)), выполненная вполне в духе определений Аристотеля (Arist. Polit. V. 9. 2), представляет тирана, который борется с друзьями-предателями, окружен льстецами и полицией, которых он сам в душе презирает¹⁷². Как и его отец Сатир I (Polyaen. VIII. 55), Левкон показан человеком жестоким, вероломным и циничным (Polyaen. V. 9). С другой же стороны, стоическая литература¹⁷³, возможно, косвенно обусловленная официальной пропагандой, говорит о Левконе как о человеке достойном, мудреце на троне (ср.: Plut. De stoic. rep. IV. 20; Strab. VII. 3. 8; Dio Chrys. 2. 75). Поиски традиционных в эпоху классики сакральных форм, освещающих монархическую по сути власть первых Спартокидов, возможно, получили отражение в избранном ими новом типе лицевой стороны монет государства («сатир») и в «монументе Сатира» (Strab. XI. 2. 7)¹⁷⁴.

Правление Спартока II (ок. 352/1–346 гг.). После кончины Левкона I власть перешла к его старшему сыну Спартоку, который правил¹⁷⁵ пять лет (Diod. XIV. 93. 1; XVI. 31. 6). Он продолжил политику сво-

Рис. 11. Статер Пантикапея. Группа I, ок. 375–360-х годов до н.э. Золото. ГМИИ

а (лицевая сторона) — голова бородатого сатира влево;
б (оборотная сторона) — орлиноголовый грифон с поднятой лапой, стоящий на колесе, влево; по сторонам буквы: П — А — N (Фролова, 1992)

Рис. 12. Статер Пантикапея. Группа II, ок. 350–340-х годов до н.э. Золото. ГЭ

а (лицевая сторона) — голова бородатого сатира, в три четверти повернутая влево;
б (оборотная сторона) — львиноголовый грифон с поднятой лапой, стоящий на колесе, влево; по сторонам буквы: П — А — N (Фролова, 1992)

их предков в отношении хлебной торговли с Афинами¹⁷⁶, за что (наряду с братьями Перисадом и Аполлоном) был почтен афинянами декретом (МИС. 3 = Syll.³ 206). Декрет этот был принят в год смерти боспорского правителя (конец весны — начало лета 346 г. до н.э.)¹⁷⁷. На рельефе, увенчивающем стелу с декретом (рис. 13), изображены три брата: двое из них сидят на широком кресле бок о бок, как равноправные правители, третий (Аполлоний) стоит рядом. Данный памятник изобразительного искусства (наряду с самим декретом, отличающим старших братьев особенно) дал повод говорить о корпоративном характере власти Спартокидов, т.е. «соправительстве»¹⁷⁸.

Правление Перисада I (346–310/09 гг. до н.э.). Средний сын Левкона I, носивший скифское (или фракийское) имя Перисад¹⁷⁹, был женат династическим браком на своей кузине Комосарии, дочери Горгиппа (КБН 1015)¹⁸⁰. Судя по тому, что еще при жизни его отца дочь Перисада Акия была замужем (КБН 1037, 1041), к моменту занятия престола брат умершего Спартока II был уже не молод¹⁸¹. Перисад I продолжил завоевание новых

земель в Прикубанье: унаследовав от Левкона I (КБН 8)¹⁸² — Сатира II титул «архонта Боспора и Феодосии, царствующего над синдами, тортами, дандариями» (КБН 1014), он последовательно титулуется: «архонтом Боспора и Феодосии, царствующим над синдами и всеми меотами» (КБН 10, 11, 971, 1039, 1040), затем присоединены были фатеи (КБН 9¹⁸³, 1015) и доски (КБН 972).

При нем традиционно продолжался экспорт хлеба и поддерживались дружественные отношения с Афинами. Несколько ранее 324/3 г. до н.э. в Афинах ввиду особых заслуг правителей Боспора устанавливаются медные статуи Перисада и его старших сыновей Сатира и Горгиппа¹⁸⁴ (Din. I. 43). Оказанная почесть боспорскому правителю и его сыновьям имела почти исключительный характер (прижизненные статуи современников, тем более тиранов, хотя бы и дружественных). Не может быть сомнений в том, что благосклонность афинян к боспорским тиранам явилась ответным даром за благодеяния боспорских владык, выражавшиеся прежде всего в виде льгот и щедрых поставок хлеба в город. Но исключительная мера благодарности Афин предполагает и соответствующие обстоятельства, в которых заинтересованность города в благосклонности Спартокидов повышалась сверх всякой нормы. И в самом деле, между 331—324 гг. до н.э. Афины испытывают жесточайшую нехватку хлеба¹⁸⁵.

Перисад I («с сыновьями»), в свою очередь, дарует привилегии иностранцам, прежде всего торговые¹⁸⁶. Продолжилась чеканка золотой монеты (2/3—4 групп), а на месте сравнительно скромной резиденции Левкона I на акрополе Пантикапея¹⁸⁷ сооружается монументальный дворец¹⁸⁸. Незадолго до 328 г. до н.э. Перисад I вел с неким скифским царем войну, которая

вызвала [временные?] экономические затруднения (Dem. XXIV. 8. 36). Судя по замечанию Полиена (VII. 37) об изменчивости военной судьбы Перисада, воевать боспорскому династу приходилось нередко, главным образом в Прикубанье (о чем свидетельствует эволюция его титулатуры и особенно надпись КБН 180)¹⁸⁹.

Тридцативосьмилетнее правление Перисада I (Diod. XVI. 52. 10) было в целом столь благополучно для Боспора, что, по свидетельству Страбона (VII. 3. 8), он был даже провозглашен богом (по-видимому, посмертно как герой¹⁹⁰).

Междоусобная война сыновей Перисада I (310/09—309 гг. до н.э.). Согласно подробному описанию Диодора Сицилийского (XX. 20—24), кончина Перисада I стала прологом к династической расправе между его сыновьями. Власть отца, в соответствии с традицией, унаследовал его старший сын Сатир II, однако его младший брат Евмел, опираясь на поддержку «варварских» племен, прежде всего сираков во главе с царем Арифарном¹⁹¹, выступил с притязаниями на отцовский престол. В генеральном сражении на р. Фат (Псат) Сатир, основу военной силы которого составляли греческие и фракийские наемники, а также многотысячный корпус скифов-союзников (20 тыс. пехоты и 10 тыс. всадников), разгромил войско

Рис. 13. Наверху стелы с декретом афинян (IG II², 212) в честь сыновей Левкона I — Спартока II, Перисада I (сидят) и Аполлония (стоит). 346 г. до н.э. Афинский национальный музей

Евмела, а остатки его осадил в царской резиденции (крепости) Арифарна. Во время осады правитель Боспора был смертельно ранен. Его останки были переправлены в Пантикапей, где средний сын Перисада I Притан похоронил покойного государя и затем, прибыв к войску, принял командование и «царскую власть». Евмел попытался договориться с ним о разделе государства. Но, игнорируя предложение брата, Притан вернулся в Пантикапей, «чтобы упрочить свою власть». Тем временем Евмел активизировал военные действия, разбил противника, пленил брата, который впоследствии, не сумев найти поддержки в столице, бежал в Кепы, где был убит.

Правление Евмела (309–304/3 гг. до н.э.). Прежде всего узурпатор власти братьев уничтожил их друзей, жен и детей (спастись удалось только сыну Сатира II – малолетнему Перисаду, бежавшему под защиту скифского царя Агара)¹⁹². Затем, собрав народное собрание в Пантикапее, он умерил недовольство граждан, восстановив «прежний (букв. „отчий“) образ правления», традиционные привилегии столичных жителей, и, пообещав много иного, расположил к себе народ (Diod. XX. 24).

Политические замыслы Евмела простирались значительно дальше покорения окрестных варваров: «он постоянно оказывал услуги византийцам, скифам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта». Он поддержал жителей Каллатиса во время осады их города Лисимахом и переселил на Боспор 1000 каллатийцев, предоставив им город и землю под наделы¹⁹³. Евмелу удалось очистить Понт от пиратов (разгромив племена гениохов, тавров и ахеев), за что он удостоился похвал далеко за пределами собственного государства (Diod. XX. 25)¹⁹⁴. При Евмеле сохраняются торговые связи Боспора с Афинами¹⁹⁵, продолжается чеканка золотой монеты (5-я, финальная группа статеров)¹⁹⁶. Согласно Диодору, в планы боспорского правителя входило покорение всех племен, окружавших Понт, «но скоропостижная смерть... пресекла его жизнь» (Diod. XX. 25)¹⁹⁷. Скончался он на шестом году правления в 304/3 г. до н.э., возвращаясь в столицу из своих владений в Синдике (Diod. XX. 100. 1).

Правление Спартока III: на пороге перемен (304/3–284/3 гг. до н.э.). На рубеже IV/III – в начале III в. до н.э. происходят важные изменения в экономической и политической жизни Боспора. Прекращается чеканка золотой и серебряной монеты; появляются монетные клады и начинается деградация бронзовой монеты¹⁹⁸. Возводятся монументальные оборонительные стены в ряде центров Европейского Боспора (Тиритака¹⁹⁹, Китей²⁰⁰, Зенонов Херсонес²⁰¹).

Диодор (II. 43. 6–7) сообщает, что вторгшиеся в Причерноморье сарматы превратили большую часть Скифии в пустыню, поголовно истребив скифов. Исследователи пока не пришли к общему мнению в вопросе о хронологии этих событий²⁰² и их содержании²⁰³. А.Н. Щеглов датировал сарматское опустошение Скифии в пределах первой четверти или трети III в. до н.э.²⁰⁴, В.Е. Максименко же полагает, что после развала державы Атея, в конце IV в. до н.э. постепенно устанавливается политическое господство савромато-сарматов, сопровождающееся карательными экспедициями в скифские земли²⁰⁵. Так или иначе, следует, вероятно, говорить, что примерно на рубеже IV–III вв. – в начале III в. до н.э. военно-политическая обстановка в регионе начинает решительно меняться²⁰⁶, что не могло не отразиться негативно на стабильности развития Боспорского государства, прежде всего потому, что разрушались традиционные, складывавшиеся веками отношения со скифами.

Торговля хлебом еще сохраняла некоторое значение в экономике государства, но объемы ее, вероятно, сократились. После того как весной 284 г. до н.э. Афины избавились от царской власти македонян, Спарток III, сын и приемник Евмела (Diod. XX. 100, 7), в числе многих других иноземных владык²⁰⁷ отправил в дар городу 15 тыс. медимнов хлеба, за что удостоился всяческих почестей: золотого венка, медных статуй (одну «на площади около предков», одну — на акрополе) (MIS 4 = IG II². 653 = Syll.³ 370), значение чего, впрочем, не следует преувеличивать²⁰⁸. Для последующего времени из письменных источников ничего неизвестно об экспорте хлеба с Боспора, исключая указание Полибия (IV. 38. 5) о том, что с Понта время от времени хлеб то вывозится в Грецию, то, напротив, импортируется.

Помимо военно-политических причин, повлиявших на сокращение экспортного производства зерновых на Боспоре, и ослабления государства в целом, среди других факторов указывают и на изменение общей обстановки в Средиземноморье после походов Александра Великого и становления эллинистических государств, в частности на упадок Афин, основного потребителя боспорского хлеба²⁰⁹. Изменяются направления главных торговых путей одновременно с включением в систему средиземноморской торговли азиатских стран, выдвигаются на первый план новые центры (Родос, Пергам, Делос, Александрия и др.); происходит структурная перестройка боспорской экономики²¹⁰. В качестве одного из аргументов в пользу сокращения производства пшеницы называют и климатические изменения, истощение плодородия земель²¹¹. Следует подчеркнуть, что перемены в жизни Боспорского государства, наметившиеся в период правления Спартока III, не имели катастрофического характера, но, по-видимому, были вызваны постепенной и глубокой перестройкой жизненного уклада страны.

Постепенно утрачивая былой авторитет на международной арене, правитель Боспора, однако, вслед за эллинистическими монархами и, быть может, по примеру владык Вифинии и Понта²¹² (в 297 г.?) принимает официально царский титул (MIS 4 = Syll.³ 370). В боспорских посвящениях Спарток III²¹³ выступает с титулом «архонт» (КБН 18), «архонт и царь» (КБН 974, 1043), «царь» (КБН 19)²¹⁴.

Этот, по видимости, формальный акт, казалось бы, мало что меняющий в существе власти ранних Спартокидов²¹⁵, должен приниматься как краеугольный камень нового этапа. Если предки Спартока III были тиранами (в понимании классической античности) и династами (в современном значении), но желая официально (в особенности перед лицом эллинского мира в целом) выглядеть скорее «протатами», то принятие царского титула сыном Евмела ставило его самого и его потомков в один ряд с другими законными суверенами эллинистической эпохи, открывая тем самым новый этап в эволюции монархической власти на Боспоре²¹⁶. Вместе с тем принятие царского титула боспорским правителем близко к поворотному пункту целого ряда существенных и растянутых во времени перемен в экономическом и политическом положении государства.

2. Боспор при поздних Спартокидах (начало III — конец II в. до н.э.)

Этот период совершенно иначе освещен источниками по сравнению с предыдущим. По существу, мы не располагаем сколько-нибудь связанной литературной традицией. Даже история боспорской правящей династии после Спартока III, не подкрепленная источниками, равноценными в хронологическом плане «Исторической библиотеке» Диодора (обрывается на XX книге), опираясь на разнородные датировки и наблюдения, полученные из эпиграфических и нумизматических памятников²¹⁷, в ряде случаев имеет разночтения: ни число одноименных правителей, ни время их царствования пока твердо не установлены²¹⁸. Более того, существенно сокращается число эпиграфических документов, а некоторые — особо важные для нашей темы группы (декреты самих правителей или декреты в их честь из других государств) — не представлены вовсе. Значительно слабее изучены и археологические памятники III—II вв. до н.э. По существу, если не считать работ по отдельным отраслям экономики (например, виноделие²¹⁹, сельское хозяйство²²⁰) или отдельным центрам (разделы в обобщающих исследованиях)²²¹, отсутствуют обобщающие исследования, в которых была бы синтезирована информация по основным категориям археологических памятников.

Следствием такого состояния источников явилась специфическая ситуация в историографии по данному периоду. В 1994 г. была опубликована монография Е.А. Молева «Боспор в период эллинизма»²²², в которой в виде отдельных очерков рассмотрены: хронология правления поздних Спартокидов; этнические процессы; взаимоотношения Боспора с ближайшими соседями²²³; монетное дело и денежное обращение; взаимоотношения Боспора с другими античными государствами; подчинение Боспора Понтийскому царству. В каждом из этих разделов затрагиваются разнообразные вопросы истории Боспора III—II вв. до н.э., находящие опору в источниках и получившие разработку в научной литературе. В итоге вырисовывается общая картина исторических событий на Боспоре в интересующий нас период, хотя ряд существенных ее моментов освещен недостаточно и неравномерно.

Наша задача усложняется тем, что, не затрагивая фактов, не имеющих прямого отношения к политической жизни региона, мы сужаем источниковедческую базу своего исследования и вынуждены отчасти отступить от хронологически последовательного изложения и рассматривать важнейшие события и факты в тематическом аспекте.

В первую очередь следовало бы внести уточнения в хронологию династической истории (табл. 7). Дата смерти Спартока III (284/3 г. до н.э.) — последний точный ориентир в периодизации правлений представителей рода боспорских Спартокидов (Diod. 100. 7). Конечная дата правления его сына Перисада II вычисляется на основании датировки письма из архива Зенона (ок. 245 г. до н.э.)²²⁴. Ссылаясь на настенные граффити из святилища Афродиты в Нимфее, некоторые исследователи называют его преемником брата, Сатира III²²⁵, который, по условной калькуляции Е.А. Молева, правил в пределах 245—240 гг. до н.э. После него (если, конечно, признавать историчность данного лица)²²⁶ власть получил Спарток IV, сын Перисада II (ок. 240—230 гг. до н.э., по подсчету Е.А. Молева)²²⁷. Левкон II (230—200 гг. до н.э.?), насколько можно судить по схолиям к «Ибису» Овидия (codd. G, C; codd. P, Mure)²²⁸, захватил власть старшего брата²²⁹.

По распространенному мнению, в конце III или во второй четверти II в. до н.э. Боспором правил некий «архонт Гигиенонт»²³⁰, который чеканил от

Рис. 14. Посвящение фиаса адептов Афродиты Урании, владычицы Апатура за «архонта и царя» Перисада IV, сына Перисада III, его мать царицу Камасарию и ее супруга Аргота (КБН 75). Середина II в. до н.э. ГЭ

Рис. 15. Дидрахма Спартока V. 200—190 гг. до н.э. Серебро. Коллекция Р.Ф. Фрайтаха, Тамань а (лицевая сторона) — мужская голова в диадеме, вправо; б (оборотная сторона) — горит, внизу трезубец, справа монограмма, легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (Розов, 1993)

своего имени золотую (рис. 6), серебряную и медную монету. Его именем и титулом отмечена продукция некоторых мастерских, выпускавших черепицу. Вопрос о дате правления и статусе этого правителя, к сожалению, окончательно не решен.

Имя сына Левкона II Ю.Г. Виноградов реконструировал (по длине строки) в найденной в Пантикапее надписи вариантно: [Спарток] или [Перисад]²³¹. В этом случае Перисад III (по Ю.Г. Виноградову, ок. 220—200 гг. до н.э.) мог быть отцом (или братом) Спартока V²³² (ок. 200—180 гг. до н.э.²³³), отца царицы Комосарии, мужем которой, видимо, был не Спартокид по происхождению²³⁴ — Перисад IV (ок. 180—160 гг. до н.э.²³⁵; МИС 15 — 178/177 г. до н.э.). Их сыном был Перисад V (ок. 160—145 гг. до н.э. — КБН 75 (рис. 14), 1044).

Вотивная надпись дочери царя Скилура, Сенамотис, жены Гераклида²³⁶, послужившая основанием для пересмотра династической истории Спартокидов II в. до н.э.²³⁷, сообщает о царе «трижды» (?)²³⁸. Перисаде, сыне царя [Боспора] Перисада, т.е. о правителе, имевшем отца и деда по имени Перисад. Таким образом, если следовать такому прочтению надписи, это свидетельство того, что у Перисада V был сын Перисад VI (последний: ок. 130—108/7 гг. до н.э.).

Упомянем и гипотезу, основанную исключительно на нумизматических материалах (рис. 15)²³⁹, согласно которой после Перисада V Филометора не-

которое время (по Ю.Г. Виноградову, ок. 150—140 гг. до н.э.) правил Спарток VI, который, согласно логике Ю.Г. Виноградова о порядке наследования боспорского престола, был старшим братом Перисада VI²⁴⁰. В.А. Анохин²⁴¹ справедливо заострил внимание на том, что «отнесение К.В. Голенко дидрахм ко времени правления некоего царя Спартока середины II в. до н.э., не зафиксированного никакими другими данными, возлагает на этот нумизматический источник непосильную ответственность»²⁴².

Наметив приблизительную династийно-хронологическую канву истории Боспора в III—II вв. до н.э., рассмотрим основные источники, с различных сторон характеризующие политическую жизнь государства в этот период. С этой целью выделим несколько важнейших тем: 1) царская власть и полис (проблема взаимоотношений); 2) взаимоотношения с соседними «варварскими» народами; 3) Боспор и другие греческие центры.

1. Рассуждения о новациях в политической системе Боспорского государства в III—II вв. до н.э., и прежде всего во взаимоотношениях центральной власти и полиса, следует начать с указания двух принципиально важных моментов. Как уже говорилось, официальное принятие Спартоком III царского титула не было (как думают некоторые исследователи) одной лишь формальностью: это было проявлением процесса включения Боспора в новую систему политических реалий в Средиземноморье после становления и упрочения монархий «эллинистического типа». Попытка, вслед за другими периферийными правителями, встать вровень с царями эллинистических держав позволяла в принципе ставить вопрос о ревизии взаимоотношений, сложившихся у боспорских династов в диалоге с полисом в предшествующем столетии, в пользу Спартокидов. Однако эта потенциальная возможность противоречила ситуации, которая складывается в данный период на самом Боспоре: по существу, все благоприятные для становления и упрочения единоличной власти тиранов обстоятельства, характеризующие предыдущий этап истории (прежде всего обширная хлеботорговля, обеспечивавшая прочный фундамент существующего режима; военно-политическая стабильность в регионе, дружественные отношения с господствующей в варварском мире силой — скифами, и др.), остались в прошлом. От экономического процветания и изобилия Боспор в начале III в. до н.э. переходит постепенно, но неуклонно к состоянию кризиса финансово-денежной системы (преодолеть который удалось не ранее третьей четверти столетия), нестабильности в производстве зерновых (Polyb. IV. 38. 4—5), перестройке экономики в целом²⁴³, военно-политической неопределенности после того, как сарматы перешли Танаис, а часть из них (сираки)²⁴⁴ обосновалась у восточных границ государства.

Эти два, отчасти разнонаправленных, фактора в значительной мере определяли политическую жизнь Боспора. Но и в этих изменившихся условиях монархический строй единого государства оказался весьма жизнеспособен, и причину этого следует видеть прежде всего в эффективности решения объединенным под главенством Спартокидов боспорским эллинизмом возникающих военно-политических проблем, а также в тесной экономической кооперации разных регионов государства.

В новых исторических условиях, по-видимому, позволительно говорить о том, что происходит частичная реанимация некоторых полисных принципов, что, однако, не привело к децентрализации государства. Параллельно упрочению в III в. до н.э. этнополитической общности «боспоритов» (сложение которой следует относить, по-видимому, еще ко второй половине IV в. до н.э.)²⁴⁵ со второй половины этого же столетия жители Пантикапея, а в са-

мом конце II в. до н.э. и Нимфея начали именовать себя пантикапейцами и нимфантами (MIS 21, 14, 58). На самом же Боспоре, независимо от того, каков был статус полисов при Спартокидах, *демотиконы* их жителей оставались в ходу на «бытовом уровне». Лучшее тому свидетельство — граффити из святилища Афродиты в Нимфее, в которых в различных житейских контекстах упоминаются нимфанти²⁴⁶. Надо думать, что в области политического самосознания жители боспорских городов (прежних полисов) сохраняли приверженность оставшимся в прошлом традициям своего полиса. И когда в I в. до н.э. ситуация на Боспоре принципиально изменилась, произошла более полная реставрация ряда полисных институтов, хотя и ограниченная жесткой «властной вертикалью».

Одна из заметных черт нового этапа в жизни Боспора — эпизодическая чеканка медной монеты Феодосией и Фанагорией во второй половине III — II в. до н.э.²⁴⁷ Значение этого факта можно понять только на фоне полного отсутствия в государстве какой-либо иной монеты, помимо пантикапейской, на протяжении всего IV и первой половины III в. до н.э.

В этом же ряду событий, видимо, и восстановление во второй половине III в. до н.э. оборонительных стен в Фанагории, которые были разобраны после завоевания города Сатиром I²⁴⁸. Разумеется, само по себе это не может свидетельствовать о каких-либо изменениях статуса Фанагории²⁴⁹. Предоставление Фанагории права чеканить медную монету (тетрахаки с головой бородатого сатира в венке на аверсе, лук — стрела на реверсе) В.А. Анохин связывает с поисками правителями Боспора новых источников обеспечения монетных эмиссий²⁵⁰.

Необходимо сказать еще об одном новшестве в монетном деле Пантикапея (= Боспора). Спартокидовская «эмблема» (голова сатира) монополично господствовала вплоть до середины III в. до н.э., а во II в. до н.э. городской тип «голова Аполлона» окончательно вытесняет прежний²⁵¹. Иначе говоря, полисная символика Пантикапея, с самого начала чеканки и до начала IV в. до н.э. представленная на аверсе монеты (атрибут Аполлона — голова льва в фас²⁵², а в редких случаях — изображение головы этого бога в лавровом венке²⁵³), постепенно вытесняет символику Спартокидов. В том, что за этим стоит глубокая перестройка взаимоотношений полиса и царской власти, вряд ли стоит сомневаться. Об этом же, вероятно, говорит и другое важное новшество в монетном деле Боспора — появление царской чеканки при Левконе II — сначала меди, а затем золота и серебра (рис. 16—18).

Эпиграфические памятники почти ничего не добавляют к характеристике новых для Боспора времен. Самое знаменательное — исчезновение декретов правителей, столь характерных для IV в. до н.э. С одной стороны, может быть, это объясняется утратой Боспором своей привлекательности для инополитов одновременно с падением его роли в зерновой торговле. С другой стороны, не стоят ли за этим и иные формы «делопроизводства», пришедшие на смену старым, «квазиполисным»? Ответить на поставленный вопрос вряд ли возможно.

Осталось упомянуть принципиально новый тип документа частного характера уже середины II в. до н.э. — посвящение фиаситов Афродите «за архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, Матерелюбивого, за царицу Камасарию, дочь Спартока, чадолюбивую, и за Аргота, сына Исанфа, супруга царицы Камасарии» (КБН 75). Это первое свидетельство перемен в социально-политической жизни страны, впоследствии приведших к пышному расцвету такой своеобразной формы общественных (негосударственных)

Рис. 16. Обол Левкона II.
240–230 гг. до н.э. Медь. ГЭ
а (лицевая сторона) —
голова Геракла, вправо;
б (оборотная сторона) — палица, лук;
легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ

Рис. 17. Тетрахалк Левкона II.
240–230 гг. до н.э. Медь. ГЭ
а (лицевая сторона) —
голова Афины, вправо;
б (оборотная сторона) — Молния;
легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ

Рис. 18. Статер Перисада III
или IV. 180–170 гг. до н.э.
Золото. ГЭ
а (лицевая сторона) —
мужская голова в диадеме, вправо;
б (оборотная сторона) —
Афина на троне, влево,
в поле монограмма, ниже — Α;
легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ

объединений, как фиасы и синоды²⁵⁴. И вместе с тем этот документ сближает две столь различные эпохи, грань между которыми обозначена правлением Митридата VI Евпатора. Он заставляет задуматься, так ли уж радикально расходятся основные тенденции исторического развития Боспора эпохи Спартокидов и тот путь, что был предначертан ему уже после их падения? Если намеченная историческая перспектива предполагала, с одной стороны, реставрацию (хотя бы и в сильно урезанном виде) полисных автономий (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος), а с другой — дальнейшее усиление царской власти, невиданное ранее развитие царской администрации и бюрократии²⁵⁵, то эпоха ранних Спартокидов во взаимоотношениях центральной власти и полиса должна характеризоваться «от противного». Не в том, конечно, смысле, что власть правителей была слаба, а полиса не было, а в том, что «архонты Боспора» практически сосредоточили в своих руках чуть не все властные prerogatives государства, сохранившего полисную структуру.

Пытаясь понять особенности политического строя Боспорского государства (не вполне очевидные, по-видимому, еще для древних²⁵⁶), исследователи осмысливали боспорскую монархию, опираясь на феномен эллинистической монархии. М.И. Ростовцев писал: «Боспорская тирания определяется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира. Ее нельзя назвать ни чистой военной тиранией типа сиракузской, гераклейской и многочисленных кратковременных городских тираний IV и следующих веков, представительниц так называемой младшей тирании, ни чистой βασιλεία, т.е. царской властью восточного или эллинистического типа»²⁵⁷. От младшей тирании «ее отличают прежде всего ее длительное многовековое существование и удивительная прочность», на что указывали еще античные авторы (Ael. Var. hist. VI. 13). Далее Ростовцевым отмечается «двойственность» боспорской тирании: «Боспорские тираны, по крайней мере со времен Левкона I, выступают как архонты греков, живущих в Боспоре и Феодосии, и в то же время как цари народов, живших на азиатской стороне Боспора под властью своих местных царей. Наконец, не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой πόλις — народное собрание и совет, δῆμος и βουλὴ — не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельства, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений... Но с другой стороны, боспорская тирания не есть и чистая βασιλεία. Это явствует из титула ἄρχων, который боспорские владыки носили... вплоть до последних моментов своего существования, наряду с этим и из всего монетного дела Боспора, сохраняющего вплоть до времени последних тиранов (во всяком случае, до Левкона II) свой чисто городской характер, что, например, типично и для сиракузской тирании Дионисия и его преемников»²⁵⁸. Другие исследователи из факта необыкновенно ранней монархии на Боспоре выводили теорию «протоэллинизма»²⁵⁹, а третьи, напротив, пришли к заключению, что эллинизм на Боспоре утвердился уже тогда, когда в остальном мире эллинистическая эпоха подошла к концу, притом благодаря внешнему воздействию²⁶⁰.

Подводя итог рассмотрению особенностей положения полиса в державе Спартокидов в эпоху эллинизма, следует, видимо, констатировать, что, несмотря на существенные перемены в экономической жизни Боспора и определенные новации во внутривластной сфере, при Спартокидах, узурпировавших власть высших полисных органов и магистратур, до конца их правления сохранились черты политического дуализма: «территориальная»

монархия при сильном влиянии полисных традиций. Конкретное же содержание возможных политических реформ III—II вв. до н.э. при нынешнем состоянии источников от нас ускользает. Можно лишь отметить, с одной стороны, слабые следы реанимации полисного самосознания в отдельных центрах, по-видимому, не утраченного боспорскими греками ни в предыдущий период, ни позднее (и в полной мере проявившегося уже в последующую эпоху), а с другой — нарастание «внешних проявлений» царской власти, формально сближающих ее с эллинистическими монархиями (титул царя, чеканка золота от его имени (рис. 19), царские черепичные мастерские и др.).

Можно ли в этих условиях говорить о глубоком внутривосточном кризисе на Боспоре на закате династии, перед тем как последний Перисад передал власть Митридату VI, или же этот поворот в судьбе государства произошел лишь под давлением внешних обстоятельств?²⁶¹ Ответить на этот вопрос пока невозможно.

2. Как уже было отмечено, на самых ранних стадиях истории греческих центров на берегах Киммерийского Боспора военно-политическая обстановка на соседствующих с зоной расселения эллинов пространствах играла очень важную роль в их жизни²⁶². Сложившееся в IV в. до н.э. равновесие сил стало основой для упрочения и процветания Боспорского государства. Но все переменилось, когда в степях региона появилась новая волна кочевников²⁶³. Уже в конце IV в. до н.э. пришедшие на Северный Кавказ сираки²⁶⁴, как говорилось ранее, приняли участие в династической расправе сыновей умершего Перисада I на стороне Евмела против законного государя Сатира II, которого поддерживали союзные скифы. Ю.А. Виноградов полагает возможным говорить о том, что «...Евмел, получивший власть над государством благодаря помощи сарматов, и в дальнейшем в своей политике стремился опираться на союз с ними, возможно, с их поддержкой следует связывать его успех в расширении границ и в укреплении международного престижа Боспора...»²⁶⁵. Исследователь, опираясь на данные Лукиана (Тох. 36, 37, 39—41, 49, 55), склонен даже понимать изменения внешнеполитического положения Боспора, прежде всего в переориентации на дружественные отношения с сарматами²⁶⁶, тогда как отношения со скифами стали «весьма натянутыми»²⁶⁷.

Предполагаемое ухудшение отношений со скифами должно было особенно остро сказаться на положении Европейского Боспора, поскольку одним из последствий крушения «Великой Скифии» (от рубежа IV до примерно середины III в. до н.э.)²⁶⁸ было образование сильного Скифского государства в Крыму. Нет уверенности, что следует говорить о постоянной конфронтации Боспора и крымских скифов на протяжении III—II вв. до н.э., однако близкое присутствие у западных границ державы Спартокидов грозного соседа, несомненно, отразилось на жизни восточнокрымских эллинов.

Иначе оценивает обстановку Е.А. Молев²⁶⁹. Исследователь считает, что трактовка сторонниками сарматского приоритета имеющихся источников (упомянутые свидетельства Диодора и Лукиана, погребальный комплекс из Ак-Бурунского кургана, появление в конце IV в. до н.э. термина «Сарматия») вовсе не предполагает ни дружественных отношений с сираками (по его словам, «...в течение III в. до н.э. Боспор начинает терять свои позиции в Азии и ко II в. до н.э. вынужден переключить сюда свои основные силы с целью удержать в повиновении еще подвластные ему меотские племена»)²⁷⁰, ни изменения характера взаимоотношений со скифами («...говоря о взаимоотношениях скифов и боспорян в течение III—II вв. до н.э., можно быть уве-

ренными в их дружественном характере, обусловленном взаимной выгодой и конкретной политической ситуацией»)²⁷¹.

Так или иначе, с конца IV (или с рубежа этого и следующего столетия) по начало II в. до н.э. (но прежде всего в первой половине — середине III в. до н.э.) на Европейском Боспоре отмечается усиленное фортификационное строительство²⁷², весьма симптоматичные изменения происходят и на сельских территориях Восточного Крыма²⁷³. Оценивая обстановку в данном регионе в рассматриваемый период, необходимо признать интенсивное и продолжительное ухудшение военно-политической ситуации. Греки оказались «прижаты» к приморским районам, концентрируясь вблизи городов или в самих городских центрах, которые, по общему мнению, в данное время переживают, тем не менее, экономический расцвет, но усиленно укрепляют свои оборонительные рубежи. Судя по всему, ситуация начала изменяться к лучшему только ко II в. до н.э.²⁷⁴

По какому же сценарию строились отношения боспорских греков с варварами к востоку от Киммерийского Боспора? В городах Азиатского Боспора в III—II вв. до н.э. исследователи не находят каких-либо признаков упадка. Напротив, в этих городах (Фанагория, Кепы и Гермонасса²⁷⁵) еще более отчетливо проявляется расцвет торговли и ремесел²⁷⁶. В жизни Патрея в первой половине III в. до н.э. происходит важная перемена: перенос поселения с исконного места («Западнопатрейское городище») к востоку от разделяющей памятник с севера на юг балки²⁷⁷. Без выраженных археологически перемен «Патрей Восточный» доживает до середины I в. до н.э., когда он был разрушен²⁷⁸. Судя по агонистическому каталогу (КБН 1137) и материалам раскопок, Горгиппия в первой половине III в. до н.э. живет размеренной, обустроенной жизнью, но в третьей четверти столетия на городище фиксируется пожар, уничтоживший постройки первого строительного периода (IБ)²⁷⁹. Несколько более поздним временем датируется возведение городских оборонительных стен в Фанагории²⁸⁰.

Тот факт, что в других городах Азиатского Боспора фортификационные сооружения III—II вв. до н.э. не обнаружены, следует оценивать с большой осторожностью. Это может быть связано как со слабой изученностью памятников, так и с особенностями природных условий Таманского полуострова (отсутствие строительного камня). Но и не считаться с этим фактом нельзя. Ведь никаких катастрофических событий в сельской округе городов Таманского полуострова пока не фиксируется. Напротив, по данным Я.М. Паромова, именно в III—II вв. до н.э. хора Азиатского Боспора переживает расцвет, достигая максимума освоенности²⁸¹.

Ю.А. Виноградов, резюмируя археологические данные по Азиатскому Боспору, приходит к справедливому заключению, что «...несмотря на близость к районам, подвергшимся вторжению сарматов, положение здесь в целом было отнюдь не хуже, чем на европейской стороне. По всей видимости, в начальный период продвижения сарматов возможность их вторжения в пределы Боспорского царства была вполне реальной. Так, в конце IV в. до н.э. были разрушены стены Семибратнего городища»²⁸². В пользу того, что с соседними варварами боспорцам удалось найти консенсус, исследователь приводит тот факт, что с конца IV в. до н.э. на Елизаветинском городище, в глубине меотских территорий, возникает и успешно функционирует «форпост боспорского экономического влияния». Вместе с тем анализ динамики торговли товарами, перевозимыми в амфорах, твердо фиксирует, что начиная с

первой четверти III в. до н.э. объем поставок на меотские поселения неуклонно падает²⁸³.

По-видимому, проникновение сарматов в земли меотов и формирование в середине III в. до н.э. сирако-меотского военно-политического союза²⁸⁴ стабилизировало положение на восточных границах Боспорского государства по линии Новороссийск — Крымск — Кубань — Старонижестеблиевская — Азовское побережье²⁸⁵. К этому времени и Боспор уже окончательно утратил экономический и военный потенциал, которым располагал во времена Левкона I — Перисада I; значительные силы он был вынужден тратить на защиту западных владений, и наступательный пыл сираков, очевидно, несколько угас.

Ряд исследователей²⁸⁶ склонен трактовать колебания в титулатуре боспорских правителей начиная со Спартока III (см. табл. 1, 7) до Перисада II (КБН 25: «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми меотами и фатейми») с позиций ослабления Боспора в данный период под нажимом сарматов и утраты Спартокидами части прежних владений в меотских землях. Однако следует согласиться с мнением В.А. Анохина, который отмечал: «Поскольку эти грандиозные в масштабах Боспора события реконструируются лишь на основе изменения царской титулатуры, было бы осторожнее искать причины трансформации титулов в них самих... Всеобщее распространение титула βασιλεύς сделало излишним уточнение сферы их царской власти как в силу приоритетности его, так и по причине стабильности состава варварских племен, находившихся под их рукой»²⁸⁷.

Новый этап дестабилизации военно-политической обстановки, вероятно, был связан с продвижением в регион новых волн сарматов (аорсы, сатархи) в последней четверти (?) II в. до н.э., что наряду с активизацией крымских скифов во главе со Скилуром и Палаком²⁸⁸ стало одной из решающих причин падения Спартокидов и перехода Боспора под власть Митридата VI Евпатора, правителя Понта.

3. Широкие внешнеполитические замыслы Евмела и некоторые его реальные акции в этой сфере (Diod. XX. 25) отразили не только амбиции этого энергичного боспорского правителя, но косвенно и состояние дел в самом государстве, позволявшее строить самые дерзновенные планы накануне 304/3 г. до н.э. А потом все резко переменилось. Если сын Евмела, царь Спарток III, оказывал благодеяния афинянам (в конце своего правления: IG I². 653), то его наследники уже практически никак не проявили себя в отношениях с другими греческими государствами, если не считать священного посольства Перисада II в Египет в 254 г. до н.э.²⁸⁹ или даров царей Перисадов III и IV и царицы Камасарии в Дидимы и Дельфы (в начале II в. до н.э., 156—155, 154 гг. до н.э. — МИС 15, 38, 39)²⁹⁰.

Нынешнее состояние источников вполне адекватно той скромной роли, которую в III—II вв. до н.э. играл Боспор на международной арене: боспориты (и их правители) принимали участие в религиозно-культурной жизни эллинизма, импортировали и с переменным успехом экспортировали различные товары, оставаясь «на задворках» политической жизни²⁹¹. Пожалуй, один лишь сюжет, неизменно привлекающий внимание исследователей, заставляет рассматривать Боспор III в. до н.э. в контексте международной политики. Речь идет о так называемых перстнях «птолемеевского типа» (весьма высокая концентрация которых отмечается на Боспоре)²⁹², изображении корабля «Изида» на фреске из святилища Афродиты в Нимфее (первая половина III в. до н.э.) и нефритовой голове статуи египетской царицы (Арсиной II?, середи-

ны III в. до н.э.)²⁹³ из Пантикапея. Они сопоставляются с посольством царя Перисада II в 254 г. до н.э., известном из папируса архива Зенона, управляющего именем Аполлония, приближенного царя Птолемея II (P.Lond. 7, 1973), а также с надписью начала (?) III в. до н.э. из того же Арсиноитского нома, в которой в перечне наемников фигурируют имена двух боспоритов Филониха и Мольпагора (SB III. 6831. 6. 9)²⁹⁴. Все эти источники позволяют говорить о том, что на протяжении почти всего III в. до н.э. (не позднее середины и до последних десятилетий столетия) Боспор был тесно связан с Египтом.

Объяснения этим связям предлагаются весьма различные. Одни исследователи считают, что правители Египта были заинтересованы в вербовке наемников на Боспоре²⁹⁵. На слабую сторону этой гипотезы указал В.А. Анохин, отметив, что в списке наемников Арсиноитского нома зафиксировано около 90 фракийцев и всего два боспорита, «тогда как во Фракии не найдено ни одного такого перстня, против 28, найденных на Боспоре»²⁹⁶. О.Я. Неверов предположил связь этих перстней с распространением среди боспорских торговцев с Египтом местных культов, связанных с их профессией²⁹⁷. Того же мнения придерживается и Е.А. Молев, ссылаясь на то, что перстни находят в погребениях как с греческими, так и со «смешанными» чертами обряда²⁹⁸.

И.А. Ладынин убежден, что «...хлебная торговля Причерноморья была единственным фактором, способным мотивировать интерес Птолемея к этому региону, элементарно в силу того, что только в этой сфере местные государства оказывались серьезно вовлечены в ситуацию в эллинском мире в целом»²⁹⁹. М.И. Ростовцев считал, что Птолемеи были заинтересованы в том, чтобы боспорский хлеб был направлен друзьям Египта, а не его врагам³⁰⁰. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в статье И.А. Ладынина³⁰¹.

Уязвимость последнего предположения проявляется при оценке зернового потенциала Боспора в рассматриваемое время: в III в. до н.э. это государство переживает острый политический, финансовый и экономический кризис, связанный с дестабилизацией обстановки в Северном Причерноморье вследствие передвижений сарматов (в частности сокращается хора в Восточном Крыму). Только В.А. Анохин, который в принципе отрицает денежный кризис на Боспоре в указанный период³⁰², считает, что посольство Перисада II в Египет (и последующие связи с Птолемеями) «...имело весьма прозаическую задачу — сосватать сыну Перисада, будущему царю Спартоку IV, одну из дочерей Птолемея»³⁰³.

Представляется, что точка зрения Ростовцева и Ладынина более всего соответствует реальному положению дел, а в сочетании с представлением об экономическом расцвете городов в эллинистический период ставит перед нами непростой вопрос: не преувеличиваем ли мы упадок сельского хозяйства Боспора в целом в III в. до н.э.? Действительно, отмеченные изменения на Керченском полуострове имели катастрофический характер, но одновременно засвидетельствовано интенсивное развитие новой для региона отрасли — виноделия. Основной житницей, судя по всему, были земли Азиатского Боспора, и на его территориях не только не наблюдается упадок, но, напротив, можно говорить о поступательном развитии этого региона³⁰⁴. Если уж речь идет о перестройке всей экономической системы Боспора в III в. до н.э., то не следует ли говорить и об изменениях в организации хлебной торговли?

Важнейшим индикатором инноваций в этой сфере является исчезновение двух категорий документов, характерных для IV — начала III в. до н.э.: декретов в честь Спартокидов и декретов самих правителей Боспора, дарующих различные привилегии (в обязательном порядке — ателию) иноземным купцам. Не происходит ли в последующие века большая «приватизация» сферы зерноторговли, следствием которой стали иные формы регулирования взаимоотношений, нежели при ранних Спартокидах?³⁰⁵ Может, не случайно исследователи подчеркивают по преимуществу «частный» характер хождения «птолемеевских» перстней: тот факт, что «...перстни явно находились в личной собственности жителей Причерноморья и затем передавались ими по наследству, наводит на мысль, что эти люди... наделялись данными предметами прежде всего в своем личном качестве, а не в рамках союзных или иных межгосударственных связей между птолемеевским Египтом и причерноморскими государствами»³⁰⁶.

При любой интерпретации имеющихся фактов становится очевидным, что в III в. до н.э. во внешних связях Боспора Египет занимал особое место. Совершенно ясно и то, что Птолемеи не были единственными в Средиземноморье, с кем Боспор, хотя бы эпизодически, вступал во взаимоотношения. Например, с опорой на типологию монет (чеканка в Пантикапее монеты «Посейдон / прора», находящая параллель в монетном деле Антигона Досона после победы при Андросе в 227 г. до н.э.) высказывалось соображение, что в этот период Боспор переориентировался во внешней политике на Македонию³⁰⁷. Однако Е.А. Молев убедительно показал, что «...использование сходства монетных типологий всегда очень рискованно при реконструкциях политических взаимоотношений... (и возможно. — А.З.) только при наличии других источников, подтверждающих такую возможность. А таковых в данном случае, как и в случае с предположением о заимствовании Левконом II типологии монет Птолемея II, у нас нет». По мнению исследователя, в целом перманентные военные конфликты эпохи эллинизма «...явно не способствовали появлению у боспорских правителей стремления к активизации связей в Эгеиде»³⁰⁸.

Иначе оценивают взаимоотношения Боспора с государствами и полисами Причерноморья. Опираясь, с одной стороны, на свидетельство декрета в честь историка Сирикса (IRE I², 344₁₇₋₁₉; вторая половина III в. до н.э.), Е.А. Молев реконструирует дружественные отношения боспорских царей с Херсонесом³⁰⁹. С другой стороны, отсутствие Боспора в списке союзников Фарнака I в договоре 179 г. до н.э., в котором гаранты выступают Херсонес и царь Гатал (Polyb. XXV. 2. 1–14), интерпретируется им как свидетельство того, что Боспор находился в конфронтации с царем Понта³¹⁰. На сопоставлении этих построений делается вывод, что «...в первой четверти II в. до н.э. Боспор ослабел³¹¹ или стал более зависим от своих союзников-скифов, что не позволяло ему и далее покровительствовать Херсонесу»³¹². Исходя из материалов археологии и нумизматики³¹³, подтверждающих тесные экономические связи Боспора и греческих центров южного побережья Понта Евксинского, Е.А. Молев считает, что после войны 183–179 гг. до н.э. начинается сближение Боспора и Понтийского царства. При этом подчеркивается, что в новых условиях Спартокиды вынуждены были лавировать между интересами городов³¹⁴ своего государства (ориентация на Понт) и своими собственными (союз со скифами). Однако в конечном итоге сближение с Понтом, конфликт со скифами (так называемое восстание Савмака)³¹⁵ и дестабилизация обстановки в связи с продвижением в Прикубанье

новых племенных объединений сарматов³¹⁶ в конце II в. до н.э. привели к падению династии Спартокидов и подчинению Боспора власти Митридата Евпатора³¹⁷.

* * *

Заключая очерк политической истории VI–II вв. до н.э. попытаемся кратко сформулировать, в чем же проявлялась специфика исторического пути Азиатского Боспора в сопоставлении с Боспором Европейским и насколько позволительно об этой специфике говорить?

В VI–V вв. до н.э. греческие центры Азиатского Боспора проходили стадию становления как полисы и как градостроительные структуры, как центры ремесла, торговли и сельскохозяйственных округ (хоры). Процесс освоения сельских территорий в данном регионе начинается раньше (с середины VI в. до н.э.) и протекает существенно интенсивнее, чем в Восточном Крыму. С другой стороны, одновременно с процессом расширения хоры и интенсивным ростом численности населения с третьей четверти VI и вплоть до второй четверти V до н.э. наблюдается обострение военно-политической ситуации и следы конфликтов в регионе, приведшие во второй половине столетия к демографическому и, по-видимому, политическому кризису. Черты кризиса и военных столкновений в первой половине V в. до н.э. прослежены и на Европейском Боспоре, где интенсивно возводятся оборонительные сооружения, а в Пантикапее утверждается тирания Археанактидов. Но там во второй половине V в. до н.э. ситуация стабилизируется, а в последней четверти столетия намечается даже демографический подъем. По всей видимости, наиболее существенным фактором, определившим различия в политической жизни двух регионов, примыкавших к Киммерийскому Боспору, были особенности не столько географические, сколько этнополитические: грекам Восточного Крыма удалось со временем наладить приемлемые (конечно, с существенными оговорками) отношения с пришлыми кочевниками — скифами, в то время как меотское население Прикубанья продолжало усиливать давление на греков Азиатского Боспора.

В конце V — начале IV в. до н.э. пантикапейский тиран Сатир I захватил города на Таманском полуострове и попытался наладить отношения с соседними варварами-синдами, заключив династический брак своей дочери с их царем Гекатеем. Однако потерпел неудачу, и его азиатские владения подверглись разгрому меотами. Горгиппу, сыну Сатира I, удалось стабилизировать ситуацию. И только Левкон I, вмешавшись во второй четверти IV в. до н.э. во внутривластный конфликт синдского царского дома, сумел подчинить синдов, завоевать Синдскую Гавань и ряд меотских племен.

В составе государства Спартокидов греческие города Азиатского Боспора³¹⁸, по-видимому, лишились полисных конституций. Они утратили права монетной регалии, внешнеполитических сношений, в ряде случаев — крепостных стен. Граждане городов стали подданными правителей Пантикапея, облагались налогами и, возможно, были обременены воинскими повинностями. Их автономия, по всей видимости, ограничивалась рамками «муниципального права», а статус определялся, с одной стороны, правом победителя (δωρίκτητα), с другой — традиционными полисными формами, вне которых греки античной эпохи себя не мыслили. Поэтому вполне закономерно, что результатом завоевательной политики Сатира I — Левкона I стало формирование *симполитии* («Боспор» титулатуры), в которую

прежде автономные гражданские общины были включены на правах, говоря условно, «демов».

Лишившись полисных свобод, греки Азиатского Боспора приобрели долгожданный и недостижимый для разрозненных гражданских общин мир, а окрестные варвары-меоты (и те, что утратили формально независимость, и те, что оказались втянутыми во взаимную торговлю с греками) получили возможность приобщиться к благам эллинской цивилизации.

Особенности развития Азиатского Боспора в этот и в последующий периоды (до конца IV в. до н.э.) определялись совокупностью нескольких факторов. Он стал основной хлебной житницей государства, на эксплуатации которой базировалось благополучие государства Спартокидов. Во внутривосточном отношении все земли здесь подпадали под категорию так называемой *χώρα δορίκτητος* («земли, завоеванной копьем»), в то время как земли столичного Пантикапея таковыми не являлись. В военно-политическом аспекте положение Боспора Европейского и Азиатского тоже различалось. Решающую роль для Восточнокрымского региона играли устойчивые дружественные (союзные) отношения Спартокидов со скифами. Взаимоотношения же боспорских греков с меотами Прикубанья строились сложнее: одни племена были подвластны Спартокидам и упоминаются в титулатуре боспорских династий³¹⁹; другие племена были независимыми, и с ними греки вели взаимовыгодную торговлю или время от времени воевали.

Ситуация резко изменилась в конце IV в. до н.э., когда в Прикубанье проникла новая волна сарматских кочевников-сираков. Она особенно ярко проявилась на фоне династической распри (Diod. XX. 20–24) — столкновения в битве при Фате двух армий — Сатира II, которого поддерживали скифы, и Евмела, на стороне которого выступили сираки.

В последующий период различия в политической и экономической ситуации на Европейском и Азиатском Боспоре резко усиливаются. Углубляющемуся упадку хоры и ускоренному фортификационному строительству в Восточном Крыму соответствует на Таманском полуострове процветание сельской округи, которая достигает максимума своего развития и сохраняет стабильно высокий уровень до конца II в. до н.э. На этом фоне, быть может, строительство крепостных стен и возобновление чеканки монеты в Фанагории во второй половине III в. до н.э. надо оценивать как свидетельства повышения статуса этого крупнейшего города Азиатского Боспора. В то же время данные события приходятся на период экономических и, возможно, политических реформ в государстве, предполагающих некоторое расширение прав автономии для греческих городов.

Весь II в. до н.э. был периодом стабильности для обеих частей Боспорского государства, пока обострение военно-политической обстановки вследствие вторжения новых волн сарматов и активизации скифов в Крыму не привело к утверждению на троне Спартокидов царя Митридата VI Евпатора.

Таким образом, основными факторами, определившими специфику исторического пути греческих центров Азиатского Боспора в составе державы Спартокидов в сравнении с Боспором Европейским были: особенности этнополитической обстановки у его границ (специфика взаимоотношений с меотскими племенами и периодически, с конца IV в. до н.э., появляющимися здесь сарматами); завоевание прежде автономных полисов и включение их в состав Боспорского государства с лишением политической автономии.

¹ Его, согласно географическим представлениям древних греков, современные исследователи именуют Боспором Азиатским. Это современная фикция: античные авторы (Страбон и др.) разделяют «европейских» и «азиатских» боспорцев, не вкладывая в эти определения какого-либо политико-административного смысла.

² Детальные характеристики материалов исследований греческих центров Азиатского Боспора, различных сфер общественной и частной жизни населения (греческого и «варварского») читатель найдет в соответствующих разделах издания.

³ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918; Он же. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925; Rostowzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922; Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. В., 1931. Bd. I.

⁴ Если, разумеется, правы исследователи, связывающие это событие именно с Боспором — см.: Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 77, сл.; ср.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР за 1984 г. М., 1985. С. 137–138.

⁵ Связанной со школой Хрисиппа (282–208 гг.), ссылки на которого по поводу упоминания ранних Спартокидов находим у Страбона (VII. 3, 8; ср.: Plut. De stoic. ger. IV. 20; Dio Chrys. 2. 75). К тому же кругу сочинений, видимо, относится исторический источник географа о Левконе, Сатире и Перисаде (и апофеозе последнего — Strabo. VII. 4. 4).

⁶ См.: Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Куда и зачем плывал Демей? // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Докл. конф. М., 1999. С. 81, сл.

⁷ МИС. 32 = IG. XII. 2, 3; Яйленко В.П. Вторая фанагорийская проксия // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 480–483; Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 59–60, примеч. 18; С. 57, сл.; С. 64, сл.; Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 62, сл.; С. 58, сл.;

КБН 1–5; Шелов-Коведяев Ф.В. Декрет из раскопок в Пантикапее // ВДИ. 1988. № 4. С. 81–83; Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. Новые декреты... С. 60, сл.; КБН. Add. 4).

⁸ Ю.Г. Виноградов (Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову. М., 1999. С. 292, сл.) относит публикуемый им новонайденный при раскопках Пантикапея декрет ко времени сына Левкона II (Спартока V или Перисада III). Не исключена, на мой взгляд, возможность, что здесь некий сын Левкона — не Спартокид, а иностранец (ср.: КБН. 180); в таком случае это не декрет, а скорее посвящение.

⁹ Судя по данным декрета 346 г. (МИС. 3; IG. II². 212; Syll³. 206₄₆), вкуче с данными Исократ (XVII), в Афинах стояла «стела Сатира», на которой было вырезано решение народного собрания (декрет или договор) — ранее 394 г.

¹⁰ КБН. 37; МИС. 3 = IG. II². 212; МИС. 4; IG. II². 653.

¹¹ Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.

¹² КБН. 1111; Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1967. № 1. С. 60, сл.; Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 2002. Vol. 8, fasc. 1. С. 99, сл.; КБН. ба, 6, 1037, 1038; 8; Власова Е.В. Фрагмент посвятельной надписи из Нимфея // Hyperboreus. СПб., 1994/1995. Vol. 1, fasc. 2. С. 135, сл. (SEG XLV. 996); КБН. 1042; 7; 1014; 10, 11, 971, 1039, 1040; 1015, 9; 972; 18, 974; 1043, 19).

¹³ Позже — в особых, редких случаях.

¹⁴ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I / РА. 1993. № 2; ср.: Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвятельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. 1998. Vol. 4, fasc. 2; Он же. Еще раз о синдских монетах и синдском государстве // БФ. СПб., 2001. Ч. I; Он же. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I: (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180;

Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамад и Горгипп: (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII. 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. 2002. № 3; Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. Вып. 7.

¹⁵ КБН 231, 495, 1017, 1059.

¹⁶ МИС 11, 12, 60–65. Правда, в почетном декрете с Делоса середины III в., принятом в честь Койрана, указан его демотикон — «пантикапаит» (МИС 21). В посвящении на Делосе конца I в. до н.э. Эвтих, сын Аполлония, называет себя нимфантом (МИС 58). Следует, однако, обратить внимание на то, что в надгробиях фигурирует только обобщающее «боспорит/боспоранец—боспоранка». Но ведь это в «дальнем зарубежье» и в III в. — житель (гражданин) столичного Пантикапея, а «нимфант» — уже в эпоху наследников Митридата.

¹⁷ Болтунова А.И. Надписи Горгиппии: (Из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. С. 59–61, № 18; Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. № 211; Vinogradov Yu.G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, Caucasus and Central Asia (1985–1990) // ACSS. 1994. I. 1. P. 69.

¹⁸ КБН. 180, 203, 1233; Яйленко В.П. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 222–226.

¹⁹ Примечательно, что подавляющая часть надгробий иностранцев происходит из некрополя столицы Боспора. Исключения: надгробие Филоксена из Гелики, найденное в Синдской Гавани конца VI — начала V в.; гераклеота из Горгиппии второй половины IV в.; хиосца Ангелиппа из Прикубанья IV в.; тегента Пантия из Фанагории, первой половины IV в.; гераклеотянки из Нимфея IV в.

²⁰ Пантикапей, Феодосия, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, Танаис.

²¹ КБН 1956, 1137, 912, 109–111.

²² КБН 1138–1191, 1293–1298, 989–990, 947.

²³ МИС 1; IG. I². 63; ATL. 1, P. 116 [A 9. № 38, 39].

²⁴ И дело здесь не столько в том, что их раскопано меньше, сколько в том,

- что аналитическая часть работы по совокупности этих памятников сильно отстает. И это обстоятельство весьма затрудняет изучение политических процессов на Боспоре в III—II вв. до н.э.
- ²⁵ Масленников А.А. «Царская» хора Боспора на рубеже V—IV вв. до н.э.: (к вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. № 1. С. 178—190.
- ²⁶ См.: Тохтасев С.Р. ВОСПОРОС // БФ. СПб., 1999. С. 86—90.
- ²⁷ См.: Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т. Полис и миграции греков // ПГКСиВП. Тбилиси, 1979. С. 7—29; Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. Новые проблемы греческой колонизации // ПГКСВП. Тбилиси, 1979. С. 29—46; Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // ОАИБ. М., 1992. С. 6—28.
- ²⁸ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. М., 1983. Т. I. С. 370; Яйленко В.П. Архаическая Греция // АГ. Т. I. М., 1983. С. 138, 140; Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора. С. 19, 23, 24.
- ²⁹ На позднем этапе колонизации конституировались все апойкии. См.: Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Berlin; New York, 1983. S. 70; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 62; Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре: (эпоха архаики) // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 245.
- ³⁰ См.: Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследований античных городов: Тез. М., 1989. С. 30—37. Представленные исследователем расчеты могут быть приняты со значительными оговорками (особенно с учетом новых материалов, полученных раскопками В.Д. Кузнецова в центральной части городища, еще неопубликованных). Но то, что именно в это время наблюдается весьма заметный рост населения (и не только в Фанагории) — факт надежный (см.: Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI—V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 263, сл., табл. 1а).
- ³¹ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2. С. 75—76.
- ³² Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI—V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Оikos. Керчь, 2006. С. 92—101.
- ³³ Все датировки основания боспорских колоний даны по: Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. 1991. № 4. С. 50, сл.; Он же. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 32—34; см. также: Ильина Ю.И. Ранняя восточногреческая керамика на Боспоре // ТС. СПб., 2000. Вып. 3. С. 114—116; Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 109—112; Она же. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965—1985 гг. (кроме чернофигурной) // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 136, 138, 147, 165. Они предложены на основании хронологии ранних групп керамики (амфор и расписной посуды). Как справедливо отметил В.А. Анохин (История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 5), «в методическом плане такой подход кажется наименее уязвимым», поскольку исключает соображения субъективного характера. К этому добавим сопоставимость датировки материалов с разных памятников (общность критериев). Иной подход к проблеме см.: Соловьев С.А. О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // ПАВ. 1993. Вып. 3. С. 40; Петрова Э.Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь, 2000. С. 47.
- ³⁴ Первая апойкия (основанная выходами из Милета — Strab. VII. 4, 4; Plin. NH. IV. 87) появилась в первой четверти VI в. на г. Митридат (в совр. Керчи). Название ее — Пантикапей, возможно, связано с др.-иранским наименованием пролива. См.: Блаватский В.Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 18—22.
- ³⁵ Также как Феодосия (Агг. PPE. 30; Ps.-Агг. PPE. 74); метрополи других поселений Восточного Крыма, основанных в то же время (Нимфей, Мирмекий, Тиритаки), не установлены.
- ³⁶ См.: Кузнецов В.Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья. С. 33—34; Он же. Кепы: ионийская керамика. С. 50; Он же. Раскопки в Кепях 1984—1989 гг. // ОАИБ. М., 1992. С. 32; Зеест И.Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 143; Коровина А.К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 7; Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 216; Шмидт Р.В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1992. № 25. С. 246—247; Виноградов Ю.А. Мирмекий // ОАИБ. М., 1992. С. 105; Он же. Исследования на городище Мирмекий // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ, 1993. С. 33—34; Абрамов А.П. Амфоры VI—V вв. до н.э. из раскопок Патрея: (раскопки 1985—86 гг.) // Древности Кубани: Материалы семинара. Краснодар, 1987. С. 37; Он же. Классификация и периодизация амфор второй половины VI — первой половины V в. до н.э. // РА. 1993. № 4. С. 26—27; Он же. Городище Патрей: Периодизация и топография // Патрей: Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1. С. 5; Завойкин А.А. Киммериды — полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. Вып. 4. С. 130—134; Он же. Периодизация истории Киммериды // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 115—119; Он же. Боспор: территориальное государство и полис // БФ. СПб., 2001. Ч. I. С. 22—28. Поскольку Киммериды и Ахилий до сих пор надежно не локализируются и, соответственно, не исследованы археологически, за общими сведениями отсылаем читателя к указанным выше работам автора. Датировка их основания второй четвертью — серединой VI в. до н.э. имеет чисто условный характер.
- ³⁷ Некоторые исследователи полагают, что эти поселения возникли уже в ходе вторичной, внутренней колонизации пантикапейцев как аграрные центры на осваиваемой хоре (см.: Виноградов Ю.А. О полисах на Боспоре //

- Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: Экономика, политика, культура: Материалы конф. Севастополь, 1992. С. 100–101; Он же. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья: Материалы конф. Севастополь, 1995. С. 68; ср. однако: Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре... С. 237–248; Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис. С. 26–27).
- ³⁸ См.: Виноградов Ю.А. О полисах на Боспоре. С. 21–22; Он же. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. Вып. 9. С. 79–96; Он же. О полисах в районе Боспора Киммерийского. С. 65–69; Он же. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // РА. 1995. № 3. С. 152–160; Он же. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. Вып. 3. С. 104–105; Он же. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΤΙΓΙΑ: Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 228; Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 5–10; Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре... С. 237–253; Цецхладзе Г.Р. О полисном статусе городов античного Боспора // ДГВЕ 1996–1997 гг. М., 1999. С. 193–200; и др.
- ³⁹ Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 78; Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис. С. 23–28.
- ⁴⁰ См.: Завойкин А.А., Сударев Н.И. Поселение и святилище «Береговой 4»: Итоги исследований в 1999–2004 гг. // АО за 15 лет (в печати); ср.: Они же. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг.: (Предварительная информация) // Патрей: Материалы и исследования. М., 2004. Вып. 2. С. 75.
- ⁴¹ Об обстоятельствах выведения апойкии см.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 61; Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 31; Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 227–235.
- ⁴² Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 19; Она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 9; Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. Этим же временем определяется основание в районе Геленджикской бухты поселения, именуемого обычно Ториком (Онайко Н.А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 66, сл.; ср.: Кузнецов В.Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья. С. 34). Сложно говорить о статусе этого поселения, планиграфически напоминающего большую укрепленную усадьбу (см.: Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 43; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 38–42). Однако учитывая время основания поселения и его территориальную изолированность, вероятно его следует считать самостоятельной апойкией, возникшей в ходе колонизации.
- ⁴³ Показательны сравнительные размеры боспорских городов в период их расцвета (см. табл. 3, с. 72).
- ⁴⁴ Яйленко В.П. Древнегреческая колонизационная практика // ПГКСВП. 1979. С. 68. Для сравнения: первая группа колонистов с Феры во главе с Баттом в Киренаике насчитывала всего ок. 150 человек (на двух пятидесятисельных судах – Herod. IV. 153) (см.: Безрученко И.М. Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н.э. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 80); в Иссеиском законе о разделе колонистами сохранились имена примерно 250 первых колонистов (см.: Яйленко В.П. Древнегреческая колонизационная практика. С. 73, примеч. 5). Едва ли даже древнейшая апойкия – Пантикапей – значительно превосходила другие колонии (см.: Блаватский В.Д. Пантикапей... С. 49). Впрочем, высказывалось и мнение, что уже на первых порах, выступая в роли своего рода координатора колонизационных потоков, он занимал и в VI в. до н.э. положение гегемона, который ставил «под свой контроль Керченский пролив» и основал ряд собственных колоний (Мирмекий, Тиритака, Коркондама, пос. на мысе Такиль); см.: Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 15, 18.
- ⁴⁵ Ср.: Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории. С. 229, сл.
- ⁴⁶ Виноградов Ю.А. Греческая колонизация... С. 101–115; Он же. К проблеме становления... С. 227–232; Толстиков В.П. Ранний Пантикапей в свете археологических исследований // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 387–390.
- ⁴⁷ Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. Вып. 6. С. 99, сл.
- ⁴⁸ См.: Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора: (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001. Вып. I. С. 76–77; ср.: Зубарь В.М., Зинко В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь, 2006 = БИ. Вып. XII. С. 16–25; Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья. (Глава III) // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 54–66.
- ⁴⁹ По этой причине методика вычисления интервала (70–80 лет) между датой основания и первыми наземными постройками, предложенная Ю.А. Виноградовым, требует существенной корректировки: в противном случае, между исходной датой и первыми землянками, скажем, в Пантикапее, тоже можно считать едва ли не полувековой разрыв. Вопросы, вытекающие из этого тезиса иначе как парадоксальными не назовешь.
- ⁵⁰ Примерно на рубеже третьей и четвертой четвертей VI в. в Пантикапее происходит «переход» к наземному домостроительству, формируется градостроительная система с общественными зданиями (Толстиков В.П. Ранний Пантикапей... С. 390, сл.). В то же время в третьей четверти VI в. экономическое развитие этого полиса достигает такого уровня, что появляется потребность в чеканке собственной серебряной монеты (см.: Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 164; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 14, 24; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 17;

- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. — середины IV в. н.э. в свете новых исследований // ОАИБ. 1992. С. 199–202), удовлетворявшей потребности внутреннего рынка, видимо, не только Пантикапея, но и всего региона. Недавно, впрочем, была высказана аргументированная критика столь ранней датировки начала серебряной чеканки, которую, по мнению С.А. Коваленко, необходимо отнести к концу VI в. до н.э. (Коваленко С.А. О начале монетной чеканки на Боспоре // БФ. 2005. С. 361–365).
- ⁵¹ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 73, 67–70. В Восточном же Крыму сельские поселения третьей четверти VI в. до сих пор неизвестны.
- ⁵² См.: Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора: (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГВЕ 1996–1997 гг. С. 170–192; Он же. Сельские поселения Европейского Боспора... С. 291–322.
- ⁵³ Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора... С. 303.
- ⁵⁴ Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор: Материалы конф. памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 56.
- ⁵⁵ См.: Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., Рогов Е.Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ПГКСВП. 1979. С. 75–81; Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4; Вахтина М.Ю. Скифское погребение... С. 56–57.
- ⁵⁶ Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора... С. 174. Ср.: Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский (глава 5) // Греки и варвары Северного Причерноморья... С. 213, сл.
- ⁵⁷ Строительство оборонительных рубежей на акрополе Мирмекия «вскоре после середины VI в. до н.э.», в принципе, не обязательно должно рассматриваться как первый сигнал реальной военной угрозы, но, может быть, в качестве того, что впервые появилась возможность для их сооружения. Однако и сам факт, что крепостные стены предшествуют в Мирмекии наземному жилую домостроительству, по-своему красноречив.
- ⁵⁸ Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. С. 29, 42.
- ⁵⁹ По этому поводу существуют различные точки зрения; об этом см.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 395–396, примеч. 765; Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 36, 50, сл.; Он же. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. 1963. Вып. 65. С. 20; Ноопан Т.С. The Grain Trade of Northern Black Sea in Antiquity // AJPh. 1973. 94. 3. P. 233–234; Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1. С. 108.
- ⁶⁰ Не считая городов — Гермонассы, Патрея, Кеп и Фанагории; см.: Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 73.
- ⁶¹ Здесь известно лишь примерно 9–10 сельских поселений этого периода: Героевка 1 и 2 (?), Южно-Чурубашское, Тобечик-8, два поселения на хоре Тиритаки, Михайловка (?), Чокракский родник; Чабацкая Балка, на мысе Такиль, Заветное 5. См.: Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 37; Он же. Греки и варвары на границах Боспора... С. 179; Он же. Сельские поселения Европейского Боспора... С. 85; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 39–45; Она же. Южно-Чурубашское поселение // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 248; Горончаровский В.А. Новые данные для изучения боспорской хоры VI–II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье: Тез. докл. конф. Одесса, 1991. С. 19–23; Зинько В.Н. Хора Нимфея (VI–III вв. до н.э.) // Пантикапей — Боспор — Керчь — 26 веков древней столицы: Материалы международной конф. Керчь, 2000. С. 47; Он же. Становление Нимфейского полиса // БФ. СПб., Ч. I. 2001. С. 104; Он же. Хора боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Вып. IV. С. 26, сл., 44, 45, рис. 20; Он же. Хора городов европейского Боспора (VI–I вв. до н.э.). Симферополь; Керчь, 2007 = БИ. Вып. XV; Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 151; Соловьев С.А. Археологические памятники сельской
- округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003. С. 16–24, 25 сл.; Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму // АМА. 1990. Вып. 7. С. 126–128; Соловьев С.А., Шенко Л.Г. Архаические памятники сельской округи Акры: Поселение Заветное 5. СПб., 2004. С. 25, рис. 39; табл. 1: 36/2, 17/3 и др.); Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения... С. 92–101. Из традиционного списка исключена Андреевка Южная (см.: Кругликова И.Т. Поселение Андреевка Южная // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 182, примеч. 1), датируемая теперь со второй четверти V в. до н.э.
- ⁶² Началом V в. до н.э. датируются первые поселения и на хоре Феодосии (Гаврилов О.В. Сільска округа Феодосії у V–II ст. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1999. С. 6).
- ⁶³ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 78–79. В числе таковых к северо-востоку от Пантикапея, в районе северной переправы, появляются Порфмий и Парфений (нетрадиционное мнение о локализации этих пунктов см.: Толтасьев С.Р. Посвященное граффито из Порфмия // Древнее Причерноморье: Краткие сообщ. Одесского Археологического Общества. Одесса, 1993. С. 74–75; Федосеев Н.Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // Проблемы археологии и истории Боспора: К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996. С. 38–39). Порфмий, основание которого сложно относить ко времени ранее рубежа третьей и четвертой четверти VI в. (см.: Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 78; Вахтина М.Ю. Расписная архаическая керамика из раскопок Порфмия // Боспор Киммерийский и варварский мир... С. 32–36), по-видимому, изначально представлял собой крепость у переправы: его древнейшие крепостные стены датируются второй половиной или концом VI в. до н.э. (Она же. Некоторые итоги исследования древнейших слоев городища Порфмия в Восточном Крыму 1986–1990 г. // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к пленуму ИИМК (26–28 ноября 1991 г.). СПб., 1991. С. 33–34; Она же. О древнейших сооружениях

- античного Порфмия // Фортификация в древности и средневековье: Материалы методического семинара ИИМК. СПб., 1995. С. 31–33; *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2001. Ч. 1. С. 44).
- ⁶⁴ *Абрамов А.П.* История исследования Патрея // Патрей: Материалы исследования. М., 2004. Вып. 2; *Он же.* Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея // ДБ. 2006. Т. 9. С. 11–35.
- ⁶⁵ *Онайко Н.А.* Архаический Торик... С. 44, 49, 84, 94.
- ⁶⁶ Благодарю В.Д. Кузнецова, позволившего сослаться на неопубликованные материалы (раскопки 2005–2006 гг.).
- ⁶⁷ Примерно к 480 г. до н.э. В.П. Толстиков относит сооружение первых крепостных стен на акрополе Пантикапея: кладка № 204; третья фаза II строительного периода (*Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н.э. // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 322). Прежде он датировал «началом» V в. до н.э., ср.: *Толстиков В.П.* Ранний Пантикапей... С. 397–398; *Он же.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // БФ. 2001. Ч. 1. С. 53–54). В городе фиксируется массовое производство предметов вооружения (в первую очередь наконечников стрел) уже с конца VI в. до н.э. Данное обстоятельство В.П. Толстиков ставит в прямую взаимосвязь с «дестабилизацией военно-политической обстановки» (*Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора // ОАИБ. 1992. С. 30–32).
- ⁶⁸ См.: *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника: (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 109–113; *Он же.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003. С. 182, сл., 284 (с последней трети VI в.); *Масленнико А.А.* Греки и варвары на границах Боспора... С. 176–177; *Виноградов Ю.А.* Две Скифии и скифы царские // БФ. 2001. Ч. II. С. 124.
- ⁶⁹ См.: *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... Ч. I // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 101–151; *Они же.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... Ч. II // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 263–303.
- ⁷⁰ Например, именно в последней четверти VI – первой четверти V в. на акрополе Пантикапея формируется архитектурно оформленный общественный центр полиса (*Толстиков В.П.* Ранний Пантикапей... С. 396). В боспорских городах появляются первые ордерные постройки – на акрополе Пантикапея в последней четверти VI в. до н.э. возводится монументальный храм Аполлона Врача (по датировке В.Д. Блаватского; см. теперь: *Буйских А.В.* Новая капитель из Пантикапея: (к проблеме развития архитектуры ионического ордера на Боспоре // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 167, примеч. 9). С мнением исследовательницы теперь согласен и В.П. Толстиков, прежде придерживающийся датировки И.Р. Пичикяна второй четвертью V в. до н.э. (Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 1975. № 1. С. 122–126; *Он же.* Малая Азия – Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 166; *Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора. С. 78). Что касается датировки строительства ордерной постройки в Гермонассе (см.: *Арзаманов Г.Ф.* Архаическая капитель из Тамани // ВДИ. 1989. № 4. С. 53; *Коровина А.К.* История исследования Таманского городища // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 35, рис. 20), по мнению А.В. Буйских, ее нельзя относить ко времени ранее IV в. до н.э. Сложнее обстоит вопрос об ордерных сооружениях Нимфея: малоазийские прототипы архитектурных форм позволили датировать некоторые из них не позднее середины – конца V в. (см.: *Соколова О.Ю.* Исследования Нимфея в 1996 году // ОАС: Тез. докл. СПб., 1997. С. 144, рис. 1; *Она же.* Некоторые итоги раскопок Нимфея (1991–1999 гг.) // ТС. 2000. Вып. 3. С. 140–141; *Она же.* Новая надпись из Нимфея: (предварительное сообщение) // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 368–369; *Долинская Н.В.* Стилистическая характеристика и пропорциональный анализ архитектурных ордерных деталей из г. Нимфея: (по материалам раскопок 1996–1997 гг.) // СПбГАСУ.
- Труды молодых ученых. СПб., 1998. Ч. III. С. 127–128). Однако, видимо, датирующая надпись второй четверти IV в. до н.э. должна и в этом случае «повысить датировку» соответствующим образом. Начинается чеканка местной серебряной монеты, имеющей широкое хождение во всем регионе, что говорит о складывании внутреннего боспорского рынка.
- ⁷¹ Обзор памятников со следами разрушений, требующий уточнений и дополнений см.: *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства: (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48; *Он же.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // БФ. СПб., 2001. Ч. I. С. 46–48; см. также: *Он же.* Пантикапей – столица Боспора. С. 76–77; *Он же.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея... С. 45–56 (Пантикапей); *Сокольский Н.И.* Новые раскопки в Кепах // Actes de XIIe Conférence d'Etudes Classiques «Eirene», 1972. Bucureşti; Amsterdam, 1975. P. 615–617; *Кузнецов В.Д.* Раскопки в Кепах 1984–1989 гг. С. 29 (Кепы); *Абрамов А.П., Болдырев С.И.* «Клады» 1998 г. из Патрея // БФ. СПб., 2001. Ч. I. С. 143–145 (Патрей); *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 217; *Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия: (предварительные итоги исследования) // Проблемы исследований античных городов: Тез. III чтений памяти В.Д. Блаватского. М., 1989. С. 27–28; *Они же.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1; *Бутягин А.М.* Мирмекий в период арханки // ТС. 2000. Вып. 3. С. 143–144 (Мирмекий); *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки... С. 85, 88 (Тиритака); *Вахтина М.Ю.* О древнейших сооружениях античного Порфмия. С. 33 (Порфмий). Необходимые уточнения и анализ концепция Ю.Г. Виноградова и В.П. Толстикова о причинах и ходе событий в процессе образования Боспорского государства см.: *Завойкин А.А.* Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования

Боспорского государства // РА. 2006. № 4. С. 103–111.

⁷² См.: *Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху арханки // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвузовский сб. Белгород; Воронеж, 1991. С. 33–34; *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки... С. 217; *Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия... С. 27–28; *Они же.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия... (в Мирмекии жизнь за пределами линий обороны прекращается до третьей четверти V в. до н.э.); *Виноградов Ю.А.* Исследования на западной окраине Мирмекии // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 74; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 45; *Он же.* Раскопки Мирмекии в 1935–1938 гг. С. 17–19; *Толстикова В.П.* Ранний Пантикапей... С. 397–398; *Он же.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея... С. 54–55.

Центральный район Пантикапея переживает перестройку, которой предшествуют разрушения, связанные с военными действиями: на месте регулярной застройки и общественных зданий вновь появляются землянки и полуземлянки. Ранее исследователь полагал, что слой разрушения сооружений третьей фазы II строительного периода образовался «не в результате катастрофического одновременного разрушения или пожара, но накапливался постепенно в течение ряда лет по мере ветшания» (*Он же.* Ранний Пантикапей... С. 398–399; *Он же.* Пантикапей — столица Боспора. С. 76–77; *Он же.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея... С. 54–55). Однако раскопки последних лет позволяют внести существенные коррективы в эту схему. Согласно им, на данном этапе Пантикапей пережил разрушения, связанные с непосредственными военными действиями: в слое разрушений с выраженными следами пожара в районе многокамерных комплексов II и III были найдены многочисленные наконечники стрел (см.: *Толстикова В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы... С. 323–324, табл. XVII).

⁷³ Ранее приведенное, в частности, к резкому сокращению хоры Ольвии (см.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном

Причерноморье. С. 398–406; *Он же.* Политическая история Ольвийского полиса... С. 81–109; *Толстикова В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3; *Он же.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея... С. 45, сл.).

⁷⁴ См.: *Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории... С. 35–36; *Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 114–128; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. ... С. 27–33; *Григорьев Д.В.* К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 38, сл.; ср.: *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... Ч. I. С. 130–131.

⁷⁵ *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 76. Сложнее со статистикой поселений в Восточном Крыму (среди них — поселения на м. Зюк, «холм А» (Киммерик), Андреевка Южная; см.: *Абрамов А.П., Масленников А.А.* Амфоры V в. до н.э. из раскопок поселения на мысе Зюк // СА. 1991. № 3. С. 247; *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 78; *Кругликова И.Т.* Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 235–243; *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 200–201. На сельской территории Феодосии V в. до н.э. датируется 14 поселений (*Гаврилов О.В.* Сельская округа Феодосии у V–II ст. до н.э. С. 6), однако пока невозможно хронологически дифференцировать эти статистические данные, по приблизительным подсчетам число поселений на хоре достигает 15 (см.: *Завойкин А.А., Масленников А.А.* Специфика освоения... С. 121, рис. 1 и табл. 4, с. 73).

⁷⁶ *Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории. С. 30–37; *Он же.* Некоторые

вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследованных античных городов: Тез. М., 1989. С. 42. Как уже было отмечено, подсчет этот весьма приблизителен.

⁷⁷ См.: *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... Ч. II. С. 265, сл.

⁷⁸ См.: *Они же.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... Ч. I. С. 124–128, табл. За-б; *Завойкин А.А., Масленников А.А.* Специфика освоения... С. 115, 119–120.

⁷⁹ *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... Ч. II. С. 277–278.

⁸⁰ По мнению Т.В. Блаватской (Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. С. 9–16), Ф.В. Шелова-Коведяева (История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 63–64) и Е.А. Молева (Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. С. 15, 29), союз этот образовался еще раньше, на рубеже VI–V вв. до н.э., а последний автор отодвигает начальную дату к середине VI в. до н.э., считая, правда, это образование не симмахией, а скорее союзом гегемонистского типа во главе с Пантикапеем.

⁸¹ Некоторые сторонники раннего образования Боспорского государства (например, Е.А. Молев) значимость скифской агрессии полностью отрицают, в основном ссылаясь на то, что причины внешние не могут быть основанием для становления государственности.

⁸² См.: *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья... С. 193–197; *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 394–420; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 63–78; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. С. 24–41. Е.А. Молев (Там же. С. 29) понимает «объединение эллинских городов во главе с Пантикапеем, именуемое “Боспор”» более узко, оставляя за его пределами в начале V в. до н.э. Нимфей, Фанагорию, Гермонассу, Синдскую Гавань и Кепы. Основную литературу см.: *Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства. С. 111, примеч. 2.

⁸³ См.: *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье... С. 23, 48, сл.; *Васильев А.Н.* Проблемы политической истории Боспора V–IV вв. до н.э. в

отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 13–17; Он же. К вопросу о времени образования Боспорского государства. С. 111–128; Завойкин А.А. «Βόσπορος Κιζιέριος» — «Βόσπορος» — *Diod.* XII. 31. 1: (опыт источниковедческого анализа) // ПИФК. 1994. Вып. 1. С. 64–69.

⁸⁴ Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 172–173.

⁸⁵ Ср.: Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК. 1918. Вып. 54.

⁸⁶ Например, см.: Завойкин А.А. Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III в. до н.э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 62.

⁸⁷ В это время стены Мирмекия теряют свое оборонительное значение: город разрастается и выходит за их пределы (Виноградов Ю.А. Мирмекий. С. 107).

На мысе Такиль основан Китей (Молев Е.А. Боспорское место Китей IV—III ст. до н.э.: (За материалами раскопок 1970–1981 гг.) // Археология. 1986. № 54. С. 43; Абрамов А.П., Масленников А.А. Амфоры V в. до н.э. ... С. 247; Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 78: по ошибке приведена дата — ок. 480–450 гг.). Недавно Е.А. Молев (Основные этапы истории Китея // ТС. 2000. Вып. 3. С. 42; Он же. О времени основания Китея // БФ. 2004. Ч. I. С. 73), ссылаясь на немногочисленные находки из святилища (зольника) и некрополя, предложил более раннюю дату — первая половина V в. до н.э. Стоит, пожалуй, подчеркнуть, что ревизия этой датировки не имеет под собой каких-либо новых материалов по сравнению с тем временем, когда автор раскопок определял ктизму Китея иначе).

По-видимому, в этот же период была основана Акра «в пантикапейской земле» (*Strab.* XI. 2. 8) (см.: Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора... С. 86–87; Куликов А.В. К вопросу о локализации античного городища Акра: (по данным нумизматических источников) // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 262: «Скудные керамические материалы, которые возможно было бы

датировать концом VI — началом V в. до н.э. ... к сожалению... найдены вне культурного слоя»; ср.: Он же. О хронологии культурных слоев античного городища Акры // БФ. 2004. Ч. I. С. 160–162: слоев и находок ранее IV в. до н.э. нет, но в размывах городища встречаются находки от третьей четверти VI в. до н.э.).

«Именно с середины V в. до н.э. Пантикапей входит в период своего архитектурного оформления как главного города и столицы Боспора» (Толстиков В.П. Пантикапей — столица Боспора. С. 78).

⁸⁸ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 76–77.

⁸⁹ См.: Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения... С. 121, рис. 1, с. 122–123.

⁹⁰ См.: Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI—V вв. до н.э. ... Ч. I. С. 123–124.

⁹¹ Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Археологический сб. 1991. Вып. 31. С. 55; Он же. Скифская хроника. С. 162; Власова Е.В. Семибратние курганы // БФ. Ч. II. 2001. С. 128. В это время в некрополе Нимфея появляются скифские подкурганые погребения (Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69; Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии... С. 51; Он же. Скифская хроника. С. 162).

Высказывалось мнение, что Нимфей привлекал скифов в качестве крайнего пункта дороги у южной переправы через пролив (Федосеев Н.Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // Проблемы археологии и истории Боспора: К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996. С. 38–39; Он же. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. 1999. Т. III. С. 61–102. Ю.Г. Виноградовым и А.А. Молчановым (Еще раз о монетах Нимфея с легендой ΣΑΜΜΑ // ТД IX ВНК. СПб., 2001. С. 17–18) было поддержано предположение, ранее высказанное О.Н. Мельниковым (Нимфей и монеты с легендой ΑΜΜΑ // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992), о том, что Нимфей находился под «протекто-

ратом» скифов и чеканил от имени одного из царей, которого звали «Самма...» серебряную монету. Надо заметить, что эти редкие монеты, повторяющие типы Митилены 70–40-х годов V в. до н.э., стали основанием для различных (порой экзотических) и многочисленных предположений (помимо названных см.: *Stolba W.F.* ΣΑΜΜΑ: Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Sonderdruck aus *stephanos nomismatikos* / Ed. Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag. Hrsg. von U. Peter. B., 1998; *Anochin W.A.* Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosphoros (437 v. Chr.) // Sonderdruck aus *stephanos nomismatikos* / Ed. Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag. Hrsg. von U. Peter. B., 1998; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 23–25; *Суриков И.Е.* По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // ТД VIII ВНК. 2000; Он же. ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ТД XII ВНК. 2004. С. 25–26). И даже, что данный полис находился под «протекторатом» кочевников (см.: *Мельников О.Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII; *Виноградов Ю.Г., Молчанов А.А.* Еще раз о монетах Нимфея с легендой ΣΑΜΜΑ. С. 17–18; *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея. С. 44. Сам термин, конечно, используется условно (см.: *Зубарь В.М.* Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI — на рубеже IV—III вв. до н.э. // ПИФК. 2003. Вып. XIII. С. 49, примеч. 25).

⁹² См.: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И.* Народы нашей страны... С. 259–260; *Масленников А.А.* Греки и варвары на границах Боспора... С. 175; Он же. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 315–316.

⁹³ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 238, 244.

⁹⁴ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н.э. С. 24, 27–28; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 20, 136–137; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э. ... С. 204–205, 207–208; Она же. О проблеме чеканки монет с надписью ΑΠΟΛ // БС. 1995. Вып. 6; *Завойкин А.А.* Афины — Боспор — Герак-

- лея Понтийская: (от Перикла до Клеарха) // *Международные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 2000. С. 254–255, 259–260.
- ⁹⁵ См.: *Толстикова В.П.* К проблеме образования Боспорского государства. С. 46–47, примеч. 95; *Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье... С. 146–147, примеч. 2; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 69.
- ⁹⁶ См.: *Строкин В.Л.* АПОΛ(лония) Боспорская или храм АПОΛ(лона)? // *ДБ*. 2007. Вып. 11. Автор статьи пытается обосновать принадлежность монеты Фанагории или, во всяком случае, одному из центров Азиатского Боспора.
- ⁹⁷ Приблизительно тогда же в чеканке Пантикапей появляются изображения восьми лучевых звезд, которые, сугубо предположительно, отражают политическую ориентацию на Ахеменидов (см.: *Завойкин А.А.* Афины — Боспор — Гераклея Понтийская... С. 259–261; ср. критику: *Борисова В.С., Молев Е.А.* Монеты с легендой АПОΛ и политическая история Боспора // *Μνῆμα: Сб. статей памяти В.Д. Жигунина*. Казань, 2002. С. 273–274).
- ⁹⁸ О происхождении Спартока I, взаимосвязи упомянутых событий и характере династического переворота высказывались различные, порой весьма смелые предположения (см.: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 83–85, примеч. 83; *Мачинский Д.А.* Скифия и Боспор: От Аристея до Волошина // *Скифия и Боспор: Материалы конф. памяти М.И. Ростовцева*. Новочеркасск, 1993. С. 17; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 34–36; *Васильев А.Н.* Одрисский династ во главе Боспора? // *БФ*. 1999. С. 106–111; *Молев Е.А.* Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // *АМА*. 1999. Вып. 10. С. 30–34). Не имея возможности на этих страницах изложить аргументации исследователей, я, конечно, с оговорками, полагаю, в отличие от предшественников, что: 1) в данный период не следует говорить о Боспоре как о едином субъекте политической истории; 2) разумеется, к упомянутому обстоятельству следует добавить не менее существенные внутренние причины экономического и политического характера, а равно и фактор потенциальной (временами — реальной) угрозы со стороны варварского мира. Присоединяюсь к мнению М.И. Ростовцева (Эллинизм и иранство на юге России. С. 88) и Т.В. Блаватской (Очерки политической истории Боспора... С. 55) о том, что тирания Спартокидов, в определенной мере, сложилась в противовес влиянию Афин в регионе.
- ⁹⁹ См.: *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский морской союз // *МАСП*. 1959. Вып. III. Одесса, 1960. С. 57–81; *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // *ВДИ*. 1999. № 2. С. 98–114; *Завойкин А.А.* Афины — Боспор — Гераклея Понтийская... С. 256–259, примеч. 40.
- ¹⁰⁰ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. С. 36–38; *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора... С. 68–77; *Карышковский П.О.* Ольвия... С. 80–81; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 105–113; *Кошленко Г.А., Усачева О.М.* Гилон і Кепи // *Археологія*. 1992. № 3.
- ¹⁰¹ См.: *Завойкин А.А.* Киммериды — полис на Киммерийском Боспоре; *Он же.* Периодизация истории Киммериды.
- ¹⁰² Пантикапей же под властью Спартокидов, скорее всего, занял антиафинскую позицию (см. *Thuc.* III. 2. 2). В 428 г. предполагалась поддержка из Понта хлебом и лучниками восставших против Афин лесбосцев (ср.: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора... С. 77, сл.; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 137–138; *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 272, примеч. 34; *Завойкин А.А.* Афины — Боспор — Гераклея Понтийская... С. 258–259).
- ¹⁰³ Впрочем, высказывалось мнение и о том, что местом чеканки этих монет (или части их) был Пантикапей (см.: *Терещенко А.И.* О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // *Stratum plus*. 1999. Вып. 6. С. 86; *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах... С. 68), основанное только на присутствии на старшем номинале 3-й серии серебра восьмилучевой звезды. С этим предположением согласиться невозможно.
- ¹⁰⁴ Об этом говорит тип оборотной стороны монет первой серии: «сова с распростертыми крыльями», как на афинских тригемиболах первой декады Пелопоннесской войны.
- ¹⁰⁵ См.: *Тохтасьев С.Р.* Scythica в трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо 1979) // *ВДИ*. 1984. № 3. С. 141; *Он же.* Еще раз о синдских монетах... С. 63, сл.; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 127.
- ¹⁰⁶ См.: *Грач Н.Л.* К находке синдской монеты в Мирмекии // *СА*. 1972. № 3. С. 133, сл.; *Шелов Д.Б.* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья*. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981. С. 232, сл.; *Алексеева Е.М.* Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // *КСИА*. 1990. Вып. 197. С. 25, сл.; *Она же.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 20, сл.
- ¹⁰⁷ *Завойкин А.А., Болдырев С.И.* Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // *БС*. 1994. Вып. 4. С. 44, сл.
- ¹⁰⁸ *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах... С. 63, сл.
- ¹⁰⁹ *Правда, С.Р.* Тохтасьев (Еще раз о синдских монетах... С. 70) теоретически допускает чтение: «Σινδῶν(ικόν sc. νόμισμα)», но тут же отвергает его, ссылаясь на то, что на всех номиналах монеты написано всегда ΣΙΝΔΩΝ.
- ¹¹⁰ Присутствие на монетах 1–3 серий символики Афин, Теоса/Абдеры (метрополии Фанагории и «сестринской» колонии) и Гераклеи Понтийской, декларативный, политически заостренный характер чеканки. Н.Л. Грач справедливо замечает, что предположение о связи синдов не столько с Боспором, сколько с «заморскими греческими городами... совершенно невероятно, недоказуемо и явно противоречит общим историческим условиям» (*Грач Н.Л.* К находке... С. 141).
- ¹¹¹ Экономическая целесообразность племенной чеканки при отсутствии местного источника серебра и собственной монеты в греческих городах

- Азиатского Боспора; отсутствие монетных находок в Прикубанье во второй половине V в. до н.э. (как и в первой половине IV в. до н.э.) говорит о натуральном характере обмена в регионе (Мальшев А.А. Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. Вып. 4. С. 107, 110).
- ¹¹² См.: Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах... С. 67–68; ср.: Завойкин А.А., Болдырев С.И. Синдские монеты — монеты «синдов» // ТД XII ВНК. СПб., 2003. С. 24–25; Аптекарев А.З. «Синдские» монеты — проблема принадлежности остается // Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 15–18.
- ¹¹³ В один ряд с «синдской» следует поставить начало собственной монетной чеканки Нимфею (см.: Зограф А.Н. Античные монеты. С. 163; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 33–34; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 20, 138 (Н-1: ок. 413–403 гг.); Фролова Н.А. Монеты Нимфея: (Некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 346, табл. II–III) и Феодосией (см.: Зограф А.Н. Античные монеты. С. 162; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 39; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 20, 138 (Фе-1: ок. 413–403 гг.); Фролова Н.А. Чеканка Феодосии конца V–IV в. до н.э. // ПИФК. 1999. Вып. 8. С. 302–313; Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 208–218; Коваленко С.А., Молчанов А.А. О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 2005. № 1. С. 49–62). Разумеется, в основе этих чеканок лежат глубокие экономические причины: их цель — удовлетворение потребностей внутреннего рынка в разменной монете (в качестве которой ранее выступало пантикапейское и «аполлонийское» серебро). Удивляет относительная синхронность их появления, обусловленная либо единовременной отменой сдерживающего фактора (согласно мысли В.А. Анохина — декрета Клеарха (ср. однако: Суриков И.Е. Нимфей и Афинский монетный декрет // ТД XI ВНК. СПб., 2003. С. 26–27) для членов Афинской архэ, вплоть до Сицилийской катастрофы), либо какими-то иными изменившимися обстоятельствами. Примечательно, что своего рода нумизматический «парад суверенитетов» наблюдается только на Европейском Боспоре, на азиатской стороне — чеканится монета с надписью ΣΙΝΔΩΝ. А чеканка с легендой ΑΠΟΛ прекратилась.
- ¹¹⁴ Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 98–99, рис. 30; Она же. Фанагория. М., 1989. С. 53, сл.; Горлов Ю.В. К истории изучения Фанагории IV в. до н.э. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 135–137; Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V — начале IV в. до н.э.: (по материалам раскопок «Южного города») // ДБ. 2004. Suppl. I. С. 40–52.
- ¹¹⁵ Между победой афинян при Кизике летом 410 г., учреждением ими контроля над проливами (Хер. Hell. I. 1, 22; Polyb. IV. 44, 4) — и поражением афинского флота при Нотии в 406 г. (см.: Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора... С. 71–72; Берзин Э.О. Синдики, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 1. С. 129; Завойкин А.А. Афины — Боспор — Гераклея Понтийская... С. 262–263).
- ¹¹⁶ Этот вывод позволяет сделать анализ данных *Lys.* XVI. 4 (о событиях перед 405/4 г.), *Isocr.* XVII. 2–3 (события ранее 394 г.), а также упоминание «стелы Сатира» в Афинах (MIS. 3 = Syll³. 206, стк. 46), на которой было вырезано решение народного собрания (декрет или договор). На этих основаниях Т.В. Блаватская (Очерки политической истории Боспора... С. 125–128) говорит о заключении формального договора. Сатир I — первый боспорский правитель, упоминаемый в декретах и речах аттических ораторов.
- ¹¹⁷ На пантикапейских монетах чеканится «голова барана, шестилучевая звезда» (реверс).
- ¹¹⁸ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 170; Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья. С. 214; Берзин Э.О. Синдики, Боспор и Афины... С. 125–129; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 74, сл.; Завойкин А.А. О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. Вып. 6. С. 91; Он же. Афины — Боспор — Гераклея Понтийская... С. 263.
- ¹¹⁹ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. ... С. 113. Вероятно, Эсхин (II. 171–172), упрекая Демосфенова деда, Гилона, в сдаче Нимфея «врагам», передергивал факты: Сатир I, скорее всего, уже был в это время «союзником» афинян (в крайнем случае — Гилон лишь покорился обстоятельствам накануне заключения союза Афин и Пантикапея).
- ¹²⁰ Датировки правлений Спартокидов даны по Диодору. Здесь неуместно обсуждать существующие в науке ревизии боспорской хронологии сицилийского историка. Ограничусь указанием статей, где представлен обзор существующих проблем и точек зрения; там же читатель найдет и ссылки на литературу; см.: Завойкин А.А. Спарток и Перисад, дети Левкона: Некоторые проблемы боспорской хронологии // ПИФК. 1999. Вып. 8. С. 176, сл.; Он же. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // ДГВЕ за 1996–1997 гг. М., 1999. С. 142–157. Исследуя данную проблему, я не сумел отыскать иных аргументов, кроме как позволяющих «омолодить» датировки смены правителей на один год.
- ¹²¹ См.: Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. Вып. 5; Он же. О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани // БФ. 2004. Ч. I. С. 60, сл.
- ¹²² Особенно важна для нас роль сравнительного материала, связанного с формированием Сицилийской державы Дионисия Младшего, современника интересующих нас событий.
- ¹²³ См.: Шелов Д.Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации. С. 243.
- ¹²⁴ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. ... С. 126–127.
- ¹²⁵ Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвяtitельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4, fasc. 2. P. 300–301; Он же. Еще раз о синдских монетах и синдском государстве. С. 68.

- ¹²⁶ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 168–169; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. С. 43–49; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 20, 138–139 (С-3: ок. 413–403 гг.; Фа-1,2: ок. 403–393 и 493–389 гг.); Завойкин А.А., Болдырев С.И. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ. С. 45; Завойкин А.А. О времени автономной чеканки Фанагории. С. 91; Он же. Афины – Боспор – Гераклея Понтийская... С. 263; Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. Т. XVI. С. 120–121; Фролова Н.А. Ранние монеты Фанагории (конец V – начало IV в. до н.э.) // ТД IX ВНК. СПб., 2001. С. 12–14; Она же. Ранние монеты Фанагории (конец V – первая половина IV в. до н.э.) // Тр.ГИМ: Нумизматический сб. М., 2001. Ч. XV. С. 58–70.
- ¹²⁷ См.: Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н.э. // ОАИБ. 1992. М., 1992. С. 266–267; Он же. О времени автономной чеканки Фанагории. С. 91; Он же. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагория // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 78–80; Он же. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. ... С. 96–103.
- ¹²⁸ Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы... С. 26; Она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 22–23; Она же. Анапа: Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 21–22.
- ¹²⁹ Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // ОАИБ. 1992. С. 141; Абрамов А.П., Масленников А.А., Розов В.Н. Керамический комплекс рубежа V–IV вв. до н.э. с городища на мысе Зюк // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 74, 76.
- ¹³⁰ Зеест И.Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 143–146. Исследовательница связывает разрушение здания «фундаментального характера» с событиями войны Сатира I – Левкона I за Феодосию.
- ¹³¹ В последнем центре в это время строятся новые крепостные стены, которые охватывают всю территорию города (Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. С. 107, 143; Виноградов Ю.А. Мирмекий. С. 107; Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия... С. 59). В городе прекращает функционировать Зольник I (второй половины V в.) и разрушается здание с помещениями XLV–XLIV (именно в этом помещении была найдена «синдская» монета третьей серии; см.: Грач Н.А. К находке синдской монеты в Мирмекии. С. 133; Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987. С. 18, 68).
- ¹³² Поводом могло послужить то, что некие изгнанники с Боспора нашли прибежище в этом городе (Isocr. XVII. 3; Ps.-Aur. PPE. 77). Считается, что речь идет о представителях и сторонниках свергнутой династии Археанактидов (см.: Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 418, примеч. 237; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 115. См. также: Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья... С. 213; Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 174; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 78; Блаватский В.Д. Феодосия VI–IV вв. до н.э. и ее название // СА. 1981. № 4. С. 21; а также экзотическое мнение В.А. Анохина (История Боспора Киммерийского. С. 31) о «саммеотах» (нимфейских самосцах), спасшихся бегством от Перикла). Осторожнее выражаясь, Феодосия стала прибежищем политической оппозиции Спартокидам.
- ¹³³ См.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 118–119; ср.: Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. XXXII. С. 58, сл.; Он же. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 130–132; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 215; Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. С. 173; Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 121–122; Грач Н.А. О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья Л., 1968. С. 113, сл.; Блаватский В.Д. Феодосия VI–IV вв. до н.э. и ее название. С. 21–22; Васильев А.Н. К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 41–44; Burstlein S.M. The War between Heraklea Pontica and Leucon I of Bosphorus // Historia. 1974. 23. 4. P. 406.
- ¹³⁴ Примерно тогда же за какие-то благодеяния Сатир I был, видимо, удостоен почетного декрета ольвиополитов (Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995: надпись А). Издатели надписи предполагают, что отношения Пантикапея с Ольвией связаны с ситуацией, обусловленной боспоро-феодосийским конфликтом, с одной стороны, и со столкновением интересов Ольвии и Херсонеса в Северо-Западном Крыму – с другой (Там же. С. 74–75). Представляется, однако, что для такой реконструкции событий, приведенных Ю.Г. Виноградовым и В.В. Крапивиной, аргументов недостаточно. Иную датировку и интерпретацию памятника см.: Яйленко В.П. Призрак боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвиополитов да митридатовых солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // Тез. докл. VI Чтений памяти В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 123).
- ¹³⁵ С.А. Жебелев (Северное Причерноморье... С. 170, примеч. 2) и Ф.В. Шелов-Коведяев (История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 118–119) убедительно «примиряют» две версии смерти Сатира I (Polyaen. VIII. 55 и Ulp. Schol. ad Dem. XX. 33). О датировке сообщения см.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 130–132.
- ¹³⁶ Подробно см.: Завойкин А.А. Памятник Сатира I на азиатском Боспоре (Strab. XII. 2, 7) // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 47, сл.
- ¹³⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 118.
- ¹³⁸ Завойкин А.А. Афины–Боспор–Гераклея Понтийская... С. 265.
- ¹³⁹ О причинах вмешательства см.: Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 74.
- ¹⁴⁰ Масленников А.А. Сельские поселения европейского Боспора... С. 87.

«Начиная с этого времени... наступает новый, гораздо более яркий и хорошо представленный археологически период...» (Он же. Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 42–43; Он же. Хронологические «реперы» памятников дальней хоры Европейского Боспора конца VI–III в. до н.э. // БФ. 2004. Ч. I. С. 21 (появление сельских поселений «варварской группы»), С. 24 (появление греческих усадеб на «дальней хоре»).

¹⁴¹ См.: Гаврилов А.В. Новые данные о сельской округе античной Феодосии // Археология. 1998. № 1. С. 110–111.

¹⁴² Жизнь замирает на поселениях: мыс Зюк, «холм А» (И.Т. Кругликова попыталась связать «гибель» поселения на г. Опук с обстановкой периода войны Боспора с Феодосией: Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. С. 243; Она же. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 39), Чокракский мыс (Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 42).

Разрушения прослежены в Мирмекии: на участках И и С. (см.: Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. С. 65; Виноградов Ю.А. Мирмекий. С. 108–109, рис. 5, 1; Чистов Д.Е. Западная окраина Мирмекии во второй половине V – первой половине III в. до н.э. // БФ. 1999. С. 118); в Порфмии: гибель в пожаре построек периода «г». (см.: Кастанаян Е.Г. Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 78–81); и в Нимфее (М.М. Худяк (Из истории Нимфея VI–III веков до н.э. Л., 1962. С. 31–32) связывает разрушения с событиями войны Левкона I за Феодосию; ср. датировки: В.М. Скудиной (Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 137; Она же. Раскопки Нимфея в 1958 году // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 59–60): «начало IV в. до н.э.» и Н.А. Грач (Древнейшее винодельческое сооружение на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 94–95): «конец V в. до н.э.»).

См. по поводу синхронизации всех упомянутых сюжетов и возможной

их интерпретации: Завойкин А.А. «Время Клеофона фасосского» на Боспоре // Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 125, сл.

¹⁴³ Археологически синхронные разрушения в Синдской Гавани, на мой взгляд, говорят о том, что ее подчинение Спартокидам очень близко по времени финальному эпизоду войны за Феодосию (см. ниже).

¹⁴⁴ В принципе в этот исторический контекст хорошо вписывается относительно широкая и поздняя датировка фанагорийской чеканки, предложенная А.Н. Зографом (Античные монеты. С. 146. Табл. XXXV, 4–6), который возводил фанагорийский тип реверса к херсонесским монетам первой половины IV в. до н.э. С.А. Коваленко (О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху. С. 120–121) настаивает на традиционной датировке Д.Б. Шелова («первое десятилетие IV в. до н.э.»). Автор исследования о ранней чеканке Херсонеса исходит из сопоставления фанагорийской чеканки с феодосийской (по типу «бодящийся бык»), принимая дату присоединения Феодосии в качестве *terminus ante quem*, что совершенно справедливо. Однако дату завоевания Феодосии Боспором он, ссылаясь на «наиболее распространенное сегодня... мнение», определяет первыми годами правления Левкона I, с чем сложно согласиться.

¹⁴⁵ См.: Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. С. 56–59; Болдырев С.И., Завойкин А.А. Реформа Левкона I // ТД VIII ВНК. 2000. С. 7–9.

¹⁴⁶ Примерно тогда же боспорский правитель заключает союзный договор с Ольвией (см.: Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор...: надпись В).

¹⁴⁷ См.: Берзин Э.О. Синдики, Боспор и Афины... С. 128–129; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 15–16, табл. 2, 90; Завойкин А.А. Афины – Боспор – Гераклея Понтийская... С. 263. В последней своей книге В.А. Анохин (История Боспора Киммерийского. С. 50) финальную, как он считал ранее, серию автономной чеканки Феодосии отнес ко времени сразу после присоединения города к Боспору, считая выпуск

контрибуционным (ок. 385–380 гг. по его датировке). О.Н. Мельников (Монеты античной Феодосии. С. 213) суммарно датирует серии Фе-4, 5, 6 (объединенные, согласно реанимированной автором гипотезе Б.В. Кёне, новой формой легенды ΘΕΟΔΟΣ в различных сокращениях) «между началом 70-х годов и серединой IV в.», отводя серии Фе-6 «50-е годы – середину IV в.».

¹⁴⁸ См.: Завойкин А.А. Афины–Боспор–Гераклея Понтийская... С. 265–266. «Не ранее середины IV в. до н.э.» датируется разрушение в Феодосии здания (помещения А, Б) (Петерс Б.Г. Археологические раскопки в Феодосии // Проблемы античной культуры: Докл. XIV междунар. конф. антиковедов соц. стран «Эйрене», Ереван, 1979. С. 399–403; Петерс Б.Г., Голенцов А.С. Археологические раскопки Феодосии 1975–1977 гг. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 68–73). Ограниченная площадь раскопа не позволяет уверенно соотносить эти разрушения с захватом города войсками Левкона I. Предложенная датировка имеет предположительный характер (более корректна: вторая половина 370-х – первая половина 360-х годов до н.э.).

¹⁴⁹ В пределах возможностей археологической датировки.

¹⁵⁰ См.: Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 42–43; Он же. Сельские поселения европейского Боспора... С. 87, сл.; Он же. Хронологические «реперы»... С. 26. По данным И.Т. Кругликовой (Сельское хозяйство Боспора), для периода IV – первой четверти III в. до н.э. число сельских поселений Восточного Крыма достигает 233, что необходимо дополнить новыми открытиями на хоре Нимфея (см.: Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея. С. 159; для этого периода насчитывается более двух десятков поселений), Азовского побережья и хоры Феодосии. Согласно данным А.В. Гаврилова (Сельская округа Феодосии... С. 6), на сельской территории Феодосии зафиксировано 53 поселения. На Таманском п-ове число населенных мест удваивается – 185 против 84 (Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху:

- Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 7–9). А.А. Масленников (Сельские поселения европейского Боспора... С. 91) на глубинных территориях Восточного Крыма до сельской округи Феодосии включительно насчитывает почти три сотни неукрепленных деревень варварского населения.
- ¹⁵¹ КБН 1111; Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы; Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвяжительной надписи Левкона I... См.: Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 172–173.
- ¹⁵² См.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 62–63; Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья... С. 182; Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском царстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 52.
- ¹⁵³ Виноградов Ю.Г. Полис в северном Причерноморье. С. 410–412.
- ¹⁵⁴ См. также: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 89; Завойкин А.А. «Боспорский феномен»... С. 169.
- ¹⁵⁵ Имея, конечно, иной «титул», в согласии с полисными традициями (название экстраординарной единоличной магистратуры нам не известно).
- ¹⁵⁶ См.: Завойкин А.А. «Боспорский феномен»... С. 173, сл.
- ¹⁵⁷ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I. С. 34–48; Vinogradov Ju.G. // SEG. 1993 (1996). XLIII. № 515; Idem. Bull.ép. 1995. № 306; Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвяжительной надписи Левкона I... С. 286–301; Он же. Еще раз о синдских монетах... С. 67–69; Он же. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. С. 144, сл.
- ¹⁵⁸ Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвяжительной надписи Левкона I... С. 300.
- ¹⁵⁹ См.: Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы... С. 26; Она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 22–23; Она же. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 32, 112–113; Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 142. Автор раскопок датирует строительный период IB (Горгиппия) временем «не ранее первой четверти IV в. до н.э.». Однако финальные комплексы на раскопе «Океан» позволяют уточнить датировку: ок. 370–365 гг. С.Ю. Монахов (Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары. Саратов, 1999. С. 232–235) датирует один из этих комплексов (помещение № 32) «не позднее конца 80-х годов IV века», необоснованно отбросив «несколько более поздних находок», в том числе фасосское клеймо магистрата Клеофона (Табл. 96-6), ранней группы E 1 (по И. Гарлану): ок. 370–365 (или 365–360) гг. Знакомство с материалом другого помещения (№ 38) позволяет настаивать на том, что клеймо Клеофона в данном контексте — не случайная единичная находка, а неотъемлемая часть комплекса (см.: Завойкин А.А. Синдская Гавань... С. 142, примеч. 42; Он же. О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани // БФ. 2004. Ч. I. С. 60, сл.).
- ¹⁶⁰ Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея: (предварительное сообщение) // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 368–376; Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвяжительная надпись из Нимфея. С. 99, сл.
- ¹⁶¹ См.: Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском государстве. С. 68.
- ¹⁶² КБН 1; Яйленко В.П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 219, сл.; Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты. С. 59–60, примеч. 18. Ср.: Васильев А.Н. Боспорские надписи как исторический источник: (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н.э.) // ВИД. Л., 1985. Т. XVII. С. 15–17; Он же. К вопросу о сопратительстве на Боспоре. С. 286, сл.; Завойкин А.А. Боспор: Пантикапей и территориальное государство // ТС. 2000. Вып. 3. С. 34–36; Он же. «Боспорский феномен»... С. 168; Он же. «Две Синдики» // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 152–158.
- ¹⁶³ Жебелев С.А. Северное Причерноморье... С. 172.
- ¹⁶⁴ Шкорпил В.В. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 110; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 130–131. В.А. Анохин (История Боспора Киммерийского. С. 54) полагает, что «под синдами в данном случае подразумевались жители Синдской Гавани и ее хоры» и «по мере распространения власти Левкона I на местное население Синдики титул архонта Синдской Гавани (позднее Горгиппии) был поглощен формулой “архонт Боспора”, а синды как этнос попали под царское управление». Во-первых, едва ли возможно, чтобы жители Синдской Гавани именовались «синдами» (см.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 125–127; Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах... С. 64–66; ср.: Шелов Д.Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации. С. 241–243), а во-вторых, по аналогии с Феодосией, в титулатуре должно было бы фигурировать название полиса, а не имя его граждан в gen. pl.
- ¹⁶⁵ Возможность проследить постепенную эволюцию титулатуры при Левконе I (см. табл. 1: типы А–В, с. 70), видимо, позволяет отказаться от предположения (Тохтасьев С.Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 162–164) о заимствовании в качестве парадигмы титула Ахеменидов.
- ¹⁶⁶ В «конце второй четверти IV в.» (Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 88; Он же. Хронологические «реперы»... С. 21).
- ¹⁶⁷ Согласно Демосфену, Левкон ежегодно отправлял в Афины 400 тыс. медимнов зерна. А однажды, если верить Страбону (VII. 4. 6), из феодосийского порта выслал 2 100 тыс. медимнов (ср.: Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1).
- ¹⁶⁸ См.: Гайдукевич В.Ф. Боспор и Аркадия // ЗОАО. 1960. Т. I. С. 105, сл.; Жебелев С.А. Северное Причерноморье... С. 137, примеч. 1; КБН. С. 44–45; Яйленко В.П. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 222–226; Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 29, примеч. 109; Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор... С. 73, примеч. 18.

- ¹⁸⁷ Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Акрополь Пантикапея при ранних Спартокидах: К интерпретации сооружений второй половины V — первой половины IV в. до н.э. на акрополе Пантикапея // 175 лет Керченскому музею древностей... С. 75–78; Толстиков В.П., Ломтадзе Г.А. К вопросу о времени основания базилики Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 427–441.
- ¹⁸⁸ Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов... С. 282, 283, рис. 1; Толстиков В.П. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея: (К проблеме локализации, интерпретации графической реконструкции) // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 315; Толстиков В.П., Ломтадзе Г.А. К вопросу о времени основания базилики Спартокидов... С. 427, сл.
- ¹⁸⁹ В.П. Яйленко (Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху... С. 292–294) попытался связать войну Перисада I против скифского царя с походом Зопириона. Однако это мнение исключительно умозрительное. Столь же необоснованна попытка К.К. Марченко (*Marčenko K.K.* Die Siedlung von Elizavetovka — ein griechische-barbarisches Emporium im Don-Delta // *Klio*. 1986. Bd. 68, Ht. 2. S. 389; ср.: *Копылов В.П., Васильев А.Д.* Боспор и скифы дельты Дона // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. научных трудов. Воронеж; Белгород, 1991. С. 30) связать эту войну со скифами Елизаветовского городища.
- ¹⁹⁰ См.: *Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре. С. 56. В.П. Яйленко (*Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире.* М., 1995. С. 253) считает, что при Перисаде I или даже при Левконе I был введен прижизненный культ «царя», осуществлявшийся под эгидой Афродиты Урании Апатуры — иранской Анахиты, покровительницы царской династии. Однако это представление исследователя не может быть принято, исходя из греческой практики соответствующей эпохи (сам же В.П. Яйленко считает Спартокидов скифами).
- ¹⁹¹ В тексте — царь «фракийцев»; согласно конъектуре А. Бека (*SIG II*. S. 102), — «Фатеев» (см.: *Гай-лукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 73). В.В. Латышев (*ПОНТИКА...* С. 388) поддержал конъектуру Е. Боннела — «сираков». Подробнее см.: *Десятчиков Ю.М.* Арифари, царь сирков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–47. Выделенная И.И. Марченко (*Сираки Кубани.* Краснодар, 1996. С. 114) ранняя группа сарматских памятников снимает главный аргумент против локализации сираков в Прикубанье в конце IV в. до н.э. Последнюю работу с литературой вопроса и разбор источника см.: *Виноградов Ю.А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 82–86.
- ¹⁹² В.А. Анохин (*История Боспора Киммерийского.* С. 92) предложил фантастическую догадку о дальнейшей судьбе «царевича» Перисада и его потомков. Весьма смело и предположение В.П. Копылова и А.Д. Васильева (*Боспор и скифы...* С. 32–33) о том, что сын Сатира II бежал к Агару на Елизаветовское городище, а Евмел, преследуя своих противников, вынудил скрыть оборонительные сооружения на городище в дельте Дона.
- ¹⁹³ Вопрос о локализации поселения каллатийцев на Боспоре не может считаться окончательно решенным. К числу традиционных точек зрения недавно прибавились новые (см.: *Федосеев Н.Ф.* Благодеяния Евмела // *Античные полисы и местное население Причерноморья.* Симферополь, 1995. С. 162–165). Представляется, больше оснований соглашаться с теми исследователями, которые, отмечая в составе агонистического каталога из Горгиппии конца IV — первой половины III в. до н.э. (КБН 1137) значительный процент дорийских (в том числе встречаемых в Каллатисе) имен, полагают, что Евмел мог поселить выходцев из западнопонтийского города в Горгиппии и ее окрестностях (см.: *Латышев.* ПОНТИКА... С. 244, сл.; *Кубланов М.М.* О местной историографии на Боспоре: (Горгиппийский каталог победителей) // *ВДИ.* 1954. № 4. С. 143–146; *Тохтасьев С.Р.* О дорийском компоненте в составе населения Горгиппии первой половины III в. до н.э. // *Проблемы исследования античного*
- и средневекового Херсонеса: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 113–116; *Он же.* Из ономастики Северного Причерноморья. II: Фракийские имена на Боспоре // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья.* СПб., 1992. С. 182, примеч. 16, 17; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 21, сл.; *Завойкин А.А.* К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов. С. 97–98. Анализ этого вопроса см. в упомянутой выше работе Ю.А. Виноградова (*Усобища сыновей Перисада...* С. 79–82), а также наиболее подробно в исследовании С.Ю. Сапрыкина (*Благодеяние Евмела каллатийцам // Античная цивилизация и варвары.* М., 2006. С. 201–220).
- ¹⁹⁴ См.: *Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // *ВДИ.* 1973. № 3. С. 128.
- ¹⁹⁵ См.: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Куда и зачем плавал Декея? С. 98.
- ¹⁹⁶ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 95–96.
- ¹⁹⁷ См.: *Виноградов Ю.Г.* Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // *Античные полисы и местное население Причерноморья.* Севастополь, 1995. С. 26.
- ¹⁹⁸ См.: *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 177–178; *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 107, 125; *Карышковский П.О.* К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // *ВДИ.* 1961. № 4. С. 114–120; *Он же.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья: 11: О начальной дате денежного кризиса на Боспоре III в. до н.э. // *ВДИ.* 1964. № 1. С. 134–139. Особую позицию в вопросе о денежном кризисе конца IV — первой половины III в. до н.э. занимает В.А. Анохин (*История Боспора Киммерийского.* С. 84), по существу отрицая его, говоря, что «понятие “денежный кризис” является неправомерным и неадекватным для характеристики денежного хозяйства Боспора второй четверти III в. до н.э.» и полагая, что отсутствие монеты из драгоценных металлов стимулировало развитие боспорской экономики. См. также: *Куликов А.В.* О применении срав-

- нительного метода при изучении проблем античной экономики: Боспор — Украина (финансовый кризис) // 175 лет Керченскому музею древностей... С. 45—47; Он же. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // БИ. 2001. Вып. III. С. 219—232.
- ¹⁹⁹ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. С. 17—20, 142—152.
- ²⁰⁰ Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы: (Железный век и эпоха средневековья). Курск, 1985. С. 56; Он же. Боспорское мiсто Китея IV—III ст. до н.э. С. 40, 43.
- ²⁰¹ Масленников А.А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде. С. 142, 144, рис. 2, 13, 1.
- ²⁰² См.: Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 162. (Археология СССР); Максименко В.Е. Сарматы на Дону: (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. 1998. Вып. 6. С. 74—81. Историкографический вопрос см.: Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 7—33.
- ²⁰³ См.: Полин С.В. Письменные источники о сарматском завоевании Северного Причерноморья // Проблемы истории и археологии древнего населения Украины. Киев, 1989. С. 180—181; Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III—I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 62.
- ²⁰⁴ Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Эллинизм и Причерноморье: Материалы III Всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1985.
- ²⁰⁵ Максименко В.Е. Сарматы на Дону... С. 79—80.
- ²⁰⁶ См.: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93—94; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 122—123; Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский... С. 276—282.
- ²⁰⁷ См.: Хабихт Х. Афины... С. 136, примеч. 49.
- ²⁰⁸ См.: Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG II², 653) // ДГВЕ за 1996—1997 гг. С. 158, сл., с. 159, примеч. 5). Х. Хайнен датирует год архонта Диотима, которым определяется дата почетного декрета афинян, 285/4 г. до н.э., т.е. за год до смерти Спартока III.
- ²⁰⁹ Следует подчеркнуть, что некогда популярная концепция о конкуренции боспорскому хлебу со стороны птолемеевского Египта (см.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье... С. 84, сл., 147, сл.; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 76—78; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 163, сл.; и др.), в настоящее время, особенно после критической статьи М.К. Трофимовой (Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46—68; см. также: Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса»... С. 107), почти не находит сторонников.
- ²¹⁰ См.: Шелов Д.Б. История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. 1984. С. 14—15; Завойкин А.А. Керамическая тара из Фанагории VI—III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 20—22.
- ²¹¹ Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. Запорожье, 1989; Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 96, сл.; Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III—I вв. до н.э. С. 62—63. По мнению исследователя, экономический кризис первой половины III в. до н.э. завершился военной катастрофой (исчезновение большей части скифских деревень и могильников в глубинной части Восточного Крыма), обусловленной то ли натиском сарматов, то ли попытками Спартокидов установить прямой контроль над этими территориями. Критику этих представлений см.: Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса»... С. 106—107.
- ²¹² См.: Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3; Габелко О.А., Завойкин А.А. Еще раз о вифино-понтийско-боспорской эре // БФ. 2004. Ч. I. С. 74—81.
- ²¹³ Наследование власти Евмела Спартоком прямо отмечает Диодор (Diod. XX. 100. 7), что противоречит чтению имени «[Селе]вк, сын Евмела...» в декрете из Горгиппии конца IV — начала III в. до н.э. (КБН. Add. 4) (ср.: Болтунова А.И. Проксенский декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 136, сл.; Виноградов Ю.Г. Проблема политического статуса поллисов в составе Боспорской державы IV в. до н.э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации: Типология рабовладельческих обществ: Тез. докл. конф. (Звенигород). М., 1978; Яйленко В.П. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 153, сл.). Разрешение этого противоречия (вероятно, слишком смелое) было предложено, исходя из допущения, что сын Евмела принял имя Спарток в качестве тронного (Завойкин А.А. Сатир, сын Перисада, и его сын Перисад... С. 37—38; Он же. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 228—233).
- ²¹⁴ См.: Латышев В.В. ПОНТИКА... С. 85, сл.; Гайдукевич В.Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях // СА. 1958. № XXVIII. С. 133; Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 2. С. 80—81.
- ²¹⁵ Ср.: Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 28. Исследователь считает акт принятия царского титула формальностью, не меняющей ничего по существу в государственном устройстве. В то же время не совсем верно было бы рассматривать «коронацию» Спартока III как одну только пустую формальность, имеющую только дипломатическое значение. Необходимо принять во внимание и то обстоятельство внутренней жизни государства, что по существу данный акт являлся конечным пунктом в конституиро-

- вании монархических принципов на Боспоре, актом полного и безоговорочного признания верховного суверенитета Спартокидов.
- ²¹⁶ См.: *Завойкин А.А.* Сатир, сын Перисада, и его сын Перисад... С. 56.
- ²¹⁷ Только финал династии (*Strab.* VII. 4. 4) и один эпизод истории III в. до н.э. (*Schol. ad Ovid. Ibis.* v. 310) получили отражение в письменной традиции, сохранившейся до наших дней.
- ²¹⁸ Подробно см.: *Завойкин А.А.* Об институте династических имен Спартокидов. С. 214, сл.
- ²¹⁹ *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- ²²⁰ *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. С. 24–101; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 89, сл. Не случайно исследователь характеризует вторую половину III — начало II в. до н.э. как «один из самых «темных» в боспорской истории», который «долгое время оставался почти не охарактеризованным археологическими памятниками сельской территории». Еще выразительнее выразился об истории правления поздних Спартокидов *А.В. Орешников* (*Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского.* М., 1912. Отд. оттиск. С. 42), указав, что она «покрыта истинным киммерийским мраком».
- ²²¹ Например: *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия... С. 11–126.
- ²²² *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 136.
- ²²³ Здесь, правда, много говорится о Боспоре IV в. до н.э. или уже о Митридатом периоде его истории.
- ²²⁴ *МИС.* С. 261; *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden. S. 430.
- ²²⁵ *С.Р. Тохтасьев* (К политической истории Боспора III в. до н.э. // *ДБ.* 2006. Вып. 10. С. 421–422), вслед за *Е.А. Молевым* (Боспор в период эллинизма. С. 7) считает, что Сатир нимфейских граффити был братом Перисада II и опекуном (после кончины старшего брата) его сыновей, Спартока и Левкона, отрицая (без аргументов) предложенную мною гипотезу (*Завойкин А.А.* Об институте династических имен Спартокидов. С. 236–243), что в граффити из Нимфея фигурируют Сатир II и его сын, царевич Перисад, что исключает фиктивную, как мне представляется, фигуру третьего боспорского правителя с именем «Сатир». *Ю.Г. Виноградов* (*Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов... С. 293) усматривал в этой фигуре (конечно, ошибочно, критику см.: *Тохтасьев С.Р.* К политической истории... С. 422) младшего брата и соправителя Спартока III.
- ²²⁶ Ср.: *Завойкин А.А.* Об институте династических имен Спартокидов. С. 236–243.
- ²²⁷ *В.В. Латышев* (ПОНТИКА... С. 87), ссылаясь на то, что ко времени этого правителя относится одна только надпись (КБН 24, к сожалению, утрачена), определяя краткий период его правления примерно в пять лет. КБН 822 *Е.А. Молев* (Боспор в период эллинизма. С. 8) предположительно связывает со Спартоком IV; издатели КБН по шрифту датируют второй половиной III — началом II в. до н.э. и относят к Спартоку V, сыну Перисада III (КБН С. 460; ср.: *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // *ВДИ.* 1987. № 1. С. 63, примеч. 31 со ссылкой на Примеч. 46).
- ²²⁸ См.: *Подосинов А.В.* Овидий в Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // *ДГ СССР* 1983 г. М., 1985. С. 90, 138, 242, сл.; *Он же.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1986. С. 165, сл.
- ²²⁹ Ср.: КБН 24, 25; *Латышев В.В.* ПОНТИКА... С. 86; *Minns E.* Scythians and Greeks. P. 581; *Rostovtzeff M.* The Bosphoran Kingdom // *САН.* 1930. VIII. P. 580; *Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов... С. 293–295; *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 7. Однако *Ю.Г. Виноградов* (см. примеч. 232) предполагает, что надпись КБН 24 относится ко времени Спартока V.
- ²³⁰ Наиболее соответствует реальности, как кажется, точка зрения *Ю.Г. Виноградова*, согласно которой *Гигиенонт* был регентом (опекуном) царицы *Камасарии*, по-видимому, до ее (первого) замужества (*Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов... С. 296). *Е.А. Молев* (Боспор в период эллинизма. С. 9–22, с литературой), приводя нумизматические и археологические аргументы, относит правление *Гигиенонта* ко времени ок. 145–130 гг. до н.э., и полагает, что он был опекуном при царе Перисаде V.
- ²³¹ *Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов... С. 293. Если следовать логике узурпатора и традиции давать имя деда, второй вариант предпочтительнее. Можно даже сказать, он единственно возможный: странным было бы предположение, что *Левкон II* назвал своего сына в честь убиенного брата; равно как нельзя допустить мысль, что отпрыск *Левкона* был еще при жизни дяди-царя назван тем же именем.
- ²³² В статье 1987 г. *Ю.Г. Виноградов* ставил вопрос о том, был ли сам *Спарток V* царским сыном: «Имя отца Спартока нам точно не известно», поскольку надписи КБН 26 и 822, относимые издателями КБН ко времени Спартока V, были убедительно, по мнению *Виноградова*, передатированы *Н.С. Беловой* (Новая надпись из *Гермонассы* и некоторые замечания... С. 84, сл.) временем Перисада II; исследователь допускает вероятность отнесения к Спартоку V только утерянной надписи КБН 24, которую издатели приписывали Спартоку IV, сыну Перисада II (см.: *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 63 и примеч. 31 со ссылкой на примеч. 46).
- ²³³ *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 17.
- ²³⁴ *Ю.Г. Виноградов*, опираясь отчасти на мнение *В.В. Латышева* (ПОНТИКА... С. 302), будто «Перисад был, например, братом или племянником Спартока и, сделавшись царем, быть может, за неимением потомства мужского пола у Спартока женился на его дочери для укрепления своих прав на престол», считал его двоюродным братом [ни в коем случае не дядей!] царицы, ссылаясь на прецедент — брак Перисада I и *Комосарии* (*Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура. С. 63–64). Однако строгих доказательств этому нет. Впрочем, гипотезе *Латышева—Виноградова*, основанной только на логическом посыле, нельзя отказать в правдоподобности: необходимость

- сохранения власти в рамках рода (конечно, при наличии подходящей кандидатуры) должна была стимулировать кросскузенный брак.
- ²³⁵ Ср.: Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. С. 17–19. Ю.Г. Виноградов (Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 64) конечную дату правления Перисада III (по тогдашнему счету) определяет 170-м годом до н.э. на основании хронологии дидимейской и дельфийской надписей (МИС 38, 15). Из возражений по этому поводу Е.А. Молева следует принять в расчет, пожалуй, только замечание, что у нас нет никаких оснований считать, будто эти эпиграфические документы приходится на последний год жизни этого боспорского царя. Едва ли попытку исследователя подтвердить более позднюю дату ссылками на последовательность развития монограмм на стateraх и датировку А. Сейрига Туапсинского клада можно признать вполне убедительной.
- ²³⁶ По убедительному рассуждению Ю.Г. Виноградова, очень вероятно младшего Спартокида (Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 60–61), но не члена царской семьи.
- ²³⁷ Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 55–86.
- ²³⁸ Ю.Г. Виноградов не видит иного варианта заполнения лакуны.
- ²³⁹ См.: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 115, 187; Голенко К.В. Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 50–55; Карышковский П.О. К вопросу об обращении статеров лисищавого типа в Причерноморье // Нумизматический сб. Тбилиси, 1977. С. 23–26; Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 65–66.
- ²⁴⁰ По калькуляции исследователя, V: Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 66.
- ²⁴¹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 62 и сл.
- ²⁴² Недавно этот вопрос вновь был исследован Е.А. Молевым (О правлении царя Спартока VI на Боспоре в середине II в. до н.э. // БФ. 2005. С. 381–385), который пришел к заключению, что серебряные драхмы Спартока должны быть отнесены к пятому правителю с этим именем (см. также: Он же. Боспор в период эллинизма. С. 14–17).
- ²⁴³ Наиболее показательны энергичные меры по созданию собственной базы винодельческого производства в Восточном Крыму, не актуальной ранее (см.: Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. С. 103, 108). Судя по тому, что на Азиатском Боспоре эта отрасль сельского хозяйства получает развитие на два с лишним века позднее, можно говорить не только о внутренней специализации (и кооперации) двух регионов Боспора, но, видимо, и о том, что вплоть до конца II в. до н.э. Таманский п-ов остается основной житницей государства, в особенности после того, как только из сферы прямого контроля боспорских владык выходили те или иные меотские племена (?).
- ²⁴⁴ По-видимому, еще в конце IV в. до н.э. (см.: Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 113–118; Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский... С. 277–281).
- ²⁴⁵ Фиксируется, правда, в документах из-за пределов Боспора.
- ²⁴⁶ Тохтасьев С.Р. К политической истории Боспора III в. до н.э. С. 418.
- ²⁴⁷ Зограф А.Н. Античные монеты. Табл. XXXIX, 5; Феодосия — ок. 250–200 гг. до н.э.; Табл. XLII, 12, 13; Фанагория — ок. 200–121 гг. и 250–200 гг. до н.э. Единственный выпуск феодосийской меди В.А. Анохин датирует [условно] ок. 240–230 гг. и указывает на тесную связь по весовым данным и типологии с чеканкой Левкона II, отрицая оценку этого выпуска как свидетельства «сепаратистских тенденций» (Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 57–58, табл. 4, 137; ср.: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 173). Чеканку Фанагории киевский нумизмат относит: Фа-3 (ок. 220–210 гг.); ... Фа-6 (ок. 130–125 гг.) (Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 61, 142–143, табл. 5, 147; 6, 177). В этой акции он видит поиск дополнительных источников обеспечения чеканки. В типологическом отношении, как и по весовым характеристикам, эта чеканка не имела самостоятельного значения.
- ²⁴⁸ См.: Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V — начале IV в. до н.э. С. 51, 91.
- ²⁴⁹ Тем более, что тогда же в разных пунктах государства наблюдается строительство новых или реставрация старых крепостных стен, в их числе мощные оборонительные сооружения на поселении Золотое Восточное, возведение на переправе по единому плану новой крепости Порфмия, и т.д. На этом фоне укрепление «азиатской столицы» выглядит скорее как звено в общей государственной политике по обороне жизненно важных центров.
- ²⁵⁰ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 59, 60 (Фа-3: ок. 220–210 гг. до н.э.).
- ²⁵¹ См.: Зограф А.Н. Античные монеты. С. 179; ср.: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 144; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 18, 31, 143, табл. 5, 159, 160 (начиная с типа, датируемого киевским нумизматом ок. 170–160 гг. до н.э.).
- ²⁵² См.: Зограф А.Н. Античные монеты. С. 164; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. С. 17–18: обычный символ Аполлона Дидимского, заимствованный из метрополии города, Милета; ср. возражения: Голенко В.К. Еще раз о типологии раннего серебра Боспора // У Понта Эвксинского: Памяти П.Н. Шульца. Симферополь, 2004. С. 183–186.
- ²⁵³ См.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 581, табл. 1, 6; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 138, табл. 2, 57; Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884. Табл. XIX, 24. А кроме того, речь идет о любопытных серебряных монетах (тетрадрахма и тридрахма), которые В.А. Анохин датирует ок. 284–275 гг., на которых на лицевой стороне представлена голова бородатого сатира в венке, а на оборотной — голова Аполлона в лавровом венке (Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 141, табл. 4, 127, 128); и о серебряных тетрадрахмах с головой Аполлона в венке, влево — на аверсе и пасущемся конем, ПΑΝΤΙ — на реверсе, которые датированы тем же исследователем ок. 304–294 гг. (Он же. Монетное дело Боспора. С. 141, табл. 3, 117 = Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство, табл. II, 29).

²⁵⁴ См.: *Завойкина Н.В.* Частные сообщения городов Боспорского царства в I — первой половине III в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 7—16.

²⁵⁵ Государственный строй, действительно имеющий некоторое сходство с канувшими в Лету эллинистическими монархиями.

²⁵⁶ Ср.: *Завойкин А.А.* Аристотель, Кл. Элиан и Спартокиды (Левконида). С. 353—357.

²⁵⁷ *Ростовцев М.И.* Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II, глава VI: Государство и культура Боспорского царства. I: Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. № 2. С. 183.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Например: *Блаватский В.Д.* Период протоэллинизма на Боспоре // Античная археология и история. М., 1985. С. 109—122; *Он же.* О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // Там же. С. 123—132.

²⁶⁰ *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11, сл.

²⁶¹ Е.А. Молев (Боспор в период эллинизма. С. 134) считает, что «...ослабление и упадок Боспорского государства в период позднего эллинизма, которые так или иначе отмечаются практически во всех работах по истории Боспора, на самом деле не были ослаблением и упадком того первоначального единства, которое сложилось еще до Спартокидов. Экономическое развитие городов и хоры вполне соответствовало потребностям общества...».

²⁶² Можно даже сказать, что вторжение в причерноморские степи в начале V в. до н.э. новой волны кочевников оказало заметное влияние на становление тиранического режима в Пантикапее в 480/79 г. до н.э. и дало импульс к последующему, в конце V — начале IV в. до н.э., объединению боспорских полисов под властью Спартокидов, в котором, наверное, не меньшую роль сыграло и усиление давления меотских племен на центры Азиатского Боспора. И те, и другие занимали важное место в истории Боспора и позднее. Первые в IV в. до н.э. в основном занимали дружественную позицию по отношению к боспорским правителям (от которых

получали «дипломатические дары» и, видимо, были даже связаны с ними родственными узами), хотя случались и конфликты (*Dem.* XXXIV. 8), предоставляли Спартокидам военную помощь в борьбе с внешними (*Polyaen.* VI. 9. 4) и внутренними (*Diod.* XX. 22. 4) врагами. Вторые, частично оказавшись под властью боспорских правителей, платили им дань, а те, кто сохранил независимость, играли важную роль в качестве торговых контрагентов.

²⁶³ См.: *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 276, сл.

²⁶⁴ См.: *Марченко И.И.* Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. — III в. н.э.: (по материалам курганных могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 7, сл.; *Шевченко Н.Ф.* Еще раз о сарматах в степях Прикубанья // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 98—99; *Марченко И.И.* Сираки Кубани. С. 113, сл.; *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии».

²⁶⁵ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 281.

²⁶⁶ Ср.: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI—IV вв. до н.э. С. 165.

²⁶⁷ Подробно см.: *Виноградов Ю.А.* Усобица сыновей боспорского царя Перисада I. С. 82—86; *Он же.* Боспор Киммерийский... С. 277—282.

²⁶⁸ *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в Скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 40—41. Одно из ярких проявлений которого — отсутствие в данный период в Приднепровье так называемых царских курганов.

²⁶⁹ *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 48, сл.

²⁷⁰ Там же. С. 51.

²⁷¹ Там же. С. 38—39. Логический тезис, что в своем противостоянии новому сильному врагу (сарматам) скифы были заинтересованы в союзе с боспорскими греками, Е.А. Молев подкрепляет ссылкой на династические связи (КБН 75 и посвящение дочери Скилура из Пантикапея). Однако следует обратить внимание на то, что оба этих памятника датируются серединой и второй половиной

II в. до н.э. Можно ли думать, что и в III — первой половине II в. до н.э. отношения Неаполя Скифского и Пантикапея были такими же?

²⁷² См.: *Толстикова В.П.* Фортификация античного Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 17; *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 283—284.

В III в. до н.э. новая оборонительная стена возводится в Мирмекии (*Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 283, с литературой). В конце IV — первой половине III в. до н.э. реставрируются и усиливаются (во второй половине столетия) укрепления Тиритак. В IV—III вв. до н.э. крепостные стены Тиритак были решительно перестроены на тех же самых рубежах (*Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг. С. 17—20).

В середине III в. до н.э. подвергся разрушению Порфмий, вероятно, в результате военного нападения (*Кастанаян Е.Г.* Раскопки Порфмия в 1968 г. С. 81—82), после чего был перестроен заново по единому плану: он был окружен оборонительной стеной (ок. 2 м шириной) из глыб известняка, с башнями и воротами, во II в. до н.э. укрепленными пилонами. Крепость просуществовала без значительных перестроек до I в. до н.э., когда этот «военный форпост в системе государственной обороны... защищавший подступы к боспорской столице — Пантикапею» был разрушен (*Она же.* Раскопки Порфмия в 1953 г. // СА. 1958. № 3. С. 207).

В конце IV — первой половине («начале») III в. до н.э. возводятся первые (?) оборонительные стены Китея (*Молев Е.А.* Боспорское место Китея IV—III ст. до н.э. ... С. 40, 43; *Он же.* Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. ... С. 56).

На мысе Зюк («Зенонов Херсонес») «значительные перестройки... происходят в начале III в. до н.э. (курсив мой. — А.Э.), что выразилось, прежде всего, в возведении первых не вызывающих сомнения оборонительных стен, выявленных достоверно». «Стена в юго-восточной части городища перекрывает зольник, материалы из которого... позволяют отнести ее строительство ко времени не позднее второй четверти III в. до

н.э. ...» (Масленников А.А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде. С. 142, 144, 146).

Городские укрепления Пантикапея известны нам не ранее III—II вв. до н.э., в то время как серьезная оборонительная система акрополя возводится еще во второй половине IV в. до н.э. (Толстиков В.П. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984. Вып. 7. С. 34—35; Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спатокидов... С. 283, рис. 1).

К этому же периоду, видимо, должны быть отнесены и крепостные стены Нимфея, которые М.М. Худяк датировал концом IV в. до н.э. (Из истории Нимфея VI—III веков до н.э. С. 35; Он же. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № XVI. С. 239—249; Скуднова В.М. Раскопки Нимфея в 1958 году. С. 59).

²⁷³ Во второй четверти — середине III в. до н.э. катастрофически сокращается число сельских поселений: оставлено населением 233 из 276 поселений Керченского полуострова (Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. С. 95, 99, 203).

Полностью замирает жизнь на неукрепленных внутренних поселениях, связываемых исследователями с осевшим на землю местным скифским населением (прекращается использование и их некрополей, где хоронили умерших в каменных ящиках). Е.А. Молев (Боспор в период эллинизма. С. 38), ссылаясь на отсутствие на этих поселениях следов насильственных разрушений, полагает, что этот факт следует связывать с глобальной перестройкой аграрных отношений и финансово-экономическим кризисом (ср.: Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. С. 99—102), а также резкими неблагоприятными изменениями климатических условий, отрицая фактор ухудшения отношений с крымскими скифами. Несколько раньше (одновременно с исчезновением таких же памятников в самой Скифии, см.: Алексеев А.Ю. Хронология Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 46—47) прекращается сооружение курганов скифской знати, что Е.А. Молев объясняет «изменением облика материальной культуры» (Боспор в период эллинизма. С. 39).

Близ городов с рубежа IV—III или в начале III в. до н.э. появляются специализированные на виноделии усадьбы типа раскопанной В.Ф. Гайдукевичем близ Мирмекия (Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города. Л., 1981. С. 55—57). В удалении же от городов, в удобных для обороны местах, появляются значительные по размерам городища, защищенные крепостными стенами, типа Золотого Восточного (ок. 2 га) или возникшего несколько ранее пос. Крутой Берег, близко напоминающего планировкой и размерами крепость Порфмий (см.: Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 90, сл., 100, рис. 53; на карте указано 12 населенных пунктов на хоре второй половины III—I в. до н.э. вдоль меотийского побережья).

После того, как И.Т. Кругликова (Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 147) уточнила хронологию строительных остатков (второй строительный период: вторая четверть — середина I в. до н.э.), устоявшееся представление о том, что именно в это время появляются компактные укрепленные усадьбы типа Ново-Отрадного, видимо, должно быть радикально пересмотрено.

²⁷⁴ Район дельты Дона (Танаиса), где располагались торговые колонии боспорян (сначала на Елизаветовском городище, а позднее в Танаисе) в первую очередь подвергся воздействию от передвижений новой волны кочевников из глубин Азии. Скифское Елизаветовское городище во второй половине IV в. до н.э. было защищено мощными оборонительными стенами (Марченко К.К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища // СА. 1974. № 2. С. 256), однако вскоре население (в том числе и греческие купцы, имевшие на поселении свой квартал) было вынуждено его оставить. Но в конце первого десятилетия III в. до н.э. сюда была выведена новая колония боспорцев, которая существовала примерно до 260-х годов до н.э., когда была разгромлена в результате нападения сарматов (см.: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 95, 96; Марченко К.К. Боспорские поселе-

ния на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 133; Он же. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 56; Он же. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // ОАИБ. 1992. С. 184—186; Кац В.И., Федосеев Н.Ф. Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // АМА. 1986. Вып. 6. С. 85—105; Федосеев Н.Ф. Благодеяния Евмела. С. 164—165; Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский... С. 287—288, с литературой).

Примерно в то же самое время, когда была разрушена колония греков на Елизаветовском городище, по соседству «эллинами, владеющими Боспором» (Strab. XI. 2. 3) был основан Танаис, который стал важным центром боспорского влияния в регионе и успешно функционировал как эмпорий на протяжении ряда веков. Этот факт в аспекте занимающих нас вопросов, вероятно, должен быть оценен таким образом, что боспорцам относительно быстро удалось найти «общий язык» с варварами, контролирующими низовья Танаиса и заинтересованными в получении продуктов из греческих центров (см.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье... С. 198—199). По датировке Д.Б. Шелова (Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. М., 1970. С. 40—41), Танаис был основан в первой четверти III в. до н.э.

Здесь не место обсуждать проблему статуса Танаиса в эпоху Спатокидов. Однако вопреки разностороннему анализу косвенных источников, проведенному Д.Б. Шеловым (Танаис и Нижний Дон. С. 195—202), полемизирующим с С.А. Жебелевым (Северное Причерноморье... С. 198—201) и В.Ф. Гайдукевичем (Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963. С. 302, сл.) и утверждающим тезис об автономии Танаиса в III—I вв. до н.э., и даже вопреки оптимизму Ю.Г. Виноградова, считавшего позволительным после находки в Танаисе декрета (?) конца III — первой половины II в. до н.э. «подвести черту в дискуссии об обстоя-

- тельства основания города в устье Дона и составе его колонистов... что это была не колонизационная акция Спартокидов, а предприятие индивидуальной группы боспорских купцов...» (*Арсеньева Т.М., Бётггер Б., Виноградов Ю.Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. С. 63–64; *Arsen'eva T.M., Böttger B., Vinogradov J.G.* Griechen am Don: Die Grabungen in Tanais 1994 // *Eurasia Antiqua*. Mainz am Rhein, 1995. Bd. 1. S. 215, f.; *Fornasier J.* Tanais in hellenistischer Zeit – Ein Bestandteil des Bosporanischen Reiches? // БФ. 2001. Ч. I. С. 91–95), полагаю, что вопрос этот еще далек от окончательного решения.
- В то же время уже на самом раннем этапе своей истории Танаис был укреплен мощными оборонительными стенами (см.: *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Новые данные о фортификации Танаиса / ДБ. 2004. Вып. 7. С. 29, сл., 40, рис. 2), что прямо указывает на нестабильность обстановки.
- ²⁷⁵ См.: *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 24, сл.; *Сокольский Н.И.* Кепы // *Античный город*. М., 1963. С. 105; *Зест И.Б.* Раскопки Гермонассы // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 114; ср.: *Она же.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4. С. 92; *Коровина А.К.* Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 51–64; ср.: *Финогенова С.И.* Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 428–429.
- ²⁷⁶ См.: *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 285 (с литературой).
- ²⁷⁷ См.: *Башкиров А.С.* Отчет об археологических исследованиях на Таманском полуострове в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 374. Л. 16; *Абрамов А.П.* Городище Патрей... С. 13.
- ²⁷⁸ Найденный в контексте гибели поселения I Патрейский клад датирует это событие после 70 г. до н.э. (*Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э. ... С. 222; *Башкиров А.С.* Из истории Патрея II–I вв. до н.э. // ЗОАО. 1967. Т. II. С. 90–95).
- ²⁷⁹ См.: *Алексеева Е.М.* Анапа: Динамика развития... С. 23; *Она же.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 116.
- ²⁸⁰ *Кобылина М.М.* Фанагория. С. 25, рис. 6.
- ²⁸¹ *Паромов Я.М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова... С. 10–11.
- ²⁸² *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 287, со ссылкой на: *Анфимов Н.В.* Семибратнее городище // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 242; *Он же.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958. С. 52. Е.А. Молев (Боспор в период эллинизма. С. 44) в качестве свидетельства нестабильности ситуации в конце IV – первой половине III в. до н.э. указывает сравнительно многочисленные клады данного периода в Прикубанье.
- ²⁸³ *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э.: (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 19.
- ²⁸⁴ *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. С. 251.
- ²⁸⁵ Там же. С. 237; *Анфимов Н.В.* Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // *Античное общество*. М., 1967. С. 130.
- ²⁸⁶ *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. С. 298, 301–302; *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 50–51.
- ²⁸⁷ *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского... С. 73–74.
- ²⁸⁸ Направленной против их исконного врага – Херсонеса, искавшего поддержки у правителей Понтийского государства.
- ²⁸⁹ P.Lond. 7, 1973; см.: *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 260–261.
- ²⁹⁰ В 242 г. в святилище Асклепия на Косе была опубликована копия рескрипта некоего царя (SEG XII. 370), имя которого не сохранилось. Л. Робер, подметив, что в сткк. 25–29 идет речь о подтверждении «подлинного родства» между родом правителя и косцами (предоставленном его отцом) и о том, что «некоторые эллины, закладывая начало дружбе, уже признавали, что мы сородичи», от- ризает необходимость доказательств родства с греками сицилийскими правителями (как думали издатели) и предположил, что речь должна идти о царе Боспора Киммерийского (см.: *Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов... С. 294). Впрочем, не может не вызвать недоумения и необходимость Спартокидов доказывать свое родство с эллинами. Быть может, в документе речь идет о каких-то родственных отношениях не с эллинством вообще, а именно с косцами? Если это так, то и аргумент о том, что данный рескрипт относится к Спартокидам теряет доказательную силу.
- ²⁹¹ Греческие писатели вспоминали изредка о Спартокидах III–II вв. до н.э., лишь когда возникал подходящий сюжет анекдотического свойства (так в схолиях к «Ибису» Овидия) или затрагивалась тема взаимоотношений с местными варварами, да и то, как правило, применительно к ситуации, «озаренной» личностью и деяниями Митридата Евпатора и его полководцев (*Strab.* VII. 4. 3–4).
- ²⁹² Больше половины из этих памятников относится к царствованиям Птолемея II Филадельфа и Птолемея III Эвергета, т.е. к середине III в. до н.э., а оставшиеся, с изображениями Арсинои III, – ко времени Птолемея IV Филопатора.
- ²⁹³ *Лапис И.А., Матье М.Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1969. № 143. С. 127, рис. 90.
- ²⁹⁴ См.: *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 98–99.
- ²⁹⁵ *Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3; *Он же.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1; *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 12–26.
- ²⁹⁶ *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 79; см. также критику гипотезы: *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 100. Отметим особое мнение Ю.Г. Виноградова (*Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Ю.В. Андреева.

- СПб., 2000. С. 286–288), согласно которому пресловутые боспориты фаюмской надписи — не наемники, а люди высокого статуса, бежавшие в Египет по политическим мотивам.
- ²⁹⁷ См.: *Неверов О.Я.* Группа эллинистических перстней в собрании Эрмитажа: (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1; *Он же.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Труды ГЭ. 1976. Вып. 17. С. 173, сл.
- ²⁹⁸ *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 101.
- ²⁹⁹ *Ладынин И.А.* Еще раз о перстнях «птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 235–252.
- ³⁰⁰ *Ростовцев М.И.* Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф // Сборник, посвященный П.Н. Милокову. Париж, 1929. С. 116. Ср.: *Шургая И.Г.* Вопросы боспоро-египетской хлебной конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. Вып. 138.
- ³⁰¹ *Ладынин И.А.* Еще раз о перстнях... В частности, исследователь пишет: «Недостаток продовольствия был их общей проблемой, которая с неизбежностью становилась особенно острой именно в условиях вступления Птолемеев в войну, когда их хлебные транспорты могли подвергнуться нападению... Подобное привлечение ресурсов Боспора предполагало бы ответные финансовые вливания со стороны Птолемеев — и это вполне соответствовало бы и потребностям Боспорского государства в условиях вставших перед ним в III в. до н.э. трудностей». *Е.Я. Туровский* (К вопросу о внешней политике греческих государств Причерноморья в IV–III вв. до н.э. // *Античное Причерноморье: Материалы международной научной конф. Севастополь, 1995.* С. 155) полагает, что Боспор в это время сам нуждался в хлебе, а Египет — в наемниках.
- ³⁰² *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. С. 83–84: «Отсутствие боспорского золота и серебра в обращении должно было положительно сказаться на местной экономике, поскольку оно вынуждало иноземных купцов ввозить золото, ведя расчеты с помощью медной монеты, а в случае отрицательного торгового баланса ограничивало возможности вывоза драгоценных металлов из Боспора. Из сказанного следует, что понятие “денежный кризис” является неправомерным и неадекватным для характеристики денежного хозяйства 2-й четв. III в. до н.э.».
- ³⁰³ Там же. С. 80.
- ³⁰⁴ Правда, судя по амфорной таре, торгова с Прикубаньем, откуда тоже мог поступать товарный хлеб, в этот период довольно резко сокращается.
- ³⁰⁵ Например, введение системы откупов вместо монополии Спартокидов на ввоз и вывоз товаров?
- ³⁰⁶ *Ладынин И.А.* Еще раз о перстнях... В этой связи соблазнительно было бы рассуждать о системе откупов, однако полное отсутствие источников по этому вопросу заставляет от этого воздержаться.
- ³⁰⁷ См.: *Туровский Е.Я.* К вопросу о внешней политике... С. 155. Исследователь приурочивает падение роли Египта в Северном Причерноморье к 246 г. до н.э., после разгрома Антигоном Гонатом флота Птолемея II.
- ³⁰⁸ *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 104–105.
- ³⁰⁹ Предполагается, что боспорские цари, находясь в дружественных отношениях и династической связи со скифами, дипломатически способствовали урегулированию конфликта Херсонеса с этими варварами (Там же. С. 105–106).
- ³¹⁰ Без каких-либо ссылок на дополнительные источники реконструируется противоречие в этом вопросе Спартокидов и их гражданства (первые больше ориентированы на скифов, якобы главного своего военного союзника против меото-сарматского союза во главе с Гаталом), а вторые — на Понтийское царство, с городами которого Боспор связывало тесное торговое партнерство (см.: *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 107–108).
- ³¹¹ Едва ли это утверждение сопоставимо с возобновлением золотой чеканки боспорских царей.
- ³¹² *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 108.
- ³¹³ Появление в боспорской городской чеканке монеты из южнопонтийской «золотистой бронзы» и типологические заимствования.
- ³¹⁴ Отмечается, что «...роль городов по мере выхода из подчинения Боспору меотских племен заметно возрастала, а власть Спартокидов вообще и над ними, в частности, слабела» (*Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. С. 109).
- ³¹⁵ См.: *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 75–84; ср.: *Гаврилов А.К.* Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IRE I², 352 — Syll.³ 709) // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья.* СПб., 1992. С. 71.
- ³¹⁶ Накануне этих событий, как пронизательно заметила Т.В. Блаватская (Очерки политической истории Боспора... С. 149), Боспор сохранял союзнические обязательства по отношению к скифам Таврики. Именно поэтому полководец Митридата Диофант, едва одержав первую победу над скифами Палака, немедленно отправился в Пантикапей (IOSPE I², 352) в поисках дружественного нейтралитета со стороны последнего Перисада (подробно см.: *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 71, сл.).
- ³¹⁷ Страбон (VII. 4. 4) так писал о причине этого события: «Не будучи в состоянии противостоять варварам, требующим дани большей, чем прежде, он [Перисад] передал власть Митридату Евпатору» (пер. Ю.Г. Виноградова).
- ³¹⁸ На момент завоевания столицы синдов — Лабрит(ы) — «вся Синдика».
- ³¹⁹ Но, видимо, время от времени отпадали от Боспора.

Таблица 1

Эволюция титулатуры боспорских Спартокидов
(вторая четверть IV – первая четверть III в. до н.э.)

Тип	Вариант	Элементы титулатуры		Надписи: КБН; литература			
		«архонт Боспора и Феодосии...»	«царствующий над...»				
ЛЕВКОН I							
А	1	+	–	1111; Белова, 1967 ¹			
	2	+ всей Синдики, торетов, дандариев, пессов		Соколова, Павличенко, 2002 ²			
Б	1	+ синдов	торетами, дандариями, пессами	6а		1042	
	2	+	синдами, торетами, дандариями, пессами	6,1037,1038			
В	1а	+	синдами, [торетами, дандариями]	8 (по: Яйленко, 1987) ³	77	1042	
	ПЕРИСАД I						
	1б	+	синдами, торетами, дандариями	1014			
Г		+	синдами, всеми меотами	10, 11, 971, 1039, 1040			
Д		+	синдами, всеми меотами, фатейми	9, 1015			
Е		+	синдами, всеми меотами, фатейми, досхами	972			
СПАРТОК III							
I		АРХОНТ	ЦАРЬ	18			
II		АРХОНТ		1043, 974			
III			ЦАРЬ	19			

Таблица 2

Надгробия иностранцев в боспорских некрополях

Надпись (КБН + лит.)	Дата (вв. до н. э.)	Место находки	Пол погребенного (м/ж)
Герacleоты			
923	IV	Нимфей	М
925	IV		Ж
1193	2-я половина IV	Горгиппия	Ж
246	1-я половина III	Пантикапей	М

Таблица 2 (окончание)

Надпись (КБН + лит.)	Дата (вв. до н. э.)	Место находки	Пол погребенного (м/ж)
Херсонеситы			
173	1-я половина IV	Пантикапей	М
195	1-я половина IV		М
194	2-я половина IV		М
243	1-я половина III		М
Кромнит			
199	ранее рубежа IV/III ⁴	Пантикапей	М
Синопцы			
208	IV	Пантикапей	М
ср. 703а, 733	124 г.н.э.; III в. н.э.		М
Каллатиец			
252	2-я половина III – начало II	Пантикапей	М
Митиленец			
274bis	не позднее I	Пантикапей	М
Хиосянка			
155	IV	Пантикапей	Ж
иностранцы в другого рода памятниках:			
17	конец IV – начало III	Пантикапей	византийцы
1	Перисад I		пирсец (Амис)
2	Перисад I		халкедонцы
3	Перисад I		(хиосец?)
Виноградов, Толстик- ков, Шелов-Коведя- ев, 2002 ⁵	Перисад I		кромнит
	Перисад I		(аполлониат?)
20	Перисад II		родосцы
Финогенова, Тохтасьев, 2003 ⁶	60-е годы IV	Гермонасса	гераклеот
991	IV	Фанагория	«патрида манти- нейцев»

Таблица 3

Сравнительные размеры боспорских городов в период их расцвета

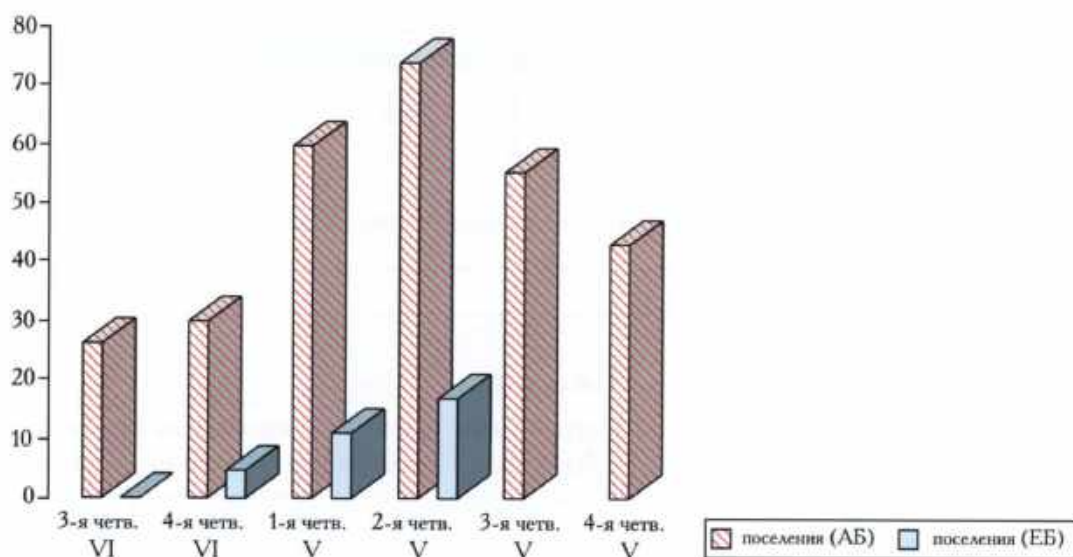
Городище	Период/общая площадь Городища (тах.)	Площадь, га
Пангикапей ⁷	—	более 100 — до 200
Фанагория ⁸	—	60–65
Гермонасса ⁹	—	25
Патрей (Западный) ¹⁰	2-я половина VI — начало III в. до н.э.	более 7,5
	тах.	53
Горгиппия ¹¹	—	35
Феодосия ¹²	—	15–20
Кепы ¹³	I–II в. н.э. (тах.)	20–25
Нимфей ¹⁴	—	10
Мирмекий ¹⁵	конец VI — начало V в. до н.э.	6
	тах. ¹⁶	8
Тиритака ¹⁷	—	4
	тах. ¹⁸	9,5
Китей ¹⁹	тах.	4,5–6
Танаис ²⁰	II в. н.э.	5,4
Порфмий ²¹	середина III в. до н.э.	0,65
Зенонов Херсонес ²²	V в. до н.э.	0,3–0,4
	тах.	0,6
Для сравнения:		
Ольвия ²³	1-я половина VI в. до н.э.	6
	середина VI — рубеж VI–V вв. до н.э.	11,5–16,5
	начало V — конец IV в. до н.э.	44–47
	конец IV — середина I в. до н.э.	50–55
Керкинитида ²⁴	середина VI — середина V в. до н.э.	0,8–1,0
	середина V в. до н.э.	3,2–3,7
	конец V в. до н.э.	4,2–4,3
	2-я половина IV в. до н.э.	5,3

Таблица 4

Поселения Европейского и Азиатского Боспора
в VI–V вв. до н.э. (по: Завойкин, Масленников, 2006)²⁵

Периоды	VI в. до н. э.		V в. до н. э.			
	четверти столетий					
	3-я	4-я	1-я	2-я	3-я	4-я
Таманский п-ов	26	[30]	60	74	55	43
Восточный Крым	0	[4,5]	11	17	?	?

Таблица 5

Погребения с оружием на Боспоре.
Вторая половина VI – V в. до н.э. (по: Завойкин, Сударев, 2006)²⁶

Боспор	VI в. до н.э.		V в. до н.э.			
	четверти столетий					
	3-я	4-я	1-я	2-я	3-я	4-я
Общее количество погребений	17,5	110,3	153,3	175,8	63,5	160,5
% общий	2,57	16,2	22,5	25,8	9,33	23,6
Количество погребений с оружием	1,5	17,5	26,25	31,25	11,25	16,25
% погребений с оружием	8,6	15,7	17,1	17,7	17,7	10,1

Распределение общего % погребений, а также количества и % погребений с оружием

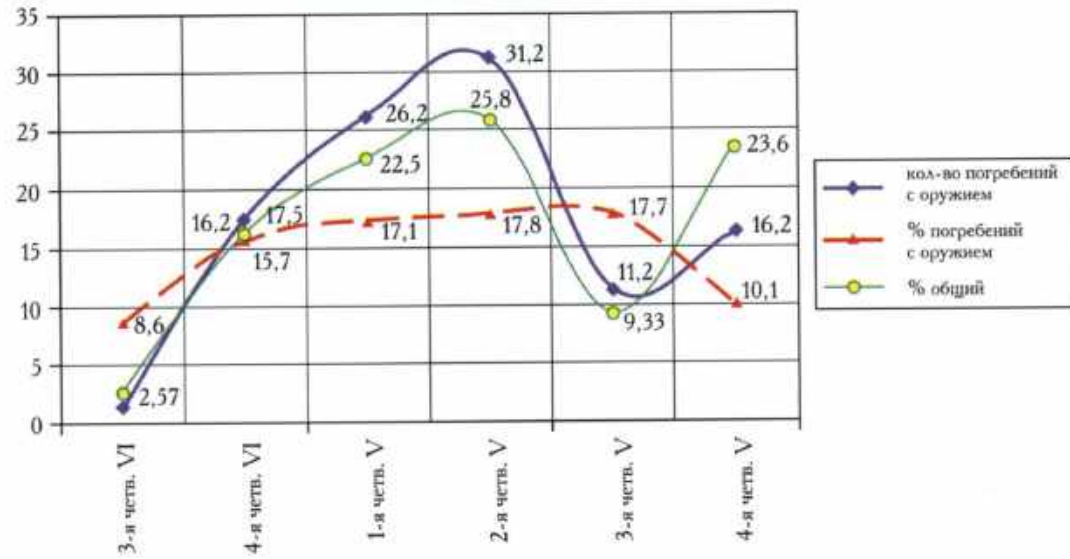
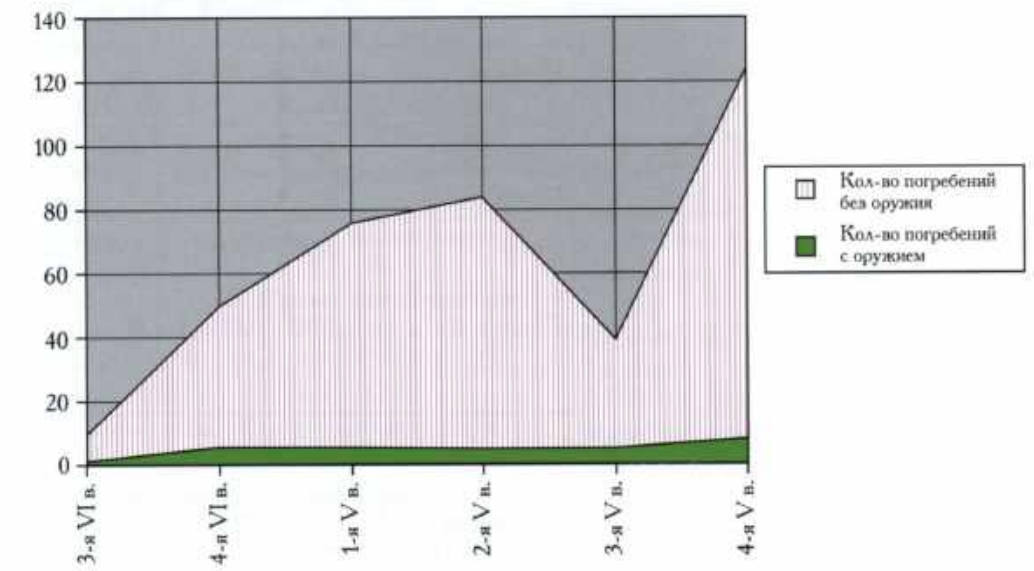

Таблица 6

Погребения с оружием в некрополях Европейского и Азиатского Боспора (по: Завойкин, Сударев, 2006)

Боспор	VI в. до н.э.		V в. до н.э.			
	четверти столетий					
	3-я	4-я	1-я	2-я	3-я	4-я
Европейский						
Всего, количество	10	49,5	75,5	83,5	38,7	125,7
Всего, %	2,6	12,9	19,7	21,8	10,1	32,8
С оружием, количество	1	5,2	5,4	4,9	4,8	7,8
С оружием, %	3,5	17,8	18,7	16,9	16,4	26,7
% от общего количества за данный период («вооруженность»)	10	10,5	7,1	5,8	12,3	6,2
доля в общем %	0,26	1,36	1,41	1,28	1,25	2,03
Азиатский						
Всего, количество	7,5	60,8	77,8	92,3	24,8	34,8
Всего, %	2,5	20,4	26,1	31	8,3	11,7
С оружием, количество	0,5	12,3	20,8	26,4	6,5	8,5
С оружием, %	0,7	16,4	27,8	35,2	8,7	11,3
% от общего количества за данный период («вооруженность»)	6,7	20,3	26,8	28,6	26,2	24,4
доля в общем %	0,17	4,13	6,98	8,87	2,18	2,86

1) Доля погребений с оружием в общем количестве, Боспор Европейский

2) Доля погребений с оружием в общем количестве, Боспор Азиатский

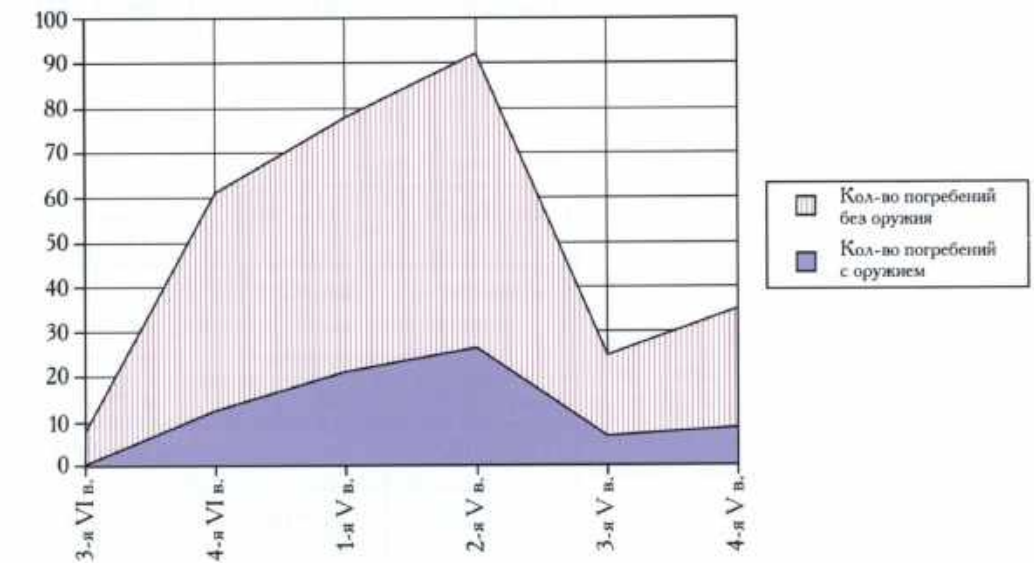

Таблица 7

Хронология боспорских правителей V—II вв. до н.э.

Династ	Годы правления	Период (лет, ок.)	Werner, 1955 ²⁷	Примечания
Археанактиды	480/79–438/7	40	438/7–433/2	
Спарток I	438/7–432/1	7		
Селевк и Сатир I	432/1–392/1	40	433/2–389/8*	* 433/2–393/2 гг. совместно; 393/2–389/8 гг. – Сатир единолично
Левкон I	392/1–352/1	40	389/8–349/8	
Спарток II	352/1–347/6	5	349/8–344/3*	* совместно с Перисадом I; МИС 3 (Афины, 346 г.)

Таблица 7 (окончание)

Династ	Годы правления	Период (лет, ок.)	Werner, 1955 ²⁷	Примечания
Перисад I	347/6–310/9	38	349/8–311/0*	* 344/3–311/10 единолично
Сатир II	310/9–309/8	9 мес.	311/10–310/09	
Притан	309/8	1–3 мес.?	310/09	
Евмел	309/8–304/3	5 лет 5 мес. = ок. 6	310/09–304/3	
Спарток III	304/3–284/3	20	304/3–284/3	МИС 4 (Афины, 287–284 гг.); КБН 18; 1043, 974; 19

Династ	Годы правления по:		Примечания
	Молев, 1994 ²⁸	Толстиков, Виноградов, 1999 ²⁹	
Перисад II	284/3–245	284/3–245	МИС 28 (Дельфы, 250 г.) царица Перисад [позднее: 240, 235/4, 232/3 и 230/29 (?) гг. – без титула]; P.Lond. 7, 1973 (254 г.; =МИС, С. 260–261); КБН 1036, 20, 21, 23; 822 ³⁰ ; Белова, 1970 ³¹
Сатир III (?)	245–240	(совместно с Перисадом II)	Нимфейские граффити. Ср.: Тохтасьев, 2006 ³²
Спарток IV	240–230	245–243	5 лет? (Латышев, 1909. С. 87) ³³ ; КБН 24?, 822 (см.: Виноградов, 1987) ³⁴
Левкон II	230–200	242 ³⁵ –220/200?	КБН 25
(Перисад III)	–	220–200?	Толстиков, Виноградов, 1999 ³⁶ , КБН 24?
Спарток V	200–180	220/200–180	КБН 24? (Виноградов, 1987) ³⁷ ; КБН 75 (без титула)
Гигиенонт	(145–130)	ок. 180 ³⁸	архонт (монета; клейма черепичные)
Камасария	–	180–160	МИС 38 (Дидимы, 156–155 гг.): царица Камасария; ср.: Латышев, 1909 ³⁹
		Виноградов, 1987 ⁴⁰	
Перисад III [IV]	180–160	180–170	МИС 15 (Дельфы, начало II в.: царица Перисад и царица Камасария); КБН 75
Перисад IV [V]	160–145	170–150	КБН 75 (ок. 150 г.), 1044 совместно с Камасарией и ее вторым мужем Арготом ⁴¹ , потом – единолично?; МИС 39 (Дидимы, 154/3 г.): царица Перисад
(Спарток VI)	–	150–140	
Перисад V [VI]	130–108/7	140–111	Виноградов, 1978; Strabo VII. 4, 4

- ¹ Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1967. № 1.
- ² Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвященная надпись из Нимфея // *Nepherboeus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- ³ Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
- ⁴ Ранее рубежа IV–III вв. до н.э. Кромны в результате синойкизма вошли в состав Амастрии (Strabo. XII. 10).
- ⁵ Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4.
- ⁶ Финогенова С.И., Тохтасьев С.Р. Новые данные о культуре Афродиты в Гермонассе // *Nepherboeus*. 2003. Vol. 9, fasc. 1. С. 86–87.
- ⁷ Блаватский В.Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 23, 28; Толстиков В.П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV–I вв. до н.э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 157; Он же. Пантикапей – столица Боспора // ОАИБ. М., 1992. С. 79, сл.
- ⁸ Оценки площадей города по этапам (2-я половина VI – 1-я четверть V = 20/22; 2-я четверть V – конец V в. до н.э. = 37/50; max. = 55–60 га), предложенные В.С. Долгоруковым (Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 31, 33) следует считать недостаточно обоснованными (об этом см.: Завойкин А.А. Фанагория во 2-й половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам «Верхнего города», 2004–2008 гг.) // Пятая Кубанская археологическая конф: Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 128–131). По мнению В.Д. Кузнецова, архаический город мог занимать площадь от полутора до нескольких га, но точные оценки пока невозможны. Несомненно заметный рост площади со 2-й четверти V в. до н.э., но и в этом случае нельзя предложить обоснованную цифру.
- ⁹ Зесст И.Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4. С. 85–86, рис.; Коровина А.К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 7; Финогенова С.И. К вопросу

- о границах и планировке античной Гермонассы // ТС. СПб., 2000. Вып. 3. С. 48–49.
- ¹⁰ Абрамов А.П. Амфоры VI–V вв. до н.э. из раскопок Патрея (раскопки 1985–86 гг.) // Древности Кубани: Материалы семинара. Краснодар, 1987. С. 37; Он же. Городище Патрей: Периодизация и топография // Патрей: Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1. С. 12–18.
- ¹¹ Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 19. С. 23, 26; АГСП. М., 1984. С. 82.
- ¹² Крыжицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенциал античных держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 54, примеч. 27–30; Петрова Э.Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь, 2000. С. 102 (по аналогии).
- ¹³ Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы // АГСП. М., 1984. С. 84.
- ¹⁴ Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. Т. XVI. С. 233–234, 239.
- ¹⁵ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекии в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 216; Виноградов Ю.А. Мирмекий // ОАИБ. М., 1992. С. 100, 106, 107; Он же. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum+*. 1999. Вып. 3. С. 110; Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекии: (предварительные итоги исследования) // Проблемы исследований античных городов: Тез. III чтений памяти В.Д. Блаватского. М., 1989. С. 27–28.
- ¹⁶ Чистов Д.Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени (середина V в. до н.э. – начало III в. до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. Л. 11.
- ¹⁷ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 131, С. 15, примеч. 1. С. 19, 88.
- ¹⁸ Зинько В.Н. Проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов городища Тиритака // БИ. Вып. XVII. С. 129–130.
- ¹⁹ Масленников А.А. Китей // АГСП. М., 1984. С. 71; Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы:

- (Железный век и эпоха средневековья). Курск, 1985. С. 55, 59; Он же. Боспорское место Китей IV – III ст. до н.э.: (За материалами раскопок 1970–1981 гг.) // Археологія. 1986. Вып. 54. С. 43, 44; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 181.
- ²⁰ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 23; Арсеньева Т.М. Танаис // АГСП. С. 93.
- ²¹ Шургая И.Г. Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурад // АГСП. С. 69; Вахтина М.Ю. Некоторые итоги исследования древнейших слоев городища Порфмий в Восточном Крыму 1986–1990 гг. // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к пленуму ИИМК (26–28 ноября 1991 г.). СПб., 1991. С. 33–34; Виноградов Ю.А. Греческая колонизация... С. 110.
- ²² Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // ОАИБ. М., 1992. С. 124, 136, 142.
- ²³ Крыжицкий С.Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // ПГКСВП. Тбилиси, 1979. С. 120–122.
- ²⁴ Кутайсов В.А. Керкинитиды. Симферополь, 1992. С. 100.
- ²⁵ Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006.
- ²⁶ Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 2006. Т. 10.
- ²⁷ Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // *Historia*. 1955. Bd. IV, H. 4. S. 430.
- ²⁸ Молев Е.А. Боспор в эпоху эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 21–22.
- ²⁹ Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову. М., 1999. С. 296.
- ³⁰ Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 2. С. 84, сл.

- ³¹ Белова Н.С. Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970. № 2. С. 65, сл.
- ³² Тохтасьев С.Р. К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 2006. Т. 10.
- ³³ Латышев В.В. ПОНТИКА: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.
- ³⁴ Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 63 и примеч. 31, 46.
- ³⁵ На основании интерпретации косской надписи 242 г. (Толстиков, Виноградов, Декрет Спартокидов из дворцового храма... С. 295–296).
- ³⁶ Толстиков, Виноградов. Декрет Спартокидов из дворцового храма... С. 293.
- ³⁷ Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и

- проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 63 и примеч. 31, 46.
- ³⁸ Опираясь, как и Е.А. Молев, на пересмотр датировок нумизматических материалов (эмблематика на монетах [и черепичных клеймах] Гигиенонта в подражание посмертным выпускам золота Лисимаховского типа.
- ³⁹ Латышев. ПОНТИКА... С. 87, примеч. 2; с. 288 (после 150 г.)
- ⁴⁰ Виноградов. Вотивная надпись... С. 66.
- ⁴¹ Сына И[сан]фа. Ср.: КБН. 75 и Зайцев Ю.П. Аргот — супруг царицы Комосарии [sic! — А.Э.] (к реконструкции династийной истории Боспора и крымской Скифии) // ТС: Греки и варвары на Киммерийском Боспоре в VII—I вв. до н.э. СПб., 2000. С. 53; Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского: (предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1. С. 44–53; Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.).

Симферополь, 2003. С. 52; Сидоренко В.А. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 68–69. Если действительно Аргот обеих надписей одно и то же лицо, то вполне очевидно, что брак царицы Боспора и правителя Скифии (который, разумеется, пребывал в своей резиденции в Неаполе) носил чисто династический характер и, возможно, обусловлен установлением союзнических отношений между двумя государствами (см.: Виноградов. Вотивная надпись... С. 85; ср.: Гаврилов А.К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IRE I², 352 — Syll.³ 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 71). В этой связи сомнительным выглядит тезис В.А. Сидоренко, будто Перисад V (по его счету — IV. — А.Э.) мог править самостоятельно только после смерти Аргота (ок. 154 г. до н.э. — исходя из того, что в посвящении МИС. 39 Перисад фигурирует один).

ПОЗДНЕ- ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ И РИМСКИЙ ПЕРИОДЫ

(I в. до н.э. — середина III в. н.э.)

С. Ю. САПРЫКИН

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПРАВЛЕНИЕ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА

На рубеже II—I вв. до н.э. в Боспорском царстве произошли серьезные перемены, связанные с его подчинением Митридату Евпатору, царю Понта, эллинистического государства на севере Малой Азии. Этому предшествовали переговоры понтийского полководца Диофанта с боспорским царем Перисадом V (по другой точке зрения VI) — последним представителем правившей более 300 лет династии Спартокидов о передаче власти Митридату. Когда вопрос о воцарении на Боспоре Митридата был окончательно решен, в Пантикапее произошло восстание скифов под руководством Савмака, целью которого было не допустить на Боспор понтийского царя. Пробоспорская скифская аристократия, предчувствуя скорое подчинение Крымской Скифии власти Митридата и используя влияние своих ставленников в Пантикапее, делала все возможное, чтобы Боспор перешел к наследникам правителей Скифского царства в Крыму. Однако восстание Савмака было подавлено Диофантом, которому с войском пришлось высаживаться в Феодосии, чтобы взять штурмом столицу Боспора.

Эти события несколько лет держали в напряжении почти весь Европейский Боспор, тогда как азиатские области остались от них в стороне¹. Явная пассивность Азиатского Боспора по отношению к Савмаку и временно захватившим в Пантикапее власть его скифским сторонникам позволяет полагать, что греческие города и эллинизованная часть населения Синдики благосклонно встретили передачу власти Митридату Евпатору. Причины пассивности Азиатского Боспора, очевидно, состояли в том, что он находился в близком соседстве с сарматскими племенами сираков и аорсов, которые усилились в начале II в. до н.э. Немалая часть сарматов, особенно племя роксоланов, наиболее воинственных из ираноязычных кочевников, вместе с крымскими и нижнеднепровскими скифами воевала против войск Диофанта. По мнению современных ученых, сарматы — это именно те «варвары», которые, согласно Страбону (Strab. VII. 4. 4), требовали «больше прежнего дани» с Перисада V (VI). А когда он был уже не в силах им противиться и выплачивать обременительную дань, то был вынужден передать престол Митридату Евпатору². Значительная часть этой дани поступала из основной хлебной житницы Боспора — Прикубанья, и потому попытка Перисада V (VI) избавиться от этой повинности путем передачи власти Митридату не могла не приветствоваться греками Азиатского Боспора. К тому же если бы восстание Савмака достигло успеха, то греческие полисы региона могли оказаться под властью скифских правителей Таврики. Переход же под юрисдикцию царя Понта открывал им возможность активнее посредничать в торговле между синдмеотами, оседлыми сарматами и южнопонтийскими городами, входившими в державу Митридата.

Греческие государства Причерноморья, включая Боспор, рассматривали понтийского царя, прежде всего, как защитника от варваров, хотя сам Митридат стремился использовать этот регион в качестве источника людских и материальных ресурсов при подготовке будущих войн с Римом. Непримирым противником римской гегемонии в Средиземноморье и в Малой Азии царь Понта, энергичный и деятельный правитель (рис. 1, 2), выдержал три долгих и кровопролитных войны с Римской республикой, вошедших в историю под названием Митридатовых. Первая война, успешная для Митридата в первые годы, продолжалась в течение 89—85 гг. до н.э., Вторая, наиболее удачная

Рис. 1. Митридат Евпатор.
Изображение на серебряной монете
из святилища у перевала Гузлуфское
Седло (Южный Крым).
Ялтинский историко-литературный
музей

Рис. 2. Митридат Евпатор
в образе Александра Македонского.
I в. н.э. Мрамор. Лувр

для царя Понта, — в 83–81 гг. до н.э., а Третья — самая длительная и сокрушительная для Понтийского государства — происходила в 74–63 гг. до н.э. Хотя государства Северного Причерноморья непосредственно в столкновениях с римлянами не участвовали, косвенно они были втянуты в конфликт, особенно в 67–63 гг. до н.э., когда понтийский царь, потерпев ряд серьезных поражений в Малой Азии, бежал на Боспор.

Главной задачей Митридата Евпатора было обеспечить зерновым хлебом подданных в малоазийских владениях. Для этого ему было крайне важно подчинить хлебородные районы Северного Причерноморья, в том числе азиатскую часть Боспора и Синдику. Достижение этой цели облегчалось тем, что греческое население причерноморских городов, включая полисы Азиатского Боспора, признало власть Митридата Евпатора вследствие проводимой им активной филэллинской политики. Сторонник ориентации на греческие города в родовом царстве царь Понта и на Боспоре стал опираться на крупнейшие полисы — Пантикапей, Фанагорию и Горгиппию — и даже разрешил им выпускать свои монеты. В 109–90 гг. до н.э. их чеканили Пантикапей и Фанагория; тогда же или чуть ранее появились серебряные монеты Горгиппии³, а затем серебряные драхмы начал выпускать уже Пантикапей, при этом Горгиппия продолжала чекан серебра⁴. Всплеск городской чеканки достиг апогея в 90–80 гг. до н.э., когда были выпущены монеты более крупных номиналов на монетном дворе столицы Боспора, в том числе от имени полисных общин Фанагории и Горгиппии (рис. 3, 4)⁵.

Некоторые ученые считают, что этот чекан не имел особого экономического значения, а был лишь политическим жестом понтийского царя в отношении греческих городов, прежде всего Азиатского Боспора⁶. Действительно, предоставление крупнейшим боспорским полисам права чеканки монет из благородного металла — событие беспрецедентное для Понтийского царства, где этой привилегией пользовалась исключительно царская власть, а города выпускали только медные монеты. В своем родовом царстве Митридат Евпатор предоставил полисам ряд ограниченных прав политической автономии, но под своим контролем. Однако у городов Боспора этих прав было, по всей видимости, больше, чем у городов Понта и Пафлагонии. Об этом известно из более поздних надписей — так называемых «рескриптов Аспурга горгиппийцам» от 16 г. н.э. (подробнее о них см. ниже). Согласно этим рескриптам,

в боспорских городах право наследования недвижимости регулировалось «наследственным законом Евпатора» (κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀρχιστευτικὸν νόμον), принятым еще при Митридате VI. Он сводился к тому, что после смерти члена гражданского коллектива полиса его земельный участок при отсутствии прямых наследников переходил не в распоряжение царя, как предусматривали законы эллинистических полисов, а всей общине граждан, что было свойственно классическим полисам, над которыми не довлела власть монарха. Этим Митридат Евпатор расширял политические и гражданские права городов, в частности Горгиппии и, возможно, других полисов Азиатского Боспора⁷, прежде всего тех, которые контролировали хлебодородные области. Поэтому они смогли не только сохранить свои сельскохозяйственные территории, но и выпускать монеты, в том числе из серебра.

В первые два десятилетия своего владычества в Северном Причерноморье Митридат Евпатор еще не имел постоянной поддержки со стороны местных племен, ведь переход Боспорского царства под власть Понта лишил варваров, особенно сарматов, постоянного источника дани, которую они взимали с его царей. Это вынудило его первоначально ориентироваться на экономические

Рис. 3. Монеты Фанагории времени правления Митридата Евпатора. 100–75 гг. до н.э. Медь. Тип: Аполлон-тирс. ГЭ
а – лицевая сторона,
б – оборотная сторона

Рис. 4. Монеты Горгиппии времени Митридата Евпатора. 100–90 гг. до н.э. Серебро. Тип: Дионис-лани. ГЭ
а – лицевая сторона,
б – оборотная сторона

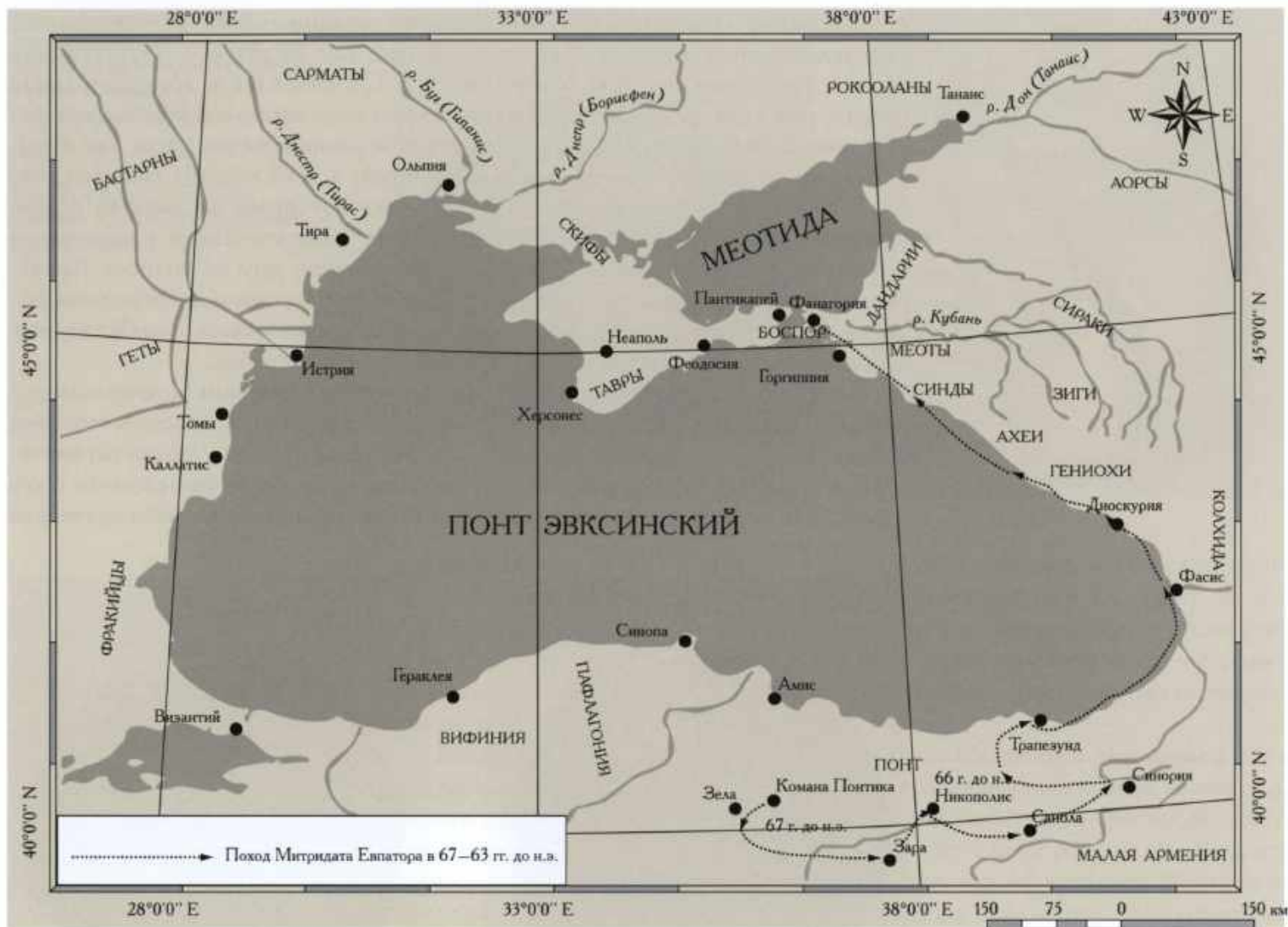

Рис. 5. Причерноморье в эпоху Митридатовых войн и отступления Митридата Евпатора на Боспор

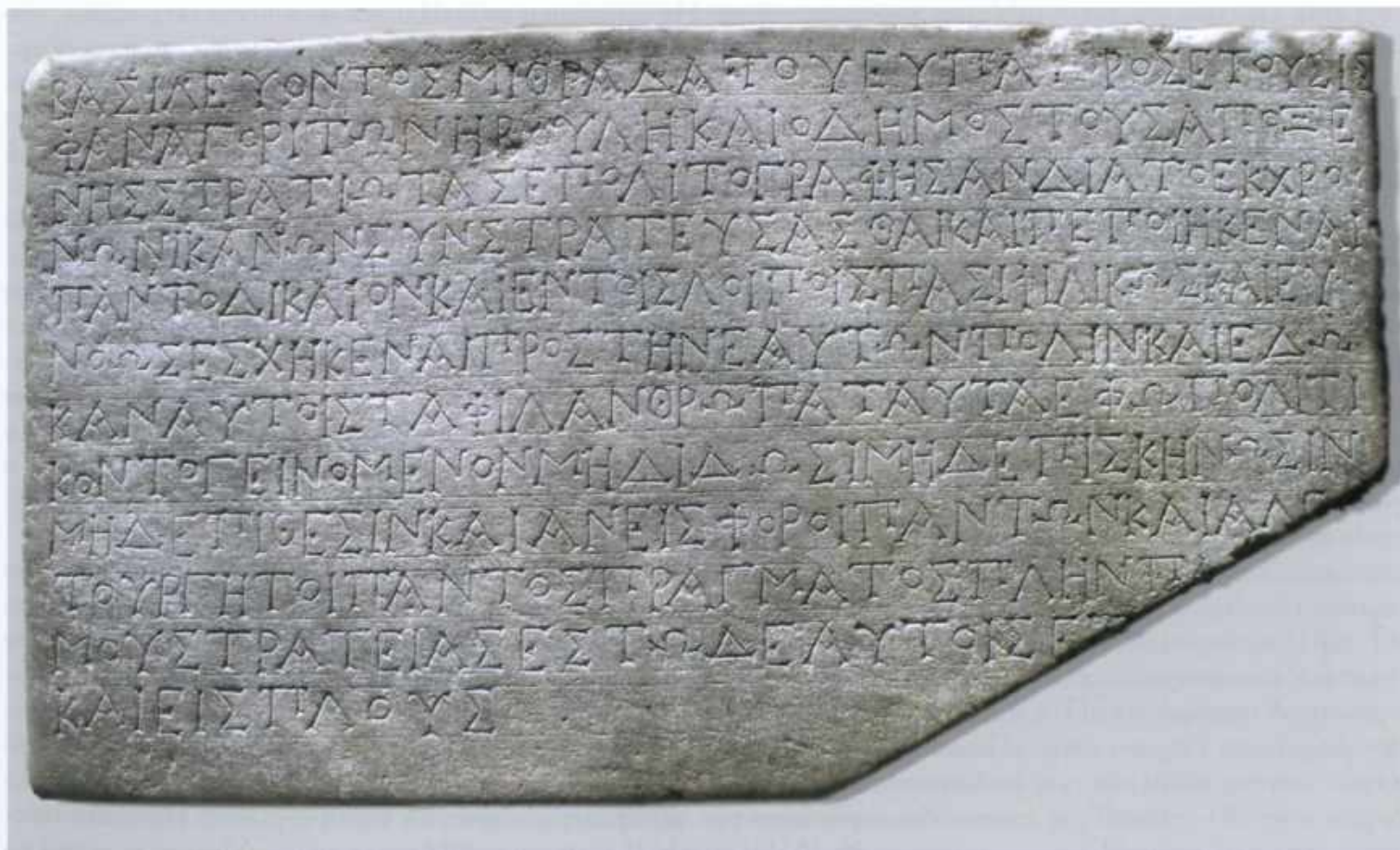
ресурсы хоры крупных греческих городов. К концу II — началу I в. до н.э. более или менее продуктивно функционировали лишь сравнительно небольшие участки хоры Горгиппии, Пантикапея и, возможно, Фанагории, так как большая часть пахотных земель Боспора была в запустении из-за выплаты непомерной дани сарматам и различных военных конфликтов⁸. Это привело к тому, что к началу I в. до н.э. новым властям Боспора пришлось разделить его территорию на административные округа во главе с крупными полисами, имевшими аграрную округу, — Феодосией, Горгиппией и «островом» (ныне Фанталовским полуостровом), находившимся под управлением Фанагории. В результате предпринятой реформы земельных отношений Митридат стал получать из Северного Причерноморья ежегодно 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра, а накануне Третьей войны с Римом собрал в разных частях Причерноморья 2 млн медимнов хлеба (Strab. VII. 4. 6; Memn. XIX, LIV; Arr. Mithr. 69). Согласно Страбону (VII. 4. 6), указанное выше количество хлеба и серебра уплачивали понтийскому царю Европейский Боспор и «азиатские местности страны около Синдики». Это доказывает, что львиную долю хлебных поставок осуществляло население той части Синдики, которая примыкала к городам Азиатского Боспора, а также жители приморских ее районов и соседних областей Приазовья. Фанагория и Горгиппия издревле вели посредническую торговлю с внутренними районами Синдики и ее сосе-

дями. Поэтому расширение их полисных прав диктовалось не столько политическими, сколько экономическими интересами Понтийского царства, так как торговля зерном была выгодна царю и боспорским грекам, способствуя накоплению финансовых средств в царской казне и у полисных властей. Это позволяло чеканить серебряную монету в греческих городах Боспора, чтобы покрывать вынужденные расходы.

Были, однако, и другие причины благосклонности Митридата по отношению к греческим городам Азиатского Боспора. Для бесперебойных поставок оттуда зерна существовало немало препятствий. Сарматы, в основном сираки, аорсы и роксоланы, обитавшие в степях между Прикубаньем, Доном и Днепром, не смирились с потерей источника дани, которую они взимали со Спартокидов до прихода Митридата, и продолжали угрожать благополучию греческих городов. Определенную угрозу Азиатскому Боспору представляли также племена ахейцев, гениохов и зигов, которые обитали между Батами (совр. Новороссийск), понтийской Ахеей (совр. Туапсе) и Диоскурией (совр. Сухуми). Эти племена совершали пиратские рейды против эллинских судов, которые плыли в Южное Причерноморье, в том числе с зерном для понтийской армии. Они не признали власть Митридата, не считали себя его подданными и не хотели быть его союзниками. В 81–80 гг. до н.э. понтийский царь начал против них войну, которая закончилась неудачно, хотя накануне 74 г. до н.э. эти племена все же стали его союзниками. Однако когда в 67 г. до н.э. Митридату пришлось отступить на Боспор, то, как утверждает Аппиан, он опять столкнулся с их враждебностью, «обратил их в бегство и преследовал» (App. Mithr. 102: *πολεμικὰ καὶ ἀλλότρια ἔθνη Σκυθικά... Ἀχαιοὺς δ' ἐτρέπατο διώκων*; ср. 67, 69). Впрочем, Страбон (XI. 2. 13) сообщает, что царь лишь

Рис. 6. Декрет Фанагории о наемниках эпохи Митридата Евпатора. 88/87 гг. до н.э. Керченский музей. Фото Н.Ф. Федосеева.

при поддержке ахейцев сумел достичь Боспора при бегстве из Колхиды. Это противоречие в сообщениях источников можно объяснить тем, что, согласно Страбону, Митридат смог пробиться на Азиатский Боспор лишь вдоль узкой полоски берега (рис. 5). Следовательно, на его сторону встали только те ахейские племенные вожди, которые контролировали прибрежные сухопутные пути, а весь остальной массив ахейских племен, следовательно, был настроен враждебно к понтийскому царю, что и имел в виду Аппиан. Как бы то ни было, но отношения Митридата и ахейцев были нестабильными и непрочными. Чтобы обеспечить поддержку против беспокойных соседей — сарматов, ахейцев и гениохов — Митридату Евпатору пришлось расширить политические права греческих городов в этом регионе, но в то же время назначить правителями Боспора своих сыновей — Митридата Младшего и Махара, которые вместе с Боспором управляли и Колхидой. Тем самым он как бы «брал в клещи» непокорные районы Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа, готовя почву для их полного подчинения.

Еще одним средством привлечь на свою сторону города и одновременно контролировать регион стало введение в крупнейшие полисы и на их хору царских гарнизонов. О гарнизоне митридатовских воинов в Фанагории свидетельствует эпитафа декрета Совета и народа фанагорийцев от 88/87 г. до н.э. о предоставлении гражданских прав иноземным воинам (рис. 6). В ней говорится, что эти солдаты продолжительное время несли службу вместе с гражданским ополчением Фанагории, четко выполнили свой долг, дружелюбно и благорасположенно относились к городу, за что получили привилегии: не платить причитающиеся всем гражданам общественные сборы, не вносить плату за квартирование, ни дополнительную плату, ибо были объявлены свободными от всех чрезвычайных взносов и любых повинностей, кроме всеобщего набора в войско. На основании этой надписи можно сделать вывод, что под властью Митридата Фанагория сохраняла свою политику, полисные органы управления и городское ополчение, право принимать декреты от имени Совета и народного собрания, по крайней мере в первой половине 80-х годов до н.э. По мнению ряда ученых, митридатовских воинов ввели в гражданский коллектив не в условиях военной опасности, а из-за неблагоприятного экономического положения Фанагории после неудачной для Митридата Первой войны с Римом с целью не платить наемникам, ибо казна города была пуста. Вместо денег полисные власти решили предоставить митридатовским воинам ряд льгот⁹. Однако надпись датируется временем до того, как Митридат потерпел тяжелые поражения от римлян, что произошло не ранее 86—85 гг. до н.э. К тому же в надписи есть оговорка, что наемники длительное время несли службу вместе с фанагорийцами, значит фанагорийское ополчение и митридатовские наемники, по-видимому, из гарнизона, расквартированного в полисе, могли принимать участие в каком-то вооруженном действии (в надписи сказано, что наемники «во всем выполнили свой долг»).

О военных действиях, которые велись в это время на Боспоре, известно из сообщений античных авторов. Не позднее 86 г. до н.э. митридатовские войска на Боспоре под командованием Неоптолема, брата главного стратега Митридата Архелая, как говорит Страбон (VII. 3. 18), летом разбили «варваров» в морском сражении в Керченском проливе, очевидно, с использованием судов с обеих сторон, а зимой там же, но уже в конной стычке. Кто были эти «варвары» — неизвестно. Считать их скифами¹⁰ невозможно, ведь они были разбиты еще Диофантом и вряд ли могли серьезно угрожать понтийцам в 96—85 гг. до н.э. К тому же в 90-х годах до н.э. Митридат вывел из

Скифии свои войска, что могло привлечь их на его сторону. Не случайно, что они неоднократно упоминаются среди союзников царя в годы войны с римлянами (см. ниже). Полагали, что противниками Неоптолема были боспорцы¹¹, но географ недвусмысленно свидетельствует о «варварах», которые бились с понтийскими войсками. Эти сражения происходили близ устья Меотиды, т.е. Азовского моря, поэтому речь может идти о местных племенах азиатской стороны Керченского пролива — меотах¹² или ахейцах¹³. Более справедливы предположения, что Неоптолем воевал с объединенным войском сарматов и ахейцев¹⁴ (конницу могли выставить сираки, славившиеся своей боеспособной кавалерией, в том числе катафрактариями). Следовательно, иноземные наемники, о которых упоминается в фанагорийской надписи, вполне могли принимать участие в этих сражениях.

Археологические исследования, проведенные в Прикубанье, показывают, что сарматские кочевники-сираки начали оседать на землю в этом регионе еще в конце IV в. до н.э. и этот процесс достиг наивысшей точки во II—I вв. до н.э. Сираки тесно взаимодействовали с меотами, и к началу I в. до н.э. в низовьях Кубани сложилась своеобразная сирако-меотская конфедерация, основанная на эксплуатации рядовых оседлых меотских земледельцев кочевой сарматской знатью¹⁵. Ахейцы соседствовали с меотами и сарматами-сираками, поэтому могли предоставить меото-сиракским отрядам свои суда для борьбы с флотом понтийского царя. В условиях враждебного отношения к Митридату ахейцев, гениохов, сираков и аорсов понтийским властям, со своей стороны, пришлось привлечь ополчения из греческих городов Синдики, а царские отряды поставить под командование греческих полисных командиров. Не на это ли намекает упомянутый декрет из Фанагории в том месте, где речь идет о совместных действиях наемников и фанагорийских граждан? Чтобы усилить свое влияние и могущество, Митридат должен был дать греческим городам ограниченную автономию — на Азиатском Боспоре ее получили, прежде всего, Фанагория и Горгиппия. Митридату было крайне важно закрепить в Прикубанье, чему отчасти помогли победы Неоптолема и содействие греческих полисов Азиатского Боспора. После этого успеха часть меотов и оседлых сарматов признала царя Понта, но племенная сарматская знать и ахейцы отказались это сделать.

Из свидетельства Аппиана (App. Mithr. 15), оставившего подробное изложение событий Митридатовых войн, и того, что им предшествовало, известно, что в 89 г. до н.э. передовой отряд Митридата в числе 100 сарматских всадников встретился с 800 всадниками вифинского царя Никомеда IV и некоторых из них пленил. Римский историк не называет этническую принадлежность сарматов, но существует точка зрения, что это были сираки, поддерживавшие понтийского монарха в начале Первой войны с Римом¹⁶. Однако более убедительным представляется мнение, что это был отряд западных сарматских кочевников — языгов и сарматов «царских», которые появились в Северо-Западном Причерноморье еще до того, как этот регион попал под власть Митридата¹⁷. Ведь в 91—90 гг. до н.э., перед самой войной с римлянами, понтийские войска долго воевали с сарматами и бастарнами (Plut. De fort. Rom. 11 = Mor. II. 324), кельтским племенем, выдвинувшимся в междуречье Днестра и Днестра еще в конце III в. до н.э. По сообщению Аппиана, в 89 г. до н.э. митридатовский посол в Риме Пелопид говорил сенаторам, что «друзьями понтийского монарха, готовыми на все, являлись скифы, тавры, бастарны, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотиды» (App. Mithr. 15). Из эпитафы сочинения Помпея Трога известно,

что Митридат направил послов к сарматам и бастарнам с просьбой о помощи (Justin. XXXVIII. 3. 5). Прибывшие одновременно с Пелопидом в Рим послы вифинского царя подтвердили, что Митридат имел в числе союзников фракийцев, скифов и все близлежащие племена (App. Mithr. 13). Через год, в 88 г. до н.э., если следовать тексту Аппиана, при высадке митридатовских войск в Греции их сопровождали сарматы «царские», языги, кораллы и бастарны (App. Mithr. 69), и не случайно в 85 г. до н.э. римский полководец Сулла обвинил Митридата, что тот еще до Первой Митридатовой войны заключил дружественные союзы со скифами, фракийцами и савроматами (Ibid. 57). В этих сообщениях сарматы/савроматы постоянно фигурируют вместе со скифами, бастарнами, фракийцами, следовательно, понтийский царь после военных побед над бастарнами и их соседями сарматами в 91–88 гг. до н.э. действительно привлек западную ветвь сарматских племен — языгов и сарматов «царских» — в качестве союзников. Восточные сарматы — прикубанские сираки и прикаспийские аорсы — оставались в это время вне союзных обязательств перед Митридатом.

Слова Пелопида о том, что к 89 г. до н.э. «все, кто живет по Танаису и вокруг Меотиды», стали друзьями царя Понта, позволяет утверждать, что меотские племена Прикубанья и Восточного Приазовья перешли к Митридату как союзники, а часть их могла признать себя его подданными. Это подтверждает географ-стоик Посидоний, который говорит, что в 89–85 гг. до н.э. (когда Митридат владел Вифинией) понтийского владыку почитали в числе прочих царей Азии и властители народов, живших вокруг Меотиды (Posid. apud Athen. V. C. 50. P. 213L). Когда на Боспоре приблизительно в 96–83 гг. до н.э. правил в качестве наместника Митридат Младший, сын Митридата Евпатора, ему подчинялись области «вплоть до необитаемых за Меотидой» (Plut. Sulla. 11). В годы Третьей войны с римлянами, в 74–67 гг. до н.э., в войсках понтийского царя находились дандарии (ираноязычное племя, обитавшее в Восточном Приазовье чуть выше русла Кубани), царь которых Олак даже поклялся Митридату убить Лукулла, командующего римскими войсками в начале Третьей Митридатовой войны (Plut. Luc. 16)¹⁸. В 68 г. до н.э. царь Понта был ранен в битве, и его лечили придворные врачи из числа агаров, по одним источникам, скифского племени (App. Mithr. 88), по другим, меотского (Strab. XI. 2. 11)¹⁹. Из этих сообщений можно сделать вывод, что дандарии и частично меоты, обитавшие за пределами территории сираков, могли присоединиться к Митридату во второй половине 90-х — первой половине 80-х годов до н.э. Очевидно, это произошло после побед Неоптолема в Керченском проливе. Поскольку земли в низовьях Кубани и в Восточном Приазовье ранее входили в государство Спартокидов и были связаны с греческими городами Синдики, прежде всего с Фанагорией и Горгиппией, то меоты, заинтересованные в сохранении отношений с греческими торговцами, могли пойти на союз с понтийским царем. А те сираки и меоты, которые обитали в глубинных районах Синдики и Меотики, находились под властью сиракской знати и не имели тесных отношений с греками, пока воздерживались от союза с Митридатом Евпатором.

На протяжении всего периода господства Митридата в Северном Причерноморье главной чертой его политики по отношению к местным племенам была поддержка племенной аристократии и сохранение у власти местных царей, которых античные писатели именовали скептухами. Они выступали как его вассалы, что позволяло Митридату величать себя на ахеменидский манер «царем царей» или даже «Великим царем царей»²⁰. Это должно было

вызывать некоторое беспокойство у его греческих подданных, усилившееся в 84–83 гг. до н.э. после поражения понтийцев в Первой войне с Римом. Причиной охлаждения отношений между Митридатом и греками стала измена Митридата Младшего и подвластных ему колхов и боспорцев, против которых, по сообщению античных авторов, даже готовилась военная акция (App. Mithr. 64; Cic. De imp. Gn. Pomp. IV. 9). Однако наказание со стороны Митридата напугало боспорцев, и они вернулись под его власть, так что никакого военного вторжения Митридата VI на Боспор и в Колхиду не произошло. Вместо этого распространился слух, что это была подготовка к походу против римлян (App. Mithr. 64). А упоминаемая Аппианом война с боспорцами и колхами, состоявшаяся якобы в 84 г. до н.э. (App. Mithr. 64: Κόλχοις καὶ Βοσποριανοῖς ἀφίσταμένοις ἐπὶ πολέμῳ), относится лишь к утверждению у власти в конце 80-х годов до н.э. в этих областях другого сына понтийского царя — Махара (App. Mithr. 67: Βόσπορον ἐχειροῦτο, букв. «подчинил Боспор»). Ведь после этого Митридат сразу напал на ахейцев (Ibid. 67: ἐς δ' Ἀχαιοὺς ἐσβαλὼν, см. выше), и обе акции могли поэтому относиться к одному и тому же «подчинению Боспора».

Ранее ученые полагали, что с отпадением от Митридата городов и появлением на политической арене Причерноморья Махара филэллинская политика Митридата по отношению к греческим полисам прекратилась, и с 80 г. до н.э. им было запрещено выпускать свою монету. Сейчас можно утверждать, что и в это время боспорские города поддерживали Митридата, поскольку он обеспечивал безопасность морских коммуникаций и торговые связи с южно-понтийскими греками²¹, а греческие полисы частично пользовались самостоятельностью и после назначения Махара наместником на Боспоре, так как их чеканка не прерывалась до 75 г. до н.э.²² Очевидно, это стало следствием того, что города Боспора лишь номинально поддержали Митридата Младшего, а фактически сохранили верность Митридату Евпатору и не воспрепятствовали воцарению Махара.

Нечетко выраженная промитридатовская позиция полисов, продолжавшаяся враждебность к понтийцам сирако-меотского союза в Прикубанье и аорсов в Закубанье и Прикаспии, разгром митридатовского войска ахейцами в 81–80 гг. до н.э. — все это поставило на повестку дня вопрос о необходимости защиты хлебородных районов Синдики, особенно в период подготовки к Третьей Митридатовой войне. Греческие полисы этого региона уже не могли играть ключевую роль, ибо их потенциал был ослаблен поборами царя после неудач в войнах 89–85 и 81–80 гг. до н.э. Поэтому новые власти Боспора во главе с Махаром, исходя из чисто пропагандистской идеи о том, что Боспорское царство и Колхида являлись наследственными владениями Митридата Евпатора, стали рьяно обустривать царские земли, возводить на них укрепления и крепости. Это были своего рода катойкии или клерухии, куда селили воинов для обработки пахотных земель, которые были обязаны за плату, в том числе и деньгами (это в основном были наемники), нести военносторожевую службу. Целая цепь таких поселений (около 10) возникла в это время в Южной Синдике — между Батами, Раевским городищем и Горгиппией, — чтобы защитить пограничные рубежи и участок побережья Черного моря, а также подступы к Горгиппии и Батам от нападений сарматов с юго-востока и ахейцев и гениохов с юга. Такими же по характеру укреплениями стал застраиваться Фанталовский полуостров — «остров», важный рубеж на северо-западе Синдики, охранявший подступы к Фанагории, Гермонассе, Апатуру и другим городам как по морю, так и по суше. Подобные системы

обороны создавались под руководством Махара, поэтому для осуществления над ними контроля в южных районах Азиатского Боспора была построена его резиденция, названная по эллинистической традиции в его честь²³. Более мелкие наместники также имели свои резиденции — усадьбы, одна из которых, принадлежавшая «начальнику острова», исследована Н.И. Сокольским у современного поселка «За Родину» на Тамани. Расцвет этих укреплений относится ко времени преемников Митридата Евпатора, но их строительство началось в конце 70-х — начале 60-х годов до н.э.²⁴ Одновременно в бассейне реки Кирпили, в районе, подвластном сиракам в Восточном Приазовье, появилась целая сеть укрепленных городищ оседлого меотского населения²⁵. Процесс создания царской хоры усилился после того, как в 75 г. до н.э. были урезаны политические привилегии греческих городов, прекратился их полисный чекан и, по-видимому, серьезно сократилось количество полисных земель.

К этому времени мог начаться постепенный переход на сторону Митридата Евпатора варварских племен Северного Кавказа, прежде всего сираков и меотов глубинных районов Синдики и Меотики²⁶. Реорганизация подвластной Митридату территории²⁷ облегчалась тем, что в 75—74 гг. до н.э. в лагерь союзников понтийского царя перешли ахейцы и гениохи (App. Mithr. 69). Это, очевидно, было связано с тем, что возводившиеся на царской хоре и пограничным рубежам Боспора укрепленные поселения заселялись в основном местными племенами. Им позволяли свободно осваивать земли, брать плату и многочисленные дары за службу, а сарматская военно-родовая кочевническая знать, служившая в митридатовской кавалерии, получала возможность во время войн захватывать трофеи и обогащаться. Это возмещало сарматам убыток от потери взимаемой ими ранее с Боспора дани. К тому же понтийский царь мог теперь получать с оседлого населения Прикубанья значительно больше хлеба, нежели ранее. Главным поставщиком зерна для понтийской армии стал Махар (см. Memn. 49, 54; Plut. Luc. 24; Liv. Per. 98; App. Mithr. 78), поскольку основная его часть взималась с меото-сарматского населения, в том числе катойков и клерухов, сидевших на царских землях в окрестностях эллинских городов. В обмен на зерно варвары Прикубанья приобретали изделия греческих ремесленников: в конце I — первой половине I в. до н.э. к ним в большом количестве ввозились стеклянные канфары малоазийского производства, золотые украшения, предметы вооружения.

Однако в конце 70-х — начале 60-х годов до н.э., после неудач Митридата в битвах с римскими полководцами Лукуллом, Триарием, Коттой и Помпеем, ахейцы и, по-видимому, часть сираков стали отходить от понтийского царя. Об этом свидетельствует ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе во время отступления Митридата на Боспор в 67—65 гг. до н.э. Когда он приблизился к его границам, то только одни гениохи встретили его по-дружески, зиги же не пропустили царя через свои земли, а ахейцы были настроены столь враждебно, что Митридату пришлось применить против них силу (App. Mithr. 102; Strab. XI. 2. 13, см. выше). Как сообщают античные источники, из Колхиды в область Меотиды понтийский царь проследовал через земли «скифских» племен, воинственных и враждебных, частью заключая с ними договоры и действуя убеждениями, частью используя силу оружия, но всегда вызывая почтение к себе и вместе с тем страх (App. Mithr. 102: οὐτῶ καὶ φεῦγον καὶ ἀτυχῶν αἰδέσσοις ἔτι καὶ φοβερὸς ἦν; Dio. Cass. 36. 50. 2). Несомненно, что среди враждебных Митридату «скифских» племен

были сираки и аорсы, а также, если следовать Аппиану, «скифские племена ахейцев», что подразумевает их вероятный союз с соседями — сарматами. Отпадение варварских племен Северного Кавказа от Митридата могло быть вызвано изменой Махара, который в 70 г. до н.э. стал поставлять римлянам хлеб, собиравшийся для понтийской армии на Азиатском Боспоре и в Синдике (Memn. 54).

Однако как только понтийский царь прибыл в Меотику и Синдику, меоты радушно его приветствовали, проявив этим свое нежелание служить Махару и римлянам, которые установили блокаду морских торговых путей в Причерноморье. К тому же им стало известно о том грандиозном плане, который задумал Митридат: укрепиться на Боспоре и во всем Северном Причерноморье, опереться на местные народы и, перейдя Истр и Балканы, ударить в тыл римлянам. Варвары смекнули, что его планы непременно приведут к богатой военной добыче, а также доходам, которые могут им перепасть во время подготовки понтийско-боспорской армии к новым сражениям. Поэтому многие вожди, в основном, правда, меотов и сираков, заключили с Митридатом союз. Договорные и союзные отношения Митридат скреплял браками своих дочерей с наиболее могущественными вождями (App. Mithr. 102). Митридата поддержали эллинские города, ибо с его приходом на Азиатский Боспор и после захвата римлянами Колхиды были потеряны торговые пути в Понтийское царство, а безопасность еще действовавших коммуникаций нарушена. Греки и варвары Боспора и Прикубанья понимали, что Махар уже не сможет обеспечить им достойные доходы от торговой деятельности и войны. Чувствуя потерю доверия и отсутствие поддержки с их стороны, Махар покинул свою резиденцию в Синдике и бежал в Пантикапей, где покончил жизнь самоубийством.

Перед бегством Махар сжег все корабли, чтобы отец не мог его преследовать. Однако Митридат послал против Махара другие корабли, на которых сам прибыл на европейскую сторону пролива, где расправился со всеми его друзьями и помощниками. Если учесть, что Митридат отступал на Боспор в спешке, по суше и только в сопровождении конницы и пешего войска, то корабли он получил, скорее всего, из греческих городов, которые оказывали ему постоянную поддержку. Среди них ведущую роль играли Фанагория, Горгиппия, Гермонасса, а Патрей и более мелкие укрепления, а также связанные с ними поселения на царской земле, снабжали царя продовольствием и людскими ресурсами. Очевидно, на этом этапе борьбы за утраченную власть на Боспоре Митридат Евпатор вернул крупнейшим городам те права автономии и самоуправления, которые частично сам урезал через несколько лет после того, как назначил наместником Махара. Пока Махар оставался в столице, Азиатский Боспор, куда прибыл понтийский царь, продолжал быть его главным оплотом в борьбе за трон в Пантикапее. К тому же Фанагория и другие города азиатской половины царства являлись соседями огромного массива варварских народов Прикубанья, Приазовья, Прикаспия и отчасти Нижнего Подонья, связанного с сарматским племенем аорсов и верхних аорсов²⁸. Но прежде всего царь хотел сделать своими союзниками меотов и сираков, с которыми продолжал заключать договоры, скрепляя их браками между своими дочерьми и их вождями, а также собственными браками с дочерьми и сестрами этих вождей и царей (Plut. Rom. 45; App. Mithr. 119). Митридат хотел крепче привязать к себе этих варваров, поскольку под их контролем находились хлебородные земли Северного Кавказа.

Рис. 7. Помпей Великий, Портрет. ок. 60–50 гг. до н.э. Мрамор. Копенгагенская глиптотека. Фото Я. Хойте (photo Jakob Munk Nøjte)

В этих условиях Фанагория, главный полис Азиатского Боспора, стала местом чуть ли не постоянного проживания детей, ближайших родственников и друзей понтийского царя. Мы точно не знаем, находился ли сам Митридат в этом городе до отбытия в Пантикапей для окончательной расправы с мятежным сыном, но то, что там похоронили его верную спутницу и одну из жен Гипсикратию, которая сопровождала его при отступлении из родового царства (Plut. Rompr. 32)²⁹, заставляет полагать, что он все-таки одно время пользовался гостеприимством фанагорийцев. Об этом говорят и другие косвенные данные. Уже прибыв на Европейский Боспор, понтийский владыка казнил своего сына от одной из жен или наложниц Стратоники за то, что она передала римлянам оставленные на ее попечение сокровища в одной из крепостей в Понте. За это Помпей пообещал сохранить жизнь ей и ее сыну Ксифару и позволил вместе с личным имуществом отбыть на Боспор. Когда царь узнал о предательстве, то жестоко расправился с юношей, причем на виду у матери, наблюдавшей за казнью с противоположной стороны пролива, т.е. с Азиатского Боспора (App. Mithr. 107; ср. Oros. VI. 5. 3). Очевидно, Стратоника не отважилась предстать пред очи царя, остановившись

в одном из городов Синдики, скорее всего, в Фанагории. Там находилась резиденция царского внука Трифона, командира царского гарнизона, непосредственного начальника Кастора, вероятно, предводителя местного полисного ополчения (App. Mithr. 108; Oros. VI. 5. 3: Mithridatis praefectus qui Phanagorio praerat)³⁰.

В 64–63 гг. до н.э. Митридат, уже находясь в столице Боспора Пантикапее, осуществлял грандиозные приготовления к задуманному походу на римлян через север Балкан и Подунавье: он даже пообещал Помпею (рис. 7) выплачивать дань за родовое царство, которым уже не владел, рассчитывая средства на это выколачивать из и без того страдавших от поборов и налогов жителей подвластного Боспора. Он собирал в свои войска свободных, рабов, готовил множество оружия и машин, не щадил ни леса, ни быков, из жил которых делали тетиву, обложил население налогами и поборами, их обязаны были платить даже малоимущие и совсем обедневшие жители. За сбор налогов отвечали специальные уполномоченные царя, при этом они допускали многочисленные злоупотребления. Одновременно царь призывал в войска союзных варваров, часть которых продолжала оседать в крепостях на хоре. Основное бремя налогов несли жители боспорских городов, а главной опорой при их сборах были евнухи — наместники царя и командиры его гарнизонов, стоявших в укрепленных цитаделях. Поборы с сельского населения взимали начальники округов на царских землях. Их, в том числе Трифона в Фанагории, а также других митридатовских наместников ненавидело все население, включая армию (App. Mithr. 108). Расширение политических функций царских наместников на царской хоре приводило к сокращению тех и без того скудных политических свобод греческих городов, которыми они пользовались до 64 г. до н.э. В войсках, собранных для похода в Италию, зрело недовольство, ибо солдаты не хотели испытывать тяготы предстоявшей войны. Положение ухудшила блокада Черного моря римлянами (Dio. Cass. 37. 2. 3), нарушившая подвоз продовольствия и торговлю в целом. Ситуацию усугубила и болезнь самого Митридата, во время которой его военачальникам пришлось приводить к покорности различные города и укрепления, отпадавшие от царя (App. Mithr. 107–109). Среди них на Азиатском Боспоре были Горгиппия и Патрей: зарытие монетных кладов в Патрее относится к 65–63 гг. до н.э. и

могло быть вызвано военными действиями стратегов царя, возвращавших под власть Митридата отпавшие укрепления на Тамани³¹. В Гермонассе археологически очень слабо выражены слои II — первой половины I в. до н.э.³², что, по-видимому, связано с упадком города вследствие описанных выше событий и переходом главенствующего положения к соседней Фанагории. Следы значительных разрушений прослеживаются в слоях конца II — начала I в. до н.э. в Кепах³³.

Если отпавшие от Митридата укрепления и города на короткое время удалось все же вернуть под его власть, то грандиозное восстание в Фанагории в 63 г. до н.э. окончательно подорвало могущество Митридата, похоронив его планы дальнейшей борьбы с римлянами, и ускорило его гибель. Восстание проходило под лозунгом возвращения свободы, а поводом к нему стало телесное наказание царским евнухом Трифоном местного военачальника Кастора. Когда евнух входил в город, Кастор его убил и призвал народ к возмущению. Граждане потребовали вернуть отмененные Митридатом политические свободы и автономию, которыми они пользовались в начале столетия. Понтийские власти не хотели идти на уступки, тем более, что они совсем недавно привели к покорности соседние укрепления. Тогда восставшие осадили акрополь, где находились царский гарнизон и под его защитой дети царя Митридата. Ведь царь послал туда своих сыновей Артаферна, Дария, Ксеркса, Оксатра, которые, впрочем, могли там находиться и до восстания. На акрополе города, во дворце или в расположении царского гарнизона, проживали также дочери понтийского царя Эвпатра и Клеопатра. Фанагорийцы обложили вершину акрополя деревом и подожгли его, чтобы заставить осажденных сдаться. Все дети царя, испугавшись, сдались, и только одна Клеопатра оказала сопротивление. Митридат, напуганный размахом восстания, послал войска и корабли-биремы для его подавления, но ему удалось вывезти из охваченного пожаром акрополя лишь свою отважную дочь Клеопатру. Все четыре сына и Эвпатра попали в плен и были отправлены к Помпею (App. Mithr. 108; Oros. VI. 5. 1–3). Отпадение фанагорийцев царь переживал очень сильно и казнил нескольких своих друзей (Oros. VI. 5. 1–3), которые, по-видимому, отвечали за верность подвластных городов, главным образом, Фанагории.

В результате восстания Фанагория, самовольно провозгласив элевтерию, окончательно отпала от царя Митридата. Вслед за ней восстали и другие греческие города Северного Причерноморья; вскоре к ним присоединился Пантикапей, где начался мятеж царских воинов, а предводителем антимитридатовского восстания выступил сын царя Фарнак, склонивший к выступлению и широкие слои горожан. Митридат сделал последнюю попытку удержать власть: при содействии своих евнухов он срочно послал дочерей к «скифским правителям» в жены (ἐπέπευ ἐς τοὺς Σκύθας δι' εὐνοῦχων τοῖς δυνάσταϊς τὰς θυγατέρας ἐς γάμους) с просьбой прислать войска. Как только эскорт выехал из Пантикапея, сопровождавшие это посольство 500 воинов убили всех евнухов, а царских дочерей переправили к Помпею (App. Mithr. 108). Какие «правители» подразумевались под словом «скифские», неизвестно, может быть, среди них были склонявшиеся уже на сторону Митридата цари сираков и аорсов. Но варвары не сумели помочь, возможно, они просто не хотели этого, предвидя скорый конец великого понтийского царя. Видя кругом измены, в бессилии что-то изменить он покончил жизнь самоубийством в 63 г. до н.э. на акрополе столицы Боспора (App. Mithr. 111).

Так завершился переломный момент в истории Боспорского государства. За годы правления на Боспоре понтийского царя был окончательно разрушен тиранический, полисный по сути, режим Спартокидов, но греческие города Боспора поддержали политику Митридата, поскольку он сохранил их политические свободы и полисные институты, предоставил право монетного чекана и пытался обезопасить их аграрные владения перед лицом угрозы варварских племен. Греки Боспора поддерживали Митридата Евпатора до последних лет его жизни: это было и в те годы, когда царь не имел прочных связей с варварскими племенами Северного Кавказа, и тогда, когда он сумел наладить с ними отношения, так что города во всех случаях оставались под его защитой. Но к концу правления Митридата главной силой в Крыму и на Азиатском Боспоре стали местные воины, которые ненавидели понтийских командиров и не прилагали особых усилий для подавления мятежных соплеменников в городах. К тому же восставшие боспорские подданные царя установили связи с римлянами, несмотря на то что Помпей находился в Сирии (Plut. Pomp. 42). Существенно новым явлением стало постепенное превращение Боспорского царства в эллинистическое государство, особенно после назначения правителем Махара: полисная земельная собственность (частично это коснулось и племенного общинного землевладения) становилась царской, а царь выступал уже как верховный собственник земли в государстве, тем более в своем наследственном домене, каковым он считал собственно царство Понт, Пафлагонию, Колхиду и Боспор (Помпей Трог сообщает, что Пафлагония, Боспорское царство и Колхида были получены Митридатом Евпатором путем наследования — Justin XXXVIII. 7. 10; Плутарх называет Понт и Боспор «старинными» владениями этого царя — Plut. Sulla. 11). Это обеспечило бесперебойные поставки хлеба, но привело к взиманию огромных налогов, в основном с населения Азиатского Боспора и Синдики. Освоение создаваемой царской хоры происходило успешно только при активном участии местного оседлого земледельческого населения, которое пополняло людскими ресурсами понтийскую армию, осуществляло военно-сторожевую и сельскохозяйственную деятельность, защищая греческие полисы и их аграрную округу. Отсюда стремление понтийского царя установить более тесные контакты с сарматскими, меотскими и скифскими племенами, в основном сираками и аорсами, ставшими его вассалами только на завершающем этапе его антиримской деятельности. Местные племена явились той питательной средой, откуда царские наместники набирали наемников и военно-хозяйственных поселенцев эллинистического типа — полувоинов, полукрестьян. Процесс становления эллинистических отношений был прерван действиями Помпея, переходом на проримские позиции греческих городов, недовольством царских казначейщиков и клеруков непосильным бременем налогов. Однако в дальнейшем своеобразный треугольник — местные сармато-меотские племена — греческие полисы — укрепленные военно-хозяйственные поселения на царской земле — станет определяющим в ходе развития Боспора по эллинистическому пути. Именно так, включая еще позицию римлян, на протяжении нескольких последующих столетий будет строиться едва ли не вся социально-экономическая и политическая история этого ставшего эллинистическим по своей сути государства.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: ОТ ФАРНАКА II ДО МИТРИДАТА VIII

В 63 г. до н.э. в результате антимитридатского восстания в Пантикапее Фарнак захватил власть в столице, после чего сразу вошел в контакт с Помпеем и получил от него разрешение править на Боспоре с почетным эпитетом «друг и союзник» римлян. Он просил Помпея отдать ему даже наследственное царство отца в Понтийской Каппадокии, Малой Армении, Колхиде и Пафлагонии, но был объявлен лишь царем Боспора. При этом Фанагория провозглашалась свободной и даже независимой от Фарнака (ὄυς ἐλευθέρουσ καὶ αὐτονόμουσ ἀφῆκεν) за то, что подняла восстание против Митридата и тем самым подвигла к отпадению от него другие полисы Боспора (App. Mithr. 113: ἡγεμόνεσ τε τοῖσ ἄλλοισ ἀλοστάσεωσ ἐγένοντο: 114; App. Bell. Civ. II. 92). Предоставление фанагорийцам свободы давало им право проводить независимую от царя политику, открывало возможность самостоятельно пользоваться ресурсами своей хоры и подвластных областей в низовьях Кубани, в том числе «острова», который уже ранее подчинялся фанагорийской общине, но затем был поставлен под власть царских наместников.

Расширение прав полисов после гибели Митридата было главным в политике Помпея на Востоке, что привлекало к римлянам греческое население, ранее находившееся под властью понтийского царя. Но римляне еще не имели решающего влияния на Северном Понте, поэтому они лишь провозглашали свободу для греков, не подкрепляя это конкретными действиями. Судя по сообщению Аппиана, который описал последовавшие вскоре на Боспоре события, наряду с Фанагорией некоторые права автономии могли получить и соседние с ней области (App. Mithr. 120: Φαρνάκησ δ' ἐπολιόρκει Φαναγορέασ καὶ τὰ περίοικα τοῦ Βοσπόρου). Из городов Азиатского Боспора это были, скорее всего, Гермонасса, Горгишия, быть может, Патрей и более мелкие населенные пункты³⁴. Но они добились ее не от римлян, а самовольно отпав от Митридата в 63 г. до н.э. Фарнак, признавший Помпея своим гарантом и обязанный ему властью, не мог этому препятствовать. Пантикапей в 63–54 гг. до н.э. чеканил медные монеты от имени своей полисной общины³⁵, причем в их типологии отчетливо проявлялась митридатская символика. Это свидетельствовало о восстановлении каких-то полисных свобод, которые боспорские греки когда-то получили еще от Митридата.

Фарнак не смирился с отказом Помпея вернуть ему власть в отцовском царстве, поэтому, вынашивая планы его возвращения, пристально следил за обстановкой в Риме и в зависимости от этого выстраивал свою политику. Как только после 56 г. до н.э. усилились позиции Гая Юлия Цезаря (рис. 8), а положение Помпея на Востоке пошатнулось, Фарнак стал воплощать в жизнь планы захвата владений отца в Малой Азии. Он начал с того, что отменил полисные свободы на Боспоре: в 55–54 гг. до н.э. запретил Пантикапею чеканить свои монеты, в 55–51 гг. до н.э. ввел в обращение свои золотые статеры с именем и титулом «Великий царь царей» (рис. 9), который некогда носил его отец³⁶. Этим он хотел продемонстрировать свое право управлять подвластными и вассальными царями, заставляя их переходить на его сторону. Такая политика была знакома Фарнаку, так как

Рис. 8. Гай Юлий Цезарь. Мрамор. I в. до н.э. Рим

Рис. 9. Фарнак II. Портрет на золотой монете. 55–50 гг. до н.э. Париж, Национальная библиотека

еще с детства он был связан с варварскими династиями: его мать, возможно, была одной из многочисленных скифских (сарматских) жен Митридата Евпатора (ср. Plut. Rompr. 45), поскольку его дочь, будущая царица Динамия, и его внук, будущий боспорский царь Аспург (см. ниже), имели каких-то родственников в среде сарматов.

Укрепившись на Европейском Боспоре, Фарнак начал восстанавливать позиции и на азиатской стороне. Он приступил к осаде Фанагории, чтобы подчинить ее и лишить автономии. Но быстро взять город ему не удалось, и он начал длительную осаду, одновременно приводя к покорности соседние области (App. Mithg. 120). Этим он лишил фанагорийцев помощи и подвоза продовольствия. Отчаянное положение фанагорийских граждан, страдавших от голода, вынудило их выступить из города и сразиться с царским войском. Силы были неравны, и Фарнак победил. Фанагория пала и вынуждена была подчиниться его власти. Однако Фарнак заключил с ней договор о дружбе, взял заложников и удалился (Ibid: ἀλλὰ φίλους ποιησάμενος καὶ λαβῶν ὄμηρα, ἀνεχώρει).

Свидетельства Аппиана показывают, что царь сохранил за Фанагорией ряд прав и ограниченную самостоятельность, но с условием, что она признает его своим сувереном. Этот город и его окрестности рассматривались им, как и при Митридате, в качестве главной опоры на Азиатском Боспоре, как центр, контролировавший ближайшие плодородные земли, через который осуществлялись столь нужные для предстоящей борьбы с римлянами контакты с сарматскими кочевыми племенами Прикубанья. Возможно, Фанагория по-прежнему считалась центром округа — «острова», а царский наместник этого административно-территориального округа выступал представителем царя в городе.

В те же годы Фарнаку предстояло подчинить племя дандариев. Ранее они числились союзниками понтийского царя, но в результате перехода сираков в лагерь союзников Митридата в последние годы его правления дандарии, в отличие от меотов, изменили свою позицию. Очевидно, они не хотели признавать над собой власть сираков: судя по сообщению Плутарха, еще при Митридате царевич дандариев Олтак вел споры с одним из соплеменных варварских царей за первенство (Plut. Luc. 16). Не желали они вставать и под знамена Фарнака, который сделал их врагов — сираков и аорсов — своими главными союзниками. Дандарии оказали ему сопротивление, и он, не желая тратить драгоценное время и силы для их покорения, попросту отвел русло

Рис. 10. Царь Асандр. Портрет на золотых монетах, ок. 39–37 г. до н.э.
 а – из раскопок на городище Кара-Тобе;
 б – ГИМ

реки Кубани и затопил их область, вынудив переселиться на новое место поближе к Танаису (Strab. XI. 2. 11; 5. 8).

Столь обширные завоевания Фарнака на Азиатском Боспоре и в Прикубанье³⁷ были частью его приготовлений к походу через Колхиду и земли ахейцев и гениохов в Малую Армению и Понтийскую Каппадокию для восстановления родового царства. Для этого Фарнак должен был вступить в союзные отношения с сарматами и зависимыми от них племенами Северного Кавказа. Для успешных военных действий в Восточной Анатолии царю крайне важно было обеспечить тыл в Северо-Восточном и Восточном Причерноморье, соединив, как ранее это пытался сделать Митридат, Азиатский Боспор и Колхиду.

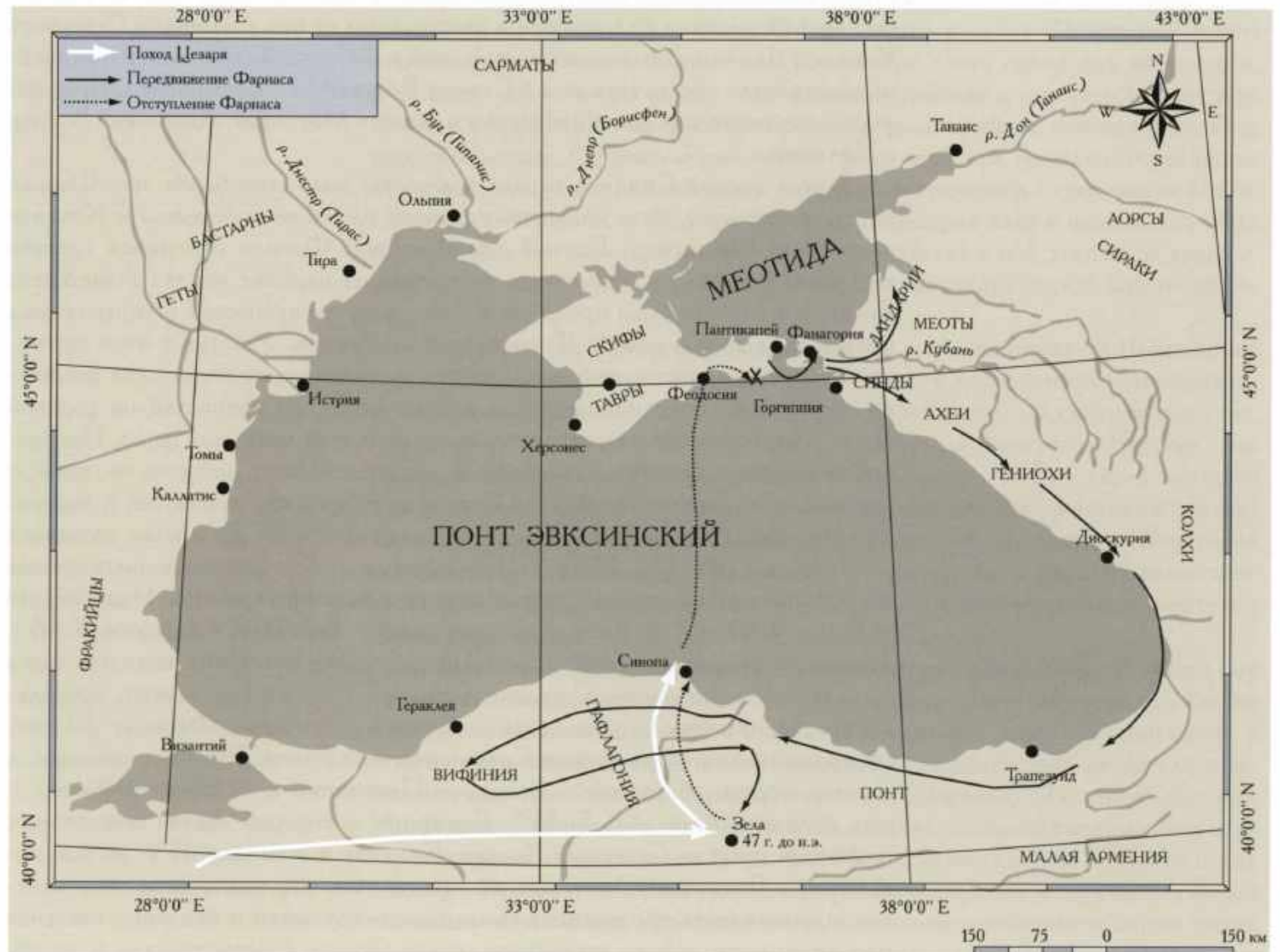
В этих планах Синдика играла ключевую роль, тем более, что Фарнак хотел обезопасить путь плавания кораблей вдоль ее побережья к Колхиде и далее к Трапезунду. Главной своей опорой Фарнак стремился сделать население военно-хозяйственных поселений на царских землях Азиатского Боспора и с этой целью продолжал строительство крепостей и укрепленных местечек на хоре в районе Фанагории и Горгииппии. Участие в этом принимали сарматы и меоты, предоставлявшие не только свои племенные военные формирования, но и пополнявшие ряды обитателей крепостей на царской земле в окрестностях эллинских полисов, не всегда лояльных царю. Предводителем одного из таких племенных объединений-*ἔθνη*, которые по примеру Понтийского царства формировали население царских крепостей в округах на хоре, был Асандр (рис. 10). Некоторые античные источники называют его этнархом (Ps.-Luc. Macr. 17), но стоял ли он во главе племенных союзов на Азиатском Боспоре, неизвестно, хотя и вполне вероятно. Надо отдать должное Фарнаку: он быстро добился союза с сираками и аорсами. К 48 г. до н.э. он завершил завоевания в Прикубанье и выступил походом через Кавказ в Малую Азию. Согласно данным Страбона (возможно, несколько преувеличенным), царь сираков Абеак предоставил Фарнаку 20 тыс. своих всадников, царь аорсов Спадин выставил даже 200 тыс. конницы, а верхние аорсы, обитавшие в Северном Прикаспии и на Нижней Волге, — еще больше (Strab. XI. 5. 8)³⁸. Быстрота, с которой войны боспорского правителя прошли Северный Кавказ, Колхиду и к началу 47 г. до н.э. появились в Восточной Анатолии, говорит о том, что многочисленные местные племена были настроены к Фарнаку по-дружески и без сопротивления пропустили его войско через свои земли. Этому способствовало и то об-

стоятельство, что вместе с Фарнаком шли сарматские отряды, а сарматские цари, как известно, имели сильное влияние на Северном и Центральном Кавказе, а над некоторыми племенами и власть³⁹. Не исключено, что назначение на время отсутствия Фарнака наместником на Боспоре именно этнарха Асандра преследовало цель удерживать в повиновении местное население, от позиции которого во многом зависела прочность в тылу боспоро-понтийской армии.

Хотя к концу лета 47 г. до н.э. Фарнаку удалось достичь почти невозможного — восстановить едва ли не все родовые владения отца вплоть до римской провинции Азия (рис. 11), позиции боспорского царя оказались существенно подорваны мятежом Асандра, который летом этого года отложился от царя (App. Mithr. 120; Dio. Cass. 42. 9. 46). Помимо собственных честолюбивых планов стать самостоятельным правителем Асандр оказывал сильное влияние на военно-хозяйственных поселенцев на царской земле и на союзных варваров. Именно это подорвало боеспособность до того успешно сражавшихся в Азии варваров, составлявших большую часть отрядов Фарнака, и он почти без боя проиграл легионам Цезаря решающую битву при Зеле 2 августа 47 г. до н.э. Это, вероятно, и имел в виду Аппиан, который пишет, что «Асандр, личный враг Фарнака, изгнал его из Азии» (App. Mithr.

Рис. 11. Походы царя Фарнака II в Восточное Причерноморье и Малую Азию

120). Возможно, решающую роль в отстранении от власти Фарнака сыграли те племена и военные поселенцы на царской хоре азиатской половины государства и Прикубанья, которые поддержали Асандра. Ведь именно он должен был активно заниматься созданием военно-хозяйственных поселений на Боспоре, тогда как Фарнак, готовивший поход в Малую Азию, покорение дандариев, Фанагории и соседних с ней областей, вряд ли уделял этому большое внимание.

Любопытно, что Цезарь позволил Фарнаку отступить на Боспор для продолжения борьбы с Асандром, которого не признал правителем. Фарнак отступал на Боспор не через ранее благоволившие к нему районы Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья, а решил плыть из Синопы в Феодосию, минуя эти регионы. Скорее всего, как только сарматские союзники узнали об отпадении Асандра и о поддержке его их соплеменниками в Прикубанье, они сразу же покинули расположение царских войск и двинулись обратно. Фарнак же не решился проследовать через мятежные районы. Согласно сообщению Аппиана, из огромной сарматской массы воинов, с которой боспорский царь выступил в Малую Азию, у него осталась только небольшая часть сираков и аорсов — всего 1000 человек, к тому же лишенная конницы. После того как Фарнак прибыл на Боспор, «собрав каких-то скифов и сарматов», по образному выражению Аппиана (App. Mithr. 120: καὶ Σκυθῶν τινὰς καὶ Σαυροματῶν συναγαγὼν), ему на короткое время удалось захватить Феодосию и Пантикапей, поскольку Асандр, очевидно, собирал силы на Азиатском Боспоре. В целом же поддержка Асандра военно-хозяйственными поселенцами и сарматской кочевой знатью предопределила неудачу Фарнака в решающей битве в степях Восточного Крыма в конце 47 — начале 46 г. до н.э., поскольку сарматы и скифы Фарнака «не умели сражаться пешими» (App. Mithr. 120: ἀμαθία πεζομαχίας).

Свергнув Фарнака, Асандр оказал существенную помощь Цезарю, но даже после этого римский полководец так и не признал законной его власть. Более того, в 46 г. до н.э. или в начале 45 г. до н.э. он послал против него галатского правителя Митридата Пергамского, которого хотел сделать боспорским царем вместо Асандра. Это была подготовка к превращению Боспорского царства в плацдарм для планировавшейся войны с парфянами, в тыл которым Цезарь хотел пройти через Кавказ⁴⁰, а также с гетским царем Бурбистой. На пути к Боспору Митридат сначала двинулся по суше через Колхиду, а далее, по-видимому, пересел на корабли, чтобы избежать столкновения с воинственными народами Северо-Восточного Причерноморья и местным населением Прикубанья и Синдики, включая Азиатский Боспор (Strab. XI. 2. 17; XIII. 4. 3; App. Mithr. 120; 121; Bel. Alex. 78; Dio. Cass. 42. 9. 46, 48). В этих районах влияние Асандра оставалось весьма значительным, поэтому Митридат Пергамский и сопровождавшие его римляне решили по морю достичь Боспора или разбить Асандра, еще не оправившегося от войны с сыном Митридата Евпатора, в морском бою⁴¹. Однако Асандру удалось победить римского ставленника.

В этой связи показательна типология монет Асандра с ярко выраженной победной символикой. На его золотых статерах изображена Ника, греческая богиня победы, стоящая на носу корабля, причем эти монеты выпускали до самого конца правления Асандра (17 г. до н.э.), напоминая тем самым, что его длительное царствование стало результатом морской победы. На медных оболлах Асандра изображалась прора — нос корабля, а на тетрахаках — го-

Рис. 12. Император Октавиан Август.
Статуя из Кум. 13–9 гг. до н.э.
Мрамор. ГЭ

лова Ники и прора. Когда в 42 г. до н.э. Асандр получил царский титул, то прекратил свой медный чекан, предоставив его крупнейшим городам — Пантикапею и Фанагории. Однако если на монетах столицы царства из победных символов можно видеть лишь прору и пальмовую ветвь, то на обильной серии меди Фанагории такая символика более впечатляющая: это и прора, и пальмовая ветвь с лентами, неперменный атрибут богини победы, и голова самой богини Ники⁴². Победная эмблематика была следствием успеха Асандра в морской битве, очевидно, с Митридатом Пергамским, а не с пиратами, как считали ранее. Более яркие победные символы именно на фанагорийских монетах, а не на пантикапейских, показывают, что в решающем сра-

жении со ставленником римлян ведущую роль сыграли корабли из Фанагории. Поэтому помощь Пантикапея и Фанагории в борьбе Асандра с Митридатом Пергамским могла стать основанием для дарования права чеканить монеты от имени их гражданских коллективов. В то же самое время этим жестом царь расширял политические права крупнейших городов Боспора. Таким образом, Асандр, обязанный победой грекам, вернулся к политике поощрения полисных свобод, которую проводил Митридат Евпатор еще в 109–75 гг. до н.э.

Участие в этих событиях римлян иногда пытаются доказать находками бронзовых фибул типа Алезия (детали римского военного костюма) в кургане Ак-Бурун и в комплексе кургана № 1 у хут. Зубовского на Средней Кубани, которые датируются второй половиной I в. до н.э.⁴³ Такая трактовка не бесспорна, ведь боспорская армия со времени Митридата Евпатора строилась на римский манер и использовала римское оружие и амуницию (как, впрочем, это делали и некоторые сарматские отряды). Но римляне всегда оставались серьезным противником Асандра, и когда в 42 г. до н.э. он получил благоволение Марка Антония, и когда в 27 г. до н.э. добился подтверждения прав на престол от Октавиана Августа (рис. 12).

Это объяснялось проводившейся им внутренней политикой. За 29 лет правления Асандр, придерживаясь митридатских традиций, к третьей четверти I в. до н.э. продолжал начатый при Митридате Евпаторе и Фарнаке процесс становления царского землевладения и создания укрепленных поселений-каптей по всей территории царства. Опасаясь таврических скифов и сарматов, которые поддерживали Фарнака, он построил сеть укреплений на Европейском и Азиатском Боспоре, возвел башни и усилил Узунларский вал на Керченском полуострове. Возможно, при нем в целях обороны использовался и вал на Тамани, насыпанный еще в позднеклассическую эпоху и вошедший в науку под названием «Киммерийского». Справедливо рассматривая римлян как ненадежных партнеров, на что у него были резонные основания, он стремился

опереться на военно-хозяйственные поселения, для чего активно привлекал на службу сарматов и меотов, а также остававшихся на Боспоре со времени Митридатовых войн представителей анатолийско-каппадокийского населения. Такая политика была своеобразным противодействием сепаратизму полисов, которым он предоставил ограниченные полисные свободы. Созданная Асандром система обороны царства, основанная на эллинистических принципах царского землевладения с использованием царских укреплений по всей территории и периметру внешних границ, могла с успехом противостоять любой агрессии. Это коснулось и Азиатского Боспора: для защиты прибрежных городов были усилены системы обороны «острова» (Фанталовского полуострова), а также цепь укрепленных поселений в окрестностях Горгииппии. На Тамани (у совр. поселка «За Родину») продолжала существовать укрепленная резиденция наместника «острова»: найденная здесь надпись упоминает о некоем Хрисалиске, сподвижнике царя Асандра, очевидно, наместнике округа-«острова». Судя по имени, это был эллинизованный варвар иранского происхождения, командир гарнизонов в крепостях, разбросанных по всей территории «острова»⁴⁴, отвечавший и за сбор налогов (рис. 13).

Официально Асандр был признан «другом римлян» (КБН 30), поскольку Август рассматривал Боспор в качестве буферной зоны между римскими владениями и сарматскими кочевниками на Северном Кавказе, но отношение к боспорскому правителю было все же настороженным. Хотя в период наивысшего могущества Августа к нему направили послов с просьбой о дружбе бастарны, скифы и цари сарматов, живших по обе стороны Танаиса (*Res gestae divi Augusti*. С. 31; Flor. 34), среди скифских и сарматских вождей были и такие, кто не признал Августа своим господином (*L. Ampelius*. 47: *totumque orbem perpacavit exceptis... Sarmatis, Scythis...*). Фактически на сарматов римская власть не распространялась, и они могли в любой момент вторгнуться в пределы римских владений в Малой Азии и вассалов Империи в Закавказье. Римляне понимали, что могущество Асандра во многом строилось на эксплуатации царских земель и живших в царских укреплениях сираков и меотов, а также на тесных отношениях с сирако-меотской военной аристократией в Прикубанье. Это и стало причиной «ненадежности» боспорского царя в глазах римлян.

Рис. 13. Надпись Хрисалиска с упоминанием царя Асандра. 47–17 гг. до н.э. ГИМ

При Асандре на Средней Кубани и на правом ее берегу, в междуречье Лабы и Кубани, появились укрепленные поселения и группы курганных захоронений, которые условно называют «дружинными». Это погребения у станиц Старотитаровская, Курчанская, Северская, Ахтанизовская с большим количеством украшений, оружия, импортной римской и боспорской посуды. Их справедливо относят к сарматской племенной аристократии⁴⁵. Но наибольшую известность получили курганы так называемой Зубовско-Воздвиженской группы, датируемые второй половиной I в. до н.э. — I в. н.э. Они принадлежали сиракам, которые, как полагают, вернулись из похода Фарнака в Малую Азию с богатыми трофеями и поселились в междуречье Лабы и Кубани. Эти погребения отражают второй этап оседания на землю бывших сиракских кочевников, которые растворялись в местной синдо-меотской среде. О принадлежности таких погребений варварской военно-племенной аристократии, служившей в войсках Фарнака и Асандра, свидетельствуют римская военная амуниция, наступательное оружие, сосуды, в том числе захваченные при опустошении Колхиды во время экспедиции Фарнака. Отчетливые меотские черты в погребальном обряде, наличие римских дорогих изделий при сокращении поступления к меото-сарматам боспорской посуды из городов Азиатского Боспора позволили сделать заключение, что означенные захоронения по времени совпадают с оборонительными мероприятиями Асандра на Азиатском Боспоре⁴⁶, который стремился укрепить подступы к своему царству с востока и защитить северо-восточные и восточные границы. Таким образом, создание укрепленных поселений на царских землях Боспора происходило в одно время с усилением сиракских военных дружин, представители которых занимались военным делом и тем самым втягивались в процессы седентаризации. А римско-италийский и малоазийско-закавказский импорт мог попасть в их погребения не только в результате захвата добычи, но и в виде специальных даров или даже своеобразной платы за службу по границам вассального римлянам Боспорского царства. Их направляли на Боспор и через царских уполномоченных распределяли среди верных сарматов, в основном сираков.

После неудачи Фарнака в войне с римлянами, по-видимому, усилились разногласия между сираками и аорсами: если первые пошли на более тесное сотрудничество с Асандром и римлянами, то вторые открыто не поддерживали Асандра. Для защиты боспорских владений от угрозы, исходившей от прикаспийских и донских аорсов и связанных с ними приволжско-уральских «верхних аорсов», создавались сиракско-меотские военные дружины, охранявшие боспорцев и стоявшие на страже римских интересов в этой части Северного Причерноморья. Тогда же началось, а кое-где и продолжилось возведение сильно укрепленных городищ по р. Кирпили и на правом берегу Кубани⁴⁷. Влияние Асандра среди меотов и сираков во многом подвигло его принять митридатовский титул «Великий царь царей» (КБН 30), что только усугубило настороженное отношение к нему Августа.

Римляне, хотя и неохотно, но все-таки оказывали Асандру помощь в налаживании отношений с варварами Азиатского Боспора и соседних регионов. Однако к концу 20-х годов до н.э. их взаимоотношения с боспорским царем существенно изменились. Творцы римской восточной политики Август и Агриппа решили сместить Асандра, который казался им слишком независимым и равноправным правителем, серьезно усилившим могущество Боспорского государства не только тем, что преумножал митридатовские нововведения, но главным образом тем, что опирался на сармато-меотские племена и военно-

Рис. 14. Царица Динамия. 65 до н.э. — 7 г. н.э. Бронзовый бюст из поселения Широкая балка близ Новороссийска. ГЭ

хозяйственных поселенцев в крепостях на царской земле. Это не вписывалось в подготовку новых антипарфянских войн, когда нетвердая проримская позиция Боспора и сарматских союзников могла серьезно подорвать планы римлян. Август решил устранить неугодного Асандра силами некоего Скрибония, императорского вольноотпущенника, который появился на Боспоре явно по его приказу в качестве квестора — римского корректора при боспорском царе. Принцепс рассчитывал, что впоследствии Скрибонию удастся добиться там престола. Одновременно Август и Агриппа начали привечать супругу Асандра, царицу Динамию, дочь Фарнака и внучку Митридата Евпатора (КБН 30), популярную у промитридатовски настроенных царских катойков и варварских сармато-меотских племенных формирований в Прикубанье (рис. 14). Она являлась законной наследницей престола, поэтому своих планов римляне могли добиться только при ее поддержке. Август и Агриппа сумели убедить престарелого Асандра (в те годы ему было почти 90 лет; см. Ps.-Luc. Macr. 17) передать власть своей супруге Динамии (Dio. Cass. 54. 24. 4).

Ок. 20 г. до н.э. Динамия и Скрибоний выступили против Асандра, которого в конце концов свергли в результате прямого военного столкновения и решающей битвы между 93-летним царем и Скрибонием (Ps.-Luc. Macr. 17). Эти события могли происходить на Тамани, во всяком случае гибель

в жесточайшем пожаре резиденции Хрисалиска явно связана с войной между Асандром и Скрибонием⁴⁸. Динамия, оставшись единственной наследницей и не желая ссориться с римлянами, так как была обязана им приходом к власти, согласилась на брак со Скрибонием, который не имел законных прав на Боспоре. Однако с помощью умелой дипломатии и мудрой внутренней политики царице удалось отодвинуть в тень своего мужа, который даже благодаря этому браку не сумел получить царский титул. К тому же Динамия заручилась поддержкой Августа и его супруги Ливии, о чем говорят ее посвященные надписи из Пантикапея, Гермонассы и Фанагории (КБН 38, 978, 1046) (рис. 15). Она пользовалась также покровительством Агриппы, на ее стороне были крупнейшие греческие полисы — Пантикапей и Фанагория. В то же время в качестве главной опоры своей власти она рассматривала военно-хозяйственных поселенцев на царских землях, включая меото-сарматов. И римляне наконец поняли, что им невыгодно ссориться с греческими городами и местными племенами восточной окраины Боспора, поддерживавшими дочь Фарнака и внучку Митридата Великого, так как они не предпринимали никаких шагов против Рима. Август и Агриппа, видя, что население Боспора не поддерживает Скрибония, окончательно решили сделать ставку на Динамию, что, по сути, стало предательством по отношению к их ставленнику.

Поначалу царица полностью оправдывала доверие своих высоких римских покровителей: между 18—14 гг. до н.э. она переименовала столицу царства Пантикапей в Кесарию в честь Цезаря Августа, а крупнейший город Азиатского Боспора Фанагорию в Агриппию в честь его корегента М. Випсания Агриппы (КБН 979, 983). Динамия сохранила у агриппийцев (фанагорийцев) полисное управление, в частности деятельность народного собрания, продолжив тем самым политику Митридата Евпатора и Асандра, так как понимала значение их города в укреплении связей с царскими катойками

Рис. 15. Посвящение царицы Динамии Ливии из Фанагории (КБН 978) 65 г. до н.э. — 7 г. н.э. Постамент статуи. Мрамор. Керченский музей

Синдики и варварами Прикубанья. Только в двух надписях — одной из Фанагории (рис. 16), а другой из Пантикапея — говорится, что Динамия являлась дочерью великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса (КБН 31), причем в фанагорийской надписи особо оговаривается, что она «спасительница и благодетельница народа агриппейцев» (КБН 979). В более поздних надписях, в которых царица отблагодарила за свое признание императорскую чету, поставив статуи и сделав надписи, ее митридатовская генеалогия отсутствует (ср. КБН 978, 1046). Очевидно, Динамия не хотела раздражать благодетелей-римлян, не любивших никаких намеков на митридатовские традиции. Особый акцент, сделанный в посвящениях из Фанагории и Пантикапея в отношении митридатовских предков царицы, объяснялся стремлением городов подтвердить законность ее возведения на царство, так как по настоянию римлян она получила власть из рук Асандра (Dio. Cass. 54. 24. 4), и было необходимо подчеркнуть, что ее интронизация — не результат супружества с бывшим царем, а следствие ее митридатовской родословной. К тому же Динамия, следуя политике предшественников, сохранила элементы полисного управления в этих городах, а упоминание агриппейцев о ней как о «спасительнице» могло быть вызвано ее участием в избавлении их города от Асандра и притязаний Скрибония, которые угрожали полисной свободе на Азиатском Боспоре. В 16 г. до н.э. император Август запретил вассальным царям выпускать золотые монеты, поэтому Динамия разрешила Кесарии-Пантикапею и Агриппии-Фанагории чеканить медную монету от имени гражданских общин (рис. 17). Этим она подтвердила их политические права в рамках Боспорского царства⁴⁹. К тому же обильный чекан этих городов в предпоследней — начале последней декады I в. до н.э. должен был покрыть расходы казны в связи с нехваткой в обращении золотых статеров царского выпуска.

Ориентацию Динамии на меото-сарматские воинские контингенты Прикубанья подтверждает уникальнейшее надгробие с изображением конного воина в сапогах и панцире, с длинным копьём сарматского типа, луком и

Рис. 16. Постамент статуи царицы Динамии из Фанагории. 65 г. до н.э. – 7 г. н.э. Мрамор. ГЭ

колчаном со стрелами. Оно найдено на Таманском полуострове и хранится в Темрюкском музее. Надгробие поставлено царицей Динамией в память о Матиане, сыне Зайдара (рис. 18). Судя по имени, это был человек иранского происхождения, очевидно, сармат. Сам факт постановки надгробия от имени царствующей особы воину беспрецедентен и явно связан с какими-то чрезвычайными обстоятельствами, вызвавшими его гибель. Он находился на царской службе и, скорее всего, являлся командиром конного отряда сарматских воинов, набранных либо из военно-хозяйственных поселенцев на царской хоре, либо из среды племенной аристократии Прикубанья⁵⁰, которым принадлежали так называемые «дружинные погребения».

Рис. 17. Монета Агриппии (Фанагорни). I в. до н.э. Медь. ГЭ

Отчетливо проявлявшиеся в политике Динамии верность митридатским традициям, поддержка царских поселенцев на хоре и активное вовлечение сарматов в политические процессы стали вызывать неприятие у римских властей. У них активно развивалось желание убрать с престола умную царицу и объединить Боспорское царство и царство Понтийское, но не ради возрождения митридатской политики, а наоборот, для ее полного искоренения. Римляне хотели отрезать Боспорское царство от сарматских племен Прикубанья и Прикаспия, чтобы прервать процесс укрепления царского землевладения и создания митридатских катойкий, а заодно и не допустить влияния сармато-меотской аристократии на политическую жизнь и военную политику Боспора. Ведь сарматы Центрального Кавказа и Прикаспия постоянно угрожали вторжениями в Закавказье и в пределы римских владений в Малой Азии (ср. Strab. XI. 3. 3; 4. 4–5). А если Боспор, полагали в Риме, опять станет, как при Фарнаке, оплотом борьбы за родовые владения понтийского царя Митридата Евпатора, тем более, что там правила его внучка, то соединение сил сарматов и боспорцев превратилось бы тогда в серьезнейшую угрозу. Поэтому создававшееся в те годы Августом и Агриппой объединенное Понтийское государство, включавшее собственно Понт, Колхиду и Боспор, должно было стать буфером между беспокойной варварской ойкуменой Предкавказья и воинственной Парфией. Для выполнения этой задачи

Рис. 18. Надгробие Матиана, сына Зайдара, поставленное царицей Динамией, ок. рубежа н.э. Известняк. Таманский полуостров. Темрюкский музей

римляне выбрали царя Понтийского государства Полемона I, известного противника парфян еще со времени Марка Антония (Dio. Cass. 49. 25. 4; Plut. Ant. 39). По повелению Августа и Агриппы он был послан на Боспор, чтобы воевать с непокорным Скрибонием (Dio. Cass. 54. 24. 4) и приструнить своенравную Динамию, а на самом деле попытаться убрать ее с политической арены.

В 14 г. до н.э., после восстания боспорцев, спровоцированного при содействии Скрибония, что стало предлогом для вмешательства римлян, понтийский царь Полемон прибыл на Боспор. Эти события послужили поводом ввести римский флот в Синопу, где Агриппа и его друг иудейский царь Ирод Великий ждали удобного случая вмешаться в ситуацию. Но этого не потребовалось: к прибытию Полемона боспорцы убили Скрибония, чтобы Динамия имела все полномочия для самостоятельного правления. Они не сразу покорились понтийскому царю и римлянам, но подчинились лишь под угрозой вторжения Агриппы с флотом. Динамия, сохраняя поддержку промитридатовски настроенных обитателей укреплений на царской хоре и соседних сарматов, согласилась на союз с Полемоном и вышла за него замуж. После этого Агриппа и Ирод покинули Причерноморье, а Полемон I и Динамия в течение 14–12 гг. до н.э. правили на Боспоре совместно (Dio. Cass. 54. 24. 4).

Однако положение Полемона было непрочным: население Европейского Боспора только под угрозой вторжения римлян признало его царем, но ему все равно пришлось применить против него силу (Jos. Ant. 16. 2. 2; Eutrop. VII. 9; Liv. apud. Oros. VI. 21. 28). Жители же азиатской половины вообще не воспринимали его как правителя, поскольку среди них росло недовольство римлянами. В этом регионе очень сильными оставались позиции Динамии, которую считали единственной законной правительницей. От брака с Асандром у Динамии был сын Аспург (рис. 19), который официально подчеркивал, что он сын Асандра или на сарматский манер Асандроха (КБН 40)⁵¹. Это повышало его популярность среди сармато-меотских подданных Боспора и его союзников и было направлено против Полемона, который не имел прямого отношения к митридатовской династии и, по мнению эллинизованных варваров, не обладал законной властью. Но Полемону надо было выполнять возложенную на него миссию устранить Динамию и привести к покорности синдо-меото-сарматских подданных Боспора, включая племенную аристократию сираков. Частью этого плана стал брак понтийского царя с Пифодоридой, внучкой его благодетеля Марка Антония, который был заключен с согласия Августа ок. 12 г. до н.э. Пифодорида, ставшая царицей Понта, Колхиды и Боспора, прибыла в Пантикапей (Strab. XII. 3. 29). О судьбе Динамии мы ничего не знаем. Было высказано предположение, что ее отправили в Рим с сыном Аспургом, на чем якобы настоял Агриппа, но наибольший отклик в науке вызвала точка зрения, будто она удалась на Азиатский Боспор, где вместе с Аспургом (которого почему-то называли то сыном, то мужем царицы) подняла против Полемона и римлян местные варварские племена. Однако ни одна из этих гипотез источниками не

подтверждается, наоборот, анализ нумизматического материала убедительно подкрепляет их критику⁵².

Как только Динамия лишилась власти, Аспург сразу предъявил законные права на трон, сделав оплотом для борьбы за него азиатские владения и прежде всего военно-хозяйственных поселенцев в Синдике и племенные формирования сарматских кочевников. Греческие города Боспора не хотели входить в объединенную Понтийско-Боспорскую державу Полемона под гегемонией Рима, особенно противились этому полисы Азиатского Боспора — Горгипшия и Фанагория, а также Танаис на Нижнем Дону. Они имели прочные отношения с антиримски настроенными племенами Нижнего Подонья и Прикубанья, которые поставляли им хлеб и обеспечивали своеобразную защиту их хоры. Полемону поэтому ничего не оставалось, как начать военные действия против Танаиса, который был им полностью разрушен. Затем, в 9/8 г. до н.э., царь высадился в Восточном Приазовье для борьбы с так называемыми аспургианами (Strab. XI. 2. 3. 11; XII. 3. 29; Ptol. V. 19. 17). На сторону Полемона вынуждена была перейти Гермонасса, где, очевидно, находилась его супруга царица Пифодорида. По всей видимости, сказалось определенное соперничество между Гермонассой, Фанагорией и Горгипшией, поскольку последние два полиса еще со времени Митридата Евпатора имели больше политических прав и выпускали свои монеты.

В ходе военной акции против аспургиан Полемон часть их поселений разрушил, а другие сжег полностью, например, укрепления Фанталовского полуострова, усадьбу-крепость Юбилейное I, укрепление на берегу Ахтанизовского лимана и др. Однако вскоре царь попал в засаду, устроенную аспургианами, был взят в плен и убит, что произошло, как полагают исследователи на основании данных нумизматики, в 8/7 г. до н.э. Об аспургианах, сыгравших решающую роль в этих событиях, Страбон сообщает следующее: «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореты... К ним же относятся и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгипшией на

пространстве 500 стадиев...»; «...Полемон окончил свою жизнь среди так называемых аспургиан, принадлежавших к числу варварских племен около Синдики» (Strab. XI. 2. 11; XII. 3. 29; пер. Г.А. Стратановского). Современные исследователи считали аспургиан варварским племенем меотского или сарматского происхождения, хотя об их сарматских корнях географ ничего не говорит⁵³. Связь их названия с именем Аспурга бесспорна, однако считать аспургиан племенным союзом неправомерно. За исключением Страбона и следовавших ему поздних античных писателей ни в одном из достоверных сообщений о расселении в это время племен на Боспоре и по-соседству с ним аспургиане не упоминаются, отсутствуют они и в титулатуре Аспурга как подвластные этому царю племена (см. ниже). В свое время мы выдвинули предположение, что под аспургианами следует понимать военно-хозяйственных поселенцев на царской хоре Боспора, в том числе в Синдике, прежде всего оседавших на земле представителей меото-сиракского населения. Ведь Аспург, стремясь продолжать политику Асандра и Динамии, фактически завершил обустройство царской хоры, начатое Митридатом VI, когда осевшая на земле в Прикубанье военно-племенная прослойка меотов и сираков использовалась для укрепления царского землевладения и создания полувоенных поселений. Формирование дружинных отрядов сираков

Рис. 19. Портрет боспорского царя (Аспург?). Пантикапей. I в. н.э. Мрамор. ГЭ

стало следствием того, что Аспург создавал на Боспоре царскую земельную собственность эллинистического типа, привлекая на службу меото-сарматов — движущую силу в процессе превращения полисного землевладения в царское⁵⁴.

Изучение погребений зубовско-воздвиженского типа первой половины I в. н.э. в окрестностях укрепленного поселения Цемдолинское близ Новороссийска, куда доходила область расселения аспургиан, убедительно подтверждает сказанное. По погребальному обряду и инвентарю они примыкают к меотам, хотя близки и сиракским захоронениям «дружинного типа» в междуречье Лабы и Кубани⁵⁵. Вероятнее всего, Полемон I попал в плен к военно-хозяйственным поселенцам Таманского полуострова, которые группировались в дружинные отряды наподобие меото-сиракских, находившиеся под командованием Аспурга.

Гибель царя Полемона I на Таманском полуострове привела к полному краху всю причерноморско-боспорскую политику Римской империи, что вынудило Августа кардинально изменить подход к решению боспорских дел. По закону о престолонаследии единственными преемниками понтийского царя стали его старший сын Полемон, не достигший совершеннолетия, и вдова Пифодорида (Strab. XII. 3. 29). Право наследования ими царства Понт, Боспора и Колхиды должны были подтвердить император Август и римский сенат, поэтому Пифодорида, имевшая резиденцию в Гермонассе, предусмотрительно сделала там посвящение Ливии — своей благодетельнице (рис. 20)⁵⁶. Не менее законные права на власть в боспорском домене Полемона имел Аспург, сын Динамии и Асандра, которого поддерживало фактически все население, но главным образом жители азиатской половины Боспора. В этой ситуации Август решил не признавать Пифодориду царицей на Боспоре, он оставил под ее властью лишь Понт и Колхиду. Более того, в 3 г. до н.э. она навсегда покинула Боспорское царство, так как по повелению римского императора должна была выйти замуж за Архелая, царя Каппадокии и Малой Армении. Октавиан Август отказался от идеи создания объединенного царства, куда входили бы Понт, Боспор и Колхи-

Рис. 20. Посвящение царицы Пифодориды Ливии, супруге императора Августа. 13/12—8 гг. до н.э. Гермонасса. Мрамор. Таманский музей

да, поскольку решил подтвердить право Аспурга на боспорский трон и на проведение слегка откорректированной политики его деда, отца и матери. Римляне отныне не препятствовали ему использовать катойков на царской земле и дружинные отряды сарматов в военно-политических целях. Правда, они поставили условие, что вся эта созданная потом и кровью эллинистическая структура не будет направлена против Рима и его вассалов, а станет противовесом агрессивным поползновениям варваров. Но до тех пор, пока Аспург не воплотит эту задачу в реальность, Август не признает за ним царского титула. Так что, начиная с правления Аспурга и до III в. н.э., Римская империя стимулировала развитие экономики вассального царства, где со времени Митридата Евпатора сложились отношения, характерные для эллинистических государств.

Внутренняя политика Аспурга была промитридатовской, наподобие той, которую осуществлял в последние годы правления его прадед Митридат Евпатор: с одной стороны, филэллинство и поддержка очень ограниченных полисных свобод греков, а с другой — опора на царских поселенцев на хоре и союзных сарматов. Такая политика пользовалась поддержкой боспорян: в Пантикапее в честь Аспурга был построен храм или героон, в фанагорийском храме Афродиты Апатуры Аспург во время своего пребывания сделал посвящение Афродите Урании Апатуре в качестве благодарственного приношения⁵⁷. Можно предполагать, что царь благодарил богиню, скорее всего, за благосклонную по отношению к нему позицию Фанагории во время борьбы с Полемоном, когда взаимоотношения Аспурга с греческими городами были неоднозначными. В его рескриптах горгиппийцам от 16 г. н.э., после того как он вернулся из Рима, где менее чем за год до этого был утвержден царем и получил титул «друг римлян», говорится: «...на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменяемыми, согласно наследственному закону Евпатора» (κατὰ τὰς ὑπ' ἐμοῦ δεδομένας ἐντολάς δοκιμάζω [ε]ἰς τὸ λοιπὸν τὰς κ[ληρονομία]ς μένειν αὐτοῖς βεβαίως κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνχι[στ]ευτικὸν νόμον; здесь и далее пер. Т.В. Блаватской)⁵⁸. Этим царь расширил юридические права полисного коллектива, кроме того, отменил налог с урожая и дал бессрочную ателию. Это было признанием заслуг Горгиппии, которая, согласно рескрипту, осталась «благорасположенной» к Аспургу «во многих делах», и поскольку ее граждане «соблюли себя в безмятежности» во время его путешествия к императору Августу (εὐεργετικῶς διακείμενος πρὸς τὴν τῶν Γοργιπλέων πόλιν καὶ βουλόμενος τὰ δίκαια αὐτοῖς παρέχεσθαι ἐπειδὴ ἔδοξε]ν ἐν πολ[λοῖς] μ[ὲν] πράγμασιν εὐνοηκῆναι μοι, μάλιστα δὲ ἐν τῇ πρὸς τὸν Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα ἀναβάσει συντετηρηκότες ἐαυτοὺς ἐν πλείστηι ἀτα[ρα]ξίᾳ).

Из текста этого документа следует, что не все города поддерживали Аспурга во время войны с Полемоном и после нее, а те, которые стояли на его стороне, в том числе во время его отсутствия на Боспоре во второй половине первой декады I в. н.э., получили ряд важных привилегий: права наследования земли в интересах гражданской общины, согласно установленному еще при Митридате Евпаторе закону, расширявшему гражданские и политические права полисов⁵⁹. Однако в отличие от Митридата, Асандра и Динамии Аспург не дал полисам права чеканки монет, причем он не сделал этого даже по отношению к тем городам, которые поддержали его в борьбе за власть. Более того, назначением в города царских наместников, даже из среды их граждан, царь ограничивал привилегии полисов, как было принято в эллинистических монархиях.

При Аспурге было официально узаконено существование царских земель, которые находились под управлением специального уполномоченного — ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, которого некоторые исследователи считают «начальником царских земель». Однако в ряде мест, особенно на Азиатском Боспоре, царь выделил особые земли, населенные царскими катойками, и официально закрепил за городами и их хорой отдельные административные единицы. Горгиппия и окрестные земли были поставлены под начало ὁ ἐπὶ τῆς Горγυπλείας — царского наместника, следившего за поступлением налогов и исполнением распоряжений царя. Фанагория была, по-видимому, также выделена в такой же округ, только не одноименного с ней названия, а в центр округа «остров» во главе с несархом (= несиархом) или «начальником острова» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, νησάρχης). Кроме того, был специально создан «округ аспургиан» во главе с «начальником аспургиан» (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν). Это было сделано в ознаменование заслуг обитателей царских крепостей на Тамани и в окрестностях Горгиппии, оказавших Аспургу неоценимую помощь в войне с Полемоном. Царскими наместниками на Азиатском Боспоре при Аспурге были в основном греки или эллинизированные варвары — Панталеон и Феангел в Горгиппии, а в округе «остров», т.е. в Фанагории, — Менестрат, сын Менестрата (КБН 40). Такое административное деление сохранялось до позднеантичной эпохи.

Аспург облагодетельствовал в основном города Азиатского Боспора, которые в свое время поддержали Митридата, Асандра и Динамию, т.е. продемонстрировал верность митридатским традициям. Поэтому его политика по отношению к городам была, с одной стороны, филэллинской, а с другой — проримской, поскольку греки являлись сторонниками тесных связей с Империей. При Аспурге Азиатский Боспор и Прикубанье стали стратегически важным районом для Римской империи, так что стремление нового боспорского правителя прочнее закрепиться в Прикубанье и на Центральном Кавказе отвечало ее интересам.

Аспург имел официальный титул — «царствующий над всем Боспором и Феодосией», над синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами, танаитами, т.е. синдо-меотскими племенами. Он в общих чертах напоминал старый титул Спартокидов — «архонтов Боспора и Феодосии», царей синдов, меотов и пр. (ср. КБН 1–5, 8, 37, 927, 1014, особенно 39, 40), но отличался от него тем, что Аспург провозглашался царем над греками и варварами. При Асандре и его предшественниках, если верить Страбону, меоты жили вокруг Меотиды и включали синдов, дандариев, торетов, агров, аррехов, тарпетов, обидиакиенов, ситтакенов, досхов и др. (XI. 2. 1; 11). Из них под власть Аспурга попали синды и меоты (заметим, не «все синды» и не «все меоты», как при Спартокидах), тореты и тарпиты. Владения Аспурга на Азиатском Боспоре, таким образом, охватывали Танаис, часть Восточного Приазовья, низовья Кубани, Тамань, окрестности Горгиппии, где жили синды и псессы, Синдику, область расселения торетов (близ совр. Геленджика) и доходили до области ахеян (прибрежные районы в окрестностях Туапсе). Это приблизительно соответствовало боспорским границам при Спартокидах. Из подвластных варваров в состав царства вошли оседлые земледельческие племена, испокон веков занимавшиеся выращиванием зернового хлеба. Эти районы составляли царские земли Азиатского Боспора, где обитали военно-хозяйственные поселенцы синдо-меотского происхождения, в том числе смешавшиеся с сираками.

Но в состав Боспорского государства не вошли земли Прикубанья, где жили племена сираков и аорсов⁶⁰, которые занимали правобережье Кубани, район Лабы и Кубани, Закубанье и Прикаспийский регион, включая Центральный Кавказ. Однако влияние Аспурга проникло и сюда: находки в Нижнем Поволжье, Закубанье, Нижнем Подонье, в некоторых регионах Предкавказья, в окрестностях Бат и Горгиппии, как и в самой Горгиппии⁶¹, разных предметов с тамгообразным знаком Аспурга или «сарматского клана Аспурга» — родственников его бабушки или прабабушки, связавших себя брачными узами с Митридатом или Фарнаком, — указывают на отношения сарматского населения с Аспургом и его военно-хозяйственными меото-сарматскими поселенцами. При Аспурге в Прикубанье существовали «дружинные погребения» и множество укрепленных городищ, особенно по правому берегу Кубани, ее притокам и по р. Кирпили. Они защищали с востока, юго-востока и с севера подходы к границам Боспора. К сарматам поступал богатый римский импорт, в том числе оружие и украшения, что указывает на стремление римлян силами Боспора удерживать в повиновении сираков и особенно аорсов.

Результатом деятельности Аспурга стал дополнительный приток сарматов в Прикубанье, которые оседали на землю, восстановление торгового обмена с боспорскими городами, участие в 35 г. н.э. сираков в войне с Парфией на стороне союзной римлянам Иберии⁶², когда «нижние аорсы» поддержали армяно-парфянских противников иберов и их союзников римлян. Наряду с этим сиракский союз племен с севера в междуречье Сунджи и Терека укреплял границы против аорсов, создавая сеть крепостей и укрепленных городищ. Если сираки и до Аспурга проявляли определенный пиетет по отношению к боспорским правителям, то аорсы, по всей видимости, из-за обострившегося соперничества с сираками после событий в Закавказье в 35 г. н.э. стали склоняться на сторону боспорцев и римлян. Тацит, описывая события римско-боспорской войны 45—49 гг. н.э. (см. ниже), специально отметил, что аорский царь Евнон «был силен недавно заключенной с нами (т.е. римлянами. — С.С.) дружбой» (Тас. Анн. XII. 15—18). Подчинение Аспургом к 21 г. н.э. крымских скифов и тавров привело к проникновению в Крымскую Скифию сарматов, что превратило ее в вассальное от Боспора и дружественное римлянам государство. А это окончательно закрепило за Аспургом реноме друга римлян и позволило Империи заключить с ним договор, по которому он становился «другом цезаря» (КБН 39, 40) и наделялся всеми инсигниями царской власти, утверждаемой в Риме. Переход «нижних аорсов» в 35—45 гг. н.э. на проримские позиции также добавил Аспургу популярности в глазах римских властей. Поэтому в годы его правления Боспорское государство надежно прикрывало беспокойные северо-восточные границы Римской империи.

Благоприятная для Империи политическая ситуация на Боспоре была нарушена в 37 г. н.э., когда почти в одно и то же время умерли император Тиберий и его верный вассал царь Аспург. Новый принцепс Калигула своей безрассудной политикой нарушил устойчивый порядок, который воцарился на Боспоре и на Северном Кавказе. В 38 г. н.э. он решил отдать Боспорское царство под власть Полемона II, внука потерпевшего когда-то там полное фиаско понтийского царя Полемона I (Dio. Cass. 59. 12. 2). Чуть ранее, после смерти Аспурга, власть на Боспоре перешла к его супруге царице Гепипирии (рис. 21), поскольку их старший сын Митридат не достиг совершеннолетия. Как только нависла угроза нового воцарения Полемонидов, боспорская верхушка и союзные ей военно-хозяйственные поселенцы на хоре, а также племенная сиракская аристократия выступили против превращения царства

Рис. 21. Царица Гепиририя.
Изображение на монете.
37/38–38/39 гг. н.э. Медь. ГИМ

в домен Понтийского государства Полемона II. И хотя Гепиририя не хотела обострять отношения с Империей, ей пришлось учитывать антиримские настроения промитридатовски настроенных подданных. Этим объясняется появление вызывающих для Рима монет ее чекана с невиданной со времен Динамии полной легендой — с ее именем и титулом. Опасность полного римского господства над Боспором была столь велика, что Гепиририя, проводившая умеренную политику, но непризнанная Калигулой, была устранена с престола, и в 39 г. н.э. на него взошел Митридат VIII, которого поддержали катойки и союзные меото-сираки Прикубанья, усилившиеся после похода в Закавказье. Их отход от проримской ориентации был вызван

заклучением приблизительно в 35–41 гг. н.э. договора о дружбе между их вечными соперниками — аорсами и римлянами, — а также боязнью потерять влияние на синдо-меотские укрепления азиатской стороны Боспора. Они понимали, что Полемониды и стоявшие за ними римляне будут непременно стремиться ликвидировать эти митридатовские образования, которые обеспечивали могущество Боспора и являлись источником его антиримских планов.

Гепиририя убеждала Митридата отказаться от антиримской политики, но тот был непреклонен и для отвода глаз отправил в Рим послом своего брата Котиса, который выдал замысел Митридата императору Клавдию, пришедшему к власти в 41 г. н.э. (Dio. Cass. 60. 28. 7 = Petr. Patr. FHG IV. 185. Fr. 3). Митридат помещал на свои монеты портрет Калигулы, добиваясь от этого императора признания правителем Боспора, но официально договор с ним Калигула не заключил, поэтому Митридат не получил традиционный эпитет «друг цезаря». Новый принцепс Клавдий признал за Митридатом право властвовать на Боспоре, а Полемону II взамен дал область в Киликии, где некогда царствовал его дед (Dio. Cass. 60. 8), но договора с ним также не заключил. Это только подзадорило Митридата, который открыто демонстрировал независимость от Рима: чеканил монеты с полным именем и титулом (рис. 22, слева), символикой победы, как это было при его деде Асандре, а также со знаками независимости Боспора и его правящей династии, взял не санкционированный и явно провокационный титул «друг отечества», которым заменил традиционный для вассальных правителей титул «друг цезаря»⁶³. Его политика стала откровенным возрождением митридатовских традиций, что объясняется прямым влиянием сирако-меотов Синдики и Прикубанья. Даже когда угроза воцарения Полемона II миновала, они продолжали подталкивать

Рис. 22. Монеты Митридата VIII
(слева) (39/40–41/42 гг.)
и Рескупорида I (справа)
(68/69–91/92 гг.). Медь. ГИМ
а — лицевая сторона,
б — оборотная сторона

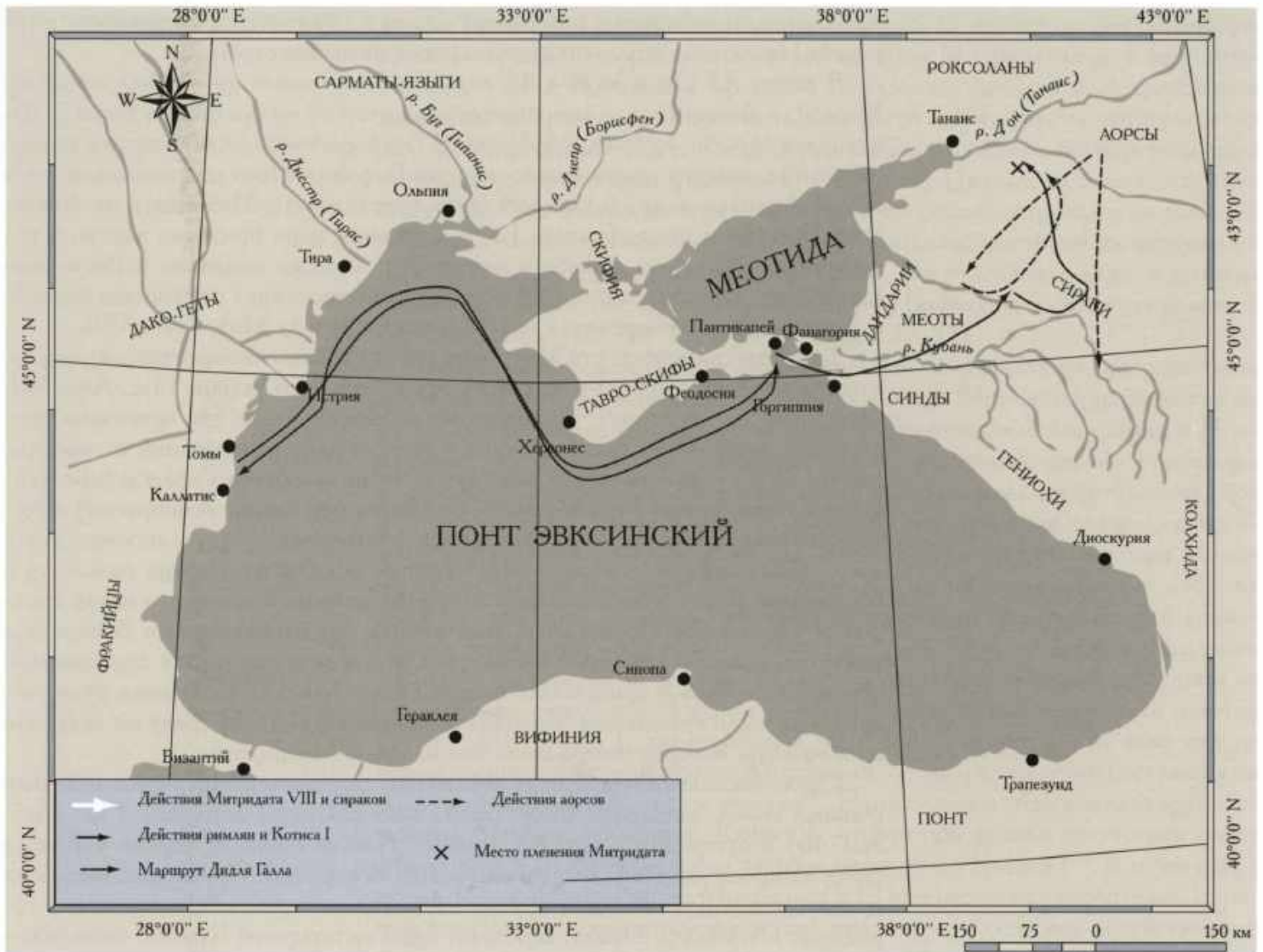

Рис. 23. Римско-боспорская война середины I в. н.э.

царя к антиримским действиям, опасаясь аорсов и Котиса, которого римляне явно прочили на место мятежного Митридата. Этим объясняется, почему в последующей вскоре войне с римлянами основные события развернулись в Прикубанье и на Азиатском Боспоре (рис. 23).

О начале и первой фазе войны античные источники, к сожалению, умалчивают, и только события 45–49 гг. н.э. подробно описаны у Тацита (Тас. Апп. XII. 15–21). Согласно его сообщению, одним из решающих поводов к появлению римских войск на Боспоре стал, очевидно, заключенный Митридатом договор о дружбе с сираками, антиримская и антиаорсская направленность которого совершенно прозрачна (Тас. Апп. XII. 15). Это произошло в 41 или в начале 42 г. н.э., и после этого римская армия высадилась на Европейском Боспоре. А когда в 44 г. н.э. туда прибыли отряды во главе с наместником провинции Мезия Дидием Галлом, то Митридат был вынужден бежать к своим союзникам на Северном Кавказе — в область расселения савроматов, т.е. на окраины земли сираков — Сиракелу, граничившую с сарматами-спагерритами в Центральном Предкавказье (Plin. NH. VI. 15.17; Solin. 15. 18). В этом регионе, южнее областей, занятых сираками, по словам Птолемея, находилась «страна Митридата» (Ptol. V. 8. 17–25). Митридат сумел найти поддержку лишь вдали от Боспора, где местные племена признавали его, если не царем,

то союзником в борьбе с римлянами. Этим и объясняется упоминание в тех местах Птолемеем столь «показательного» названия страны.

В конце 45 или в начале 46 г. н.э. в Пантикапее царем был объявлен Котис I, а Дидий Галл, в сопровождении которого он прибыл на Боспор, отправился обратно на Нижний Дунай. В Боспорском царстве остались только отдельные когорты римлян из провинции Вифиния-Понт под командованием Юлия Аквилы, задачей которых было преследовать Митридата на Азиатском Боспоре и поддерживать Котиса. Нового царя признали аорсы, у которых был договор о дружбе с римлянами, а также дандарии в Восточном Приазовье. Они, вероятно, еще помнили о притеснениях со стороны сираков и злодеяниях по отношению к ним Фарнака, прадеда Митридата VIII.

Тацит рассказывает, что Митридат, собрав войско из окрестных варваров, вторгся в страну дандариев, захватил ее и взял в плен их царя (Тас. Анн. XII. 15). Тогда же Митридат, по-видимому, захватил Кепы, где археологически засвидетельствованы следы пожара и гибель одного из зданий в середине I в. н.э.⁶⁴ В это время сиракский царь Зорсин возобновил враждебные действия по отношению (*quia Zorsines, Siracorum rex, hostilia resumpserat*) к Котису и Аквиле, оказав военную помощь Митридату. А царь аорсов Евнон, после небольших колебаний, выслал конные отряды на помощь римлянам и боспорцам. Римско-боспорские соединения должны были вести осаду городов и укреплений Прикубанья, населенных поддерживавшими Митридата меото-сираками, а коннице аорсов ставилась задача бороться с дружинными отрядами сираков и прикрывать пехоту (Анн. XII. 15). Союзники учли, что дандарии были враждебны Митридату и сиракам, поэтому сразу же вступили в их область, которая теперь была под властью Митридата.

После нескольких серьезных поражений сторонники Митридата оставили главный город дандариев Сосу «из-за ненадежности жителей» (Тас. Анн. XII. 16) и отступили к югу в Сиракены. Войска Аквилы, аорсов и Котиса стали их преследовать и, выдвинувшись из Восточного Приазовья, вышли на правобережье Кубани, где располагались укрепленные меото-сиракские городища. Перейдя р. Панду, вероятно, один из притоков Кубани, боспорско-римские войска взяли в осаду город Успу, который стоял на холме и был сильно укреплен рвом и стенами, сложенными из пересыпанных землей плетней и прутьев. Это был важный стратегический пункт, который вместе с городом Сиракой был одной из столиц сираков Прикубанья и мог выдерживать длительную осаду. Поэтому осаждающим пришлось применять осадные башни, откуда бросали факелы для устрашения обороняющихся. Среди его жителей были не только свободные оседлые земледельцы, но и множество рабов. Уже после первых дней осады оборонявшие город жители направили к римлянам, боспорцам и аорсам посольство с просьбой в случае взятия города пощадить свободных. В обмен на это они обещали отдать осаждающим 10 тысяч рабов, среди которых, очевидно, было немало пленных. Но эта просьба была отвергнута, а город взят штурмом.

После падения Успы и других укреплений сираков по берегу Кубани встал вопрос о целесообразности поддержки Митридата и продолжения войны. К тому же часть населения Сиракены, спасаясь от неприятеля и наказания со стороны аорсов, римлян и боспорцев, переместилась на северо-восток, к Танаису. Когда союзники начали их преследовать и приблизились к Танаису на расстояние трех дней пути, царь сираков Зорсин, после некоторого размышления, вступил в переговоры с противником и, «дав заложников, пал ниц перед изображением Цезаря к великой славе римского войска» (Тас. Анн. XII. 17). После этого Митридат прекратил сопротивление и пришел к царю

аорсов Евнону просить о милосердии, ссылаясь на некогда существовавшую дружбу аорсов и его предков — царей из рода Митридатидов. Евнон лично обратился к Клавдию с просьбой помиловать добровольно сдавшегося пленника, не возвращать ему власть и не вести в триумфе, на что император дал положительный ответ. Тогда аорсы выдали бывшего боспорского царя прокуратору провинции Вифиния-Понт Юнию Цилону, который отправил его в Рим. Там Митридат жил практически свободно, встречался со многими знатными людьми, в том числе Плинием Старшим, которому рассказывал о народах, населявших предкавказские степи. Он участвовал даже в политической борьбе партий, примкнул к заговору Нимфидия, за что был казнен в 68 г. н.э. (Plin. NH. VI. 15, 17; Plut. Galba. 13. 15).

Борьба Митридата VIII и римлян велась на территории, которая была населена исключительно дандариями и сираками. Мятежный царь бежал не на окраинные земли Боспора, а за пределы его официальных границ в Прикубанье, где собирал свои войска. Поэтому, как только сираки отказались от продолжения борьбы, Митридат сразу же прекратил сопротивление, ибо у него просто не осталось воинов. Очевидно, и греческие полисы, и военно-хозяйственные поселенцы на царской хоре Азиатского Боспора встали на сторону Рима и Котиса. В окрестностях Бат на юго-восточных рубежах Боспора, где жили военно-хозяйственные поселенцы, подчинявшиеся «наместнику Горгипии» или «наместнику аспургиан», был обнаружен могильник I в. н.э. с погребениями воинов из местного населения, обитавших в одном из укрепленных поселений. В одной из могил конного воина был найден золотой статер царя Котиса I, датированный 49 г. н.э. Считается, что воин пал во время военных действий против Митридата, поскольку царские поселенцы на хоре поддерживали Котиса и римлян⁶⁵. На поселении Мысхако обнаружены монеты Аспурга, Гепипирии, Котиса I — и это при полном отсутствии монет Митридата VIII и фактическом преобладании монет Котиса I⁶⁶. В то же самое время частые находки монет Митридата VIII при раскопках укреплений Европейского Боспора свидетельствуют, вероятно, о том, что военно-хозяйственные поселенцы на царской хоре стояли на стороне Митридата лишь до его бегства к сиракам из Пантикапея, что произошло не ранее 45 г. н.э. По всей видимости, когда на Боспоре появились римляне и к власти в 46 г. н.э. пришел Котис I, катойки отошли от Митридата, так как новые власти заверили их в своей полной поддержке, что и заставило Митридата бежать на окраину Сиракены.

Таким образом, на рубеже нашей эры и в первой половине I в. н.э. на Азиатском Боспоре и в Прикубанье сформировались социально-экономические отношения, характерные для царств эллинистического типа. Римские власти поняли, что в таком стратегически важном районе эти отношения можно использовать в своих интересах. Поэтому, начиная с Аспурга, боспорские цари рассматривались в качестве друзей и вассалов. И только Митридат VIII, воспользовавшись превращением Боспорского царства в довольно сильную монархию эллинистического типа и активной ролью в этом процессе сираков Прикубанья, решил добиться политической независимости от римлян под «старыми» митридатовскими лозунгами борьбы с Римом. Этим он серьезно подорвал выстраивавшуюся десятилетиями проримскую систему государств на Востоке и племенных союзов на Кавказе. Поэтому римским властям пришлось совершить против Боспора вооруженную акцию, чтобы вернуть его вместе с беспокойными районами Прикубанья, Приазовья и Северного Кавказа к выполнению главной задачи — защищать северо-восточные рубежи Римской империи от агрессивных кочевников.

ПОД ВЛАСТЬЮ ДИНАСТИИ ТИБЕРИЕВ – ЮЛИЕВ

Поражение Митридата VIII и сираков в 49 г. н.э. привело к усилению аорсов и переходу части племен сиракского союза под их господство. Аорсы стали теснить сираков, проникая на их прежние места расселения, и активно взаимодействовать с меотами и синдами, исконным населением Прикубанья. В результате процесс оседания аорсских кочевников на земле стал осуществляться более быстрыми темпами, что привело к увеличению количества укрепленных городищ по берегам Кубани и числа их обитателей⁶⁷. В середине I в. н.э. началось постепенное запустение укрепленных городищ по р. Кирпили, что могло быть вызвано переселением их жителей в Нижнее Подонье⁶⁸. Племенные воинские формирования сираков объединялись с аорсами для новых военных набегов, поэтому большая часть этих кочевников передвинулась на запад, в степи Северного Причерноморья, и к 60-м годам н.э. сираки уже расселились близ Тендровской косы, а аорсы-гамаксобии появились вблизи Днестра и Дуная (Plin. NH. IV. 80, 83). Здесь даже возникло сарматское царство, которое, как полагает большинство исследователей, возглавили аорсские цари⁶⁹.

В 50–72 гг. н.э. на северо-востоке Причерноморья сформировался мощный племенной союз аланов, который вытеснил ранее господствовавших в этих местах аорсов и сираков. Здесь же проявляли свою активность роксоланы — племена, находившиеся в конфедерации с аорсами. Если роксоланы появлялись в междуречье Борисфена и Танаиса еще во II в. до н.э., то аланы с востока пришли в результате передвижения сарматов после 49 г. н.э.⁷⁰

Используя уже проторенные сираками и аорсами пути для набегов в Закавказье, в частности перешедший к ним в руки Дарьяльский проход, аланы в 72 г. н.э. совершили поход против Мидии и Армении (Jos. Bell. Jud. VII. 7. 4). Ядро аланского союза включало обширный регион — от Нижнего Дона до Прикубанья, где с ними связывают ряд курганных захоронений второй половины I — начала II в. н.э. Аланский племенной союз имел в своем составе и остававшихся в Прикубанье сираков⁷¹, а также меотов, которые платили аланам дань. При этом часть меотов могла быть насильно переселена на Нижний Дон⁷². Активность аланских кочевников беспокоила не только Боспорское государство, но и римлян. Император Нерон даже планировал совершить военный поход против аланов (Plin. NH. V. 40)⁷³. Из античных источников, главным образом из большой пантикапейской надгробной надписи-энкомия в память о неизвестном по имени боспорском полководце времени Савромата I (рис. 24), известно, что приблизительно в конце 80-х — начале 90-х годов н.э. аланы, с которыми у римлян после похода этих сарматских кочевников в 72 г. н.э. в Переднюю Азию был заключен какой-то договор или соглашение о дружбе, или нейтралитете, неожиданно вторглись в пределы азиатских владений боспорских царей. Возможно, нападение совершили отряды аланов, которые пришли с запада, от Днепра, где у них обострились отношения с аорсами. Через Нижнее Подонье они двинулись в Восточное Приазовье и на Тамань, пройдя через земли синдо-меотов и Боспора. Можно предполагать, что целью этого похода было стремление аланских знатных родов обложить данью местное земледельческое население низовьев Кубани. Для этого аланские цари воспользовались военными действиями римлян на Дунае и прошли по боспорской территории в Синдике и Прикубанье, разрушая все на своем пути.

В энкомии из Пантикапея говорится, что войско боспорян, предводительствуемое погребенным, одержало важную победу над аланами, нападение которых стало полной неожиданностью для римлян. После этого римский

император Домициан наложил на аланских царей наказание, по-видимому, за нарушение ранее заключенного с Боспором и Римской империей соглашения. Одержавший победу полководец был обласкан императором и получил от него поручение оберегать северо-восточные рубежи царства в интересах Римской империи. Решающая битва с аланами произошла, очевидно, в 92 г. н.э., хотя еще до этого боспорские власти предпринимали меры по обеспечению безопасности прикубанского региона⁷⁴.

Во фрагментарной надписи из некрополя Кеп (или Фанагории) говорилось о взятии при царе Рескупориде I какого-то населенного пункта на Тамани (КБН 980). Этот царь назван также благодетелем горгиппийцев (КБН 1118), что могло быть связано с защитой от военной опасности (не исключено, что она исходила от аланов). Очень показательны монеты царей Рескупорида I и Савромата I (рис. 22 справа, 25 справа, 26) с победной и военной символикой, которые могли появиться вследствие конфликтов с варварами, в число которых могли входить и аланы⁷⁵.

Судя по археологическому материалу, к концу I в. н.э. относится гибель в пожарах укрепленных поселений на Тамани, следы разгрома в Патрее, Корокондаме, Кепях, Фанагории, в окрестностях Бат. Тогда же, вероятно, было разрушено укрепление из сырцовых кирпичей с валом и оборонительным рвом, построенное в I в. до н.э. в Тирамбе (совр. пос. Пересыпь)⁷⁶. Согласно надписи из Горгиппии, в начале II в. н.э. царь Савромат I «воздвиг от основания снесенные стены города, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков» (КБН 1122). Это позволяет предполагать, что стены в Горгиппии были разрушены во время военных действий или осады, возможно, в результате нападения аланов. В 105 г. н.э. Савромат I восстановил портики вокруг храма в Гермонассе и посвятил их Афродите Апатуре (КБН 1045), а в 110 г. н.э. его «наместник горгиппийцев» Фарнакион, сын Пофа, воздвиг в Горгиппии храм Афродиты Навархиды (КБН 1115). Это говорит о строительной деятельности по всей азиатской половине царства. Было высказано предположение, что укрепления разрушил сам боспорский царь по повелению римлян, не желавших усиления варварской периферии государства⁷⁷. Однако если следовать этим надписям и изложению событий в энкомии из Пантикапея, то разрушения городов и крепостей на Азиатском Боспоре следует связывать с опустошительным набегом аланских кочевников.

К середине II в. н.э. почти все укрепленные поселения были восстановлены, и этому, как полагают, способствовали римляне, которые предоставляли субсидии вассальному царству, особенно для повышения обороноспособности азиатской его половины⁷⁸. Савромат I, наученный опытом борьбы с варварами по всему периметру границ, вернулся к традиционной политике предшественников: рассматривать города и военно-хозяйственных поселенцев в Синдике и Нижнем Подонье как одну из опор власти. В Фанагории в ознаменование одного из удачных военных походов и победы царю была поставлена статуя (КБН 981). В подготовке таких походов помощь Савромату оказывали римляне, заинтересованные в том, чтобы иметь сильного союзника на границах с беспокойными сарматскими племенами. Серьезные усилия для того, чтобы Савромат I отстаивал стратегические интересы Римской империи на северо-восточной окраине «римского мира», особенно на Северном Кавказе, прилагал Плиний Младший, бывший при Траяне наместником в провинции Вифиния-Понт. Он осуществлял контакты царя с императором (Plin. Epist. X. 63, 64, 67).

Рис. 24. Эпикрий из Пантикапея.
Мрамор. Конец I — начало II в. н. э.
Керченский музей

Одновременно с развитием поселений на царской хоре, куда переселялись продолжавшие оседать на землю варвары, включая сарматов и меотов, боспорские власти и римляне вернулись к комплектованию «дружинных отрядов» из сарматских наемников, включая аланов. Археологические исследования показывают, что во второй половине I — первой половине II в. н.э. по среднему течению Кубани появились могильники, получившие в науке название «Золотого кладбища». Это преимущественно погребения катакомбного типа, их соотносят с аланами или сильно сарматизированными меотами. Такие погребения воинов с оружием напоминают «дружинные» захоронения сираков (так называемого «зубовско-воздвиженского типа»), которые связывают с сарматскими вооруженными отрядами эпохи Асандра и Аспурга (см. выше). По времени курганы сираков и могильник «Золотого кладбища» совпадают с периодом деятельности боспорских царей по созданию дружинных отрядов и укреплению царской хоры в их азиатских владениях, следовательно, эти процессы взаимосвязаны. Однако в число военно-хозяйственных поселенцев теперь вошли и аланы. Сильное римское влияние, обилие римского импорта

указывают на роль Рима в организации дружин, поэтому их считают чем-то вроде отрядов союзников или федератов Империи, созданных на денежные субсидии, которые выплачивали боспорским царям римские власти⁷⁹. С этого времени аланская племенная военная аристократия могла перейти на службу к боспорским царям, за что получала дары или плату в виде драгоценных изделий, дорогой посуды, украшений, оружия. С усилением аланского влияния связано появление на Боспоре должности «главного аланского переводчика», которым в 208 г. н.э. был некий Герак, сын Понтика, живший в Гермонассе (КБН 1053). Переход части аланов на службу Боспору отвлекал их от нападений на боспорские владения и римские малоазийские провинции, включая и союзников Рима в Закавказье.

Нападение аланов в конце I в. н.э. затронуло местные племена Прикубанья, в частности меотов и псеханов. В пантикапейском энкомии, о котором подробно говорилось выше, сохранилось упоминание о том, что чествуемый в нем полководец и государственный деятель «определил ему (царю Савромату I. — С.С.) заботу в отношении псеханов». Они проживали недалеко от Боспора в Восточной Меотиде (ср. Diod. XX. 25: Псоя, очевидно, в районе Горгиппии) и их, по-видимому, можно отождествлять с псессами (St. Byz., s.v. Ψησσοί), одним из синдо-меотских племен, подчинявшихся еще Спартокидам и Аспургу (КБН 6, 6а, 1037, 1038). В римское время псессы, очевидно, стали известны под названием псеханов и во II—III вв. н.э. обитали близ Меотиды (Азовского моря), в районе Фанагории (Tab. Peut. VIII. 3—4). Однако географ II в. н.э. Птолемей (V. 9. 17) упоминает псессиев (т.е. псессов) и размещает их за сираками между Меотидой и Иппийскими горами (предгорьями Кавказа) вместе с другими меотскими племенами — тамеотами, тирамбами, астуриканами (аспургианами?). Следовательно, во II в. н.э. псессы/псеханы проживали северо-восточнее сираков ближе к Азовскому морю. Очевидно, они передвинулись туда после ухода аорсов на запад и появления в тех местах аланов⁸⁰. Псеханы упоминаются во фрагментарных надписях времени царя Савромата I, и, основываясь на них, исследователи ранее делали выводы, что псеханы были враждебны Боспору, а Савромат I даже совершал против них военные походы⁸¹. Однако указание энкомия о заботе этого царя по отношению к псеханам, а также надпись из Гермонассы, поставленная в его правление и говорящая о том, что пантикапеец... сын Диофанта, «позаботился о племенах в стране псеханов и был их спасителем» (КБН 1048), могут свидетельствовать, что псеханы были дружественны Боспору. Они входили в состав царства Савромата I, признавали его своим царем, так как не

Рис. 25. Изображения боспорских царей Котиса II (слева) 123/124–132/133 гг. и Савромата I (справа) 93/94–123/124 гг. на монетах. Медь. ГИМ

Рис. 26. Монета боспорского царя Савромата I. 93/94–123/124 гг. Медь. ГИМ

хотели платить дань аланской племенной аристократии, предпочитая власть боспорских монархов. При той грандиозной строительной политике, которую Савромат I проводил на Азиатском Боспоре, дружественное расположение псеханов и других меотов, пострадавших от аланского вторжения, было как нельзя кстати, поскольку позволяло привлечь оседлых земледельцев для обустройства царской хоры. К тому же спокойствие на восточных рубежах Боспора открывало возможность активно вести завоевания в Таврике, а также противодействовать сближению тавро-скифов и аланов.

После поражения аланов на Боспоре ситуация в Прикубанье стала достаточно спокойной: из текста энкомия следует, что почитаемый в нем деятель был очень уважаемым человеком среди варварского населения Азиатского Боспора, причем к его слову прислушивались даже самые воинственные племена в окрестностях Меотиды, и оно во многих случаях было для них законом. Вполне вероятно, что заслуга в привлечении аланов к охране восточных рубежей царства принадлежала чествуемому в энкомии полководцу, вследствие чего удалось благополучно разрешить противоречия между пробоспорской племенной аристократией аланов и оседлым земледельческим населением Меотики и Синдики, включая псеханов.

Однако влияние Боспора распространялось лишь на те аланские племена, которые проживали в пределах его границ или поблизости от них в Прикубанье. Аланское общество не было единым, так как различные племена находились под властью разных «царей» (так их называли греки), причем не все они проводили удобную для Рима и Боспора политику. В 135 г. н.э. аланская орда прошла через Северный Кавказ и кавказские ущелья и обрушилась на римскую провинцию Каппадокию, поэтому наместник этой провинции Флавий Арриан призвал на помощь пехоту с Боспора под командованием Лампрокла (*Agg. Acies contra Alanos. 3*)⁸². После этого аланская племенная верхушка стала, очевидно, сотрудничать с боспорской правящей элитой, но в то же время активно и настойчиво вмешивалась в династические разногласия на Боспоре.

В диалоге «Токсарид» римского писателя II в. н.э. Лукиана (*Luc. Tox. 50–55*) повествуется об Алании и аланах по-соседству с Боспором, упоминаются царский сарматский род царевны Мاستиры, вышедшей замуж за боспорского царя, носившего собирательное и неконкретное историческое имя Левканор, и ее братья-соправители, обеспокоенные положением дел в Боспорском царстве. Лукиан использовал различные источники, но пласт рассказа, который повествует об алано-скифо-боспорских отношениях, датируется, очевидно, третьей четвертью II в. н.э. В основу повествования Лукиана положена политическая ситуация в Боспорском царстве, сложившаяся в 153 г. н.э. после смерти царя Риметалка (рис. 27 справа) (это царь Левканор у Лукиана, имя которого явно переключается с именем правителя Боспора IV в. до н.э. Левкона I). Ему должен был наследовать Савромат II, законный сын и преемник, но тронем завладел сводный брат Риметалка Евпатор (рис. 27 слева) (у Лукиана он назван Евбиотом, что напоминает имя Евмела, царя Боспора последней декады IV в. до н.э., когда сложилась похожая ситуация с престолонаследованием).

Согласно Лукиану, аланские цари-соправители, братья царевны Мастиры, были крайне озабочены приходом к власти Евбиота (Евпатора — 153–170 гг. н.э.), так как он больше склонялся к союзу с тавро-скифами, а не с аланами, к которым «питал вражду» (*Tox. 51: 'Αλανοῖς δὲ ἀλέχθεται*)⁸³. Они хотели видеть на престоле сына Левканора — Риметалка (это исторически засвиде-

Рис. 27. Монеты боспорских царей Евпатора 154/155–170–171 гг. (слева) и Риметалка 131/132–153/154 гг. (справа). Медь. ГИМ

Рис. 28. Изображение боспорского царя Савромата II на монете. 174/175–210/211 гг. Медь. ГИМ

тельствовавший по другим источникам будущий царь Савромат II) (рис. 28), очевидно, больше доверявшего аланам (ведь его имя выдавало связь именно с сарматами, а не со скифами). Согласно Лукиану, царь Евбиот-Евпатор до прихода к власти жил у савроматов, которых автор диалога явно отличает от аланов. Можно полагать, что под «савроматами» Лукиан или его источник подразумевали сираков, поскольку аорсы в это время находились в междуречье Дона и Днепра.

Вскоре началась война Боспора с тавро-скифами, и Евбиот (Евпатор) призвал в войска «поголовное ополчение элинов и приглашенных на помощь аланов и савроматов в количестве 20 тысяч» (Тох. 54). По-видимому, это были те аланы, которые обитали в Прикубанье и служили наемниками в боспорском войске, а савроматы — это жившие там же племена сираков. Однако боспорская армия и ее союзники из Махлии потерпели поражение, в результате которого боспорцы обещали платить тавро-скифам двойную дань, махлии дать заложников, а аланы обязались подчинить синдианов (синдов), издревле враждовавших со скифами (Тох. 55).

Рассказ Лукиана позволяет восстановить картину политических событий и матримониальных связей боспорских правителей в середине II в. н.э.: царь Левканор = Риметалк был женат на Мастире, дочери одного из вождей-царей Алании, очевидно, той части аланских кочевников, которые жили вдоль восточных границ Боспора и являлись союзниками боспорских царей. Савроматы/сираки враждовали с тавро-скифами и поддерживали царя Евбиота (Евпатора), поскольку он жил у них до прихода к власти. На его стороне выступали только те аланские дружинные отряды, которые состояли на службе у боспорских царей. Синдо-меотские племена, с древнейших времен бывшие в союзе с сираками, являлись противниками тавро-скифов. Война боспорцев с тавро-скифами происходила в Таврике вскоре после 153 г. н.э., очевидно, за год или за два до войны тавро-скифов с Ольвией (SHA. Ant. Pius. 9. 9)⁸⁴, и привела к усилению Крымской Скифии.

Поражение в Таврике серьезно поколебало позиции боспорских царей в низовьях Кубани. Боспорское царство было вынуждено платить большую дань тавро-скифам, к тому же царь Евпатор выплачивал дань Римской империи (Luc. Alex. 57), что подрывало экономическое положение государства. После прихода к власти в 175 г. н.э. Савромата II, сираки перестали поддерживать Боспор, как ранее это было при Евпаторе, а аланы, напротив, могли сблизиться с новым царем. В надписи 193 г. н.э., обнаруженной в Танаисе, говорится, что Савромат II победил пиратов, «завоевав сираков и скифов и

присоединив Таврику по договору» (КБН 1237: πολ[ε]μήσας δὲ καὶ Σιραχούς καὶ Σκύθας καὶ Ταυρικὴν ὑπόσπονδον λα(β)ών). Военные действия в Таврике завершились разделением Таврической Скифии на зоны контроля со стороны Херсонеса, римлян и Боспорского царства⁸⁵. Поскольку этому предшествовала победоносная война с сираками, то тесные отношения с местными племенами Прикубанья, как и ранее, обеспечивали боспорским царям проведение успешной политики в Крыму. При Евпаторе и Савромате II выходцы из Азиатского Боспора, в основном из Горгииппии и ее окрестностей, регулярно появлялись на южном побережье Крыма и даже в Ольвии⁸⁶. Греческие города и соответствующие округа, прежде всего «остров» вместе с Фанагорией, «область Горгииппии» и «область аспургиан» (естественно, вместе с Европейским Боспором), стали главным источником пополнения боспорского войска.

Во второй половине I — II в. н.э. боспорские цари в целом продолжали политику своих предшественников. Они сохранили ограниченные политические привилегии греческих городов, оставили им полисные органы управления, в том числе народное собрание и Совет (КБН 982, 983 — Агриппия, 1110 — Гермонасса), коллегию архонтов (КБН 1237, 1242, 1245, 1251 — Танаис), осуществлявших исполнительную власть даже в начале IV в. н.э. (КБН 1051 — Гермонасса). Однако городам по-прежнему не разрешалось чеканить монету, что ущемляло их интересы и являлось отходом от политики Митридатидов и их ближайших преемников. В одной из надписей «Совет и народ агриппейцев» в 130 г. н.э. прославляет боспорского царя, очевидно, Котиса II (рис. 25 слева), названного «благодетелем и спасителем», за какое-то благодеяние (по-видимому, речь идет о доходах полисной казны). При этом статуя была воздвигнута, а постановление исполнено при попечении «начальника острова», т.е. царского наместника, находившегося в городе (КБН 982). В другой надписи «народ агриппейцев» поставил статую тому же царю за то, что он предоставил их городу и другим городам право самим что-то возвести или организовать в специальном месте вокруг гимназия (КБН 983). В Горгииппии «народ горгииппийцев» поставил статую царя Рескупорида I (КБН 1118: ὁ δῆμος Γορυιπλέων), а во фрагментарных надписях фиасов второй половины I — начала III в. н.э. упоминается термин «граждане» (КБН 1150: πολεῖται, 1230). «Отчизна» (очевидно, полис Горгииппия) фигурирует в стихотворной эпитафии I в. н.э. (КБН 1192: πατρίς). Совет-буле этого полиса упомянут в надписи, содержащей текст «священного закона», по которому денежные средства фиасотов, справлявших религиозные обряды и праздники, отдавались в рост специальным лицам, обязанным передать их или проценты с них городскому Совету⁸⁷.

Судя по надписям, особым расположением царской власти Горгииппия пользовалась при Савромате II, который даже направил свое послание «народу» или «народу и совету горгииппийцев», как бы выражая почтение к их полисным правам и институтам⁸⁸. Однако полисным властям отводились крайне ограниченные функции: распределение денежных средств на нужды религиозных праздников и ритуалов, поиск откупщиков для проведения работ разного уровня, строительство и ремонт храмов, возведение статуй царям и знатым боспорянам, содержание городских коллегий, возможно, частичная оплата расходов городского ополчения и т.п. Согласно эпиграфическим документам, к разряду полисных относились должности стратегов в городах, включая Горгииппию (КБН 1134, 1141, 1179), лохагов в Горгииппии (КБН 1136, 1179, 1231), Фанагории (КБН 1000), Гермонассе (КБН 1051), Танаисе (КБН 1251a) и Пантикапее (КБН 36), политархов в Фанагории (КБН

1000). В последней надписи из Фанагории упоминается некий Агафус, сын Сакла, который во второй половине II в. н.э. как сын царского наместника («начальника острова») управлял городской канцелярией, а затем стал политархом и лохагом. Члены семей знатных боспорцев, находившихся на государственной службе, как правило, замещали городские магистратуры, в основном военные. Они же нередко являлись командирами полисных ополчений, сохранявших значение и в императорскую эпоху⁸⁹. Если политарх действительно стоял во главе полисного отряда (возможно, гоплитов), то лохаг и тагматарх в Горгииппии (КБН 1213) были командирами лоха и тагмы, в состав которых входили полисные формирования и царские наемники, т.е. были командирами более высокого ранга, нежели политархи. Таким образом, полисы по традиции формировали ополчения: на низовом уровне они находились под началом своих командиров, а на более высоком — подчинялись царским командующим и выполняли задачи, поставленные царем.

При взаимоотношениях городов с центральной властью в дело вступала целая армия чиновников разного уровня, особенно, когда речь шла о средствах из царской казны на восстановление или строительство храмов в городах. За их тратой следили особые царские уполномоченные — «начальники святынь» или «ведающие святынями» (КБН 1045: ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν). Распределением доходов, поступавших в царскую казну, ведали «начальники фисков» (ὁ ἐπὶ τῶν φείσκων — в Горгииппии во II в. н.э. это был Гай, сын Фарнакиона⁹⁰), над ними стояли «наместник горгииппийцев» (КБН 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214) и «наместник царских земель» или «царской резиденции», известный по надписям из разных городов, в том числе из Гермонассы (КБН 1051: ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας). В Горгииппии существовала даже целая коллегия во главе с «главным начальником царских земель» (КБН 1120: ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας; 1134). Вполне вероятно, что это были «начальники» земель, находившихся в собственности царя, и они отвечали за поступление с них доходов⁹¹. «Наместникам горгииппийцев» подчинялись полисные магистраты, без их разрешения не могли принимать решения ни Совет, ни народное собрание, они же отвечали за сбор налогов с царской хоры в окрестностях города. Под их попечением граждане города возводили статуи (КБН 1120), строили храмы (ср. КБН 1115). В Фанагории таким попечителем выступал «начальник острова», который при необходимости вносил даже свои средства (см. ниже). При Савромате II одним из наиболее известных «начальников горгииппийцев» был Неокл, сын Мойродора (КБН 1119), отец которого Мойродор, сын Неокла, также замещал эту должность (КБН 1134). Чуть позднее ее занял Фарнакион, сын Пофа, внук Неокла⁹², а при Савромате I «наместником горгииппийцев» был Фарнакион, сын Пофа (см. выше).

Таким образом, ведущие государственные должности концентрировались в руках членов наиболее зажиточных семей из греческих городов. Многие царские чиновники также являлись выходцами из богатых семей. В качестве примера можно привести род Менестрата, известный по надписям из Фанагории, Гермонассы и Танаиса: еще при царе Аспурге Менестрат, сын Менестрата, — «начальник острова» — поставил ему памятник (КБН 40), его дальний потомок Юлий Менестрат являлся хилиархом — командиром отряда воинов в 1000 человек при Савромате II, о чем свидетельствует надпись из Гермонассы (КБН 1049); в 192 г. н.э. он в Танаисе занимал должности главного постельничего и пресбевта (посла) царя и содействовал восстановлению разрушенной там башни (КБН 1243); чуть ранее как старший постельничий он поставил в Фанагории памятник своему «богу и владыке» царю Саврома-

ту II⁹³. Боспорские цари, следуя политике римлян, которые в городах своих восточных провинций опирались на зажиточные круги, также поддерживали наиболее богатые и влиятельные слои греческого населения полисов царства и способствовали получению самыми яркими их представителями римского гражданства и даже всаднического сословия. Проявление дружбы к римлянам и в то же время определенной зависимости от Рима выражалось в посвящении статуй римским императорам в крупных городах: например, в Фанагории Рескупорид I поставил статую императора Веспасиана (КБН 1047). Цари считались «пожизненными первосвященниками Августов» (КБН 1047: ἀρχιερεῖς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου), поэтому храмы обожествленных императоров сооружались во многих городах, в частности в Гермонассе (КБН 1050).

При этом полисы не имели возможности осуществлять внешнеполитические и торговые сношения от имени своих гражданских общин. Правда, в Риме найдена греческая надпись с упоминанием Гедика, сына Эвода, посла фанагорийцев, «что с Боспора» (IG XIV. 1636: πρεσβευτῆς Φαναγορείτῶν τῶν κατὰ Βοδὸς λόρον), но, очевидно, он прибыл в Рим, когда его родной город с 63 по 55 г. до н.э. пользовался свободой, данной Помпеем. Ведь в последней четверти I в. до н.э. Фанагория стала называться Агриппией и под этим названием фигурировала во всех официальных документах (КБН 982, 983, 1051). В столице империи жили боспорянин Макарий, сын Фана, и переводчик сарматов, боспорянин Аспург, сын Биомаса (IGUR II. 1. 567: Ἀσπυρῶς Βιομάσου υἱὸς ἑρμηνεύς Σαρματῶν Βοσπορανός; 763), а также посол боспорцев Л. Корнефиций Телемаст⁹⁴. Эти надписи показывают, что в первые века нашей эры Рим посещали исключительно послы официальных властей Боспора, причем в состав одного из посольств входил сарматский переводчик Аспург (скорее всего, выходец с Азиатского Боспора).

Сильная вертикаль власти, господство бюрократического аппарата и царского землевладения подавляли любое проявление традиционного для греков полисного свободомыслия, хотя политика боспорских царей была филэллинской. Это подтверждается, с одной стороны, перечисленными выше эпиграфическими документами о предоставлении царями ограниченных политических прав городам Боспора, а с другой — надписью царя Риметалка от 151 г. н.э. (КБН 976). В ней говорится о передаче им земли в Фианнеях, предместье Фанагории, храму Афродиты, очевидно, Апатуры. Эта земля вместе с обработывавшими ее пелатами (πελάται), полузависимыми земледельцами, была посвящена «богине» неким богатым землевладельцем Летодором, но пришла в запустение. Поэтому царь как верховный собственник всей земли в государстве, «все собрав и преумножив» (συναθροίσας ἅπαντα καὶ πλεονάσας), т.е. восстановив разрушенное и увеличив масштаб земель и количество пелатов, передал все «богине» (ἀλεκατέστησε τῇ θεῶι σῶα), т.е. храму. На этом основании можно полагать, что на Боспоре, как в эллинистических государствах, существовало храмовое землевладение. Для сохранения видимости эллинских свобод боспорские правители покровительствовали сложившимся в разных городах религиозным союзам-фиасам и ассоциациям. Они существовали в Фанагории (КБН 987, 988), Гермонассе (КБН 1054, 1055), но больше всего их было в Горгиппии (КБН 1129–1136). Фиасы являлись религиозными или религиозно-профессиональными союзами, члены которых объединялись под покровительством божеств — Афродиты в Гермонассе, Посейдона и Афродиты в Горгиппии. В число фиасотов входили как эллины, так и варваризованные греки, а также эллинизированные варвары. Путем создания этих союзов

царская власть пыталась возместить жителям городов некоторую потерю ими политических прав и привилегий, а также приобрести широкие слои граждан-негреков к греко-римской культуре и религии. Участие широких слоев городского населения в этих союзах-фиасах усиливало процесс эллинизации. Но фиасы находились под контролем царской власти, поскольку их руководство состояло из жрецов, влиятельных царских чиновников и городских магистратов, через которых власть осуществляла влияние в сообществах, направляла их деятельность и регулировала доходы. Наглядный пример — фиас навклеров в Горгиппии в правление Савромата II, который особенно покровительствовал горгиппийцам и этому сообществу (КБН 1134). При династии Тибериев—Юлиев явной сарматизации городской жизни, в частности в Фанагории и Горгиппии, не наблюдалось по крайней мере до середины III в. н.э. Скорее происходило обратное — через фиасы и службу в царских войсках варвары приобщались к греческим и эллинистическим традициям и образу жизни, почитали эллинских богов и участвовали, пусть номинально, в государственной жизни.

Подводя итог рассмотрению политической истории Боспора в I — начале III в. н.э., можно сказать, что на протяжении этого времени государство активным образом развивалось, используя экономический потенциал своей азиатской половины. Этому помогали тесные отношения между царской властью, греческими городами и местным населением Прикубанья, которые сложились еще в I в. до н.э. Они способствовали подъему ремесла и коммерческой деятельности, особенно торговле зерном. Стремление боспорских властей извлекать как можно больше доходов от вывоза хлеба заставляло их поддерживать греческие города и дружественные племена Азиатского Боспора. Через ведущие полисы, прежде всего Горгиппию и Фанагорию, осуществлялись почти все хлебные поставки из Прикубанья в столицу Боспора и в другие регионы Причерноморья, включая и восточные провинции Римской империи.

Со смертью Савромата II в 211 г. н.э. завершился период экономического расцвета и политической стабильности Боспорского государства. После этого в правление его сына Рескупорида II государство еще по инерции двигалось по пути стабильного развития эллинистических по своей сути отношений, но уже в 220–221 гг. н.э. начался длительный экономический и политический кризис, который в конце концов привел Боспорское царство к гибели. Изменения в политической структуре прослеживаются по титулатуре боспорских царей, а некоторые надписи свидетельствуют о напряженной военной ситуации в государстве. В эти годы наряду с традиционным царским титулом «происходящий от предков царей, царь Тиберий Юлий Рескупорид, сын Великого царя Савромата, друг цезаря и друг римлян, благочестивый» (КБН 55, 223 г. н.э., ср. КБН 953, где Рескупорид II назван «Великим царем») появляются ранее не встречавшиеся укороченные титулы — «царь Боспора (или всего Боспора) и окрестных племен» (КБН 54, 56), «царь всего Боспора и тавроскифов» (КБН 1008), «царь Рескупорид, сын Великого царя Савромата» (КБН 1245–1246). В надписи из Фанагории от 220 г. н.э. упоминается о какой-то войне, во время которой были разрушены общественные сооружения в городе⁹⁵; 221 г. н.э. датируется небольшой фрагмент строительной надписи из Патрея, появление которой могло быть связано с упомянутыми разрушениями в период этого военного конфликта⁹⁶. Нападение неприятеля могло временно ослабить власть царя в Восточном Приазовье и на Таманском полуострове, что нашло отражение в его титулатуре.

В данный период главная угроза устойчивости правящего дома исходила с азиатской стороны, возможно, от варварских племен, пришедших с востока или с юга. Косвенно это доказывается обилием строительных надписей Рескупорида II и Котиса III из Танаиса (КБН 1245–1248), а также надписью из Фанагории от 220 г. н.э. о почитании «начальника острова», командовавшего военно-хозяйственными поселенцами в окрестностях города (см. выше). Упомянутые надписи — яркое свидетельство стремления боспорцев укрепить опорные пункты на Тамани и на Нижнем Дону в связи с опасностью нападения аланских племен, которые, нарушив порядок, установленный при Савромате II, стали настойчиво вмешиваться во внутробоспорские дела. Вскоре вспыхнула война, в которой пострадали Фанагория и другие города, но боспорцы все же одержали победу, успешно отбив нападение, что подтверждают восстановительные работы в этих городах и обращение к прежнему царскому титулу уже в 223 г. н.э.

В 227 г. н.э. на престол взошел сын Рескупорида II Котис III, который в 228 г. н.э. отчеканил монету одновременно с отцом. В связи с этим некоторыми учеными была выдвинута убедительная точка зрения, что чеканка монеты явилась результатом их соправительства⁹⁷. Такая практика крайне необычна для правления Тибериев—Юлиев. Правившая на Боспоре группировка решила, по-видимому, укрепить власть династии, так как соправительство традиционно было связано с разделением властных полномочий на европейской и азиатской сторонах Керченского пролива. Обострение обстановки привело к тому, что и Котису III вскоре пришлось взять себе соправителей — сначала Савромата III (КБН 1230)⁹⁸, а в 233 г. н.э. Рескупорида III⁹⁹. С этого времени усиливается сарматское влияние на всем Боспоре¹⁰⁰, а эллинизация кочевников постепенно отходит на второй план. Боспорские цари, очевидно, для большей безопасности возродили институт соправительства с целью управлять беспокойными азиатскими владениями.

Однако, несмотря на эти предупредительные меры прежней династии, аланам все же удалось посадить на царство члена ее побочной ветви: в 234 г. н.э. на трон взошел царь Тиберий Юлий Ининфимей, имя которого очень близко имени царя западных аорсов I в. н.э. Инисмея. Очевидно, это был представитель сарматской линии династии Тибериев—Юлиев, и к этому роду в свое время относились Фарзой и Инисмей¹⁰¹. Чтобы угодить Риму и добиться от него признания прав на престол, Ининфимей, как и прежние цари, принял римские родовые имена Тиберий Юлий. Учитывая все эти факты, можно говорить о том, что внутривосточный и династический кризис на Боспоре в 221–234 гг. н.э. был вызван стремлением сарматов, главным образом аланов, поставить во главе Боспорского царства своего ставленника, хотя и родственника прежней династии.

Оплотом Ининфимея и стоявшей за ним сармато-аланской группировки был Танаис, о чем свидетельствуют его многочисленные надписи о проведении там строительных работ (КБН 1249–1252). В период его правления на Азиатском Боспоре появились германские племена готов, боранов, герулов, пришедшие с запада вдоль северного побережья Меотиды. Очевидно, аланская верхушка всерьез опасалась германских племен и старалась укрепить обороноспособность Боспора, а также и власть своих ставленников на его престоле. Вскоре готы (или остготы = остготы) возглавили союзы различных племен, в том числе алано-сарматов. Массовые перемещения племен в Восточном Приазовье особенно усилились в 240-х годах н.э., и в них активную роль играли именно готы и аланы¹⁰². Зосим, позднеримский историк

конца V — начала VI в. н.э., сохранил описание того, как это происходило: «...бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получавшие власть от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им даров они постоянно удерживали скифов (собираемый термин, обозначающий тавро-скифов, алано-сарматов, готов и боранов. — С.С.), желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновению царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди (представитель побочной ветви династии Ининфимей, последующие варварские цари Фарсанз, Фофорс, Радамсад. — С.С.), то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они (боспорцы. — С.С.) взяли обратно и возвратились домой» (Zosim. I. 31 = SC I. 3. P. 790, пер. В.В. Латышева).

Если следовать этому сообщению, можно уверенно полагать, что до прихода к власти Ининфимея, а возможно, и в первые годы его правления, Боспорское царство при содействии римлян еще сдерживало объединенные силы варваров, не позволяя им переправляться через Керченский пролив. Поэтому бораны, готы, аланы стали использовать северный маршрут: по суше через южнорусские и южноукраинские степи выходить к Нижнему Подонью, чтобы затем спуститься на юг и юго-запад к Восточному Приазовью и Тамани. Но как только прежняя боспорская династия ослабела и к власти стали приходиться представители варварских родов, то ситуация резко изменилась, и варвары уже переправлялись через пролив напрямую. Для этого они требовали корабли, которые предоставляли им боспорские города. Чтобы остановить натиск племен, мигрировавших с запада через степные районы и через Керченский полуостров, Ининфимей стал укреплять обороноспособность Танаиса. Однако готы и их союзники все же захватили этот город и полностью его разгромили приблизительно в 244—247 гг. н.э. Чуть ранее, в 234 г. н.э., разграблению подверглась Горгиппия, а окончательная ее гибель относится к 239 г. н.э.¹⁰³ Столь жесткое отношение варваров к Горгиппии объясняется тем, что она пользовалась особым вниманием боспорских царей, а ее окрестности являлись главной житницей боспорян. К тому же «область горгиппийцев» и «область аспургин» основательно «питали» боспорские войска своими отрядами, набранными из военно-хозяйственных поселенцев. В середине III в. н.э. были разрушены Патрей, Тирамба, возможно, Семибратнее городище (Лабрита), облик которого сильно варваризировался, прекратили деятельность сельские поселения близ Фанагории (пос. Водопроводное) и Горгиппии¹⁰⁴. Пострадала и Гермонасса — следы пожара середины III в. н.э. прослеживаются по всему городищу (на основании клада статеров Рескупорида IV его можно датировать 252 г. н.э.)¹⁰⁵.

Постоянные атаки на поселения Азиатского Боспора ослабили власть Ининфимея, и в 242 г. н.э., согласно датированным монетам, на престол вернулся представитель старой династии Тибериев—Юлиев Рескупорид IV. Переправившиеся в Азию готы и другие племена, в том числе аланы, сумели наладить отношения с частью боспорской аристократии и отдельными представителями племенной знати, поддерживавшей боспорцев. В результате этого своеобразного союза при Рескупориде IV к власти в 253/254 г. н.э. снова пришел ставленник варварской коалиции, оседавшей теперь на Боспоре, некто Фарсанз. Боспорская верхушка снова вернулась к практике соправитель-

ства соответственно на европейской и азиатской половинах царства. Однако теперь одним из соправителей выступал представитель аланской группировки. Соглашение боспорцев с варварами было вынужденным: боспорская торгово-ремесленная и землевладельческая знать понимала слабость позиций прежней династии, поскольку римляне уже не имели возможности оказывать ей всестороннюю поддержку, а военно-хозяйственные поселенцы были разгромлены многочисленными отрядами пришлых варваров. Они теперь сами оседали на землю, вытесняя прежнее меото-синдо-сарматское население или смешиваясь с ним. То же происходило в городах Азиатского Боспора: в III в. н.э. Фанагория резко изменила свой прежний греческий облик, так как там стали доминировать сарматские культура и обычаи¹⁰⁶. Соглашение боспорцев с готами, боранами, герулами, аланами способствовало тому, что крупнейшие города Боспора, включая Фанагорию и Кепы, не пострадали во время миграционных войн 234–252 гг. н.э., поскольку варварская коалиция рассчитывала использовать корабли, которые имелись в распоряжении этих приморских городов. На них планировалось совершать грабительские набеги на прибрежные области Причерноморья. И уже в 256–257 гг. н.э. состоялись морские походы варваров-«боспорцев» и «скифов», как их называли римляне, в Восточное Причерноморье, в ходе которых были разграблены Фасис, Питуунт, Трапезунд. Впоследствии эти племена во главе с готами и боранами еще не раз совершали разбойничьи походы на запад и на юг, но это была уже другая эпоха в истории Боспорского царства.

¹ О событиях Диофантовых войн см.: IOSPE I². 352; Strab. VII. 4. 4; подробнее см.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 91, сл.; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. 1955. С. 122–124; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1997. С. 140–148.

² Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 122–143; Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 583.

³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 72; Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. 1965. Т. 5. С. 43; Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. Т. 2. С. 35.

⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 186: первая четверть I в. до н.э.; Шелов Д.В. Материалы... С. 43: 109–100 гг. до н.э.; Голенко К.В. Из истории... С. 28–30: 90–80 гг. до н.э.; ср.: Он же. Несколько

серебряных монет Пантикалея II в. до н.э. со следами перечековки // НЭ. 1968. Т. 7. С. 39–41: 100–90 гг. до н.э.; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 72–74: 100–90 гг. до н.э.

⁵ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 186, 187; Голенко К.В. Из истории... С. 34–35; Шелов Д.В. Материалы... С. 44–45; из последних работ см.: Фролова Н.А., Ireland S. О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатский период (110/109–63 г. до н.э.) // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 232–236: авторы датируют выпуск автономных монет Боспора 96–65 гг. до н.э.

⁶ Frolova N.A. Towards a History of Bosphoran Coinage (Ist Century B.C.) // Ancient Civilizations. 1996. Vol. 3, Fasc. 2–3. P. 159; ср. также: Шелов Д.В. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 47.

⁷ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–200; Сапрыкин С.Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. № 2. С. 181–197; Он

же. Понтийское царство. М., 1997. С. 212, сл.

⁸ Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. Bosphoran Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors (Part II) // Ancient Civilizations. 1996. 3. 1. P. 1, ff.; Kuznecov V.D. L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // BCH. Suppl. 34. 1999. P. 347–349.

⁹ Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 16, сл.

¹⁰ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 39; Он же. Каменское городище на Днепре. М., 1954. С. 29.

¹¹ Гайдукевич В.Ф. История... С. 124; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 318; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 104.

¹² Reinach T. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig; Hildesheim, 1975. S. 67; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 103; Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 46.

¹³ Виноградов Ю.А. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // ТС. 2000. Вып. 3. С. 91.

¹⁴ Olbrycht M. Mithridates VI. Eupator, der Bosphoros und die sarmatische

ства соответственно на европейской и азиатской половинах царства. Однако теперь одним из соправителей выступал представитель аланской группировки. Соглашение боспорцев с варварами было вынужденным: боспорская торгово-ремесленная и землевладельческая знать понимала слабость позиций прежней династии, поскольку римляне уже не имели возможности оказывать ей всестороннюю поддержку, а военно-хозяйственные поселенцы были разгромлены многочисленными отрядами пришлых варваров. Они теперь сами оседали на землю, вытесняя прежнее меото-синдо-сарматское население или смешиваясь с ним. То же происходило в городах Азиатского Боспора: в III в. н.э. Фанагория резко изменила свой прежний греческий облик, так как там стали доминировать сарматские культура и обычаи¹⁰⁶. Соглашение боспорцев с готами, боранами, герулами, аланами способствовало тому, что крупнейшие города Боспора, включая Фанагорию и Кепы, не пострадали во время миграционных войн 234–252 гг. н.э., поскольку варварская коалиция рассчитывала использовать корабли, которые имелись в распоряжении этих приморских городов. На них планировалось совершать грабительские набеги на прибрежные области Причерноморья. И уже в 256–257 гг. н.э. состоялись морские походы варваров-«боспорцев» и «скифов», как их называли римляне, в Восточное Причерноморье, в ходе которых были разграблены Фасис, Питиунт, Трапезунд. Впоследствии эти племена во главе с готами и боранами еще не раз совершали разбойничьи походы на запад и на юг, но это была уже другая эпоха в истории Боспорского царства.

¹ О событиях Диофантовых войн см.: IOSPE I². 352; Strab. VII. 4. 4; подробнее см.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.: Л., 1953. С. 91, сл.; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. 1955. С. 122–124; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1997. С. 140–148.

² Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 122–143; Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 583.

³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 72; Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. 1965. Т. 5. С. 43; Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. Т. 2. С. 35.

⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М.: Л., 1951. С. 186; первая четверть I в. до н.э.; Шелов Д.В. Материалы... С. 43; 109–100 гг. до н.э.; Голенко К.В. Из истории... С. 28–30; 90–80 гг. до н.э.; ср.: Он же. Несколько

серебряных монет Пантикапея II в. до н.э. со следами перечекировки // НЭ. 1968. Т. 7. С. 39–41; 100–90 гг. до н.э.; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 72–74; 100–90 гг. до н.э.

⁵ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 186, 187; Голенко К.В. Из истории... С. 34–35; Шелов Д.В. Материалы... С. 44–45; из последних работ см.: Фролова Н.А., Ireland S. О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатский период (110/109–63 г. до н.э.) // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 232–236; авторы датируют выпуск автономных монет Боспора 96–65 гг. до н.э.

⁶ Frolova N.A. Towards a History of Bosphoran Coinage (Ist Century B.C.) // Ancient Civilizations. 1996. Vol. 3, Fasc. 2–3. P. 159; ср. также: Шелов Д.В. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 47.

⁷ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–200; Сапрыкин С.Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. № 2. С. 181–197; Он

же. Понтийское царство. М., 1997. С. 212, сл.

⁸ Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. Bosphoran Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors (Part II) // Ancient Civilizations. 1996. 3. 1. P. 1, ff.; Kuznecov V.D. L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // BCH. Suppl. 34. 1999. P. 347–349.

⁹ Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 16, сл.

¹⁰ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 39; Он же. Каменское городище на Днепре. М., 1954. С. 29.

¹¹ Гайдукевич В.Ф. История... С. 124; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 318; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 104.

¹² Reinach T. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig; Hildesheim, 1975. S. 67; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 103; Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 46.

¹³ Виноградов Ю.А. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // ТС. 2000. Вып. 3. С. 91.

¹⁴ Olbrycht M. Mithridates VI. Eupator, der Bosphoros und die sarmatische

- Völker // *Kimmerowe, Scytowe, Sarmaci*. Krakow, 2004. S. 339–340.
- ¹⁵ *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 126: следствием враждебности меото-сиракского союза по отношению к грекам Азиатского Боспора стало разрушение Таманского толоса — одного из святилищ Апатур в середине II в. до н.э.
- ¹⁶ Там же. С. 127; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Сиракский союз племен и Боспор // *Скифия и Боспор*. Новочеркасск, 1989. С. 123–125.
- ¹⁷ *Olbrycht M.* Mithridates VI. ... S. 339, ff.
- ¹⁸ *Аппиан* называет Олтака царем колхов (*App. Mithr.* 117), чуть ранее он говорит о некоем скифе Олкабе, замислившем заговор против Лукулла (*Ibid.* 79), что уже давно связывают с плутарховым дандарием Олтаком, так как версия Плутарха об этом царевиче наиболее правдоподобная (*McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 61; *Heinen H.* Mithridates VI Eupator und die Völker des Nördlichen Schwarzmeerraums // *Hamburger Beiträge zur Archäologie*. 1991. 18. S. 162–164).
- ¹⁹ *Heinen H.* Mithridates VI. ... S. 160–161. Страбон надежнее, так как пользовался современной ему традицией. Сарматов римские авторы называли скифами, а поскольку меоты и сарматы-сираки на рубеже эр были значительно ассимилированы друг другом (см. примеч. 15), то путаница в этнической характеристике агаров у Аппиана закономерна. Ведь меоты, скифы и сарматы были ираноязычными племенами (ср. у Диодора имя скифского царя Агара, к которому бежал младший Перисад, сын Сатира, спасаясь от преследований Евмела — *Diod.* XX. 24. Очевидно, это скифский царь, правивший над меотами Прикубанья, не вошедшими в состав государства Спартокидов).
- ²⁰ *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // *Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М., 1990. С. 183–186.
- ²¹ *Шелов Д.Б.* Махар — правитель Боспора // *ВДИ*. 1978. № 1. С. 56–66; *Shelov D.B.* Le royaume pontique de Mithridate Eupator // *JdS*. 1982. Juillet–décembre. P. 263. Е.А. Алексеева (Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 49) явно преувеличивает, полагая, что Митридат Евпатор лично выступил с войском через Северный Кавказ для наказания населения Боспора за неблагонадежность. Этот факт источниками не подтверждается.
- ²² Поначалу *Н.А. Фролова* и *Ст. Айрланд* датировали окончание митридатовского полисного чекана на Боспоре 63 г. до н.э. (*Фролова Н.А., Ireland S.* О хронологии... С. 240, сл.; *Frolova N.A.* Towards... P. 167), однако чуть позднее отодвинули его к 75 г. до н.э. (*Frolova N.A., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom // *BAR Inter. Series 1102*. Oxf., 2002. P. 11–24).
- ²³ Подробно об этом см.: *Сапрыкин С.Ю.* Новая митридатовская катойкия на Боспоре // *ВДИ*. 2006. № 2. С. 79, сл.
- ²⁴ *Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // *ВДИ*. 1982. № 2. С. 113; *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска, М., 1976. С. 69–108; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. М., 1998. С. 100–116; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 273–277.
- ²⁵ *Шевченко Н.И.* Политика Боспора и варвары Прикубанья в I в. до н.э. // *ТС*. 2000. Вып. 3. С. 93–95.
- ²⁶ *Olbrycht M.* Mithridates VI. ... S. 339–341; *Idem.* Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon: Zur Geschichte und Eigenart der Völker im nordpontischen und nordkaukasischen Raum im 2.–1. Jh. V. Chr. // *Klio*. 2001. Bd. 83, Hft. 2. S. 425–450.
- ²⁷ *Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // *Архитектурное наследие*. 1990. № 3 (37). С. 3–11: к середине — концу I в. до н.э. сократилось количество сельских поселений в связи со строительством крепостей, которые вместе с городами составили целостную систему обороны территории царства. Это связано с уменьшением объемов полисного землевладения (*Saprykin S.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods // *Chora und Polis*. München, 2004. S. 208–210).
- ²⁸ Плутарх сообщает, что Митридат скрылся от Помпея в области племен, живущих на Боспоре и вокруг Меотиды, что затрудняло его преследование (*Plut. Pomp.* 35). Это свидетельство о его ориентации на варварские племена азиатской части Боспора и прилегающих земель.
- ²⁹ *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 2007. № 1. С. 229–238.
- ³⁰ *Guyot P.* Eunuchen als Sklaven und Freigelassene in der griechisch-römischen Antike. Stuttgart, 1980. S. 117. Эта ситуация полностью совпадает с той, какую рисует надпись о наемниках из Фанагории от 87 г. до н.э., согласно которой фанагорийское ополчение и митридатовские солдаты выполняли военные задачи совместно. Однако поскольку евнухи были подотчетны царю и имели полномочия наказывать местных командиров, то это указывает на подчиненное положение местных военных и гражданских магистратов по отношению к царским ставленникам.
- ³¹ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. С. 49–50; что касается Патрея, то зарытие клада монет 1950 г. мы ранее связывали с борьбой Митридата и Махара (см.: *Крушккол Ю.С.* Патрейский клад 1950 г. // *КСИИМК*. 1956. Вып. 66. С. 116; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 276), однако обнаружение там монет типа «Дионис-горит», выпускавшихся до 63 г. до н.э., заставляет связать его зарытие с событиями накануне гибели Митридата (*Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет на юге России. М., 2002. С. 237–238; *Захаров Е.В.* Клады времени Митридата VI Евпатора, найденные на поселении Гаркуша I // *Патрей: Материалы исследования*. 2005. Вып. 2. С. 113).
- ³² *Коровина А.К.* Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 65.
- ³³ АГСП. С. 84.
- ³⁴ Е.М. Алексеева (Античный город Горгиппия. С. 50) полагает, что Горгиппия последовала примеру фанагорийцев и отложила от Митридата, обретя политическую свободу.
- ³⁵ *Frolova N.A., Ireland S.* The Coinage... P. 31–32; *Frolova N.A.* Towards... P. 168; ср. *Фролова Н.А., Ireland S.* О хронологии... С. 246–247; ср.: *Голенко К.В.* Из истории... С. 36–

- 40; монеты следует, по-видимому, датировать 63–54 гг. до н.э. (Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 27–29).
- ³⁶ Golenko K., Karyszkowski P. The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosphorus // NC. 1972. 7th series. 12. P. 31–33.
- ³⁷ В единственной дошедшей до нас пока надписи, как полагают, времени Фарнака из Пантикапея говорится, что он, «Великий царь царей Боспора в Европе и в Азии», делает посвящение Зевсу Генарху (КБН 29 = Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 190–192). Она могла быть поставлена сразу после побед на Азиатском Боспоре, а ее посвящение Зевсу Генарху (покровителю рода) обозначало преемственность дела Митридата Евпатора, которому подчинялись земли по обе стороны пролива. Впрочем, надпись очень фрагментарная и может относиться к самому Митридату. Об археологических свидетельствах похода Фарнака на Азиатский Боспор см.: Цветаева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 234.
- ³⁸ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 129; Olbrycht M. Die Aorser... S. 425–430; Горончаровский В.А. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003. С. 142.
- ³⁹ Ср.: Strab. XI. 5. 6–8: области у равнины сираков в предгорьях Кавказа занимали троглодиты, хамакеты, полифаги, селения исадиков — оседлых земледельцев; здесь находилась так называемая Сиракена — область господства сарматов-сираков (Strab. XI. 5. 2). Плиний, использовавший данные середины I в. н.э., говорит о том, что группа сираков и сарматов-эпагерритов обитала к северу от Питунта (совр. Пицунды) (Plin. VI. 16). Во времена Страбона сираки на юге занимали земли до р. Мермод (совр. Терек) и предгорий совр. Чечено-Ингушетии (Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен // СА. 1966. № 4. С. 47).
- ⁴⁰ Heinen H. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums: Festschrift Heinrich Chantraine. Paderborn, 1994. S. 73–78; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 63–67.
- ⁴¹ Подробно об этом см.: Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 68–69.
- ⁴² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 146–148; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. С. 23; Frolova N.A., Ireland S. The Coinage... P. 34–48.
- ⁴³ Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 176–177.
- ⁴⁴ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 107, сл.; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 181.
- ⁴⁵ ОАК за 1888 г. С. I–XII; Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898. С. 21, сл.; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 555–558; Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 17–22, сл.
- ⁴⁶ Гушина И.И., Засеука И.П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 70–150 (Тр. ГИМ; Вып. 70); Щукин М.Б. На рубеже эр. С. 177–178; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 129–130; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен... С. 123–125; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 49–50. О дружинных погребениях на Тамани см.: Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 70.
- ⁴⁷ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология и планиграфия грунтового могильника Старокорсунского могильника городища № 2 // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993. С. 64; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 132.
- ⁴⁸ Н.И. Сокольский связывал гибель усадьбы Хрисалиска с войной между Полемоном I и аспургианами незадолго до 8 г. до н.э. (Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 29). Однако сомнительно, чтобы приближенный царя Асандра, который был свергнут с престола, сумел бы удержаться на своей должности в течение более 7 лет до прихода на Боспор понтийского царя.
- ⁴⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 1. С. 24–41; Frolova N.A., Ireland S. The Coinage... P. 49–52; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 102.
- ⁵⁰ Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 222–224.
- ⁵¹ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 157, сл.
- ⁵² Об этом подробно см.: Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 116–124 с изложением всех фактов за и против; о нумизматических аргументах против «второго правления» Динамии см.: Фролова Н.А. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. — начала I в. н.э. // НЭ. 1989. Т. 15. С. 3–5. В ряду золотых и медных монет последней декады I в. до н.э. не находится места монетам Кесарии и Агриппии, чекан которых связан с правлением Динамии (Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 1. С. 30–53).
- ⁵³ Горончаровский В.А. Между Империей... С. 149; Молев Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности. Харьков, 1995. С. 60, сл.; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н.э. // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9/10. С. 120. По поводу всех точек зрения подробно см.: Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 76, сл.
- ⁵⁴ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 177, сл.; Он же. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 207.
- ⁵⁵ Малышев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // БС. 1994. Вып. 5. С. 70.
- ⁵⁶ Болтунова А.И. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86–91.
- ⁵⁷ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 157–159.
- ⁵⁸ Блаватская Т.В. Рескрипты... С. 202–206; Она же. Аспург и Боспор // СА. 1965. № 3. С. 30, сл.
- ⁵⁹ Heinen H. Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos: (Überschene Berichtungsvorschläge Günther Klaffenbachs und weitere

- Beobachtungen) // ZPE. 1999. 124. S. 133–142; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 160–173.
- ⁶⁰ Отсутствие в этом списке дандариев, область которых вошла в состав Боспора, объясняется тем, что большая их часть переселилась, после того как Фарнак перед походом в Азию затопил их область водами реки Кубани.
- ⁶¹ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С. 47–48.
- ⁶² Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 161; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 159–163; автор полагает, что после 35 г. н.э. и вплоть до 41 г. н.э. часть аорсов оставалась в Армении служить наемниками у проримски настроенных правителей этой страны.
- ⁶³ Болтунова А.И. К надписи IOSPE II. 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 174–175; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 1. С. 84; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 136–141.
- ⁶⁴ Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana: Acta archaeologica. Sofia, 1963. P. 16; Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 30.
- ⁶⁵ Онайко Н.А. Погребение воинов у поселка Мысхако // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 82–86; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 254; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 168; предположение, что укрепления Азиатского Боспора погибли во время войны Митридата и Котиса в 45–49 гг. н.э. не может быть принято, поскольку еще Н.А. Онайко указывала, что укрепления в районе Бат, скорее всего, погибли во второй половине I в. н.э. (Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты... С. 120), а находки монет, включая статер Котиса I от 49 г. н.э., только подтверждают это. Гибель таманских «батареек» датируется концом I – началом II в. н.э., а не годами борьбы двух братьев в середине I в. н.э. (АГСП. С. 89).
- ⁶⁶ Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. 2001. Вып. X. С. 206–208.
- ⁶⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 134; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 241.
- ⁶⁸ Каменецкий И.С. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000. С. 133, 134.
- ⁶⁹ Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 161.
- ⁷⁰ Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37–71; Ждановский А.М., Марченко И.И. К вопросу о периодизации раннего железного века Прикубанья // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989. С. 9.
- ⁷¹ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 138; Щукин М.Б. На рубеже эр. С. 206–208.
- ⁷² Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 240–241.
- ⁷³ Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э.: (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 83; Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians, 600 BC – AD 450 // Men-at-Arms. 2002. 373. P. 10–12.
- ⁷⁴ Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44; Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 61, сл.
- ⁷⁵ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 154–157; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 1. С. 120–124.
- ⁷⁶ Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 114; Он же. К истории... С. 18; Он же. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 184; Он же. Таманский толос... С. 113; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты... С. 119–121; АГСП. С. 86–92; Яценко С.А. Аланы... С. 86.
- ⁷⁷ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 54.
- ⁷⁸ Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. СПб., 1918. С. 161.
- ⁷⁹ Щукин М.Б. На рубеже эр. С. 208; Десятчиков Ю.М. Сарматы... С. 70; Гущина И.И., Засеужкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 38–40.
- ⁸⁰ Сапрыкин С.Ю. Энкомий... С. 68–70; Он же. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 213–215.
- ⁸¹ Яйленко В.П. Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 216–220; Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // ДГВЕ. М., 1999. С. 209–213.
- ⁸² См. подробно: Габуев Т.А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999. С. 37, сл. Об участии боспорцев: Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1907. С. 114.
- ⁸³ Об историчности Евбиота и Левкатора см.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 106; Яценко С.А. Аланы... С. 86; отождествляет их соответственно с Рескупоридом I и Савроматом I; ср., однако: Сапрыкин С.Ю. Энкомий... С. 58.
- ⁸⁴ Зубарь В.М. О так называемой «тавро-скифской» войне в истории Ольвии // РА. 1997. № 2. С. 85–90; Иванчик А.И., Крапивина В.В. Римский военный диплом из Ольвии // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 200–203.
- ⁸⁵ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 108.
- ⁸⁶ Сапрыкин С.Ю., Баранов И.А. Греческий надпись из Судака // Археология. 1995. № 2. С. 138.
- ⁸⁷ Болтунова А.И. Надписи Горгипнии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. С. 48.
- ⁸⁸ Сапрыкин С.Ю. Из эпиграфики Горгипнии // ВДИ. 1986. № 1. С. 72.
- ⁸⁹ Ср. у Лукиана (Lucian Tox. 54) о Евбиоте (Евпаторе), который ἀγων λαοῦσι μὲν τοὺς Ἕλληνας, т.е.

привел с собой «поголовное ополчение эллинов». Об ополчении на Боспоре в римское время подробно см.: Сапрыкин С.Ю. Энкомий... С. 79–80.

⁹⁰ Болтунова А.И. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // *Eirene*. 1968. Вып. 7. С. 72.

⁹¹ Она же. Подпись под статуей из Горгиппии // *СА*. 1958. № 38. С. 115; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 61, 62.

⁹² Смирнова Н.В. Наместники Горгиппии // *ДБ*. 2001. Вып. 4. С. 359.

⁹³ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 2006. № 1. С. 160, сл.

⁹⁴ *Noy D. Foreigners at Rome*. Swansea, 2002. P. 291.

⁹⁵ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 2007. № 1. С. 229–238.

⁹⁶ Завойкина Н.В. Надписи из района Патрейского городища // Патрей: Материалы исследования. М., 2005. Вып. 2. С. 120.

⁹⁷ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 2. М., 1997. С. 7; Анохин В.А. История... С. 160.

⁹⁸ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. № 656–665.

⁹⁹ Он же. История... С. 162; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 2. С. 225; не исключено, что он сменил Котиса III в один и тот же год — 233 г. н.э.

¹⁰⁰ Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М., 1990. С. 9–14; Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры //

Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006. С. 242.

¹⁰¹ Анохин В.А. История... С. 162; Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. С. 63; Яценко С.А. Знаки-тамги... С. 49.

¹⁰² Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 36–38; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 76.

¹⁰³ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 16; Алексеева Е.А. Античный город Горгиппия. С. 75; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 27.

¹⁰⁴ АГСП. С. 86–90.

¹⁰⁵ Коровина А.К. Гермонасса... С. 78.

¹⁰⁶ Кобылина М.М. Фанагория // *МИА*. 1956. № 57. С. 85–93.

Часть IX

АЗИАТСКИЙ
БОСПОР
В ПОЗДНЕ-
АНТИЧНОЕ
И РАННЕ-
ВИЗАНТИЙСКОЕ
ВРЕМЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

Наступление готов в середине III в. н.э., затронувшее Азиатский Боспор в меньшей мере по сравнению с европейским¹, породило внутренний кризис в Боспорском царстве. Мнения о восстановлении Боспора в качестве римской провинции, основанные на интерпретации надписи Валерия Аврелия Сога (305–306 гг.)² или на факте прекращения боспорской монетной чеканки около 341–342 гг.³, весьма гипотетичны. Не затронули Азиатский Боспор, если таковые были, и херсонесско-боспорские войны (вторая половина III – начало IV в.), о которых сообщает Константин Багрянородный⁴, основываясь на локальной херсонесской историографии. Также сразу следует отметить, что те события, которые можно более или менее точно локализовать, связаны с восточным берегом Керченского пролива, в то время как география расселения различных народов в Прикубанье источниками практически не освещается⁵.

Наиболее ранними для рассматриваемого периода являются сведения о Боспорской Церкви. Предание о мученической кончине апостола Симона Кананита в Боспоре сформировалось уже к IV–V вв. и жило вплоть до IX столетия⁶. Епископ Кадм (по другим спискам – Домн) участвовал в 325 г. в I Вселенском соборе в Никее⁷. Другой безымянный боспорский епископ прибыл в 344 г. на несостоявшийся собор в Никомидию⁸. Судя по полному отсутствию упоминаний о епископских кафедрах на восточном берегу Керченского пролива до VI в., можно предполагать, что в церковном отношении Азиатский Боспор находился под властью боспорского епископа – иерарха Боспорского царства.

Первым прямым литературным свидетельством о дипломатических связях Боспора с Римской империей в IV в. является сообщение Аммиана Марцеллина (ок. 330–395 гг.) в его сочинении «Римская история» (Аmm. Marc. XXII. 7. 10), отнесенное им к 362 г.: «С севера и пустынных пространств, по которым впадает в море Фазид, ехали посольства боспорцев и других, неведомых ранее народов, с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли»⁹. Независимо от решения вопроса о финансовых взаимоотношениях Боспора и Рима, очевидно, что боспоряне стремились возобновить союзнические отношения с империей. Более того, указание на народы к востоку от Боспора свидетельствует о том, что причины поисков такого союза следует искать в проблеме на восточном берегу Керченского пролива. Н.Н. Болгов включает гуннов в состав посольства, основываясь на том, что другие возможные его участники – аланы, были давно известны римлянам¹⁰. Однако Аммиан Марцеллин ясно указывает на народы «до Фасиса», т.е., вероятно, на абхазо-адыгские племена и, возможно, иберов. Таким образом, нет оснований для отказа от традиционного предположения¹¹ о связи посольства к императору Юлиану с гуннской угрозой в 370-х годах (см. ниже), хотя и оно также гипотетично.

Аммиан Марцеллин (XXII. 8. 30–31) дает такие краткие сведения об Азиатском Боспоре: «Неподалеку отсюда лежит Меотида, занимающая весьма большое пространство. Много воды из ее обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат острова Фанагур и Гермонасса, застроенные стараниями греков. Вокруг этих крайних и отдаленных болот обитает множество народов, весьма различных между собой по языку и обычаям: яксаматы, меоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы, у которых находятся обильные залежи камня адаманта. За этими народами еще дальше обитают другие, нам неведомые, так как они живут дальше всех вглубь материка». С одной стороны, на примере

этого пассажа хорошо видно, насколько неточны данные историков о географическом положении варварских народов вдали от греческих колоний. С другой — информация автора о самом Азиатском Боспоре крайне важна: отсюда мы заключаем, что в последней четверти IV в. этот регион состоял из островов, на которых находились, в частности, продолжавшие свое существование античные Фанагория и Гермонасса (см. также ниже), хотя эту информацию нельзя считать стопроцентно достоверной. Кроме того, важно отметить новое фонетически искаженное название города Фанагория — Фанагур, который встречается позже у разных византийских авторов (см. ниже).

Согласно Аммиану Марцеллину (XXXI. 3. 1¹²), война между гуннами и аланами в 360-х годах происходила к северу от Азиатского Боспора, ближе к устью Дона, после чего гунны двинулись дальше на запад. Однако многие византийские историки сообщают об их переправе через Боспор Киммерийский: Зосим (V–VI вв.; Новая история. IV. 20. 3¹³), Созомен (середина V в.; Церковная история. VI. 37. 3–4¹⁴), Прокопий Кесарийский (середина VI в.; О войнах. VIII. 5. 7–11¹⁵) и, по-видимому, Агафий Миринейский (ок. 532 г. — ок. 580 г.; Истории. V. 11. 2–3¹⁶). Три последних автора приводят легенду о переплывшем пролив олене, вслед за которым переправились и гунны. А.В. Гадло оправданно указал на фольклорный характер этого сюжета¹⁷. Иордан (Гетика 124) не уточняет, где гунны перешли «Меотидское озеро», а Евнапий Сардский (ок. 345 г. — после 414 г.; фр. 42¹⁸) вообще умалчивает об их маршруте (вопреки мнению Н.Н. Болгова¹⁹, он говорит о том, что неизвестна их родина, а не путь). Итак, сведения о столь впечатляющей переправе гуннов через Боспор Киммерийский появляются только у авторов второй половины V–VI в. н.э., и это изменение пути не влияет на дальнейший ход событий: гунны все равно вступают в битву с готами. Не исключено, что со временем в сочинениях византийских историков реальный (или, по крайней мере, более правдоподобный) переход гуннов через Дон-Танаис у его впадения в Меотиду превратился в переправу через «устье Меотиды». Обе эти версии невозможно согласовать, так как Аммиан Марцеллин (XXXI. 2. 21) ясно говорит, что аланы доходили до Азовского моря и Керченского пролива только во время грабительских набегов. Вероятно, что в основе позднего рассказа о переправе через Боспор лежит готская легенда (на что указывает Прокопий, см. выше), призванная объяснить, как гунны попали на Керченский полуостров, Зосим заменяет ее «рациональным» объяснением о повышении уровня танаисского ила в проливе (см. выше).

Такая несогласованность сообщений ранневизантийских авторов ставит под сомнение и другие важные для Азиатского Боспора сведения Прокопия (О войнах. VIII. 5. 1–4): «В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех... Так и в мое еще время они наименовались одни утигурами (οὐτίγουροι), другие кутригурами (κουτρίγουροι). Они все жили в одном месте, имея одни и те же нравы и образ жизни, не имея общения с людьми, которые обитали по ту сторону «Болота» и его устья, так как они никогда не переправлялись через эти воды, да и не подозревали, что через них можно переправиться; они имели такой страх перед этим столь легким делом, что даже никогда не пытались его выполнить, совершенно не пробуя даже совершить этот переезд»²⁰. Вероятно, что лежащая в основе этого сообщения Прокопия информация основана на реальных фактах, однако установить, где действительно жили гунны: на азиатском берегу Керченского

Рис. 1. Феодосий I (379–395). Миссорий, деталь. Мадрид. Королевская академия истории

пролива или севернее, ближе к устью Дона, определить не представляется возможным, основываясь лишь на этом сообщении.

О вероятной стабильности на Боспоре в 380-х годах говорит и свидетельство Фемистия (ок. 317 г. — ок. 388 г.; о том, что должно взирать не на места, а на мужей, Themist. 336D): «Посмотри на хлебозовов, что они плывут в Египет, Фракию, Боспор и Херсонес»²¹. Косвенно про заботу империи о восточной границе (а значит, и об Азиатском Боспоре, если только речь здесь идет о Боспоре Киммерийском) говорят и другие слова Фемистия (К Феодосию, 186B), обращенные к императору Феодосию (рис. 1): «Но и такое подвластное им государство сохранили они намного более целым и невредимым от Боспора до Тигра»²².

Следующее событие в истории Азиатского Боспора литературные источники относят, по всей видимости, только ко второй — третьей трети V в.²³ Прокопий Кесарийский (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 17–21) указывает на возвращение части гуннов, которых он называет утигурами (по всей видимости, ретроспективно), через Крым на Боспор Киммерийский и их столкновение с готами-тет-

ракситами: «Утигуры со своим вождем решили вернуться домой с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним. Недалеко от Меотийского Болота они встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих щитов против наступавших на них гуннов, решились отражать их нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций: они ведь были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья Меотийского Болота, где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон, и поэтому дает для наступающих против них один, и при этом не очень широкий, путь. Но потом (так как ни гунны не хотели тратить здесь на них время, ни готы никак не могли надеяться с достаточным успехом сопротивляться такой массе врагов) они вступили друг с другом в переговоры, с тем, чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они решили, что готы поселятся на противоположном материке у самого берега пролива, там, где они живут и теперь, и, став на дальнейшее время друзьями и союзниками утигуров, будут жить там все время, пользуясь с ними равными и одинаковыми правами»²⁴. Таким образом, на территории Таманского полуострова в последней четверти V столетия появляются готы-тетракситы, которые, согласно Прокопию, жили там и в середине VI в. (см. ниже)²⁵. Неясно лишь, отвоевали ли готы эту территорию, или туда никто не вселился после ухода гуннов в 370-х годах: в последнем случае она могла принадлежать каким-то остаткам гуннов и рассматриваться как их древнее владение.

Возможно, часть готов обитала и южнее Таманского полуострова. С сообщением Прокопия интересно сопоставить информацию анонимного «Перипла Понта Эвксинского»: «... до Синдской гавани, которая теперь называется Евдусия... От Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкетами или торитами, а ныне живут так называемые евдусиане, пользующиеся готским и таврским языком»²⁶. Анонимный автор перипла черпал информацию у предшественников-географов, дополняя их своими сведениями. Данный пассаж не заимствован ни из

одного источника анонима, а принадлежит ему самому, т.е. был создан в промежуток времени между серединой VI — серединой IX в. Может создаться впечатление, что этноним «евдусиане» не исконный (в пользу этого может говорить уточнение «так называемые») и является производным от топонима Евдусия. Однако Тациту (Тас. Герм. 40) было известно германское племя евдосов (вероятно, предки ютов), так что связь здесь может быть обратной: топоним из этнонима²⁷. Возможное германское происхождение евдусиан хорошо согласуется с тем, что они (в отличие от их предшественников керкетов-черкесов) говорили на готском (т.е. германском) языке. Однако в контексте событий середины V в. важнее упоминание о двуязычии евдусиан: поскольку к середине I тысячелетия уже нигде не фиксируется остатков таврского языка, то логично видеть здесь язык тюркский (превращенный в таврский по любимому византийцами принципу архаизации). В таком случае мы можем предполагать смешение какого-то тюркского народа (возможно, и гуннов) с готским населением Прикубанья.

Прокопий (Procop. Caes. De bell. I. 12) сообщает и о конце Боспорского царства в 518—527 гг.: «Басилевс Юстин... отправил племянника прежнего басилевса, Анастасия, патрикия Прова с большими деньгами в Боспор, чтобы, склонив дарами войско гуннов, послать их на помощь в качестве союзников ивирам. Боспор — город приморский; кто впадает в так называемый Понт Эвксинский, для того он находится налево, а от Херсона, самого отдаленного города римской земли, он находится на расстоянии двадцати дней пути. Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами. Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть басилевса Юстина. Однако Пров возвратился оттуда, не достигнув своей цели, и басилевс отправил в Лазикю военачальника Петра с небольшим количеством гуннов, чтобы он, насколько возможно, помог Гургену»²⁸ (рис. 2).

Вопрос здесь заключается в том, произошел ли переход Боспора под власть империи до или после событий, в описание которых Прокопием вставлено упоминание о присоединении Боспора: речь идет о неудачной попытке подключить крымских гуннов к византийско-иверскому союзу против Персии ок. 523 г. Некоторые исследователи, не приводя аргументов, склоняются ко второму варианту²⁹, однако в пользу первого говорит отсутствие упоминания о переговорах с боспорянами и отсутствие уточнения о последующем подчинении Боспора империи. Хотя оба этих аргумента *ex silentio* косвенные, более вероятным представляется факт присоединения Боспора к Византии до 523 г. С этими событиями может быть

связано и первое упоминание епископской кафедры в Фанагории под 519 г.³⁰ (см. ниже). Впрочем, Азиатский Боспор эти события могло затронуть в меньшей мере, так как о протекторате крымских гуннов над ним ничего неизвестно.

К сожалению, характер этого присоединения остается неясным (рис. 3). Дело в том, что византийский гарнизон в Боспоре был размещен только при императоре Юстиниане в 527/8 г., как об этом сообщает Иоанн Малала (ок. 490—570-е годы; Ioan. Mal. 432): «В том же городе (Боспоре — А.В.) он (император Юстиниан — А.В.) разместил отряд римских солдат, которые были италийцами, называемыми испанцами. Дал он им и трибуна

Рис. 2. Юстин I (518—527).
Тремиссий. Дамбартон Оукс

с тем, чтобы он нес охрану вместе с ними»³¹. Частично опирающийся на Малалу Феофан Исповедник (начало IX в.; Theoph. Chronogr. 175³²) уточняет имя трибуна — Далматий³³. Таким образом, вероятно, что присоединение к империи при Юстине произошло по инициативе самих боспорян, в то время как реальную военную защиту Боспора Византия смогла обеспечить несколько позже (в 527/8 г. или незадолго до этого)³⁴, так как в действительности город находился под гуннским протекторатом (см. ниже). По-видимому, именно это имел в виду Прокопий Кесарийский, когда в другом сочинении (Procop. Caes. De aed. III. 7. 12) говорит о присоединении города Боспор при Юстиниане: «Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян»³⁵; он повторяет эту мысль и в речи армянских послов к персидскому шаху (Procop. Caes. De bell. II. 3. 40): «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?»³⁶ В другом месте (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 26) Прокопий Кесарийский говорит об этом более абстрактно: «За этими племенами (скифами и таврами. — А.В.) расположен приморский город по имени Боспор, не так давно ставший подчиненным римлянам»³⁷.

Конец гуннского протектората над Боспором стал, как ни странно, следствием союза Византии с крымскими гуннами, подкрепленного крещением гуннского вождя Грода (или Горда), который должен был охранять Боспор (ср. Procop. Caes. De bell. II. 3. 40). Однако после того как Грод был убит своими соотечественниками-язычниками, Юстиниан послал против гуннов войско по морю и по суше и установил в Боспоре чисто римское правление. Судя по упоминанию морского похода, речь идет о весне—лете 528 г.

Насколько эти события, разворачивавшиеся на европейском берегу Керченского пролива, повлияли на Азиатский Боспор? Надпись Юстиниана (см. главу «Ранневизантийская эпиграфика») показывает, что и азиатский берег был включен в строительную программу Юстиниана³⁸ и, соответственно, в систему римского управления. Однако вполне вероятно, что произошло это несколько позднее 527/8 г.³⁹

Важным событием для Азиатского Боспора середины VI в. стало посольство готов в Константинополь, которое описывает Прокопий Кесарийский (О войнах. VIII. 4. 9–13): «Рядом с теми местами, откуда начинается устье “Болота”, живут так называемые готы тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон... Принадлежали ли эти готы когда-нибудь к арианскому исповеданию, как и все другие готские племена, или в вопросах исповедания веры они следовали другому какому-нибудь учению, этого я сказать не могу, так как и сами они этого не знают, да и не задумывались над этим: но донныне с душевной простотой и великой безропотностью чтут свою веру. Незадолго перед этим, а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления императора Юстиниана, они прислали к Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем, незадолго перед тем умер: они узнали, по их словам, что и абасгам император прислал священника [т.е. епископа. — А.В.]. Император Юстиниан, очень охотно исполнив их просьбу, отпустил их. Эти послы вследствие страха перед гуннами-утигурами открыто, в присутствии многочисленных слушателей, говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявили императору, кроме просьбы о назначении священнослужителя, но в беседе совершенно тайной, встретившись с

Рис. 3. Юстиниан I (527–565).
Миллиарисий. Северное
Причерноморье (?).
Частная коллекция

Рис. 4. Юстиниан I (527–565).
Тремиссий. Северное
Причерноморье (?).
Частная коллекция

глазу на глаз, они изложили все, насколько Римской империи будет полезно, если соседние с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом»⁴⁰ (рис. 4). Посольство это датируется 548 г., а страх готом перед гуннами-утигурами связан, по всей видимости, с вышеупомянутыми событиями 527/8 г. Забота о готской кафедре могла входить в программу Юстиниана по устройству епископий в Восточном Причерноморье и сопровождаться возобновлением древних христианских центров (подробнее см. в разделе «Ранневизантийская эпиграфика»). Впрочем, в истории самой готской кафедры много неясного. Во-первых, непонятно, следует ли считать, что это та же самая готская епископия, которая была учреждена свт. Иоанном Златоустом в Крыму в конце IV в.⁴¹; если так, то значит, кафедра переместилась вместе с готами-тетракситами в середине V столетия с западного берега Боспора на восточный. Во-вторых, встает вопрос, почему готы снарядили посольство в Константинополь и где они брали епископа раньше: подчинялся ли он епископу Боспора, как иерарху Боспорского царства, или поставлялся в Константинополе (тогда непонятна ссылка на прецедент Абхазии), а посольство Прокопий отмечает по политическим причинам.

Также Прокопий (О войнах. VIII. 5. 28) говорит о прерванном в середине VI в. континуитете в существовании двух городов Азиатского Боспора — Фанагории и Кеп, — которые он, правда, почему-то связывает не с Боспором, а с Херсонесом: «Два других небольших городка поблизости Херсона, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания»⁴². Неясно, связано ли это событие с готским посольством 548 г. (см. выше), но оно заставляет предполагать сосуществование готом и ромеев на Азиатском Боспоре VI в. Форма Фанагурия (см. также выше) встречается в дальнейшем у Феофана Исповедника (Theoph. Chronogr. 357. 373) и Георгия Кедрина (Georg. Cedr. I. 779).

Это драматическое происшествие скорее связано с тем, что где-то после 560 г. к Боспору Киммерийскому вышли авары⁴³, о чем сообщает Евагрий Схоластик (конец VI в.; Церковная история. V. 1. 3): «А авары — племя скифское, жившее в кибитках и кочевавшее на равнинах по ту сторону Кавказа. Убежав от соседей своих турок, которые нападали на них, они пришли к Босфору; потом, оставив берег так называемого Евксинского Понта, где по всему пространству обитают варварские народы (хотя были здесь города, крепости и гавани, построенные римлянами, когда в этих местах поселялись либо неспособные к службе воины, либо получали оседлость высылаемые царями переселенцы),

шли вперед, сражаясь на пути со всеми варварами, пока, наконец, достигли берегов Истра и отправили посольство к Юстиниану»⁴⁴. Если следовать этому сообщению, то авары двигались с Кавказа и для того, чтобы выйти к Керченскому проливу, должны были пройти через Азиатский Боспор.

Согласно Евагрию, авары бежали перед натиском тюрков, которые действительно появляются с азиатского берега у стен Боспора в 576 г. Под этим годом Менандр Протиктор (конец VI в.; *Maen. Prot. De legat. 14*) пишет следующее: «Итак, там, на горе Эктел, после ухода Валентина, Турксанф (вождь тюрков. — *А.В.*) пригрозил тотчас же осадить Боспор. И вот, когда тюрки выступили с огромными силами, он послал Бохана, чтобы взять Боспор, притом, что Анагей (вождь гуннов. — *А.В.*) уже расположился там лагерем с другим тюркским войском. Так был взят город Боспор...» (рис. 5). Эта же история изложена у Суды (X в.; *Suda. s.vv.*) в весьма странном виде: «Боспор — город на Геллеспонте, который тюрк Бохан разорил при императоре Юстиниане... Бохан — имя собственное: он был вождем тюрков, который при Юстиниане разорил Боспор». Вероятно, Суда (или его источник: эти сведения повторяются и у Псевдо-Зонары, XIII в.; *Suda. s.vv.*) допустил двойную путаницу, смешав два Боспора и Тиберия с Юстинианом. По всей видимости, этому тюркскому нападению уже предшествовал некий экономический кризис (причем во всем Восточном Причерноморье), так как в предыдущем 575 г. император Тиберий своей новеллой освободил Боспор и Херсон от морской повинности: «Подобным же образом и в отношении так называемых корабельных налогов на товары в стране лазов, Боспоре и Херсонесе»⁴⁵. Тюркский разгром, впрочем, не был окончательным, о чем свидетельствует надпись императора Маврикия 589–590 гг. (см. часть IX, гл. 3) (рис. 6). Однако византийские литературные источники, начиная с этого времени, долго не сообщают ничего о Боспоре.

Подводя итог, можно отметить, что письменные источники по истории Боспора в IV–VI вв. не столько малочисленны, сколько кратки, фрагментарны и противоречивы. Они сообщают нам только о ключевых моментах истории Азиатского Боспора: о посольстве боспорян к императору Юлиану в 362 г., о переходе гуннов в Европу в 370-х годах, их возвращении и переселении готов-тетракситов на Таманский полуостров во второй — третьей трети V в., о присоединении Боспора к империи: предварительном — в 518–527 гг. и окончательном — в 528 г., и, наконец, о приходе аваров в середине VI в. и тюрков — в 570-х годах. Все эти события связаны с внешними угрозами Боспору (в том числе и Азиатскому), а внутренняя история региона остается практически неизвестной. С другой стороны, большинство этих событий хорошо увязываются между собой (в том числе в рамках Великого переселения народов) и согласуются с археологическими и эпиграфическими данными.

Рис. 5. Тиверий II (574–582).
Солид. Северное Причерноморье (?).
Частная коллекция

Рис. 6. Маврикий (582–602).
Солид. Северное Причерноморье (?).
Частная коллекция

- ¹ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 27.
- ² См.: Там же. С. 36.
- ³ Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. 5. С. 268.
- ⁴ *Const. Porph. De adm. imp.*
- ⁵ За исключением одного места у Прокопия Кесарийского (О войнах. VIII. 4. 7–9), где он говорит о стране гуннов Евлисии (Εὐλυσία), простиравшейся от земель сагинов до Меотиды и Танаиса.
- ⁶ Виноградов А.Ю. Предания об апостольской проповеди на восточном берегу Черного моря // Богословские труды. М., 2007. Т. 41. С. 260–271.
- ⁷ *Hierarchia ecclesiae orientalis*. Vol. 1 / A cura di G. Fedalto. Padova, 1996. P. 391.
- ⁸ Созомен. Церковная история. IV. 16. 5.
- ⁹ Изд. текста: *Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth et al. Lpz., 1978. Vol. I; пер. цит. по: Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005. С. 265.
- ¹⁰ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 42.
- ¹¹ См.: Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история: (Сб. статей). М., 1985. С. 242–260.
- ¹² Отголосок этого рассказа можно услышать и в словах Филосторгия (Philost. Hist. eccl. XI. 8), который, возможно, смешивает сведения о переходе гуннами Дона и их вторжении на Кавказ: «А другие (гунны. — А.В.), перейдя Танаис и вторгшись на Восток» (изд. текста: *Philostorgius. Kirchengeschichte*. 3. Ausg. / Hrsg. von F. Winkelmann nach J. Bidez. B., 1981. S. 120. (Die griechischen christlichen Schriftsteller); здесь и далее в тех случаях, где это специально не оговаривается, перевод принадлежит автору раздела).
- ¹³ «И я нашел рассказ о том, как от сносимого из Танаиса ила наполнившись землей, Киммерийский Боспор дал им (гуннам. — А.В.) возможность пешком перейти из Азии в Европу» (изд. текста: *Zosime. Histoire nouvelle*. P., 1979. Vol. 2. 2 / Ed. F. Paschoud. P. 279–281).
- ¹⁴ «Народ гунны, говорят, не были известны ни прежним пристрийским фракийцам, ни самим готам. Сходясь своими границами, они не знали один другого потому, что между ними лежало величайшее озеро и что каждый, населяя свой берег, почитал его концом земли, за которым уже море и беспредельное пространство вод. Но случилось, что один укушенный оводом вол перешел чрез озеро и что за ним следовал пастух, который, на другой стороне увидев землю, возвестил о том своим единоплеменникам. А иные рассказывают, что дорогу, по поверхности закрытую водою, показал гуннам олень, за которым они гнались. Подивившись стране, отличавшейся умеренностью воздуха и богатством плодов, они тогда возвратились и возвестили царю своего народа о том, что видели. Первый опыт войны их против готов был в малых силах, но потом, вооружившись всем своим могуществом, они разбили своих соседей и взяли всю их землю» (пер. цит. по: Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851. С. 464–465).
- ¹⁵ «По их (готов-тетракситов. — А.В.) рассказам, если только это предание правильно, однажды несколько юношей киммерийцев, предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань: она, убегая от них, бросилась в эти воды. Юноши из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества, последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло (мне кажется, оно явилось только с той целью, чтобы причинить несчастье живущим там варварам); но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи. Вернувшись возможно скорее в отеческие пределы, они тотчас же поставили всех киммерийцев в известность, что для них эти воды вполне проходимы. И вот, взявшись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления "Болото" и оказались на противоположном материке. В это время вандалы уже поднялись с этих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании. И вот киммерийцы, внезапно напав на живших на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство» (изд. текста: *Procopii Caesariensis opera omnia*. Lpz., 1963. Vol. 2 / Ed. G. Wirth (post J. Naury). P. 504–505; пер. цит. по: Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950. С. 386). Относительно передачи этого сообщения Прокопия см. ниже, примеч. 23.
- ¹⁶ «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами (Κοτρίγουροι), другие — утигурами (Ουτίγουροι), некоторые — ультизурами (Ουλτίζουροι), прочие — вуругундами (Βουρούγουνδοι). Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением» (изд. текста: *Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque* / Ed. R. Keydell. B., 1967 (Corpus fontium historiae Byzantinae, 2. Series Berolinensis); пер. цит. по: Агафий Муринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М., 1996. С. 184).
- ¹⁷ Галло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 16.
- ¹⁸ Изд. текста: *Historici Graeci minores*. Lpz., 1870. Vol. 1 / Ed. L. Dindorf. P. 205–274.
- ¹⁹ См.: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 45.
- ²⁰ Изд. текста: *Procopii...* Vol. 2. P. 503; пер. цит. по: Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 386
- ²¹ Изд. текста: *Themistii orationes quae supersunt*. Lpz., 1965. Vol. 1 / Ed. H. Schenkl, G. Downey. P. 160.
- ²² *Themistii...* P. 269 (если только речь идет не о Босфоре Фракийском).
- ²³ Возможно, что гунны переправлялись через Керченский пролив во время своего похода на Персию в 440-х годах (см.: Галло А.В. Этническая история... С. 49). С другой стороны, попытка М.Б. Щукина (Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 435) отнести данное событие,

- согласно указанию Прокопия (см. выше, примеч. 15) об уходе вандалов и визиготов, ко времени вскоре после 430 г. представляется неубедительной, так как, во-первых, этим периодом у Прокопия датируется на самом деле переселение гуннов на Запад, которое описано уже Созоменом в V в. (см. выше), а во-вторых, тот же Прокопий (см. ниже) говорит, что гунны жили в Крыму уже в царствование Юстина.
- ²⁴ Изд. текста: Procopii... Vol. 2. P. 506–507; пер. цит. по: Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 386.
- ²⁵ Характерно, что Астерий Амасийский (Aster. Amas. Hom. IX. 12. 2) называет всех жителей Крыма, Азовского побережья, Боспора и до Фасиса скифами.
- ²⁶ Marcotte D. Géographes grecs. P., 2000. T. 1: Introduction générale. Ps.-Scymnos, Circuit de la terre. P. 130.
- ²⁷ См.: Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. 1991. 11. P. 497–499. Ср. также примеч. 5.
- ²⁸ Этот пассаж Прокопия цитирует и Константин Багрянородный (О посольствах. Из Прокопия. 6). Интересно, что патриарх Фотий (Библиотека 63), рецензируя Прокопия, пишет, что Юстину подчинились все гуннские народы от Херсонеса до Боспора.
- ²⁹ См. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 62.
- ³⁰ Hierarchia... P. 391–392.
- ³¹ Изд. текста: Ioannis Malalae chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1831 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae); пер. цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. СПб., 1998. С. 469–470.
- ³² «Юстиниан отправил туда же (в Боспор. — А.В.) [арифм ромейских стратиотов] и трибунов для охранения этого города и собирания положенной дани с гуннов» (изд. текста: Theophanis chronographia. Lpz., 1883. Vol. 1 / Ed. C. de Boor (repr. Hildesheim, 1963); пер. цит. по: Летопись Феофана Византийца / Пер. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского. М., 1884. С. 137).
- ³³ Кедрин (Свод историй, 527/8 г.) искажает его в «трибуна Далмации».
- ³⁴ Указание А.В. Гадло (Этническая история... С. 81) и Н.Н. Болгова (Закат античного Боспора. С. 62) на высадку войск на Боспоре и его включение в состав империи в 533/4 г. явно является ошибкой, так как у последнего приводятся те же ссылки на Малалу и Феофана.
- ³⁵ Изд. текста: Procopii Caesariensis opera omnia. Lpz., 1964. Vol. 3. 1. / Ed. G. Wirth (post J. Haury). P. 101; пер. цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с готами: О постройках / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1996. С. 224.
- ³⁶ Изд. текста: Procopii Caesariensis opera omnia. Lpz., 1963. Vol. 1 / Ed. G. Wirth (post J. Haury). P. 101; пер. цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с персами... С. 79.
- ³⁷ Изд. текста: Procopii... Vol. 2. P. 508; пер. цит. по: Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 384–385.
- ³⁸ См. выше примеч. 34.
- ³⁹ Мы опускаем здесь описания утигурско-кутригурских войн, поскольку они не затронули Азиатский Боспор, кроме как в виде участия в первой из них готов-тетракситов, которые, видимо, принесли домой богатую добычу (Procop. Caes. De bell. VIII. 18–19).
- ⁴⁰ Изд. текста: Procopii... Vol. 2. P. 501–503; пер. цит. по: Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 388.
- ⁴¹ Johan Chrys. Ad Olymp. IX. 5.
- ⁴² Изд. текста: Procopii... Vol. 2. P. 508; пер. цит. по: Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 388.
- ⁴³ Многие ученые (см.: Гадло А.В. Этническая история... С. 81) предполагали, что города разрушили гунны-утигуры, однако византийские источники об их появлении на Азиатском Боспоре не сообщают.
- ⁴⁴ Изд. текста: The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898 (repr. N.Y., 1979); пер. цит. по: Евагрий Схоластик. Церковная история / Пер. СПб. духовной академии, пересмотрен и исправлен В.В. Серповой. М., 1997. С. 192.
- ⁴⁵ Изд. текста: Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum / Ed. G.E. Zachariae a Lingenthal (Jus graecoromanum. 3). Lipsiae, 1857. P. 23; см.: Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. 1927. Вып. V. С. 183; ср. также: Юстиниан. Новеллы 163.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

Ранневизантийские надписи Кубани и Таманского полуострова, несомненно, являются важным источником по истории региона, документированной не слишком подробно. Они не только пополняют его ономастикон и топонимикон, но и сообщают о важных событиях в истории региона. Впрочем, эти эпиграфические памятники немногочисленны (6 несомненных и 3 или 4 предположительных) и распределены крайне неравномерно: лишь один происходит с Кубани, в то время как все остальные найдены на Таманском полуострове — такое распределение вполне закономерно и отражает картину христианизации региона в данную эпоху. Второй проблемой является то, что для многих важных надписей неизвестно точное место находки, из-за чего невозможно вписать их в археологический контекст.

Хронологически ранневизантийские эпиграфические памятники региона относятся к двум периодам: эпохе позднего Боспорского царства (IV — конец V в.), связанной со всей традицией этого государства, в том числе и эпиграфической, и времени прямого византийского управления Боспором (начало VI—VII в.). Кроме того, ряд надписей не имеет четкой датировки.

1. НАДПИСИ ЭПОХИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

1. **Посвящение фиасотов (последняя четверть V в. (до 491–492 гг.; 473–474 или 483–484 гг.?)¹)**

Мраморная колонна, обломанная сверху и снизу, была случайно найдена в Тамани, на берегу моря, в 1868 г. (рис. 1). Хранится в Керченском историко-культурном музее-заповеднике (инв. № КЛ-1011). Высота макс. 78². Диаметр 35,5. Буквы апицированные; *альфа* с ломаной перекладиной, *дельта* и *пи* с удлинённой перекладиной, *лямбда* с удлинённой вверх правой гаской, *мю* с укороченной серединой, *фи* удлинённая. Высота букв 0,5–2,5.

+ Ἀμτελου[ργούς σου] σέλτα[σον (?),
κ(ύρι)]ε, ζῆσο αὐτοὺς καὶ μνήμη[η-
σο]ν ἐμὲ μετὰ τῶν ἀγίων· ὑγ[ία (?).
.ψ'] ἔτι καὶ μηνεὶ Ξανθικ[ῶ] ...
Εἰσὶν δὲ οἱ συνθειασεῖτα[ι·
Δουτζαγας, + Σαυαγας κόμ(ης),
Θ.οριμαγ, Δαπλαεις,
+ Τρόφιμος, Ομαρ,
Σα.λιχ, Μιδαχ,
.φουλγαις, Αττασις,
Αλδαγ, Κανδιτζις,
Αδμα..[τ]ζις, Σευραγ,
Δα..., [ἀμ]ήν³.

«Виноградарей Своих почти, Господи, оживотвори их и помяни меня со святыми; здравие. В 76. году и месяце ксанфике, ...-го числа. Фиаситы же следующие: Дутцаг, Саваг комит, Формиаг, Даппай, Трофим, Омар, Салих, Мидах, .овулгаий, Аттасий, Алдаг, Кандитций, Адмаций, Севраг, Да... аминь».

Стефани, первым упомянувший надпись, прочел лишь ΤΙΟ в стк. 3, ΤΡΟΦΙΝΟΣ в стк. 8 и ΑΛΜ в стк. 12. В восстановлении начала надписи большой вклад принадлежит В.П. Яйленко, однако ему не удалось реконст-

Рис. 1. Посвящение фиасотов
(посл. четв. V в. — до 491–492 гг.;
473–474 или 483–484 гг.?).
Керченский музей

руировать начальную формулу полностью. В нашем чтении мы также вынуждены прибегать к двум небольшим допущениям: реконструировать гапаксный глагол $\sigma\epsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$, находящий, впрочем, аналогию в таком же гапаксном $\sigma\epsilon\lambda\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega^4$, и восстанавливать императив $\zeta\epsilon\sigma\omicron$ (вместо $\zeta\eta\sigma\omicron$) без конечного $\nu\omicron$ (вариант В.П. Яйленко $\epsilon\lambda\acute{\epsilon}(\eta)\sigma\omicron(\nu)$ невозможен, так как на камне нет *ламбды*). Чтение конца стк. 2 и начала стк. 3 было любезно предложено нам в частной беседе М.С. Желтовым. Просьба о поминовении резчика со святыми типологически близка к формуле надгробий «упокой с праведными». Важно отметить, что просуществовавшие до конца V в. боспорские фиасоты, причем явно христианского характера (о чем говорит употребление крестов), называют себя «виноградарями». Это выражение надо понимать, скорее всего, символически⁵. М.А. Тиханова⁶ показала христианское употребление термина «фиасоты»: у Феофилакта Симокатты (7. 2. 17) оно означает участников праздника в честь святого. Как полагается христианскому прошению, текст заканчивается словом «аминь».

Датировка по македонскому месяцу явно восходит к боспорской традиции. Туда же должна восходить и датировка по году. Предложение В.П. Яйленко, поддержанное Ю.Г. Виноградовым, считать *ипсилон*, стоящую перед словом «год», не числом 400 (тогда бы надпись относилась к 184–193 гг., что слишком рано и по содержанию, и по палеографии), а недописанной *пси* (без верхней вертикали) следует отвергнуть также и потому, что во всех боспорских надписях второй половины V в. число сотен стоит в конце обозначения года⁷. Сохранившаяся после *ипсилона* вертикальная черта также не может

принадлежать *пи*, так как последнее имеет в надписи удлинненную перекади-ну, для которой нет места в данном случае — таким образом, эта вертикаль — обломок *гаммы*, *мю* или *ню*. Учитывая то, что перед ипсилоном стоит знак типа колона, наиболее вероятным представляется восстановление слова $\acute{\upsilon}\rho\acute{\iota}\alpha$, употребляющегося как отдельное восклицание в христианской эпиграфике, изолированно или в сочетании с другими⁸. Обозначение года, следовательно, стояло в начале стк. 4, однако начало ее левого края позволяет реконструировать кроме необходимого *пси*, скорее всего, лишь одну букву (см. ниже).

Напротив, предложенное Ю.Г. Виноградовым отождествление комита Савага в стк. 6 с комитом Савагом, известным по трем другим надписям 478–492 гг. и умершим в 491–492 гг., позволяет отнести данную надпись к последней четверти V в. С учетом этого хронологического промежутка, единственная цифра перед *пси* была либо *омикроном*, либо *пи* — надпись датировалась, таким образом, 770 или 780 г. боспорской эры, т.е. 473–474 или 483–484 гг. по Р.Х. Как верно отметил Ю.Г. Виноградов, Саваг один из всех фиасотов обладает титулом, и его имя отмечено крестом. Этот крест не имеет отношения к упоминанию умершего, так как комит Саваг умер в 492–493 гг. Второй крест стоит около имени Трофим, единственного, отметим, греческого и христианского среди всех остальных (такое же — Аристон — носил отец Савага, см. I. 2). Однако следующие за ним буквы вряд ли следует считать, вопреки Ю.Г. Виноградову, сокращением слова $\mu\acute{\alpha}\rho\tau\upsilon\varsigma$. Остальные имена персонажей негреческие (иранские и, по предположению В.П. Яйленко, гуннские), что показывает нарастающее вытеснение греческих имен из имен элиты Боспорского царства, начавшееся еще во II–III вв.⁹

Два креста именно рядом с христианским именем и именем царского чиновника наталкивают на размышления о характере упоминаемого в надписи фиаса: не исключено, что он существовал, прежде всего, как аристократическое сообщество. Отнесение надписи к концу V в. разрушает гипотезу И.А. Левинской, которая датировала ее IV в. и считала членов фиаса недавно обращенными в христианство иудейскими «квазипрозелитами».

2. Владельческая надпись Савага (478–479 гг.; рис. 2)¹⁰

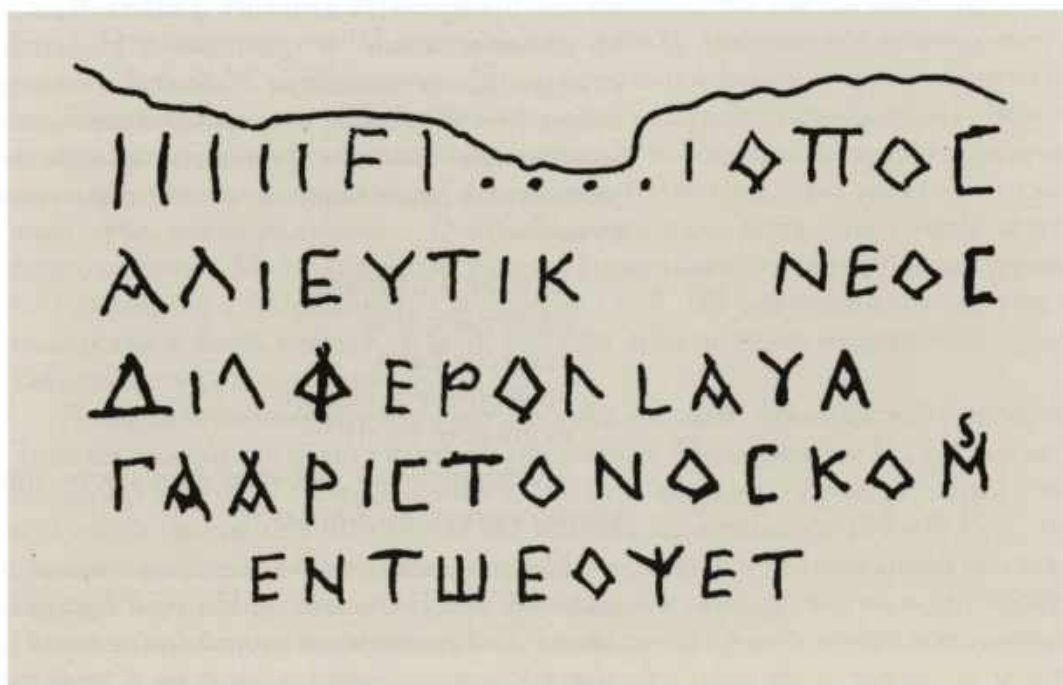
Колонна из диорита, обломанная с обоих концов, была найдена около ст. Троицкая Крымского района Краснодарского края в 1960-х годах во время вспашки¹¹ и хранилась в Народном музее той же станицы (в настоящее время находится в частной коллекции). Высота около 60. Диаметр около 35–40. *Альфа* с ломаной перекадиной, *эпсилон*, *сигма* и *омега* прямоугольные, *омикрон* меньшего размера, *омикрон* и *фи* ромбовидные, *пи* с удлинненной перекадиной, *омега* прямоугольная; знак сокращения. Высота букв 3–6.

Ωρεῖ[θη + ὁ] τόπος
ἀλιευτικὸς νέος
διαφέροϋ Σαβα-
γα Ἀρίστονος κόμ(ητι)
ἐν τῷ εἴσ(ει)¹².

«Куплено новое рыболовецкое место, принадлежащее Савагу, сыну Аристона, комиту, в 775 году».

Первоиздатель пользовался протиркой, сделанной Б.А. Раевым и переданной С.Р. Тохтасьевым. На этой протирке, любезно предоставленной нам самим Тохтасьевым, во второй букве стк. 1, действительно не читается горизонталь, однако единственное *пи* в этой надписи имеет сильно вынесенные

2. Владельческая надпись Савага (479 г.). Частная коллекция

концы, для которых не остается места на камне. Это чтение подтверждает и фотография Б.А. Раева.

По верному предположению первоиздателя, надпись отмечала новоприобретенный рыболовецкий участок (*гапакс* во всей эпиграфике) хорошо известного комита Савага (см. выше I. 1); из данной надписи мы узнаем имя его отца — греческое и традиционное для Боспора (30 упоминаний в КБН). Таким образом, Саваг явно происходил из старой боспорской семьи. Владельческие надписи не известны в византийской эпиграфике Северного Причерноморья, а в остальном христианском мире встречаются в основном на могилах. Однако не относятся к погребению «место, принадлежащее вене-там» в Оксирихе начала VII в.¹³ и, вероятно, подобная надпись из Антиохены начала VI в.¹⁴ В этой связи интересна лексика памятника: термин *τόπος* употребляется в христианской эпиграфике всегда для обозначения места для погребения и очень часто сопровождается причастием *διαφέρων* — «принадлежащее такому-то»¹⁵. Поэтому можно предположить, что образцом для этой не находящей аналогий владельческой надписи Савага послужила данная (хоть и не засвидетельствованная в Северном Причерноморье) формула, тем более, что она обозначает не погребение как таковое, а лишь место, предназначенное для него и приобретенное заранее (зачастую указывается продавец, сумма и дата, как в нашем случае, сделки).

3. Надгробие Сотиады (?) (IV–VI вв.; рис. 3)¹⁶

Плита из проконесского мрамора обломана со всех сторон (ее центр и правая часть стк. 2 в настоящее время залиты красной краской), была найдена на Таманском городище (раскоп XXXa, квадрат 182) в 1954 г. при раскопках Б.А. Рыбакова и хранится в ГИМ (инвентарный номер отсутствует). Высота макс. 42. Ширина макс. 46. Толщина 4–5. Высота букв 3,5–4,5.

Ἐνθάδε κατὰ
 κεῖτε Σωτηράς (?)¹⁷.
 «Здесь лежит Сотиада (?)».

Рис. 3. Надгробие Сотиады (?) (IV–VI вв.). ГИМ

Рис. 4. Надгробие (?) Феодота (вторая пол. IV – V в.). Место хранения неизвестно

Рис. 5. Строительная надпись Юстиниана I (533, 548 или 563 г.). Керченский музей

Это надгробие — вероятно, христианское. К сожалению, обломы по всем краям не позволяют ничего сказать о первоначальной форме памятника. Но шлифованная поверхность проконесского мрамора свидетельствует, скорее всего, о вторичном использовании античного архитектурного фрагмента. Точный археологический контекст находки неизвестен: в отчете Рыбакова надпись не упомянута.

Имя усопшего залито после находки надписи красной масляной краской, и с уверенностью читаются только три первые его буквы. Имя Сотиада трижды засвидетельствовано в надписи с Коса¹⁸ (вариант Σωτία¹⁹). Не исключено, однако, что в нашем случае это может быть мужское имя Σωτίας, родственное Σωτιάδης²⁰, Σωτάς²¹ и Σώτιος²².

4. Надгробие (?) Феодота (второй половины IV–V в.; рис. 4)²³

Известняковая стела, несколько сужающаяся книзу, на которой примерно в половину высоты вырезан крест, по обе стороны от которого расположена греческая надпись; случайно обнаружена в 1971 г. в Фанагории, в районе Западного некрополя городища²⁴; место хранения неизвестно. Высота около 50. Ширина около 27. Толщина неизвестна. Высота букв около 3–6.

Κύριε), βο-
ήθι
Θεο-
δότη
ς

«Господи, помоги Феодоту».

В позднебоспорской эпиграфике надписей с формулой «Господи, помоги» точно не известно. Впрочем, не исключено, что этим временем датируется прошение Кириака (см. № III.1 настоящего раздела). В ранневизантийском Херсоне эта формула встречается лишь однажды, в прошении Трофима (НЗХТ, инв. № 56/36504), возможно, боспорского происхождения. Необычное сокращение Κύ(ριε) вместо обычного Κ(ύρι)ε изредка встречается в христианской эпиграфике, причем даже именно в данной формуле.

Конечную сигму имени резчик поместил над концом стк. 4. Номинатив в имени инвоканта можно понимать двояко: как своего рода подпись или, что вероятней, как сбивку в падежах, типичную для инвокаций с данной формулой (ср., например, прошения ...сакия из Херсона²⁵) — зависящий от βοήθει номинатив встречается, например, в надписи из Гердек-Кайи во Фригии²⁶.

Имя Феодот в ранневизантийскую эпоху ни на Боспоре, ни в Северном Причерноморье не известно. Согласно РНП7 Database, в христианской эпиграфике оно встречается 24 раза. Впрочем, популярно оно было и среди иудеев (12 случаев). Учитывая большое число иудеев и прозелитов в Боспорском царстве²⁷, нельзя исключать, что Феодот нашей надписи происходил из их среды. С другой стороны, сложные с Θεο- имена хорошо известны среди ранних боспорских христиан: Феодор, Феодора, Феодосий.

По своему облику надпись очень похожа на ряд боспорских памятников с высеченным по центру большим крестом с Т-образным завершением рукавов. В качестве близких аналогий можно привести надгробия Адельфы²⁸, Евтропия²⁹, Софенета³⁰, Филоксена³¹, Тигинага³² и Феодора³³. Казалось бы, родству нашей надписи с надгробиями противоречит ее инвокативная формула. Однако нам известны случаи использования формулы с инвокацией в эпитафиях, например, в надписи 562 г. из Амиса в Понте. Итак, однозначно утверждать погребальный характер нашей надписи мы не можем, однако очевидно, что его использование в качестве надгробия представить легче, чем в качестве, например, посвящения, не имеющего обычно такого облика.

II. НАДПИСИ ВРЕМЕНИ ВИЗАНТИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

1. Строительная надпись Юстиниана I (533, 548 или 563 г.; рис. 5)³⁴

Известияковая плита с рельефным изображением апицированного латинского креста на лицевой стороне, обломанная сверху и слева, была найдена в Суворовской крепости до сентября 1893 г. и хранится в Керченском историко-культурном музее-заповеднике (инв. № КЛ-256; рис. 3). Высота тах. 64,5. Ширина тах. 39. Толщина 17,5. Надписи расположены на кресте и в углах между рукавами креста. *Альфа* с ломаной перекладной, *эпсилон* прямоугольный, *мю* со слегка прогнутой серединой, *омикрон* иногда меньшего размера, *пи* с удлиненной перекладной, *ипсилон* V-образный; лигатуры *сигма-пи*, *сигма-тау*. Высота букв 3,5–4,5.

1: [Φ]Ϟ[ζ,
ζ]Ϟή.

2: [e.g. Τοῦτο ... ἐν]
Ἐρμωνάσ]ση φῶρρ[ν (?)]

ἀνενεώθη τὸ μερικόν,
 βασιλεύον(τος) Ἰουστινια-
 νοῦ τοῦ αἰ]ωνίου Αὐγ-
 οῦς]του
 καὶ αὐτοκρά]τορος, σπουδῆ
 ..... τ]οῦ λαμπροτά-
 του πατρὸς (?) ταύτης τῆς πό-
 λεως, πράττ]οντος Ἀνγουλᾶ
 τοῦ λαμπροτ]άτου τριβού-
 νου καὶ ἐργο]λάβου, μηνὶ
 Μαίῳ, ἰνδι]κτιῶνι ἐνδεκάτῃ³⁵.

«[Этот... в Гермонас]се форум (?) возобновлен отчасти в царствование Юстиниана, вечного августа и самодержца, стараниями... светлейшего комита этого города, при содействии Ангулы, светлейшего трибуна и подрядчика, в месяце мае, в 11-й индикт».

После двух публикаций надписи В.В. Латышевым свои чтения добавил Ю.А. Кулаковский, воспользовавшийся предложениями В.В. Болотова. В свою очередь, после републикации надписи Латышевым в «Сборнике» свои поправки выдвинул Г. Милле. Наконец, еще два чтения предложил недавно Д. Фейссель.

Восстановление надписи 1 на кресте практически не вызывает сомнений, тем более, что на перекрестье видны остатки *омеги*. Сложнее дело обстоит с восстановлением утраченных частей основной надписи 2. Стк. 2 все исследователи прежде считали первой в надписи, однако облом верхнего края плиты (особенно учитывая положение последней строки на краю камня) делает более вероятным наличие выше одной или нескольких строк. В данной строке вслед за первоиздателем все исследователи читали σ]φω[v..., не предлагая никакого восстановления. Однако последняя наша аутопсия камня показала, что на самом деле после *омеги* идет *ро* и, вероятно, *омикрон*. Такое сочетание может быть истолковано в строительной надписи только как начало слова φόρον "форум", а предшествующее ему σ]η — вероятней всего, как окончание слова Ἐρμωνάσ]ση, т.е. названия города Гермонассы, находящейся рядом (в 2,5 км) с местом находки камня. Омега вместо омикрона не должна вызывать удивления — ср. обратную замену в стк. 12.

Столь позднее упоминание имени Гермонассы нельзя считать уникальным: в анонимном «Periplus Ponti Euxini» середины VI — середины IX в. имя Гермонассы дается без добавления современного автору названия города³⁶. Пришедшая на смену Гермонассе византийская Таматарха (Матраха) упоминается впервые в Notitia episcopatum 3.618 (конец VIII — первая половина IX в.).

При восстановлении исчезнувшего слова в стк. 4 часть ученых (Болотов, Кулаковский, Фейссель) не обращали достаточного внимания на размеры лакуны (9–10 букв), а Латышев вынужден был отказаться от своего первоначального чтения из-за обилия других возможных вариантов. Между тем никто не заметил, что заканчивается это слово типичным знаком сокращения в виде S. На наш взгляд, наиболее приемлемой выглядит стандартная формула [βασιλεύον(τος)].

Восстанавливаемая первоиздателем в стк. 9 должность «комит города» выглядит странно не только для Византии, но и для позднего Боспор-

ского царства: судя по надписи царя Тиберия Юлия Дойптуна конца V в. (КБН 67), здесь действительно было несколько комитов, однако единственная известная их функция — царский секретарь, в то время как там же упоминается эпарх, т.е., по всей видимости, глава столицы. Таким образом, нет оснований считать, что на Боспоре, тем более византийском, могла существовать уникальная должность «комита города». Поэтому более приемлем хорошо известный титул «отец города», реконструированный Фейсселем.

Имя Ангул засвидетельствовано в «Житии Симеона Младшего» для исаврийца (гл. 123, 128, 168, 240), а исаврийцы славятся как строители. Впрочем, имя это могло быть латинского происхождения³⁷ и оформлено по модели на -ας³⁸. Наш трибун Ангул — вполне вероятно, то же самое лицо, что и Ἀγγύλας — таксиарх в Лазике в 556 г.³⁹ Последнее обстоятельство заставляет нас склоняться к двум последним из трех возможных датировок надписи: в начале стк. 13 остается место только для слова Μαίῳ, а 11-й индикт соответствует в правление Юстиниана I (датировка временем Юстиниана II исключается и по историческим причинам, и потому, что в его правление не было 11-го индикта) 532/3, 547/8 или 562/3 гг. Отметим, что 11-м индиктом в царствование Юстиниана датирована и строительная надпись с Мангупа⁴⁰, а Прокопий Кесарийский⁴¹ описывает строительные работы в горном Крыму и на Боспоре как части одной программы. Поскольку же Прокопий закончил свой труд до 563 г., то наиболее вероятной датой для данной надписи кажется 548 г.

В этой связи, а также в виду нашего восстановления начала надписи снова обретает актуальность высказанная Кулаковским (и отвергнутая Латышевым) идея о связи нашей постройки с просьбой готов-тетракситов в 547–548 гг. о назначении им епископа. Отметим, что слово φόρος известно и в контексте церковного строительства (Эзаны во Фригии Пакариане, 981 г.⁴²). Кроме того, присутствие римского военного трибуна подтверждает сообщение Прокопия о переходе тетракситов под власть ромеев и объясняет необычное выполнение военным чиновником функций строительного подрядчика (это объясняет также смущавшее Латышева отсутствие в надписи епископа, о котором Прокопий, заметим, прямо не говорит, что он отправился вместе с посольством). Если Ангул надписи был трибуном в Лазике, то это можно связать с упомянутой Прокопием ссылкой тетракситов на прецедент Авасгии.

2. Строительная надпись императора Маврикия (589–590 гг.; рис. 6)⁴³

Античная плита из белого мрамора с барельефным изображением по краям лицевой стороны двух Ник с венком в правой и пальмовой ветвью в левой руке, одной ногой стоящих на шаре, и тамг внизу была использована вторично. Поверхность ее немного стерта, damnatio memoriae на имени Маврикия. Обнаружена в Таманской крепости в 1803 г. П.И. Сумароковым и хранится в ГЭ (инв. № 2069/1). Высота 76. Ширина 179. Толщина 28. Буквы неровные, разной высоты; *альфа* с ломаной перекладной, *эпсилон* лунарный, *пи* с удлиненной перекладной; лигатура *омикрон-ипсилон*, знак сокращения. Высота букв 3–4,5.

+ Πρὸς τοῖς λοιποῖς
 μεγάλοις κ(αὶ) θαυματοῖς
 каторθόμασι κ(αὶ) τόδε τὸ Δ

Рис. 6. Строительная надпись императора Маврикия (589–590 гг.), ГЭ

λαμπρὸν ἐν Βοσπόρῳ
 κесάριον ἀνενέωσεν
 Μ[αυρί in gasuga]κις ὁ εὐ(σ)εβ(εστάτος) κ(αὶ) θεοφύλακτος ἡμῶν
 δεσπότης διὰ τοῦ γνησίου αὐτοῦ
 δούλου Εὐπατερίου, τοῦ ἐνδοξοτάτου
 στρατηλάτ vas. ου καὶ δουκὸς Χερσῶνος, ἰνδ(ικτιῶνος) η' ⁴⁴.

«Вдобавок к прочим великим и удивительным свершениям и этот славный Кесарион на Воспоре возобновил Маврикий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, посредством своего искреннего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона, в 8-й индикт».

Подробная история изучения надписи приведена у Латышева⁴⁵. Добавим к этому, что, по-видимому, именно эту надпись осматривал в августе 1803 г. архитектор Н.А. Львов в ограде храма Покрова в Тамани⁴⁶. В.В. Шкорпил доказал вторичный характер использования надписи на основании аналогии парной к данной плиты с двумя Никами и тамгой в центре.

После публикации Латышева относительно этой надписи разгорелась дискуссия между ним и Кулаковским. Проблема состояла в восстановлении имени императора, подвергнутого *damnatio memoriae* в стк. 6. Несомненно, что прав был не Кулаковский, видевший здесь, вслед за Кирхгофом, имя Исаакий, а Латышев, настаивавший на Маврикии. Последнее имя действительно, плохо, но читается на камне. Посмертное проклятие Маврикия известно также в эфесской надписи 585 г.⁴⁷

Евпатерия нашей надписи вполне возможно идентифицировать с Евпатерием, который также был *magister militum* и дуксом Сардинии в 598–599 гг.⁴⁸, особенно если вспомнить свидетельство Иоанна Малалы⁴⁹ относительно установки в Боспоре италийского гарнизона во главе с трибуном в 528 г. Относительно его титула *πιστὸς δούλος*, так смущавшего Кулаковского, кроме ответа Латышева 1898 г., ср. также три надписи юстиниановского времени из Коринфа⁵⁰.

Некоторую сложность вызывает интерпретация слова «Воспор». С одной стороны, Иоанн Малала⁵¹ называет Воспором уже не область, а город.

С другой, — если понимать его в таком смысле (т.е. как византийское название Пантикапея-Керчи), то неясно, почему данная надпись оказалась в Гермонассе.

С этой проблемой тесно связан другой вопрос, наиболее сложный для интерпретации во всей надписи — относительно значения слова «Кесарион» в стк. 5. В византийской эпиграфике этот термин не употребляется. Византийские авторы, кроме как личное имя упоминают его дважды: как название церкви в Александрии⁵² и как название города на Евфрате⁵³. В античности это слово обозначало «храм в честь Цезаря». Действительно, в надписи КБН 1050 из Гермонассы (первая половина II в.) упоминается некий кесарион, обычно толкуемый как храм в честь Цезаря — наличие кесариона в Гермонассе конца VI в. заставляет признать, что этот уникум в Северном Причерноморье находился именно здесь (вопреки комм. в КБН 1050). Однако неясно, зачем в конце VI в. надо было восстанавливать старый языческий храм: никакого намека на то, что это здание стало церковным, в надписи нет. Чтобы обойти эту проблему, некоторые исследователи называют гермонасский кесарион без всякого основания дворцовой постройкой⁵⁴.

С другой стороны, истолкование кесариона как храма в надписи КБН 1050 также достаточно произвольно: слово «жрец» при нем является чистой реконструкцией. При этом остается не решенным вопрос о том, какой боспорский город был переименован в Кесарию в I в., когда Фанагория была преименована в Агриппию. Происхождение содержащей оба этих имени надписи КБН 1051 (307 г.) из Гермонассы говорит в пользу гипотезы о том, что Кесарией называлась именно Гермонасса — главный контраргумент заключается в наличии монетной эмиссии Полемона I с именем Кесарии, однако исключать таковой в Гермонассе полностью нельзя. С этой проблемой связан и вопрос о форме этих имен, так как оба топонима известны нам только по генетивам названия их жителей: *Καίσαρέων* и *Ἀγρίππείων*. Поскольку нам известно, что города в империи могли называться не только Кесария, но и Кесарион (см. выше), то вполне вероятно, что Гермонасса могла быть переименована именно в Кесарион. Относительно указания в надписях на город, как на «этот», ср. надпись Зинова из Херсона. *Λαϊδρός* как официальный эпитет города часто встречается в ранневизантийской эпиграфике, причем такое обозначение характерно именно для Малой Азии (исключение — Лапиф на Кипре). Тогда получается, что при Маврикии на Боспоре был восстановлен город Кесарион, т.е. древняя Гермонасса, что больше соответствует необходимой строительной деятельности военного чиновника после тюркского разгрома 576 г. (Более того, такая интерпретация позволяет гипотетически истолковать даже остававшуюся прежде загадочной дельту в конце стк. 3: она может означать «третий» Кесарион — боспорский, наряду с Кесарионом на Евфрате.)

Хотя надпись и выполнена при участии дуки Херсона, однако она демонстрирует приверженность некоторым традициям именно боспорской эпиграфики: сама форма камня, восходящая к памятникам эпохи Боспорского царства, и псевдо-этимологическая античная форма *Βοοσπόρω*⁵⁵. С другой стороны, показательно, что Боспор потерял в конце VI в. уже всякую самостоятельность и был поставлен под контроль византийского чиновника в Херсоне.

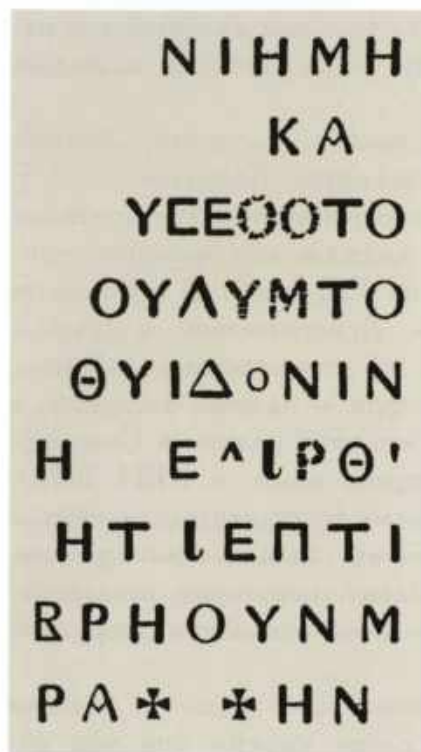

Рис. 7. Надгробие Идония (VI–VII вв.). ГЭ

3. Надгробие Идония (VI–VII вв.; рис. 7)⁵⁶

Плита из проконесского (?) мрамора была обнаружена Ф. Дюбуа де Монперё в Таманском храме. Место хранения и размеры ее не известны. Изображений ее не сохранилось, лишь воспроизведение в СИГ.

Ὑπὲρ] μνήμη[ς
καὶ ἀν]α[π-
αύσε[ως] το[ῦ
δοῦλ[ου] το-
ῦ θε[ο]ῦ Ἰδονί[ου].
Ἐτ[ελιό]θη
μ]η[νός] Σεπτι-
βρήου ι ν, ἰμ[έ-
ρα .´, ἡν[δ]ικτιώνος) .´.⁵⁷

«О памяти и упокоении раба Божьего Идония. Скончался 10 сентября, в ... в .-й индикт».

Ввиду утраты камня что-либо определенное сказать о его облике и палеографии надписи затруднительно. С одной стороны, самое раннее свидетельство формулы ἐτελείωθη в Крыму — надгробие Кириака из Керчи (770 г.)⁵⁸, с другой, она известна и в константинопольской надписи второй половины VI в. В пользу ранневизантийской датировки говорят и *альфа* с ломаной перекладиной, и, как верно заметил Латышев, датировка по индикту, без года. Имя Идоний встречается на Боспоре однажды (КБН 276); в христианской эпиграфике оно неизвестно.

III. DUBIA

1. Прошение Кириака (рис. 8)⁵⁹

Мраморная плита была найдена на Таманском полуострове (Фанагория) близ хут. Семеняки, во втором разрезе, близ так называемой «сплошной насыпи» в 1853 г., при раскопках К.Р. Бегичева. Место ее хранения неизвестно. Высота около 35 см; другие размеры не известны.

Σ
Κ(ύρι)ε, βοήθη τὸν
δοῦλον σοῦ Κυρηνα-
κὸν ναύκλη[ρ]ο[v] καὶ
τ]ὸν ναυτὸν ὄλων (καὶ)
Γεωργίου (ἀμα)ρτολοῦ (?)
P⁶⁰

«Господи, помоги рабу Твоему Кириаку капитану, всем морякам и Георгию грешнику».

Латышев издавал надпись по копии Герца, в которой были перепутаны формы некоторых букв. К «христианским временам» надпись отнес Герц — ввиду отсутствия рисунка или снимка ничего точнее о ее датировке сказать невозможно.

Рис. 8. Прошение Кириака (VI–VII вв.). Место хранения неизвестно

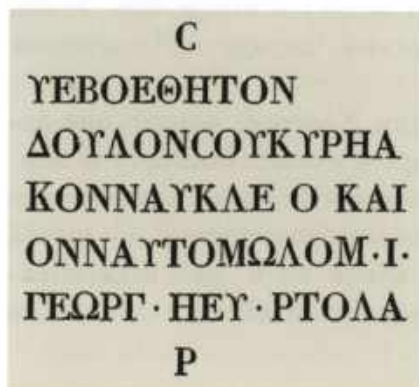

Рис. 9. Надгробие (?) Устана, сына Агафа (IV–V вв.) Темрюкский музей

Прошения моряков часто встречаются в византийской эпиграфике: обычно они приурочены к какому-то почитаемому ими месту⁶¹. Вероятно, упомянутый отдельно от остальных моряков Георгий — составитель надписи.

2. Надгробие Платониды (?)⁶²

Античная (?) плита из мягкого известняка (во вторичном использовании), напоминающая изуродованный крест и обломанная снизу (?), была найдена около г. Тамани примерно в 1907 г. Место хранения ее неизвестно. Высота max. 26. Ширина 14–23. Толщина 11–13. Буквы прокрашены красной краской; *альфа* с прямой перекладиной (?), *лямбда* с удлинненным верхом. Высота букв 4–7.

Плат-
ωνί[ς ?]
ἐν[θα
[κατά
[κεῖται⁶³.]

«Платонида здесь лежит (?)».

Надпись была куплена у И. Пекерева в декабре 1907 г. Марти отнес ее к христианским по шрифту, но ввиду утраты памятника подтвердить или опровергнуть такую атрибуцию невозможно. Аналогия формуле надписи есть в надгробии Трифона⁶⁴. Имя Платонида известно по христианской надписи из Пессинунта⁶⁵. В античной эпиграфике это имя засвидетельствовано семь раз, причем в трех случаях указывается, что это прозвище.

3. Надгробие (?) Устана, сына Агафа (рис. 9)⁶⁶

Известняковая стела во вторичном использовании (?) с рельефной розеткой в прямоугольной рамке наверху лицевой стороны, обломанная снизу и со сколами по левому краю, была случайно найдена Н.И. Сокольским на Таманском полуострове около хут. Соленого в 1962 г. и хранится в Темрюкском музее (инв. номер не известен; рис. 4). Высота 65. Ширина 40. Толщина 17. *Альфа* с наклонной перекладиной, *мю* с прогнутой серединой, *сигма* и *омега* прямоугольные. Высота букв 5.

Ἐνθάδ(η) ἦ-
τοξεύετ'
Οὐστανος,
ὁ] πρωτω-
κομίτες
Χιμίρις,
υεῖος Ἀγά-
θου τοῦ...⁶⁷

«Здесь застрелен Устан, протокомит Химиры, сын Агафа...».

Камень, на котором выполнена надпись, вероятно, принадлежит римскому времени; отсутствие христианской символики, нетипичность формулы и ненадежные палеографические привязки не исключают того, что и сама надпись может быть римской эпохи. Грамматически она близка к надписям из Керченской катакомбы 491 г.⁶⁸: утрачено различие между долгими и краткими *o* и *e*, так что на письме *омикрон* и *омега*, *эпсилон* и *эта* смешиваются, причем вместо первой *эты* в слове *πρωτοκομήτης* стоит *йота*. Сама надпись не обязательно надгробная, возможно, это просто памятный знак на месте гибели Устана.

Большие сложности вызывает разделение слов в первых трех строках. Очевидно, что грамматически непротиворечивая гипотеза В.П. Яйленко неприемлема, так как на камне ясно читается в конце стк. 2 *tau*. Вариант Ю.Г. Виноградова $\epsilon\tau\omicron\zeta\epsilon\upsilon\epsilon\tau\omicron\iota\sigma\tau\alpha\nu\acute{o}\varsigma$ отпадает ввиду маловероятности как самого причастия $\iota\sigma\tau\alpha\nu\acute{o}\varsigma$, так и его постановки на том месте, где в надписях стандартно ставится имя усопшего. Более приемлемым кажется, на первый взгляд, чтение $\epsilon\nu\theta\acute{\alpha}\delta'$ $\epsilon\tau\omicron\zeta\epsilon\upsilon\epsilon\tau\omicron$. Однако характерно, что резчик данной надписи всегда старается соединить конец строки с концом слова или его компонента (за исключением стк. 7), поэтому наиболее вероятным представляется, что ради этого мастер считает последнюю букву первых двух слов одновременно и первой буквой следующего.

Формула с $\epsilon\tau\omicron\zeta\epsilon\upsilon\epsilon\tau\omicron$ уникальна и не находит параллелей в христианской эпиграфике (впрочем, идея Яйленко о стрельбище Устана еще менее вероятна); обстоятельства смерти, прежде всего насильственной, указываются в христианской эпиграфике Северного Причерноморья в надгробии Чупана из Лак⁶⁹, которое датируется, однако, 1364 г., т.е. почти на тысячу лет позже данной надписи. В христианской эпиграфике примеров такого рода нам также найти не удалось (если не считать одного загадочного $\acute{\alpha}\lambda\omega\lambda\epsilon\tau\omicron$ ⁷⁰).

Имя Устан известно в боспорской эпиграфике и имеет персидское происхождение⁷¹. Хотя Агаф, отец Устана, мог и не быть христианином, однако это распространенное в боспорской эпиграфике имя (более 40 раз встречается в КБН) засвидетельствовано и в христианских надписях⁷². Видимо, Устан принадлежал к давно ассимилированной иранской знати, потому что отцы и нашего Устана, и, вероятно, его тезок из надписей КБН 742 и 1278 носят греческие имена (Агаф, Никифор и Зенон (?)). Титул Устана «протокомит» означает, как отмечал первоиздатель, сельского старосту⁷³. Артикль после имени Агафа мог указывать, по верному замечанию Ю.Г. Виноградова, не только на имя деда Устана, но и на его должность (последнее нам представляется более вероятным).

Самые большие проблемы вызывает трактовка топонима (или имени собственного, по мнению Ю.Г. Виноградова) Химириис (в надписи в *gen.* $\chi\iota\mu\acute{\iota}\rho\iota\varsigma$). В.П. Яйленко видит здесь Киммериду (т.е. $\chi\iota\mu\acute{\iota}\rho\iota(\delta\omicron)\varsigma < \kappa\iota\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$). Ю.Г. Виноградов, принимая эту этимологию, видит здесь, однако, в рамках своего общего чтения надписи, личное имя Киммерий (т.е. $\chi\iota\mu\acute{\iota}\rho\iota(\omicron)\varsigma < \kappa\iota\mu\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$). Наконец, еще одно, неопубликованное, соображение высказано С.Р. Тохтасьевым (в письме к Ю.Г. Виноградову). Соглашаясь с регрессивной ассимиляцией *e* между двумя *i*⁷⁴, он считает маловероятным переход $\kappa\iota\mu\acute{\iota}$ - в $\chi\iota\mu\acute{\iota}$ -. Вместо этого Тохтасьев предлагал возвести $\chi\iota\mu\acute{\iota}\rho\iota(\omicron)\varsigma$ к $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$ (в рамках гипотезы Ю.Г. Виноградова), относящегося к так называемым *Temperament- und Charakternamen*⁷⁵, LGPN дает, впрочем, только $\chi\epsilon\iota\mu\alpha\rho\omicron\varsigma/\chi\iota\mu\alpha\rho\omicron\varsigma$ ⁷⁶. Поскольку $\chi\iota\mu\acute{\iota}\rho\iota\varsigma$ здесь должно означать, по нашему мнению, все же название деревни, протокомитом который был Устан, то, применив верную, как нам кажется, гипотезу Тохтасьева к топонимам, мы получим имя $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\iota}\rho\eta$. В качестве ближайшей лексической параллели можно указать топонимы $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$ ⁷⁷ на Сицилии и $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\nu$ ⁷⁸ в Феспотии, а географической — $\chi\epsilon\iota\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ (или $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\iota}\rho\iota\omicron\nu$) в Абхазии — место ссылки и смерти прп. Максима Исповедника⁷⁹. Таким образом, название деревни Химира должно указывать на какие-то природные явления, отличающую данную местность (как

$\chi\epsilon\iota\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ — от бурных зимних потоков). Вне зависимости, однако, от этимологии данного слова его локализация на Тамани (по Яйленко) представляется совсем не обязательной, поскольку камень, видимо, стоит на месте случайной смерти сельского старосты, который мог попасть сюда совсем из другой местности.

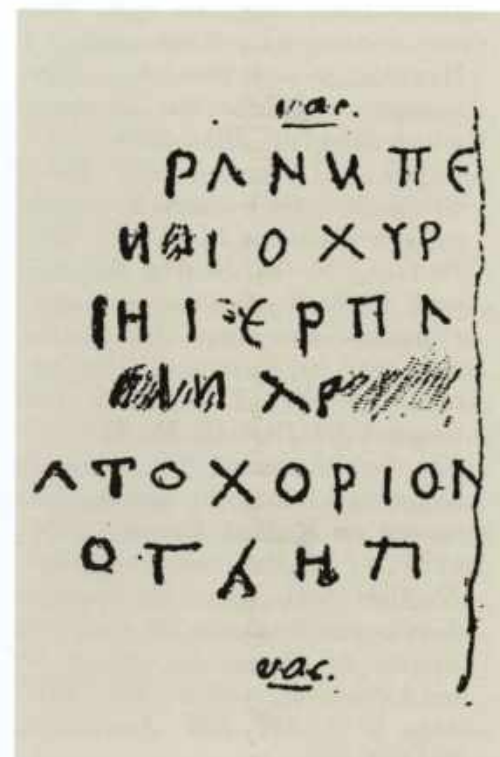
К ранневизантийским также может относиться нечитаемая надпись на камне, служившем в конце XIX в. ступенькой в Таманской церкви (рис. 10)⁸⁰.

Подводя итог, можно сказать, что, с одной стороны, эпиграфический материал подтверждает данные других письменных источников (см. ниже) и довольно точно отражает картину развития Кубанско-Таманского региона в ранневизантийскую эпоху. Во-первых, он демонстрирует переход Боспорского царства сначала к христианству и христианизацию боспорской элиты, причем весьма своеобразную, а затем под власть Византии, с введением прямого управления через имперских чиновников. Данные надписей здесь дополняют свидетельства Прокопия о восстановительных работах Юстиниана на Боспоре⁸¹ и о назначении по его указанию епископа для готов-тетракситов⁸². Во-вторых, эпиграфика показывает картину упадка культуры: в V–VII вв. постепенно исчезают надписи частного характера, а также эпиграфические памятники за пределами Таманского полуострова, что совпадает с отсутствием письменных свидетельств о византийском присутствии в этом регионе. С другой стороны, надписи региона сами дают ценную и уникальную информацию относительно многих событий. Так, только из них выясняется факт существования Боспорского царства и его институтов (чиновничества и фиасов) до конца V в., а также этнический состав боспорской элиты в эту эпоху. Они дают нам уникальную информацию о карьере комита Савага, который действовал во второй половине V в. на обоих берегах Боспора Киммерийского: однако же его участие в фиасе на Таманском полуострове и его

владения в низовьях Кубани свидетельствуют скорее в пользу того, что он происходил именно с этой стороны пролива. Следует отметить и ценнейшее упоминание о фиксации права собственности на Кубани: оказывается, что рыболовецкие места были не общим достоянием, но могли покупаться и продаваться.

Иоанн Малала⁸³ сообщает, что византийский гарнизон стоял в Боспоре-Пантикапее уже до 528 г. Надпись 497–498 гг. — последняя, датированная по боспорской эре⁸⁴, говорит в пользу того, что переход Боспора под управление империи произошел в первой четверти VI в. При этом, вероятно, часть старой административной системы (комиты) сохранилась. Не менее важны и сведения эпиграфики по истории региона после введения прямого византийского управления. Надпись императора Юстиниана сообщает, по всей видимости, о возобновлении храма св. Иосифа, вероятно, для готов-тетракситов в 548 г. Поскольку же эта акция сопровождалась переходом тетракситов под византийскую власть, то данная надпись является первым свидетельством возвращения Таманского полуострова в состав империи. Надпись императора Маврикия говорит как о продолжении строительной деятельности империи в регионе и в конце VI столетия, так и об утрате Боспором остатков самостоятельности, а *damnatio memoriae* его имени — о следовании региона тенденциям константинопольской политической конъюнктуры.

Рис. 10. Нечитаемая надпись на ступеньке в Таманской церкви (IV–VII вв.)

¹ Публикация: IOSPE II. 389 (КБН 1099; КХНБ 61); *Яйленко В.П.* О корпусе византийских надписей в СССР // ВВ. 1987. Т. 48. С. 163–166; *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1. С. 238–239.

Литература: *Stephani L.* Comptes rendus de la Commission Imperiale archéologique pour l'année 1869. SPb., 1870. P. 194; *Тиханова-Клименко М.А.* Греческая надпись с Таманского полуострова // Сборник статей в честь С.А. Желбелева. [Б.м.], 1926. С. 546–560; SEG III 609; Bull. ép. 1990. 903 (Feissel); SEG 39. 697; 48. 994; *Левинская И.А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 211–213, примеч. 158; *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007. С. 118.

Автор сердечно благодарит С.Р. Тохтасьева за ценные советы и замечания.

² Все размеры даны в сантиметрах.

³ Крит. апп.: стк. 1: ἀμπελου[ργούς] Ἰαῖ, πολου Lat; C. 1: σὺς ἐπτά Ἰαῖ, οὺς ἐπτά Lat; стк. 2: ζῆσο AVin, ἐ]λέ(η) σο(v) Ἰαῖ; стк. 2–3: μνήμ[ησο]ν ἐμέ Zheltov, μνημ...το Lat, μνημ[ονε]νε sic! Ἰαῖ, μνήμ[ης τῆ]ς YVin; стк. 3–4: ὑγ[α. ψ] AVin, ψ... Ἰαῖ, YVin; стк. 4: καὶ Ἰαῖ; стк. 5: εἰσὶν δὲ οἱ Ἰαῖ, .. οἱ ...λοι Lat; стк. 6: Δουτζαγας Ἰαῖ, ...τζαγας Lat; стк. 6: Σαυαγας κόμ(ης) YVin, Σαυαγ(α)σκου Lat, Ἰαῖ; стк. 7: Οριμαγ Ἰαῖ, ...οριμαγ(ος) Lat; стк. 7: Δαπλαεις Ἰαῖ, Δαπλαεις Lat; стк. 8: ὁ μάρ(της) (?) YVin; стк. 9: Σα.λιχ AVin, Σ[αλ(?)δ]ιχ Ἰαῖ; стк. 9: Μίδαχ Ἰαῖ, Μίδαχ(ος) Lat; стк. 10: .οβ.ουλγαις AVin, Οὐάγ[α]σις Lat, Τρ(?)βουλγαις Ἰαῖ, Τρ(?)βουλγαις Tokht; C. 10: Ατταεις Ἰαῖ, Tokht; стк. 11: Αλδαγ AVin, [Μά]λδαγ(ος ?) Lat, Μάλδαγ Ἰαῖ; стк. 11: Κανδιδις Ἰαῖ, ...νδ.τις Lat; стк. 12: Αδμα...[τ]ζις AVin, Αλμ...ις Lat, Αλμα...ζις Ἰαῖ; стк. 12: Σευραγ Ἰαῖ, Σεύραγ(ος) Lat; стк. 13: Δα... [ἀμ] ἦν Ἰαῖ, ...v Lat.

⁴ Hesych., s.v.

⁵ Ср., например, *Euseb. Comm. in Isa.* 2, 51.

⁶ *Тиханова-Клименко М.А.* Греческая надпись... С. 553.

⁷ КБН 67; *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 1891. № 6. С. 4–23; *Латышев В.В.* Эпиграфические находки 1901–1903 годов // ИАК. 1904. Вып. 10. С. 86. № 100; а также I. 2 настоящей публикации.

⁸ *Gough M.* A Fifth Century Silver Reliquary from Isauria // Byzantinoslavica. 1958. 19. P. 244–250.

⁹ Ср. КБН 67; *Проконий Кесарийский.* О постройках. 3. 7. 12.

¹⁰ Публикация: *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор... С. 239–240. № 4. Литература: SEG 48. 995.

¹¹ Любезно сообщено Б.А. Раевым в письме от 18.04.2007.

¹² Крит. апп.: стк. 1: ΠΠΕΙ[...] YVin.

¹³ *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Agypten.* Berlin; Leipzig, 1926–1927. Bd. 3 / Hrsg. von F. Bilabel. Nr. 6019.

¹⁴ IGLS 1232.

¹⁵ Подробнее см.: *Grossi Gondi F.* Trattato di epigrafia cristiana latina e greca del mondo romano occidentale. Roma, 1968. P. 241–254.

¹⁶ Публикация: КХНБ 42.

¹⁷ Крит. апп.: стк. 2: ὁ [δοῦλος τοῦ θεοῦ δεῖνα (?)] DiatrEm.

¹⁸ ASAtene, 41/42. № 165, 9с.

¹⁹ Syll³. 901.

²⁰ IG V. 3.

²¹ LGPN IV. 325.

²² Anth. gr. app. 604.

²³ Публикация: *Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н.* Новая христианская надпись из Фанагории // Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 5 (в печати).

²⁴ *Кобылина М.М.* Отчет Фанагорийской экспедиции 1971 г. // Архив ИА РАН. P-1. № 4603. Л. 19, рис. 30. Она же. Фанагорийская экспедиция // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 145; Она же. Раскопки Фанагории // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 97; см. также: *Даньшин Д.И.* Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э.: (этнический состав и этнокультурные традиции). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992 // Архив ИА РАН. P-2. № 2515. Л. 130–131, 231, табл. 71.

²⁵ *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // МАР. 1899. № 23. С. 50, № 48.

²⁶ *Haspels C.* The Highlands of Phrygia. Princeton, 1971. № 24.

²⁷ *Даньшин Д.И.* Население Фанагории... С. 194–211.

²⁸ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 88.

²⁹ КБН add. 3; относительно ошибочной датировки 304 г. см. в: *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии. С. 118.

³⁰ *Шкорпил В.В.* Камни с греческими надписями, поступившие в Мелек-Чесменский музей в 1896 г. // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 207–208, № 17.

³¹ *Марти Ю.Ю.* Три христианские надгробия, приобретенные для Мелек-Чесменского кургана в 1908 и 1909 г. // ЗООИД. 1911. Т. 29: Протоколы. С. 8–11, № 3.

³² *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1900 г. // ЗООИД. 1901. Т. 23. С. 70, № 10.

³³ *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК. 1909. Вып. 33. С. 30–31, № 14.

³⁴ Публикация: *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике 1. Надпись времен императора Юстиниана, найденная на Таманском полуострове // ВВ. 1894. Т. 1. С. 657–662 (*Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // МАР. 1895. № 17. С. 56–61, № 64); *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // ВВ. 1895. Т. 2. С. 189–198; Сборник 98 (КХНБ 3); *Millet G.* Рец. на: *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896 // Bulletin critique. 1900. 28. (non vidi); *Feissel D.* Nouvelles données sur l'institution du πατήρ τῆς πόλεως // Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. P., 1987. App. I. P. 219–220. Литература: SEG 50. 239.

- ³⁵ Крит. апп.: 1: стк. 1–3: Φῶς, ζῳή Bol, Kul, Lat3; Ἰη(σοῦς) Lat1,2; 2: стк. 1: om. omnes; стк. 2: σηφω[v... Lat et alii; стк. 3: ὀκοδομήθη Mill; стк. 4: ἐφ' ὑπατία]ς Lat1,2; βασιλεύοντο]ς vel ἐκ προνοία]ς Kul, ... Lat3; ἐκ προσφορά]ς Mill, βασιλεύοντο]ς Feiss; стк. 9: πατρός] Feis; κόμητο]ς Latyshev; πρωτεύοντο]ς Bololotov arud Kul, ἄρχοντο]ς Mill; стк. 10–11: Ἀγγουλά [τοῦ λαμπρο]τάτου Bololotov arud Kul, Lat3; Ἀγγουλά[του λαμπρο]τάτου Lat1,2; стк. 13: Μαίφ Vin, ... alii.
- ³⁶ Diller A. The tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster; Oxford, 1952. P. 130.
- ³⁷ Тем более, что Л. Згуста не включил его в число малоазиатских.
- ³⁸ Предположение С.Р. Тохтасьева, сообщенное нам в частной беседе.
- ³⁹ PLRE III. 81–82.
- ⁴⁰ Виноградов А.Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангуна // ANAXAPΣIΣ: Памяти Ю.Г. Виноградова. Севастополь, 2001. С. 70–71.
- ⁴¹ Procop. Caes. De aed. 3. 7. 12.
- ⁴² Le Bas P., Waddington W.H. Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, fait pendant les années 1834 et 1844. Paris, 1877. Vol. V. № 991C.
- ⁴³ Публикация: Raoul-Rochette D. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien. P., 1822. № 8, ol. IX, 5; Ашик А. Восторское царство. Одесса, 1843. Т. I. С. 115, № 43; SIG IV. 8740; Stephani L.E. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Saint-Petersbourg, 1854. Т. II. P. 21; Кене Б.В. Музей покойного князя В.В. Кочубея. СПб., 1856. Т. 1. С. 207; Латышев В.В. Сборник... № 99.
Литература: Сумароков П. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805. Ч. 2. С. 127–128, рис. 19; Dubois de Montpéroux Fr. Voyage autour du Caucase. P., 1843. Vol. 5. P. 74; Idem. Atlas, 4 ser. Pl. 26a. Fig. 6; Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. Март. С. 679–680, № 6; Бертъе-Делагард А.А. Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсониса // ЗООИД. 1893. Т. 16. С. 82–85; Латышев В.В. Вопрос о времени надписи Евпатерия // ВВ. 1894. Т. 1. С. 662–672; Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.: (По поводу изъяснения надписи Евпатерия) // ВВ. 1896. Т. 3. С. 1–17; Безобразов П.В. Рец. на кн.: Schlumberger G. Mélanges d'archéologie byzantine // ВВ. 1896. Т. 3. С. 675; Латышев В.В. О выражении γνήσιος δοῦλος в надписи Евпатерия // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 244–250, 253–254; PLRE III. 463; Шкорпил В.В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 23–35; Nadel V. The kaisarion Inscription from Taman // Historia Testis: Mélanges... T. Zawadzki. Fribourg, 1989. P. 119–131; Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. ХХ... С. 118.
- ⁴⁴ Крит. апп.: стк. 4: ΒΟΣΠΟΡΟΙ Murz; стк. 5: ΚΕΣΑΡ ΛΕΟΝ Murz; стк. 6: ...ΚΙΕ Sum, Asch, ΟΕΥΣΚ Murz, ...ΚΙΣ Dub, Stempk, Steph, Ἰ[σαά]κις SIG, Kul; стк. 9: ἰ Murz.
- ⁴⁵ Сборник. С. 105–108.
- ⁴⁶ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 561, 570. Рисунок надписи поручика Крамаровского издан там же. С. 562, рис. 148.
- ⁴⁷ Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Asie Mineure. Chicago, 1980. Fasc. 1. 111.
- ⁴⁸ PLRE III. P. 463.
- ⁴⁹ Io. Malal. 431.
- ⁵⁰ Bees N. Corpus der griechisch-christlichen Inschriften von Hellas: Inschriften von Peloponnes. Athen, 1941. Bd. 1. Isthmos-Korinthos. 1, 2 (γνήσιως δουλεύων), 3 (доместик священного дворца и императорский экскувит).
- ⁵¹ Io. Malal. 431.
- ⁵² Socrates Scholasticus. Hist. eccl. 7, 15.
- ⁵³ Theophanes. Chronographia 347.
- ⁵⁴ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 159 (Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова).
- ⁵⁵ Ср. КБН. С. 838. В средневизантийское время она встречается у Епифания Монаха (Греческие предания о св. апостоле Андрее. Том 1: Жития / Издание подгот. А.Ю. Виноградовым // Библиотека «Христианского Востока». СПб., 2005. Т. 3. С. 145) и у Константина Багрянородного (De administrando imperio; исправлено издателем).
- ⁵⁶ Публикация: SIG II. 2129c; Сборник 101. Литература: Ашик А. Восторское царство. Одесса, 1843. Т. II. С. 76, № 8.
- ⁵⁷ Крит. апп.: С. 1–9: ... μνήμη [... Σ] επ[ε]μ[ε]ρ[ε]ίου Voeskh; С. 8–9: .], ἡμέρα Lat.
- ⁵⁸ Латышев В.В. Сборник... № 93.
- ⁵⁹ Герц К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове. М., 1876. С. 86; Сборник 104.
- ⁶⁰ Крит. апп.: стк. 1: [ΠΣ Χ]Σ. Lat; С. 3–4: Κυριακὸν τὸν Herz; стк. 5–6: τὸν ναύτην... Herz; [ἀμ]α[ρ]τ<ομ>ωλόν, (υ)ί(όν ?) Γεωργ(ιο)υ Lat.
- ⁶¹ См.: Kiourtzian G. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes des Cyclades: De la fin du IIIe au VIIe s. ap. J.-C. P., 2000. P. 135–200. (Travaux et mémoires. Monographies 12).
- ⁶² Публикация: Марти Ю.Ю. Новые боспорские надгробия, приобретенные музеем Мелек-Чесменского кургана в 1907/8 г. // ЗООИД. 1910. Т. 28. Прот. С. 12. № 2.
- ⁶³ Крит. апп.: С. 1–5: Πλάτωνι ἐν[... Mart.
- ⁶⁴ Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 18–20. № 9.
- ⁶⁵ Strubbe J. Descriptive Catalogue and Bibliography of the Inscribed Monuments of Pessinus // Devreker J., Waelkens M. Les Fouilles de la Riksuniversiteit te Gent à Pessinonte. Brugge, 1984. P. 232. (Dissertationes Archaeologicae Gandenses; 22).
- ⁶⁶ Публикация: Яйленко В.П. О корпусе византийских надписей в СССР. С. 167–168; Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор... С. 245–246. Литература: Bull. ép. 1990. 903; SEG 39. 704; 48. 1025.
- ⁶⁷ Крит. апп.: С. 1–3: Ἐνθάδ' ἐτοξεύετο ὙVin.; стк. 2: τοξεύει Yajl.; стк. 3: ἰστανό(μενο)ς ὙVin.; стк. 4: ὁ om. ὙVin.; С. 5: Χιμίρι(δο)ς Yajl.; Κιμίριος ὙVin.
- ⁶⁸ Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. С. 4–23.
- ⁶⁹ Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма, II //

ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 235–238, 252, № 64r.

⁷⁰ *Inscriptiones graecae christianae veteres Occidentis* / Ed. C. Wessel, cur. A. Ferrua, C. Carletti // *Inscriptiones christianae Italiae*. Bari, 1989. Subs. 1. N 687.

⁷¹ КБН 742, 1278; *Justi E.* *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1995. S. 69, 139.

⁷² Например: *Sironen E.* *The Late Roman and Early Byzantine Inscriptions of Athens and Attica*. Helsinki, 1997. N 241.

⁷³ LSJ, s.v.

⁷⁴ Ср.: *Threatte L.* *The Grammar of Attic Inscriptions*. B.; N.Y., 1980. Vol. I. P. 388.

⁷⁵ См.: *Bechtel F.* *Die historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle, 1917. S. 500–506.

⁷⁶ В своем письме нам от 12.04.2007 Тохтасьев согласился с топонимическим характером имени.

⁷⁷ *Steph. Byz.*, s.v.

⁷⁸ *Ibid.*, s.v.

⁷⁹ *Греческие предания...* Примеч. 198.

⁸⁰ *Сборник* 103.

⁸¹ *Procop. Caes.* *De aed.* 3. 7. 12.

⁸² *De bellis* 8. 4. 12.

⁸³ *Io. Malal.* 432.

⁸⁴ *Латышев В.В.* *Эпиграфические находки...* С. 86, № 100; *Виноградов Ю.Г.* *Позднеантичный Боспор...* С. 243–244, № 6.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Д. В. ЖУРАВЛЕВ, С. В. МОКРОУСОВ,
С. Ю. САПРЫКИН

Появление в Северном Причерноморье ко второй половине III в. н.э. племенных союзов готов и других восточногерманских народов коренным образом изменило всю этнополитическую обстановку в регионе. В сочинении Иордана «Гетика» — одном из важнейших письменных источников середины VI в. н.э. рассказывается, как проходило расселение готов в Крыму и в районе Меотиды. Родом из остготов, его автор сообщал: «...первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Меотийского болота; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии». По словам Иордана, они едва ли не самые образованные из варваров и даже почти равные грекам (Jord. Gethica, 38–39). О появлении готов в районе Меотиды сообщал и Стефан Византийский (Steph. Byz. s.v. Γότθοι).

Вместе с готами в эти области пришли гревтунги (Greutungī, Greuthungi), которые, поселившись на Нижнем Дону, граничили с сармато-аланскими племенами, обитавшими в Восточной Меотиде и Нижнем Подонье, где их, согласно Аммиану Марцеллину, по традиции называли танаитами (Tanaitas — *Amm. Marc.* XXXI. 3. 1). Другие племена с запада — те же готы и бораны — двигались через Таврику и Европейский Боспор; боспорцы, опасаясь полного истребления, предоставили им свои корабли не только для переправы на восточный берег Керченского пролива, но и для походов в Колхиду и Восточную Малую Азию (Zosim I. 31. 1–2).

Этническая принадлежность боранов вызывает споры среди ученых — их предлагали отождествлять с аланами, сарматами, и даже со славянами, но, вероятнее всего, это было одно из ответвлений германского племени варнов (Varnī, Warnī, Οὐάρνοι)¹. Позднеантичная и средневековая традиция называла готов, грейтунгов, боранов общим термином «скифы». В «Хронике» Зонары (или псевдо-Зонары, XIII в.) говорится, что часть скифских племен приблизилась к Боспору, перешла Меотиду и оказалась у Евксинского Понта (Zonar. XII. 21). Вместе с ними из Западного Причерноморья пришли уругунды (буругунды — *Burugundi, Βουρούγουνδοί*), которые расселились севернее Танаиса на восточной стороне Меотиды (ср. Zosim. I. 31. 1 — Οὐρούγουνδοί). По свидетельству Иордана, «близ Меотийского болота, в топких местах, которые греки называли "ele"», поселилось германское племя — герулы/элуры (Ἐρουλοί, Heruli — *Jord. Gethica*, 117). Они, очевидно, жили в районе Сиваша и Перекопа или на северо-западном берегу Азовского моря, который примыкал к Северной Таврике. Однако нельзя исключить и того, что герулы выбрали для своего обитания Восточную Меотиду, где к северо-востоку от устья Кубани находились низменные заболоченные районы². Ведь, согласно свидетельству ряда древних авторов, в 267 г. н.э. герулы и остготы на кораблях двинулись из Меотиды и, пройдя Понт, вошли в устье Дуная, а затем через Мезию направились к Босфору (*Dexipp. Fr.* 16 a = SC, I, 3. P. 651; SHA: Gallieni duo, 13, 6–7)³. Корабли им могли предоставить в то время только жители боспорских городов — их непосредственные соседи.

Так германские племена готов (остготов, остроготов) и их союзники освоили побережье Меотиды и расселились поблизости от Боспорского государства и обитавших в Приазовье, Подонье и Прикубанье алано-сарматов. Окруженный со всех сторон крупными «варварскими» анклавами, Боспор испытал на себе тяжелые последствия вторжений пришельцев с запада и севера Европы. При этом готы и бораны, захватившие Европейский Боспор и с его помощью переправившиеся на азиатскую сторону пролива, вместе с сарматскими и аланскими подданными боспорских царей и его соседями на

востоке стали оказывать сильнейшее влияние на политическую, экономическую и военную обстановку в этом регионе.

Эти племена на протяжении двадцати лет почти ежегодно предпринимали морские и сухопутные набеги на римские владения в Причерноморье и Восточном Средиземноморье, а также против племенных союзов и царств на восточном берегу Черного моря. Согласно сообщению Зосима (I. 34–35), первые три похода (255–258 гг. н.э.) варвары совершили на кораблях вдоль восточного побережья Черного моря. Последствия оказались катастрофическими: практически полностью были опустошены приморские области вплоть до южных регионов Колхиды, ограблены города и поселения, в том числе Питиунт (Zosim. I. 31–32). В ходе второго похода в 257 г. н.э. под удар попали Фасис, Питиунт, Трапезунд, и его участники снова вернулись обратно с большой добычей (Zosim. I. 32–33). Главных вдохновителей, организаторов и непосредственных участников первых морских походов Зосим называет общим термином «скифы», а Григорий Тавматург — епископ Неокесарийский в послании 362 г. н.э. епископу Трапезунда прямо говорит, что это были остготы и бораны⁴. К тому же «варвары» предпринимали свои первые походы на боспорских кораблях, с помощью которых готы и бораны переправились с западного на восточный берег Керченского пролива (Zosim I. 32. 2–3: αὐτοὶ οἱ Σκυθαὶ πλοῖα παρὰ τῶν Βοσποριανῶν λαβόντες ἐπεραιώθησαν. κατασχόντες δὲ τὰ πλοῖα, καὶ οὐχ ὥσπερ πρότερον τοῖς Βοσποριανοῖς ἐνδόντες μετὰ τούτων ἐπανελθεῖν οἴκαδε... — «скифы снова взяли у боспоран суда и переправились; удержав суда и не позволив боспоранам, как прежде, возвратиться с ними домой...»). Если опираться на это сообщение, то в набеге на Фасис и другие города Колхиды приняли участие жители Боспорского царства, которые обслуживали корабли, предоставленные его правителями варварской коалиции, по всей видимости, специально для этих походов.

Эти разбойничьи экспедиции были столь успешными, а захваченная добыча богатой, что вскоре «варвары» расширили географию своих походов. В 258 г. н.э., как сообщает Зосим (I. 34), «скифы», решив, что нет никакого смысла плыть вдоль уже опустошенного Кавказского побережья, двинулись морским и сухопутным путем вдоль западного берега Черного моря, достигли Византии и, переправившись через Босфор, разграбили Калхедон, Кизик, Прусу, Никомедию и другие города римских малоазийских провинций. Эти походы, как и последующие 264, 266, 267, 275 гг. н.э., начинались из Меотиды, а и их участники плыли на кораблях. Поэтому следует отметить, что «варвары» каждый раз проходили пролив Боспор Киммерийский мимо крупных греческих городов — Пантикапея, Фанагории, Гермонассы и других. По свидетельству Зосима, некоторую помощь в организации этих походов оказало варварам Боспорское государство, но в чем заключалась при этом роль азиатской его половины, не совсем ясно. Вероятно, дело поначалу ограничивалось предоставлением кораблей. Однако подготовка похода 258 г. н.э. могла осуществляться уже на боспорской земле, поскольку, согласно Зосиму (I. 34), «соседние скифы» (τῶν δὲ ὁμοροῦντων Σκυθῶν), вдохновленные богатой добычей, начали готовить для похода суда, которые строили пленники и торговцы. Эти «соседние скифы» не пожелали идти вместе с боранами вдоль уже разоренных ими в ходе первых походов земель.

В этом сообщении Зосима нельзя не заметить два важных факта. Во-первых, указание на «соседних скифов», которых Зосим, отступив от своего правила обозначать всех готов — участников варварских походов III в. н.э. просто как «скифов», явно от них отделил. Вполне возможно, что под новым

для него словосочетанием — τῶν δὲ ὁμοροῦντων Σκυθῶν — он имел в виду не германцев, а другие племена Северного Причерноморья. Если следовать Зосиму, то поход начинался на Меотиде, и тогда под «соседними скифами» имелись в виду племена алано-сарматского круга — соседи готов, боранов, а также Боспора. Во-вторых, интересно упоминание о «людях, прибывших с торговыми целями» (συνόντων αὐτοῖς αἰχμαλώτων ἢ ἄλλως κατ' ἐμπορίαν ἐπιγυμνόμενων ὑπουργησάντων εἰς τὴν τούτων δημιουργίαν); вероятнее всего, это купцы, проживавшие в городах Боспорского царства. Однако, поскольку европейская сторона пролива была почти полностью разорена (кроме Пантикапея)⁵, а в Приазовье (исключая Таманский полуостров) не было верфей для постройки кораблей, равно как и больших торговых городов, то торговцы и корабельные строители, очевидно, могли готовить суда только в Пантикапее и полисах Таманского полуострова — Фанагории, Гермонассе, Патрее.

Роль Азиатского Боспора в подготовке «варварских» набегов на римские владения косвенно подтверждается событиями похода 275 г. н.э. на малоазийские провинции Римской империи. В биографиях римских императоров Тацита и Аврелиана (см. SHA: Tac. 13, 2–3; Div. Aurel. 16, конец IV–V в. н.э.; в этом разделе Scriptores фигурирует имя Флавия Вописка как автора) сообщается о выступивших в поход «многих варварах с Меотиды» (a Maeotide multi barbari eruperant... ipsi autem Maeotidae; в другом отрывке они именуются просто «меотиды» — contra Maeotidas bellum). Очевидно, автор биографий имел в виду жителей прибрежных районов Азовского моря, в том числе древней Меотики на восточном его берегу, так как ко второй половине III в. н.э. здесь, как уже отмечалось, поселились германские племена и алано-сарматы, в среде которых растворились исконно населявшие эти земли меоты. Зосим, говоря о «скифах, переправившихся через Меотийское озеро и Понт и вторгшихся в Киликию» (I. 63), уточняет, что это были «боспорские скифы» — Βοσπόρω Σκυθῶν (I. 64, 2). Хотя часть готов принимала участие в этом походе (это подтверждают легенды Victoria Gothica на римских монетах императора Тацита (275–276 гг. н.э.), который одержал над «варварами» победу), но современные исследователи справедливо полагают, что основной силой в этом военном походе северочерноморских варваров выступали уже не готы и бораны, а приазовские аланы⁶.

Поход окончился полной победой римлян, а оставшиеся в живых погрузились на корабли и отступили на Боспор. На море они тоже потерпели поражение от римского флота; затем, уже на Боспоре, остатки разгромленных варваров были изгнаны царем Тейраном (см. ниже) за пределы государства. Отголоски этой победы явно слышатся в боспорской надписи времени правления этого царя, обнаруженной в Пантикапее (КБН. 36). Возвращение участников похода именно на Боспор и их столкновение с правившим там царем косвенно указывают на определенную роль этого государства в подготовке этого похода.

Расширение варварской коалиции для походов против римлян произошло и в 267 г. н.э. Георгий Синкелл сообщает, что герулы (эрулы) на пятистах судах переплыли через Меотийское озеро за Понт и взяли Византий и Хрисополь (Synzell, p. 717 — Αἰρούλοι πεντακοσίαις ναυσὶ διὰ τῆς Μαιώτιδος λίμνης, ἐπὶ τὸν Πόντον διαπλεύσαντες τὸ Βυζάντιον καὶ Χρυσόπολιν κατέλαβον). У Зонары (XII. 25) по поводу этой войны говорится, что герулы, «народ скифский и готский» (Αἰρούλοις, Σκυθικῶν γένει καὶ Γοθικῶι) потерпели поражение от императора Галлиена. На этом основании некоторые современные исследователи рассматривают герулов как племенной союз сарматов-кочевников, хотя

их германское (или даже скандинавское) происхождение в настоящее время вряд ли может быть оспорено⁷. Возможно, правда, что племенной союз герулов включал также и представителей негерманских народов, и поэтому в ряде источников (поздние сообщения Синкелла и Зонары восходят к Дексиппу, III в. н.э.) герулы/эрулы отождествляются со «скифским народом».

Откуда же готы и их союзники черпали силы и средства для организации столь рискованных и длительных морских походов? Когда их целью были города, расположенные вдоль Левобережного Понта, то основную роль в их организации играли области, прилегавшие к Нижнему Поднепровью, Нижнему Побужью и Нижнему Поднестровью. Многие ученые придерживаются точки зрения, что опорой «варваров» при подготовке походов в Восточное Причерноморье и Малую Азию являлись земли Европейского Боспора, где были зафиксированы наиболее значительные разрушения поселений в ходе готских вторжений второй четверти — середины III в. н.э. Защитники этой точки зрения ссылались на то, что на азиатской стороне такие разрушения не выявлены: более того, Азиатский Боспор переживал в то время экономический подъем, особенно после 260-х годов н.э., когда варвары стали доставлять туда награбленные сокровища⁸. Однако сведения о первых морских вторжениях «скифов» в Восточное и Южное Причерноморье позволяют утверждать, что их подготовка была возможна только при использовании ресурсов Восточной Меотиды, а также городов и хоры азиатской половины Боспорского государства. Европейская же сторона, сильно пострадавшая при готских вторжениях, не могла обеспечить «скифам» необходимый им провиант, корабли и живую силу. К тому же, после успешных нападений на римские владения готы ослабили натиск⁹, и на первые роли выдвинулись другие племена (в том числе и аланы), больше связанные с Приазовьем и Северным Кавказом, нежели с Европейским Боспором.

В чем же заключалась причина включения в «варварскую» коалицию германских народов, воевавших с Римской империей, аланов и даже жителей Боспорского государства? Ответ на этот вопрос, по-видимому, следует искать в событиях, которые последовали за опустошительным походом в Трапезунд готы и боранов в 257 г. н.э. и появлением на исторической арене готы-тетракситов или трапезитов¹⁰. Прокопий Кесарийский (Bell. Goth. VIII. 5. 1–5) сначала помещал их на Европейском Боспоре, т.е. на Керченском полуострове, в связи с событиями второй половины III в. н.э. Однако, описывая взаимоотношения гуннов и Византии при Юстиниане, он локализует их уже на противоположном берегу пролива — на Таманском полуострове, у самого устья Меотийского Болота (Керченского пролива) в стране Эвлисии, простирающейся до реки Танаис (Ibid. VIII. 4). Согласно Периплу псевдо-Арриана (63), от Синдской гавани до гавани Пагры в стране торетов и керкетов (район совр. г. Геленджика. — *Авт.*) обитали эвдусианы, которые говорили на готском и таврском языках. Указание на готский и таврский языки этих племен подразумевает их проникновение из Таврики на Северный Кавказ, куда они переселились вместе с остатками тавро-скифского населения. Оценивая эти сообщения источников, современные исследователи сходятся во мнении, что скорее всего можно говорить о двух ветвях готы, осевших во второй половине III — второй половине IV в. н.э. на азиатской стороне Боспора и прилегавших к ней землях на юго-востоке — одной в Эвлисии, другой в Эвдусии¹¹.

Совершенно справедливым представляется связь этнонима «готы-трапезиты» с городом, который, если следовать сообщениям раннесредневековой литературной традиции, существовал под названием *Trapezunta* в эпоху

поздней античности на Боспоре, точнее — на азиатской его половине (Jord. Gethica. 32; Rav. Anonym. IV. 3; V. 11; ср. Strabo VII. 4. 3)¹². Считать это местоположение города ошибкой римских картографов вряд ли справедливо, так как в противном случае он фигурировал бы в периплах Черного моря римской эпохи, основу которых составляла карта Агриппы. Но географическая традиция об этом умалчивает. Поэтому появление города под таким названием в Северном Причерноморье могло быть связано с походами готы в Южный Понт, в частности, с наиболее успешным морским рейдом против Трапезунда в 257 г. н.э.¹³ Во время этого нападения готы и бораны захватили бесчисленные сокровища и множество пленных, а затем, разграбив хору этого города и обзаведясь у покоренных горожан новыми судами, возвратились обратно (Zosim I. 32–34). В ознаменование столь успешного военного предприятия и в благодарность за предоставленные корабли, часть готы и боранов решила, по-видимому, осесть на боспорской территории или по-соседству на Северном Кавказе (а, может быть, частично и на Керченском полуострове), признав над собой власть или протекторат в целом проримски настроенных боспорских царей, или даже вступив с ними в дружбу. Так, они еще теснее стали соприкасаться с сармато-аланскими племенами, с давних времен установившими с Боспором дружественные, а подчас и вассальные отношения. Некоторой части племенных союзов готы и боранов отныне стало труднее ежегодно предпринимать антиримские рейды, поскольку Боспор, экономически и политически зависимый от римских властей, не всегда охотно поддерживал эти походы на Римскую империю. Ситуацией воспользовались германцы, которые не подчинялись боспорцам, а также некоторые из сармато-аланов, проживавшие не на боспорской земле, а в Восточном Приазовье. Это привело к расширению коалиции «варваров» при организации новых морских и сухопутных походов из Меотиды за счет герулов и приазовских аланов. Жившие на Азиатском и Европейском Боспоре подданные местных царей, как сообщается в вышеприведенных пассажах Зосима, также были не прочь обогатиться за счет новых морских и сухопутных вторжений в пределы римских владений. Все это обостряло внутривосточную ситуацию в Боспорском государстве и способствовало усилению напряженных отношений между сармато-аланскими племенными вождями, боспорскими царями и их покровителями — римлянами.

О внутривосточном и экономическом положении Боспора в III в. н.э. говорят монеты, датированные по вифино-понтийской (боспорской) эре (при фактически полном отсутствии письменных источников нумизматический материал позволяет высказывать лишь предположительные заключения¹⁴). Однако очевидные совпадения чекана боспорскими царями монет на протяжении второй половины III — начала IV в. н.э. с событиями морских походов весьма знаменательны. Если исходить из данных нумизматики, то можно говорить о том, что в 253 г. н.э. к власти на Боспоре пришла группировка, посадившая на престол Фарсанза, который, судя по имени, был царем сармато-аланского происхождения¹⁵.

Он правил параллельно с Рескупоридом IV (242–276 гг. н.э.) — представителем прежней династии Тибериев Юлиев, по-видимому, как его соправитель¹⁶. Оба царя выпускали монеты, но монет Фарсанза 253–254 гг. н.э. дошло значительно больше, чем Рескупорида. К 255 г. н.э. количество монет Рескупорида, судя по находкам, заметно увеличилось, что совпало по времени с началом морских походов варваров. Имя Фарсанза после 255 г. н.э. вообще исчезло с боспорских монет. Не говорит ли это о том, что он был смещен с

престола либо убит в ходе этих походов? Правда, проримские типы его монет свидетельствуют против прямого участия Фарсанза в антиримских войнах. Скорее всего, он был лишен власти готами и боранами, которые, вернувшись из похода, ликвидировали аланскую группировку и поставили на престол царя Рескупорида¹⁷, который на Азиатском Боспоре мог помогать «варварам» в организации морских набегов. Привезенная готами и боранами богатая добыча способствовала укреплению экономики, что послужило стимулом к увеличению объема золотого чекана Рескупорида.

Этот царь находился на престоле до 276 г. н.э., причем за время его правления меньше всего монет было отчеканено в 256–257 гг. н.э., а в 258–260 гг. н.э. их вообще не выпускали. Это совпадает по времени с войнами против малоазийских провинций Римской империи, в которых участвовали боспорцы, аланы и готы, поселившиеся по возвращении из походов в пределах Боспорского царства. В подготовке походов, как уже отмечалось, принимали участие проаланская группировка, боспорские города, торговый люд и пленные, и поэтому влияние Рескупорида могло быть временно ограничено римлянами, что и отразилось на его монетном деле. Однако в 262–267 гг. н.э., когда грейтунги, остроготы и герулы вели военные действия в Эфесе, Каппадокии, Вифинии и Греции, монетный чекан Рескупорида IV достиг наибольшей интенсивности (монетные типы были традиционно проримскими). Это еще раз указывает на проримскую позицию Боспора, подданные которого в этих войнах не участвовали или их роль была ограниченной. Можно также полагать, что Рим опять начал давать субсидии Рескупориду как своему вассалу, чтобы он сдерживал подвластных ему варваров от намерений снова напасть на римские провинции.

В 266 г. н.э. появились первые статеры царя Тейрана. Если судить по его имени, то он мог быть представителем готской группировки. По установившейся боспорской традиции он, очевидно, стал соправителем Рескупорида IV. В этом же году состоялся очередной поход северочерноморских «варваров» на римлян; они вторглись в Вифинию и опустошили окрестности города Гераклеи Понтийской — одного из главных торговых и политических партнеров Боспора в эту эпоху. Из сообщения Галлиена (SHA: Gallieni duo, 12. 6) известно, что участники этого рейда — «скифы» вернулись домой с богатой добычей. Такая атрибуция участников похода в римских источниках позволяет предположить, что его организовали готы и другие племена¹⁸, в том числе, возможно, и аланы из Приазовья и соседних с Боспором земель. Тогда же из похода на Малую Азию возвратились герулы и прошли через территорию Боспора в Меотиду.

Это обострило внутривосточную обстановку в Боспорском царстве и усилило германо-кельтскую элиту. В результате позиции проримского правителя Рескупорида ослабели, и к власти пришел Тейран. Это стало побудительным мотивом для римских властей отказать в выдаче очередных денежных субсидий боспорянам, так как Рескупорид не смог удержать подвластных и союзных ему варваров от вторжений в пределы Империи. И действительно, после 267 г. н.э. и до 275 г. н.э. Рескупорид IV никаких монет не чеканил и это, по всей вероятности, было вызвано отказом римлян помогать Боспору, так как часть проживавших там «варваров» приняла участие в походах в 267–268 гг. н.э.

Однако в 275–276 гг. н.э. Рескупорид IV опять продолжил чекан, хотя одновременно в 275 г. н.э. были выпущены статеры Савромата IV — также представителя старой династии Тибериев Юлиев. Возможно, что он был со-

правителем Рескупорида на Азиатском Боспоре и царя Тейрана, оставшегося правителем на европейской стороне¹⁹. Выпуск золота в 275–276 гг. н.э. совпал с организацией на Боспоре, особенно на азиатской половине, а также в Приазовье и Прикубанье, последнего похода на римлян в Малую Азию, который возглавили аланы. Очевидно, в эти годы в Боспорском царстве шла ожесточенная внутривосточная борьба представителей знатных алано-сарматских родов, поддерживавших Рескупорида IV и Савромата IV, и готской группировки, выдвинувшей на престол Тейрана. Однако постепенно Тейран оказался на вторых или даже на третьих ролях в этом общем раскладе сил. Н.А. Фролова совершенно справедливо отмечает, что Рескупориду в последние годы его правления все труднее было сдерживать антиримский порыв готов и даже алано-сармат, и ему пришлось опираться на своего соправителя Савромата²⁰. Незначительный объем чекана Рескупорида в 275–276 гг. н.э. по сравнению с обилием монет Савромата и Тейрана 275–277 гг. н.э.²¹ показывает, что Рескупорид постепенно стал терять свои позиции, а, возможно, в начале 276 г. н.э. ушел из жизни. Поэтому основная борьба велась уже между сторонниками Савромата и Тейрана, т.е. между алано-сарматской знатью и германо-кельтской верхушкой, объединявшей готов, герулов, боранов, бастарнов и других.

Как уже отмечалось, разбитые римлянами в 275 г. н.э. «меотиды», т.е. приазовские скифы — сармато-аланы и их союзники-готы, вернулись на Боспор, но были атакованы верными Тейрану войсками и изгнаны. Царь Савромат IV — прямой потомок Рескупорида IV, был вынужден сложить с себя власть. На это, по всей видимости, указывает пантикапейская надпись, поставленная Зевсу и Гере Спасителям за победу царя Тейрана и его супруги царицы Элии (КБН, 36). По данным монет, не ранее конца 275 г. н.э. или с осени 276 г. н.э., Тейран стал единоличным правителем царства, и потому эта надпись могла быть выбита не раньше этого времени. Она ознаменовала собой победу проготской группировки и поражение сармато-аланских родов, поддерживавших династию Тибериев Юлиев. Своей победой Тейран заслужил доверие римлян, что обеспечило ему престол еще на три года (276–278 гг. н.э.), титул «друга цезаря и римлян» и соответственно римские денежные субсидии.

Таким образом, население Азиатского Боспора и окрестных земель в течение нескольких десятилетий III в. н.э. могло оказывать поддержку варварам в их морских походах, главным образом, направленных против владений Римской империи в Малой Азии и ее союзников. Об этом, очевидно, свидетельствуют находки последних лет в Фанагории, где обнаружены следы проводившихся в последних десятилетиях III в. н.э. и в первой половине IV в. н.э. работ по благоустройству порта и гавани²². Возможно, что расширение гавани и укрепление береговых сооружений было связано с приемом и отправкой кораблей, на которых «варварская коалиция» совершала свои походы. Реконструированная гавань должна была также обеспечить стоянку судов, захваченных во время рейдов на портовые города римских восточных провинций. В такие гавани и порты «варвары» и боспорцы привозили добычу, ставшую источником подъема экономики Боспорского царства, в том числе восточной его половины, что убедительно подтверждает обильная золотая чеканка его правителей.

Большая часть захваченной добычи попадала в руки боспорской знати, о чем свидетельствуют находки дорогой римской посуды III–IV вв. н.э. в богатых погребениях пантикапейского некрополя. Львиную ее долю присваивали

себе также варварские царьки и племенные вожди, о чем можно судить по находкам римских серебряных и бронзовых изделий и украшений этого времени в курганах, разбросанных по обширным регионам Поволжья, Подонья, Закубанья²³.

К началу 280-х годов н.э. в Боспорском царстве снова обострилась внутривосточная борьба различных племенных кланов, поддерживавших поочередно царей «готского» и «сармато-аланского» круга. К сожалению, уверенно говорить об их этническом происхождении крайне сложно из-за отсутствия надежной письменной традиции. В 279–284 гг. н.э., когда на Боспоре вообще не чеканили монет, царский престол занимал некий Хедосбий, очевидно, преемник Тейрана, но, в отличие от него, он не получал от Рима денежных субсидий. С приходом к власти в 285 г. н.э. Фофорса (иранское имя этого царя может косвенно указывать на его принадлежность к сармато-аланской ветви династии) перерывы в чеканке прекратились²⁴. Индикатором возрождения хозяйственной жизни Азиатского Боспора при этом царе служит изменение годового количества выпускаемых монет. Если опираться на исследования современных нумизматов, то можно выявить два периода, когда годовое количество монет резко менялось: 286–293 гг. н.э. (начальные годы правления Фофорса) были мирными и стабильными, и монеты чеканили для удовлетворения повседневных нужд, а не в условиях чрезвычайных обстоятельств²⁵; 294–303 гг. н.э. (последние годы правления Фофорса) отмечены усиленной монетной эмиссией, когда интенсивность чекана возросла почти в шесть раз.

Рост расходов, повлекший за собой увеличение объемов чеканки монет, мог быть вызван боспоро-херсонесскими войнами, сведения о которых сохранились в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей». Согласно его сообщению, в правление римского императора Диоклетиана боспорский царь Савромат с большим войском припонтских сарматов отправился в поход на римлян. Он завоевал страну лазов в Восточном Причерноморье и продвинулся южнее вплоть до р. Галис в Северной Анатолии. Узнав о нападении, Диоклетиан послал против боспорцев (сарматов) войско, которое возглавил Констанций — будущий цезарь (с 293 г. н.э. после провозглашения в Медиолануме). Однако римским властям никак не удавалось отбросить вторгшихся в Малую Азию сарматов, поэтому они обратились к союзным им херсонессцам за помощью. В ответ на их просьбу херсонесское войско вторглось на территорию Европейского Боспора и захватило столицу царства — город Боспор (так в позднеримское и византийское время именовался Пантикапей). Там херсонесцы взяли в плен семью царя, отправив затем к нему в Малую Азию посольство с требованием прекратить войну с римлянами. В результате царь Савромат был вынужден уйти с римской территории и возвратиться на Боспор. В награду за содействие Херсонес получил от римлян освобождение от налогов и другие привилегии (Const. Porphyg. De adm. Imp. 53).

Через некоторое время, как говорится в трактате, «Савромат, внук Савромата, бывшего сыном Крискорона, воевавшего Лазику», собрал войско в Меотиде и выдвинул его к Кафе (Феодосии), чтобы отомстить за разгром херсонессцами войска его деда, но был побежден херсонесскими отрядами и отступил на Боспор (в Пантикапей), признав новую границу своего царства в районе Феодосии (Ibid. 53. 252Be. 192). Чуть позднее «другой Савромат», воспользовавшись войском, собранным опять близ Меотиды, вторгся в пределы владений Херсонеса в районе Феодосии. Когда боспорцы и сарматы встретились с херсонесским войском в предгорьях Таврики, Савромат был

убит в поединке с одним из командиров херсонесцев, который «распустил войнство Меотиды, а людей из Боспора забрал как пленников, отняв их землю», и пограничные столбы отодвинул далее на восток к Кибернику=Киммерику (Ibid. 53. 254Be–255Be. 193–195).

Исследователи в течение долгого времени не доверяли свидетельствам Константина Багрянородного, которые касались истории Херсонеса Таврического и Боспора²⁶. Однако Р. Гарнетт, Б. Надэль, Я. Харматта, а также В.М. Зубарь, С.Ю. Сапрыкин, А.С. Русяева и другие убедительно доказали их подлинность и относительную точность сведений по истории Боспорского царства в конце III — начале IV в. н.э.²⁷ В трактате Константина использованы херсонесские хроники, которые составлялись на протяжении длительного времени. На этом основании поход Савромата в Лазику и Полемонов Понт в настоящее время ученые относят к 291–293 г. н.э., возвращение Савромата на Боспор — к 293 г. н.э.²⁸, а другие войны с участием Савроматов датируют первой половиной IV в. н.э.²⁹ И все же остается одно обстоятельство, которое на первый взгляд противоречит исторической ситуации на Боспоре, описанной в трактате. Речь идет о царях Савромате и Фофорсе: первый фигурирует в его тексте, второй там не упоминается, хотя по нумизматическим данным именно Фофорс правил в это время в Боспорском царстве. Чтобы преодолеть это явное противоречие, ученые предлагали считать Савромата не личным именем конкретного царя, а «общим названием царей в херсонесской хронике», или же видеть в нем правившего на Боспоре царя Фофорса (одним из аргументов было то, что оба имени иранские и могли принадлежать правителю из среды ираноязычных сармато-аланов)³⁰.

Однако, чтобы объяснить данное разночтение в письменных и нумизматических источниках, можно и не прибегать к такого рода «натяжкам». Можно вспомнить, что после готских походов на престоле Боспорского царства находились готские и сармато-аланские цари, а также представители боспорской династии Тибериев Юлиев, правившие с I в. н.э. и пользовавшиеся династическими именами Рескупоридов и Савроматов. Один из них, Савромат IV, как говорилось, был соправителем при Рескупориде IV, Фарсанзе, Тейране и в 275 г. н.э. даже чеканил монету со своим именем и титулом. Неизвестно, являлся ли упоминаемый в трактате Константина «Савромат» четвертым царем с этим именем, который чеканил монеты, или в тексте упоминается новый царь — Савромат V, еще один представитель древней боспорской династии. Мы знаем, что он возглавлял боспоро-сарматское войско, когда, по данным монет, на престоле находился Фофорс.

Очевидно, Савромат, названный в трактате царем, мог по боспорской традиции быть соправителем Фофорса, представителя алаано-сарматской группировки, которая регулярно поддерживала династию Тибериев Юлиев. Возможно, что в этом Савромате можно видеть Савромата IV, правившего в последние годы царствования Рескупорида IV в качестве его сына, а затем при его преемниках, включая Фофорса. В трактате Константина Савромат назван «сыном Крискорона». Под этим явно искаженным именем вполне могла скрываться реальная фигура царя Рескупорида IV³¹.

Если доверять свидетельствам Константина, то можно определить роль Азиатского Боспора во время херсонесско-боспоро-римского конфликта в конце III в. н.э. Хотя войны между Боспором и Херсонесом развернулись на европейской стороне Керченского пролива, упоминание Константином о «сарматах, населяющих берега Меотиды» (Σαρμάτας τοὺς τὴν Μαιώτιδα λίμνην οἰκοῦντας) и принявших участие в походе на римлян и лазов, свидетельствует

о том, что основу боспорского войска составляли алано-сарматские отряды, в том числе и набранные в Меотике, Восточном Приазовье и Прикубанье. О том, что подготовка похода Савромата на лазов и в Восточную Анатолию проходила на Азиатском Боспоре и в Восточной Меотиде, говорит выбранный им маршрут вдоль Восточного Причерноморья — традиционный и для более ранних алано-готских набегов из Меотиды (см. выше). На этом основании можно было бы предположить, что предводитель войска — царь Савромат — являлся соправителем Фофорса на восточной стороне пролива Боспора Киммерийского, однако этому противоречит сообщение трактата о захвате его семьи на Европейском Боспоре и о возвращении его из Малой Азии в город Боспор (Пантикапей), где были освобождены и его родственники.

Вероятно, Фофорс считался царем всего Боспора, однако, имея отношение к алано-сарматам, он позволил своему соправителю Савромату IV набирать войска среди сарматских племен на азиатской половине царства и в Восточной Меотиде. Не исключено, что во время захвата херсонесцами Пантикапея Фофорс находился на азиатской стороне пролива³². Внук Савромата IV — Савромат V и «другой Савромат» (очевидно, шестой царь с этим же именем³³), также набирали войска из припонтийских сарматов (в том числе в азиатской части Меотиды) и среди населения Боспора, о чем говорится в Константиновом трактате (De adm. Imp. 53. 245Ve): херсонесцы должны были захватить Пантикапей (πόλις Βόσπορον) «и крепости на Меотиде» (καὶ τὰ τῆς Μαίωτιδος καστέλλα), поставлявшие боспорским правителям воинов; скорее всего, здесь имеются в виду укрепленные военно-хозяйственные поселения Азиатского Боспора; ведь согласно археологическим данным, большую часть укреплений на Европейском Боспоре разрушили готы, а по свидетельствам трактата Константина, к концу III в. н.э. и началу следующего столетия подвластная боспорским правителям территория в этом районе существенно сократилась.

В 308 г. н.э. правление Фофорса закончилось, и к власти пришел царь Радамсад, правивший с 309 г. н.э. по 322 г. н.э., когда он, очевидно, погиб во время херсонесско-римско-аланских войн на Дунае. По сообщению Зосима, в ходе этих войн был убит некий царь Ревсимод (Zosim. II. 21), которого не без оснований отождествляют с боспорским царем Радамсадом³⁴. В 314—322 гг. н.э. Радамсад управлял совместно с Рескупоридом V, что могло быть вызвано внешней угрозой³⁵, а также внутривосточными причинами и интригами римских властей. Последние были крайне обеспокоены вновь начавшимися с конца III в. н.э. походами варваров и боспорцев на владения Римской империи в Подунавье и в Малой Азии. Стоило только царю Радамсаду (Ревсимоду) в начале 320-х годов н.э. совершить нападение на римские провинции, как римляне тотчас привели к власти в Боспорском царстве своих сторонников в лице старой проримской династии — верных вассалов империи в отличие от варварских царей — «недостойных и потерянных людей», по выражению Зосима (I. 31. 3).

После гибели Радамсада на боспорском престоле воцарился Рескупорид V, последний из засвидетельствованных нумизматическими источниками царей Боспора. Он правил до 342 г. н.э., когда царская боспорская чеканка полностью прекратилась, а Боспорское государство стало клониться к упадку в результате начавшихся передвижений гуннских племен. Любопытно, что после гибели Радамсада (=Ревсимода) трон полностью перешел к древней боспорской царской династии в лице Рескупорида V, который мог управлять вместе с соправителями Савроматом V и Савроматом VI из той же династии.

Это означало ослабление или даже поражение алано-готской группировки, что не могло произойти без участия римлян и появления на границах Боспора новых кочевников. В этих условиях Рим продолжал поддерживать своих сторонников на Боспоре, о чем свидетельствует сравнительно обильная чеканка последнего боспорского царя.

Усиление позиций римлян и проримской партии на Боспоре в последние годы правления Фофорса подтверждается надписью от 307 г. н.э., в которой упоминаются архонты Агриппии (Фанагории) и Кесарии (Пантикапея) (КБН. 1051). Она свидетельствует о сохранении за крупнейшими полисами Боспорского царства не только их названий, но и об определенной самостоятельности их гражданских общин. Это проявилось в деятельности таких полисных институтов, как коллегии архонтов. Остается неясным, когда эти высшие полисные магистраты начали функционировать в крупнейших городах римского Боспора. Ранее архонтами городов Боспора являлись Спартокиды, в последующее время об архонтах ничего не известно. Их появление в римское время было связано с подтверждением политических прав полисных общин со стороны боспорских царей и их римских покровителей, которые заигрывали с греческими городами из-за опасности варварских нападений.

Монетное дело царей Боспора конца III — первой половины IV в. н.э. на первый взгляд не позволяет говорить о враждебности Боспорского государства и Римской империи, поскольку на обороте боспорских статеров всегда изображался портрет римского императора. В этом отражалось благосклонное отношение римлян к боспорским царям и их влиянию в районе Приазовья и на Северном Кавказе — ведь их конфликт с Херсонесом в Восточном Крыму отвлекал алано-сарматов и боспорских «варваров» от нападений на римские владения. Однако следует иметь в виду, что золотые монеты с портретами римских императоров выпускали в основном цари, которые не принимали активного участия в антиримских акциях своих подданных и соседних племен и не представляли для Рима реальной угрозы. Заметим, что последние боспорские цари, воевавшие с Империей и ее союзниками под именем Савроматов, не имели собственной чеканки, тогда как находившиеся одновременно с ними на престоле цари Рескупорид IV, Тейран, Фофорс, Радамсад, Рескупорид V получили право выпускать монеты с проримскими типами.

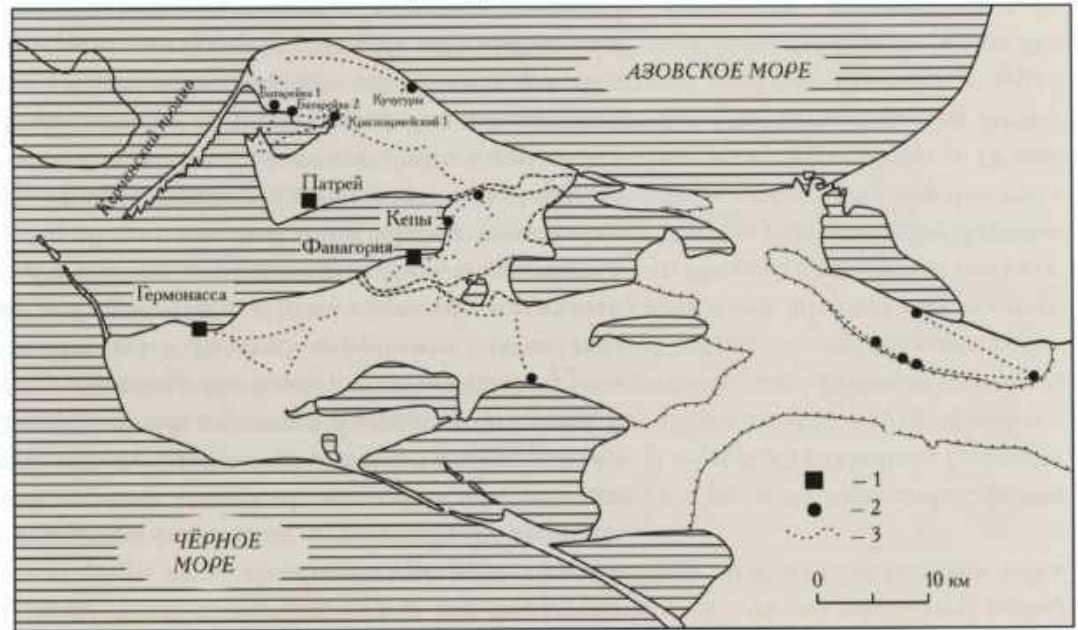
Войны с Херсонесом привели к опустошению и сокращению европейской территории Боспора, прежде подвластной его царям. Это неизбежно усиливало экономическую деятельность на азиатском берегу. Подъему экономики на восточном побережье Боспора способствовали и морские походы готов и сармато-аланов, которые вместе с боспорцами возвращались туда с богатой добычей и военными трофеями. Материалы археологических раскопок указывают на континуитет материальной культуры Азиатского Боспора в первой половине — середине III в. н.э. и во второй половине III — первой половине IV в. н.э. Они свидетельствуют также об активной строительной деятельности в городах и на хоре Азиатского Боспора (рис. 1). В Фанагории был открыт дом III в. н.э. с подвалом и двумя жилыми помещениями, а также жилой комплекс IV в. н.э. в юго-западном секторе верхнего плато с домами на каменном цоколе, с глинобитными полами, печами, хотя жители продолжали пользоваться колодцами предшествующего времени³⁶.

При внешнем изменении облика город сохранил территорию в прежних границах и продолжал оставаться крупным ремесленным и торговым центром Азиатского Боспора (рис. 2). Одним из ремесленных кварталов являлся так

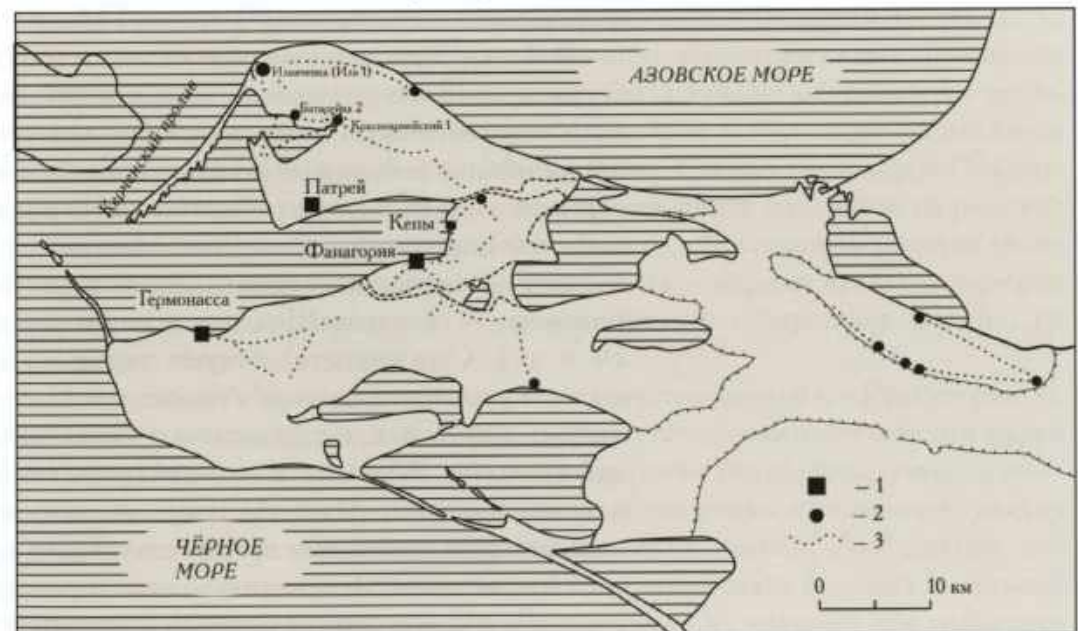
называемый «Керамик», обнаруженный в 1964 г., где были найдены четыре керамические печи III в. н.э. и пять печей IV в. н.э. В этих печах наряду с крупными сосудами обжигались и небольшие изделия — грузила, светильники и мелкие сосуды. Некоторые из печей Керамика, в частности печи № 4 (102) и № 5 появились в конце III в. н.э., но продолжали функционировать на протяжении первой половины IV в. н.э.³⁷ Печь № 5, которая предназначалась для обжига черепицы, прекратила существование в 360–370 гг. н.э. Фанагория являлась в это время крупнейшим на Боспоре производителем глиняных светильников — в керамических печах Керамика было обнаружено несколько многорожковых светильников³⁸, один из которых — семирожковый — украшен орнаментом в виде ветвей³⁹.

1. Поселения Азиатского Боспора 270/280–340-х годов н.э.

Условные обозначения: 1 — города; 2 — поселения; 3 — дороги.

2. Поселения Азиатского Боспора 350/360 гг. — начала V в. н.э.

Условные обозначения: 1 — города; 2 — поселения; 3 — дороги.

Рис. 1. Поселения Азиатского Боспора позднеантичного времени

Рис. 2. Деревянные гребни.
Фанагория. III–IV вв. н.э.
Таманский музей

В строительной технике этого времени тем не менее прослеживаются следы деградации. Так, например, подвальное помещение римского времени, открытое в западной части Центрального раскопа, в III в. н.э. было перестроено и приспособлено под жилье. Более поздние верхние части стен четко выделяются своей плохой кладкой из рваного бутового камня, без соблюдения рядности. В подвал вела лестница с семью истертыми ступенями. На дне сохранился каменный столбик, который, вероятно, служил опорой для стола; в стене была сделана ниша, внутри которой сохранились следы глиняной обмазки и побелки⁴⁰. По всей видимости, богатые здания продолжали строиться в городе вплоть до IV в. н.э. Во всяком случае, на городской свалке, возникшей после разгрома города, среди обычного материала — битой керамики, костей животных, золы и углей, было обнаружено много облицовочных, мраморных и алабастровых плиток различного цвета, широко использовавшихся в декоре позднеантичных зданий⁴¹.

На «Береговом» раскопе были зафиксированы следы нивелировки слоев II–III вв. н.э.: там, судя по имеющимся материалам, в самом конце III — начале IV в. н.э. проводились перепланировочные работы и были засыпаны остатки винодельни⁴². Еще одна винодельня появилась в III в. н.э. в центральной части города на месте построек общественного характера⁴³. На раскопе «Береговой» были выявлены также следы разрушений IV в. н.э. Здесь было открыто большое здание, построенное не ранее середины IV в. н.э. и сгоревшее около конца этого столетия. А.Г. Атавин связывает этот пожар с гуннами или внутренними событиями на Боспоре, возникшими непосредственно в связи с их нашествием⁴⁴. Пожар, однако, не привел к разрушениям здания, и оно продолжало существовать и позднее. К зданию была пристроена кладовая для хранения амфор и пифосов, а также печь для приготовления пищи со вмазанным у горловины небольшим пифосом. Это здание, однако, вскоре погибло в огне пожара, связанного, по-видимому, с боевыми действиями, так как в слое были найдены каменные ядра от метательных машин, которыми город обстреливали со стороны Таманского залива⁴⁵.

На «Центральном» раскопе был открыт производственный район города, где находились стеклодувные и гончарные печи, в том числе для обжига больших сосудов, датированные III–IV вв. н.э.⁴⁶ При раскопках зафиксированы следы пожаров и разрушений IV в. н.э., причем после них жизнь в юго-восточном и юго-западном секторах города больше не возобновлялась. Толстый слой пожара мощностью до 0,2 м был обнаружен и на нижнем плато центральной части города, над развалинами хозяйственного комплекса и жилых построек III–IV вв. н.э.⁴⁷ Городская свалка мощностью около 4 м образовалась в результате разборов развалин, оставшихся, очевидно, после гуннского нашествия⁴⁸.

В некрополе Фанагории этого времени был открыт склеп с двумя камерами, в каждой из которых были захоронения с богатым инвентарем⁴⁹ — оружием, стеклянными стаканами с каплями синего стекла⁵⁰, краснолаковой керамикой группы Pontic Red Slip Ware⁵¹, бронзовыми и серебряными пряжками и т.п. Этот комплекс может датироваться концом IV — серединой V в. н.э. В последние годы были открыты другие погребения в склепах, а также в подбойных могилах и узких грунтовых ямах. Погребальный инвентарь рядовых захоронений в фанагорийском некрополе указывает на очень сильное влияние сармато-аланского заупокойного обряда⁵². По-видимому, проходила значительная сарматизация населения города в III–IV вв. н.э. По мнению А.П. Медведева, отсутствие в некрополе специфических гуннских черт может говорить о том, что в конце IV — начале V в. н.э. в Фанагории гуннов еще не было⁵³.

В Гермонассе — другом крупном городе Азиатского Боспора был обнаружен комплекс большого многоквартирного здания. Сохранились остатки внутренней вымостки; само здание имеет два строительных периода: конец II — первая половина III в. и III—IV вв. н.э. А.К. Коровина предполагала общественный характер этой постройки⁵⁴ или что это был «большой хозяйственный комплекс, связанный с городским управлением или каким-то синодом»⁵⁵. Часть городской территории Гермонассы, как показали исследования на участке XXVII—XXVIII в 1954—1955 гг., была отдана под хозяйственные и зерновые ямы. В ходе раскопок были обнаружены улица шириной около 5 м, вымощенная обломками черепков и щебнем, а по ее сторонам жилые дома, в которых были найдены зернотерки. В переулках между домами были положены большие камни-валуны, предохранявшие углы зданий от возможных повреждений⁵⁶. Раскопки 1974—1975 гг. на Нагорном раскопе выявили архитектурный комплекс постройки, имевшей два строительных периода: первый датируется концом II — серединой III в. н.э., так как комплекс был разрушен ок. 252 г. н.э. (датировка определяется по биллоновым монетам Рескупорида IV от 252 г. н.э. из монетного клада)⁵⁷. Эта дата является началом второго строительного периода, когда постройка комплекса была возведена на фундаменте стен первого строительного периода, что свидетельствует о непрерывности жизни этой постройки.

Керамический комплекс, маркирующий время разрушения здания первого строительного периода, представлен краснолаковыми тарелками понтийской сигиллаты с вертикальным бортиком⁵⁸, понтийскими рыбными блюдами с изображением сфинкса в центре⁵⁹, светильниками, красноглиняными амфорами⁶⁰. Во второй половине III в. н.э. был создан архитектурный декор северного фасада здания с четырьмя выступами для колонн и пиластр, украшавших наружную стену здания⁶¹. Следов пожара в слое разрушения здания второго строительного периода не зафиксировано, и можно полагать, что Гермонасса избежала разгрома во время «смуты» в середине — второй половине III в. н.э.

К III в. н.э. относятся также две композитные винодельни. Одна из них была открыта на Нагорном раскопе и имела пять давяльных площадок и три цистерны. Вторая была раскопана на Северном раскопе и состояла из четырех основных давяльных площадок, трех цистерн и двух вспомогательных площадок⁶². А.К. Коровина считала, что обе они погибли около середины III в. н.э. Однако многочисленные находки краснолаковой посуды типа Late Roman C со штампами, ошибочно датированные автором раскопок II—III вв. н.э.⁶³ (фактически они относятся ко второй половине V—VI в. н.э.⁶⁴) говорят о более длительном функционировании этого комплекса. Возможно, что на месте бывшей винодельни была устроена свалка, куда на протяжении длительного времени сбрасывали мусор⁶⁵.

В Кепах в III в. н.э. строились жилые дома, один из которых был зафиксирован раскопками 1959 г. на «Западном» раскопе. Здесь был обнаружен комплекс построек из жилого помещения, кладовой, дворика и водостока⁶⁶. Дом был построен в III в. н.э., судя по тому, что он перекрывает яму, засыпь которой надежно датируется этим столетием. Культурный слой позднеантичного времени присутствует во многих районах городища (рис. 3—10), в нем постоянно встречаются обрывки фундаментов от разрушенных помещений III—IV вв. н.э. Дома строились из сырцового кирпича на каменном цоколе, а для кровли применялась черепица. В слое встречаются фрагменты амфор, краснолаковой керамики и лепной посуды⁶⁷. Город этого времени представлял собой довольно крупный центр. Производственные комплексы и зернохранилища составляли единое целое с жилыми кварталами⁶⁸, что указывает на

Рис. 3. Светильник. Кепа. IV–V вв. н.э. ГИМ

Рис. 4. Лепная кружка. Кепа. Позднеантичное время. ГИМ

Рис. 5. Костяные напильники. Кепа. Позднеантичное время. ГИМ

углубление процесса рустификации, характерного для позднеантичного Боспора⁶⁹. Население города сеяло пшеницу и многорядный ячмень. Судя по костным остаткам, здесь разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, занимались коневодством. По сравнению с предшествующим периодом усилилась роль рыболовства⁷⁰.

Продолжали развиваться и ремесла. На раскопе «Л» в 1962 г. были открыты остатки двух помещений дома, который датируется второй половиной III — первой половиной IV в. н.э. Северное помещение № 1 дома было связано с керамическим производством, на что указывают находки шлака на земляном полу. Помещение № 2 было вымощено мелкими плоскими камнями и фрагментами черепицы и амфор III—IV вв. н.э.; в северной его части находилась площадка, покрытая плотно утрамбованной смесью дробленых известняков, гальки, железняков, мелких фрагментов керамики. Руководитель раскопок Н.И. Сокольский полагал, что эта площадка играла особую роль и была связана с гончарным производством. В другом помещении были найдены заготовки костяных изделий — два кабаньих клыка со срезами и ребро овцы с выгравированным знаком-тамгой, что указывает на существование косторезного производства в городе⁷¹.

В Патрее было выявлено лишь три более или менее надежных комплекса, а именно: место находки второго Патрейского клада монет, помещения второго строительного периода, обнаруженные в 1968—1969 гг., поздние находки в заполнении рва, которое исследовалось в 1990—1991 гг. Второй Патрейский клад был обнаружен при расчистке стены здания, планировка которого, однако, неясна. Это угол фундамента какого-то большого здания, разрушенного почти полностью вскоре после 336 г. н.э., что подтверждается наличием в кладе самой поздней монеты — статером царя Рескупорида V этого года выпуска. Остатки сильно разрушенного комплекса, который раскапывался в 1968—1969 гг., представляли собой фундаменты двух рядов помещений второго строительного периода. Они являлись единым хозяйственным комплек-

Рис. 6. Костяная накладка — ручка ножа. Кепы. Позднеантичное время. ГИМ

Рис. 7. Псалий бронзовый. Кепы. Позднеантичное время. ГИМ

Рис. 8. Бронзовый ключ для шкатулки и грузила с оттиском подобного ключа — знака собственности. Кепы. Позднеантичное время. ГИМ

Рис. 9. Блюдо краснолаковое понтийского производства. Кепы. IV в. н.э. ГИМ

Рис. 10. Зооморфная ручка сосуда. Кепы. Позднеантичное время. ГИМ

сом, расположенным над более ранними помещениями, которые относятся к первой половине — середине III в. н.э.

Именно здесь был открыт так называемый Третий Патрейский клад монет, самая поздняя монета которого датируется 251 г. н.э. Следовательно, большой хозяйственный комплекс возник вскоре после готского завоевания. Следов разрушения и пожаров зафиксировано не было⁷², и можно считать, что хозяйственная жизнь на городище во второй половине III в. н.э. продолжалась. Открытый в 140–150 м от так называемой «Патрейской батарейки» ров являлся границей всего поселения, а его заполнение надежно датируется началом 360-х годов н.э. Этот поздний материал показывает, что ров тогда уже не использовался как защитное сооружение⁷³.

В Горгиппии, погибшей в сильнейшем пожаре вскоре после 239 г. н.э., жизнь возобновилась почти сразу после разрушения, но некогда цветущий город уже не был восстановлен. На слое пожарища было построено несколько домов, но они были небольшими, не имели подвалов и отличались кривизной стен. Эти дома, которые, скорее всего, можно назвать лачугами, «прилепи-

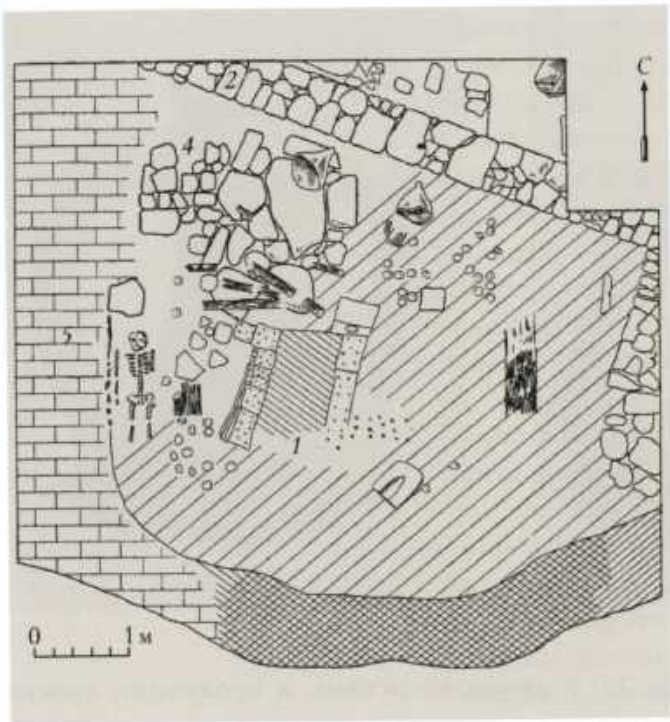

Рис. 11. Батарейка I. План дома, погибшего в пожаре (Сокольский, 1963)

лись» к уцелевшим от разрушения фрагментам стен предшествующего периода. Их фундаменты были сложены на скорую руку из камней различного размера, собранных поблизости⁷⁴. Одно из глинобитных зданий было сооружено непосредственно на плитах вымостки III в. н.э., причем ориентация его стен не совпадала с привычной городской планировкой Горгиппии, просуществовавшей до середины III в. н.э.⁷⁵ Кроме находок керамики в этом самом позднем слое были найдены монеты Рескупорида IV, Фофорса, Рескупорида V⁷⁶.

Активная жизнь на Азиатском Боспоре в послеготское время концентрировалась не только в городских центрах, где издревле существовали ремесленные мастерские и торговые помещения. Хозяйственная и производственная деятельность протекала и на хоре, о чем говорят исследования таманских «батареек». Особенностью укреплений типа Батареек I и II было отсутствие в позднеримский период мощных оборонительных стен, которые отличали эти поселения в более раннее время. Открытие на поселении Батарейка I остатков дома, погибшего в сильном пожаре (рис. 11)⁷⁷ свидетельствует о том, что в III–IV вв. н.э.

некогда мощные оборонительные стены крепости перестали выполнять свою основную роль.

Своим западным краем дом лежал на остатках сырцово-кирпичной оборонительной стены, как бы «подрезав» часть фортификационных сооружений, а возвышающийся западный край оборонительной стены крепости использовался в качестве стены позднеантичного дома. Этот дом имел печь для обжига столовой и кухонной посуды, а также грузила лепешковидной формы (рис. 13). На полу лежали сельскохозяйственные орудия, в том числе железный сошник, ступа, жернова, остатки зерен злаковых — ячменя, пшеницы и ржи, которые были рассыпаны по полу, а также находились в двух широкогорлых амфорах. Были найдены сгоревшая солома и стебли виноградной лозы, кости домашних животных и лисицы. Это указывает на занятия жителей ремеслом, сельским хозяйством, скотоводством и охотой (рис. 14, 15).

На поселении функционировали винодельни, из которых одна достоверно относится к III–IV вв. н.э.⁷⁸ Очевидно, обитатели крепости занимались не

Рис. 12. Наконечник стрелы. Железо. Позднеантичное время (?). ГИМ

Рис. 13. Грузила лепешковидной формы из обжигательной печи. IV в. н.э. Батарейка I. ГИМ

Рис. 14. Железная коса. IV в. н.э. Батарейка I. ГИМ

Рис. 15. Лепная кружка IV в. н.э. Батарейка I. ГИМ

Рис. 16. Светлоглиняная амфора с дипинти. IV в. н.э. Батарейка I. ГИМ

Рис. 17. Светлоглиняная амфора с дипинти. IV в. н.э. Батарейка I. ГИМ

только пахотным земледелием, но и виноградарством, а продукцию своего труда сбывали в городах. Анализ археологических материалов показывает, что здание с печью погибло в пожаре в результате нападения противника (рис. 12). Около печи был обнаружен скелет мужчины, в черепе которого была рана диаметром до 2 см. При нем находились бронзовая поясная пряжка, бронзовая застёжка, фрагмент ножа, бронзовая накладка от ремня. По-видимому, это был владелец дома, который погиб после 324 г.н.э. На эту дату указывает находка под слоем золы на полу статера от 324 г. н.э.⁷⁹ Если принять во внимание, что в обнаруженном на этом поселении «Батарейском кладе 1976 г.» имелись монеты 286–336 гг. н.э. (клад находится в частной коллекции и пока не опубликован), то гибель поселения Батарейка I следует датировать временем после 336 г. н.э.⁸⁰

Керамический материал, результаты изучения которого помогают уточнить дату гибели крепости, до сих пор, к сожалению, не опубликован, но некоторые соображения можно высказать уже сейчас⁸¹. Датировки этого материала, предложенные А.В. Сазановым, основаны на неправильной атрибуции материала (это не раз подчеркивали исследователи⁸²; хронология керамики по Сазанову без должной проверки была использована только И.О. Гавритухиным и Я.М. Паромовым⁸³). Никаких африканских мисок, о которых писал А.В. Сазанов, на поселениях Таманского полуострова в действительности не обнаружено⁸⁴. Краснолаковые блюда из слоя разрушения относятся к понтийской группе и датируются в пределах второй половины IV — начала V в. н.э. (Т.М. Арсеньева и К. Домжальски допускают их появление в более раннее время⁸⁵). Фрагменты светлоглиняных амфор типа F с дипинти на горле (рис. 16, 17) датируются в пределах второй четверти IV — начала V в. н.э.⁸⁶, а фрагменты красноглиняных амфор типа Делакеу также относятся к этому времени⁸⁷. Соответственно, нет никаких оснований говорить о разрушении таманских Батареек во второй четверти VI в. н.э.⁸⁸ На ряде стенок амфор отмечены граффити (рис. 18, 19 а–г).

Крепость Батарейка II, которая возродилась спустя некоторое время после гибели в конце II в. н.э. или в III в. н.э., продолжала существовать в течение III–IV вв. н.э. За этот промежуток времени некоторые постройки два раза перестраивались в традиционной ориентировке и сохранили прежнюю плани-

ровку⁸⁹, что свидетельствует о постоянном проживании там местных жителей. На выровненных остатках крепости римского времени были построены жилые дома. В связи с этим была высказана точка зрения, согласно которой плотно застроенный поселок на месте раннего укрепления в оборонительных целях мог использовать еще возвышавшиеся к этому времени стены и башни предшествующей эпохи; их слегка подновили и укрепили контрфорсными кладками, а затем подняли на несколько метров над окружающей равниной⁹⁰. Однако точные даты этих пристроек пока не установлены, и вывод о плотной застройке всего поселения, основанный на материалах всего двух раскопанных домов, представляется неубедительным.

К рассматриваемому времени относится нижний пол помещения «А», открытый раскопками 1965 г., а также строительные остатки второго позднеантичного слоя, которые исследовались в 1963–1964 гг. Они перекрывают постройки III в. н.э. и указывают на преемственность в застройке площади укрепления и тем самым и на продолжение хозяйственной деятельности в последний период его жизни. Об этом говорят новые стены здания, повторяющие планировку построек III в. н.э. На ряде участков древнего городища были выявлены нивелировка поверхности, ремонт и замощение полов помещений, причем иногда поверх старых глинобитных домов клали новые вымостки. Все это было возможно только в том случае, если жители поселения никуда не уходили и продолжали жизнь на одном месте. В отличие от Батарейки I следов пожара на этом поселении не выявлено, хотя оба поселения погибли одновременно⁹¹.

О продолжающемся развитии ремесел, в частности, керамического производства, свидетельствуют находки шлака, обмазки керамических обжигательных печей, муфтообразные подставки для обжига амфор⁹². О наличии ткачества говорит открытие грузиков для ткацкого станка. Дома обитателей поселения освещали грубые светильники на высокой ножке, часто имевшие несколько отверстий для фитиля (рис. 22)⁹³. Особый интерес представляет лепной открытый светильник, ручка которого украшена листовидным налетом — имитация популярной формы боспорских сероглиняных светильников III в. н.э., которые были широко распространены на Европейском Боспоре⁹⁴.

Основные находки в слоях III–IV вв. н.э. — обломки пифосов, светлоглиняных и красноглиняных амфор, краснолаковой керамики понтийского производства, немногочисленные фрагменты стеклянных сосудов, изделия из металла. Тарные сосуды для хранения зерна, фрагменты каменной ступы и жерновов, каменные кормушки, а также многочисленные колотые кости животных свидетельствуют о том, что основой экономики жителей этого поселения было земледелие. Остатков виноделен обнаружено не было, но найденные в более ранних слоях крепости ягоды винограда⁹⁵, а также многочисленные обломки розовой цемьянки (от винодельни?) в позднеантичном слое, позволяют говорить о виноделии, которым занимались жители этого поселения⁹⁶. Большое количество массивных грузил (рис. 20, 21), а также находки костей рыб указывают на занятие рыболовством.

В юго-западной части Таманского полуострова существовал целый ряд неукрепленных поселений III–IV вв. н.э. На Бугазском поселении, расположенном на южном берегу Таманского полуострова, были открыты фундаменты помещений III–IV вв. н.э., а также ямки от столбов, поддерживавших крышу⁹⁷. Среди находок наибольший интерес представляет светильник на высокой ножке (рис. 23)⁹⁸. Подобные экземпляры найдены и на других позднеантичных памятниках Таманского полуострова⁹⁹. На поселении к востоку от хутора Яхно была открыта вымостка из рваных известняков, плитняковых и дикарных камней, датируемая III–IV вв. н.э.¹⁰⁰; на поселении Пятиколодез-

Рис. 18. Стенка амфоры с граффито — ветвь. IV в.н.э. Батарейка I. ГИМ

Рис. 19. Стенки амфор с граффити.
IV в. н.э. Батарейка I. ГИМ

ное также обнаружена вымостка и стоящие на ней кладки стен¹⁰¹. Слои этого времени засвидетельствованы и на Западно-Цукурском¹⁰², Западно-Зеленском и Северо-Зеленском¹⁰³ поселениях. В этом районе находились и другие укрепления, располагавшиеся на сельской периферии — Ильичевка, Кучугуры II, Красноармейское — причем некоторые из них погибли в IV в. н.э., другие просуществовали до V–VI вв. н.э.¹⁰⁴

Таким образом, в течение второй половины III — первой половины IV в. н.э. на азиатской стороне Боспора, как и на европейской (см. КБН. 65, 66: надписи о сооружении здания в Пантикапее при царе Радамсаде и храма при царях Радамсаде и Рескупориде V), продолжалась активная строительная деятельность, расходы на которую пытались возместить увеличением интенсивности чеканки.

Значительное количество фрагментов надписей и скульптуры, использованных вторично в качестве строительного материала, свидетельствует о больших изменениях в материальной и духовной культуре обитателей поселений позднеантичного периода. На смену прежним культам пришли новые: в Кепах, например, найдена интересная пластина с изображением оленя (рис. 24)¹⁰⁵. На одной ее стороне — рельефное изображение дерева и бегущего оленя с ветвистыми рогами, голова которого повернута назад, а во рту — длинная изгибающаяся линия, возможно, змея, выползающая из его рта.

Рис. 20. Орнаментированное грузило. IV в. н.э. Батарейка II. ГИМ

Рис. 21. Грузило с отпечатком знака собственности. IV в. н.э. Батарейка II. ГИМ

Рис. 22. Лепные светильники. IV в. н.э. Батарейка II. ГИМ

Рис. 23. Светильник на высокой ножке. Позднеантичное время. Бугазское поселение. ГИМ

Рис. 24. Пластина с изображением оленя. IV в. н.э. Кепы. ГИМ

Н.И. Сокольский и Н.П. Сорокина видели в этом символическое изображение «дерева жизни»¹⁰⁶. На оборотной стороне пластины — вырезанная форма для изготовления такого же изображения оленя, которое отличается лишь более грубыми контурами и большими размерами, но и там фигурирует та же лента (змея?), идущая из рта. О возможном проникновении в это время христианства может говорить находка в Кепях на полу дома, погибшего в IV в.н.э., бронзовой курительницы в форме алтарика (рис. 25)¹⁰⁷. Подобные курительницы датируются III–IV вв.н.э. и происходят из коптского Египта¹⁰⁸. К сожалению, других столь ранних свидетельств о распространении христианства на Азиатском Боспоре пока не обнаружено.

Все изложенное выше показывает, что экономическое могущество Боспорского царства после готских походов, хотя и было поколеблено, то ненадолго и не столь сильно,

так как в городах и на хоре продолжалась ремесленная и сельскохозяйственная деятельность, рыболовство, функционировали гончарные, стеклоделательные, ткацкие, металлургические мастерские, винодельни. Особенностью городской жизни в III–IV вв. н.э. на Боспоре стало сочетание аграрного и ремесленного производства в городах, а также проникновение ремесленников на поселения сельской периферии. На это указывает повсеместное распространение на европейской и азиатской половинах царства традиций строительства больших жилищно-хозяйственных комплексов, включавших жилые и производственные помещения, в частности, гончарные мастерские и винодельни. Их появление стало следствием переселения в городские центры больших групп сельского населения из разрушенных в середине III в. н.э. поселений, в том числе Танаиса, среди жителей которого было немало варваров. Они не оставляли занятия земледелием даже при переселении в города. Более того, несмотря на кризис, вызванный готскими завоеваниями, на Боспоре даже наблюдалось определенное оживление экономики, особенно ремесла; увеличился и объем торговли. Об этом свидетельствует, в частности, появление на сельской периферии Боспора и в местах компактного проживания варварских племен многочисленных амфор с вином и оливковым маслом. Их привозили в основном купцы из городов Южного Причерноморья, а затем распространяли уже торговые посредники боспорского происхождения¹⁰⁹. Производством амфор в позднеантичную эпоху занимались даже жители сельских укреплений. Об этом известно, в частности, по материалам из поселения Батарейка II¹¹⁰.

Торговая деятельность фанаторийцев и граждан других полисов Азиатского Боспора, включая «торговцев», которые помогали строить корабли для морских походов боранов и готов во второй половине III в. н.э. (см. выше), осуществлялась преимущественно с племенами Азиатского Боспора и его соседями. Развитие ремесла, торговли и сельского хозяйства притягивало на Боспор варваров, стремившихся осесть на его плодородных землях и в крупных городах. Их привлекали римские субсидии, регулярно поступававшие на Боспор для поддержания его экономической и военной мощи. Определенный подъем экономики и монетного дела засвидетельствованы многочисленными монетными кладами из Гермонассы¹¹¹, Патрея¹¹², одной из крепостей-батареек на Тамани (Батарейка — Запорожский сельсовет), которые содержали боспорские монеты 251, 252, 243–278 гг. н.э. чекана царей Рескупорида IV, Фарсанза, Савромата IV и Тейрана¹¹³. О жизни городов и поселений этого периода и о накоплении богатств их жителями говорят Батарейский 1975 г.

Рис. 25. Курильница в виде алтарика. IV в. н.э. Кепы. ГИМ

Рис. 26—27. Варварские подражания римскому денарию. Поздняя античность. Кепы. ГИМ

клад монет 286—336 гг. н.э., клад из Кеп, найденный в 1962 г., в котором сохранились монеты 276—341 гг. н.э., второй Патрейский 1951 г. клад монет 275—336 гг. н.э., клад 1972 г. с Шум-речки, содержащий монеты 286—341 гг. н.э., Фонталовский 1878 г. клад монет 286—336 гг. н.э.¹¹⁴

Отношения Азиатского Боспора и римлян с варварскими племенами Северного Кавказа раскрывают так называемые «варварские подражания» — монеты с типом идущего Марса. Это были довольно грубые имитации римских денариев республиканского времени и императорской эпохи, в том числе выпущенных при императоре Марке Аврелии. Первую серию этих подражаний ученые-нумизматы датировали первой половиной — серединой III в. н.э.¹¹⁵, хотя некоторые исследователи склонны относить их к концу II — самому началу III в. н.э.¹¹⁶ Последующие серии были датированы второй половиной III в. и концом III — началом IV в. н.э. «Варварские подражания» засвидетельствованы в кладах монет Боспора III—IV вв. н.э. с Шум-речки (первый 1972 г. и второй 1977 г. Гай-Кадзорские клады), из окрестностей г. Новороссийска¹¹⁷; они известны также по находкам в Фанагории и Кепях (рис. 26, 27)¹¹⁸, на Раевском городище, что говорит об их участии в денежном обращении Боспорского царства (единичные экземпляры этих монет засвидетельствованы и на европейской его стороне).

Инициаторами их чекана называют готов-тетракситов, боранов и уругундов¹¹⁹, некий неизвестный народ, пришедший в район Анапы и Новороссийска в III в. н.э.¹²⁰, а также северокавказские племена торетов, зигов или ахейцев¹²¹. Однако довольно обширный ареал их обращения на Боспоре и тот факт, что ахейцы и зиги никогда не входили в состав Боспорского государства, позволяют связать эти монеты именно с готами и их союзниками, в том числе аланами, которые осели на Азиатском Боспоре и на его юго-восточных рубежах. Эти племена осуществляли набеги на римские владения и были хорошо знакомы с римским провинциальным денежным обращением¹²². Выпуск подражаний должен был возместить «варварам» их расходы при торговых операциях, которые они осуществляли с римскими купцами из малоазийских провинций.

Период с 317 по 328 г. н.э. был временем крупных событий в истории Боспора. На это указывает, в частности, возрастание объема чекана монет почти в шестнадцать раз. На оборотной стороне золотых монет Рескупорида V, относящихся к 325—326 гг. н.э., перед портретом римского императора и датой появляется дополнительная эмблема — богиня победы Ника с венком в правой руке¹²³. Это могло быть вызвано каким-то военным успехом боспорского правителя, который одобрил сам римский император. Интенсивность чекана монет при последних царях Боспора была обусловлена увеличением римской помощи для усиления военного могущества вассального римлянам царства, чтобы помочь в отражении возможного нападения «варварских» племен. Вероятно, этим руководствовались в Константинополе при принятии решения о поддержке «прежней» династии в лице царя Рескупорида V.

Несмотря на эпизодические успехи боспорского царя в борьбе с «варварскими» племенами, опасность их вторжений постоянно сохранялась: 328 г. н.э. датируется массовое зарытие кладов по всей европейской территории Боспора (в отличие от азиатской половины)¹²⁴. Источником угрозы, по-видимому, стали пограничные с Европейским Боспором области Таврики и степи Северного Причерноморья. В связи с этим экономическая и политическая жизнь государства переместилась на азиатскую сторону, о чем убедительно говорят многочисленные находки монет на Тамани и в устье Кубани. В Фанагории было найдено наибольшее количество монет Фофорса и Рескупорида V. Показательно, что в городах и на поселениях Азиатского Боспора этих монет

было обнаружено на 10% больше, чем в Пантикапее. Поскольку в Фанагории монет этого времени найдено в три раза больше, чем в столице Боспора, то можно уверенно говорить о явном преобладании экономики азиатской стороны царства над европейской, по крайней мере, в IV в. н.э.

Усиление азиатской половины царства было непосредственно связано с угрозой вторжений «варварских» племен в римские владения. Почти все походы «варваров» в послеготское время, в ходе войн с Херсонесом и в последующий период начинались из областей вокруг Меотиды, и не случайно именно Азиатский Боспор, соседствовавший с Приазовьем и беспокойными регионами Северного Кавказа, рассматривался Римом как барьер на пути надвигавшейся угрозы. Следует, однако, отметить, что пришедшие в IV в. н.э. на Боспор новые группы «варварских» племен не уничтожили полностью экономический потенциал крупнейших городских центров Тамани, так как они надеялись сохранить их в качестве надежного тыла для последующего продвижения на запад и на юг. В этом же были заинтересованы и аланы, уже ранее освоившие прилегавшие к Боспору земли.

Перерыв в боспорской чеканке в 334–335 гг. н.э. указывает на опасность, угрожавшую всему Таманскому полуострову¹²⁵. К этому времени относится надпись, обнаруженная в ст. Вышестеблиевской (или в ст. Запорожской), в которой говорится: «В Добрый час! 632 г. б.э. (= 335 г. н.э. — *Авт.*), месяца Лоя, при царе Рескупориде воздвигнута от основания стена попечением архитектора Эвтиха. Написано же рукой Папа, сына Публия. Победа города! Здравствуй!» (КБН. 1112). Надпись ясно свидетельствует о строительстве укреплений для защиты от нападения племен из-за Кубани. Возведенная при Рескупориде стена в честь победы города (возможно, это Фанагория или Гермонасса)¹²⁶ ассоциировалась с успешным отражением набега одного из северокавказских племен, которое проживало в пограничных с Азиатским Боспором районах. После победы в 336 г. н.э. чеканка монет возобновилась¹²⁷. Правда, вскоре снова наступили тяжелые времена, что отразилось в трехлетнем перерыве в монетной чеканке (с 337 по 340 г. н.э.); после 342 г. н.э. боспорский чекан окончательно исчезает.

Статеры Рескупорида V последнего года боспорского чекана были найдены в кладе, обнаруженном в Кехах. Характер его захоронения рисует яркую картину гибели города в результате вражеского нападения. Клад был спрятан под северо-западный фундамент помещения, на полу которого под сырцово-кирпичным завалом был обнаружен скелет взрослого человека с проломом в лобовой части черепа. Возможно, это был хозяин дома, с жестокостью убитый одним из напавших на город. Дом был ограблен и сожжен, на что указывает слой пожара под завалом стен¹²⁸. О катастрофе особенно наглядно свидетельствуют находки в западном раскопе «А», где сохранились остатки античного дома, который погиб в большом пожаре при внезапном нападении.

На земляных полах помещений прослеживаются следы пожара, в складском помещении находились пифосы, покрытые крышками, но зерна в них не было (по-видимому, нападение произошло весной, когда хлебные запасы оказались на исходе). Помимо этого было обнаружено большое количество раздавленных широкогорлых красноглиняных амфор IV в. н.э. с каменными крышками, кухонная и столовая посуда, уже упоминавшаяся бронзовая курильница в виде алтарика, а также монеты, среди которых особый интерес вызывает статер Рескупорида V¹²⁹. Статеры этого царя, датированные 336 г. н.э., были найдены и во Втором Патрейском кладе. В Патрее сохранился фундамент крупного здания, разрушенного в это же время¹³⁰. В другом

кладе монет, найденном близ ст. Фонталовской в 1878 г., также находились монеты эпохи заката боспорского чекана — 286–336 гг. н.э.¹³¹

Разрушения, вызванные нападением противника в 340-х годах н.э., были выявлены в Фанагории, Гермонассе, Кехах, Патрее, Батарейке I, Батарейке II. Зарытие кладов и следы пожаров ясно говорят о внезапной атаке, но при этом пострадали далеко не все поселения и не везде прослеживаются разрушения; даже там, где отчетливо видны следы пребывания врагов. Очевидно, это был кратковременный набег на Азиатский Боспор, причем вторгнувшиеся племена не ставили перед собой цель уничтожить все города и поселения. Маршрут нападавших проходил через Кепы, Патрей, окрестности укрепления Батарейка I. Место, откуда мог начаться набег, помогает определить клад монет с Шум-речки под Анапой, а также другие клады с боспорскими монетами предпоследнего года чеканки. По-видимому, это — Северный Кавказ, население которого чеканило так называемые «варварские подражания». Следовательно, начиная с 330-х годов н.э., Боспорское царство вступило в период перманентной войны с «варварами», одна из атак которых в 341 г. н.э. привела к гибели ряда поселений и к новому кризису власти. Это ярко проявилось в прекращении выпуска боспорских монет.

После разгрома начала 340-х годов н.э. некоторые поселения еще продолжали существовать вплоть до конца столетия или даже до начала V в. н.э., но это были лишь отдельные постройки на руинах поселений, которые были покинуты жителями в первой половине V в. н.э. В это время прекращается жизнь на городищах Патрей, Кепы, Красноармейское, Каменная батарейка, Батарейка II, но по-прежнему продолжали существовать крупные города Фанагория и Гермонасса. На руинах Кеп появляются отдельные могилы¹³², а само поселение вскоре стало напоминать собой маленькую деревню¹³³. Вопрос о дате функционирования в этот период других поселений региона и их гибели — Красноармейский 1, Кучугуры 1, Каменная Батарейка (Береговой 3) до сих пор остается дискуссионной¹³⁴.

Если подытожить имеющиеся в распоряжении исследователей скудные сведения письменных источников и более обширную информацию, полученную в результате изучения довольно обильной чеканки монет и огромного количества археологического материала, то можно высказать ряд важных заключений. Социально-экономическая, политическая и этническая история Боспорского государства в позднеримское время характеризуется процессом слияния пришедших с запада германских племен и живших на его территории и по ее границам алано-сарматов. Взаимное сближение и взаимообогащение их культур во многом строились на союзных отношениях для походов на Римскую империю. Боспорское царство, особенно области близ устья Кубани и соседние земли по берегам Азовского моря и на Северном Кавказе, оказались тем регионом, где осуществлялось взаимное объединение этих племен. Поэтому германские народы и алано-сарматы оказали сильное воздействие на внутривосточное и экономическое положение в Боспорском царстве и на его отношения с Римской империей на протяжении второй половины III — первой половины IV в. н.э.

В это время могущество Восточной Римской империи было еще значительным, и боспорским царям удавалось удерживать свою власть. Но как только Римская империя стала ослабевать, Боспор сразу же вошел в полосу кризиса. В это время ему постоянно угрожали многочисленные вторжения «варварских» народов, включая гуннов. В конце концов Боспор, обескровленный внутренней борьбой между алано-готскими вождями и связанными с ними родственными узами боспорскими царями, оказался один на один с новыми кочевниками, пришедшими с востока. В результате

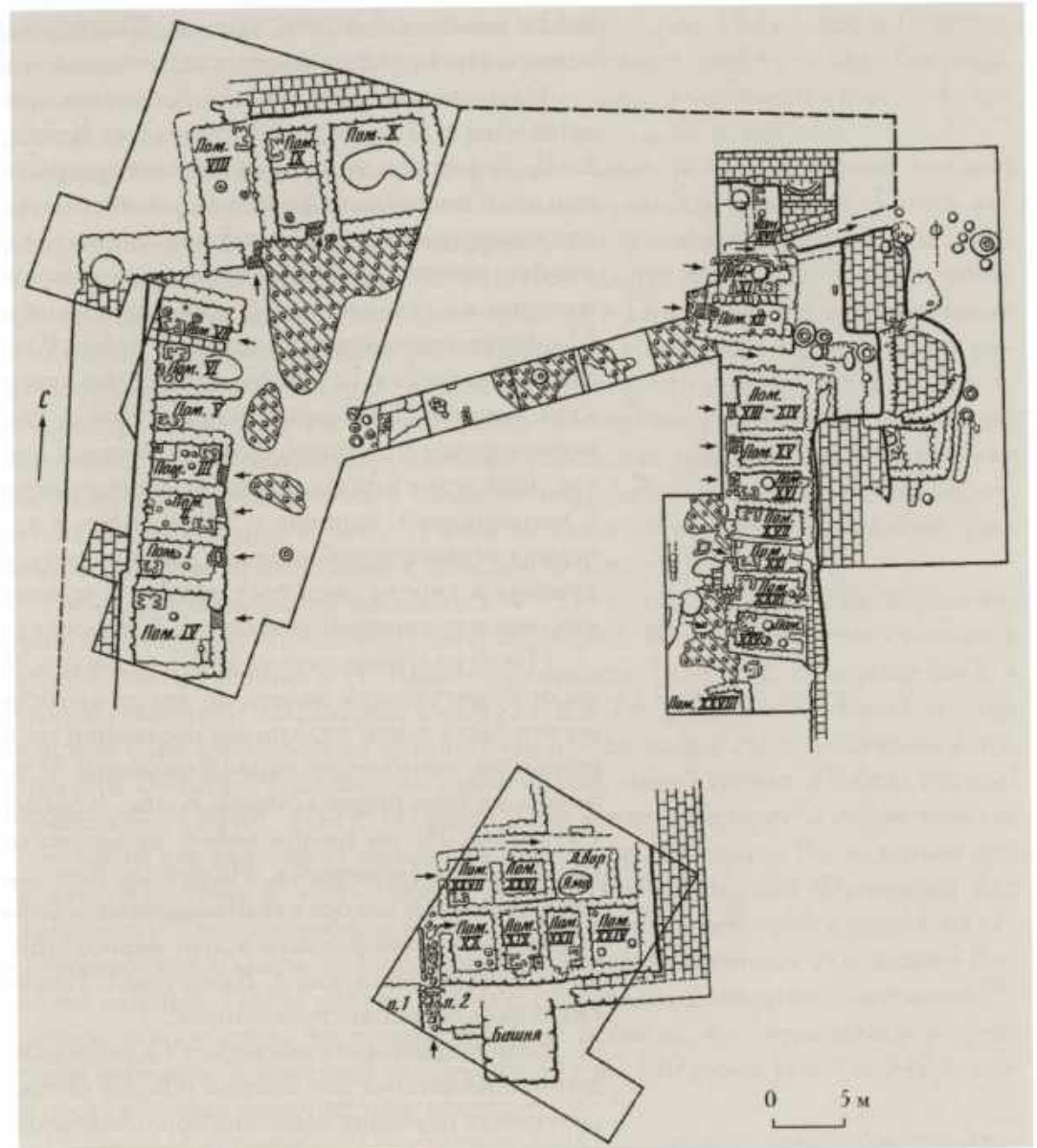

Рис. 28. Ильичевка. Общий план крепости (Николаева, 1996)

позиции германцев ослабли, и Боспорское царство в том виде, в каком оно существовало под властью династии Тибериев Юлиев, пало. Алано-сарматские вожди пошли на союз с гуннами¹³⁵. Это еще больше углубило процесс варваризации на землях, некогда входивших в Боспорское государство, но позволило уберечь некоторые боспорские города и поселения от полного разорения и гибели.

Археологические материалы не подтверждают распространенную ранее точку зрения о тотальных разрушениях населенных пунктов Таманского полуострова в 360–370 гг. н.э. в результате нашествия гуннов. Все следы пожаров датируются либо более ранним, либо более поздним временем. Гунны, пришедшие в Северное Причерноморье в IV в. н.э., не уничтожили экономический потенциал крупнейших боспорских городов, хотя военная мощь, социальная и политическая инфраструктура Боспорского царства во многом были разрушены. С приходом новых кочевников начался и новый период в истории Боспора, который сохранял некоторые черты античной эпохи вплоть до Средневековья. Это произошло благодаря тому, что данный регион Причерноморья вошел в сферу влияния Восточно-Римской (Византийской) импе-

рии, которая, после падения в 476 г. н.э. Рима и Западно-Римской империи, обрела новое могущество.

Наиболее интересным и хорошо сохранившимся памятником ранне-византийского времени на территории Таманского полуострова является Ильичевское городище. Внезапная гибель крепости в огне пожара, великолепная сохранность слоев и обильный вещевой материал делают Ильичевку эталонным памятником VI в. н.э. для всего Причерноморья. По всей видимости, эта крепость, наряду с другими, входила в своеобразный лимес, имевший в своей основе римские черты¹³⁶. По предположению Э.Я. Николаевой, Ильичевское городище — это Трапезунда Иордана¹³⁷, что, однако, весьма спорно. На передовых рубежах византийско-варварского пограничья жили федераты Византии — профессиональные воины, главной задачей которых была охрана стратегического пролива, соединяющего Черное и Азовское моря.

Памятник представляет собой поселение, обнесенное земляными валами; в центре возвышалась крепость из сырцового кирпича и камня (рис. 28). Экспедицией под руководством Э.Я. Николаевой были открыты оборонительные стены и башни, вымостка, ведущая к центральным воротам, и крытый проход к калитке в северо-восточном углу. Центр крепости занимал мощный каменный двор. Неподдалеку от ворот располагался «дом начальника гарнизона». По периметру оборонительных стен находились казармы федератов — двухэтажные здания, состоящие из семи помещений, с застекленными окнами, крытые черепицей или камышом и глиной¹³⁸. Часть рамы со стеклом была обнаружена в одном из помещений¹³⁹.

Помещения первого этажа на 0,3 м заглублены в землю и имеют по 2–3 каменные ступени, ведущие во внутренний двор крепости. Цоколи помещений были каменные, стены — сырцовыми. Шесть помещений имели площадь около 10 м² и лишь седьмое — 20 м², которое служило трапезной, остальные же были хозяйственными. Высота стен достигает двух метров, т.е. полностью сохранились участки стен первого этажа. В одном из помещений

в стенах были обнаружены пазы межэтажных перекрытий¹⁴⁰. Помещение IX служило баней¹⁴¹.

В большинстве помещений были обнаружены двухъярусные печи из сырцового кирпича, со съемной плитой перекрытия (рис. 29)¹⁴². Здесь же были найдены пирамидки из плохо обожженной глины, которые использовались в конструкции печи для создания «съемной сушилки»¹⁴³. В некоторых помещениях были обнаружены так называемые очажные подставки (рис. 30). По мнению Э.Я. Николаевой, они своим происхождением связаны со Средней Азией¹⁴⁴. Возможно, подставки могли использоваться для шампуров, на которых жарили или коптили рыбу и мясо. находки конской упряжи показывают, что в состав гарнизона крепости входили и всадники. Среди находок оружия — детали сложных луков, накопечники стрел, копий и дротиков, железный кинжал¹⁴⁵. Интересно, что среди предметов вооружения был найден пластинчатый шлем, близкий к обнаруженному в Керчи (на Госпитальной улице) из погребения аварского всадника¹⁴⁶. Не исключено, что всаднику также могли принадлежать остатки пластинчатого панциря из помещения XIII–XIV¹⁴⁷.

Рис. 29. Печь. Ильичевка.
Реконструкция (Сокольский, 1966)

Рис. 30. Очажная подставка.
VI в. н.э. Ильичевка. ГИМ

Рис. 31. Амфора, VI в. н.э.
Ильичевка. ГИМ

В свободное от несения военной службы время обитатели крепости в Ильичевке занимались сельским хозяйством, рыболовством, охотой и различными ремеслами. Орудия труда и остатки злаков, обнаруженные при раскопках, говорят о том, что земледелие было плужным. Обитатели крепости выращивали пшеницу, просо, пленчатый ячмень, бобовые культуры, яблоки, грецкие орехи и виноград. Около городища были открыты также винодельческий комплекс и крупное зернохранилище¹⁴⁸. В состав стада входил крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Федераты охотились на зайцев, лис, кабанов и разнообразную птицу¹⁴⁹.

Рис. 32. Краснолаковый кувшин
понтийского производства.
V в. н.э. Ильичевка. ГИМ

Рис. 33. Кувшин. VI в. н.э.
Ильичевка. Таманский музей

Рис. 34. Светильник на высокой
ножке. V–VI в. н.э. Ильичевка.
Таманский музей

Большое внимание обитатели расположенной на берегу Керченского пролива крепости уделяли рыболовству. При раскопках были обнаружены остатки обуглившихся сетей и пробковых поплавков, металлические рыболовные крючки и глиняные грузила. Кости и чешуя рыбы часто встречаются на городище. Один из пифосов был заполнен рыбой осетровых пород, а светлоглиняная амфора — хамсой. Кроме того, ловили камбалу, судака и другую рыбу¹⁵⁰.

Рис. 35. Сирийский крест-энколпион. VI в. н.э. Ильичевка. Таманский музей

Рис. 36. Лампада. VI в. н.э. Ильичевка. Таманский музей

В крепости были обнаружены следы керамического и стеклоделательного производства. Интересно, что в последней мастерской, наряду с бытовыми сосудами, производили также оконное стекло¹⁵¹. Экспедицией Э.Я. Николаевой был открыт комплекс стеклоделательной мастерской с хорошо сохранившимися стекловаренными печами, многочисленными инструментами мастеров и готовыми изделиями¹⁵². Не исключено, что в крепости существовала и небольшая ювелирная мастерская, так как при раскопках были обнаружены специальные стеклянные разновесы для взвешивания золота. О наличии в крепости врача и художника говорят их инструменты, найденные археологами¹⁵³. Разнообразный инвентарь, обнаруженный в руинах крепости, позволяет говорить и о других ремеслах и производствах: металлургическом, плотницком и т.п.

В крепости был открыт уникальный керамический комплекс, охватывающий практически все известные категории посуды. Особенно интересна лепная керамика, обнаруженная в крепости¹⁵⁴. Большой группой представлены лепные и гончарные светильники разных типов (рис. 34). Были найдены разнообразные амфоры (рис. 31)¹⁵⁵, многочисленные пифосы и корчаги¹⁵⁶, значительное количество краснолаковой керамики фокейского производства¹⁵⁷. Присутствуют также разнообразные понтийские краснолаковые сосуды (рис. 32). Кухонная и столовая посуда представлена многочисленными кастрюлями, сковородами, блюдами, кувшинами (рис. 33) и т.п. Было найдено много различных украшений (фибулы, перстни, подвески и т.п.), инструментов и других изделий из цветных металлов и железа¹⁵⁸. Отдельные грузила, обнаруженные на территории крепости, были украшены рисунками. В Ильичевке были найдены глиняные штампы с изображениями птиц, возможно, служившие для оттиска ритуальных хлебцев.

Целый ряд находок говорит о том, что жители крепости вели активную торговлю, в первую очередь с боспорскими центрами и жителями Предкавказья. Помимо металлических изделий были обнаружены импортные светильники (рис. 34)¹⁵⁹ и стеклянные сосуды¹⁶⁰. Кроме того, был найден фрагмент согдийской надписи, котел и кувшин среднеазиатского происхождения¹⁶¹. Найденные кости верблюда, возможно, свидетельствуют о караванной торговле¹⁶². Гарнизон крепости был полиэтничен. Ее населяли потомки боспорян, местного сармато-аланского населения, готы-тетракситы и даже гунны. О присутствии последних среди воинов гарнизона говорят находки гуннских стрел и накладок луков¹⁶³.

Верования обитателей были различны. Часть гарнизона крепости исповедовала христианство и даже имела собственную базилику. На многих краснолаковых сосудах, найденных на территории крепости, сохранились отпечатки штампов с христианской символикой¹⁶⁴. Остальные воины и члены их семей были язычниками¹⁶⁵. В крепости были найдены также бронзовый крест-энколпион сирийского производства (рис. 35), а также многочисленные стеклянные и глиняные лампадки (рис. 36), цепочки для хоросов, служивших для освещения базилик¹⁶⁶. В доме начальника гарнизона, в юго-восточном углу, на стене сохранились остатки сгоревшего деревянного креста. В одном из помещений казарм, в северо-восточном углу была открыта молельня (исповедальня?) с основанием для аналоя, нишей в стене над ним и изображением руки в благословляющем жесте¹⁶⁷. Южнее ниши был найден вмонтированный в пол известняковый блок с отверстием для ножки стола или алтаря. Здесь же были открыты обломки стеклянной лампадки¹⁶⁸. В крепости были обнаружены капители и барабаны колонн, а также мраморные блюда. По всей видимости, с

христианским культом можно связать и комплекс лепных сосудов, курильниц и светильников, изготовленных одним мастером. Наиболее интересно изображение фигурки молодого осла, несущего на спине светильник¹⁶⁹.

Датировка находок из слоя разрушения показывает, что крепость была сожжена во время вражеского нашествия в 70-х годах. VI в.н.э. Эту дату подтверждает и находка двух золотых солидов Юстина I и Юстиниана I¹⁷⁰. Пять солидов Юстиниана I происходят и из клада 1975 г., также обнаруженного в крепости¹⁷¹. По всей видимости, это разрушение можно связать с вторжением тюркютов в 576 г.н.э.¹⁷²

Разрушение Ильичевского городища, Боспора, тотальная гибель рядовых поселений Керченского полуострова являются следствием одного и того же события — похода тюрков на Боспор и Крым в 576—581/3 гг. н.э. События закончились миром с Византией в 589 г. н.э. И хотя власть Империи на территории Таврики и Таманского полуострова восстанавливается, этнополитическая ситуация в регионе меняется кардинально.

¹ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С. 90; Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 39.

² Косвенно об этом может свидетельствовать упоминаемый Прокопием Кесарийским топоним «Эвласия» (Εὐλασία — Procop. Bell. Goth. VIII. 4.7), относящийся к северо-восточному побережью Черного моря, восточной части Керченского пролива и юго-восточному берегу Азовского моря до устья Дона. Это явно фонетически искаженное местное название переключается с топонимом «ele» — «болото», которым готы и греки, согласно Иордану, называли область Меотиды, где поселились герулы/эрулы.

³ Буданова В.П. Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 172.

⁴ Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарии: Его жизнь, творения и богословие. Петроград, 1916. С. 60, 61; Буданова В.П. Передвижения готов... С. 168.

⁵ Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85. С. 145; Кругликова И.Т. Исследование сельской территории европейского Боспора // СА. 1957. № 1. С. 231; Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 245; Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. М., 1998. С. 262.

⁶ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

С. 101; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 30. Ссылка на упоминание в труде армянского историка Монсея Хоренского имени Ардашира у одного из предводителей этого похода (см.: Мовсес Хоренаци. II. 73) в качестве доказательства участия аланов некорректна, так как это относится к персидскому царю Ардаширу — сыну Сасана.

⁷ Лавров В.В. Герулы в Причерноморье // Stratum +. 1997. С. 215.

⁸ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 18; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 31.

⁹ Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 167.

¹⁰ Васильев А.А. Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 338; Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 54. Речь идет о более частом, нежели тетрациты, употреблении в разных рукописях Прокопия этнического названия готов как «трапезитов» (Заморяхин А.В. Крымские готы в этническом пространстве средневековой Тавриды в советской и современной российской историографии // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 155; ср.: Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 46—52).

¹¹ Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 168; Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 323; Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 53; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische

Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 499, 500.

¹² отождествление этого города с горой Трапезунд в горной Таврике и предположение о его местоположении рядом с ней или даже на ней (о чем см.: Васильев А.А. Готы в Крыму. С. 338—344) в настоящее время отвергнуто (Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 54). По данным Певтингеровой таблицы (Segm. IX. 2) и по карте из Дура-Европос этот город находился в Северном Причерноморье, возможно, в районе Керченского пролива (или это ошибка составителей карты Агриппы в I в. до н.э., перенесших город в Южной Колхиде на северный берег Понта, см.: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 261).

¹³ Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 55.

¹⁴ Датировки монет, их статистический подсчет и процентное соотношение в чеканке различных боспорских правителей приводятся по работам: Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 45—56; Она же. История правления Рескупорида V (242—276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 58—76; Она же. Монеты Савромата IV (275 г.) // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 26—32; Она же. Монетное дело Фофорса (285—308 гг.) // СА. 1984. № 2. С. 34—53; Она же. Монетное дело Радамсада (309—322 гг.) // ТрГИМ. 1988. Вып. 69, ч. 10. С. 33—47; Она же. Монетное дело Тейрана

- (266, 275–278 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 103–112.
- ¹⁵ В.Ф. Гайдукевич называет его одним из тех царей, которых Зосим охарактеризовал как недостойных и потерянных людей (*Gajdukević V.F. Das Bosporianische Reich. S. 470; ср.: Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 302).*
- ¹⁶ Н.А. Фролова справедливо не приняла тезис о разделе царства между Фарсанзом и Рескупоридом IV (*Фролова Н.А. История правления... С. 67; ср., однако: Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 206).*
- ¹⁷ Весьма вероятно, что Фарсанз имел соглашение с варварами, пришедшими на Боспор в середине III в. н.э. (*Кругликова И.Т. Боспор в III–IV вв. н.э. в свете новых археологических исследований // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 8).*
- ¹⁸ Буданова В.П. Передвижения готов... С. 171.
- ¹⁹ Об этом косвенно свидетельствует надпись этого царя от 270-х годов н.э., найденная в Пантикапее (КБН, 36).
- ²⁰ Фролова Н.А. История правления... С. 74, 75.
- ²¹ О монетном деле боспорских царей в III – IV вв. н.э. см.: *Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 187–246; Она же. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 2. С. 233–287; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 30, 31; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 170–174; Он же. История Боспора Киммерийского. С. 163–166.*
- ²² Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 260–267.
- ²³ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 76; Он же. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1970. С. 89 и др.
- ²⁴ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 2. С. 135.
- ²⁵ Исанчури Р.А., Исанчури Е.Р. Монетное дело царя Радамсада // НЭ. 1989. Т. XV. С. 88. Заслуживает внимания идея о том, что в этот период Фофорс чеканил монету самостоятельно, не пользуясь денежной поддержкой Рима (*Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 33).*
- ²⁶ *Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. V. С. 270, примеч. 1; см. также: Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. III: Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х. С. 5, примеч. 5; Васильев А.А. Готы в Крыму. С. 288; Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. С. 174; М.И. Ростовцев был более осторожен в оценке, охарактеризовав сведения трактата Константина как "half legendary and half historical" (*Rostovtzeff M.I. Iranians & Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 217).**
- ²⁷ *Garnett R. The Story of Gykia // English Historical Review. 1897. XII. P. 100–105; Bury J. The Treatise. De administrando Imperio // ВЗ. 1960. XV. S. 538 suiv.; Иванов Е.А. Херсонес Таврический. Симферополь, 1912. С. 59; Gajdukević V.F. Das Bosporianische Reich. S. 478; Надэль Б.И. Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н.э. // ААН. 1961. IX. Fasc. 1–2. P. 231–234; Nadel V. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus Information on the Bosporean Kingdom in the Time of Emperor Diocletian reconsidered // ДНА 1971. III. P. 88–105; Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 1. С. 49, сл.; Русяева А.С. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Порфирородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. СПб., 1997. С. 281–290; Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Симферополь; Керчь, 2006. С. 220–226;*
- ²⁸ *Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 460; Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967. С. 205; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 92; Он же. История Боспора Киммерийского. С. 171, 172; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 34–36. Из последних работ см.: Юрочкин В.Ю. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении*
- Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999; *Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. С. 222; Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007. С. 125–131.*
- ²⁹ Н.А. Фролова (Монетное дело Боспора. С. 94) считает, что вторая и третья войны Херсонеса и Боспора произошли позднее 342 г. н.э.; некоторый скепсис в отношении историчности сведений трактата Константина встречается у исследователей и в наши дни (см. *Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. н.э. // МИАЭТ. 1995. IV. С. 560), что вряд ли сейчас оправдано (о чем см. комментарий к главе 53 в книге: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 450–456; Грацианская Л.И. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора «De administrando imperio». Сар. 53. lin. 1–492) // БФ. 2004. Ч. 1. С. 87–93).*
- ³⁰ *Garnett R. The Story of Gykia. P. 102; Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора. С. 206.*
- ³¹ *Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 526; Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. С. 221.*
- ³² В сасанидской надписи конца III в. н.э. из Пайкули говорится, что «войско мазкутов (= сарматов и аланов) проходило по Армении» под предводительством Вахнама, сына Фуфруса. Я. Харматта отождествляя этого Фуфруса с боспорским царем Фофорсом и предполагал, что боспорцы и сармато-аланы двигались на римлян в 292 г. н.э. двумя колоннами – через Лазику и через Армению (*Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора. С. 207).* В таком случае часть «варварского» войска, которая двигалась по Армении, могла воспользоваться узкими проходами через Кавказский хребет, как это регулярно делали сарматы еще в I в. до н.э. – I в. н.э. Следовательно, поход мог начаться на Северном Кавказе – в Закубанье и Северном Прикаспии; если это так, то отец Вах-

- нама — Фуфрус/Фофорс действительно мог в эти годы находиться на Азиатском Боспоре.
- ³³ Попытка связать эти войны с боспорскими царями Савроматом II и Савроматом III, которые правили в конце II — первой половине III в. н.э. (*Грацианская Л.И.* Ранние херсонесские сюжеты... С. 92), противоречит сведениям трактата. Ведь боспорское войско в первый раз потерпело поражение при Диоклетиане в конце III в. н.э., а последующие две войны, по сюжету трактата, начинали боспорские цари Савромат — внук Савромата, побежденного римлянами и херсонесцами, и «другой Савромат», очевидно, правнук, которые, особенно первый, хотели отомстить Херсонесу за поражение деда и прадеда. Это, таким образом, не позволяет считать этих Савроматов вторым и третьим царями с этим именем. К тому же в годы их правления никакого территориального ущерба Боспорское государство от херсонесцев не понесло.
- ³⁴ *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 112; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. С. 224; *Васильев А.А.* Боспорский царь на Дунае: (к интерпретации группы кочевнических подбойных погребений начала V в. в Буджаке) // БФ. 2002. Ч. II. С. 12.
- ³⁵ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. 2. С. 135.
- ³⁶ *Кобылина М.М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 100, рис. 38.
- ³⁷ *Кобылина М.М.* Отчет о раскопках в Фанагории в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2897. Л. 7—8; Она же. Керамическое производство Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3. С. 182.
- ³⁸ *Кобылина М.М.* Керамическое производство Фанагории.... Рис. 9.
- ³⁹ Там же. Рис. 9, 4. М.М. Кобылина предполагает, что этот изобразительный мотив имеет местную (синдскую?) традицию (Там же. С. 185, 186). Возможно, однако, и другое объяснение — в Палестине в позднеантичное время появляется большое количество светильников не только с изображением меноры, но и ветви пальмы (*Modrzewska-Marciniak I.* Lamps d'Anab Safina (Syrie): L'étude typologique et chronologique // *Archeologia (Warszawa)*. 1978. XXVIII. Pl. XLII, 1, 2; *Kennedy C.* The Development of Lamps in Palestine // *Berytus*. 1963. Vol. XIV: (1961—1963). Pl. XXVI, 658, 659, 668, 679, 680 (декор). Подобные светильники попадали и в Северное Причерноморье (*Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II—IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э.* Киев, 1986. С. 119, рис. 7, 4; *Chrzanowski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum — Moscow // *Studia archaeologica. Roma*, 1998. 96. P. 151; подробнее см.: *Журавлев Д.В.* Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса // ПИФК. 2007. Вып. XVII). Наличие семи рожков у фанагорийского светильника не противоречит данной гипотезе. Не исключено, впрочем, что эти культовые светильники могли быть связаны с почитанием Аполлона, в культе которого магическая цифра семь являлась священной.
- ⁴⁰ *Кобылина М.М.* Раскопки центральной части Фанагории.... С. 102, рис. 39.
- ⁴¹ *Кобылина М.М.* Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг. // СА. 1963. № 4; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время.... С. 37.
- ⁴² *Долгоруков В.С.* Фанагорийская винодельня // АО за 1971 г. М., 1972. С. 146; Он же. Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 55.
- ⁴³ *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 88—90; Она же. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 71.
- ⁴⁴ *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV—VI вв. н.э. из Фанагории // БС. 1993. Вып. 2. С. 167.
- ⁴⁵ Там же. С. 169, 170.
- ⁴⁶ *Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // АО за 1972 г. М., 1973. С. 129.
- ⁴⁷ *Кобылина М.М.* Фанагория. С. 101.
- ⁴⁸ *Кобылина М.М.* Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг. С. 131.
- ⁴⁹ *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. // ТрГИМ. 1941. Вып. XVI. С. 44—47; *Кобылина М.М.* Фанагория. С. 94, 95.
- ⁵⁰ Н.П. Сорокина (*Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 87, вариант ИБ) датировала такие сосуды IV — первой половиной V в. н.э. В настоящее время принята более поздняя датировка — первая половина V в. н.э. (подробнее см.: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 124).
- ⁵¹ О краснолаковой керамике этой группы см. подробнее: *Arsen'eva T.M., Domazalski K.* Late Roman Slip Pottery from Tanais // *Eurasia antique*. 2002. 8. P. 422—428. Суммарная датировка краснолаковой керамики из этого комплекса укладывается в пределы первой половины V в. н.э.
- ⁵² *Марченко И.Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. // МИА. 1956. № 34. С. 122—127.
- ⁵³ *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // БФ. 2007. Ч. 1. С. 228. Ср.: *Яйленко В.П.* Гунно-болгары II—V вв. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // ДБ. 2003. Вып. 5. С. 325.
- ⁵⁴ *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973—1975 гг.) // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 167.
- ⁵⁵ *Коровина А.К.* Винодельня Гермонассы // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 66.
- ⁵⁶ *Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // КСИА. 1959. Вып. 74. С. 59.
- ⁵⁷ *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса... С. 167; *Голенко К.В.* Таманский клад монет 1970 г. // Кlio. 1972. Bd. 54. S. 239.
- ⁵⁸ *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса... С. 163. О подобных тарелках форм 3 и 4 см.: *Журавлев Д.В.* Понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 141—168.
- ⁵⁹ *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса.... Рис. 3. О хронологии и распространении этих блюд см.: *Журавлев Д.В.* Краснолаковая ке-

- радика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения: (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. С. 31–51. (ТрГИМ. 1998. Вып. 102.)
- ⁶⁰ Коровина А.К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 77, рис. 39.
- ⁶¹ Коровина А.К. Позднеантичная Гермонасса.... С. 167.
- ⁶² Коровина А.К. Винодельни Гермонассы. С. 60–65, рис. 1, 2; Она же. Гермонасса. С. 78–86, рис. 40–42. Обе винодельни относятся к широко распространённой на Боспоре типу К1-3 с тремя смежными резервуарами (Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 35–39, 133).
- ⁶³ Коровина А.К. Гермонасса. С. 85, рис. 44.
- ⁶⁴ Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. P. 349; Диатроптов П.Д. Христианская символика на поздне-римской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. С. 98. (ТрГИМ. 1998. Вып. 102.)
- ⁶⁵ Коровина А.К. Гермонасса. С. 85, 86.
- ⁶⁶ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1959 г. // КСИА. 1961. Вып. 86. С. 59–63.
- ⁶⁷ Сокольский Н.И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 57; Николаева Э.Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 98.
- ⁶⁸ Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы // АГСП. С. 84.
- ⁶⁹ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. С. 43; Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 227.
- ⁷⁰ Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VIe Conférence Internationale d'études classiques des pays socialistes. Sofia, 1963. P. 18.
- ⁷¹ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 112, 113.
- ⁷² Башкиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. (на территории древнего города Патрея) // Уч. зап. Ярославского пединститута. 1951. Вып. XXII (XXXII). С. 371, 372; Голенко К.В. Второй Патрейский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. 1. С. 223; Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА АН СССР (РАН). Р-1. № 3710. С. 99, 100; Стручалина Р.А. Некоторые итоги раскопок городища Патрей: (по материалам археологических исследований 1968–1969 гг. // АМА. 1972. Вып. 1. С. 46; Сокольский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко К.В. Третий Патрейский клад // АМА. 1974. Вып. 2. С. 98, 99.
- ⁷³ Абрамов А.П. Патрей: Раскопки 1990–1991 гг. // БС. 1994. Вып. 4. С. 127, 128.
- ⁷⁴ Алексеева Е.М. Горгипсия // Античные государства Северного Причерноморья. С. 83; Она же. Античный город Горгипсия. М., 1997. С. 75, 76.
- ⁷⁵ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время.... С. 38, 39.
- ⁷⁶ Алексеева Е.М. Античный город Горгипсия. С. 76.
- ⁷⁷ Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 184–187.
- ⁷⁸ Сокольский Н.И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 87–91; Винокуров Н.И. Виноделие.... С. 135.
- ⁷⁹ Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I. С. 189.
- ⁸⁰ Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I. С. 188, 189; Он же. Виноделие в азиатской части Боспора. С. 88–91; Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII вв. М., 2003. С. 155. (Археология); Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело царя Радамсада. С. 92, табл. 4.
- ⁸¹ Коллекции материалов из раскопок Н.И. Сокольского поселений Батарейка I и II, а также Кеп, хранятся в фондах отдела археологических памятников ГИМ.
- ⁸² Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60; Сазанов А.В. Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–102. В другой статье А.В. Сазанов рассмотрел комплексы двух помещений Батарейки I, которые он отнес ко второй половине – концу IV в.н.э. (Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв.н.э.) // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 224–225).
- ⁸³ Domžalski K. Notes on Late Roman red slip wares in the Bosporan Kingdom // RCRF: Acta. Abingdon, 2000. 36. P. 162–164. Хронология керамики без должной проверки была предложена также И.О. Гавритухиным и Я.М. Паромовым, см.: Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа. С. 155.
- ⁸⁴ Сазанов А.В. О хронологии Боспора ... С. 51–53.
- ⁸⁵ Arsen'eva T., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia antiqua. 2002. 8. P. 426.
- ⁸⁶ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 19, рис. 10; Кропотов В.В. Светлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. 4. С. 128–134; Ильяшенко С.М. Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах III–IV вв. н.э.: (по материалам Танаиса и Нижнего Дона) // Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007 // Архив ИА РАН. С. 140–144. Классификация А.В. Сазанова (Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 17), основанная на классификации фрагментарного материала, не выглядит убедительной.
- ⁸⁷ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. № 83. С. 120, тип 100; Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus – Krivina: Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung und der unteren Donau. Berlin, 1982. Bd. II. S. 45, Taf. 21, 14, 15; Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007. С. 99–170, и др.
- ⁸⁸ Приведенные А.В. Сазановым (Сазанов А.В. О хронологии Боспора ...

- С. 42, табл. 2) данные о находках в слое разрушения Батарейки I краснолаковой керамики фокейского производства (Late Roman C Ware — Hayes J.W. Late Roman Pottery. Form 3) не соответствуют имеющимся данным. Во всяком случае, в фондах ГИМ такой керамики нет.
- ⁸⁹ Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II. С. 123.
- ⁹⁰ Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа. С. 155.
- ⁹¹ Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманского отряда археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1965 г. // Архив ИА АН СССР (РАН). Р-1. № 3134. Л. 16; Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИИМК. 1967. Вып. 109. С. 119, 120; АГСП. М., 1984. С. 90.
- ⁹² Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение... С. 123.
- ⁹³ Там же. Рис. 47, 1, 2, 4, 5.
- ⁹⁴ Там же. Рис. 47, 3. Боспорские светильники с листовидной ручкой см.: Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М., 1988. С. 49–50, табл. X, 1; Arsen'eva T.M., Böttger B., Griechen am Don: Die Grabungen in Tanais 1996 // Eurasia antiqua. 1997. 3, Abb. 19; Забелина В.С. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1992. Вып. 10. Табл. V, II; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 246, 3.
- ⁹⁵ Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИИМК. 1967. Вып. 109. Рис. 42, 1.
- ⁹⁶ Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение... С. 122–123.
- ⁹⁷ Блаватский В.Д. Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 152.
- ⁹⁸ Блаватский В.Д. Второй год работы Синдской экспедиции. Рис. 60, 1.
- ⁹⁹ Zuravlev D. Lighting Equipment of the Northern Pontic Area in the Roman and Late Roman Periods: imports and local production // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges: Black Sea Studies. Aarhus, 2007. 6. P. 226, Fig. 19, 4.
- ¹⁰⁰ Блаватский В.Д. Третий год работ в Синдике // КСИИМК. 1955. Вып. 51. С. 94.
- ¹⁰¹ Блаватский В.Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 125–126.
- ¹⁰² Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 162. Он же. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 99.
- ¹⁰³ Блаватский В.Д. Пятый год работы в Синдике // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 42, 44–45.
- ¹⁰⁴ АГСП. С. 89.
- ¹⁰⁵ Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамика и изделия из глины // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. С. 36, № 73.
- ¹⁰⁶ Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ за 1963–1964 гг. М., 1966. С. 45.
- ¹⁰⁷ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1959 г. // КСИИМК. 1961. Вып. 86. С. 62; Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Изделия из металла // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. С. 83, № 335.
- ¹⁰⁸ Христиане на Востоке: Искусство мелькитов и инославных христиан: Каталог выставки в ГЭ. СПб. 1998. С. 167, № 230.
- ¹⁰⁹ Об этом свидетельствуют дипинты и граффити на амфорах III–IV вв. н.э. с именами торговцев-поставщиков и посредников, которые часто находят на поселениях Тамани и Синдики (Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинты хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь, 2007. С. 193, сл.).
- ¹¹⁰ Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение... С. 123.
- ¹¹¹ Коровина А.К. Гермонасса. С. 167.
- ¹¹² Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 371.
- ¹¹³ Кунин В.Э. Монетный клад с Таманского полуострова // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2. С. 343–348.
- ¹¹⁴ Исанчуринов Р.А., Исанчуринов Е.Р. Монетное дело царя Радамсада. С. 90, 93, табл. 5, № 11,14; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 371; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на юге России: (по материалам Краснодарского края). М., 2002. 319–379.
- ¹¹⁵ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г4-4. С. 16, 39, 49; Он же. Экономические связи... С. 28–30; Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1. С. 130.
- ¹¹⁶ Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 191–193.
- ¹¹⁷ Салов А.И. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 3. С. 172–176; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 42; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет... С. 406, 421, 431.
- ¹¹⁸ Усачева О.Н. Новая находка подражания римским денариям из Кеп // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 199, 200.
- ¹¹⁹ Кропоткин В.В. Клады... С. 16; Он же. Экономические связи... С. 28–31; Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИИМК. 1967. Вып. 109. С. 125–130; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 43.
- ¹²⁰ Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 207.
- ¹²¹ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичную эпоху... С. 202; Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний... С. 194.
- ¹²² Боспорское происхождение этих монет косвенно подтверждают медные подражания боспорским монетам, которые находят в кладах вместе с монетами боспорского чекана (см.: Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 55).
- ¹²³ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. 2. С. 351–354.

- ¹²⁴ *Исанчури Р.А., Исанчури Е.Р.* Монетное дело царя Радамсада. С. 92.
- ¹²⁵ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. 2. С. 136, 137.
- ¹²⁶ В.П. Яйленко отверг чтение А. Вильгельма Νεϊκη πόλε[ως] и В.В. Латышева – В.В. Шкорпила Νεϊκη πόλε[ι], указав, что в этом месте надписи надо видеть звательный падеж названия города Νεϊκη πόλε, т.е. Νεϊκ(ο)πόλ(ι), χαῖρ(ε) – «Никополь, привет!» с заменой гласных Н вместо О по ошибке и Е вместо Ι, что, по его мнению, свойственно позднегреческим надписям. Поэтому в надписи, по его мнению, надо подразумевать некий новый город Никополь, основанный якобы еще при Савромате Ι после его побед над псеханами и названный им Никеей (о чем см. КБН 44). Так, по его предположению, называлась одна из Батареек на Тамани (*Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 111, 112). Однако надпись (КБН 44), поставленная «союзом молодых никейцев», относится не к боспорской Никее, сведений о которой нет, а к вифинскому городу, с которым Савромат был тесно связан; к тому же этот царь не совершал военного похода против псеханов, а был по-дружески к ним расположен (*Сапрыкин С.Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 200). Считать в надписи замену О на Н ошибочной не представляется возможным (как и замену Ι на Ε), что ставит под сомнение вывод Яйленко. Поэтому традиционное чтение «Победа городу (или города)! Привет (или да здравствует)!» более вероятно; город же, который имеется в виду, мог быть расположен поблизости, и в его подчинении находилось укрепление, где и была найдена эта строительная надпись. Это могли быть Фанагория (Агриппия), либо соседние Гермонасса или Кепы.
- ¹²⁷ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. 2. С. 372.
- ¹²⁸ *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кечах в 1962 г. С. 112; *Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII. С. 75–85.
- ¹²⁹ *Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп. С. 84–85.
- ¹³⁰ *Голенко К.В.* Второй Патрейский клад монет (1951 г.). С. 223; *Баширов А.С.* Историко-археологические изыскания... С. 371, 372.
- ¹³¹ *Исанчури Р.А., Исанчури Е.Р.* Монетное дело царя Радамсада. С. 90, табл. 5, № 11.
- ¹³² *Сокольский Н.И.* Погребение V в. н.э. в Кечах // СА. 1964. № 4. С. 207–209.
- ¹³³ *Чхаидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 2007. Вып. 10. С. 487–517; *Сорокина Н.П.* Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969. С. 124–130.
- ¹³⁴ Подробнее об этих и других поселениях Таманского полуострова позднеантичного – ранневизантийского времени см.: *Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округа. С. 155–157; *Паромов Я.М.* Фанагорийская округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье. С. 157–158; *Он же.* Округа Гермонассы // Там же. С. 158–159; *Он же.* Кандарурская группа поселений // Там же. С. 159–160.
- ¹³⁵ Ср.: *Апп. Марс.* XXXI. 3. 1: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрманариха...» (цит. по: *Аммиан Марцелин.* Римская история. СПб., 1994. С. 494).
- ¹³⁶ *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 20.
- ¹³⁷ Там же. С. 18.
- ¹³⁸ *Николаева Э.Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 91; *Она же.* Боспор после гуннского нашествия. С. 14–15.
- ¹³⁹ *Устаева Э.Р.* Археологические раскопки у поселка Ильич // ТС. СПб., 1998. Вып. 1. С. 78.
- ¹⁴⁰ *Николаева Э.Я., Устаева Э.Р.* Ильичевское городище // 20 лет музею М.Ю.Лермонтова в Тамани. Темрюк, 1996. С. 30–31.
- ¹⁴¹ *Николаева Э.Я.* Поселение у д. Ильич. С. 90–91.
- ¹⁴² Там же. С. 91–92.
- ¹⁴³ *Сокольский Н.И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 137, рис. 9.
- ¹⁴⁴ *Николаева Э.Я.* Поселение у д. Ильич. С. 92.
- ¹⁴⁵ *Николаева Э.Я.* Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М., 1986. Табл. 1; Рис 1.
- ¹⁴⁶ *Arendt W.* Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. 1932. IV (XIII), Hft. 3; *Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В.* Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи: (предварительная информация) // БИ. 2003. Вып. III. С. 204–221.
- ¹⁴⁷ *Николаева Э.Я.* Находки оружия... С. 188. Э.Р. Устаева подтвердила близость панцирных пластин из Ильичевского городища (хранятся в Таманском музейном комплексе) керченским, находящимся в собрании ГИМ. См.: *Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В.* Катакомбное погребение...
- ¹⁴⁸ *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. С. 135; *Устаева Э.Р.* Археологические раскопки у поселка Ильич. С. 80.
- ¹⁴⁹ *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. С. 17.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ *Сокольский Н.И.* Ильичевское городище. С. 138.
- ¹⁵² *Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 50–57.
- ¹⁵³ *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. С. 21.
- ¹⁵⁴ *Сокольский Н.И.* Ильичевское городище. С. 134.
- ¹⁵⁵ Там же. Рис. 4, 5; *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 1–9; *Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округа. Табл. 63, 48–62.
- ¹⁵⁶ *Николаева Э.Я.* Пифосы Ильичевского городища (V–VI вв. н.э.) // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 110–117.

- ¹⁵⁷ Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 110–113, рис. 1, 2; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 2000. Вып. 3. Рис. 11–19.
- ¹⁵⁸ Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа. Табл. 61, 57–72; 62, 65–68.
- ¹⁵⁹ Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа.
- ^{159a} Там же. Табл. 63, 22–24.
- ¹⁶⁰ Там же. Табл. 61, 43.
- ¹⁶¹ Николаева Э.Я., Устаева Э.Р. Ильичевское городище. С. 33.
- ¹⁶² Устаева Э.Р. Археологические раскопки у поселка Ильич. С. 79.
- ¹⁶³ Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. С. 20; Николаева Э.Я., Устаева Э.Р. Ильичевское городище. С. 33.
- ¹⁶⁴ Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика... Рис. 1, 2; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13, 3, 6, 7; 14, 5, 8; 16, 7, 9; 17, 2.
- ¹⁶⁵ Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. С. 21.
- ¹⁶⁶ Сокольский Н.И. Ильичевское городище. Рис. 6, 4; Николаева Э.Я., Устаева Э.Р. Ильичевское городище. С. 33.
- ¹⁶⁷ Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М. О распространении христианства на Боспоре // ТС. СПб., 1998. 1. С. 82–83.
- ¹⁶⁸ Николаева Э.Я. К вопросу о христианстве на Боспоре // Научно-атеистические исследования в музеях. Л. 1989. С. 14–16.
- ¹⁶⁹ Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М. О распространении христианства на Боспоре. С. 83.
- ¹⁷⁰ Фролова Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1998. № 1. С. 247–248. Рис. 1, 1, 2.
- ¹⁷¹ Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад 1975 г. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 173–179, рис. 2, 5–9.
- ¹⁷² Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич. С. 93; Она же. Боспор после гуннского нашествия. С. 20; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. С. 230–231.

Часть X

ЭКОНОМИКА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, РЕМЕСЛО И ПРОМЫСЛЫ

Г.А. КОШЕЛЕНКО, В.Д. КУЗНЕЦОВ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Сельское хозяйство представляло собой основную отрасль экономики Азиатского Боспора, как и почти любого античного государства. Оно было многоотраслевым, рассчитанным на удовлетворение всех основных потребностей в питании населения.

Основное место в нем занимало *хлебопашество*. Оно должно было составлять часть хозяйства переселенцев с самого момента основания¹. Чрезвычайно плодородные почвы Таманского полуострова, образованные мощными южными черноземами и наносами р. Кубани, обеспечивали хорошие урожаи. Естественно, что колонисты, прибывшие в этот регион, первоначально использовали только те злаки, запасы которых они привезли с собой, и ориентировались на те приемы обработки земли, которые были обычными на их родине. Постепенно, однако, накапливались знания о местном природном окружении и агрикультуре коренного населения, и результатом стало освоение ряда новых сортов злаковых.

Основными зерновыми культурами были пшеница, ячмень, просо². Кроме того, культивировались чечевица, вика, чечевицеобразная чина и зернобобовые культуры³. Среди обнаруженных при раскопках зерен пшеницы преобладает мягкий сорт⁴, встречаются также зерна твердой пшеницы, карликовой и полбы (пшеницы-двuzернянки)⁵. Отражением значения этих культур стало появление их изображений на боспорских монетах⁶.

Землю перед посевом вспахивали с помощью деревянного рала, имевшего железные наральники, находки которых были сделаны и на памятниках Азиатского Боспора⁷. Все наральники выкованы из железных брусков длиной от 24 до 36 см. Изображение рала также присутствует на боспорских монетах⁸. Для дополнительной обработки земли после вспашки употребляли мотыги. Многочисленные находки их (нескольких вариантов) зафиксированы и на Азиатском Боспоре (Горгиппия, хут. Рассвет и т.д.)⁹. Известны также и маленькие мотыжки, которые, видимо, лучше назвать корнекопалками¹⁰. В качестве тягловой силы при вспашке применяли главным образом волов.

Для уборки урожая использовали железные серпы и косы нескольких вариантов¹¹. Скошенный хлеб свозили на ток и молотили с помощью волов, мулов и лошадей, которые ходили по кругу и копытами выбивали зерно из колосьев. Провеянное зерно хранилось в зерновых ямах, пифосах (или крупных амфорах) и каменных ларях¹². Зерновые ямы использовались для длительного хранения зерна, они имели (в разрезе) грушевидную или колоколовидную форму. Их стенки специально обкладывались камнем, обмазывались глиной и обжигались. Хотя некоторые из этих ям имели очень большие размеры, но в основном ямы были глубиной 2–3 м¹³.

Для приготовления пищи зерно либо толкли в каменных ступах, либо (для превращения в муку) растирали на зернотерках. В раннее время зернотерки были достаточно примитивными: на ровную плиту насыпали зерно и измельчали с помощью другого камня меньшего размера (овального или прямоугольного). Начиная с эллинистического времени в широкое употребление вошли настоящие ручные мельницы, обе плиты которых делались из очень плотного камня. Верхняя плита имела в середине отверстие, в которое засыпалось зерно, эта же плита имела рычаг, с помощью которого ее вращали¹⁴.

Виноградарство и виноделие. Античные авторы сообщают о суровом климате Северного Причерноморья и Боспора (Strabo. II. 11. 16; VII. 3. 3), в условиях которого плохо росла виноградная лоза. Однако виноград и вино были настолько важны для греков, что было неизбежным стремление жителей Боспора к освоению этой культуры на местной почве. В конечном счете это им удалось, хотя местное вино явно сильно уступало в качестве лучшим сортам привозных вин. Древнейшие находки зерен винограда (в том числе и в Фанагории) были сделаны в слоях V—IV вв. до н.э., но они, кажется, принадлежат местным мелким сортам¹⁵; правда, позднее удается (в результате селекции и приспособления к местным условиям привозных сортов) создать сорта винограда с крупными ягодами¹⁶. Страбон сообщал (II. 1. 16) о том, что на Боспоре виноградные лозы на зиму засыпали землей, что, вероятно, указывает на культивирование здесь особых стелющихся сортов винограда¹⁷.

Развитие виноградарства привело к развитию виноделия, ориентированного на производство вина на продажу. Знаком появления именно такого направления в сельском хозяйстве Боспора стали винодельни, рассчитанные на производство вина в большом количестве. Все винодельни можно разделить на два типа: 1) более примитивные, включающие в себя один тарапан и сосуд, в который стекал сок, или одну давящую площадку и одну цистерну для отжимаемого ногами виноградного сока и 2) более усовершенствованные — с прессом тарапаном, несколькими площадками и несколькими цистернами¹⁸. Естественно, что все они располагались внутри зданий.

По-видимому, впервые винодельни такого типа появились на Европейском Боспоре (с IV в. до н.э.)¹⁹, затем они распространились и на Азиатском (с I в. н.э.)²⁰. Здесь они были зафиксированы в Фанагории²¹, Горгиппии²², Гермонассе²³, Кепах²⁴, Патрее²⁵, пос. Пятиколодезный²⁶, в районе ст. Стеблиевской, на городище Батарейка I, около Каменной Батарейки и ст. Запорожская²⁷. Винодельни, обнаруженные на Азиатском Боспоре, принадлежали к различным типам. Насколько можно судить, виноделие, как особая отрасль хозяйства, просуществовало здесь до конца античного периода. Товарная направленность большинства (если не всех) виноделен совершенно несомненна. В Горгиппии каждая из виноделен могла принять от 6 до 11 тонн сула²⁸.

Иногда винодельня совмещалась с лавкой, в которой продавалось вино. Так, в Горгиппии в одной из разрушенных виноделен были найдены набор бронзовых гирь, детали весов, а также металлических частей шкатулки или ларца, где хранилась касса — 528 бронзовых монет²⁹.

Позднее (по сравнению с Европейским Боспором) распространение виноделия в данном регионе привело к меньшему значению здесь культа Диониса (см. главу «Религия и культуры»). Единственное исключение — Горгиппия, где обнаружено больше всего виноделен и где соответственно культ Диониса был значительно более популярен, чем в каком-либо другом центре Азиатского Боспора.

Сады и огороды. Садоводство и огородничество были неотъемлемой частью жизни боспорян, как и всех греков вообще. К сожалению, археологических материалов об этом крайне мало. Известны только находки сохшегося яблока, косточек сливы-алычи, груши, айвы, обуглившихся плодов смоковницы, а также миндаля, каштанов, грецких и лесных орехов³⁰.

Подтверждением важной роли садоводства являются находки (достаточно многочисленные) садовых ножей (хотя некоторые из них могут быть и виноградарскими)³¹.

Животноводство играло важную роль в жизни населения Азиатского Боспора, как и всех других античных обществ. Крупный рогатый скот использовали в хозяйстве как тягловую силу; мясо и молочные продукты, естественно, занимали значительное место в рационе; кожа шла на изготовление обуви и военных доспехов, мелкий рогатый скот, кроме того, давал шерсть для одежды. Лошадь была незаменима в военном деле.

Об этой отрасли сельского хозяйства, однако, сведения в письменных источниках крайне незначительны. Основу наших знаний по этой проблеме составляют костные остатки животных, находимые при раскопках. Исследования, проведенные палеозоологами, показали, что самое главное место в стаде занимал мелкий рогатый скот, затем шел крупный и, наконец, лошади. При этом наблюдается достаточно определенная тенденция: с течением времени роль крупного рогатого скота возрастала³².

Птицеводство также играло определенную роль в сельском хозяйстве, о чем свидетельствуют находки в помещениях и мусорных свалках множества птичьих костей. В могилах иногда встречается скорлупа куриных яиц. По аналогии со Средиземноморьем можно предполагать, что помимо кур разводили и другие виды домашней птицы³³.

Рыболовство. Рыбные богатства Черного и Азовского морей были хорошо известны древним. Афиней в нескольких местах своего произведения пишет о различных видах понтийской рыбы, включая ту, которой восхищался знаменитый gastronome Архестрат и стоимость которой вызывала негодование моралистов (Athen. VI. 275a, 284e, 295c, 301e, 312a, 319a, 326f). О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая считалась одним из предметов роскоши, писал Полибий (IV, 38, 4)³⁴. Практически о том же (конкретно говорится о Меотиде) сообщает и Страбон (VII. 4. 6; XI. 2. 4); он же упоминает о ловле пеламид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное (VII. 6. 2). Страбон также пишет об очень крупных осетрах в Керченском проливе, по размерам почти равным дельфинам (VII. 3. 18). О рыбах Меотиды сообщают и другие авторы: Ксенократ (SC. T. I. P. 508), Орибасий (SC. T. I. P. 701), о рыбах Понта — Оппиан (SC. T. I. P. 581). Остеологические³⁵, археологические (остатки рыбозасолочных цистерн, пифосы со следами находившейся в них рыбы, остатки сетей, крючки, грузила, поплавки)³⁶ и нумизматические источники³⁷ указывают на большую роль, которую играло рыболовство на Боспоре.

В этой связи особый интерес представляют находки на восточном берегу Керченского пролива. Так, в Фанагории в слоях III—IV вв. н.э. были найдены кости и чешуя севрюг, осетров, лещей, сазанов, сомов и судака³⁸. В Фанагории же в одном из помещений, датируемых IV в. н.э., были обнаружены две кучки грузил (всего 103 экземпляра), вероятно, от сложенных здесь сетей.

На территории Боспора при раскопках было найдено примерно 60 рыбозасолочных цистерн, в том числе две в Горгиппии³⁹. Эти цистерны сооружались следующим образом: в земле выкапывался котлован, дно его застилалось каменным бутом, а стенки обкладывались каменными плитами. Котлован

делился на отдельные отсеки, выполненные из поставленных на ребро плит. Затем все поверхности покрывались несколькими слоями известкового раствора с примесью толченой керамики и песка⁴⁰.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Авторы видят свою задачу не в том, чтобы перечислить все виды ремесленного производства и определить все боспорские ремесленные школы. Такая работа требует специального и всестороннего анализа всех категорий источников, как письменных, так и археологических. Цель данной работы заключается в том, чтобы определить основные направления боспорского ремесла, коснуться вопроса об организации труда.

Термины «ремесло» и «ремесленное производство» не отражают точно ту отрасль производящего хозяйства, которая в современном мире называется индустрией и промышленностью. С одной стороны, древнегреческое ремесло вышло далеко за рамки домашнего производства, было довольно диверсифицированным, с другой же — оно не достигло высокого уровня разделения труда, ремесленные заведения не были большими, орудия труда были в целом простыми⁴¹. Тем не менее, организация труда стояла на очень высоком уровне. Свидетельством этого являются не только творения древнегреческих мастеров, будь то великолепные храмы, скульптуры или произведения ювелирного искусства, сохранившиеся до наших дней, но и письменные документы, касающиеся организации работ (например, в кораблестроении и строительстве). Надписи фиксируют очень высокий уровень организации работ, в особенности общественных, свидетельством чего является, например, сдача работ с торгов с последующим заключением письменных контрактов. К сожалению, ремесленное производство, как и прочие отрасли экономики, крайне скудно освещено письменными источниками. По большинству проблем ремесла исследователи вынуждены строить предположения и гипотезы — об уровне разделения труда в ремесленных мастерских, соотношении квалифицированного и неквалифицированного труда и места свободной и рабской силы, заработной плате ремесленников, размерах предприятий и др. Скудость письменных источников по проблеме заставляет обращаться к данным археологии. Во время раскопок в различных частях греческой ойкумены обнаруживаются те или иные следы ремесленной деятельности, которые позволяют составить хотя бы общее представление о производственной активности на данном поселении. Однако нужно отдавать отчет в том, что археология может дать ответы лишь на очень ограниченное количество вопросов, поскольку ее возможности лимитированы.

Что же касается ремесла в боспорских городах, то можно сказать, что ситуация здесь еще сложнее, чем в материковой Греции: практически при полном отсутствии письменных источников единственной возможностью составить какое-либо представление о ремесленном производстве представляют только археологические материалы. Поскольку боспорское ремесло развивалось в том же русле, что и все ремесленное производство древней Греции, то использование параллелей для реконструкции наиболее важных сторон «промышленности» Боспора, прежде всего в области организации производства, не только возможно, но и необходимо.

Камнетесное дело и строительство

Роль камня в античном строительстве была очень велика. Из этого материала строились жилые дома, общественные здания, мосты, погребальные сооружения, оборонительные укрепления, портовые постройки, мостились площади и улицы. К сожалению, от всех этих сооружений, как правило, сохраняются лишь их нижние части, часто только фрагменты фундаментов, что не позволяет судить объективно и точно об уровне мастерства строителей. Тем не менее, отдельные находки тех или иных хорошо сохранившихся зданий и архитектурных деталей свидетельствуют о том, что мастерство боспорских камнетесов и строителей находилось на том же уровне, что и в прочих греческих городах.

Наиболее ярко об этом свидетельствуют находки, сделанные в процессе подводных исследований в Фанагории. При строительстве в позднеантичное время подводных фундаментов для портовых сооружений использовались камни от различных зданий. В результате на дне моря оказалось большое количество строительных блоков и архитектурных деталей, датирующихся по преимуществу римским временем. Большинство блоков отесано по всем правилам античного строительного искусства. Часто встречаются пазы для пиронов, в которых иногда можно обнаружить железные прутья, залитые свинцом. Разнообразные архитектурные детали, нередко из мрамора, выполнены на высоком уровне камнетесного искусства и не оставляют сомнений в том, что фанагорийские общественные здания принципиально ничем не отличались от сооружений в городах Средиземноморья. Различия могли быть только в размерах и богатстве украшения.

Источники камня. Для строительства разнообразных сооружений в античности использовали имеющийся под рукой, в непосредственной близости от строительной площадки камень. Это связано с тем, что транспортировка этого строительного материала была делом весьма дорогостоящим, особенно когда она осуществлялась по суше⁴². Азиатский Боспор был обеспечен камнем неравномерно. Если, например, в районе Горгииппии камень легко доступен по причине близости гор, то на Таманском полуострове он отсутствовал. Поэтому здания в Горгииппии были построены, прежде всего, из местного камня, тогда как в Фанагорию, Гермонассу, Кепы и другие таманские города камень привозился морем из Крыма, Прикавказья и даже из Средиземноморья. В архаический и раннеклассический периоды для сооружения фундаментов зданий часто использовался камень, который доставлялся кораблями, приплывавшими из Ионии. Возможно, что его использовали в качестве балласта⁴³. Среди наиболее часто встречающихся пород в это время можно назвать булыжник, куски необработанного мрамора, камни вулканических пород. Позднее строители стали ориентироваться на карьеры, расположенные ближе к месту строительства. Исключение составляли те породы ценного камня, которые отсутствовали в Северном Причерноморье. Такой камень, прежде всего мрамор, по-прежнему доставляли морем из Средиземноморья и Геллеспонта.

Жилые дома. В ранний период истории боспорских городов при строительстве жилых домов весьма активно использовали сырцовый кирпич. Кирпич был одним из основных строительных материалов и в Ионии, метрополии боспорских городов⁴⁴. Он был весьма практичным материалом. С одной стороны, глину, необходимую для его изготовления, можно было найти повсюду, с другой же — этот процесс не требовал какой-либо особой квалификации⁴⁵. Дома из сырцового кирпича были прочными, летом хорошо держали

прохладу, а зимой — тепло⁴⁶. Очевидно, что строительство небольших домов раннего времени каждая семья могла осуществлять собственными силами. Позднее, в классический и, особенно, в эллинистический периоды жилые дома, как показывают раскопки, не только увеличиваются в размерах, но и становятся более сложными по своему устройству. Они следуют в общем русле развития жилого домостроительства Греции соответствующих периодов⁴⁷. Стены теперь сооружаются из тесаных блоков, в домах появляется разноцветная штукатурка, покрывающая стены, мозаичные покрытия, черепичные крыши⁴⁸. Строительство таких домов уже не могло быть осуществлено силами членов семьи и требовало специальной подготовки, квалификации. Очевидно, что появляются мастера, специализирующиеся в обработке камня⁴⁹. Это вполне естественно, поскольку камнетесы представляли собой одну из самых массовых ремесленных профессий. Нам остается неизвестной организация труда по строительству жилых домов в боспорских городах. Можно полагать, что хозяин дома заключал договор (возможно, письменный контракт) с бригадой строителей, в котором фиксировались детали соглашения. Дело в том, что, например, в классическую эпоху стоимость домов была высокой, а это свидетельствовало, в том числе, и об определенном уровне специализации, необходимой при их строительстве⁵⁰. Сложные как по структуре, так и по плану дома требовали квалификации и специальных знаний при сооружении различных функциональных частей здания. В бригаде должны были работать не только камнетесы, но также плотники, штукатуры, мозаичисты и другие мастера. Камешники тесали камень, клали фундаменты и стены, плотники делали крышу, потолок, клали черепицу, штукатуры покрывали стены специальным раствором-штукатуркой и расписывали их. Покупка необходимых строительных материалов (камень, лес, черепица и т.д.) и инструментов могла осуществляться у торговцев, специализировавшихся в этом деле, в городских лавках-мастерских, а также частично поставляться самими подрядчиками.

Позднее, в римский период дома на Боспоре становятся менее сложными, постепенно исчезает мозаика, цветная штукатурка. В связи с упрощением экономической жизни начинает утончаться слой высококвалифицированных специалистов, постепенно начинает исчезать специализация. Компетенция строителя расширяется, а его квалификация понижается. Все это неизбежно проявляется на качестве жилых домов.

Общественные здания. В боспорских городах, как и в других греческих полисах, строились общественные здания различного назначения. На первом месте следует, естественно, назвать храмы, посвященные различным богам. Эти сооружения продолжали традиции культовой архитектуры метрополии⁵¹. Надписи, найденные в городах Азиатского Боспора, свидетельствуют о наличии храмов и святилищ, посвященных Артемиде, Деметре, Афродите, Зевсу, Аполлону, Гераклу (КБН 6а, 8, 971, 972, 974, 975, 985). К сожалению, остатки таких культовых зданий крайне редко встречаются при раскопках городов, причем преимущественно сохраняются только фундаменты зданий. Судить об их внешнем облике, об архитектурном ордере, в соответствии с которым они были построены, можно лишь по отдельным архитектурным деталям, находимым во время археологических исследований, а также по некоторым изображениям (например, на монетах)⁵².

На первоначальном этапе существования боспорских городов храмы были небольшими, часто в своей простейшей форме — *templum in antis*⁵³. Они могли быть построены не обязательно из камня, но из самого распространенного в это время строительного материала — сырцового кирпича. Соответственно

сооружение такого здания не требовало особой квалификации, поскольку отличалось от простого жилого дома преимущественно размерами. Например, при раскопках архаических слоев в Фанагории был найдено здание общей площадью в 75 кв.м. От жилых домов соответствующего времени оно отличалось не только размерами, но и тем, что стены из сырцовых кирпичей были положены на каменный фундамент. Перемены в строительстве жилых и общественных зданий в Греции начинаются в конце VI в. до н.э. Жилые дома все чаще строят из камня, они увеличиваются в размерах. Более крупными становятся и общественные здания, особенно это касается IV в. до н.э.⁵⁴ Как показывают находки архитектурных деталей, в азиатской части Боспора храмы строились в дорическом и ионическом ордерах⁵⁵.

Среди них особое место занимает святилище Афродиты Урании, владычицы Апатура, в Фанагории. Страбон (XI. 2. 10) называет его «знаменитым святилищем» (*ἱερόν ἐπίσημον*)⁵⁶. Известны две посвятельные надписи из Фанагории, которые, по всей видимости, находились в этом святилище (КБН 971, 972). Недавно во время подводных раскопок была найдена третья надпись, в которой говорится о посвящении статуи Эрота Афродите Урании⁵⁷. Принимая во внимание то, что надпись была выбита на мраморном строительном блоке, можно полагать, что он происходит из стены этого храма. Это дает нам основание полагать, что храм был полностью построен из мрамора⁵⁸. Если это так, то его строительство было дорогостоящим и требовало больших усилий по организации работ. В его сооружении должны были принимать участие лучшие мастера, причем не только местные, но и приезжие. В числе последних могли быть камнетесы, специалисты по обработке того сорта мрамора, из которого был построен храм.

Помимо храмов и святилищ в боспорских городах строились и другие общественные здания. Среди них можно перечислить театры⁵⁹, стои⁶⁰, гимнасии⁶¹, дороги, мосты, нимфей, возможно, стадионы, булеверии, пританен и другие административные здания. Важнейшее место среди сооружений общественного характера занимали оборонительные укрепления. Каждый город должен был иметь городские стены, начиная с самого раннего времени⁶². Если такие укрепления не найдены в процессе раскопок в том или ином боспорском городе, это совершенно не означает, что их не было в действительности⁶³. Например, в Фанагории остатки городских стен зафиксированы для V в. до н.э.⁶⁴, хотя можно предполагать их наличие еще в VI в. до н.э. Находка большой мраморной плиты с тамгой Савромата II, которая была, по всей видимости, вставлена в башню, свидетельствует о наличии в Фанагории укреплений и в римскую эпоху⁶⁵. На некрополях боспорских городов зафиксированы самые разнообразные погребальные сооружения — от простых земляных могил до каменных склепов, в которых находились мраморные саркофаги. Некоторые из них несли на своих стенах росписи.

Все эти сооружения были построены боспорскими мастерами разных специальностей. В работах принимали участие представители не только самых распространенных строительных профессий (камнетесы, плотники, столяры, штукатуры), но и кузнецы, веревочники, кожевники, резчики по дереву и кости, скульпторы, художники, позолотчики, перевозчики, торговцы, черно-рабочие. Если полис начинал строительство какого-то большого и дорогостоящего здания или комплекса зданий, то для выполнения некоторых видов работ, связанных со специфическими материалами, строительная комиссия могла объявлять торги в других городах, в том числе и в средиземноморских. К ним могли относиться, например, мастера по обработке мрамора, слоновой

кости (которая использовалась при изготовлении статуй богов в храмах)⁶⁶ и некоторые другие. Это было обычной практикой: нередко импорт какого-либо строительного материала из конкретного места означал и приглашение специалистов по его обработке из этого же места⁶⁷. Однако не следует преувеличивать значение иностранных специалистов. Еще раз подчеркнем, что боспорские общественные сооружения в своем подавляющем большинстве были построены местными боспорскими специалистами. О высоком уровне их мастерства, особенно в классический и эллинистический периоды, свидетельствуют отдельные архитектурные детали, находимые в различных городах Азиатского Боспора. В качестве примера можно привести архитектурные фрагменты зданий дорического и ионического ордера из Фанагории⁶⁸, Горгиппии⁶⁹, Гермонассы⁷⁰.

Каким же образом была организована работа по строительству зданий общественного назначения на Боспоре? Ответ на этот вопрос может быть дан только на основе письменных источников, главным образом эпиграфических. Такие документы на Боспоре не найдены. Принимая во внимание тот факт, что социально-экономическая жизнь в боспорских городах в принципиальном плане была организована так же, как и в прочих греческих полисах, мы можем использовать параллели из материковой Греции⁷¹. Наиболее существенными моментами организации строительства общественных зданий являются следующие: принятие решения о начале строительства, поиски источников его финансирования, выборы или назначение ответственных за работы официальных лиц (строительной комиссии, архитектора), организация работ специалистов (сдача работ с торгов, контроль и прием выполненных подрядов, выплата заработной платы).

Решение о начале строительства общественного сооружения в доримский период в каждом боспорском городе, по всей видимости, принималось народным собранием. Помимо этого здания, особенно в столице, могли строиться и по распоряжению боспорских правителей. Источники финансирования были разнообразными, поскольку такие работы были дорогостоящими. Как показывают документы из различных греческих городов, помимо городской казны и денег, принадлежащих святилищам⁷², использовались средства, собранные частными лицами, пожертвования граждан⁷³. В функции строительной комиссии, в которую выбирались наиболее почетные и зажиточные граждане, входил полный контроль за качеством работ и своевременностью их выполнения⁷⁴. Члены таких комиссий назывались по-разному в различных городах — *тейхопоеи* (*τεῖχοποιοί*), *наопоеи* (*ναοποιοί*), *эпистаты* (*ἐπιστάται*) и т.д. Судя по надписям, в боспорских городах они назывались эпимелетами⁷⁵ (хотя это не исключает и другие названия). Они были главными действующими лицами на строительной площадке. Несмотря на то, что институт эпимелетов зафиксирован на Боспоре только для римского времени, не может быть никаких сомнений в том, что такого рода строительные комиссии существовали здесь и раньше, поскольку они являлись порождением полисного строя. Помимо них в городах должны были существовать специальные магистраты, которые отвечали за состояние и своевременный ремонт различных общественных зданий и сооружений (агоры, оборонительных стен, дорог и т.п.)⁷⁶. В Танаисе, например, были «эпимелеты стены» (*δι' ἐπιμελητῶν τοῦ τείχους*)⁷⁷.

Очень важное место в строительной жизни города занимал архитектор. В большинстве полисов должность архитектора была магистратурой. Обычно он избирался сроком на один год⁷⁸. Архитектор отвечал перед народом за все проблемы градостроительного облика данного полиса. Без его участия

не обходились никакие виды работ, связанные с ремонтом зданий и оборонительных сооружений, перепланировкой кварталов, обустройством улиц и площадей и т.д. Перед началом же строительства какого-либо общественного здания выбирался специальный архитектор, который был техническим экспертом, отвечавшим за соответствие выполняемых работ заключенным с подрядчиками контрактам⁷⁹. Архитекторы на Боспоре известны в основном по надписям из Танаиса римского времени⁸⁰. Один из документов, найденных на Таманском полуострове (КБН 1112), подтверждает, что должность архитектора существовала и в других городах.

Документы из ряда греческих городов показывают, что работы по строительству зданий общественного назначения осуществлялись на основе подряда. Подряд на сооружение той или иной части здания сдавался на открытых торгах. Подрядчик-ремесленник (камнетес, плотник, штукатур, мозаичист и т.д.), выигравший торги (т.е. согласившийся сделать работу за наименьшую сумму денег), заключал со строительной комиссией договор. В соответствии с этим соглашением он должен был в течение точно фиксированного времени выполнить работу на должном уровне качества, которое проверялось архитектором и строительной комиссией.

Такая организация общественного строительства была распространена, очевидно, и в боспорских городах, поскольку Боспор был частью единой греческой культуры. Определенное подтверждение мы находим в надписи из другого северопонтийского города — Ольвии. В известном декрете в честь Протогена есть строки, посвященные его деятельности в области городского строительства⁸¹. Отметим важнейшие для нас моменты из этого документа: работы были сданы на открытых торгах, о которых было объявлено через глашатаев, что являлось нормой для общественного строительства⁸² (*ἀπέδοτο πάντα τὰ ἔργα ὑπὸ κήρυκα*). Подрядчики, как и в других частях греческого мира, называются *ἐργῶναι*. Они имели возможность отказаться от работ в случае форс-мажорных обстоятельств (например, войны) (*πολλῶν ἐργῶν ἐγκαταλίποντων τὰ ἔργα*). Все это является свидетельством того, что между городом и подрядчиками был заключен письменный контракт на выполнение работ⁸³.

Таким образом, можно быть уверенными, что северопонтийские города, в том числе и боспорские, осуществляли работы по строительству зданий общественного назначения в соответствии с общегреческой практикой. В основе ее лежал контракт на производство работ, заключаемый между подрядчиками и городскими (или храмовыми) властями. В бригадах подрядчиков-строителей работали специалисты-ремесленники разных профессий. Строительная комиссия организовывала доставку необходимых строительных материалов (в первую очередь камня и дерева) из различных мест (используя общественные или зафрахтованные суда), заказывала в мастерских города все, что было необходимо для осуществления работ (гвозди, скобы-пироны, доски, черепицу и многое другое). После окончания работ она предоставляла отчет о произведенных работах, их качестве и потраченных деньгах перед гражданами. Высокое качество зданий на Азиатском Боспоре, о котором можно судить по выполненным на современном для той эпохи техническом уровне архитектурным деталям, свидетельствует о профессионализме архитекторов, строителей, ремесленников.

В римское время многие черты организации работ предыдущего времени сохраняются (подрядчики, контракты)⁸⁴. Однако происходят и определенные изменения. Прежде всего следует сказать о переменах в финансировании

строительства. Надписи этого времени часто сообщают о финансировании работ частными лицами⁸⁵. Это постепенно становится всеобщей практикой еще с эпохи эллинизма: по причине социального расслоения общины, постепенного изменения характера власти богатые члены общины берут на себя различные расходы, в том числе, на общественное строительство, получая взамен особое положение в своем городе⁸⁶. Ухудшение общей системы контроля за строительными работами со стороны полиса и определенная деградация ремесла в целом приводили к понижению качества возводимых на Боспоре зданий и сооружений. Однако это вовсе не означает, что строительное ремесло окончательно пришло в упадок. Ремесленные традиции были еще сильны. В первые века нашей эры продолжалось строительство и ремонт разнообразных городских сооружений, в том числе оборонительных укреплений. В частности, надписи из разных городов азиатской части Боспора, в первую очередь, из Танаиса, сообщают о различного рода строительных и ремонтных работах (восстановление оборонительных сооружений, ремонтные работы на агоре, реконструкция храмов, портиков) (е.г.: КБН 1112, 1122, 1241–1258). В результате подводных раскопок в Фанагории обнаружена очень редкая конструкция — фундамент-ряж, представляющая собой своеобразную клетку из бревен, заполненную строительными блоками, архитектурными деталями, надгробиями и обломками статуй вторичного использования⁸⁷. На таких фундаментах возводились различные портовые сооружения. находка ряжей в Фанагории показывает высокий уровень технического мастерства местных инженеров, которые возводили эти сложные сооружения в соответствии с современными им достижениями античного строительного искусства.

Скульптура

Как и в прочих греческих полисах в боспорских городах было много статуй, посвященных богам, героям, римским императорам, местным царям, частным лицам. Они стояли в храмах, на площадях, улицах и других общественных местах, в жилых домах. К сожалению, находки скульптуры крайне редки при раскопках. Одна из причин заключается в многовековой практике пережигания изделий из мрамора на известь. Что же касается бронзовой скульптуры, то ее сохранность гарантирована временем еще меньше, поскольку бронзовые предметы в большинстве случаев переплавляли на металл. В 1924 г. О. Вальдгауэр писал с надеждой о том, что исследования в греческих колониях Понта принесут еще много открытий в области древней скульптуры⁸⁸. Спустя многие десятилетия мы можем сказать, что его надежды оправдались лишь частично: найдено значительное количество новых произведений греческой пластики, однако выдающимся среди них является лишь небольшое количество.

Прежде чем говорить о скульпторах на Боспоре, нужно провести определенную дефиницию в понятиях. Дело в том, что античный скульптор определенным образом отличается от своего современного коллеги. В наше время скульптором по преимуществу является узкий специалист, который не выходит за рамки своего ремесла, т.е. ваяния скульптуры. В античном мире дело обстояло несколько иначе. Изначально скульптор был и очень часто оставался камнетесом. Поскольку основным материалом для скульптора был мрамор, то мастер, который умел работать с ним (обтесывать блоки, вырезать разнообразные и сложные архитектурные детали по шаблону), мог соответственно и извлекать статую. Строительные надписи из Греции (в частности, отчеты о

строительстве Эрехтейона в Афинах) показывают, что один и тот же мастер-камнетес мог выполнять простую работу по обтеске блока и изготавливать статуи для фриза. Р. Рэндол обратил внимание на то, что при сооружении Эрехтейона заработная плата скульптора и объем проделанной им работы приближаются к оплате труда и объему труда камнетеса. Отсюда он сделал справедливый вывод — работу скульптора правильнее называть тесанием камня, чем ваянием скульптуры в собственном смысле этого слова, а труд этих скульпторов весьма схож с трудом камнетесов⁸⁹. К тому же, набор орудий труда, которым пользовались камнетесы и скульпторы, был практически идентичным⁹⁰. Вполне можно согласиться с Б. Риджуэй в том, что каждый камнетес был по сути дела скульптором, и различие между этими квалифицированными специалистами было прежде всего различием в замыслах и целях работы, а не в уровне мастерства⁹¹.

Естественно, что все сказанное выше не означает, что каждый камнетес мог быть скульптором, а все скульпторы обязательно занимались на работы в качестве простых камнетесов. Известные и тем более выдающиеся скульпторы отличались от рядов мастеров не только виртуозностью владения материалом, но прежде всего талантом к ваянию, способностью выразить чувства в камне, а также удачей. Последнее замечание можно продемонстрировать на примере Фидия: реализация его таланта стала возможной в том числе и по причинам субъективного характера (дружба с Периклом)⁹².

Среди прочих переселенцев, приплывших во вновь основанные апейки на северном Понте были и скульпторы. На сегодняшний день мы можем подтвердить эту мысль примером из Фанагории. Во время исследований в исторической части города (раскоп «Верхний город») был открыт жилой дом, построенный из сырцовых кирпичей с полуподвалом (время жизни комплекса — вторая половина VI — начало V в. до н.э.)⁹³. В четырех метрах от него были обнаружены остатки бронзолитейной мастерской (печь, льячка, шлаки, многочисленные обломки от глиняной формы, использовавшейся при отливке бронзовых статуй)⁹⁴. На одном из таких обломков формы сохранился отпечаток части кисти руки от статуи в полный человеческий рост. В полуподвале дома, который служил в холодное время года в качестве рабочего помещения, обнаружены фрагменты мраморной статуэтки коры (косы). Не исключено, что живший в этом доме мастер не только отлил бронзовую статую, но и изготавливал статуэтки из мрамора. Таким образом, фанагорийский скульптор, который мог одновременно быть и мастером-бронзолитейщиком, принадлежал к первому поколению переселенцев.

Безусловно, в города Азиатского Боспора уже с эпохи архаики поступало значительное количество скульптур из средиземноморских полисов⁹⁵. Причем значительное место среди них занимали небольшие статуэтки, являвшиеся копиями с крупных статуй известных мастеров, которые служили в качестве посвящений в храмы⁹⁶. Ряд мастерских специализировался на их изготовлении именно для этих целей⁹⁷. Помимо скульптуры импортировались и другие предметы искусства и дорогостоящие предметы из мрамора, изготовленные скульпторами. К ним относились, например, саркофаги и надгробия. В качестве примера приведем саркофаг из некрополя Гермонассы и акротерий, венчавший высокую надгробную стелу из фанагорийского некрополя⁹⁸. Оба предмета были изготовлены в Аттике в IV в. до н.э. Что же касается статуй в полный человеческий рост и выше, стоявших в боспорских городах, то вопрос о месте их изготовления более сложен и может решаться скорее теоретически, на уровне параллелей из других полисов. Например, изготовление статуи того

или иного божества для большого святилища или крупного храма могло быть заказано у какого-либо известного скульптора, живущего в одном из средиземноморских полисов⁹⁹. Как правило, обращались с заказами в те полисы, которые находились вблизи мраморных карьеров (Парос, Наксос, Фасос и др.) и были известны своими мастерами по его обработке¹⁰⁰. Скульптор прибывал вместе с заготовкой для статуи, которую он обычно сам и вырубал в каменоломне¹⁰¹. Ближайшими примерами для Северного Причерноморья являются находки в Ольвии подписи под статую, изготовленную Праксительем¹⁰², и головы Асклепия, вышедшей из мастерской, близкой к Скопасу¹⁰³. Боспорские города скорее всего не составляли исключения, они также могли приглашать скульпторов из известных своими школами полисов¹⁰⁴. Можно предположить, например, что статуя богини в храме Афродиты Урании Апатуры в Фанагории или в святилище Апатур могла быть изваяна средиземноморским мастером.

Хотя выделение местной боспорской школы скульпторов встречает определенные препятствия из-за ограниченного круга сохранившихся статуй, фризов и других произведений искусства, все же можно вполне уверенно говорить о том, что местные мастера активно участвовали в украшении городов своими творениями. В раннее время (эпоха архаики и раннеклассическое время) многие статуи, стоявшие в храмах, делались из дерева¹⁰⁵. Такие копии могли изготавливать местные плотники и столяры. Деревянные статуи, «идолы», изготавливались и в качестве посвящений в храмы¹⁰⁶. Видимо, эта практика была обычной и в боспорских городах. Наряду с этим изготавливались статуи из мрамора, известняка и бронзы. Среди наиболее сохранившихся статуй, которые можно причислить к произведениям местной школы, выделяется статуя правителя Горгииппии Неокла, сына Геродора (КБН 1119), найденная в Анапе¹⁰⁷. Она свидетельствует, что боспорские мастера изготавливали скульптуры на современном им техническом и эстетическом уровне¹⁰⁸.

Боспорские посвятельные надписи на постаментах косвенно свидетельствуют о том, что стоявшие на них статуи (например, царей или каких-то других государственных мужей, а также частных лиц) были изготовлены местными скульпторами. Например, в одной из надписей IV в. до н.э. из Фанагории говорится, что некий Аполлодор, сын Фанагора, посвятил статую Афродите Урании (КБН 971). Это типичный образец надписи с посвящением статуи в храм, которых найдено довольно много в азиатской части Боспора. В более позднее время (в римский период) придворная знать при боспорском дворе часто посвящала статуи царям, которые ставились не только в столице, но и в других городах¹⁰⁹. Помимо этого на Боспоре известны посвящения статуй римским императорам и членам императорской фамилии (КБН 38, 41, 47, 48, 52, 978). Очевидно, что для изготовления каждой такой статуи специально приглашать чужеземного скульптора не было никакого смысла. Местные мастера делали эти статуи по копиям, как это обстояло и в других регионах римского мира¹¹⁰. Во всяком случае, в римское время большинство статуй и скульптурных портретов были не оригинальными творениями мастеров, а копиями со стандартных моделей. Этому способствовала и новая техника в скульптуре (использование реперных точек, применявшаяся примерно с 100 г. до н.э.), которая позволяла точно копировать оригинал¹¹¹. Таким образом, во многих случаях мраморную скульптуру (особенно статуи императоров и царей) изготавливали квалифицированные камнетесы, копируя одобренные и апробированные образцы.

Наряду с мраморными статуями на Боспоре с раннего времени изготавливались и бронзовые. Как можно судить по остаткам бронзолитейных мастерских, редким фрагментам статуй и постаментам под них боспорские мастера отливали скульптурные произведения на протяжении многих веков¹¹².

Учтем, что помимо статуй ежегодно требовалось изготавливать еще большое количество надгробий, от самых простых до весьма сложных и дорогостоящих¹¹³, а также архитектурных деталей для строящихся и ремонтирующихся храмов и других общественных зданий. Поэтому можно быть уверенными в том, что не только в Пантикапее, но и в Фанагории, Горгииппии, Гермонассе были скульптурные мастерские, в которых исполняли заказы на изготовление статуй, постаментов к ним, надгробий и других предметов пластического искусства. О том, что в этих мастерских нередко работали мастера очень высокого класса, свидетельствует находка надгробных стел из окрестностей пос. Юбилейный на Таманском полуострове. Их анализ показывает, что они были изготовлены в боспорской мастерской, продолжавшей традиции афинской скульптуры¹¹⁴.

Деревообработка

В свое время Р. Мейгтз отметил, что из всех крупных отраслей ремесленного производства (*major industries*) о деревообработке сохранилось менее всего письменных данных¹¹⁵. Действительно, несмотря на то, что дерево было одним из самых важных материалов, который использовался повсеместно для самых разных целей — от строительства зданий до изготовления мелких бытовых предметов и вещей — говорить об организации труда и мастерах-плотниках (*τέκτονες, ξυλουργοί*) приходится в крайне предположительной форме¹¹⁶.

Очевидно, что на Азиатском Боспоре не было в достаточном количестве лесов, которые могли бы обеспечить все потребности населения в лесоматериалах¹¹⁷. Соответственно не были здесь представлены и все породы деревьев, необходимые для тех или иных видов работ (к примеру, кедр, кипарис). Отсюда следует, что многие виды дерева доставлялись на Боспор в виде полуфабриката — бревен, досок, бруса. Наиболее дешевым способом доставки была перевозка по морю или по рекам (вниз по течению)¹¹⁸. Однако не исключена и доставка по суше на повозках. В любом случае обеспечение лесоматериалом боспорских поселений требовало серьезных организационных мероприятий со стороны властей и инициативы частных лиц¹¹⁹. В городах находились склады (скорее всего, в районе портов) с деревом, которое могли купить все желающие. В случае необходимости приобретения большого количества лесоматериала (например, при строительстве военных кораблей и торговых судов) покупатель, будь то частное лицо или представители полисной общины, мог сделать предварительный заказ у торговцев лесом.

Плотники и столяры представляли собой самую распространенную категорию ремесленников в греческих городах. Действительно, крайне трудно перечислить все то, что изготавливали специалисты по обработке дерева: крыши, перекрытия, потолки, двери, окна и другие элементы зданий, домов и хозяйственных построек, строили военные корабли и торговые суда, мосты, делали саркофаги и другой погребальный инвентарь, разнообразную мебель и прочую домашнюю утварь, повозки, инструменты и многое-многое другое¹²⁰.

По мнению Н.И. Сокольского, столярные мастерские на Боспоре были узкоспециализированными. Он полагает, что «...к различным боспорским

мастерским следует отнести изготовление трапедз с резными ножками, различных типов кресел. Ряд мастерских специализировался на выпуске экипажей, сундуков и различного типа шкатулок. Например, шкатулки с выдвигной крышкой и ларцы с металлическими частями изготавливались не менее чем в двух мастерских¹²¹. Действительно, трудно отрицать наличие мастерских, в которых изготавливалась определенная и довольно узкая номенклатура товаров. Мало может быть сомнений в том, что в городах они работали в мастерских-эргастериях, которые могли специализироваться в изготовлении какой-либо специфической группы изделий. Вспомним в связи с этим, например, мастерскую по изготовлению лож, принадлежавшую отцу оратора Демосфена (*Demosth.* XXVII. 9). Однако не следует преувеличивать такую специализацию. Вряд ли существовали эргастерии, которые выпускали, например, исключительно шкатулки и ларцы. Очевидно, что спрос на такого рода продукцию не мог быть безграничным. С другой стороны, ничто не мешало мастерам в таком заведении изготавливать и другие предметы. Другой вопрос, что для них не было никакой необходимости наряду с пиксидами делать, например, повозки. Тем не менее, мастер, владеющий определенным материалом, в данном случае деревом, мог изготавливать довольно широкий ассортимент вещей. Так обстоит дело даже сейчас. Узкая специализация столяра, резчика по дереву или плотника возможна в том случае, если существует очень большой спрос на конкретный вид продукции, в том числе и для экспорта за пределы данного города.

Очевидно, что в каждом городе и даже деревне Азиатского Боспора имелись специалисты по обработке дерева. Если судить о высоком уровне мастерства боспорских плотников и столяров мы можем на основе редких находок изделий из дерева, то об организации труда этих специалистов в источниках не сохранилось никаких сведений. Можно полагать, что мастерские по работе по дереву различались между собой по размерам. Некоторые из них могли состоять из одного-двух человек, в других же работало значительно больше людей. Насколько больше? Трудно сказать, но сам характер греческой индустрии и экономики в целом не требовали сосредоточения большого количества работников в одном заведении. Например, строительство крупного общественного здания или большого военного корабля не предполагало, что всю работу выполнял один подрядчик, владелец какой-либо мастерской. Вся работа разбивалась на отдельные части, иногда на множество мелких контрактов, которые отдавались отдельным ремесленникам, которые могли работать со своими коллегами и помощниками. Как правило, такая бригада или эргастерий не были большими по составу. В деревообработке владельцу мастерской (который часто сам был ремесленником) не было необходимости содержать большой штат работников в отсутствие непрерывного потока заказов на их продукцию (будь то ларцы и шкатулки или двери, окна, повозки, лодки и т.д.). К тому же более или менее дорогостоящие вещи часто изготавливались по предварительному заказу. Использование излишней рабочей силы вело к удорожанию товара или уменьшению прибыли.

Как бы то ни было, можно быть уверенными в том, что местные боспорские мастера удовлетворяли основную часть спроса населения на предметы из дерева. На экспорт приходились редкие товары или предметы роскоши (например, мебель из редких пород дерева).

Одной из важных отраслей ремесла, связанной с работой по дереву, было кораблестроение. Страбон сообщает о гавани и доках, которые были в Пантикапее (*Strabo.* VII. 4. 4)¹²². Очевидно, что такие доки для строительства и

ремонта судов должны были существовать и в других городах Боспора. Речь в этом случае не обязательно идет о предприятиях, на которых осуществлялось строительство больших судов или военных кораблей. Однако в каждом порту — а такие порты, пусть небольшие, были во всех городах — находились торговые и рыбацкие суда, которые периодически требовали ремонта. Принимая во внимание то, что они были довольно сложными по конструкции¹²³, их было необходимо ремонтировать в специальных доках.

Об одном из таких мастеров мы знаем по сохранившемуся надгробию из Пантикапея (КБН 513, I в. н.э.): Σισῶ ναυπηγέ, χαῖρε («Сис, кораблестроитель, прощай»). К сожалению, нам остается неизвестным, какого рода корабли делал этот мастер (большие суда или простые лодки), работал ли он один или владел мастерской.

Металлообработка

Как и дерево, металл был одним из самых широко распространенных материалов, который использовался для изготовления самых разнообразных предметов. Он был необходим как в бытовой, повседневной жизни, так и для удовлетворения потребностей культа, роскоши: при строительстве (гвозди, скобы, петли, ручки и накладки на двери), кораблестроении, изготовлении большого количества различных инструментов, самой разнообразной утвари и посуды, оружия, ювелирных изделий и т.д. К сожалению, металлические предметы крайне плохо сохраняются в земле. Во время раскопок античных поселений на азиатской части Боспора лишь изредка находят изделия из железа и бронзы. Некоторое количество предметов из металлов, прежде всего украшений и ювелирных изделий, находят при исследовании некрополей. Но и этот факт не является главным в вопросе о сохранности металлических изделий: очень многие из них (прежде всего из цветных металлов) пускались в переплавку после того, как они отслужили свой срок¹²⁴. Например, сохранившиеся описи храмового имущества показывают, какое большое количество разнообразной посуды (в том числе из золота и серебра), бронзовых статуэток и других вотивов из металлов хранилось в святилищах¹²⁵.

Крайне трудно определить место изготовления многих металлических предметов, прежде всего из железа. Можно полагать, что основная их часть изготавливалась на Боспоре, и мастера-металлисты, кузнецы имелись во всех боспорских городах и поселениях: трудно представить, что предметы повседневного спроса привозились из отдаленных мест¹²⁶. Кузнецы, работавшие в сельских поселениях, по всей видимости, выполняли практически весь спектр работ — от изготовления простых орудий труда до их ремонта¹²⁷, тогда как в городских мастерских работали мастера более высокой квалификации.

Вопрос об источниках поступления металлов на Боспор остается открытым¹²⁸. Очевидно, что основная масса металлов импортировалась извне, поскольку в Прикубанье можно найти только низкокачественную железную руду¹²⁹. Находки железных криц в торговом районе Горгиппии свидетельствуют о том, что они были привезены из какого-то богатого железом района¹³⁰. Безусловно, боспорские города импортировали не только необработанный металл, но и разнообразные изделия из него, например, посуду, металлические части мебели, украшения, скульптурные изображения¹³¹.

Наличие металлообрабатывающих мастерских на Боспоре вообще¹³² и на его азиатской стороне, в частности, с самого раннего времени подтверждается

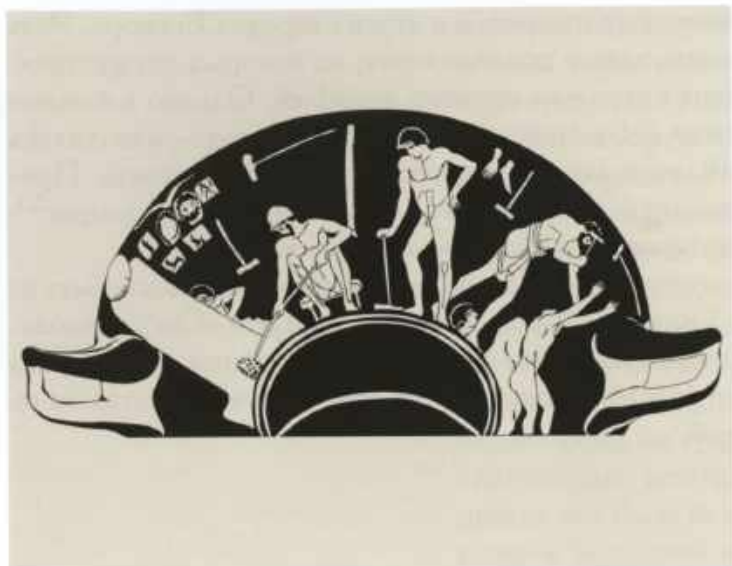

Рис. 1. Бронзолитейная мастерская.
Рисунок на вазе. Сторона А
(прорисовка)

Рис. 2. Бронзолитейная мастерская.
Рисунок на вазе. Сторона Б
(прорисовка)

археологическими исследованиями. Раскопками обнаружены остатки мастерских по обработке металлов в виде плавильных печей, шлаков, льячек, форм для отливки и т.п.¹³³ Следы наиболее ранних мастерских зафиксированы в Фанагории¹³⁴. От одной из них сохранилась лишь примитивная печь в виде перевернутого горла с плечами клазоменской амфоры. В нем зафиксированы угли и зола. К нему была подведена труба, сложенная из горл трех амфор, по которой в печь нагнетался воздух. На основании этих амфор (хиосские с воронковидным горлом) можно определить дату функционирования мастерской — третья четверть VI в. до н.э. Здесь же были найдены так называемые «конусовидные предметы», которые были связаны, по всей видимости, с ремесленным производством¹³⁵. Очевидно, что печь использовалась для изготовления мелких предметов из бронзы или драгоценных металлов. Однако неподалеку от нее были сделаны весьма интересные находки — круглый предмет из стеклянной пасты, пемза и округлая галька с сильно потертыми поверхностями. Первый из этих предметов мог быть вставкой в глазницу бронзовой статуи, а два других использовались при полировке статуй¹³⁶. Небольшая печь принадлежала мастерской, в которой изготавливались разнообразные изделия, в том числе отливались бронзовые статуи. Но если последнее является лишь предположением, хотя и вполне обоснованным, то другая находка из Фанагории прямо свидетельствует о том, что вскоре после основания города в нем мастера отливали статуи из бронзы (см. выше).

Об изготовлении мелких ювелирных изделий в городах Азиатского Боспора свидетельствуют находки форм для их отливки¹³⁷. Произведения античного искусства из благородных металлов, найденные в курганах Прикубанья, приводят исследователей к мысли о том, что на Боспоре существовали мастерские, в которых производились эти ювелирные украшения. Часть из них могла быть изготовлена специально для скифской знати¹³⁸. Одним из важнейших центров ювелирного искусства на Боспоре была Фанагория¹³⁹. Возможно, именно здесь были изготовлены многие всемирно известные шедевры, найденные в кургане Большая Близнаца.

В отсутствие письменных свидетельств можно лишь делать предположения о характере организации работы в боспорской металлообработке. Очевидно, что мастера работали в мастерских, которые могли принадлежать им самим или кому-то другому. Как и в остальном греческом мире, такие

Рис. 3. Metallургическая мастерская. Рисунок на вазе (прорисовка)

Рис. 4. Кузница. Рисунок на вазе (прорисовка)

мастерские не могли быть большими¹⁴⁰. В них работал мастер с учеником (или учениками), который часто мог быть его сыном. Как показывает пример эргастериев материковой Греции, о которых мы знаем по надписям, в них могли работать рабы. В пользу этого свидетельствует и вазапись (в частности рисунок на широко известном килике, так называемом Berlin foundry cup)¹⁴¹. Здесь в процесс изготовления бронзовой статуи было вовлечено шесть человек (если считать, что на стороне В изображены два ремесленника, не отображенных на стороне А)¹⁴². Некоторые мастерские-эргастерии могли специализироваться в определенных отраслях металлообработки, другие же выполняли широкий спектр работ по металлу. Часто металлообрабатывающие эргастерии располагались в специально отведенных местах, на окраинах городов и поселений, что было связано с их повышенной пожароопасностью.

Керамическое производство

Предметы, изготовленные из глины, занимали важнейшее место в жизни населения Боспора. Прежде всего, речь идет о посуде. Хорошо известно, что в античности существовало огромное количество посуды самых разнообразных типов. Далеко не все они известны нам. Греки хранили запасы продовольствия в больших бочках-пифосах, перевозили вино, оливковое масло и другие продукты в амфорах, обогревали дома при помощи глиняных жаровен, умывались из тазов-лутериев, готовили еду в кастрюлях и на сковородах, ели на блюдах (в том числе специальных рыбных), тарелках, из мисок, подавали вино в кувшинах-ойнохоях, разбавляли его в кратерах, пили из киликов, скифосов и канфаров, кормили детей из гуттусов, хранили украшения и драгоценности в пиксидах, ставили в могилы своих усопших лекифы и пелики. Мы перечислили лишь небольшую часть из ассортимента античной посуды¹⁴³. Глина использовалась и для других целей, в частности для строительных: из нее делали сырцовые кирпичи для сооружения жилых домов, общественных зданий и оборонительных укреплений (преимущественно в раннее время), а также черепицу.

До конца эллинистической эпохи экономическая жизнь Боспора была тесно связана со Средиземноморьем. Оттуда на берега северного Понта поступали разнообразные товары, в том числе керамика. В первоначальный

период существования апойкий основными торговыми партнерами были города Ионии. Оттуда поступала расписная столовая посуда (амфоры, ойнохой, кратеры, килики, тарелки и т.д.), а также терракотовые статуэтки, пифосы, черепица, архитектурная терракота и некоторые другие изделия из глины. Начиная с середины VI в. до н.э. ионийская керамика начинает постепенно замещаться аттической столовой посудой. Параллельно с этим налаживается в боспорских мастерских местное производство керамической продукции. Очевидно, что керамевсы были уже среди первооселенцев. Их первоочередной задачей было производство самых необходимых предметов из глины, в число которых входит простая кухонная и столовая посуда повседневного пользования. Например, при раскопках в Фанагории обнаружены остатки керамического производства конца VI — V в. до н.э.: сырцовая обмазка от печи, керамический шлак, бракованная посуда¹⁴⁴. В этой мастерской производили кувшины, миски, тарелки. На южной окраине города найдена мастерская короласта первой половины V в. до н.э. (см. ниже). На юго-западной окраине города, в районе Керамика, найден выброс из мастерской короласта II в. до н.э. Здесь обнаружено около 90 терракотовых статуэток, сделанных из местной глины¹⁴⁵.

На юго-западной окраине Горгиппии, неподалеку от оборонительных сооружений располагались мастерские по производству глиняной посуды (так называемый «керамик»). Здесь обнаружены обжигательные печи, которые существовали на протяжении нескольких веков (по крайней мере, с эллинистического времени до римского периода), перекрывая друг друга¹⁴⁶. В гончарных мастерских изготавливалась разнообразная посуда для повседневного пользования (миски, тарелки, кастрюли, кувшины). Наряду с гончарами в этом месте работали и короласты. Во время раскопок обнаружено не только большое количество терракотовых статуэток, но также и формы для их оттискивания и красная краска для расписывания статуэток¹⁴⁷. Горгиппийские мастера не ограничивались производством только что перечисленной продукции, помимо нее они изготавливали также черепицу, пифосы, амфоры, кирпичи, светильники, столовую керамику¹⁴⁸.

Мастерские по изготовлению посуды и терракот обнаружены и в других городах¹⁴⁹. В Кепах гончарные обжигательные печи зафиксированы для времени не позднее конца IV в. до н.э. Здесь же существовали и мастерские короластов¹⁵⁰. Причем, по мнению Н.И. Сокольского, одна из таких мастерских производила высокохудожественные произведения (здесь найдена статуэтка, известная теперь под именем «отдыхающий рыбак»)¹⁵¹. Еще в одном городе, Патрее, обнаружено производство римского времени разнообразных типов посуды (амфоры, кувшины, кастрюли, пифосы)¹⁵². Важным обстоятельством является то, что эргастерии керамевсов найдены не только в городах, но и на рядовых поселениях Таманского полуострова. По справедливому замечанию Н.И. Сокольского, особой разницы в техническом оснащении между городскими и сельскими гончарными мастерскими не было. Эргастерии в городах могли быть больше по размерам и выпускали более обширный ассортимент продукции. Сельские же мастера обеспечивали нужды прежде всего ближайшего населения, их продукция была, скорее всего, более простой¹⁵³.

Можно полагать, что в классическую и эллинистическую эпохи боспорские города обеспечивали себя собственной кухонной и простой столовой посудой. Основная масса расписной, так называемой «художественной» керамики

по-прежнему привозилась из Средиземноморья, по преимуществу из Аттики. В это же время появляются эргастерии по производству черепицы¹⁵⁴. По всей видимости, это не было случайностью и стало следствием активного жилищного и общественного строительства, развернувшегося в IV в. до н.э. — период наивысшего расцвета Боспорского государства. Мастерские по производству черепицы появились в нескольких городах, в том числе в азиатской части — в Горгиппии и Фанагории¹⁵⁵. Причем, как полагают исследователи, помимо частных были и царские эргастерии. В пользу последнего свидетельствуют клейма на черепицах, несущие на себе слово «царская» (βασιλική). Однако следует иметь в виду, что если строительство какого-либо здания осуществлялось на средства боспорского царя, то слово «царская» скорее всего означало, что черепица была изготовлена по заказу царя, но совершенно не обязательно в царской мастерской¹⁵⁶. Более того, наличие таких мастерских вызывает большие сомнения¹⁵⁷. Например, в некоторых греческих городах встречаются клейма δημόσιος или ἱερός, означающие принадлежность черепиц полису или святилищу¹⁵⁸. Форма собственности, не влияя на техническую сторону, могла сказываться на размерах предприятий. Само по себе производство черепиц, как кажется, требовало участия довольно значительного количества ремесленников, поскольку керамиды были большими и тяжелыми. Рабочая сила требовалась для приготовления глины, оттискивания черепиц в специальных формах из дерева или камня¹⁵⁹, перетаскивания их, загрузки в печь и выгрузки. Так ли это в действительности?

В свое время В.Д. Блаватский произвел подсчеты возможного количества производимой на Боспоре черепицы, производительность труда раба-керамиста и вывел количество работников в эргастерии¹⁶⁰. Несмотря на то, что основные цифры, использованные им, вызывают сильное сомнение в их правильности¹⁶¹, В.Д. Блаватский пришел к выводу, не противоречащему мнению большинства ученых о том, что ремесленные мастерские были небольшими по размерам (около десяти человек в черепичном эргастерии). С другой стороны, он полагал, что в царских черепичных эргастериях могло работать до сотни рабов. Эта последняя цифра является совершенно умозрительной.

Современные параллели из Греции и Южной Италии показывают, что в большинстве античных мастерских по производству черепиц могло работать очень небольшое количество людей (3—4 человека)¹⁶². Как правило, это были члены одной семьи. При этом следует иметь в виду, что нередко в такой мастерской изготавливали не только черепицы, но и другие изделия из глины. Например, в одной из мастерских в городе Авлис (Центральная Греция) наряду с черепицами делались терракотовые статуэтки¹⁶³. В пользу этого свидетельствуют и находки небольших обжигательных печей поблизости от больших печей для обжига черепиц¹⁶⁴.

В конце эллинистического периода связи Боспора со Средиземноморьем начинают стремительно ослабевать. Прекращается импорт очень многих товаров, в том числе посуды и черепицы. Все это оказало влияние на ремесленное производство Боспора, продукция которого все больше и больше замещает импортные товары. Теперь гончарные обжигательные печи начинают появляться не только в специально отведенных местах ближе к окраинам городов, но и в жилых кварталах. Например, в Фанагории печи II—III вв. н.э. найдены в центральной части городища. Сами печи увеличиваются в размерах, что связано с необходимостью обжигать более крупные партии керамики. В это же время появляется новый тип строительных

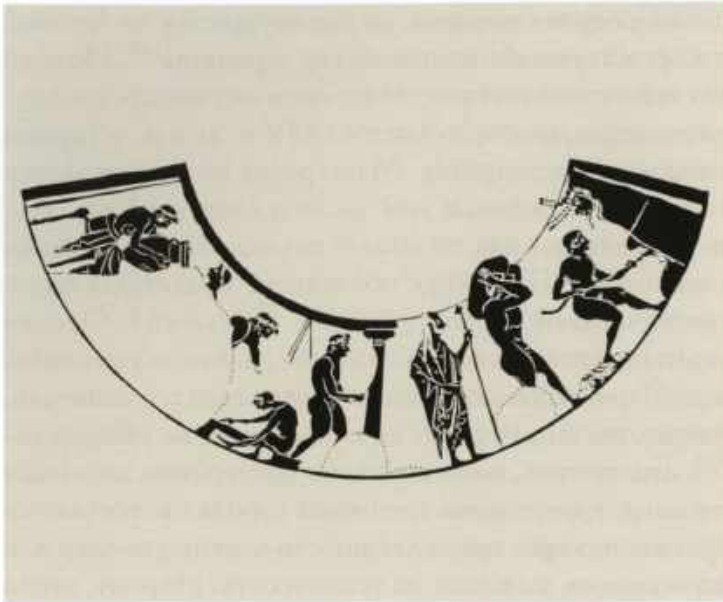

Рис. 5. Гончарная мастерская.
Рисунок на вазе (прорисовка)

Рис. 6. Вазописцы за работой.
Рисунок на вазе (прорисовка)

материалов, обожженные кирпичи, производство которых налаживается в ряде городов¹⁶⁵.

Важную роль в строительном деле античных городов Понта играл сырцовый кирпич. В архаический период он был едва ли не основным строительным материалом. Из него сооружали не только жилые дома, но также общественные здания¹⁶⁶ и оборонительные укрепления. Особенно это касается городов и поселений Таманского полуострова, бедного камнем. Учитывая несложность процесса изготовления сырцовых кирпичей, можно полагать, что его приготовлением занимались все, кто строил себе дом или какую-то хозяйственную постройку. Действительно, для того, чтобы сделать сырцовый кирпич, нужно было иметь глину, солому и деревянную форму по размерам кирпича. Однако вспомним рекомендации Витрувия, который довольно подробно описал необходимые процедуры при изготовлении сырцовых кирпичей. В соответствии с ними были нужны специальные сорта глины, требовалось правильно выбирать время для изготовления кирпичей, специальным образом сушить их не менее двух лет (а в некоторых случаях и больше) (*Vitr. De architectura. II. 3*)¹⁶⁷. Отсюда следует, что наряду с непрофессиональным изготовлением кирпичей для использования частным образом, могли существовать и специалисты, продукция которых применялась, например, при общественном строительстве. В последнем случае они должны были использовать кирпич специальных размеров (*pentadoron* в отличие от *tetradoron*, применяемого в частном строительстве), что, по всей видимости, было установлено специальными постановлениями. Сооружение, например, оборонительных укреплений вокруг города не могло быть делом любителей, они должны были быть построены профессиональными строителями, которые, как показывают строительные надписи, были плотниками и даже каменщиками¹⁶⁸. На Таманском полуострове в позднеэллинистическое время была построена сеть крепостей, контролирующая ключевые позиции региона. Оборонительные сооружения на некоторых из них неплохо сохранились¹⁶⁹. Они были построены из сырцовых кирпичей, с применением специального деревянного крепежа, фахверка. Стены возведены на высоком профессиональном уровне, что не оставляет сомнений в том, что в их сооружении принимали участие профессиональные строители.

Ткачество

О ткачестве на Боспоре мы можем судить практически исключительно на основе данных археологии¹⁷⁰. При этом основным материалом служат ткацкие грузила, пряслица, веретена. Если не считать находки этих предметов вне контекста, то те из них, которые периодически встречаются в развалинах домов, обычно используют в качестве доказательства домашнего характера ткачества¹⁷¹. Действительно, одной из обязанностей женщин в греческом домашнем хозяйстве было ткачество, изготовление разнообразных изделий из ткани (прежде всего одежды) для семейных нужд. Покупались лишь те изделия, которые было трудно или невозможно сделать в домашних условиях. В частности, это относится к дорогостоящим товарам (например, коврам) или к роскошной одежде. Раскопки в различных греческих городах, прежде всего тех, где относительно хорошо сохранились остатки жилых домов (таких, как Олинф и Делос), показывают, что следы ткачества прослеживаются практически во всех домохозяйствах¹⁷². Очевидно, что боспорские города не были в этом отношении исключением.

Наряду с домашним производством существовали и ткацкие эргастерии, основной рабочей силой в которых были рабы-женщины¹⁷³. Однако археологически такие мастерские не зафиксированы.

Мы рассмотрели лишь основные направления ремесленного производства на Боспоре, которые связаны с важнейшими категориями обрабатываемых материалов. Каждое из них дробилось на более узкие специальности. Помимо перечисленных отраслей ремесла существовали и другие специальности, о которых наши сведения крайне скудны (например, кожевники, стеклодувы, архитекторы, инженеры, оружейники, резчики по кости, живописцы, мозаичисты и др.).

Организация производства

Ремесло занимало весьма важное место в экономике античного города. Его жители должны были постоянно приобретать предметы и вещи повседневного спроса — одежду, обувь, посуду, мебель и многое другое. Импорт замещал лишь отсутствующие в данном регионе товары или специфические предметы роскоши. Например, основная масса населения того или иного полиса не нуждалась в своей повседневной жизни в дорогих сортах рыбы, вина или в заморских ювелирных украшениях. Тогда как разбившийся кувшин или износившийся хитон нужно было купить в соседней лавке. Поэтому в различных частях города были разбросаны небольшие эргастерии, в которых мелкие мастера-ремесленники производили самые насущные предметы. Как показывают раскопки в некоторых греческих городах (например, на Делосе и в Олинфе), в качестве такой лавки-мастерской служила комната в доме, которая имела отдельный выход на улицу¹⁷⁴. Причем такие помещения часто были многофункциональны: магазин при мастерской (или наоборот), склад. Над ним могло быть еще одно помещение, которое служило жилой комнатой для ремесленника-торговца¹⁷⁵. Помимо таких разбросанных по различным районам магазинов-мастерских во многих городах были специальные ремесленные кварталы. Ремесленники одной специализации часто селились и работали на одной улице. Так было в Афинах, Александрии и других городах¹⁷⁶. Во многих случаях они находились вдали от жилых домов, поскольку произ-

водственные процессы в них были связаны с огнем (металлургия, керамические обжигательные печи).

Кварталы ремесленников открыты и в некоторых боспорских городах¹⁷⁷. В Горгиппии гончарные обжигательные печи находились на юго-западной окраине города. В Фанагории мастерские ремесленного квартала располагались на южной окраине города, у оборонительной стены. Здесь раскопками М.М. Кобылиной обнаружены керамические печи римского времени, в которых обжигалась разнообразная посуда повседневного спроса (кувшины, миски, тарелки и т.д.)¹⁷⁸. Для более раннего времени в этом месте зафиксирована мастерская короласта, от которой сохранилась нижняя часть обжигательной печи, а также большое количество форм для оттискивания статуэток и сами терракотовые статуэтки. Причем некоторые из статуэток были оттиснуты в форме, но не обожжены по причине неожиданной гибели мастерской в пожаре. Мастерская датируется первой половиной V в. до н.э. Мастер пользовался формами, привезенными из Ионии. Он работал один или с помощником-подмастерьем, о чем свидетельствуют небольшие размеры мастерской.

В непосредственной близости от мастерской короласта раскопками В.С. Долгорукова были обнаружены интересные конструкции, представляющие собой глиняно-плетневые сооружения¹⁷⁹. Они представляют собой несколько помещений, вытянутых в одну линию, в центре каждого из которых находится печь. По мнению авторов публикации, эти сооружения представляли собой временные жилища переселенцев, прибывших в Фанагорию после поражения греков в Ионийском восстании. Однако с этой интерпретацией согласиться совершенно невозможно. Этому объяснению противоречит как план сооружения, отнюдь не временный их характер (они просуществовали около столетия), так и находки, сделанные внутри него. Первый вывод, который следует из анализа археологического контекста, состоит в том, что эти помещения не были жилыми: они перекрывают жилые дома из сырцового кирпича, которые могут быть построены также быстро, как и глиняно-плетневые. Второй вывод заключается в том, что это сооружение представляло собой несколько металлообрабатывающих мастерских-эргастериев. Каждая из этих мастерских представляет собой небольшое помещение, к которому примыкает открытый двор, в центре которого находится печь. Таким образом, плавка металла осуществлялась во дворе, тогда как мастер мог работать в закрытом помещении. При этом вся конструкция возводилась очень быстро и была безопасной с точки зрения возгорания. Эти мастерские формировали улицу, поскольку были вытянуты в ряд и примыкали друг к другу. Эргастерии невелики по размерам, в каждом из них могло работать не более двух-трех человек.

Очень часто мастерские существовали при больших святилищах. Основное их назначение состояло в том, чтобы изготавливать приношения, которые покупались прихожанами и посвящались в храм. Такие заведения известны в Греции с эпохи ранней архаики¹⁸⁰. Это было общегреческой практикой. Очевидно, что такого рода предприятия были и на Боспоре. Они располагались в непосредственной близости от святилища. К сожалению, найти такие мастерские возможно лишь в случае удачи, тем более, что до сих пор на азиатской стороне Боспора не зафиксированы сами святилища, при которых они существовали. Возможно лишь говорить об этом на основе самих вотивов. Так, например, на вершине холма (Майская гора), примыкающего к Фанагории с юга, раскопано святилище, посвященное женскому божеству¹⁸¹. Здесь было найдено большое количество терракотовых статуэток, посвященных в

храм (более 800). Не исключено, что для производства терракот в качестве посвященных даров неподалеку работала мастерская короласта. Еще более очевидно такое положение дел для Кеп, где был открыт храм Афродиты. Здесь же были найдены терракотовые статуэтки и формы для их оттискивания. Автор раскопок подчеркивает, что терракотовые статуэтки сделаны из местной глины¹⁸².

В заключение еще раз подчеркнем основную мысль, которая состоит в том, что ремесло было важнейшим звеном боспорской экономики, удовлетворявшим потребности населения, прежде всего в разнообразных предметах и изделиях повседневного спроса.

¹ Подтверждение этим данным было получено и на основании палинологических анализов. В Фанагории уже в древнейшем слое в палиносpectрах фиксируется наличие 7% пыльцы хлебных злаков, что говорит о начале хлебопашества в очень широких масштабах. См.: *Болховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин А.Б., Фуаш Э.* Изменение ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // *Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва, 2002.* Вып. XII; *Горлов Ю.В.* К изучению сельской округи Фанагории // *ДБ.* 2007. Вып. 11. С. 98.

² Характерно, что в рескрипте Аспурга, говорящем о снижении налогов в Горгиппии, среди зерновых упоминаются именно эти три злака. См.: *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // *СА.* 1965. № 2; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 149.

³ *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 79; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство и промыслы // *АГСП.* С. 155.

⁴ Характерно, что результаты археологических исследований полностью совпадают с данными античных авторов. Феофраст в «Исследовании о растениях» (VIII. 4, 5) определяет понтийскую пшеницу как легко-весную. Он сообщает, что яровая пшеница в припонтийских странах отличается твердостью, а озимая — мягкостью, и эта мягкая пшеница — легковесна. Согласно мнению карполога Е.Ю. Лебедевой, на Азиатском Боспоре по мере удаления на восток

постепенно возрастает удельный вес мягкой пшеницы (*Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // *БС. М., 1994.* Вып. 5. С. 108—112), что заставляет предполагать, что этот сорт пшеницы — местный, заимствованный греками у меотов.

⁵ В Гермонассе при раскопках была открыта зерновая яма, датируемая VI в. до н.э., глубиной 3 м, заполненная зернами хлебных злаков. Из содержимого ямы А.В. Кирьянов выделил 61 525 зерен пленчатого ячменя, 33 зерна мягкой пшеницы, 50 зерен пшеницы-двузернянки или полбы и 58 зерен ржи. Об этой находке см.: *Зеест И.Б.* Архангелские слои Гермонассы // *КСИА.* 1961. Вып. 83. С. 54; *Кирьянов А.В.* Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // *КСИА.* 1962. Вып. 91. С. 96; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство... С. 181—182.

⁶ См.: *Блаватский В.Д.* Земледелие... С. 76—77, рис. 29—30; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство и промыслы. Табл. LVI, 11, 13 (два вида пшеницы); LVI, 12 (ячмень).

⁷ См., например, наральник из раскопок городища Батарейка I (*Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // *СА.* 1963. № 1. С. 189, рис. 7, 1).

⁸ *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство и промыслы. Табл. LV, 2.

⁹ Там же. С. 154. Табл. LV, 12, 13, 16; *Алексеева Е.М.* Античный город... С. 149.

¹⁰ *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство и промыслы. С. 154.

¹¹ *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 173—176; *Она*

же. Сельское хозяйство и промыслы. Табл. LV, 19—32.

¹² *Она же.* Сельское хозяйство и промыслы. С. 154.

¹³ Там же. С. 154—155.

¹⁴ Там же. С. 155. Табл. LVI, 5—10.

¹⁵ Палинологические исследования показывают появление пыльцы винограда в слоях Фанагории с IV в. до н.э. См.: *Горлов Ю.В.* К изучению... С. 98.

¹⁶ *Негрюль А.М.* Археологические находки семян винограда // *СА.* 1960. № 1. С. 114; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство и промыслы. С. 156.

¹⁷ *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // *МИА.* 1958. № 85. С. 353.

¹⁸ *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство и промыслы. С. 156. Табл. LVII, 12, 13; LVIII, 1, 2, 10—14 (первый тип); LVII, 14—23; LVIII, 3—5 (второй тип).

¹⁹ Там же. С. 192.

²⁰ Подробнее см.: *Винокуров Н.И.* Античный социум: культ вина и винограда // *БИ.* 2002. Вып. II. С. 70, сл.

²¹ *Кобылина М.М.* Новые данные о фанагорийских винодельнях // *КСИИМК.* 1959. Вып. 74; *Долгоруков В.С.* Фанагорийская винодельня I—II вв. н.э. // *КСИА.* 1976. Вып. 145.

²² Всего на территории Горгиппии выявлено 12 виноделен. См.: *Салов А.И., Смирнова Т.М.* Новые находки в Анапе // *КСИА.* 1972. Вып. 130; *Алексеева Е.М.* Виноделие Горгиппии // *БС.* 1995. Вып. 6; *Алексеева Е.М.* Античный город... С. 151—168.

²³ *Коровина А.К.* Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 78—84.

²⁴ *Сокольский Н.И.* Виноделие в азиатской части Боспора: (По материалам археологических раскопок) // *СА.* 1970. № 2.

- ²⁵ Баширов А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Уч. зап. Ярославского гос. педагогического института. Ярославль, 1957. Т. XXII (XXXII).
- ²⁶ Блаватский В.Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
- ²⁷ Сокольский Н.И. Виноделие... С. 87, сл.; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. С. 193.
- ²⁸ Алексеева Е.М. Античный город... С. 167.
- ²⁹ Там же С. 159.
- ³⁰ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 156.
- ³¹ Там же. С. 156. Табл. LVII, 1, 6, 10.
- ³² Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 158.
- ³³ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 159.
- ³⁴ Афиней повторяет рассказ Полибия (VI. 109) о негодовании Катона по поводу тех, кто ввел в Риме чужеземную роскошь. При этом одним из примеров такой роскоши является понтийская соленая рыба, которая покупается по цене 30 драм за один бочонок.
- ³⁵ Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е. О рыболовстве в Боспорском царстве // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья. М., 1954. (МИА; № 33); Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 159.
- ³⁶ Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 43–45; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 109–111; Куликов А.В. Материалы к изучению древних морских промыслов: Функциональная типология рыболовных грузил // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 186–201; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 159–161.
- ³⁷ Куликов А.В. Материалы к изучению древних морских промыслов: Данные нумизматических источников // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 5. С. 7–26.
- ³⁸ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 159.
- ³⁹ Они были расположены на самом берегу моря. См.: Алексеева Е.М. Античный город... С. 168.
- ⁴⁰ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы. С. 160.
- ⁴¹ Hopper R.J. Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979. P. 126, ff.
- ⁴² Приведем пример, известный из одной строительной надписи (IV в. до н.э.) о вырубке в коринфской каменоломне четырех архитектурных деталей для храма Аполлона в Дельфах. Из общей суммы в 3940 драм только 6,2% приходится на работы в каменоломне, остальные же деньги были уплачены за доставку блоков на строительную площадку (Bousquet J. Les comptes du quatrième et du troisième siècle: Corpus des inscriptions de Delphes. P., 1989. Т. II. N 56 IA.20–30; 59 I.32–41, 50–60, 69–76 – II.1–3; Idem. Études sur les comptes de Delphes. P., 1988. P. 63–64).
- ⁴³ Карасев А.Н. Развитие строительного каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII–I вв. до н.э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 130.
- ⁴⁴ Lang F. Archaische Siedlungen in Griechenland: Struktur und Entwicklung. B., 1996. S. 111, ff.
- ⁴⁵ Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. I. P., 1966. Т. I. P. 51, suiv.; Martin R. Manuel d'architecture grecque. P., 1965. Т. I: Matériaux et technique. P. 46, suiv.
- ⁴⁶ Robinson D.M., Graham J.W. The Hellenic House: Excavations at Olynthos. Baltimore, 1938. Pt. VIII. P. 229, Note 26.
- ⁴⁷ Сорокина Н.П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. М., 1973. Т. 2: Архитектура античного мира: (Греция и Рим). С. 377–381; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида VI–II вв. до н.э. Киев, 1990. С. 63–140.
- ⁴⁸ Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 60–62. Во время раскопок в Фанагории был найден фундамент одного из домов IV в. до н.э. Эта была обычная кладка из необработанных камней. Однако благодаря случаю на нем сохранилось два обломка великолепно отесанных блоков из ракушечника от стен, которые показывают высокий уровень мастерства камнетесов.
- ⁴⁹ Одним из терминов для обозначения такого строителя мог быть οἰκοδόμος (Plato. Protag. 319b).
- ⁵⁰ Стоимость домов исчислялась цифрами от нескольких сот до многих тысяч драм. Крупный специалист в области исследования греческого домостроения Э.-Л. Шванднер замечает, что строительство дома в эллинском мире было таким же важным и дорогостоящим делом, как и в современном (Schwandner E.-L. Zu technischen und ökonomischen Problemen des griechischen Wohnungsbaus in klassischer Zeit // Wohnungsbau im Altertum. Berlin, 1978. S. 105).
- ⁵¹ Пичилян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 151, сл.
- ⁵² Блаватский В.Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 161–164.
- ⁵³ Крыжицкий С.Д. Архитектура... С. 112–113, рис. 75–76.
- ⁵⁴ Hansen M.H., Fischer-Hansen T. Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis: Evidence and Historical Significance // From Political Architecture to Stephanus Byzantium: Sources for the Ancient Greek Polis / Ed. D. Whitehead. Stuttgart, 1994. P. 85 (Papers from the Copenhagen Polis Centre; 1).
- ⁵⁵ Сорокина Н.П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. С. 370–377.
- ⁵⁶ Ustinova Y. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 29, ff.
- ⁵⁷ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 156–161.
- ⁵⁸ О возможном облике храма см.: Харко Л.П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 140.
- ⁵⁹ Театры на Азиатском Боспоре до сегодняшнего дня не найдены, однако мало может быть сомнений в том, что такие сооружения были в наиболее крупных городах, как Фанагория, Гермонасса и Горгиппия.
- ⁶⁰ КБН 1045 (Гермонасса, 105 г. н.э.); Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–238 (Фанагория, 220 г. н.э.).
- ⁶¹ КБН 983 (Фанагория, II в. н.э.), 991 (Фанагория, IV в. до н.э.), 1260а, 1263, 1264, 1268 (Танаис, II в. н.э.).

- ⁶² На Боспоре ранние стены найдены в Мирмекии и Порфмии (Бу-тягин А.М. Мирмекий в период архаики // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском: VII—I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 29; Вахтина М.Ю. Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Боспорские чтения IV. Керчь, 2003. С. 46).
- ⁶³ Discrey P. La muraille est-il un élément constitutif d'une cité // Sources for the Ancient Greek City-State / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1995. P. 251. (Acts of the Copenhagen Polis Centre; Vol. 2).
- ⁶⁴ Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 98—104.
- ⁶⁵ Кузнецов В.Д. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 225—234.
- ⁶⁶ Подробнее см.: Lapatin K. Chryselephantine Statuary in the Ancient Mediterranean World. Oxf., 2001. Активное использование слоновой кости на Боспоре подтверждается археологическими находками (АГСП. М., 1984. С. 318, табл. СХХVII, 1; Иванова А.П. Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. С. 428—430).
- ⁶⁷ Hellmann M.-Ch. Les déplacements des artisans de la construction en Grèce d'après les *testimonia* épigraphiques // L'artisanat en Grèce ancienne: Les productions, les diffusions. Lille, 2000. P. 265—280.
- ⁶⁸ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 27, рис. 7; С. 61, рис. 19.
- ⁶⁹ Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Ч. I. С. 51—73; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. Табл. 38—47.
- ⁷⁰ Арзаманов Г.Ф. Архаическая капитель из Тамани // ВДИ. 1989. № 4. С. 49—54.
- ⁷¹ Кузнецов В.Д. Организация общественного строительства в древней Греции. М., 2000.
- ⁷² Например, в одной из пантикапейских надписей (КБН 62, II в. н.э.) говорится о священных деньгах, т.е. принадлежавших святилищу (ἐκ τῶ(ν) λε[ρῶν] χρημάτων).
- ⁷³ Migeotte L. Finances et constructions publiques // Statbild und Bürgerbild im Hellenismus / Hrsg. von M. Wörle, P. Zanker. München, 1995. S. 80—86.
- ⁷⁴ Wittenburg A. Griechische Baukommissionen des 5. und 4. Jahrhunderts. München, 1978.
- ⁷⁵ КБН 44, 47, 61, 62, 67, 942, 1242, 1245, 1246, 1248, 1250; Болтунова А.И. Новая строительная надпись из Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 47; Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // ДГВЕ. М., 1999. 1996—1997 гг.: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. С. 205; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 233.
- ⁷⁶ Как, например, в Ольвии: Денисова В.И. Новый эпиграфический документ из Ольвии // СА. 1982. № 1. С. 95.
- ⁷⁷ Болтунова А.И. Новая строительная надпись из Танаиса. С. 47.
- ⁷⁸ Coulton J.J. Ancient Greek Architect at Work: Problems of Structure and Design. Ithaca, 1982. P. 15—29.
- ⁷⁹ Jacquemin A. Architekton—Ergolabos/Ergones // Ktema. 1990. 15. P. 81—88.
- ⁸⁰ КБН 1245, 1249, 1250, 1252, 1258; Болтунова А.И. Новая строительная надпись из Танаиса. С. 47.
- ⁸¹ IOSPE I² 32.30—44 (= Maier F. Griechische Mauerbauinschriften. Heidelberg, 1959. Bd. I, Nr. 82 = Migeotte L. L'emprunt public dans les cités grecques: Recueil des documents et analyse critique. Québec; Paris, 1984. N 44).
- ⁸² Кузнецов В.Д. Организация общественного строительства... С. 399.
- ⁸³ Там же. С. 400, сл.
- ⁸⁴ Подробнее см. в главе «Архитекторы поздней античности» в кн.: Suoto S. Technology and Culture in Greek and Roman Antiquity. Cambr., 2007. P. 134, ff.
- ⁸⁵ Например: КБН 1244, 1245, 1247, 1249.
- ⁸⁶ См.: Savalli-Lestrade I. Remarques sur les élites dans les *poleis* hellénistiques // Les élites et leurs facettes: Les élites locales dans le monde hellénistique et romain. Rome; Clermont-Ferrand, 2003. P. 57.
- ⁸⁷ Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 260—280; Кузнецов В.Д., Колесников А.Б., Ольховский С.В. Подводные исследования в Фанагории в 2006—2007 гг. // ДБ. 2008. Вып. 12/2. С. 370—412.
- ⁸⁸ Waldhauer O. Ancient Marbles in the Moscow Historical Museum // JHS. 1924. XLIV. P. 45.
- ⁸⁹ Randall R.H. The Erechtheum Workmen // AJA. 1953. 57. P. 207.
- ⁹⁰ Adam S. The Technique of Greek Sculpture in the Archaic and Classical Periods. Oxf., 1966. P. 3 ff.
- ⁹¹ Ridgway B.S. Stone Carving: Sculpture // Muses at Work: Arts, Crafts, and Professions in Ancient Greece and Rome. Cambr. (Mass.); L., 1969. P. 100.
- ⁹² Plut. Per. 12—13.
- ⁹³ Kuznetsov V.D. Kepoi—Phanagoria—Taganrog // Ancient Greek Colonies in the Black Sea / Ed. D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Thessaloniki, 2003. Vol. II. P. 912—913.
- ⁹⁴ Mattusch C.C. Greek Bronze Statuary: From the Beginning Through the Fifth Century B.C. Ithaca; London, 1988. P. 54, ff., 223, ff.; Трейтсер М.Ю. Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ. 1984. № 1. С. 146—159.
- ⁹⁵ Davydova L.I. La sculpture archaïque et classique trouvée en région nord-pontique et conservée à l'Ermitage considérée dans le contexte des relations commerciales de la mer Noire aux VIe—IVe siècle avant notre ère // Pont-Euxin et commerce: La genèse de la «Route de la soie». Besançon, 2002. P. 149—159; Сокольский Н.И. Курос из Кеп // СА. 1962. № 2. С. 134—141.
- ⁹⁶ Например, статуэтки Афродиты из Кеп: Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кехах // СА. 1964. № 4. С. 101—118; Tsetskhladze G.R., Kuznetsov V.D. On the Cult of Aphrodite in Kepoi // Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman / Ed. G.R. Tsetskhladze, A.J.N.W. Prag.

- A.M. Snodgrass. L., 2000. P. 353–360.
- ⁹⁷ Кроме того, в конце эллинистической эпохи статуэтки начали использовать в эстетических и декоративных целях в частных домах: *Barlman E. Ancient Sculptural Copies in Miniature. Leiden; New York; Köln, 1992. P. 43, ff.*
- ⁹⁸ *Gaggadis-Robin V. L'intérêt de l'étude de deux sarcophages pour le commerce dans le Pont-Euxin et l'iconographie // Pont-Euxin et commerce: La genèse de la «Route de la soie». Besançon, 2002. P. 161–176; Марченко И.Д. Акротерий из Фанагории // Труды ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1960. С. 103–114.*
- ⁹⁹ Подписи скульпторов, изготовивших статуи для различных городов, можно найти в известной работе Ж. Маркада (*Marcadé J. Recueil des signatures de sculpteurs grecs. P., 1953–1957. I–II.*).
- ¹⁰⁰ Например, в почетном декрете из полиса Аркесины в честь паросца Феодота (рубеж IV–III вв. до н.э.) говорится о приглашении последнего для реставрации статуи Геры (IG XII. 7. 10). После окончания работы Феодот получил причитающуюся ему плату и был награжден масличным венком.
- ¹⁰¹ Например, фасосский мрамор экспортировался в ряд регионов Средиземноморья, при этом на месте его обрабатывали фасосские же мастера (*Herrmann J. The Exportation of Dolomitic Marble from Thasos // Thasos: Matières premières et technologie de la préhistoire à nos jours: Actes du Colloque international. P., 1999. P. 59–62.*
- ¹⁰² IOSPE I². 271.
- ¹⁰³ *Waldhauer O. Ancient Marbles... P. 51.* Анализ двух скульптур (из Ольвии и Херсонеса) показал, что они были изготовлены из фасосского мрамора, по всей видимости, фасосскими же мастерами: *Herrmann J.J., Hoek van Den A., Newman R. New Sculptures in Thasian Dolomite: Ukraine, Tunisia, and Question of Style // Interdisciplinary Studies on Ancient Stone / Ed. L. Lazzarini. Venice, 2002. P. 357.*
- ¹⁰⁴ *Waldhauer O. Ancient Marbles... P. 51.*
- ¹⁰⁵ См.: *Donohue A.A. Xoana and the Origins of Greek Sculpture. Atlanta, 1988. P. 9, ff.* В инвентарных списках делосского святилища можно встретить следующие записи: «23 старых деревянных аполлона; 10 деревянных артемид» (ἀπόλλωναξ ξυλίνους ἀρχαίκοὺς ΔΔΠΙ, ἀρτεμίδια ξύλινα δέκα), хранившихся в храме Аполлона (1428 col. II. 50–1); или εἰκόνα κυλαριττίην (1446. 23) и др. (см.: *Marcadé J. Au musée de Délos. Études sur la sculpture hellénistique en ronde bosse découverte dans l'éle. P., 1969. P. 89–92.*).
- ¹⁰⁶ *Donohue A.A. Xoana... P. 173.*
- ¹⁰⁷ *Кобылина М.М. Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19. С. 171–172. Рис. 1–2.*
- ¹⁰⁸ Например: *West R. Römische Porträt-Plastik. München, 1941. Bd. II. Taf. XVIII, 67.*
- ¹⁰⁹ См.: КБН 38–60, 978–984, 1046–1051 и др. Недавно во время подводных раскопок в Фанагории был найден большой мраморный постамент под статую боспорского царя Савромата II (*Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 161–167.*).
- ¹¹⁰ См.: *Inan J., Rosenbaum E. Roman and Early Byzantine Portrait Sculpture in Asia Minor. L., 1966. P. 13.*
- ¹¹¹ Подробнее см.: *Boschung D., Pfanner M. Les méthodes de travail des sculpteurs antiques et leurs signification dans l'histoire de la culture // Pierre éternelle: Du Nil au Rhin: Carrières et prefabrication. Bruxelles, 1990. P. 137.*
- ¹¹² *Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 121–128; Treister M.Yu. Bronze Statuary in the Antique Towns of North Pontic Area // Griechische und Römische Statuetten und Großbronzen. Wien, 1988. P. 152–157; Idem. Large-scale Bronzes and their Installation in the North Pontic Area // From the Parts to the Whole. Portsmouth, 2002. Vol. 2. P. 162–169. (JRA Suppl. 39).*
- ¹¹³ *Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев, 1961. С. 73, сл.*
- ¹¹⁴ *Риджвей Б.С. Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф: Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. М., 1999. С. 47–58.*
- ¹¹⁵ *Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. Oxf., 1982. P. 325.*
- ¹¹⁶ *Ulrich R.B. Woodworking // Engineering and Technology in the Classical World / Ed. by J.P. Oleson. Oxford, 2008. P. 439–464.*
- ¹¹⁷ *Theophr. De plant IV. 5. 3; Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 21–39.*
- ¹¹⁸ *Burford A. Heavy Transport in Classical Antiquity // Economic History Review. 1960. Second Series. 13. P. 1–18; Meiggs R. Trees and Timber... P. 335–337.*
- ¹¹⁹ *Wright C.R.H. Ancient Building Technology. Leiden; Boston, 2005. Vol. 2: Materials, pt. 1: Text. P. 18–20.*
- ¹²⁰ *Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло... С. 48, сл.; Он же. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969; Ulrich R.B. Roman Woodworking. New Haven; London, 2007. P. 72, ff.*
- ¹²¹ *Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло. С. 262.*
- ¹²² *Lehmann-Hartleben K. Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres: Beiträge zur Geschichte des Städtebaues im Altertum. Lpz., 1923. S. 273.* В.Д. Блаватский полагал, что для обслуживания пантикапейских корабельных доков было необходимо «по меньшей мере, несколько сот кораблестроителей» (*Блаватский В.Д. О боспорском ремесле VI–I вв. до н.э. // СА. 1957. № XXIX–XXX. С. 45.*) Это является явным преувеличением. Такое количество людей может работать в больших современных доках.
- ¹²³ *Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. Baltimore; London, 1995. P. 329, ff.*
- ¹²⁴ В частности, это касается бронзовых статуй: *Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу... С. 121.*
- ¹²⁵ E.g.: *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. / Ed. R. Meiggs, D. Lewis. Oxf., 1980. No. 76 (Афины, 418–417 гг. до н.э.); Nouveau choix d'inscriptions grecques: Textes, traductions et commentaires par l'Institut Fernand Courby. P., 2005. No. 21 (Имброс, III в. до н.э.); Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechteion. Oxf., 1995. P. 40, ff.*
- ¹²⁶ *Шелов Д.Б. Железодельное производство в Северном Причер-*

- номорье в раннеантичное время // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 3.
- ¹²⁷ *Amouretti M.-Cl.* L'artisanat indispensable au fonctionnement de l'agriculture // L'artisanat en Grèce ancienne: Les productions, les diffusions / Éd. par F. Blondé, A. Muller. Lille, 2000. P. 152.
- ¹²⁸ *Шелов Д.Б.* Железоделательное производство... С. 4–5.
- ¹²⁹ При раскопках в Пантикапее найдена руда местного, керченского происхождения (*Марченко И.Д.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 1. С. 151).
- ¹³⁰ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгишия. С. 180.
- ¹³¹ *Прушевская Е.О.* Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. Т. I. С. 335–336.
- ¹³² Значительное количество мастерских по обработке металлов найдено в Пантикапее (см.: *Марченко И.Д.* Позднеархаическая мастерская... С. 148–156; *Трейстер М.Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // Археология и искусство Боспора. М., 1992. С. 73–85. (СГМИИ; Вып. 10).
- ¹³³ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгишия. С. 180–186; *Коровина А.И.* Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 37–38; *Сокольский Н.И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana: Studia archaeologica. Serdicae, 1963. С. 15.
- ¹³⁴ *Трейстер М.Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора. С. 85–86.
- ¹³⁵ *Трейстер М.Ю., Шелов-Коведяев Ф.В.* Глиняный конусовидный предмет с графитом из Гермонассы // Археология и искусство Боспора. С. 111–128.
- ¹³⁶ Подробнее см.: *Haynes D.* The Technique of Greek Bronze Statuary. Mainz, 1992. P. 99, ff., 106, ff.
- ¹³⁷ *Марченко И.Д.* Две литейные формы из Фанагории // Фанагория. М.; Л., 1956. С. 161–163. (МИА; № 57).
- ¹³⁸ *Грач Н.Л.* Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба: (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. 1984. Вып. XXIV. С. 107; *Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979. С. 77–78; *Treister M.Yu.* The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden; New York; Köln, 1996. P. 211–212; *Яковенко Э.В.* К проблеме происхождения предметов торевтики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 348; *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 53.
- ¹³⁹ *Jackson M.M.* Hellenistic Gold Eros Jewellery: Technique, Style and Chronology. Oxf., 2006. P. 38.
- ¹⁴⁰ *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. L., 1972. P. 79.
- ¹⁴¹ *Кузнецов В.Д.* Греческая бронзолитейная мастерская: вазопись и эпиграфика // ВДИ. 1994. № 2. С. 111–118.
- ¹⁴² См.: *Neils J.* Who's who on the Berlin Foundry Cup // From the Parts to the Whole: Acta of the 13th International Bronze Congress / Ed. C.C. Mattush, A. Brauer, S.E. Knudsen. Portsmouth, 2000. Vol. 1. P. 78.
- ¹⁴³ Перечень известных типов греческой керамики можно найти в книге: *Kapowski M.G.* Containers of Classical Greece: A Handbook of Shapes. St. Lucia; London; New York, 1984.
- ¹⁴⁴ *Цветасева Г.А.* Производство расписной керамики в Фанагории в VI–V вв. до н.э. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 21–23.
- ¹⁴⁵ *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 128–129.
- ¹⁴⁶ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгишия. С. 168–179.
- ¹⁴⁷ *Кругликова И.Т.* О гончарной мастерской Горгишии // СА. 1962. № 2. С. 218–224; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгишия. С. 173. Р. Хиггинс подчеркивает, что мастерские по производству терракот определяются находками форм и пигмента (*Higgins R.A.* Greek Terracottas. L., 1967. P. 5).
- ¹⁴⁸ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгишия. С. 177–179.
- ¹⁴⁹ Следует отметить, что изготовление терракотовых статуэток путем оттискивания их в формах, не требовало от ремесленника никаких специальных знаний и техники. Эту работу могли выполнять даже дети. Если на подготовку мастера-керамева, работающего на гончарном круге, уходило два–три года, то для приобретения навыков оттискивания статуэток требовалось около полумесяца. Поэтому в некоторых гончарных мастерских изготовление терракот было побочным видом деятельности, которым от случая к случаю занимались ученики, женщины, дети. Другое дело — изготовление прототипов и форм: этим занимались высококлассные мастера-гончары и даже скульпторы (подробнее см.: *Muller A.* Artisans, techniques de production et diffusion. Le cas de coroplastie // L'artisanat en Grèce ancienne... P. 96–99).
- ¹⁵⁰ *Сокольский Н.И.* О гончарном производстве в азиатской части Боспора // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 59–62; *Он же.* Керамическая мастерская в Кепях // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 265–270.
- ¹⁵¹ *Сокольский Н.И.* Святилище Афродиты в Кепях. С. 107–108.
- ¹⁵² *Он же.* О гончарном производстве... С. 63–66.
- ¹⁵³ Там же. С. 66–67.
- ¹⁵⁴ *Граков Б.Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 202–210; *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора: (боспорские черепицы) // Там же. С. 211–315.
- ¹⁵⁵ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгишия. С. 177; *Мерперт Н.Я.* Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. // МИА. 1951. № 19. С. 231; *Кобылина М.М.* Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М., 1963. С. 88; *Она же.* Фанагорийская кровельная черепица первых веков н.э. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 112–114.
- ¹⁵⁶ См.: *Martin R.* Manuel d'architecture grecque. P. 86.
- ¹⁵⁷ Подробнее см.: *Кузнецов В.Д.* Боспорские черепичные клейма: (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 392–403.
- ¹⁵⁸ *Hood M.S.F.* Archaeology in Greece, 1957 // Archaeological Reports. 1958. P. 15.
- ¹⁵⁹ См.: *Orlandos A.* Les matériaux de construction... P. 92–93.
- ¹⁶⁰ *Блаватский В.Д.* О боспорском ремесле... С. 46–47.
- ¹⁶¹ Например, цифра в 20 000 000–25 000 000 произведенных в течение

- IV—III вв. до н.э. на Боспоре черепиц выглядит крайне предположительной. Высчитанная же производительность труда раба 3 черепицы в день при зарплате до 4 оболов и при стоимости черепицы в 1,5 оболов за штуку выглядит произвольной (как и сама зарплата). Автор не использовал надписи из некоторых греческих городов, где говорится о стоимости черепиц, которая могла доходить до 1,5 драхмы за штуку (*Orlandos A. Les matériaux de construction...* P. 89–92; *Martin R. Manuel d'architecture grecque.* P. 6–7).
- ¹⁶² В современных черепичных мастерских Южной Италии два мастера могут производить 800–1000 небольших черепиц лаконского типа в день (*Winter N.A. Greek Architectural Terracottas from the Prehistoric to the End of the Archaic Period.* Oxf., 1993. P. 305). Это количество должно быть уменьшено для черепиц коринфского типа, для изготовления которых требовалось больше времени из-за их более крупных размеров. Однако это не означает, что мастера могли производить готовую продукцию, которая исчисляется сотнями единиц в день. Для изготовления черепицы еще нужно было добыть и приготовить глину, готовое изделие обжечь и т.д. На все эти процедуры уходило большое количество времени. Например, по подсчетам Н. Винтер, для покрытия крыши храма в Истмии было нужно 1760–1942 черепицы, на изготовление которых могло потребоваться около двух лет (*Winter N.A. Greek Architectural Terracottas...* P. 304). См. также: *Billot M.-F. Centres de production et diffusion des tuiles dans le monde grec // L'artisanat en Grèce ancienne...* P. 224–225.
- ¹⁶³ *Daux G. Chroniques des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1960 // BCH. 1961. 85. P. 779.*
- ¹⁶⁴ *Carter J. Rural Architecture and Ceramic Industry at Metaponto, Italy, 350–50 B.C. // Roman Brick and Tile: Studies in Manufacture, Distribution and Use in the Western Empire / Ed. A. McWhigg. Oxf., 1979. P. 62. (BAR International Series; 68). Помимо прямоугольных и квадратных печей для обжига черепиц существовали и овальные (округлые). Во время обжига черепиц пустое пространство в них могло заполняться посудой (*Cioto N. Pottery- and Tile-kilns in South Italy and Sicily // Roman Brick and Tile...* P. 73, 91).*
- ¹⁶⁵ *Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 179.*
- ¹⁶⁶ Небольшой храм в антах, построенный из сырцовых кирпичей, найден на вершине Майской горы, которая примыкает к южной окраине Фанагории (*Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 87).*
- ¹⁶⁷ О технологии приготовления сырцовых кирпичей см.: *Orlandos A. Les matériaux de construction...* P. 53–58.
- ¹⁶⁸ *Кузнецов В.Д. Организация общественного строительства... С. 88–89, 318–319.*
- ¹⁶⁹ *Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 179–191; Он же. К истории. С. 20–22; Он же. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 108–112.*
- ¹⁷⁰ Из последней литературы по ткачеству см., например: *Wild J.P. Textile Production // Engineering and Technology in the Classical World / Ed. by J.P.Oleson. Oxford, 2008. P. 464–482; Gleba M. Textile Production in Pre-Roman Italy. Oxford, 2008.*
- ¹⁷¹ *Гайдукевич В.Ф. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. 1966. № 1. С. 55; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 185. См.: *Nevett L.C. House and Society in the Ancient Greek World. Camb., 1999. P. 71. См. недавно вышедшую книгу о текстильном производстве в доримской Италии: *Gleba M. Textile Production in Pre-Roman Italy.***
- ¹⁷² *Cahill N. Household and City Organization at Olynthus. New Haven; London, 2002. P. 250–252.*
- ¹⁷³ *Labarre C. Les métiers du textile en Grèce ancienne // Topoi. 1998. Vol. 8/2. P. 808.*
- ¹⁷⁴ *Chamonard J. Le quartier du théâtre: Étude sur l'habitation délienne à l'époque hellénistique. EAD. P., 1922. Fasc. 8, 1. P. 207–215; Trümper M. Wohnen in Delos: Eine baugeschichtliche Untersuchung zum Wandel der Wohnkultur in hellenistischer Zeit. Rahden, 1998. S. 333, Abb. 65 etc.; Cahill N. Household and City Organization... P. 273–276.*
- ¹⁷⁵ *Trümper M. Modest Housing in Late Hellenistic Delos // Ancient Greek Houses and Households: Chronological, Regional, and Social Diversity / Ed. B.A. Ault, L.C. Nevett. Philadelphia, 2005. P. 121.*
- ¹⁷⁶ *Burford A. Craftsmen... P. 82; Hopper R.J. Trade and Industry... P. 131–132.*
- ¹⁷⁷ *Цветаева Г.А. Боспор // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966. С. 19–21.*
- ¹⁷⁸ *Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 124–129; Она же. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА, 1970. Вып. 124. С. 69–72; Она же. Керамическое производство Фанагории в IV в. н.э. // СА. 1966. № 3. С. 172–186.*
- ¹⁷⁹ *Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1. С. 113–132.*
- ¹⁸⁰ Например, в Коринфе, Олимпии (*Heilmeyer W.-D. Frühe olympische Bronzefiguren: Die Tiervotive. B., 1979. S. 192 ff. (Olympische Forschungen; Bd. XII).*
- ¹⁸¹ *Марченко И.Д. К вопросу о культах азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2. С. 104.*
- ¹⁸² *Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кесах. С. 108.*

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Г. П. ГАРБУЗОВ

Изучение землепользования на территории Боспора в античную эпоху представляет собой одну из самых сложных проблем истории этого региона. Хотя в каждой работе, посвященной истории сельского хозяйства Боспора, уделялось внимание землепользованию, авторы были вынуждены ограничиваться только постановкой общих вопросов и перечислением некоторых известных фактов¹. Обычно отмечалось, что в процессе колонизации переселенцы стремились использовать значительные по масштабам территории пригодной для сельскохозяйственной деятельности земли, что земля делилась на равные участки и т.п. Только в самое последнее время были предприняты попытки выявить размеры хоры двух полисов Азиатского Боспора: Фанагории² и Гермонассы³, однако и эти расчеты носят самый предварительный характер. В общих и специальных публикациях подтверждается также факт изменения ситуации после появления новых переселенцев, прибывших в уже основанные полисы, когда такие эпойки, как правило, получали меньшие участки (клеры), чем первопоселенцы. Однако достаточных аргументов для такого вывода не приводилось. Вполне обоснованным представляется предположение о перераспределении земли и появлении новых типов сельских населенных пунктов в период создания единого государства, но такие заключения делались на основании аналогии с Европейским Боспором, где число различных источников неизмеримо больше.

Весьма интересно свидетельство Диодора (XX. 25) о предоставлении царем Евмелом 1000 наделов жителям города Каллатиса, объяснению которого предлагалось несколько трактовок о том, где должны были располагаться эти наделы и каковы были их размеры, но ни одна из представленных гипотез не может считаться доказанной. Было высказано немало точек зрения о характере храмовых хозяйств, существование которых несомненно.

Главная трудность состоит в том, что сельские поселения Азиатского Боспора практически не исследованы, а те немногие, которые уже раскопаны (например, дом у хут. «Рассвет» или резиденция Хрисалиска), пока не могут быть четко «увязаны» с сельскохозяйственной территорией.

Таким образом, проблема землепользования на Азиатском Боспоре, несмотря на исключительную важность, оставалась до недавнего времени практически не исследованной. Только сравнительно недавно благодаря развитию ГИС технологий появилась возможность на современном уровне подойти к решению этой проблемы.

Античное землепользование Таманского полуострова (рис. 1) проявляется в современном ландшафте в виде остатков межевых границ некогда возделывавшихся земельных участков. Эти следы древнего землеустройства слабо заметны при обычных полевых наблюдениях, однако хорошо различимы на аэрофотоснимках, особенно архивных (время съемки — до начала 1970-х годов). Изучению таких своеобразных и почти единственных свидетельств античного землепользования Таманского полуострова в последнее время был посвящен целый ряд работ⁴.

Несмотря на сложности с независимой полевой проверкой результатов анализа архивных аэрофотоснимков⁵, количества выявленных с его помощью признаков древнего землеустройства вполне достаточно для решения таких проблем, как пространственная организация древних межевых систем, взаимосвязь землеустройства с другими составляющими античного культурного ландшафта, обусловленность древнего землеустройства природными ресурсами.

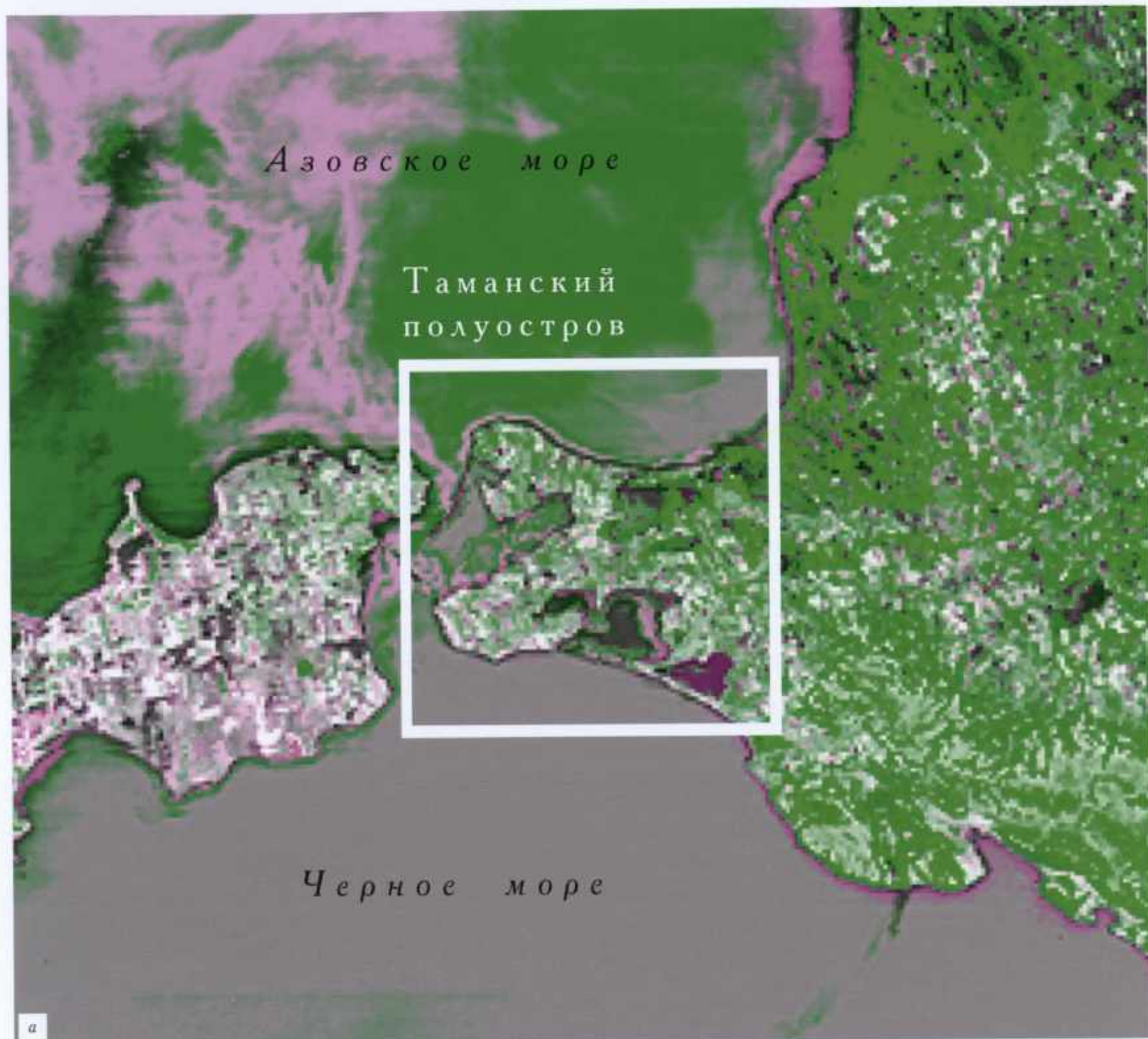
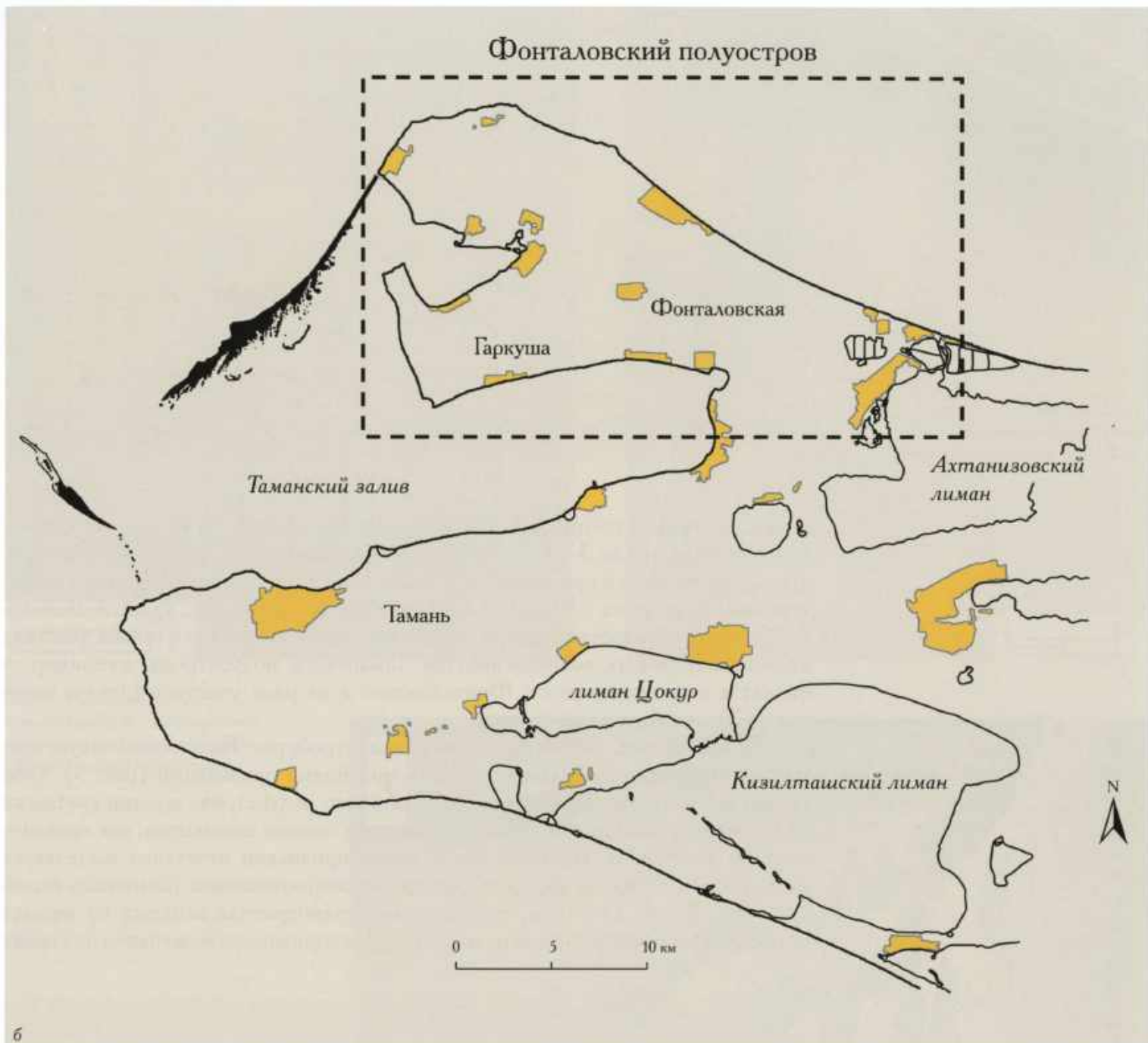

Рис. 1. Таманский полуостров
 а Космоснимок
 б Общій ситуационный план

Наблюдаемые признаки межевания зачастую интерпретируются как остатки единой межевой системы, возникшей в течение краткого периода времени и под влиянием некоторого общего замысла⁶. Однако это предположение плохо соотносится с явным присутствием среди массы признаков межевания разнородных фрагментов межевых систем, основанных на весьма разных способах пространственной организации. Более реалистичным при описании множества следов древнего землеустройства представляется подход с использованием многослойной модели⁷. В рамках этой модели все множество признаков межевания должно рассматриваться как результат объединения различных одновременных и неодновременных локальных систем землеустройства (слоев), в том числе также не исключается возможность наложения разновременных систем землеустройства одна на другую⁸. Такой

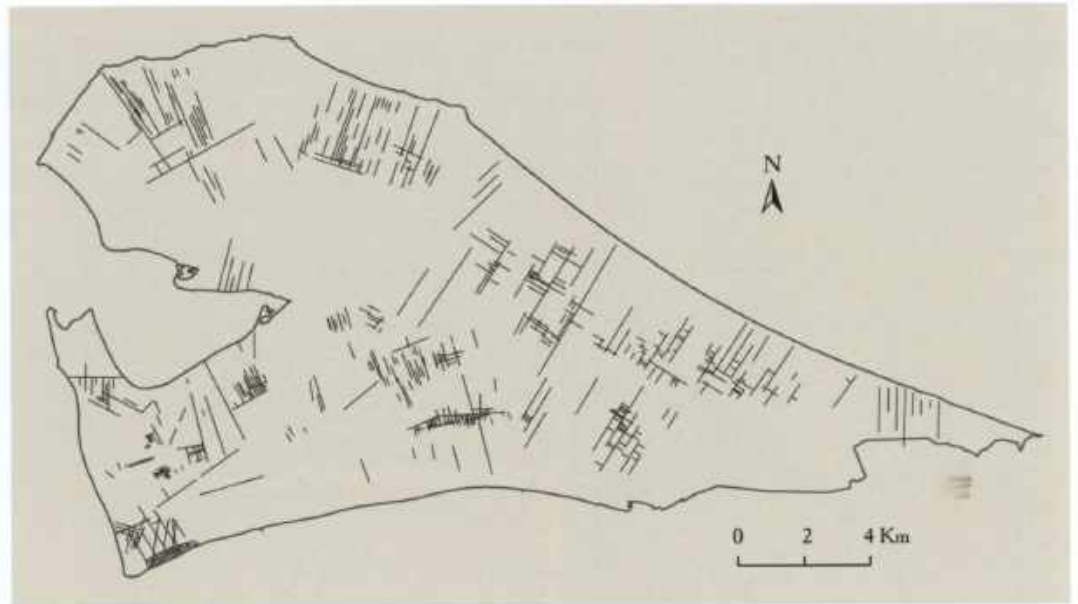

взгляд на механизм формирования следов древнего землеустройства Таманского полуострова, и в частности предположение о возможности перекрытия одновременных систем землеустройства, не противоречит сведениям античных источников о межевой практике⁹. Разновидностью многослойной модели можно считать эволюционную многоцентровую модель, в которой отдельные разнородные локальные межевые системы, самостоятельно развивавшиеся в округе отдельных античных поселений, постепенно смыкаются в единое межевое пространство — здесь объединение слоев происходит без заметного наложения одной межевой системы на другую.

Все следы древнего землеустройства, различимые на аэрофотоснимках, можно по геометрическим характеристикам и внешнему облику разделить на два больших разряда. К первому относятся строго линейные фотопри-

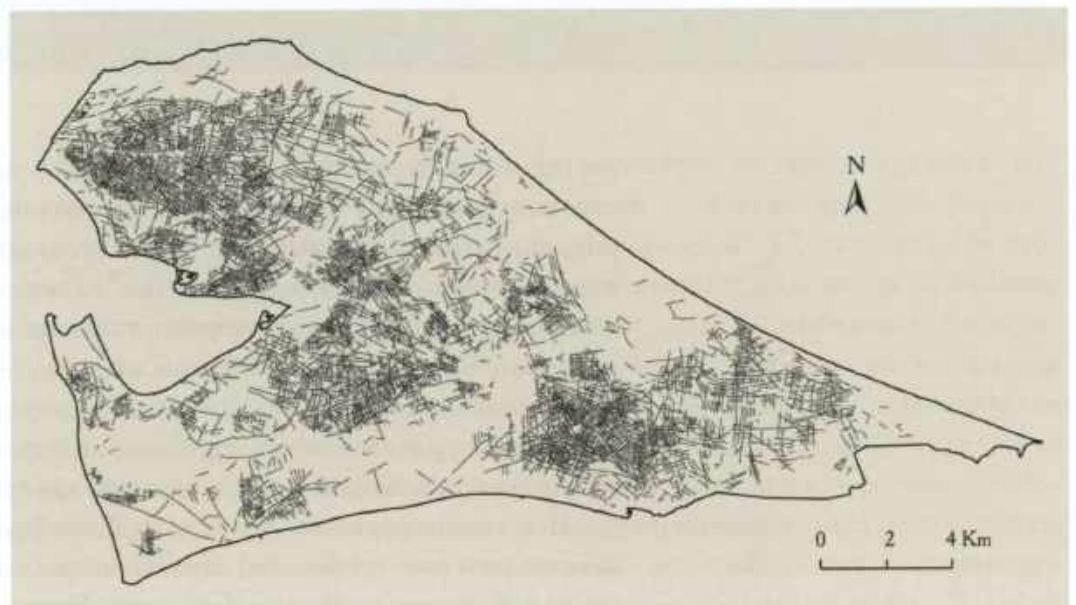
Рис. 2. Линейные признаки межевания, выделенные для Фонталовского полуострова

знаки различной протяженности (рис. 2). На местности им соответствуют невысокие валы (до 3–4 м, иногда, может быть, до 6 м шириной), которые легко утрачиваются при вспашке. Некоторое количество ландшафтных образований, связанных с такими линейными фотопризнаками, удастся выявить сейчас на труднодоступных для механизированной обработки почвы участках холмисто-грядовых возвышенностей Таманского полуострова, например, в балках к юго-западу от ст. Фонталовской и на ряде участков Центральной гряды Таманского полуострова¹⁰.

Другой разряд следов древнего землеустройства Таманского полуострова был образован так называемыми нелинейными признаками (рис. 3). Они представлены на аэрофотоснимках Таманского полуострова яркими светлыми полосами шириной до 20–25 м; по краям эти полосы окаймлены, как правило, темным фототонем. Большое число таких признаков отчетливо выделяется на крупномасштабных аэрофотоснимках свежераспаханных равнинных полей (рис. 4). Важно отметить, что обычная неоднократная вспашка не мешает устойчиво воспроизводиться нелинейным фотопризнакам межевания на сериях

Рис. 3. Нелинейные признаки межевания, выделенные для Фонталовского полуострова

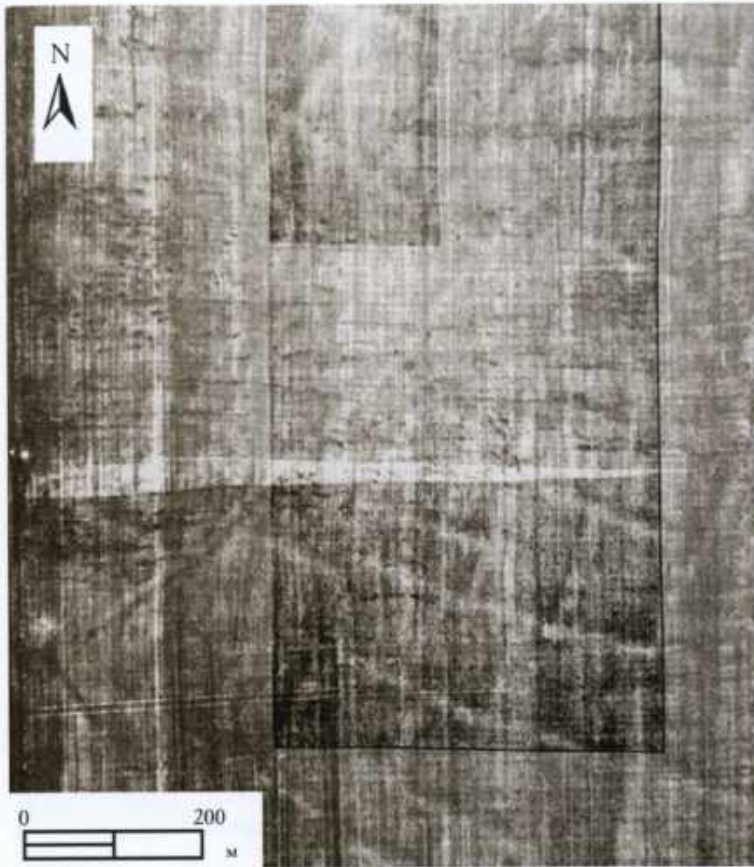

Рис. 4. Примеры систем землеустройства, образованных нелинейными фотопризнаками (Фонталовский полуостров)

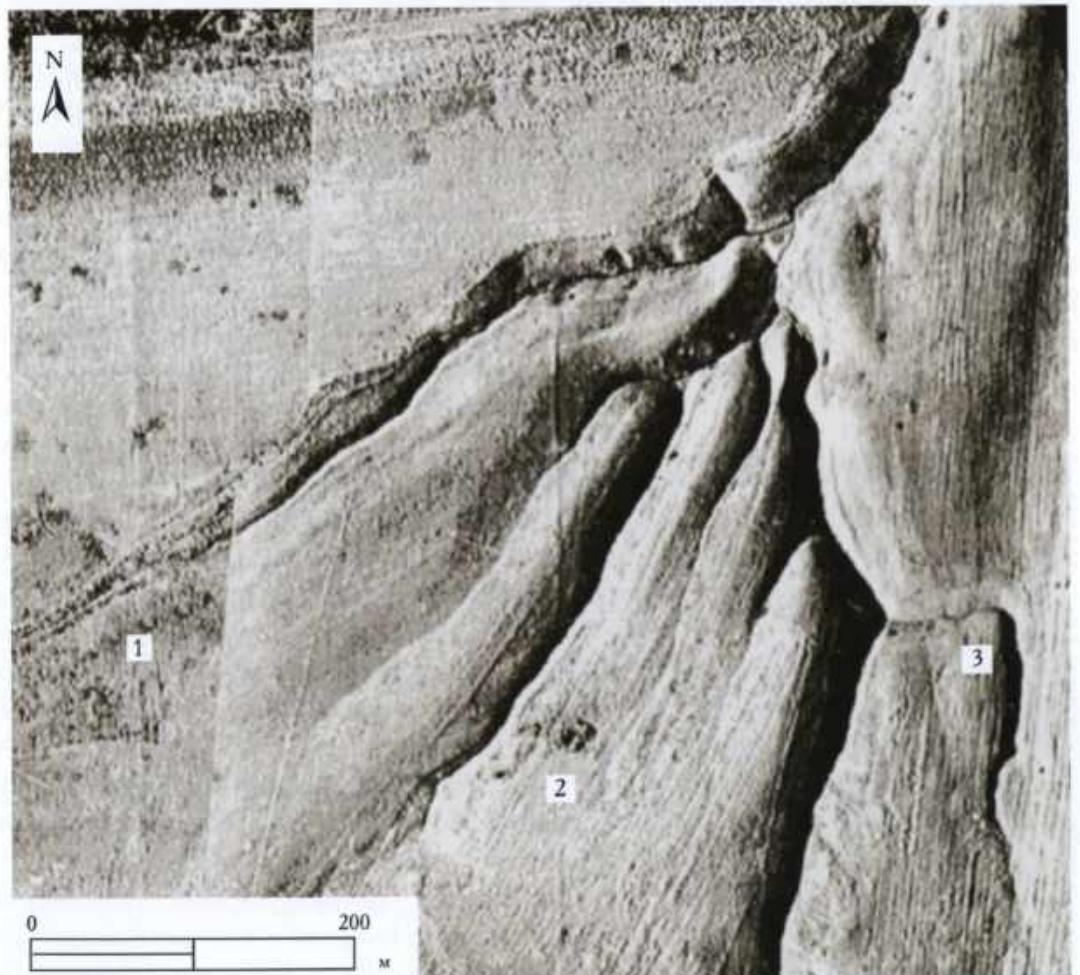

Рис. 5. Протяженные линейные фотопризнаки 1–3, образующие регулярную полосчатую систему в районе к северо-востоку от г. Комендантской (Центральная гряда Таманского полуострова)

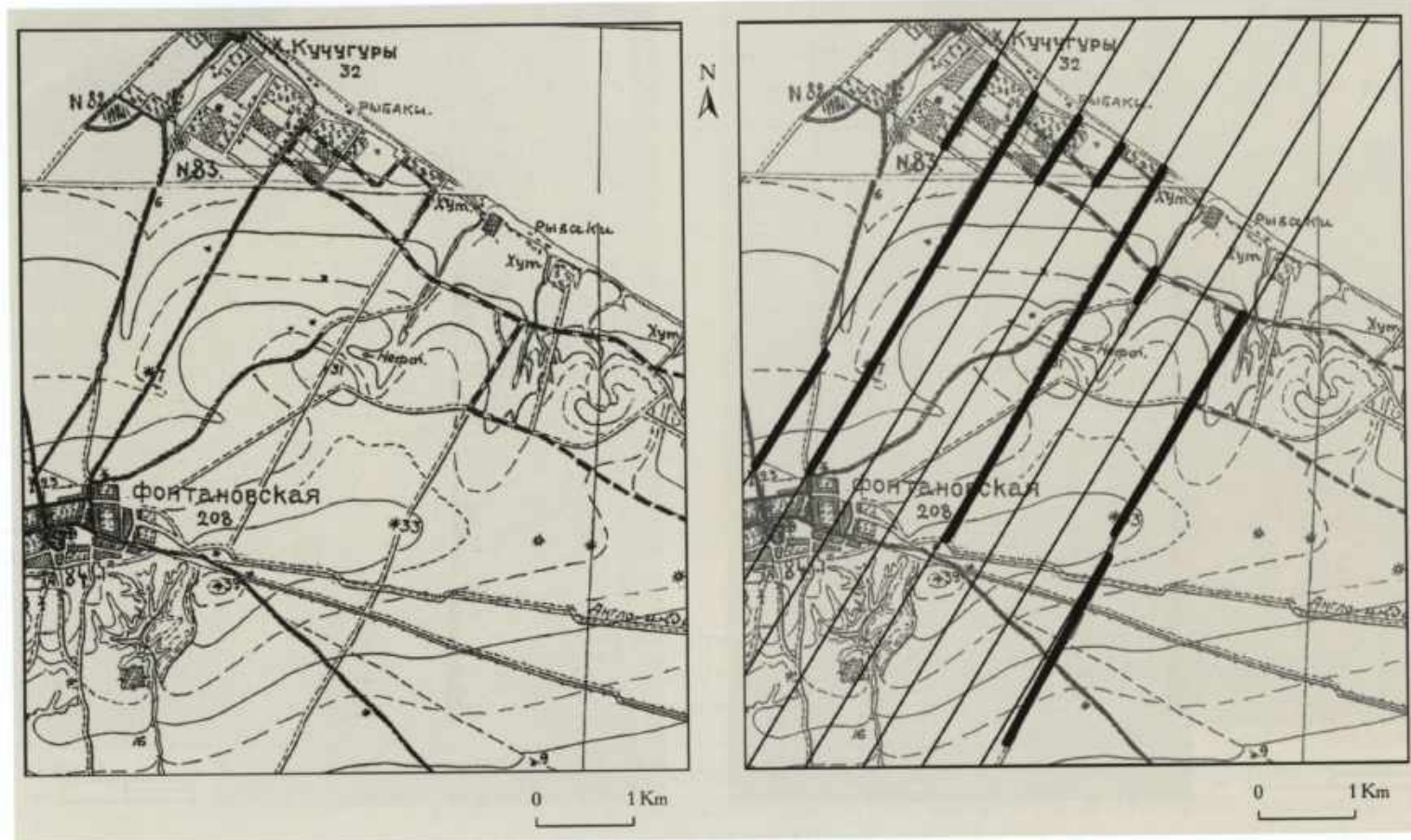

Рис. 6. Фрагмент археологической карты А.А. Миллера для Фонталовского полуострова (слева) и выделенные жирными линиями полевые дороги начала XX в. (справа), соответствующие регулярной полосчатой разметке с шагом 510–520 м

разновременных аэрофотоснимков — эта способность «переживать» многолетнюю вспашку представляет собой, наряду с внешним фотометрическим обликом и геометрическими свойствами, существенное отличие нелинейных признаков межевания от следов древнего землеустройства линейного типа.

Линейные фотопризнаки межевания Таманского полуострова образуют множество связанных фрагментов линейно-ортогональных межевых систем. С точки зрения пространственной организации землепользования они делятся на три варианта: 1) полосчатые схемы, в которых протяженные строго параллельные линейные признаки образуют полосы одинаковой ширины, разделенные поперечными линейными элементами на узкие участки, часто нерегулярные (эти поперечные элементы не всегда заметны на снимках); 2) типологически близкие первой схеме регулярные сети с прямоугольными ячейками; 3) звездообразные схемы с вынесенной на возвышенность центральной точкой, от которой в виде лучей расходятся протяженные линейные фотопризнаки.

Межевые системы, отвечающие первой схеме пространственной организации, довольно хорошо заметны на аэрофотоснимках за счет бросающихся в глаза протяженных, зачастую многокилометровых, линейных фотопризнаков. Подобные системы выделены в нескольких районах Фонталовского полуострова¹¹ и Центральной гряды Таманского полуострова¹² (рис. 5). Схожие системы линейных фотопризнаков выявляются на территории Европейского Боспора в Восточном Крыму, например, в округе античного Китея и на вершинах гряд вдоль Азовского побережья¹³.

Эта схема пространственной организации землеустройства находит аналогии в первую очередь в системах античного межевания в округе греческих колоний Метапонта и Гераклеи (Сируса) в Лукании (Южная Италия)¹⁴.

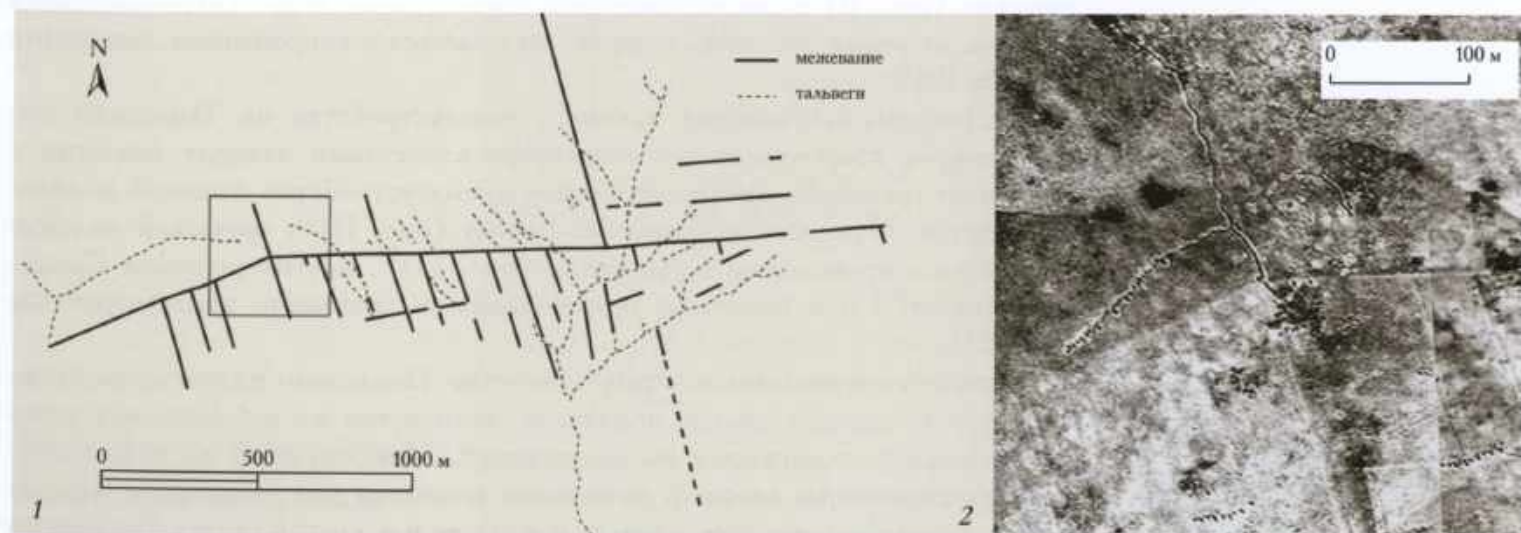

Принципы построения регулярных полосчатых систем отвечают и некоторым общим идеям римского межевания, отражающим, скорее всего, традиции всей античной межевой практики. При проведении подобного землеустройства выделяются два последовательных этапа — первичная прокладка базовых полос, выдерживающих на всем протяжении постоянную ширину и линейность границ, несмотря на существующие особенности рельефа и смену ландшафтов, а затем и последующее деление базовых полос на небольшие узкие участки. Смысл разметки на правильные широкие базовые полосы — измерение и учет общей площади, назначенной к разделу; при этом базовые полосы выполняют роль стандартных мерных межевых единиц. Процедура же раздела базовых полос на участки связана не с измерением, а с распределением земли. Подобная реконструкция хорошо согласуется с традицией межевания, излагаемой римскими землемерами¹⁵. В этой же связи римская технология землеустройства уделяла особое внимание точности проведения строго линейных межевых рубежей¹⁶.

Для выделенных на Таманском полуострове полосчатых межевых систем характерно наличие нескольких фрагментов с приблизительно одной и той же шириной параллельных полос, лежащих в интервале 255–265 м¹⁷. В восточной части Фонталовского полуострова регулярной межевой разметке с указанным модулем точно соответствует ряд полевых дорог первой четверти XX в., отмеченных на составленной сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. под руководством А.А. Миллера археологической карте Таманского полуострова (рис. 6)¹⁸. С учетом всех признаков, как дистанционных, так и архивных картографических, размах полосчатой межевой системы в этой части Таманского полуострова мог составлять до 10–11 км, т.е. свыше 40 полос шириной 260 м, при протяженности отдельных межевых полос до 8 км и общей площади до 6000 га (60 кв. км).

Схема с центральной точкой, встречающаяся, как минимум, в двух районах Таманского полуострова (рис. 7)¹⁹, могла быть как оригинальной планировкой, не связанной с вариантом межевых полос, так и специальной переходной разметкой для водоразделов. С этой схемой землеустройства хорошо соотносится рекомендация римских землемеров выбирать точку отсчета межевания территории на той из высот, с которой ясно просматривается все измеряемое пространство²⁰.

Рис. 7. Межевая система к юго-западу от ст. Фонталовской с центрально-лучевой схемой пространственной организации: 1 — общий план; 2 — фрагмент межевой системы на аэрофотоснимке

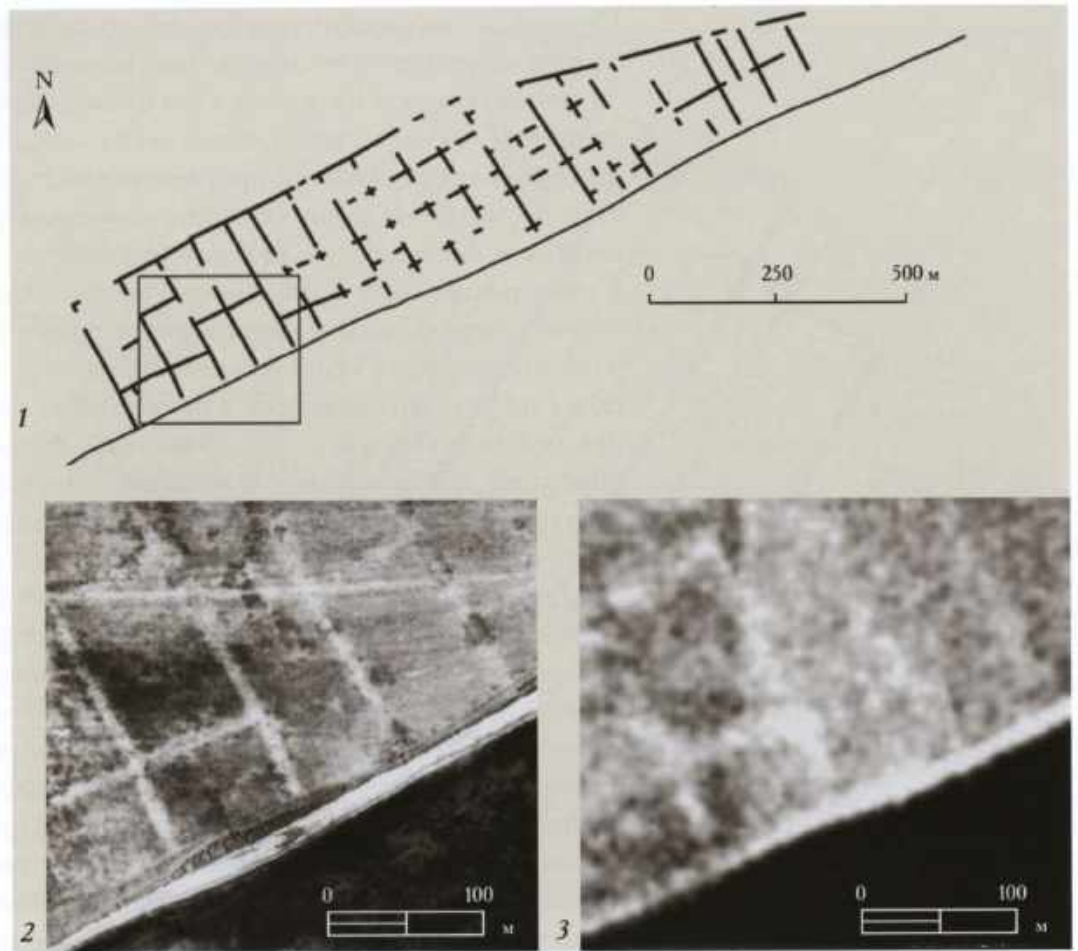

Рис. 8. Межевая система к западу от пос. Гаркуша: 1 — общий план; 2 — фрагмент межевой системы на аэрофотоснимке (1958 г.); 3 — тот же фрагмент межевой системы на космofотоснимке (КФА-1000, 1993 г.)

Вариант пространственной организации землеустройства в виде регулярных сетей с прямоугольными ячейками может быть гипотетически реконструирован для ряда областей Таманского полуострова на основе более заметных полосчатых межевых систем, которые в этом случае служат своеобразным конструктивным каркасом. В связи с относительно слабой заметностью линейно-ортогональных фотопризнаков межевания даже на крупномасштабных аэрофотоснимках особо следует указать на одну из межевых систем рассматриваемого класса, которая расположена к западу от пос. Гаркуша на Фонталовском полуострове. Она хорошо видна на аэрофотоснимках и космических снимках (рис. 8) и характеризуется относительно четко сохранившимися следами межевых рубежей, которые выделяются в современном ландшафте (рис. 9, 10)²¹.

Регулярная организация древнего землеустройства на Таманском полуострове с прямоугольными межевыми элементами находит аналогии с античным греческим землеустройством (землеустройство ближней и дальней округи Херсонеса в Западном Крыму (рис. 11)²², греческой колонии Фарос на острове Хвар в Хорватии (рис. 12)²³, других регионов Средиземноморья²⁴) и с римскими ортогональными системами землеустройства (рис. 13).

Линейно-ортогональное землеустройство Таманского полуострова представлено небольшим числом признаков, количество же наблюдаемых здесь нелинейных фотопризнаков весьма велико²⁵. Максимальное число нелинейных фотопризнаков древнего межевания выделено для территории Фонталовского полуострова; они выявляются также и в других частях Таманского

Рис. 9. Вид одного из межевых признаков межевой системы к западу от пос. Гаркуша, март 2003 г.

полуострова (например, к югу и юго-западу от ст. Тамань²⁶ и на северном побережье лимана Цукур). Примечательно, что фотопризнаки нелинейного типа известны не только на Таманском полуострове, но и в других районах Северного Причерноморья, характеризующихся длительным периодом античного сельскохозяйственного освоения²⁷. Обращает на себя внимание большое сходство внешнего облика нелинейных фотопризнаков и образованных с их помощью межевых систем на Таманском полуострове (рис. 4) и в округе античной Ольвии (рис. 14).

Устойчивость нелинейных следов межевания к воздействию вспашки позволяет полагать, что они с весьма раннего периода были связаны с глубокими локальными изменениями почвенных свойств. В микрорельефе нелинейным фотопризнакам соответствуют пологие невысокие валы, аналогичные межевым рубежам системы землеустройства, расположенной к западу от пос. Гаркуша²⁸.

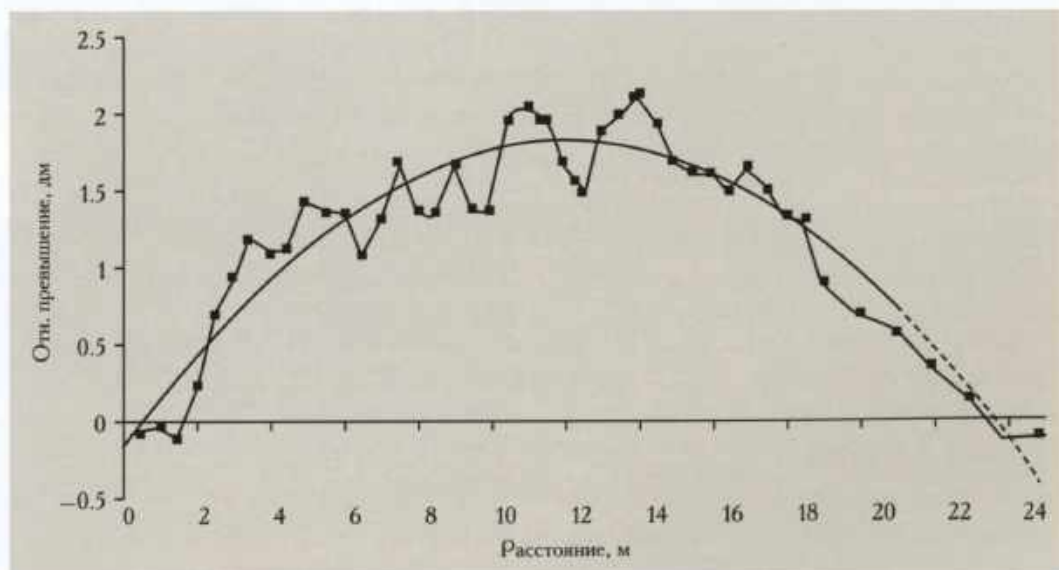

Рис. 10. Нивелировочный профиль одного из межевых признаков системы землеустройства к западу от пос. Гаркуша

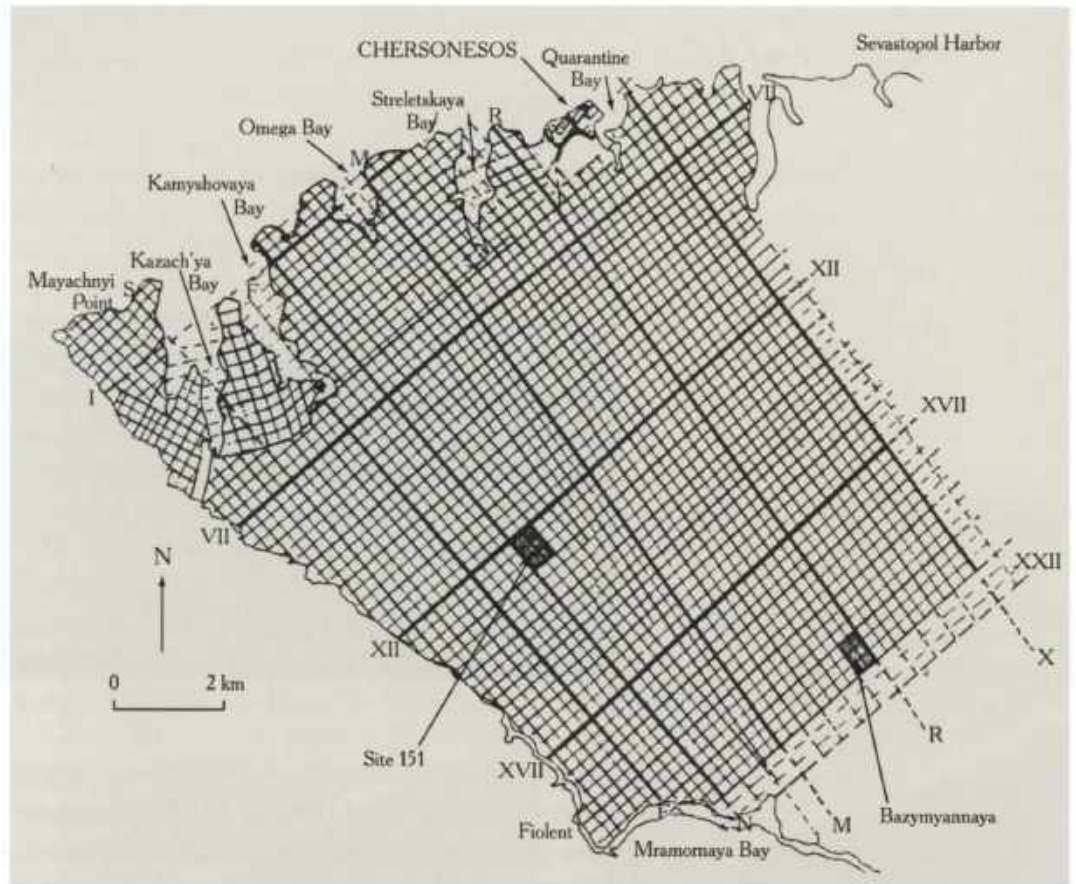

Рис. 11. Схема античного землеустройства в районе Херсонеса. Западный Крым (по Carter et al., 2000. Fig. 1)

Рис. 12. Следы античного землеустройства в Центральной части о. Хвар. Хорватия (по Gaffney et al., 1997. Fig. 5.4)

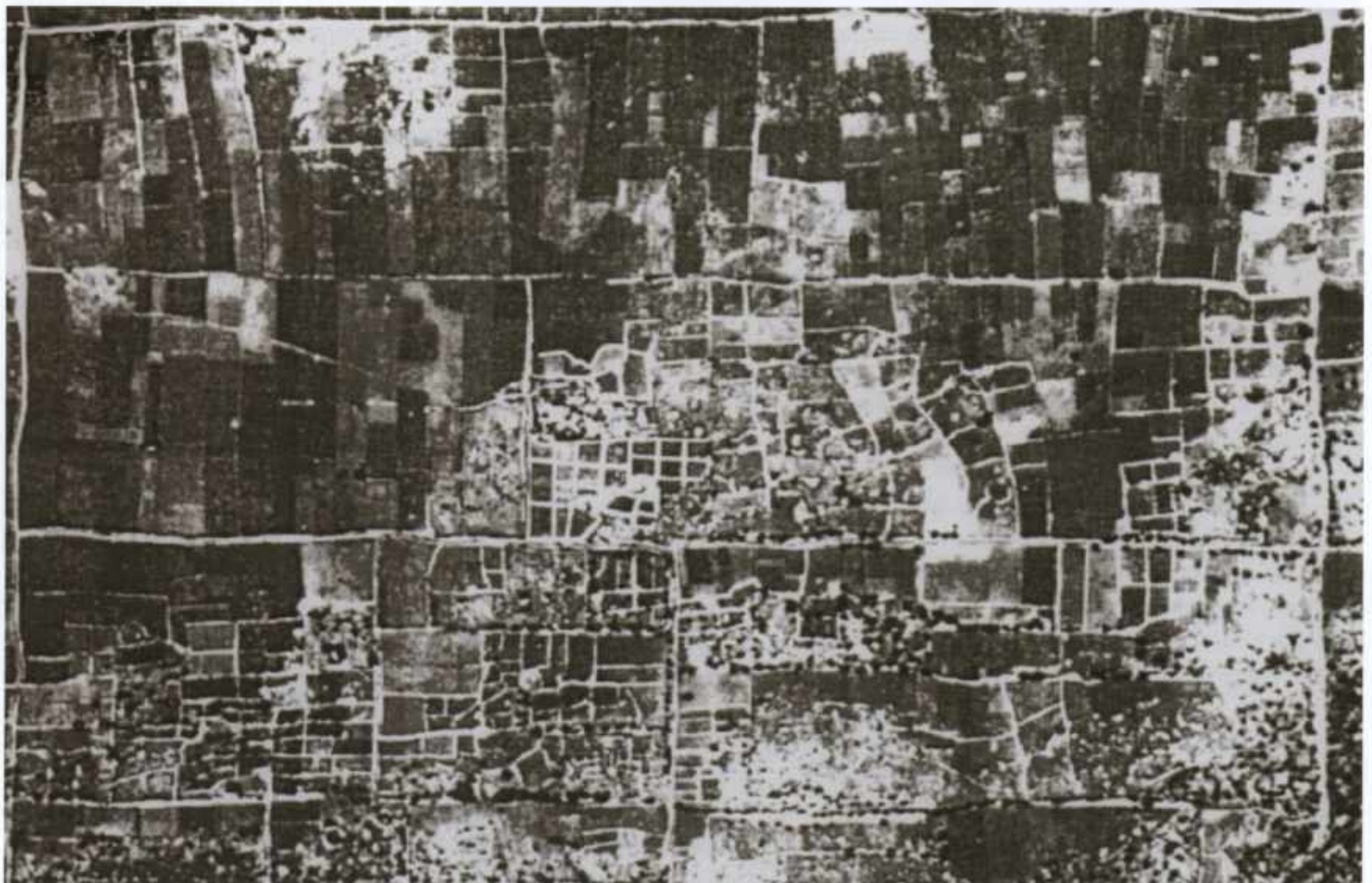

Рис. 13. Римская центуриация.
Район к востоку от г. Задар, Хорватия
(по Bradford, 1957. Plate 43)

Нелинейные фотопризнаки межевания отражают остатки комплексных межевых конструкций, которые можно рассматривать как полевые дороги, огражденные с обеих сторон рвами и валами. В этой связи укажем на нормы организации регулярного римского землеустройства, согласно которым расположение дорог между земельными участками было обязательно²⁹. Нормы греческого землеустройства ярко отражаются в обустройстве Гераклеийского полуострова (в округе Херсонеса). Функцию основных межевых границ здесь выполняли дороги, обеспечивавшие свободный доступ к каждому участку. Использование же рвов и валов в качестве оград земельных участков в бедной камнем степной местности было фактически единственным решением физического закрепления на местности границы участка. Применение рвов шириной до 2,5 м в качестве границ (или одного из элементов границ) земельных участков в римском землеустройстве подтверждается масштабными комплексными археологическими исследованиями в долине р. Роны³⁰. В более позднее время устройство границ между земельными участками в виде дорог, огражденных рвами и валами, характерно, например, для средневекового

агрландшафта типа бокаж (bosage) в Бретани и Нормандии (здесь на валах расположены еще и древесные изгороди)³¹.

Межевые системы, образованные нелинейными фотопризнаками, относятся к нерегулярному типу межевых систем. В некоторых случаях определенную регулярность в этих системах и образованных ими обширных «нелинейных» межевых сетях можно обнаружить в скрытом виде как следование упорядоченным пространственным схемам. Так, среди массива нелинейных фотопризнаков выделяются довольно большие квазирегулярные связные блоки, близкие радиально-концентрическим или ортогональным схемам пространственной организации (рис. 15). Интерес представляют также межевые системы в виде рядов длинных узких полос. Наиболее ярко такие структуры наблюдаются на юго-западе Таманского полуострова, где они занимают значительную площадь (рис. 16).

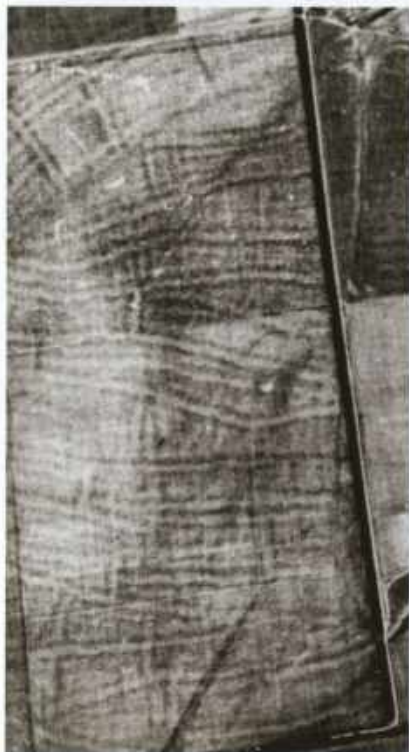
Основная структурообразующая роль в нелинейных нерегулярных межевых сетях отводится дорогам, соединяющим между собой древние поселения. Следы этих дорог отражены в наиболее протяженных непрерывных фотопризнаках, определяющих конфигурацию отдельных больших межевых блоков; во многих случаях заметно, что рост межевых систем происходил за счет заполнения пространства между основными дорогами или вблизи них. Сплошные нелинейные межевые сети развились, скорее всего, из блоков освоенных территорий вокруг поселений путем их роста вплоть до соприкосновения друг с другом вдоль основных дорог; причем этот рост необязательно был равномерным и одновременным. В итоговые межевые сети включались элементы деградировавших локальных упорядоченных пространственных систем (искривление и перемещение границ исходного правильного ортогонального межевания в ходе эволюционного развития ландшафта подробно рассмотрено в работе Ж. Шукке³²). Результаты самостоятельного стихийного развития³³ в определенных условиях приводили к формированию довольно упорядоченных межевых структур (например, радиально-концентрических). Уже оформившееся сплошное землеустройство могло затем «модернизироваться», приспособившись к меняющимся социально-экономическим, технологическим и экологическим условиям³⁴.

Важная задача при анализе древнего землепользования и землеустройства состоит в поисках взаимосвязей между признаками древнего межевания

и характеристиками ландшафта. Такой подход дает возможность объективно рассматривать древнее землеустройство не изолированно, а в рамках сложного динамичного культурного ландшафта и с учетом всех сил, его формирующих, как природных, так и социальных.

Актуальность выявления взаимосвязей между признаками древнего межевания и природными характеристиками ландшафта была нами проде-

Рис. 14. Образованные нелинейными фотопризнаками межевые системы в окрестностях античной Ольвии (по: Паромов, 2006, фрагменты слайдов 7 и 8)

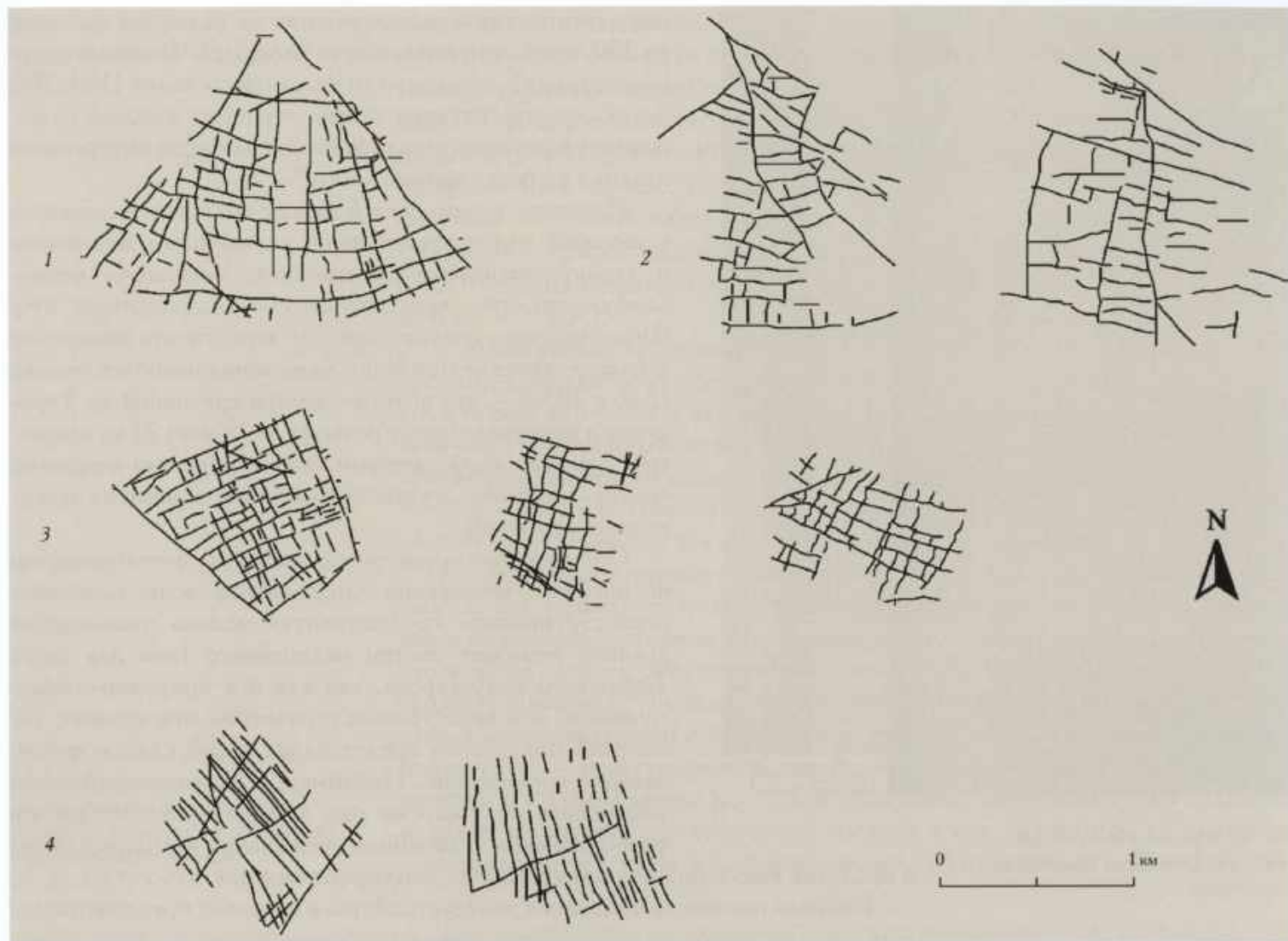

Рис. 15. Типы пространственной организации нелинейного межевания:
 1 — радиально-концентрический;
 2 — придорожный или «перистый»;
 3 — квазиортогональный; 4 — в виде множества длинных узких полос

монстрирована на примере анализа корреляций между пространственным распределением фотопризнаков нелинейного межевания и рельефом и почвенным покровом Фонталовского полуострова³⁵.

В качестве основной объективной характеристики пространственного распределения нелинейных межевых систем была выбрана плотность межевания, рассчитанная в единицах длины заметных на аэрофотоснимках фотопризнаков на единицу площади. Минимальный значимый уровень плотности межевания принят за 50 метров длины фотопризнаков межевания, приходящихся на один гектар. Суммарная площадь области межевания с такой или большей плотностью фотопризнаков равна 8932 га, или 37,4% общей площади Фонталовского полуострова (область межевания с плотностью фотопризнаков более 100 м/га занимает 4872 га, более 150 м/га — 2137 га, более 200 м/га — 646 га) (рис. 17).

Размеры области с высокой (большей или равной 50 м/га) плотностью фотопризнаков нелинейного межевания позволяют приблизительно оценить число отдельных земельных участков, которые могли бы быть размещены в пределах Фонталовского полуострова. При площади участка ок. 0,6 га, соответствующей элементам межевой системы вблизи пос. Гаркуша³⁶, общее число участков составит 14 886, при площади участка 7,5 га, соответствующей

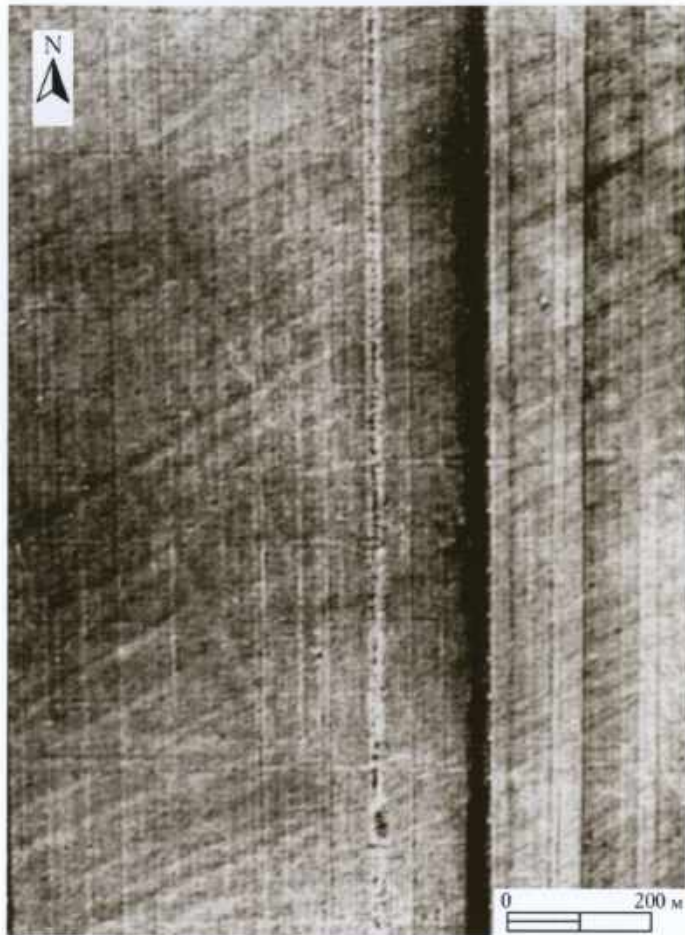

Рис. 16. Фрагмент межевой системы в юго-западной части Таманского полуострова

пику гистограммы распределения по размерам выборки из 350 четко «отмежеванных» площадей Фонталовского полуострова³⁷, общее число участков составит 1188. Для оценки общей ситуации важно, что почти каждый из вошедших в выборку участков сохранил следы внутреннего деления на более мелкие части³⁸.

Изучение взаимосвязей между областью межевания с высокой плотностью следов нелинейного межевания и характеристиками современного ландшафта позволяет определить «чувствительную» ландшафтную зону Фонталовского полуострова, где вероятность выявления фотопризнаков нелинейного межевания наиболее высока (более 70%) — это пологие склоны крутизной до 2 градусов в интервале высот рельефа от 15 м до 75 м, покрытые южными карбонатными слабогумусными мощными средне- или тяжелосуглинистыми черноземами на лессовидных суглинках.

Определение «чувствительной» к фотопризнакам нелинейного межевания ландшафтной зоны позволяет реконструировать предиктивную модель размещения древних межевых систем нелинейного типа для всего Таманского полуострова, так как и в природно-климатическом, и в культурно-историческом отношении Таманский полуостров представляет собой единое региональное образование. Например, в юго-западной части Таманского полуострова ряд хорошо заметных систем фотопризнаков нелинейного межевания находится точно

в пределах указанной «чувствительной» ландшафтной зоны.

Высокая плотность признаков землеустройства в пределах предпочтительных почв-индикаторов нелинейного межевания ставит перед исследователями ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения: влияли ли и как почвенные показатели на облик, размещение и структуру межевых систем в момент их создания, происходило ли на Таманском полуострове видоизменение почвенного покрова в течение последних двух с половиной тысячелетий, и если происходило, то каковы были эти изменения и с чем они были связаны?

Землеустройство непосредственно связано с земельным кадастром, который фиксирует права на владение или пользование земельными участками³⁹. Поэтому изучение древнего землеустройства Таманского полуострова требует вычленения среди конкретных признаков (размеры, форма, расположение, качество земли участков; размеры, топология, структура, способы и динамика развития межевых систем) групп устойчивых взаимосвязей и соотнесение их с типами и категориями землевладения античного Боспора, которое было, как известно, весьма разнообразным⁴⁰.

Сведения о влиянии качества почв и расположения земельных участков на их кадастровую ценность и характер землепользования содержатся в ряде известных античных источников. О желательности разделения индивидуальных наделов на отстоящие друг от друга участки говорит, в частности, Платон (Legg. V. 745c–d): «Каждый из [наделов] делится на два участка: близкий и дальний. Из этих двух половин и составляется каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо объединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поодаль от города, — с таким, который не на

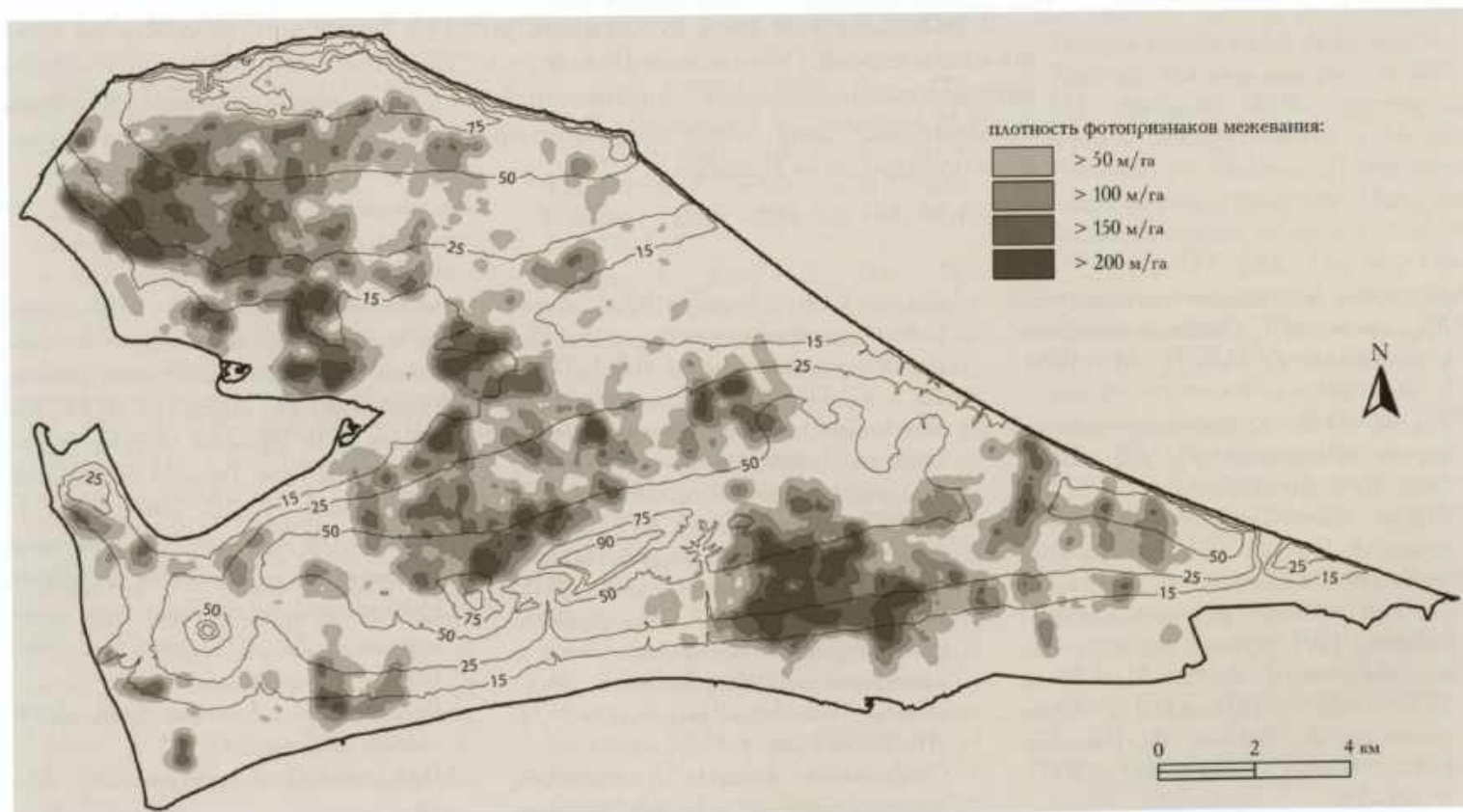

самом краю, и так далее. При этом разбиении на две части надо, как мы сейчас сказали, обращать внимание на плохое или хорошее качество почвы и соответственно увеличивать или уменьшать участки»⁴¹. Площадь и структура наделов греческих колонистов непосредственно зависели от качества земли — по декрету иссейцев (г. Исса на острове Вис, Хорватия. — Г.Г.), относящемуся к III в. до н.э., первые переселенцы в выводимую отсюда колонию получали «основной надел в 3 плетра из наилучшей земли, а из прочей те (же) доли», присоединяющиеся впоследствии переселенцы получали наделы в 4,5 плетра из «неразделенной земли» (1 плетр = 10000 кв. футов, т.е. около 876 кв. м — Г.Г.)⁴².

С точки зрения хронологического анализа линейно-ортогональные межевые системы, следы которых обнаружены на Таманском полуострове, пока не поддаются точной датировке и их трудно соотнести с определенным этапом развития античного культурного ландшафта Таманского полуострова. В этой связи существенное значение имеют последние открытия ортогональных межевых систем античного облика в Восточном Крыму⁴³, подтверждающие использование в данном регионе столь типичных для античного землепользования схем землеустройства.

Косвенным подтверждением античного происхождения нелинейных межевых систем Таманского полуострова служит их большое сходство с нелинейными межевыми системами в округе античной Ольвии. Можно предположить, что в обоих случаях речь идет об одном и том же хронологическом периоде и сходных принципах упорядочивания античного землепользования. Вероятно, самый многочисленный и яркий класс древних межевых систем Таманского полуострова — нерегулярный нелинейный — отражает землеустройство, сложившееся в IV—II вв. до н.э.⁴⁴. Об этом прямо свидетельствуют следы наложения некоторых фотопризнаков древних дорог, связанных, по-видимому, с возникшими в I в. до н.э. укреплениями («батареями») Фонталовского

Рис. 17. Плотность фотопризнаков нелинейного межевания Фонталовского полуострова. На рис. дополнительно обозначены изолинии высот рельефа 15, 25, 50, 75 и 90 м

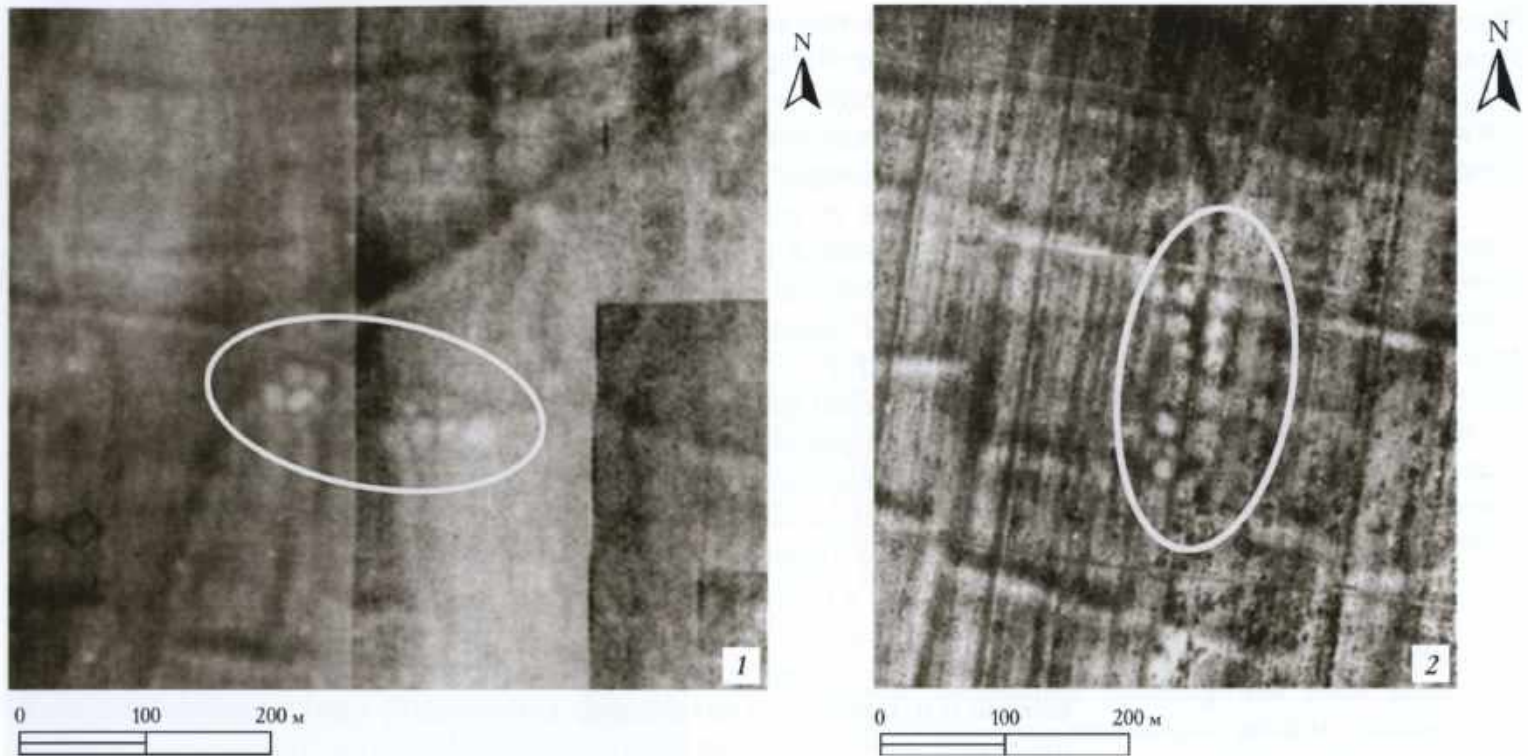

Рис. 18. Взаимосвязь между фотопризнаками нелинейного межевания и размещением античных поселений:
1 — поселение Приазовский 5 (середина VI — начало I в. до н.э.);
2 — поселение За Родину 1 (IV — начало I в. до н.э.). Датировка поселений по: Паромов, 1992.

полуострова, на уже существовавшие фрагменты нелинейных межевых систем, которые следует отнести к более раннему, чем I в. до н.э., времени⁴⁵. Показательно также, что многие античные поселения, относящиеся к периоду IV — начала I в. до н.э., четко координируют свое расположение с межевыми признаками и протяженными фотопризнаками дорог, выполняющими, как было уже отмечено выше, функцию основного структурообразующего каркаса нелинейных межевых сетей (рис. 18).

Свидетельством того, что землеустройство Таманского полуострова сложилось в период IV — начала III в. до н.э., является зафиксированный археологическими разведками⁴⁶ интенсивный рост в это время системы античных сельских поселений, совпадающий по времени с расцветом товарного зернового производства Боспора⁴⁷.

¹ Подробно изложение ситуации см.: Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы // АГСП. М., 1984. С. 160–161.

² Горлов Ю.В. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 86–105.

³ Müller Chr. Quelques réflexions à propos de la chora d'Hermonassa dans le Bosphore Cimmérien // Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. — IIIe s.p.C.) / Textes réunis par A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux, 2007. P. 69–78.

⁴ Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3. С. 121–137; Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. 2000. № 7. С. 309–319; Гарбузов Г.П. Структура древнего землеустройства Таманского полуострова // РА. 2003. № 3. С. 61–70; Он же. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 36–66.

⁵ Специальных полевых исследований, направленных на изучение древнего

межевания, на Таманском полуострове не проводилось, единственное исключение составляют небольшие работы (Гарбузов Г.П., Лисецкий Ф.Н., Голуцов П.В. Древняя система землеустройства у пос. Гаркуша (Таманский полуостров) // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 100–116; Гарбузов Г.П. Признаки древнего землеустройства в районе Центральной гряды Таманского полуострова // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 98–121).

⁶ Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система... С. 135.

⁷ Гарбузов Г.П. Структура... С. 61–70.

- ⁸ В работе И.О. Гавритухина и Я.М. Паромова (Ильичевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV—XIII века. М., 2003. С. 154—156) для Фонталовского полуострова (северо-западной части Таманского полуострова) отмечается «наложение» одной на другую двух близких по характеру межевых систем, относящихся, вероятно, к хронологически разным периодам (район к востоку от Ильичевского городища), а также переустройство наделов вблизи поселений Батарейка 1, Батарейка 2, Красноармейский 1.
- ⁹ «...во многих районах (оставшиеся) следы древнего межевания (могут) пересекаться с новыми лимитами (имеющими другую ориентацию); и до сих пор в древних тетрантах стоят межевые знаки» (*Hug. Grot.* 142, пер. И.А. Гвоздевой).
- ¹⁰ Гарбузов Г.П. Признаки... С. 98—121.
- ¹¹ Гарбузов Г.П. Структура... С. 62—65.
- ¹² Гарбузов Г.П. Признаки... С. 98—121.
- ¹³ Чендев Ю.Г., Куликов А.В. Антропогенные модификации почв в окрестностях античного Китея // РА. 2004. № 3. С. 44—54; Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора: (Введение в тему) // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 276—307.
- ¹⁴ Adamesteanu D. Le suddivisioni di terra nel Metapontino // *Problèmes de la terre en Grèce ancienne* / Ed. M.I. Finley. P., 1973. P. 49—61; Wasowicz A. Modeles d'aménagement des colonies grecques: ville et territoire // *Territoires des cités grecques* / Éd. par M. Brunet. P., 1999. P. 245—258, Fig. 3 (BSH; Suppl. 34); Chevallier R. *Lecture du temps dans l'espace: Topographie archéologique et historique*. P., 2000. Fig. 69; Bianco S. La chora di Siris — Herakleia // *Problemi della chora coloniale dall'Occidente al Mar Nero: Atti del quarantesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 29 settembre — 3 ottobre 2000*. Taranto, 2001. P. 807—818; De Siena A. Il territorio di Metaponto // *Ibid.* P. 757—769.
- ¹⁵ Грацианский Н.П. Система полей у римлян по трактатам землемеров // ВДИ. 1940. № 1. С. 56.
- ¹⁶ Гвоздева И.А. Технические аспекты землеустройства в Древнем Риме по трактатам землемеров // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1979. № 4. С. 84—85.
- ¹⁷ Гарбузов Г.П. Структура... С. 62—63; Он же. Признаки... С. 101—103.
- ¹⁸ Архив ИИМК. Ф. № Р-1. Арх. № 158.
- ¹⁹ Гарбузов Г.П. Признаки... С. 100.
- ²⁰ Гвоздева И.А. Технические аспекты... С. 78.
- ²¹ Гарбузов Г.П., Лисецкий Ф.Н., Голуцов П.В. Древняя система... С. 100—116.
- ²² Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953; Щеглов А.Н. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. 1967. № 3. С. 234—256; Он же. Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М., 1977. С. 210—215; Он же. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; Жеребцов Е.Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеийского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 17—26; Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеийском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9—16; Николаенко Г.М. Межевание полей Херсонесской хоры // КСИА. 1985. Вып. 172. С. 11—15; Carter J.C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // AJA. 2000. Vol. 104, № 4. P. 707—741.
- ²³ Gaffney V., Kirigin B., Petrić M., Vujnović N., Čačić S. The Archaeological Heritage of Hvar, Croatia // *The Adriatic Islands Project: Contact. Commerce and Colonialism: 6000 BC — AD 600*. 1997. Vol. 1. Fig. 5, 4; (BAR International Series. 660); Stančić Z., Slapšak B. The Greek Field System at Pharos: A Metric Analysis // REA. 1999. 101, № 1—2. P. 115—124, Fig. 1—2; Slapšak B., Kirigin B. Pharos and its Chora // *Problemi della chora...* P. 567—591; Slapšak B., Erić M., Mušić B., Plevnik D. Landscape Structures Survey in the Chora of Pharos // *On the Good Use of Geographic Information Systems in Archaeological Landscape Studies: COST ACTION G2 — Paysages antiques et structures rurales*. Brussels, 2001. P. 81—93.
- ²⁴ Clavel-Lévêque M. Le territoire d'Agde grecque: histoire et structures // *Territoires des cités grecques* / Éd. par M. Brunet. P., 1999. P. 177—197. (BSH. Suppl. 34); Plana-Mallart R. Cadastre et chôra ampuritaine // *Ibid.* P. 199—215.
- ²⁵ Для Фонталовского полуострова выделено 548 линейных фотопризнаков суммарной протяженностью ок. 303,5 км, для этой же территории учтено 5786 заметных фотопризнаков нелинейного межевания общей протяженностью ок. 1224 км. См.: Гарбузов Г.П. Древнее землеустройство нелинейного типа... С. 38.
- ²⁶ Горлов Ю.В., Поротов А.В., Требелева Г.В. Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 67—76.
- ²⁷ Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днепровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 37—44; Kolesnikov A.B., Jacenko I.V. Le territoire agricole de Chersonesos Taurique dans la région de Kerkititis // *Territoires des cités grecques*. P. 289—321; Лисецкий Ф.Н. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье: Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994. С. 237—242; Он же. Пространственно-временная организация агроландшафтов. Белгород, 2000; Паромов Я.М. Основы применения аэрофотосъемки в археологии // Археология и геоинформатика. М., 2006. Вып. 3: Отдел охранных раскопок ИА РАН. Группа «Археолого-географические информационные системы». (CD-ROM).
- ²⁸ Сходное описание наземных признаков древнего межевания этого типа было дано в статье Ю.В. Горлова и Ю.А. Лопанова: Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система... С. 124.
- ²⁹ Грацианский Н.П. Система полей... С. 58—59.

³⁰ Berger J.-F., Jung C. Developing a Methodological Approach to the Evolution of Field Systems in the Middle Rhône Valley // *The Archaeology of Mediterranean Landscapes*. Oxford, 1999. 2: Environmental Reconstruction in Mediterranean Landscape Archaeology / Ed. P. Levean, F. Trément, K. Walsh, G. Barker. P. 155–167.

³¹ Римские finis, границы частных земельных владений, также представляли собой сочетание проселочных дорог и древесных изгородей (*Грацианский Н.П.* Система полей... С. 59).

³² Chouquer G. Dégénération et fossilisation des cadastres centuriés: Étude morphologique // *Cadastres et espace rural: Approches et réalités antiques: Table-ronde de Besançon (Mai 1980)* / Ed. M. Clavel-Lévêque. P., 1983. P. 137–157.

При рассмотрении вопросов формирования облика нелинейных межевых систем нужно учесть и известный из римского межевания вариант — форма индивидуальных участков даже при правильных ортогональных межевых единицах могла иметь вид треугольников, многоугольников, сегментов (*Гвоздева И.А.* Технические аспекты... С. 87).

³³ Примеры спонтанного развития межевых систем известны, например, в римском землевладении в виде полей особого рода (agri occupatorii), предоставленных захвату каждого желающего в размерах, определяемых потребностями оккупантов (*Грацианский Н.П.* Система полей... С. 60).

³⁴ О такого рода изменениях может свидетельствовать упоминаемое в известной надписи 151 г. н.э. из Фанагории «собрание» и «приумножение» храмовых земель, «которых стало со временем меньше» (КБН 976).

³⁵ *Гарбузов Г.П.* Древнее землеустройство нелинейного типа... С. 36–66.

³⁶ *Гарбузов Г.П., Лисецкий Ф.Н., Голуцов П.В.* Древняя система... С. 102. Устойчивая воспроизводимость фотопризнаков этой небольшой системы в условиях постоянной распашки, внешний вид фотопризнаков (светлые полосы шириной до 13–14 м) и сложная структура (см. в той же статье), указывают на ее возможную принадлежность к квазирегулярному подтипу нелинейного межевания.

³⁷ *Паромов Я.М.* О земельных наделах... С. 317.

³⁸ Там же. С. 314.

³⁹ Существование формального земельного кадастра на Боспоре подтверждается фрагментом надписи конца

II — первой половины III в. н.э., определявшей границы какого-то участка земли, расположенного, возможно, на Таманском полуострове (КБН 837).

⁴⁰ *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; *Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э.: (К вопросу о локализации) // *ВДИ*. 2001. № 1. С. 178–190.

⁴¹ Пер. А.Н. Егунова, цит. по: *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. М., 1994. Т. 4.

⁴² *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: (по данным эпиграфических источников). М., 1982. С. 109.

⁴³ *Масленников А.А., Смекалова Т.Н.* Следы древнего землевладения... С. 276–307.

⁴⁴ *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система... С. 133; *Паромов Я.М.* О земельных наделах... С. 310.

⁴⁵ *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система... С. 131.

⁴⁶ *Паромов Я.М.* О земельных наделах... С. 310.

⁴⁷ *Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // *РА*. 2000. № 1. С. 107–120.

ТОРГОВЛЯ

Г.А. КОШЕЛЕНКО, А.А. МАЛЫШЕВ, В.В. УЛИТИН

Торговля, в том числе и международная, играла чрезвычайно важную роль в жизни любого античного общества. Естественно, что это утверждение распространяется и на Азиатский Боспор¹ (рис. 1). В истории данного региона (с точки зрения развития торговли) выделяются два основных периода: 1) время существования в этой части Боспора независимых полисов, устанавливающих экономические связи совершенно самостоятельно, и 2) эпоха после вхождения их в состав единого Боспорского царства, когда роль регулятора таких связей перешла к центральной власти. Для первого из этих периодов нашими источниками являются только археологические материалы (в первую очередь амфорная тара и расписная керамика), второй же — освещен источниками более подробно, хотя их распределение (и тематическое и хронологическое) очень неравномерно.

Для раннего периода наиболее показательный материал дали раскопки Фанагории². В ходе раскопок был получен значительный амфорный материал, который, прежде всего, свидетельствует о серьезном объеме торговли товарами, для которых амфоры являлись тарой, т.е. вином и оливковым маслом. Торговля, видимо, началась вскоре после основания города. Второе важное наблюдение состоит в большой изменчивости контрагентов Фанагории с течением времени. При этом, кажется, что эти изменения были продиктованы теми большими событиями, которые происходили как на территории Боспора, так и в Средиземноморье.

В ранней истории экономических связей Фанагории и Средиземноморья можно выделить несколько этапов³. Первый из них охватывает время от основания города (середина VI в. до н.э.) вплоть до примерно 480 г. до н.э. Этот этап характеризуется полным преобладанием амфор, происходящих из нескольких ионийских (Хиос, Клазомены, Самос и др.) и двух (по крайней мере) эолийских городов (Лесбос и др.). В очень небольшом количестве представлены амфоры Коринфа. Показательно, что в целом амфорный материал из Фанагории совпадает с тем, что мы видим в других ранних полисах Боспора.

Следующий этап охватывает время приблизительно с 480 по 450 г. до н.э. Для него характерным является следующий набор амфор: значительное число хиосских, сокращается количество «протофассосских», встречаются амфоры с Самоса, Лесбоса, Фасоса; появляется также определенное количество амфор ряда центров, место производства которых не определено⁴.

Набор торговых партнеров Фанагории, известный на протяжении первого этапа и те изменения, которые имели место в ходе следующего этапа, довольно надежно согласуются с общеисторической картиной. Значительное преобладание ионийских и эолийских центров в качестве импортеров своей продукции в Фанагорию объясняется тем, что из жителей ионийских и, видимо, эолийских городов рекрутировались колонисты, и поэтому естественно, что именно эмпоры из этих городов первыми наладили контакты с жителями новых апоек. Некоторые изменения в составе полисов-импортеров также логично объясняются теми катаклизмами, которые произошли в Ионии и Эолиде в ходе греческого восстания против персов и его подавления⁵.

Следующий этап охватывает время с приблизительно 450 по 400 г. до н.э. Важной его особенностью является то, что сохраняют свои позиции некоторые традиционные партнеры Фанагории: Хиос, Лесбос, Самос и Фасос. В то же самое время в значительном числе появляется амфорная тара ряда новых для фанагорийского рынка городов, главным образом из Северо-Западной Эгеиды, в числе которых выделяется продукция Менды.

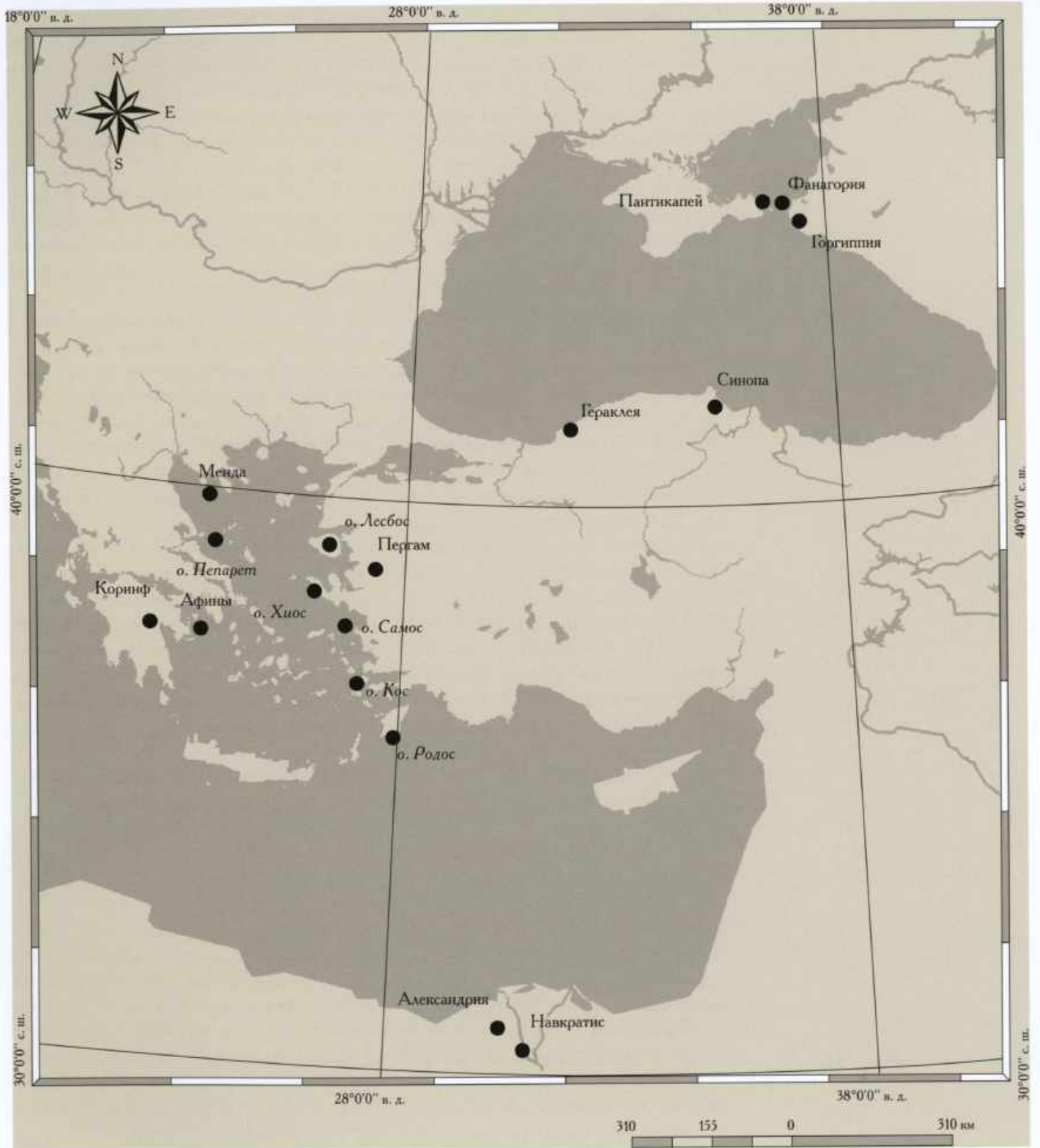

Рис. 1. Торговые контрагенты Боспора в Эгейском и Черном морях

По мнению А.А. Завойкина, это — результат воздействия Афин, создавших Афинский морской союз и поддерживавших экономическую активность своих союзников⁶.

Выводы, полученные на основе анализа керамической тары, довольно хорошо согласуются с результатами исследования керамических клейм. Из коллекции клейм этого времени (VI—V вв. до н.э.) основная часть принадлежит Хиосу, Фасосу, меньшая часть — Лесбосу и Самосу⁷.

Изучение коллекции амфорной тары, полученной при раскопках Патрея, показывает принципиальное сходство системы экономических связей этого полиса и Фанагории⁸. А.П. Абрамов не создавал детальной схемы развития экономических связей, но попытался охарактеризовать относительные объемы поступавшей продукции на протяжении всего периода⁹. Согласно его мнению, в импорте оливкового масла ведущая роль принадлежала Клазоменам и Самосу, очень незначительная — Аттике. Что же касается поступления вина в Патрей, то основная часть приходится на долю двух центров — Хиоса и Лесбоса. Небольшая доля принадлежала Менде и некоторым неопределенным центрам. В числе важнейших выводов А.П. Абрамова о динамике связей Патрея со средиземноморскими центрами — значительное падение объемов торговли во второй половине V в. до н.э. Сходную картину дают и находки амфор из раскопок Гермонассы: в этот период основная роль в системе экономических связей этого полиса принадлежала Хиосу, Фасосу, Лесбосу и Самосу¹⁰.

Определенную роль в решении проблем экономических связей в рассматриваемый период сыграл и анализ расписной керамики. Конечно, вопреки тому, что предполагалось ранее, этот тип товара не играл сколько-нибудь заметной роли именно как товар. Его объемы и стоимость не шли в сравнение с основными видами товаров, таких, как вино и оливковое масло. Однако расписная керамика важна как индикатор, показывающий направление экономических связей, происхождение эмпоров. Проведший анализ самой ранней расписной керамики всего Северного Причерноморья П. Дюпон доказал, что основная масса ее происходит не из Милета, хотя он был ведущим центром колонизации, а из ряда североионийских полисов¹¹.

В целом ранний период экономических связей полисов Азиатского Боспора характеризуется главным образом тем, что в качестве контрагентов его выступали центры Северной Эгейды как ионийские, так и эолийские¹². Это вполне естественно, поскольку они находились в непосредственной близости от метрополий колониальных полисов. Некоторые из них даже участвовали в создании этих колоний. Именно этим центрам легче всего было наладить связи с полисами Таманского полуострова. Проникали спорадически на эти новые рынки и иные контрагенты, но их роль не была определяющей и даже сколько-нибудь заметной. Главными товарами, поступающими сюда, были, естественно, вино и оливковое масло¹³. Что же касается продукции таманских полисов, то это, скорее всего, был хлеб. Во всяком случае, именно под 480 г. до н.э. значится первое упоминание об экспорте хлеба с Понта в Элладу (Herod. VII. 147)¹⁴.

Следующий период в истории экономических связей охватывает большую часть IV в. до н.э. и, видимо, даже начало III в. до н.э. В начале этого периода полисы азиатской части Боспора Киммерийского были включены в состав единого государства и отныне экономические связи приобрели более унифицированный характер, подчиняясь правилам, установленным центральной властью.

Вторая важная характерная черта этого периода — очень значительная роль Афин в торговле Боспора¹⁵. С этим связано и наличие большого количества источников, освещающих этот период и это явление. Среди них особое место принадлежит «Корпусу речей Демосфена», хотя немаловажные сведения встречаются и у других авторов. Данная проблема также отражена в нескольких эпиграфических документах, в частности в декретах афинского полиса¹⁶.

Естественно, что данная проблема неоднократно была объектом внимания исследователей¹⁷. Не повторяя всего того, что было сказано о ней, отметим только самое необходимое для нашей темы. Демосфен неоднократно утверждал, что Афины более, чем какой-либо другой полис, нуждаются в привозном хлебе. По его словам, половину необходимого хлеба дает Боспор. Демосфен называет и более конкретные цифры — 400 000 медимнов (примерно 21 000 тонн)¹⁸. Оратор указывает, что Афины пользуются на Боспоре большими привилегиями: они не платят пошлину и имеют право на первоочередную погрузку своих судов. Для торговли правители Боспора открыли сначала Пантикапейский, а затем и Феодосийский порт. Из содержания речей становится ясно, что открытие порта означает не только строительство причалов, складов и т.п. сооружений, необходимых для функционирования порта, но и создание государственной инфраструктуры, ответственной за порядок, таможенные формальности, оформление судовых документов.

Обилие товарного зерна на рынке Боспора Демосфен объясняет тем, что правитель Боспора является «господином» (τὸ κύριον) его.

Свидетельства Демосфена позволяют сделать некоторые общие выводы: 1) для иноземных купцов были открыты только два порта — Пантикапей и Феодосия; 2) торговля зерном была под полным контролем царской власти (может быть, даже была царской монополией); 3) прежде чем иностранные товары оказывались на Таманском полуострове, их сначала покупали в Пантикапее. При этом неизвестно, допускались ли к этой первичной сделке жители Фанагории или какого-либо иного города.

Какие товары получали боспоряне взамен своего хлеба? Высказывалось достаточно много различных предположений: афинское серебро, расписная керамика и т.д. Однако механизм афино-боспорского торгового обмена предельно ясно раскрыт в речи Демосфена «Против Лакрита». Афинский (или представитель любого другого полиса) навклер в Пирее берет заем у трапедзита (под так называемые «морские проценты») и на эти средства покупает вино в полисе, славящемся своим продуктом (в данной речи в этом качестве упоминается Менда). По прибытии на Боспор он продает вино и на полученные средства приобретает зерно, которое, в свою очередь, продает в Пирее. Расплатившись с трапедзитом-кредитором, навклер получает достаточную прибыль.

Специального внимания заслуживает вопрос о том, где производился хлеб, продаваемый Афинам и другим полисам. На протяжении длительного времени этот вопрос решался предельно просто: территория Боспорского царства обладала плодородными почвами, обеспечивающими высокие урожаи и создающими возможность для экспорта этого продукта. При этом особо подчеркивалось (вслед за Страбоном) плодородие земли вокруг Феодосии¹⁹.

Однако недавнее исследование В.Д. Кузнецова показало, что территория собственно Боспорского царства не могла обеспечить столь масштабный экспорт зерна в Афины (и тем более в другие полисы Эгеиды)²⁰. В таких условиях возможны только два решения: 1) Демосфен явно сильно преувеличивал

объемы хлебной торговли Боспора; 2) у боспорских правителей как «хозяев» боспорского хлеба были иные источники получения зерна в дополнение к тому, что давала почва собственно Боспора. Второе решение представляется нам абсолютно правильным. Именно в это время происходит присоединение к Боспору земель меотских племен, которые жили вдоль Кубани с их в высшей степени благодатными черноземами. Только получая (видимо, в виде дани) зерно, произведенное покоренными меотами, боспорские династии могли обеспечить высокий экспортный потенциал и стать «хозяевами» боспорского зерна. Именно Азиатский Боспор (включая территории местных племен, покоренных именно в это время) стал основой экономического процветания государства. Некоторые исследователи указывают, что сводить причины активного роста боспорской торговли только к инициативам Афин было бы неправильно. Боспорские правители столь же активно стремились освоить рынки Эллады²¹.

Итак, масштабы торговли Боспора с собственно Элладой в классическое время достигли очень высокого уровня. Основная часть товаров, поступавших на Боспор (в том числе и азиатский), состояла из продуктов питания, таких, как вино и оливковое масло. Центрами, из которых поступали вино и масло, являлись Фасос, Менда, Хиос. Но в этот период сюда «хлынули» и иные товары, «свойственные культурному образу жизни»: произведения искусства (такие, например, как знаменитый «таманский рельеф»), терракоты и матрицы для их производства, серебряные сосуды, мебель, оружие, стеклянные сосуды, видимо, ткани и одежда и т.д.²²

Увеличение объемов торгового обмена привело к определенным открытиям в навигации. На смену относительно долгим каботажным плаваниям приходит краткий маршрут через Черное море, пересекавший его в наиболее узком месте: от мыса Карамбий (совр. Керемпе) на северном побережье Малой Азии до мыса Бараний лоб (соврем. Сарыч) на южном берегу Крыма²³. Этот маршрут имел особое значение именно для боспорской морской торговли. Соответственно именно на это время приходится начало широких связей Боспора с городами Южного Понта. Гераклеийский импорт в течение IV в. до н.э. занимает самое заметное место во всем Северном Причерноморье²⁴. На Боспор также из этого города импортировалась черепица. Товары в амфорах из Синопы (вино, оливковое масло, маслины) были широко представлены в слоях второй половины этого века. Поступали сюда также синопская кровельная черепица и архитектурная терракота²⁵.

Определенные изменения в характере экономических связей происходят в эллинистическое время. Обычно предполагается, что тогда происходит падение роли Боспора как экспортера зерна²⁶. Однако, по всей видимости, это — не более чем результат недостатка источников²⁷. Свидетельство Страбона (VII. 4. 6) о том, что население Крыма и Таманского полуострова выплачивало в виде дани Митридату Евпатору ежегодно 180 тысяч медимнов хлеба, убеждает в том, что сельскохозяйственный потенциал Боспора (в первую очередь азиатского) оставался очень высоким. Считается, что в этот период в экспорте Боспора возрастает роль иных товаров, таких, как скот, продукты животноводства, рыба²⁸, может быть, рабы²⁹).

Из числа поставщиков оливкового масла и вина на Боспор «выпадают» Лесбос, Пепарет, Менда, Самос, Хиос³⁰.

Основными контрагентами Боспора выступали такие центры, как Родос, Кос, Парос, Икос, Книд, которые поставляли вино³¹. Значительная роль в торговле принадлежала также Делосу и Пергаму, откуда поступали определенные виды керамики. Из Александрии в довольно больших количествах

получали изделия из египетского фаянса (бусы, амулеты). Характерной особенностью этого периода становится и возрастающая роль Синопы.

Период I в. до н.э. — II в. н.э. характеризуется новым подъемом экономики Боспора и соответственно ростом объемов международной торговли. Происходит перестройка портово-таможенной структуры государства. Анализ сообщений Страбона по этому поводу приводит к выводу, что на Боспоре в это время была создана система из трех эмпориев: Пантикапей был ориентирован на заморскую торговлю, а Фанагория и Танаис — на торговлю с местным населением (по рекам Кубань и Дон)³². Вероятно, что позднее к ним присоединилась и Горгиппия³³. Система контроля над внешней торговлей стала еще более жесткой, поскольку только один из боспорских портов был доступен для иностранных кораблей. Естественным результатом этого стала определенная унификация товаров на местных рынках, так как они поступали туда только из Пантикапея.

Серьезных изменений в номенклатуре товаров, как поступавших на Боспор, так и вывозившихся из него, не наблюдается. Отмечается только одно серьезное новшество — резко возрастает число импортируемых стеклянных сосудов.

Но в это время меняются довольно значительно направления торговых связей. Хотя вино и оливковое масло остаются основными категориями импортируемых товаров, но теперь они поступают почти исключительно из южнопонтийских центров, в первую очередь Синопы, хотя определенную роль играла и Гераклея. Иные виды товаров поступали на Боспор из самых различных центров Средиземноморья: краснолаковая керамика из Малой Азии (особенно из Пергама и Самоса), стеклянные сосуды (Сирия, Египет, западные провинции Римской империи), серебряные и бронзовые сосуды, фибулы (из многих центров), продолжается импорт и украшений, в частности бус и т.д.³⁴

Последний период охватывает III—IV вв. н.э. Он характеризуется постепенным «увяданием» международной торговли³⁵.

* * *

Экономические связи греческих колоний с местным населением играли важную роль в жизни и греков-колонистов, и местных племен внутренних районов Северного Причерноморья. Не были в этом отношении исключением и греческие города Таманского полуострова, торгово-обменные связи которых с местными, в первую очередь меотскими, племенами существовали на протяжении всего античного периода.

К сожалению, источники, освещающие эту проблему, немногочисленны и односторонни. К числу немногих прямых свидетельств античных текстов относится знаменитое сообщение Страбона (XI. 2. 10) о роли Фанагории в торговле с варварами, живущими на материке, которое неоднократно цитировалось и анализировалось в научной литературе³⁶. Определенной ценностью обладает также информация того же автора о характере экономики народов, обитавших в этом регионе. В многочисленных свидетельствах античных авторов о хлебной торговле Боспора с Афинами при Спартокидах отсутствует прямая информация об Азиатском Боспоре, хотя совершенно очевидно, что основная часть зерна, шедшего в Средиземноморье с Боспора, была получена от меотов.

Отсутствие прямых свидетельств о характере торговли греков с племенами Прикубанья заставляет специалистов слишком расширительно толковать сведения Страбона (XI. 2. 3) о товарах, поступающих в Танаис для обмена с варварами (ἤν δ' ἐμπορίου κοινὸν τῶν τε Ἀσιανῶν καὶ τῶν Εὐρωπαϊῶν

νομάδων καὶ τῶν ἐκ τοῦ Βοσπόρου τὴν λίμνην πλεόντων, τῶν μὲν ἀνδράποδα ἀγόντων καὶ δέρματα καὶ εἴ τι ἄλλο τῶν νομαδικῶν, τῶν δ' ἐσθῆτα καὶ οἶνον καὶ τᾶλλα, ὅσα τῆς ἡμέρου διαίτης οἰκεῖα, ἀντιφορτιζομένων). Их часто трактуют как товары, интересующие всех причерноморских варваров³⁷.

Сложна ситуация и с эпиграфическими источниками, данные которых по проблеме хлебной торговли могут (как и данные нарративной традиции) лишь косвенно указывать на участие в ней жителей Азиатского Боспора. Определенную ценность представляют надписи из различных центров Средиземноморья, в которых упоминаются рабы-меоты³⁸. Среди собственно боспорских надписей имеется только одна, прямо связанная с рассматриваемой проблемой, — надгробие купца (ἐμπορον) Христиона, сына Асиатика, погибшего в земле сираков (ἐν Σιρακοῖς ἐθνησκειν); она говорит, что торговые операции были сопряжены с серьезными опасностями (КБН 142).

Поэтому основным источником наших сведений об экономических связях являются археологические материалы, полученные в результате раскопок памятников Прикубанья. При использовании археологических свидетельств имеется ряд ограничений. Прежде всего, необходимо иметь в виду изменчивость политических границ между Боспорским царством и независимыми племенами, обитавшими в бассейне р. Кубани и ее притоков. Ряд из них довольно рано оказался под властью правителей Боспора, другие же всегда сохраняли свою независимость. Но поскольку границы между первыми и вторыми были подвижными, то экономические связи внутри единого политического образования и экономические связи между различными политическими объединениями (в данном случае между Боспорским царством и независимыми племенами) имели принципиально различный характер. К тому же находки предметов античного импорта на меотских территориях не всегда можно надежно объяснить именно торговлей, так как существовали и другие формы их проникновения (военная добыча, дипломатические дары и т.п.)³⁹.

Важнейшим доказательством притока предметов античного производства именно посредством торгового обмена является их массовость⁴⁰. К массовым можно отнести только те из них, широкое распространение которых фиксируется в ходе раскопок меотских городищ и еще в большей мере грунтовых могильников⁴¹. К сожалению, определенный отпечаток на эту картину оказывает специфика комплексов, которые формируются под воздействием традиций погребального обряда. В частности, в архаическое и в римское время амфорный материал в меотских погребениях практически не встречается, тогда как в культурных слоях бытовых памятников он засвидетельствован широко.

При анализе экономических связей между Боспором и местными племенами также важны нумизматические находки. Следует иметь в виду, что подлинное денежное обращение может быть только в довольно развитом обществе, и поэтому находки золотых и серебряных монет на «варварских» территориях нельзя рассматривать как свидетельство существования такого общества. Такие монеты выполняли роль сокровищ, хотя, конечно, они могут указывать и на направление торговых связей. Совсем иное дело — бронзовая монета. Лишенная ценности, она, как давно уже было установлено, является указанием на перемещение людей (торговцев, воинов и т.п.), направление торгово-транспортных путей.

Особую специфику имеют предметы эллинского быта, применение которых в среде аборигенного населения может свидетельствовать о высокой степени их эллинизации: культовая терракота (изображения женских божеств

земледелия и плодородия — Кибелы, Деметры, Коры-Персефоны), светильники и др. В VI—V вв. до н.э. для меотов Закубанья (Ульский и Уляпский могильники) терракоты и лампы являлись либо занятой безделушкой, либо магическим оберегом. В III—II вв. до н.э. терракотовые статуэтки получают распространение в меотской земледельческой среде и, судя по появлению «варварских» подражаний изображениям земледельческих божеств, их восприятие существенно сблизилось с представлениями греков-боспорян⁴². Наиболее поздние статуэтки датируются I—III вв. н.э.⁴³

К этой группе следует отнести комплекс предметов, которые в силу своей высокой стоимости и зачастую непрактичности в повседневной жизни, могут быть связаны с предметами роскоши. Например, панафинейские амфоры, в которых обычно хранили элитные сорта оливкового масла. Круг потребителей обычного для эллинского повседневного быта (пища, гигиена, косметика) оливкового масла ограничивался представителями скифо-меотской и сармато-меотской знати, для которой оно являлось статусным элементом. В этот перечень следует добавить многочисленные произведения ювелирного искусства, бронзовую и серебряную посуду, предметы защитного и наступательного вооружения (шлемы, поножи, панцири).

Судьбы этих изделий могут быть различными: либо это объект торгово-обменных отношений, даже если он был выполнен на заказ в мастерской боспорского ремесленника, либо это дипломатический дар и, наконец, военная добыча, плата за участие в войнах⁴⁴.

* * *

Прежде чем ответить на вопросы о товарных ресурсах каждой из сторон, участвовавшей в процессе обмена, номенклатуре товаров, направлении торговых путей и о механизмах обмена, необходимо рассмотреть ресурсы, которыми обладали меотские племена. Все исследователи, занимавшиеся этой проблемой, уверены в том, что основным ресурсом было зерно. В ландшафтном отношении Северо-Западное Предкавказье характеризуется преимущественно равнинным рельефом, что в зависимости от высоты над уровнем моря и колебания высоты грунтовых вод приводит к образованию огромных лиманов или открытых степных пространств. Правобережье Кубани и крупнейшего ее притока (Лабы) — степи с плодородными почвами, которые способны обеспечить высокие урожаи зерновых при относительно низком уровне агротехники: сам-6 или сам-7, т.е. приблизительно 9—10 центнеров с одного гектара. Земледелие, безусловно, было основой хозяйства племен Прикубанья⁴⁵. Меоты Восточного Приазовья даже при не очень благоприятных для этого условиях, судя по сообщению Страбона (XI. 2. 4), занимались земледелием.

В палеоботанических спектрах из культурных слоев прикубанских городищ преобладают разновидности пшениц: мягкой, однозернянки и двузернянки. Судя по данным карполога Е.Ю. Лебедевой, по мере удаления на восток постепенно возрастает удельный вес мягкой пшеницы⁴⁶. Феофраст (VIII. 4. 5) в своем «Исследовании о растениях» определял понтийскую пшеницу как мягкую, отмечая, что в отличие от твердой яровой пшеницы, она — озимая. Наиболее ранние образцы пшеницы были найдены в слоях конца VI — V вв. до н.э. Тенгинского городища II⁴⁷, т.е. в период, который предшествовал времени расцвета греко-меотской торговли.

Есть все основания полагать, что производившееся меотами Прикубанья зерно действительно было наиболее важным товаром, экспортировавшимся ими, и составляло значимую часть боспорского хлебного экспорта (рис. 2).

Рис. 2. Боспорская монета.
IV в. до н.э.

Эта роль Прикубанья как важного поставщика хлеба справедливо подчеркивалась рядом исследователей⁴⁸. Меньше известно о развитии животноводства — основы жизнедеятельности скотоводческих обществ (скифо-меотского и сармато-меотского круга), обитавших по обеим сторонам течения р. Кубани. Можно предполагать, что от этих племен поступали скот, шерсть и кожи. От племен, живших на берегах Азовского моря, на рынки Боспора прибывала рыба, в том числе и осетровые. Возможно, что для некоторых племен торговля рыбой значила больше, чем торговля хлебом⁴⁹.

На левобережье рельеф террасами поднимается от Кубанской впадины в сторону отрогов главного Кавказского хребта. Лесные массивы расположены в левобережной части; граница лесов меняется в меридиональном направлении в зависимости от количества осадков и антропогенного воздействия. Строевая древесина (прежде всего распространенные в юго-восточной части региона хвойные породы) имела важное значение для античных центров Причерноморья.

Определенную роль, как уже отмечалось выше, играли рабы⁵⁰, хотя невозможно определить, были ли они рабами-военнопленными, захваченными в ходе военных конфликтов, или покупались у меотов. Поскольку все надписи, упоминающие рабов-меотов, относятся к эллинистической эпохе, можно задать вопрос: не являлась ли торговля рабами своего рода заменой торговли зерном, которая в это время резко уменьшилась.

В целом «экспортные ресурсы» меотских и других племен Прикубанья были достаточно значительными. Они включали хлеб (видимо, основная статья), продукты животноводства, строительный лес, рыбу (особенно осетровых разновидностей) и, наконец, рабов⁵¹. Гораздо более обширен список товаров, которые могли поступать во внутренние районы Прикубанья из античных центров. Прежде всего, это *продукты питания* в амфорной таре. Амфоры дают возможность изучить массовую торговлю двумя из четырех⁵² основных товаров античной эпохи — вином и оливковым маслом. Известный французский исследователь И. Гарлан даже относит эти товары к продукции первой необходимости⁵³. Наиболее ранние амфоры из Прикубанья, найденные в скифских курганах, датируются концом VII — началом VI в. до н.э., но затем товары в амфорах поступали к меотам практически непрерывно с конца VI в. до н.э. по III в. н.э. В очень небольшом количестве ввозились также лагиносы, в том числе родосские⁵⁴.

Наиболее массовой категорией античного импорта в Прикубанье, несомненно, было вино в амфорах. Совершенно справедливо мнение о том, что вино являлось самой крупной по объему статьей импорта в «варварские» территории⁵⁵. Доля оливкового масла в импорте, как и вообще в греко-варварской торговле, вероятно, была незначительной⁵⁶. Показательно, что часть найденных в меотских могильниках амфор, относится к типам, происходящим из центров (Клазомены, Синопа, Самос, Милет, Коринф), известных как производители и экспортеры масла (наряду с вином), хотя, конечно, в амфорах из этих центров к меотам, прежде всего, поступало вино⁵⁷.

В основные статьи, поступавшего к меотам греческого импорта, И.С. Каменецкий помимо вина включает столовую посуду, бусы, черепицу, зернотерки⁵⁸. Распространение строительной керамики (черепицы боспорского производства IV—II вв. до н.э.) связано с сооружением построек с черепичной кровлей в боспорских торговых пунктах на Елизаветинском городище № 1, городище Борисенков лиман⁵⁹ и др. Во вторичном использовании находки черепицы также известны в некоторых грунтовых могильниках⁶⁰.

Столовая посуда появляется в меотских погребениях с VI в. до н.э.⁶¹ В последней четверти VI в. до н.э. получает распространение чернолаковая аттическая керамика. Наряду с ней засвидетельствованы и расписные (чернофигурные и краснофигурные) образцы VI—IV вв. до н.э.⁶² Продукция других центров, например, Коринфа, единична⁶³. Объемы и ассортимент комплекса чернолаковой посуды, среди которой преобладают открытые формы (килики, канфары, скифосы, солонки, вазочки и мисочки), гораздо меньше закрытых (пелики и леканы), существенно возрастают в IV в. до н.э.⁶⁴ О востребованности этих форм (прежде всего, канфаров, вазочек) свидетельствует распространение многочисленных местных подражаний. С III в. до н.э. возрастает доля чернолаковых канфаров и мисочек малоазийского производства (Пергам и другие центры)⁶⁵. Наиболее поздние образцы чернолаковой керамики датируются второй половиной II в. до н.э.⁶⁶ Штампованная керамика — «мегарские» чаши «делосского» типа (или эфесско-южноийонийского)⁶⁷ — получает распространение в Прикубанье во второй половине II в. до н.э. Краснолаковая посуда (миски, кувшины, тарелки), в том числе малоазийского производства, поступала к меотам Прикубанья со II в. до н.э. по II—III вв. н.э.⁶⁸

Обычная красноглиняная посуда впервые появляется в меотских могильниках в V в. (канфары, ойнохои)⁶⁹, в IV в. до н.э. она в основном импортная: в меотских грунтовых могильниках боспорская красноглиняная посуда представлена кувшинами, вазочками, кружками, сосудиками-«черпачками», рыбными блюдами⁷⁰. В том же столетии боспорские сосуды проникают и к сарматам⁷¹; наиболее поздние образцы боспорской керамики из сарматских погребений датируются I—II вв. н.э.⁷² Красноглиняная посуда производилась главным образом на Боспоре, хотя в архаическую эпоху преобладали ионийские образцы, а в керамических комплексах IV и III—II вв. до н.э. обнаружены лутерии синопского и гераклейского производства⁷³.

Находки греческой бронзовой посуды второй половины V — начала III в. до н.э. практически все происходят из курганов знати⁷⁴. Бронзовая посуда I—III вв. н.э. италийского и провинциально-римского производства обнаружена не только в курганах знати, но и в некоторых погребениях грунтовых могильников рядового населения⁷⁵.

Известной популярностью пользовались античные парфюмерные масла и ароматические вещества, для транспортировки и хранения которых обычно использовали небольшие керамические сосудики: в V—IV вв. до н.э. — лекифы и аски, причем их находки немногочисленны; в конце IV—начале III в. до н.э. — бальзамарии (унгвентарии) веретенообразной формы, наиболее ранние образцы происходят из погребальных комплексов и культурного слоя боспорского эмпория на Елизаветинском городище. В III — первой половине I в. до н.э. они получают распространение главным образом в кочевнических (сарматских) комплексах Прикубанья, причем сосуды «гигантских» размеров, по мнению И.И. Марченко, могли использоваться в качестве «тары для транспортировки благовоний в варварские районы»⁷⁶. В первые века нашей эры их сменяют стеклянные бальзамарии⁷⁷.

Самые ранние стеклянные сосуды, найденные в Прикубанье, — алабастр из Начерзия и фиала из Курджипского кургана — датируются IV в. до н.э.⁷⁸ В эпоху эллинизма довольно массовым явлением стало распространение стеклянных литых канфаров, проникавших, по всей видимости, в качестве трофеев и даров⁷⁹.

Несмотря на явную избирательность, связанную как со стоимостью изделий, так с обычаями и пониманием престижности у местного населения, следу-

ет отметить значительный ассортимент античных украшений (бусы, пронизи и подвески, перстни и кольца), как по морфологии, так и по материалу. Некоторые из них, например, S-видные височные подвески, стали своеобразной этнографической особенностью костюма меотских племен. Наиболее ранние образцы бус найдены в скифских погребениях Келермесских курганов⁸⁰ и в грунтовых погребениях меотских могильников VI в. до н.э.⁸¹ Как и более поздние образцы II в. до н.э.—II в. н.э., они производились в Египте и Сирии⁸². Поступали также амулеты из египетского фаянса⁸³. Импорт греческих перстней и колец, судя по материалам меотских погребений, продолжался с середины V в. до н.э. по I—II вв. н.э.⁸⁴ Престижностью украшений из золота объясняется широкое распространение терракотовых украшений с позолотой; их импорт ограничен в основном второй половиной IV—началом III в.⁸⁵

В римское время широкое распространение получают фибулы. Помимо лучковых разновидностей значительной популярностью среди разных слоев населения Прикубанья пользовались фибулы «AVCISSA», которые, по мнению ученых, производились в Галлии, Северной Италии, дунайских провинциях Римской империи⁸⁶. В наиболее богатых, судя по инвентарю, погребальных комплексах встречаются фибулы, украшенные эмалевыми вставками⁸⁷. Часть их, как предполагают специалисты, являлась не результатом торговли, а военной добычей⁸⁸.

* * *

В самой общей форме можно восстановить торговые пути, связывавшие Азиатский Боспор с племенами, обитавшими в Прикубанье. Главной «осью» торговых связей являлась р. Кубань с ее многочисленными левобережными притоками (Лаба, Псескупс, Абин и др.)⁸⁹. Греки традиционно придерживались водных путей, которые можно было прокладывать южнее основного русла, через многочисленные лиманы и старицы Кубани. По этому пути на восток греки стали продвигаться еще в эпоху архаики, по тем направлениям, которые использовали еще номады при перекочевках в раннеархаическое время. В связи с перевозкой больших объемов грузов в амфорной таре важность водных путей несомненно возросла. Для обслуживания этих коммуникаций необходимо действие отлаженного механизма, который включал в себя: причалы, хранилища, флотилии транспортных средств с низкой осадкой, которую обслуживали команды лоцманов, моряков и охраны.

Несмотря на разветвленность речной системы Кубани, доставка грузов осуществлялась и на повозках, запряженных верблюдами, лошадьми или быками⁹⁰. По всей видимости, существовали и комбинированные сухопутно-речные магистрали (рис. 3). Эти торговые пути продолжали функционировать и в более позднее время⁹¹. Локальные торговые пути соединялись с «глобальными» международными трассами. Контроль над торговыми путями всегда был одной из самых прибыльных статей доходов различных народов и государств.

Важную роль играл также морской путь, который проходил в восточной части Азовского моря (о нем упоминал Страбон — XI. 2. 4) и имел большое значение для торговли боспорских городов с меотами Восточного Приазовья⁹². Изменения в направлениях торговых связей, в качественном и количественном составе античного импорта, а также его ареале позволяют вычленивать четыре периода в развитии торговых связей племен Прикубанья с античным миром.

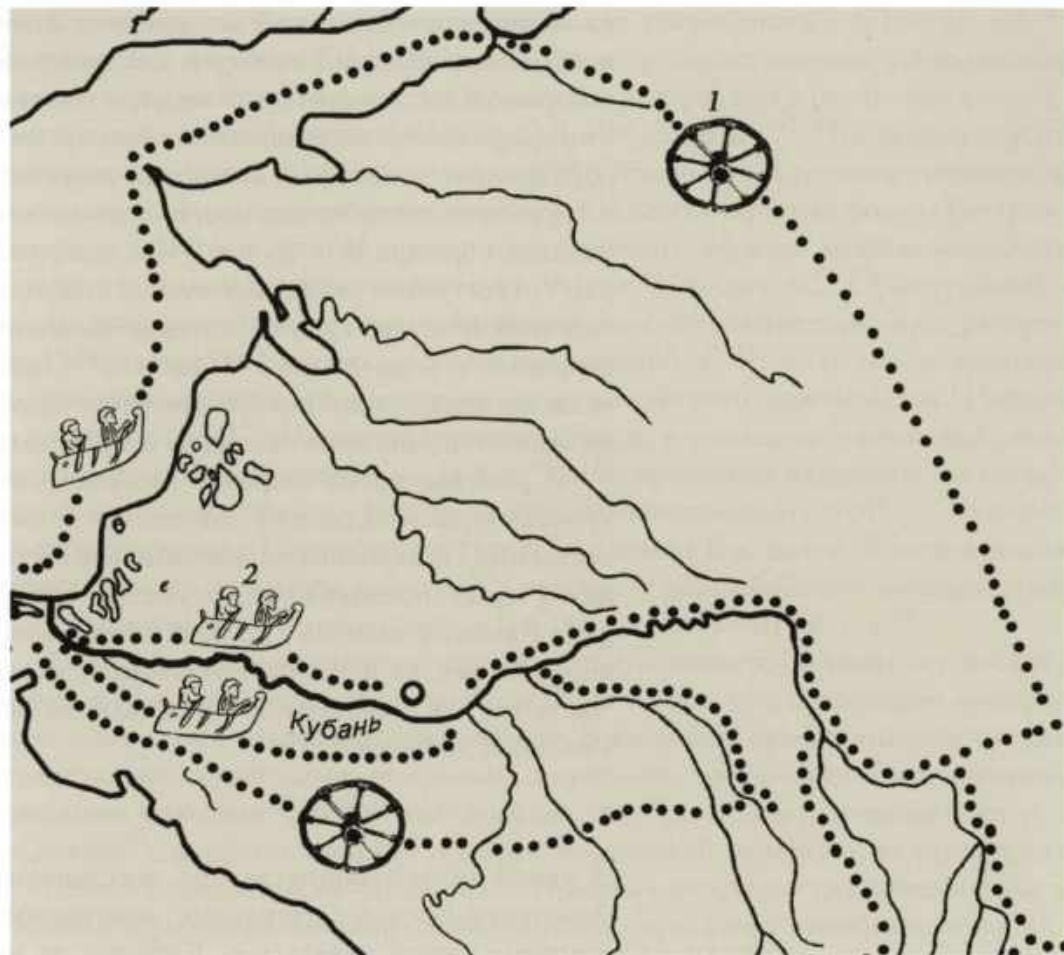

Рис. 3. Водные и сухопутные пути в Прикубанье: 1 — потивное изображение колеса (Уляпский м-к); 2 — изображение диэры на щитке перстня (Пересыпь, IV—III вв. до н.э.)

* * *

Первый период (конец VII — V вв. до н.э.) характеризует процесс перехода от спорадических контактов к регулярным торгово-обменным отношениям греков с племенами Прикубанья⁹³. Проникновение в Прикубанье более ранних импортных предметов (знаменитые изделия торевтики из Келермесских курганов) было связано не с торговым обменом, а с переднеазиатскими походами скифов⁹⁴. Наиболее ранние находки предметов античного импорта из этого региона, как и во всем Северном Причерноморье в целом, датируются концом VII — началом VI в. до н.э.⁹⁵ Его образует в основном амфорная тара круга Клазомен. Синхронные находки восточноионийской столовой расписной посуды, в отличие от других регионов Северного Причерноморья, пока не известны. Значительная часть этих амфор происходит из кочевнических погребений, они могли поступать в Прикубанье через Таганрогское поселение⁹⁶. Учитывая сложность сухопутной транспортировки амфорной тары⁹⁷, нельзя исключать и иные пути проникновения товаров в Прикубанье, в том числе торговые контакты со скифами Прикубанья клазоменских купцов, которые, согласно Страбону (XI. 2. 4), имели свои торговые пункты на побережье Меотиды. Для второй — третьей четверти VI в. до н.э. находки клазоменских амфор, а также ионийского килика известны в Уляпском могильнике Закубанья⁹⁸ — памятнике, оставленном, по мнению ряда исследователей, носителями меотской культуры⁹⁹ (рис. 4).

Некоторое возрастание объемов поступления продукции в амфорной таре, а также чернолаковой аттической керамики во внутренние районы Прикуба-

нья фиксируется для последней четверти VI в. до н.э.¹⁰⁰ Предпосылками этого процесса были: во-первых, основание во второй — третьей четвертях VI в. до н.э. наиболее важных греческих апоекий на Таманском полуострове, в первую очередь Фанагории, Гермонассы и раннего поселения на месте современной Анапы¹⁰¹ — важного звена в посреднической торговле в первый период¹⁰², во-вторых, начавшееся в VI в. до н.э. освоение меотами плодородных земель правобережной Кубани¹⁰³ и стремительное развитие социальной стратификации синдо-меотских племен. В Прикубанье найдена ровно половина (1 экз. — в Елизаветинских и 2 экз. — в Уляпских курганах) из известных в Северном Причерноморье престижных панафинейских амфор, которые могут быть расценены как дипломатические дары правящей боспорской верхушки представителям местной аристократии¹⁰⁴. Многочисленная серебряная и бронзовая посуда, предметы вооружения, в том числе боспорского производства¹⁰⁵, археологически зафиксированный импорт греческих шерстяных тканей к синдской знати¹⁰⁶, расписные чернофигурные вазы, а также значительная часть амфорной тары второй половины V в. до н.э. происходят из подкурганых погребальных и ритуальных комплексов¹⁰⁷ (рис. 5, 7). Это свидетельствует о самом активном участии племенной аристократии в организации и контроле над торгово-обменными операциями.

Продукция в амфорной таре в этот период составляла примерно пятую часть объема и ассортимента античных импортов. Распространение импорта осуществлялось по Кубани и ее притокам (Лаба, Псекупс, Белая и др.), амфоры проникают в отдаленные районы Прикубанья (Усть-Лабинская группа и Среднее Закубанье), однако количество местонахождений пока невелико. Среди центров-экспортеров в этот период — исключительно средиземноморские. К меотам Прикубанья поступает продукция Клазомен (конец VII — начало V в. до н.э.), Хиоса (с конца VI в. до н.э.), Лесбоса (конец VI — середина V в. до н.э.), Фасоса (с первой половины V в. до н.э.), Менды (со второй четверти V в. до н.э.) — центров производства протофасосских амфор (полисы Северной Эгеиды; конец VI — первая половина V в. до н.э.) и ряда средиземноморских центров¹⁰⁸. Отрывочно представлены материалы второй и третьей четвертей V в. до н.э., что отличает прикубанский регион от ситуации в Подонье (Елизаветинское городище и некрополь), о которой имеются свидетельства о постоянных и довольно значительных поступлениях на протяжении всего V в. до н.э.¹⁰⁹ Во второй половине V в. до н.э. круг центров-экспортеров продукции в амфорной таре сужается, из Прикубанья происходят амфоры Менды, Фасоса и Хиоса¹¹⁰, причем абсолютного преобладания хиосской продукции, как в Северном Причерноморье в целом¹¹¹, не отмечено.

Второй период (IV в. до н.э.) — время бурного развития торгово-экономических контактов греков с племенами Северного Кавказа (Подонья и Прикубанья). На Северо-Западном Кавказе ареал находок предметов античного импорта в IV в. до н.э. охватывает наибольшее количество памятников. Он свидетельствует о том, что наиболее активно в торговые связи были вовлечены меотские поселения Приазовской (предполагаемая территория обитания дандариев) и Краснодарской (возможной области племен Фатеев) локальных групп¹¹².

Уже в начале IV в. до н.э. наметилось резкое (более чем в пять раз) возрастание объемов: 88% всех предметов первой половины IV — это амфорная тара¹¹³, среди которой наиболее многочисленными являются амфоры второй четверти IV в. до н.э. Судя по имеющимся материалам, в это время в Прикубанье поступила почти половина (45%) всех продуктов в амфорной таре

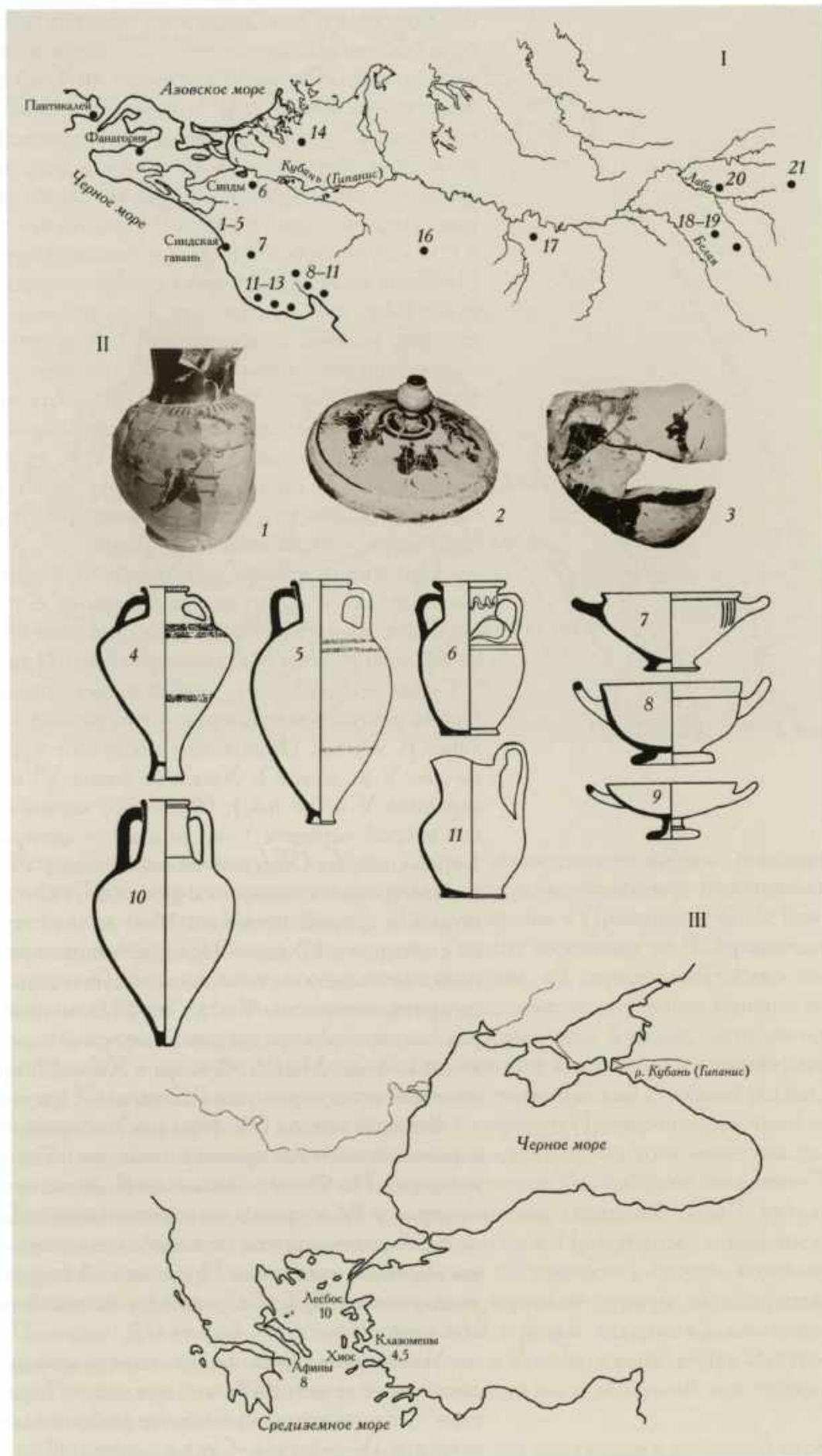

Рис. 4. Греко-варварские контакты в Прикубанье в VI в. до н.э.

I – распространение предметов античного импорта в Прикубанье:
 1 – пос. Алексеевка, 2 – м-к (грунт.) у хут. Рассвет, 3 – м-к (грунт.) в ОПХ «Анапа», 4 – м-к (грунт.) у пос. Красная Скала, 5 – м-к (грунт.) у пос. Воскресенский, 6 – Семибратнее г-ще, 7 – Раевское г-ще, 8 – Владимировский м-к (грунт.), 9 – Цемдолинский м-к (грунт.), 10 – м-к (грунт.) Шесхарис, 11 – м-к (грунт.) Широкая Балка, 12 – пос. у хут. Шкрямов, 13 – м-к (грунт.) Лобанова Щель, 14 – м-к (курганы) Лебеди V, 15 – г-ще II у хут. Ленина, 16 – м-к (курганы) пос. Циплиевский кут, 17 – м-к (курганы) у аула Начерзий, 18 – м-к (курганы) у аула Ульский, 19 – м-к (курганы) у аула Уляп, 20 – г-ще II у ст. Тенгинская, 21 – м-к (курганы) у с. Ковалевского, 22 – пос. Венцы;

II – ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье:
 1–3 – аттическая расписная посуда, 4, 5 – амфоры (Клазомены), 6, 7–9, 11 – ионийская расписная посуда, 10 – амфора (Лесбос-?);

III – античные центры-экспортеры VI в. до н.э.

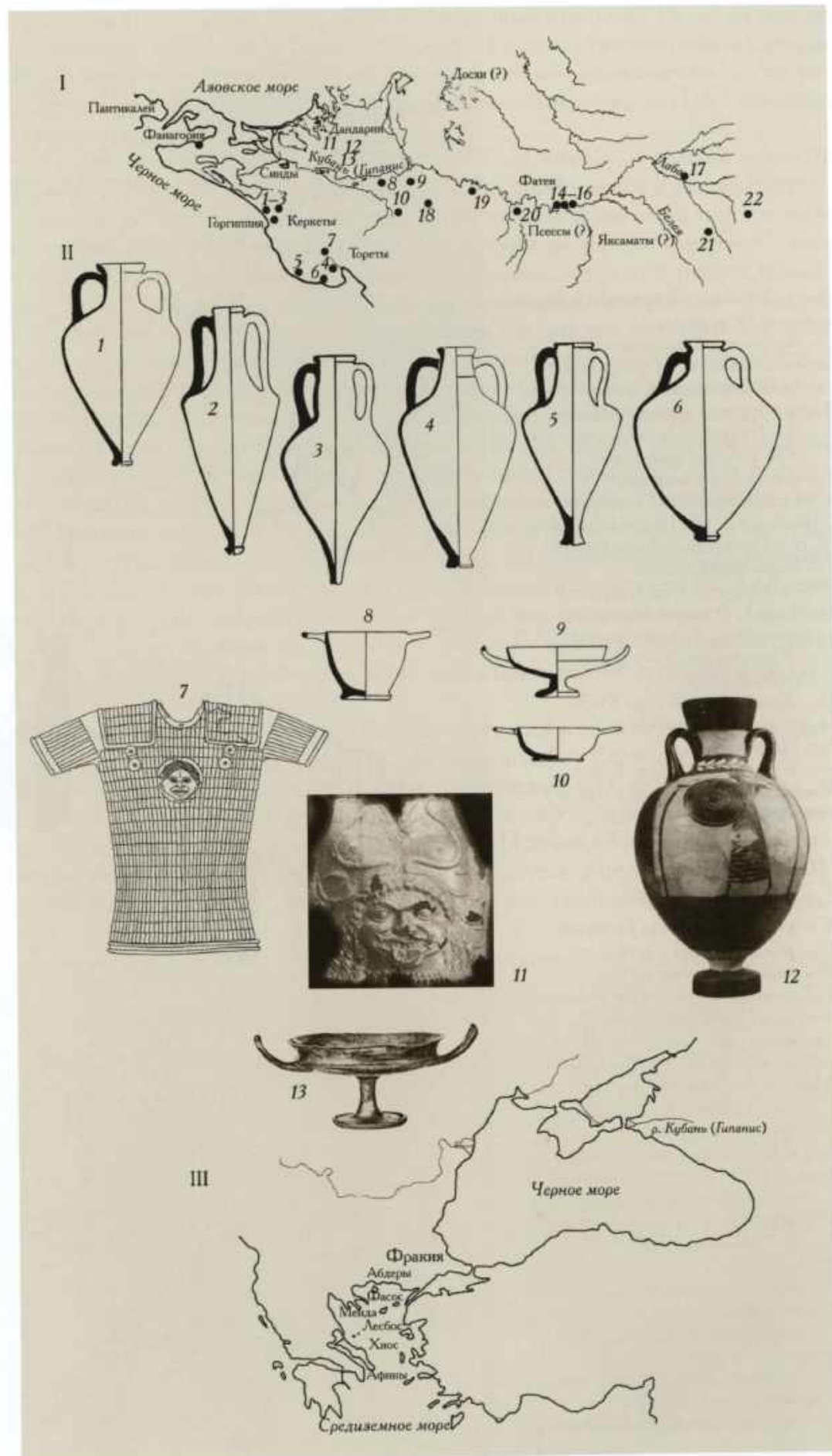

Рис. 5. Греко-варварские контакты в Прикубанье в V в. до н.э.

I – распространение предметов античного импорта в Прикубанье:

- 1 – м-к (грунт.) у хут. Рассвет,
- 2 – м-к (грунт.) у пос. Красная Скала, 3 – м-к (грунт.) у пос. Воскресенский,
- 4 – Цемдолинский м-к (грунт.),
- 5 – м-к (грунт.) Лобанова Щель,
- 6 – м-к (грунт.) Широкая Балка,
- 7 – Владимировский м-к (грунт.),
- 8 – Семибратние курганы, Семибратнее г-ще,
- 9 – г-ще Краснобатареиное,
- 10 – Крымское г-ще,
- 11 – пос. у хут. Беликова,
- 12 – Николаевский м-к (курганы) (ПКОС), 13 – м-к Черный лес,
- 14 – г-ще I у ст. Елизаветинская,
- 15 – г-ще II у хут. Ленина,
- 16 – Краснодарское г-ще (КРЭС),
- 17 – г-ще II у ст. Теигинская,
- 18 – г-ще Борисенков лиман,
- 19 – Псекупский м-к (грунт.),
- 20 – м-к (курганы) у аула Начерзий,
- 21 – м-к (курганы) у аула Уляп,
- 22 – м-к (курганы) у ст. Урупская;

II – ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье:

- 1 – амфора (северная Эгеида),
- 2 – амфора (Хиос),
- 3 – амфора (Лесбос-?),
- 4–6 – амфоры (Фасос),
- 7, 11 – защитные доспехи,
- 8–10 – аттическая чернолаковая посуда, 12 – панафинейская амфора,
- 13 – килик (серебро);

III – античные центры-экспортеры V в. до н.э.

Рис. 6. Боспор и Прикубанье в первой половине IV в. до н.э.

I – распространение предметов античного импорта в Прикубанье:
 1 – Владимирский м-к (грунт.),
 2 – м-к (грунт.) Лобанова Щель,
 3 – м-к (грунт.) Райский уголок,
 4 – Краснобатареиное г-ще,
 5 – курган Карагодеуашх,
 6 – Николаевский м-к (курганы) (ПКОС), 7 – м-к (грунт.) Лебеди III, 8 – Прикубанский м-к (грунт.),
 9 – Марьевский курган,
 10 – м-к (грунт.) г-ща Спорное,
 11 – г-ща I–II и м-ки (грунт. и курганы) у ст. Елизаветинская,
 12 – Краснодарский м-к (грунт.) на Почтовой улице,
 13 – Краснодарское г-ще КРЭС,
 14 – г-ще VI и м-ки (грунт.) у ст. Пашковская,
 15 – г-ще II и м-к (грунт.) у хут. Ленина, 16 – г-ще II и м-к (грунт.) у ст. Старокорсунская,
 17 – м-к III (грунт.) у ст. Воронежская,
 18 – м-к II (грунт.) у ст. Усть-Лабинская,
 19 – м-к (грунт.) у аула Начерзий,
 20 – м-к (курганы) у аула Уляп,
 21 – г-ще II у ст. Тенгинская;
 II – ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье (1–12) и динамика поступления продуктов в амфорной таре (а–б): 1 – амфора (Менда), 2 – амфора (Гераклея), 3 – амфора (Фасос), 4 – амфора (Синопа), 5 – амфора (тип «Муригноль»), 6 – амфора (типа А-I-1), 7 – амфора (Самос²), 8 – амфора (Книд), 9 – амфора (Коринф),
 10–12 – аттическая чернолаковая посуда;
 а – амфорный импорт в первой четверти IV в. до н.э.,
 б – амфорный импорт во второй четверти IV в. до н.э.;
 III – античные центры-экспортеры в первой половине IV в. до н.э.;
 IV – амфорный импорт в Прикубанье IV–II в. до н.э.

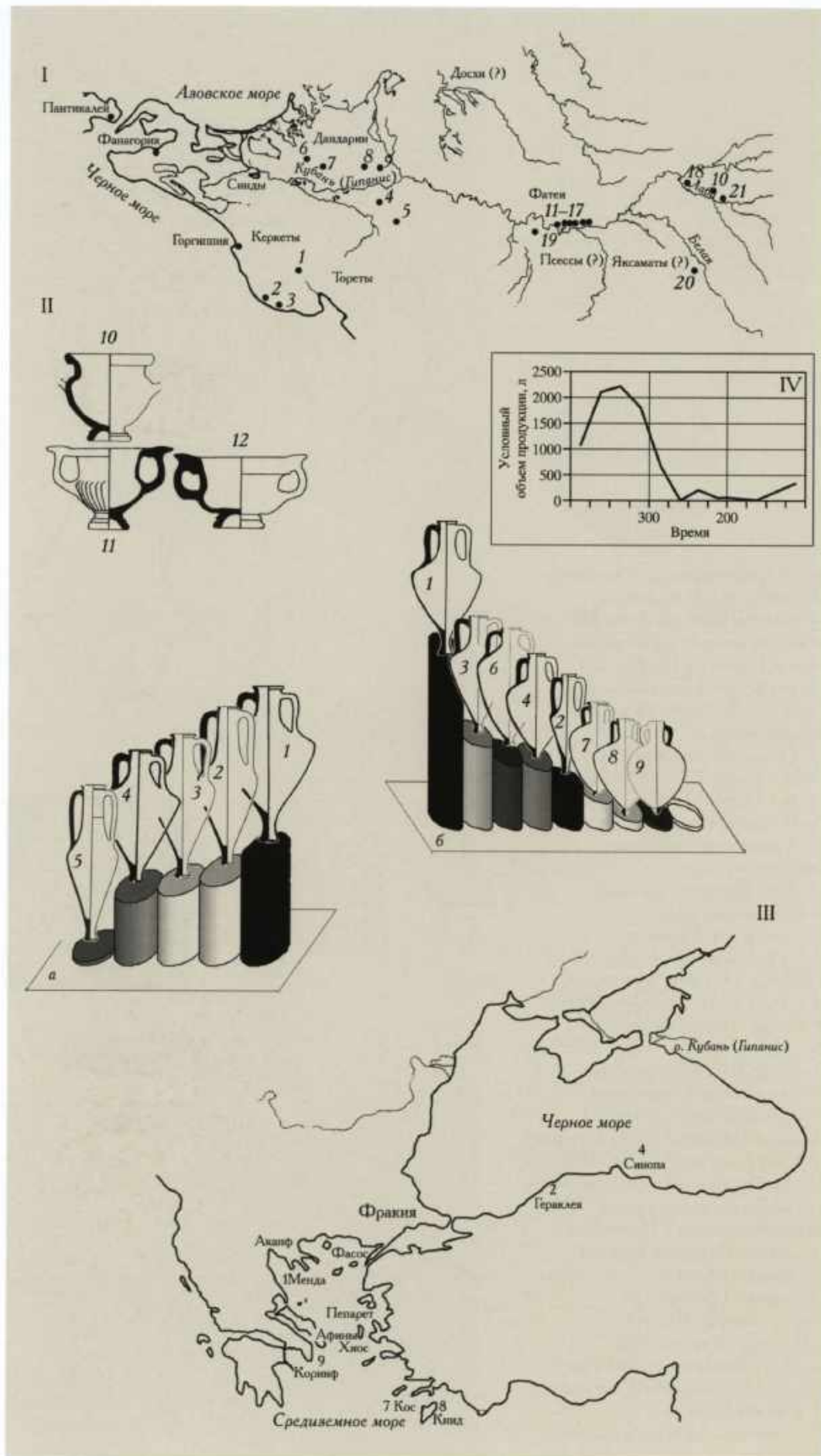

Рис. 7. Амфора (Средиземноморье).
Первая треть V в. до н.э.
(Уляпский м-к)

Рис. 8. Амфора (Менда).
Конец V в. до н.э. (Уляпский м-к)

Рис. 9. Амфора (Средиземноморье:
тип I-A-1). Вторая — третья четверть
IV в. до н.э. (Уляпский м-к)

Рис. 10. Амфора (Книд).
Середина — третья четверть
IV в. до н.э. (Уляпский м-к)

за период IV — начала III в. до н.э. Амфорный комплекс IV в. до н.э. из Прикубанья, отличный от Елизаветинского (Подонье) и памятников Северо-Западного Причерноморья¹¹⁴, совершенно отчетливо указывает на особое положение прикубанского региона в системе экономических связей Северного Причерноморья¹¹⁵ (рис. 6).

Судя по данным боспорских надписей¹¹⁶, во второй — третьей четверти IV в. до н.э. ряд меотских племен Прикубанья был включен в состав Боспорского государства. Исследователи не раз высказывали мнение о том, что подчиненные меотские племена платили боспорским царям дань хлебом¹¹⁷, хотя обильный греческий импорт свидетельствует о том, что в этот период главенствующую роль в экономических взаимоотношениях Прикубанья и Боспора играла торговля, а не дань¹¹⁸. С другой стороны, именно активные торговые связи во многом позволили осуществить политическое подчинение меотских племен Боспору. В Синдике, присоединенной ранее меотских племен, к началу IV в. до н.э. сформировалась группировка пробоспорски настроенной знати во главе с царем Гекатеем (Ρολυαεν. VIII. 55), весьма заинтересованной в тесных экономических контактах с боспорскими городами¹¹⁹. Для Боспора в этот период особую значимость имело меотское зерно. «Боспорская хлебная торговля находилась в руках пантикапейских правителей»¹²⁰, и меотское зерно, составлявшее его существенную часть, было необходимо Спартокидам для дальнейшего развития торговых и политических отношений с Афинами: пшеница, поступавшая с Боспора, составляла половину ввозимого Афинами хлеба¹²¹. Таким образом, в первые три четверти IV в. до н.э. на развитие греко-меотской торговли в значительной степени влияли тесные торговые контакты Боспора и Афин¹²².

Рассмотрим динамику этого процесса на протяжении IV в. до н.э. Существенно изменилась география центров-экспортеров. Если в V в. до н.э. товары в керамической таре поступали исключительно из Средиземноморья, то с начала IV в. до н.э. в Прикубанье появляется продукция южнопонтийских центров: Гераклея (25%) и Синопы (20%). Причем в Северном Причерноморье на протяжении первой половины IV в. до н.э. в целом лидирует гераклеяский импорт¹²³. В первой четверти IV в. до н.э. лидирующие позиции среди

экспортеров вина к меотам Прикубанья заняла Менда (32,5%), что отмечено и для памятников Азиатского Боспора¹²⁴ (рис. 8). Некоторые исследователи считают, что обычный способ проникновения мендейского и фасосского вина (доля Фасоса в Прикубанье в этот момент составляет около 22%) на Боспор состоял в посреднической деятельности афинских купцов (*Demosth. XXXV. 10*)¹²⁵. Этому мнению не противоречит факт широкого распространения мендейского и фасосского импорта, а также самосских (?) амфор¹²⁶ «рыжановского» типа¹²⁷ в Прикубанье. Меньшую роль играли другие экспортеры, в частности центр, который, по мнению С.Ю. Монахова, производил амфоры типа «муригиоль»¹²⁸. Отметим различия в амфорных комплексах нижнего и среднего Прикубанья, в частности, значительная часть фасосских и гераклейских амфор обнаружена в нижнем Прикубанье. Во второй четверти столетия продукция Менды не только сохранила свое лидерство среди экспортеров вина, но и резко увеличила свои поставки (ок. 37%). Фасос (18%) и Синопа (12,5%) тоже увеличивают объемы своих поставок в Прикубанье, но доля их в общем торговом обороте снижается. В поступлении гераклейского вина с этого времени наблюдается явный спад (8%).

Во второй половине IV в. до н.э. заметно расширяется ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье. Судя по подсчетам, именно за это время «поступило рекордное количество предметов импорта»¹²⁹. Крупным экспортером товаров в керамической таре¹³⁰ в Прикубанье (ок. 27%) стал некий средиземноморский центр, выпускавший амфоры типа I-A-1¹³¹ (по С.Ю. Монахову) (рис. 9). Существенно расширяется ассортимент винной продукции: появляются в небольших объемах косское (?) и книдское вино, товары коринфского и милетского центров, и, если не со второй, то с третьей четверти IV в. до н.э. — аканфское вино, а также ряда неизвестных средиземноморских центров. Доля же Менды в торговом обороте уменьшается и объемы ее поставок снижаются до 20,5%. Следующими по объемам поставок товаров в амфорах были редкие в причерноморских комплексах IV в. до н.э. Кос (15%) и Самос (?) (амфоры «рыжановского» типа) (ок. 12%). Доля других экспортеров вина — Фасоса, Книда, Синопы и Гераклеи — варьируется в пределах 5–7% (рис. 10). В отличие от боспорских городов пепаретское вино почти не ввозилось к меотам, в скромных объемах поступало дорогое хиосское вино¹³². Продукция в «колхидских» коричневоглиняных амфорах (возможно, трапезундских¹³³) и херсонесское вино довольно редки.

В целом в последней четверти IV в. до н.э. объемы поступления продукции в амфорной таре снижаются, хотя остаются еще довольно высокими, превосходя уровень первой четверти IV в. до н.э. Импорт в Прикубанье товаров в керамической таре в последней четверти IV в. до н.э. отражает общие изменения экономической ситуации в Средиземноморье и Причерноморье после завоеваний Александра Македонского¹³⁴ и политического ослабления Афин — основного потребителя боспорского хлеба. На первый план в торговле в обширном эллинистическом мире вышли центры, выгодно расположенные на новых направлениях торговых путей¹³⁵. В эллинистическую эпоху заметно увеличилась емкость понтийского рынка: согласно Полибию (4–5), его потребности в зерне в этот период зачастую удовлетворялись из Средиземноморья. В структуре прикубанского амфорного импорта преобладает продукция из средиземноморских центров Доридского Пятиградья (Кос — 43% и Книд — 40%), сократилось до минимума поступление амфор из Фасоса, единичны амфоры из Самофракии. Существенно возрастает доля понтийских центров, прежде всего Синопы, в небольших объемах поступало

Рис. 11. В IV в. до н.э. античные амфоры становятся практически обязательным элементом меотской погребальной трезны (Старокорсунский м-к)

вино из Херсонеса Таврического, Гераклеи и некоего южнопонтийского центра, тара которого по некоторым морфологическим чертам напоминает более поздние амфоры Амастрия.

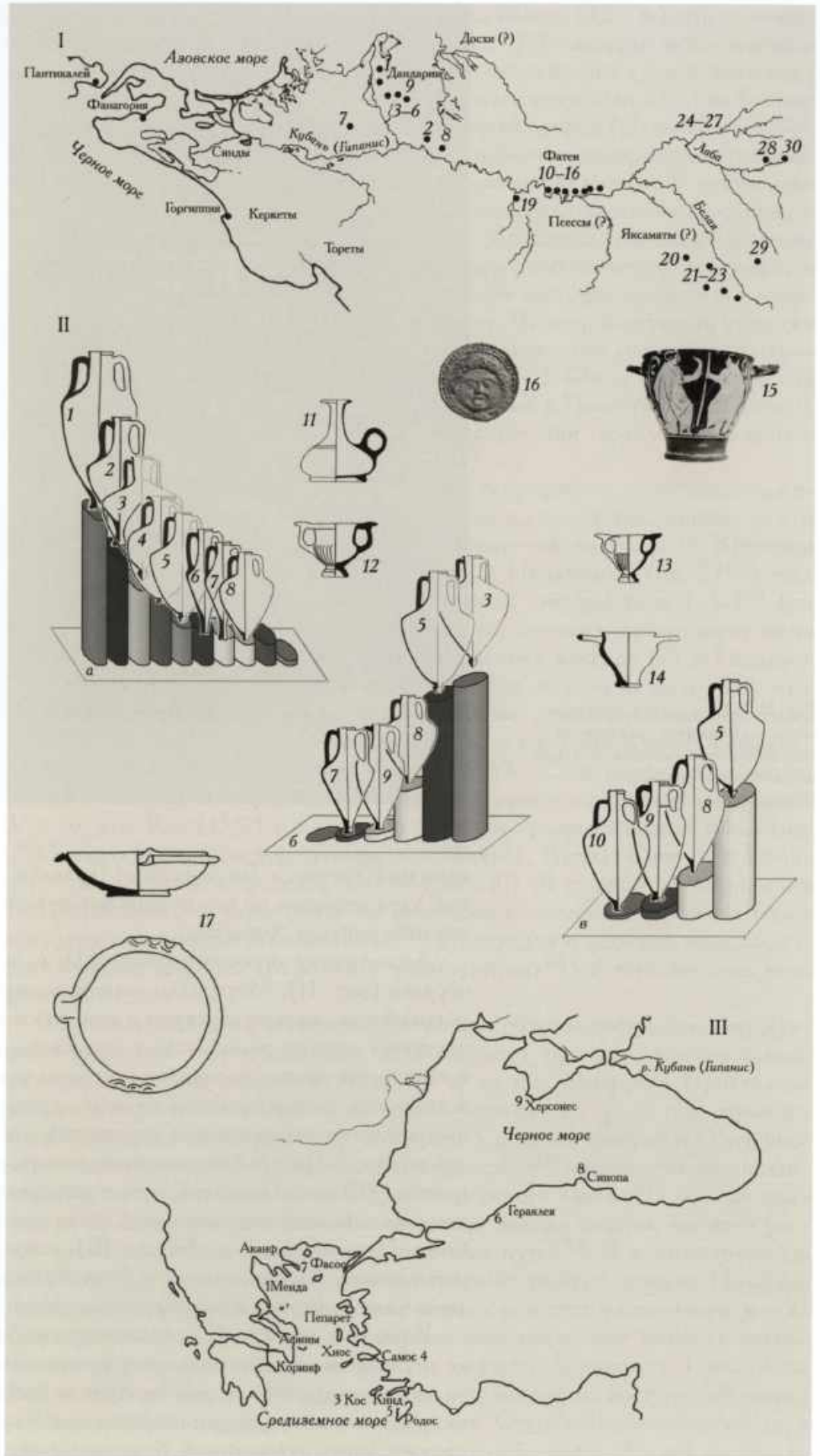
Ассортимент античного импорта IV в. до н.э. в Прикубанье очень разнообразен (рис. 11). Материалы, открытые при раскопках грунтовых меотских могильников, свидетельствуют о том, что в этот период наибольших объемов достигает ввоз не только такого массового и значимого товара, как вино, но и некоторых других предметов импорта: чернолаковой аттической и простой боспорской красноглиняной посуды, лутериев синопского и гераклейского производства, терракотовых украшений с позолотой¹³⁶, перстней¹³⁷ и ожерелий из бус¹³⁸. Вместе с тем закономерность, отмеченная выше для амфор ряда центров (Фасос, Гераклеи), прослеживается и для аттической чернолаковой посуды, основная масса которой осела в могильниках нижнего Прикубанья (типа Прикубанский и Лебеди III), тогда как в синхронных комплексах могильников Краснодарской и Усть-Лабинской групп засвидетельствованы лишь амфорная тара и подражания античным формам столовой посуды.

Комплекс импортных предметов роскоши этого периода¹³⁹ свидетельствует о росте экономического могущества и политического влияния меотской знати, выходцы из которой пополнили боспорскую аристократию¹⁴⁰. На это указывают и конструкции погребальных сооружений, убранство и инвентарь подкурганых захоронений Карагодеуашх, Курджипс и курганов у ст. Ели-

Рис. 12. Боспор и Прикубанье во второй половине IV – начале III в. до н.э.

I – распространение предметов античного импорта в Прикубанье:
 1 – м-к (грунт.) Лебеди III,
 2 – Прикубанский м-к (грунт.),
 3 – курганы на Понуро-Калининской ОС,
 4 – м-к (грунт.) у хут. Зеленский,
 5 – пос. у хут. Великова (клад),
 6 – г. Славянск-на Кубани (клад),
 7 – пос. и м-к (грунт.) у ст. Красноармейская,
 8 – курганы у пос. Водный,
 9 – м-к (грунт.) у ст. Старонижестеблиевская,
 10 – г-ща I, II и м-ки (грунт.) у ст. Елизаветинская,
 11 – Краснодарский м-к (грунт.) на Почтовой,
 12 – м-ки III, VI (грунт.) у ст. Пашковская,
 13 – г-ще II и м-к (грунт.) у хут. Ленина, 14 – г-ще II и его м-к (грунт.) у ст. Старокорсунская,
 15 – м-к (грунт.) у ст. Васюринская,
 16 – м-к III (грунт.) у ст. Воронежская,
 17 – м-к II (грунт.) у ст. Усть-Лабинская,
 18 – м-к г-ща Спорное,
 19 – Псекупский м-к (грунт.),
 20 – м-к (грунт. и курганы) у хут. Серегинский, 21 – Курджипский курган, 22 – «Золотая горка» (курган), 23 – ст. Даховская (курган), 24 – Чамлыцкое 4 г-ще, 25 – г-ще VIII у ст. Тбилисская, 26 – г-ща I–II у ст. Темижбекская, 27 – г-ще VI у ст. Кавказская, 28 – м-к (курганы) у ст. Исправная, 29 – м-к (курганы) у ст. Некрасовская, 30 – г-ще Дружба;
 II – ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье (I–17) и динамика поступления продуктов в амфорной таре (а–в):
 1 – амфора (типа А-1-1), 2 – амфора (Менда), 3 – амфора (Кос), 4 – амфора (Самос-?), 5 – амфора (Книд), 6 – амфора (Гераклея), 7 – амфора (Фасос), 8 – амфора (Синопа), 9 – амфора (Херсонес), 10 – амфора (Хиос-?), 11–15 – аттическая чернолаковая посуда, 16 – терракотовый горгонейон с позолотой, 17 – лутерий (Синопа);
 а – амфорный импорт в первой четверти IV в. до н.э., б – амфорный импорт во второй четверти IV в. до н.э., в – амфорный импорт в первой четверти III в. до н.э.;
 III – античные центры-экспортеры во второй половине IV – начале III в. до н.э.

заветинской: парадное оружие из курганов Карагодеуашх пантикапейского¹⁴¹ или северогреческого (македонского) производства¹⁴², металлические сосуды и ювелирные изделия из того же кургана, бронзовый панцирный нагрудник из Шестого Елизаветинского кургана № 6¹⁴³.

Серьезные изменения в торгово-экономической системе Прикубанья происходят в конце IV в. до н.э. (рис. 12). Греко-варварская торговля в Прикубанье, как и в целом в Северном Причерноморье¹⁴⁴, осуществлялась большей частью в форме натурального обмена. Тем не менее находки отдельных монет в культурных слоях и клады¹⁴⁵, которые очерчивают «границу зоны денежного обращения»¹⁴⁶, свидетельствуют о денежном обращении на территориях меотских племен низовий Кубани в IV в. до н.э.¹⁴⁷ Другая зона, тесно связанная с боспорской экономикой, судя по находкам монет из раскопок Елизаветинского городища № 1 и его могильника¹⁴⁸, находилась в среднем Прикубанье. Культурный слой расположенного здесь поселения боспорских торговцев и ремесленников конца IV — II в. до н.э. изобилует типичными для античного города находками: столовой и тарной керамикой, культовыми терракотовыми статуэтками, обломками античных ламп и кровельной черепицы¹⁴⁹.

Третий период (III — первая половина I в. до н.э.) характеризуется резким сокращением греко-меотских экономических отношений¹⁵⁰, что было вызвано рядом политических и экономических причин. Для Северного Причерноморья III в. до н.э. — время нарушения устоявшейся системы греко-«варварских» взаимоотношений¹⁵¹. Наиболее ярким показателем сокращения торговой активности является ситуация в амфорном комплексе этого периода. Сужается ареал амфорного импорта: в III в. до н.э. практически не поступает вино к меотам Усть-Лабинской группы, его ввоз на эту территорию возобновляется в заметном объеме в конце III в.¹⁵² Для первой и второй четверти III в. до н.э. амфорный импорт ощутимо сокращается и в количественном отношении.

В первой четверти III в. до н.э. наиболее значительными оказались киридские амфоры (71%), второе место по объемам поставок товаров в керамической таре занимала Синопа (22%) (рис. 13, 14). Свою продукцию в Прикубанье экспортировали также Коринф, Херсонес Таврический и некий южнопонтский центр, представленный «псевдогераклейскими» амфорами «группы Горгия—Диокла»¹⁵³. Резко уменьшается импорт посуды¹⁵⁴, импортных перстней и колец¹⁵⁵. Сокращение объемов боспоро-меотской торговли могло быть связано с утверждением в конце IV в. до н.э. в степях правобережья Кубани сираков, подчинивших после победы их союзника Евмела в войне 310—309 гг. до н.э. население правобережных меотских городищ¹⁵⁶. Меотская знать, которая, очевидно, контролировала торговые операции, была уничтожена или укрылась в отдаленных уголках Закубанья, где известны элитные захоронения конца IV — начала III в. до н.э. (Курганы Курджипс, Золотая горка и др.¹⁵⁷). Можно предполагать, что эти события отрицательно сказались на поступлении меотского зерна на Боспор, что, вероятно, в значительной мере отразилось на экспортном потенциале Боспорского государства¹⁵⁸. Последнее письменное свидетельство о поступлении боспорского зерна в Афины относится к 288 г. до н.э., что, по мнению исследователей, связано с закатом боспоро-афинской хлебной торговли¹⁵⁹.

Сокращение поставок зерна могло быть связано с демографической причиной — увеличением численности оседлого населения в Прикубанье¹⁶⁰, что привело к возрастанию внутренних потребностей в зерне. Стремление осуществлять контроль над Прикубаньем послужило причиной военного столкновения Боспора и сиракского союза в конце IV — начале III в. до н.э.¹⁶¹

Рис. 13. Амфора (Кос). Вторая половина IV — начало III в. до н.э. (м-к Лебеди III)

Рис. 14. Амфора (Книд). Первая четверть III в. до н.э. (м-к Лебеди III)

Рис. 15. Амфора (Родос). Вторая половина II в. н.э. (Нововочепшийский м-к)

Победа осталась, по всей видимости, за сираками. Тем не менее реализация меотского зерна, минуя Боспор, была невозможной. Не случайно Елизаветинское поселение боспорян, как результат компромисса между двумя враждующими сторонами, продолжало существовать до конца II в. до н.э. Преобладание монет Фанагории среди монет II в. до н.э. на Елизаветинском городище подтверждают ведущую роль Фанагории (Strabo. XI. 2. 10) в торгово-экономических взаимоотношениях с Прикубаньем. Очевидно, в этот период в сфере влияния Боспора оказались значительные пространства в Закубанье (по крайней мере, до Краснобатареиного городища) и предгорья к юго-востоку от азиатских владений Боспора (до Раевского городища). Помимо естественных ресурсов (строевой древесины, рыбы) эти территории имели стратегическое значение: речная система Закубанья позволила сохранить связи с удаленными областями этого региона, постепенно восстановить систему торгово-обменных отношений.

О явной стабилизации ситуации свидетельствует появление первых крупных партий родосского вина в третьей четверти III в. до н.э. Судя по распространению амфорного импорта, известного по памятникам Кирпильской, Краснодарской (наибольшее количество находок амфор) и Усть-Лабинской групп, а также по некоторым памятникам Закубанья система торгово-обменных отношений в этот период была в значительной мере восстановлена. Как и в других регионах Северного Причерноморья, в Прикубанье пользовалась спросом продукция Родоса, поставлявшего вино со второй четверти III — до начала I в. до н.э. По-прежнему прикубанский регион занимал особое положение в экономической системе северопричерноморского региона. Об этом, в частности, свидетельствует поступление во второй — четвертой четверти II в. до н.э. продукции чрезвычайно редкого для других причерноморских регионов¹⁶² некоего ионийского (?)¹⁶³ центра. Наряду с Родосом он стал своеобразным лидером в экспортных поставках в Прикубанье продукции в амфорах. Существенно уступала им экспортная квота Синопы, Коса, Книда, а также ряда других пока неизвестных, южнопонтийских и восточносредиземноморских центров¹⁶⁴ (рис. 15, 16).

Рис. 16. Боспор и Прикубанье в III—II вв. до н.э.

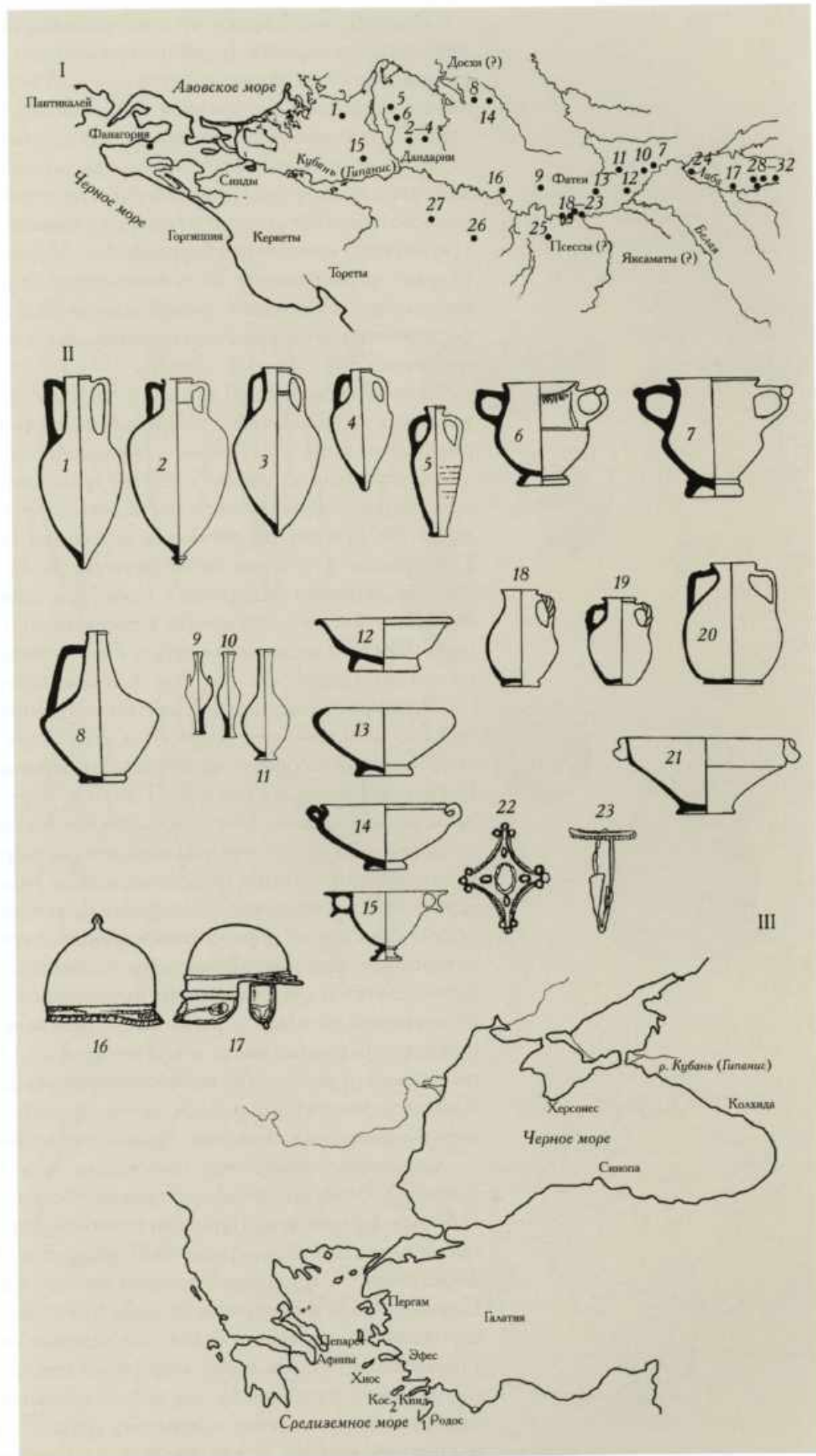
I — распространение предметов античного импорта в Прикубанье:

- 1 — г-ще III и м-к (грунт.) у ст. Ново-Джерелиевской,
- 2 — Калининский I м-к,
- 3 — Поповичский м-к,
- 4 — м-к (курганы) у хут. Бойко-Понура,
- 5 — м-ки (курганы) Греки II, IV, V,
- 6 — м-ки (курганы) Малан I—III,
- 7 — м-к (курганы) у хут. Пролетарский,
- 8 — м-к (курганы) у ст. Роговская,
- 9 — м-к (курганы) у ст. Динская,
- 10 — м-к (курганы) у хут. Верхний,
- 11 — м-к (курганы) ст. Раздольная,
- 12 — м-к (курганы) у хут. Северный,
- 13 — м-к (курганы) у ст. Пластуновская,
- 14 — м-к (курганы) у ст. Брюховецкая,
- 15 — м-к (курганы) хут. Элитный,
- 16 — Марьевский курган,
- 17 — м-к (грунт.) г-ща Спорное,
- 18 — м-к (грунт.) у ст. Елизаветинская,
- 19 — г-ще VI и м-к (грунт.) у ст. Пашковская,
- 20 — г-ще II и м-ки (грунт.) у хут. Ленина,
- 21 — г-ще II и м-к (грунт.) у ст. Старокорсунская,
- 22 — м-к III (грунт.) у ст. Воронежская,
- 23 — м-к (грунт.) у ст. Ладожская,
- 24 — м-к II (грунт.) у ст. Усть-Лабинская,
- 25 — м-к (грунт.) у аула Нововочепший,
- 26 — хут. Северский (курган),
- 27 — м-к (курганы) Карстовый,
- 28 — м-к (курганы) у хут. Бураковского,
- 29 — м-к (курганы) у ст. Новокорсунская, 30 — курган у с. Мерджаны, 31 — м-к (курганы) у ст. Бесленевская, 32 — м-к (курганы) на участке Зиссерманов;

II — ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье:

- 1 — амфора (Родос);
- 2 — амфора (Кос); 3 — амфора (Средиземноморье); 4 — амфора (Синопа); 5, 9, 10, 11 — флаконы (бальзамарии);
- 6, 7, 12, 13, 14 — малоазийская (Пергам-?) чернолаковая посуда;
- 8 — лагинос (Родос-?); 15 — канфар (стекло), 16, 17 — защитное вооружение (шлемы),
- 18, 19, 20, 21 — боспорская столовая посуда, 22—23 — фибулы.

III — античные центры-экспортеры III—II в. до н.э.

Значительный ареал распространения получила столовая посуда, в особенности боспорская (кувшины-ойнохои, столовые амфоры). В небольшом количестве сюда также поступали малоазийские чернолаковые и стеклянные литые канфары, «мегарские» чаши последней четверти II в. до н.э. ионийского¹⁶⁵, а с первой половины I в. до н.э. боспорского производства¹⁶⁶; в небольшом объеме начинается ввоз краснолаковой керамики¹⁶⁷, заметное место занимает импорт бус сирийского и египетского производства¹⁶⁸. Особым разнообразием и богатством отличается инвентарь погребальных кочевнических (сиракских) комплексов (курганы у с. Мерджаны¹⁶⁹, хут. Северский¹⁷⁰ и др.). Однако формирование этих комплексов характеризует не торгово-обменные отношения, а отражает своеобразную оплату за военное ремесло наемника, бесконечные военные столкновения, далекие рейды вплоть до малоазийских центров.

В первой половине I в. до н.э. объемы торговли снижаются до минимума, указывая на экономическую нестабильность в Причерноморье в период Митридатовых войн¹⁷¹. Помимо сокращения до минимума количества находок амфорной тары об упадке системы греко-меотской торговли свидетельствует прекращение деятельности боспорского поселения на Елизаветинском городище № 1, который оставался основным греко-«варварским» торжищем в Прикубанье в течение более двух веков. В этот период Боспор оказался в составе державы Митридата Евпатора, причем Синдика и прилегающие к ней азиатские области вместе с населением Таврики поставляли понтийскому царю 180 000 медимнов зерна и 200 талантов серебра (Strabo. VII. 4. 6)¹⁷², но это была дань, а не экспорт в рамках торгового обмена¹⁷³.

Четвертый период в развитии экономических связей датируется серединой I в. до н.э. — серединой III в. н.э. В это время причерноморский регион был вовлечен в сферу политического и экономического влияния Рима¹⁷⁴, а Боспорское государство в I—II вв. н.э. переживало период нового экономического подъема¹⁷⁵. О стабильной обстановке и экономическом подъеме в регионе свидетельствует дальнейшее расширение ареала меотской культуры и возрастание плотности поселенческих памятников в основных локальных группах. К сожалению, имеющийся археологический материал не позволяет проследить в этот период товарооборот и его механизмы. Рассказ Страбона о торговом значении Фанагории относится именно к этому периоду и свидетельствует о существовании интенсивной торговли. Весьма вероятно, что стратегический товар — зерновые — был выведен из состава объектов купли-продажи: основная масса поступающей из Прикубанья на Боспор пшеницы получалась в результате внеэкономических действий (налогов, даней и т.п.). Контроль за этим процессом, по-видимому, осуществлялся представителями меото-сарматских династий, правивших на Боспоре в римскую эпоху.

Серьезные изменения произошли и в направлениях торговых связей (рис. 17). Вино в амфорах поступало в основном из Южного Причерноморья. В большей степени из Гераклеи, возобновившей в 60-х—50-х годах I в. до н.э. после длительного перерыва свой экспорт в Причерноморье и в Прикубанье, в частности¹⁷⁶. В меньшей степени экспорт вина (и, возможно, масла) шел из Синопы¹⁷⁷. По имеющимся данным в этот период фрагменты амфор составляют очень незначительную долю от находок керамики на меотских поселениях Прикубанья¹⁷⁸, хотя ареал амфорного импорта по сравнению с эпохой эллинизма вновь расширился: он зафиксирован на территории наиболее удаленных на восток меотских локальных групп¹⁷⁹. В это же время довольно велик и римский импорт, в том числе и из западных римских провинций. Среди

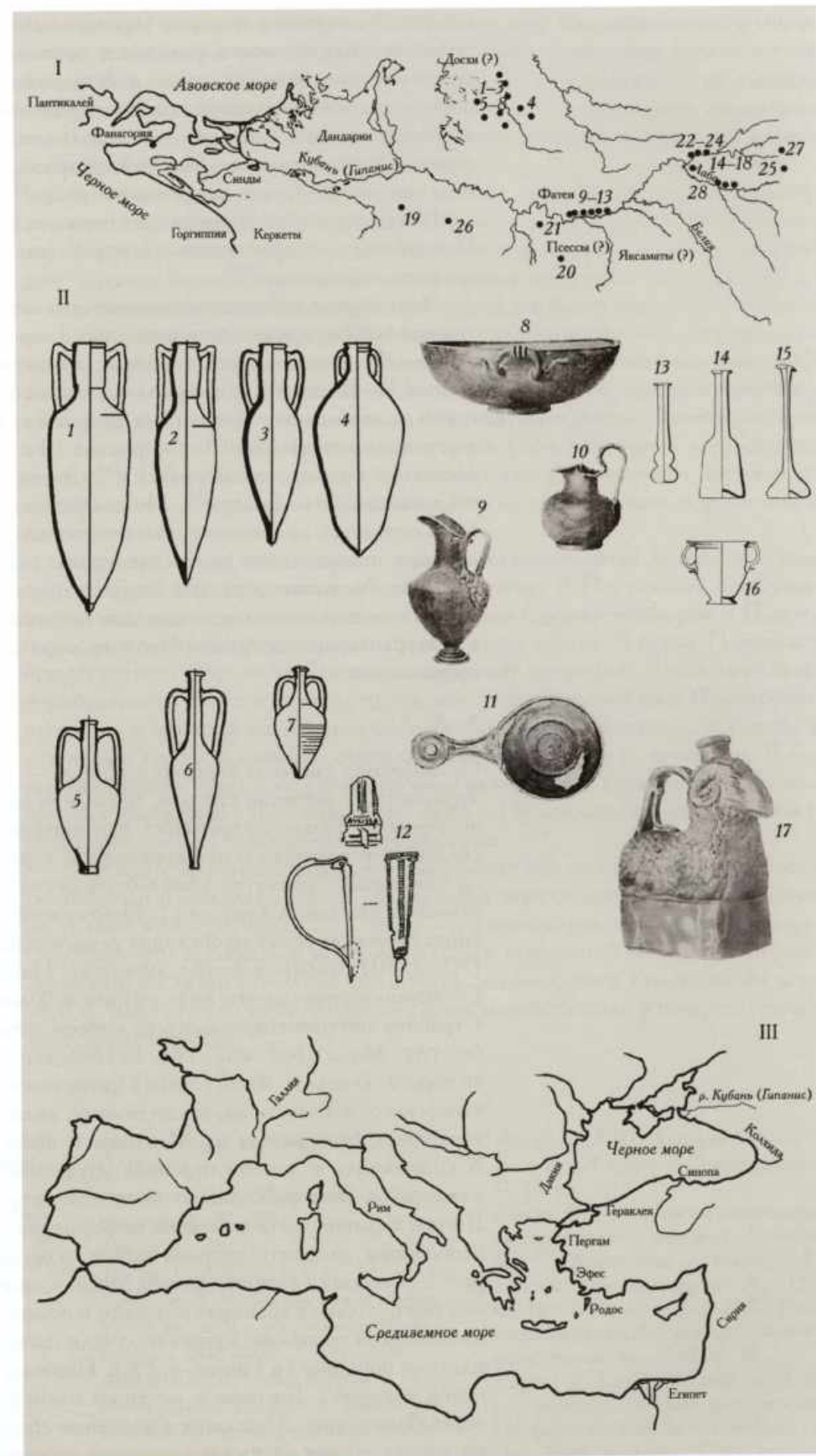

Рис. 17. Боспор и Прикубанье в I в. до н.э. — III в. н.э.
I — распространение предметов античного импорта в Прикубанье:
1 — г-ще III у ст. Ново-Джерелиевская,
2 — г-ще I у ст. Роговская,
3 — г-ще Большой Редант,
4 — г-ще Чумяной редант,
5 — г-ще Нижнее-Гнилое,
6 — г-ще Черный редант,
7 — г-ще Черниевский редант,
8 — Степное I, III г-ща,
9 — г-ще I и м-к (грунт.) у ст. Елизаветинская,
10 — Краснодарское г-ще КРЭС,
11 — г-ще VI у ст. Пашковская,
12 — г-ще II у ст. Старокорсунская,
13 — г-ще III у ст. Воронежская,
14 — м-к II (грунт.) у ст. Усть-Лабинская,
15 — ст. Воздвиженская (курган),
16 — м-к (грунт.) ст. Владимировская,
17 — Лысая гора (курган),
18 — хут. Зубовский (курган),
19 — Ястребовский м-к (курганы),
20 — м-к (курганы) у аула Шенджий,
21 — м-к (грунт.) у хут. Городской,
22 — г-ща VIII—X и м-к («Золотое кладбище») у ст. Тбилисская,
23 — г-ще VI у ст. Кавказская,
24 — г-ще I и м-к (курганы) у ст. Казанская,
25 — г-ще III у ст. Прочноокопская,
26 — г-ще Борисенков лиман,
27 — Армавир (курганы),
28 — ст. Некрасовская (курган),
29 — пос. Гирей (курган);
II — ассортимент предметов античного импорта в Прикубанье:
1 — амфора (?), 1, 2, 5—7 — амфоры (Гераклея), 3 — амфора (Синопа);
4 — амфора (Колхида),
8—11 — посуда (бронза),
12 — провинциально-римская фибула (?),
13—16 — посуда (стекло),
17 — фигурный сосуд (красный лак);
III — античные центры-экспортеры в I в. до н.э. — III в. н.э.

категорий античного импорта (помимо находок амфор) прежде всего это — краснолаковая керамика, римские и провинциально-римские фибулы, терракотовые статуэтки, стеклянные и металлические сосуды, бусы¹⁸⁰. О популярности вина свидетельствуют распространения в этот период, в особенности во второй половине I в. до н.э. — начале II в. н.э., бронзовых винных сервизов и отдельных его элементов (ковшей, цедилок, патер и кувшинов с ойнохоевидным венчиком)¹⁸¹, чаш из стекла и серебра¹⁸².

Клады римского времени на «варварских» территориях, в том числе и в Прикубанье, «скорее говорят о монете как средстве накопления, чем как о средстве обращения»¹⁸³.

Этот период развития экономических связей населения Прикубанья с античным миром завершается примерно в середине III в., однако прекращение активной греко-меотской торговли, по-видимому, произошло раньше. На рубеже II—III вв. н.э. жизнь на поселениях большинства локальных меотских групп правобережья Кубани прекращается, и это, возможно, было связано с передвижениями алан¹⁸⁴. В середине III в. н.э. исчезают поздние меотские поселения (в Ладожской группе)¹⁸⁵. В том же столетии приходит в упадок и Семибратнее городище¹⁸⁶. Не исключено, что эти явления в Прикубанье были связаны с проникновением племен готского племенного союза¹⁸⁷. Вторжения и походы готов крайне негативно сказались на состоянии экономики Боспора. Активные торговые связи Боспора с населением Прикубанья, когда меоты — основное земледельческое население этого региона — переселились в Закубанье, на побережье Черного моря и в горные районы¹⁸⁸, оказались прерванными.

* * *

Организация системы торгового обмена — проблема чрезвычайно сложная. Трудность ее решения связана, прежде всего, с чрезвычайно малым числом источников. Только со времени Спартокидов появляются первые письменные сведения, говорящие о международной торговле и ее организации. В период наивысшего развития афино-боспорской торговли для иностранцев были открыты два порта (эмпория): Пантикапей и Феодосия (см. выше). В эллинистическую эпоху происходит реорганизация торгового обмена. Страбон (XI. 2. 10) сообщает о трех эмпориях: Пантикапее, Фанагории и Танаисе. Особенно интересна его информация о Фанагории, хотя это свидетельство Страбона интерпретировалось не совсем точно. Текст (καὶ δοκεῖ τῶν μὲν ἐκ τῆς Μαίωτιδος καὶ τῆς ὑπερκειμένης βαρβάρου κατακομιζομένων ἐμπορίου εἶναι ἢ Φαναγορίας) цитируется обычно в переводе Г.А. Стратановского: «Фанагория, по-видимому, является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны». К сожалению, в данном переводе упущен важный нюанс, а именно термин «эмпорий». Эмпорий означал не просто «порт», «гавань», «торжище» и т.д. В этом термине была заложена информация о государственном институте — важнейшем элементе пограничной и особенно таможенной инфраструктуры¹⁸⁹. Эмпорий (лучший пример этого — афинский Пирей) представлял собой порт, только в границах которого и осуществлялись легальные операции с иноземными товарами: купцы получали право на их продажу и, естественно, платили пошлину (в Пирее — 2%). Поэтому можно полагать, что основной поток товаров с Боспора к местным племенам и обратно проходил именно через Фанагорию. Пошлины и портовые сборы были слишком важной статьей дохода, чтобы распылять торговые потоки. Эффективный контроль легче

было осуществлять в одном порту, чем во многих. Высказывавшееся мнение о том, что немалую роль в торговле с местными племенами играли и такие города Азиатского Боспора, как Гермонасса¹⁹⁰ и Горгиппия¹⁹¹, не выглядят убедительными. Конечно, жители этих городов не исключались из процесса торговли с «варварами». Их торговцы могли в этом участвовать, но должны были пройти через контроль в Фанагории.

На территории расселения прикубанских племен, видимо, находились эмпории, созданные боспорянами (очевидно, с согласия племенной верхушки). Торговлю контролировали не только боспорские власти, но ту же функцию должна была осуществлять и племенная верхушка, заинтересованная в получении прибыли. Вероятно, важнейший из таких эмпориев находился на Елизаветинском городище¹⁹². Можно предполагать, что функционировали и другие эмпории, хотя в целом эта проблема нуждается в дальнейшем исследовании¹⁹³. Эмпорий на Елизаветинском городище существовал с IV в. до н.э.: присутствие здесь греков подтверждается своеобразием монет, наличием типичных греческих построек (основная часть керамических черепиц в Прикубанье обнаружена именно здесь), греческим обрядом погребения (обол Харона), находками греческих светильников и форм для их изготовления¹⁹⁴.

Несмотря на недостаточность имеющегося материала можно восстановить в общих чертах механизм торгового обмена. В Пантикапее прибывают многочисленные торговые корабли из городов Средиземноморья и Причерноморья с различными товарами, прежде всего вином. В порту Пантикапее осуществляются все необходимые таможенные операции. Здесь эти товары приобретаются боспорскими купцами, которые перевозят их в Фанагорию и оттуда — в эмпории на территории местных племен. Конечно, эта схема не оставалась единообразной и, очевидно, видоизменялась со временем. В первые века нашей эры более активную роль стала играть Горгиппия: известно о наличии здесь фиаса навклеров (см. выше). Не исключено, что Горгиппия в этот период также приобрела статус эмпория.

В целом совершенно ясно, что экономические связи между Азиатским Боспором и племенным миром Прикубанья играли важную роль в истории не только этого региона, но и всего Причерноморья и Средиземноморья. Особенно это проявилось в период тесных отношений между Боспором и Афинами, когда значительная часть зерна, необходимого для Афин, была меотской. Вместе с тем экономические связи способствовали и прогрессу самого меотского общества.

¹ Подробнее см.: Брашинский И.Б. Торговля // АГСП. М., 1984. С. 174—186.

² Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI — V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 259—269.

³ Там же. С. 260. См. также: Абрамов А.П. Амфоры VI—V вв. до н.э. в Северном Причерноморье: (классификация и периодизация): Автореф.

дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 18—20.

⁴ Завойкин А.А. Периодизация торговых связей... С. 261.

⁵ Там же. С. 262.

⁶ Там же. С. 263—264.

⁷ Кутинова Т.М. Керамические клейма VI—V вв. до н.э. из раскопок Фанагории // БФ. 2005. С. 399—404.

⁸ Абрамов А.П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI—V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. С. 247—259.

⁹ Абрамов А.П. Амфоры VI—V вв. до н.э. в Северном Причерноморье. С. 18, сл.

¹⁰ Зеест И.Б. Об одной особенности экономического развития Гермонассы // Археология и культура Северного Причерноморья. Л., 1965. С. 144—148; Коровина А.К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 35.

¹¹ Dupont P. Le Pont Euxin archaïque: lac milésien ou lac nord-ionienné? Un point de vue de céramologue // Une koinè pontique: Cités grecques,

- sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. — IIIe s.p.C.) / Textes réunis par A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux, 2007. P. 29–36.
- ¹² К близким выводам пришел и С.Ю. Монахов. См.: Монахов С.Ю. Торговые связи в Причерноморье (по материалам греческой керамической тары VII–II вв. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999. С. 11.
- ¹³ Конечно, надо иметь в виду, что уже в это время сюда начали поступать и иные товары. Фиксируются находки терракотовых статуэток и матриц для их производства. Большинство стеклянных сосудов, датированных VI–V вв. до н.э. и найденных на Тамани, видимо, являются продукцией мастерских Родоса. См.: Кунина Н.Э. Стекло в древности. М.: Наука, 1999. С. 108–109.
- ¹⁴ Согласно Геродоту, персы наблюдали за кораблями, которые везли хлеб в Пелопоннес и Эгину. Подробнее см.: Bresson A. La cité marchande. Bordeaux, 2000. P. 70–73.
- ¹⁵ Первое бесспорное свидетельство о поступлении боспорского хлеба в Афины относится к 90-м годам IV в. до н.э. Оно содержится в «Трапедзнтской речи» Исократы.
- ¹⁶ Последний из них относится уже к эллинистической эпохе — к началу 284 г. до н.э. См.: Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG, II², 653) // ДГВЕ. 1996–1997: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 158–169.
- ¹⁷ Не приводя всю многочисленную литературу, укажем только на некоторые исследования, специально посвященные проблеме. См.: Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963; Маринович Л.П. Морская торговля Афин: (по данным «Корпуса речей Демосфена») // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва, 1998. Вып. VI. С. 4–30. Из более новой литературы см.: Braund D. Black Sea Grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 39–68; Moreno A. Athenian Wheat — Tsars: Black Sea Grain and Elite Culture // Ibid. P. 69–84; Idem. Feeding the Democracy: The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC. Oxford, 2007. P. 144, ff.
- ¹⁸ По словам Страбона (VII. 4. 6), боспорский правитель Левкон только через феодосийский эмпорий вывез 2 млн 100 тыс. медимнов зерна. Ценность этого свидетельства уменьшается тем обстоятельством, что нам неизвестно, какой период времени имелся в виду. Некоторые исследователи не считают цифры, приводимые Демосфеном, достоверными (см., например: Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Camb., 1988. P. 97), однако эти выводы достаточно надежно опровергаются. См.: Moreno A. Athenian Wheat — Tsars... P. 69–70.
- ¹⁹ См., например: Bresson A. La construction d'un espace d'approvisionnement: les cités égéennes et le grain de mer Noire // Une koinè pontique... P. 62.
- ²⁰ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1.
- ²¹ Braund D. Black Sea... P. 61–63.
- ²² Страбон пишет (XI. 2. 3) обо «всем прочем, что свойственно цивилизованному образу жизни».
- ²³ Максимова М.И. Краткий путь через Черное море и время освоения его греческими мореходами // МИА. 1954. № 39; Она же. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 145, сл.; Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116; Одрин А.В. Морские торговые пути в Причерноморье VII–IV вв. до н.э. // Северное Причерноморье в античное время: Сборник научных трудов: К 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002. С. 99–103.
- ²⁴ Монахов С.Ю. Торговые связи... С. 16–17.
- ²⁵ Брашинский И.Б. Торговля. С. 180.
- ²⁶ Там же. С. 182.
- ²⁷ Некоторое изменение направлений торговли, исчезновение такого яркого и насыщенного фактами источника, как афинские судебные речи, — все это привело к некоторой абстракции.
- ²⁸ О рыболовстве и поставках соленой рыбы в Средиземноморье см. в разделе «Сельское хозяйство».
- ²⁹ Особенно важны в этом контексте упоминания о рабах меотах. См.: Avram A. Some Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade before the Roman Domination: (6th–1st Centuries BC) // The Black Sea in Antiquity... P. 239–251.
- ³⁰ Монахов С.Ю. Торговые связи... С. 28–29.
- ³¹ Относительно Родоса, являвшегося крупнейшим поставщиком вина на Боспор см.: Бадалянц Ю.С. Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма: (по материалам керамической эпиграфики) // ВДИ. 1986. № 1.
- ³² Подробнее см.: Koshelenko G.A., Marinovitch L.P. Three Emporia of the Kimmerian Bosphorus // Periplus: Papers on Classical Art and Archeology Presented to Sir John Boardman / G.R. Tsetskhladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass. L., 2000. P. 171–177.
- ³³ См.: КБН 1134 — надпись фиаса навклеров из Горгишнии II в. н.э., свидетельствующая о том, что данный город имел право на международную торговлю.
- ³⁴ См.: Брашинский И.Б. Торговля. С. 184–185.
- ³⁵ Там же. С. 185.
- ³⁶ Зеест И.Б. К вопросу о внутренней торговле Кубани с Фанагорией: (по материалам остродонных амфор из раскопок Елисаветинского и Семибратного городищ) // МИА. 1951. № 19. С. 106; Она же. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 67; Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI — V в. до н.э. // ОАИБ. 1992. С. 266; Он же. Керамическая тара из Фанагории VI — III вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 19; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 116.
- ³⁷ Брашинский И.Б. Торговля. С. 183–184; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 248; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 117.
- ³⁸ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 91–92, 108, 113–114; Блаватский В.Д. О рабах-меотах // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 68–69.

- ³⁹ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 22; Каменецкий И.С. Греки и меоты // БФ. 1999. С. 236; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 105.
- ⁴⁰ Брашинский И.Б. Методы... С. 22–23; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 5–6.
- ⁴¹ Брашинский И.Б. Методы... С. 15; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. С. 5–6.
- ⁴² Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев: (каталог) // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. С. 117–118; Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 45; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 112. Городец В.А. Елизаветинское городище и сопровождающий его могильник по раскопкам 1935 года: (предварительное сообщение) // СА. 1936. № 1. С. 181; МАЭ 5338/137; Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. С. 84.
- ⁴³ Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки... С. 139–144.
- ⁴⁴ Каменецкий И.С. Греки и меоты... С. 236.
- ⁴⁵ Анфимов Н.В. Земледелие у меотосарматских племен Прикубанья // МИА. 1951. № 23. С. 148–154; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 248; Ждановский А.М., Марченко И.И. К древней истории крестьянства Северо-Западного Кавказа // Из истории Северо-Западного Кавказа: Сб. ст. Ейск, 1990. С. 17.
- ⁴⁶ Лебедева Е.Ю. Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // БС. 1994. Вып. 5. С. 108–112.
- ⁴⁷ Эрлих В.Р. Тенгинское городище II в свете бытовых памятников меотской культуры Закубанья // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения»): Тез. докл. М., 1996. С. 167.
- ⁴⁸ Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 130; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 64, 94; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 9, 181; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР. 1984 год. М., 1985. С. 124; Каменецкий И.С. От редактора // БС. 1994. Вып. 5. С. 3; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 104; Он же. Золото Кубани // Родина. 2005. № 1. С. 69; Улитин В.В. Роль Прикубанья в экономической истории античного мира // Академклуб: Исторические науки. М., 2006. Вып. 2: Античная история и классическая археология. С. 128–137.
- ⁴⁹ Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1968. С. 53, 59.
- ⁵⁰ Блаватский В.Д. О рабах-меотах. С. 68–69.
- ⁵¹ Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. С. 59; Ждановский А.М., Марченко И.И. К древней истории... С. 17; Анфимов Н.В. Меотские поселения Восточного Приазовья: (сообщение о новых материалах) // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 95–96.
- ⁵² Зерно, вино, масло и рабы: Walbank F.M. The Awful Revolution: The Decline of Roman Empire in the West. Liverpool, 1969. P. 20, 31; Finley V.I. The Ancient Economy. Berkeley; Los-Angeles, 1973. P. 33.
- ⁵³ Garlan Y. Amphores et timbres amphoriques grecs: entre érudition et idéologie // Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. NS. P., 2000. T. XXI. P. 173.
- ⁵⁴ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических импортов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 228.
- ⁵⁵ Брашинский И.Б. Методы... С. 21; Он же. Торговля. С. 184.
- ⁵⁶ Брашинский И.Б. Методы... С. 21.
- ⁵⁷ П. Дюпон приводит некоторые аргументы в пользу того, что Самос и Милет, главным вывозимым продуктом которых было оливковое масло, экспортировали (хотя и в меньшем количестве) также вино (Cook R.M., Dupont P. East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998. P. 167–168, 175, note 209). Клазомены же были не только известны в качестве производителя оливкового масла, но также знамениты своим вином (Ibid. P. 144). Что касается синопского экспорта, то ряд авторов признает существование экспорта вина из этого города, учитывая, в частности, свидетельство Ксенофонта (Anab. VI. 1. 15) (Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. С. 167; Он же. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992. С. 187; Whitbread I.K. Greek Transport Amphorae: A Petrological and Archaeological Study. Athens, 1995. P. 235; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. СПб., 2006. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли. С. 233; Garlan Y. Amphores et timbres amphoriques grecs... P. 89). Более того, если И.Б. Брашинский и М.И. Максимова писали о преимущественном вывозе в синопских амфорах масла (Брашинский И.Б. Экономические связи Синоп IV–II вв. до н.э. // Античный город. М., 1963. С. 136, 144; Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 69, 91), то Н.Ф. Федосеев считает и, надо полагать, не без оснований, что Синоп экспортировала большей частью не масло, а вино (Федосеев Н.Ф. Торговая экспансия Синоп // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Старочеркасская; Ростов н/Д., 1990. С. 15). Это могло бы объяснить и частые находки синопских амфор в меотских грунтовых могильниках Прикубанья, поскольку трудно себе представить столь широкое употребление оливкового масла меотами.
- ⁵⁸ Каменецкий И.С. Греки и меоты. С. 236.
- ⁵⁹ Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 113; Каменецкий И.С. Греки и меоты. С. 237.
- ⁶⁰ Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция... С. 45.
- ⁶¹ Килик середины VI в.: Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987. Кат. № 108; Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М., 2005. С. 60, 76, рис. 203, 1; ионийские

- сосуды: *Каменеукий И.С.* Меоты и другие племена... С. 230.
- ⁶² *Гей А.Н., Каменеукий И.С.* Северо-Кавказская экспедиция... С. 44; *Каменеукий И.С.* Меоты и другие племена... С. 237; Меоты Закубанья... С. 76; *Мальшев А.А.* Боспор и Прикубанье... С. 109.
- ⁶³ Коринфские леканы второй четверти IV в. до н.э. ... С. 109. Кат. № 115.
- ⁶⁴ *Каменеукий И.С.* Меоты и другие племена... С. 237; *Гей А.Н., Каменеукий И.С.* Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИИМК. 1986. Вып. 188. С. 44; *Мальшев А.А.* Боспор и Прикубанье... С. 114; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника из Прикубанья // БФ. 2001. С. 154–156; *Они же.* О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н.э.: (по материалам Прикубанского могильника) // БФ. 2002. Ч. 2. С. 175.
- ⁶⁵ *Шилов В.П.* Новые данные о Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. № 23. С. 243.
- ⁶⁶ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология... С. 226–227.
- ⁶⁷ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000. С. 11–12.
- ⁶⁸ *Анфимов Н.В.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 154; *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д1-27. С. 14, 76–77; *Шевченко Н.Ф.* Краснолаковая и рельефная штампованная керамика из материалов раскопок кирпичных городищ // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и доклады. Краснодар, 2005. С. 297–300; *Анфимов И.Н.* Меотский могильник I–II вв. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1989. С. 89.
- ⁶⁹ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 55–57.
- ⁷⁰ *Гей А.Н., Каменеукий И.С.* Северо-Кавказская экспедиция... С. 45; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Импортная и местная керамика... С. 156–158.
- ⁷¹ *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 84.
- ⁷² Там же. С. 90, 160.
- ⁷³ *Гей А.Н., Каменеукий И.С.* Северо-Кавказская экспедиция... С. 44; *Мальшев А.А.* Боспор и Прикубанье... С. 112; *Каменеукий И.С.* У границ азиатского Боспора // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 7; Меоты Закубанья... С. 76.
- ⁷⁴ *Мальшев А.А.* Боспор и Прикубанье... С. 106, 112, 114.
- ⁷⁵ *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... С. 88–90.
- ⁷⁶ *Марченко И.И.* Сираки Кубани. С. 41–44.
- ⁷⁷ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. 2003. Вып. 3. С. 117–118.
- ⁷⁸ Там же. С. 106.
- ⁷⁹ Там же. С. 117.
- ⁸⁰ *Галанина Л.К.* «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997. С. 233 (Кат. № 96, 98, 99).
- ⁸¹ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 61–62, 65.
- ⁸² *Кондратьев И.И.* Стекланные бусы из погребений Прикубанья // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 99–100; *Он же.* Происхождение стекланных бус Прикубанья // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 33.
- ⁸³ *Анфимов И.Н.* Меотский могильник I–II вв. ... С. 95.
- ⁸⁴ *Кононов В.Ю.* Типология и хронология перстней и колец из меотских и сарматских памятников Кубани // МИАК. 2006. Вып. 6. С. 129–130.
- ⁸⁵ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология... С. 250, 252, 264; *Мальшев А.А.* Античный импорт на Северном Кавказе (по материалам Прикубанья VI–I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 3; *Он же.* Боспор и Прикубанье... С. 112.
- ⁸⁶ *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. С. 26; *Он же.* Фибулы // Античные государства... С. 241; *Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 58; *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... С. 33.
- ⁸⁷ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 229–230.
- ⁸⁸ Там же. С. 222.
- ⁸⁹ *Брашинский И.Б.* Торговля. С. 177.
- ⁹⁰ *Мальшев А.А.* О внутрибоспорской колонизации на Северо-Западном Кавказе // XXIV «Крупновские чтения». Нальчик: Тез. докл. 2006. С. 134; *Он же.* Золото Кубани. С. 73.
- ⁹¹ *Кожин П.М.* Колесный транспорт Кавказа // Народы Кавказа. М., 1995. Кн. 4: Материальная культура: Пища и жилище. С. 247, 257. В период генуэзского господства в Северном Причерноморье, во второй половине XIII–XV вв., существовал сухопутный торговый путь из Анапы (Мапы) в Центральное Предкавказье. См.: *Фелицын Е.Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899.V. С. 24.
- ⁹² *Брашинский И.Б.* Торговля. С. 177.
- ⁹³ *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э.: (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 12–13; *Он же.* Торговые связи меотских племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по материалам керамической тары) // Человек. Сообщество. Управление. Приложение 2006: Актуальные проблемы исторической науки. Краснодар, 2006. С. 116.
- ⁹⁴ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I. С. 212.
- ⁹⁵ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 51–52, табл. 32, I; *Копылов В.П.* Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья: (вопросы хронологии и политической истории) // ВДИ. 2003. № 1. С. 136; *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 12; *Он же.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 116.
- ⁹⁶ Исследователь также связывает с этим поселением находки на Северном

- Кавказе расписной керамики первой половины VI в. до н.э.: *Копылов В.П. Скифы...* С. 136, 139.
- ⁹⁷ *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971. С. 51.
- ⁹⁸ *Шедевры...* С. 108. Кат. № 108; *Копылов В.П. Скифы...* С. 139.
- ⁹⁹ *Беглова Е.А.* Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // *Меоты — предки адыгов.* Майкоп, 1989. С. 150; *Меоты Закубанья...* С. 5–6.
- ¹⁰⁰ *Улитин В.В.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 116; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 33–38, 41–43.
- ¹⁰¹ *Кузнецов В.Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья // *КСИА.* 1992. Вып. 204. С. 31–37; *Завойкин А.А.* Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III в. до н.э. // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Москва; Магнитогорск, 2004. Вып. XIV. С. 59.
- ¹⁰² *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 12.
- ¹⁰³ *Ждановский А.М., Марченко И.И.* К древней истории... С. 16; *Они же.* Проблемы периодизации и хронологии раннего железного века Прикубанья // *Археология и этнография Северного Кавказа: Сб. научных трудов.* Краснодар, 1998. С. 17.
- ¹⁰⁴ *Скржинская М.В.* Граждане Боспора и Ольвии на Панафинейских празднествах // VII чтения памяти проф. В.Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 103; *Малышев А.А.* Золото Кубани. С. 70, 72. Существует версия о проникновении этих изделий в результате торгово-обменных операций: *Ксенофонтowa И.В.* Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // *РА.* 2000. № 4. С. 185; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 126.
- ¹⁰⁵ *Малышев А.А.* Боспор и Прикубанья... С. 106; *Шедевры...* С. 46.
- ¹⁰⁶ *Герцигер Д.С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // *Памятники античного прикладного искусства.* Л., 1973. С. 72–98; *Малышев А.А.* Боспор и Прикубанья... С. 106.
- ¹⁰⁷ *Малышев А.А.* Боспор и Прикубанья... С. 106.
- ¹⁰⁸ *Малышев А.А.* Античный импорт на Северном Кавказе: (по материалам Прикубанья VI–I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 4, 7; *Он же.* Античный импорт VI–IV вв. до н.э. в Закубанье: По материалам раскопок Тенгинского II городища // *Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа...* С. 110; *Он же.* Боспор и Прикубанья... С. 105–106; *Копылов В.П.* Ранний этап греко-варварских связей на Северном Кавказе (VII — первая половина VI в. до н.э.) // *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докл. межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.).* Ставрополь, 2001. С. 40; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 51–52, 63, 71; *Пьянков А.В.* Комплекс кургана 7 могильника Циплиевский кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по материалам XI Международной научной конференции.* Ростов н/Д., 2006. С. 27; *Меоты Закубанья...* Рис. 215, 3; *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 13; *Он же.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 117.
- ¹⁰⁹ *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 14–20, 51.
- ¹¹⁰ *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 13; *Он же.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 117.
- ¹¹¹ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы... С. 153.
- ¹¹² *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 20.
- ¹¹³ *Малышев А.А.* Боспор и Прикубанья... С. 109; *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 15; *Он же.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 117.
- ¹¹⁴ *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт... С. 21.
- ¹¹⁵ *Ломтадзе Г.А.* Античный импорт на Боспоре в IV — начале III в. до н.э.: (опыт количественного анализа по материалам керамической тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 18.
- ¹¹⁶ КБН 6, 6а, 8, 9, 10, 11, 25, 971, 972, 1015, 1037, 1038, 1039, 1040, 1042.
- ¹¹⁷ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 62; *Анфимов Н.В.* Меоты и их взаимоотношения... С. 130.
- ¹¹⁸ *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 17, 20; *Он же.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 118.
- ¹¹⁹ *Малышев А.А.* Античный импорт на Северном Кавказе... С. 264.
- ¹²⁰ *Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // *РА.* 2000. № 1. С. 115.
- ¹²¹ *Маринович Л.П.* Морская торговля Афин: (по данным «Корпуса речей Демосфена») // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Москва; Магнитогорск, 1998. Вып. VI. С. 5.
- ¹²² *Улитин В.В.* Роль Прикубанья... С. 131–133.
- ¹²³ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы... С. 248, 316.
- ¹²⁴ *Ломтадзе Г.А.* Античный импорт... С. 16.
- ¹²⁵ *Брашинский И.Б.* Торговля. С. 180; *Антонов В.В.* Полисы Эгеиды, Северное Причерноморье и возрождение Афинской морской державы в IV в. до н.э. // *Проблемы антиковедения и медиевистики.* Н. Новгород, 2006. Вып. 2. С. 47, 49. В свою очередь И. Гарлан, вероятно, справедливо призывает осторожнее относиться к идее о роли афинских купцов как посредников в экспорте мендеевского и фасосского вина и не делать далеко идущих выводов на основании одного единственного свидетельства — речи «Против Лакрита» (*Carlan Y. Amphores et timbres...* P. 188).
- ¹²⁶ Самос с 366 по 322 г. был афинским владением, заселенным афинскими колонистами: *Касаткина Н.А.* Афинское поселение на Самосе в IV в. до н.э. // *Боспор и античный мир.* Нижний Новгород, 1997. С. 150–154; *Улитин В.В.* Торговые связи племен Прикубанья... С. 144.
- ¹²⁷ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 29.
- ¹²⁸ Там же. С. 17; *Монахов С.Ю.* Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 117–118.
- ¹²⁹ *Малышев А.А.* Боспор и Прикубанья... С. 112.
- ¹³⁰ Долгое время исследователи считали такие амфоры боспорскими или херсонесскими: *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э.: Опыт системного анализа. Саратов, 1989. С. 43–44.

- ¹³¹ Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья... С. 17; Он же. Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 118.
- ¹³² Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья... С. 17.
- ¹³³ Кац В.И. Амфоры Колхиды: миф и реальность // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д., 2001. С. 52–53.
- ¹³⁴ Брашинский И.Б. Торговля. С. 180, 182; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы... С. 425–426.
- ¹³⁵ Завойкин А.А. Краткий очерк... С. 68.
- ¹³⁶ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 237; Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция. С. 44–45; Малышев А.А. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. М., 1992. С. 49–56; Он же. Боспор и Прикубанье... С. 108–115; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Импортная и местная керамика... С. 153–160; Они же. О назначении некоторых предметов... С. 175; Они же. Хронология... С. 220–221, 250, 252, 264; Меоты Закубанья... С. 76.
- ¹³⁷ Кононов В.Ю. Типология и хронология... С. 130.
- ¹³⁸ Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 172–173; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология... С. 245, 249–252, 257, 261–262.
- ¹³⁹ Шедевры... С. 46; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 109–115; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды... С. 106.
- ¹⁴⁰ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 65.
- ¹⁴¹ Вахтина М.Ю. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 297–399.
- ¹⁴² Трейстер М.Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха: (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э. // БФ. 2002. Ч. 2. С. 183–184.
- ¹⁴³ Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // БФ. 2005. С. 269.
- ¹⁴⁴ Брашинский И.Б. Торговля. С. 183.
- ¹⁴⁵ Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 1988. № 4; Анфимов И.Н. Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья (станция Старонижестеблиевская) // ВДИ. 1991. № 1; Аптекарев А.З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 64; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 115; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад золотых боспорских статеров II в. н.э. с Краснобатареинного городища // ВДИ. 2000. № 4; Они же. Клад золотых боспорских статеров II–III в. н.э. из станицы Казанской // ВДИ. 2000. № 4.
- ¹⁴⁶ Аптекарев А.З. К вопросу... С. 64.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 65; Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 104.
- ¹⁴⁸ Анфимов Н.В. Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 161; Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе... С. 10; Он же. Боспор и Прикубанье... С. 104, 112–115.
- ¹⁴⁹ Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 109, 112.
- ¹⁵⁰ Марченко И.И. Новые находки родосских амфор в Прикубанье // Древности Кубани. Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 18–19; Он же. Сираки Кубани. С. 120; Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе... С. 278; Он же. Боспор и Прикубанье... С. 115; Улитин В.В. Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 119.
- ¹⁵¹ Брашинский И.Б. Торговля. С. 184; Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 289–290.
- ¹⁵² Улитин В.В. Амфорный импорт в Усть-Лабинской меотской группе памятников: (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и доклады. Краснодар, 2005. С. 276.
- ¹⁵³ Monachov S.J. «Pseudo-Heracleian» Amphoras of the 4th – the First Quarter of the 3rd Centuries B.C. from the Polises of Southern Black-Sea Region // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Trabzon, 2006.
- ¹⁵⁴ Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 115.
- ¹⁵⁵ Кононов В.Ю. Типология и хронология... С. 130.
- ¹⁵⁶ Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен: (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в средние века. Ростов н/Д., 1990. С. 44; Марченко И.И. Сираки Кубани: (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 118; Виноградов Ю.А. Усобицы сыновей боспорского царя Перисада I // МИАК. 2003. Вып. 3. С. 89.
- ¹⁵⁷ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980; Лунин Б.В. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 210–223; Он же. Серебряная чаша и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д., 1940. Вып. II.
- ¹⁵⁸ Улитин В.В. Роль Прикубанья... С. 135–136.
- ¹⁵⁹ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор... С. 117.
- ¹⁶⁰ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... Карта.
- ¹⁶¹ Ждановский А.М. К истории... С. 39; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 119.
- ¹⁶² Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы... С. 557; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология... С. 226, 228–229; Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья... С. 19–20; Он же. Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 119–120.
- ¹⁶³ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы... С. 557.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 540, 547–550, 557; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 150–155; Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами... С. 173; Лимберис Н.Ю..

- Марченко И.И. Хронология... С. 223–230; Улитин В.В. Амфоры Пашковского могильника № 6 // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 158, 160–161; Он же. Торговые связи племен Прикубанья... С. 19–20; 119.
- ¹⁶⁵ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. «Мегарские» чаши... С. 11–12; Они же. Хронология... С. 227–228.
- ¹⁶⁶ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. «Мегарские» чаши...; Они же. Хронология... С. 227–229; Шевченко Н.Ф. Краснолаковая и рельефная штампованная керамика... С. 298–300.
- ¹⁶⁷ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия... С. 76; Шевченко Н.Ф. Краснолаковая и рельефная штампованная керамика... С. 297–299. В отличие от меотских памятников Донской группы ее в целом очень мало в Прикубанье: Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 241; Он же. Греки и меоты. С. 237.
- ¹⁶⁸ Кондратьев И.И. Стекланные бусы из погребений Прикубанья. С. 99–100; Он же. Происхождение стекланных бус Прикубанья. С. 33.
- ¹⁶⁹ ОАК за 1877 г. С. XXV.
- ¹⁷⁰ Смирнов К.Ф. Северский курган // Труды ГИМ. 1953. Вып. XI.
- ¹⁷¹ Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе... С. 13; Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья... С. 20; Он же. Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 120.
- ¹⁷² Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 150; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 48.
- ¹⁷³ Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе... С. 13; Улитин В.В. Торговые связи меотских племен Прикубанья... С. 120.
- ¹⁷⁴ Брашинский И.Б. Торговля. С. 182; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. М., 2003. Ч. 1: Морфология. С. 10.
- ¹⁷⁵ Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 220, 231.
- ¹⁷⁶ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия... С. 43–44; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. 1. Прил. I. № 53, 84, 100, 108, 201. С. 223, 227; Он же. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. 2. С. 177–179.
- ¹⁷⁷ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. С. 114; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. 2. С. 186.
- ¹⁷⁸ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 241, 245–246.
- ¹⁷⁹ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия... С. 43–44; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 246.
- ¹⁸⁰ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия... С. 76–77, 85, 88–90; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 245, 248; Шевченко Н.Ф. Краснолаковая и рельефная штампованная керамика... С. 298–300; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды... С. 108–118; Они же. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья. С. 221–230; Кондратьев И.И. Стекланные бусы из погребений Прикубанья. С. 99–100; Он же. Происхождение стекланных бус Прикубанья. С. 33.
- ¹⁸¹ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия... Рис. 6–12; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Бронзовые ковши и палеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber Archaeologicae: Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону. С. 51–77.
- ¹⁸² Кропоткин В.В. Римские импортные изделия... Рис. 16, 18.
- ¹⁸³ Брашинский И.Б. Торговля. С. 184.
- ¹⁸⁴ Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 76–77.
- ¹⁸⁵ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 240.
- ¹⁸⁶ Анфимов Н.В. Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. № VII. С. 263; Долгоруков В.С. Семибратнее городище // Античные государства Северного Причерноморья. С. 88.
- ¹⁸⁷ Марченко И.И. На заре цивилизации // История Кубани с древнейших времен до конца XX в. Краснодар, 2004. С. 36.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 36; Пьянков А.В. Кубань в эпоху средневековья // История Кубани с древнейших времен... С. 46.
- ¹⁸⁹ Etienne R. L'emporion chez Strabon // L'Emporion / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. P., 1993. P. 23–34; Rouillard P. L'emporion chez Strabon // L'Emporion. P. 35–46; Koshelenko G.A., Marinovitch L.P. Three Emporia of the Kimmerian Bosphorus // Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology Presented to Sir John Boardman / Ed. G.R. Tsatskheladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass. L., 2000. P. 171–177.
- ¹⁹⁰ Брашинский И.Б. Торговля. С. 178, 184.
- ¹⁹¹ Там же. С. 184; Ждановский А.М., Марченко И.И. К древней истории... С. 18.
- ¹⁹² Городцов В.А. Елизаветинское городище... С. 173; Шилов В.П. Новые данные о Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. С. 235–242; Зеест И.Б. К вопросу... С. 106–118; Брашинский И.Б. Торговля. 178, 183; Ждановский А.М., Марченко И.И. К древней истории... С. 18; Анфимов Н.В. Денежное обращение на Елизаветинском городище... С. 157–164; Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе. С. 206–207; Он же. Боспор и Прикубанье... С. 107, 116.
- ¹⁹³ К числу таких эмпориев относят иногда Лабрис, т.е. Семибратнее городи (Горончаровский В.А. Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) 2001–2005 гг. // Первая абхазская международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006. С. 155–156), что кажется весьма сомнительным. Возможно, эмпорий существовал в окрестностях Славянска-на-Кубани (Малышев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 116). Также предполагается наличие эмпория на Краснобатареинном городище и на городище Борисенков лиман (Каменецкий И.С. У границ Азиатского Боспора; Малышев А.А., Новичихин А.М., Гольева А.А. Новое в изучении периферийных районов Азиатского Боспора // КСИА. М., 2008. Вып. 222. С. 62–76).
- ¹⁹⁴ Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе... С. 7, 10–11.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

М. Г. АБРАМЗОН, Н. А. ФРОЛОВА

Античные монеты, найденные в Фанагории, Патрее, Кепах, «Тирамбе», Гермонассе, Горгии, на Ильичевском, Фанталовском, Краснобатареинном, Семибратнем городищах и многочисленных сельских поселениях на азиатской стороне Боспора, а также на ряде меотских поселений и некрополей Прикубанья, являются бесценным источником информации, освещающим не только историю денежного обращения Боспорского царства, но и многие стороны его политической, экономической и культурной жизни. Систематизация монетных находок имеет принципиально важное значение для решения различных вопросов истории Боспорского государства. Так, клады позволяют восстановить хронологию монетных выпусков на Боспоре и представить «живую картину» денежного обращения в регионе в античную эпоху¹. Иноземные монеты, найденные при раскопках городов Азиатского Боспора и в кладах, свидетельствуют о торговых и политических контактах Боспора с рядом греческих государств — Кизиком, Самосом и другими центрами Ионии, Афинами, а позднее — с Македонией, Византием, Родосом, Диоскуриадой, Ольвией, Херсонесом, Тирой, Парфией, Римом.

В условиях Боспора, где полисы были экономически и политически тесно связаны с местными племенами, особую роль играло свойство денежных отношений разрушать патриархальные формы быта, натуральное хозяйство, общинные связи. Развитие денежных отношений вело к расширению обмена. Изучение монетной системы, хронологии монетных выпусков, ареала распространения боспорской монеты, обращения на Боспоре иноземной монеты позволяет расширить представление об общих процессах экономического развития Боспорского государства и всего Северного Причерноморья в античную эпоху².

Кроме того, точная топография находок боспорских монет не только маркирует сферу их обращения, но и позволяет уточнить территорию Боспорского царства на определенных исторических этапах. Эти сведения имеют большое значение: так, например, клады рубежа IV и III вв. до н.э., найденные на территории Западного Прикубанья и Восточного Приазовья (Красноармейский и Славянский районы Краснодарского края), позволяют по-новому осветить вопросы обращения пантикапейской медной монеты на меотских городищах и определения границ собственно территории Боспорского царства в этот период. В середине XX в. был известен только один такой клад³, что привело исследователей к выводу о том, что Приазовье и Прикубанье (кроме городищ Нижнего Прикубанья) не входило непосредственно в состав Боспорского государства⁴. Между тем находки кладов монет в районе пос. Кубрисострой⁵, в ст. Староджерелиевской (1960-е годы), у хут. Беликова (1972)⁶, в Славянске-на-Кубани (1985)⁷ и ст. Старонижестеблиевской (1986)⁸ позволяют считать, что в IV—III вв. до н.э. Западное Прикубанье не только находилось в сфере экономического влияния Боспора, но и входило в состав Боспорского царства.

Изучение состава монетных кладов (особенно римской эпохи) позволяет откорректировать даты правления ряда боспорских царей и реконструировать политические события на Боспоре. Наконец, клады дают возможность установить дату прекращения самой боспорской чеканки. Монетные находки римского времени из раскопок городов азиатской стороны Боспора и их некрополей позволяют судить о составе денежного обращения в полисах Боспора, о реальном присутствии в денежной массе середины I—II вв. н.э. монет из драгоценных металлов — боспорских статеров и римских денариев. Коли-

чество монет, найденных при раскопках боспорских городов и их некрополей, свидетельствует об интенсивности чеканки того или иного правителя⁹.

Монеты из случайных находок, из раскопок античных памятников, а также клады, найденные на Таманском полуострове и в других частях Азиатского Боспора, привлекают к себе внимание исследователей уже более 150 лет, однако только в 1930–1980-е годы были опубликованы нумизматические материалы из раскопок Фанагории¹⁰, Горгиппии¹¹, Патрея¹², Гермонассы¹³, Кеп¹⁴. Важную работу по публикации находок из раскопок городищ и некрополей начал еще А.Н. Зограф¹⁵. Ее продолжили Л.П. Харко, Д.Б. Шелов, К.В. Голенко, Ю.С. Крушкол, И.Н. Анфимов и многие другие исследователи. К настоящему времени накоплен огромный археологический материал, требующий обобщения, систематизации и анализа. Данная задача была частично решена в специальной работе Н.А. Фроловой, в которой впервые было рассмотрено денежное обращение Боспора в I до н.э. – 238 г. н.э.¹⁶ Однако еще Д.Б. Шелов указывал на то, что совершенно не собраны сведения по топографии находок боспорских монет (за исключением Кавказа)¹⁷. Между тем, не имея в своем распоряжении всей базы данных, невозможно в полной мере представить ни один из периодов истории монетного дела Боспора.

Первые сведения об отдельных монетах и кладах, найденных в азиатской части Боспорского государства, публиковались еще в середине XIX в. в «Древностях Боспора Киммерийского», «Прописях» и т.д. или поступали в виде рапортов в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) и архив Эрмитажа. В это время стали активно проводиться археологические изыскания на Таманском полуострове, прежде всего в Фанагории. По сводке монетных находок, составленной Крушкол¹⁸, в XIX в. и первой трети XX в. в Фанагории и ее округе было найдено много монет: в 1868 и 1879 гг. – при раскопках В.Г. Тизенгаузена¹⁹; в 1870 и 1872 гг. – при раскопках А.Е. Люценко (несколько десятков)²⁰; в 1870 г. – при разведках И.Е. Забелина (200 медных монет); в 1871 г. – при его раскопках (120 монет). Особого внимания заслуживает находка А.Е. Люценко золотого статера Лисимаха (323–382 гг. до н.э.) в каменной гробнице на Комендантской горе в районе Фанагорийского городища. Довольно большой материал происходит из раскопок в Фанагории К.К. Герца, поступивший в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Большую коллекцию монет собрал на Фанагорийском городище в 1927–1938 гг. Харко при разведках на Таманском полуострове. С началом в 1936 г. научных археологических работ в Фанагории, изучение нумизматического материала с этого городища и его окрестностей стало систематическим.

В 1882 г. во время археологических раскопок в Горгиппии Тизенгаузен нашел клад пантикапейских монет III в. до н.э. и передал его в ИАК, откуда он поступил в Эрмитаж²¹. В начале XX в. в окрестностях Туапсе был найден клад золотых статеров лисимаховского типа, половина которого также поступила в Государственный Эрмитаж²².

Появление первой информации о кладах, найденных на юге России, связано, прежде всего, с именами А.Б. Ашика, К.К. Герца, Г.И. Спасского, П.О. Бурачкова. Начиная с 30-х годов XIX в., на Таманском полуострове было обнаружено немало кладов золотых античных (главным образом боспорских) монет. Большинство отдельных монет и кладов, обнаруженных в XIX и в начале XX в., разошлось по рукам. Например, были расхищены клад кизикинов и пантикапейских статеров, найденный на Тамани в середине XIX в.²³, Таманский клад пантикапейского золота (1844 г.)²⁴, Пуленцовский клад (1845 г.)²⁵ и многие другие. Однако часть монет из распроданных кла-

дов в конце концов, все же осела в музейных собраниях ГЭ, ГИМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, ОГАМ и др. Так, в ГЭ и ОГАМ попали кизикины (табл. VI, 5–7) и пантикапейские статеры из Пуленцовского клада. Отдельные монеты пополнили коллекции кн. М.С. Воронцова, гр. Л.А. Перовского, кн. В.В. Кочубея, кн. А.А. Сибирского, гр. А.С. Уварова, кн. Н.П. Румянцова, великого кн. Александра Михайловича и др., а затем перешли в собрания перечисленных музеев. В знаменитую коллекцию гр. Перовского поступило около 100 экземпляров золотых статеров боспорских царей I–II вв. из клада, найденного в окрестностях Анапы в 1852 г. Позднее эти монеты попали в Эрмитаж²⁶. По сведениям Е.Е. Люценко, даже Джузеппе Гарибальди приобретал боспорские монеты из кладов: в его владение предположительно поступили двойные денарии Савромата II с изображением подвигов Геракла из клада, найденного в ст. Титоровка (Темрюкский район) в 1834 г.²⁷

Некоторые наиболее ценные экземпляры античных монет, найденных в XIX в. на Тамани и в окрестностях Анапы, приобретались Е.Е. Люценко и директорами Керченского музея А.Е. Люценко и В.В. Шкорпиллом у керченских торговцев антиквариатом. Например, уникальный клад боспорских золотых статеров и серебряных монет Полемона I и Цезаря, обнаруженный на Фанталовском полуострове в том же году, был полностью приобретен Е.Е. Люценко, который распорядился с ним следующим образом: «Из этих монет хризус царя Асандра с годом НК (28) и 1 драхма Полемона поступили к графу С.Г. Строганову; принесены в дар: 2 Полемона Импер. Эрмитажу, 1 Одесскому обществу истории и древностей и 1 Керченскому музею; уступлены: 3 П.О. Бурачкову и 1 бывшему директору Керченского музея; променяны на херсонесские монеты: 2 – г. Скрягину; оставлены у себя 6, из коих 3 неизданных, наконец, 1 находится в коллекции г. Гросса»²⁸.

А.Н. Зографом и Е.А. Пахомовым²⁹ было продолжено начатое Е.Е. Люценко важное дело собирания сведений о находках монет по определенным областям. Работа в этом направлении была продолжена и позднее. Это касается в первую очередь позднебоспорских кладов: опубликованы списки кладов римского времени с Боспора, включая азиатскую его часть³⁰. В.В. Кропоткиным были собраны сведения о находках кладов римских монет, в том числе и на азиатской территории Боспорского царства³¹. Недавно были изданы клады античных монет, найденные на территории Краснодарского края³², клад из собрания КГИКЗ³³ и корпус боспорских кладов античных монет³⁴. Особое значение имеют монографии Зографа³⁵ и Шелова³⁶, а также двухтомный труд Фроловой³⁷, где опубликованы метрологические данные разобранных по штемпелям статеров из целого ряда кладов с территории Азиатского Боспора, имеющих первостепенную важность для изучения монетного дела Боспора в I–IV вв., в том числе Патрейских 1951 и 1970 гг., Кепского 1962 г., Таманского 1970 г., Гай-Кадзорского 1975 г., Ильичевских 1975 и 1977 гг. Фроловой были установлены даты ряда статеров, прочитанные неверно В.А. Анохиным, а также К.В. Голенко и А.И. Саловым – первыми издателями кладов из Кеп (1962) и с Шум-речки (Анапский район)³⁸. Например, при первой публикации К.В. Голенко и Н.И. Сокольским Кепского клада 1962 г. дата на монетах № 318–324 была прочитана ими как НIX – 618 г. б.э. = 321 г. н.э., в то время как ее следует читать как НАХ – 638 г. б.э. = 341 г. н.э. Поскольку позднейшими монетами в кладе они считали статер № 739 с датой ГАХ – 633 г. б.э., это привело первых исследователей клада к ошибочному выводу об окончании боспорской чеканки в 336 г. н.э. Однако дальнейшее изучение позднебоспорских кладов показало, что дата тезаврации кладов из Кеп

(1962), Шум-речки (1975) и Гай-Кадзора (1977) должна быть пересмотрена, поскольку в них выявлены статеры 341 г. н.э. Это позволило установить финальную дату чеканки Рескупорида VI — 341 г. н.э.³⁹ Из позднебоспорских кладов происходят 10 экземпляров с датой **НΛΧ** (638 г. б.э. = 341 г. н.э.): из Тиритакского клада 1946 г. — 1, из Кепского клада 1962 г. — 7, из Гай-Кадзорского клада 1977 г. — 2, из клада с Шум-речки — 1 экземпляр. Все эти статеры имеют хорошую сохранность, подтверждающую безошибочность написания даты, и позволяют отнести выпуск последних денежных эмиссий к 638 г. б.э. (341 г. н.э.)⁴⁰.

Распределение монетных кладов по хронологическим группам в целом совпадает с периодами развития монетного дела Боспора. Тезаврация монеты происходила наиболее активно в переломные моменты истории Боспорского царства и была связана со значительными переменами в его политической и экономической жизни. Так, Пуленцовский клад кизикинов и пантикапейских золотых статеров из ст. Тамань (1845) был зарыт в 30–20-х годах IV в. до н.э., что объясняется вытеснением кизикинов и пантикапейских статеров из обращения золотом Филиппа II и Александра Македонского и нарастанием кризисных явлений в боспорской экономике. Клады III в. до н.э., найденные на Тамани и в Горгиппии, отражают различные фазы денежного кризиса на Боспоре. Немало кладов на Таманском полуострове было зарыто во время бурных событий накануне перехода Боспора под власть Митридата VI Евпатора (ок. 109 г. до н.э.): клады из Фанагории (1948)⁴¹, ст. Раевской (1964)⁴², совхоза Виноградный (1964)⁴³. В кладах римского времени, найденных на Кубани, четко выделяется подгруппа, зарытая в период вторжений варварских племен в Северное Причерноморье⁴⁴.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В VI–IV вв. до н.э.

1. Денежный рынок середины VI–V вв. до н.э.

Денежное обращение Боспора в VI–V вв. до н.э. складывалось из двух элементов: электровых кизикских статеров, служивших платежным средством при крупных торговых операциях, особенно с иноземными купцами, и мелкого боспорского серебра, чеканившегося для удовлетворения местного внутреннего рынка. Во второй четверти IV в. до н.э. Пантикапей начал чеканку собственных золотых статеров, которые предназначались для внешнего рынка и должны были конкурировать с кизикинами. Раннее боспорское серебро практически не соприкасается с кизикинами в кладах, за исключением единственного клада — из Патрея (1998); зато кизикины нередко встречаются в кладах вместе с пантикапейским золотом. Кроме кизикинов в азиатской части Боспора найдены ранние серебряные монеты Ионии и Афин.

В денежном обращении на территории Азиатского Боспора в рассматриваемый период участвовали монеты Пантикапея, Фанагории и синдов. Ранняя чеканка Пантикапея представлена серебряными монетами — анэпиграфными (табл. XII, 1) и с буквами **ΠΑ**, **ΠΑΝ**, **ΠΑΝΤΙ** или **ΑΠΟΛ**. Начало чеканки относится к середине VI в. до н.э.⁴⁵ Проблема выпуска монет с легендой **ΑΠΟΛ** была детально разработана Н.А. Фроловой⁴⁶. Поддержав в целом концепцию Ю.Г. Виноградова⁴⁷, считавшего монеты с легендой **ΑΠΟΛ** союзной чеканкой боспорских полисов, объединенных в военную симмахию и религиозную амфиктионию под эгидой храма Аполлона Врача в Пантикапее,

и рассмотрев ряд аналогий союзной чеканки религиозного характера, мы приходим к выводу, что эти монеты выпускались на монетном дворе Пантикапея во второй — третьей четверти V в. до н.э. как для нужд храма Аполлона, так и города. Первоначально они могли быть выпущены в честь празднования открытия храма Аполлона; чекан их был интенсивен, но кратковременен⁴⁸.

На монетном дворе Пантикапея в первой половине — последней четверти V в. до н.э. чеканились и монеты с надписью **ΣΙΝΔΩΝ**⁴⁹. Споры относительно принадлежности синдских монет, места и времени их чеканки продолжаются до сих пор⁵⁰. А.Н. Зограф⁵¹ вслед за А.Л. Бертье-Делагардом и Э. Минном приписывал эти монеты синдам и допускал, что они могли чеканиться либо в Пантикапее, либо в Синдской Гавани, либо в Фанагории. Другие специалисты также относят эту чеканку к государству синдов, осуществляемую в одном из боспорских полисов⁵². По мнению А.В. Орешникова⁵³, монеты чеканились синдами в Синдской Гавани, отождествляемой им с Горгиппией; ряд исследователей полагает, что эти монеты выпускались в греческом полисе Синдская Гавань⁵⁴. А.А. Завойкин и С.И. Болдырев предположили, что центром чеканки была Фанагория⁵⁵. По мнению Н.А. Фроловой, из списка мест выпуска синдских монет, прежде всего, следует исключить Фанагорию, так как она едва ли могла их чеканить до начала своей собственной чеканки. Только Пантикапей имел к тому времени практику и экономическую возможность для эмиссии синдских монет, тем более, что его собственная чеканка началась еще в середине VI в. до н.э.⁵⁶ Между тем следует признать справедливым замечание А.Н. Зографа о том, что синдские монеты по типам резко отличаются от пантикапейских и носят самостоятельный характер; однако при этом нельзя сомневаться в том, что именно пантикапейская чеканка послужила образцом для синдской⁵⁷. Наиболее приемлемой кажется концепция, выдвинутая С.Р. Тохтасьевым⁵⁸ и поддержанная Ф.В. Шеловым-Коведяевым⁵⁹, о том, что монеты с надписью **ΣΙΝΔΩΝ** выпускались царством синдов⁶⁰.

К настоящему времени известно пять типов синдских монет, которые выпускались последовательно, начиная с первой половины V в. до н.э. (может быть, и ранее) до конца столетия⁶¹. Поиски параллелей в чеканке Пантикапея, Фанагории, Теоса, Абдеры, Гераклеи Понтийской и других греческих центров позволяет высказать предположение относительно датировки выпусков. Так, например, тип «сидящий грифон и зерно» имеет аналогии среди типов Теоса и Абдеры. Такие монеты Теоса могли служить прототипом синдских монет: статеры Теоса с зерном перед грифоном датируются 478–470 гг. до н.э. Тип головы Геракла находит аналогии в чеканке Дикеи (Фракия), датируемой Ч. Крэйем временем ок. 480 г. до н.э.⁶² Следовательно, синдские монеты с головой Геракла могли выпускаться после этой даты. Однако, как заметил еще Зограф, несмотря на различие типов, все монеты чеканены приблизительно в одно время, а синдская чеканка была кратковременным эпизодом в монетном деле Боспора, ограничивающимся последней третью или четвертью V в. до н.э.

Чеканка Фанагории начинается, скорее всего, после прекращения синдской. Предлагаются следующие варианты датировки ранней чеканки Фанагории: 1) конец V — начало IV в. до н.э.⁶³; 2) первая половина IV в. до н.э.⁶⁴; 3) 403–393 гг. до н.э. — для первой серии, 393–389 гг. до н.э. — для второй⁶⁵; 4) 410/405–400 гг. до н.э.⁶⁶ Датировка Зографа была основана на сравнении фанагорийских типов с херсонесскими, но Шелов убедительно доказал, что эта аналогия неуместна. Оперирование других авторов строго фиксированными датами не может не вызывать определенных сомнений.

Таким образом, самой надежной представляется датировка, предложенная Шеловым и поддержанная Фроловой⁶⁷. Так же как и пантикапейские монеты, фанагорийские чеканились по единой эгинской весовой системе⁶⁸. По мнению Шелова⁶⁹, серия ранних серебряных монет Фанагории была только одна, другие авторы выделяют две серии⁷⁰.

Пантикапейская чеканка VI—V вв. до н.э. представлена в монетных находках в Патрее⁷¹, Фанагории⁷² (табл. I, 1; II, 1), пос. Пересыпь («Тирамба»)⁷³, Кепях. Ранние фанагорийские монеты найдены в составе клада из Пересыпи (1948). Синдские монеты обнаружены в Фанагории⁷⁴ (табл. I, 17–18), Кепях, кладе из Пересыпи 1948 г., на Семибратнем городище. Находки на Азиатском Боспоре отдельных ранних серебряных монет, преимущественно пантикапейских, и целых кладов были известны еще в XIX — начале XX в. На Таманском полуострове было найдено всего 3 клада ранних серебряных монет: в пос. Пересыпь (1948), Патрее (1998), Фанагории (2005)⁷⁵. Они отражают картину денежного обращения и экономики Боспора с середины VI до конца второй трети IV в. до н.э. Самым информативным в этом отношении является клад из Пересыпи 1948 г., который содержал ранние типы Пантикапея, Фанагории, синдвов, Кизика и Афин. Патрейский клад 1998 г. состоял из трех мелких фракций статов Кизика и одной пантикапейской монеты. Фанагорийский же клад 2005 г. является самым ранним и крупным.

Почти все отдельные монеты из раскопок городищ и некрополей Азиатского Боспора и кладов раннего серебра представляют мелкие номиналы. Драхмы входили только в состав Фанагорийского клада 2005 г., триболы найдены в Патрейском кладе 1998 г. В кладе из Пересыпи 1948 г. наиболее крупным номиналом являлся диобол (1/3 драхмы). Диболы обнаружены в Патрее⁷⁶ и Фанагории (раскопки 2005 г.)⁷⁷. Во всех комплексах преобладают гемиболы (1/12 драхмы) и тетартемории (1/24 драхмы). В Таманском кладе 1948 г. имеются также тритартемории (1/8 драхмы), гемитетартемории (1/48 драхмы) и один тригемитетартеморий (1/16 драхмы). Это преобладание младших номиналов в кладах не случайно — оно характерно для ранней серебряной чеканки Боспора. Драхмы и тетроболы встречаются чрезвычайно редко, а ранние статы вообще не известны⁷⁸. Тригемиболы также редки⁷⁹, зато в изобилии встречаются гемиболы, тетартемории и гемитетартемории, которые известны почти во всех сериях и большом количестве экземпляров.

Такое преобладание мельчайших номиналов в боспорской чеканке свидетельствует о том, что местные диболы и гемиболы едва ли могли иметь сколько-нибудь серьезное значение при торговых операциях с греческими купцами, которые вели в это время оживленную торговлю с Боспором. Эти монеты предназначались исключительно для обращения на внутреннем рынке, а для всяких расчетов с иноземными купцами использовалась общегреческая валюта — кизикины.

Еще Бертье-Делагард⁸⁰ установил, что боспорские монеты чеканились по облегченной эгинской весовой системе (вес драхмы около 6 г). Шелов⁸¹ считал, что пантикапейская драхма весила меньше эгинской — 5,61 г, но, возможно, в его распоряжении было слишком мало известных экземпляров для выведения правильного веса. Вполне вероятно, что эгинская система была заимствована Боспором не непосредственно от Эгины, а через какой-нибудь другой центр, использовавший этот стандарт уже в редуцированном виде. Так, Теос употреблял эгинский стандарт с весом драхмы не больше 5,96 г. То же самое происходило в Синопе и других городах. Еще заметнее это отклонение в более мелких номиналах — диболах и гемиболах. Если топография

многочисленных единичных находок серебряных боспорских монет VI—V вв. до н.э. связана, прежде всего, с Фанагорией, Патреем, Кепями, Семибратним городищем, то все известные нам клады ранних серебряных монет с азиатской стороны Боспора были обнаружены на Таманском полуострове.

Денежный рынок Боспора и картину денежного обращения в VI—IV вв. до н.э. в полной мере отражает клад архаических серебряных монет, найденный в 1948 г. в пос. Пересыпь Темрюкского района Краснодарского края. Предположительно здесь локализуется городище Тирамбы⁸². Поселение было основано в конце VI в. до н.э.⁸³, а своего расцвета достигло в IV в. до н.э. Этим отрезком времени и датируются найденные монеты. Клад состоял из 54 серебряных монет Пантикапея, синдвов, Фанагории, Кизика, Афин и двух свинцовых слиточков. Основное ядро Таманского клада составляют ранние серебряные пантикапейские монеты — анэпиграфные и с легендами **PANTI** или **ΑΠΟΛ**: 1) монеты с головой льва (табл. I, 2–9); 2) монеты с муравьем (табл. I, 10–14); 3), монеты с надписью **ΑΠΟΛ** (табл. I, 15); 3), монеты IV в. до н.э. с головой сатира (табл. II, 5). Клад включает также две синдские монеты — гемиобол типа «голова Геракла — вдавленный квадрат с головой коня вправо, **ΣΙΝΔΩΝ**⁸⁴ и гемитетартеморий типа «грифон, зерно — вдавленный квадрат с головой коня вправо; **ΣΙΝΔΩΝ**⁸⁵ (табл. I, 16–18). В его составе имеются две ранние фанагорийские монеты: гемиобол типа «голова молодого человека в пилосе — зерно, **ΦΑ**⁸⁶ и диобол типа «голова кабира в остроконечном пилосе — протома быка и зерно, **ΦΑΝΑ**⁸⁷ (табл. II, 1–2).

В 1998 г. в подводной части Патрея был найден небольшой клад, состоявший из 9 серебряных пантикапейских монет конца VI — второй четверти V в. до н.э.⁸⁸ Он был зарыт во второй четверти — середине V в. до н.э., несколько раньше, чем Нимфейский клад 1949 г., в котором присутствует диобол типа «голова льва в фас — вдавленный квадрат, разделенный на четыре рельефных прямоугольника, в одном из них — четырехлучевая звезда», выпущенный в середине V в. до н.э.⁸⁹ В 2005 г. во время раскопок Фанагории был найден самый крупный и, видимо, самый ранний из всех известных кладов архаических серебряных боспорских монет (162 экз.). Он состоял только из анэпиграфных пантикапейских монет середины VI в. до н.э. (8 драхм и 154 монеты более мелких номиналов) и имеет исключительное значение для изучения ранней чеканки Боспора.

2. Обращение иноземных монет (середина VI—IV в. до н.э.)

Афины

Шелов Д.Б. справедливо отмечал, что не имеется никаких данных, чтобы говорить об обращении на Боспоре чужеземной монеты до возникновения своей собственной чеканки⁹⁰. Археологически засвидетельствовано только появление на боспорском денежном рынке в VI—V вв. до н.э. монет Кизика⁹¹, Лесбоса⁹², а также Фив⁹³, Афин, Самоса⁹⁴ и некоторых монет неопределенного ионийского центра. В кладах раннего боспорского серебра, найденных на Азиатском Боспоре, встречаются монеты всего двух греческих государств — Афин и Кизика.

Афинский тригемитетартеморий из Таманского клада 1948 г. датируется 500–480 гг. до н.э. (табл. VI, 1). Мелкие номиналы в этот период встречаются очень редко⁹⁵. К. Крэй, анализируя архаические клады, пришел к выводу, что афинские «совы» не встречаются в кладах ранее 500 г. до н.э.

Монеты, аналогичные монетам Таманского клада, могли чеканиться только после 500 г. до н.э., но не позднее 479 г. до н.э., когда появились новые дополнительные элементы⁹⁶. Ч. Старр также датирует аналогичные монеты первыми двумя десятилетиями V в. до н.э.⁹⁷ Афинская монета из Таманского клада отчеканена в том же стиле, что и тетрадрахмы 500–480 гг. до н.э.⁹⁸ Она весит 0,26 г и, очевидно, представляет собой тригемитетартеморий. Этот номинал чеканился редко. Присутствие данной монеты в кладе объясняется, скорее всего, результатом торговых операций между Боспором и Афинами. Следует отметить, что этот экземпляр из Таманского клада остается пока единственной известной нам афинской монетой, найденной на Боспоре. Отсутствие афинских монет в регионе привело Шелова к выводу о том, что афинское и пантикапейское серебро не соприкасались в обращении⁹⁹. Присутствие афинской монеты в Таманском кладе опровергает этот тезис, как и другие находки афинских монет на Тамани. Так, на античном поселении Тамань 3 в 2004 г. была найдена тетрадрахма 449–413 гг. до н.э.¹⁰⁰ Имеются сведения и о находке в Фанагории афинской тетрадрахмы «нового стиля»¹⁰¹.

Фивы

В Верхнем Прикубанье, в долине р. Малый Зеленчук, притоке Кубани, был найден статер Фив VI–V вв. до н.э., поступивший на хранение в Краснодарский краеведческий музей. К сожалению, дата и обстоятельства этой находки остались неизвестны. Зограф ознакомился с этой монетой во время посещения Краснодарского музея осенью 1937 г.¹⁰² В годы Великой Отечественной войны эта монета вместе с остальной коллекцией Краснодарского музея была утеряна.

Иония

На Азиатском Боспоре были найдены также ранние ионийские монеты. Нам известны находки двух ранних серебряных монет (гемиоболов), чеканенных в неизвестном центре Ионии V в. до н.э., которые происходят из азиатской части Боспора: один из них найден в Фанагории в 2005 г., другой — на Тамани¹⁰³ (табл. VI, 3–4). Обе монеты принадлежат к одному и тому же раннему типу «голова льва влево — вдавленный квадрат». Точно такие же монеты входили в состав огромного клада 1867 г. из Авреола в Галлии (2130 экз.), содержавшего ранние мелкие серебряные номиналы Фокеи, Самоса, Митилены (IGCH 2352)¹⁰⁴. Этот тип монет принято датировать 480–470 гг. до н.э.¹⁰⁵ Находки свидетельствуют о ранних экономических связях Боспора с ионийскими центрами.

Кизик

Кизикские статеры, игравшие роль международной монеты, получили широкое распространение на Азиатском Боспоре. Они встречаются как отдельными монетами, так и целыми кладами¹⁰⁶. Очевидно, они обращались на Азиатском Боспоре уже в VI–V вв. до н.э. Об этом свидетельствует, например, небольшой клад из Патрея (1998 г.), содержащий три мелких монеты (гекты или гемигекты) Кизика 600–460 гг. до н.э., и пантикапейский гемиобол 500–475 гг. до н.э. Он представляет исключительный интерес для изучения денежного рынка и экономики Азиатского Боспора¹⁰⁷. Самой ранней монетой клада является кизикская гекта или гемигекта с изображением конусообразной головы рыбы или двух голов рыб (?), тунца и точками на аверсе, датируемая первой половиной VI в. до н.э. Тип кизикина с изображением головы в шлеме относится, очевидно, ко второй половине VI в. до н.э. Кизикин с изображе-

нием собаки датируется 500–460 гг. до н.э. Пантикапейская серебряная монета типа «голова льва в фас — вдавленный квадрат» из данного клада была выпущена, скорее всего, в первой четверти V в. до н.э. До открытия этого клада совместные находки кизикинов и местного раннего серебра на Боспоре не были известны. Этот клад, безусловно, является самым ранним из всех известных нам кладов кизикинов, найденных в Северном Причерноморье. Мелкие фракции кизикского статера также до сих пор в кладах не встречались. Состав Патрейского клада 1998 г. показывает, что в первой четверти V до н.э. на внутреннем рынке Азиатского Боспора соприкасались мелкие номиналы электра Кизика и раннее пантикапейское серебро.

Отдельные кизикины проникали на Боспор, в том числе в азиатскую его часть, еще в VI в. до н.э. Так, в Кехах¹⁰⁸ был найден кизикин с изображением краба, держащего в клешнях тунца¹⁰⁹. К. Реглинг датировал этот тип 570–520 гг. до н.э.¹¹⁰, а А. Бретт — 600–550 гг. до н.э.¹¹¹ Этот кизикин является самой ранней монетой, найденной в Кехах, свидетельствуя о том, что Кепы были одним из важных торговых центров Боспора в это время¹¹². Однако наибольшее распространение в регионе кизикины получили в V–IV вв. до н.э., что подтверждают единичные находки и клады. Так, один кизикин с изображением Геи с младенцем Эрихтоном был найден на Таманском полуострове в окрестностях Фанагории в 1969 г.¹¹³ (табл. XII, 4). Этот статер датируется по хронологии Г. фон Фритце, уточненной А. Бретт, 460–400 гг. до н.э.¹¹⁴

Осенью 1997 г. в пос. Волна (Темрюкский район Краснодарского края), был найден клад кизикинов (более 40 экз.). Он состоял из кизикинов III и IV групп (по хронологии фон Фритце) и датируется 400–330 гг. до н.э.¹¹⁵ В 2009 г. в Патрее был найден неизвестный ранее тип кизикина с головой барана влево и тунцом, который, по-видимому, относится к 550–500 гг. до н.э.¹¹⁶

Все остальные известные клады с кизикинами, найденные на Азиатском Боспоре, содержали также и пантикапейское золото IV в. до н.э. Как отмечал Д.Б. Шелов, в V — начале IV в. до н.э. экономическое развитие Боспора еще не достигло того уровня, чтобы он мог претендовать на создание собственной золотой монеты с функциями международной валюты. Однако во второй четверти IV в. положение изменилось. Успешная завоевательная политика первых Спартокидов способствовала усилению торговли и расширению коммерческих связей Боспора с различными греческими государствами и, прежде всего, с Афинами. При таких условиях оказался возможным выпуск на Боспоре своего золота, и ок. 375–360 гг. до н.э., при Левконе I Пантикапей приступил к эмиссии первых золотых статеров, которые предназначались главным образом для внешнего рынка и должны были конкурировать с международной монетой, господствующей на понтийских рынках, т.е. с кизикинами. Это подтверждают совместные находки пантикапейских статеров и кизикинов в кладах из Тамани (до 1854 г.), Пуленцовского клада (1845) и, особенно, из Принкипо (1930)¹¹⁷.

В 1845 г. в развалинах турецкой крепости, расположенной на остатках античного поселения на окраине ст. Тамань, был найден знаменитый Пуленцовский клад золотых монет¹¹⁸. Дошедшая часть клада содержала 11 пантикапейских статеров второй серии (360–340 гг. до н.э.) и 6 статеров, которые принадлежат к первой (375–360 гг. до н.э.) и третьей серии (340–330 гг. до н.э.). Кроме того, в клад входили 4 монеты Кизика¹¹⁹. Две пантикапейские монеты из клада попали в коллекцию кн. В.В. Кочубея¹²⁰, который жил тогда в Тифлисе, одна — в собрание гр. А.С. Уварова (сейчас находится в ГИМе)¹²¹.

Отдельные монеты в конце концов попали в Эрмитаж и ООИД¹²². Пуленцовский клад был зарыт, очевидно, в 30-х или начале 20-х годов IV в. до н.э. Известны клады, состоявшие только из пантикапейских золотых монет: клад с Таманского полуострова (1844 г.), содержащий 12 пантикапейских статеров трех первых серий¹²³, и два клада с Кавказа — один из Кутаисской губернии (1910 г.), другой — из Сванетии¹²⁴. Сюда они попали, безусловно, с азиатской территории Боспорского царства: пантикапейское золото распространялось вдоль реки Кубани, водной артерии, связывавшей Боспор с глубинными районами Кавказа. Кавказские клады указывают на то, что пантикапейские золотые статоры были рассчитаны в первую очередь на внешнее обращение.

Кроме электровых статеров на Боспоре обращались и мелкие серебряные монеты Кизика (фракции обола). Клад 1948 г. из Пересыпи (Тирамба)¹²⁵ содержал кизикский тетартеморий типа «протома крылатого кабана; сзади тунец — львиная голова с раскрытой пастью; вдавленный квадрат», датированный 480—450 гг. до н.э.¹²⁶ (табл. VI, 2). Ранее мы ошибочно отнесли этот экземпляр к серебряной чеканке Самоса¹²⁷, приняв его за монету 510—500 гг. до н.э.¹²⁸, поскольку не заметили на аверсе изображения тунца, почти срезанного краем монеты. Мы уже отмечали сходство таких самосских и кизикских монет¹²⁹. Бесспорно, этот самосский тип пользовался широкой популярностью в международной торговле, о чем свидетельствует воспроизведение его в серебряной чеканке Кизика указанного времени: он в точности повторен на тригемиоболах, оболах и тритартемориях¹³⁰. Подобные серебряные монеты Кизика встречаются на Таманском полуострове и в Пантикапее.

Македония — Фракия

Кизирины и пантикапейские статоры первых выпусков были вытеснены с денежного рынка Боспора золотыми статорами Александра Великого и в кладах больше не встречаются. До настоящего времени ничего неизвестно о кладах пантикапейского золота, зарытых на Боспоре после 30-х годов IV в. до н.э. Все клады, содержащие в значительном количестве пантикапейское золото, и большая часть кладов с кизиринами — клад из Керчи (1835 г.), Таманского полуострова (1844 г.), Тамани (1845 г.), Волны (1997 г.), Принкипо (1930 г.), Орловки (1967 г.)¹³¹, были зарыты в 30-х или начале 20-х годов IV в. до н.э. На этот факт обратил внимание еще Д.Б. Шелов¹³², считавший, что это превращение кизиринов и пантикапейских статеров в сокровища являлось демонизацией из-за наполнения рынка александровскими статорами.

Александровские статоры также не встречаются в боспорских кладах, но их часто находят на городищах и в погребениях — особенно на Таманском полуострове. Сводка их была составлена Зографом¹³³. В свою очередь, они постепенно уступили место статорам Лисимаха и статорам лисимаховского типа, в изобилии встречающимся в боспорских гробницах. О значительной роли лисимаховских статеров в денежном обращении Боспора в III—II вв. до н.э. свидетельствует клад из окрестностей Туапсе (1908 г.), относящийся уже к началу II в. до н.э.¹³⁴ В Фанагории были найдены золотые статоры Филиппа III Арридея¹³⁵ (табл. VI, 15; XII, 5, 6) и Лисимаха; один статор Александра Македонского происходит из кургана на Зеленой горе, рядом со ст. Тамань¹³⁶. Статор александровского типа, чеканенный в Вавилоне (?), был найден в 1935 г. в кургане Золотая Горка близ ст. Тульской Краснодарского края¹³⁷. Еще один золотой статор Лисимаха был обнаружен А.Е. Люценко в 1872 г. при раскопках каменной гробницы на гребне Комендантской горы близ Фанагории¹³⁸.

В связи с проникновением на Боспор македонского золота в последней трети IV в. до н.э. Пантикапей предпринял попытку чеканить золотые монеты по новой весовой системе, соответствующей аттическому стандарту. Заключительная серия пантикапейского золота (гемистаторы) была выпущена в 315—300 гг. до н.э.¹³⁹, накануне начала денежного кризиса на Боспоре. К этому же времени относятся и последние выпуски серебра. О надвигающемся денежном кризисе свидетельствует начавшаяся в конце IV в. до н.э. тезаврация медной монеты, что отразилось в содержании кладов с хут. Беликова (1972 г.) и из окрестностей Тамани (1980 г.). Медные иноземные монеты V—IV вв. до н.э. встречаются на азиатской территории Боспора редко. Так, наиболее ранней иноземной монетой, найденной на территории Горгииппии, является монета города Византия V—IV вв. до н.э.¹⁴⁰ В Горгииппии была найдена также медная монета царя Македонии Филиппа II (359—336 гг. до н.э.) типа «голова Аполлона — всадник, ΦΙΛΙΠΠΟΥ»¹⁴¹.

Монеты городов Северного Причерноморья

В Фанагории был найден ольвийский дельфинчик IV в. до н.э.¹⁴² Ранние херсонесские монеты проникают на Азиатский Боспор также в IV в. до н.э. Так, в Горгииппии зарегистрирована находка херсонесского типа «голова льва — звезда»¹⁴³, датированного серединой IV в. до н.э.¹⁴⁴. Ранние монеты Херсонеса найдены также при раскопках в Фанагории в 2008 г. Тип «квадрига — коленопреклоненный воин, ХЕР»¹⁴⁵, датированный 350—330 гг. до н.э. или 339 г. до н.э.¹⁴⁶, обнаружен в затопленной части Фанагории¹⁴⁷. Вторая монета из Фанагории¹⁴⁸, представленная типом «янусовидная голова — лев, терзающий быка, ХЕР»¹⁴⁹, также датируется 350—330 гг. до н.э.

Колхида

Редкие ранние серебряные монеты Колхиды попадали на Азиатский Боспор еще в конце V — начале IV вв. до н.э. Так, серебряная дидрахма (статер) этого отрезка времени случайно найдена в Гермонассе в 1960 г.¹⁵⁰ На аверсе изображена голова Артемиды в линейном ободке, на реверсе — две женские головы, обращенные лицом друг к другу, внутри вдавленного прямоугольника, разделенного перегородкой на два квадратных поля¹⁵¹. Известны находки колхидок и на Европейском Боспоре — в Нимфее¹⁵².

3. Серебряные и медные пантикапейские монеты IV в. до н.э. в денежном обращении городов и поселений Азиатского Боспора

Обращение серебряной пантикапейской монеты IV в. до н.э. представлено немногочисленными находками из раскопок городов Азиатского Боспора. В Фанагории были найдены тетробол и две драхмы: тетробол типа «голова бородатого сатира в $\frac{3}{4}$ — лев, приготовившийся к прыжку»¹⁵³, найденный в 2005 г.¹⁵⁴, датируется временем ок. 375—360 гг. до н.э. Драхмы типа «голова бородатого сатира в $\frac{3}{4}$ — голова быка, ПАН»¹⁵⁵ происходят из раскопок 1947—1957 гг.¹⁵⁶ и 2008 г.¹⁵⁷ (табл. XII, 3). Клад из Пересыпи 1948 г. включал две серебряные пантикапейские монеты типа «голова сатира — протома льва, зерно, ПАНТИ»¹⁵⁸ (табл. II, 5). Одна из монет весит 0,34 г и бесспорно является гемиоболом; вес второй монеты составляет 0,12 г и позволяет определить ее как гемитетартеморий. Такой номинал данного типа, насколько нам известно, еще не встречался, и эта монета уникальна. По мнению Зографа, эмиссия монет этой серии как бы представляла последнюю

попытку вернуть мелкому серебру прежнюю роль на городском рынке в противовес начавшей конкурировать с ним меди. Зограф выделяет монеты описанного типа в группу Д и датирует их 340–330 гг.¹⁵⁹ В 1980 г. в Горгииппии был найден диобол¹⁶⁰ типа «голова бородатого сатира влево — голова барана влево, ПАНТИ»¹⁶¹.

Медные монеты конца IV в. до н.э. из раскопок Горгииппии, Фанагории, Гермонассы, Патрея и Кеп также представляют большой интерес для изучения денежного обращения на Азиатском Боспоре. Пантикапейская чеканка IV в. до н.э. представлена в фанагорийских находках почти всеми типами медных монет¹⁶². К первой четверти IV в. до н.э. относятся три медные монеты из раскопок 1947–1957 гг. типа «голова бородатого сатира — голова коня»¹⁶³, представляющие первый выпуск пантикапейской меди. Следующий выпуск медной монеты в Пантикапее был произведен позднее — в 340–330 гг. до н.э., одновременно с чеканкой золотых статеров третьей серии. Этот выпуск представлен найденными в Фанагории мелкими монетами с изображениями головы быка или лука и стрелы на реверсе¹⁶⁴. Наиболее полно представлена в фанагорийских находках серия пантикапейской меди IV в. до н.э., соответствующая четвертой серии золотых статеров. Крупнейшим номиналом в ней являлся обол типа «голова сатира — лук и стрела, ПАНТИ», датируемый 330–315 гг. до н.э. Найдены также и фракции оболы: гемиобол¹⁶⁵, тетартеморий¹⁶⁶ и гемитетартеморий¹⁶⁷. Эти типы монет были найдены также в Кепе¹⁶⁸ и Патрее¹⁶⁹. К более позднему времени — к 330–315 гг. до н.э. — относятся оболы «голова сатира — голова быка, ПАН»¹⁷⁰, найденные в Фанагории и Патрее.

Анализ монетного материала из Горгииппии говорит о том, что наиболее ранней датой развитого денежного обращения этого города следует считать конец IV в. до н.э.¹⁷¹ К 330–315 гг. до н.э. относятся найденные в Горгииппии пантикапейские монеты типа «голова бородатого сатира вправо — лук и стрела, ПАН», маленькие монеты типа «голова молодого сатира — лук в горите, ПАНТИ», монеты с изображениями протомы Пегаса на обороте¹⁷², протомы грифона и осетра¹⁷³. К несколько более позднему времени (315–300 гг. до н.э.) относятся монеты с изображением головы быка на оборотной стороне, головы льва и осетра¹⁷⁴. Эти типы преобладают среди находок за все годы раскопок в Горгииппии¹⁷⁵ и Фанагории¹⁷⁶. Медные монеты IV в. до н.э. найдены также на ряде поселений варварской периферии — меотских городищах и в могильниках в Западном Прикубанье.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БОСПОРА В ПЕРИОД ДЕНЕЖНОГО КРИЗИСА (конец IV — III в. до н.э.)

1. Хронология и общая характеристика

Круг исследований по периоду денежного кризиса на Боспоре очень широк¹⁷⁷. Традиционно принято считать, что денежный кризис на Боспоре проявился в самом начале III в. до н.э. и охватил всю первую половину столетия. В 1954 г. Шеловым была предпринята попытка рассмотреть денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. с первых выпусков меди периода денежного кризиса¹⁷⁸. Однако более глубокое изучение процессов, определявших развитие как монетного дела, так и других сторон экономической жизни Боспора этого времени, заставило его отказаться от проведения резкой грани между денежным обращением IV и III вв. до н.э. Исследова-

тель пришел к выводу, что пантикапейская чеканка III в. до н.э. при всем ее внешнем отличии от чеканки IV в. до н.э. является прямым продолжением последней и принципиально от нее не отличается. Те же кризисные признаки денежной системы (прекращение чеканки золота и серебра, быстрая деградация меди, масса надчеканок и перечеканок), которые ярко проявляются в первой половине III в. до н.э., начались уже в последней трети IV в. до н.э., хотя сама монетная система остается неизменной вплоть до денежной реформы Левкона II¹⁷⁹. Изучение огромной массы монет из раскопок боспорских городищ и кладов периода денежного кризиса, оказавшихся в нашем распоряжении, подтверждает правильность этих выводов Шелова.

Тезаврация кладов медных монет началась в самом конце IV в. до н.э., сразу же после прекращения чеканки и исчезновения из обращения золотой и серебряной пантикапейской монеты. Кладов, зарытых на территории Азиатского Боспора накануне денежного кризиса и состоящих исключительно из медных пантикапейских монет 330–300 гг. до н.э., известно всего два: с Беликовского хутора (1972) и из окрестностей ст. Тамани (1980)¹⁸⁰. Остальные клады относятся уже непосредственно к периоду денежного кризиса и отражают различные его фазы. Они происходят из всех частей Боспорского государства, но большинство их было обнаружено в его азиатской части. В сводке Е.Е. Люценко упомянуто пять кладов III в. до н.э., из которых один найден на Тамани в 1879 г., «не доезжая ст. Сенной»¹⁸¹, однако первым из найденных в XIX в. комплексов этого рода, изданным детально, был клад, обнаруженный Тизенгаузенем в Анапе в 1882 г.¹⁸²

В первой четверти III в. до н.э. появились монеты типа «голова сатира — лук и стрела, ПАН»¹⁸³, которые быстро начали терять вес. Они выпускались до середины III в. до н.э. Резкую деградацию веса и стиля этих монет демонстрируют клады из Джемете (1963)¹⁸⁴, Правобережного (1974)¹⁸⁵ (табл. III, 8–18) и Горгииппии (1977)¹⁸⁶.

Все исследователи денежного кризиса, за исключением В.А. Анохина¹⁸⁷, связывают его начало с операцией по надчеканке монет типа «голова сатира — голова льва, осетр, ПАН» изображениями двенадцатилучевой звезды и горита (табл. III, 1–5). Специалисты, исследовавшие проблему относительной и абсолютной хронологии этапов клеймения и перечеканки медных монет, а также последовательности смены типов III в. до н.э., установили, что основным материалом для перечеканки монет в начале III в. до н.э. служил тип «голова сатира — голова льва, осетр, ПАН»¹⁸⁸. Именно этот тип был первым надчеканен, а затем и перечеканен¹⁸⁹. Шелов выдвинул идею об изменении номинальной стоимости меди типа «голова сатира — голова льва, осетр, ПАН» путем контрамаркирования¹⁹⁰. Фролова считает, что в результате этой операции номинал мог быть удвоен¹⁹¹. Этот вывод подтверждается, в частности, следующим фактом: спустя полвека или чуть позже Левкон II, по свидетельству Полиена (Polyaen. Strateg. VI. 9. 1), отозвал из обращения монеты и перечеканил их именно с целью удвоения номинала, чтобы оплатить долги. Шелов считал контрамаркированные монеты типа «голова сатира — голова льва, осетр, ПАН» гемиоболы (тетрахалками), но, скорее всего, надчеканка должна была превратить их в оболы¹⁹².

Анохин предпринял попытку пересмотреть дату начала денежного кризиса на Боспоре. По его мнению, надчеканка тетрагалков типа «голова сатира — голова льва, осетр, ПАН» клеймами «звезда — горит» отражает экономические тенденции и представляет запоздалое стремление государства приблизить ценность медных монет к торговой цене меди. Поэтому он предлагает считать

началом кризиса выпуск монет типа «голова сатира — лук и стрела, ПАН» (табл. III, 8-12). Что касается определения номинала надчеканенных монет со львом и осетром, то Анохин ищет ключ к решению вопроса в типологии боспорских монет, предшествовавших кризису, связывая надчеканку «горит» с типом реверса халков типа «голова сатира — горит, ПАНТИ» и определяя надчеканенные монеты как халки. Таким образом, по мнению Анохина, операция по надчеканке тетрахаков клеймами с изображениями звезды и горита уменьшала их номинал в четыре раза. Одновременно с ними выпускались монеты типа «голова сатира — голова быка в $\frac{3}{4}$, ПАН» (табл. III, 6, 7), соотносившиеся с ними как младший номинал к халку¹⁹³. Эти выводы Анохина подверглись справедливой критике¹⁹⁴. Действительно, в некоторых античных полисах в силу ряда причин действительно имели место случаи уменьшения ценности серебряных монет, причем иностранных, однако мнение Анохина о контрамаркировании медных монет (обращавшихся только на внутреннем рынке Пантикапея) с целью уменьшения их номинала, кажется, по крайней мере, нелогичным: в процессе надчеканивания монет государство должно было получать определенный доход, и принести его государству могло только увеличение номинала меди, а не уменьшение, как полагал Анохин. Возможно, надчеканенные монеты оставались тетрахаками¹⁹⁵ или становились оболами.

Операция по изменению номинала меди типа «голова сатира — голова льва, осетр, ПАН» проходила в две фазы. На первой монеты перечеканивались сопряженными пуансонами с изображениями звезды и горита (табл. III, 1-3). Надчеканка эта производилась всегда аккуратно, аверс и реверс при этой операции почти всегда различаются, однако в крайне редких случаях клейма меняются местами: звезда помещается на реверсе, лук в горите — на аверсе. Из 1209 экземпляров первого типа в Старонижестеблиевском кладе 1986 г. имеется всего 4 таких монеты. До сих пор считалось, что клейма «горит» и «звезда» всегда сопутствуют друг другу, ни одно из них не чеканилось отдельно¹⁹⁶. Между тем в последнем кладе имеются две монеты, надчеканенные только одним клеймом, — звездой на лицевой стороне, а горит на оборотной стороне отсутствует. Наконец, клад содержит еще один уникальный экземпляр, на котором и лук в горите, и звезда надчеканены на лицевой стороне (на реверсе вообще отсутствует какое-либо клеймо).

На второй стадии изображения звезды и горита врезались непосредственно в штемпель (табл. III, 4, 5). Такие монеты впервые были опубликованы П.О. Карышковским¹⁹⁷, который видел в этих монетах с врезанными в штемпель клеймами попытку боспорского монетного двора выпускать монеты с привычными для населения дополнительными изображениями, вырезая их непосредственно в штемпелях аверса и реверса, что в свою очередь свидетельствует о достаточно длительном обращении подобных монет с надчеканками. Монеты обеих стадий и представлены в кладе из ст. Старонижестеблиевской (1986)¹⁹⁸ (табл. III, 1-5).

В ряде кладов, относящихся к середине III в. до н.э., появляются новые типы — «голова Аполлона — орел, ПАН» и «голова Аполлона — треножник, ПАН»¹⁹⁹. Постепенно деградированный тип «голова сатира — лук и стрела, ПАН»²⁰⁰ (табл. III, 13-18) в них исчезает, его сменяют новые типы с головой бородатого сатира (табл. IV, 5, 4), а также еще более многочисленные монеты с надчеканками в виде треножника²⁰¹. На заключительной стадии кризиса, очевидно в начале третьей четверти III в. до н.э., в обращении появился новый тип — «голова Посейдона — прора, ПАНТИ», который также вскоре подверг-

ся контрамаркированию²⁰² (табл. IV, 5, 6, 8). Д.Б. Шелов считал эти монеты последним выпуском автономной пантикапейской меди периода денежного кризиса. Как и другие монеты эпохи кризиса, все они имеют скошенный гурт и следы отрубав литников, также сильно колеблются в весе и подвержены надчеканке. Это единственные монеты из всей пантикапейской чеканки III в. до н.э., поддающиеся сравнительно точной датировке. Выяснив сходство их аверса с македонскими тетрадрахмами с именем Антигона, Зограф отнес их к третьей четверти III в. до н.э.²⁰³ Тем самым хронологически определяется конец денежного кризиса. Именно монеты с головой Посейдона и пророй составляли основную массу медной монеты, обращавшейся на боспорском рынке к моменту проведения Левконом II денежной реформы. Возможно, они были выпущены непосредственно перед воцарением Левкона II, или в период его правления²⁰⁴.

Этот этап денежного кризиса и напряженное состояние боспорской экономики ярко отражает крупный клад, найденный в 2004 г. рядом с пос. Куматырь (Анапский район)²⁰⁵. Он включал массу контрамаркированных медных монет, в том числе более сотни монет типов «голова бородатого сатира — лук и стрела; ПАН»²⁰⁶ (табл. IV, 4) и «голова Аполлона — орел, ПАН», надчеканенных клеймом «треножник»²⁰⁷ (табл. IV, 1-3), а также 90 (!) монет типа «голова Посейдона — прора, ПАНТИ» с клеймами в виде голов Афины и сатира²⁰⁸ (табл. IV, 5, 6, 8).

Все монеты с головой Посейдона из этого и других известных нам кладов контрамаркированы. Очевидно, вскоре после выпуска этих монет их курс был дважды подтвержден наложением контрамарок, одна из которых представляет голову Афины, другая — бородатого сатира. Отмечая разительное сходство изображения головы Афины в коринфском шлеме первой надчеканки с такой же головой на среднем номинале царской монеты Левкона II, Шелов полагал, что эта надчеканка была также наложена Левконом II одновременно с выпуском им царской монеты, что нашло отражение в одном из рассказов Полиена (Polyaen. Strateg. VI. 9. 1). Таким образом, старший номинал городской меди был приравнен к курсу среднего номинала левконовских монет²⁰⁹.

В целом изучение монетной чеканки второй половины III в. до н.э., и особенно Куматырского клада 2004 г., позволяет проследить меры государства по поиску выхода из денежного кризиса, укрепления монетной системы и оздоровления боспорской экономики.

2. Денежное обращение на негреческих поселениях Прикубанья в конце IV — III в. до н.э.

Полисы Боспора были тесно связаны с местными племенами, частью проходившими стадию разложения общинно-родовых отношений, частью вступившими в стадию государственности. Постепенно на Боспоре деньги проникали во все области экономической жизни, разрушая патриархальные формы быта. Поскольку чеканка Пантикапея выполняла роль общепоспорской, пантикапейские монеты первой половины III в. до н.э. в огромном количестве встречаются во время археологических исследований многих городищ и поселений Азиатского Боспора. Несколько реже встречаются медные монеты IV в. до н.э. По мнению Шелова, находки пантикапейских монет IV—III вв. до н.э. ясно свидетельствуют о том, что эти монеты являлись платежным средством для всего населения Боспора. Их часто находят

на городищах и в некрополях негреческого населения Боспора: в окрестностях станиц Раевской и Джигинской, в некрополе около ст. Елизаветинской²¹⁰.

Целый ряд кладов Азиатского Боспора указывают на то, что боспорские монеты конца IV—III в. до н.э. глубоко проникали на «варварскую периферию» Боспорского царства. На меотских городищах Прикубанья найдено несколько таких комплексов. Например, в 1941 г. около ст. Старонижестеблиевской (Красноармейский район Краснодарского края) был найден клад медных пантикапейских монет начала III в. до н.э.²¹¹. Все монеты представлены одним типом: «голова сатира, надчеканка в виде 12-лучевой звезды — голова льва, внизу осетр, ПАН, надчеканка в виде горита»²¹². Н.В. Анфимов, а вслед за ним и Д.Б. Шелов²¹³, считали, что данная территория не входила в состав Боспорского царства и была заселена меотскими племенами, периодически отпадавшими от Боспора. Однако находки нескольких аналогичных кладов в этом регионе позволяют считать, что рассматриваемая территория в IV—III вв. до н.э., очевидно, входила в состав Боспорского государства.

В 1972 г. недалеко от хут. Беликова (Славянский район Краснодарского края) на остатках боспорского поселения IV—III вв. до н.э. был обнаружен клад из 20 монет²¹⁴ типа «голова сатира — протома грифона, осетр, П-А-N»²¹⁵. Анфимов считал, что это поселение, возможно, находилось на территории, занимаемой дандариями²¹⁶. Из Западного Прикубанья происходят еще четыре клада пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н.э. В Славянске-на-Кубани в 1986 г. был найден клад пантикапейской меди²¹⁷. Юго-восточнее хут. Беликова в Красноармейском районе были обнаружены клады пантикапейских монет начала III в. до н.э.: в ст. Старонижестеблиевской — в 1941 и 1986 гг., ст. Стаджерилеевской (1960) и районе пос. Кубрисостроя западнее ст. Ивановской. Все эти клады связаны с поселениями неукрепленного типа, представляющими отдельные холмообразные возвышенности, образованные культурным слоем. Эти поселения регистрируются в низовьях р. Кубани, в пределах Красноармейского и Славянского районов Краснодарского края, и резко отличаются от меотских городищ Среднего Прикубанья и Восточного Приазовья. По справедливому мнению Анфимова, находки кладов здесь свидетельствуют о том, что территория правобережья низовий Кубани в IV—III вв. до н.э. в результате экспансии Боспора на азиатскую сторону была включена в границы государства²¹⁸. Вместе с тем эти клады отражают торговые отношения между греческим и негреческим населением Азиатского Боспора.

3. Обращение иноземных монет в III в. до н.э.

Иноземные золотые монеты III в. до н.э. на Азиатском Боспоре по-прежнему представлены статерами александровского и лисимаховского типов. Все они найдены в гробницах. Из ст. Таманской происходит статер александровского типа²¹⁹. Обращались на Азиатском Боспоре и ольвийские медные монеты: например, из раскопок Восточного некрополя и городища Фанагории происходят борисфены 300—275 гг. до н.э.²²⁰ и тип «голова богини в башенной короне — лучник»²²¹, датированный концом IV — началом III в. до н.э.²²² Чеканка Тиры представлена монетой III в. до н.э. из раскопок Гермонассы²²³. Из иноземных медных монет III в. до н.э., происходящих с Азиатского Боспора известна также монета Наксоса, найденная в 1938 г. при раскопках в Фанагории на полу здания эллинистического времени²²⁴. Находки иноземного золота свидетельствуют о том, что статеры

александровского и лисимаховского типа продолжали выступать в качестве интерлокальной монеты и обращались на боспорском рынке параллельно с местным золотом, представленным крайне редкими статерами Гиgienонта (ок. 165—150 гг. до н.э.), Перисада III (180—170/160 гг. до н.э.), Перисада IV (170/160—145/140 гг. до н.э.), Перисада V (ок. 140/130—111/110 гг. до н.э.)²²⁵. Иноземное золото играло гораздо более заметную роль в хозяйственной жизни по сравнению с местным, поскольку Спартокиды произвели золотую чеканку, подражавшую статерам лисимаховского типа, в основном лишь в репрезентативных целях²²⁶.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА БОСПОРЕ В ЭПОХУ ПОЗДНИХ СПАРТОКИДОВ (ОТ ЛЕВКОНА II ДО ПЕРИСАДА V)

1. Реформа Левкона II и денежное обращение в последней трети III в. до н.э.

Следующий период денежного обращения на Боспоре охватывает время от правления Левкона II (ок. 240—220 гг. до н.э.), предпринявшего попытку преодоления денежного кризиса, до конца царствования Перисада V (ок. 140/130—110/109 гг. до н.э.). Начало мер по преодолению кризиса отражают монеты третьей четверти III в. до н.э., носящие изображение головы Посейдона на аверсе и корабельной проры на реверсе, снабженные надчеканками²²⁷. Такие монеты изредка встречаются при раскопках городищ Азиатского Боспора: Фанагории²²⁸, Горгиппии²²⁹, Кеп²³⁰, а также входят в состав Куматырского клада 2004 г.²³¹

Как свидетельствуют многочисленные клады периода денежного кризиса, к началу третьей четверти III в. до н.э. боспорский денежный рынок находился в крайне трудном положении. Он был переполнен массой деградированной пантикапейской меди. Во внешней торговле использовалось интерлокальная золотая монета, но внутренний городской рынок, переполненный обесцененной медью, требовал радикальных мер. Самым верным выходом из сложившейся ситуации было бы возобновление серебряной чеканки и полное изъятие из обращения деградированной меди, но государство, очевидно, не обладало необходимым количеством серебра. Поэтому оно было вынуждено пойти по другому пути²³² — начать выпуск царской монеты. По мнению Зографа, поддержанному Шеловым²³³, выпуск Левконом II первой в истории Боспора царской монеты диктовался стремлением найти выход из денежного кризиса. Левкон II чеканил монеты трех номиналов: 1) «голова Геракла — лук и палица, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ»²³⁴; 2) «голова Афины — молнии, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ»²³⁵; 3) «щит и копье — меч в ножнах, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ»²³⁶.

Монеты Левкона II найдены при раскопках городищ Азиатского Боспора: в Горгиппии²³⁷ и Фанагории²³⁸, а также в ряде кладов. Реформу Левкона II отражают зарытые в его правление Анапский клад 1954 г.²³⁹ (табл. IV, 9—12) и клад неизвестного происхождения из Краснодарского края 1998 г.²⁴⁰ Первый клад состоит из 97 медных монет, из которых 79 относятся к периоду денежного кризиса и 17 принадлежат Левкону II (представляя все три номинала царской меди). О составе второго клада нет надежных сведений, известно лишь 28 монет этого царя старшего и среднего номиналов.

Еще одна монета Левкона II входила в состав Анапского клада 1987 г., зарытого при Ининфимее²⁴¹. Она имеет особо важное значение, поскольку дает представление о последовательности смены монетных типов в III в. до н.э.: первоначальный тип «голова сатира — лук и стрела, ПАН»²⁴² был перечеканен типом «голова Посейдона — прора, ПАНТИ», затем клеймен изображением головы сатира²⁴³ и, наконец, при Левконе II был перечеканен новым типом «голова Афины — молнии, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ»²⁴⁴. Таким образом, находка этой монеты дает возможность установить конец периода кризиса денежного обращения, который был ознаменован царской чеканкой Левкона II. Тем самым гипотеза Зографа находит свое подтверждение. Обращение серебряных пантикапейских монет последней трети или последней четверти III в. до н.э. на Боспоре отражают редкие находки: в Горгиппии²⁴⁵ была найдена драхма типа «голова Аполлона — орел»²⁴⁶; из Фанагории²⁴⁷ происходит триобол типа «голова Аполлона — колос»²⁴⁸. В конце III в. до н.э. производилась чеканка маленьких медных монеток с типами «голова быка — плуг и колос»²⁴⁹ (табл. V, 3, 4) и «треножник — крыло»²⁵⁰. Такие монеты найдены при раскопках Фанагории²⁵¹, Кеп²⁵², Гермонассы²⁵³, Патрея²⁵⁴ и т.д.

2. Денежное обращение во II в. до н.э. (до 109 г. до н.э.)

Боспорские монеты

Денежное обращение в азиатской части Боспора во II в. до н.э. представлено в основном, монетами двух боспорских центров — Пантикапея и Фанагории, возобновившей автономную чеканку в самом начале столетия. Самую многочисленную группу в нумизматических материалах из раскопок Фанагории, Кеп, Горгиппии, Патрея и др., а также в кладах этой эпохи составляют пантикапейские монеты типа «голова Аполлона — горит» (табл. V, 1–2), чеканенные на новых кружках или перечеканенные из прежних типов²⁵⁵. Наряду с ними имели хождение такие же мелкие пантикапейские монетки типов «голова Аполлона — лук и стрела»²⁵⁶, «голова Аполлона — дельфин»²⁵⁷, «голова Аполлона — венок»²⁵⁸, «голова Аполлона — колос»²⁵⁹.

Предпоследним десятилетием II в. до н.э. датируются тетрагалки типа «голова сатира — рог изобилия между шапками Диоскуров, ПАН»²⁶⁰ и халки типа «голова сатира — шапки Диоскуров, ПАНТИ»²⁶¹ (табл. V, 5–15). На городищах и в кладах найдены маленькие пантикапейские монеты с головой Афины и пророй или трезубцем²⁶², которые принадлежат к самому концу правления Спартокидов (табл. V, 19). Серебряная пантикапейская чеканка первой половины II в. до н.э. представлена в находках двумя диоболлами типа «голова Аполлона — лира, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ»²⁶³ из Восточного некрополя Фанагории²⁶⁴. Во время расчистки огромного сгоревшего здания на акрополе Фанагории²⁶⁵ были найдены также две серебряных драхмы типа «голова Аполлона — лук в горите, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ»²⁶⁶.

Большая группа монет из материалов раскопок городищ и кладов Азиатского Боспора представлена фанагорийским типом «голова сатира — лук и стрела, ФА»²⁶⁷. Значительная часть их перечеканена из пантикапейских типов: 1) «голова Аполлона — лук в горите, ПАН»²⁶⁸; 2) «голова сатира — шапки Диоскуров, ПАНТИ»²⁶⁹. Фанагорийские монеты этого типа чеканились на протяжении всего II в. до н.э. Кроме них на городищах и в кладах встречается довольно редкий тип фанагорийской меди «голова Диониса — виноградная гроздь, ФА»²⁷⁰. Он относится к первой половине II в. до н.э. Предпоследним

десятилетием II в. до н.э. датируется найденный в Фанагории в 1953 г.²⁷¹ тетробол типа «голова Артемиды — цветок граната, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ»²⁷², до недавнего времени считавшийся единственной фанагорийской серебряной монетой, происходящей непосредственно с городища. Раскопки 2006–2009 гг. на акрополе Фанагории дали еще 15 таких монет²⁷³ (табл. XII, 2).

Денежное обращение этого периода отражают также три клада медных монет — из Фанагории (1948)²⁷⁴, пос. Виноградного (1964)²⁷⁵ и ст. Раевской (1964)²⁷⁶. Все они были зарыты в последней четверти II в. до н.э., точнее, ок. 120–110 гг. до н.э. В них отсутствуют понтийская медь митридатовской эпохи и местные типы, монет, появившиеся на Боспоре после перехода его под власть Митридата VI, в первую очередь тип «треножник — звезда, ΠΑΝΤΙΚΑΠ»²⁷⁷, выпущенный на рубеже II–I вв. до н.э.

Самые поздние монеты в этих трех кладах — халки типа «голова сатира — шапки Диоскуров, ПАНТИ»²⁷⁸. В последнем кладе имеются также фанагорийские монеты, перечеканенные из этого типа. Шелов датировал данный тип сначала последней четвертью II в. до н.э., а впоследствии, опираясь на датировку Ф. Имхоф-Блумера для понтийских монет с головой юноши на аверсе и рогом изобилия между звездными шапками Диоскуров на реверсе, ограничил время их эмиссии 120–110 гг. до н.э.²⁷⁹ По мнению Н.Д. Нестеренко, эмиссия «голова сатира — шапки Диоскуров, ПАНТИ» осуществлялась в 120–113 гг. до н.э.²⁸⁰, после чего появился новый тип — «голова Афины — прора, ПАН»²⁸¹. Это уточнение конечной даты вызывает определенные сомнения.

Фанагорийский клад 1948 г. включал также пантикапейские монеты IV–III вв. до н.э., а клад из района мыса Большой Утриш (1998) — середины III в. до н.э. Известны и другие комплексы, состав которых позволяет признать, что некоторая часть пантикапейских монет IV и III вв. до н.э. сохранялась в денежном обращении Боспора в течение очень длительного времени (см. ниже). Крупный Фадеевский клад (более 1600 монет)²⁸² включал массу перечеканенных монет II в. до н.э., изучение которых позволило уточнить последовательность смены типов монет в этом столетии.

Самым поздним комплексом этой эпохи, возможно, является клад из района Большого Утриша²⁸³, зарытый в предпоследнем десятилетии II в. до н.э. Наиболее поздними являлись монеты типа «голова Афины — прора, ПАН»²⁸⁴. Этим типом (а также типом «голова Афины — трезубец, ПАН»²⁸⁵) и завершается пантикапейская медная чеканка спартокидовского времени. Шелов относил монеты с головой Афины и пророй или трезубцем²⁸⁶ к предпоследнему десятилетию II в. до н.э., считая, что их выпуск непосредственно предшествовал бурным событиям конца II в. до н.э. — восстанию Савмака и присоединению Боспора к Понтийской державе Митридата VI. Об этом свидетельствует перечеканка их новыми типами в начале правления Митридата на Боспоре²⁸⁷ (такие перечеканки во множестве найдены в Фадеевском кладе).

Иноземные монеты II в. до н.э.

Из иноземных монет II в. до н.э. на Азиатском Боспоре продолжали обращаться прежде всего статеры лисимаховского типа. Единственным пока известным кладом интерлокальной монеты данного периода, найденным на территории Боспорского царства, является Гуапсинский клад 1908 г., включавший 96 золотых статеров лисимаховского типа²⁸⁸. Все монеты из этого комплекса были отчеканены на монетном дворе Византия одной парой штемпелей и не имели следов обращения. После смерти Лисимаха в 281 г. до н.э. его статеры длительное время продолжали играть роль торговой монеты для всего Причерноморья²⁸⁹, в том числе и Азиатского Боспора, о чем свидетельствует огромное

количество их находок в боспорских гробницах²⁹⁰. Позднее, в I в. н.э. крупный денежный рынок на Кавказе (включая территорию Азиатского Боспора) также удовлетворялся статерами лисимаховского типа, битыми в Византии и в западнопонтийских городах. Портретам на поздних статерах придавались черты Митридата VI Евпатора или его сыновей²⁹¹. Лисимаховские статеры чеканки Византия получили довольно широкое распространение на обоих берегах Боспора: они были найдены в Пантикапее, Туапсе и Горгиппии²⁹². Вопрос о датировке статов лисимаховского типа рассматривался Г. Сейригом²⁹³, в соответствии с этим Туапсинский клад мог быть зарыт в первой четверти II в. до н.э.

Из других иноземных монет II в. до н.э. известны серебряная гемидрахма Родоса конца II в. до н.э. из раскопок Горгиппии 1923 г. и драхма Амиса также конца II в. до н.э. из раскопок Фанагории²⁹⁴. Монеты Родоса попадали на денежный рынок Боспора и раньше: так, в Пантикапее была найдена монета второй половины IV в. до н.э.²⁹⁵ Две бронзовые родосские монеты типа «голова Гелиоса — роза»²⁹⁶ найдены в Фанагории в 1986 и 1996 гг.²⁹⁷ Возможно, концом II в. до н.э. датируется монета Мирины в Эолиде, найденная в Кепях²⁹⁸.

Таким образом, находки этих иноземных монет на Азиатском Боспоре свидетельствуют о тесных экономических контактах Боспора прежде всего с Малой Азией. Приток в рассматриваемый регион монет вышперечисленных центров показывает направление торговых связей: из малоазийских центров через Азиатский Боспор в европейскую часть Боспорского царства.

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК БОСПОРА В МИТРИДАТОВСКУЮ ЭПОХУ (около 110/109–63 гг. до н.э.)

1. Боспорские монеты (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия)

В 110 или 109 г. до н.э. в истории Боспора произошло исключительное событие: царь Перисад V формально передал власть понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Это не только связало Боспор с одним из самых могущественных государств Малой Азии, но и вовлекло его в конфликт с Римом, чья экспансионистская политика, спустя чуть более полвека, превратила Боспор в вассальное царство. В митридатовскую эпоху на денежном рынке Азиатского Боспора обращались так называемые анонимные оболы, боспорские серебряные и медные городские монеты (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия), понтийская медь, монеты Диоскуриады, Херсонеса.

Особенности денежного обращения в азиатской части Боспора характеризуютклады митридатовской эпохи, тезаврация которых состоялась в период между 110 и 63 гг. до н.э. По своему составуклады медных монет митридатовской эпохи очень близки к ряду комплексов, зарытых в последней четверти II в. до н.э. Часть из них также содержит пантикапейские типы IV–I вв. до н.э. и монеты Фанагории II в. до н.э. Вместе с тем в них появляются новые пантикапейские типы, позволяющие маркировать четкую границу между этой группой и предыдущей. Прежде всего это тип «треножник — звезда, ПАНТИКАП»²⁹⁹, появившийся в самом конце II — начале I в. до н.э. Монеты этого типа найдены при раскопках почти всех городов Азиатского Боспора (табл. V, 21–22).

Куматырский (1976 г.) и Фадеевский (1977 г.) комплексы³⁰⁰ были зарыты в самом начале I в. до н.э. Наряду с боспорской и понтийской городской медью первой половины I в. до н.э. они включают также пантикапейские типы IV–III вв. до н.э. Этиклады содержат также большое количество перечеканных монет, исследование которых позволяет не только уточнить последовательность смены ряда типов конца III — II в. до н.э., но и представить денежный рынок Азиатского Боспора в митридатовскую эпоху. Наиболее ярко это демонстрирует Фадеевский клад, содержащий множество типов Пантикапея, Фанагории, городов Пафлагонии и Понта. Он свидетельствует о длительном обращении медной монеты, выпущенной еще в IV в. до н.э., в период денежного кризиса на Боспоре. Присутствие в кладе большого количества фанагорийской меди говорит о возрождении в конце III — начале II в. до н.э. полисных традиций, приведших, в частности, к реставрации автономной чеканки Фанагории.

Монеты IV–III вв. до н.э. входят в состав кладов из Фанагории (1948 г.) и ее округа (2000 г.)³⁰¹. Находки пантикапейских монет более чем двухсотлетней давности в несколькихкладах, найденных в разных частях Боспорского царства, не являются случайностью. Следует признать, что боспорские монеты IV–III вв. до н.э. сохранялись в денежном обращении в течение весьма длительного времени, несмотря на многочисленные перечеканки.

Анализ состава кладов показывает, что из монет IV в. до н.э. вкладах конца II — первой половины I в. до н.э. чаще всего встречаются халки типа «голова сатира — лук в горите, ПАНТИ»³⁰² и дихалки типа «голова сатира — протома Пегаса, ПАН»³⁰³. Из монет III в. до н.э. преобладает тип «голова Аполлона — треножник, ПАН»³⁰⁴, затем следуют типы эпохи денежного кризиса «голова сатира — лук и стрела, ПАН»³⁰⁵ и тип «голова быка в ³/₄ — плуг, колос, ПАН»³⁰⁶, появившийся на рубеже III–II вв. до н.э.

Важнейшую информацию о денежном обращении Боспора в конце правления Митридата VI дает монетный комплекс из сгоревшего здания на акрополе Фанагории, открытый в 2007–2009 гг. Он включал семь комков монет, представлявших содержимое кошельков, потерянных обитателями здания во время пожара, горсть монет на тарелке и массу рассыпанных по полу монет. Всего найдено 317 экземпляров, из которых 22 оказались серебряными монетами. В кошельках находились серебряные и медные боспорские монеты III–I вв. до н.э. (в том числе и типы периода денежного кризиса) и понтийская городская медь митридатовского времени³⁰⁷.

Ряд кладов первой четверти I в. до н.э. связан с обострением политической обстановки на Боспоре: если в период I Митридатовой войны (88–84 гг. до н.э.) боспорские города были заинтересованы в поддержке Митридата VI Евпатора, то начиная со II Митридатовой войны (83–81 гг. до н.э.) население Боспора страдало от сбора налогов и рекрутских наборов, проводимых Митридатом в регионе (App. Mithr. 107). Всеобщее разорение вело к тезаврации кладов, в том числе Фадеевского и Куматырского. От митридатовской эпохи до нас дошло дваклада серебряных монет с Таманского полуострова: Фанталовский 1963 г.³⁰⁸ и Патрейский 1998 г.³⁰⁹ Фанталовский клад содержал 487 дидрахм с надписями Пантикапея, Фанагории и Горгиппии (табл. VII, 1–3), а Патрейский — 11 гемидрахм Фанагории первой половины I в. до н.э. К.В. Голенко, опубликовавший Фанталовский клад, совершенно справедливо рассматривал его как уникальное явление: комплекс состоял только из монет крупного номинала, составлявших внушительную сумму. Возможно, это была часть полевой казны или жалованья какого-то военного отряда. Голенко свя-

звал тезаврацию клада с восстанием боспорских городов против Митридата VI Евпатора в конце 80-х годов I в. до н.э.³¹⁰ Однако, возможно, что клад был зарыт в середине 60-х годов того же века, не менее богатого бурными событиями.

Второй клад состоит всего из 11 гемидрахов и является единственным известным нам кладом фанагорийского серебра эпохи Митридата VI Евпатора. Вероятно, он был зарыт в то же время, что и Патрейский клад (1950), обнаруженный в слое разрушения города после 70 г. до н.э.³¹¹, либо между 65–63 гг., когда Патрей был разрушен Митридатом VI, либо даже позднее — во время правления Фарнака³¹². Серебряные и медные фанагорийские монеты начала I в. до н.э. были найдены и при раскопках городищ Азиатского Боспора: к ним принадлежат серебряный триобол типа «голова Диониса — тирс»³¹³ и медные тетрагалки типа «голова Артемиды — лежащий олень»³¹⁴ из Фанагории (табл. VII, 12). В литературе уже отмечалось, что фанагорийские монеты на азиатской стороне Боспора встречаются чаще, чем в поселениях Керченского полуострова³¹⁵. Шелов считал, что фанагорийские медные монеты II в. до н.э. относительно мало проникали на денежные рынки городов Европейского Боспора. Очевидно, они выпускались в большом количестве в Фанагории, но предназначались для мелкой торговли на местном рынке: вот почему они в изобилии встречаются преимущественно в Фанагории, а также на рынках близлежащих городов Азиатского Боспора³¹⁶ (Горгиппии, Кепях, Патрее) и в местных кладах. В I в. до н.э. фанагорийские монеты больше обращались в Фанагории, чем в других городах Боспора. Кроме того, Голенко установил, что по крайней мере часть фанагорийских монет этого времени была выпущена на монетном дворе Пантикапея³¹⁷.

Фанагорийское и пантикапейское серебро 86–65 гг. до н.э. представлено и отдельными находками: так, в Фанагории были найдены пантикапейские гемидрахи типа «голова Диониса — тирс»³¹⁸ и драхма типа «голова Артемиды — пасущаяся лань»³¹⁹, а также фанагорийская драхма типа «голова Диониса — тирс»³²⁰. Медные тетрагалки Горгиппии типа «голова Аполлона — треножник с тирсом»³²¹ обнаружены в Фанагории³²².

Особую подгруппу монет митридатовской эпохи составляют так называемые анонимные оболы³²³. Они часто встречаются на Таманском полуострове единичными монетами и в виде кладов, включая Патрейский клад 1950 г.³²⁴ (табл. V, 20). Ю.С. Крушкол, исследовав монограммы на анонимных оболых из Мирмекийского (1949 г.) и Патрейского (1950 г.) кладов и сравнив их с монограммами на монетах городов Понта, развила идею, высказанную еще Имхоф-Блумером³²⁵ и поддержанную Бертъе-Делагардом³²⁶ и Зографом³²⁷, о том, что эти монограммы принадлежали представителям царской администрации. Вопрос о датировке анонимных оболых продолжал дебатироваться и после публикации Патрейского клада 1950 г.³²⁸ Впоследствии сравнительный анализ состава кладов из «Полянки» (1984–1985 гг.)³²⁹ и Патрейского клада (1950 г.) подтвердил вывод о том, что в монограммах сокрыты имена царских чиновников, и позволил датировать период эмиссии оболых концом II в. — 63 г. до н.э.³³⁰

Многие боспорские монеты митридатовской эпохи, включая анонимные оболы, городские серебряные и медные типы, несут изображения, связанные с культом Диониса. Существует мнение, что тип Диониса был выбран понтийским царем в период I Митридатовой войны (89–84 гг. до н.э.) в качестве пропагандистской меры в проведении антиримской, филэллинской политики³³¹. Митридат VI Евпатор считался воплощением этого бога и впер-

вые был назван Дионисом еще в 102–101 гг. до н.э.³³² Именно к этой дате и близко начало чеканки анонимных оболых на Боспоре. Монеты с изображением Диониса найдены на Азиатском Боспоре в большом количестве: помимо анонимных оболых это более 400 дидрахов из Фанталовского клада 1963 г. с головой Диониса на аверсе, фанагорийское и пантикапейское серебро типа «голова Диониса — тирс» и т.д.

В изобилии найдены на Таманском полуострове в кладах и пантикапейские оболы типа «голова Аполлона — орел на молнии»³³³, чеканившиеся после смерти Митридата VI до середины I в. до н.э. (большой частью на анонимных оболых).

2. Иноземные монеты в митридатовскую эпоху

Пафлагония и Понт

Характерной чертой денежного обращения на Азиатском Боспоре этого периода является изобилие медных монет Пафлагонии и Понта эпохи Митридата VI³³⁴. Они встречаются при раскопках всех городищ и некрополей Азиатского Боспора и в кладах из Патрея (1950 г.), Куматыря (1976 г.) и Фадеево (1977 г.). Медные монеты Амиса и Синопы были найдены в насыпи кургана близ хут. Семеняки в окрестностях ст. Сенной (Темрюкский район) при раскопках К.Р. Бегичева в 1852 г.³³⁵ Монета Синопы обнаружена в Буеровой могиле в 2 км от Близицы (Таманский полуостров) при раскопках И.Е. Забелина в 1870-х годах³³⁶. В некрополе на мысе Тузла (Таманский полуостров) при раскопках Шкорпила в 1911 и 1913 гг. были найдены монеты Амиса и Синопы³³⁷. Медные монеты Амиса происходят из раскопок Фанагории в 1936 г. и Семибратнего городища в 1939 г.³³⁸ Они обнаружены также и на Майской горе (рядом со ст. Сенная)³³⁹. В 2007–2009 гг. в Фанагории были найдены упомянутые выше семь комплексов монет, представляющих содержимое кошельков, и горсть монет на тарелке, потерянные или забытые во время пожара 63 г. до н.э., содержащие множество оболых и тетрагалков Амиса, Синопы, Газиуры, Таулары, Амастрии, Фарнакии и неопределенных понтийских центров. Среди монет на полу здания была найдена и серебряная тетрадрахма Митридата VI Евпатора³⁴⁰.

Материалы раскопок Горгиппии, например, свидетельствуют, что из понтийских монет на денежном рынке Горгиппии в конце II — начале I в. до н.э. преобладали синопские монеты; кроме них найдены монеты Амастрии, Команы и Амиса³⁴¹. В Фанагории доминируют монеты Синопы и Амиса³⁴². В Кепях также обнаружены монеты Синопы и Амиса³⁴³, в Патрее — Команы³⁴⁴. В кладах представлены монеты Амиса, Амастрии, Амасии, Команы, Синопы, Таулары и неопределенных центров, а также перечеканки из них (табл. VI, 8–14, 16, 17). Понтийские монеты присутствуют также и в первой подгруппе кладов римского времени, в том числе в кладах из Батарейки I (1997 г.). До открытия перечисленных кладов на Азиатском Боспоре были известны единичные находки понтийских монет в Фанагории, Горгиппии, Кепях³⁴⁵. Нами учтено всего 55 медных монет Пафлагонии и Понта митридатовской эпохи, найденных на территории Азиатского Боспора. Более половины из них составляют монеты Амиса, затем следуют монеты Синопы. Чеканка Таулары, Амасии, Амастрии, Газиуры представлена в кладах единичными экземплярами. Появление понтийских монет на Азиатском Боспоре было бесспорно связано с переходом Боспорского царства под власть Митридата VI Евпатора в конце II в. до н.э.³⁴⁶

Диоскуриада (Колхида)

Кроме понтийской меди имеется несколько случаев находок на Азиатском Боспоре халков Диоскуриады: они обнаружены в Патрее, Фанагории, Кепак, Горгишии³⁴⁷. Выпуск их также относится ко времени Митридата VI и синхронен понтийской меди с изображением рога изобилия между шапками Диоскуров. Возможно, эти находки подтверждают предположение А.М. Гилевич, поддержанное А.И. Анисимовым, о перемещении в Херсонес каких-то войск Митридата VI из Колхиды в конце II в. до н.э., с чем эти ученые связывали проникновение диоскурийской меди на Боспор³⁴⁸; в таком случае эти контингенты могли продвигаться через территорию Азиатского Боспора. Однако предпочтительнее предполагать, что появление диоскурийских халков на денежном рынке Азиатского Боспора просто отражает торговые связи между Боспором и Диоскуриадой.

**ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БОСПОРА
В РИМСКОЕ ВРЕМЯ****1. Хронология и общая характеристика периода**

После победы над Фарнаком в 47 г. до н.э., а затем Митридатом Пергамским, назначенным Цезарем царем Боспора (App. Mithr. 120–121), Асандр (49/48–21/20 гг. до н.э.) женился на Динамии, узаконив тем самым свои права на боспорский трон. С 49/48 г. до н.э. он чеканил золотые монеты с титулом «архонт», с 44 г., после смерти Цезаря, — с царским титулом. Все исследователи, кроме В.А. Анохина³⁴⁹, связывают получение Асандром царского титула с Римом³⁵⁰. По свидетельству Лукиана, Октавиан дал ему вместо титула этнарха титул царя Боспора (Luc. Macr. 17), и он стал «вассалом» Рима. Отсюда А. Барнетт, М. Амандри и П.П. Риполле совершенно справедливо относят монеты Асандра к римской провинциальной чеканке³⁵¹ (табл. VII, 9–11, 13), которая включает не только выпуски провинций, но и чеканку вассальных царств. При Асандре влияние Рима на Боспор, возможно, было еще не слишком заметным. Боспор сохранял все внешние черты самостоятельности, оставаясь в большей степени союзным с Римом царством. Вместе с царским титулом Асандр получил от Октавиана право золотой чеканки и поместил на статерах свой портрет. Отступив от принятой Фарнаком системы датировать статеры годами боспорской эры, он стал помечать их годами своего правления. Римское влияние заметно усилилось при Динамии, также получившей от Августа царский титул и право чеканки золотых статеров со своим портретом на аверсе. При этом помещенная на их реверсе ахеменидская эмблематика (звезда и полумесяц) символизировала ярко выраженный династический характер. Зато Динамия переименовала Пантикапей в Кесарию, а Фанагорию в Агриппию в честь своих благодетелей, что спустя какое-то время было отмечено соответствующими городскими выпусками 13–12 гг. до н.э. Такие монеты часто встречаются при раскопках городов Азиатского Боспора (табл. VII, 14–17).

На территории Боспорского царства и за ее пределами было найдено около 70 кладов римского времени, которые дают картину денежного обращения Боспора, начиная с правления Асандра и заканчивая последним годом боспорской чеканки (341 г. н.э.). Топография находок единичных монет и кладов свидетельствует о весьма обширном ареале обращения боспорских статеров в качестве основного платежного средства — от отдаленного боспор-

ского города Танаиса и укрепленных городищ Нижнего Подонья на севере до регионов Северного Кавказа, примыкающих к азиатской территории Боспорского царства на юге. Как известно, на Боспоре, в отличие от других зависимых от Рима царств, основу денежного обращения составлял золотой статер, а не серебряная монета. Одним из главных направлений внешней торговли оставался район Прикубанья. На городищах, расположенных вдоль берегов р. Кубани, найдены Усть-Лабинские клады (1845 и 1849 гг.)³⁵², клад из ст. Казанской (1872 г.)³⁵³ и ст. Ханской (1913 г.)³⁵⁴.

Клады римского времени отражают политические события, связанные с переходом Боспора под власть Рима, а позднее — с походами варваров на Боспор. Так, например, клад с Фанталовского полуострова (1870 г.) бесспорно связан с появлением на Таманском полуострове Полемона I, отправленного Агриппой против Скрибония и погибшего здесь ок. 8 г. до н.э. во время военных действий против аспургиан. Самой поздней монетой в кладе является боспорский статер 9/8 г. до н.э. с монограммой Σ .

Клад из окрестностей Сукко (1963 г.)³⁵⁵ был зарыт, видимо, в самом начале римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э. Клады, зарытые в 20–30-х годах III в. н.э., вероятно, следует связать с начальным этапом «скифских» войн III в. н.э. Боспор, оставаясь надежным форпостом Рима, неоднократно сдерживал племена Северного Причерноморья, вторгавшиеся в пределы Римской империи. Масса позднебоспорских кладов была зарыта во время во время бурных событий на Боспоре в 251–254 гг. — походов боранов, готов и герулов: к ним примыкают клад из Патрея (1970 г.)³⁵⁶ и Гермонассы (1970 г.)³⁵⁷.

Тезаврация боспорских статеров в кладах римского времени определялась не только ухудшением политической обстановки, но и еще одним важным фактором — катастрофическим падением пробы металла этих монет. Начиная со второй четверти III в. н.э., статеры чеканятся не из электра, а из биллона, а к концу столетия становятся чисто медными. Этот процесс начался еще в годы правления Рескупорида III (211–226) и Котиса III (227–233). Медные статеры этих царей известны по музейным собраниям³⁵⁸ и кладам (клад из Темрюкского района, например, содержал по крайней мере 16 медных статеров Котиса III 228 г. н.э.). Бесспорным свидетельством напряженного состояния экономики Боспора в этот период являются чрезвычайно обильные выпуски статеров или, напротив, резкое сокращение или прекращение их чеканки во все, а также понижение их среднего веса и ухудшение качества металла.

Изменения состава металла совпадают с определенными событиями в истории Боспорского царства. Это было время напряженного состояния экономики Боспора, вызванного угрозами нападения варварских племен, которые в 40-х годах III в. н.э. дошли до Дона и Меотиды и вплотную приблизились к границам Боспора. Фроловой удалось выявить два периода, когда качество металла статеров претерпевает резкие изменения — 245 г. и 250–254 гг. Именно в эти годы основу металла статеров составляла медь с большой примесью олова и свинца, а содержание серебра упало с 50 до 1%, или же оно практически отсутствует. Этот факт можно объяснить лишь внешнеполитическими событиями, связанными с активизацией действий «скифских» племен во всем районе Северного Причерноморья. Известно, что во второй половине 40-х годов III в. н.э. готами и герулами в союзе с другими племенами был разгромлен Танаис; одновременно перестают существовать поселения на правом берегу Нижнего Дона³⁵⁹.

Кладовые комплексы римского времени служат также бесценным источником информации о датах правления некоторых боспорских царей. Например,

находка в 1958 г. клада в Гермонассе (Таманский клад) имеет важное значение, поскольку он включал две уникальные монеты — статер Рескупорида V 276 г. н.э. (№ 177) и статер Тейрана 266 г. н.э. (№ 190). По предположению И.Т. Кругликовой, Тейран либо узурпировал власть в 266 г. н.э., либо правил в азиатской части Боспора³⁶⁰, однако эта гипотеза не убедительна. Очевидно, Рескупорид V выбрал Тейрана своим соправителем в 266 г. н.э., точно так же, как в 253 г. его соправителем был Фарсанз (известны статеры 253 г. н.э., чеканенные и тем, и другим). Более того, в 275 г. н.э. Рескупорид V имел двух соправителей сразу: Савромата IV и Тейрана. Находка статера 276 г. н.э. с именем Рескупорида V в Таманском кладе 1958 г. продлевает правление данного царя до этой даты. Таким образом, уточняются даты правления следующих боспорских царей: Рескупорид V правит с 242 по 276 г.; в 253 г. н.э. он делит власть с Фарсанзом, в 266 г. — с Тейраном, в 275 г. — с Савроматом IV и Тейраном, а в 276 г. — только с Тейраном. Единовластие Тейрана начинается не с 276 г., а с 277 г.³⁶¹ Таким образом, Судакский и Таманский клады 1958 г. позволили уточнить время правления не только Рескупорида V, но и его преемников. Выпуск на Боспоре статеров от имени трех царей в 275 г. и чеканка от имени двух царей в 276 г. — факты чрезвычайной важности. Материалы Феодосийского (1927 г.), Тиритакского (1946 г.) и Патрейского (1951 г.) кладов позволили установить, что 314 г. н.э. является первым годом совместного правления Радамсада и Рескупорида VI³⁶².

2. Древние монеты в денежном обращении в римский период

Выше уже отмечалось, что в митридатовскую эпоху на денежном рынке Боспора обращались монеты, выпущенные еще в IV—III вв. до н.э. Клады римского периода также неоднократно указывают на то, что древние монеты (как боспорские, так и иноземные) принимали участие в денежном обращении Боспора в течение весьма длительного времени. На этот факт впервые обратил внимание еще Е.Е. Люценко при описании Керченского клада 1870 г., в котором херсонесская монета 90—80-х годов до н.э. и боспорская монета конца I в. до н.э. с монограммой BKE ³⁶³ соседствовали со статерами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI. Хронологический промежуток между самыми ранними и поздними монетами в этом кладе составлял ок. 400 лет. Е.Е. Люценко по этому поводу отмечал: «Пятисотный промежуток времени, отделяющий выпуски этих монет, может привести нас к заключениям: что... в Босфорском царстве, не одни монеты современные имели право обращения, но и древние... подобные анахронизмы в здешних кладах встречаются уже не в первый раз»³⁶⁴. Впоследствии это предположение подтвердили и другие находки. Так, хронологический разрыв между крайними монетами Анапского клада 1984 г. составляет ок. 140—170 лет. Самыми ранними в нем являются монеты Рескупорида II (69—93 гг.), самыми поздними — Инифимея (234—238 гг.). В Патрейском кладе 1970 г.³⁶⁵ денарий Тита 80 г. и статер Рескупорида V 251 г. разделяет промежуток в 171 год. Необычен и состав Анапского клада 1987 г.³⁶⁶: самыми ранними в нем являются пантикапейские монеты III в. до н.э. и монета Левкона II, самыми поздними — монеты Инифимея (234—238 гг.). Таким образом, хронологический разрыв между «крайними» монетами этого комплекса составляет свыше 500 лет. Ильичевский клад 1975 г.³⁶⁷, зарытый в правление Юстиниана I (527—565 гг.), наряду с солидами этого императора содержал боспорские статеры 262—236 гг.

Хронологический промежуток между крайними монетами клада составляет три столетия. Таким образом, на денежном рынке Боспора в римский период нередко обращались монеты более ранних периодов.

3. Иноземные монеты в денежном обращении в римский период

Римские монеты

Изучение нумизматического материала из раскопок поселений Азиатского Боспора и состава боспорских кладов указанного периода показывает, что римские монеты почти не встречаются, либо они содержат минимальное их количество³⁶⁸. Присутствие единичных римских монет из городов и сельских поселений, а также в кладах I—III вв. н.э. вообще можно признать случайным. Римская монета не играла реальной роли в денежном обращении Боспорского царства в I в. до н.э. — первой половине IV в. н.э., о чем свидетельствуют 70 учтенных боспорских кладов этой эпохи, содержащих небольшое количество римских монет³⁶⁹. Это касается и комплексов, найденных на Азиатском Боспоре, в которых лишь изредка встречается римское серебро или золото (или медь). Так, клад 1870 г. с косы Чушки включал один денарий Цезаря, Патрейский клад 1970 г. — денарий Тита 80 г. н.э.

Также редки находки отдельных римских монет и на поселениях азиатской стороны Боспора. Из раскопок на Кубани происходит монета Нерона³⁷⁰. В Фанагории были найдены медные монеты Веспасиана (69—79 гг.)³⁷¹ и Траяна (98—117 гг.)³⁷², денарий Марка Аврелия (161—180 гг.)³⁷³, медные монеты Констанция II (324—361 гг.)³⁷⁴, Грациана (367—383 гг.)³⁷⁵, Валента (364—378 гг.)³⁷⁶, Валентиниана II (375—392 гг.)³⁷⁷, Феодосия I (379—395 гг.)³⁷⁸, Аркадия (395—408 гг.)³⁷⁹, Льва I (457—474 гг.)³⁸⁰. В округе Фанагории в 1959 г. найден солид Зенона³⁸¹. В Темрюкском районе найдены медные монеты Констанция II, Валентиниана I и Феодосия I³⁸². Из раскопок Горгиппии происходит медный асс Августа с изображениями императора и лаврового венка с буквами СА внутри него. При раскопках 1979 г. был найден денарий Фаустины Старшей, при раскопках 1982 г. — антониниан Филиппа I (244—249 гг.)³⁸³.

В 1841 г. во время выкапывания рва в Новороссийском военном поселении были найдены римские денарии II—III вв. н.э.: Антонина Пия (138—161 гг.) — 8 экземпляров, Луция Вера (161—169 гг.) — 1, Фаустины I (ум. в 140 г.) — 3, Фаустины II (161—175 гг.) — 1, Коммода (180—192 гг.) — 2, Юлии Домны (ум. в 217 г.) — 1, неизвестного происхождения — 1 экземпляр³⁸⁴.

В 1937 г. на берегу р. Марты в ст. Мартанской (Горячключевской район) был найден денарий Домициана (81—96 гг.)³⁸⁵. Из совхоза «Путь к сознанию» (Геленджикский район) происходит денарий Марка Аврелия³⁸⁶. При раскопках Гермонассы обнаружили денарии Александра Севера и его матери Юлии Мамен³⁸⁷.

Что касается римских провинциальных монет, то они также встречаются на азиатской стороне Боспора крайне редко. Преимущественно это монеты Кесарии Каппадокийской. Клад из ст. Адагумской (1859 г.) включал около 200 серебряных каппадокийских монет римских императоров II в. н.э.³⁸⁸. Серебряные монеты Траяна и Юлии Домны, выпущенные в Кесарии Каппадокийской, были найдены в 1886 г. в сел. Адербиевке Геленджикского района³⁸⁹. Из Туапсе происходят медные монеты провинциальной александрийской чеканки: одна из них принадлежит Антонину Пию, другая — Диоклетиану (288 г. н.э.)³⁹⁰.

Монеты, выпущенные в римских провинциях, происходят и из раскопок Горгииппии. Наиболее ранняя из них — медная монета Адриана (117–138 гг. н.э.), чеканенная в понтийском городе Амасии³⁹¹. Чеканка Кесарии Каппадокийской представлена медной монетой Адриана из раскопок 1967 г. и двумя серебряными дидрамами Антонина Пия (138–161 гг.)³⁹² из раскопок 1969 и 1985 гг. (№ 35). Еще одна медная монета принадлежит Марку Аврелию (раскопки 1987 г., № 28), но плохая сохранность ее не позволяет определить провинциальный центр чеканки. В 1989 г. в Горгииппии была найдена медная монета Гераклеи Понтийской, чеканенная от имени Каракаллы (211–217 гг.)³⁹³. Еще одна монета Гераклеи Понтийской, принадлежащая чекану Салонины, происходит из Фанагории³⁹⁴.

Таким образом, римская монета не играла реальной роли в денежном обращении и экономике Боспора в I–IV вв. н.э. Денежный рынок Боспора обходился в это время собственной монетой, а единичные римские монеты, проникавшие в боспорские города, почти не заметны в процессе денежного обращения. Вместе с тем римские монеты, встречающиеся на территории Азиатского Боспора, являются важным источником для изучения экономических и политических связей, существовавших между Римской империей и Боспорским царством.

Пафлагония и Понт

Иноземные монеты встречаются в материалах раскопок и кладах на азиатской стороне Боспора римского времени крайне редко. Они представлены понтийской медью митридатского периода и монетами различных центров Понта и Пафлагонии. В кладах времен Асандра имеются монеты Амастрии, Амиса, Синопы, часть из них перечеканена типами Асандра. Монеты Пафлагонии и Понта присутствуют и в кладе с поселения Батарейка I (1997) (49/48–21/20 гг. до н.э.)³⁹⁵. Этот факт говорит о том, что понтийская медь митридатской эпохи продолжала оставаться в обращении и в правление Асандра. В составе клада из района косы Чушка (1870) находились серебряные драхмы царя Понта Полемона I вместе с боспорским золотом и денарием Цезаря.

Монеты городов Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес, Тира)

Монеты центров Северного Причерноморья также редки на азиатской стороне Боспора, поскольку они, так же как и римские, не играли заметной роли в денежном обращении Боспора и попадали на Азиатский Боспор, по-видимому, случайно. Так, в составе крупного клада из Горгииппии 1987 г.³⁹⁶, зарытом в правление Ининфимея, обнаружены монеты Херсонеса и Тире. Медная монета Херсонеса датируется временем правления Марка Аврелия³⁹⁷. В свое время Шелов писал о почти полном отсутствии на территории Боспора херсонесских монет, однако единичные находки херсонесских монет все же зафиксированы в городах Боспора: в Нимфее³⁹⁸, Тиритаке³⁹⁹, Фанагории и других центрах Боспора⁴⁰⁰, а также в кладах⁴⁰¹.

Монеты Тире римского времени известны на денежном рынке Горгииппии. Одна из них, типа «голова Александра Севера — Ника, ΤΥΡΑΝΩΝ» с ромбовидным клеймом в виде виноградной грозди⁴⁰² была найдена при раскопках 1982 г. Две других монеты Тире входили в состав Анапского клада 1987 г.: одна относится ко времени правления Каракаллы (212–217 гг.)⁴⁰³ (табл. XI, 1), вторая принадлежит Александру Северу (222–235 гг.)⁴⁰⁴. Еще одна монета Тире римского времени происходит из раскопок Гермонассы⁴⁰⁵.

По мнению Зографа⁴⁰⁶, Тира была разрушена варварами при Максимилине Фракийце (235–238 гг.). Находка монеты Александра Севера с контрамар-

кой в виде виноградной грозди, найденная в Горгииппии, свидетельствует о том, что после прекращения чеканки Тире в правление Максимиана монеты предшествующих периодов оставались в обращении. В Тире выпуски монет после 238 г. не известны⁴⁰⁷. На денежный рынок Фанагории продолжают проникать монеты Ольвии. Так, например, в 2007 г. на раскопе «Верхний город» была обнаружена медная монета с именем ольвийского архонта Тита Флавия Сопатра (?), выпущенная в период 69–96 гг. н.э., с двумя клеймами — «крылатый кадуцей» и буква Δ⁴⁰⁸.

Парфия

Парфянские монеты встречаются на Азиатском Боспоре также весьма редко. В 1936 г. в ст. Батарейной была найдена драхма Орода II (57–38 гг. до н.э.)⁴⁰⁹. Из Новороссийска происходит драхма Вонона I (8–11 гг. до н.э.)⁴¹⁰, из Горгииппии — драхма царя Готарза II (43–50)⁴¹¹.

4. «Варварские» подражания на Азиатском Боспоре

Особый интерес представляют «варварские» подражания, обращавшиеся на территории Азиатского Боспора. Они найдены при раскопках многих городищ и поселений на азиатской стороне Боспора, а также в кладах. Первую, самую раннюю, группу составляют подражания статерам Лисимаха конца I в. до н.э. Два таких подражания обнаружены, например, в ст. Даховской (Краснодарского края) в составе предметов из погребения (?) начала нашей эры⁴¹².

Вторую, самую большую группу, составляют так называемые «варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса⁴¹³. В 1912 г. такое серебряное подражание найдено в одном из погребений некрополя у ст. Крымской рядом с хут. Александровка⁴¹⁴. Такие же подражания были обнаружены в Новороссийске (1935)⁴¹⁵, Горгииппии⁴¹⁶ и Фанагории. Из последней происходит особенно много таких монет — серебряных и медных. Еще Харко в 1920-е годы приобрел у жителей ст. Сенной несколько варварских подражаний, найденных на городище Фанагории⁴¹⁷. В 1936 г. на городище была обнаружена еще одна низкопробная монета⁴¹⁸. В 1939 г. на Береговом раскопе в Фанагории было обнаружено медное подражание римскому денарию с типом идущего Марса⁴¹⁹. При раскопках М.М. Кобылиной 1955 г. на Северном раскопе был найден еще один медный экземпляр, а при раскопках 1959 г., в слое III–IV вв. — 12 медных монет⁴²⁰. Позднее Д.Б. Шелов и Н.А. Фролова издали еще 11 подражаний из раскопок Фанагории⁴²¹. Все они медные и, по классификации Л.Н. Казамазовой и В.В. Кропоткина⁴²², относятся к третьей группе и датируются концом III — началом IV в. н.э.⁴²³ Кроме того, на азиатской стороне Боспора в кладах зарегистрировано еще пять находок «варварских» подражаний.

Н.А. Захаровым был издан клад подражаний римским денариям с типом идущего Марса, обнаруженный в 1933 г. близ Новороссийска⁴²⁴. Все монеты изготовлены из низкопробного серебра и относятся, по классификации Л.Н. Казамазовой и В.В. Кропоткина, ко второй группе, датируемой второй половиной III в. н.э. Подобный клад был найден в 1930-х годах в ст. Червленной Моздокской ветки Орджоникидзевокой ж.д.⁴²⁵ В 1928 г. в Новороссийске также был обнаружен клад «варварских» подражаний римским денариям (тип не ясен)⁴²⁶. «Варварские» подражания входят также в состав кладов из Гай-Кадзора 1972 и 1977 гг.⁴²⁷ (табл. X, 13–17). Из пяти

экземпляров, присутствующих в этих комплексах, четыре относятся ко второй группе и один к третьей.

Н.А. Захаров предположил, что «варварские» подражания обращались на территории Боспорского царства параллельно с боспорскими монетами, но позднее Л.Н. Казаманова и В.В. Кропоткин⁴²⁸ сочли его утверждение ошибочным, мотивируя это тем, что факты совместных находок данных монет с боспорскими не известны; они не встречаются в кладах боспорских и римских монет II–IV вв. н.э. Между тем Захаров оказался прав: в 1972 г. А.И. Салов опубликовал клад из Гай-Кадзора⁴²⁹ и зарегистрировал первый случай находки «варварских» подражаний и боспорских статеров в одном комплексе. В 1977 г. был найден второй клад из Гай-Кадзора, также содержащий боспорские статеры и «варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса. С другой стороны, Казаманова и Кропоткин совершенно справедливо рассматривали явление варварской чеканки на периферии азиатской части Боспорского царства и в примыкающих регионах Северного Кавказа в общем контексте появления разнообразных варварских подражаний на территории Восточной Европы во II–III вв. н.э.

Поскольку на территории Боспорского царства и на варварской периферии Северного Кавказа римские денарии II–III вв. обращались в крайне незначительном количестве и не играли существенной роли в денежном обращении, Казаманова и Кропоткин предположили, что подражания римским денариям с типом идущего Марса чеканились в III–IV вв. не местными племенами, а пришедшими сюда готами. Последние известны в Северном Причерноморье и Приазовье с 30–40-х годов III в. н.э. Судя по археологическим и нумизматическим данным, в середине III в. н.э. готы разгромили ряд античных поселений Боспора и восточного побережья Понта. Эти германские племена, проникшие в указанное время в данный район, застали здесь в обращении наряду с обесцененной римской монетой (о чем говорят Керченский (1954 г.) и Войковский (1962 г.) клады антонинианов⁴³⁰) также обесцененные боспорские статеры, ходившие только на внутреннем рынке. Очевидно, в этот исторический момент на Азиатском Боспоре и в примыкающих к нему районах Северного Кавказа появились «варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса⁴³¹. Находки их в позднеантичных слоях Фанагории и Тиритаки, а также в кладах из Гай-Кадзора дают возможность датировать время их обращения с середины III до середины IV в. н.э.

Третья группа «варварских» подражаний выявлена впервые Зографом, изучавшим монеты из собрания ГЭ и раскопок Тиритаки и Мирмекия, среди которых он обнаружил грубые, малограмотные подражания статам Рескупорида VI⁴³². Харко приводил «случай варваризации» в чеканке Радамсада, объясняя, однако, его тем, что на царском монетном дворе наряду с квалифицированными мастерами работали одновременно малоквалифицированные, неграмотные резчики⁴³³. Казаманова и Кропоткин опубликовали шесть «варварских» подражаний статам Фофорса и Рескупорида VI. Они считали, что эти местные «боспорские» подражания, которые довольно удачно копируют монеты названных царей, очевидно, появились вскоре после их правления. Эти подражания близки по типу боспорским статам и не имеют ничего общего с «варварскими» подражаниями римским денариям с типом идущего Марса⁴³⁴.

К.В. Голенко, вслед за А.Н. Зографом, также выделял в ряде кладов подражания позднебоспорским статам, отмечая при этом, что вопрос о характере их чекана и распространения далеко не ясен⁴³⁵. По его мнению, в Пантикапее, Кехах, Тиритаке и других античных поселениях параллельно

обращались позднебоспорские статеры и подражания им. Он предполагал, «что подражания начали выпускать на Боспоре из-за нехватки монеты, официальный чекан которой был прекращен в 633 г. боспорской эры (336 г. н.э.) (на самом деле в 341 г. — Н.Ф., М.А.), т.е. задолго до разгрома Боспора гуннами»⁴³⁶. Такие «варварские» подражания, как считал Голенко, входили в состав кладов из Тиритаки⁴³⁷ и Кеп⁴³⁸.

Между тем эти идеи (в том числе относительно подражаний статам Фофорса 582 и 583 гг.) будут вызывать определенный скептицизм до тех пор, пока не будут решены вопросы датировки монет, места чеканки и этнической принадлежности народа, которым были выпущены эти подражания. Подобные, «грубо выполненные подражания» боспорским статам постоянно находят в археологических слоях античных памятников Северного Причерноморья; фиксируются их находки и в позднебоспорских кладах⁴³⁹.

5. Денежный рынок во второй половине I в. до н.э.

В свое время Зограф, рассматривая монетное дело Боспора в различные периоды, выделил в своей книге «Античные монеты» раздел «время Митридата Евпатора и Асандра»⁴⁴⁰. В этом же разделе он рассмотрел и чеканку Фарнака (63–47 гг. до н.э.), наследовавшего Митридату VI. Хотя в монетном деле всех трех правителей, а также Динамии бесспорно просматривается преемственность, признание Римом Асандра царем «вассального» государства знаменует начало римского периода на Боспоре. Монетное дело Асандра западные исследователи относят к римской провинциальной чеканке⁴⁴¹. Два клада времени Асандра (49/48–21/20 гг. до н.э.) были найдены на азиатской стороне Боспора. Почти все медные монеты Асандра перечеканены из боспорских анонимных оболлов, а также тетрахаалков Пантикапея и Фанагории и понтийских монет эпохи Митридата VI. Клад из античного поселения Батарейка I (1999 г.) почти полностью состоял из оболлов Асандра (99 из 104 экз.). Все они надчеканены с обеих сторон изображением восьмилучевой звезды. Кроме них в клад входили две монеты Амиса, два тетрахаалка типа «голова Ники — прора, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ» и пантикапейский тетрахаалк времен Асандра.

Интересное свидетельство о денежном обращении Азиатского Боспора в конце I в. до н.э. дает клад 1870 г. из района косы Чушка (Таманский полуостров), содержащий денарий Цезаря⁴⁴², 17 драхм понтийского царя Полемона I, 3 статера Асандра и боспорский золотой статер с монограммой χ , чеканенный в 9/8 г. до н.э. Драхмы Полемона I вместе с римским денарием, составляющие серебряную часть клада, могли попасть на Боспор с контингентами Полемона I, который ок. 8 г. до н.э. вел боевые действия против племени аспургиан, попал в засаду и погиб (Strab. XI. 2. 11; XII. 3. 29). С этого времени на Боспоре вновь начинается чеканка золота, знаменовавшая собой начало нового периода взаимоотношений Боспора и Рима и продолжавшаяся в течение около двадцати лет. Однако помещение портрета Августа на аверсе статеров свидетельствует о том, что Рим не утратил контроля над Боспором. Именно к этому моменту относится статер 9/8 г. до н.э. с монограммой χ . Гибель Полемона I произошла, скорее всего, в 8 г. до н.э., когда появились первые золотые статеры с монограммой χ и датой по вифино-понтийской эре. Следует признать, что в настоящее время нет достоверных данных о «втором» правлении на Боспоре Динамии или другого лица, чье имя сокрыто в монограмме χ . Вопрос о правителях Боспора, предшествующих воцарению

Аспурга, продолжает дебатироваться в научной литературе⁴⁴³. Очевидно, что выпуск монет с монограммой Σ происходил с ведома Рима и под контролем римских чиновников. По мнению А. Барнетта, М. Амандри и П.П. Риполле⁴⁴⁴, на монетах с монограммой Σ помещены портреты Августа и Агриппы, которые являлись благодетелями Динамии.

Раскопки Фанагории, Горгиппии, Кеп, Патрея и т.д. дали находки монет Асандра (табл. VII, 9–11, 13), городов Агриппии⁴⁴⁵ и Кесарии⁴⁴⁶ (табл. VII, 15–17), медь с монограммами Σ ⁴⁴⁷ и Σ ⁴⁴⁸. В 1996 г. экспедицией ИА РАН в Фанагории был найден золотой статер Асандра⁴⁴⁸. Золотой статер монограммой Σ 295 г. б. э. = 2 г. до н.э. — единственный известный экземпляр статера этого года — был найден также в Фанагории в 1947 г.⁴⁴⁹ (табл. XII, 7).

Таким образом, эти монетные находки с территории Азиатского Боспора позволяют боспорскую чеканку в период между смертью Асандра (21/20 гг. до н.э.) и воцарением Аспурга (14 г. н.э.) разделить на три основных этапа: 1) 21/20–14 гг. до н.э. — правление Динамии, продолжившей линию Асандра на укрепление отношений с Римом; 2) 15/14–9/8 гг. до н.э. — правление Полемона I, при котором портрет римского императора постоянно изображался на боспорских статерах в знак признания Боспором Рима своим «сюзеренном»; 3) 9/8 гг. до н.э. — 13 г. н.э. — правление «неизвестных династов», чья чеканка характеризуется помещением на золотых монетах монограммы Σ и портрета Августа, а на меди монограмм Σ и Σ .

6. Денежное обращение в начале I в. — 238 г. н.э.

К началу I в. н.э. Боспорское царство находилось в зависимости от Рима. Оно занимало обширную территорию; восточная граница государства на азиатской стороне Боспора охватывала земли синдов и меотов. Юго-восточная граница включала территорию Горгиппии. Денежное обращение обозначенного периода отражают материалы из раскопок поселений и некрополей, а также клады, тезаврация которых состоялась в начале I — начале второй трети III в. н.э. Позднейшими в кладах второй подгруппы являются комплексы, зарытые в конце правления Ининфимея в 238 г. На азиатской стороне Боспора и в примыкающем районе было найдено почти два десятка кладов золотых и медных монет царей Боспора — первой трети III в. н.э. и один клад монет провинциального серебра (Кесарии Каппадокийской) из ст. Адагумской (1859 г.)⁴⁵⁰.

Регистрация находок золотых боспорских статеров I — начала III в. н.э. в Краснодарском крае позволяет наметить территорию распространения и обращения боспорского золота на Азиатском Боспоре: в нее входили Таманский полуостров, Прикубанье, а также примыкающие к Боспорскому государству районы Северного Кавказа. Изучение состава кладов боспорских статеров I — первой трети III в. н.э. выявило отсутствие среди кладового материала римских монет. Хотя имеется указание на клад серебряных монет Кесарии Каппадокийской II в. н.э., найденный на Кубани⁴⁵¹, но это единственный случай находки римского провинциального серебра в данный период. Денежный рынок Боспора в I — первой половине III в. н.э. обходился собственной монетой. Римское серебро, которое Боспор мог получать от Рима в виде субсидий, уходило за пределы Боспора, в область обитания «варварских» племен, превращаясь в межплеменное средство обмена, и возможно, достигая удаленной периферии «варварского» мира⁴⁵².

Изучая данные боспорских кладов I — первой половины III в. н.э., найденных на Азиатском Боспоре, и сопоставляя их с единичными монетными находками на боспорских городищах этого региона, можно заключить: основную массу денежного обращения Боспора в римское время составляли золотые и медные боспорские монеты. Боспорская медь выполняла функции разменной монеты. Функции же средства обращения и меры стоимости принадлежали только золотым царским статерам. Боспорское золото часто встречается в кладах и редко — в слоях боспорских городов, и еще реже — в погребениях. Разрыв между функциями золота и меди составлял одну из особенностей денежной системы Боспора в I — начале III в. н.э.: золото обслуживало крупные торговые операции, а обильные эмиссии меди — повседневный массовый оборот. Со второй четверти III в. ситуация меняется: статер постепенно превращается в биллонный, резко возрастает интенсивность чеканки; к концу столетия он становится медным. В начале этого процесса деградации старые золотые статеры могли изыматься из обращения и помещаться в клады.

Еще Бертье-Делагард установил, что боспорские золотые монеты есть не что иное, как римские ауреусы. При этом он отметил, что золото Боспора точно выдерживало ту монетную стопу, которая легально должна была бы быть в Риме, но никогда императорами не соблюдалась. Бертье Делагард объясняет этот факт тем римским правилом, которое обязывало чеканить провинциальную монету не иначе, как сохраняя преимущество для римской; золото Боспора обращалось в тех странах, куда римские монеты не проникали и где в связи с этим не было повода изымать лучшую монету из обращения⁴⁵³. Бертье-Делагард выдвигал идею о том, что римские монеты не обращались на территории Боспорского царства. Он наметил ареал распространения боспорского золота: в Скифии, на северных берегах Понта и в пределах Кавказа.

Монетные находки из Фанагории, Горгиппии, Патрея, Кеп и т.д. свидетельствуют, что основную массу монет в римское время составляли медные монеты, участвующие во внутреннем денежном обращении. Однако в целом, несмотря на зависимость Боспора от Рима, который назначал царей на боспорский престол (Strabo. VII. 4. 7) и контролировал золотую чеканку, монетное дело Боспора было подчинено законам своего государства, отражало финансово-экономическую политику каждого боспорского правителя и, по всей видимости, не зависело от общего хода монетного дела Рима и всех происходящих в нем изменений⁴⁵⁴.

Самым ранним известным кладом этой подгруппы является клад из пос. Сукко (1963)⁴⁵⁵, зарытый в период римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э. Он состоял из монет Агриппии, Кесарии, меди с монограммой Σ , монет Аспурга (табл. VIII, 1–3), Гепеирии (табл. VIII, 4) и Митридата III (табл. VIII, 5–6). Далее следует клад из Горгиппии (1978 г.), содержащий монеты Агриппии и боспорских правителей — Аспурга (14–37), Гепеирии (37–38 гг.), Котиса I (45–68 гг.) (табл. VIII, 7–9); Рескупорида II (69–93 гг.), Савромата I (93–123 гг.), Котиса II (123–132 гг.)⁴⁵⁶.

Важное значение для изучения монетного дела Боспора имеют находки кладов боспорских золотых статеров II–III вв. н.э. с Краснобатарейного городища (1960 г.)⁴⁵⁷ (табл. VIII, 8–16), из ст. Казанской (1972)⁴⁵⁸ (табл. IX, 1–2) и ст. Раевской⁴⁵⁹. Они примыкают к компактной группе кладов боспорского золота II — первой трети III в. н.э. Некоторые из них содержали весьма внушительное количество золотых монет: Усть-Лабинский клад 1849 г. — 600 экземпляров, Краснобатарейный клад 1960 г. — 89, клад из Мысхако (1990-е годы) — около 200, клад из ст. Раевской (1998 г.) — около 400 экземп-

ляров. Особый интерес представляет уникальный клад монет Котиса III из Темрюкского района, состоявший только из статеров 228 г. н.э., выпущенных им в честь своего отца Рескупорида III⁴⁶⁰. Отдельные монеты 228 г. с именем Рескупорида III обнаружены в составе кладов из Патрея (1970 г.)⁴⁶¹ и Мысхако (начало 1990-х годов)⁴⁶².

Последними в этой подгруппе являются два горгиппийских клада, тезаврация которых произошла в 238 г. н.э.: клад 1984 г., содержащий монеты с 80 до 238 г.⁴⁶³, и уникальный по составу клад 1987 г.⁴⁶⁴ (табл. IX, 3–10). В последнем кладе хронологический разрыв между самыми ранними (III в. до н.э.) и самыми поздними (238 г. н.э.) монетами составляет свыше 500 лет. Этот комплекс является также почти единственным кладом Азиатского Боспора, содержащим монеты Херсонеса и Тиры (только в кладах из Керчи (1870 г.) и «Полянки» (1984 г.) имеется по одной монете Херсонеса).

Итак, наиболее поздними монетами в кладах первой подгруппы являются статеры Ининфимея 238 г. (табл. X, 1). Сравнительный анализ данных нумизматики и археологии позволяет сделать вывод о том, что причинами прекращения эмиссий статеров на Боспоре являются не ухудшение содержания серебра и не девальвация римских денариев и антонинианов, которые практически не обращались на территории Боспора, а вторжение «варварских» племен. В этот период ряд провинциальных городов Римской империи также прекратил чекан монеты, однако, как свидетельствуют составы кладов второй подгруппы, в дальнейшем Боспор смог противостоять нашествиям варваров и продолжить эмиссии своих монет⁴⁶⁵.

Таким образом, 238 г. н.э. дает четкую хронологическую границу между двумя подгруппами боспорских кладов римского времени. С 239 до 241 г. статеры на Боспоре не чеканились, и нам не известны клады, зарытые в период между 238 и 251 гг. н.э. Важный материал о денежном обращении I–III вв. н.э. дают монетные находки из раскопок городов азиатской стороны Боспора и их некрополей — Фанагории, Кеп, Гермонассы, Патрея. По данным Фроловой⁴⁶⁶, на Боспоре редко встречаются монеты Рескупорида II, а наибольшее количество монет принадлежит Савромату I. Довольно редки и монеты Котиса II. Меньше всего монет принадлежит Евпатору, что объясняется резким сокращением медных эмиссий на Боспоре, которое было вызвано зарождающимся кризисом в денежном обращении государства. Значительно реже других встречаются также монеты Котиса III, столь же немногочисленны и монеты Савромата III. Уменьшение числа находок монет двух последних царей ярко свидетельствует об ослаблении темпа монетной чеканки на Боспоре.

7. Денежное обращение в 251–341 гг. н.э.

С правления Рескупорида V (242–276) начинается один из самых сложных периодов в истории Боспора. Монеты с именем этого царя, несомненно, являются источником не только по истории денежного обращения Боспорского царства, но и одним из главных источников по хронологии правления четырех царей: Рескупорида V, Фарсанза, Савромата IV и Тейрана. Денежное обращение с 285 по 341 г. представлено статерами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, в изобилии встречающимися в поздних слоях городищ Азиатского Боспора.

Значительную группу монетных комплексов римского времени составляют позднебоспорские клады. Время их тезаврации охватывает хронологический отрезок с начала второй половины III в. по 341 г. н.э. Тезаврация монеты в

середине III в. н.э. связана с внешнеполитическими событиями, вызванными нападением на Боспор «скифских» племен в середине III в. н.э. Самым ранним из них является Патрейский клад 1970 г. (251 г. н.э.), затем следует клад из Гермонассы 1970 г. (252 г. н.э.)⁴⁶⁷. Именно к 252–253 гг. относил начало морских походов боранов, готов и герулов А.М. Ременников⁴⁶⁸. Патрейский клад 1970 г. (табл. IX, 11–19) свидетельствует о заметном увеличении интенсивности чеканки статеров накануне этих походов: количество монет в нем возрастает с 248 по 251 г., а на 250–251 гг. приходится наибольшее количество экземпляров в кладе. В 252 г. эмиссии статеров несколько сокращаются. Это явление уже было отмечено ранее Фроловой⁴⁶⁹, которой было учтено 264 экз. статеров 250 г. и 290 экз. — 251 г. Чрезвычайно обильные выпуски статеров и ухудшение качества их металла являются бесспорным свидетельством напряженного состояния экономики Боспора в эти годы. Походы 252–253 гг. не прошли бесследно для Боспора, что подтверждает Таманский клад 1970 г.⁴⁷⁰, в котором позднейшими монетами были статеры Рескупорида V 252 г. н.э.

В 264 г. состоялся еще один поход «скифов» в восточную часть Малой Азии (Каппадокию — Вифинию — Галатию). Путь лежал через Боспор вдоль Кавказского побережья⁴⁷¹. Из Адыеи происходит клад 1999 г.⁴⁷², в котором самой поздней монетой был статер Рескупорида V 264 г. н.э. В это время нужды Боспорского государства возрастают по мере того, как на его границах появлялись все новые и новые отряды варваров. Борьба с ними требовала больших средств. В связи с этим в 265 г. происходит реформа Рескупорида V, выразившаяся в увеличении номинальной стоимости статера вдвое. В 266 г., как свидетельствует упомянутый выше статер Тейрана 563 г. б.э. (266 г. н.э.) из Таманского клада 1958 г., Рескупорид V разделил тяготы по охране границ и сохранению царства с Тиберием Юлием Тейраном. Возможно, это позволило ему спасти Боспорское царство от вторжения «скифских» племен. Как известно, в 266 г. племена «скифов» возобновляют свои походы. В этот год ими были разграблены Вифиния и Гераклея Понтийская, а в 267 г. из Меотийского озера на 500 судах вышли герулы и направились вдоль западного побережья Понта. До начала походов герулов эмиссии статеров 266 г. значительно превышают выпуски всех предыдущих лет⁴⁷³. Равным образом они превышают и эмиссии следующего 267 г., в течение которого «скифы» успели пересечь Черное море и подойти к Дунаю. Нужда заставила Рескупорида V перечеканивать статеры предыдущих лет.

По сообщению Зосима (I. 63), в 275 г. скифы переправились через Меотийское озеро и Понт и совершили набег до Киликии. Таким образом, еще раз в 275 г. территория Боспора была превращена «скифскими» племенами Меотиды в плацдарм для нападения на Малую Азию. После самого сокрушительного похода «скифов» в 275 г. на Боспоре перестают чеканить статеры из серебра. Осенью 276 г. через Боспор возвращались на север герулы и готы, разбитые Флорианом⁴⁷⁴. Именно в этом году был зарыт Тиритакский клад 1937 г., тезаврацию которого считают связанной с победой Тейрана над пиратами — «варварами»⁴⁷⁵. Чуть позже, в 278 г., был зарыт клад с поселения у хут. Батарейки (1958 г.).

Позднебоспорские клады из азиатской части Боспора дают чрезвычайно важные сведения как для уточнения хронологии правления боспорских царей, так и для освещения многих сторон денежного обращения Боспора в III–IV вв. н.э. В этом отношении большое значение имеют клады: Патрейский (1951 г.)⁴⁷⁶, Кепский (1962 г.)⁴⁷⁷, Таманский (1958 г.)⁴⁷⁸, Ильичевские

(1975, 1977 гг.)⁴⁷⁹ и Гай-Кадзорские (1972, 1977 гг.)⁴⁸⁰. Эти комплексы дали вместе более 1500 монет Рескупорида V, Фарсанза, Савромата IV, Тейрана, Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI. Введение в научный оборот их метрологических данных создало надежный фундамент для решения различных вопросов, связанных с чеканкой позднего Боспора.

Отличительной чертой многих позднебоспорских кладов является наличие в них большого количества монет: так, Кепский клад 1962 г. содержал 745 монет, Патрейский 1951 г. — почти 400; Гай-Кадзорские клады вместе дали более 360 монет. Этот факт свидетельствует об интенсивной чеканке статеров в период экономического упадка и денежного кризиса на Боспоре, начавшегося со второй четверти III в. н.э. и длившегося до конца столетия. Те же процессы продолжались в начале следующего века и закончились, как известно, прекращением в 341 г. н.э. боспорской чеканки вообще.

Ряд позднебоспорских кладов был детально исследован и опубликован Голенко, в том числе, Патрейские 1951 и 1970 гг., Таманский 1970 г., Кепский 1962 г. Однако, как было отмечено выше, при издании некоторых из них, а также многих других из перечисленных кладов, были допущены неточности. Так, например, дальнейшее изучение позднебоспорских кладов показало, что датировка кладов из Кеп (1962 г.) и Гай-Кадзора (1972 г.) (табл. X, 12) должна быть пересмотрена, поскольку в них выявлены статеры 638 г. б.э. (341 г. н.э.)⁴⁸¹. Уже после издания этих кладов было установлено, что конечной датой чеканки Рескупорида VI является не 633 г. б.э. (336 г. н.э.), как считалось ранее⁴⁸², а 638 г. б.э. = 341 г. н.э. Нумизматические материалы подтверждают вывод о незначительной роли римской монеты в денежном обращении Боспорского царства. В кладах азиатской части Боспора римские монеты почти не встречаются: только в составе Патрейского клада 1970 г. имеется один денарий Тита 80 г. н.э.⁴⁸³ (табл. XI, 2).

В III в. н.э. трижды прерывалась чеканка боспорских статеров. Опираясь на выводы специалистов, занимавшихся исследованием причин кризиса Римской империи середины III в. н.э., можно заключить, что причиной прекращения эмиссий боспорских статеров являлась не девальвация римской серебряной монеты, которая почти не обращалась на территории Боспора, а вторжение «варварских» племен в пределы Империи. Выявленные три перерыва в чеканке боспорских статеров приходятся на 239–241, 258–260, 268–274 гг. и совпадают со временем прекращения чеканки во многих городах римских провинций: Македонии, Фракии, Мезии, Дакии, Ахайи, Вифинии, Понта, Сирии, Египта. Начало процесса прекращения провинциальной чеканки приходится на время правления Гордиана III (238–244 гг.), а пик — на время правления Галлиена (253–268 гг.). Многие города, подвергшиеся нападению «скифов», так и не возродили провинциальную чеканку. Боспор же смог противостоять нашествию варваров и продолжить эмиссии своих монет. Таким образом, каждый раз перерыв в чеканке Боспора совпадал с периодами вторжений кочевых племен Северного Причерноморья и Меотиды через территорию Боспора на границы Римской империи⁴⁸⁴.

Особый интерес представляет самый поздний из комплексов данной подгруппы — Ильичевский клад 1975 г., отразивший состояние экономики Боспора в середине VI в. н.э., в то время как все известные ранее нумизматические сведения о денежном обращении на Боспоре ограничивались 341 г. С этого момента, как отмечалось выше, монетные эмиссии на Боспоре прекратились, что было связано, очевидно, с вторжением готов и гуннов. Если принадлежность Боспора готам после 362 г. оспаривается, то тот

факт, что конец могуществу Боспорского царства положило нашествие гуннов в 70-х годах IV в. н.э., не вызывает сомнений. Полчища гуннов разрушили античные поселения на Таманском полуострове. В VI в. Таманский полуостров попал под власть Византии, о чем свидетельствуют, в частности, материалы Ильичевского клада. В правление Юстиниана I (527–565) во владении Византии оказались оба берега Керченского пролива, и Боспор стал внутримперской областью. Состав Ильичевского клада 1975 г. подтверждает длительность обращения на внутреннем рынке боспорских статеров. Хронологический разрыв между самой ранней монетой клада — статером Рескупорида V 262 г. н.э. и солидами Юстиниана I, выпущенными в 538–565 гг. (табл. XI, 3–7), составляет почти три столетия. Это обстоятельство и отличает Ильичевский клад от всех остальных известных позднебоспорских кладов и свидетельствует о сохранении боспорскими монетами их номинальной стоимости в течение столь длительного времени.

Таким образом, Ильичевский клад позднебоспорских статеров и золотых византийских солидов является ценным источником по истории раннесредневекового Боспора. Он определяет политическую и экономическую значимость Боспора в системе взаимоотношений ранней Византии с другими государствами и миром «варварских» племен⁴⁸⁵. Этот клад подтверждает также вывод о том, что основными металлами денежного обращения Византии были золото и медь. Для внутреннего рынка ранней Византии характерно такое сочетание золота и огромного количества меди при почти полном отсутствии византийского серебра, предназначавшегося для внешнего рынка.

Находки ранневизантийских монет на городищах Таманского полуострова опровергают мнение о том, что от Византии был зависим лишь Пантикапей, а вся остальная территория Боспора оставалась под властью гуннов. Материалы археологических раскопок Фанагории⁴⁸⁶ (табл. XI, 8), Ильичевского городища и др. и состав Ильичевского клада 1975 г. свидетельствуют о том, что Таманский полуостров также находился под властью Византии.

Итак, можно говорить о незначительной роли римской монеты в денежном обращении Боспора во второй половине II — IV в. н.э. Местный рынок обслуживался девальвированными боспорскими статерами. Вместе с тем метрологические данные боспорских монет этого периода позволяют утверждать, что боспорский статер сохранил средний вес, принятый в государстве, начиная с правления Рескупорида III (211–226 гг.) — 7,60 г. При Радамсаде (309–322 гг.) вес его незначительно упал — до 7,30 г, а в правление последнего боспорского царя Рескупорида VI (314–341 гг.) колебался между 7,50 и 7,20 г. Со второй половины правления Котиса III (после 231 г.) металл статеров включал всего 50% серебра, а дальнейшая его порча привела к превращению статера в монету условной стоимости. Таким он и остался до конца боспорской чеканки⁴⁸⁷.

* * *

Изучение истории денежного обращения на Азиатском Боспоре в VI в. до н.э. — IV в. н.э. позволяет более полно представить многие явления политической, экономической и культурной жизни в таких важнейших городах этого региона, как Фанагория, Горгиппия, Кепы, Гермонасса. В условиях Боспора, где полисы были экономически и политически тесно связаны с местными племенами, денежные отношения оказывали большое влияние на быт, развитие натурального хозяйства, общинные связи и т.д. Развитие денежных отношений вело к расширению обмена.

В середине VI в. до н.э. возникла серебряная чеканка Пантикапея. В V в. до н.э. к нему присоединяются Фанагория, Феодосия, Нимфей и синды, которые в процессе централизации Боспора при первых Спартокидах утратили право собственной чеканки. Пантикапейская монета в IV—III вв. до н.э. выполняла роль государственной. Вместе с боспорскими монетами на денежном рынке Азиатского Боспора обращались кизикины, игравшие в VI—IV вв. до н.э. роль интерлокальной монеты. На денежный рынок Азиатского Боспора проникали и другие иноземные монеты, что говорит о политических и торговых контактах Боспора с рядом греческих государств — Самосом и другими центрами Ионии, Афинами, Фивами, Македонией, а позднее — с Византием, Родосом, Диоскуриадой, Ольвией, Херсонесом, Тирой, Парфией, Римом. С кизикинами конкурировали золотые пантикапейские статеры IV в. до н.э., свидетельствующие о притязаниях Спартокидов в международной торговле, но к последней трети этого столетия они постепенно были вытеснены из обращения золотыми монетами Александра Великого и Лисимаха.

Топография находок боспорских монет из азиатской части Боспора не только определяет сферу их обращения, но и позволяет уточнить территорию Боспорского царства в конкретные исторические периоды. Так, например, клады рубежа IV и III вв. до н.э., найденные на территории Западного Прикубанья и Восточного Приазовья, позволяют по-новому осветить вопросы обращения боспорской медной монеты на меотских городищах, а также определить границы территории Боспорского царства в конце IV — начале III в. до н.э.

Находки на Азиатском Боспоре монет III в. до н.э. указывают на различные этапы кризиса денежного обращения и проясняют характер деятельности государства в поисках выхода из него. Денежное обращение Боспора при поздних Спартокидах свидетельствует о постепенном ослаблении центральной власти и возрождении полисных традиций: в начале II в. до н.э. возобновляет свою чеканку Фанагория, примерно через столетие начинает выпуск монеты Горгиппия. Появление на денежном рынке в конце II в. до н.э. понтийской медной монеты было связано с политическими изменениями на Боспоре и переходом его под власть Митридата VI.

Денежное обращение римского времени ярко отражает состояние экономики и политические события, связанные с переходом Боспора под власть Рима, а позднее — с походами «варваров» на Боспор вплоть до того момента, когда Боспорское царство перестало существовать и стало частью Византийской империи.

¹ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н.э. М., 1956. С. 125.

² Там же. С. 4—5.

³ Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV. С. 64, сл.

⁴ Там же. С. 65; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 128.

⁵ Анфимов И.Н. Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья (станция Ста-

ронижестеблиевская) // ВДИ. 1991. № 1. С. 75.

⁶ Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир: Межвуз. сб. Орджоникидзе, 1981. С. 132—136.

⁷ Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 1988. № 4.

⁸ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Второй клад медных

пантикапейских монет III в. до н.э. из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской // ПИФК. 2000. Вып. 8.

⁹ Фролова Н.А. Денежное обращение Боспора в 45—234 гг. н.э. // НиС. 1974. Вып. 5. С. 27.

¹⁰ Крушккол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. 1951. № XV. С. 256—272; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947—

- 1957 гг. // НЭ. 1962. Т. III. С. 56–129; Он же. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. Т. IV. С. 89; Харко Л.П. Монетные находки в Фанагории // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 94–99; Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г. // ВДИ. 1981. № 1. С. 100, сл.
- ¹¹ Кругликова И.Т., Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгииппии 1967–1972 гг. // Горгииппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1980. Ч. 1. С. 5–17; Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгииппии 1973–1977 гг. // Там же. С. 122–135; Она же. Монеты из раскопок Горгииппии // ПИФК. 1997. Вып. 4, ч. 1; Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. М., 1997. С. 191–196; Frolova N. Finds of Coins from Ancient Gorgippia // Colloquia Pontica. Leiden; Boston; Köln, 2001. Vol. 6: North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies. P. 399–422.
- ¹² Голенко К.В. Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950) // ВДИ. 1952. № 3; Он же. Монеты из случайных находок в Патрее в 1951 г. // НЭ. 1963. Т. IV; Он же. Монеты из находок в Патрее // НиС. 1968. Вып. 3; Крушкол Ю.С. Монеты из раскопок Патрея 1949–1951 гг. // ВДИ. 1958. № 3; Акимов В.О. Монетные находки с городища Патрей 1993–1996 гг. // Патрей: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 2. С. 99–110.
- ¹³ Казаманова Л.Н. Монеты из раскопок Гермонассы в 1955–1956 гг. // НЭ. 1960. Т. II.
- ¹⁴ Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп 1958–1963 гг. // НиС. 1965. Вып. 2. С. 168–193.
- ¹⁵ Зограф А.Н. Монеты из раскопок Боспорской экспедиции 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 157–172.
- ¹⁶ Фролова Н.А. Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. С. 16–30; Она же. Клады позднебоспорских монет, как исторический источник // НСГИМ. М., 1983. Ч. 8. С. 3–30.
- ¹⁷ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. С.12.
- ¹⁸ Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... С. 256–257.
- ¹⁹ В ОАК за 1868 г. сообщается о нескольких медных боспорских монетах.
- ²⁰ В ОАК за 1870 и 1872 гг. точное количество не указано, отмечено только, это были медные монеты плохой сохранности.
- ²¹ Прушевская Е.О. Анапский клад пантикапейских медных монет // ТОНГЭ. Л., 1945. Т. I. С. 17–27.
- ²² Zoграф A.N. The Tooarse Hoard // NC. 1925. V. P. 29–52.
- ²³ Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854. Т. II. С. 235–236; Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. № 4. 2004. С. 47.
- ²⁴ Кёне Б. Описание музеума князя В.В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Т. I. С. 340, табл. III, 1–2; Regling K. Die Griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. 1931. H. XLI. S. 34.
- ²⁵ Люценко Е.Е. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае (на юге России) // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 28. Д. 22. 1880. Л. 22–26; Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1. С. 30–35; Он же. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.: Преимущественно по неизданным источникам // Там же. Вып. 2. С. 42–43; ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 47. Л. 11–11 об.; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях: (XVII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 579.
- ²⁶ Люценко Е.Е. Описание кладов... Л. 29. № 4.
- ²⁷ Там же. Л. 36.
- ²⁸ Там же. Л. 32.
- ²⁹ Зограф А.Н. Античные золотые монеты Кавказа // ИГАИМК. 1935. Вып. 110; Он же. Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. Т. I; Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1926–1959. Т. I–VIII.
- ³⁰ Голенко К.В. Третий Патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н.э. // НЭ. 1978. Т. XII. С. 35–40; Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 196–199.
- ³¹ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М., 1961. Вып. Г4-4.
- ³² Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002.
- ³³ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванова О.А. Клады античных монет: Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника: Нумизматическая коллекция. Киев, 2006. Т. 1.
- ³⁴ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов. Т. I // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2007–2008. Supplementum 2.
- ³⁵ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- ³⁶ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э.
- ³⁷ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Т. I–II.
- ³⁸ См.: Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII; Салов А.И. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский район) // СА. 1975. № 3. С. 172–175.
- ³⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 132.
- ⁴⁰ Следует отметить, что с XIX в. известны статеры с датой ΘΛΧ (639 г. б.э. = 342 г. н.э.), имеющие плохую сохранность, что ставит под сомнение дату. Если будут найдены такие статеры хорошей сохранности, то последним годом боспорской чеканки придется признать 342/343 г. н.э. (Там же. С. 134).
- ⁴¹ Харко Л.П. Нумизматическая хроника // ВДИ. 1949. № 1. С. 180; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 57, 121–122, № 1182–1209; Он же. К истории обращения медных пантикапейских монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 45–46.

- ⁴² *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Раевский клад медных пантикапейских монет II в. до н.э. // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 59–63.
- ⁴³ *Салов А.И.* Клад боспорских монет из пос. Виноградный // НЭ. 1974. Т. XI. С. 94–98.
- ⁴⁴ *Фролова Н.А.* Вторжение варварских племен... С. 196–199.
- ⁴⁵ *Frolova N.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). В., 2004. S. 3–12.
- ⁴⁶ *Фролова Н.А.* Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 126–132; *Она же.* О проблеме чеканки монет с надписью АПОΛ // БС. 1995. Вып. 6; *Она же.* Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. // РА. 1996. № 2. С. 48–53; *Frolova N.A.* Frühe Münzen von Pantikapaion als historische Quelle // Klio. 1991. Bd. 73, 1. S. 66–69; *Eadem.* Die frühe Münzprägung... S. 13–15.
- ⁴⁷ *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского царства // ВДИ. 1984. № 3. С. 47, примеч. 95.
- ⁴⁸ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. С. 48–53.
- ⁴⁹ *Фролова Н.А.* Корпус монет синдов (первая половина – конец V в. до н.э.) // ВДИ. 2002. № 3; *Frolova N.A.* A Corpus of the Sindian Coins (First Half of the Vth – Late Vth Century BC) // ACSS. 2002. Vol. 8, N 3–4.
- ⁵⁰ См.: *Шелов Д.Б.* Монеты синдов // КСИИМК. 1949. Вып. XXX. С. 111–118; *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 168–171; *Шилов В.П.* Синдские монеты // СА. 1951. № XXV. С. 204–215; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 14, 19–20; *Завойкин А.А., Болдырев С.И.* Третья точка зрения на монеты с легендой «ΣΙΝΔΩΝ» // БС. 1994. Вып. 4. С. 43–47; *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах и Синдском царстве // БФ. 2001. Ч. 1. С. 63, сл.
- ⁵¹ *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 169–170; *Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ // ТС. 2004. 4. С. 23.
- ⁵² *Мошинская В.И.* О государстве синдов // ВДИ. 1946. № 3. С. 203;
- Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 42.
- ⁵³ *Орешиников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // Нумизматический сборник. М., 1915. Т. III. С. 51.
- ⁵⁴ *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 153; *Грач Н.Л.* К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ. 1972. № 3. С. 138–140; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 28.
- ⁵⁵ *Завойкин А.В., Болдырев С.И.* Третья точка зрения... С. 43–47.
- ⁵⁶ *Фролова Н.А.* Корпус монет синдов... С. 80.
- ⁵⁷ *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 169–170.
- ⁵⁸ *Тохтасьев С.Р.* Scythica в трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979) // ВДИ. 1984. № 3. С. 141.
- ⁵⁹ *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР. М., 1988. С. 127, примеч. 133.
- ⁶⁰ См. также статью С.Р. Тохтасьева (Еще раз о синдских монетах... С. 63, сл.), которая содержит исчерпывающие данные по этой проблеме.
- ⁶¹ *Фролова Н.А.* Корпус монет синдов... С. 71–84; *Frolova N.A.* A Corpus of the Sindian Coins... P. 211–236.
- ⁶² *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. L., 1976. P. 153–154, Pl. 32, 564–565.
- ⁶³ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 49–51; *Фролова Н.А.* Ранние монеты Фанагории (конец V – первая половина IV в. до н.э.) // ТГИМ. М., 2001. Вып. 125: Нумизматика на рубеже веков // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. XV. С. 58; *Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung... S. 71–74.
- ⁶⁴ *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 170.
- ⁶⁵ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 139.
- ⁶⁶ *Завойкин А.А.* О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. Вып. 6. С. 89–94.
- ⁶⁷ *Фролова Н.А.* Ранние монеты Фанагории // Нумизматический сборник. М., 2001. С. 58–70.
- ⁶⁸ *Бертъе-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. II. С. 49–134.
- ⁶⁹ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 49.
- ⁷⁰ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 15; *Завойкин А.А.* О времени автономной чеканки Фанагории. С. 93 сл.; *Фролова Н.А.* Ранние монеты Фанагории. С. 61–67.
- ⁷¹ *Голенко К.В.* Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950). С. 147, № 1; *Абрамов А.П., Болдырев С.И.* «Клады» 1998 г. из Патрея // БФ. 2001. Ч. 1. С. 143–144.
- ⁷² *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 58, № 45, 660, 837, 1057; *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Фанагории... С. 100, № 440.
- ⁷³ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1999. № 3. *Abramzon M.G., Frolova N.A.* A Hoard of Silver Coins of 6th–4th Centuries B.C. from the Taman Peninsula // RN. 2004. 160; *Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung... S. 77–84, Taf. A, B.
- ⁷⁴ *Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В.* Два «синдских» диоболов, найденные в Фанагории // РА. 1998. № 3.
- ⁷⁵ *Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 9.
- ⁷⁶ *Голенко К.В.* Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950). С. 147. № 1.
- ⁷⁷ По описи № Ф-05-01.
- ⁷⁸ *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 164; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора середины VI – V в. до н.э. С. 34.
- ⁷⁹ Этот номинал выделяет Д.Б. Шелов, обративший внимание на то, что монеты с весами 1,12, 1,09, 1,02, которые прежде считали диоболов, довольно далеко отстоят от диоболов со средним весом до 1,42 г (Монетное дело Боспора... С. 65).
- ⁸⁰ *Бертъе-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем... С. 49–92.
- ⁸¹ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 74, 85–94.

- ⁸² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 206; ср.: Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолея // ДБ. Вып. 1. 1998.
- ⁸³ Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 23.
- ⁸⁴ Фролова Н.А. Корпус монет синдвов... С. 74, табл. II, 7–13; III, 12, 12a; Frolova N.A. A Corpus of the Sindian Coins... P. 214–215, Fig. II, 7–13; III, 12, 12a.
- ⁸⁵ Фролова Н.А. Корпус монет синдвов... С. 77, табл. VI, 1–3a.
- ⁸⁶ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Одесса, 1884. Табл. XXIII, 4.
- ⁸⁷ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. II, 27.
- ⁸⁸ Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. ... С. 143–144.
- ⁸⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI – V в. до н.э. С. 57, табл. IV, 13a, 13.
- ⁹⁰ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 14.
- ⁹¹ Шелов Д.Б. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 1949. № 2. С. 93.
- ⁹² Анисимов А.И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // СГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1992. Вып. 10: Археология и искусство Боспора. С. 329, № 254.
- ⁹³ Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 60, № 57.
- ⁹⁴ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет... № 52, 53.
- ⁹⁵ Seltman C.T. Athens: its History and Coinage before the Persian Invasion. Camb., 1924. Pl. XXII, Q.
- ⁹⁶ Kraay C.M. The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology // NC. Ser. XVI. 1956. P. 53, 57, f.
- ⁹⁷ Starr Ch.G. Athenian Coinage. Oxf., 1970. P. 5–6.
- ⁹⁸ Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. L., 1976. Pl. I, 4; X, 181–184.
- ⁹⁹ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 116.
- ¹⁰⁰ Строкин В.А. АПОЛ[ония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 358; 379, рис. 2. 21; Head B. Catalogue of the Greek Coins of Attica, Megaris, Aegina // BMC. London, 1888. XI. P. 11, № 62. Pl. III, 7–8.
- ¹⁰¹ Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. 2001. VIII. С. 429, примеч. 27.
- ¹⁰² Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 60, № 57.
- ¹⁰³ Авторы благодарят научного сотрудника КГИКЭ А.В. Куликова за любезно предоставленную информацию о находке на Кубани этого экземпляра. Фролова Н.А. Монеты Нимфея: (некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 340–354, особо см. с. 348–352.
- ¹⁰⁴ Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973. № 2352.
- ¹⁰⁵ Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. P., 1901. T. I. P. 22. Pl. LXXXI, 31–34.
- ¹⁰⁶ Ашик А.Б. Веспорское царство. Одесса, 1849. Ч. II. С. 17–18; Ч. III. С. 93; Древности Боспора Киммерийского. С. 154; ОАК за 1912 г. С. 39; Шелов Д.Б. Кизикские статеры на Боспоре. С. 93–94; Он же. Монетное дело Боспора... С. 82–83; Тункина И.В. Русская наука... С. 581–582; Бутягин А.М. Клады кизикинов и Мирмекийский клад // Бутягин А.М., Неверов О.Я., Чистов Д.Е. Мирмекийский клад: Каталог выставки. СПб., 2004.
- ¹⁰⁷ Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. ... С. 143–144.
- ¹⁰⁸ Булатович С.А. Находка кизикина на Таманском полуострове // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С. 36–38; Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2004. № 4. С. 52, табл. I, 4, 4a.
- ¹⁰⁹ Fritze H. Die Elektronprägung von Kyzikos // Nomisma. 1912. H. VII. S. 5, Taf. I, 37.
- ¹¹⁰ Regling K. Die Griechische Goldschatz... S. 124–125, Taf. III, 60.
- ¹¹¹ Brett A. Catalogue of Greek Coins: Museum of Fine Arts. Boston, 1955. P. 187, № 1408.
- ¹¹² Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного исторического музея. С. 45.
- ¹¹³ Голенко К.В. Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М., 1977. С. 37–40.
- ¹¹⁴ Fritze H. Die Elektronprägung... // Nomisma. 1914. S. 12. № 157. Taf. V, 5; Brett A. Catalogue of Greek Coins. P. 196. № 1500.
- ¹¹⁵ Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного исторического музея. С. 48.
- ¹¹⁶ Захаров Е.В. Кизикины нового типа, найденный на поселении Гаркуша I (Патрей) // Нумизматические чтения 2009 года: К 80-летию А.С. Мельниковой и 90-летию В.В. Узденникова. Москва, 19–20 ноября 2009 г.: Тезисы ... М., 2009. С. 5–7.
- ¹¹⁷ Древности Боспора Киммерийского. Т. II. С. 236; Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного исторического музея. С. 48.
- ¹¹⁸ Люценко Е.Е. Описание кладов... Л. 22–25.
- ¹¹⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 249. Д. 350. Л. 25–25 об.; Тункина И.В. Русская наука... С. 581.
- ¹²⁰ Кёне Б.В. Описание музеума князя В.В. Кочубея... С. 340, № 7–8. Табл. III, 1–2.
- ¹²¹ Каталог древностей собрания гр. А.С. Уварова. М., 1887. № 385; Зограф А.Н. Античные монеты. С. 173.
- ¹²² Диамант Э.И. Новые данные о Пуленцовском кладе золотых монет // НиС. 1971. Вып. 4. С. 83–86.
- ¹²³ Кёне Б.В. Описание музеума князя В.В. Кочубея... С. 340, табл. III, 1–2; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 132.
- ¹²⁴ Regling K. Die Griechische Goldschatz... S. 34–35, 38.
- ¹²⁵ Abramzon M., Frolova N. A hoard of silver coins of 6th–4th centuries B.C. from the Taman Peninsula // RN. 2004. 160. P. 27–48.
- ¹²⁶ Wroth W. Catalogue of the Greek Coins of Mysia // BMC. London, 1892. XV. P. 35. № 116. Pl. IX, 2.
- ¹²⁷ Абрамзон М.Г. Клад из Пересыпи: новые данные о контактах Боспора с Самосом и Афинами в VI–V вв. до н.э. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.: Тезисы докладов и сообщений.

- СПб., 2001. С. 10; *Abramzon, Frolova*. A hoard of silver coins. P. 40, 47, № 52. Pl. IV. 52; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус... С. 74. № 52.
- ¹²⁸ *Barron J.* The Silver Coinage of Samos. London, 1996. Pl. XV, 4.
- ¹²⁹ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус... С. 26.
- ¹³⁰ ВМС. XV. P. 34–35. № 108–116. Pl. IX, 1, 2.
- ¹³¹ *Булатович С.А.* Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. 1970. № 2. С. 73–86.
- ¹³² *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 138.
- ¹³³ *Зограф А.Н.* Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОАМГЭ. Т. I. 1945.
- ¹³⁴ *Zograph A.N.* The Toorape Hoard. P. 29–52.
- ¹³⁵ *Abramzon M.G., Gorlov Yu.V.* Two Staters of Philip III Arrhidaeus Found in Phanagoreia // ACSS. 1996. Vol. 3, Nos. 2–3. P. 129–132.
- ¹³⁶ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. М., 1925. С. 291–292.
- ¹³⁷ *Зограф А.Н.* Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 54, № 13.
- ¹³⁸ *Зограф А.Н.* Античные золотые монеты Кавказа: Археологические работы на новостройках 1932–1933 гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 189, № 31.
- ¹³⁹ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. III, 34; *Фролова Н.А.* Каталог золотых монет Пантикапея IV в. до н.э. // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 287.
- ¹⁴⁰ *Shönert-Geiss E.* Die Münzprägung von Byzantion. Berlin; Amsterdam, 1970. Teil I: Autonome Zeit. S. 128, Taf. 38.
- ¹⁴¹ *Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии... С. 119, № 342; *Head B.* Historia Numorum. Oxf., 1911. P. 224.
- ¹⁴² *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 85, № 366.
- ¹⁴³ SNG BM. 1993. I. № 731, 732.
- ¹⁴⁴ *Новичихин А.М.* Херсонесская монета с хоры Горгиппии // ВДИ. 2008. № 1. С. 39, примеч. 9.
- ¹⁴⁵ SNG BM. 1993. I. № 734–744.
- ¹⁴⁶ *Гилевич А.М.* Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет III в. до н.э. // НЭ. 1974. Т. VIII. С. 6;
- Она же.* Херсонес и Северо-Западный Крым по нумизматическим данным // Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении: (К 300-летию Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа)». 14–16 октября 1987 г. Л., 1987. С. 54–55; *Она же.* Хронология и топография кладов херсонесских монет IV–II вв. до н.э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973. С. 10–11.
- ¹⁴⁷ По описи № Ф-08-190.
- ¹⁴⁸ По описи № Ф-08-42.
- ¹⁴⁹ SNG BM. 1993. I. № 745–748.
- ¹⁵⁰ *Вартанов Г.А.* Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 71–74.
- ¹⁵¹ SNG BM. 1993. I. Pl. 38, 1012.
- ¹⁵² *Скуднова В.Н.* Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952. № 2. С. 238–242; *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974 Т. XI. С. 80, № 160–161.
- ¹⁵³ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. IV, 42.
- ¹⁵⁴ По описи № Ф-05-4.
- ¹⁵⁵ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. XIX, 41–42.
- ¹⁵⁶ *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 59, № 1052.
- ¹⁵⁷ № по полевой описи Ф-08-38. Вес – 3,23 г.
- ¹⁵⁸ *Зограф А.Н.* Античные монеты. Табл. XL, 27; *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. IV, 49; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Табл. 3, 106.
- ¹⁵⁹ *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 176, сл.
- ¹⁶⁰ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. IV, 47.
- ¹⁶¹ *Frolova N.A.* Finds of Coins from Ancient Gorgippia. P. 400, Fig. 1, 1a.
- ¹⁶² *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 58.
- ¹⁶³ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. XIX, 33.
- ¹⁶⁴ Там же. Табл. XX, 90, 96.
- ¹⁶⁵ Там же. Табл. XIX, 39.
- ¹⁶⁶ Там же. Табл. XX, 91–93.
- ¹⁶⁷ Там же. Табл. XX, 88–89.
- ¹⁶⁸ *Фролова Н.А., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Кеп... С. 173, № 5, 19, 37, 224, 275, 296, 358.
- ¹⁶⁹ *Акимов В.О.* Монетные находки с городища Патрей. С. 105, № 1–4.
- ¹⁷⁰ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. XX, 59–60.
- ¹⁷¹ *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии... С. 122.
- ¹⁷² *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. XX, 88, 89.
- ¹⁷³ Там же. Табл. XIX, 39.
- ¹⁷⁴ Там же. Табл. XX, 70, 71.
- ¹⁷⁵ *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 122.
- ¹⁷⁶ *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 59.
- ¹⁷⁷ *Бертье-Делагард А.А.* Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и в Борисфене в первой половине IV в. до н.э. // Нумизматический сборник. М., 1911. С. 53; *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 177–179; *Он же.* Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // АГСП. 1955. С. 155; *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья: (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. Т. I; *Голенко К.В.* Датировка медных монет Пантикапея конца III–II в. до н.э. // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 138; *Он же.* Заметки о медных боспорских монетах III в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 3. С. 142–152; *Брабич В.М.* Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // КСИИМК. 1956. Вып. 66; *Он же.* Клад монет III в. до н.э. из Мирмекия // СА. 1964. № 4; *Шелов Д.Б.* Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н.э. с надчеканками // КСИИМК. 1952. Вып. 43; *Он же.* Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1953. № 1; *Он же.* Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА. 1954. № 33; *Он же.* Еще раз о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. // СА. 1981. № 2. С. 31–42; *Карышковский П.О.* К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1957. № 2. С. 145–146; *Он*

- же. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1960. № 3; *Он же*. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье // ЗОАО. 1960. Т. 1; *Он же*. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 4; *Он же*. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре // ВДИ. 1964. № 3; *Фролова Н.А.* О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. // СА. 1970. № 4. С. 33–41; *Она же*. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // Проблемы исследования античных городов: Тезисы конф. М., 1989. С. 121–123; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 48–60; *Widawski M.* The Exchange of Coins in the Bosporan State in the 3-rd Century B.C. // PNN. 1990. V. P. 104.
- ¹⁷⁸ *Шелов Д.Б.* Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА. 1954. № 33. С. 58–70.
- ¹⁷⁹ *Он же*. Монетное дело Боспора... С. 89.
- ¹⁸⁰ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет... С. 30.
- ¹⁸¹ *Люценко Е.Е.* Описание кладов... Л. 17, № 12.
- ¹⁸² *Прушевская Е.О.* Анапский клад... С. 2–27.
- ¹⁸³ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. V, 65, 67.
- ¹⁸⁴ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет... С. 85–103.
- ¹⁸⁵ *Захаров В.А.* Клад пантикапейских монет из совхоза «Правобережный» (предварительная публикация) // ВДИ. 1979. № 3. С. 84–86; *Абрамзон, Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет... С. 104–127.
- ¹⁸⁶ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет... С. 128–129.
- ¹⁸⁷ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 48–49.
- ¹⁸⁸ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. V, 61.
- ¹⁸⁹ *Фролова Н.А.* О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. С. 33–34.
- ¹⁹⁰ *Шелов Д.Б.* Еще раз о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. С. 31–42.
- ¹⁹¹ *Фролова Н.А.* О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. С. 39.
- ¹⁹² *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 124.
- ¹⁹³ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 48–50.
- ¹⁹⁴ *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 121–123; *Она же*. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 212–214.
- ¹⁹⁵ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 124; *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 90, № 3, 4.
- ¹⁹⁶ *Фролова Н.А., Савостина Е.А.* Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1998. № 1. С. 148.
- ¹⁹⁷ *Карышковский П.О.* Новые материалы к истории денежного кризиса... С. 140, табл. I, 19, 20.
- ¹⁹⁸ *Анфимов И.Н.* Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н.э. ... С. 70–76; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Второй клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. ... С. 314–331.
- ¹⁹⁹ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. VI, 68, 69.
- ²⁰⁰ Там же. Табл. VI, 66.
- ²⁰¹ Там же. Табл. VI, 70–73.
- ²⁰² Там же. Табл. VI, 75.
- ²⁰³ *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 179.
- ²⁰⁴ *Шелов Д.Б.* Денежная реформа Левкона II. С. 37; *Он же*. Монетное дело Боспора... С. 112–113, 151–155.
- ²⁰⁵ *Завьялов С.А.* Клад пантикапейских медных монет III–II вв. до н.э. из Анапского района Краснодарского края // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 25–26; *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г., Завьялов С.А.* Клад медных боспорских монет III в. до н.э. из пос. Куматырь (2004 г.) // ВДИ. 2009. № 1. С. 75–109.
- ²⁰⁶ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. VI, 70.
- ²⁰⁷ Там же. Табл. XXII, 167.
- ²⁰⁸ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. XXII, 154–158.
- ²⁰⁹ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 157.
- ²¹⁰ Там же. С. 126–127.
- ²¹¹ *Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской. С. 64–66.
- ²¹² *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. V, 62.
- ²¹³ Там же. С. 128.
- ²¹⁴ *Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья... С. 132–136.
- ²¹⁵ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... Табл. V, 57.
- ²¹⁶ *Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья... С. 132–136.
- ²¹⁷ *Он же*. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани. С. 138–145.
- ²¹⁸ *Анфимов И.Н.* Клад пантикапейских монет начала III в. до н.э. ... С. 76.
- ²¹⁹ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 130.
- ²²⁰ Находка 2004 г. Номер по описи Ф-04-21; находка 2008 г. Номер по описи Ф-08-47.
- ²²¹ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. VII, 161.
- ²²² *Крушккол Ю.С.* Монеты Фанагорийского городища... № 42.
- ²²³ *Казаманова Л.Н.* Монеты из раскопок Гермонассы в 1955–1956 гг. // НЭ. 1960. Т. II. С. 55, № 101.
- ²²⁴ *Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // ВДИ. 1940. № 3. С. 292; *Кобылина М.М.* Фанагория. М., 1956. С. 41. МИА; № 57. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана... Т. VIII. С. 7. № 1899.
- ²²⁵ О чеканке Спартокидов во II в. до н.э. см.: *Фролова Н.А.* Каталог монет династии Спартокидов II в. до н.э. (Тигиенонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. 2007. № 4. С. 70–114.
- ²²⁶ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 194–195.
- ²²⁷ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Табл. XXII, 154–159.
- ²²⁸ *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 59.
- ²²⁹ *Frolova N.A.* Finds of Coins from Ancient Gorgippia. P. 408, Nos. 644, 1511.

- 230 Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп... С. 173, № 74, 134.
- 231 Завьялов С.А. Клад пантикапейских медных монет... С. 25–26.
- 232 Шелов Д.Б. Денежная реформа Левкона II. С. 30–39; Он же. Монетное дело Боспора... С. 151.
- 233 Зограф А.Н. Античные монеты. С. 182; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 151.
- 234 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. VII, 76.
- 235 Там же. Табл. VII, 77.
- 236 Там же. Табл. VII, 78.
- 237 Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 123, № 19, 42, 54, 109, 129.
- 238 Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 128, № 144, 211, 227, 561, 718. Из раскопок 2006 г. происходят монеты типа «голова Афины — молнии» (№ С-06-3; С-06-26), 2007 г. — «голова Геракла — лук» (№ Ф-07-23).
- 239 Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Т. I. С. 208–214.
- 240 Аптекарев А.Э. Новый клад пантикапейских монет II в. до н.э. из Краснодарского края // МИА Кубани. 2002. Вып. 2. С. 77–78.
- 241 Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. — 238 г. н.э. из Древней Горгиппии // ВДИ. 1996. № 2. С. 49, № 8.
- 242 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. VI, 65.
- 243 Там же. Табл. VI, 74–75.
- 244 Там же. Табл. VII, 77.
- 245 Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 123, № 18.
- 246 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXI, 102.
- 247 Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 59, № 621.
- 248 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXII, 145.
- 249 Там же. Табл. XXIII, 188, 189.
- 250 Там же. Табл. XXII, 131.
- 251 Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 59.
- 252 Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп... С. 173, № 4, 76, 78, 330 (бык — плуг и колос), № 2. 94, 237 (треножник — крыло).
- 253 Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 123, № 31 (бык — плуг и колос), № 55 (треножник — крыло).
- 254 Акимов В.О. Монетные находки с городища Патрей... С. 107, № 22 (треножник — крыло).
- 255 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXI, 114.
- 256 Там же. Табл. XXI, 115.
- 257 Там же. Табл. XXI, 116, 117.
- 258 Там же. Табл. XXII, 151.
- 259 Там же. Табл. XXII, 147.
- 260 Там же. Табл. XIX, 55.
- 261 Там же. Табл. XX, 81.
- 262 Там же. Табл. XXII, 175–177.
- 263 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. VIII, 91.
- 264 По описи № Ф-07-49, Ф-07-50.
- 265 Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э.: (новые нумизматические материалы) // ВДИ. 2010. № 1. Рис. 2, 1.
- 266 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. Табл. VII, 87, 88.
- 267 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. Табл. IX, 112.
- 268 Там же. Табл. VIII, 95.
- 269 Там же. Табл. VIII, 101.
- 270 Там же. Табл. IX, 113.
- 271 Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 63, № 669.
- 272 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXIII, 6.
- 273 Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э.
- 274 Харко Л.П. Нумизматическая хроника. С. 180; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 57, 121–122, № 1182–1209; Он же. К истории обращения медных пантикапейских монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 45–46.
- 275 Салов А.И. Клад боспорских монет из пос. Виноградный. С. 94–98.
- 276 Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Раевский клад медных пантикапейских монет II в. до н.э. С. 59–63.
- 277 Зограф А.Н. Античные монеты. Табл. XLIII, 18.
- 278 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. VIII, 101.
- 279 Там же. С. 169–171.
- 280 Нестеренко Н.Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 81–82.
- 281 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. VIII, 102.
- 282 Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Фадеевский клад бронзовых боспорских монет IV–I вв. до н.э. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 326–343.
- 283 Аптекарев А.Э. Новый клад пантикапейских монет II в. до н.э. из Краснодарского края. С. 72–77.
- 284 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. VIII, 102.
- 285 Там же. Табл. VIII, 103.
- 286 См. тип: Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXII, 175–177.
- 287 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 172.
- 288 Zoграф A.N. The Tooapse Hoard. P. 29–52.
- 289 Pick B. Die Münzkunde in der Altertumswissenschaft. Stuttgart; Gotha, 1921. S. 30.
- 290 Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках // Бюллетень Керченской конференции археологов СССР. 1926. Вып. 3; Он же. Статеры Александра Македонского и Лизимаха из керченских находок // ТОАМГЭ. 1945. Т. I; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 130–131, 152.
- 291 Зограф А.Н. Античные монеты. С. 186.
- 292 Zoграф A.N. The Tooapse Hoard. P. 46–47.
- 293 Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et Calcedone // Essay in Greek coinage, presented to Stanley Robinson. Oxf., 1968. P. 195–199. Pl. 23, 11; 24, 13, 16, 17.
- 294 Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 60, № 60, 62.
- 295 Анисимов А.И. Монеты из раскопок Пантикапея... С. 350, № 341.
- 296 Westermarck U., Ashton R. The Erkki Keckman Collection in the Skopbank, Helsinki // SNG. Finland. Helsinki, 1994. Part. I: Karia. № 607–616.
- 297 Ashton R. Excavation Coins from Phanagoreia // NC. 163. 2003. P. 384, № 53. Pl. 48, 53, A.

- ²⁹⁸ Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп... С. 173, № 10.
- ²⁹⁹ Зограф А.Н. Античные монеты. Табл. XLIII, 18.
- ³⁰⁰ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет... С. 158–220.
- ³⁰¹ Lagos C. Two Second Century BC Bronze Hoards from the Black Sea // NC. 2000. Vol. 160. P. 270–271.
- ³⁰² См. тип: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... Табл. V, 55.
- ³⁰³ Там же. Табл. V, 56.
- ³⁰⁴ Там же. Табл. VI, 69.
- ³⁰⁵ Там же. Табл. VI, 65–66.
- ³⁰⁶ Там же. Табл. VII, 83.
- ³⁰⁷ Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э.
- ³⁰⁸ Салов А.И. Клад боспорских монет, найденный в станице Фанталовской // ВДИ. 1965. № 2. С. 101, сл.; Голенко К.В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 4. С. 141–158.
- ³⁰⁹ Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. ... С. 144.
- ³¹⁰ Голенко К.В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. С. 154.
- ³¹¹ Башкиров А.С. Из истории Патрея II–I вв. до н.э. // ЗОАО. 1967. Т. II. С. 90–95; Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. ... С. 144; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // ОАИБ. 1992. С. 222.
- ³¹² Захаров В.А. Клад пантикапейских монет... С. 113–114.
- ³¹³ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXIII, 1в.
- ³¹⁴ Там же. Табл. XXIII, 20–21.
- ³¹⁵ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора... С. 199.
- ³¹⁶ Он же. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 64; Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп... С. 174.
- ³¹⁷ Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. Т. II. С. 34; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 64.
- ³¹⁸ Раскопки 2007 г., по описи № Ф-07-78 (тип см.: Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXI, 101).
- ³¹⁹ Там же. Табл. XXII, 168, 169.
- ³²⁰ Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... № 107–108 (тип см.: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. № 205).
- ³²¹ Анохин В.А. Монетное дело боспора. № 211, 211а.
- ³²² Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 101, № 435.
- ³²³ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXIII, 25–30.
- ³²⁴ Крушкол Ю.С. Монеты с монограммами из Патрейского клада 1950 г. С. 140.
- ³²⁵ Imhoof-Blumer F. Griechisches Münzen. München, 1890. S. 44–45.
- ³²⁶ Бертъе-Делагард А.А. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. II. С. 121–123.
- ³²⁷ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 188.
- ³²⁸ Голенко К.В. О характере чекана боспорских анонимных оболов // НиС. 1965. Вып. 2. С. 43; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 76.
- ³²⁹ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет... С. 38–60.
- ³³⁰ Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985 гг.) // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 60.
- ³³¹ Голенко К.В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 4. С. 143.
- ³³² McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 90; Ireland S., Frolova N.A. Two Hoards of Bosporan Coins of the 1st Century BC from the Ancient Settlement of Poljanka (Kerch) // Hermathene. 1999. 166. P. 38.
- ³³³ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXI, 138–143; XXII, 144.
- ³³⁴ Golenko K.V. Pontic Currency of the Period of Mithridates VI on the Bosphorus // Numismatic Circular. 2003. April. Vol. CXI, N 2. P. 64–68.
- ³³⁵ См.: Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 82, № 187.
- ³³⁶ Там же. № 188.
- ³³⁷ Там же. № 189, 190.
- ³³⁸ Там же. № 191, 192.
- ³³⁹ Шелов Д.Б. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. Т. IV.
- ³⁴⁰ См.: Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Два клада медных монет первой половины I в. до н.э. из Фанагории // ВДИ. 2008. № 4. С. 184–194; Они же. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э.
- ³⁴¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 191.
- ³⁴² Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... С. 257–258; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 66.
- ³⁴³ Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп... С. 175, № 107, 111, 202, 261, 347 (Синопа), № 215, 262, 291, 384 (Амис).
- ³⁴⁴ Акимов В.О. Монетные находки... С. 108. № 40.
- ³⁴⁵ Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... С. 257; Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. 1965. Т. V. С. 47; Кругликова И.Т., Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии. С. 103; Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г. С. 103; Она же. Монеты из раскопок Горгиппии. С. 147–148; Golenko K.V. Pontic Currency of the Period... P. 64–68.
- ³⁴⁶ Голенко К.В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времен Митридата VI в боспорских находках // ПС. 1964. № 11 (74). С. 59; Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения... С. 47; Нестеренко Н.Д. Заметки по денежному обращению меди... С. 75–76; Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э. ... С. 55.
- ³⁴⁷ Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 79, № 219; Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп... С. 176, № 8; Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Тбилиси, 1987. С. 38, 40; Кругликова И.Т., Фролова

- ва Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии... С. 112, № 176.
- 348 Анисимов А.Н. Монеты из раскопок Пантикапея... С. 337.
- 349 Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 79.
- 350 О дискуссии см., например: Frolova N.A., Karyskovskij P.O., Delfs M. Zur Chronologie der Asanders im Bosphoros // Chiron. 1993. Bd. 23. S. 65–67; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. I. С. 15–23.
- 351 Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P. Roman Provincial Coinage. L.; P., 1992. Vol. I. P. 329–330, № 1842–1863.
- 352 Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. С. 74, примеч. 64.
- 353 Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад золотых боспорских статеров II–III вв. н.э. из ст. Казанской // ВДИ. 2000. № 4. С. 68–72; Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. A Hoard of Bosporan Gold Staters of the 2nd and 3rd Centuries AD from the Village of Kazanskaya // ACSS. 2001. Vol. 7, N 3–4. P. 185–192.
- 354 Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана... 1957. Т. VII. № 1729.
- 355 Крушкол Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4. С. 61–63; Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. Two Hoards of Bosporan Coins // RN. 2001. 157. P. 287–295.
- 356 Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С. 10–40.
- 357 Голенко К.В. Таманский клад монет 1970 г. // Klio. 1972. Bd. 54. С. 239–249.
- 358 ГИМ. Инв. № 4837.
- 359 Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 56.
- 360 Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 17, 199.
- 361 Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. С. 13.
- 362 Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 133–134.
- 363 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXIV, 12.
- 364 Люценко Е.Е. Описание кладов... Л. 14.
- 365 Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С. 10–40.
- 366 Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет... С. 44, сл.
- 367 Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 173–179.
- 368 См.: Абрамзон М.Г. Римские монеты в денежном обращении Боспора // Боспорские чтения. Керчь, 2009. Вып. X: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. С. 5–14.
- 369 Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Ч. II. С. 170–171, 178–179.
- 370 Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР, С. 39, № 11; Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 56, примеч. 3.
- 371 Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... № 15.
- 372 Там же. С. 257 (разведки Л.П. Харко).
- 373 Раскопки 2006 г. № Ф-06-13.
- 374 Находка 2007 г., № по описи № Ф-07-83.
- 375 Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 66, № 595.
- 376 Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... С. 257.
- 377 Там же. С. 257, примеч. 5.
- 378 Раскопки 2006 г., № Ф-06-1.
- 379 Находка 2007 г., по описи № Ф-07-24.
- 380 Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г. С. 103, № 34.
- 381 ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-211334. Авторы благодарят заведующую отделом нумизматики Н.М. Смирнову за любезно предоставленную информацию.
- 382 Кропоткин В.В. Указ. соч. С. 40, № 24.
- 383 Frolova N.A. Finds of Coins from Ancient Gorgippia. P. 420.
- 384 См.: Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 74, 156.
- 385 Там же. № 149.
- 386 Там же. № 155а.
- 387 Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. С. 40. № 23; С. 80, № 62; Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях... Киев, 1982. С. 56, примеч. 18, 19.
- 388 Люценко Е.Е. Описание кладов... Л. 30, № 5.
- 389 Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 78, № 176.
- 390 Там же. № 203, 204.
- 391 Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 192.
- 392 Кругликова И.Т., Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии... С. 103, № 136, 140; Frolova N.A. Finds of Coins from Ancient Gorgippia. P. 415–419.
- 393 Frolova N.A. Finds of coins from ancient Gorgippia. P. 419–420.
- 394 Ashton. Excavation Coins from Phanagoreia. P. 383, № 51.
- 395 Карелин А.А., Молчанов А.А. Клад надчеканенных оболлов Асандра: (К истории денежного обращения на Боспоре в I в. до н.э. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.: Тезисы докладов. М., 1999. С. 26–27.
- 396 Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет... С. 44, сл.
- 397 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XVI, 109.
- 398 Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. № 223, 367.
- 399 Харко Л.П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 385, № 57.
- 400 Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения... С. 49.
- 401 Так, херсонесский тетрахалк 70–60-х годов до н.э. типа – голова Артемиды /орел на молнии, ХЕР, слева монограмма (Зограф А.Н. Античные монеты. Табл. XXXVI, 19) присутствовал в кладе из «Полянки» (1984), зарытом при Асандре (см.: Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э. ... С. 73, № 26); еще одна херсонесская монета 90–80-х годов до н.э. (?) входила в состав Керченского клада 1870 г. вместе с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI (Люценко Е.Е. Описание клада... Л. 13–15, № 9).
- 402 Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XII, 74. Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии

- (1970–1989 гг.) // ПИФК. 1997. Вып. 5. № 671.
- ⁴⁰³ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XII, 33. Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет... С. 70, № 493.
- ⁴⁰⁴ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XII, 76; Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет... № 494.
- ⁴⁰⁵ Казаманова Л.Н. Монеты из раскопок Гермонассы в 1955–1956 гг. С. 55, № 100.
- ⁴⁰⁶ Зограф А.Н. Монеты Тире. М., 1957. С. 43.
- ⁴⁰⁷ Фролова Н.А. Каталог монет античной Тире. М., 2006. С. 75–76.
- ⁴⁰⁸ По описи № Ф-07-79. Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. М., 2005. С. 195, № 2465–2468. Табл. 105, 6.
- ⁴⁰⁹ Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 66, № 94.
- ⁴¹⁰ Там же. № 102.
- ⁴¹¹ Там же. С. 68, № 110.
- ⁴¹² Там же. С. 54, № 17.
- ⁴¹³ Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1.
- ⁴¹⁴ Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 76, № 167.
- ⁴¹⁵ Там же. С. 76, № 168.
- ⁴¹⁶ Frolova N.A. Finds of Coins from Ancient Gorgippia. P. 420.
- ⁴¹⁷ Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания... С. 136, № 8.
- ⁴¹⁸ Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 76, № 169.
- ⁴¹⁹ Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания... С. 136, № 10.
- ⁴²⁰ Там же. № 11–12.
- ⁴²¹ Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища... С. 257; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 129, № 1018, 1132; Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г. С. 103, № 156–161, 350, 437.
- ⁴²² Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания...
- ⁴²³ Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европавдревности. М., 1973. С. 190–193.
- ⁴²⁴ Захаров Н.А. Вопрос о монетах «неизвестного» народа // ВДИ. 1937. № 1. С. 262–268; Пахомов Е.А. Монетные клады... Т. IV. С. 22, № 1055.
- ⁴²⁵ Пахомов Е.А. Монетные клады... Т. IV. С. 22. № 1056; Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания... С. 128–135.
- ⁴²⁶ Архив ИИМК. 1929. № 31. Л. 22.
- ⁴²⁷ Салов А.Н. Клад III–IV вв. с Шум-речки... С. 174, № 231, 232; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет... С. 421, № 235, 236; С. 431, № 111–113.
- ⁴²⁸ Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания... С. 129.
- ⁴²⁹ Салов А.И. Клад III–IV вв. с Шум-речки...
- ⁴³⁰ Кунина Н.Э. Керченский клад серебряных римских монет // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962 Ч. II; Golenko K. Le trésor d'antoniniani de Kerch // RN. 1973. Ser. 6. T. 15; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет... С. 82–88.
- ⁴³¹ Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания... С. 133–134.
- ⁴³² Зограф А.Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 157, 172, № 295.
- ⁴³³ Харко Л.П. Тиритакский клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. С. 80.
- ⁴³⁴ Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания... С. 134, табл. 2, 1–6.
- ⁴³⁵ Голенко К.В. О необычных монетах Рискупорида VI // КСИА АН УССР. 1956. Вып. 6.
- ⁴³⁶ Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп. С. 81–82.
- ⁴³⁷ См.: Харко Л.П. Тиритакский клад 1946 г. С. 73–86, № 106.
- ⁴³⁸ Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп. № 743.
- ⁴³⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 76.
- ⁴⁴⁰ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 185–191.
- ⁴⁴¹ Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P. Roman Provincial Coinage... P. 329–330, № 1842–1863.
- ⁴⁴² Crawford M. Roman Republican Coinage. I–II. Cambr., 1974. I. P. 471. № 458.
- ⁴⁴³ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. I. С. 25–28, 66, 69–70.
- ⁴⁴⁴ Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P. Roman Provincial Coinage... P. 568.
- ⁴⁴⁵ Бурачков П.О. Общий каталог монет. Табл. XXIII, 1f.
- ⁴⁴⁶ Там же. Табл. XXIII, 1e.
- ⁴⁴⁷ Например, в 2007 г. в Фанагории при раскопках Восточного некрополя, в погребении 103, были найдены монеты с такой монограммой типов «голова Артемиды – собака» (Анохин В.А. Монетное дело Боспора. № 275) и «голова Аполлона – треножник и ветвь» (Там же. № 280) – № Ф-07-47, Ф-07-48, Ф-07-51.
- ⁴⁴⁸ Tsetskhladze G.R., Kuznetsov V.D. Phanagoria 1800 Years of History on the Black Sea // Minerva. L., 1997. Vol. 86, № 5. P. 24, Fig 12. К сожалению авторы дали только лицевую сторону, не указав ни вес монеты, ни дату, обозначенную на реверсе греческими буквами.
- ⁴⁴⁹ Харко Л.П. Нумизматическая хроника. С. 180; Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. С. 65, № 11; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. I. С. 195, табл. XI, 10. ГМИИ. Инв. № 9657 а.
- ⁴⁵⁰ Люценко Е.Е. Описание кладов... Л. 30, № 5; Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 78–79, № 177.
- ⁴⁵¹ Люценко Е.Е. Описание кладов... Л. 30–31, № 5.
- ⁴⁵² Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 169–171.
- ⁴⁵³ Бертъе-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. С. 209–210.
- ⁴⁵⁴ Фролова Н.А. Денежное обращение Боспора... С. 30
- ⁴⁵⁵ Крушкол Ю.С. Клад бронзовых монет Митридата VIII из селения

- Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4. С. 61–63.
- ⁴⁵⁶ Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. Two Hoards of Bosporan Coins. P. 296–303.
- ⁴⁵⁷ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад золотых боспорских статеров II в. н.э. с Краснобатарейного городища // ВДИ. 2000. № 4. С. 60–68; Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. A Hoard of Bosporan Gold Staters of the 2nd Century AD from the City-Site Krasnobatareinoye // ACSS. 2001. Vol. 7, № 3–4. P. 169–184.
- ⁴⁵⁸ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад золотых боспорских статеров II–III вв. н.э. из ст. Казанской. С. 68–72.
- ⁴⁵⁹ Безуглов С.И. К реконструкции состава донских кладов боспорского золота // Древности археологии. 2000. № 2. С. 94.
- ⁴⁶⁰ Аптекарев А.Э. Клад памятных статеров Котиса III из Темрюкского района Краснодарского края // Четвертая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 3–4.
- ⁴⁶¹ Голенко К.В. Третий Патрейский клад. С. 30. № 11–12. Табл. I, II–12.
- ⁴⁶² Безуглов С.И. К реконструкции состава... С. 94.
- ⁴⁶³ Фролова Н.А. Вторжение варварских племен... С. 203–204.
- ⁴⁶⁴ Frolova N.A., Ireland S. A Hoard of Bosporan Coins in the Period Third Century BC to AD 238 from Ancient Gorgippia // NC. 1995. P. 21–42.
- ⁴⁶⁵ Фролова Н.А. Вторжение варварских племен... С. 202.
- ⁴⁶⁶ Фролова Н.А. Денежное обращение Боспора... С. 27–29.
- ⁴⁶⁷ Голенко К.В. Таманский клад монет 1970 г. // Кlio. 1972. Bd. 54. S. 239–249.
- ⁴⁶⁸ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С. 90–91.
- ⁴⁶⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Т. II. С. 56.
- ⁴⁷⁰ Голенко К.В. Таманский клад монет 1970 г. S. 239–249.
- ⁴⁷¹ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья... С. 109–110.
- ⁴⁷² Хушт М.А. Клад статеров боспорских царей Рискупорида V и Фарсанза // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Краснодар, 2004. Вып. 5. С. 334–336.
- ⁴⁷³ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 60–61.
- ⁴⁷⁴ Sajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 468.
- ⁴⁷⁵ Брабич В.М. Клад боспорских статеров III в. н.э. из Тиритаки // ТГЭ. 1967. Т. IX. С. 10.
- ⁴⁷⁶ Голенко К.В. Второй Патрейский клад (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. I. С. 223–289.
- ⁴⁷⁷ Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII. С. 72–126.
- ⁴⁷⁸ Кунин В.Э. Монетный клад с Таманского полуострова: (Информационное сообщение) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Ч. II. С. 343–345; Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С. 39. № 21; Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // Труды НС ГИМ. М., 1983. Ч. 8. С. 9–13.
- ⁴⁷⁹ Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад монет 1975 г. С. 173–179.
- ⁴⁸⁰ Салов А.И. Клад III–IV вв. с Шумречки... С. 172–175.
- ⁴⁸¹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 132.
- ⁴⁸² Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп. С. 81.
- ⁴⁸³ Голенко К.В. Третий Патрейский клад... С. 28, № 1.
- ⁴⁸⁴ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. II. С. 176.
- ⁴⁸⁵ Там же. С. 174–178.
- ⁴⁸⁶ В 2006 г. в Фанагории был найден солид Юстиниана I, датируемый 538–565 гг. (раскопки В.Д. Кузнецова) (табл. XII, 8).
- ⁴⁸⁷ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Ч. II. С. 178.

Таблица I. Боспорские серебряные монеты середины VI—V в. до н.э. (ув. в 2 раза)

- 1 — Пантикапей, 500—475 гг. до н.э. Диобол; 2 — Пантикапей, 550—500 гг. до н.э. Тритартеморий, 0,66 г; 3—4 — Пантикапей, 500—475 гг. до н.э. Диоболы или тригемноболы, 1,17, 1,16 г; 5—6 — Пантикапей, 475—450 гг. до н.э. Тетартемории, 0,28, 0,24 г; 7—8 — Пантикапей, 475—450 гг. до н.э. Гемноболы, 0,44, 0,38 г; 9 — Пантикапей, 425—400 гг. до н.э. Гемнобол, 0,30 г; 10 — Пантикапей, 500—475 гг. до н.э. Тетартеморий, 0,15 г; 11 — Пантикапей, 475—450 гг. до н.э. Тетартеморий, 0,20 г; 12 — Пантикапей, 475—450 гг. до н.э. Тетартеморий, 0,18 г; 13 — Пантикапей, ок. 450 г. до н.э. Тетартеморий, 0,16 г; 14 — Пантикапей, ок. 450 г. до н.э. Гемитетартеморий, 0,12 г; 15 — Пантикапей, 475—450 гг. до н.э. Диобол или тригемнобол, 1,26 г; 16 — Синдика, после 470 г. до н.э. Гемитетартеморий, 0,13 г; 17—18 — Синдика, V в. до н.э. Диоболы, 1,53, 1,52 г

Таблица II. Денежное обращение в конце V—IV в. до н.э.

- 1 — Фанагория, конец V — начало IV в. до н.э. Серебро. Диобол, 1.14 г;
 2 — Фанагория, конец V в. до н.э. Серебро. Гемибол, 0.38 г (ув. в 2 раза); 3 — Пантикапей, 375—360 гг. до н.э. Серебро. Триобол;
 4 — Пантикапей, 340—330 гг. до н.э. Серебро. Диобол (ув. в 2 раза); 5 — Пантикапей, 340—330 гг. до н.э. Серебро. Гемибол, 0.34 г (ув. в 2 раза); 6 — Пантикапей, 340—330 гг. до н.э. Медь;
 7 — Пантикапей, 330—315 гг. до н.э. Медь. Халк (ув. в 1,5 раза); 8 — Пантикапей, 330—315 гг. до н.э. Медь. Обол; 9 — Пантикапей, 330—315 гг. до н.э. Медь. Дихалк;
 10—11 — Пантикапей, 330—315 гг. до н.э. Медь. Тетрахалки;
 12—13 — Пантикапей, 315—300 гг. до н.э. Медь. Тетрахалки;
 14 — Пантикапей, 315—300 гг. до н.э. Медь. Обол; 15 — Пантикапей, 315—300 гг. до н.э. Серебро. Тетробол (ув. в 2 раза)

Таблица III. Денежный кризис на Боспоре.

Первая половина III в. до н.э.
 1–5 – Пантикапей, начало III в. до н.э. Медь. Тетрахалки, 7.12, 6.86, 6.63, 6.45, 5.59 г;
 6 – Пантикапей, начало III в. до н.э. Медь. Дихалки, 3.74, 3.29 г;
 8–12 – Пантикапей, 300–275 гг. до н.э. Медь. Тетрахалки, 4.61, 3.19, 3.30, 4.15, 3.95 г; 13–18 – Пантикапей, 275–250 гг. до н.э. Медь. Тетрахалки, 4.61, 3.19, 3.30, 4.15, 3.95 г

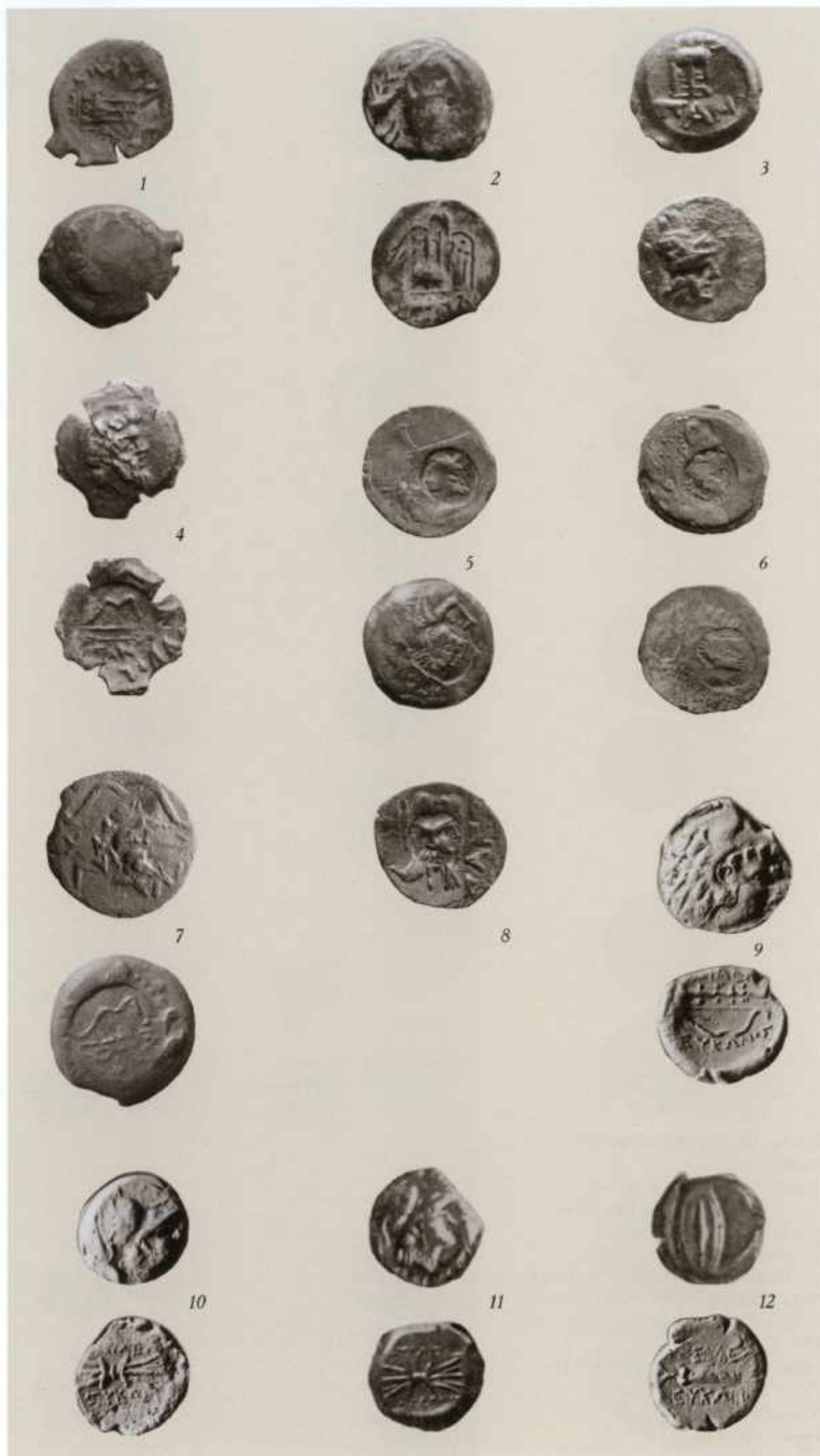

Таблица IV. Конец денежного кризиса и чеканка Левкона II (третья — начало четвертой четверти III в. до н.э.)

- 1 — Пантикапей, середина III в. до н.э. Медь. Дихалк (увеличено в 1,5 раза);
 2 — Пантикапей, середина III в. до н.э. Медь. Дихалк (увеличено в 1,5 раза);
 3 — Пантикапей, середина III в. до н.э. Медь. Дихалк (увеличено в 1,5 раза);
 4 — Пантикапей, середина III в. до н.э. Медь. Дихалк (увеличено в 1,5 раза);
 5–6 — Пантикапей, 250–225 гг. до н.э. Медь. Тетраалк;
 7 — Фанагория, начало II в. до н.э. Медь. Отчеканена на многократно перечеканенном типе начала III в. до н.э. (ув. в 1,5 раза);
 8 — Пантикапей, 250–225 гг. до н.э. Медь; 9 — Левкон II (ок. 240–220 гг. до н.э.). Медь. Номинал I, 7.44 г;
 10–11 — Левкон II (ок. 240–220 гг. до н.э.). Медь. Номинал II, 4.53, 4.52 г;
 12 — Левкон II (ок. 240–220 гг. до н.э.). Медь. Номинал III, 5.33 г

Таблица V. Денежное обращение
в конце III — начале I в. до н.э.

1—2 — Пантикапей,
конец III — начало II в. до н.э.
Медь. Хапки, 2.46, 2.41 г;
3—4 — Пантикапей,
конец III — начало II в. до н.э. Медь.
Хапки, 1.75, 1.40 г;
5—12 — Пантикапей, ок. 120—110 гг.
до н.э. Медь. Тетрахалки, 3.62, 3.62,
3.69, 3.72, 4.01, 3.28, 3.94, 3.76 г;
13—15 — Пантикапей,
ок. 120—110 гг. до н.э. Медь.
Хапки, 2.05, 1.64, 2.34 г;
16—17 — Фанагория, II в. до н.э.
Медь. 1.86, 2.81 г;
18 — Фанагория, 200—150 гг. до н.э.
Медь. 1.62 г; 19 — Пантикапей,
ок. 120—110 гг. до н.э. Медь. Хапк,
1.72 г; 20 — Боспор,
конец II в. — 63 г. до н.э. Медь.
Обол; 21—22 — Пантикапей, начало
I в. до н.э. (после 96/95 гг. до н.э.).
Медь. Хапки, 3.70, 3.05 г

Таблица VI. Иноземные монеты на Боспоре в VI—I вв. до н.э.

1 — Афины, 500—480 гг. до н.э. Серебро. Тригемитетартеморий, 0,26 г; 2 — Кизик, 480—450 гг. до н.э. Серебро. Тетартеморий, 0,19 г;

3—4 — Неизвестный центр Ионии, 480—470 гг. до н.э. Серебро. Гемисболлы (?) (ув. в 2 раза); 5 — Кизик, 550—500 гг. до н.э. Электр. Статер, 16,01 г; 6 — Кизик, 500—460 гг. до н.э. Электр. Статер, 15,87 г;

7 — Кизик, 400—330 гг. до н.э. Электр. Статер, 15,99 г;

8—9 — Понт, Амасия, 120—100 гг. до н.э. Медь, Тетрахалки, 6,78, 4,07 г;

10 — Понт, Амис, 120—100 гг. до н.э. Медь, Тетрахалк, 6,78, 4,07 г;

11 — Понт, Амис,

конец II — начало I в. до н.э. или 85—65 гг. до н.э. Медь, Тетрахалк, 7,79 г; 12—13 — Пафлагония, Синопа, 120—100 гг. до н.э. Медь, Тетрахалки, 4,03, 4,39 г;

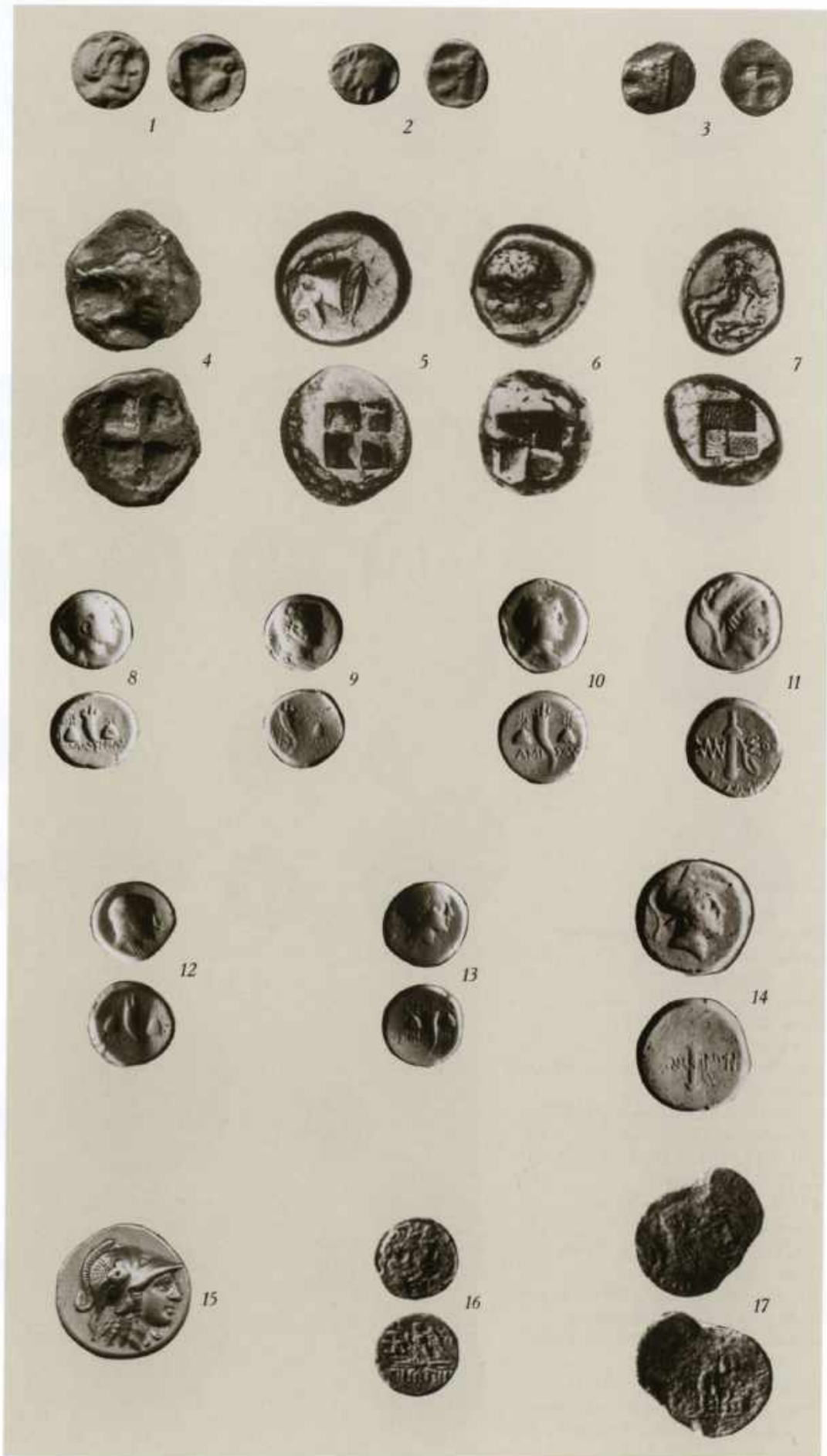
14. Понт, Таулара, конец II — начало I в. до н.э. или 85—65 гг. до н.э. Медь, Тетрахалк, 7,80 г;

15 — Филипп III Арридей (323—316 гг. до н.э.), Тарс, Киликия. Золото. Статер, 8,629 г;

16 — Пафлагония, Синопа, конец II — начало I в. до н.э. или 85—65 гг. до н.э. Медь, Тетрахалк;

17 — Пафлагония или Понт, неопределенный центр, конец II — начало I в. до н.э. или 85—65 гг. до н.э. Медь. Обол;

18 — Боспор. Асандр. Золото. Статер

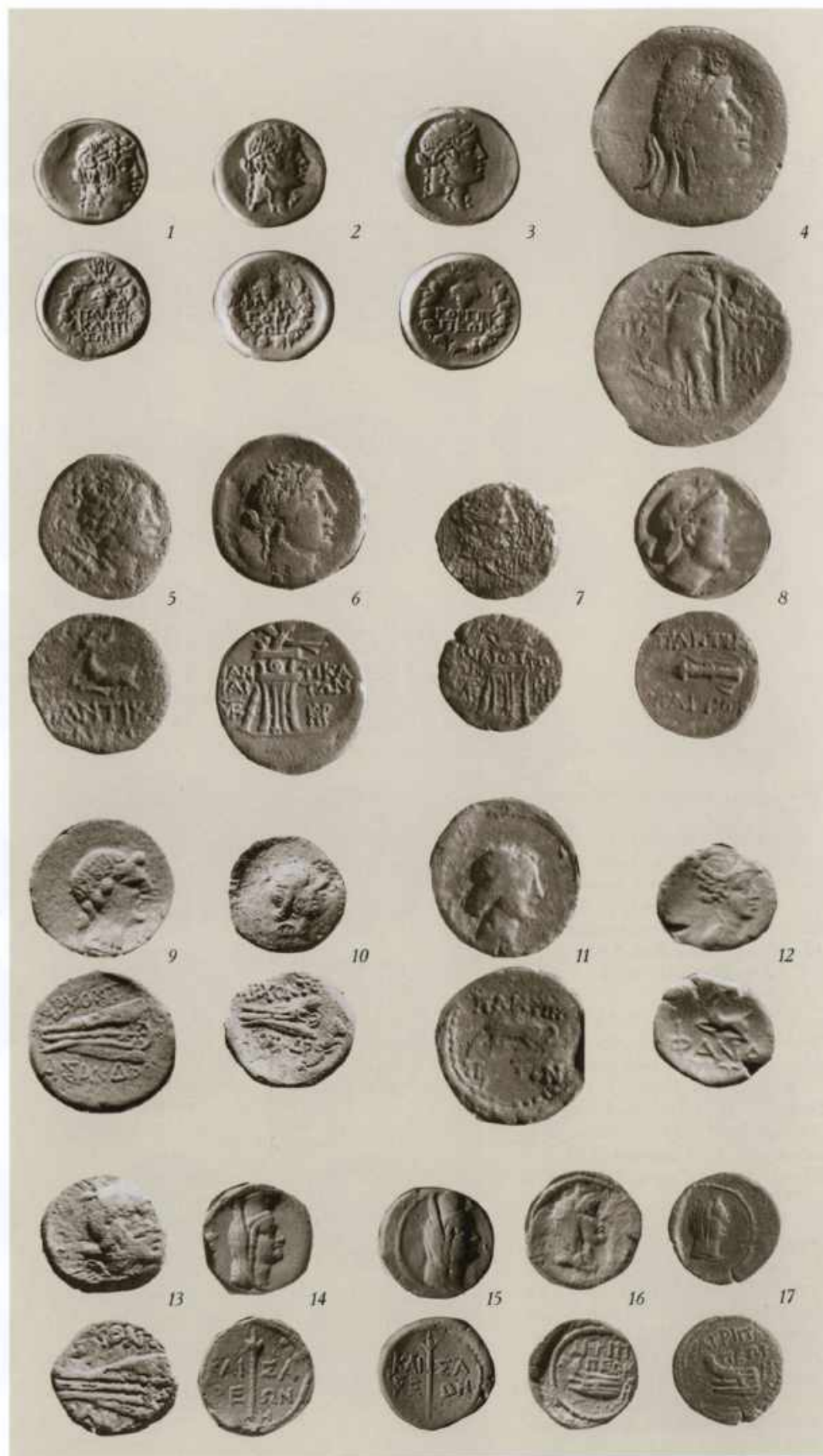

Таблица VII. Денежное обращение в I в. до н.э.

1–3 – Пантикапей, Фаногория, Горгипсия 100–75 или 96/95–66/65 гг. до н.э. Серебро. Дидрахмы, 8.29, 7.49, 8.27 г; 4 – Пантикапей, 100–75 гг. до н.э. Медь. Обол (ув. в 1,3 раза); 5 – Пантикапей, начало I в. до н.э. Медь. Тетрахалк (ув. в 1,3 раза); 6 – Пантикапей, 100–75 гг. до н.э. Медь. Тетрахалк (ув. в 1,3 раза); 7 – Фанагория, 100–75 гг. до н.э. Медь. Тетрахалк; 8 – Пантикапей, время Асандра (49/48–21/20 гг. до н.э.). Медь. Тетрахалк (ув. в 1,3 раза); 9 – Асандр (49/48–21/20 гг. до н.э.). Медь. Обол; 10 – Асандр (49/48–21/20 гг. до н.э.). Медь. Тетрахалк; 11 – Пантикапей, время Асандра (49/48–21/20 гг. до н.э.). Медь. Тетрахалк (увеличено в 1,3 раза); 12 – Фанагория, начало I в. до н.э. Медь. Тетрахалк; 13 – Асандр (49/48–21/20 гг. до н.э.). Медь. Тетрахалк; 14–15 – Кесария, 13–12 гг. до н.э. Медь. Н=8 единиц; 16–17 – Агриппия, 13–12 гг. до н.э. Медь. Н = 8 единиц

Таблица VIII. Денежное обращение в I–II вв. н.э.

1–2 – Аспург (14–37 гг.), время Тиберия. Медь. Ассъ;
 3 – Аспург (14–37 гг.), время Калигулы, после марта 37 г. н.э. Медь. Асс, 7,30 г; 4 – Гепепирия (37–38 г.), Медь. Асс, 8,45;
 5–6 – Митридат III (VIII) (38–45 гг.). Ассъ;
 7 – Котис I (45–69 гг.). Медь. Асс, 49–54 гг.; 8 – Котис I (45–69 гг.). Медь. Дупондий, 63–68 гг.;
 9 – Евника, жена Котиса I. Медь. Дупондий, 63–69 гг. 10,34 г; 10 – Савромат I (93–123 гг.). Медь. Сестерций; 11 – Савромат I (93–123 гг.). Золото. Статер, ζΚΥ=416 г. б. э. /119 г. н.э.;
 12 – Котис II (123–132 гг.). Золото. Статер, ΖΙΥ=427 г. б. э. /130 г. н.э.;
 13 – Котис II (123–132 гг.). Золото. Статер, ΗΚΥ=428 г. б. э. /131 г. н.э.;
 14 – Реметалк (131–154 гг.). Золото. Статер, ΛΥ=430 г. б. э. /133 г. н.э.;
 15 – Евпатор (154–170 гг.). Золото. Статер, ΘΝΥ=459 г. б. э. /162 г. н.э.;
 16 – Евпатор (154–170 гг.). Золото. Статер, ΔΞΥ=464 г. б. э. /167 г. н.э. 7,55 г

Таблица IX. Денежное обращение в II–III вв. н.э.

- 1 – Савромат II (174–210 гг.).
Электр. Статер,
ZOY=477 г. б. э. / 180 г. н.э. 7.71 г;
2 – Савромат II (174–210 гг.).
Электр. Статер, *Y=490 г. б. э. / 193 г. н.э. 7.68 г; 3 – Котис II (123–132 гг.). Медь. Сестерций, около 126 г. н.э. 12.11 г;
4 – Савромат II (174–210 гг.). Медь. Драхма, около 186–196 гг. н.э. 9.30 г; 5 – Рескупорид III (211–226 гг.). Медь. Денарий, около 211–215 гг. н.э. 12.65 г;
6 – Рескупорид III (211–226 гг.). Медь. Денарий, около 216–217 гг. н.э. 10.98 г; 7 – Рескупорид III (211–226 гг.). Медь. Денарий, около 219 г. н.э. 8.23 г;
8 – Котис III (227–233 гг.). Медь. Двойной денарий, 7.72 г;
9 – Рескупорид IV (233–234 гг.). Медь. Двойной денарий, 8.98 г;
10 – Ининфимей (234–238 гг.). Медь. Двойной денарий, 7.53 г;
11 – Котис III (227–233 гг.). Биллон. Статер, ЕКФ=525 г. б. э. / 228 г. н.э. 7.61 г; 12 – Котис III (227–233 гг.). Биллон. Статер, ζΚΦ=526 г. б. э. / 229 г. н.э. 7.53 г; 13 – Котис III (227–233 гг.). Биллон. Статер, ΗΚΦ=528 г. б. э. / 231 г. н.э. 7.66 г; 14 – Котис III (227–233 гг.). Биллон. Статер, ΘΚΦ=529 г. б. э. / 232 г. н.э. 7.20 г; 15 – Котис III (227–233 гг.). Биллон. Статер, ΛΦ=530 г. б. э. / 233 г. н.э. 7.41 г; 16 – Савромат III (229–231 гг.). Биллон. Статер, ΖΚΦ=527 г. б. э. / 230 г. н.э. 7.53 г;
17 – Савромат II (174–210 гг.). Медь. Двойной денарий, около 186–196 гг. н.э. 14.76 г;
18 – Савромат II (174–210 гг.). Медь. Двойной денарий, около 186–196 гг. н.э. 11.78 г;
19 – Савромат II (174–210 гг.). Медь. Двойной денарий, около 196–210 гг. н.э. 8.90 г

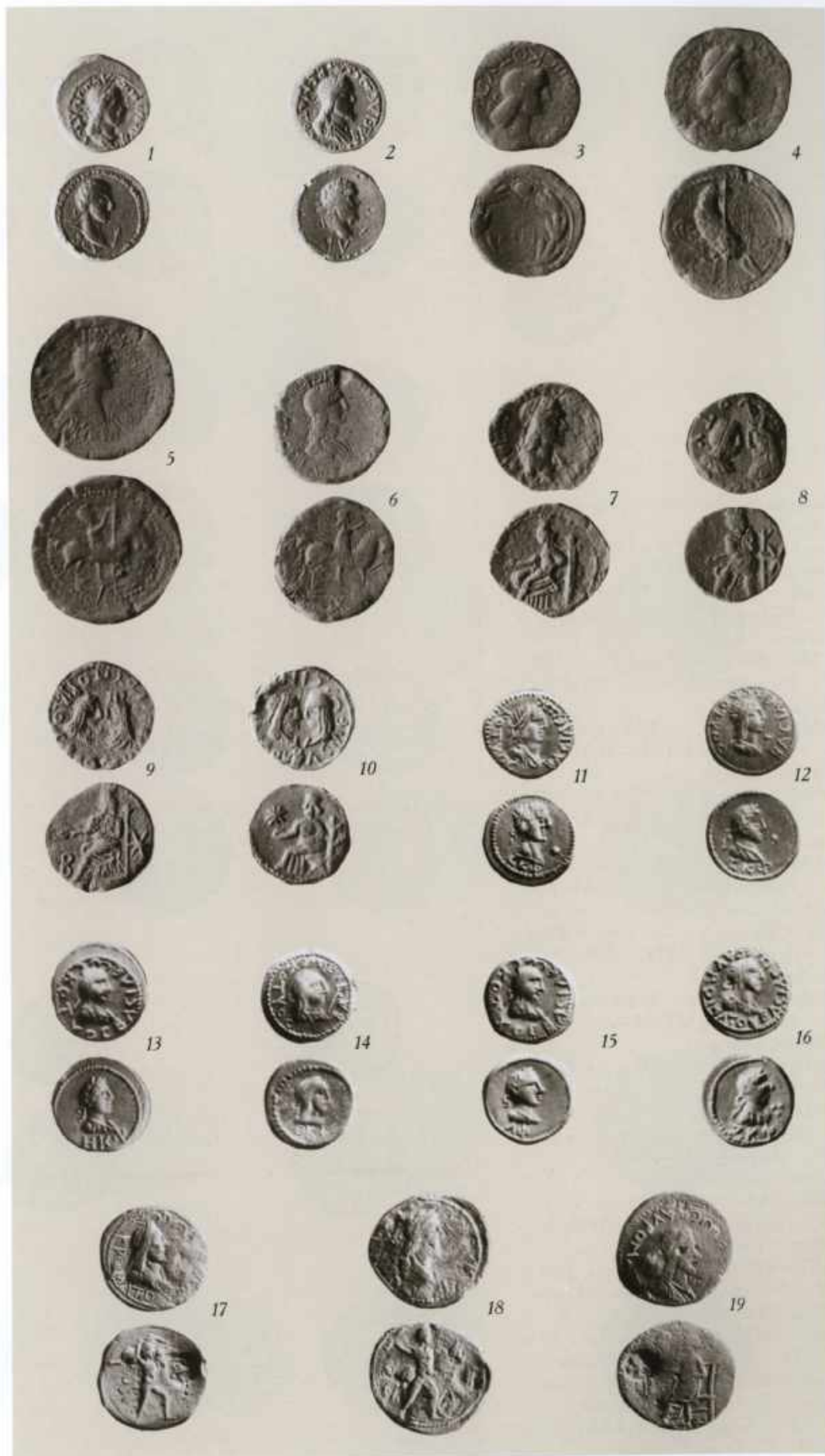

Таблица X. Денежное обращение
в III–IV вв. н.э.

1 – Иниифимей (234–238 гг.).

Биллон. Статер.

ЕЛФ = 535 г. б. э. / 238 г. н.э. 7.54 г;

2 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ЕМФ = 545 г. б. э. / 248 г. н.э. 7.93 г;

3 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ΘΜΦ = 549 г. б. э. / 252 г. н.э. 7.53 г;

4 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ΒΝΦ = 552 г. б. э. / 255 г. н.э. 7.47 г;

5 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ΘΝΦ = 559 г. б. э. / 262 г. н.э. 7.70 г;

6 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ΞΦ = 560 г. б. э. / 263 г. н.э. 7.89 г;

7 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ΑΞΦ = 561 г. б. э. / 263 г. н.э. 7.50 г;

8 – Рескупорид V (242–268 гг.).

Биллон. Статер.

ΔΞΦ = 564 г. б. э. / 267 г. н.э. 7.37 г;

9 – Тейран (266, 275–278 гг.).

Биллон. Статер.

ΓΟΦ = 573 г. б. э. / 276 г. н.э. 7.39 г;

10 – Фофорс (285–308 гг.).

Медь. Статер.

ζΠΦ = 586 г. б. э. / 289 г. н.э. 7.64 г;

11 – Рескупорид VI (314–341 гг.).

Медь. Статер.

ΕΚΧ = 625 г. б. э. / 328 г. н.э. 7.63 г;

12 – Рескупорид VI (314–341 гг.).

Медь. Статер.

ΝΑΧ = 638 г. б. э. / 341 г. н.э. 7.70 г;

13–14 – Варварские подражания

римским денариям с типом идущего

Марса. III–IV вв. н.э. Биллон;

15–16 – То же. Биллон. 2.04 г;

2.80 г; 17. То же. Серебро

Таблица XI. Монеты Тира, Рима и Византии

1 – Тира, 212–217 гг. Медь.

Тетрассарий, 7.25 г;

2 – Рим. Тит (79–81 гг.). Серебро.

Денарий, 80 г. н.э., 2.87 г;

3–7 – Византия. Юстиниан I (527–565 гг.). Золото. Солиды, 4.49, 4.49, 4.48, 4.47, 4.56 г;

8 – То же. Солид, 538–565 гг.

Таблица XII. Золотые и серебряные монеты (раскопки Фанагории)
 1 – Пантикапей, 500–475 гг. до н.э. Серебро. Диобол; 2 – Фанагория, 120–110 гг. до н.э. Серебро. Тетробол; 3 – Пантикапей, 360–340 гг. до н.э. Серебро. Драхма; 4 – Кизик, 460–400 гг. до н.э. Электр. Статер; 5 – Филипп III Арридей (323–317 гг.). Абидос, 323–317 гг. до н.э. Золото. Статер; 6 – Филипп III Арридей (323–317 гг.). Неизвестный восточный центр, 325–300 гг. до н.э. Золото. Статер; 7 – Боспор, 295 г. б. э. = 2 г. до н.э. Неизвестный правитель (монограмма). Золото. Статер; 8 – Византия, Юстиниан I (527–565 гг.). Золото. Солид. 538–565 гг.

Часть XI

РЕЛИГИЯ.
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ
ОБРЯДЫ

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТЫ

Г. А. КОШЕЛЕНКО

ВВЕДЕНИЕ

Изложение истории религиозных верований и культов, существовавших у населения, обитавшего на Таманском полуострове и прилегающих территориях в античную эпоху, необходимо начать с нескольких общих положений, которые должны ввести читателя в проблематику, обрисовав характер и самые основные особенности древнегреческой религии и специфику ее характера и эволюции в этом регионе.

Отметим, прежде всего, что греческая религия носила политеистический характер, ее сутью было одухотворение природных и социальных сил. Одной из важнейших особенностей ее было наличие огромного количества различных «супернатуральных» сущностей. Помимо верховных (так называемых олимпийских) богов, имелось значительное число богов меньшего значения, кроме того, в каждом водном источнике обитала своя наяда, в каждом лесу своя дриада и т.д.

Особое место в сонме таких сущностей занимали так называемые герои, чаще всего рождавшиеся в результате интимного союза божества и смертной женщины. К числу таких героев относились Персей, Геракл и многие другие. Геракл за свои заслуги удостоился после смерти даже обожествления и стал обитателем Олимпа. В связи с этим, как писал Геродот, иногда греческие полисы воздвигают Гераклу два храма: в одном ему приносят жертвы, как бессмертному олимпийцу, в другом же — заупокойные жертвы, как герою¹.

Греческие божества, как и божества других политеистических религиозных систем, разительно отличаются от божеств монотеистических религий. Прежде всего, они не существовали изначально. Те боги-олимпийцы, которым поклонялись греки в историческое время, по их представлениям являлись уже третьим поколением богов. Боги греческого пантеона чрезвычайно похожи на людей: им свойственны радость и печаль, гнев, зависть и другие человеческие чувства, они могут враждовать друг с другом и с людьми, смертный даже может ранить божество. В то же самое время они чрезвычайно могущественны, способны к чудесным превращениям, прекрасны и бессмертны.

К тому моменту, когда эллины начали осваивать северные берега Черного моря, греческие религиозные верования имели за собой уже длительную историю. Большинство божеств, почитаемых греками, были известны уже в микенское время, а корни их культов восходят к еще большей древности. Так называемое дорийское завоевание, создавшее новую этнополитическую карту Эллады на рубеже II и I тыс. до н.э., способствовало усложнению религиозной ситуации. Возникший в это время политический порядок с сотнями независимых общин, естественно, повлиял и на характер религиозных представлений греков.

Строго говоря, даже пользоваться термином «древнегреческая религия» не совсем правильно. Крайняя политическая раздробленность мира греческих полисов, отсутствие строго определенной доктрины, единой церкви и жреческой иерархии имело своим следствием большое разнообразие представлений о богах и их функциях, об обрядах, которые необходимо совершать в честь богов.

В сущности, при единстве некоторых общих представлений в каждом греческом полисе существовал свой особый вариант религии. В различных полисах на первое место в культе могли выдвигаться различные божества, одно и то же божество в соседних полисах могло иметь несколько отличный характер, функции божеств и их место в общей структуре пантеона могли

довольно сильно различаться и т.д. Еще больше локальных отличий религиозным верованиям приносили местные культы героев, которые являлись объектом почитания только в отдельных греческих полисах.

Конечно, были и определенные факторы, которые способствовали унификации религиозных представлений. Помимо общего наследия в этом направлении действовали также и иные факторы. Творчество таких поэтов, как Гомер и Гесиод, пользовалось огромной популярностью, и те представления о богах и героях, которые мы находим в их поэмах, естественно, широко распространялись по всему греческому миру. Позднее такую же роль играла и греческая трагедия. Определенную тенденцию к единству приносила и деятельность таких общегреческих святилищ, как Дельфы, позднее, в связи с культурной экспансией Афин значительное воздействие на религию других полисов оказали элевсинские мистерии и идеи, характерные для них.

Таким образом, древнегреческая религия представляла собой очень сложное явление, в котором взаимодействовали многие тенденции, где наряду с очень древними образами и представлениями присутствовали самые новые идеи, привнесенные в религиозную жизнь популярными поэтами и авторами трагедий.

Еще одной важной особенностью древнегреческой духовной жизни была очень большая веротерпимость в большинстве государств. Если гражданин выполнял предписанные полисом ритуалы и участвовал в официальных культовых церемониях, то, в сущности, никого не интересовало, в каких богов он верил и какие культовые действия совершал дома. Различия между официальными культами полиса и культами, носящими частный характер, могли быть довольно сильными.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, которое обычно мало принимается в расчет. Мы имеем в виду те особенности, которые неизбежно в той или иной степени были присущи религиозным системам всех греческих колониальных полисов. Для них была обычной определенной трансформация религиозных представлений, связанная с тем, что носители религиозных верований переселялись с родины на далекую окраину античной ойкумены. Мы не будем сейчас указывать на все последствия этого, отметим только самое важное (с нашей точки зрения). Прежде всего, религиозные представления колонистов неизбежно должны были быть довольно сильно упрощены по сравнению с тем, что было на их родине. У греков практически не существовало профессионального жречества, не было и «священного писания», как у христиан, иудеев, зороастрийцев или мусульман. Их верования основывались на мифах, которые составляли основу эпической поэзии, драматического искусства, визуальных образах обычных изображений божеств и т.д.

Тот относительно небольшой коллектив, который покидал родину, уносил с собой, естественно, только часть сакральных знаний и умений. Среди колонистов вряд ли могло быть значительное число людей с хорошим знанием многих мифов и культовой практики. Их знания были, как правило, знаниями «профанных» людей, а не профессионалов. Конечно, в дальнейшем в результате контактов с метрополией и другими греческими полисами эти зияющие бреши в религиозных знаниях колонистов отчасти заполнялись, но некоторая «ущербность» их все-таки продолжала сохраняться².

Образ жизни колонистов на их новой родине, естественно, также оказывал определенное влияние на их сакральные предпочтения. Как правило, земледельцы, ориентировавшие свое хозяйство на производство зерновых, оказывали предпочтение богине Деметре и всему кругу божеств, связанных

с ней, виноделы — Дионису, а ремесленники — Афине и Гефесту. Однако этот принцип не был тотальным, существовали многочисленные отклонения от него, тем более, что, например, в элевсинских мистериях очень скоро соединилось почитание богини Деметры и ее дочери Персефоны с почитанием Диониса.

На процессы развития религиозных воззрений населения, естественно, оказывала воздействие общая политическая обстановка и ее динамика. Когда полисы, расположенные на берегах Керченского пролива объединились в единое государство, конечно, это сказалось и на религиозных верованиях. Более тесные контакты между городами приводили к взаимовлияниям в религиозной сфере. Создание монархического государства Спартокидами неизбежно имело своим следствием определенную модификацию и в религиозной сфере, учитывая общую тенденцию эллинистического времени к сакрализации власти правителя.

Включение Боспора в состав державы Митридата VI не только усилило эту тенденцию, но и привело к проникновению ряда культов, распространенных в Малой Азии, и особенно в Понте. Очень сильным было влияние Римской империи, хотя Боспорское царство официально не входило в ее состав. Тогда, в частности, здесь официально существовал культ римских императоров, верховными жрецами которых являлись сами боспорские цари.

Особая сложная проблема — взаимодействие религиозных верований греков-переселенцев и местного населения, обитавшего на тех территориях, где создавались колонии. Ранее в нашей литературе придавалось особое значение этому явлению, считалось, что уже с самого основания колоний начинался процесс взаимовлияния двух религиозных систем. Однако более внимательное изучение источников показало, что действительная картина — более сложная. В момент начала освоения греками Таманского полуострова, например, здесь практически не было местного населения. Расстояние между Фанагорией и ближайшим известным меотским поселением было равно примерно 60 км. Соответственно на первом этапе существования греческих колоний контакты (особенно такие, какие могли привести к процессу взаимного влияния в религиозной сфере) были минимальными. Конечно, с течением времени они усиливались, однако, думается, что на протяжении ряда веков религия греков не испытывала особо серьезных воздействий со стороны религиозных воззрений меотов и синдов. Хотя в отечественной литературе пользуется популярностью точка зрения, согласно которой процесс взаимодействия в сфере религии между греками и местным населением начался чуть ли не в момент основания колоний, реальная картина была иной, как мы постараемся показать при следующем анализе конкретных культов.

Возможно, ситуация изменилась в первые века нашей эры, когда представители местных этносов стали в значительном числе проникать в состав гражданских коллективов ряда греческих городов. При этом необходимо указать на то, что сторонники концепции влияния местных культов на религиозную жизнь греков никогда не пытались исследовать этот процесс, априорно полагая, что само соседство автоматически приводит к взаимовлияниям, что совершенно не верно. Процесс культурных контактов всегда бывает очень сложным и многообразным, и соседство — только одно из необходимых условий.

Рассмотрев некоторые общие вопросы, касающиеся тех условий, в которых происходило развитие религиозной ситуации в греческих городах на Таманском полуострове, мы можем перейти к более конкретному анализу.

При этом необходимо подчеркнуть, что исследование религиозных верований населения этих городов сопряжено с целым рядом трудностей. Основной из них является крайняя разнородность и фрагментарность источников. Литературная традиция почти не дает нам информации, только изредка сообщаются отдельные факты, значение которых оценить бывает иногда довольно трудно. Значительно больше информации дают надписи, сообщающие о различных культах, иногда об их особенностях, о месте того или иного культа в полисе и в Боспорском царстве. Однако и этот источник не лишен недостатков: многие надписи фрагментированы, и восстановить их полный текст иногда очень трудно; надписи очень неравномерно распределены во времени, в частности самый ранний период истории городов освещен эпиграфическими источниками хуже всего.

Значительной ценностью обладают граффити, которых, естественно, много больше, чем надписей, но они, как правило, очень (иногда даже чрезмерно) кратки, а вследствие краткости могут быть интерпретированы самым различным образом. Кроме того, они чаще всего никакой информации, кроме имени и (иногда) эпikleзы божества, не несут.

Особую проблему представляют произведения искусства: скульптура, живопись, произведения малой пластики, ювелирные предметы. Многие из них могут дать определенную информацию относительно религиозной жизни, поскольку основные сюжеты в древнегреческом искусстве очень часто были связаны с религией и мифологией. Однако понимание того «послания», которое было вложено художником в свое произведение, сталкивается со многими трудностями. Помимо естественной разницы в мировоззрении между древним творцом и современным исследователем имеется немало других препятствий. Как отмечают современные исследователи данной проблемы, если образ не несет надписи, поясняющей его природу, или не снабжен бесспорными атрибутами³, определение его характера и его символического значения часто оказывается чрезвычайно трудным⁴. Самым ярким примером в этом отношении являются терракотовые статуэтки архаического времени (довольно частые на Боспоре), изображающие богиню с калафом на голове, сидящую на троне, или протому богини. Эти терракотовые статуэтки характерны для всего Средиземноморья и присутствуют в самых различных «сакральных контекстах», их находят в храмах различных богинь⁵.

Еще одной сложной проблемой является очень большая «пластичность» греческого искусства. Как творчество создателей эпоса и трагедий оказывало влияние на религиозные представления жителей Эллады, так и произведения скульпторов и художников воздействовали через созданные ими художественные образы. В древнегреческом мире не существовало строго установленной иконографии божеств, и художник обладал очень большой степенью свободы творчества. В результате этого благодаря индивидуальному творчеству художника ярче «высвечивались» некоторые особенности образа божества, которые становились достоянием сознания многих людей через посредство десятков копий, которые создавались на основе популярного оригинала. В конечном счете, исследователь имеет дело с огромным количеством вариантов воспроизведений одного и того же образа, часто совершенно не похожих друг на друга. Например, богиня красоты и любви Афродита вдруг предстает в облике грозной воительницы в полном вооружении⁶. Вдобавок самыми почитаемыми статуями божеств были древнейшие деревянные идола (ксоаны), лишенные каких-либо художественных достоинств. Еще одна трудность здесь состоит в том, что (это характерно для эллинистического и римского

времени) часто нелегко решить, является ли данное произведение искусства приношением в храм или не имеет большой сакральной «нагрузки», служа чисто декоративным целям.

В результате всего этого исследователь древнегреческой религии оказывается в очень сложном положении, пытаясь на основе фрагментарных, разрозненных и часто противоречивых свидетельств представить характер пантеона того или иного города, особенности культов и их эволюцию во времени, наконец, взаимоотношения различных культов. Сложность усугубляется самим политеистическим характером древнегреческой религии с огромным количеством божеств и героев. В этом отношении показателен пример одного из городов Боспорского царства — Горгиппии. Исследовательница этого города Е.М. Алексеева, анализируя религию его жителей, дала следующий список божеств, почитавшихся там: 1) бесспорно, обладавшие государственным статусом: Посейдон, Геракл, Афродита, Гермес, Деметра, Кора-Персефона, Кибела, Атгис, Артемида, Зевс, Гелиос, Аполлон, Мен, Дионис, Пан-Сатир, Бог Высочайший, римские императоры; 2) почитавшиеся отдельными группами граждан: Тихе, Афина, эроты, Персей, Гарпократ, Исида, Серапис⁷. При этом необходимо учитывать, что некоторые из почитаемых божеств имели различные ипостаси (например, Афродита).

Сложности изучения этой проблемы, естественно, нашли свое отражение и в ее историографии. Отдельным частным вопросам посвящена очень значительная литература, но работы общего характера очень редки. Можно указать, например, на очерк в соответствующем разделе книги «Античные государства Северного Причерноморья» (серии «Археология СССР»), который трактует всю проблему (в масштабах всего Северного Причерноморья) всего на трех—четыре страницы⁸. Много подробнее очень интересная монография А.С. Русяевой, но в силу известных причин основное внимание она уделяет Северо-Западному Причерноморью и Херсонессу⁹. Классическая книга В.Ф. Гайдукевича об истории Боспорского царства¹⁰, к сожалению, в отношении религии уже достаточно сильно устарела благодаря обилию новых находок.

Из исследований последнего времени определенное значение имеет книга Ю. Устиновой, представляющая и детальное исследование ряда проблем истории культов Боспора¹¹. Однако ценность этого исследования снижается, с нашей точки зрения, приверженностью автора некоторым традиционным представлениям, таким, как твердая уверенность, что влияние местного населения на культуру греков-колонистов ощутимо уже в самый ранний период (VI—IV вв. до н.э.), что соответственно важнейшую роль в формировании культа Афродиты Апатуры играли скифские религиозные идеи. Кроме того, общую перспективу искажает традиционное же представление о том, что в Милете культ Афродиты известен только начиная с эллинистической эпохи. Имеются также и просто фактические ошибки¹², и необоснованные утверждения¹³.

Основная задача данного очерка — дать представление о характере религиозных верований населения восточной части Боспорского царства и их эволюции. Естественно, что далеко не все проблемы могут быть решены и даже подняты в этом очерке, но мы постараемся проследить основные тенденции и охарактеризовать основные явления этой сложной сферы духовной жизни.

Мы полагаем, что удобнее всего рассматривать проблему, распределив ее на два хронологических периода: 1) от начала колонизации до перехода Боспора под власть Митридата Евпатора (при этом, конечно, очень желательно

было бы выделить внутри этого периода два этапа, один, охватывающий время полисной автономии, второй — время существования единого государства, но, к сожалению, состояние источников это не позволяет) и 2) от времени Митридата до конца античной эпохи. Естественно, что особое внимание при этом будет уделено Фанагории, как самому крупному и важному городу полуострова, своего рода «лидеру», часто служившему примером для всех остальных городов этого региона.

РАННИЙ ПЕРИОД

Парадигматический миф, культ Афродиты и Геракла, в сакральной жизни каждого из греческих полисов всегда существовал особый сюжет, особая мифологема, которую можно считать основной для этого полиса, которая «организует» его сакральную жизнь. Все остальные сюжеты в той или иной степени зависят от него, дополняют и расширяют его, но ядром комплекса специфических религиозных идей, которые служат для самоидентификации гражданского коллектива полиса, остается все же одна из них. Для граждан Фив, например, такими сюжетами были мифы о Геракле и Дионисе, которые, как они считали, родились в их городе. У афинян такую роль играл миф о споре Афины и Посейдона за право владеть городом. Именно этот миф был изображен на восточном фронте главного афинского храма — Парфенона, воздвигнутого на акрополе Фидием по решению народного собрания, которое предложил Перикл.

Естественно, такие мифы-парадигмы существовали и у городов-колоний. Греческие колониальные мифы обладали определенной спецификой. Они возникали в процессе греческой экспансии, и их суть состояла в том, чтобы оправдать само греческое присутствие в тех или иных регионах, вне пределов их исторической родины, подтвердить их право на вновь приобретенную землю¹⁴. Как известно, впервые мифы этого типа появились во время ионийской миграции в Малую Азию после падения основных центров микенской цивилизации в Балканской Греции¹⁵. Позднее значительный толчок для развития этого типа мифа дала Великая греческая колонизация¹⁶. Грекам нужно было освоить новые территории не только физически, но и ментально. Это помогал выполнить миф, оправдывающий их присутствие здесь, на вновь занятой земле.

Механизм действия мифа состоял в том, чтобы сделать неизвестное известным, чужое — своим, реальную географию чужого мира включить в систему своих мифологических представлений. В частности, одним из обычных в таком случае методов было нахождение «прецедента». Это объясняется тем, что у греков, в частности, отношение к колонизации было совершенно иным, чем у колонизаторов Нового времени. Им была совершенно чужда романтика «новых рубежей», героических подвигов в освоении нового мира. Для них колонизация означала «возвращение» в те места, где уже действовали их боги или герои¹⁷. Ведь само завоевание дорьянами юга Балканского полуострова трактовалось как «возвращение потомков Геракла».

Такого рода мифы рождались и существовали не только в период «великой греческой колонизации». Мы можем довольно надежно утверждать, что этот тип мифа продолжал жить и значительно позднее. Во всяком случае, мы видим, как мифы этого типа возникали во время походов Александра Македонского, особенно во время последней стадии похода, когда греки принимали Гиндукуш за Кавказ и находили здесь следы пребывания Прометея, но, самое

главное, — следы пребывания Геракла и Диониса, особенно последнего. Поскольку считалось, что Дионис ранее завоевал эти земли, греко-македоняне рассматривали Александра Македонского как Нового Диониса, а самих себя как законных наследников этого завоевания, имеющих полное право владеть этими землями¹⁸.

Хотя многие наиболее образованные и критически мыслящие личности того времени давали упрощенно рациональное объяснение этому феномену, считая его злонамеренностью отдельных людей, желающих польстить Александру, тем не менее, реальная природа его была иной — это было явление, рождающееся в массовом сознании, по моделям, которые столетия существовали и которые входили в самую суть мифологизированного мировоззрения древних греков. Естественно, что Северное Причерноморье не было исключением, и во время основания греческих колоний здесь также стали создаваться свои мифы-прецеденты, которые должны были идеологически обосновать право греков на вновь обретенные земли. Мы знаем целый ряд подобных мифов, в том числе таких широко известных, как, например, миф об Ахилле — владыке Понта, живущем на Белом острове¹⁹, или миф об особой связи Аполлона с гипербореями²⁰. О существовании некоторых других подобных «мифов-прецедентов» можно только догадываться на основании очень слабых следов²¹.

Наиболее отчетливо основная идея мифа выражается тогда, когда греческий герой или бог одерживает победу над тем или иным представителем локальных, как правило, хтонических сил. Примеры этого очень многочисленны, но мы приведем только один, поскольку героем-основателем города в данном случае считается Геракл, который, согласно традиции, разбил фракийцев-бистониев и убил их царя Диомеда²². Завершением подвига становится основание города Абдеры. Этот миф имеет особое значение для нас, поскольку данный город так же, как Фанагория, является колонией Теоса.

Другой обычный механизм действия этого принципа мифологического мировоззрения состоял в том, чтобы заявить право на землю на основании другого прецедента: брака между греческим божеством или героем и местной нимфой²³. При этом необходимо помнить тот комплекс представлений, который стоял за греческим браком. Женщина воспринималась как существо много более «природное», нежели мужчина, который выступал в роли представителя цивилизующего начала. В силу этого брак представлял собой союз, в котором противоположные начала объединялись для того, чтобы цивилизующее начало стало господствующим²⁴. Такого рода мифы были распространены чрезвычайно широко. При этом мифические представления о начале колонизации того или иного региона прекрасно сосуществовали с иными, много более реальными, описаниями событий (как и в случае с ранее рассмотренным нами типом мифа). Например, греки прекрасно представляли историю колонизации Ливии на основании подробного рассказа Геродота, но в «Девятой Пифийской оде» Пиндара история создания Кирены предстает как результат брака между Аполлоном и нимфой-охотницей Киреной²⁵.

Подобные мифы мы находим и в Северном Причерноморье: миф о «браке» Геракла с местной нимфой, а также близкий ему миф о «браке» Зевса с такой же местной нимфой²⁶.

Своеобразным синтезом этих двух упомянутых нами принципов обоснования своего права на землю представляется рассказ Геродота о тех ионянах, которые отправились колонизовать Малую Азию «прямо из афинского прита-нея»: они женились на местных женщинах-кариянках, убив их родителей²⁷.

В этой перспективе — перспективе обоснования права эллинов на землю — мы должны рассматривать и парадигматический миф, родившийся в Фанагории²⁸. Он передан нам Страбоном: «Есть в Фанагории известное святилище Афродиты Апатурос. Для объяснения первоначального значения эпитета богини приводят некий миф о том, как богиня, когда на нее здесь напали гиганты, позвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере; затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы коварно, обманом убить их»²⁹. Это сообщение повторяет (со ссылкой на Страбона) и Стефан Византийский³⁰.

Необходимо отметить, что это святилище, кажется, знал уже Гекатей Милетский³¹, что позволяет говорить о его большой древности, возможно, о создании его во время основания города. Во всяком случае, древнейшее эпиграфическое свидетельство об этом святилище относится еще к V в. до н.э.³² или даже, как считают некоторые исследователи³³, ко второй половине VI в. до н.э., что несколько сомнительно.

Что касается точного местонахождения святилища, то надо помнить, что Страбон чуть раньше в этом же параграфе уже упоминает Апатур, святилище Афродиты, указывая его местоположение: «При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур — святилище Афродиты»³⁴. Сопоставление этих чуть-чуть различающихся свидетельств относительно местоположения святилища, кажется, может привести к следующему выводу: Апатур располагался на территории хоры Фанагории, а не в самом городе. Данный вывод подкрепляется тем, что, как было установлено, все самые известные святилища греческого колониального мира располагались не в городах, а в пределах их хоры³⁵. Кроме того, несомненно, что Апатур находился на берегу Таманского залива, так как Страбон перечисляет именно прибрежные населенные пункты.

Нельзя сказать, чтобы этот миф не привлекал внимания исследователей. К нему обращались уже несколько раз³⁶, однако, как нам кажется, все попытки интерпретации его были недостаточно успешны, поскольку миф этот анализировался вне связи с рядом основных концепций греческого мифологического мировоззрения, а также без четкого осознания того, что данный вариант мифа имеет чисто локальный характер³⁷.

Некоторые исследователи, как, например, С.Р. Тохтасьев, считали, что вообще необходимо отказаться от рассмотрения данного мифа, поскольку, по его мнению, он представляет досужее сочинение какого-то автора эллинистического времени, не имеющее отношения к реальной религиозной истории Боспора. Для остальных авторов характерна одна общая позиция, наиболее полно представленная И.Ю. Шаубом, но постоянно присутствующая практически во всех работах по этому сюжету³⁸. Для них Афродита является синкретическим божеством, в основе культа которой лежит почитание древней местной Богини-матери (скифской или синдо-меотской). При этом данный тезис почти всегда принимается как априорный, не требующий доказательств. Только сравнительно недавно некоторые исследователи отказались от этой позиции, подчеркивая чисто греческий характер культа местной боспорской Афродиты³⁹.

Не предпринимая сейчас своего ответа на этот важнейший вопрос, постараемся найти решение путем анализа мифа и иных свидетельств о религиозной жизни, в первую очередь в Фанагории и других центрах Азиатского Боспора. При этом мы постоянно будем иметь в виду его изначально локальный (фанагорийский) характер, что не помешало ему очень рано приобрести об-

щербоспорское признание. При анализе этого мифа надо иметь в виду, что в греческой сакральной истории мира битва между богами-олимпийцами и гигантами занимает совершенно особое место. Для греков битва олимпийцев с гигантами — это битва сил света, добра, порядка против сил тьмы, зла и хаоса. Именно победа в этой битве обеспечила олимпийцам господство над миром. Некоторые исследователи считают этот миф важнейшим в древнегреческой религии⁴⁰. Он отражен в большом количестве текстов⁴¹, а также и в произведениях искусства, среди которых особое место занимает прославленный Пергамский алтарь⁴².

Для нас важно то, что греки Фанагории имели свой собственный взгляд на это важнейшее событие. Их вариант мифа очень мало согласуется с основной версией его. Отличия касаются места, где происходила битва, того, кто сыграл важнейшую роль в битве, как она была выиграна.

Что касается первого вопроса, то, хотя у греков существовали определенные расхождения относительно места битвы между богами и гигантами⁴³, однако во всех описаниях она всегда происходила на «открытом воздухе» и никогда — в пещере. В основной версии мифа гиганты из глубины земли поднимаются на поверхность ее, здесь же Геракл и Афродита спускаются под землю, где и сокрушают своих врагов. Все это позволяет рассматривать этот вариант мифа о гигантомахии как чисто локальный, прежде всего фанагорийский, что, естественно, повышает наш к нему интерес.

Другое важнейшее отличие боспорского варианта от основного состоит в том, что противниками гигантов здесь являются только Афродита и Геракл. При этом оба варианта мифа согласны относительно роли Геракла. В основном варианте ему принадлежит (наряду с Зевсом и Афиной) важнейшая роль в победе⁴⁴. Совсем иное дело Афродита. В основном мифе Афродите принадлежит далеко не первостепенное место. В тексте Аполлодора Афродита даже не упомянута среди тех, кто сражался с гигантами. Ф. Виан, тщательно проанализировавший весь изобразительный материал, показал, что среди всех сцен гигантомахии, датируемых архаическим временем, присутствие Афродиты бесспорно зафиксировано только в одном случае (в вазописи), возможно (но сомнительно) присутствие еще на двух вазах⁴⁵. В сцене гигантомахии, созданной Фидием на Парфеноне, Афродита присутствует, но занимает очень скромное место⁴⁶. Исследование этим специалистом литературных текстов о гигантомахии показало, что и нарративная традиция не уделяет большого внимания участию Афродиты в ней. Во всяком случае, на основании литературных текстов невозможно даже понять, с кем из гигантов сражалась богиня⁴⁷. Таким образом, фанагорийский мифологический сюжет обладает значительной спецификой, он порожден особыми условиями, условиями колонизации.

Прежде чем попытаться охарактеризовать особенности данного мифологического сюжета и роль в нем Геракла, необходимо самым кратким образом указать на те особенности его культа, которые сделали Геракла наиболее подходящим героем для фанагорийского мифа. Геракл был чрезвычайно популярен по всей греческой ойкумене. Археологические свидетельства и данные традиции говорят о том, что Гераклу в различных городах было посвящено значительное число храмов (примерно 62) и алтарей (примерно 11)⁴⁸. Для нас наиболее важно то, что такие храмы засвидетельствованы были в Теосе и Абдере, т.е. полисах, которые можно рассматривать как метрополии Фанагории. В дополнение отметим, что источники указывают на существование игр в честь Геракла в 18 полисах, в том числе в Теосе⁴⁹. Наконец, Геракл был

одним из тех героев, которые в греческой традиции выступают в роли ктистов (основателей) городов. Согласно подсчетам современных исследователей, Геракл считался основателем 21 города⁵⁰, почти 40 городов были названы в его честь⁵¹. Традиция относительно основания города Гераклом иногда служила основанием для подтверждения своего права на землю⁵².

Хотя на первый взгляд в фанагорийской мифологической схеме Геракл сохраняет свой традиционный характер, ибо именно он уничтожает гигантов, однако это не совсем так. Здесь перед нами предстает образ, в некоторых отношениях не совсем обычный, можно даже сказать особый — «северный» Геракл. Этот Геракл спускается в пещеру не только возле Фанагории, но и в скифских землях: мы имеем в виду известный рассказ Геродота (который ему сообщили понтийские греки) о возвращении героя с добытыми им быками Гериона, когда у Геракла исчезли его кони. В Гилее их ему пообещала вернуть Ехидна, «полудева, полузмея» (жившая в пещере) в том случае, если он вступит с ней в любовную связь. Результатом этого союза явился Скиф — родоначальник скифских царей, а также Агафирс и Гелон⁵³.

Этот сюжет был достаточно популярен в античную эпоху и неоднократно вспоминался. О нем, в частности, писал, со ссылкой на Геродота, Ипполит в своем произведении «Опровержение всех ересей»⁵⁴. Зафиксирован он и в эпиграфике⁵⁵. Таким образом, и здесь деяния Геракла в причерноморском регионе «привязываются» к пещере⁵⁶. Но и помимо указания на пещеру данный сюжет дает очень обильную пищу для размышлений. Обычно он в последние годы анализировался только в контексте свидетельств об этногенетической легенде скифов⁵⁷, хотя в более ранней литературе подчеркивалась «греческая сторона» сюжета⁵⁸. Важность для нашего исследования состоит в том, что имеется целый ряд свидетельств (помимо уже приведенных), которые говорят о Северном Причерноморье как «зоне» деятельности Геракла, что в традиционных версиях описания его подвигов отсутствует.

Помимо возвращения с быками Гериона Геракл, по одному из вариантов, который сообщает Аполлодор, получение золотых яблок Гесперид (подвиг, входящий в число главных) имело место не в Ливии, а в стране гипербореев⁵⁹. Особое место в мифах, посвященных Гераклу, занимает его поход против амазонок. Хотя большинство античных авторов помещали амазонок на южный берег Черного моря, в некоторых произведениях античной литературы местом их обитания являются степи Северного Причерноморья и соответственно рассказывается о походе Геракла именно туда. К числу таких произведений относятся, в частности, трагедия Эврипида «Геракл»⁶⁰, трагедия Сенеки «Геракл в безумии»⁶¹, видимо, «Александра» Ликофрона⁶² и «История» Павла Орозия⁶³.

В описании этого похода имеется несколько особенностей, которые привлекают наше внимание. Во-первых, в этот поход Геракл отправляется не один, а собирает целую армию. Во-вторых, что особенно неожиданно, герой сейчас оказывается не в обычном для него дорийском, а в ионийском окружении⁶⁴. Геракла сопровождают Тесея и Теламон с Саламина⁶⁵. В третьих, данный поход — морской, причем, согласно тексту Юстина, Геракл ведет эскадру из девяти военных кораблей⁶⁶. Согласно Диодору Сицилийскому, именно после этого похода море, которое ранее называлось Аксинским, стало называться Евксинским. Видимо, именно в связи с этой традицией Дион Хрисостом утверждал, что Геракл «овладел Египтом и Ливией, а кроме того, живущими вокруг Понта фракийцами и скифами»⁶⁷. Особые отношения Геракла с Северным Причерноморьем проявляются даже в

атрибутах героя. Как особый отличительный его знак упоминается скифский лук. Об этом писали Геродор Гераклеяский⁶⁸, Ликофрон в «Кассандре»⁶⁹, об этом же сообщают «Схолии» и к «Алексадре» того же самого автора⁷⁰.

Многочисленность и одновременность свидетельств о пребывании Геракла в Северном Причерноморье, а также содержание мифов, связанных с этими эпизодами его «биографии», заставляют думать, что в данном случае Геракл выступает как один из героев «колониальных» сказаний, что типично для него, как героя путешественника и цивилизатора⁷¹. В традиционный образ героя добавлены черты, которые прямо связывают его с северными берегами Черного моря, а здесь — с крупнейшим полисом Азиатского Боспора — Фанагорией. Вполне возможно, что ядро этих идей пришло еще с Теоса, поскольку Геракл считался основателем и другой колонии этого города — Абдеры⁷². В своем новом облике этот Геракл предстает как мореплаватель, прибывший вместе с героями-ионянами к берегам «негостеприимного моря», но которое благодаря ему становится «гостеприимным», он сражается с подземными чудовищами и женщинами-воительницами, очищая землю для цивилизованного образа жизни.

Естественно, что такой образ героя был обречен на популярность, особенно на Азиатском Боспоре⁷³. Возможно, что в Фанагории имелся храм Геракла, как об этом свидетельствует одна из надписей (на архитраве?), датируемая IV в. до н.э.⁷⁴ В известной мере это предположение подкрепляет и надпись (также IV в. до н.э.), найденная около Темрюка, в которой говорится о посвящении статуй Гераклу (по всей видимости, в храм Геракла)⁷⁵. Статуя Геракла была поставлена и на акрополе Пантикапея⁷⁶.

Важнейшим доказательством особой популярности культа Геракла является тот факт, что цари поздней боспорской династии считали Геракла своим предком⁷⁷ и, следовательно, полагали себя связанными с данным героем особыми тесными узами.

Помимо нарративных и эпиграфических источников о культе Геракла свидетельствуют и археологические источники. Мы уже упоминали рельеф (возможно, часть архитрава) с изображением сцены гигантомахии. Поскольку гиганты здесь представлены как змееногие существа, что характерно для эпохи эллинизма, то и данный рельеф следует относить к этому времени⁷⁸. В Гермонассе был найден мраморный рельеф III в. до н.э. с изображением Геракла с яблоками Гесперид (рис. 1). Рельеф явно аттической работы, т.е. он был специально импортирован из Афин⁷⁹. Здесь же найдена терракотовая статуэтка Геракла (рис. 2).

Первые терракотовые статуэтки, представляющие Геракла, появились еще в V—IV вв. до н.э. Часть из них происходит из погребений, в том числе из известного кургана Большая Близница⁸⁰. Для более позднего времени характерны находки статуэток в городских слоях. Они были найдены в ряде городских центров: Фанагории⁸¹, Кепах⁸². Очень много таких статуэток Геракла было обнаружено в Горгиипии⁸³ (рис. 3), местное производство большинства из них, свидетельствующее о его популярности, подтверждается находкой форм для оттиска таких статуэток⁸⁴. Но самый яркий пример популярности Геракла и в позднее время (III в. н.э.) дает знаменитый склеп с росписями на темы подвигов Геракла из Горгиипии⁸⁵ (рис. 4). Е.М. Алексеева считает (с определенными основаниями), что склеп предназначался для погребения представителя местной знати, имевшего родственную связь с правящей ди-

Рис. 1. Рельеф с изображением Геракла. Эллинизм. Мрамор. Гермонасса. ГМИИ

настий. Здесь же найден фрагмент скульптуры, изображавшей пирующего Геракла⁸⁶.

Поскольку «партнером» Геракла в уничтожении гигантов выступала Афродита, то, естественно, что и этому образу должно быть уделено особое внимание. Выше мы уже отмечали, что анализ генезиса и характера этого культа неоднократно был объектом исследований, но полученные результаты не могут быть полностью приняты. В числе факторов, которые способствуют превратному толкованию культа Афродиты, с нашей точки зрения, является повсеместное убеждение в том, что на Боспоре мы имеем дело с единым культом, что, с нашей точки зрения, не совсем верно.

В действительности мы имеем дело с двумя культами: один из них имеет своим центром фанагорийский Апатур и свое внешнее выражение находит в специфических эпиклезах богини, связанных с ним («владычица Апатура», «Апатуриада»), другой — более традиционный. В этом варианте культа Афродита лишена каких-либо эпиклез, указывающих на ее специфику. В настоящее время есть все основания полагать, что данный вариант культа Афродиты на Азиатском Боспоре имеет чисто милетское происхождение. Одной из причин ошибок более ранних исследователей является то обстоятельство,

что до недавнего времени о культе Афродиты в Милете архаической эпохи свидетельств не было, и некоторые ученые утверждали, что в этом городе он приобрел популярность только в эллинистическое время⁸⁷. Однако открытие в Милете храма Афродиты, существовавшего в архаический период⁸⁸, заставляет пересмотреть этот тезис.

В связи с этим сейчас появилась тенденция рассматривать культ Афродиты на Боспоре как прямое продолжение милетского культа, поскольку основная часть греческих апоекий Боспора имела своей метрополией Милет. На этой позиции стоит, в частности, А.С. Русяева, хотя сама же указывает на самый слабый пункт этой концепции — полное отсутствие свидетельств об использовании каких-либо эпиклез в милетском культе⁸⁹. Нам представляется, что мы имеем дело с двумя культами. Видимо, милетское происхождение имел тот, в котором богиня лишена эпиклез⁹⁰, и о нем мы будем говорить позднее. Сейчас же сосредоточим внимание на другом, характеризующемся специфическими эпиклезами⁹¹.

Второй вариант — более загадочен. Нет никаких прямых указаний на его генезис. Нам, однако, представляется, что имеются определенные факты, которые позволяют приблизиться к решению этой проблемы. В основе нашего подхода лежат два тезиса: 1) Теос — метрополия Фанагории — сам являлся колонией Афин и, в силу этого, необходимо обратиться к анализу древнейших афинских мифологем; 2) особую роль при этом должен сыграть анализ терминов «Апатур» и «апате» (коварство, обман), с помощью которого Геракл и

Рис. 2. Изображение Геракла.
Эллинизм. Терракота, Гермонасса.
ГМИИ

Рис. 3. Изображение Геракла.
Эллинизм. Терракота, Горгиппия.
Анапский музей

Афродита расправляются с гигантами, тем более, что сам Страбон, сообщающий этот миф, логически соединяет их.

Известно, что в ионийских полисах Малой Азии существовал праздник Апатурии и, более того, этот праздник был общеионийским. По свидетельству Геродота, в древнейшем ионийском двенадцатиградьи только в двух по-

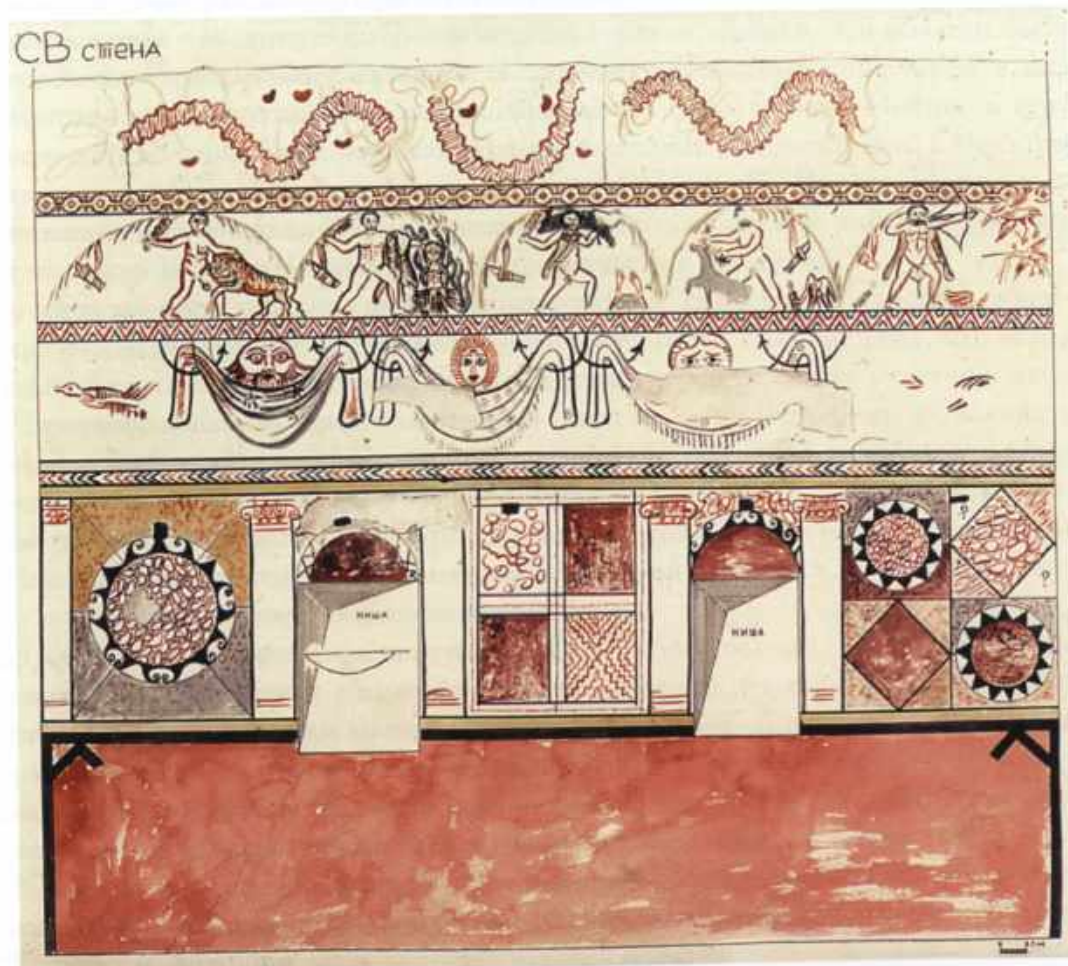

Рис. 4. Подвиги Геракла. Роспись
склепа. Конец II – начало III в. н.э.
Горгиппия. Краснодарский музей

лисах (Эфесе и Колофоне) не существовало этого праздника в силу каких-то специфических причин. Однако самое основное заключается даже не в этом. Геродот, определяя, что такое «чистокровные ионяне», вводит два признака, которые дают право на это имя: происхождение из Афин и наличие в полисе праздника Апатурий⁹².

Поскольку свидетельства из Ионии крайне скудны, то для понимания природы этого праздника обычно обращаются к информации из Афин, которые (как мы только что отмечали) традиционно считались метрополией всех малоазийских ионийских полисов⁹³. В Афинах праздник Апатурий приходился на осенний месяц Пианепсион (октябрь—ноябрь) и продолжался три дня⁹⁴. Прежде чем описывать данный праздник и определять его характер, необходимо сделать одно предварительное замечание: в Древней Греции очень значительную роль в определении сущности того или иного явления играла народная этимология слова, определявшего его.

Греки придавали данному принципу очень большое значение, хотя их этимологизации, как правило, не имели научного характера и базировались часто (хотя и не всегда) на случайных созвучиях. В отношении праздника Апатурий засвидетельствованы два различных, но одинаково ценных для греков, корня, которые служили им для определения сущности этого праздника: один из них — «патер» (отец), другой — уже известное нам, благодаря свидетельству Страбона, слово «апате» (обман, хитрость, коварство).

В отличие от основной массы остальных афинских праздников, Апатурии не имели твердо фиксированной полисом даты. Данное обстоятельство объясняется тем, что этот праздник относился к числу древнейших в Аттике и справлялся по фратриям, которые, в принципе, считались объединениями по родственному принципу, все члены которых восходили к одному общему предку. В схолиях к Аристофану⁹⁵ и в «Суде»⁹⁶ существует этимологическое объяснение этого: Ἀπατούρια = Ὀμοπατούρια, т.е. Апатурии считаются праздником тех, кто происходит от общего предка⁹⁷. Апатурии были празднествами именно фратрий, и, согласно традиции, каждая из них справляла этот праздник в свой издавна установленный день в пределах именно этого месяца. После реформ Клисфена фратрии утратили политическое значение, но сохраняли свою роль как одна из форм организации гражданства по гентильному и соответственно религиозному принципу⁹⁸. Праздник продолжался три дня. Первый день назывался Дорпия и основное мероприятие в этот день — совместная трапеза членов фратрии⁹⁹. Второй день — день совместных жертвоприношений. Наконец, третий день — Куреотис — или день молодых. В этот день совершались два обряда, которые играли выдающуюся роль в жизни каждого молодого афинянина и которые можно отнести к основным «ритуалам перехода» (согласно принципам Ван Геннепа)¹⁰⁰, принятым сейчас практически всеми исследователями).

Именно в этот день отцы представляли фратрии своих детей, родившихся с момента прошлого праздника¹⁰¹. Официальные лица фратрии регистрировали детей, внося их в специальные списки (о значении этого акта дают представление речи XXXIX и XL «Корпуса» Демосфена). Официальная гражданская регистрация осуществлялась магистратами дема только тогда, когда ребенок достигал юношеского возраста, однако в спорных случаях свидетельства о том, что данный юноша был в свое время в праздник Апатурий представлен фратрии, было достаточным основанием для подтверждения реальности притязаний на гражданский статус¹⁰².

Каждое такое представление ребенка отцом, естественно, сопровождалось жертвоприношениями. Известно, что детали относительно жертвоприношений определялись специальными правилами¹⁰³. Второй очень важный обряд, который совершался в этот же день, — это переход молодых афинян из разряда мальчиков в разряд эфэбов¹⁰⁴. Обряд имел несколько весьма значащих деталей. Одной из них было подношение юношами Гераклу большого сосуда с вином (ойностерии). Вино потом потреблялось ими в ритуальных целях¹⁰⁵. Затем юноши срезали свои волосы и посвящали их божееству¹⁰⁶.

Как мы можем видеть, все особенности праздника, о которых мы только что говорили, находятся в пределах «семантического поля» термина «патер» и очень хорошо объясняются исходя из него. Однако для афинян не менее важными были и вторая составляющая праздника, и миф, ее объясняющий. Мы имеем в виду понятие «апате». Миф, объясняющий этот термин, как источник названия самого праздника засвидетельствован значительным количеством текстов, начиная с V в до н.э. и вплоть до писателей византийской эпохи. Поскольку этот список очень длинен и в нашу задачу в данном случае не входит полный анализ всего мифа, мы укажем только самые основные свидетельства. О нем писали: Гелланик, Эфор, Страбон, Павсаний, Юстин, Фронтин, Полиен, упоминается он в ряде словарей, в схолиях к Аристофану, некоторых комментариях и т.д.¹⁰⁷

Поскольку состояние этих текстов не позволяет представить эволюцию мифа и сопоставить его варианты, мы следуем тому восстановлению его содержания, которое было сделано П. Видаль-Наке¹⁰⁸. События происходят на афино-беотийской границе, т.е. в горной и неудобной области, которая, как и все подобные районы в греческом мире, постоянно была объектом споров и конфликтов с соседями¹⁰⁹. С точки зрения греков, однако, эти области были необходимы, поскольку их существование и постоянные конфликты в них обеспечивали возможность для тренировки молодых воинов. Именно в этих условиях разгорается конфликт между афинянами и беотийцами. Объектом конфликта были Ойное и Панактон или Мелайни. П. Видаль-Наке предполагает, что причиной был Панактон, поскольку именно там совершались ежегодные жертвоприношения в честь праздника Апатурий.

Беотийским войском предводительствовал Ксанф (или Ксанфий), афинским — царь Фимоит, последний из потомков Тесея. Было решено, что исход сражения должен решить поединок. Фимоит не мог принять участия в этом поединке (поскольку он был слишком стар, согласно указаниям «Схолий» к Элию Аристиду и к «Миру» Аристофана). С афинской стороны участником поединка вместо царя стал Меланф (или Меланфий). Когда он начался, Меланфий внезапно закричал: «Ксанфий, ты сражаешься не по правилам, за тобой еще кто-то стоит!» Удивленный Ксанфий обернулся, и в этот момент Меланфий нанес ему смертельный удар.

Древние авторы по-разному определяли происшедшее. Полиен и Фронтин, будучи военными специалистами, естественно, считали ту уловку, к которой прибег афинянин, простой военной хитростью. Другие же видели в ней результат помощи со стороны божества, к которому Меланфий обратился с молитвой: или Зевса Апатенора, или (как считала основная масса древних авторов) Диониса ночного, который имел святилище по соседству¹¹⁰ — за Ксанфом действительно появился какой-то человек, одетый в черную козью шкуру (явный намек на присутствие Диониса). Последним эпизодом мифа является то, что Меланфий становится царем Афин.

Естественно, что этот афинский миф был неоднократно объектом исследований и объяснений. Первые попытки их основывались (в той или иной степени) на идее отражения в мифе исторической реальности ранних Афин и конфликтов на беотийско-аттической границе¹¹¹. Затем пришла пора, когда миф попытались рассмотреть именно как миф. Действительно, имеется целый ряд обстоятельств, которые заставляют видеть в этом сюжете именно миф. Отметим прежде всего, что сама борьба молодых воинов на границах в раннюю эпоху имела не только чисто практическое значение, но и ритуальный характер, что дало начало целому ряду мифов¹¹². Кроме того, данный сюжет с описанием подобного поединка и такой же уловки, приносящей победу, присутствует и в иных контекстах¹¹³, что заставляет полагать, что это действительно — не рассказ о реальном событии, а религиозно-мифологический топос.

Наконец, еще одно обстоятельство, которому сторонники мифологического истолкования придавали особое значение: цветовая характеристика и соответственно цветовая символика, связанная с именами героев поединка: Ксанфий — светлый, белый, Меланфий — темный, черный. По этому пути пошли У. Узенер, Дж. Фрезер, Дж. Харрисон, при этом очень популярным стало объяснение, предложенное У. Узенером: борьба светлого и темного олицетворяет борьбу лета и зимы. Эту идею поддержали Л. Фарнелл, Э. Кук, Х. Дж. Роуз, отчасти М. П. Нильссон, видевший в поединке агон, связанный с культом Диониса и имеющий отношение к происхождению трагедии. Несколько иное объяснение данного мифа предложил А. Женмэр, видевший в нем свидетельство существования ритуала, объясняющего право на верховную власть.

Основным недостатком всех этих объяснений было то, что в них практически полностью игнорировалась связь мифа с праздником Апатурий. Впервые попытка объяснить эту связь А. Брелих, однако он ограничился только констатацией факта, не дав каких-либо серьезных объяснений ему¹¹⁴. С нашей точки зрения, наиболее рациональное объяснение мифу и связанному с ним аспекту праздника дано П. Видаль-Наке¹¹⁵, который в работе под названием «Черный охотник и происхождение афинской эфебии» показал, что этот миф прекрасно объясняется из институтов очень раннего греческого общества, которые были близки институтам многих других архаических обществ. Юноши, еще не ставшие полноправными гражданами, рассматривались как особая категория, противостоящая взрослым гражданам. Это противостояние определялось в следующих понятиях: мужчина, муж, гоплит, гражданин, одним словом, выразитель культурного, цивилизационного начала и эфеб — юноша, не женатый, легковооруженный, еще не гражданин, выразитель природного начала. Соответственно цветовая гамма и время дня и время года, характеризующие их, также противоположны друг другу: белое, день и лето, как время деятельности гоплита, черное, ночь и зима, как время деятельности эфеба. Точно так же противоположны и зоны их деятельности: равнины, предназначенные для сражений регулярных армий гоплитов-фалангитов и эсхатай (т.е. горы, неудобья и т.п. на границах) — место деятельности эфебов.

Наконец, необходимо указать еще на одно важнейшее обстоятельство: доблесть гоплита — мужество, доблесть эфеба — военная хитрость, гоплит действует только как член коллектива, эфеб — индивидуально. Миф дает обобщенный образ, своего рода идеал этого типа, а праздник Апатурий имеет также значение обряда «перехода», столь важного во всех архаических обществах, являвшегося одним из вариантов инициации¹¹⁶.

Таким образом, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что святилище Афродиты, владычицы Апатура, было хранителем очень древней традиции, той, которая (через посредство Ионии) восходила к самой ранней поре существования Афин и отражала религиозно-мифологические представления этой эпохи. Их суть можно представить следующим образом: сакрализация фратриальной организации общества, системы возрастных классов и обряда перехода, легализация особенностей класса эфебов, наконец, определенной роли сакрального поединка как условия достижения царской власти.

Определенное подтверждение этих выводов можно получить и при анализе характера еще одной эпиклезы богини — Урания. Как мы уже указывали, на Азиатском Боспоре имеется три варианта имени богини: 1) Афродита Апатуриада¹¹⁷; 2) Афродита Урания, владычица Апатура¹¹⁸; 3) Афродита Урания¹¹⁹. Эти надписи, как нам кажется, свидетельствуют о едином культе. Наиболее полно «тителатура» богини представлена вариантом № 2, где она определяется как Афродита Урания, владычица Апатура, варианты № 1 и 3 — сокращенные, в каждом из них, кроме имени богини, представлен только один элемент ее наиболее полной эпиклезы. В отношении этих надписей не может быть никаких сомнений — они явно говорят о том же культе, что и вариант № 2.

Эпikleза «Урания» (Небесная) была достаточно широко распространена в греческом мире¹²⁰. Ее обычно противопоставляют другой — «Пандемос» (Всенародная). Кажется, впервые отчетливо противопоставил эти две ипостаси Платон в своем произведении «Пир», хотя идея о двух Афродитах присутствует и у других ранних авторов. В «Пире» Платон устами одного из участников беседы (при обсуждении вопроса о двух видах любви: духовной и телесной) провозглашает следующий тезис: «Все мы знаем, что нет Афродиты без Эрота; следовательно, будь на свете одна Афродита, Эрот был бы тоже один; но коль скоро Афродит две, то и Эротов тоже должно быть два»¹²¹. Далее идет определение двух богинь: «А этих богинь, конечно же, две: старшая, что без матери, дочь Урана, которую мы и называем поэтом небесной (Οὐρανία)¹²², и младшая, дочь Дионы и Зевса¹²³, которую мы именуем всенародной» (Πάνδημος)¹²⁴. Необходимо добавить, что иногда Афродита Урания воспринималась, как старшая из Мойр¹²⁵.

При рассмотрении проблемы Афродиты Урании, как нам кажется, нельзя преувеличивать, как это иногда делается, ее отличий от других ипостасей богини, тем более, что их было множество¹²⁶. При всех нюансах основной «фонд» мифологических представлений, содержащихся в этом образе, оставался одним и тем же¹²⁷. При всем различии ипостасей Афродита всегда сохраняла те функции, которые делали ее богиней любви, красоты, покровительницей брака, наконец, олицетворением творческой силы, действующей через любовь¹²⁸. Специфические эпиклезы свидетельствовали о добавлении некоторых иных функций этому образу.

В этом отношении особое значение для нас имеет информация о культе Афродиты в Фивах. Павсаний следующим образом описывает его особенности: «В Фивах есть ксоаны (деревянные статуи) Афродиты, столь древние, что по их преданиям, они являются посвященным даром Гармонии и что сделаны они из деревянных украшений, бывших на носу корабля Кадма. Этих Афродит называют — одну Уранией (Небесной), другую — Пандемос (Всенародной), а третью Апострофией («Отвращающей»)¹²⁹. Эти названия дала Гармония. Название Небесной дано богине в знак чистой любви, лишен-

ной чувственной похоти, Всенародной — в знак общения между полами и, наконец, третье название Отвращающая — с тем, чтобы она могла отвращать человеческий род от беззаконных страстей и безрассудных поступков»¹³⁰. Это несколько упрощенное объяснение, однако, дало возможность современным исследователям более глубоко исследовать проблему, оно показало, что (помимо своей функции покровительницы любви и брака) Афродита часто выступала как божество, покровительствующее полису и тем, кто вовлечен в дела полиса. Наилучший пример этого — именно Фивы, где Афродита была специальным покровителем полемархов. Три ипостаси богини и ее три изображения патронировали три основных элемента жизни полиса: Урания — сферу религии, Пандемос — жизнь демоса, Апострофия — военную сферу¹³¹. Покровительство со стороны Афродиты полисным институтам наблюдается и в ряде других полисов, в частности на Фасосе¹³². Теснейшая связь богини с полисными институтами отражена и в афинском предании о древнейшей истории города. Согласно традиции, переданной нам Павсанием, культ Афродиты Урании был введен в Афинах Эгеем¹³³ а культ Пандемос — Тесеем¹³⁴. Характерно объяснение, данное этому факту Павсанием: «Поклонение Афродиты Пандемос было введено Тесеем, когда он свел всех афинян из сельских демов в один город».

Афродита, естественно, была связана с морем, поскольку по одной из основных версий своего мифа родилась из морской пены¹³⁵. Поэтому в ряде полисов ее храмы строились на берегу моря¹³⁶, в других случаях там ставились ее статуи¹³⁷. Об этом же свидетельствуют и ее многочисленные эпиклезы, связанные с морем¹³⁸, также необходимо указать и на некоторые специфические иконографические схемы¹³⁹.

Морская функция Афродиты иногда приобретала специфический оттенок, она становилась богиней победы в морском сражении. На побережье Аттики на мысе Колиада стояла статуя Афродиты. Как указывает Павсаний, именно сюда море принесло остатки разбитых персидских кораблей¹⁴⁰. Здесь имеется в виду знаменитая битва при Саламине во время Греко-персидских войн. Уже упомянутый нами храм Афродиты в Пирее был построен афинским стратегом Кононом после победы над спартанским флотом, победы, уничтожившей господство Лакедемона на море. В связи с этой ее функцией, видимо, связано и появление статуй Афродит в полном вооружении, засвидетельствованное в ряде городов¹⁴¹. Особенно важно то обстоятельство, что вооруженной была представлена Афродита Урания и в храме на острове Кифера, который считался самым древним храмом, посвященным этой богине и поэтому самым священным¹⁴². Наконец, о воинской функции Афродиты свидетельствуют и ее некоторые эпиклезы. Один из храмов в Спарте был посвящен Афродите-Арее («Воительнице»)¹⁴³.

В литературе в связи с анализом иконографии Афродиты, в частности различия иконографии Афродиты Урании и Афродиты Пандемос, часто приводят одно из свидетельств Павсания. Описывая Элиду, он рассказывает, что статуя Афродиты Урании (исполненная Фидием в излюбленной им хрисо-элефантинной технике) представлена опирающейся одной ногой на черепаха, Афродита же Пандемос (медная статуя, являющаяся произведением Скопаса) — сидящей на медном козле. Иногда высказывается предположение, что здесь действительно отражены самые существенные черты двух различных ипостасей этой богини. Но при этом почему-то забывается конечная ремарка автора по этому поводу: «Относительно значения черепахи и козла высказывать свое мнение я предоставляю желающим»¹⁴⁴. Это несколько ядовитое

замечание показывает, что эти особенности иконографии не были сколько-нибудь широко распространены, и для Периэгета оставались неизвестными и не очень интересными.

Другие свидетельства (кроме уже приведенных — относительно вооруженной Афродиты) говорят о разнообразии типов изображений. Отметим, например, что статуя Афродиты, стоящая недалеко от храма «Афродиты в садах», имела вид гермы¹⁴⁵. Подобная же статуя имела и на Делосе¹⁴⁶. Можно утверждать, что нет прямой зависимости между эпikleзой богини и ее иконографическим типом. Хотя часто утверждается, что изображение Афродиты с лебедем является изображением Афродиты Урании, это не совсем верно. Значительное число бесспорных воспроизведений Афродиты Урании не имеют лебедей¹⁴⁷, с другой стороны, далеко не все изображения Афродиты с лебедем представляют собой воспроизведения Афродиты Урании¹⁴⁸. Тесная связь между эпikleзой и иконографическим типом представляет собой не твердую закономерность, но только тенденцию.

Рассмотрим теперь эпиграфические и археологические материалы о культе Афродиты в отдельных городах Азиатского Боспора¹⁴⁹. Естественно, что необходимо начать с **Фанагории**.

Самыми яркими свидетельствами об этом культе являются надписи. Две из них относятся ко времени правления Перисада I, обе являются посвященными, т.е. в данном случае постаментами для статуй¹⁵⁰. Первая из них посвящена неким Аполлодором, сыном Фанагора, Афродите Урании, владычице Апатура, вторая — Кассалией, дочерью Посия, Афродите Урании. Вполне возможно, что на этих постаментах стояли статуи Афродиты. Наличие таких надписей (с полной титулатурой правителя) является свидетельством официального культа этой богини в городе. К более позднему времени — времени правления Аспурга — относится посвященная надпись этого царя, найденная недавно в ходе работ в затопленной части Фанагории¹⁵¹.

О культе Афродиты в этом городе свидетельствует и монументальная скульптура. В 1892 г. здесь было найдено мраморное изваяние, которое обычно определяется как Афродита Апатура. Вполне вероятно, что статуя может быть датирована IV в. до н.э.¹⁵²

Значительный материал для нашей темы дают терракотовые статуэтки, найденные при раскопках города и некрополя. Характерно, что самые ранние образцы этих произведений — привозные, а иногда, кажется, даже сделанные на заказ. К их числу, прежде всего, нужно отнести три известные фигурные полихромные вазы, из которых для нашей темы интересна, правда, только одна. Мы имеем в виду сосуды, которые были найдены в некрополе Фанагории. Они датируются концом V — началом IV в. до н.э.¹⁵³ Одна из них изображает сирену, другая — сфинкса, наконец, третья — Афродиту в приоткрывающейся раковине (рис. 5). Створки раковины покоятся как бы на морской поверхности. Иногда указывается на уникальность данного произведения искусства, что не совсем верно. В действительности известен целый ряд подобных произведений¹⁵⁴, но данное — самое лучшее по исполнению. Важно отметить, что в их раскраске чувствуются отзвуки полихромии фидиевых скульптур. Данная статуэтка бесспорно выполнена на заказ. Здесь явно присутствует тема морской природы Афродиты¹⁵⁵.

Среди терракотовых статуэток, найденных при раскопках, широко представлены и произведения местных ремесленников. Кажется, к эллинистической эпохе относится фигурка, изображающая женщину, сидящую на скале, на фоне которой представлен дельфин¹⁵⁶. М.М. Кобылина предполагала, что

Рис. 5. Афродита в раковине.
Фигурный сосуд. Конец V в. до н.э.
Глина. Фанагория. ГЭ

Рис. 6. «Афродита Таманская».
II в. до н.э. Скульптура. Мрамор.
Кепы. ГИМ

данная статуэтка воспроизводит Афродиту-Апатуру¹⁵⁷. К числу несколько более поздних статуэток принадлежит, в частности, терракотовая фигурка, видимо Афродиты Книдской, датируемая I в. до н.э.¹⁵⁸, торс той же самой богини того же времени¹⁵⁹.

Терракотовые статуэтки происходят и с хоры Фанагории. В частности, на городище на территории бывшего совхоза «Залив» была найдена статуэтка Афродиты с изображением дельфина у ее ног¹⁶⁰. Довольно много статуэток Афродиты происходит и из раскопок святилища на Майской горе. Древнейшие из них относятся к концу V в. до н.э.¹⁶¹ Интересна рельефная плитка с изображением Афродиты и Эрота, который одевает ей сандалию на ногу¹⁶².

Проблема определения характера культа, отравлявшегося в том или ином святилище (в тех случаях, когда надписи не найдены и определение делается на основании произведений искусства, обнаруженных при раскопках), — сложная проблема. Дело в том, что эти предметы обычно находят в ботросах или «сбросах». Как правило, основная часть таких находок прямо и непосредственно связана с определенным культом, представляя собой изображение божества, которому посвящен храм, или животных, преимущественно приносимых ему в жертву. Однако нередки находки и таких произведений, которые не имеют прямого отношения к данному конкретному культу. В таких случаях исследователи часто изошряются, пытаются найти точки соприкосновения между совершенно различными культами, которые должны объяснить эти факты.

Однако подобные объяснения часто оказываются ложными. При анализе такого рода фактов необходимо исходить из нескольких твердо установленных принципов. Согласно непреложному правилу, все приношения в храм не

могут его покинуть. Когда их становится слишком много или они со временем приходят в негодность, их «складируют» здесь же на территории святилища в каком-нибудь укромном месте, чтобы они не мешали новым приношениям. Второй принцип состоял в том, что божеству можно было дарить все. При этом эти подарки-приношения могли быть совершенно не связаны с основными идеями культа, отправлявшегося в данном святилище. Наглядные примеры этого дают документы, происходящие из Афин. В важнейших храмах, включая Парфенон, каждый год специальная комиссия проводила учет всех приношений, содержащихся в храме, а затем публиковала (в виде надписей на каменных плитах) этот документ для всеобщего сведения. Целый ряд (хотя и фрагментарных) надписей дошел до нас, и они позволяют сделать ряд выводов¹⁶³.

Приведем в качестве примера свидетельства из одного только документа. Помимо огромного количества драгоценных предметов и денежных сумм в Парфеноне хранились и различные приношения богине, включая статуи и статуэтки. Среди последних упоминаются: Аполлон, держащий позолоченный лук, Дионис на леопарде, фигурка коровы, другая такая же фигурка, о ней сказано: «которую посвятил Смикф». Несколько статуэток упоминаются без всякой детализации (видимо, они не имели сколько-нибудь серьезной стоимости). Деревянные статуэтки вообще не описываются, не упоминается даже точное число их. Вдобавок, некоторые приношения, сделанные Артемиде Бравронии, хранились в Парфеноне. Иногда (но очень редко) описываются сюжеты многочисленных печатей, хранящихся в храме: например, «большой оникс с изображением приапического козла». В храме хранилось несколько сот сосудов. Многие из них имели надписи с посвящениями — не только Афине, но и Зевсу, Артемиде Бравронии, Двум Богиням, Асклепию, Диоскурам, Афродите.

Таким образом, афинские материалы показывают, что нет необходимости искать какие-либо специальные связи между различными культурами в тех случаях, когда, например, в храме Афродиты встречаются и изображения Деметры, и наоборот.

Материалы, свидетельствующие о культе Афродиты в **Кепах** довольно обильны и разнообразны. Отметим, прежде всего, наличие обнаруженных остатков святилища эллинистического времени, представляющего небольшой храм в антах¹⁶⁴. Совершенно бесспорно, что ему предшествовал храм, построенный еще (по крайней мере) в конце VI в. до н.э., судя по граффити, которое было найдено на городище¹⁶⁵. Хотя само здание не сохранилось, будучи разрушенным в результате пожара, многочисленные фрагменты приношений, в частности разнообразной керамики второй и третьей четвертей VI в. до н.э., свидетельствуют о его существовании¹⁶⁶.

Более позднее время — IV—III вв. до н.э. — освещено фрагментами надписей: посвящением (при царе Спартоке, сыне Перисада) статуи богине Афродите¹⁶⁷ и мраморного блюда, на котором сохранилась часть надписи, показывающей, что это вотив в храм Афродиты¹⁶⁸. Эллинистическая эпоха дает два очень интересных свидетельства этого культа: мраморную статую богини, которую называют «Афродитой Таманской»¹⁶⁹ (рис. 6), и мраморную же головку статуи той же богини¹⁷⁰. Возле того места, где была обнаружена «Афродита Таманская», была найдена также головка статуи, которая, вероятнее всего, принадлежит статуе Афродиты¹⁷¹. Привлекает внимание также голова статуи натурального размера, найденная поблизости¹⁷² (рис. 7).

Рис. 7. Голова статуи Афродиты. Мрамор. II в. до н.э. Кепы. ГИМ

Рис. 8. Стела с изображением на фронте Афродиты Урании. III в. до н.э. Известняк. Пантикапей. ГЭ

В ходе раскопок как города, так и некрополя были найдены терракотовые статуэтки, свидетельствующие о культе Афродиты. К числу обнаруженных на территории города относятся: фрагмент торса Афродиты с дельфином¹⁷³, голова Афродиты в стефанае (фрагмент статуэтки)¹⁷⁴. Также имеются статуэтки, передающие не саму Афродиту, но ее спутников, в частности Эрота¹⁷⁵. Здесь же найдены формы для изготовления статуэток, в частности Эрота¹⁷⁶.

В свое время Н.И. Сокольский¹⁷⁷ обращал внимание на то обстоятельство, что в Афинах имелся храм Афродиты «в садах» и соответственно особый культ 'Αφροδίτη ἐν κήποις. Как сообщает Плиний, статуя в храме была знаменитой, созданной Алкаменом, учеником Фидия, при этом «говорят, что в завершение руку к ней приложил сам Фидий»¹⁷⁸. Совпадение названия афинского храма и названия города на Боспоре, естественно, должно было порождать определенные аллюзии, но мы не знаем насколько они были обособлены¹⁷⁹.

Не менее важны для нашей темы и материалы из **Гермонассы**. Отметим, прежде всего, эпиграфические материалы. Древнейшая из надписей относится к IV в. до н.э.¹⁸⁰ Она представляет особый интерес, так как Акия, согласно предположению В.В. Латышева, разделяемому издателями КБН, принадлежала к боспорскому правящему дому (возможно, была дочерью Перисада I). Отталкиваясь от этого предположения, обычно строятся все концепции относительно особых отношений, связывавших династию и культ Афродиты. К сожалению, надпись сильно повреждена, и поэтому мы не можем знать, следовала ли за именем богини какая-либо эпikleза или нет. К этому же времени относится и недавно найденный небольшой алтарь (видимо, домашнего святилища), надпись на котором сообщает, что он является посвящением Афродите (без эпikleзы) со стороны гераклеяца Гераклеода¹⁸¹.

Необходимо также отметить датируемую несколько более поздним временем еще одну посвятельную надпись Афродите¹⁸². То, что здесь в обоих случаях имелась в виду именно Афродита Апатура, проистекает, по мнению исследователей этого города¹⁸³, из того, что при царе Тиберие Юлие Савромате происходит ремонт (или перестройка) портиков, видимо, окружавших храм¹⁸⁴. При этом эпikleза Апатуриада сохранилась полностью, что не оставляет сомнения в том, что культ этой богини существовал в официальной форме на протяжении ряда столетий. Прямым подтверждением этого тезиса является надпись II в. н.э., найденная в 1930 г.¹⁸⁵ В ней упоминается синод (религиозное сообщество) богини Афродиты. Другим важным обстоятельством, свидетельствующим о сохранении связи культа с правящей династией, является упоминание в тексте управляющего царским дворцом.

А.К. Коровина высказала предположение, что упомянутые нами ранее рельеф с изображением гигантов и рельеф с изображением Геракла происходят именно из этого храма¹⁸⁶.

Среди терракотовых статуэток, найденных при раскопках в Гермонассе, необходимо указать на изображение (к сожалению, фрагментарное) Афродиты Анадиомены (I в. н.э.)¹⁸⁷.

В **Горгиппии** свидетельства о культе Афродиты, насколько мы можем судить, относятся ко времени, начиная с эпохи эллинизма¹⁸⁸, что отнюдь не доказывает, что в более раннее

время он здесь отсутствовал. Слои первых веков существования города сохранились очень плохо, поэтому не исключено, что отсутствие свидетельств — случайность.

Среди находок необходимо отметить головку статуи Афродиты, датируемую I — началом II в. н.э.¹⁸⁹ Е.М. Алексеева считает, что некоторые найденные объекты свидетельствуют о том, что она почиталась здесь в аспекте Урании, владычицы Апатура. Доказательством этого являются ее изображения со скипетром в руках. Дело в том, что на известной стеле из Пантикапея, поставленной фиасом почитателей Афродиты Урании, владычицы Апатура в честь Перисада, Камасарии и Аргота (датируемой временем вскоре после 150 г. до н.э.)¹⁹⁰, имеется важный в иконографическом аспекте рельеф¹⁹¹. Верх стелы в своей центральной части представляет фронто́н (рис. 8), на котором на первом плане имеется изображение лебедя, за которым — Афродиты со скипетром в руках и Эротом у ее плеча¹⁹². В Горгиипии данный сюжет представлен несколько раз, правда, в упрощенном виде — без изображений лебедей. Они присутствуют в погребальном инвентаре: на золотой и серебряной брошах и на щитке золотого венка (скальный склеп, датируемый II — серединой III в. н.э.)¹⁹³. О популярности этого сюжета свидетельствует тот факт, что здесь же найден штамп для производства таких брошей и щитков¹⁹⁴. Среди терракотовых фигурок из Горгиипии и ее окрестностей также встречено несколько изображений Афродиты, в частности Афродиты Анадиомены, иногда рядом с ней представлен дельфин, иногда она укрывается в раковине, на терракотовом рельефе она представлена возлежащей на ложе, а на другом — стоящей у алтаря или около гермы Приапа¹⁹⁵.

Тирамба. Хотя этот населенный пункт почти полностью разрушен морем, раскопки на его некрополе дали вполне определенный материал, свидетельствующий о значительной популярности здесь культа Афродиты. Мы имеем в виду несколько терракотовых статуэток, в том числе и хорошей сохранности. Достаточно сказать, что из 10 опубликованных статуэток две несомненно¹⁹⁶ и одна предположительно¹⁹⁷ связаны с культом Афродиты (рис. 9).

На Таманском полуострове были в разное время случайно обнаружены различные объекты, свидетельствующие о культе Афродиты. Однако обстоятельства их находки таковы, что точно связать их с определенным полисом не представляется возможным. В силу этого мы рассмотрим эти находки отдельно. Бесспорно, что самым интересным из этих объектов является рельеф, обнаруженный еще в начале XVIII в. Французский путешественник А. де ла Мотрэ в 1712 г. в местности между Азовским морем и Кара-Кубанью в развалинах большого города в окрестностях татарского поселения Эски-Чегир нашел рельеф с надписью под ним¹⁹⁸. В дальнейшем никто из исследователей его не видел, и при анализе все вынуждены были обращаться к гравюрам этой книги¹⁹⁹. Естественно, что художественные особенности рельефа переданы весьма приблизительно, в духе принятых в Европе того времени принципов изображений античных божеств и героев. Точно так же не очень удачно передана и надпись, что вызвало большие дискуссии о ее прочтении²⁰⁰. Кроме того, указывалось на хронологическое несоответствие между стилем рельефа и характером начертания букв. Тем не менее исследователи достаточно единодушно считают данный памятник древнейшим свидетельством существования культа Афродиты Апатуры на Азиатском Боспоре. Принятая дата — либо начало V, либо даже конец VI в. до н.э.

Рис. 9. Афродита с Приапом. Статуэтка. I в. н.э. Терракота. Тирамба. ГИМ

Особое внимание привлекает рельеф. На переднем плане здесь изображена обнаженная женщина — явно Афродита. Рядом с ней обнаженный же мужчина, которого она обнимает. По представлению современных исследователей, этим мускулистым мужчиной может быть только Геракл²⁰¹. Но помимо Геракла и Афродиты на рельефе изображены также Эрот с факелом, Посейдон с трезубцем и Гефест с клещами. Вполне правдоподобным является предположение, что рельеф отражает развернутую версию парадигматического мифа. Страбон передал, естественно, только самое основное в этом мифе, не упоминая деталей. Следовательно, данный миф был не досужим созданием автора эллинистической эпохи, как это иногда предполагается, но реальным фактом религиозного сознания граждан Фанагории и ряда других полисов.

Среди других находок, связанных с данным культом, но не происходящих с территорий определенных полисов, необходимо упомянуть головку мраморной статуи Афродиты, найденную возле пос. Приазовский²⁰², и надпись, обнаруженную в районе Цукурского лимана²⁰³. Надпись относится ко времени Левкона I, сына Сатира I. Особенностью ее является очень хорошая сохранность, в результате чего ее издателям пришлось дополнять только одну букву. Поэтому мы имеем самое полное описание «тителатуры»: Афродита Урания, владычица Апатура.

Рассмотрев литературные, эпиграфические и археологические свидетельства о культе Геракла и Афродиты Апатуры и об их объединении в парадигматическом мифе, мы можем попытаться подвести некоторые итоги.

Данный миф, с одной стороны, отражает трудности «укоренения» греков на чужбине, а с другой, является типичным колониальным мифом, который должен был (прежде всего, для самих колонистов) обосновать их право на вновь приобретенную землю, включить реальную географию Таманского полуострова в общую мифологическую картину мира древних эллинов. Это осуществлялось актом локального мифотворчества, созданием собственного парадигматического мифа, который связывал новую родину с сакральной историей всего эллинского народа.

Прежние владыки территории — существа, естественно, хтонические, асоциальные, враждебные цивилизационному началу, свойственному эллинам, согласно их всеобщему убеждению, должны быть побеждены и уничтожены. Нельзя не признать, что фанагорийцы здесь «не мелочились», на роль воплощения этих сил в мифе были поставлены сами гиганты — одно из наиболее ярких воплощений самого хтонического принципа, являющиеся детьми Геи и Урана²⁰⁴. Для сокрушения этих сил мог подойти только один герой — Геракл. Помимо обычных представлений о Геракле как герое, очищающем землю от чудовищ, в «фонде» представлений эллинов о нем, хранящихся в народной памяти, имелись и специфические комплексы идей: Геракл бывал на северных берегах Черного моря, сражался здесь с другим олицетворением асоциального принципа — женщинами-воительницами (амазонками), наконец, именно он превратил Понт из «Негостеприимного» в «Гостеприимный». Геракл, кроме того, был самым известным из ктистов, основателей городов. Он занимал почетное место в пантеоне и Теоса, и Абдеры, городов, которые являлись метрополиями Фанагории. В последнем случае он даже выступал в роли ктиста города.

Гораздо сложнее обстоит дело с Афродитой. Очень трудно объяснить, почему именно эта богиня была избрана на роль «соратницы» Геракла в обеспечении «благой жизни» на новой родине путем уничтожения порожде-

ний мрака. Особо необходимо подчеркнуть, что, насколько мы знаем, ни в Теесе, ни в Абдерах Афродита не занимала сколько-нибудь заметного места в пантеоне.

Традиционные объяснения сводят проблему к тому, что богиня имеет восточное происхождение, и в ее образе сильны черты восточной богини. Именно поэтому греческая Афродита очень легко подвергалась синкретизации, и на Боспоре под именем Афродиты Апатуры почиталось синкретическое божество, в основе которого лежал образ местной «Великой богини»²⁰⁵. Ю. Устинова даже предполагает, что храм в Апатуре был первоначально святилищем местной богини. С этим объяснением трудно согласиться. Конечно, нельзя отрицать некоторых восточных влияний в процессе становления образа греческой Афродиты, но необходимо твердо помнить, что сами греки, писавшие об этом, относили этот процесс в глубокую древность. К началу освоения эллинами берегов Таманского полуострова Афродита была чисто греческим божеством, о восточном ее происхождении знали только некоторые эрудиты, такие, как Геродот, но основная масса переселенцев об этом, видимо, даже не подозревала. Никаких следов местных святилищ на территории Тамани (и даже присутствия синдо-меотского населения) не наблюдается. Фанагория не имела на первых этапах своей истории никаких серьезных контактов и со скифами, и поэтому идея о синкретизации Афродиты и Аргимпасы также должна быть откинута²⁰⁶.

Можно выдвинуть следующую гипотезу. Сейчас, когда стало известно, что в Милете культ Афродиты процветал уже в архаическое время, становится совершенно ясным, что переселенцы из Милета принесли этот культ на новую родину. Насколько мы можем судить, особенно процветал культ Афродиты в Кепях, ближайшем к Фанагории полисе. Поэтому в процессе создания своего парадигматического мифа фанагорийцы использовали этот образ, включив его в значительно преобразованном виде в свою сакральную историю и свой пантеон.

Необходимо также указать, что, по всей вероятности, образы Геракла и Афродиты в процессе создания мифа всколыхнули и подняли на поверхность целый ряд идей, свойственных им. Для Геракла — это представления о далеком общегреческом прошлом, о фратриальной организации общества и системе возрастных классов, о роли эфэбов в охране границ и т.д. Для Афродиты — о роли моря (что было очень актуально для Фанагории), о богине как подательнице морских побед, но самое главное Афродита Урания выступала как сила, обеспечивающая эмоциональные связи граждан полисного коллектива, что было важнейшим условием его выживания на новой родине, хотя, конечно, традиционное представление о ней как о богине, покровительствующей плодородию, как растений, так и людей продолжало существовать.

Насколько мы можем судить, Афродита Урания первоначально была божеством чисто фанагорийским. Но вскоре этот культ распространился и в соседних полисах, вступая в разнообразные отношения с чисто милетским культом, ядром которого оставались Кепы. Что же касается освоения этого культа гражданами Пантикапея и других центров Европейского Боспора, где с самого начала доминировал Аполлон (см. ниже), то можно выдвинуть следующую гипотезу. Присоединение Фанагории к Боспорскому государству было очень важным актом. Правителям государства было важно «привязать» фанагорийцев к ядру государства, обеспечить их лояльность. Одной из мер могло быть официальное признание главного культа Фанагории, введение его

в Пантикапее и строительство соответствующего храма. Вскоре, по-видимому, этот культ приобрел некоторые новые черты, оказавшись тесно связанным с династией Спартокидов²⁰⁷.

* * *

Культ Аполлона. Одним из самых важных божеств, почитавшихся древними греками, был Аполлон. Несмотря на свое неэллинское происхождение (что доказывается отсутствием его имени в текстах микенской эпохи), он очень рано занял одно из первых мест в греческом пантеоне. Аполлон (вместе со своей сестрой Артемидой) считался сыном Зевса, рожденным от смертной женщины Лето. Хотя в образе этого божества сохранялось много черт древнего хтонического божества, все-таки преобладающей была его роль носителя светлого начала, гармонической организации жизни, покровителя искусств.

Он играл большую роль и в религиозной жизни греческих полисов, расположенных на северных берегах Черного моря²⁰⁸. В значительной степени это было связано с тем обстоятельством, что колонизировали этот регион греки-ионяне, а Аполлон (как отец Иона) особо покровительствовал именно ионянам²⁰⁹. Но, видимо, еще большее значение имела другая роль этого божества — он был главным покровителем самого процесса колонизации. Практически с самого начала этого процесса установилась практика обращения к оракулу Аполлона со стороны ойкиста, жертвоприношение в святилище этого божества, выделение в момент основания колонии сакральных участков для будущих святилищ олимпийских божеств, в первую очередь самого Аполлона.

Хотя обычно считается, что главным «идеологическим» центром колонизации было прославленное общегреческое святилище Аполлона в Дельфах, однако, видимо, значительную роль играли также и святилище, и оракул Аполлона в Дидимах, на территории Милета. Этот оракул был, естественно, ближе грекам-ионянам, жившим в Малой Азии, нежели Дельфы. Особого расцвета оракул достиг в VI в. до н.э., что совпадает с периодом наибольшей колонизационной активности малоазийских греков.

Основной материал для понимания роли Аполлона в колонизации Северного Причерноморья дают раскопки Ольвии²¹⁰. Эти материалы в сочетании с данными из других центров, а также общей религиозно-мифологической традицией показывают, что Аполлон покровительствовал колонизации в трех своих ипостасях: Иетрос (Врачеватель), Дельфиний и Аполлон Гиперборейский (т.е. северный). При этом не были исключены конфликты между приверженцами различных культов. Например, в Ольвии постулируется наличие серьезных трений между первоначальными колонистами, почитавшими Иетроса, и группой позднее прибывших (эпойков), которые ориентировались на поклонение Дельфинию²¹¹.

Совершенно несомненно, что в большинстве ионийских колоний Причерноморья именно Аполлон выступал в роли верховного божества местного пантеона (независимо от того, какая ипостась его преобладала)²¹². Сейчас является общепринятым мнение, что Дидимы в период милетско-понтийской колонизации специально выдвинули своего бога с эпиклезой Иетрос для покровительства и сакральной защиты новых полисов²¹³. При этом данная эпikleза не означала только заботы божества о физическом здоровье, но имела гораздо более широкий смысл: имелось в виду и духовное здоровье гражданского коллектива, а также вообще его благополучие.

Наличие культа Аполлона в ряде боспорских городов не вызывает сомнения. К сожалению, характер и эволюция этого культа на данной территории никогда, насколько нам известно, не были объектом специального исследования, хотя во всех работах, посвященных колонизации Боспора Киммерийского и его религии, Аполлон, естественно, обязательно присутствует. Можно отметить только статью Н.И. Сударева, но и здесь во главе угла исследования стоит не сам культ. Автор использует свидетельства о почитании Аполлона Иетроса в различных полисах как индикатор милетского происхождения граждан²¹⁴.

Культ Аполлона Иетроса, насколько мы можем судить, занимал главное место в пантеоне граждан Пантикапея, и таковым он был, как полагают практически все исследователи (с нашей точки зрения, совершенно справедливо), с самого момента основания города²¹⁵. Найденные на акрополе Пантикапея детали храма ионийского ордера (кстати, самого крупного среди храмов Северного Причерноморья) считаются принадлежащими храму именно этого божества²¹⁶. Также считается, что наличие монет (чеканенных на монетном дворе Пантикапея) с легендой АПОЛ свидетельствует о существовании амфикистии, центром которой являлся пантикапейский храм Аполлона²¹⁷.

Свидетельства функционирования культа Аполлона в Пантикапее довольно многочисленны: несколько надписей²¹⁸, значительное количество граффити²¹⁹. На основании упоминания в одной из надписей царевича Левкона, сына Перисада II, а также Акии, которую Ю.Ю. Марти связывает с дочерью Перисада I, исследователи приходят к выводу, что культ Аполлона пользовался особым покровительством со стороны династии Спартокидов²²⁰. В поддержку этого тезиса можно привести и некоторые дополнительные аргументы. Во второй четверти II в. до н.э. боспорская царица Камасария и ее супруг царь Перисад подарили в святилище Аполлона в Дидимах золотые фиалы²²¹. Считается, что тем самым они проявили свою благодарность богу Аполлону, указавшему в прорицании первопоселенцам Пантикапея хорошее место для поселения, память о котором передавалась из поколения в поколение жрецами Аполлона Иетроса, вобравшего в себя основные функции Аполлона Дидимейского²²². Точно так же поздние Спартокиды обращались к святилищу Аполлона в Дельфах и дарили туда золотые чаши²²³.

Свидетельства о культе Аполлона присутствуют и в других центрах Боспора. При этом чрезвычайно важной является хронологическая проблема распространения этого культа. Дело в том, что Аполлон в ипостаси Иетроса доминировал в религиозной жизни Милета и связанных с ним колоний относительно короткое время. Как указывалось выше, этот культ был специально утвержден Дидимским оракулом в конце VII — начале VI в. до н.э. в качестве покровителя милетских колоний. Со второй половины VI в. до н.э. в Милете уменьшается идеологическое влияние Дидимского святилища и увеличивается роль культового союза мольпов и жрецов Дельфиниона. В 494 г. до н.э. после разрушения персами Милета и святилища в Дидимах оракул потерял свое значение вплоть до похода Александра Македонского²²⁴. Следовательно, наличие культа Аполлона Иетроса в том или ином полисе может свидетельствовать о Милете как метрополии и о том, что граждане этого полиса принадлежали к «первой волне» колонизации. Правда, возможен и другой вариант развития событий: перенесение в тот или иной полис культа Аполлона Иетроса из столицы после того, как было создано единое государственное образование. На территории Европейского Боспора помимо Пантикапея культ Иетроса в раннее время засвидетельствован также в Феодосии и Мирмекии.

Более сложна ситуация с греческими полисами азиатской части Боспорского царства. Свидетельств источников по этой проблеме явно недостаточно.

О культе Аполлона в **Фанагории** прежде всего говорит надпись на мраморном постаменте статуи. Эту статую посвятил Аполлону Иетросу некий Феофил, сын Санха, после завершения им срока жречества при царе Спартоке III²²⁵.

Две другие надписи — значительно более поздние. Первая из них датируется 16 г. н.э. Она очень интересна, представляя собой древнейшую боспорскую манумиссию²²⁶. Несмотря на то что текст надписи довольно сильно поврежден, основное ее содержание восстанавливается достаточно надежно. Хотя акт манумиссии совершается в молельне (вероятно, иудейской; см. ниже), но законная форма этого акта, как во многих других местах античного мира, — посвящение раба божеству. Соответственно, чтобы акт манумиссии совершился, нужно было, чтобы он был выполнен в той форме, которая была принята в данном полисе. Исходя из этого, мы с полной уверенностью можем утверждать, что в это время Аполлон занимал очень высокое место в пантеоне граждан Фанагории. Необходимо также обратить внимание на отсутствие всякой эпиклезы при имени божества.

Третья надпись датируется 123 г. н.э. и представляет собой сообщение о том, что некие боспоряне (сохранились не все имена и отчества) «воздвигли памятник богу Аполлону Вечному, что в Диоклеях»²²⁷. На основании этого документа можно утверждать, что и в начале II в. н.э. Аполлон продолжал занимать высокое место в пантеоне. Его новая эпиклеза нигде более в Причерноморье не зафиксирована²²⁸. Можно также думать, что Диоклеи были местностью недалеко от города и храм Аполлона там напоминал храм Афродиты в Апатуре.

Имеются и некоторые другие материалы, свидетельствующие о культе Аполлона в Фанагории. Среди терракотовых статуэток, найденных в городе, есть изображение Аполлона. Бог полулежит, положив ноги на омфалос, у его правого бедра — лань. Статуэтка датируется V в. до н.э. и представляет собой, по мнению издателя, импорт из Аттики²²⁹. С территории хоры Фанагории (курган Большая Близница) происходит также фрагментарная терракотовая статуэтка, изображающая Аполлона Кифареда. Датируется она IV в. до н.э., произведена, вероятнее всего, в Фанагории²³⁰.

Гермонасса дала четыре надписи, говорящие о культе Аполлона. Особенно интересна первая из них. Она представляет собой постамент статуи. В тексте говорится о том, что некий Демофонт, сын Эргина, посвятил статую за свою жену Акию²³¹. Это событие произошло при Левконе (по всей видимости, Левконе I). Представляется вполне справедливым мнение, что Акия данной надписи является тем же самым лицом, что и Акия, дочь Перисада, упомянутая в надписи КБН 1041, которая была найдена на территории того же самого памятника и относящаяся примерно к тому же времени²³². В таком случае мы имеем женщину из правящего дома, причастную к культу как Аполлона Иетроса, так и Афродиты.

Вторая надпись, датируемая царствованием того же Левкона I и найденная примерно в том же самом месте, представляет посвящение представителя знатного гермонасского рода Федима, сына Фениппа²³³, в честь Аполлона Дельфиния²³⁴. Третья надпись (очень хорошей сохранности), относящаяся ко времени правления Перисада I, представляет собой посвящение Местора, сына Гиппосфена, в честь Аполлона (при этом не упоминается ни одна из эпиклез).

Это посвящение он сделал за своего отца, после того, как окончился срок его магистратуры в качестве агонифета²³⁵. Это свидетельство чрезвычайно интересно, поскольку говорит о существовании агониев в честь Аполлона, явно мусических²³⁶. Наконец, четвертая надпись, датируемая правлением Перисада IV (середина II в. до н.э.), вырезана на барабане колонны и представляет собой посвящение статуи Аполлону Иетросу, сделанное Каллоном, сыном Каллона, после окончания им срока жречества²³⁷.

Произведения искусства, связанные с культом Геракла и происходящие из Гермонассы, практически не известны. Возможно только, что воспроизведением этого божества является небольшая терракотовая статуэтка, датируемая концом VI — началом V в. до н.э.²³⁸

О культе Аполлона Иетроса в **Патрее** свидетельствуют только граффити²³⁹.

Ситуация в **Синдской Гавани** (возможно, **Горгиппии**) выглядит несколько противоречивой. С одной стороны, отсутствуют всякие эпиграфические свидетельства этого культа в городе, а иных — чрезвычайно мало, но, с другой стороны, в автономном монетном чекане города в период 100–75 гг. до н.э. появляются тетрагалки с изображением головы Аполлона²⁴⁰. Археологические свидетельства ограничиваются небольшим числом граффити в ранних слоях²⁴¹, терракотовой статуэткой Аполлона (раннего типа), явно привозной из Средиземноморья²⁴², и геммой из некрополя (I–II вв. н.э.) с изображением головы божества в профиль²⁴³.

В такой ситуации можно высказать два предположения: 1) появление головы Аполлона на монетах Горгиппии может быть результатом влияния центральной власти на выбор монетного типа или 2) иконографическое определение неверно.

Подводя некоторые итоги, мы должны будем признать, что культ Аполлона на Азиатском Боспоре не приобрел того значения, которое он имел на Европейском. Наиболее поразительным фактом является полное отсутствие всяких следов культа Аполлона в Кепях. Этот факт заставил Н.И. Сударева²⁴⁴ даже усомниться в милетском происхождении колонистов, основавших этот город, что вряд ли справедливо, или в правильности локализации города.

Кажется, что Гермонасса наиболее полно отражала тот процесс видоизменений в культе Аполлона, который получил свое классическое воплощение в Ольвии: появление культа Аполлона Иетроса с первоначальным ядром колонистов, затем — вместе с эпойками — культа Аполлона Дельфиния. При этом хронологическое распределение эпиграфических памятников таково: совершенно ясно, что не происходило вытеснения одного культа другим, но (как и в Ольвии) они сосуществовали. Гермонасса, кроме того, дает самый яркий пример (на Азиатском Боспоре) теснейшей связи между правящей династией Спартокидов и культом Аполлона.

Фанагория представляет нам иной вариант развития этого культа. Аполлон явно не принадлежал к числу божеств, пользовавшихся особой приверженностью колонистов. Однако включение города в состав Боспорского государства привело к принятию и там культа Аполлона Иетроса. Но поскольку в Фанагории он не имел органической связи с самим актом основания города, то эпиклеза постепенно забылась, и, хотя Аполлон имел здесь известное святилище, он почитался в более позднее время в иных ипостаях, нежели Иетрос.

Наконец, еще одно наблюдение, касающееся данного культа. Аполлон безусловно почитался на Азиатском Боспоре, но его почитание не походило на то, что мы знаем в отношении культа Афродиты и Геракла. Он как великое божество царил над полисами, но практически не проникал во внутреннюю жизнь населения. Свидетельств о его частном, приватном почитании практически нет, он все время оставался силой «вознесенной» над городами и их жителями.

Культы плодородия

Деметра и Кора. Греки прибыли на далекий край Ойкумены, на берега Боспора Киммерийского, для того чтобы обеспечить себе достойную жизнь. Для подавляющего большинства из них достойная жизнь — это жизнь крестьянина, обладающего участком земли и возделывающего его. На протяжении всей истории античного мира тем социальным идеалом, который одухотворял все политические и социальные проекты, был «средний» крестьянин, земледелец и землевладелец, живущий за счет своего участка земли и готовый сражаться за него в любой момент и с любым врагом. В таких условиях, естественно, между землей-кормилицей и обрабатывающим ее крестьянином устанавливались совершенно особые отношения. Специфику этих отношений осознавало общество, поэтому в целом ряде греческих полисов утрата надела приводила немедленно к утрате политических гражданских прав. Даже в Афинах, самом развитом античном полисе, где масса граждан посвящала себя ремеслу, торговле, где обычным явлением были земельные спекуляции, утрата гражданином своего «родового» участка покрывала его несмываемым позором, делала объектом презрения со стороны сограждан.

Естественно, что в таком обществе земледельческие культы лежали в самой «сердцевине» миропонимания людей, восходя к глубочайшей древности, к тому моменту, когда земледелие делало свои первые шаги. Важнейшим из божеств, патронирующих земледелие, была богиня Деметра (ее имя буквально значит «мать-земля»). Она, считавшаяся дочерью Кроноса и Реи²⁴⁵ и тем самым сестрой Зевса, являлась одним из самых почитаемых олимпийских божеств. От брака со своим братом Зевсом она родила Персефону²⁴⁶. Деметра — богиня, благорасположенная к людям, именно она научила сына элевсинского (в Аттике) царя Триптолема земледелию, которое он распространил по миру. С точки зрения древних греков, сам акт вспашки земли и посева в нее зерна равноценен сексуальному акту, дающему начало новой жизни²⁴⁷.

С Деметрой и ее дочерью Корой (Персефой) связан и самый красивый из античных мифов. В гомеровском гимне Деметре (и некоторых других источниках) рассказывается о том, как дочь Деметры вместе с девушками подругами собирала цветы на лугу. Ее увидел и влюбился в нее грозный Аид. Он похищает Персефону и уносит ее в свое подземное царство. Безутешная Деметра напрасно ищет свою дочь. Результатом горя богини стал всеобщий недород, голод и гибель людей. В ситуацию пришлось вмешаться Зевсу. Персефона отныне проводит две трети года с матерью, и природа в это время расцветает, а треть — со своим супругом, и на земле царит зима, деревья и злаки перестают расти и плодоносить.

Одухотворенность природы и природных циклов, смена периодов роста и увядания, жизни и смерти — все это было выражено в культе Деметры и ее дочери. На Боспоре, естественно, этот культ нашел себе почетное место. Однако ситуация с источниками для понимания его — очень своеобразная. Эпиграфические источники присутствуют только на Европейском Боспоре, в то время как наиболее яркие археологические — на Азиатском. В Пантика-

пее было найдено три надписи (IV—III вв. до н.э.), в которых упоминается Деметра²⁴⁸, и одна, где упоминается Персефона (Φερσεφόνα)²⁴⁹. Последний документ не имеет специального значения, поскольку это надгробная стихотворная надпись на могиле девушки, в которой она сравнивается с Персефой. Документ важен только в одном отношении: он показывает хорошее знакомство с циклом мифов, посвященных Деметре.

Предшествующие надписи (а также основание круглого алтаря с интересным изображением процессии девушек) позволяют говорить о существовании в Пантикапее храма Деметры, ее жриц и того, что она почиталась в ипостаси Фесмофоры («Устроительницы», «Законодательницы») ²⁵⁰. Возможно, еще один храм имелся в Нимфее²⁵¹, о культе Деметры свидетельствуют и другие археологические находки, происходящие из этого региона.

Азиатский Боспор не дает нам эпиграфических памятников культа Деметры. Но археологические свидетельства довольно обильны²⁵². Видимо, распространению этого культа способствовало то обстоятельство, что он функционировал в Милете, откуда прибыла основная масса переселенцев²⁵³.

В **Фанагории** доминирующими типами терракот раннего времени (VI — первой половины V в. до н.э.) были, как обычно, изображения сидящей на троне богини и ее протомы, в которых, вероятнее всего, надо видеть изображение Деметры²⁵⁴. Особенно интересна терракотовая статуэтка (явно аттического производства конца V в. до н.э.), изображающая Деметру, несущую на своем плече Кору²⁵⁵ (рис. 10), а также терракотовые же статуэтки свиней — животных, которых преимущественно приносили в жертву Деметре²⁵⁶.

Как правило, это была импортная продукция, поступавшая из различных центров Средиземноморья. Но с IV в. до н.э. все большее место занимают терракоты местного производства, изображавшие Деметру²⁵⁷.

Хорошо известно святилище Деметры, расположенное рядом с Фанагорией на Майской горе (или Блеваке). Здесь в 1960-е годы было раскопано собственное святилище (храм в антах), примыкающее к нему здание и фависса²⁵⁸. Святилище функционировало с VI по конец II в. до н.э. Основной материал для понимания культа, практиковавшегося здесь, естественно, дала фависса (около 1000 целых и фрагментарных статуэток). Подавляющее большинство находок в фависсе — терракоты явно фанагорийского производства, но следующие общегреческим типам (некоторые типы представлены десятками экземпляров). Почти все они являются изображениями женского божества (рис. 11). С нашей точки зрения, основная часть терракот воспроизводит образ Деметры. Но И.Д. Марченко ряд типов и вариантов этого образа считает изображениями Афродиты. Это aberrация порождена предвзятой точкой зрения — данное святилище является знаменитым Апатуром, т.е. святилищем Афродиты. Однако данная точка зрения не может быть принята. Апатур, как указывалось выше, находился на берегу залива. Святилище же Майской горы расположено в центре сельскохозяйственной территории Фанагории, как и положено аграрному божеству.

Основная масса терракот представлена, как и в других аналогичных случаях, двумя типами: протомы богини и статуэтки богини, сидящей в кресле (при большом числе вариантов). Среди терракотовых статуэток имеются и другие типы. Можно отметить, например, изображения кабиров²⁵⁹. Имелись и реальные изображения Афродиты, Афродиты с Эротом²⁶⁰. Терракотовые статуэтки, изображающие Куротрофу, происходят и из Таманского толоса (рис. 12).

Рис. 10. Деметра, несущая Кору. Статуэтка. Конец V в. до н.э. Терракота. Фанагория. ГЭ

Рис. 11. Кора. Статуэтка. V в. до н.э. Терракота. Святилище на Майской горе. ГМИИ

Рис. 12. Куротрофа. Статуэтка. Эллинизм. Терракота. Таманский Толос

В **Гермонассе**, как и в других центрах Причерноморья, подавляющее число ранних терракотовых статуэток представлено двумя типами: сидящая на троне богиня и ее протомы²⁶¹. Как уже отмечалось, обычно изображения этого типа связываются с Деметрой, хотя не исключено, что так воспроизводились образы и других богинь. Очень интересно то обстоятельство, что практически все они были фанагорийского происхождения. Среди терракотовых статуэток, кажется, безусловно воспроизводящих Деметру, особое внимание привлекает терракотовая статуэтка, где богиня изображена с сосудом-курильницей на голове (IV в. до н.э.)²⁶². Любопытно, что среди керамики присутствуют специфические «двойные» сосуды, характерные для находок на святилище «Берегового 4», что позволяет говорить о том, что и сюда проникали специфические «элевсинские» черты культа Двух Богинь²⁶³.

Кепы также дают определенные материалы для суждения о культе Деметры. Здесь, как и практически во всех полисах Азиатского Боспора, ранний тип изображений Деметры в терракоте представлен как в виде протомы²⁶⁴, так и в виде сидящей на троне богини²⁶⁵. При этом второй вариант доживает до эллинистического времени. Изображения Кору²⁶⁶ и Деметры Куротрофос («Вскармливающей»)²⁶⁷ существуют до рубежа эр. Очень близкую картину дают нам и терракотовые статуэтки, найденные при раскопках некрополя этого города²⁶⁸.

В **Горгиппии** также имеются свидетельства почитания Деметры. По мнению Е.М. Алексеевой, в городе существовал официальный культ богини, поскольку в окрестностях его был обнаружен теменос²⁶⁹.

В городских слоях обнаружен ряд терракотовых статуэток главным образом эллинистического времени различных типов, среди которых особое внимание привлекает изображение Деметры с Корой на плече. Из раскопок происходит также несколько близких, но не идентичных изображений Деметры Куротрофос: женщина с ребенком на руках. Фигурки этого типа характерны для классической и эллинистической эпох (может быть, они продолжали использоваться и в I в. н.э.)²⁷⁰. Любопытно, что в эллинистическую эпоху

в Горгиипии продолжали изготавливать (была найдена матрица) терракотовые статуэтки архаического типа в виде сидящей на троне богини²⁷¹. На ряде сосудов, обнаруженных при раскопках, найдены граффитти, вероятнее всего, указывающие на их посвящение Деметре²⁷². Помимо отдельных находок в городских слоях, значительные материалы по исследуемому нами комплексу религиозных представлений дают и некоторые святилища, обнаруженные на Азиатском Боспоре.

Выше мы упоминали остатки святилища недалеко от Горгиипии. Они были открыты при спасательных археологических работах, и, в силу этого, не было возможности расширить раскоп. Однако определение вскрытого лишь на небольшой площади (3 кв. м) объекта не вызывает сомнений²⁷³. Здесь на небольшом пространстве находилась часть «сброса» votивных предметов: десятки чернолаковых сосудов IV—III вв. до н.э. с посвятительными надписями, votивные сосуды местного производства, свыше ста терракотовых протом изображений богини (различных вариантов). Большинство из них — бесспорные воспроизведения Деметры. В данном святилище также были найдены головки терракотовых статуэток Сатира, Эрота, на сосудах имелись процарапанные посвящения Зевсу.

Наконец, особое значение имеет еще одно святилище Деметры и Персефоны — памятник под названием «Береговой 4»²⁷⁴. Хотя памятник сильно разрушен, обильный вещественный материал, происходящий из его раскопок, позволяет делать ряд важных выводов. Прежде всего, основной набор терракотовых статуэток — это образы Деметры и Кору (Персефоны). Это протомы и статуэтки сидящих на троне и парных стоящих богинь. Такие типы восходят к прототипам, которые на Боспоре существовали в V—IV вв. до н.э. Автор раскопок подчеркивает (с нашей точки зрения, совершенно справедливо) сильнейшее влияние на культ Деметры и Кору (как они представлены в данном святилище) со стороны элевсинских мистерий и их идеологии.

Элевсинский культ Деметры и Кору и родившиеся из него мистерии пользовались величайшим уважением во всем античном мире. В позднее время, например, принимали посвящение в эти мистерии даже многие римские императоры²⁷⁵. Этот культ зародился еще в микенскую эпоху, традиционно верховными жрецами его являлись представители рода Евмолпидов — потомки царской династии. В элевсинском святилище почитались две пары богов: Деметра (Мать) и Кора (Дева), «Бог» (Плутон) и «Богиня» (Персефона). Позднее (в конце V — начале IV в. до н.э.) заметную роль в элевсинском культе стал играть и Дионис. Культ в Элевсине — аграрный, основной праздник приходился на время осенней пахоты полей и сева. Религиозные обряды, совершавшиеся в святилище, нам не известны, так как посвященные были обязаны хранить тайну. Одной из важнейших особенностей этого культа было то, что к посвящению допускались все люди эллинской культуры, не только афиняне, но и граждане других греческих полисов и даже рабы.

Основной концепцией элевсинской религии была идея возрождения через смерть. Осенью во время сева зерно «погребалось» в земле, некоторое время спустя оно «возрождалось» с новым урожаем. Этот вечный круговорот проецировался и на человека, но не на отдельную личность, а на род, семью, где потомки приходят на смену предкам.

Таким образом, можно считать, что на территории Азиатского Боспора существовало несколько святилищ, посвященных Деметре и Коре. Сам культ появился здесь сразу же после переселения греков-колонистов, что столь естественно для людей, основой жизни которых было сельское хозяйство, особен-

но же возделывание зерновых. Начиная с IV, может быть, даже конца V в. до н.э. идеология и формы этого культа стали испытывать сильнейшее влияние со стороны аттического святилища в Элевсине, которое к этому времени приобрело повсеместную известность и авторитет²⁷⁶. Иногда утверждается, что основной причиной этого были тесные экономические связи между Афинами и Боспором, в частности в IV в. до н.э.²⁷⁷ Этот несколько прагматический взгляд, с нашей точки зрения, является односторонним. Экономические связи облегчали контакты, но главное было в другом. В знаменитой «Надгробной речи» вождя афинской демократии Перикла, произнесенной при погребении первых павших в Пелопонесской войне афинян, он назвал Афины «школой Эллады». Действительно, культурное влияние Афин на греческий мир было огромным и принятие элевсинских концепций в сфере аграрных культов было вполне понятным и закономерным явлением.

На территории Азиатского Боспора имеется еще один памятник, который, видимо, также теснейшим образом связан с элевсинским культом. На территории хоры Фанагории находится курган Большая Близница, который раскапывался во второй половине XIX в.²⁷⁸ Несколько найденных здесь погребений принадлежат знатной семье²⁷⁹. В составе этого некрополя имеются две могилы, в которых, по всей видимости, были погребены жрицы Деметры. Наиболее важным для нашей темы является склеп № 2, где замковый камень был украшен росписью, изображавшей бюст Деметры²⁸⁰. В склепе № 1 особое внимание привлекают нашивные бляшки на одежде погребенной — с изображениями голов Деметры и Коры²⁸¹. Бесспорна дата погребений — вторая половина IV в. до н.э.²⁸²

В дальнейшем особое внимание исследователей привлекала большая коллекция гротескных терракотовых статуэток из этого некрополя — из могилы № 1, представлявшей собой погребение жрицы. Анализ этого комплекса был проведен А.А. Передольской, которая доказала тесную связь этих типов статуэток с культом Деметры, и в частности с элевсинским его вариантом²⁸³. Этот вывод попытался опровергнуть П. Александреску²⁸⁴, однако не получил полной поддержки²⁸⁵. Подводя итоги, мы, кажется, с определенной степенью уверенности можем утверждать, что культ Деметры и Коры распространился на Азиатском Боспоре с самого начала колонизации, поскольку он отвечал духовным потребностям колонистов, громадное большинство которых были крестьянами. В классическую эпоху на этот культ сильнейшее влияние оказали идеи, пришедшие из Элевсина. Однако к рубежу эр мы видим определенное «затухание» этого культа.

Дионис. К числу аграрных божеств относился и Дионис. Основу питания греков, как и многих других народов Средиземноморья, составляла так называемая «средиземноморская триада»: пшеница (или ячмень), дававшая белок, растительное (чаще всего оливковое) масло, обеспечивавшее жирами, и вино — главный источник углеводов. Соответственно зерновые находились под покровительством Деметры, олива — Афины, а виноград и производимое из него вино — Диониса. Видимо, не случайно культ Афины не получил широкого распространения в Северном Причерноморье. Природные условия не позволяли разводить оливу, и покровительствующая ей богиня не находила здесь своего главного прибежища.

Хотя Дионис и являлся аграрным божеством, но его место в «содружестве» этих божеств было все-таки несколько особым. Потребление вина имело своим результатом эффект опьянения, и этот факт оказывал огромное влияние на характер представлений об этом божестве. Если и древние греки,

Рис. 13. Голова юного сатира. Фрагмент статуэтки. Конец IV в. до н.э. Терракота. Фанагория. ГМИИ

и многие современные исследователи постоянно подчеркивают чужеземное (чаще всего фракийское) происхождение Диониса и позднее включение его в олимпийский пантеон, то реальная история этого культа не позволяет полностью принять эту упрощенную схему. Дело в том, что имя божества зафиксировано в документах микенского времени. Следовательно, если факт заимствования имел место, то это произошло очень рано²⁸⁶. Дионис упоминается в качестве божества уже в поэмах Гомера, а первые изображения его встречаются в коринфской керамике конца VII в. до н.э. Хотя основная функция Диониса — покровительство виноградарству и виноделию, но подобно многим другим божествам, почитавшимся в Элладе, его влияние распространялось и на другие сферы, следствием чего у греческих эрудитов позднего времени появились идеи о нескольких Дионисах, существовавших в разное время. Тем не менее, основное место, особенно в народных верованиях, занимает Дионис, сын Зевса и Симелы, изобретатель виноделия, экстаическое божество, сопровождаемое своим «фиасом», состоящим из сатиров, силенов и менад.

Крестьянские праздники в честь Диониса дали рождение театральному искусству. Самые подробные сведения о культе Диониса сообщают нам Афины, где божество пользовалось значительной популярностью²⁸⁷. Благодаря этому Дионис быстро вошел в круг божеств, почитаемых в Элевсине.

Дионис приобрел официальный статус на Боспоре, как об этом свидетельствуют надписи, происходящие из Пантикапея²⁸⁸. Однако, кажется, существует определенная разница между статусом на Европейском и Азиатском Боспоре. Эпиграфических документов с территории Азиатского Боспора, свидетельствующих об этом культе, до сих пор не было найдено. Точно так же нет здесь и никаких монументальных произведений искусства, связанных с культом Диониса. Терракотовые статуэтки — довольно редки. Так, в Фанагории найдены фрагмент фигурки Диониса-Сабазия (III—II вв. до н.э.)²⁸⁹ и головка статуэтки сатира (конец IV в. до н.э.)²⁹⁰ (рис. 13), а также еще не опубликованные находки из раскопок памятника «Береговой 4» (фигурный сосуд в виде головы сатира, II — первая половина I в. до н.э.). Не меняет картину и стеклянный сосуд (привозной из Сирии) в виде головы Диониса, происходящий из некрополя Кеп (II в. н.э.)²⁹¹.

Несколько больше свидетельств о культе Диониса происходит из Горгииппии. В этом полисе, возможно, даже существовала какая-то культовая постройка, связанная с почитанием Диониса. Здесь был найден мраморный блок, передающий кассеты потолка (от здания коринфского ордера) с изображениями лиц Сатира и горгоны Медузы, что дало основание предполагать наличие культа Диониса-Сабазия²⁹². Кроме того, здесь были найдены терракотовые статуэтки сатиров, силенов и Пана, а также глиняные формы для изготовления фигурок, изображавших силенов, обнявших сосуд, и резной камень, вставленный в золотой перстень²⁹³. Таким образом, общее мнение о широком распространении и большой популярности культа Диониса на Боспоре²⁹⁴ нуждается в значительной корректировке. Азиатский Боспор (за возможным исключением Горгииппии) практически почти не знает Диониса. Это тем более странно, что в пантеоне Теоса — метрополии Фанагории — Дионис

занимал первое место. Это наблюдение заставляет нас сделать два вывода. Один из них — методического характера. При анализе религиозной ситуации в античных полисах Северного Причерноморья, как правило, особое внимание уделяется анализу пантеона метрополии и обычно считается, что апоיקия копирует пантеон своей родины. Пример же Фанагории и Теоса показывает, что механически это правило не действует. Могут быть различные обстоятельства, которые решительно меняют ситуацию. Второй же вывод состоит в том, что необходимо попытаться найти ответ на данную загадку — слабость позиций Диониса на Азиатском Боспоре.

Как известно, античные авторы, в частности Страбон, отмечал и некоторые особенности виноградарства на Боспоре. Например, он писал о климате этого региона: «Рассказывают, что на Боспоре зимою зарывают виноградную лозу, насыпая на нее много земли»²⁹⁵. В другом месте он отметил, что виноград на Боспоре давал мелкие плоды²⁹⁶. Исходя из этих сообщений и отсутствия ранних археологических свидетельств виноделия, В.Ф. Гайдукевич приходил к выводу, что прошло определенное время, прежде чем виноградарство и виноделие получили широкое распространение на Боспоре²⁹⁷. В.Д. Блаватский справедливо указывал на то, что акклиматизация средиземноморской лозы в новых условиях потребовала довольно длительного времени²⁹⁸.

Видимо, вследствие этих обстоятельств культ Диониса отошел на задний план. По всей видимости, процесс возрождения виноделия ранее начался на европейской стороне Боспора, где Дионис, в результате, занял подобающее место в религиозных представлениях местных жителей. На азиатском же берегу этот процесс начался позднее и не имел столь широкого распространения. Тамань оставалась, прежде всего, зерновым районом и, тем самым, доменом Деметры. Популярность Диониса далеко уступала последней.

К числу божеств аграрного круга относятся также Артемида и Кибела.

Артемида²⁹⁹. Эта богиня пользовалась огромной популярностью у эллинов. Дочь Зевса и сестра Аполлона Артемида обладала множеством функций и в различных районах Средиземноморья приобретала разный характер. Одним из самых известных ее храмов находился в Эфесе. Он считался одним из чудес света. Храм и культ, отправлявшийся в нем, были широко известны и чрезвычайно популярны³⁰⁰.

На Боспоре засвидетельствованы две ипостаси Артемиды: Артемида Эфесская и Артемида Агротера. При некоторых отличиях оба культа были ориентированы на поклонение плодоносящим силам природы, приближаясь в этом отношении к культу Деметры, Кибелы, Великой Матери богов. Одновременно, подобно этим культам, в их существовании было заложено и определенное хтоническое содержание.

Культ Артемиды принадлежит к числу древнейших, засвидетельствованных на Боспоре. При раскопках Пантикапея была найдена бронзовая пластинка (видимо, от треножника), на которой имелась надпись — посвящение Артемиде Эфесской, которое может быть датировано VI или V в. до н.э.³⁰¹ Из Пантикапея происходят также две надписи с именем этой богини, датированные IV в. до н.э.³⁰² Предполагается, что на акрополе Пантикапея имелся ее храм³⁰³. Некоторые свидетельства о существовании этого культа происходят и из других городов европейской части государства. Культ Артемиды Эфесской присутствовал и на азиатской стороне Боспора, в частности в Горгиппии, откуда происходит посвящение Артемиде Эфесской (IV в. до н.э.)³⁰⁴. Особым знаком популярности данного культа в этом городе являются ее изображения на монетах города в позднеэллинистический период (I в. до н.э.)³⁰⁵.

К сожалению, происходящая из Гермонассы надпись, сообщающая о том, что жрица посвящает статую Артемиде (IV в. до н.э.), сохранилась частично, и мы не знаем ее эпиклезы³⁰⁶, хотя обычно исследователи восстанавливают текст, делая ее посвящением Артемиде Эфесской³⁰⁷. Документ бесспорно свидетельствует о существовании здесь храма³⁰⁸. В Милете данный культ не зафиксирован³⁰⁹, поэтому естественным является предположение о том, что на Боспор он пришел с колонистами из других малоазийских полисов, может быть, даже прямо из Эфеса. На Таманском полуострове возле ст. Ахтанизовской (хора Фанагории) была найдена надпись времени Перисада I, в которой некий Ксеноклид «посвятил храм Артемиде Агротере»³¹⁰. Культ Артемиды Агротеры также не засвидетельствован в Милете, но занимал довольно заметное место в Афинах, откуда он мог и быть принесен на Тамань³¹¹. Учитывая роль Афин в распространении культа Деметры и Керы в его элевсинском варианте, мы склонны допустить именно такое развитие событий.

Кибела³¹². Кибела представляла собой бесспорно древнее малоазийское божество, оригинальное имя которой было Кубаба. Однако уже в архаическое время она вошла в греческий пантеон и почиталась под именем Кибела, Рея, Мать богов. Свидетельства о ее проникновении на Боспор относятся еще к раннеархаической эпохе.

В Пантикапее существовал храм Кибелы. Он известен не только по надписи, но также и благодаря некоторым архитектурным остаткам и статуе римского времени, воспроизводящей оригинал греческой работы V в. до н.э., а также граффити (IV в. до н.э.). Имеются некоторые свидетельства о культе Кибелы и в Нимфее³¹³.

Иная ситуация сложилась на территории Азиатского Боспора. Свидетельства культа Кибелы здесь чрезвычайно скудны. Они включают в себя только терракотовую (фрагментарную) статуэтку Кибелы (IV в. до н.э.)³¹⁴, а также Аттиса³¹⁵, найденные в Фанагории. Практически такая же ситуация наблюдается и в Горгиппии, где обнаружены терракотовая статуэтка сидящей Кибелы с львенком на руках³¹⁶ и бронзовый перстень с рельефным изображением богини, сидящей между двух львов. В окрестностях Горгиппии найдена фрагментированная терракотовая статуэтка Кибелы³¹⁷. Можно также отметить находки на «Береговом 4» терракотовой статуэтки Кибелы со львом на коленях и фигурки Аттиса (фрагмент ручки чернолакового кубка). На остальных памятниках никаких следов данного культа не зафиксировано.

Гермес. Определенное место в религиозной истории Боспора занимает и Гермес. Подобно многим другим божествам эллинов, он был многофункционален. Он выступал и как вестник богов, и как «психопомп», т.е. проводник умерших в Аид, тем самым, представляя собой связующую фигуру между всеми тремя мирами (небесным, земным и подземным). Кроме того, он покровительствовал торговле и конкретно — купцам. Но одновременно Гермес был и богом воров. В своей функции трикстера он — насмешник, готовый к самым коварным проделкам. Наконец, он вместе с Гераклом был покровителем гимнасиев и палестр, т.е., юношей, которые готовились стать гражданами.

На европейском берегу Керченского пролива имеется только один эпиграфический документ (I в. н.э.), связанный с культом Гермеса, но очень выразительный. Это надгробная надпись человека, умершего в земле сираков, при этом прямо указывается его профессия — купец, а Гермес укоряется за то, что не привел его домой³¹⁸.

Совершенно иной характер имеют свидетельства о культе Гермеса с другой стороны пролива. Здесь, в Горгиппии, была найдена большая надпись,

датируемая первой половиной III в. до н.э. Большая часть текста — списки имен³¹⁹. Но этим спискам предшествуют краткие указания, показывающие, что это списки победителей в соревнованиях, при этом один из видов состязаний происходит во время праздника, посвященного Гермесу³²⁰.

Для нас важно то, что эти списки велись несколько десятков лет, указывая на то, что институт играл важную роль в жизни полиса и отвечал потребностям граждан. Поскольку ничего похожего в других полисах Боспора не отмечается, необходимо попытаться ответить на вопрос о причинах появления этого института. Нам представляется, что ответ кроется в специфике истории полиса. После включения в состав Боспорского государства город получил новое — династическое — имя. Соответственно с точки зрения античной практики это означало новое «основание». Хотя эпоха классики редка подобными примерами, эллинистическое время знает огромное количество таких оснований. В редчайших случаях дело ограничивалось простым переименованием города. Как правило, трансформация носила более глубокий характер: полису приписывалась новая земля, появлялись новые граждане, основатель даровал полису новую конституцию, строились укрепления, и часто совершалась перепланировка старой застройки, возводились новые здания общественного назначения.

Нам кажется, что праздник в честь Гермеса был теснейшим образом связан с гимнасием — главным институтом воспитания будущих граждан. Гимнасий и связанные с ним празднества — часть нового устройства полиса, получившего имя Горгиппия. Граждане, видимо, дорожили статусом своего полиса и его института, чем и объясняется длительное поддержание института³²¹. Этот гражданский статус культа Гермеса, видимо, заставил вспомнить и другие ипостаси божества. В частности, при раскопках Горгиппии найдено некоторое количество маленьких герм (в руинах жилищ и в могилах). Здесь же обнаружена глиняная форма для их производства. Оттиски печатей с изображением Гермеса встречаются и на местной керамике. Наконец, в слоях римского времени была найдена маленькая бронзовая фигурка Гермеса-Меркурия³²².

Подводя некоторые итоги, мы можем попытаться охарактеризовать те процессы, которые имели место на Боспоре, и в частности в азиатской части государства в период от начала колонизации до включения его в состав державы Митридата Евпатора.

Одухотворение природных и социальных сил нашло свое выражение и здесь. Сам процесс колонизации воспринимался как движение, ведомое самим Аполлоном. Основание колоний и освоение новых земель преломлялись в сознании в форме парадигматического мифа, дающего колонистам неоспоримое право на эти земли. Нельзя сомневаться в том, что для сознания колонистов сам акт переселения на окраину ойкумены был тяжелейшим стрессом. В результате этого в сознании колонистов «всколыхнулись» все воспоминания о верованиях и ритуалах глубокой древности, существовавших в Малой Азии и еще ранее в Афинах — общей метрополии малоазийских ионийцев. Эти воспоминания были той основой, которая вскормила парадигматический миф.

Важнейшим условием существования на чужбине являлись единство и сплоченность гражданского коллектива, и отражением этого императивного требования жизни стал подъем и расцвет культа Афродиты Апатуры — божества многофункционального, но в данном случае выступавшей в первую очередь в качестве божества любви, но не телесной, а гражданской, которая должна была связывать членов полисного коллектива, обеспечивать их единство и монолитность.

Аполлон первоначально являлся главой пантикапейского пантеона и, когда Фанагория вошла в состав Боспорского царства, его влияние распространилось и на этот полис. Но, с другой стороны, Афродита Апатура также была признана в Пантикапее и стала божеством, тесно связанным с династией.

Основой благосостояния колонистов стало, естественно, сельское хозяйство, и это находило свое выражение в распространении аграрных культов, часть из которых в период культурной экспансии Афин подверглась сильному влиянию элевсинских мистерий. Однако к началу нашей эры культ Деметры и Коры теряет свою популярность. Видимо, он был поглощен культом Афродиты, продолжавшим сохранять свою популярность и привлекательность. Культ же Диониса первоначально находился в тени, затем распространился, но главным образом на Керченском полуострове. Своеобразно было место культа Гермеса, опорой которого была Горгиппия.

Этот ранний период религиозной истории не дает никаких серьезных оснований говорить о сколько-нибудь значительном влиянии местного, не греческого, населения на религиозные воззрения эллинов Боспора.

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД

Общие условия периода

Новый период в истории Боспора, начавшийся с момента включения Боспорского государства в Понтийскую державу Митридата VI, характеризовался рядом принципиальных изменений в области религиозной идеологии. Прежде всего, само вхождение Боспора в огромное государство привело к росту контактов с иными этносами, представители которых в виде чиновников центрального правительства, воинов понтийской армии, возможно, также купцов и ремесленников оказывались на Боспоре. В свою очередь, боспоряне также стали шире знакомиться с миром, хотя и явно не по своей воле. Расширение контактов, естественно, приводило к определенным изменениям в религиозных представлениях, включению в систему традиционных верований боспорян новых идей.

Конечно, нельзя думать, что прежде здесь не появлялись культы, ранее неизвестные, пришедшие из других стран. Мы знаем о посвящении Астаре и Санергу царицей Камасарией³²³, но этот акт не имел дальнейших последствий, и культ их не оставил заметных следов. Сейчас же жители Боспора имели дело с массовым вторжением чужеземных божеств.

Особо необходимо указать на сильнейшее влияние Понта в одной из сфер религиозного сознания — сакрализации монархической власти. На Боспоре уже предпринималась попытки обожествления царей. Когда Боспор стал частью Понтийской державы, в ней процветал культ обожествленного (при жизни) царя, отождествляемого с Дионисом. Хотя Митридат и утерел власть вместе с жизнью на Боспоре, правившая позднее здесь династия сохранила традиции великого понтийского царя, и концепция сакрализации власти продолжала действовать на Боспоре. Концепция божественности монархической власти находила и иное выражение. Боспор, сохраняя внешние признаки суверенного государства, оказался в вассальной зависимости от Римской империи. Естественным результатом этого стало существование здесь культа римских императоров, засвидетельствованное значительным количеством документов.

Еще одной особенностью нового периода стало выдвигание на первый план новых культов, греческих по своей природе, но не имевших ранее широ-

Рис. 14. Изображение богини Тихе. Статуэтка. I в. н.э. Терракота. Тирамба. ГМИИ

кого распространения, например богини Тихе (рис. 14). При этом ряд старых культов, таких, как культ Афродиты Апатуры, продолжал не только существовать, но и процветать вплоть до середины III в. н.э. Если в раннем периоде следов влияния местных (не эллинских) религиозных воззрений практически не заметно, то в первые века нашей эры мы замечаем определенную их инфильтрацию, хотя выявление их представляет довольно трудную задачу.

Наконец, на Боспоре, как и во всех частях Средиземноморского мира, в первые века нашей эры явно начинают проявляться тенденции к монотеизму. Здесь этот процесс отлился в форму почитания «Бога высочайшего». Проблемы генезиса и характера этого культа уже много десятилетий являются объектом самых горячих дискуссий.

Проблема восточных культов на Тамани

Название этого параграфа — несколько условное. Под «восточными культурами» в данном случае мы понимаем все не собственно эллинские культы, пришедшие на Боспор в период власти Митридата VI и позднее, включая египетские.

В настоящее время в нашем распоряжении имеются материалы нескольких местных (и домашних) святилищ, расположенных в европейской части страны, которые позволяют более точно определить «вклад» понтийской эпохи в религиозные верования боспорян³²⁴. Не повторяя того, что уже было написано по поводу этих материалов³²⁵, рассмотрим проблему с точки зрения Азиатского Боспора. Подобный анализ приводит к обескураживаю-

щим результатам. На Таманском полуострове и на соседних территориях поразительно малое число находок, свидетельствующих о восточных культах.

В Фанагории найден фрагмент терракотовой статуэтки Диониса-Сабазия (видимо, II в. до н.э.)³²⁶. Немногим больше таких находок в Горгиппии. Укажем прежде всего на небольшую бронзовую статуэтку Исиды, датируемую началом III в. н.э., происходящую из жилого дома³²⁷. Кроме того, в могилах горгиппийского некрополя встречаются привозные египетские подвески, изображающие Гарпократа. Терракотовая статуэтка этого же божества была найдена в слое I в. н.э. при раскопках Ке³²⁸. Недавно было высказано предположение, что в число терракотовых статуэток, отражающих малоазийские (понтийские) культы необходимо также включить изображение мальчика, сидящего на петухе с гроздью винограда в руке³²⁹ и синкретический образ Эрота—Аттиса³³⁰.

Но даже если расширить список «понтийских» образов за счет этих двух типов, все равно соотношение того, что зафиксировано в Крыму и того, что зафиксировано на Тамани, поражает. Крым, в особенности Пантикапей, дает в десятки раз больше экземпляров таких статуэток. Кроме того, здесь имеются типы, отсутствующие на Тамани, но совершенно бесспорно отражающие образы, созданные в Понте, например, образ Митры-Аттиса³³¹. Наконец, малоазийские культы не нашли отражения в эпиграфических памятниках азиатской половины государства, но они присутствуют, например, в манумиссии, где упоминаются богини Ма и Дева³³².

Все эти наблюдения приводят нас к выводу, что влияние малоазийских (понтийских) культов на религиозную жизнь населения восточной половины Боспорского государства было минимальным — в отличие от того, что происходило в Крыму. Этому явлению возможно дать, как нам кажется, следующие объяснения. Естественно, что активность понтийцев была наиболее заметной в столице и вокруг нее. Именно здесь обретались представители Митридата, находились отряды их войск и т.д.

Однако, возможно, имелась еще одна — более глубинная причина. Именно Фанагория первой восстала против власти Митридата Евпатора. Можно полагать, что недовольство его властью уже ранее накапливалось больше всего здесь. Это недовольство находило свое выражение и в неприятии культов, принесенных на Боспор с Понта.

Кульст римских императоров

Падение власти Митридата VI Евпатора и бурные события, последовавшие за этим, привели, в конечном счете, к включению Боспорского царства в сферу влияния Римского государства. Конечно, Боспор не был превращен в провинцию, как многие другие пограничные государственные образования, но его зависимость от Рима, тем не менее, была весьма значительной.

Помимо данных нарративной традиции, о вассалитете Боспора сообщают и документальные источники: эпиграфические и (в меньшей степени) нумизматические. Эта зависимость демонстрировалась в самой титулатуре боспорских царей. Первоначально в состав царского титула был включен термин *φιλορῶμαιος* («любящий римлян») ³³³. Самый ранний пример этого на Боспоре — надпись Асандра ³³⁴. Если восстановление текста надписи правильно, то мы в титулатуре этого царя видим любопытное смешение «великодержавной» титулатуры Фарнака ³³⁵, унаследованной им от Митридата Евпатора, и указание на свою зависимость от римлян: Асандр (подобно Фарнаку) называл себя «великий царь царей, спаситель» и тут же декларировал свою преданность Риму (и тем самым зависимость от него) ³³⁶. Аналогичная схема присутствует в титулатуре царицы Динамии. В тексте посвящения ее статуи со стороны граждан Фанагории употреблена следующая формула «царица Динамия, дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса». К этой пышной титулатуре добавляется — «любящая римлян» ³³⁷.

При Аспурге появляется еще один элемент в царской титулатуре — начинает употребляться термин *φιλόκαισαρ* («любящий Цезаря») ³³⁸. В дальнейшем правилом становится употребление двойного определения: «любящий римлян и любящий Цезаря».

Преданность Риму находила свое выражение и в других формах. В конце I в. до н.э. при Полемоне важнейшие города Боспора Пантикапей и Фанагория были переименованы. Пантикапей стал называться *Caesareia* (в честь Августа), а Фанагория — *Agrippaia* (в честь ближайшего сотрудника и зятя Августа — Агриппы) ³³⁹. Данная практика в конце I в. до н.э. была широко распространена на всем эллинистическом Востоке. Светоний сообщает нам, что каждый из царей основал *Caesareas urbs* ³⁴⁰.

Переименование означало, что Август и Агриппа отныне рассматривались, как ктисты («основатели») соответствующих городов. Тем самым, они приобретали сакральную значимость — становились героями. Но использовались также и другие способы подчеркнуть эту особенность власти далеких владык. Царица Динамия, посвящая статую римского императора Августа в Горгиипии, определяет его следующим образом: «правителя всей земли и

всего моря, своего спасителя и благодетеля». Кроме того, в этом тексте также присутствует и более официальное определение, он называется: «императором, цезарем, сыном бога (αὐτοκράτορα καίσαρα θεοῦ υἱόν)»³⁴¹. Видимо, несколько позднее Динамия называет Августа уже не только «сыном бога», но и «богом»³⁴². Таким образом, первые шаги к учреждению культа римских императоров на Боспоре делаются при царице Динамии³⁴³.

Следующий этап приходится на время царствования царя Котиса. Необходимо отметить, что Котис I представлял буквально идеальный тип правителя вассального государства: он провел много лет в Риме, где получил соответствующее воспитание, затем с помощью римских войск он свергает предшествующего правителя, получает благословение римских властей и становится царем. Именно начиная с Котиса, титулатура боспорских царей приобретает законченный вид. В ней появляются два новых элемента.

Во-первых, теперь в официальных текстах наличествует *τῆς πολιᾶς* и полное имя Котиса соответственно звучит следующим образом: Тиберий Юлий Котис. Таким образом, всем становится ясным, что он является римским гражданином. Имя Тиберия указывает на то, что гражданство ему было даровано императором Тиберием. При этом возникают некоторые сложности хронологического порядка, которые обычно решаются следующим образом: либо гражданство было дано его отцу, либо сам Котис какое-то время служил в римской армии и тогда (в царствование Тиберия) получил гражданство³⁴⁴.

Во-вторых, в официальную титулатуру царя вводится очень важное указание — он является ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου («верховным пожизненным жрецом Августов»). Таким образом, официально было завершено введение культа римских императоров³⁴⁵. К сожалению, мы не знаем многих деталей организации этого культа. Только одна надпись из Гермонассы³⁴⁶ позволяет понять некоторые его черты. В надписи, к сожалению, довольно сильно поврежденной, говорится о том, что некто «освобождается от всех налогов, собираемых в царстве», он же «назначается пожизненным жрецом храма в честь императора» (τοῦ καίσαρος διὰ βίου) и передает эту должность по наследству своим потомкам. Исходя из этого документа, можно предполагать, что помимо главного храма императорского культа, расположенного в Пантикапее (видимо, храма Августа и Ромы), во всех крупных городах царства также находились свои храмы, во главе которых также стояли пожизненные жрецы, назначавшиеся на эту должность боспорскими царями из числа представителей местной знати³⁴⁷.

Таким образом, начиная с царицы Динамии, боспорские цари начинают создавать культ римских императоров. Законченную форму он приобретает при Котисе, когда создается официальная и институализированная система, охватившая все государство. Во главе культа стоял сам царь как верховный пожизненный жрец. Главный храм находился, по всей видимости, в Пантикапее, в остальных же городах располагались «рядовые» храмы, во главе которых стояли также пожизненные жрецы, назначаемые царем. Можно предполагать (на основе сравнения с тем, что имело место в государстве Ирода), что храм был богато украшен и в нем через регулярные промежутки времени справлялись празднества в честь императоров.

Вряд ли данный культ имел искренних адептов. Это был чисто политический институт, мало затрагивавший жизнь рядовых жителей Боспора. Серьезное значение он имел только для царя и его непосредственного окружения.

Проблема сакрализации царской власти

Всякая власть нуждается в идеологическом оправдании и обосновании, которые в разные эпохи принимают различные формы. На ранних этапах истории идеологическое обоснование ее чаще всего принимает религиозную форму, власть стремится показать подданным, что правит ими по божественному праву. При этом античная эпоха знала разные способы сакрализации верховной власти. В государстве Ахеменидов правители в своих официальных документах заявляли, что царскую власть они получили «волею Ахурамазды». Александр Македонский стремился создать свой культ, претендуя на то, что он является сыном не царя Филиппа, а бога Зевса-Аммона. В эллинистических государствах развился подлинный культ обожествлявшихся царей, сначала посмертный, а затем и прижизненный. Наследником этой практики стала и Римская империя.

Естественно, что Боспорское царство не могло быть исключением. В данном случае мы также видим феномен сакрализации верховной власти, но он здесь приобрел несколько специфические формы. Если сообщение Страбона верно³⁴⁸, то Боспор, видимо, был первым государством, где последовали примеру Александра Македонского, обожествив своего царя Перисада I (347/6—310/309 гг. до н.э.) еще до того, как эта практика стала обычной в эллинистическом мире. Однако у нас нет никаких свидетельств о том, что обожествление последующих царей имело место, что выглядит достаточно загадочно.

Следующий эпизод в истории обожествления правителей связан с периодом вхождения Боспора в состав Понтийского царства при Митридате Евпаторе, который, как известно, был обожествлен на родине. Естественно, что эту практику он постарался распространить и на Боспор. Свидетельством этого является известная надпись жителей Фанагории (Агриппии) в честь царицы Динамии, в которой приводится титул ее предка — Митридата с эпитетом Дионис³⁴⁹. Следовательно, можно предполагать, что и спустя несколько десятилетий память об обожествлении этого царя и его отождествлении с Дионисом была жива.

Однако вассальный статус боспорских царей и официальный культ римских императоров были весьма значимым фактором. В подобных условиях боспорским царям претендовать на божественный статус было, видимо, достаточно опасно, поскольку это могло восприниматься, как попытка соперничать с властями Рима. Подтверждением этому служит тот факт, что в распоряжении исследователей нет ни одного документа, исходящего от официальных властей, который бы позволял говорить о практике официального обожествления боспорских царей. Несмотря на это, попытки введения царского культа не были полностью оставлены. Ярким примером этого может служить известная пантикапейская надпись, в которой «корпорация» аристократов называет боспорского царя и его супругу «богами»³⁵⁰. До недавнего времени имелось еще два документа, в которых боспорский царь (в данном случае Савромат II) называется богом. Они происходят из Гермонассы³⁵¹. Однако в обоих случаях это слово — результат восстановления издателей: в первом случае от этого слова не сохранилось ни одной буквы, а во втором — только последняя. Основанием для подобного восстановления, в сущности, является только упомянутая выше пантикапейская надпись. Поэтому оставались вполне законные основания для сомнений в правильности восстановления термина.

Подводные раскопки в Фанагории дали несколько новых эпиграфических документов. Особенностью их является прекрасная сохранность всех текстов.

В числе этих надписей имеется также посвящение статуи царя (видимо, в какой-то храм) от лица высокопоставленного представителя государственной администрации Юлия Менестрата³⁵². Ее текст очень сильно напоминает посвящение из Гермонассы, кстати, сделанное тем же самым лицом. В фанагорийской надписи термин «бог» сохранился полностью, что соответственно подтверждает правильность восстановления текста в предыдущих документах.

Таким образом, мы видим, что аристократическая верхушка Боспора, несмотря на отсутствие официального культа царя, активно продвигала «в частном порядке» идею божественности царской власти. Носителями этой идеи являлись как аристократы *in corpore*, так и отдельные представители этого слоя общества. Нам известны два таких лица: в одном случае некий пантикапеец, имя которого не сохранилось, посвящает изображение Тиберия Юлия Савромата, видимо, в какой-то храм. Во втором и третьем случаях то же самое и в отношении того же самого царя делает Юлий Менестрат, который в одном случае носит звание «хилиарх», а в другом — «архикоитонит». Однако данные тексты являются результатом инициативы отдельных, наиболее верноподданных граждан Боспора. Документов же государственного характера, говорящих об официальном введении и существовании культа царей, мы не имеем, что позволяет с большой долей уверенности говорить об его отсутствии. Можно предполагать, что отсутствие этого культа — результат политики Рима. Рядом с обожествленным императором не должен был находиться местный обожествленный царь³⁵³.

Проблему сакрализации своей власти боспорские цари в этих условиях решали иным образом. Упор был сделан на божественное происхождение царей. В ряде документов сообщается, что цари поздней боспорской династии происходят от богов — Геракла и Посейдона³⁵⁴. Причина избрания в качестве предка Геракла довольно ясна, мы выше подробнее писали о роли его культа на Боспоре. Более загадочным является выбор для этой роли Посейдона (и Эвмолпа).

Не имея однозначного ответа на этот вопрос, мы можем предложить следующую гипотезу. Как известно, в первые века нашей эры решительно изменился характер вооруженных сил Боспорского царства. На смену воинам-гоплитам пришла в качестве основы армии конница. При этом ядром ее стали тяжеловооруженные воины-катафрактары. Катафрактариями являлись представители местной аристократии (так же, как это было в Парфии этого времени и у сарматов). Тем самым в обществе резко возросло значение этой категории граждан, которые характеризуются двумя качествами: воины-всадники, аристократы.

Нам кажется, что выдвижение на первый план культа Посейдона в этих условиях было вполне естественным. В греческом пантеоне Посейдон был единственным божеством, тесно связанным с конем. Посейдон-конник обладал достаточно большой популярностью³⁵⁵. Кроме того, с самых ранних времен именно Посейдон был божеством, особо тесно связанным с аристократией.

Уже давно было сделано важное наблюдение: начиная с I в. до н.э. в коропластике Боспора появляются два варианта нового иконографического типа³⁵⁶. Имеются в виду статуэтки всадников. Первый вариант — всадник на мчащемся галопом коне. Второй — всадник на стоящем или медленно ступающем коне³⁵⁷. Статуэтки этих типов помимо Европейского Боспора, на базе которого построено исследование В.И. Пругло, встречаются также и на

Рис. 15. Изображение всадника. Статуэтка. I в. до н.э. Терракота. Фанагория. ГМИИ

Рис. 16. Изображение всадника. Статуэтка. II в. до н.э. Терракота. Фанагория. ГЭ

Рис. 17. Изображение всадника. Эллинизм. Терракота. Резиденция Хрисалиска. ГИМ

памятниках Азиатского Боспора, в частности в Фанагории³⁵⁸ (рис. 15, 16), Гермонассе³⁵⁹, «резиденции Хрисалиска»³⁶⁰ (рис. 17).

В.И. Пругло, исследовавшая данную проблему, поставила резонный вопрос: представляют ли эти статуэтки «жанровые произведения» или они отражают какие-то культовые представления жителей Боспора³⁶¹. Исследовательница отвечает на этот вопрос сугубо положительно. Что касается первого варианта, то она определяет божество, представленное на нем, как хорошо известный образ «фракийского всадника». В отношении же второго варианта она отстаивает идею, выдвинутую в свое время М.И. Ростовцевым³⁶². Он указывал на то, что среди монет боспорских царей, начиная с Савромата II, заметное место занимают типы, у которых на оборотной стороне присутствует изображение всадника на спокойно стоящем или медленно идущем коне. М.И. Ростовцев полагал, что здесь представлен боспорский царь, приобщенный к власти божеством³⁶³ (рис. 18).

Каким должно быть наше отношение к этой концепции? Отметим, прежде всего, факт, не учтенный В.И. Пругло. В монетном чекане боспорских царей первых веков нашей эры присутствует не только второй иконографический тип (всадник на стоящем или на медленно идущем коне), но и первый (скачущий всадник). Этот тип зафиксирован в чекане, например, Рескупорида II. Согласно Н.А. Фроловой, третья серия его бронзовых монет представлена тремя типами, из которых нас интересует первый, который имеет на лицевой стороне изображение бюста царя и легенду, а на оборотной скачущего всадника³⁶⁴. Аналогичные изображения представлены и в чекане Савромата I (шестая серия, четвертый тип бронзы)³⁶⁵, Котиса I (часть типов второй группы бронзовых монет³⁶⁶, а также часть группы, выпускавшейся в 129—130 гг. н.э.³⁶⁷), один из типов бронзового чекана Рескупорида III (выпуски 218 г. н.э.)³⁶⁸.

Если исходить из обычной практики боспорского чекана, в котором, как правило, на лицевой стороне был представлен бюст царя, а на оборотной — божество или какой-либо символ, замещающий его, то вполне естественным

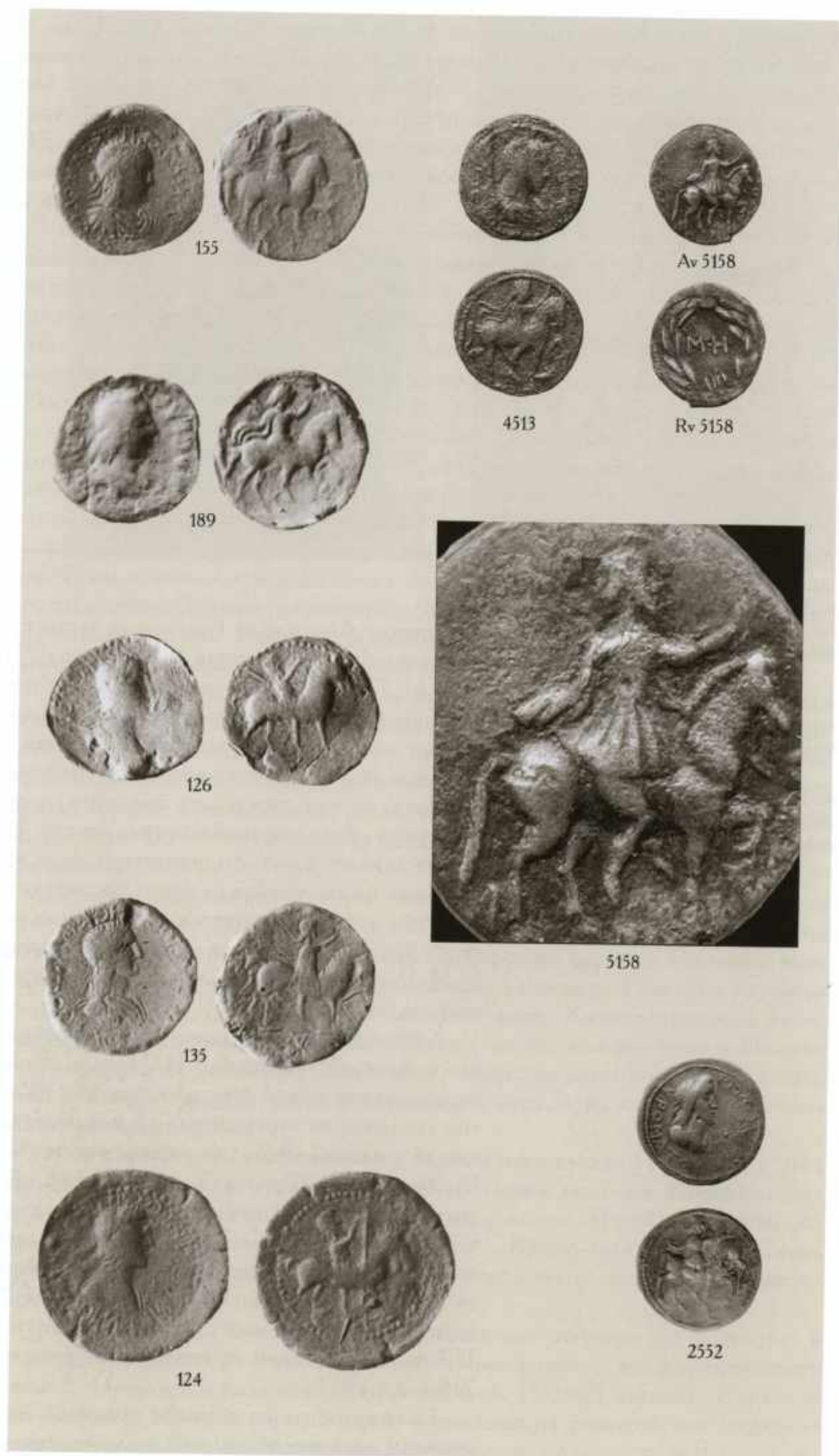

Рис. 18. Боспорские монеты
II–III вв. н.э. с изображениями
всадников на оборотной стороне.
Бронза. ГИМ

будет предположение, что скачущий всадник реверса этих монет действительно является богом³⁶⁹.

Близкая картина вырисовывается и при анализе тех монет, где на оборотной стороне изображен всадник с поднятой рукой, сидящий на медленно ступающем коне. Этот тип представлен в чекане также нескольких боспорских царей. Так, в частности, он присутствует в чекане Савромата II (бронзовый чекан второго периода): бюст царя — на аверсе и всадник — на оборотной стороне³⁷⁰. Аналогичный тип присутствует и в третьем периоде³⁷¹. Имеется он и в чекане Рескупорида III³⁷².

Несомненно, определенным вариантом этого типа являются некоторые выпуски бронзовых монет царя Евпатора. Они отличаются от основного типа наличием на аверсе не одного бюста, а двух, обращенных друг к другу, при этом один из них, по мнению Н.А. Фроловой, является бюстом царя. Обратная же сторона этих монет традиционна — всадник на медленно ступающем коне³⁷³.

Тот вывод, который нами делался на основании анализа монет с изображением скачущего всадника, вполне может быть распространен и на вариант со всадником на медленно ступающем коне. Здесь также, опираясь на те же самые принципы, мы можем утверждать, что основная часть монет такого типа, вероятнее всего, несет на оборотной стороне изображение божества. Вместе с тем, как и в первом случае, имеются выпуски, которые не согласуются с данной схемой.

Прежде всего, отметим, что наблюдается известная приверженность царей разным вариантам: исключительно первый вариант мы видим в чекане Котиса I, Рескупорида II, Савромата I; только второй вариант (за исключением лишь двух экземпляров) наличествует в монетном деле Савромата II (это те исключения, которые мы упоминали выше), а также (с некоторыми модификациями) у Евпатора. Наконец, для Рескупорида III явно были приемлемы оба варианта. Не соответствует предложенной нами схеме только несколько экземпляров бронзовых монет чекана Савромата II. На этих монетах царь верхом на медленно ступающем коне представлен на лицевой стороне и его изображение сопровождается легендой. Реверс же занят воспроизведением курульного кресла³⁷⁴ или венка³⁷⁵. С данной группой тесно связана небольшая серия монет этого же царя, основное отличие которых от предыдущих состоит в том, что вместо медленно ступающего коня изображен конь галопирующий³⁷⁶.

Можно попытаться подвести некоторые итоги. В свое время М.И. Ростовцев высказал предположение, что на монетах Савромата II в виде всадника изображен царь, приобщенный к власти божеством. Авторитет М.И. Ростовцева был столь велик, что эта идея была принята практически всеми исследователями. Однако эта идея не может быть справедливой. Если следовать ей, то мы будем вынуждены признать, что божество, дающее власть царю, не изображено на монете, а царь представлен дважды: сначала в виде бюста — на аверсе, а затем в виде всадника — на реверсе. Подобное нарушение логики важной иконографической схемы очень трудно допустить. Наиболее распространенным типом схемы, указывающей на определенную связь между правителем и божеством, является схема, когда на одной стороне монеты представлен царь, а божество — источник власти или покровитель царя или династии — на другой. Очень характерным примером является в этом отношении монетная чеканка парфянских царей (прежде всего драхмы), в которой на лицевой стороне имеется портрет правящего царя, а на оборот-

ной — обожествленный основатель династии, протягивающий лук — символ власти.

Нам в силу этих соображений кажется возможным предположить, что на лицевой стороне наших монет изображался правящий царь, а на оборотной — бог-всадник, вручающий власть царю. Как мы отмечали выше, вероятнее всего, этим божеством был Посейдон-конник, предок династии³⁷⁷. При этом он воспроизводился в двух иконографических схемах.

Что касается той небольшой группы монет, которые не согласуются с данной схемой, то появление их, как кажется, также достаточно логично объясняется. Выше мы уже отмечали, что именно при этом царе делались осторожные попытки ввести «полномасштабный» царский культ на Боспоре. В русле этой политики можно рассматривать и данный чекан. Царь попытался заменить изображение божества собственным изображением, но в той же привычной иконографической схеме. Таким образом, можно полагать, что боспорские цари проблему сакрализации своей власти решали, обращаясь к предкам-богам, которые считались ее источником. Робкие попытки ввести «нормальный» царский культ, видимо, решительно пресекались Римом.

Распространение иудаизма, проблема культа «Бога высочайшего». В первые века нашей эры на Боспоре, в том числе и Азиатском, появилась религиозная система, сильно отличавшаяся от того, что было обычным в греко-римском мире. Мы имеем в виду иудаизм, носителями которой были евреи диаспоры. На территории Азиатского Боспора наличие этой религии зафиксировано в Фанагории и Горгиппии — благодаря эпиграфическим и археологическим источникам, а также в некоторых небольших поселениях — благодаря только данным археологии.

Из Фанагории происходят две надписи. Одна из них относится ко времени царя Аспурга и датируется 16 г. н.э.³⁷⁸ Она представляет собой манумиссию — отпуск на волю раба («вскормленника»), но с условием парамоне. Важным обстоятельством, указывающим на то, что данный акт совершался в иудейской молельне, является употребление термина *προσευχή*, который обозначает молельню именно иудеев³⁷⁹. Вторая надпись — несколько более поздняя (51 г. н.э.)³⁸⁰, но неизмеримо лучшей сохранности. По своему содержанию она также представляет манумиссию. Несколько человек отпущены на волю при молельне (здесь термин *προσευχή* сохранился полностью), они должны будут (это условие парамоне) почитать молельню, а их свобода гарантируется общиной иудеев (*τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων*).

Помимо эпиграфических материалов об иудейской общине в Фанагории говорят и некоторые археологические источники. В ходе раскопок второй половины XIX в. было найдено значительное число надгробных плит с иудейскими символами (в том числе 4 с древнееврейскими надписями)³⁸¹. Позднее число их увеличилось (14 надгробий, в том числе 1 с надписью)³⁸². Наконец, в самые последние годы было открыто еще значительное число надгробных памятников, которые в настоящее время хранятся в Таманском музее. Исследовавший ранние надписи Д.А. Хвольсон пришел к выводу о том, что они относятся ко времени от IV до VIII в. н.э.³⁸³ На надгробных плитах обычно имеются изображения семисвечников, а также подсвечников с 5-ю, 9-ю и даже 11-ю отростками, а также шофара (бараньего рога) и лулаба (пальмовой ветви)³⁸⁴. На территории некрополя имеется участок, который исследователи считают принадлежащим иудейской общине. Основанием для этого вывода служат особенности погребального обряда³⁸⁵. Полное отсутствие погребального инвентаря затрудняет датировку, но стратиграфические наблюдения по-

казывают, что эта часть некрополя начала использоваться не ранее I в. до н.э. Функционирование его продолжалось вплоть до Средневековья (рис. 19).

Дополнительные материалы для истории иудейской общины в этом городе дают нарративные источники эпохи Средневековья, показывающие, что еврейское население было в районе Фанагории многочисленным и активным³⁸⁶.

Некоторые свидетельства об иудаизме происходят и с территории Гермонассы. Здесь найдены во вторичном использовании два надгробия с изображениями семисвечников, при этом на одном из них имеется двустрочная надпись (к сожалению, не прочитанная)³⁸⁷.

Очень интересные материалы происходят из Горгиппии. Здесь было найдено 6 манумиссий³⁸⁸. Они явственно распадаются на две группы: первая из них включает надпись КБН 1124, вторая — все остальные. Рассмотрим сначала вторую группу. Все надписи, включенные в эту группу, близки по содержанию, и благодаря этому те части текста, которые в них утрачены, легко дополняются.

Эти манумиссии отличаются от фанагорийских в одном, но очень серьезном отношении. Все надписи, в которых сохранилось самое начало текста, имеют здесь следующую формулу: *Θεῷ ὑψίστῳ πατοκράτορι εὐλογητῷ* («Богу высочайшему, вседержителю, благословенному»). Как известно, культ этого божества занимает важное место в общей картине религиозной жизни Боспора в первые века нашей эры. Этот культ был объектом долгих и горячих дискуссий. В последние годы подавляющее большинство исследователей приходило к выводу, что культ «Бога высочайшего» представлял собой синкретический культ, в котором объединились черты Зевса, Сабазия и некоторых иных божеств³⁸⁹. Иногда исследователи приходят к выводу, что

в процессе синкретизации участвовал и Яхве³⁹⁰. Однако сравнительно недавно было, как нам кажется, довольно надежно доказано на основе анализа эпиграфических и нарративных источников, что «Бог высочайший» является эквивалентом еврейского Яхве, а его адепты — еврейские псевдопрозелиты, т.е. общины людей, которые, в основном приняв иудейскую религию, тем не менее не стали еще настоящими прозелитами, включенными в состав собственно иудейской общины (синагоги)³⁹¹. Что касается той надписи манумиссии, которую мы выделили в отдельный (первый) тип, то она очень напоминает фанагорийские манумиссии, относительно которых нет сомнений — они выполнены правоверными евреями, членами общины (синагоги).

Таким образом, есть основания предполагать, что в Горгиппии существовали две различные общины: собственно иудейская и община псевдопрозелитов.

Необходимо отметить, что еврейское население присутствовало не только в городах. Имеются находки намогильных плит, происходящих из сельской местности. Такая плита с древнееврейской надписью была найдена в 10 км к югу от Тамани³⁹². Несколько подобных надгробных плит было обнаружено возле ст. Вышестеблиевской³⁹³.

Распространение иудаизма и культа «Бога высочайшего» было одним из свидетельств существования моно-

Рис. 19. Иудейское надгробие позднеантичной эпохи. I–IV вв. н.э. Ракушечник. Фанагория. Таманский музей

теизма и идей, близких ему на Боспоре³⁹⁴. Это было явление, общее для всего античного мира, свидетельствующее о кризисе античного мировоззрения. Монотеизм находил свое выражение как на философско-теологическом уровне, так и на уровне представлений рядовой массы жителей страны.

Религиозные сообщества. Одна из наиболее характерных особенностей религиозной жизни Боспора, в том числе и Азиатского, в первые века нашей эры — появление и широкое распространение различного рода частных сообществ (союзов, коллегий), среди которых важную роль играли объединения религиозного характера³⁹⁵. В этом отношении Боспор ничем не отличался от остального античного мира, в котором то же самое явление было обычным в это время. Как твердо установлено, частные сообщества в той или иной форме бытовали на всем протяжении времени существования античного общества. Но первые века нашей эры — это то время, когда подобного рода союзы приобрели огромное распространение, поскольку старые полисные институты начали отмирать и индивид в мире, становящемся чуждым и враждебным ему, находил помощь и поддержку от своих сотоварищей в такого рода объединениях. Необходимо подчеркнуть многообразие частных союзов: от культовых объединений до погребальных коллегий³⁹⁶.

Изучение частных сообществ Боспора началось более 150 лет тому назад, но почти всеми исследователями особое внимание уделялось документам из Танаиса вследствие их обилия, что в известной мере затрудняло решение проблемы, поскольку исследователи (вольно или невольно) прежде всего обращались к вопросу о характере культа «Бога высочайшего», основные материалы для характеристики которого давали религиозные сообщества Танаиса³⁹⁷.

В недавнее время было справедливо подчеркнуто, что магистральная линия исследований этой проблемы должна иметь иное направление: необходимо отказаться от попыток дать всеобъемлющие дефиниции для всех частных сообществ Боспора и попытаться понять ситуацию в отдельных городах Боспорского царства³⁹⁸. Однако Н.В. Завойкина, выдвинувшая эту идею, допускает одну неточность. При анализе частных сообществ ею не учитываются еврейские общины и общины псевдопрозелитов, о которых упоминалось несколько выше и которые, с точки зрения права, естественно, являлись объединениями именно такого типа. В результате несколько упрощается общая картина религиозной жизни в каждом отдельном городе.

В Фанагории были найдены четыре надгробные стелы, поставленные на могилы своих умерших сочленов их товарищами³⁹⁹. При этом все погребальные коллегии имели явно религиозный характер, поскольку во всех случаях руководителем церемонии выступал жрец. Характерно, что надписи ставятся как от лица фиасотов, так и членов синода. Обращает на себя внимание длительность существования института (от I до начала IV в. н.э.). С точки зрения социального статуса членов сообществ бросаются в глаза различия между тремя надписями⁴⁰⁰ и надписью, опубликованной В.П. Яйленко. В первых трех отсутствуют отчества при именах членов этих сообществ, что заставляет думать о том, что они состояли из представителей низов фанагорийского общества⁴⁰¹. В то же самое время надгробие, опубликованное В.П. Яйленко, явно было поставлено полноправными гражданами города.

Некоторые материалы по данной проблеме дает и Гермонасса. Довольно сильно поврежденная в конце надпись времени царствования Котиса II предоставляет длинный список должностных лиц и рядовых членов синода⁴⁰². Во главе списка стоит имя «накора», затем следуют имена жреца, гиеромастора, секретаря, филографа. К сожалению, сохранность текста не позволяет по-

нять, по какому поводу поставлена эта надпись. Совершенно несомненными являются два вывода, обычно делаемые при анализе данной надписи: синод имел религиозный характер, и его членами были отнюдь не представители социальных низов Гермонассы.

Гораздо загадочнее другая надпись из этого города⁴⁰³. Она относится ко II в. н.э. и в ней упоминается «синод богини Афродиты». Как кажется, жрецом данного синода был «управляющий царским дворцом». Загадочность нашего текста состоит в том, что Афродита являлась официальным божеством государства. Почему при таком статусе этого культа, предполагавшем участие в нем всего населения государства, образуется еще и более узкий круг почитателей богини, объяснить трудно.

Несколько больше материалов по проблеме дает Горгиппия. Прежде всего, привлекает внимание документ (к сожалению, довольно сильно поврежденный), созданный фиасом навклеров в период царствования Савромата II⁴⁰⁴. В большой надписи говорится о том, что фиас воздвиг статуи бога Посейдона и отремонтировал храм этого божества. В благодарность за это царь даровал «освобождение от пошлины (вывозной?) для тысячи артаб». Во главе фиаса стояли жрец, который одновременно был ответственным за царскую резиденцию, и синагог, являвшийся наместником Горгиппии. Другие должностные лица фиаса были представлены фронтистами и казначеем «священных сумм». Часть имен рядовых членов фиаса сопровождается указаниями на государственные должности. Упоминаются стратеги и чиновники, отвечающие за сдачу сбора пошлин на откуп. Следовательно, данный фиас включал в себя элиту населения Горгиппии, что объясняется тем, что фиас существовал вокруг храма Посейдона — божества, считавшегося предком династии. Одновременно члены фиаса являлись и судовладельцами, и для них естественно было почитать Посейдона как главное морское божество. Отметим в связи с этим, что при Савромате I в Горгиппии царский наместник города на собственные средства строит храм Афродите Навархиде⁴⁰⁵, т.е. чисто морскому божеству, покровительствующему мореплаванию.

Видимо, документ этого же религиозного объединения представлен еще одной надписью того же самого времени (при царе Савромате II)⁴⁰⁶. К сожалению, надпись очень сильно повреждена. Тем не менее есть основания полагать, что эти документы вышли из одного и того же объединения. Главной фиаса является жрец, упоминаются также синагог и фронтисты. Одно из должностных лиц союза имеет военный титул — лохаг. Наконец, явно тому же союзу принадлежит надпись, от которой осталось несколько строк (да и то не полностью), но то, что осталось, позволяет это предполагать⁴⁰⁷.

О другом религиозном объединении сообщает надпись, в которой представлен длинный список членов синода во главе со жрецом, синагогом и фронтистом. Надпись также относится ко времени царствования этого же царя⁴⁰⁸. К сожалению, сохранность текста такова, что невозможно понять, по какому поводу был создан данный документ. Важны два обстоятельства. Во-первых, в Горгиппии практически одновременно существуют два религиозных объединения, при этом одно называется фиас, а другое — синод. Отмечаются различия в составе этих объединений: если фиас включает в себя элиту, то синод — рядовых граждан города, поскольку у всех помимо личного имени указаны и отчества, но нет упоминаний о каких-либо государственных постах их носителей.

Отметим, что имеются еще документы, которые, видимо, оставлены членами религиозных объединений, но они повреждены настолько, что понять их

содержание невозможно. Укажем, что один из таких документов, скорее всего, принадлежит тому синоду, который был только что упомянут⁴⁰⁹. Другие, возможно, принадлежали фиасу⁴¹⁰.

Подводя итоги, мы можем сказать, что широко распространенное мнение о повсеместном распространении и большом значении различного рода частных сообществ в городах Боспора первых веков нашей эры может считаться несколько преувеличенным. Это представление возникло благодаря двум городам: Пантикапею (около 40 документов) и Танаису (около 30). Приведенные выше материалы показывают, что в Фанагории, Гермонассе, Горгиппии ситуация была несколько иной. Конечно, и в этих городах существовали свои союзы, но их было гораздо меньше и роль — менее значительна.

При наличии различий в типах союзов все они в той или иной степени имели религиозный характер. Можно также указать на то, что союзы, насколько можно судить, различались своим социальным составом. Фиксируются три варианта: союзы элиты, рядовых граждан, «низов». Также необходимо подчеркнуть «профессиональную составляющую» в организации союзов, особенно заметную в фиасе навклеров. Элитные союзы явно демонстрировали свою лояльность царю и династии.

Все это приводит нас к выводу, что данные религиозные объединения полностью сохраняли свой традиционный античный характер. Они принципиально отличались и от иудейских синагог, ранних христианских общин и, возможно, объединений псевдопроевритов. Для этих объединений принципиально важной была идея равенства «перед Богом» всех членов общины, независимо от их социального статуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение религиозных воззрений населения античных городов Тамани и окружающих территорий приводит нас к выводу, что за тысячелетнюю историю существования их религия точно и явно отвечала потребностям людей. Первоначально доминировали идеи, порожденные самим фактом отрыва от родной почвы и переселения на край ойкумены, и люди обращались к образу Аполлона, их водителя на этом пути. Затем на первый план вышли проблемы обоснования на новом месте, защиты занятой территории, а также образы Афродиты и Геракла, дававшие людям уверенность в их праве на землю. Следом пришли, что так естественно, земледельческие культы, сакрализовавшие повседневную жизнь земледельца и его тяжкий труд на полях, а затем и на виноградниках.

Сложная политическая история региона также внесла свой вклад в ментальный опыт людей: попытка обожествления царей, культ Митридата Евпатора, а затем римских императоров, наконец, усилия собственной династии придать себе божественный статус, пресеченный властями Римского государства, заставившими боспорских царей ограничиться только происхождением от божественных предков — Посейдона и Геракла.

С тех времен, когда Боспор был частью огромной державы Митридата, начался период активного проникновения различных восточных культов. Однако в отличие от крымской части Боспорского царства жители Тамани были большими традиционалистами и с трудом воспринимали новые идеи.

Только одна новая религиозная концепция по-настоящему глубоко внедрилась здесь в первые века нашей эры. Иудаизм и близкие ему верования

отражали всеобщую потребность в новой универсальной религиозной парадигме — монотеизме и поэтому распространились здесь.

С одной стороны, они подготовили почву для распространения в этих местах христианства, а с другой — препятствовали ему сплоченностью и замкнутостью своих общин. Христианство на Боспоре начало распространяться только в начале IV в. н.э., а первая епископская кафедра на Азиатском Боспоре (в Фанагории) появилась только в 519 г.⁴¹¹

¹ Herod. II. 44.

² Характер и эволюция религиозных верований в полисах колониальной периферии эллинистического мира поразительно напоминают характер и эволюцию искусства в этих регионах. См.: Савостина Е.А. Скульптура Боспора: «Архангельский след» в хронологии локального стиля // БФ. 2004. Ч. 1. С. 111–116.

³ Иногда и наличие атрибутов не может помочь, поскольку многие из них (например, такие, как скипетр) характерны для ряда божеств.

⁴ См.: Metzger H. Les représentations dans la céramique attique du IV siècle. P., 1951; Idem. Recherches sur l'imagerie athénienne. P., 1965; Sourvinou-Inwood C. «Reading» Greek Culture: Texte and Images, Rituals and Myths. Oxf., 1991; Clinton K. Myth and Cult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.

⁵ Alroth B. Greek Gods and Figurines. Uppsala, 1989.

⁶ Блаватский В.Д. Греческая скульптура. М.; Л., 1939. Рис. 115.

⁷ Алексеева Е.М. Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4; Она же. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 242.

⁸ Кобылина М.М. Религия и культы // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 220–222.

⁹ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.

¹⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

¹¹ Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999.

¹² Например, на с. 3 автор путает Гермонассу с Фанагорией.

¹³ Например, утверждение, что синды представляли собой часть скифского этноса, что совершенно не доказано.

¹⁴ Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987; Dougherty C. The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece. N.Y.; Oxf., 1993.

¹⁵ Georges P. Barbarian Asia and Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore; London, 1994. P. 2–9.

¹⁶ Malkin I. Religion... P. 117; Graham A.J. Colony and Mother City in the Ancient Greece. N.Y., 1971. P. 2.

¹⁷ Malkin I. Religion... P. 6, 90.

¹⁸ Goukowsky P. Essai sur origines du mythe d'Alexandre (330–270 av. J.-C.). Nancy, 1981. T. II: Alexandre et Dionysos.

¹⁹ См.: Русяева А.С. Религия... С. 44, сл. (здесь же вся основная предшествующая литература).

²⁰ См.: Там же. С. 20, сл. (с основной предшествующей литературой).

²¹ Например, об Орфее в Северном Причерноморье говорит только одно место в «Буколикках» Вергилия (Virgil. Bucol. IV. 517–520).

²² Подробнее см.: Chuvin P. La mythologie grecque du premier homme à l'apothéose d'Héraclès. P., 1992. P. 234–235.

²³ Dougherty C. The Poetics... P. 136–156.

²⁴ Redfield J. Notes on a Greek Wedding // Arethusa. 1982. 15; Detienne M. The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology. Atlantic Highlands (New Jersey), 1977.

²⁵ Dougherty C. The Poetics... P. 136–156; Calame C. Mythe et histoire dans l'Antiquité grecque: La création symbolique d'une colonie. Lausanne, 1977. P. 99–109; Malkin I. Religion... P. 173; Boardman J. Herakles in extremis // Studien zur Mythologie und Vasenmalerei: Konrad Schauenburg zum 65. Geburtstag am 16. April 1986. Mainz am Rhein, 1986. S. 274–277; Carey C. A Commentary on Five Odes of Pindar: Pythian 2, Pythian 9, Nemean

1, Nemean 7, Isthmian 8. Salem, 1981; Casson A. Wedding at Noon in Pindar's Ninth Pythian // GRBS. 1982. 23. P. 121–128.

²⁶ Herod. IV. 5–7; Diod. II. 43; Val. Fl. VI. 48–68.

²⁷ Herod. I. 146.

²⁸ Подробнее см.: Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 147–160.

²⁹ Strab. XI. 2. 10.

³⁰ Steph. Byz., s.v. Ἀπάτουρον.

³¹ Ἀπάτουρον, τό τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐν Φαναγορίᾳ (FHG. I. № 165).

³² КБН 1234. С. 725–726.

³³ Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире: Сб. ст. М., 1995. С. 238.

³⁴ Strab. XI. 2. 10.

³⁵ Polignac F. de. Cults, Territory and Origin of the Greek City-State. Chicago; London, 1995. P. 92.

³⁶ Харко Л.П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // СА. 1941. № VII. С. 81, сл.; Он же. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 137–141; Розанова Н.П. К вопросу о местонахождении Апатура // ВДИ. 1951. № 2; Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кепах конца VI–V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88–90; Он же. Святилище Афродиты в Кепах // СА. 1964. № 2; Он же. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976; Шауб И.Ю. Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: (Тезисы). Тбилиси, 1979. С. 85, сл.; Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурской // ВДИ. 1983. № 2. С. 111–117; Он же. Апатур: История боспорского святилища Афродиты // ВДИ. 1986. № 2. С. 138–145; Бунин Б.С. К вопросу об обстоятельствах формирования культа

- Афродиты Урании на Боспоре // БФ. 2004. Ч. 1. С. 106–111.
- ³⁷ О значении локальных вариантов мифов см.: *Edmunds L.* Introduction: The Practice of Greek Mythology // *Approaches to Greek Myth* / Ed. and Introd. by L. Edmunds. Baltimore; London, 1991. P. 5–7. См. также: *Les cultes locaux dans les mondes grec et romain: Actes du colloque de Lyon 7–8 juin 2001 / Textes réunis par G. Labarre.* P., 2004.
- ³⁸ См.: *Ustinova Yu.* The Supreme Gods... P. 40 (с исчерпывающей библиографией).
- ³⁹ См. особенно: *Русяева А.С.* Религия... С. 300–301 (здесь же и вся предшествующая литература). Однако ее возражения (с которыми мы согласны) остаются в общеметодологической плоскости и, в силу этого, не полностью решают проблему.
- ⁴⁰ См.: *Moore M.B.* Poseidon in the Gigantomachy // *Studies in Classical Art and Archaeology: A Tribute to Peter Heinrich von Blanckenhagen* / Ed. G. Kopcke, M. Moore. Locust Valley; New York, 1979. P. 23.
- ⁴¹ Основная версия мифа – Ps.-Apoll. Bibl. I. VI. 1–2.
- ⁴² Наиболее полное исследование и иконографический материал по проблеме см.: *Vian F.* Répertoire des gigantomachie figurées dans l'art grec et romain. P., 1951; *Idem.* La guerre des géants: Le mythe avant l'époque hellénistique. P., 1952.
- ⁴³ Местом этого сражения назывались либо Флегрийские поля к северу от Неаполя или Флегры-Паллена во Фракии (у Диодора упоминается еще и Крит). См.: *Gantz T.* Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore, 1993. P. 445–454; *Vian F.* La guerre... P. 189; *Chuvin P.* La mythologie... P. 313–314.
- ⁴⁴ *Vian F.* La guerre... P. 68. Особое место Геракла объясняется тем, что, согласно прорицанию рока, боги не смогут победить, если на их стороне не выступят два воина, рожденные смертными женщинами (Schol. Pind. Nem. 1, 100). Эту роль сыграли Дионис и, особенно, Геракл, позванный Зевсом на помощь по совету Афины (Ps.-Apoll. Bibl. I. VI. 1).
- ⁴⁵ См. также: LIMC II. 1. S. 132.
- ⁴⁶ *Vian F.* La guerre... P. 92, 98, 142.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 208–209; о редкости изображений Афродиты в сценах гиганто-
- махин см. также: *Gantz T.* Early Greek Myth... P. 451.
- ⁴⁸ *Vollkommer R.* Herakles in the Art of Classical Greece. Oxf., 1988. P. 101.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 99.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 101.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 107.
- ⁵² Такова была ситуация с Кротонем (*Diod. IV. 24. 7*). См.: *Vollkommer R.* Herakles... P. 89.
- ⁵³ *Herod. IV. 8–10.*
- ⁵⁴ *Hippol. Refut. V. 25.*
- ⁵⁵ Мы имеем в виду греческую надпись из Рима (из виллы Альбани) с описанием подвигов Геракла: «Переправившись же отсюда (из Фракии) в Скифию, он в схватке победил Аракса и, вступив в связь с его дочерью Ехидной, произвел сыновей, Агафирса и Скифа». См.: IG XIV. 1293A., последующее издание: FGHist. I. № 40; см. также: *Sadurska A.* Les Tables Iliques. Varsovie, 1964. P. 83–94.
- ⁵⁶ Необходимо указать, что в представлениях древних идея о том, что в этом районе ойкумены имелась какая-то пещера, которая обладала особыми свойствами, была распространена довольно широко. В частности, указание на такую пещеру содержится в поэме Публия Овидия Назона «Метаморфозы» (*Ovid. Met. XI. 592–596*).
- ⁵⁷ *Расвский Д.С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3; *Он же.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 173, сл.
- ⁵⁸ *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 29, сл.; *Клинггер В.П.* Сказочные сюжеты в истории Геродота // Университетские известия. Киев, 1902. № 11. С. 100; *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.; Л., 1967. С. 232, сл.; подробнее см.: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 213, сл.
- ⁵⁹ Ps.-Apoll. Bibl. II. 5. 11.
- ⁶⁰ Eurip. Hercul. 408–419.
- ⁶¹ Sen. Hercul. furios. 533–546.
- ⁶² Lycophronis Chalcid. Alexand. Schol. ad v. 1327.
- ⁶³ Oros. Hist. I. 14. 6–9.
- ⁶⁴ На это обстоятельство особое внимание обращает П. Шювен. См.: *Chuvin P.* La mythologie... P. 237–238.
- ⁶⁵ Just. II. 4. 23; Oros. Hist. I. 14. 8–9; Diod. IV. 16. 4. Об изображениях Геракла вместе с Теламоном в искусстве см.: *Henderson J.* Timeo Danaos: Amazons in Early Greek Art and Poetry // *Art and Text in Ancient Greek Culture* / Ed. S. Goldhill, R. Osborne. Camb., 1994. P. 85–138.
- ⁶⁶ Just. II. 4. 18–19.
- ⁶⁷ τὸν Ἡρακλέα αὐτὸν ἀκούομεν τῆς μὲν Αἰγύπτου κρατῆσαι καὶ τῆς Λιβύης, ἐτι δὲ τῶν περὶ τὸν Εὐξεινὸν Πόντον οἰκούντων καὶ Θρακῶν καὶ Σκυθῶν (*Dio. Chrys. 47. 4*).
- ⁶⁸ Schol. Theocr. XIII. 56 – FHG. II. fr. 5; Callim., fr. 692 – Ἐχρήτο δὲ Ἡρακλῆς τοῖς Σκυθικοῖς τόξοις, διαδαχθεὶς παρὰ τίνος Σκύθου Τευτάρου, ὡς ἱστορεῖ Ἡρόδοτος καὶ Καλλίμαχος).
- ⁶⁹ Lycophronis Chalcid. Cassan. Schol. ad v. 50–51.
- ⁷⁰ Lycophronis Chalcid. Alexand. Schol. ad v. 56.
- ⁷¹ *Lacroix L.* Héraclès, héros voyageur et civilisateur // Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques de l'Académie royale de Belgique. Serie 5. 1974. 60. P. 34–60; *Verbanck-Pierard A.* Le double culte d'Héraklès: légende ou réalité? // Entre hommes et dieux: Le convive, le héros, le prophète / Ed. par A.-F. Laurens. P., 1989. P. 43–65.
- ⁷² О взаимоотношениях между Теосом, Абдерой и Фанагорией см.: *Кузнецов В.Д.* Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 227–236.
- ⁷³ Ср.: *Шауб И.Ю.* Культ Геракла на Боспоре: (особенности и хронология) // БФ. 2004. Ч. 1. С. 103–106.
- ⁷⁴ КБН 973.
- ⁷⁵ КБН 1036.
- ⁷⁶ КБН 16.
- ⁷⁷ Об этом свидетельствуют следующие надписи: КБН 53 (Пантикапей), 980 (Фанагория), 1048 (Гермонасса). Необходимо указать, что к Гераклу возводили свой род и некоторые другие династии. См.: *Chuvin P.* La mythologie... P. 169.
- ⁷⁸ *Харко А.П.* Фрагмент... С. 90.
- ⁷⁹ *Зеест И.Б.* Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла // Культура античного мира. М., 1966. С. 77–78; *Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 203, рис. 161; *Коровина А.К.* Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. Табл. 2, 1.

- ⁸⁰ См.: Грач Н.Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // Терракотовые статуэтки: Подонье и Таманский полуостров. М., 1974. С. 39, № 23–24. (САИ; Вып. Г1-1). Передольская А.А. К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре // ТГЭ. 1958. Т. II. С. 55–61; Она же. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметры // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 78–79; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 28.
- ⁸¹ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 91; Она же. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки... С. 28. № 79–80.
- ⁸² Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки... С. 15, № 23; Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // Там же. С. 19, № 7.
- ⁸³ Кругликова И.Т. Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. С. 47–48, № 19, 34 (САИ; Вып. Г1-11); Алексеева Е.М. К изучению короластики Горгиппии // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 20, 24; Она же. Античный город... С. 218–219; Она же. Короластика в Горгиппии // ДБ. Вып. 13. 2009. С. 28–31.
- ⁸⁴ Алексеева Е.М. Античный город... С. 218; Она же. Короластика в Горгиппии // ДБ. Вып. 13. 2009. С. 17–37.
- ⁸⁵ Там же. С. 214, сл.
- ⁸⁶ Там же. С. 216.
- ⁸⁷ См.: Яйленко В.П. Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 1977. С. 221 (здесь же предшествующая литература); Ustinova Yu. The Supreme Gods... P. 35.
- ⁸⁸ Senff R., Heinz M., Pigur M. Die Grabung auf dem Zeitintepere // Istanbul Mitteilungen. 1992. 42; Niemeier B., Niemeier W.D. Milet 1994–1995 // AA. 1997; Senff R., Heinz M. Arbeiten am Zetyintepere // AA. 1998.
- ⁸⁹ Русяева А.С. Религия... С. 296.
- ⁹⁰ Надписи КБН 7, 13, 17 – Пантикапей; 1041, 1043, 1055 – Гермонасса; № 1237 – Танаис; Кепы (Сокольский Н.И. Святынище Афродиты в Кехах. С. 116–117; Белова Н.С. Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970. № 2. С. 65, сл.; Яйленко В.П. Женщины... С. 231, сл.
- ⁹¹ Из своего рассмотрения в данной части работы мы исключаем Афродиту Навархиду (см.: КБН 30 – Пантикапей, 1115 – Горгиппия). Это был специальный культ, покровительствовавший морякам (см.: Velissaropoulos J. Les naulères grecs: Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève; Paris, 1980. P. 88–90). Кроме того, существование этого культа зафиксировано на Боспоре только для относительно позднего времени (начиная со второй половины I в. до н.э.). В силу этих соображений мы будем рассматривать этот культ во второй части работы.
- ⁹² Herod. I. 147. 2. Подробнее см.: Malkin I. Religion... P. 118.
- ⁹³ О связи праздника Апатурий в ионийских городах с аналогичным праздником в Афинах см.: Huxley G.L. The Early Ionians. L., 1966. P. 31.
- ⁹⁴ Parke H.W. Festivals of the Athenians. L., 1986. P. 88–92; Deubner L. Attische Feste. B., 1932. S. 232, f.; Osborne R. Demos: the Discovery of Classical Attika. Camb., 1985. P. 74, 139; Camps-Gaset M. L'année des grecs: La faite et le mythe. P., 1994. P. 131–138.
- ⁹⁵ Schol. in Arist Acharn. 146.
- ⁹⁶ Suda, s.v. 'Απατούρια (Ed. G. Bernhardt. T. I. P. 534).
- ⁹⁷ Об этом см.: Vidal-Naquet P. Le chasseur noir: Formes de pensée et formes de société dans le monde grec. P., 1981. P. 158.
- ⁹⁸ Возможно, что они приобрели вновь определенное политическое значение после принятия известного закона Перикла о гражданстве, как одна из важных форм организации гражданства, препятствующая проникновению в гражданский коллектив чужаков. См.: Andrews A. Philochoros on Phratries // JHS. 1961. 81. P. 1–15; Vidal-Naquet P. Le chasseur... P. 146.
- ⁹⁹ Эта трапеза происходила в определенном месте, считавшемся священным для данной фратрии (там находился ее алтарь), хотя члены ее могли жить в самых различных частях Аттики.
- ¹⁰⁰ Van Gennep A. Les rites des passage. P., 1909 (reimpr. 1969).
- ¹⁰¹ Иногда сравнивают этот момент праздника с крещением ребенка у христиан.
- ¹⁰² Таким образом, в Афинах сохранялся двойной принцип фиксации гражданства: по родственному и по политико-административному принципу. См.: Pélékidis Ch. Histoire de l'éphébie attique, des origines à 31 avant Jésus-Christ. P., 1962. P. 51–60.
- ¹⁰³ Во всяком случае, такие правила известны для фратрии Демотионидов. Определенные части жертвы отдавались жрецу, оставшаяся же часть жертвы потреблялась отцом ребенка, его родственниками и друзьями. Известно также, что в некоторых фратриях требовались специальные жертвоприношения со стороны тех ее членов, которые вступили в брак с момента прошлых Апатурий.
- ¹⁰⁴ Тем самым мальчик становился «кандидатом» в полноправные граждане: после двух лет обязательной для эфеба службы на охране государственной границы Афин в качестве легковооруженного воина он становился полностью полноправным и получал гоппитское вооружение, как знак своего нового статуса.
- ¹⁰⁵ Jourdan-Annequin C. Héraclès aux portes du soir: Mythe et histoire. P., 1989. P. 371.
- ¹⁰⁶ Это был обычный для древней Греции обряд, символизирующий выход из детства. Он засвидетельствован, помимо Афин, в Спарте (Plut. Lycurg. 16. 11), на Делосе (Herod. IV. 33) и в целом ряде других полисов (Jourdan-Annequin C. Héraclès... P. 371). Кроме того, общим для Греции был обычай жертвовать девушками накануне свадьбы локон своих волос божеству (Calame C. Mythe et histoire dans l'Antiquité grecque... P. 198, Note 51). Тесную связь двух обрядов подчеркивает Гесихий (Jourdan-Annequin C. Héraclès... P. 371).
- ¹⁰⁷ Полный список источников см.: Fernandez Nieto F.J. Acuerdos belicos en la Antigua Grecia: (epoca arcaica y clasica). Saint-Jacques-de-Compostelle, 1975. Т. II. P. 15–20, а также Vidal-Naquet P. Le chasseur... P. 156, Not. 19.
- ¹⁰⁸ Vidal-Naquet P. Le chasseur... P. 156–157.
- ¹⁰⁹ Robert L. Inscriptions de Lesbos // REA. 1960. 62. P. 304–305.
- ¹¹⁰ Schol. in Arist Acharn. 146.
- ¹¹¹ Данную точку зрения поддерживают И. Тепфер, У. Вилламовиц-Меллендорф, Ф. Якоби. Подробнее об

- историографии вопроса см.: *Vidal-Naquet P. Le chasseur...* P. 158–159.
- ¹¹² *Brelich A. Guerre, Agoni e Culti nella Grecia arcaica.* Bonn, 1961.
- ¹¹³ См., например: *Plut. Quest. graec.* 294 B–C.
- ¹¹⁴ *Brelich A. Guerre...* P. 56–59.
- ¹¹⁵ *Vidal-Naquet P. Le chasseur...* P. 151–174.
- ¹¹⁶ См. также: *Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique.* P., 1968. P. 189; *Jourdan-Annequin C. Héraclès...* P. 371.
- ¹¹⁷ Надпись КБН 1045 – Гермонасса.
- ¹¹⁸ Надписи КБН 31, 35, 75 – Пантикапей, 971 – Фанагория, 1111 – надпись, найденная в районе Цукурского лимана.
- ¹¹⁹ Надпись КБН 972 – Фанагория.
- ¹²⁰ Храмы Афродиты Урании известны в нескольких греческих полисах, например, в Афинах Сикионе и в Олимпии (*Paus.* II. 13. 8; V. 20. 3). В Афинах имелся и храм Афродиты Пандемос. Иногда в одном и том же храме осуществлялся культ в честь различных ипостасей богини (см. ниже). Подробнее см.: *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 35–36.
- ¹²¹ *Plat. Conv.* 189 d.
- ¹²² Эта версия имеет своим источником Гесиода (*Theog.* 178–200).
- ¹²³ Эта версия восходит к Гомеру, которого повторяют более поздние мифографы, в частности Аполлодор (*Apollod.* I. 3) и Диодор (*Diod.* V. 72).
- ¹²⁴ *Plat. Conv.* 189 d. Впрочем С.К. Апт, переводом которого мы пользуемся (*Платон. Сочинения в трех томах.* М., 1970. Т. 2), термин «пандемос» переводит как «пошлый», явно усиливая негативную оценку этого божества.
- ¹²⁵ *Paus.* I. 19. 2.
- ¹²⁶ Можно указать на такие эпитеты богини: Доритида («дающая плодородие»), Акрея («владычице горных вершин»), Черная и т.д.
- ¹²⁷ *Рабинович Е.Г. Афродита Урания и Афродита Пандемос // Античность и Византия.* М., 1975. С. 29, сл.
- ¹²⁸ *Sourvinou-Inwood C. «Reading» Greek Culture...; Rosenzweig R. Worshipping Aphrodite: Art and Cult in Classical Athens // Ann Arbor,* 2003.
- ¹²⁹ Похожая ситуация была и в Мегалополе, где, согласно описанию Павсания, имелись руины храма Афродиты. В них сохранилось три статуи: Афродиты Урании, Афродиты Пандемос, «а третьей не дано никакого названия» (*Paus.* VIII. 32. 2).
- ¹³⁰ *Paus.* IX. 16. 2.
- ¹³¹ См.: *Schachter A. Policy, Cult and the Placing of the Greek Sanctuaries // Les sanctuaires Grecs.* Geneva, 1992. P. 40; *Tsetskhladze G.R., Kuznetsov V.D. On the Cult of Aphrodite in Kepoi // Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman / Ed. G.R. Tsetskhladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass.* L., 2000. P. 357.
- ¹³² *Schachter A. Policy...* P. 41.
- ¹³³ *Paus.* I. 14. 7.
- ¹³⁴ *Paus.* I. 22. 3.
- ¹³⁵ См. также: *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 39.
- ¹³⁶ В Пирее (*Paus.* I. 1. 3), Кенхреях, одном из портов Коринфа (II. 2, 3), а также и в гавани Эгины (II. 29, 6), в Кайнеполисе (Лаконика) (III. 25, 6), в Патрах (VII. 21, 4), в Эгиях (VII. 24, 1).
- ¹³⁷ Например, в Аргосе (*Paus.* II. 37. 2).
- ¹³⁸ В Гермione Афродита почиталась как Понтия («Морская глубина») и Лимнея («Покровительница гаваней») (*Paus.* II. 34. 12), на острове Книд ей была присвоена эпikleза «добрая помощница в плавании» (I. 1. 3).
- ¹³⁹ В Коринфе в храме Посейдона имелось изображение Таласса (Моря), который держит на руках юную Афродиту (*Paus.* II. 1. 8).
- ¹⁴⁰ *Paus.* I. 1. 5.
- ¹⁴¹ Такая статуя, в частности, находилась в Акрокоринфе (*Paus.* II. 4. 7) и Спарте (III. 15. 10).
- ¹⁴² *Paus.* III. 23. 1.
- ¹⁴³ *Paus.* III. 17. 6. В этом храме находилась деревянная статуя богини, которая считалась древнейшей в Элладе.
- ¹⁴⁴ *Paus.* VI. 25. 2.
- ¹⁴⁵ *Paus.* I. 19. 2.
- ¹⁴⁶ *Paus.* IX. 40. 2.
- ¹⁴⁷ См.: *LIMC.* II. 1. S. 27 sq., № 307–323, 372–375, 599–666.
- ¹⁴⁸ См.: *LIMC.* II. 1, № 905 sq.
- ¹⁴⁹ См. также: *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 44–46.
- ¹⁵⁰ КБН 971–972.
- ¹⁵¹ *Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ.* 2006. № 1. С. 155–161.
- ¹⁵² *Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства.* С. 205–206.
- ¹⁵³ *Фармаковский Б.В. Триполихромные вазы.* Пг., 1921; *Передольская А.А.* Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1937; *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории.* С. 24, № 32; *Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства.* С. 78–79; *LIMC.* II. 1. № 1083.
- ¹⁵⁴ *LIMC.* II. 1. № 1011–1017.
- ¹⁵⁵ О появлении Афродиты из морской раковины упоминают многие античные авторы. См.: *LIMC.* II. 1. S. 101.
- ¹⁵⁶ *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории.* С. 26, № 59.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 21. Сюжет Афродита с дельфином был достаточно распространенным. См.: *LIMC.* II. 1. № 977–986.
- ¹⁵⁸ *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории.* С. 26, № 53.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 26, № 54.
- ¹⁶⁰ *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки с городища в совхозе «Залив» Близница // Терракотовые статуэтки...* С. 30–31, № 2.
- ¹⁶¹ *Марченко И.Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // Там же.* С. 33–34, № 7–8, 10. При этом абсолютно одинаковые статуэтки представлены в большом числе экземпляров. См. также: *Она же. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира.* М., 1977. С. 121–126.
- ¹⁶² *Марченко И.Д. Терракоты из святилища...* С. 35, № 33.
- ¹⁶³ См.: *Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechtheion.* Oxf., 1995; *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона.* М., 2000. С. 155–175.
- ¹⁶⁴ *Соколовский Н.И. Святилище...* С. 101–103.
- ¹⁶⁵ *Соколовский Н.И. Культ Афродиты...* С. 88–90. См. также: *Ehrhard N. Milet und seine Kolonien.* Frankfurt; Bern; New York, 1983. S. 164–165.
- ¹⁶⁶ *Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА.* 1991. № 4. С. 36–52.
- ¹⁶⁷ *Соколовский Н.И. Святилище...* С. 117; *Белова Н.С. Посвятительная надпись...* С. 65–67.
- ¹⁶⁸ *Соколовский Н.И. Культ...* С. 92.
- ¹⁶⁹ *Соколовский Н.И. Святилище...* С. 110–115. Сомнения Г.И. Соколова в том, что статуя изображает именно Афродиту, ни на чем не основаны. Аргумент о необычности позы разбивается прямой аналогией. См.: *LIMC.* II. № 646.

- ¹⁷⁰ *Tsetskhladze G.R., Kuznetsov V.D.* On the Cult... P. 353–360.
- ¹⁷¹ *Сокольский Н.И.* Святилище... С. 107.
- ¹⁷² *Сорокина Н.П.* Новый памятник античного искусства // Античная история и культура Средиземноморья и Северного Причерноморья. Л., 1968. С. 278–283.
- ¹⁷³ *Николаева Э.Я.* Терракоты... С. 14, № 8.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 15, № 28.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 15–16, № 33; С. 16, № 36; С. 16, № 42.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 16, № 44.
- ¹⁷⁷ *Сокольский Н.И.* Святилище... С. 116–117.
- ¹⁷⁸ *Plin. NH. XXXVI. 16.* Об этом святилище см. также: *Paus. I. 19. 2.*
- ¹⁷⁹ См. также: *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 38–39.
- ¹⁸⁰ КБН 1041.
- ¹⁸¹ *Финогенова С.И., Тохтасьев С.Р.* Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Nyrboreus. 2003. Vol. 9, Fasc. 1.* P. 86–87; *Финогенова С.И.* Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. Вып. 8. 2005. С. 428–429.
- ¹⁸² КБН 1043.
- ¹⁸³ *Коровина А.К.* Гермонасса... С. 13.
- ¹⁸⁴ КБН 1045.
- ¹⁸⁵ КБН 1055.
- ¹⁸⁶ *Коровина А.К.* Гермонасса... С. 14.
- ¹⁸⁷ Там же, табл. 24, 10.
- ¹⁸⁸ *Алексеева Е.М.* Античный город... С. 219.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 223, рис. 66.
- ¹⁹⁰ КБН 75.
- ¹⁹¹ КБН. Альбом. № 75.
- ¹⁹² Об этом сюжете см.: *Вальдгауэр О.Ф.* Афродита Урании и Афродита Пандемос // ИРАИМК. 1922. Т. 2. Анализ выводов О.Ф. Вальдгауэра см.: *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 38–39.
- ¹⁹³ *Алексеева Е.М.* Античный город... С. 220.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 221.
- ¹⁹⁵ *Крушкол Ю.С.* Терракоты из античного сооружения близ Горгишпи (хутор Рассвет) // Терракотовые статуэтки... Табл. 58, 1–2; *Крушликова И.Т.* Терракоты из Горгишпи, табл. 54, 5; 56, 6; 57, 1–2; *Она же.* Боспор III–IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 7, рис. 2;
- Алексеева Е.М.* Античный город... С. 221–222.
- ¹⁹⁶ *Коровина А.К.* Терракоты Тирамбы // Терракотовые статуэтки... С. 12. № 2, 8, табл. 5, 2; 6, 5 — изображения Афродиты Анадиомены с Приапом.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 12, № 5; табл. 6, 3.
- ¹⁹⁸ *Voyage de S-r A. De la Motraye en Europe, Asie et Afrique. A la Haye, 1727. Vol. 2. Pl. IV, 11–12 (non vidi).*
- ¹⁹⁹ См.: *Толстой И.И.* АПАТОРО на памятнике Де ла Мотрэ // ЖМНП. 1909. Май. С. 216–221; КБН 1234; *Яйленко В.П.* Женщины... С. 238; *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 32; *Русяева А.С.* Религия... С. 303–304.
- ²⁰⁰ См. подробнее: КБН 1234.
- ²⁰¹ *Ustinova Yu. The Supreme Gods...* P. 32; *Русяева А.С.* Религия... С. 303.
- ²⁰² *Николаенко Т.Д.* Женская мраморная головка с Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2. С. 99–110.
- ²⁰³ КБН 1111.
- ²⁰⁴ *Ps.-Apoll. Bibl. I. VI. 1.*
- ²⁰⁵ Не могу не отметить, что, с моей точки зрения, абсолютно неправомерно пользоваться таким безличным термином, как «восточная богиня». На Востоке, как и в Элладе, было множество богинь, но у разных народов они были различными, занимали далеко не одинаковое место в пантеоне, обладали различными функциями и атрибутами.
- ²⁰⁶ В сущности, единственным аргументом в пользу того мнения, что в боспорском культе Афродиты Урании присутствуют скифские черты, является отождествление скифской богини Аргимпасы греческой Афродите Урании (*Herod. IV. 59*). О слабости данного аргумента см.: *Рабинович Е.Г.* Афродита Урании... С. 27.
- ²⁰⁷ *Яйленко В.П.* Женщины... С. 237, сл.
- ²⁰⁸ *Русяева А.С.* Религия... С. 204, сл.
- ²⁰⁹ *Plat. Euthyd. 302 d.*
- ²¹⁰ *Русяева А.С.* Религия... С. 209, сл. (здесь же и вся предшествующая литература).
- ²¹¹ Там же.
- ²¹² Там же. С. 222, сл.
- ²¹³ *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989; *Русяева А.С.* Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия: Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2; *Русяева А.С.* Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1992.
- ²¹⁴ См.: *Сударев Н.И.* Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 213–221.
- ²¹⁵ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 162–164; *Шелов Д.Б.* К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 48; *Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. М., 1984. С. 146; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 25; *Зубар В.М.* Виниكنення военного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Кіммерійського // Український історический журнал. 1997. № 5. С. 46–49; *Сударев Н.И.* Культ Аполлона... С. 214; *Русяева А.С.* Религия... С. 240, сл.
- ²¹⁶ *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея (по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг.) // МИА. 1957. № 56. С. 29; *Пичикян И.Р.* Малая Азия... С. 170; *Толстиков В.П.* Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. 2000. Вып. 3; *Сударев Н.И.* Культ Аполлона... С. 214. В поддержку этого тезиса говорит и то обстоятельство, что в этом же месте было найдено одно из посвящений этому божеству.
- ²¹⁷ *Виноградов Ю.Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 17; *Зубар В.М.* Виниكنення... С. 46; *Фролова Н.А.* Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э.: (по поводу выхода книги В.А. Анохина «Монетное дело Боспора»). Киев, 1986) // ВДИ. 1988. № 3. С. 124–132; *Она же.* О проблеме чеканки монет с легендой APOΛ // БС. 1995. Вып. 5. С. 205–212.
- ²¹⁸ КБН 6, 10, 25; *Марти Ю.Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. 1934. Т. 104. С. 57–58.
- ²¹⁹ *Шкорпил В.В.* Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат // ИАК. 1902. Вып. 3, № 1, 3, 4, 8;

- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., 1953. № 169, 174, 182; Яйленко В.П. Несколько пантикапейских граффити из собрания Одесского археологического музея // Проблемы античной истории и классической археологии: Тез. докл. М., 1980. № 2.
- ²²⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 162–164; Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники... С. 146–147.
- ²²¹ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова // ВДИ. 1939. № 3. № 38.
- ²²² Русяева А.С. Боспорская царица Камасария // БИ. 2002. Вып. II. С. 116–117; Она же. Религия... С. 217.
- ²²³ Об этом см.: Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблема истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987, № 1. С. 61–64; Русяева А.С. Боспорская царица... С. 110–118; Она же. Религия... С. 217.
- ²²⁴ См.: Сударев Н.И. Культ Аполлона... С. 216.
- ²²⁵ КБН 974.
- ²²⁶ КБН 985.
- ²²⁷ КБН 975.
- ²²⁸ Не представляется удачным объяснение, предложенное А.С. Русяевой (Религия... С. 233) относительно этой эпиклезы. Она полагает, что Аполлон был сакральным «кτισом» города. Однако Фанагория не была милетской колонией. У нее, как мы видели выше, были другие основатели.
- ²²⁹ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 20, табл. 16, 9.
- ²³⁰ Грач Н.Л. Терракотовые статуэтки... С. 39, табл. 45, 6.
- ²³¹ КБН 1037.
- ²³² Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники... С. 57.
- ²³³ См.: КБН 9, 26, 1038, 1043, 1056; см. также: Яйленко В.П. Женщины... С. 300.
- ²³⁴ КБН 1038.
- ²³⁵ КБН 1039.
- ²³⁶ См.: Русяева А.С. Религия... С. 233.
- ²³⁷ КБН № 1044.
- ²³⁸ Коровина А.К. Гермонасса... С. 115, табл. 21, 10.
- ²³⁹ Емец И.А., Петерс Б.Г. Эпиграфические материалы из Патрея // ДБ. 1992. Вып. 3. № 3–6, 31; Сударев Н.И. Культ Аполлона... С. 216.
- ²⁴⁰ Алексеева Е.М. Античный город... С. 237.
- ²⁴¹ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 47; Сударев Н.И. Культ Аполлона... С. 217.
- ²⁴² Алексеева Е.М. Античный город... С. 237.
- ²⁴³ Там же. С. 236, рис. 70.
- ²⁴⁴ Сударев Н.И. Культ Аполлона... С. 216–217.
- ²⁴⁵ По свидетельству Гесиода (*Hes. Theog.* 453).
- ²⁴⁶ *Hes. Theog.* 912–914.
- ²⁴⁷ Согласно Гесиоду (*Hes. Theog.* 969–974), на трижды вспаханном поле на острове Крит Деметра сочеталась священным браком с критским богом земледелия Иасионом, и плодом этого брака стал Плутос — бог изобилия и богатства.
- ²⁴⁸ КБН 8, 14, 18.
- ²⁴⁹ КБН 130.
- ²⁵⁰ Подробнее см.: *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 34–35 (здесь же вся предшествующая литература).
- ²⁵¹ Подробнее см.: *Ibid.* P. 34–35 (здесь же литература).
- ²⁵² См.: Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. Горький, 1983.
- ²⁵³ *Ehrhard N. Milet...* S. 166–167; Русяева А.С. Религия... С. 329, сл. Согласно свидетельству Геродота (*Herod. IX. 97*), святилище Деметры было основано на территории Милета одновременно с основанием полиса.
- ²⁵⁴ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 20, 22, № 1–12, 15–20.
- ²⁵⁵ Там же. С. 24, № 25.
- ²⁵⁶ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. С. 35–36.
- ²⁵⁷ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 25, № 39–40, 47.
- ²⁵⁸ Марченко И.Д. К вопросу о культах Азиатского Боспора // ВДИ. 1960, № 2. С. 101–107; Она же. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1962. С. 121–133; Она же. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 86–90; Она же. Терракоты из святилища... С. 31–39.
- ²⁵⁹ Марченко И.Д. Терракоты из святилища... С. 35, № 28, 30.
- ²⁶⁰ Там же. С. 35, № 33.
- ²⁶¹ Коровина А.К. Гермонасса... С. 115, табл. 21, 1–9; Она же. Терракотовые статуэтки из Гермонассы // Терракотовые статуэтки... С. 39–40, табл. 46, 1–3.
- ²⁶² Коровина А.К. Гермонасса... С. 115, табл. 23, 3.
- ²⁶³ Финогенова С.И. Очерк истории... С. 431.
- ²⁶⁴ Николаева Э.Я. Терракоты... С. 13, № 1–3.
- ²⁶⁵ Там же. С. 14, № 12.
- ²⁶⁶ Там же. С. 15, № 31.
- ²⁶⁷ Там же. С. 15, № 32.
- ²⁶⁸ Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп. С. 16–20.
- ²⁶⁹ Алексеева Е.М. Античный город... С. 227.
- ²⁷⁰ Там же. С. 229–230.
- ²⁷¹ Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962, № 2. С. 218; Алексеева Е.М. Античный город... С. 230.
- ²⁷² Алексеева Е.М. Античный город... С. 229.
- ²⁷³ Цветасва Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968, № 1; Алексеева Е.М. Античный город... С. 228.
- ²⁷⁴ Завойкин А.А. $\Theta\Omega$ $\Theta\epsilon\Omega$: образы и символы Матери и Дочери в святилище элевсинских богинь на «Береговом 4» // БФ. 2002. Ч. 1. 259–266; Он же. $\theta\theta\epsilon$: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 104–119; Он же. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 93–99; Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища элевсинских богинь «Берегового 4» // БФ. 2004. Ч. 1. С. 191–199; Болдырев С.И., Завойкин А.А., Сударев Н.И. Монеты с Берегового 4: проблемы хронологии и интерпретации // БФ. 2004. Ч. 2. С. 189–194; Завойкин А.А.,

- Сударев Н.И. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг.: (Предварительная информация) // Патрей: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 2. С. 61–75; Завойкин А.А. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 152–176; Завойкин А.А. Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне» // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 563–567; Завойкин А.А. Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. 2006, № 3. С. 61–76; Завойкин А.А. Два сюжета в комплексе терракот из святилища элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. С. 158–168; Завойкин А.А. Афродита на святилище Деметры и Коры // БФ. 2007. Ч. 1. С. 179–185.
- ²⁷⁵ Об элевсинском культе и мистериях см.: *Noak F. Eleusis*. В.; Lpz., 1927. Bd. I–II; *Kourouniotis K. Eleusis: A Guide of the Excavations and the Museum*. Athens, 1936; *Mylonas G. Eleusis and the Eleusinian Mysteries*. Princeton, 1961; *Martin R., Metzger H. La religion grecque*. P., 1976. P. 145–166; *Нильсен М. Греческая народная религия*. СПб., 1998. С. 58–88; *Кереньи К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери*. М., 2000.
- ²⁷⁶ См.: *Скржинская М.В. Посвящение боспорян в Элевсинские таинства* // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 173–185.
- ²⁷⁷ В силу этого мы не можем согласиться с мнением А.С. Русяевой (Религия... С. 330), высказавшей предположение о распространении данного культа только в связи с ростом контактов Боспора с Афинами.
- ²⁷⁸ См.: *Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России: Атлас*. СПб., 1913. Табл. V–XI; Текст. СПб., 1914. Т. I: Описание и исследование памятников. С. 10–29; Он же. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 373, сл.
- ²⁷⁹ Ю. Устинова (*Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 56) утверждает (вслед за рядом исследователей), что это была синдская семья, для чего нет оснований.
- ²⁸⁰ *Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись...* Текст. С. 15, сл.; Атлас, табл. VII, 24; VIII. Иногда, правда, утверждается, что здесь представлена Кора. Литературу см. в кн.: *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 57.
- ²⁸¹ *Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись...* Текст. С. 12, сл.; Атлас, табл. IX, 1–2.
- ²⁸² *Пругло В.И. К вопросу о дате кургана Большая Близнаца* // СА. 1974, № 3. С. 64–77.
- ²⁸³ См.: *Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близнаца...* С. 83, сл. В этой работе была доказана невозможность той точки зрения, согласно которой погребение принадлежало жрице Афродиты Апатуры (*Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство*. С. 214; *Розанова Н.П. К вопросу о происхождении Апатура* // ВДИ. 1951, № 2. С. 212).
- ²⁸⁴ *Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman* // *Studie Clasice*. Bucureşti, 1966. VIII. P. 75, sq. Эта точка зрения была поддержана некоторыми исследователями. См.: *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 58.
- ²⁸⁵ *Грач Н.А. Терракотовые статуэтки...* С. 36.
- ²⁸⁶ О культе Диониса см.: *Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни*. М., 2007; *Jeanmaire H. Dionysos: Histoire du culte de Bacchus*. P., 1978; *Martin R., Metzger H. La religion...* P. 110–144. У этих авторов, однако, различные представления об истоках культа Диониса: для первого из них Дионис с самого начала является олицетворением именно винограда, для вторых первичным является представление о Дионисе как воплощении дерева вообще, а примат винограда – явление вторичное. См.: *Isler-Kerényi C. Dionysos in Archaic Greece: An Understanding Through Images*. Leiden; Boston, 2007.
- ²⁸⁷ См.: *Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология* // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 295–362.
- ²⁸⁸ КБН 15 (с уникальной эпиклезой – Арей), 24. Кроме того, особого внимания заслуживает посвящение Дионису пропилона времени Левкона I, найденное недавно в Нимфее, а также соображения относительно дворцового храма Спартокидов на акрополе Пантикапея (см.: *Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея* // *Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову*. М., 1999) и некоторые другие находки.
- ²⁸⁹ *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории...* С. 26, № 51, табл. 24, 5. Правда, автор не полностью уверена в точности идентификации.
- ²⁹⁰ Там же. С. 26, № 50, табл. 24, 3; *Соколов Г.И. Искусство...* С. 314, рис. 223.
- ²⁹¹ *Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности: (фигурные сосуды из собрания ГИМ)*. М., 1997. С. 78, № 14.
- ²⁹² *Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгииппии* // *Горгиппия*. Краснодар, 1980. Ч. I; *Алексеева Е.М. Античный город...* С. 237.
- ²⁹³ *Крузлик И.Т. Терракоты из Горгииппии*. С. 47, № 20, табл. 53, 4.
- ²⁹⁴ *Винокуров Н.И. Античный социум: культ вина и винограда* // БИ. 2002. Вып. II. С. 70 (здесь же и предшествующая литература).
- ²⁹⁵ *Strab.* VII. 3. 18.
- ²⁹⁶ *Strab.* II. 1. 16.
- ²⁹⁷ *Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре* // *Боспорские города*. М.; Л., 1958. Т. II: Работы Боспорской экспедиции 1948–1953 гг. С. 364.
- ²⁹⁸ *Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. М., 1953. С. 86–87.
- ²⁹⁹ О культе Артемиды см.: *Kahil L. Artemis* // LIMC. 1984. II. P. 618–753.
- ³⁰⁰ См.: *Plin. NH*. VI. 36–37; *Paus.* III. 31. 6; *Fleischer R. Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien* // *Studien Religion und Kultur Kleinasiens*. 1978. I; *Русяева А.С. Религия...* С. 286.
- ³⁰¹ См.: *Розанова Н.В. Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г.* // ВДИ. 1960, № 3; *Трейстер М.Ю. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея* // КСИА. 1990. Вып. 197; *Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора* //

- Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992; *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 60; *Русяева А.С. Религия...* С. 286.
- ³⁰² КБН 6а, 11.
- ³⁰³ Подробнее см.: *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 61 (с литературой).
- ³⁰⁴ КБН 1114; *Алексеева Е.М. Античный город...* С. 231–232.
- ³⁰⁵ Там же. С. 232.
- ³⁰⁶ КБН 1040.
- ³⁰⁷ Однако это восстановление не может считаться бесспорным.
- ³⁰⁸ *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 60.
- ³⁰⁹ *Ehrhardt N. Milet...* S. 148.
- ³¹⁰ КБН 1014.
- ³¹¹ *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 62.
- ³¹² О культе Кибелы см.: *Vermaseren M.J. Cybele and Attis: The Myth and Cult.* L., 1977.
- ³¹³ Подробнее см.: *Ustinova Ju. The Supreme Gods...* P. 63.
- ³¹⁴ *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории.* С. 26, № 55, табл. 24, 9.
- ³¹⁵ Там же. С. 28, № 86, табл. 31, 6.
- ³¹⁶ *Алексеева Е.М. Античный город...* С. 231. Е.М. Алексеева определяет еще несколько терракотовых статуэток в качестве изображений Кибелы, однако эти определения вызывают сомнения, так как единственным аргументом в пользу подобной идентификации является наличие больших животов у данных изображений.
- ³¹⁷ *Крушккол Ю.С. Терракоты из античного сооружения...* С. 50, № 2.
- ³¹⁸ КБН 142.
- ³¹⁹ КБН 1137.
- ³²⁰ *Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог* // СА. 1961, № 1; *Алексеева Е.М. Античный город...* С. 224, сл.
- ³²¹ В этой связи необходимо указать на то обстоятельство, что в списке большую долю составляют имена дорийского происхождения, немного — фракийского и македонского [см.: *Латышев В.В. ПОНТИКА.* М., 1909. С. 244, сл.; *Кубланов М.М. О местной историографии на Боспоре: (Горгиппийский каталог победителей)* // ВДИ. 1954, № 4. С. 143–146; *Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II: Фракийские имена на Боспоре* // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 182, примеч. 16–17; *Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов* // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 97–98.
- ³²² *Алексеева Е.М. Античный город...* С. 224–225.
- ³²³ КБН 1015. О ней см.: *Русяева А.С. Боспорская царица Камасария.* С. 109–124.
- ³²⁴ *Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора.* М., 2007.
- ³²⁵ *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве* // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 398–440.
- ³²⁶ *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории.* С. 26, № 51, табл. 24, 5; *Kobylyina M.M. Divinités orientales sur le littoral Nord de la Mer Noire.* Leiden, 1976. P. 29, № 36.
- ³²⁷ *Кругликова И.Т. Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии* // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 93; *Kobylyina M.M. Divinités...* P. 46, № 10; *Алексеева Е.М. Античный город...* С. 232.
- ³²⁸ *Николаева Э.Я. Терракоты...* С. 14, № 10, табл. 7, 104. *Kobylyina M.M. Divinités...* P. 47, № 14.
- ³²⁹ *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги...* С. 424. Имеется в виду статуэтка из Кеп. См.: *Сокольский Н.И. Раскопки в Кехах в 1962 г.* // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 110, табл. 39, 5; *Николаева Э.Я. Терракоты...* С. 16, табл. 11, 2. Вызывает сомнения только «многозначность» этого образа, который А.А. Масленников и С.Ю. Сапрыкин определяют как соединение воедино Эрота-Диониса-Аттиса-Мена.
- ³³⁰ *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги...* С. 429. Имеются в виду статуэтки из Фанагории. См.: *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории.* С. 26, № 86, табл. 31, 6. М.М. Кобылина определяет эту статуэтку как изображение Аттиса, что, возможно, более правильно.
- ³³¹ *Кошеленко Г.А., Масленников А.А. Еще раз о культе Митры-Аттиса на Боспоре* // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 184–190.
- ³³² КБН 74.
- ³³³ Эта практика в I в. до н.э. существовала и в других государствах. Самый ранний пример использования этого термина в официальной титулатуре дает Ариобарзан I Капподокийский. См.: *Sullivan R.D. The Dynasty of Cappadocia* // ANRW. 1980. II. 7.2. P. 1127–1136. Этот термин равнозначен латинскому термину *amicus populi Romani*.
- ³³⁴ КБН 30.
- ³³⁵ КБН 28, 29.
- ³³⁶ Отметим, что в манумиссии, относящейся ко времени того же царя, его титулатура выражена в самой краткой форме: «в царствование царя Аспурга», но и термин «любящий римлян» присутствует. См.: КБН 985.
- ³³⁷ КБН 979.
- ³³⁸ КБН 40.
- ³³⁹ Документы из Фанагории, в которых употреблен термин «народ агриппейцев», см.: КБН 979, 982, 983. Подробнее о проблеме см.: *Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа* // Древности. М., 1916. Т. XXV. С. 14, сл.; *Блаватский В.Д. О культе римских императоров на Боспоре* // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 192. Известны и другие примеры переименования городов, получивших новые имена в честь членов семьи Августа. См.: *Braund D. Rome and the Friendly King: The Character of Client Kingship.* London; Canberra, 1984. P. 108.
- ³⁴⁰ *Suet. Aug. 60.* Хорошо известно, что такие города были основаны Иродом, Ариаратом I Каппадокийским, Юбой, сыном Ирода, тетрархом Филиппом. Также вполне вероятно, что аналогичные основания производились Дейотаром Филадельфом в Пафлагонии и Филопатором в Киликии. Подробнее см.: *Braund D. Rome...* P. 107–108.
- ³⁴¹ КБН 1046.
- ³⁴² КБН 38.
- ³⁴³ Царица не забывала и членов семьи Августа. Так она поставила (видимо, в одном из храмов Фанагории) статую Ливии, супруги императора. См.: КБН 978.
- ³⁴⁴ Подробнее см.: *Braund D. Rome...* P. 41–42, 47–48.
- ³⁴⁵ Список документов, в которых употребляется данная формула, см.: *Блаватский В.Д. О культе...* С. 192.
- ³⁴⁶ См.: КБН 1050. В.Д. Блаватский, правда, как и ряд других исследовате-

- лей, предполагал, что она происходит из Фанагории. (О культе... С. 193).
- ³⁴⁷ Там же. С. 194.
- ³⁴⁸ Strab. VII. 4. 4.
- ³⁴⁹ КБН 979. О культе Митридата-Диониса см.: Неверов О.Я. Митридат-Дионис // СГЭ. 1973. Вып. 37. С. 41–46.
- ³⁵⁰ КБН 36. О значении термина «аристопилиты» см.: Яйленко В.П. Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 1977. С. 216–219.
- ³⁵¹ КБН 1048, 1049.
- ³⁵² Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006, № 1. С. 161–170; Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Археологические исследования последних лет в Фанагории // Труды Отделения историко-филологических наук. 2006. М., 2007. С. 240–242.
- ³⁵³ Тот факт, что оба частных документа, в которых царь Савромат провозглашается богом, относятся к одному и тому же периоду, позволяет (хотя и с большой осторожностью) высказать предположение, что они были в какой-то степени иницированы царем. Вполне возможно, что они были своего рода «пробными шарами», рассчитанными на то, чтобы выяснить реакцию римских властей.
- ³⁵⁴ См.: КБН 53 (Пантикапей), 980 (Фанагория), 1048 (Гермонасса).
- ³⁵⁵ Farnell L.R. The Cults of the Greek States. Oxf., 1896. Vol. IV. P. 91, sq.
- ³⁵⁶ Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. С. 177–182.
- ³⁵⁷ Предположение В.И. Пругло о большем художественном уровне первого варианта по сравнению со вторым в дальнейшем не подтвердилось. В составе коллекций обоих типов в равной мере присутствуют и статуэтки хорошего качества, и статуэтки довольно посредственные. Поэтому ее мысль о том, что первый вариант — чисто античный, а второй — сложившийся на почве Боспора в результате слияния античных и автохтонных изобразительных традиций, не может быть принята и по той причине, что местные (синдо-меотские) произведения этого типа не известны.
- ³⁵⁸ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 27, № 75, 76, табл. 29, 2; 29, 3; С. 30, № 111, табл. 35, 3. См. также: Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 59, сл.
- ³⁵⁹ Коровина А.К. Гермонасса... Табл. 22, 7.
- ³⁶⁰ Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 58, 3–4.
- ³⁶¹ Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников... С. 180.
- ³⁶² См.: Ростовцев М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 23, сл.
- ³⁶³ Мы оставляем в стороне вопрос, обсуждаемый В.И. Пругло, об изображении конной статуи на арке городских ворот, представленном на некоторых монетах Рескупорида II. С нашей точки зрения, это отдельная тема, нуждающаяся в специальном рассмотрении. Точно так же в отдельном исследовании нуждаются, как мы сейчас полагаем, и изображения на золотых диадемах, которые обычно считаются принадлежащими Рескупориду III и его супруге. Вывод, к которому мы пришли ранее (Blawatsky W., Koschelenko G. Le culte de Mithra sur la c te septentrionale de la mer Noire. Leiden, 1966. P. 8, sq.), сейчас нам кажется излишне категоричным.
- ³⁶⁴ См.: Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus. A.D. 69–238. Oxf., 1979. P. 16, pl. IV, 7–14.
- ³⁶⁵ Ibid. P. 29, pl. XIV, 2–3.
- ³⁶⁶ Ibid. P. 33, pl. XVI, 25–28.
- ³⁶⁷ Ibid. P. 34, pl. XVIII, 2–5.
- ³⁶⁸ Ibid. P. 48–49, pl. LII, 21–26.
- ³⁶⁹ Правда, имеется одно исключение (Ibid. P. 184–185, pl. XXXIV, 40–41 — монеты Савромата II), которое может вызвать сомнения в правильности этого вывода, но мы его рассмотрим несколько позднее.
- ³⁷⁰ Frolova N.A. The Coinage... P. 184–185, pl. XXXV, 24–27; XXXVI 1–21; XXXVII, 1–8.
- ³⁷¹ Ibid. P. 194–195, pl. XLII, 17–24.
- ³⁷² Ibid. P. 214–215, pl. L, 20–33; LI, 1–35; LII, 1–21.
- ³⁷³ Ibid. P. 166–167, pl. XXVIII, 25–29.
- ³⁷⁴ Ibid. P. 181–182, pl. XXXIV, 36–37.
- ³⁷⁵ Ibid. P. 82, pl. XXXIV, 38–39.
- ³⁷⁶ Ibid. P. 82, pl. XXXIV, 40–41.
- ³⁷⁷ См. также: Крыкин С.М. Новые терракоты... С. 57–59. Попытки опровергнуть это предположение со стороны С.Ю. Сапрыкина (Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги... С. 426–427) не кажется убедительными, поскольку автор привлекает в качестве аргументов материалы из слишком далеких регионов, таких, как Армения и тому подобное.
- ³⁷⁸ КБН 985.
- ³⁷⁹ Издатели КБН 985 (следует В.В. Латышеву) восстанавливали в этом месте поврежденный текст таким образом, что создавалось впечатление, что этот термин прилагался к храму Аполлона. Однако позднее были высказаны серьезные сомнения в точности этого восстановления (Эрлих Р.А. Ольвийская надпись IOSPE I² 176 // Доклады АН СССР. Серия Б. 1928. № 6. С. 125; Надель Б.Н. Боспорские манумиссии и греческое право // Listy Filologické. 1968. 91, № 3. С. 257–259), а затем было полностью доказано, что термин προσευχή мог употребляться только по отношению к иудейским молебням. См.: Левинская И.А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 143–168. Необходимо вместе с тем указать, что сам термин προσευχή в данном тексте не сохранился и восстанавливается по аналогии с другими манумиссиями, в частности КБН 70 (из Пантикапея).
- ³⁸⁰ Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993, № 1. С. 59–72.
- ³⁸¹ Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. СПб., 1876. Т. I.
- ³⁸² Данышин Д.И. Фанагорийская община... С. 65.
- ³⁸³ Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.
- ³⁸⁴ Данышин Д.И. Фанагорийская община... С. 66.
- ³⁸⁵ О раскопках некрополя Фанагории см.: Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1951. С. 189–226; Кобылина М.М. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в

- 1947 г. // Там же. С. 236–240; Она же. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // Там же. С. 241–249. Все погребения представляют труположения в простых ямах, всегда неглубоких, костяки (за редким исключением) ориентированы головой на север, руки вытянуты вдоль тела. См.: *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община... С. 67.
- ³⁸⁶ Подробнее см.: *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община... С. 65.
- ³⁸⁷ Там же. С. 67–68.
- ³⁸⁸ КБН 1123–1128.
- ³⁸⁹ Подробнее см.: *Ustinova Ju.* The Supreme Gods... P. 241 ff.
- ³⁹⁰ Эту мысль в свое время особенно активно развивал Ф. Кюмон. См.: *Cumont F.* Les mystères de Sabazius et le judaïsme // CRAI, 1905. P. 63–79; *Idem.* A propos de Sabazius et du judaïsme // Musée Belge. 1910. 14. P. 55–60.
- ³⁹¹ Подробнее см.: *Левинская И.А.* Деяния апостолов... С. 169–214, особенно с. 199–214; *Mitchell S.* The Cult of Theos Hupsistos between Pagan, Jews and Christian // Pagan Monotheism in Late Antiquity / Ed. P. Athanassiadi, M. Frede. Oxf., 1999. P. 129–147.
- ³⁹² *Люценко А.Е.* Древние еврейские надгробные памятники... С. 575; *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община... С. 68.
- ³⁹³ *Кашаев С.В., Кашовская Н.В.* Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // БФ. 1999. С. 332–337.
- ³⁹⁴ Естественно, что мы не рассматриваем эту проблему в отношении городов Европейского Боспора и особенно Танаиса. Пантикапейские материалы интересны тем, что отсюда происходит надпись, дающая самую позднюю дату для такого рода документов — 306 г. н.э. (КБН 64). Танаис же интересен тем, что в этом городе имеется беспрецедентно большое количество документов, связанных с почитанием Бога высочайшего (см. КБН 1260, 1260а, 1261, 1277–1287, 1288 (?), 1289, 1316).
- ³⁹⁵ Обычными терминами, которыми пользовались члены этих сообществ для обозначений своих объединений, были «синаод» или «фиас».
- ³⁹⁶ Об этом явлении см.: *Свенцицкая И.С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985, № 4. С. 43–61; Она же. Человек и мир в восприятии греков эллинистического и римского времени // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 213–232; *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 215–227.
- ³⁹⁷ См.: *Смирнова (Завойкина) Н.В.* Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2001. Вып. X. С. 252–267.
- ³⁹⁸ См.: *Завойкина Н.В.* Частные сообщества городов Боспорского царства в I — первой половине III в. н.э. (по материалам эпиграфики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 4.
- ³⁹⁹ КБН 987–988; *Яйленко В.П.* Описограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 234–238; *Габелко О.А., Завойкина Н.В., Шавырина Т.Г.* «Стела Омсалака» и фиасы Фанагории в первые века н.э. // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 334–344.
- ⁴⁰⁰ КБН 987–988, а также см.: *Габелко О.А., Завойкина Н.В., Шавырина Т.Г.* «Стела Омсалака»...
- ⁴⁰¹ Предположение О.А. Габелко, Н.В. Завойкиной, Т.Г. Шавыриной («Стела Омсалака»... С. 341–342) о том, что стела поставлена членами сообщества, к которому принадлежал погребенный, не доказано.
- ⁴⁰² КБН 1054.
- ⁴⁰³ КБН 1055.
- ⁴⁰⁴ КБН 1134. Об этом документе см.: *Жебелев С.А.* Фиас навклеров в Горгиппии // ИГАИМК. 1934 104. (переиздано: *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 204–216); *Vélissaropoulos J.* Les nauclères grecs... P. 88–90.
- ⁴⁰⁵ КБН 1115.
- ⁴⁰⁶ КБН 1136.
- ⁴⁰⁷ КБН 1132.
- ⁴⁰⁸ КБН 1135.
- ⁴⁰⁹ См.: КБН 1129.
- ⁴¹⁰ См.: КБН 1131, 1133.
- ⁴¹¹ См.: *Зубарь В.М.* Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // БФ. 1999. С. 321–325.

НЕКРОПОЛИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Н. И. СУДАРЕВ

К сожалению, многие проблемы, связанные с изучением античных некрополей, в том числе и Азиатского Боспора до самого последнего времени не привлекали достаточного внимания исследователей. Отчасти это было связано с тем, что основной массив материалов по этой теме был получен в начале XX столетия, а масштабные работы с тех пор практически не проводились. Комплексному исследованию некрополей Азиатского Боспора посвящено крайне мало публикаций.

Одной из первых работ, где было проведено сравнительное изучение некрополей городов Боспора, являлся труд М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор»¹, в котором были обобщены результаты исследований некрополей греческих городов Боспора, а также сопредельных «варварских» территорий. В этом труде было обосновано уже ранее высказанное ученым² мнение о том, что одним из основных направлений в изучении данного рода памятников является выявление среди погребений греческих некрополей памятников «смешанного типа», которые можно связать с «варварскими» погребениями или с погребениями местного эллинизированного населения. Это «этническое» направление явилось одним из основных при изучении греческих некрополей Северного Причерноморья.

Следующим по времени исследованием, посвященным некрополям Боспора, была глава в книге В.Ф. Гайдукевича «Боспорское царство»³, но она имела в основном иллюстративный характер, рассматривая лишь наиболее яркие комплексы, прежде всего подкурганые склепы и т.д. Важной вехой в комплексном изучении грунтовых некрополей Боспора, в том числе и Азиатского, явилась работа Е.Г. Кастанаян «Грунтовые некрополи Боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности»⁴, в которой обобщены результаты раскопок некрополей Боспора, проведенных в XIX — начале XX в. В этой работе получило развитие на новом научном уровне и «этническое» направление в изучении некрополей, однако при изучении материалов дореволюционных раскопок, в основном использовались материалы, опубликованные лишь в отчетах К.Е. Думберга⁵ и В.В. Шкорпила⁶, т.е. за рамками исследования остался довольно большой массив данных. В статье был сделан упор на «местные» особенности некрополей, под которыми в первую очередь подразумевались черты, не присущие греческому погребальному обряду, а ведущие свое происхождение от местных «варваров» и иллюстрирующие процесс «греко-варварского» взаимодействия на Боспоре. К таким чертам автор относил наличие деревянных перекрытий у погребений, перекрытие или наличие в могиле камки, подушки, ножа, оружия, краски, наличия у костяков элементов скорченности и т.д. Таким образом, был сделан неоправданно сильный крен в сторону выявления «варварских» черт. К тому же греческий погребальный обряд рассматривался как нечто «монолитное». Это направление продолжила А.К. Коровина. В своей работе «Некрополь Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора»⁷ она подробно исследовала некрополи азиатской части Боспора, привлекая как дореволюционные, так и новейшие на тот момент материалы, исследуя в равной степени курганные и грунтовые некрополи Синдики. Тщательно проанализировав все известные на тот момент погребальные комплексы, А.К. Коровина также сделала упор на выделении «местных, варварских» черт.

Важными работами, обобщающими результаты раскопок некрополей Боспора, являются монографии А.А. Масленникова «Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э.» и «Население Боспорского государства в

первых веках н.э.»⁸. В них автор рассматривает данные письменных (в том числе эпиграфических) источников, материалы археологических исследований городских и сельских поселений, некрополей местного негреческого населения. Большое внимание уделяется некрополям греческих городов и, в первую очередь, памятникам «смешанного типа», выявлению варварских черт в погребальных памятниках городов Боспора. К сожалению, в книгах греческий погребальный обряд рассматривается как нечто единое, а черты, отличающиеся от этого «греческого» погребального обряда, автор относит к варварским, хотя, стремясь определить, к каким именно «варварам» они могли принадлежать.

Можно указать также на две работы, в которых рассматриваются некрополи Боспора. Это раздел, посвященный некрополям в трехтомнике «Археология Украинской РСР»⁹, и раздел «Погребальный обряд» в томе «Античные государства Северного Причерноморья»¹⁰. Таким образом, к настоящему времени обобщающих трудов, посвященных комплексному изучению некрополей Азиатского Боспора с учетом данных раскопок последних десятилетий пока не появилось. Правда, было издано большое количество статей, содержащих материалы раскопок некрополей отдельных городов Азиатского Боспора или анализирующие отдельные элементы погребального обряда¹¹.

Этническое направление получило развитие в работах С.И. Капошиной, посвященных в первую очередь погребальным памятникам Ольвии, Побужья и Херсонеса¹². В них автор выделяет как варварские (скифские) такие черты, как скорченность погребенных, наличие деревянных перекрытий, оружия, предметов конской упряжи и вообще предметов «скифского звериного стиля», напутственной пищи, краски в погребениях. В той или иной мере все последующие работы, в том числе посвященные погребальным памятникам Азиатского Боспора, основывались на этих признаках. Большинство авторов, писавших о некрополях Азиатского Боспора и Северного Причерноморья, в целом, вплоть до 1980-х годов XX в. (а отчасти и до настоящего времени) были последователями этого направления. В этом ряду выделяется работа Л.Ф. Силантьевой¹³, которая одна из первых в отечественной историографии подчеркнула, что и сами греческие некрополи зачастую сильно отличаются друг от друга, а также ряд статей А.А. Масленникова¹⁴, который осторожно относится к выделению этнодифференцирующих признаков, призывая рассматривать их в комплексе с другими. Отличную позицию занимала Ю.И. Козуб, которая рассмотрела черты, выделенные С.И. Капошиной применительно к некрополю Ольвии, и пришла к выводу, что эти черты должны рассматриваться как греческие, отнесение же их к варварским не имеет достаточных оснований¹⁵. Эту точку зрения для Северного Причерноморья поддержали В.В. Лапин¹⁶, В.И. Кадеев¹⁷, В.М. Зубарь¹⁸, Е.Я. Рогов¹⁹, Р.В. Стоянов²⁰. Впрочем, последние два автора склоняются к мнению, что на основании имеющегося комплекса данных эта проблема не решается. Недостаток данных работ состоит в том, что они рассматривают греческий погребальный обряд как нечто единое, не учитывая того факта, что в разных греческих городах и для различных категорий населения могли существовать неодинаковые обряды.

Недостаточно разработанное направление в исследованиях — сравнительное изучение Боспорских некрополей между собой. В основном отмечались элементы их схожести²¹, в меньшей степени — различия, причем упор делался на степень «варварского влияния», а также сравнивались некрополи Европейского и Азиатского Боспора²². В последнее время появились работы, в ко-

торых сопоставляется некрополь Танаиса с некрополями других боспорских городов, в первую очередь с Кепами и Фанагорией²³.

На территории Азиатского Боспора известно не менее 70 некрополей античного времени. Исследованы они в разной степени. Более того, даже определить их точное число не представляется возможным — о некоторых из них у нас только краткие и отрывочные сведения²⁴. На территории других, наоборот — на высоком научном уровне исследована большая площадь. Существовали сравнительно небольшие некрополи при маленьких сельских поселениях. Часть из них в научную литературу вошли как «курган со впускными захоронениями». На некоторых некрополях зафиксировано только несколько захоронений (некрополь «Волна 4» V в. до н.э., Западно-Зеленский некрополь, некрополь у северного подножия горы Зеленского²⁵).

Раскопки некрополей Азиатского Боспора начались с XVIII в.²⁶ В первую очередь археологи приступили к раскопкам курганов. Большое внимание раскопкам XVIII—XIX вв. уделила А.К. Коровина в своей диссертации²⁷. В послереволюционное и особенно в послевоенное время эти работы продолжались. На новом уровне опубликованы результаты изучения некоторых некрополей, раскапывавшихся в предшествующий период²⁸. Довольно полно опубликованы материалы некрополя у пос. Пересыпь²⁹, ряд публикаций посвящен некрополям Кеп³⁰ и Фанагории³¹. Некоторые погребения были раскопаны в некрополе Гермонассы³², у мыса Тузла³³, в некрополе Суворовского³⁴, Западно-Зеленского³⁵ и Пятиколодезного поселений³⁶ и т.д. В связи с новостроечными работами в г. Анапе последние годы активно исследовался некрополь древней Горгишии³⁷.

Крупнейшим на территории Азиатского Боспора является некрополь Фанагории. К сожалению, большая часть материалов из раскопанных погребений еще не опубликована, и информация о них пока содержится в полевых отчетах. К настоящему времени опубликованы статьи по отдельным участкам этого некрополя³⁸. Некоторые погребения фанагорийского некрополя упоминаются в обобщающих трудах по истории и археологии Боспора, Фанагории и в исследованиях по погребальному обряду Боспора в целом³⁹. В настоящее время имеется лишь одна работа Д.И. Даньшина, в которой некрополь Фанагории рассматривается относительно подробно, хотя и она не является исчерпывающей⁴⁰, что связано, в первую очередь, с задачами, которые стояли перед исследователем. Даньшин учел 538 погребений античного времени⁴¹. В 1994 г. была создана компьютерная база данных по античному грунтовому некрополю Фанагории, которая содержит сведения о 855 погребениях⁴², из их числа — 38 относятся к VI—IV вв. до н.э. и 283 — к IV—II вв. до н.э. К сожалению, в эту базу не попали сведения о погребениях, раскопанных с конца 1980-х годов Т.Г. Шавыриной⁴³. В последние годы на территории некрополя велись масштабные археологические работы, однако материалы до настоящего времени не опубликованы.

Второй по количеству раскопанных погребений на Таманском полуострове — некрополь городища у пос. Пескокарьер, которое большинством исследователей связывается с Кепами⁴⁴. К северо-востоку от города, на склонах возвышенности находился грунтовый некрополь. В восточной части он сливался с курганным, тянувшимся цепочкой далее к востоку по горе Цимбалы. Кроме того, курганы располагались группами к северу и югу от городища⁴⁵. Раскопки курганов в окрестностях городища проводились с 70-х годов XIX в.⁴⁶ В 60—70-е годы XX в. было раскопано еще 18 курганов⁴⁷.

На грунтовом некрополе до 1959 г. раскопки не производились. За период 1959–1968 гг. на некрополе была обследована площадь более 6000 м² и открыто 416 могил. Работы проводились на четырех участках, расположенных в районе современного пескокарьера. К началу археологических работ во время добычи песка уже была уничтожена значительная часть некрополя. Погребения датируются временем от VI в. до н. э. до III в. н. э.⁴⁸ Захоронений IV в. до н. э. встречено крайне мало⁴⁹. До настоящего времени некрополю Кеп посвящено лишь несколько обзорных статей⁵⁰; кроме того, опубликованы отдельные находки⁵¹. С конца 1990-х годов и по настоящее время по материалам некрополя подготовлен ряд работ⁵².

Некоторое количество статей посвящено раскопкам некрополя у пос. Пересыпь (предполагаемая Тирамба)⁵³. В 1940 г. «Анфимовым Н.В. было установлено, что у Пересыпи размывающим берег морем наполовину разрушено несколько могил, причем остающиеся части их грозят падением»⁵⁴. Работами отряда Фанагорийской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина (нач. экспедиции — В.Д. Блаватский, нач. отряда — Н.В. Анфимов) было доследовано 11 погребений разного времени (от классического до римского). Работы были продолжены в 1947 г.⁵⁵ и в 1951 г.⁵⁶ С 1959 по 1970 г. (с перерывами) на памятнике работала экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством А.К. Коровиной⁵⁷. Небольшие работы производились в 1989 году экспедицией ИА АН СССР под руководством Я.М. Паромова⁵⁸. За этот период было открыто более 150 могил, из которых к VI–II вв. до н. э. относятся 75 погребений.

Крупные работы проводились на юго-западной оконечности Таманского полуострова, в районе мысов Тузла и Панагия. В районе мыса Тузла исследовались как курганный, так и грунтовый некрополи. Первые работы были проведены в 1852 г. К.Р. Бегичевым и в 1885–1886 гг. — Ф.И. Гроссом⁵⁹. В 1900 г. раскопки вел К.Е. Думберг⁶⁰, затем, в 1911 и 1913 гг. крупные работы были предприняты В.В. Шкорпиллом. Материалы за 1911 г. довольно полно опубликованы в ИАК, материалы же раскопок 1913 г. — суммарно в ОАК⁶¹. К сожалению, остались неопубликованными данные раскопок В.Н. Глазова в 1913 и 1916 гг.⁶² В дальнейшем небольшие работы на некрополе производились в 1914 г. В.В. Соколовым, в 1940 — А.Г. Остроумовым и в 1951 г. — И.Б. Зеест⁶³. Всего было исследовано 177 могил, из которых к VI–II вв. до н. э. относятся 133. В настоящее время на территории некрополя проводятся охранно-спасательные работы под руководством А.В. Кондрашева.

Некрополь у мыса Панагия (бывший хутор Кротенко) исследовался В.В. Шкорпиллом в 1913 г. Им было открыто 42 могилы VI–II вв. до н. э.⁶⁴. Традиционно с этим же некрополем связываются 13 могил, открытых раскопками под руководством В.Д. Блаватского⁶⁵.

Некрополь античной Гермонассы мало известен. На его территории проводились небольшие работы В.В. Шкорпиллом⁶⁶; около 100 погребений были исследованы перед Великой Отечественной войной⁶⁷, а затем некоторое количество было исследовано Н.П. Сорокиной⁶⁸ и А.К. Коровиной⁶⁹. Охранные исследования на некрополе проводились в 2007–2009 гг. Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН⁷⁰. Было выявлено, что в результате береговой абразии за последние пятьдесят лет в обрыв рухнули десятки тысяч погребений. Не меньший урон наносится некрополю Гермонассы-Тмутаракани при бесконтрольном строительстве на территории некрополя в последние годы⁷¹.

Некрополь античной Горгииппии известен лучше⁷², однако сводной работы по его раскопкам пока нет⁷³. В настоящее время опубликовано около 100 погребений. Участок раннего некрополя этого полиса (Синдской Гавани⁷⁴) исследован в 2006 г. Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН.

В 1986–1989 гг. на некрополе поселения Красноармейское 1 было исследовано 95 погребений, значительная часть которых относится к первым векам нашей эры⁷⁵.

Начиная с 2002 г. исследуется некрополь пос. Артюшенко 2. В настоящее время исследовано 81 погребение VI–III вв. до н. э.⁷⁶ К сожалению, помимо береговой абразии, в последние годы существование некрополя оказалось под угрозой из-за действия грабителей⁷⁷.

В 2009 г. начаты исследования на некрополе II–IV вв. у пос. «За Родину». В настоящее время исследовано более 20 погребений населения позднеантичного Боспора⁷⁸.

На Таманском полуострове известен еще ряд некрополей античного времени — Суворовский некрополь, некрополь у пос. Кучугуры, Западно-Зеленский некрополь и др.⁷⁹ В 2004–2009 гг. Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН начаты исследования некрополя первых веков нашей эры городища в ст. Голубицкая и некрополя архаического—классического времени пос. Береговой 4. Кроме того, известен ряд некрополей античного времени в окрестностях Горгииппии, Раевского городища и совр. Новороссийска⁸⁰.

В некрополях Азиатского Боспора VI–V вв. до н. э. представлены различные типы погребальных сооружений. Большинство из них широко известны в некрополях метрополий и греческой ойкумены. В эллинистический период, в связи с развитием погребальной практики, связям с греческим миром, появляются некоторые новые или получают развитие известные ранее типы погребальных сооружений. Проникновение на территорию Боспора представителей «варварских» племен в погребальном обряде практически не фиксируется вплоть до конца эллинистического периода (II–I вв. до н. э.). Причем вначале мы фиксируем это не по изменениям типов погребальных сооружений, а по появлению новых типов и новых сюжетов на надгробных памятниках. С I в. до н. э. связаны существенные изменения как в составе населения Боспорского царства, так и в элементах погребальной практики. Однако не следует забывать, что в этот период на Боспоре в значительном количестве появляются не только «варвары», но и другие обитатели державы Митридата и союзники понтийского властителя. В частности, в это время на Боспор проникают эллины из Малой Азии, иудеи и т. д. В это же время происходит и усиление роли «малой» семьи⁸¹, что так же способствовало появлению новых типов погребальных сооружений. Начиная с первых веков нашей эры наряду с проникновением на территорию Боспора представителей варварских племен, появляются и представители новых религиозных воззрений. Все это получило отражение в изменении погребально-поминальной обрядности на Боспоре. Довольно сильно изменяется ситуация со II и в особенности в III–IV вв. н. э., когда на территорию Боспора переселяются представители различных варварских племен, наряду с общей варваризацией населения. Наиболее ярко это проявляется на Фонталовском полуострове, где уже с первых веков нашей эры изменяется вся система расселения. Появляются новые некрополи, не связанные с более ранними. Повсеместно появляются новые типы погребальных сооружений, конские захоронения. Некоторые некрополи (например,

у пос. «За Родину») являются некрополями варварского населения и только с оговорками могут быть отнесены к некрополям Боспора.

Большую часть особенностей некрополей этого региона традиционно объясняют связями с варварским миром. В настоящее время территория варварского окружения Боспора, изучена довольно детально, и появилась возможность сравнить погребальные памятники городов Азиатского Боспора и различных групп местного населения, начиная от рубежа VI—V вв. до н.э. Следует отметить, что ко времени колонизации греками данной территории степи Северного Причерноморья, видимо, были слабо заселены⁸². Практически повсеместно наблюдается хронологический разрыв между памятниками эпохи бронзы — раннего железа и скифского времени. Памятников же ранне-скифского периода известно весьма немного⁸³. Видимо, в это время в степях Северного Причерноморья кочевали малые по численности группы кочевников, и их контроль над степью был, скорее всего, номинальным⁸⁴. Можно полагать, что начало греческой колонизации данного региона относится к периоду, когда скифы были в Малой Азии, и степи Причерноморья были «свободны». Позднее скифы, после возвращения из Азии столкнулись с греками. На основе письменных и археологических источников Т.М. Кузнецова определила их отношения как конфликтные⁸⁵. Греки препятствовали проникновению скифов в города, а скифы, в свою очередь, не стремились туда проникать. Более того, для не-греков, прибывающих в город, существовали некие "предместья" вне городской черты, где они могли останавливаться. Таким образом, постулируемый в научной литературе тезис об активном раннем проникновении местного компонента в состав населения греческих колоний, нуждается в более внимательном изучении и серьезном обосновании.

Подобная картина наблюдается и на азиатской стороне Боспора Киммерийского. Для периода, непосредственно предшествующего и синхронного появлению в этих местах греков, некрополи местного населения Тамани пока неизвестны. Между курганами эпохи бронзы и появлением греков существует большая хронологическая лагуна, а курганов VII—V вв. до н.э. на Тамани недостаточно, чтобы провести их сравнение⁸⁶. Работы экспедиции В.Д. Блаватского, направленные на выявление местных синдских памятников на территории Тамани, не дали реальных результатов⁸⁷. Таким образом, стремление обнаружить местные черты в таманских некрополях на основе их сходства с курганами эпохи бронзы и с «мифическими» синдами Тамани, на наш взгляд, преждевременно.

Несколько иная ситуация сложилась в районе Горгиппии⁸⁸. Там известен ряд своеобразных памятников местного населения, однако на погребальный обряд Горгиппии особого влияния они не оказали. Лучше известны погребальные памятники местного населения Прикубанья⁸⁹. Однако при сравнении погребений Боспора с меотскими, следует иметь в виду, что погребальные обряды меотского населения отличаются большой варианностью, и различные участки могут кардинально различаться даже в пределах одного некрополя.

В момент образования греческая колония являлась своего рода слепком со своей метрополии. Дальнейшее развитие колонии шло своим путем⁹⁰. Таким образом, для раннего периода можно сравнивать некрополи метрополии и колоний с целью выделения тех или иных отличий, связанных с привнесенными традициями. Чем дальше, тем большее количество особенностей уже связано с различиями в путях развития этих двух образований. В период выведения колоний в Северное Причерноморье в этом процессе участвовали не только милетяне; более того, они, по-видимому, не были первыми и единственными

греками в данном регионе. Даже на начальных этапах на погребальный обряд влияют дополнительные факторы, так как помимо того, что выходцы из Милета принесли с собой различные обряды, связанные с погребальным культом, представители других общин, участвовавшие в колонизации, привнесли сюда культы и связанные с ними обряды, характерные для их родины. Все это безусловно повлияло на сложение норм погребальной практики на Боспоре.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ⁹¹

Погребальные ритуалы в разных античных городах зачастую довольно сильно отличаются друг от друга. Это касается не только Боспора, но и греческих городов вообще⁹². Сравнение некрополей разных городов Азиатского Боспора, основанных приблизительно в одно время⁹³, выявляет различия в погребальных обрядах. Выяснение особенностей этого явления связано с общей проблемой колонизации данного региона. К сожалению, часто недостаточно данных, чтобы на основе анализа погребального обряда выяснить, какой же именно греческий город был метрополией для того или иного поселения. Одним из методов определения места происхождения переселенцев может быть существенная разница в погребальных обрядах городов Азиатского Боспора, за которой кроется различие в метрополиях. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в основании колонии могли участвовать представители различных городов. Разница в характере погребальных обрядов предполагает и определенные различия в религиозной жизни: распространение различных культов и религиозно-философских учений, что чаще всего было связано с их распространением и в метрополии. Различия в погребальных обрядах существовали не только у представителей разных городов, но и у разных категорий умерших в одном городе⁹⁴. Особые обряды существовали для героев, погибших на войне, казненных, утопленников, самоубийц, не погребенных сразу после смерти людей, посвященных в различные культы и мистерии, приверженцев разных философских учений (орфиков, пифагорейцев)⁹⁵ и т.д. Отдельную категорию составляли "безвременно ушедшие": младенцы, дети, подростки, девушки до замужества⁹⁶. Известно немало случаев, когда на одном некрополе детей и взрослых хоронили по разным правилам. Так, в Эретрии в VII в. до н.э. взрослых хоронили по обряду кремации, а детей — ингумации. В Анависсосе, рядом с Афинами, взрослых ингумировали, детей — кремировали⁹⁷.

Наиболее известным в греческом мире типом детских захоронений являлись погребения в сосудах⁹⁸. Детские (в первую очередь, младенческие) погребения в сосудах довольно часты на протяжении VI—III вв. до н.э.; изредка они встречаются и в более позднее время, вплоть до конца Античности⁹⁹. Данный тип погребений связывается с различными земледельческими культурами¹⁰⁰, в том числе с женскими культами плодородия¹⁰¹.

Для разных некрополей Азиатского Боспора характерно несколько традиций захоронений детей и связанных с ними погребальных сооружений.

Первая традиция — дети хоронятся так же, как взрослое население, причем, как правило, с сопутствующим инвентарем. С IV в. до н.э. появляется "обол Харона"; захоронения производятся в тех типах погребальных сооружений, которые распространены в данных некрополях. Как тенденцию отметим сравнительно малое количество детских безынвентарных погребений и наличие в остальных большего набора вещей по сравнению с "взрослыми" погребениями¹⁰² (рис. 1). Часто встречаются терракоты. Показательно, что эта традиция наиболее полно представлена в некрополях милетских колоний Северного Причерноморья: Аполлонии, Том, Истрии, Одессоса, Ольвии,

Рис. 1. Украшения из детского погребения. Фанагория. I в. н.э.
1 — накладка в виде орла,
2 — Гемма на сердолике. Богиня с факелом,
3 — парные медальоны с изображением Эрота-Танатоса с факелом

ранней Керкинитиды и т.д. На Боспоре к этой группе некрополей относятся некрополи Пантикапея, Тиритаки, у мыса Тузла, ранний некрополь Гермонассы. С этим, безусловно, были связаны определенные религиозные воззрения, распространенные в данных полисах, например, вера в то, что душа в отличие от тела, — субстанция постоянная и неизменная, а посему независимо от возраста умершего при переходе ей нужны те же обряды. Не исключено, что это было связано и с учениями о возрождении после смерти — традиция в разных проявлениях известная и в Греции.

Вторая традиция захоронения покойных детей, представленная в Северном Причерноморье и особенно на Азиатском Боспоре, — захоронение в сосудах, реже — в простых ямках: как правило, без инвентаря, по упрощенному обряду, что находит свои аналогии в греческом мире¹⁰³. Это связано с представлениями, что ребенок — существо из "того" мира; его переход еще не вполне завершен, а потому и обратный путь его проще. Кроме того, считалось, что ребенок не является продуктом общества, а производным живой природы, и потому обязанности общества в отношении него минимальны. Придя из лоно Матери-Земли, он туда же и возвращается. Видимо, это возвращение в лоно и символизируют погребения в сосудах. Данная традиция представлена во многих дорийских центрах Северного Причерноморья. Она широко представлена на территории Азиатского Боспора: в колонии Теоса — Фанагории, в милетских Кепях, в некрополе у мыса Панагия, в некрополе у пос. Пересыпь, в небольших количествах — в некрополе Синдской Гавани. С IV в. до н.э. эта традиция становится более распространена на Боспоре: в Феодосии, Гермонассе, появляются такие погребения в Пантикапее, у мыса Тузла.

Имеющиеся материалы позволяют прийти к следующим выводам. По-видимому, традиция погребения детей в сосудах не была характерна для Милета¹⁰⁴. Это мы можем говорить на основании того, что в большинстве милетских колоний Западного и Северного Причерноморья таких погребений нет, или их крайне мало. Отсутствие или малое количество таких погребений в раннем некрополе у мыса Тузла¹⁰⁵, Патрея, может, очевидно, указывать на милетское происхождение этих поселений. Захоронения в сосудах некрополя Фанагории связаны, по-видимому, с традицией, характерной для погребений в некрополе Теоса. Показательно, что в другой колонии Теоса, Абдере, мы встречаем много таких погребений.

Особо следует остановиться на Кепях, милетской колонии. Там абсолютно преобладают амфорные погребения. В работах Н.И. Сокольского¹⁰⁶ отмечалось, что в городе уже в конце VI в. до н.э. был распространен культ

Рис. 2. Гемма на сердолике «Афродита с Эротом» из детского погребения. I в. н.э. Фанагория. ИА РАН

Афродиты Урании, характерный для соседней Фанагории (рис. 2). Если, в большинстве милетских колоний Северного Причерноморья в качестве главного полисного божества выступает Аполлон Врач, то в Кечах следов его почитания не прослеживается¹⁰⁷. Все это позволяет предположить, что в Кечах уже в конце VI в. до н.э. произошла смена главного полисного культа, возможно, не без участия Фанагории. По-видимому, и погребения в сосудах в этих некрополях связаны именно с распространенностью данного культа в обоих городах. Возможно, с этим же связано и обилие подобных погребений в некрополе у пос. Пересыпь¹⁰⁸. Этот вывод крайне важен, так как отсутствуют письменные источники по ранней истории Боспора.

С распространением культа Афродиты Урании после объединения Боспора под властью Спартокидов может быть связано и появление погребений в амфорах в эллинистическом некрополе Патрея, Гермонассы и на близлежащих сельских поселениях. Отсутствие амфорных погребений в некрополе у мыса Тузла сближает этот некрополь с некрополями милетских колоний. Это особенно интересно в связи с тем, что метрополия поселения, оставившего этот некрополь, нам не известна. С другой стороны, наличие амфорных погребений в некрополе у мыса Панагия, наоборот, ставит вопрос о немилетском происхождении этого поселения¹⁰⁹.

Все сказанное позволяет под новым углом зрения взглянуть и на процесс колонизации Северного Причерноморья и в ряде случаев говорить о происхождении тех или иных поселений (и их некрополей), метрополии которых нам неизвестны из других источников, а также о некоторых изменениях в религиозной жизни Боспора.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Рассмотрим погребальные сооружения характерные для некрополей Азиатского Боспора¹¹⁰.

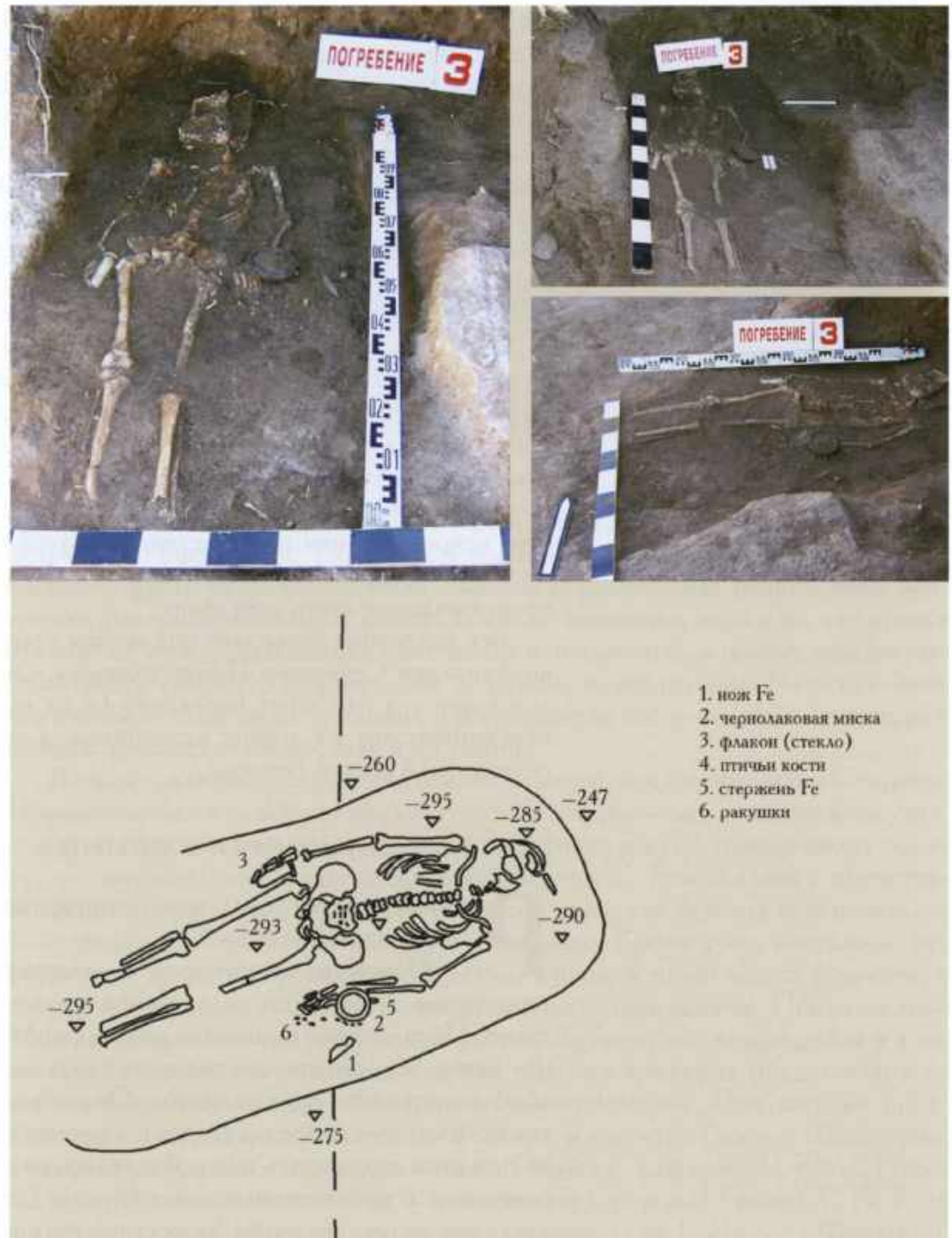
Одной из особенностей ландшафта, которую мы наблюдаем на территории Таманского полуострова, является обилие курганов и курганных групп. Появление большинства из них связано с эпохой бронзы. Греки, осваивая новые территории, неоднократно использовали более ранние курганы для обоснования своих прав на землю. Они объявляли существовавший ранее курган могилой своего предка (героя), а посему и данные земли — своими. Нередко при этом изменялись или добавлялись различные мифологические сюжеты, связанные с путешествием героя (предка) по данной территории (захват им этих земель или женитьба на местной богине/царице и оставление наследников), а также объяснялись причины захоронения героя именно в этом месте. На таком кургане производились поминальные действия, приносились жертвы и т.д.¹¹¹ Нередко впоследствии данные курганы могли использоваться и под родовое кладбище «потомков» данного героя (примеров использования герооносов с их священными участками в качестве родовых кладбищ также немало¹¹²).

Часть курганов являлась, по-видимому, своего рода семейными участками, и исключение их из рамок исследования при работе с городским некрополем может существенно повлиять на полученные выводы. В историографии встречается мнение, что обряд подкурганных захоронений не свойствен древней Греции, в то время как на Боспоре он достигает наибольшего расцвета. В IV в. до н.э. он развивается и доживает до конца античности под влиянием «местных традиций», т.е. объявляется местной особенностью Боспорских некрополей¹¹³.

Не следует забывать, что курганы к моменту колонизации были широко распространены и в Греции. Так, по хронологии Р. Гарланда¹¹⁴, начиная с

Рис. 3. Погребение 3. 430–420 гг. до н.э. Некрополь Синдской Гавани. Чертеж и фотографии

1. нож Fe
2. чернолаковая миска
3. флакон (стекло)
4. птичьи кости
5. стержень Fe
6. ракушки

700 г. до н.э., курганы увеличиваются в размерах и начинают преобладать. В середине — второй половине VI в. до н.э. строятся курганы в пределах афинского Керамика, сохраняются они и в последующий период. Известны они и в Ионии¹¹⁵. Известны курганы в некрополях Апполонии, Истрии, Мессембрии и Одессоса¹¹⁶. Таким образом, можно констатировать, что традиция возведения греками курганов появилась на Боспоре в самый ранний период греческой колонизации, а далее развивалась на местной греческой почве. Именно в этой связи следует рассматривать особенности данной категории погребений Азиатского Боспора.

Перейдем к рассмотрению типов погребальных сооружений¹¹⁷. Наиболее интересный момент — это не только наличие или отсутствие тех или иных типов погребальных сооружений, а их процентное соотношение в различных

Рис. 4. Погребение 5 с заплечиками и с перекрытием. Вторая четверть V в. до н.э. Некрополь Синдской Гавани. Чертеж и фото

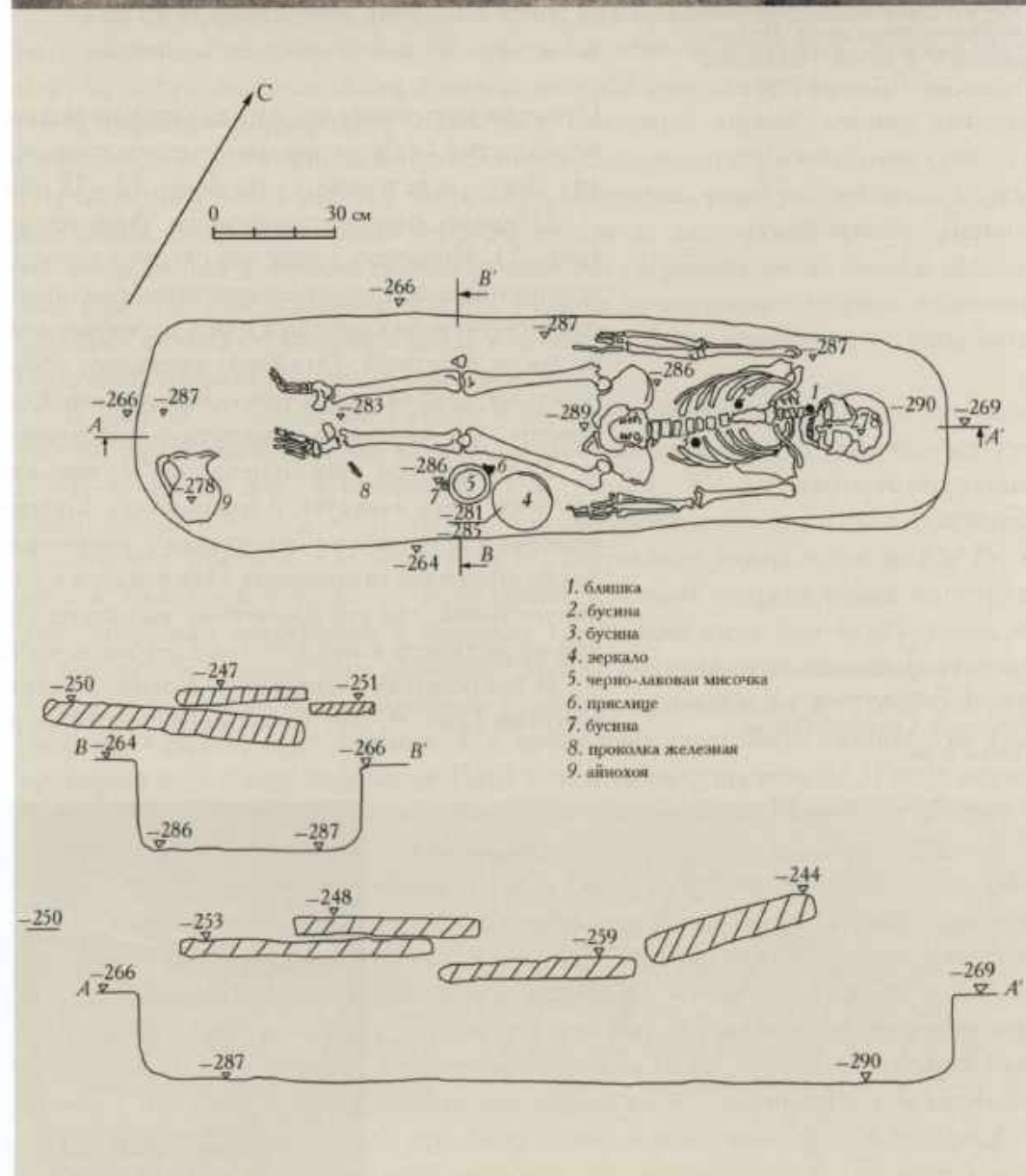

Рис. 5. Погребение с заплечиками и перекрытием из досок. Вторая четверть V в. до н.э. Некрополь Фанагории. Раскопки 1986 г.

городах Азиатского Боспора в сравнении с результатом, полученным при изучении иных греческих некрополей.

Первый из этих типов — простая грунтовая яма прямоугольной или овальной формы. Таких ям — подавляющее большинство (рис. 3). Принципиальное отличие — в *отсутствии перекрытия*. Иначе говоря, все типы погребальных сооружений, кроме данного, подразумевают создание некоторого замкнутого объема, в котором будут находиться останки¹¹⁸. В данном типе погребальных сооружений создание такого пространства могло достигаться с помощью саркофага или гроба. В азиатской части Боспора погребения этого варианта составляют большинство в некрополях Кеп, у пос. Пересыпь, Гермонассы и ее хоры, а так же в некрополе «Пятиколодезный».

Еще один тип погребальных сооружений, широко известный в античных некрополях — «яма с заплечиками» — ступеньками по бокам могильной ямы (рис. 4, 5). В Причерноморье такие могилы известны с эпохи бронзы¹¹⁹. На Азиатском Боспоре их 208, и распространены они в основном в некрополях у м. Тузла, Панагия и в раннем некрополе Фанагории¹²⁰. В эллинистическое время их количество на Азиатском Боспоре возрастает в Фанагории, Горгиппии, однако продолжает уступать по количеству погребениям без перекрытий.

* * *

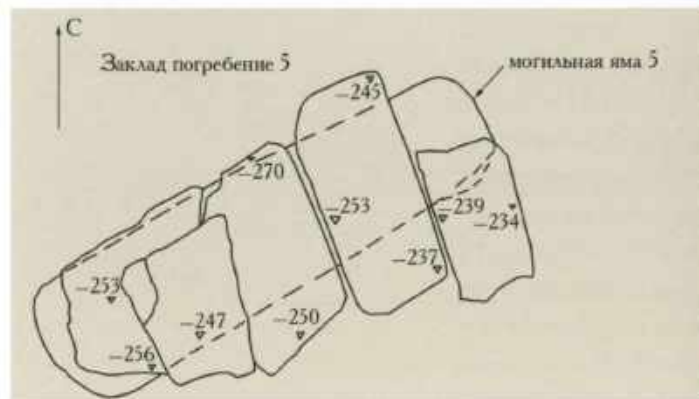
Простые грунтовые могилы делятся на подварианты по характеру и материалу перекрытий (или по признаку отсутствия перекрытия). В античных некрополях Боспора встречается не менее 12–15 видов перекрытий¹²¹.

Широко распространены на Азиатском Боспоре перекрытия из досок (рис. 5). Впрочем, сразу же следует оговориться, что вряд ли существовало принципиальное «идеологическое» различие между перекрытием из досок и перекрытием из каменных плит, перекрытием из досок с песком и перекрытием из досок с камкой. Отличия, очевидно, проистекали из доступности того или иного материала, тогда как основную смысловую нагрузку нес сам факт перекрытия, т.е. создания замкнутого пространства (погребального помещения).

В литературе уже отмечалось¹²², что данный вид перекрытий, наряду с другими, был известен в некрополях Греции и является самым распространенным в некрополе Пантикапея с раннего времени. Наличие перекрытий из досок сближает погребения Пантикапея с ранними погребениями Таманского полуострова, где его различные варианты явно преобладают. Такие погребения не редкость в некрополях Греции, в частности Афин¹²³.

В некрополях Азиатского Боспора встречаются погребения, перекрытые плитами (рис. 4, 6). Такие перекрытия широко распространены в греческих

Рис. 6. Погребение с перекрытием из плит. Третья четверть V в. до н.э. Некрополь Синдской Гавани. Чертеж и фото

некрополях¹²⁴. Меньшее количество погребений с перекрытием из каменных плит на Азиатском Боспоре по сравнению с Европейским объясняется отсутствием там камня. В первые века н.э. их количество в некрополях Фанагории и Горгиппии возрастает¹²⁵.

Еще один вид перекрытий, широко распространенный в греческом мире¹²⁶, — перекрытие черепицей. Погребения этого варианта распространяются с IV в. до н.э., с началом массового производства черепицы на Боспоре. Такие погребения известны на обеих сторонах Боспора Киммерийского, но чаще — на азиатской стороне, в частности в Фанагории¹²⁷ и Горгиппии¹²⁸.

Следующий тип погребальных сооружений, широко представленный в некрополях Азиатского Боспора, — так называемый «ящик». Это сооружения в виде замкнутых прямоугольников (изредка овалов), основной объем которых создается конструкциями из камня, сырца или черепицы.

К первому варианту этого типа погребальных сооружений относятся ящики, стенки которых выложены из камня. В свою очередь каменные ящики делятся на три подварианта:

1) из обработанных и подогнанных друг к другу камней;

2) из необработанных камней¹²⁹;

3) из необработанных дикарных плит, как правило, поставленных на ребро, с неровным верхним краем, не предполагавшие перекрытия, верхняя часть плит зачастую выступала над древней дневной поверхностью.

К первому подварианту относятся каменные ящики, стенки которых сложены из обработанных и тщательно подогнанных плит известняка (рис. 7). Перекрытия у таких ящиков чаще всего каменные, реже встречаются брусья или доски. Встречены также перекрытия в виде двускатной крыши. Данный тип сооружений довольно сильно отличается по размерам: от совсем небольших ящичков для захоронения урн с прахом до крупных построек, отличающихся от склепа отсутствием входа и дромоса. Часть ящиков этого типа зачастую имитировала каменный саркофаг.

В некрополе Синдской Гавани и на территории Европейского Боспора, т.е. на территории богатой камнем, подобные сооружения появляются уже в VI—V вв. до н.э., а начиная с IV в. до н.э., т.е. со времени объединения Боспора в единое государство, они распространяются и на территорию Азиатского Боспора. Однако, если в Пантикапее эти сооружения в IV в. до н.э. являются вторым по популярности типом погребальных конструкций, опережая погребения в простых грунтовых ямах без перекрытия, то на азиатской стороне они довольно редки. Встречаются они на Боспоре и в первые века н.э. Чаще подобные сооружения выявлены в курганных некрополях Тамани, в то время как в некоторых грунтовых некрополях (например, в грунтовом некрополе Кеп) они не известны совсем. Такие ящики широко известны в греческом мире¹³⁰, в том числе в Ионии¹³¹, Милете¹³² и Абдерах¹³³.

Еще одним вариантом погребальных сооружений, известным в некрополях Боспора Европейского и Азиатского, является ящик, стенки которого выложены из сырцового кирпича (рис. 8)¹³⁴. Сырцовые гробницы известны в некрополях Азиатского Боспора с конца VI — начала V в. до н.э. Они имеются в некрополях у м. Тузла и Панагия, в Гермонассе, в некрополе, расположенном в «трех верстах вправо от дороги из Тамани к южному кордону»¹³⁵. На европейской стороне они известны в Пантикапее, как минимум с первой половины V в. до н.э. В грунтовом некрополе Кеп они редки¹³⁶, однако они получают довольно широкое распространение в курганном нек-

Рис. 7. Каменный ящик. III–II вв. до н.э. Восточный некрополь Фанагории

рополе города с IV в. до н.э. Данный тип погребений нередко связывается с погребальными традициями местного варварского населения — синдами, меотами, скифами и т.д.¹³⁷ В греческой среде широко распространено было сырцовое строительство, поэтому использование сырца в качестве материала для сооружения погребений — закономерное явление и объяснять его влиянием синдов нет никакой необходимости. Известны сырцовые гробницы не только на Боспоре, например, в Ольвии¹³⁸, в Северо-Западном Крыму¹³⁹, в Греции¹⁴⁰. В то же время в скифских памятниках их нет¹⁴¹. Говоря о сырцовых

Рис. 8. Ящик из сырцового кирпича. Вторая четверть V в. до н.э. Некрополь Артющенко.

Рис. 9. Погребение в черепичной гробнице. Первая половина IV в. до н.э. Западный некрополь Гермонассы:
а — до снятия черепиц,
б — после снятия черепиц

гробницах, В.С. Ольховский справедливо отмечает «несомненное влияние греческих строительных приемов на погребальную архитектуру варваров»¹⁴².

По сути, к группе ящиков греческого типа примыкают черепичные гробницы. Они бывают двух основных вариантов: в виде карточного домика и собственно ящика¹⁴³.

Вариант «в виде карточного домика» можно подразделить на два подварианта — с двускатной крышей¹⁴⁴ (рис. 9) и с крышей в виде прислоненных к стенке наклонно стоящих черепиц¹⁴⁵. Подобные погребения распространяются с IV в. на Азиатском Боспоре и широко представлены в эллинистический период на Боспоре и в Греции¹⁴⁶.

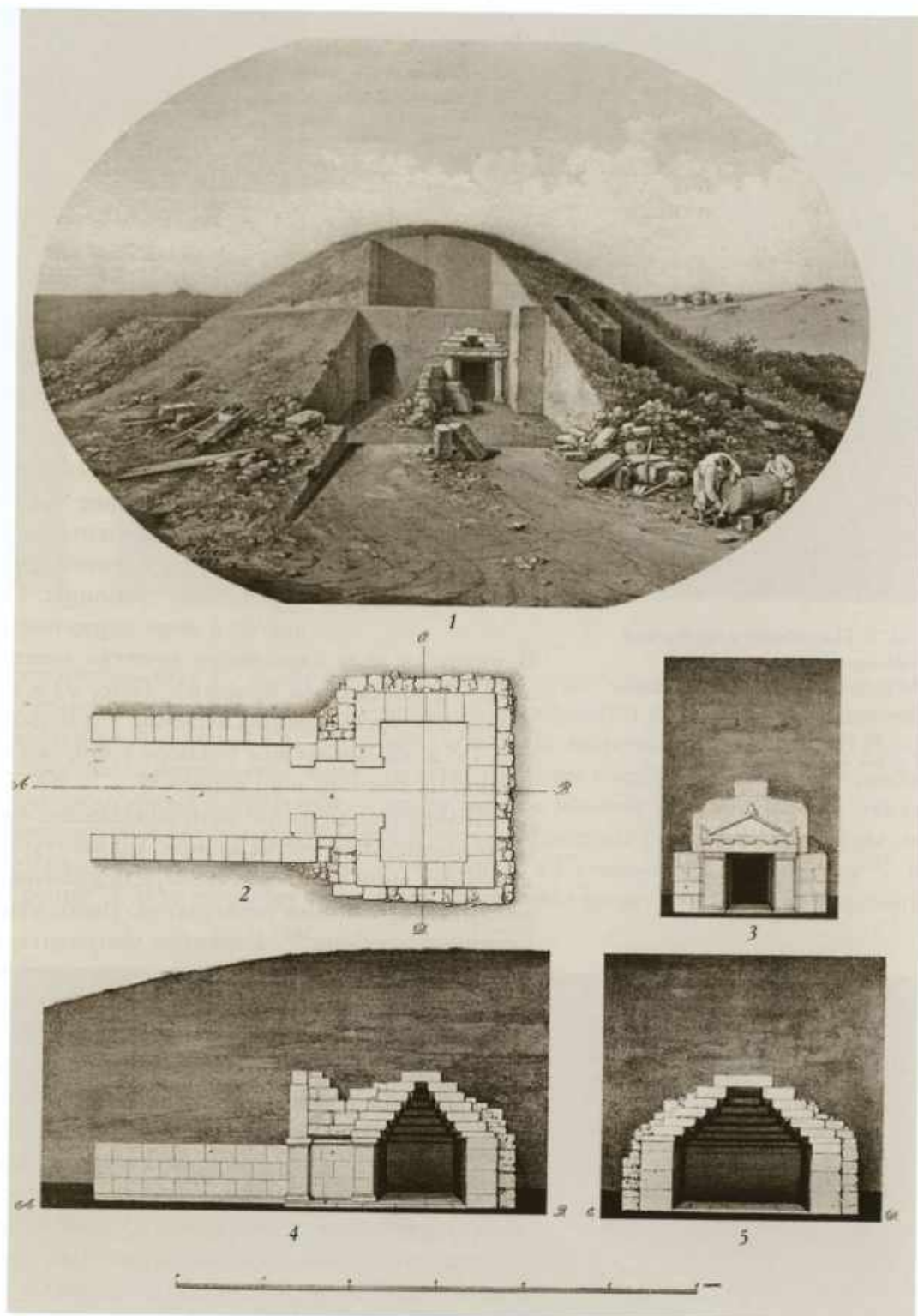
Большое количество монументальных каменных склепов является одной из особенностей погребальной архитектуры Боспора. Они отличаются от каменных ящиков в первую очередь наличием входа — дромоса, а также различными вариантами перекрытия. Всего известно около 70 монументальных каменных гробниц¹⁴⁷. Развитие монументальной погребальной архитектуры находит параллели в античном мире в рассматриваемый период¹⁴⁸; своеобразие же заключается в большом их количестве и некоторых особенностях архитектуры¹⁴⁹.

Основным типом монументальных гробниц Боспора в IV в. до н.э. являются склепы с «уступчатым перекрытием», когда каждый следующий ряд плит перекрытия слегка выступает над предыдущим, образуя постепенно свод. В.Ф. Гайдукевич выделял три типа уступчатых перекрытий: 1) уступы с двух сторон; 2) уступы с трех сторон; 3) уступы с четырех сторон. Последний тип в конструктивном отношении наиболее сложный, а в художественно-архитектурном отношении — самый эффектный: получившийся в результате такого устройства пирамидообразный уступчатый купол придавал погребальной камере характер устремленного ввысь сооружения и при этом более подчеркнуто и выразительно, нежели это достигалось при первых двух типах¹⁵⁰. Помимо этого известно еще несколько типов перекрытий, как более простых, в виде плоской плиты, так и более сложных — как в Золотом и Царском курганах в районе Керчи, в склепе 2003 г. некрополя Фанагории¹⁵¹. Каменные склепы более характерны для Европейского Боспора, на азиатской же стороне они редки; наибольшее их количество встречено в окрестностях Горгипсии, т.е. территории богатой камнем.

Дискуссия об их происхождении ведется до сих пор. Но ясно, что они строились греческими архитекторами с использованием самых современных тогда технологий. Крайне интересно в этом плане применение при строи-

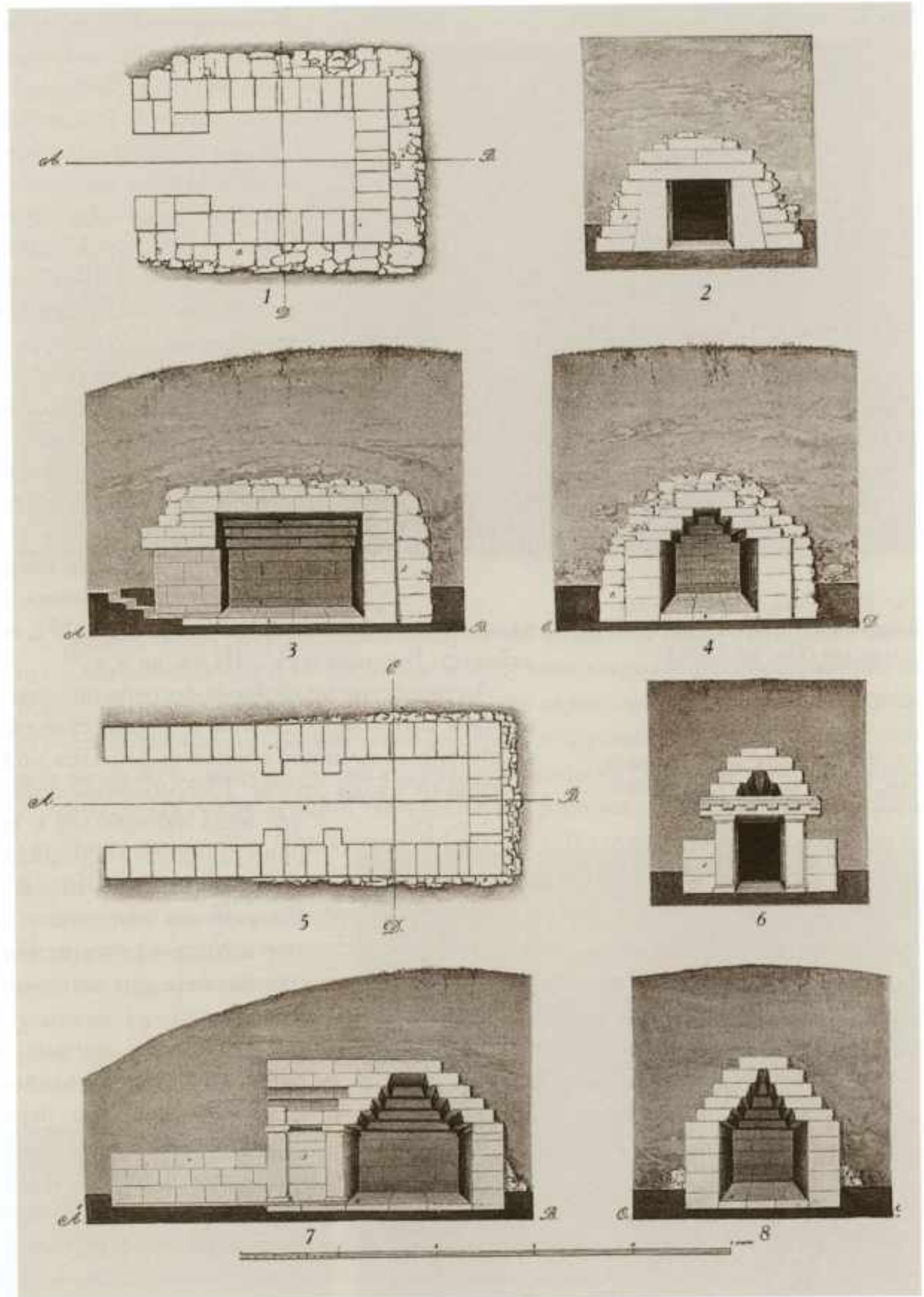

Рис. 10. План и разрез склепов.
Тарасовские курганы под Анапой.
IV в. до н.э. (Рис. по АДЖ)

тельстве склепа Царского кургана одного из приемов эллинской классики — аномалий, т.е. заранее точно рассчитанных, сознательных отклонений от геометрических регулярных форм для достижения особых эффектов. В результате дромос этого склепа снаружи кажется более коротким, а внутри — значительно более длинным, чем в действительности. Это должно было выражать мысль о непрочности земного существования и невозможности возврата из мрачного царства мертвых. Подобные склепы, хотя и меньших размеров, известны и на азиатской стороне Боспора, в частности это Тарасовские курганы (рис. 10) в окрестностях г. Анапы¹⁵². Помимо конструкции,

они интересны еще и оформлением фасадов дромосов в виде входа в храм. С III в. до н.э. каменные склепы с уступчатым перекрытием строятся реже; их сменяют другие типы погребальных сооружений, в частности склепы с полуцилиндрическим перекрытием¹⁵³. В основном каменные склепы являются подкурганными сооружениями, хотя встречаются они и на грунтовых некрополях. Так, известны единичные случаи открытия таких склепов в некрополях Фанагории¹⁵⁴, Гермонассы¹⁵⁵, Кеп¹⁵⁶. Начиная с IV в. до н.э. многие склепы покрываются штукатуркой и росписью¹⁵⁷. Чрезвычайно интересен один из склепов (№ 2) в кургане Большая Близница на Таманском

Рис. 11. Роспись склепа Большая Близница. IV в. до н.э. Таманский полуостров (Рис. по АДЖ)

Рис. 12. Роспись склепа Васюрина Гора, IV—III вв. до н.э. Таманский полуостров (Рис. по АДЖ)

полуострове (IV в. до н.э.)¹⁵⁸. Склеп имел квадратную в плане камеру, небольшой дромос. Перекрытие склепа было уступчатое (тип 3 по типологии В.Ф. Гайдукевича, см. выше). Роспись была нанесена прямо на камень. Стены расписаны цветочным орнаментом, но самой замечательной деталью росписи склепа является изображение лика Деметры на замковом камне потолка (рис. 11). Другой интереснейшей расписной склеп — это склеп № 1 Васюринского Кургана. Он датируется чуть более поздним временем и имеет полуциркульное перекрытие. Роспись склепа представляет внутреннее убранство героона¹⁵⁹ (рис. 12). IV в. до н.э. датируется подобный расписной склеп с полуциркульным перекрытием, открытый в 1908 г. в окрестностях Анапы¹⁶⁰. В отличие от европейской стороны расписные склепы на азиатской стороне Боспора в первые в. н.э. крайне редки.

К погребальным сооружениям, которые традиционно связывают с местными традициями, а не с греческими, являются подбойные погребения (рис. 13), появившиеся в некрополях Европейского Боспора в IV—III вв. до н.э.¹⁶¹

Архитектура подбойных погребений довольно однотипна. В большинстве случаев выкапывалась яма в форме стандартной могилы, равная по длине подбою; в ее длинной стенке вырывался подбой, сужающийся к противоположной от входа стенке. Погребенный помещался в подбой таким образом, что вход оказывался с его левой (реже — правой) стороны. Подбой закрывался закладом из сырцовых кирпичей, соленов, каменных плит или оставался без заклада. Погребения одиночные, исключения редки. Пол подбоя мог находиться на одном уровне с полом входной ямы, однако нередко он находился ниже уровня пола входной ямы.

Подбойные могилы на Боспоре появляются только в IV в. до н.э. В эллинистический период они распределяются довольно неравномерно. Так, в некрополях Нимфея, у мыса Тузла, у мыса Панагия, Мирмекия, Гермонассы, Китея таких погребений нет. Они встречаются в некрополе Пантикапея, где в IV—III вв. до н.э. их только 18; в некрополе у пос. Пересыпь, где они появляются во II в. до н.э.¹⁶²; в некрополе Фанагории III—II вв. до н.э. их 10 (позже их количество сокращается¹⁶³); в некрополе Кеп, где они появляются в IV в. до н.э. и получают распространение с III в. до н.э., их 17. Таким образом, можно отметить, что даже там, где подбойные могилы встречаются, их соотношение с другими типами погребений не превышает 4—6%. Ни по инвентарю, ни по элементам обряда они не выделяются в отдельную группу. Достаточных оснований для соотнесения их с местными традициями нет. Встречаются подобные погребения и в некрополях Греции: в Мирине, Александрии и других местах¹⁶⁴.

Рис. 13. Подбойная могила. II в. до н.э.
Некрополь «За Родину»

Новым типом погребальных сооружений являются также грунтовые склепы. Они появляются в IV в. до н.э. и получают широкое распространение на всей территории Боспора, в том числе в его азиатской части. Если в эллинистический период их сравнительно немного, то в римское время их количество значительно возрастает, и они становятся одним из самых популярных типов погребальных сооружений в грунтовых некрополях. Их открыто более 70 в грунтовом некрополе Фанагории¹⁶⁵ (рис. 14). В грунтовом некрополе Кеп их насчитывается 8 в эллинистический период, а 16 склепов относится к римскому времени. В грунтовом некрополе Гермонассы их исследовано два¹⁶⁶. Во время работ Восточно-Боспорской экспедиции в 2007 г. были зафиксированы еще десятки рухнувших склепов¹⁶⁷. Известны они также в некрополе у мысов Тузла и Панагия. Кроме того, грунтовые склепы известны на целом ряде других некрополей Тамани. К сожалению, по большей части их конст-

Рис. 14. Заклады из надгробий
в грунтовых склепах. I в. н.э.
Восточный некрополь Фанагории

рукция осталась невыясненной, однако на примере некрополя Кеп¹⁶⁸ можно выделить три основные группы склепов.

1. Склепы с квадратной или подпрямоугольной камерой, с довольно вытянутой в длину входной ямой¹⁶⁹, дно которой наклонено к входу в дромос или оформлено в виде ступеней. Дромос сравнительно узкий и невысокий; во всех случаях короткий; пол камеры находится ниже уровня пола дромоса. В тех склепах, где сохранился заклад, он был каменный. Наличие крупного фрагмента солена в камере одного из склепов рядом с входом позволяет предположить, что он мог использоваться в качестве заклада¹⁷⁰. Камеры в склепах могут иметь две лежанки по длинным сторонам. Потолок в камерах обвалился, однако во всех случаях можно предположить, что он был полукруглым. Склепы относятся к типу X по типологии В.С. Ольховского¹⁷¹. Отличие в форме потолка от склепов Европейского Боспора объясняется, скорее всего, естественными причинами — прочностью грунта, в котором вырубался склеп. Во всех склепах совершено 2—3 и более захоронений. Эти склепы датируются широко: от III — начала II в. до н.э. до II—III в. н.э.
2. Новый тип, генетически связанный с предыдущим, представлен склепами с квадратной или подпрямоугольной камерой, с довольно вытянутой в длину входной ямой, дно которой наклонено к входу в дромос. Камера может быть расположена под углом к входной яме. Дромос сравнительно узкий и невысокий, во всех случаях короткий, пол камеры находится ниже уровня пола дромоса. В тех склепах, где сохранился заклад, он был каменный. Отличие от предыдущего типа в наличии прямоугольного (овального) углубления в полу в центре склепа с некоторым смещением к дромосу. В результате оно делило площадь склепа на 3 «лежанки», на которых и совершались захоронения. Датируются они концом I в. до н.э. — III в. н.э. Такие склепы, видимо, можно связывать с пантикапейскими склепами с тремя лежанками.
3. К следующему типу склепов некрополя Кеп относятся погребения, имеющие небольшую входную яму трапециевидной или подквадратной формы, с почти отвесными стенками. Пол входной ямы ровный или имеющий слабо-выраженный наклон в сторону дромоса. Иногда дальняя от входа сторона имеет небольшую наклонную приступочку (остатки ступеньки?). Известен случай, когда дальняя от входа и одна из боковых сторон оформлены в виде небольшой ступени — заплечика. Дромос более выраженный и длинный, чем у склепов предыдущего типа. Пол входной ямы находится на одном уровне с полом дромоса. Вход их входной ямы в дромос в двух склепах закрыт соленом. В римское время чаще используются каменные заклады, в том числе погребальные стелы во вторичном использовании. Погребальная камера овальной формы, ее пол ниже уровня пола дромоса. Потолок, как и в предыдущем типе, имеет округлые очертания. По типологии В.С. Ольховского такие склепы относятся к типу II/a¹⁷³. Каждый склеп имеет 2—4 захоронения. Датируются они широко: конец III в. до н.э. — IV в. н.э.

Грунтовым склепам Боспора посвящена довольно большая литература¹⁷⁴. Нередко отмечалось различие между склепами Азиатского и Европейского Боспора. Д.И. Даньшин¹⁷⁵ делит их на две группы в зависимости от формы камеры: четырехугольные без лежанок — к группе с более выраженной греческой традицией, а округлые — к группе, где и «варварские», и греческие традиции выражены в одинаковой мере. Е.А. Савостина, выделяет 2 класса

грунтовых склепов: класс IV, где длина камеры больше ширины, и класс V, где ширина больше длины. Все склепы кепского некрополя относятся к IV классу по ее типологии¹⁷⁶.

На Европейском Боспоре грунтовые склепы, появляются уже в IV в. до н.э. Этот тип генетически связан с погребальными памятниками Малой Азии и Греции. Несколько ранних грунтовых склепов в некрополе Пантикапея из раскопок 1877 и 1908 гг., датирующиеся на основании находок в них поздних краснофигурных пелик в пределах IV в. до н.э.¹⁷⁷, представляют данный тип погребений уже сформировавшимся, со всеми элементами, присущими этим типам сооружений. Грунтовые склепы встречаются в Греции с микенской эпохи, причем в архаическое и классическое время они нередко повторно использовались. В некоторых районах греческой ойкумены они строились, начиная с эпохи бронзы и вплоть до конца античности. В этих склепах встречаются практически все те же элементы, что и в боспорских¹⁷⁸. Не противоречит этому и материал, найденный в качестве погребального инвентаря. На территории Азиатского Боспора наиболее ранние склепы известны в некрополях у пос. Пересыпь¹⁷⁹ и у мыса Тузла¹⁸⁰, которые относятся к IV—III вв. до н.э. Выявлены ранние склепы и в некрополе Фанагории¹⁸¹, Гермонассы¹⁸² и у мыса Панагия¹⁸³.

* * *

На основании рассмотренного материала можно сделать некоторые выводы. Практически все некрополи Боспора VI—IV вв. до н.э. можно разделить на две группы: некрополи, в которых погребенных помещали в могилу с отгороженным внутренним объемом, и некрополи, где погребенных непосредственно засыпали землей. К первым относятся некрополи Пантикапея, Мирмекия, у мысов Тузла и Панагия, ко вторым — Гермонассы, Кеп, Горгиппии, Нимфея, у пос. Пересыпь, а также (с оговорками) — некрополь Фанагории. В обоих случаях представлены города Европейского и Азиатского Боспора. Наиболее вероятно, что причина различий кроется не в природных, хозяйственных и т.п. причинах, а в отличиях религиозного характера, которые в ранний период, безусловно, были связаны с отличиями в религиозных взглядах жителей метрополий и колонистов. Начиная с IV в. до н.э., отличия постепенно сглаживаются, что обязано, очевидно, вхождению городов в единое государство. С конца IV в. до н.э. начинают проявляться и другие причины, связанные с появлением новых типов погребальных сооружений — грунтовых склепов и подбойных могил. Последнее, вероятно, могло быть следствием притока групп населения извне (по-видимому, из греческих городов севера Малой Азии). Появление же грунтовых склепов, предназначенных для семейных захоронений, отражало изменения в мировоззрении жителей Боспора, увеличение роли малой семьи.

Рассмотрение некрополей Азиатского Боспора и бытовавших там погребальных сооружений показывает, что даже в ранний период они (некрополи) не являлись монолитной массой и каждый имел свои местные особенности, хотя, в целом, они следовали греческим традициям. Поэтому их особенности нужно рассматривать на фоне этих традиций, а не как результат «варварских» влияний. Некоторые отличия имеются в некрополях Кеп, Фанагории, у пос. Пересыпь и т.д. Нередко большее число общих черт обнаруживается между некрополями Пантикапея и Тузлы, чем между некрополями внутри Азиатского Боспора. Погребальный обряд IV—III вв. до н.э. отражает изме-

нения как внутренние (развитие погребений знати, развитие семейных усыпальниц), так и внешние, связанные, возможно, с проникновением в города Боспора нового населения.

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛОМ УМЕРШЕГО

Одним из важнейших параметров при изучении погребальных памятников является способ обращения с телом умершего. Согласно типологии Ю.А. Смирнова¹⁸⁴, можно выделить две основные практики: трупосохранение и трупоуничтожение. К первому типу относится мумифицирование, бальзамирование и т.д. Ко второму — практические действия, приводящие к уничтожению тела, выводу его из мира живых. В погребальной практике Боспора мы сталкиваемся только со вторым типом. К нему относятся, в частности, кремация, ингумация и выставление. Они все наличествуют на Азиатском Боспоре, однако в различных городах они представлены в разной степени¹⁸⁵.

Обряд кремации на Боспоре появился с момента колонизации и составлял существенный процент от всего массива погребений. На Азиатском Боспоре известно 58 случаев кремаций. В основной своей массе кремации встречаются на Азиатском Боспоре в подкурганных погребениях, в грунтовых некрополях их крайне мало. Нам известно три типа кремации в некрополях Боспора. Они довольно четко фиксируются при раскопках.

К первому типу относятся погребения, где покойник был сожжен на месте, непосредственно в могиле. Этот вариант наиболее распространен в некрополях Азиатского Боспора — 31 (54% от всех случаев кремаций)¹⁸⁶. К этой группе относятся и случаи неполной кремации, когда от погребенного остаются кости, лежащие в анатомическом порядке. Такие погребения хорошо известны в Греции¹⁸⁷, причем с VII в. до н.э. они начинают преобладать над другими видами¹⁸⁸ на фоне общего сокращения количества кремаций. При этом кости могли собираться в кучу или оставаться *in situ*.

Ко второму типу относятся погребения, где кремация происходила, как и в первом случае, непосредственно на месте захоронения. Кости покойного собирались в урну, которая закапывалась там же в специальном сооружении или в ямке. Вариантом этого типа можно считать захоронения, когда в качестве «урны» выступало небольшое сооружение типа каменного, сырцового или черепичного ящичка, куда собирались кости.

Случаев захоронения в урне на месте сожжения в VI—III вв. до н.э. на территории Боспора известно 34¹⁸⁹. На территории Азиатского Боспора они появляются только в IV в. до н.э. и в основном в подкурганных захоронениях Фанагории (6 случаев) и Гермонассы (3 случая).

К третьему типу относятся случаи, когда труп сжигался в специально отведенном месте (рис. 15), затем прах собирался в урну и захоранивался на территории некрополя. В качестве урн выступали, как правило, керамические или металлические сосуды — амфоры, пелики, гидрии и т.п. В эллинистическое время получают распространение погребальные урны, специально сделанные для этих целей. Реже собранные на месте кремации кости помещали в небольшие каменные, сырцовые или черепичные ящички или просто в небольшие ямки, перекрытые камнями, черепицей или досками¹⁹⁰.

Все виды кремации известны как в грунтовых, так и в подкурганных захоронениях. По-видимому, наиболее распространенным в раннее время, на Боспоре являлся второй вариант. В IV—III вв. до н.э. он вытеснился первым, а в эллинистический период — третьим вариантом. Обряд этот был широко

известен в Греции, начиная с эпохи бронзы. В некрополях Таманского полуострова этот обряд встречается редко. Так, в архаический период известно всего одно захоронение по обряду кремации в некрополе у мыса Тузла. Несколько увеличивается их количество начиная с IV в. до н.э., в первую очередь за счет подкурганных захоронений. Несмотря на то, что по большей части они не являются основными в курганах, следует отметить, что в курганах хоронили своих покойников преимущественно зажиточные слои населения, таким образом, можно предположить, что этой части населения обряд кремации был более доступен¹⁹¹, хотя не следует относить все погребения по обряду кремации к погребениям зажиточных слоев населения.

Наряду с разницей в соотношении кремаций и ингумаций на европейской стороне Боспора и азиатской ясно прослеживается ряд отличий и в различных городах. В некрополе Фанагории доля кремаций на протяжении IV—III вв. до н.э. значительна. В первую очередь это объясняется сравнительно небольшой выборкой погребений этого времени на грунтовом некрополе и частотой кремаций в подкурганных захоронениях. Несмотря на то, что в большой степени кремации не являлись основными погребениями в курганах, вряд ли следует оспаривать тот факт, что в первую очередь курганы являлись семейными усыпальницами зажиточных слоев населения, у которых было больше финансовых возможностей для совершения кремаций. Кроме того, здесь можно увидеть и влияние Пантикапея, в котором кремация всегда занимала существенное место. Иными словами, появление кремаций в курганном некрополе Фанагории в IV в. до н.э., вероятно, было связано с вхождением Фанагории в состав Боспорского царства и, быть может, проливает свет на происхождение «верхушки» фанагорийского общества с IV в. до н.э. В эллинистический период процент кремаций здесь практически исчезает.

Сходная картина наблюдается в некрополях Кеп и Гермонассы, где в IV в. до н.э. кремации известны исключительно в подкурганных захоронениях. Это указывает на то, что «верхушка» в этих городах не только имела большой достаток, но и тесные связи с Пантикапеем¹⁹². Особенно ярко это видно на фоне почти полного отсутствия кремаций во всех грунтовых некрополях Тамани в VI—V вв. до н.э.

Рис. 15. «Крематорий», VI—V вв. до н.э. Некрополь Гермонассы.

Рис. 16 Ингумация в положении «вытянуто на спине» 1 — Некрополь Синдской гавани V в. до н.э., 2 — Некрополь «За Родину» первые века н.э.

нения как внутренние (развитие погребений знати, развитие семейных усыпальниц), так и внешние, связанные, возможно, с проникновением в города Боспора нового населения.

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛОМ УМЕРШЕГО

Одним из важнейших параметров при изучении погребальных памятников является способ обращения с телом умершего. Согласно типологии Ю.А. Смирнова¹⁸⁴, можно выделить две основные практики: трупосохранение и трупоуничтожение. К первому типу относятся мумифицирование, бальзамирование и т.д. Ко второму — практические действия, приводящие к уничтожению тела, выводу его из мира живых. В погребальной практике Боспора мы сталкиваемся только со вторым типом. К нему относятся, в частности, кремация, ингумация и выставление. Они все наличествуют на Азиатском Боспоре, однако в различных городах они представлены в разной степени¹⁸⁵.

Обряд кремации на Боспоре появился с момента колонизации и составлял существенный процент от всего массива погребений. На Азиатском Боспоре известно 58 случаев кремаций. В основной своей массе кремации встречаются на Азиатском Боспоре в подкурганных погребениях, в грунтовых некрополях их крайне мало. Нам известно три типа кремации в некрополях Боспора. Они довольно четко фиксируются при раскопках.

К первому типу относятся погребения, где покойник был сожжен на месте, непосредственно в могиле. Этот вариант наиболее распространен в некрополях Азиатского Боспора — 31 (54% от всех случаев кремаций)¹⁸⁶. К этой группе относятся и случаи неполной кремации, когда от погребенного остаются кости, лежащие в анатомическом порядке. Такие погребения хорошо известны в Греции¹⁸⁷, причем с VII в. до н.э. они начинают преобладать над другими видами¹⁸⁸ на фоне общего сокращения количества кремаций. При этом кости могилы собирались в кучу или оставались *in situ*.

Ко второму типу относятся погребения, где кремация происходила, как и в первом случае, непосредственно на месте захоронения. Кости покойного собирались в урну, которая закапывалась там же в специальном сооружении или в ямке. Вариантом этого типа можно считать захоронения, когда в качестве «урны» выступало небольшое сооружение типа каменного, сырцового или черепичного ящичка, куда собирались кости.

Случаев захоронения в урне на месте сожжения в VI—III вв. до н.э. на территории Боспора известно 34¹⁸⁹. На территории Азиатского Боспора они появляются только в IV в. до н.э. и в основном в подкурганных захоронениях Фанагории (6 случаев) и Гермонассы (3 случая).

К третьему типу относятся случаи, когда труп сжигался в специально отведенном месте (рис. 15), затем прах собирался в урну и захоранивался на территории некрополя. В качестве урны выступали, как правило, керамические или металлические сосуды — амфоры, пелики, гидрии и т.п. В эллинистическое время получают распространение погребальные урны, специально сделанные для этих целей. Реже собранные на месте кремации кости помещали в небольшие каменные, сырцовые или черепичные ящички или просто в небольшие ямки, перекрытые камнями, черепицей или досками¹⁹⁰.

Все виды кремации известны как в грунтовых, так и в подкурганных захоронениях. По-видимому, наиболее распространенным в раннее время, на Боспоре являлся второй вариант. В IV—III вв. до н.э. он вытеснился первым, а в эллинистический период — третьим вариантом. Обряд этот был широко

Рис. 15. «Крематорий», VI—V вв. до н.э. Некрополь Гермонассы.

Рис. 16 Ингумация в положении «вытянуто на спине»
1 — Некрополь Синдской гавани V в. до н.э.,
2 — Некрополь «За Родину» первые века н.э.

известен в Греции, начиная с эпохи бронзы. В некрополях Таманского полуострова этот обряд встречается редко. Так, в архаический период известно всего одно захоронение по обряду кремации в некрополе у мыса Тузла. Несколько увеличивается их количество начиная с IV в. до н.э., в первую очередь за счет подкурганных захоронений. Несмотря на то, что по большей части они не являются основными в курганах, следует отметить, что в курганах хоронили своих покойников преимущественно зажиточные слои населения, таким образом, можно предполагать, что этой части населения обряд кремации был более доступен¹⁹¹, хотя не следует относить все погребения по обряду кремации к погребениям зажиточных слоев населения.

Наряду с разницей в соотношении кремаций и ингумаций на европейской стороне Боспора и азиатской ясно прослеживается ряд отличий и в различных городах. В некрополе Фанагории доля кремаций на протяжении IV—III вв. до н.э. значительна. В первую очередь это объясняется сравнительно небольшой выборкой погребений этого времени на грунтовом некрополе и частотой кремаций в подкурганных захоронениях. Несмотря на то, что в большой степени кремации не являлись основными погребениями в курганах, вряд ли следует оспаривать тот факт, что в первую очередь курганы являлись семейными усыпальницами зажиточных слоев населения, у которых было больше финансовых возможностей для совершения кремаций. Кроме того, здесь можно увидеть и влияние Пантикапея, в котором кремация всегда занимала существенное место. Иными словами, появление кремаций в курганном некрополе Фанагории в IV в. до н.э., вероятно, было связано с вхождением Фанагории в состав Боспорского царства и, быть может, проливает свет на происхождение «верхушки» фанагорийского общества с IV в. до н.э. В эллинистический период процент кремаций здесь практически исчезает.

Сходная картина наблюдается в некрополях Кеп и Гермонассы, где в IV в. до н.э. кремации известны исключительно в подкурганных захоронениях. Это указывает на то, что «верхушка» в этих городах не только имела большой достаток, но и тесные связи с Пантикапеем¹⁹². Особенно ярко это видно на фоне почти полного отсутствия кремаций во всех грунтовых некрополях Тамани в VI—V вв. до н.э.

* * *

Вторым типом обращения с трупом в погребальной практике является трупоположение (ингумация). Во всех некрополях Азиатского Боспора преобладает положение костяка «вытянуто на спине» (рис. 16). Ноги, как правило, лежат параллельно, руки также вытянуты вдоль тела. Реже встречаются случаи, когда ноги соединены в щиколотках. Такое положение можно достичь только связыванием ног или пеленанием трупа. Ноги связывались в щиколотках и иногда в коленях¹⁹³. Изображения погребенных, завернутых в куски ткани, встречаются на росписях лекифов с белой облицовкой и т.д.¹⁹⁴

Помимо положения «вытянуто на спине» в некрополях Азиатского Боспора известно скорченное положение костяка. К этим погребениям следует относить погребения в положении «скорчено на боку» и «скорчено на спине». Крайне редко встречаются погребения, где костяк находился в положении «скорчено лицом вниз»¹⁹⁵.

На Боспоре обряд «скорчено на боку» и «скорчено на спине»¹⁹⁶ представлен в основном на азиатской стороне¹⁹⁷. «Скорченные» погребения не встречаются в подкурганных захоронениях. В некрополях Кеп, Гермонассы и Фанагории они составляют высокий процент (20–25%) от числа исследованных захоронений, тогда как в остальных некрополях либо их нет (у мыса Тузла), либо их число не превышает нескольких процентов (у пос. Пересыпь, у мыса Панагия). Несколько выше этот процент в Горгии (9%). На Европейской же стороне погребений с элементами скорченности практически нет ни в Пантикапее, ни в Мирмекии, ни в Тиритаке и т.д. Однако в некрополе Нимфея процент таких погребений высок (18%), что сопоставимо с некролями Кеп, Гермонассы и Фанагории. В III–II вв. до н.э. погребения с элементами скорченности сохраняются в некрополях Кеп, Фанагории, Пересыпи и Горгии. Вновь этот обряд погребения распространяется на Боспоре в первые века н.э. (рис. 17). В это время такие погребения встречаются как на Европейском, так и на Азиатском Боспоре, хотя и в незначительном количестве.

Исходя из сказанного, можно говорить о том, что наиболее распространенным на Боспоре вариантом скорченности костяков является «скорче-

Рис. 17. Ингумация в положении «скорчено на спине». Первые века н.э. Некрополь «За Родину»

но на спине». Скорченные погребения с раннего времени характерны для некрополей Кеп, Гермонассы, Фанагории. Условно к ним можно отнести некрополь у пос. Пересыпь. В то же время в некрополях Пантикапея, Мирмекия, Тиритаки, Китея, у мысов Панагия и Тузла их нет. Не встречаются они и в курганных некрополях Кеп, Фанагории и Гермонассы, несмотря на большой процент таких погребений в грунтовых некрополях вышеперечисленных городов. Это, очевидно, указывает на то, что та категория населения, которая хоронила умерших в курганах, отличалась по этому признаку от рядового населения. Возможно, что после объединения боспорских городов в одно государство, верхушка общества в этих городах была связана с Пантикапеем, а, возможно, и происходила оттуда. В пользу этого может говорить наличие в курганах сооружений, сходных с пантикапейскими, распространенность в них кремаций (при том, что их нет в грунтовых некрополях Кеп, Фанагории и Гермонассы), отсутствие в курганах погребений с элементами скорченности, а также ряда других признаков.

Недавно было опубликовано специальное исследование, посвященное скорченным захоронениям Боспора¹⁹⁸. В нем было отмечено, что погребения в положении «скорчено» коррелируются с детскими погребениями в амфорах. По нашему мнению, вряд ли имеет смысл дальнейшее рассмотрение «скорченных» погребений в контексте варварских. Видимо, мы имеем дело с какими-то категориями умерших греков. Было бы заманчиво предположить, что, как и детские погребения в амфорах, эти погребения относятся к категории «безвременно ушедших». Однако ни возрастных, ни половых, ни социальных отличий у данных погребенных выявить пока не удается.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

При изучении погребальных памятников одним из самых сложных для интерпретации является вопрос о погребальном инвентаре. При исследовании этого вопроса следует учитывать большое количество дополнительных данных — символическое значение вещей в погребениях, их производство специально для погребений, религиозные представления о значимости вещей для посмертного существования, суеверия и т.д.¹⁹⁹ К сожалению, до сих пор преобладает довольно прямолинейный взгляд на погребальный инвентарь: «вещи, полагаемые с покойником в могилу, ясно указывают на то, кто был почивший, чем он занимался, что его увлекало и радовало, когда он наслаждался еще светом солнца»²⁰⁰. Иначе говоря, много вещей означают богатое погребение, оружие — воин, игла — «швея», пряслице — «пряха», амфора — «посмертное питье», стригиль — «палестрит», и т.д.

Такой подход не учитывает целый ряд факторов. Погребальные обряды, как и религия, в этот период в различных греческих городах довольно сильно различались. Даже в пределах одного полиса погребальные обряды у разных групп населения (и в том числе у разных групп граждан) могли отличаться друг от друга²⁰¹. Например, в зависимости от религиозных, философских и других различий могли быть разные взгляды на представления о переходе и посмертном существовании, и в этой связи — на необходимость «снаряжения» души для такого «путешествия».

Рис. 18. Остатки расписного саркофага из грунтового склепа. I в. н.э. Восточный некрополь Фанагории

Рис. 19. Алабастр финикийского стекла. V в. до н.э. Некрополь Сидской гавани. Анапский археологический музей-заповедник

Рис. 20. Амфориск финикийского стекла. V в. до н.э. Некрополь пос. Волна 4. Таманский музей

Многие исследователи довольно уверенно разделяют погребения на более и менее богатые по количеству погребального инвентаря. Однако если исходить из этого критерия, то получится, что самыми богатыми во многих греческих городах были дети — зачастую не только по количеству находок, но и по их качеству. Нередко безинвентарные погребения относят к погребениям неимущих или зависимых слоев населения. Однако, в нескольких случаях обнаружены неразграбленные погребения в сооружениях, требующих больших трудозатрат (каменные ящики из хорошо обработанных плит, склепы и т.д.), где у погребенных не было вовсе инвентаря или он был минимальный²⁰². Речь должна идти не о богатстве или бедности данного погребенного, а о воззрениях на необходимость сопроводительного инвентаря для «загробного путешествия» и посмертного существования души. Это особенно ярко проявляется в позднеантичное время, когда на территории Азиатского Боспора получают распространение погребения христиан, иудеев и т.д., чьи воззрения не предполагали обильного погребального инвентаря.

При характеристике погребального инвентаря следует выделить его составляющие:

1. Предметы, связанные с положением умершего в могилу: остатки гроба (саркофага), в том числе их украшения, погребальное ложе, настил или носилки, подстилка, подушка, покрывало и т.д. (рис. 18).

2. Предметы, связанные с обработкой трупа: губки, сосуды для воды, которой омывалось тело, сосуды для масел и благовоний, которыми тело умащались, предметы, с помощью которых производились различные манипуляции с телом и т.д. (рис. 19–21).

3. Предметы, связанные с проведением обрядовых действий, при погребении: сосуды для возлияний, остатки заупокойных тризн, проводимых при открытой могиле и положенные в могилу (рис. 22).

4. Детали погребального костюма: саван, «белые тапочки», одежда, в которой был погребен умерший, в том числе ее части — пуговицы, застежки, фибулы, бисер, бусы, накладки, нашитые на одежду, отчасти — украшения и т.д. (рис. 23–24).

5. Предметы, имеющие символическое значение: связанные со статусом погребенного, его принадлежности роду и объединению и т.д. Эта категория одна из самых трудновыделяемых, так как в некоторых предметах, в зависимости от их местоположения и материала «скрывался какой-то сигнал, понятный современникам, но темный для нас»²⁰³ (рис. 25).

6. Предметы, связанные с религиозными воззрениями умершего²⁰⁴: терракоты, монеты — «обол Харона», обереги и т.д., необходимые умершему для перехода в иной мир и последующего благоприятного посмертного существования (рис. 26).

7. Предметы, необходимые умершему в его посмертном существовании: заупокойная пища, предметы быта, оружие и т.д. (рис. 27).

8. Предметы, «передаваемые» с покойником в мир мертвых: таблички с просьбами о заступничестве или проклятиями, дары и т.д.

9. Предметы, связанные с магией и суевериями и предназначенные для охраны мира живых от мира мертвых.

Естественно, что не во всех случаях можно с уверенностью говорить о принадлежности погребального инвентаря к той или иной категории. Некоторые предметы могут принадлежать одновременно двум категориям (например, украшения гроба или саркофага могут относиться как к первой, так и шестой категориям, то же можно сказать об украшениях погребального костюма, росписях на сосудах и т.д.).

Рис. 21. Стекланный унгентарий.
Первые века н.э. Некрополь
«За Родину». Таманский музей

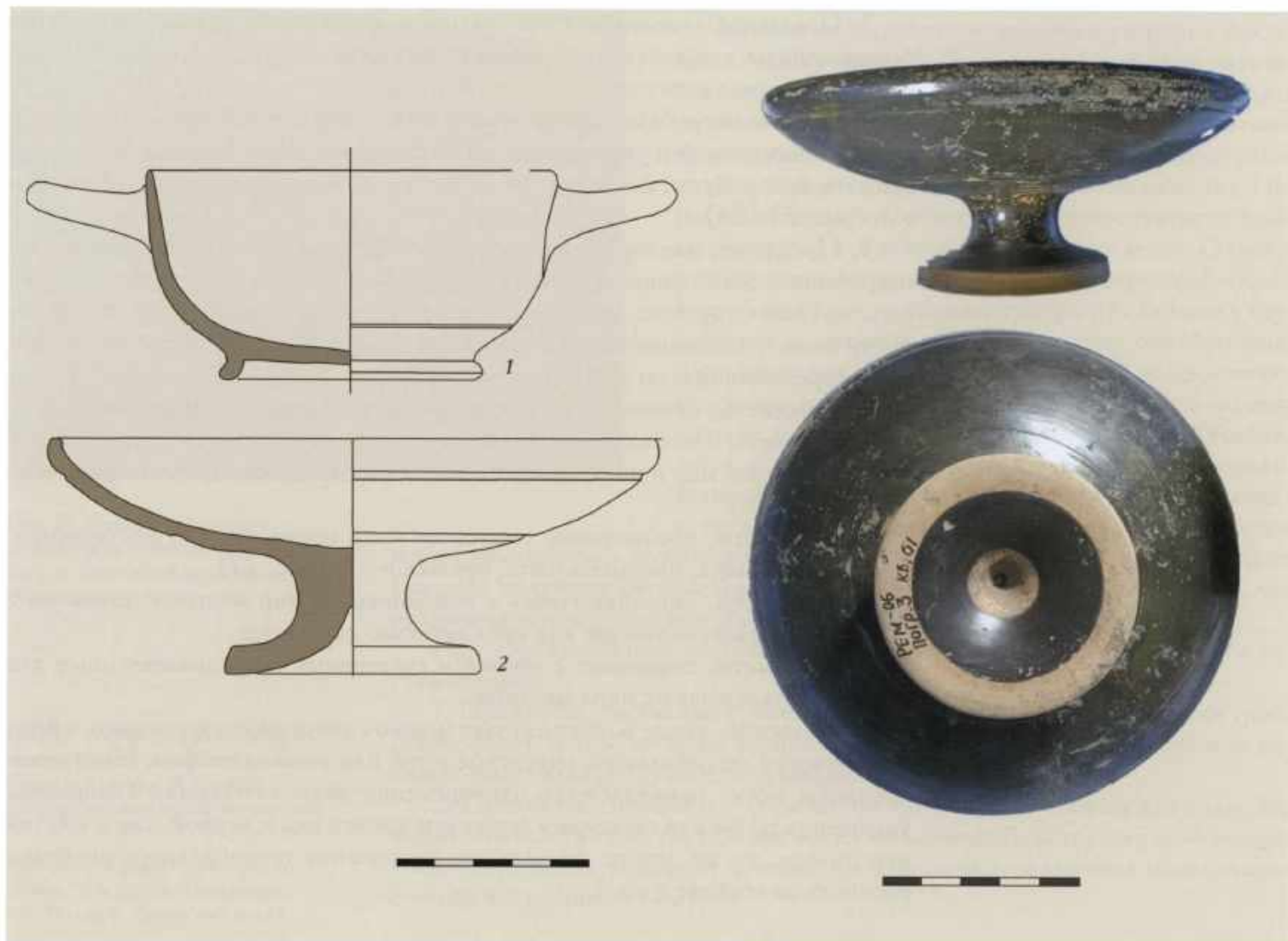

Рис. 22. Сосуды для вина и возлияний. V в. до н.э. Некрополь Синдской гавани. Анапский археологический музей-заповедник

Рассмотрим лишь некоторые из категорий инвентаря.

Сосуды для жидкостей²⁰⁵ (амфоры, пелики, кувшины и т.д.) (рис. 28). Традиционно эта категория инвентаря рассматривалась как связанная с заупокойной пищей, однако подробное изучение вопроса позволило пересмотреть эту точку зрения²⁰⁶.

В некрополе Пантикапея наиболее четко прослеживаемая связь — *амфора* — *сосуды для масла*, тогда как взаимосвязь *амфора* — *сосуд для питья* — незначительна. Частоту встречаемости сосудов для масла с сосудами для питья можно определить как 30 к 1. Это позволяет определить назначение амфоры в погребении не как сосуда с напутственным питьем, а как предмета, связанного с погребальной обрядностью, а точнее — в качестве вместилища воды для обмывания трупа или «сосуда скорби», который устанавливался перед входом в дом умершего для обязательного омовения и очищения в то время, когда покойник еще находился в нем. Покойник помещался ногами к выходу из дома²⁰⁷. Вокруг покойного в это время выставлялись сосуды с маслом и благовониями, которыми умащался труп. При погребении эти сосуды помещались в могилу. В пользу такой трактовки амфоры в погребении говорит и ее положение в ногах, а также у входа в склеп.

В некрополях Азиатского Боспора взаимосвязь несколько иная: «*амфора* — *сосуд для питья*» (4 к 11). При большом количестве случаев, когда

Рис. 23. Нашивки на одежду из детского погребения. I в.н.э. Фанагория. ИА РАН

встречены и сосуды для масла, и сосуды для питья, для Азиатского Боспора устойчива обратная связь: «сосуд для питья — амфора/кувшин». Можно предположить, что амфора в погребениях европейской части, как правило, являлась не погребальным инвентарем (т.е. предметом, положенным в могилу для облегчения посмертного существования покойного), а частью инвентаря, связанного с подготовкой тела умершего к погребению. В погребениях азиатской части Боспора амфора выполняла иную роль — она являлась частью заупокойного дара умершему. Таким образом, выявляются различия во взглядах населения этих двух регионов на посмертное существование души.

С IV в. до н.э. из погребений Азиатского Боспора почти исчезают амфоры, их место занимают пелики. Для пелик во всех некрополях характерна взаимосвязь «пелика — сосуд для масел и благовоний» и вместе с тем слабо выражена связь «пелика — сосуд для питья». Можно предположить, что, подобно амфорам, пелики и кувшины в погребениях европейской части, как правило, являлись не погребальным инвентарем, а частью инвентаря, связанного с подготовкой тела умершего к погребению. В погребениях же азиатской части Боспора VI—V вв. до н.э. амфоры и кувшины выполняли иную роль: они являлись частью заупокойного дара умершему — сосудами для посмертного питья. Таким образом, и в данном случае видны различия во

Рис. 24. Украшения из погребения.
Некрополь Синдской гавани
V в. до н.э. Анапский
археологический музей-заповедник

взглядах населения этих двух регионов на посмертное существование души в VI–V вв. до н.э. Интересно, что по этому показателю кепский некрополь коррелируется с погребениями Азиатского Боспора и отчасти с некрополем Нимфея, однако с IV в. до н.э. картина несколько меняется. В некрополях Кеп, Фанагории, Нимфея и т.д. взаимосвязь с сосудами для питья продолжает прослеживаться, но на первое место везде выступает связь с сосудами для масла. Возможно, это было связано как с влиянием Пантикапея в рамках единого государства, так и с новыми общими тенденциями в развитии религиозных представлений о посмертном существовании.

Сосуды для масел и благовоний. К этой категории относятся небольшие сосуды: лекифы, амфориски, аски, арибаллы, унгвентарии, бальзамарии и т.д. Несмотря на их различия в форме, функциональное применение их одинаково — все они являются сосудами для масел и благовоний. На территории Азиатского Боспора сосуды для масел и благовоний встречаются в большинстве погребений в некрополях Гермонассы, Патрея и т.д., почти в 50% погребений в некрополях у м. Тузла и Панагия²⁰⁸. С другой стороны, в ранних некрополях Фанагории, Кеп, у пос. Пересыпь этот процент не превышает 25%. Некоторое его увеличение в IV–III вв. до н.э.

в некрополях Кеп и Фанагории связано с частой встречаемостью сосудов данной категории в курганных некрополях этих городов. В это же время в грунтовых некрополях сосуды для масел и благовоний встречены не более чем в 30% погребений. Вряд ли такая картина случайна. По данному признаку некрополи Кеп, Фанагории и у пос. Пересыпь составляют одну группу.

Традиционно данные сосуды вместе со стригилями относятся к предметам «палестрического быта», однако, сосуды для масла, которые встречаются как в мужских, так и в женских и детских погребениях, являются не столько предметом «палестрического быта», сколько предметом, связанным с погребальной практикой — умащением тел умерших и т.д.²⁰⁹. В ряде случаев они специально изготавливались для таких целей²¹⁰. Они широко представлены в некрополях Греции²¹¹. В некрополях Азиатского Боспора VI—V вв. до н.э. сосуды для масла и благовоний встречаются, однако, далеко не в каждом погребении. Они встречаются в погребениях как взрослых мужчин, так и детей и женщин, что само по себе ставит под сомнение связь этих сосудов с «палестрическим бытом». Анализ изображений на этих сосудах свидетельствует о том, что они изготовлены специально для погребений. Так, на лекифах с белой облицовкой в основном представлены сцены погребения, оплакивания, посещения могил и изображения, имеющие отношение к заупокойным обрядам²¹². Мы видим на них аналогичные сосуды, приносимые в качестве поминальных приношений²¹³. Сцены, связанные с погребальными обрядами, взглядами на смерть, а также момент перехода присутствуют не только на лекифах с белой облицовкой, но и на пеликах керченского стиля, леканах, апулийских вазах и лекифах²¹⁴. Без учета того обстоятельства, что они найдены в погребениях, невозможно правильно интерпретировать помещенные на них изображения.

При рассмотрении под этим углом зрения лекифов (и иных сосудов) из погребений с сюжетными изображениями можно интерпретировать многие «жанровые сцены» и т.д. Так, недавно Н.В. Молева вновь обратила внимание на распространенные изображения зайцев и собак в греческом искусстве²¹⁵. Долгое время считалось, что они носят бытовой характер и связаны с анималистическими наблюдениями греков²¹⁶. Ситуация несколько изменилась лишь в последние десятилетия²¹⁷. По мнению Н.В. Молевой, смысл пары «заяц —

Рис. 25. Ажурная подвеска из погребения. I в. н.э. Восточный некрополь Фанагории. ИА РАН

Рис. 26. Терракотовая статуэтка, изображающая кабана, из погребения. I в. н.э. Восточный некрополь Фанагории. Таманский музей

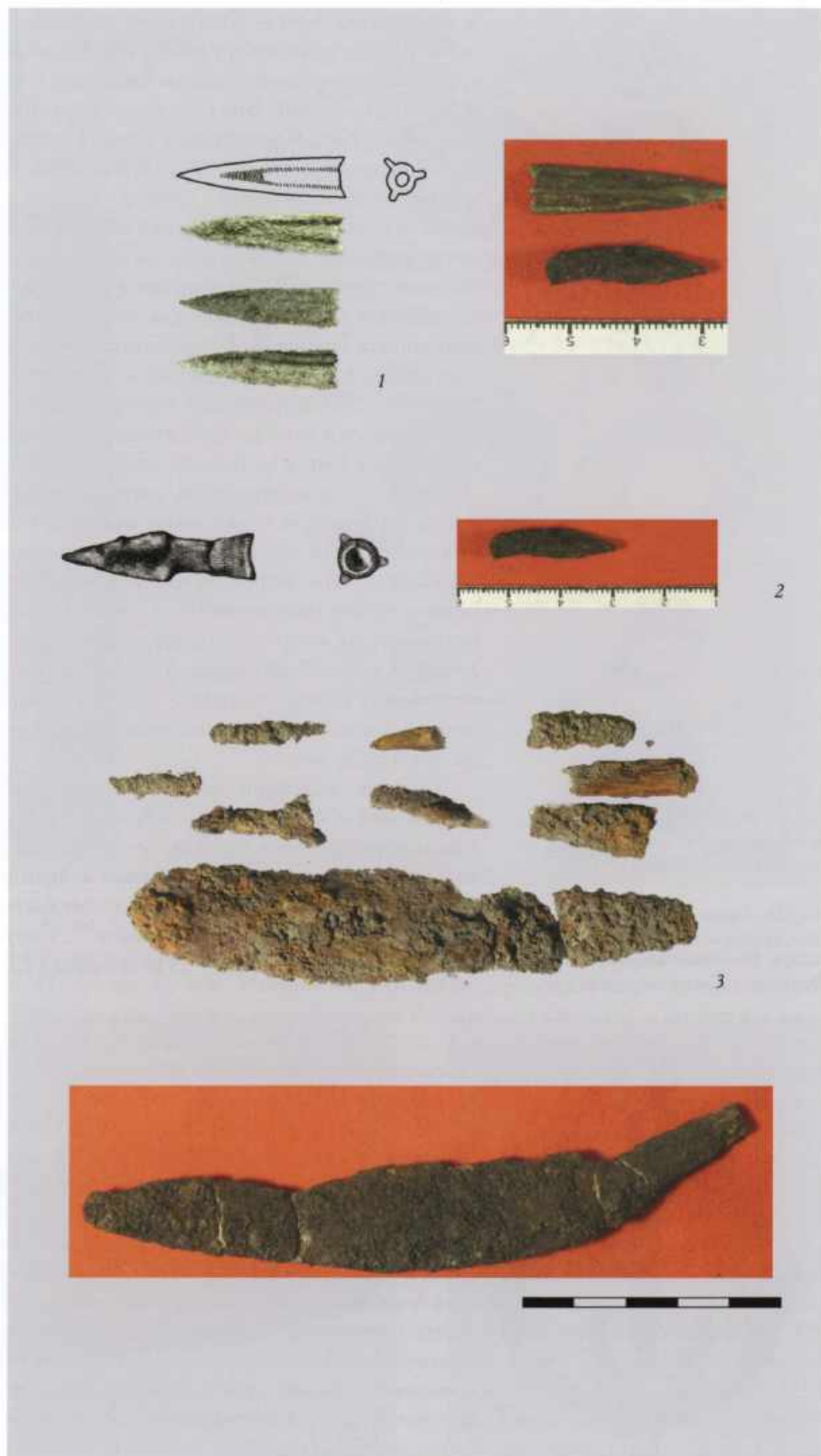

Рис. 27 Оружие и предметы быта из погребения. V в. до н.э. Синдская гавань, 2006 г. Анапский археологический музей-заповедник

собака» — это противостояние жизни и смерти. К приведенным ею примерам можно добавить целый ряд изображений на сосудах²¹⁸. Особо следует отметить лекиф мастера «Танатоса» с белой облицовкой из Ампелокеп, на котором изображена сцена «охоты на зайца»²¹⁹. Интересно изображение также на краснофигурном бальзамарии (490-е годы до н.э.) из раскопок афинского Керамика²²⁰, где юноша стоит перед тронем Богини с зайцем в руках, а Богиня протягивает ему головку мака. Гипотеза Н.В. Молевой получает, таким образом, дополнительное подтверждение.

Стригиль. Стригили — не частая находка в некрополях Азиатского Боспора. В некрополе у м. Тузла стригили найдены уже в наиболее ранних погребениях, хотя их находки единичны. Невелико их количество и в более позднее время, однако с IV в. до н.э. они распространены гораздо шире²²¹. Как и в случае с сосудами для масла и благовоний, они встречаются не только в погребениях мужчин, но и в погребениях женщин и детей, что ставит под сомнение их взаимосвязь с «палестрическим инвентарем» в погребениях. Стригили изображены на лекифах с белой облицовкой в связи с погребально-поминальными действиями²²². Наиболее вероятно их использование именно в обрядах, связанных с подготовкой тела к погребению. Стригили и в некрополях Греции не являются обязательным атрибутом погребения, но нередко встречаются²²³.

Леканы. К специфической категории находок в боспорских некрополях относятся леканы²²⁴. В различных некрополях они встречаются в неодинаковом количестве. Их совсем нет в некрополях Гермонассы, Тузлы, Панагии; с другой стороны, в погребениях кепского некрополя найдено 20 экземпляров²²⁵; в некрополе Фанагории — 44²²⁶. Интересно, что в курганном некрополе Фанагории и Кеп их почти нет.

Леканы довольно однотипны, изредка снабжены росписью. Высказывались предположения, что они в погребениях служили атрибутом посвященных в мистерии²²⁷. Эта гипотеза представляется вполне убедительной. Во-первых, они встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Почти все леканы эллинистического времени раздавлены, многие до такой степени, что их не удалось склеить. Создается впечатление, что они «одноразового использования», т.е. делались специально для погребений. Интересна роспись на ранних привозных леканах. На леканах, найденных в погребениях в Пантикапее²²⁸, представлены «сцены в гинекее», которые, по нашему мнению, связаны с погребальной обрядностью, и в частности с посвящениями в мистерии. В этих сценах изображен Эрот-Танатос, подносящий шкатулку умершему, и женщина, подносящая лекану, и т.д. На лекане, найденной в 1872 г. в погребении Пантикапейского некрополя, женщина ставит лекану к могиле²²⁹. В этой же связи интересны также изображения на некоторых других сосудах. На сосуде, найденном в погребении в 1874 г., изображен Эрот-Танатос, подающий эфебу с двумя копьями лекану. У ног Танатоса — прыгающая на эфеба собачка²³⁰. На кальпиде из Керчи²³¹ представлена «сцена в гинекее»: женщина, на коленях которой изображена крылатая фигура (собирающаяся ее покинуть душа?), перед ней — девушка со шкатулкой и леканой. На пиксиде из Эретрии, хранящейся в Берлине, видна сидящая в печальной позе женщина, из живота которой выходит душа, которую ведут за руку Персефона с Аидом. Справа от последнего изображена женщина с факелом (Деметра). Еще правее душа витает перед богиней на троне, позади умершей видна траурная процессия, в том числе Эрот-Танатос с траурными

Рис. 28. Ойнохоя. Некрополь Синдской гавани V в. до н.э. Анапский археологический музей-заповедник

лентами, женщина со шкатулкой и женщина с леканой²³². На лекане из Берлина изображены парные протомы Богинь²³³.

В некрополе Кеп леканы встречаются, как правило, с пеликами (в 12 из 16 случаев).

Шкатулка. Шкатулки крайне редко встречаются в погребениях Боспора VI—II вв. до н.э. Возможно, это связано с тем, что, выполненные из дерева, они очень плохо сохраняются в земле. Настораживает, впрочем, тот факт, что в более поздних погребениях Боспора шкатулки или ее элементы становятся частой находкой.

Шкатулка часто изображалась как на погребальных вазах, так и на надгробных стелах²³⁴. Известно, что посвященные в таинства имели шкатулку, в которой хранили священные предметы, символы и знаки, подтверждающие их принадлежность к определенному кругу²³⁵. Не останавливаясь подробно на изображениях шкатулок в «сценах в гинекее»²³⁶, отметим те случаи, когда шкатулка была представлена в еще более «прозрачном» (с точки зрения погребальной обрядности) сюжете. Так, в погребальной процессии шкатулка видна на уже упомянутой пиксиде из Берлина, на кальпидах из Берлина и из Керчи²³⁷. Рядом с умирающим мужчиной на гидрии из Лондона — юноши, держащие бальзамарий, зеркало и шкатулку²³⁸. На пиксиде из Афин изображен вход в склеп, перед которым стоят два сосуда, справа от него — женщина в покрывале передает другой женщине веретено, а слева — сидящая в скорби женщина, висящее рядом зеркало и служанка со шкатулкой²³⁹. Несут шкатулку и в траурной процессии, представленной на рисунке лондонской пиксиды из Греции²⁴⁰. Стоящей на надгробном памятнике изображена шкатулка на лекифе с белой облицовкой из Берлина²⁴¹. На лекифе из Пантикапея²⁴² мы видим женщину с погребальными лентами и шкатулкой. Известны изображения шкатулок и на иных погребальных сосудах и стелах²⁴³.

На связь шкатулки с мистериями, культом эливсинских богинь указывают ее изображения на вазе из Керчи²⁴⁴, где представлены две женских фигуры, одна из них с факелом (богиня), а между ними над алтарем женщина с факелом и шкатулкой. Интересно изображение на лекифе из погребения в Пантикапее, где Эрот-Танатос или (в данном случае, вероятнее) душа умершего вручает протоме богини шкатулку²⁴⁵. В связи с этим можно по-новому интерпретировать известный сюжет, встречающийся как на боспорских, так и на греческих погребальных стелах. Так, на стеле, найденной в 2003 г. во время раскопок на восточном некрополе Фанагории, изображена маленькая фигурка со шкатулкой, которая стоит перед сидящей женщиной (рис. 29). Традиционно данная сцена трактуется как «госпожа со слугой (служанкой)». Однако правильное интерпретировать данную сцену как изображение души умершего, стоящую перед тронем Богини (Персефоны) со шкатулкой (пропуском в Элизиум). Несмотря на малое количество находок шкатулок на Боспоре в раннее время, наибольшее их количество, как и в случае с леканами, встречено в Фанагории и Кехах. В более позднее время шкатулки или их детали (замки, ключи) становятся массовой находкой в погребениях.

Предметы, связанные с культурами и магией²⁴⁶. В эту категорию входят самые разные предметы, так или иначе связанные с культурами и магией. Впрочем, следует оговориться, что в принципе все предметы, положенные в могилу, так или иначе связаны с культурами (как минимум с погребальными). Но есть целая категория вещей, семантика которых в погребениях довольно сложна и требует специального рассмотрения.

Рис. 29. Погребальная стела. IV—III вв. до н.э. Восточный некрополь Фанагории. Таманский музей

Донца сосудов, сосуды вверх дном. В погребениях некрополя Кеп довольно много встречено нижних частей сосудов. Они обнаружены и в погребениях других некрополей и трактуются учеными то как «игрушка», то как признак скарденности погребавших, считавших, что покойнику целый сосуд «ни к чему, и так сойдет»²⁴⁷. В отдельных случаях, когда инвентарь невыразителен, это рассматривается как признак ограбленности погребения. Находка нецелых сосудов — явление довольно распространенное на Боспоре (и в греческом мире в целом). Однако в разных некрополях сосуды «бились» по-разному. Так, в некрополе Мирмекия они обычно разбивались и разбрасывались по могиле; чаще всего это случалось с лекифами и сосудами для масла (в 32 из 64 случаях)²⁴⁸. Предполагать случайность этого при неразграбленности могил (притом, что части фрагментов не доставало) — нельзя. Можно предположить, что при совершении погребальных церемоний, еще до закрытия могилы, сосуды для масла, использованные при церемонии, разбивались («умерщвлялись»), а части их кидались в могилу. В некрополе у м. Тузла часто отбивалась ножка сосуда (у киликов и чашек на ножках)²⁴⁹. То же наблюдается и в некрополе у м. Панагия²⁵⁰. К этой же серии можно отнести случаи, когда в погребение преднамеренно клали только нижнюю часть сосуда. Такие случаи известны в некрополях у пос. Пересыпь²⁵¹, Фанагории, Танаиса²⁵².

В некрополе Кеп известно 8 таких случаев: донца киликов, донца амфоры и кувшина. Сохраняется эта традиция и в эллинистический период. В тризнах также присутствовали не просто сосуды и их донца, а донца сосудов, перевернутые вверх дном, причем Н.П. Сорокина²⁵³ подчеркивает, что в тризне при погребении 364/44 было обнаружено более 25 мисок, перевернутых вверх дном.

Разным божествам, как известно, подносились разные части сосудов²⁵⁴. Так, в развалинах афинского акрополя обнаружено большое количество ручек сосудов, посвященных Афине и Гефесту в качестве покровителей ремесленников²⁵⁵, причем многие из ручек с надписями. Наблюдения за ольвийским материалом позволили В.П. Яйленко выделить нижнюю часть сосудов, как посвященную хтоническим богам: посвящения Деметре, Персефоне, Иакху и Кабирам располагались именно на нижней части сосудов. Наблюдения, сделанные А.А. Завойкиным при раскопках святилища на поселении Береговой 4 (Саратовское)²⁵⁶, подтверждают эту гипотезу. На святилище были найдены десятки (если не сотни) донцев сосудов, причем они практически во всех зафиксированных *in situ* случаях располагаются вверх дном. В таком же положении были найдены и ножки амфор²⁵⁷. Отметим еще одну группу захоронений, в которой представлены целые сосуды, но перевернутые вверх дном: это архаическое погребение некрополя Кеп № 144/82, где в перевернутом виде были обнаружены канфар и миска, и № 373/9 эллинистического времени, где была найдена тарелка, преднамеренно перевернутая дном вверх. Первое погребение интересно еще и обрядом совершенного в нем погребения. Детский труп был расчленен, его туловище находилось под перевернутым вверх дном канфаром, а остальные кости лежали рядом. Вблизи стояла и перевернутая

миска. Погребение датируется концом VI — первой четвертью V в. до н.э. Подобный обряд в это время не встречается ни в кепском некрополе, ни некрополях Боспора вообще. Связь детей с «тем миром» как существ, не до конца оттуда пришедших и находящихся «посередине», а потому идеальных в качестве «медиаторов», отмечалась различными исследователями²⁵⁸. Возможно, данное захоронение вызвано некими экстраординарными причинами и было связано с некромантией, распространенной в античном мире. Кроме некрополя Кеп перевернутые сосуды встречены также в некрополе у м. Панагия²⁵⁹. В целом можно говорить о том, что во многих погребениях Кеп проявляются черты, связанные не просто с хтоническим миром, а с культурами элевсинских божеств, что вполне объясняется самим характером этих культов.

Пряслица. Вторым предметом, относимым нами к группе культовых, является пряслице. Эти предметы часты в погребениях Греции и Боспора; обычно они определяются как «орудия труда». Пряслица посвящались Афине, как покровительнице прях²⁶⁰, Гекате, Мойрам²⁶¹, богиням плодородия, Афродите. Интересно, что в погребениях (более поздних) часты находки пряслиц вместе с прялками, увенчанными изображением Афродиты²⁶². О неутилитарном назначении пряслиц в погребениях свидетельствует несколько моментов — их количество часто превышает одно, они встречаются как в погребениях мужчин, в том числе и воинов, так и женщин. Интересен и факт находки чернолакового пряслица в кепском некрополе.

Пряслица в погребениях обнаружены на Азиатском Боспоре почти повсеместно. В некрополе у м. Панагия они найдены в 7 могилах, в некрополе у м. Тузла — в 13, в некрополе у пос. Пересыпь — в 9 погребениях, в некрополе Гермонассы — 4 раза. В некрополе Кеп пряслица встречены в 5 архаических и 5 эллинистических могилах, причем в четырех случаях они сопровождают погребения детей и подростков. В одном погребении найдено 4 пряслица.

В некрополе Пантикапея, несмотря на большое количество погребений VI—II вв. до н.э., пряслица встречены только в 28 могилах и в основном с IV в. до н.э. Пряслица, таким образом, наиболее распространены в раннее время на азиатской стороне Боспора. То же можно сказать и о культе Афродиты Урании. Кажется наиболее вероятной связь находок пряслиц в погребениях именно с этим божеством. Интересны их изображения на погребальных сосудах, в том числе на тех, которые можно соотнести с мистериальными культурами. На пиксиде из Афин изображен вход в склеп, перед которым стоят два сосуда, справа от него — женщина в покрывале передает другой женщине веретено, а слева — сидящая в скорби женщина, висящее рядом зеркало и служанка со шкатулкой²⁶³. Изображены веретена и на аррибаллических лекифах из погребений в Пантикапее²⁶⁴, Апполонии²⁶⁵.

Иглы. Иглы и шилья часто встречаются в некрополях Азиатского Боспора с VI в. до н.э., причем не только в женских, но и в мужских, и детских погребениях²⁶⁶. В пользу их магического, а не «утилитарного» назначения в погребениях, помимо этого, говорит то, что они иногда втыкались в подушку²⁶⁷, клались согнутые иглы²⁶⁸, обломанные²⁶⁹, известны золотые экземпляры²⁷⁰ и т.д. В пользу такой трактовки говорит и тот факт, что в некоторых некрополях они не встречаются или встречаются редко, что трудно объяснить, если исходить из их «утилитарного» значения в могиле. Иглы, булавки и т.д. как обереги от злой силы известны с древнейших времен²⁷¹. Иглы встречаются во многих погребениях греческих городов²⁷². В некрополе Пантикапея они встречены в 7,6–9% погребений, в некрополе у пос. Войкова IV в. до н.э. — в 16%, в некрополе у пос. Пересыпь — в 17–25%²⁷³. В некрополе

Рис. 30. Бронзовое зеркало из погребения. V в. до н.э. Некрополь Синдской гавани. Анапский археологический музей-заповедник

Кеп архаического времени бронзовые иглы встречены 9 раз (14% или 21% взрослых погребений), в некрополе эллинистического времени — также 9 раз (10% взрослых погребений).

Зеркала. Зеркала встречены в погребениях Боспора 153 раза (рис. 30). Наибольший процент таких погребений в ранних некрополях Азиатского Боспора — в некрополях у пос. Пересыпь — в 17% погребений, у м. Панагия (15%) и Тузла (13%). С IV в. до н.э. процент таких погребений в целом по Боспору выравнивается (около 9–10%). Известны зеркала и в ряде некрополей Греции²⁷⁴. Они сопровождали и погребения женщин, и захоронения мужчин и детей. Характерно, что в погребениях раннего времени они нередко находятся в комплексах с ракушками каури. Зеркала связаны с погребальными культурами, их часто изображали на погребальных стелах и сосудах. Возможна их связь с воззрениями о возрождении, однако не исключено, что они рассматривались и как вместилище (пристанище) души. Известна связь зеркал с дионисийскими и элевсинскими культурами и т.д.²⁷⁵ Интересно, что на ряде изображений на погребальных сосудах, которые можно связывать с погребальной тематикой, изображены зеркала. Так, они являются неизменным атрибутом в «сценах в гинекее». Изображены они и на лекифах с белой облицовкой рядом с погребальными памятниками, а также на погребальных аррибаллических лекифах²⁷⁶.

Монеты. Обычай положения в могилу обола Харона распространяется в греческом мире в конце V—IV вв. до н.э.²⁷⁷ Харон в качестве перевозчика в Аид — персонаж в греческой мифологии сравнительно поздний (по сравнению с Аидом, Кербером и т.д.)²⁷⁸. По всей видимости, наиболее ранний Харон был схож по своей сути с этрусским Хару²⁷⁹ — демоном, увлекающим души мертвых в царство теней. Как перевозчик он впервые упоминается у Эсхила в «Семеро против Фив». За провоз он впервые берет плату в комедии Аристофана «Лягушки» — 2 обола ему платит Дионис, однако контекст, в котором приведено данное сообщение, еще не указывает на устоявшуюся традицию: вначале Дионис пытается отправить весть в царство теней с покойником, но, не сойдясь в цене, отправился сам с Хароном за более умеренную плату. Самые ранние изображения Харона-первозчика на аттических погребальных лекифах также датируются приблизительно концом VI в. до н.э.²⁸⁰ По-видимому, Харон трансформировался из злобного демона подземного мира в перевозчика к середине VI в. до н.э., а традиция положения в могилы денег в качестве оплаты за труды, очевидно, еще более поздняя (середина — конец V в. до н.э.). Несмотря на это, обычай платы Харону был распространен в греческом мире далеко не везде²⁸¹. Страбон пишет о городе Гермоне: «...в стране гермионцев короткий путь нисхождения в Аид; вот почему они не влагают в рот своим покойникам монеты в оплату за перевоз» (Strab. VIII, 6, 12).

Монеты появляются в Пантикапее в погребениях с конца V в. до н.э., а с IV в. до н.э. получают повсеместное распространение на Азиатском Боспоре, однако процент их в погребениях в различных центрах разный. Так, в «синдском» некрополе у м. Тузла они встречены в 53% погребений, в некрополе «дандариев» у пос. Пересыпь — в 42% погребений²⁸². В некрополях Фанагории и Кеп²⁸³ IV—II вв. до н.э. их процент — 23 и 16% соответственно. Редки погребения с монетами в некрополях Горгиипии, Тиритаки (IV в. до н.э.). Конечно, то, что монеты клались не всем покойникам, связано не с тем, что «не получив плату Харон не возьмет их в Аид и они вновь возвратятся к жизни»²⁸⁴ и не с «варваризацией» Азиатского Боспора²⁸⁵.

А с тем, что, среди части населения были распространены иные взгляды на момент «перехода» и жизни после смерти, где места для Харона-перевозчика не было.

Анализ изображений на монетах не позволяет выделить какие-то предпочтения при положении их в могилы, нет и четко выраженного «тарифа» за оплату пути через Стикс. В могилы кладут и золотые монеты, и бронзовую мелочь, нередко вышедшую из обращения²⁸⁶. В большинстве случаев — по одной монете, но известны случаи, когда в могилу кладутся стопки монет, мешочки и т.д. Более того, количество монет не всегда связано с богатством погребального инвентаря или качеством погребального сооружения. Так, в некрополе Кеп эллинистического периода открыто погребение (№ 27), в котором 11 монет стояло в трех столбиках, при этом остальной инвентарь состоял только из серьги. Не выделялось среди прочих и его погребальное сооружение. Отличалось это погребение лишь элементами скорченности: захоронение было совершено в положении «скорчено на спине». В некрополе Фанагории в погребении, открытом В.Г. Тизенгаузенем в 1872 г., в простой могильной яме было обнаружено 10 монет и «простая патера и ваза расписанные водяными красками»²⁸⁷. В том же некрополе в погребении II в. до н.э. из раскопок Т.Г. Шавыриной в 1980 г. в погребении № 62А было обнаружено 19 монет, а также кувшин, унгентарий и нож.

Терракоты. Полное рассмотрение находок и сюжетов терракот, а также фигурных сосудов и изображений на расписных сосудах, найденных в погребениях, представляется работой чрезвычайно интересной и перспективной²⁸⁸. Однако это тема отдельного крупного исследования.

Находки терракот в погребениях архаического и классического времени в некрополях Азиатского Боспора сравнительно редки, а в некоторых некрополях они вообще отсутствуют²⁸⁹. Несколько большее распространение терракоты в могилах получают в эллинистический период, но и в это время в некоторых некрополях их численность невелика. Так, только в двух женских погребениях грунтового некрополя Кеп и одном подростковом некрополя Фанагории встречены терракоты. Больше их в курганных некрополях этих городов. В первую очередь, это погребение 3 кургана 18 некрополя Кеп²⁹⁰ и погребение из склепа 4/1865 кургана Большая Близница²⁹¹, которое вероятно, относится к некрополю Фанагории.

Изредка²⁹² встречаются терракоты в некрополе Горгипии²⁹³, у м. Панагия²⁹⁴, у м. Тузла²⁹⁵. Есть терракоты и в погребениях Греции, так же часто в детских погребениях²⁹⁶.

Совершенно очевидна связь терракот, особенно женских, круга элевсинских, с погребальными культами и идеями возрождения после смерти. Находки их на Азиатском Боспоре как правило в детских погребениях, видимо, соотносимы с идеями обратимости.

Венок. Венки в погребениях Боспора появляются в основном в подкурганых погребениях с IV в. до н.э. и взаимосвязаны с идеями героизации умерших. В эллинистический период они встречаются и в грунтовых некрополях, в том числе и не самых богатых. В склепах римского времени они — частая находка (рис. 31).

Светильники. Согласно греческим погребальным обычаям, погребенный должен быть захоронен до восхода солнца²⁹⁷. Это довольно регулярно изображается на погребальных сосудах, где процессии изображаются в сопровождении факельщиков и т.д.²⁹⁸ В связи с этим было бы естественным находить в погребениях светильники. И действительно, некоторые некрополи демонст-

Рис. 31. Венок из золотой фольги. I в. н.э. Фанагория. ИА РАН

рируют большое количество светильников, представленных почти в каждом погребении²⁹⁹. Однако на Азиатском Боспоре этот обычай не получил широкого распространения: находки светильников в погребениях единичны, и в основном связаны со склепами. Несколько изменяется положение в римское время, когда в склепах и простых грунтовых погребениях светильники становятся массовой находкой.

Перстни железные. Известно, что одним из распространенных мистериальных культов в Древней Греции был культ Кабиров³⁰⁰. При посвящении в мистерию на острове Самофракия посвящаемым одевалось железное кольцо. В литературе указывалось на связь культа Кабиров с элевсинскими культами³⁰¹. В связи с этим показалось интересным рассмотреть встречаемость железных колец и перстней на Боспоре. Они встречаются на Азиатском Боспоре в небольшом количестве практически везде, в том числе и в богатых погребениях, в комплексах с золотом и золотыми перстнями. Интересна в связи с этим находка золотого перстня с железной вставкой эллинистического времени³⁰².

Астрагалы. Астрагалы встречаются в погребениях Азиатского Боспора часто, нередко это наборы по 10–80 и более штук. В основном астрагалы, как и терракоты, найдены в могилах детей и подростков. Астрагалы использовались в качестве игральные кости и, реже, в качестве подвесок-амулетов. Их использование известно в античном мире по находкам и по данным письменной традиции и в изобразительном искусстве. Однако против использования их в качестве только игральные кости говорит то, что они встречаются далеко не во всех некрополях, а также находки мраморных, чернолаковых и т.д. астрагалов, а кроме того, наличие на некоторых из них граффити.

* * *

Совершенно очевидно, что на основании полученных нами данных, всего разнообразного и разноуровневого материала очень сложно сделать четкие и однозначные выводы. Погребальные памятники Азиатского Боспора не являются прямыми историческими источниками. Однако при учете данных письменных источников, смежных дисциплин, использовании методов статистического анализа и т.д. этот археологический источник позволяет коррект-

но воссоздавать различные стороны жизни Боспора в целом и азиатской его части, в частности.

Постараемся обобщить наиболее важные итоги, полученные на основе анализа погребальных памятников Азиатского Боспора.

1. Самый важный вывод — это то, что мы должны говорить не о погребальном обряде всего Азиатского Боспора, не о некоем общем погребальном обряде греков, а об отдельных погребальных обычаях разных городов. А в связи с этим многие черты, которые казались «негреческими», «варварскими», в действительности являются локальными особенностями конкретных городов.
2. В ранний период на Азиатском Боспоре прослеживается несколько типов погребальных практик, которые условно можно разделить на две основные группы. Одна была связана с милетской колонизацией, другая — с «не-милетской». К первой относятся города, основанные Милетом или милетскими колониями в результате внутренней колонизации. К чертам погребального обряда, свойственным колониям Милета мы относим: а) преобладание погребений с перекрытиями над другими типами погребальных сооружений; б) отсутствие или малое количество погребений детей в амфорах. В данных некрополях преобладает захоронение детей в тех же типах погребальных сооружений, что и взрослого населения. В тех некрополях, которые связаны с милетской колонизацией, для детских погребений характерна большая насыщенность погребальным инвентарем, и в первую очередь терракотами³⁰³, которые в основном коррелируются именно с детскими погребениями; в) большой процент кремаций уже в раннее время; г) преобладание погребений в положении «вытянуто на спине» при почти полном отсутствии скорченных и полускорченных; д) использование сосудов для хранения жидкостей в качестве погребального инвентаря, связанного с подготовкой трупа к погребению, или с какими-то предварительными действиями (как «сосуд скорби», выставившийся перед домом умершего для омовений), а не в качестве заупокойного дара с вином; е) наличие в погребениях следов почитания Аполлона Врача³⁰⁴ уже в раннее время.

Вторая группа более вариативна, поскольку их метрополиями, вероятно, были разные города. К ним относятся Фанагория (колония Теоса или теоской Абдеры), поселение у пос. Пересыпь, по ряду признаков — Гермонасса, видимо, — Синдская Гавань. Интересно, что некрополь у пос. Пескокарьер, который традиционно связывается с Кепами (милетской колонией), также по основным признакам отличается от милетских колоний и примыкает ко второй группе. К чертам, общим для этих некрополей, мы можем отнести наличие детских «амфорных» захоронений, присутствие захоронений, расположенных в положении «скорчено» и «скорчено на спине», малое число кремаций, преобладание погребений без перекрытий³⁰⁵ и т.д.

Имеющиеся материалы позволяют предположить, что поселение у пос. Пересыпь являлось продуктом внутренней колонизации Фанагории и Кеп (возможно, последних даже в большей степени). Некрополь Кеп VI—V вв. до н.э. имеет целый ряд особенностей, выделяющих его среди других некрополей Боспора. К этим особенностям относятся детские захоронения в амфорах, не характерные для большинства некрополей Боспора (кроме фанагорийского, нимфейского, пересыпского). Кроме того, отличия наблюдаются и в форме погребальных сооружений — ямах без перекры-

тий, при малом количестве перекрытых, что также нехарактерно для других некрополей Боспора (за исключением вышеперечисленных). Отличия от других некрополей Боспора и в положении костяков: в некрополе Кеп часты захоронения в позе «всадника». К особенностям раннего Кепского некрополя можно также отнести нехарактерное положение амфор в погребениях, взаимовстречаемость амфор с другими предметами и т.д. Он выделяется и наличием большого количества следов женских культов плодородия в погребениях (Деметры — Керы/Персефоны и Афродиты), при отсутствии следов культа Аполлона Врача, что позволяет предположить немилетское происхождение населения, оставившего некрополь, или какие-то экстраординарные события, которые привели к смене главного городского культа милетян. Поскольку прослеживается связь между Кепами и Фанагорией, можно предположить, что милетские Кепы уже в конце VI — начале V в. до н.э. попали в зависимость от Фанагории, что и вызвало смену культа и обрядов. Поскольку погребальные обряды являются наиболее консервативными, то можно полагать, что милетяне были «растворены» среди прошлого населения. Видимо, это произошло в результате военного захвата Кеп Фанагорией.

Начиная с IV в. до н.э., картина на Боспоре в целом несколько «сглаживается», что, в общем, естественно, учитывая то, что боспорские города входят и существуют в рамках единого государства. Однако и в это время сохраняются местные особенности, характерные для некрополя Кеп. В их числе, например, большое количество эсар и трапедз, большое число антропоморфных надгробий, связанных с детскими погребениями (последнее распространяется на Боспоре, но только в первые века н.э.). Это позволяет предполагать какое-то дополнительное вселение³⁰⁶ в город. Впрочем, эти тезисы требуют специальной разработки³⁰⁷.

С IV в. до н.э., на азиатской стороне Боспора распространяется обряд сооружения курганов, известный в некрополе Пантикапея с архаического времени. В этих курганах совершаются богатые захоронения. Обряд погребения, характерный для курганных некрополей Кеп, Фанагории и Гермонассы, находит много параллелей с некрополем Пантикапея, отличаясь в то же время от синхронных грунтовых некрополей соответствующих городов. К этим чертам относится распространение обряда кремации и ряд других моментов. В частности, в некрополях Фанагории и Кеп в погребениях часто встречаются леканы и шкатулки, в то время как в подкурганных захоронениях их нет. Создается впечатление, что курганные некрополи были оставлены жителями Пантикапея, а не уроженцами Кеп и Фанагории. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

При рассмотрении некрополей Азиатского Боспора, в них почти не прослеживаются так называемые «варварские» черты. В большинстве случаев то, что относилось к «варварским» чертам, являются локальными особенностями конкретных греческих некрополей. Так, вряд ли теперь имеет смысл говорить о «варварской» принадлежности погребений в положении «скорчено» и «скорчено на спине». Помимо того, что аналогии им мы находим в некрополях Греции, они выявлены в боспорских некрополях второй группы и коррелируются с детскими захоронениями в амфорах.

И в заключение хотелось бы отметить, что, изучение некрополей Азиатского Боспора все еще заставляет ставить больше вопросов, чем дает ответов, получить которые можно только с привлечением максимального количества дополнительных данных.

- ¹ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Пг., 1925.
- ² *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- ³ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. Следует отметить, что в данной работе в первую очередь рассматриваются некрополи Европейского Боспора и лишь в небольшой части — Азиатского.
- ⁴ *Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 257—295.
- ⁵ *Думберг К.Е.* Раскопки гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 году // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1; *Он же.* Раскопки в г. Керчи и на Таманском полуострове // ИАК. СПб., 1902. Вып. 2.
- ⁶ *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках гробниц в городе Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК. СПб., 1903. Вып. 7; *Он же.* Отчет об археологических раскопках в 1902 г. // ИАК. СПб., 1904. Вып. 9; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. СПб., 1905. Вып. 17; *Он же.* Отчет о раскопках в городе Керчи в 1904 г. // ИАК. СПб. 1907. Вып. 25; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905—1906 гг. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 30; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1907 г. // ИАК. СПб., 1910. Вып. 35; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // ИАК. СПб., 1910а. Вып. 40; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1909 г. // ИАК. СПб., 1911. Вып. 44; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. СПб., 1914. Вып. 56; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. СПб., 1916. Вып. 60; *Он же.* Раскопки в г. Керчи и в Кубанской области в 1913—1915 гг. // ОАК 1913—1915. СПб., 1918.
- ⁷ *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI—II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; *Она же.* Некрополи Синдики VI—II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1964 // Научный архив ИА РАН. Р-2. № 1914.
- ⁸ *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э. М., 1981; *Он же.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
- ⁹ *Козуб Ю.И.* Некрополь: Міста і поселення Боспору // Археологія Української РСР. Київ., 1971. С. 353—362.
- ¹⁰ *Арсеньева Т.М.* Погребальный обряд // АГСП. М., 1984. С. 222—224.
- ¹¹ *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 51—56; *Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977; *Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 189—226; *Он же.* О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. № XXIV. С. 29—53; *Виноградов Ю.А.* Курган Ак-Бурун (1875) // Скифия и Боспор: (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 38—51; *Он же.* Некоторые вопросы интерпретации погребений варварской знати в районе Боспора Киммерийского // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 72—76; 2001. С. 77—87, *Он же.* О датировке центрального погребения в кургане Малая Близница // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 16, 23—24; *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69. С. 154—238; *Кобылина М.М.* Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. 1951. № 19. С. 236—240; *Она же.* Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 1951. № 19. С. 241—249; *Коровина А.К.* Некрополь около мыса Панагии // АИБ. Симферополь, 1962. Вып. 2. С. 301—314; *Она же.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966—1970 гг.) // СГММИ. 1987. Вып. VIII. С. 3—70; *Она же.* Некрополь Фанагории: (раскопки 1964—1965 гг.) // СГММИ. 1987. Вып. VIII. С. 71—109; *Масленников А.А.* Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. 1976. № 3. С. 112—126; *Он же.* К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977. С. 127—131; *Он же.* Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1. С. 25; *Он же.* Некрополи городов азиатского Боспора в первые века н.э. // СА. 1985. № 1; *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 1—136; *Сокольский Н.И., Сорокина Н.П.* Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг. // Ежегодник ГИМ 1963—1964 г. М., 1966. С. 28—49; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957; *Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Детские погребения Северного Причерноморья VI—III вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 3. С. 193—204; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. СПб., 1916. Вып. 60.
- ¹² *Капошина С.И.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. № VII. С. 161—173; *Она же.* Пережитки ритуального окрашивания костяков в ольвийском некрополе и в погребениях приднепровских скифов // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 26—30; *Она же.* Погребение скифского типа в Ольвии // СА. 1950. № XIII. С. 205—216; *Она же.* Из истории колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. № 50. С. 211—239; *Она же.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. Вып. 50. С. 154—189.
- ¹³ *Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5—107.
- ¹⁴ *Масленников А.А.* Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. 1976. № 3. С. 112—126; *Он же.* К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977. С. 127—131; *Он же.* Этнический состав населения боспорских городов. С. 25; *Он же.* Некрополи городов азиатского Боспора.
- ¹⁵ *Козуб Ю.И.* Погребальный обряд ольвийского некрополя V—IV вв. до н.э. // ЗОАО. Т. 1(34). Одесса, 1960. С. 76; *Она же.* Поховальні споруди ольвійського некрополя V—IV ст. до н.э. // Археологічні пам'ятки УРСР, Київ, 1962. Т. XI. С. 39—48; *Она же.* Некрополь Ольвії V—IV ст.

- до н.э. Київ, 1974. С. 55; Она же. Погребальные сооружения некрополей Ольвии и ее округи // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 27–34.
- ¹⁶ Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 201–233.
- ¹⁷ Кадеев В.И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 108; Он же. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 32–37.
- ¹⁸ Зубарь В.М. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении на некрополе Херсонеса IV в. до н.э. // ПИАСХ. Севастополь, 1988. С. 52–54.
- ¹⁹ Рогов Е.Я. Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма в IV в. до н.э. // АМА. Саратов, 2003. Вып. 11. С. 140–144.
- ²⁰ Стоянов Р.В. Погребенные в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: Состояние проблемы и перспективы ее решения // БФ. СПб., 2002. С. 297–302.
- ²¹ Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи. С. 257–295; Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея. С. 5–107.
- ²² Масленников А.А. Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1. С. 25; Он же. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981; Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1964 // Научный архив ИА РАН. Р-2. № 1914. М., 1964.
- ²³ Толочко И.В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. – V в. н.э.): Опыт сравнительного изучения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 11–14.
- ²⁴ Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станции Таманской // ИТУАК. 1919. Вып. 56. С. 48; Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870; Он же. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (с конца XVIII столетия до 1859 года). М., 1876; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. С. 53–90; Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. ...
- ²⁵ В связи с масштабными перепланировками на юго-западной части Таманского полуострова (район горы Зеленского), на площади в несколько сотен гектар весь грунт был снят и выбран на глубину от 2 до 10–15 м. Земляные работы проводились в присутствии археологов. Выявленные археологические объекты полностью исследовались. Таким образом, мы можем быть уверены, что на данных «некрополях» было не более 3–7 погребений.
- ²⁶ См.: Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870; Он же. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (с конца XVIII столетия до 1859 года). М., 1876; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. С. 53–90; Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. ...
- ²⁷ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. ... С. 6–26. В настоящее время курганы Азиатского Боспора изучаются и подготавливаются к публикации Я.М. Паромовым (Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. 2002. Вып. 5; Он же. Курганный некрополь Кеп // БФ. СПб., 2002. С. 192–206. Он же. Курганный некрополь Кеп // Боспорский Феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 274–279; Он же. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 239–265; Он же. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 309–317.
- ²⁸ Коровина А.К. Некрополь около мыса Панагии. С. 301–314; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957.
- ²⁹ Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь): итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. М., 1968. С. 54–84; Она же. Местные и эллинистические традиции в погребальном обряде населения Фанагории и Тирамбы в эллинистическую эпоху // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Восто-
- ке. Май, 1980 г.: Тезисы докладов. Ереван, 1980; Она же. Местные черты погребального обряда в ранних могилах некрополя Тирамбы // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации: (Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 267–273; Она же. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. М., 1987. Вып. VIII. С. 3–70.
- ³⁰ Соколовский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ 1963–1964 гг. М., 1966. С. 28–49; Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 98–106; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 60–65; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–107; Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. С. 193–204; Они же. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // Таманская Старина: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тезисы докладов международной конференции. СПб., 2000. Вып. 3. С. 45–48; Они же. Предметы связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 133–139; Они же. Способы обращения с телом в некрополе Кеп // БФ. СПб., 2002. С. 234–241; Они же. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. М., 2002. Вып. 5. С. 279–284; Они же. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 297–306; Они же. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 253–262; Сударев Н.И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир

- в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 246–247.
- ³¹ *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 6–74; *Он же.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 189–226; *Кобылина М.М.* Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. 1951. № 19. С. 236–240; *Она же.* Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 1951. № 19. С. 241–249; *Она же.* Фанагорийский склеп // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 143–146; *Коровина А.К.* Местные и эллинистические традиции в погребальном обряде населения Фанагории и Тирамбы в эллинистическую эпоху...; *Она же.* Некрополь Фанагории: (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. М., 1987. Вып. VIII. С. 71–109; *Марченко И.Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 102–127.
- ³² *Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 46–52; *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69. С. 154–238.
- ³³ *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957. *Зеест И.Б.* Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 156–158;
- ³⁴ *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; *Она же.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1964 // Научный архив ИА РАН. Р-2, № 1914.
- ³⁵ *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук; *Она же.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора.
- ³⁶ *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук; *Она же.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора.
- ³⁷ *Алексеева Е.М.* Раскопки некрополя Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1982. Ч. 1. С. 5–116; *Она же.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 51–56; *Она же.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 213–250, табл. 20; *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Ч. I. С. 135.
- ³⁸ *Блаватский В.Д.* Раскопки Фанагории в 1937–1938 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4; *Он же.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг.; *Он же.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг.; *Кобылина М.М.* Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г.; *Она же.* Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г.; *Коровина А.К.* Некрополь Фанагории: (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. М., 1987. Вып. VIII. С. 71–109; *Марченко И.Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 102–127; *Шавырина Т.Г.* Раскопки Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 69–73; *Она же.* Раскопки западного некрополя Фанагории // ДБ. М., 2000. Вып. 3.
- ³⁹ *Арсеньева Т.М.* Погребальный обряд // АГСП; *Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 257–295; *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57; *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора; *Масленников А.А.* Население Боспорского государства...; *Он же.* Некрополи городов азиатского Боспора в первые века н.э. // СА. 1985. № 1; *Он же.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
- ⁴⁰ *Даньшин Д.И.* Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э. // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- ⁴¹ Впрочем, перед ним и не стояла задача «абсолютно полного учета всех погребальных комплексов, открытых в Фанагории» (*Даньшин Д.И.* Население Фанагории...)
- ⁴² *Сударев Н.И.* Создание базы данных по античному грунтовому некрополю Фанагории // Базы данных в археологии. М., 1995.
- ⁴³ В основном Т.Г. Шавыриной были раскопаны погребения римского времени, и лишь в небольшом количестве погребения эллинистического периода начиная с III в. до н.э. (*Шавырина Т.Г.* Раскопки западного некрополя Фанагории // ДБ. М., 2000. Вып. 3.
- ⁴⁴ См. библиографию вопроса: *Сокольский Н.И.* Кепы // Античный город. М., 1963; *Качарова Д.Д., Квирквелия Т.Г.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи: (Малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991. С. 125.
- ⁴⁵ *Сокольский Н.И.* Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 100, *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // Боспорский Феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 274–279; *Он же.* Курганный некрополь Кеп // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 239–265.
- ⁴⁶ ОАК 1870. С. 15; 1878–1879. С. 11–12, 44–51; 1880. С. 11–12; *Качарова Д.Д., Квирквелия Т.Г.* Города и поселения Причерноморья... С. 125; *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э... С. 144, сл.; *Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- ⁴⁷ *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // Боспорский Феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 274–279; *Он же.* Курганный некрополь Кеп // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 239–265.
- ⁴⁸ *Сокольский Н.И., Сорокина Н.П.* Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ 1963–1964 гг. М., 1966. С. 28–49.
- ⁴⁹ В частности это можно объяснить тем, что в IV в. до н.э. начал функционировать курганный некрополь, в котором курганы выполняли роль семейных участков. Впрочем, это не проясняет до конца ситуацию, так как значительная часть подкурганных погребений относится к эллинистическому периоду (III–I вв. до н.э.), так же широко представленном на грунтовом некрополе. Вероятнее, некрополь этого времени погиб при разработке пескокарьера (что может говорить о его меньших размерах, нежели некрополи VI–V и III–I вв. до н.э.). Не исключено также, что он находился где-то в ином месте. Впрочем, в последнем

случае непонятно, почему он в течение одного столетия переносится на новое место, при этом на старом некрополе изредка все же хоронят, а с начала следующего века он вновь возвращается на старое место.

- ⁵⁰ Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы ... С. 28–49; Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 98–106; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 60–65; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–107; Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Ритуальные каменные памятники из кепского некрополя на Таманском полуострове // Труды ГИМ. М., 1984. Вып. 93. С. 85; Некрополь Кеп до настоящего времени не опубликован. В 1996–2001 гг. автором раскопок Н.П. Сорокиной совместно с Н.И. Сударевым была подготовлена рукопись, посвященная данному некрополю. В данной работе используются материалы из этой пока неопубликованной монографии, а также из личного архива Н.П. Сорокиной.
- ⁵¹ Сорокина Н.П. Фигурный сосуд из Кеп // СА. 1968. № 4. С. 278–283; Она же. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 1977. Вып. 3; Усачева О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. 1983. Вып. 174.
- ⁵² Паромов Я.М., Сударев Н.И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. М., 2000. Вып. 3. С. 201–220; Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // Stratum plus. № 3. С. 193–204; Они же. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // Таманская Старина: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тезисы докладов международной конференции. СПб., 2000. Вып. 3. С. 45–48; Они же. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 133–139; Они же. К вопросу о некоторых варвар-

ских погребениях Боспора VI–V вв. до н.э. // ДБ. М., 2001. Вып. 4. С. 377–384; Они же. Способы обращения с телом в некрополе Кеп // БФ. СПб., 2002. С. 234–241; Они же. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. М., 2002. Вып. 5. С. 279–284; Они же. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 297–306; Они же. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 253–262; Сударев Н.И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 246–247; Он же. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н.э. // ДБ. М., 2004. Вып. 7. С. 332–343; Он же. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки. СПб., 2004. С. 208–219.

⁵³ Традиционно данный некрополь связывается с Тирамбой, однако данное предположение неверно. См. по этому поводу: Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. М., 1998. Вып. 1.

⁵⁴ Блаватский В.Д. Раскопки Фанагории в 1937–1938 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 287–300.

⁵⁵ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. ... С. 85–86.

⁵⁶ Блаватский В.Д. Второй год работ Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 155.

⁵⁷ Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 70–73; Она же. Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. С. 126–131; Она же. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. ... С. 84–87, 171–174, 293–294; Она же. Тирамба (городище и некрополь) итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы. ... С. 54–84; Она же. Местные и эллиские тради-

ции в погребальном обряде населения Фанагории и Тирамбы в эллинистическую эпоху // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май, 1980 г.: Тезисы докладов. Ереван, 1980. С. 40–41; Она же. Местные черты погребального обряда в ранних могилах некрополя Тирамбы // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации: (Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 267–273; Она же. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970)... С. 3–70 и т.д.

⁵⁸ Паромов Я.М., Сударев Н.И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба»). С. 201–221.

⁵⁹ Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове... С. 48–50; ОАК 1886. С. 54; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 6.

⁶⁰ Думберг К.Е. Раскопки в г. Керчи и на Таманском полуострове. С. 58.

⁶¹ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. С. 21–58; Он же. Раскопки в г. Керчи и в Кубанской области в 1913–1915 гг. С. 140–146.

⁶² Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 6.

⁶³ Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 156–158; Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. С. 48; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 6.

⁶⁴ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. С. 58–71; Коровина А.К. Некрополь около мыса Панагии. С. 301–314; Она же. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. ... 1964. С. 44–57, 104–107, 205–208.

⁶⁵ По мнению В.Д. Блаватского, «это место примерно соответствует городищу IX и могильнику 3 карты Соколова В.В.», однако ряд данных заставляет усомниться в соответствии некрополя «Пятиколодезный» некрополю у м. Панагия.

⁶⁶ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г.

- ⁶⁷ Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов.
- ⁶⁸ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. С. 46–52. За этот период было исследовано 38 погребений.
- ⁶⁹ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. С. 71–78, 123–126.
- ⁷⁰ Зафиксировано большое количество рухнувших склепов, раскопками выявлено более тридцати погребений античного времени, в том числе участок IV в. до н.э.
- ⁷¹ Достаточно сказать, что при массовой застройке на территории некрополя предварительные раскопки были проведены только в одном случае (западная окраина ул. Лебедева — участок некрополя IV в. до н.э.) и в одном случае удалось доследовать 15 разрушенных погребений в котловане строящегося здания. Во всех остальных случаях земляные работы велись незаконно и погребения варварски уничтожались.
- ⁷² Алексеева Е.М. Раскопки некрополя Горгишии. С. 5–116; Она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 51–56; Она же. Античный город Горгишия. С. 213–250, табл. 20; Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. С. 135.
- ⁷³ В настоящее время такая работа, включающая материалы раскопок последних лет, подготовлена Е.М. Алексеевой, которой автор приносит искреннюю благодарность за возможность ознакомиться с данными материалами.
- ⁷⁴ По поводу локализации Синдской Гавани см.: Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) — Горгишия // ВДИ. 1998. № 3.
- ⁷⁵ Калашиников М.В., Десятчиков Ю.М. Отчет об охранных исследованиях на городище «Красноармейское» в 1986 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 11994; Калашиников М.В. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1989 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 14243.
- ⁷⁶ Кашаев С.В. Некрополь около поселения Артюшенко-2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004; Он же. Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в V в. до н. э. и материалы некрополя

- Артюшенко-2 // БФ. СПб., 2005; Он же. Некрополь поселения Артюшенко-2 (работы 2004 г.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2005; Он же. Ранние погребения некрополя Артюшенко-2 // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005.
- ⁷⁷ Весной 2009 г. некрополь подвергся тотальному разграблению с помощью самой современной техники.
- ⁷⁸ Большая часть этого некрополя уничтожена карьером (около 2 га). Разрешительная документация, согласно которой на данной территории «нет объектов культурного наследия» подготовлена ОАО «Наследие Кубани». Этой же организацией проведена шурфовка с помощью экскаватора на территории памятника археологии «Таманский Толос» (без Открытого листа) и подготовлен «Раздел Археологического наследия» для градостроительного плана пос. «За Родину» В этом разделе на сравнительно небольшой площади «пропущены»: поселение эпохи бронзы, 3 поселения античного времени, 2 некрополя, система земельных наделов (неоднократно опубликованная), ряд курганов и 2 местонахождения эпохи палеолита. Кроме того, были уменьшены границы известных поселений. К этому следует добавить, что карьер расположен в «Синей Балке», стратотипическом для Таманского фаунистического комплекса палеонтологическом и палеолитическом местонахождении (1,4–0,8 млн лет), известном с 1914 г.
- ⁷⁹ Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII; Он же. Второй год работ Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51; Он же. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70; Он же. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. 1959. Вып. 74; Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 1997.
- ⁸⁰ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа; Некрополи Черноморья. М., 2008. Т. 1–2.

- ⁸¹ См. об этом: Савостина Е.А. Боспорские склепы: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- ⁸² Алексеев А.Ю. Великая Скифия или две Скифии? Тенденции исторического развития Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. // Скифия и Боспор: Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 28–38; Кузнецова Т.М. Греко-скифские отношения в период архаики // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992. С. 18–24; Масленников А.А. Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. 1976. № 3. С. 19–22; Он же. Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1. С. 84–89.
- ⁸³ В своей сводке ранних скифских памятников С.С. Бессонова учитывает только 24 погребения VII–VI вв. до н.э. (Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы, как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 19–23). Такое же число для раннего времени было отмечено и Кузнецовой Т.М. (Кузнецова Т.М. Греко-скифские отношения в период архаики... С. 19). Несколько больше погребений (60) выделяет О.Р. Дубовская (Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический Альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 181–218), которая по особенностям обряда и элементам инвентаря сравнивает большой массив погребений предскифского — раннескифского времени степей Северного Причерноморья (всего около 360), выделяет черты, свойственные раннескифским погребениям, и в результате относит к раннескифскому времени ряд погребений с невыразительным инвентарем и безинвентарных. Несмотря на безусловный интерес работы, ее выводы не являются общепринятыми. В то же время, эта статья имеет для нашей темы большое значение, так как автор внимательно подходит именно к элементам обряда и вещевому комплексу погребений «варварского» населения степей Причерноморья накануне и в начале колонизации. Исходя из ее выводов, можно говорить о

- небольшом количестве кочевнических погребений степей.
- ⁸⁴ Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145–155.
- ⁸⁵ Кузнецова Т.М. Греко-скифские отношения в период архаики... С. 20–23.
- ⁸⁶ Паромов Я.М. Скифские погребения на Таманском полуострове // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М., 1999. С. 106–109.
- ⁸⁷ Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции; Он же. Второй год работ Синдской экспедиции; Он же. Четвертый год раскопок в Синдике; Он же. Пятый год работ в Синдике.
- ⁸⁸ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 56–64.
- ⁸⁹ Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. № XI. С. 241, сл.; Он же. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155–207; Беглова Е.А. Погребальный обряд уялпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки Адыгов. Майкоп, 1989. С. 140–157; Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребальный обряд сарматов Закубанья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 109–110; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 32–123; и т.д.
- ⁹⁰ Савостина Е.А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 158–162.
- ⁹¹ Исследованию детских погребений Северного Причерноморья посвящена специальная статья: Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // Stratum plus. № 3. В данной работе мы используем некоторые выводы, относящиеся к детским погребениям Азиатского Боспора.
- ⁹² Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. London., 1971. P. 194; Morris I. Burial and ancient society. Cambridge, 1987. P. 157, сл.; Idem. Death-ritual and social structure in classical antiquity. Cambridge, 1996. P. 17–18, 174, сл.
- ⁹³ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 366–379; Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 18–22; Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 33.
- ⁹⁴ Панайотова К. Поминования усопших в некрополе Апполонии Понтийской в м. Калфата // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 3–8; Garland R. The Greek Way of Death. New York, 1985. P. 77–103, 160–166; Morris I. Death-ritual and social structure in classical antiquity. Cambridge, 1996. P. 17–18.
- ⁹⁵ Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1996. P. 17–18.
- ⁹⁶ Garland R. The Greek Way of Death. New York, 1985. P. 77–88, 160–162; Данная категория неоднократно упоминается в эпитафиях.
- ⁹⁷ Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. P. 18.
- ⁹⁸ Garland R. The Greek Way of Death. P. 77–103, 160–166; Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 71–72, 98, 183; Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. P. 140, 176–177.
- ⁹⁹ Погребения в сосудах известны в Афинах (Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. 1996. P. 140; Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 71–72, 98; Poulsen F. Die Dipylongraber und die Dipylonvasen. Leipzig, 1905, S. 23–24; Brueckner A., Pernice E. Ein attischer Friedhof // Athenische Mitteilungen. 1893. 18. S. 79, 164, 178), причем в VI в. до н.э. их 50–60% от всех детских погребений, или около 25% от общего числа; к IV в. их количество несколько сокращается, однако они остаются вторым по распространенности типом детских погребений (Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. P. 140). В Олифе в VI–V вв. до н.э. их 26% (165 из 644) (Robinson D.M. Excavations at Olynthus. Baltimore, 1942. Pt. 11. P. 146, 170). В Абдерах в VII – первой половины VI в. до н.э. (период клазоменской колонизации) количество детских захоронений достигало 91%, из них абсолютное большинство в сосудах (Skarlatidou E. The Archaic cemetery of Abdera // Thracia Pontica Sozopol, 1985. III. P. 99–108), остаются они наиболее популярным видом младенческих захоронений и позже, при теосцах (Skarlatidou E. Excavations Research in the Archaic Cemetery of Abdera // АЕМФ. 1987. 1. P. 538; Kraniote L. Burial Mound in the Northwestern Cemetery of Abdera // Ibidem. P. 434, 539; Samiou Ch., Kallintzi D. The Excavation of the Burial Mound at Abdera // АЕМФ. 1988. 4. P. 480; Kallintze D. The Excavation of the Burial Mound at Abdera // АЕМФ. 1990. 4. P. 568). При этом их практически нет в ряде греческих городов, например: Метанонте (Carter C.J. The Pantanello Necropolis. The University of Texas at Austin, 1990. P. 41, сл.), Мирине (Pottier E., Reinach S. La necropole de Myrina. Paris, 1887. P. 57–77), Пидне (Bessios M. Excavations in Northern Pieria // АЕМФ. 1987. 1. P. 523; Idem. Excavations at Pydna // АЕМФ. 1988. 2. P. 181–188, 193; Idem. Excavations in the Northern Cemetery of Pidna // АЕМФ. 1989. 3. P. 160), Пеле (Lilibaki-Akamati M. The Cemeteries of Pella // АЕМФ. 1989. 3. P. 98; Idem. Topography and Cemeteries of Pella // АЕМФ. 1992. 6. P. 135; Chrysostomou P. Burial Mounds in the Area of Pella // АЕМФ. 1987. 1. P. 517), Амфиполе (Nicolaidou-Patera M. The Cemetery of Ancient Amphipolis // АЕМФ. 1992. 6. С. 555; Mandala T. La necropole classique d'Amphipolis // MNHMH Δ. ΑΛΖΑΡΙΔΗ. Thessaloniki, 1990. P. 278.) и т.д. Как мы видим, в некрополях Греции они представлены в различной пропорции. Своеобразная картина вырисовывается при изучении Причерноморских некрополей. Так, в некрополях милетских колоний в Северном Причерноморье (Одессосе, Томах, Истрии, Ольвии, Пантикапее, Тиритаке), их мало или нет совсем (см. об этом подробнее (Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э.

- ¹⁰⁰ Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 221.
- ¹⁰¹ Нильсон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 13.
- ¹⁰² Подчеркнем, что речь идет о некрополях, где данная традиция преобладает.
- ¹⁰³ Garland R. The Greek Way of Death. P. 77–78.
- ¹⁰⁴ Muller-Wiener W., Goksel D., Graeve V., von. Notgrabung in der archaischen Necropole von Milet // Milet. 1988. 38. P. 253, f.
- ¹⁰⁵ Во время последних исследований данного некрополя экспедицией под руководством А.В. Кондрашева подобные погребения выявлены, но они относятся к эллинистическому времени.
- ¹⁰⁶ Сокольский Н.И. Работы в Кесах в 1958 году // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 55–57, рис. 24, 11; Он же. Курсы из Кеп // СА. 1962. № 2. С. 134–141; Он же. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 102–104; Он же. Культ Афродиты в Кесах конца VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 89–92.
- ¹⁰⁷ Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. М., 1999. Вып. 2. С. 213–222.
- ¹⁰⁸ В связи с вышесказанным предварительно отметим, что сходство между некрополями Кеп и Пересыпи не исчерпывается детскими погребениями в сосудах, это позволяет предположить участие Кеп в основании поселения у пос. Пересыпь (об этом см. ниже).
- ¹⁰⁹ Этот тезис подтверждается и некоторыми другими данными, отличающими этот некрополь от некрополя у м. Тузла. Впрочем, следует оговориться, что амфорные погребения были обнаружены во время работ В.Д. Блаватского на Пятиколодезном некрополе, идентификация которого с некрополем у х. Кротенко небесспорна.
- ¹¹⁰ Каталог погребений был подготовлен автором при работе над диссертацией «Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник».
- ¹¹¹ Весьма вероятно, что именно к этой категории курганов относится курган «Сенной 55» некрополя Кеп, в котором найдена керамика (тризна²), но нет погребений VI в. до н.э. (Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 242, 259).
- ¹¹² Alcock S.E. Tomb Cult and the Post-Classical Polis // AJA. 1991. V. 95, № 3. P. 447–467; Antonaccio C.M. Contesting the Past: Hero Cult, Tomb Cult, and Epic in Early Greece // AJA. 1994. V. 98, № 3. P. 389–410; Whitley J. The Monuments That Stood before Marathon: Tomb Cult in Archaic Attica // AJA. 1994. V. 98, № 2. P. 213–230.
- ¹¹³ Впрочем, следует оговориться, что практически никто из авторов не относил все подкурганные захоронения к варварским, объясняя возрождение и распространение данного обряда «варварскими влияниями». Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 49, 86; Он же. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Пг., 1925. С. 349, 370–371; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.: Л., 1949. С. 234; Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.... С. 19, 21, 127–128, 303–304; Шульц П.Н. Курган Кара-Оба близ Керчи // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 55; Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикалея // МИА. 1957. № 56. С. 228; Она же. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968. С. 33.
- ¹¹⁴ Garland R. The Greek Way of Death. P. 124.
- ¹¹⁵ Atasoy S. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey // AJA. 1974. V. 78. № 3. P. 255–263; Kallintze D. The excavation of the Burial Mound at Abdera. P. 568.
- ¹¹⁶ Панайотова К.М. Погребальный обряд в некрополях греческих колоний на берегу Черного моря Болгарии в эллинистическую эпоху // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 64–64; Alexandrescu P. Necropola tumulara. Sapaturi 1955–1961 // HISTRIA. Bucuresti, 1966. II. С. 133, сл.
- ¹¹⁷ Типология погребальных сооружений Боспора была предложена автором в диссертации «Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник». Отдельные положения типологии рассмотрены в ряде работ: Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Некоторые особен-
- ности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // Таманская Старина: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тезисы докладов международной конференции. СПб., 2000. Вып. 3. С. 45–48; Они же. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. С. 253–262; Сударев Н.И. Создание базы данных по античному грунтовому некрополю Фанагории. В данной работе рассматриваются отдельные, ранее не опубликованные, результаты этой работы.
- ¹¹⁸ В отдельных случаях и другие типы погребальных сооружений не имели перекрытий (Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма: (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // БС. М., 1995. № 8. С. 28–28), об этом см. ниже.
- ¹¹⁹ Например, во время исследований Восточно-Боспорской экспедиции на поселении Волна 4 (Таманский полуостров) был открыт некрополь эпохи бронзы, в котором более половины погребений относилась именно к этому варианту.
- ¹²⁰ Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э....
- ¹²¹ Сударев Н.И. Создание базы данных ... С. 56.
- ¹²² См. например: Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности. С. 261.
- ¹²³ Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 71, 97, 164.
- ¹²⁴ Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности. С. 263; Carter C.J. The Pantanello Necropolis; Clement P.A., MacVeagh Thorne M. From the West Cemetery at Istmia // Hesperia. Athens, 1974. V. XLIII, N 4. P. 401–404; Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs; Pemberton E.G. Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth // Hesperia. Athens, 1985. V. 54. N 3. P. 272; Robinson D.M. Excavations at Olynthus. Baltimore. 1942. Pt. 11; Weinberg G.D. Excavations at Tarxa, 1959 // Hesperia. Athens, 1960. V. XXIX, N 1. P. 93–94. F. 1.
- ¹²⁵ 21 погребение в некрополе Фанагории, увеличивается их число и в некрополе Горгиппии, однако в некрополях Кеп, Пересыпи, Гермонассы, у м. Тузла и

- т.д. их количество продолжает оставаться крайне незначительным, или они отсутствуют вовсе.
- ¹²⁶ Sjoqvist E. Excavations at Morgantina (Serra Orlando) 1963: Preliminary Report VIII // *Hesperia*. Athens, 1964. V. 68, N 2. P. 146.
- ¹²⁷ 24 случая в некрополе Фанагории эллинистического времени, позднее такие погребения встречаются реже (12 случаев).
- ¹²⁸ В некрополе Горгиппии такие перекрытия встречены 4 раза в эллинистическое время.
- ¹²⁹ К этому подварианту мы относим каменные ящики, стенки которых сложены из необработанных плит известняка, дикарных камней и т.д. Как правило, плиты поставлены на ребро, но встречаются случаи, когда стенки обложены мелкими камнями. Большая часть подобных сооружений встречена на территории Европейского Боспора, где много дикарного камня и использование его естественно. На азиатской стороне такие погребения редки, большинство подобных погребений встречены в районе Горгиппии, где картина сходна с положением на европейской стороне Боспора. Отчасти эти сооружения сближаются с погребениями предшествующей эпохи и погребениями местного населения Азиатского Боспора (в первую очередь в районе Горгиппии) (см. например: Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 28, сл.). Впрочем, следует отметить, что известны они и в некрополях Греции (см. например: Pemberton E.G. Ten Hellenistic graves in ancient Corinf. P. 300; Weinberg C.D. Excavations at Taṭṭḫa. P. 93–94. F. 1). Этот тип ящиков имеет ту же функцию, что и обкладки в грунтовых ямах, т.е. выступала в роли «запечников по периметру» и мог бы рассматриваться как разновидность грунтовых ям с обкладкой. Однако в ряде случаев стенки таких ящиков были оштукатурены (сравни, например: Clement P.A., MacVeagh Thorne M. From the west cemetery at Istmia. P. 401–404), иногда положены на глиняный раствор (например: № 20 раннего некрополя Анапского полиса).
- ¹³⁰ Clement P.A., MacVeagh Thorne M. From the West Cemetery at Istmia. P. 401–404; Moschonisiotou S. Remarks on Two Cemeteries in the Area of Thessaloniki // АЕМФ. 1988. 2. P. 289; Pemberton E.G. Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth. P. 272–273; Weinberg C.D. Excavations at Taṭṭḫa. P. 93–94. F. 1.
- ¹³¹ Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 191. F. 38; Гълъбов И. Каменни гробници от Несебър // ИАИ. 1955 XIX. С. 132. обр. 3.
- ¹³² Muller-Wiener W., Goksel D., Graeve V. von. Notgrabung in der archaischen Necropole von Milet. P. 256.
- ¹³³ Kallintze D. Archaeological Research of the 19th Ephorate of Antiquities at Abdera in 1991 // АЕМФ. 1991. 5. P. 466.
- ¹³⁴ Приношу искреннюю благодарность С.В. Кашаеву за предоставленные фото.
- ¹³⁵ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э....
- ¹³⁶ В некрополе Кеп встречено два таких сооружения – № 135/73–VI–V вв. до н.э., № 364/44 – II в. до н.э.
- ¹³⁷ Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности. С. 287; Коровина А.К. Некрополь около мыса... С. 302–312; Она же. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.... С. 56, 90; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 13–14.
- ¹³⁸ Козуб Ю.І. Поховальні споруди ольвійського некрополя V–IV ст. до н.э. // Археологічні пам'ятки УРСР. 1962. Т. XI. С. 42; Она же. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.э. Київ, 1974. С. 12; Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. СПб., 1903. Вып. 8. С. 18.
- ¹³⁹ Рогов Е.Я. О хронологии могильника Панское I // Проблемы исследования Античных городов. М., 1989. С. 45–50; Он же. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 6; Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной Бухты близ Херсонеса // КСИА. 1976. Вып. 143. С. 46.
- ¹⁴⁰ Poulsen F. Die Dipylongraber und die Dipylonvasen. P. 22.
- ¹⁴¹ Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. С. 49.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ К этому подварианту мы относим сооружения в виде ящика из черепиц. На территории Азиатского Боспора такие погребения известны с IV в. до н.э. в первую очередь в Фанагории (6 погребений в эллинистическом некрополе). По одному такому погребению известно в некрополях Кеп и Горгиппии. В некрополе Пантикапея их известно 17, все они относятся к IV в. до н.э. и более позднему времени. В римское время таких погребений на территории Азиатского Боспора крайне мало.
- ¹⁴⁴ К этому подварианту мы относим сооружения в виде «карточного домика» из черепиц с двускатным перекрытием. Погребений данного варианта в некрополе Пантикапея встречено 10, на Азиатском Боспоре они редки. Известно всего пять таких погребения эллинистического времени, по одному в некрополях Фанагории и Кеп, и три в некрополе Горгиппии. В то же время они являются одним из широко распространенных типов погребений в различных некрополях Греции.
- ¹⁴⁵ К этому варианту мы относим сооружения из черепиц, прислоненных к одной из стенок могилы. Этот вариант является промежуточным между черепичным ящиком и могилой с черепичным перекрытием. Несмотря на широкое распространение в Греции, на территории Боспора такие погребения единичны и известны только в некрополях Кеп и Фанагории.
- ¹⁴⁶ Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs; Sjoqvist E. Excavations at Serra Orlando (Morgantina): Preliminary Report II // *Hesperia*. Athens, 1958. V. 62, N 2. P. 143 и т.д.
- ¹⁴⁷ 40 уступчатых, 25 полуциркульных и 5 с плоским перекрытием (Савостина Е.А. Боспорские склепы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 6; Блаватский В.Д. О происхождении Боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. № XXIV; Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурад. Л., 1981; Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914; Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2; Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 227–250; Она же. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968.

- ¹⁴⁸ Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs; Wallace P.W. The Tomb of Themistokles in the Peiraeus // *Hesperia*. Athens, 1972. V. XLI, N 4. P. 451–462.
- ¹⁴⁹ Савостина Е.А. Боспорские склепы. С. 11–16.
- ¹⁵⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурад. С. 46–47.
- ¹⁵¹ Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея; склеп 2003 г. из Фанагории (раскопки Кузнецова В.Д.), см. главу, посвященную Фанагории в данном издании.
- ¹⁵² Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись.... С. 109–111, табл. XXXV–XXXVI.
- ¹⁵³ Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968. С. 57; Савостина Е.А. Боспорские склепы.... С. 10–11. Одним из наиболее известных склепов с полуциркулярным перекрытием на Таманском полуострове является склеп Артюховского кургана близ Кеп.
- ¹⁵⁴ Склеп разграблен, впущен в холм.
- ¹⁵⁵ Склеп разграблен в 70-е годы XX в., предположительно датируется IV в. до н.э.
- ¹⁵⁶ Склеп видимо датируется III в. до н.э., но он использовался до римского времени. Затем он был полностью разграблен. Видимо, внутри он был оштукатурен. Не исключено, что первоначально над склепом была насыпана насыпь.
- ¹⁵⁷ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России; Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов .... С. 60.
- ¹⁵⁸ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись.... С. 10–29, рис. 4; табл. IV–XI.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 30–69, табл. XII–XXV.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 83–86, табл. XXVII–XXXI.
- ¹⁶¹ Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник.
- ¹⁶² В некрополе у пос. Пересыпь эллинистического времени их известно три (см. Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь): итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы.. С. 66; Она же. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970).... С. 35).
- ¹⁶³ Сударев Н.И. Создание базы данных по античному грунтовому некрополю Фанагории.
- ¹⁶⁴ Breccia Ev. La Necropoli di Sciati bi // Catalogue General des Antiquites Egyptienne. Caire, 1912. P. 6; Pottier E., Reinach S. La necropole de Myrina. Paris, 1887. P. 66; Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 182, Fig. 35.
- ¹⁶⁵ Точное количество назвать сложно, так как в связи с большими раскопками ведущимися в последние годы на некрополе Фанагории, ежегодно исследуется от трех до десяти склепов.
- ¹⁶⁶ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г.
- ¹⁶⁷ Точное их количество выяснить невозможно, так как часть из них уже рухнула и полностью уничтожена в связи с береговой абразией. В любом случае их не менее трех десятков. Если в ближайшее время не принять меры по их спасению, то все они будут полностью уничтожены.
- ¹⁶⁸ Некрополь Кеп до настоящего времени не опубликован. В 1996–2001 гг. автором раскопок Н.П. Сорокиной совместно с Н.И. Сударевым была подготовлена рукопись, посвященная данному некрополю. В этой главе используются материалы из этой пока неопубликованной работы, а также из личного архива Н.П. Сорокиной.
- ¹⁶⁹ При описании грунтовых склепов использовалась терминология, предложенная Р. Роале, с дополнениями В.С. Ольховского (Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв до н.э.). М., 1991. С. 21, 29; Сударев Н.И. Создание базы данных по античному грунтовому некрополю Фанагории .. С. 213–215). В литературе, посвященной античным грунтовым склепам, часто употребляются понятия «дромос» = «входная яма» и т.д., «коридорчик между дромосом и камерой» = «дромос».
- ¹⁷⁰ Следует отметить, что солены или их крупные куски часто встречаются в склепах в качестве инвентаря.
- ¹⁷¹ Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность... С. 215.
- ¹⁷² В римское время.
- ¹⁷³ Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность... С. 215.
- ¹⁷⁴ См. например: Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 9; (Труды ГИМ. Вып. 54); Данышин Д.И. Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в.н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 72–76; Масленников А.А. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры // СА. 1982. № 1. С. 37; Он же. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 27–35; Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии...; Савостина Е.А. О земляных склепах Боспора: Тезисы докладов научной сессии по итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1980 год. М., 1981; Она же. Боспорские склепы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Она же. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1987. № 2; Сударев Н.И. Создание базы данных..., т.д.
- ¹⁷⁵ Данышин Д.И. Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 72–76.
- ¹⁷⁶ Савостина Е.А. Боспорские склепы. С. 11.
- ¹⁷⁷ Кобылина М.М. Поздние Боспорские пелики // МИА. 1951. № 19; Scheffold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig, 1934.
- ¹⁷⁸ Ejeily B.A. Part 2. Cyrenaica 1972–1980: Work Done by the Department of Antiquities at Shahat (Cyrene) // AJA. 1983. V. 87, № 3. P. 208; Knigge U. Der Kerameikos von Athen Führung durch Ausgrabungen und Geschichte. Athen, 1988. Abb. 5; Sjoqvist E. Excavations at Serra Orlando (Morgantina): Preliminary Report II // *Hesperia*. Athens, V. 62, N 2. 1958. P. 158; *Idem*. Excavations at Morgantina (Serra Orlando) 1961: Preliminary Report VI // *Hesperia*. Athens, 1962. V. 66, N 2. P. 143; Палуци-Владыко Е., Редина Е.Ф. Античный могильник у с. Кошары // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 59.
- ¹⁷⁹ Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970). С. 22.
- ¹⁸⁰ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.... С. 210; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на

- Таманском полуострове в 1911 г. № 148/103.
- ¹⁸¹ *Завойкин А.А.* Отчет об охранных раскопках на городище Фанагория в полевом сезоне 1989 г. М., 1989 // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 14041 Данный склеп — № 1/89 — ограблен, но материал из его заполнения относится к концу V—IV в. до н.э. № 53/150, IV—II в. до н.э.; *Сокольский Н.И.* Культ Афродиты в Кепках конца VI—V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 67—71.
- ¹⁸² *Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI—II вв. до н.э.... С. 213; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. № 67/4.
- ¹⁸³ *Коровина А.К.* Некрополь около мыса Панагии // АИБ. Симферополь., 1962. Вып. 2. С. 309; *Она же.* Некрополи Синдики VI—II вв. до н.э.... С. 205; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. № 199/17, 228/40.
- ¹⁸⁴ *Смирнов Ю.А.* Тафология: Попытка системного подхода // Человек и его природное окружение в древности и средневековье: Материалы совещания 25—26 января 1983 г. М., 1985.
- ¹⁸⁵ Этой теме посвящен ряд работ, см. например: *Сударев Н.И.* Кремация на Боспоре в VI—II вв. до н.э. // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки. СПб., 2004; *Он же.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—II вв. до н.э. как исторический источник... *Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI—V вв. до н.э. // ДБ. М., 2001. Вып. 4; *Они же.* Способы обращения с телом в некрополе Кеп // БФ. СПб., 2002.
- ¹⁸⁶ Случаи кремации на месте известны, начиная с рубежа VI—V вв. (1 в Пантикапее, 1 у м. Тузла), к V — первой половине IV в. до н.э. относятся 12 погребений (3 в Пантикапее и 9 в Нимфее), к IV в. до н.э. — 39 (27 на Европейском Боспоре, и 12 на Азиатском), к IV—III вв. — 25 (16/9), к III—II вв. до н.э. — 10 (3/7).
- ¹⁸⁷ *Kurz D.C., Boardman J.* Greek Burial Customs. P. 73, сл. 97, сл. 195, сл.; *Morris I.* Burial and Ancient Society. P. 18—22, 46, 60—61, 153—154; *Ibidem.* Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. P. 19—20, 26, 110—118, 141, 179; *Poulsen F.* Die Dipylongraber und die Dipylonvasen. S. 23—24.
- ¹⁸⁸ *Garland R.* The Greek Way of Death. 1985. P. 124.
- ¹⁸⁹ По времени они распределяются следующим образом: к VI—V вв. относятся 9 погребений (на Европейском Боспоре), к V—IV — 4 (на Европейском Боспоре), к IV в. до н.э. — 13 (4 на Европейском Боспоре и 9 — на Азиатском), к IV—III вв. — 1, к III—II вв. — 5.
- ¹⁹⁰ Таких случаев на Боспоре нам известно 127. По времени они распределяются следующим образом: к VI—V вв. относятся 6 погребений, к V—IV вв. — 11, к IV — 30, к IV—III вв. до н.э. — 25, к III — II вв. до н.э. — 29. Кремации третьего типа широко известны в Греции в это время (см., например: *Sjoqvist E.* Excavations at Morgantina (Serra Orlando) 1963: Preliminary Report VIII. P. 128).
- ¹⁹¹ См.: *Цветаева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19. С. 75.
- ¹⁹² Мне представляется правдоподобной ситуация, при которой Пантикапей, покорив города Азиатского Боспора, насаждает в них своих ставленников, и принесших после почти двухвекового забвения этот обряд.
- ¹⁹³ *Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. С. 151—152.
- ¹⁹⁴ *Pottier E.* Etude sur les lecythes blancs attiques à representation funereres. Paris, 1883. Pl. 1; *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases: The Classical Period. London, 1989. F. 38.
- ¹⁹⁵ Этой теме посвящена специальная работа автора: *Сударев Н.И.* Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI—II вв. до н.э. // ДБ, М., 2004. Вып. 7.
- ¹⁹⁶ Положение «скорченно на спине» связано с практикой, при которой погребенный клался на спину, а его ноги ставились коленями вверх. Оно включает в себя случаи, когда костяк лежит на спине, а его ноги завалены вправо или влево. Предположительно, они связывались в шиколотках и коленях. Если же ноги связывались только в шиколотках, то ноги могли распасться в стороны, образуя ромб или так называемую позу «всадника».
- ¹⁹⁷ Однако и там он встречается в разных некрополях в разной степени. Так, в некрополе Кеп он представлен в 33 случаях, в некрополе Фанагории — в 20, в некрополе у пос. Пересыпь — в 12, в Гермонассе — в 9, в некрополе Панагии — 1 раз, в некрополе Горгипии — 8 раз, в некрополе у М. Тузла — ни разу. (См. об этом: *Масленников А.А.* Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. 1976. № 3; *Он же.* Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1. С. 25—27.)
- ¹⁹⁸ *Сударев Н.И.* Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI—II вв. до н.э.
- ¹⁹⁹ См. например: *Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда.
- ²⁰⁰ Например: *Фармаковский Б.В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. СПб., 1903. Вып. 8. С. 23, *Панайотова К.* Поминовения усопших в некрополе Апполонии Понтийской в м. Калфата // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 3—8.
- ²⁰¹ Подробнее об этом см. выше, а также: *Панайотова К.* Поминовения усопших в некрополе Апполонии Понтийской.. С. 3—8; *Garland R.* The Greek Way of Death. P. 77, сл.; *Morris I.* Burial and Ancient Society. P. 103, сл. 128, сл.
- ²⁰² Например: Пантикапей № 94/1902 (*Шкорпил В.В.* Отчет об археологических раскопках в 1902 г.).
- ²⁰³ *Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда. С. 173.
- ²⁰⁴ В ряде случаев, возможно, правильное говорить не «умершего», а «хоропящих».
- ²⁰⁵ К этой категории мы относим сосуды для перевозки и хранения жидкостей (в первую очередь вина и воды), в отличие от сосудов для питья и возлияний и сосудов (флаконов) для масел и благовоний.
- ²⁰⁶ *Сударев Н.И.* Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI—III вв. до н.э.
- ²⁰⁷ *Dem. 43, 58; Menandr. Asp. 232f.; Plut. Aristid. 21.* см. об этом: *Garland R.* The Greek Way of Death. P. 13—20;

- Kurz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 142—161.
- ²⁰⁸ Сосуды для масел и благовоний встречены в большинстве погребений некрополя Пантикапея, причем с архаического периода процент их встречаемости в погребениях составил 65%. Со временем он несколько увеличивается, доходя в IV в. до н.э. до 72%, далее этот процент начинает несколько сокращаться, составляя в эллинистическое время только 28%.
- ²⁰⁹ Robinson D.M. Excavations at Olynthus. P. 185—187.
- ²¹⁰ Boulter C.G. Graves in Lenormant Street, Athens // *Hesperia*. Athens, 1963. V. XXXII, N 2. P. 123.
- ²¹¹ Allamani V., Apostolou M. Rescue Excavation at Veroia // АЕМФ. 6. 1992. P. 104, 109—110; Boulter C.G. Graves in Lenormant Street, Athens // *Hesperia*. V. XXXII: N 2. Athen, 1963. P. 117. F. 2; Knigge U. Der Kerameikos von Athen Führung durch Ausgrabungen und Geschichte. P. 45, Abb. 44; Misaclidou-Desprotidou V. The Cemetery of Ancient Miesia // АЕМФ. 1990. 4. P. 135. Т. 8, 14. Moschonesiote S. The Cemeteries of Hagias Mamas // АЕМФ. 1989. 3. P. 354. Т. 5—8; *Idem*. Excavation at ancient Arethousa // АЕМФ. 1992. 6. P. 411. Т. 2; Tsimbidou-Auloniti M. Graves of the Classical Period at Epanomi // АЕМФ. 1989. 3. P. 326; *Idem*. Burial mound at Hagios Athanasios of Thessaloniki: New excavation data // АЕМФ. 1991. 6. P. 377—381; Tusa V. Necropoli di Seliunte: le tombe 115, 118, e 128/65 (Ferraro) // *Sicilia Archeologica*. 1970. A. III, № 9. P. 18—25; Vokotopoulou J., Moschonesiote S. The Sea-side Cemetery of Mende // АЕМФ. 1990. 4. P. 421. Т. 10—17; Weinberg G.D. Excavations at Tarrha, 1959. P. 93—94, pl. 29.
- ²¹² Boardman J. Athenian Red Figure Vases... P. 129, сл. F. 252—284; *Idem*. Greek Art. London, 1995. P. 203—204. F. 200—201; Pottier E. Étude sur les lecythes blancs attiques à representation funereres. Paris, 1883. Pl. 1—4.
- ²¹³ Boardman J. Athenian Red Figure Vases... P. 129, сл. F. 252, 257, 261, 263, 265, 269, 270, 282.
- ²¹⁴ Акимова Л.И. Об отношении геометрического стиля к обряду кремации // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990; Шконда Ю.С. Изображение женской головы на греческих расписных сосудах // Боспорский феномен; Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 285—291; Reinach S. Repertoire des vases peints grecs et etrusques. Paris, 1899. V. I. Fig. 10, 19, 5, 29, 3, 41, 85, 107, 121.
- ²¹⁵ Молева Н.В. Тандем «заяц—собака» в изобразительном искусстве древней Греции и Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 184—187.
- ²¹⁶ См. об этом: Молева Н.В. Тандем «заяц—собака» .... С. 184.
- ²¹⁷ Там же. С. 184.
- ²¹⁸ Reinach S. Repertoire des vases... V. 1. F. 15, 17, 27, 39, 46, 106, 119 и т.д. (собака), F. 13, 52 и т.д. (заяц).
- ²¹⁹ Д. Бордман трактует эту сцену именно как охоту, связывая ее с пристрастиями умершего, впрочем, сразу же оговариваясь, что производство таких сосудов для конкретных умерших кажется ему сомнительным. Boardman J. Athenian Red Figure Vases. P. 129, сл. F. 272.
- ²²⁰ Knigge U. Der Kerameikos von Athen Führung durch Ausgrabungen und Geschichte. S. 39, Abb. 36.
- ²²¹ Следует отметить, в погребениях Пантикапея стригили встречаются чаще. На территории Азиатского Боспора они регулярно встречаются в подкурганых захоронениях. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда подкурганые погребения Азиатского Боспора имеют больше общего с погребениями Пантикапея, нежели с погребениями грунтовых некрополей близлежащих городов.
- ²²² Boulter C.G. Graves in Lenormant Street, Athens. P. 40, 44. F. 2.
- ²²³ Венедиков И. Разположение на некрополя и организация на разкопките през 1947—1949 г. // Аполлония. София, 1963. Т. 170—171; Гълъбов И. Камени гробници от Несебър // ИАИ. 1955. XIX. С. 133. Обр. 4; Knigge U. Der Kerameikos von Athen: Führung durch Ausgrabungen und Geschichte. S. 45, Abb. 44; Pemberton E.G. Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth. P. 271—305, pl. 82; Weinberg G.D. Excavations at Tarrha, 1959. P. 93—94, pl. 31g.
- ²²⁴ Кобылина М.М. Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г. С. 244, рис. 2—4; Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966—1970). С. 23; Она же. Некрополь Фанагории (раскопки 1964—1965 гг.). С. 87—93 и т.д.
- ²²⁵ Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—II вв. до н.э. как исторический источник.
- ²²⁶ Отметим что в некрополе Пантикапея из 872 погребений их всего 10.
- ²²⁷ Так же как и шкатулок. См. например: Тулушева О.В. Греческие мистерии и вазапись Южной Италии // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. С. 248—254.
- ²²⁸ Ашик А.Б. Боспорское Царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1849. Ч. III, Рис. 12. ОАК. Атлас 1863. Табл. 1, 3; 1869. Табл. IV, 11, 1881. Табл. III; Reinach S. Repertoire des vases... V. 1. Fig. 2, 5, 15, 41, 51.
- ²²⁹ Reinach S. Repertoire des vases... V. 1. P. 41, 45—46.
- ²³⁰ *Ibid*. V. 1. P. 46.
- ²³¹ Ашик А.Б. Боспорское Царство... Рис. 14.
- ²³² Scheffold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Nr. 582. Taf. 16—17.
- ²³³ *Ibid*. Nr. Abb. 75.
- ²³⁴ *Ibid*. № 582. Taf. 16—17.
- ²³⁵ Тулушева О.В. Греческие мистерии и вазапись Южной Италии. С. 248—254.
- ²³⁶ Scheffold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Nr. 582. Taf. 16—17.
- ²³⁷ *Ibid*. № 66, 286, 582. Abb. 66; Т. 16—17, 33.
- ²³⁸ Boardman J. Athenian Red Figure Vases... № 166.
- ²³⁹ *Ibid*. № 234.
- ²⁴⁰ *Ibid*. № 243.
- ²⁴¹ *Ibid*. № 254.
- ²⁴² ОАК. 1863. Атлас Т. II, 9.
- ²⁴³ Венедиков И. Разположение на некрополя и организация на разкопките през 1947—1949 г. Т. 5—6.
- ²⁴⁴ Ашик А.Б. Боспорское Царство... Рис. 18.
- ²⁴⁵ Reinach S. Repertoire des vases... V. 1. P. 46, 6.
- ²⁴⁶ См. об этом подробнее: Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Предметы связанные с культами и магией из

- погребений кенского некрополя VI—II вв. до н.э.
- 247 Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в 1902 г.: № 158; Он же. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. № 87/15; Он же. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. № 14, 15.
- 248 Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. С. 70, сл.; Он же. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905—1906 гг. С. 78 сл.
- 249 Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. № 107/62, 130/85, 150/105, 147/102, и т.д.
- 250 Там же. № 218/36.
- 251 Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966—1970). № 68 (VI—V вв. до н.э.), 50, 99 (IV—III вв. до н.э.); Паромов Я.М., Сударев Н.И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересышь («Тирамба»). С. 206.
- 252 Арсеньева Т.М. Некрополь Тананса. М., 1977. С. 20—21, № 179.
- 253 Данные из личного архива Н.П. Сорокиной.
- 254 Тульпе И.А. Амфора на некрополе: хтонический аспект // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 340; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. // ВДИ 1980. № 2. С. 78.
- 255 Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 122.
- 256 Приношу искреннюю благодарность автору раскопок за возможность использовать этот материал и за многочисленные беседы по данному поводу.
- 257 Завойкин А.А. 00€: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 108; Он же. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Боспорские исследования. Керчь; Симферополь, 2005. Вып. VIII. С. 152, сл.
- 258 Тульпе И.А. Некрополи для детей // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 46, сл.; Garland R. The Greek Way of Death. 1985. P. 77—103.
- 259 Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. № 193/11, 209/27.
- 260 Нильссон М. Греческая народная религия. С. 121.
- 261 Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 38—39.
- 262 Федосеев Н.Ф., Чевелев О.Д. Пряжки с кольцом из Пантикапея // АИБ. Керчь, 1999. Т. III. С. 173, сл.
- 263 Boardman J. Athenian Red Figure Vases... № 234.
- 264 ОАК 1863. Атлас. Т. II, 17, 24.
- 265 Венедиков И. Разположение на некрополя и организация на разкопките през 1947—1949 г. Т. 7—8, 34.
- 266 Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н.э. и местные их особенности. С. 259, 277, 279; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. № 105/60, 110/65, 147/102, 153/108, 155/110, 184/2, 187/5, 210/28 и т.д.
- 267 Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1909 г. № 38/1.
- 268 Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. № 38.
- 269 Думберг К.Е. Раскопки гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 году. № 49.
- 270 Думберг К.Е. Раскопки в г. Керчи и на Таманском полуострове. № 8 Ахт.
- 271 Виноградова Л.И., Толстая С.М. Мотив «уничтожения — проводов нечистой силы» в восточно-славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. С. 104.
- 272 Венедиков И. Разположение на некрополя и организация на разкопките през 1947—1949 г. С. 318; Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Marizin // Prahistorische Zeitschrift. Leipzig; Berlin, 1913. Bd. V. S. 65; Karametrou-Mentesidi G. The cemetery of Aiani // АЕМФ. 1988. 2. P. 21. Т. 5; Pemberton E.G. Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth. P. 271—305, pl. 83; Weinberg G.D. Excavations at Tarrha, 1959. P. 93—94, pl. 30.
- 273 Большой процент погребений с иглами (при единичности таких находок) в некрополях Мирмекия, Тиритакти связан с малым количеством исследованных погребений в этих некрополях.
- 274 Kallintze D. Archaeological Research of the 19th Ephorate of Antiquities at Abdera in 1991. P. 462. Т. 5;
- Knigge U. Der Kerameikos von Athen Führung durch Ausgrabungen und Geschichte. S. 45, Abb. 44; Pemberton E.G. Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth. P. 271—305, pl. 85.
- 275 Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 178.
- 276 Pottier E. Etude sur les lecythes blancs attiques à representation funereres. Paris, 1883. Pl. 1, 4; Boardman J. Athenian Red Figure Vases... № 232, 234, 244, 257, 260, 264, 269; ОАК 1863. Атлас. Т. I, 3, II, 16; Венедиков И. Разположение на некрополя и организация на разкопките през 1947—1949 г. 1963. Т. 5—7.
- 277 Kurts D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. P. 163, 166, 204, 211, 216; Garland R. The Greek Way of Death. P. 3; Carter C.J. The Pantanello Necropolis. P. 93; Robinson D.M. Excavations at Olynthus. Pt. 11. P. 202—206.
- 278 Garland R. The Greek Way of Death... P. 55—56.
- 279 Тимофеева Н.К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980. С. 53.
- 280 Garland R. The Greek Way of Death... P. 56.
- 281 Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. P. 105—106.
- 282 Несколько меньше таких погребений в некрополях Нимфея — 30% и Пантикапея — 29—30%.
- 283 В Кепях в погребениях взрослых монеты встречены в 31% погребений — более чем у трети взрослого населения. Интересно, что в эллинизме иногда монеты клались и младенцам (2 раза), что характерно для некрополя Пантикапея.
- 284 Morris I. Death-ritual and social Structure... P. 106.
- 285 Morris I. Death-ritual and social structure... P. 106; Robinson D.M. Excavations at Olynthus... P. 205.
- 286 В особенности это становится заметно в более позднее время, когда наряду с синхронными остальному инвентарю монетами попадаются и монеты на два-три, а то и пять веков более ранние.
- 287 ОАК 1875. С. 12.
- 288 См. например: Сорокина Н.П. Религия и короластика в античности. М., 1997.

- ²⁸⁹ Например, ранние грунтовые некрополи Кеп, Фанагории, Гермонассы, Пересыпи.
- ²⁹⁰ Усачева О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. М., 1983. Вып. 174. С. 77–82.
- ²⁹¹ Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // Культура и искусство античного мира. Л., 1962. С. 46, сл. (Труды ГЭ; Т. VII).
- ²⁹² Обычно в детских или реже женских погребениях.
- ²⁹³ Алексеева Е.М. Раскопки некрополя Горгиппии. С. 30; Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. С. 132–133.
- ²⁹⁴ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. С. 66.
- ²⁹⁵ Там же. С. 25.
- ²⁹⁶ Karametrou-Mentesidi G. Excavation at Aiani // АЕМФ. 1990. 4. P. 83. Т. 9–16; Knigge U. Der Kerameikos von Athen: Führung durch Ausgrabungen und Geschichte. S. 92, Abb. 83; S. 147, Abb. 141; Misaclidou-Desprotidou V. The cemetery of ancient Miesia // АЕМФ. 1990. 4. P. 135. Т. 1–8; Samiou Ch. Abdera: Hellenistic Cemetery // АЕМФ. 1988. 2. P. 475, 480. Т. 5–14; Vokotopoulou J., Moschonesiote S. The Sea-side Cemetery of Mende // АЕМФ. 1990. 2. P. 415. Т. 17.
- ²⁹⁷ Garland R. The Greek Way of Death... P. 22–37.
- ²⁹⁸ Boardman J. Athenian Red Figure Vases... № 243.
- ²⁹⁹ Например, в эллинистическом некрополе Том (*Visovalia M. Necropole ellenistiche la Tomis. Constanta, 1967*).
- ³⁰⁰ Нильсон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 126.
- ³⁰¹ Кереньи К. Элевсин: Архитепический образ матери и дочери. М., 2000. С. 168.
- ³⁰² Кунин В.Э., Кунина Н.Э. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи // АИБ. Симферополь, 1962. Вып. 2.
- ³⁰³ Напомним, что в ранний период боспорской истории терракоты в погребениях встречаются крайне редко, однако в детских погребениях они встречаются чаще.
- ³⁰⁴ См. по этому поводу: Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации.
- ³⁰⁵ Исключение составляет Фанагория в VI–V вв. до н.э., в некрополе которой большинство погребений с перекрытиями.
- ³⁰⁶ При колонизации первые, наиболее ранние, серии погребений отстоят от момента колонизации на 25–30 лет. Видимо, то же можно ожидать и при дополнительных волнах переселенцев. Начало «демографического взрыва» после «демографической ямы» четвертой четверти V–IV в. до н.э. приходится на начало — первую четверть III в., т.е. «вселение» могло произойти в конце IV в. до н.э. Единственной зафиксированной волной переселения в конце IV в. до н.э. являлось переселение калатийцев Евмелом (Diod. XX. 20–23). В пользу такого объяснения косвенно говорит то, что особенности некрополя Кеп и раннего, и эллинистического периодов имеют сходство с дорийскими Херсонесом и Калатисом, что позволяет осторожно задумываться о дорийском населении уже в раннее время. Тогда становятся понятны и сохранение старых традиций при дополнительном «влипании», и появление новых в то время, когда следовало бы ожидать «нивелировку» под общепоспорские традиции.
- ³⁰⁷ Изучению и публикации некрополя Кеп посвящена совместная работа Сорокиной Н.П. и автора. В ней подробно рассматриваются особенности некрополя Кеп. В настоящее время работа готовится к печати.

НАСЕЛЕНИЕ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, М. Б. МЕДНИКОВА

Появление греческих колоний на северном побережье Черного моря коренным образом изменили культуру и хозяйство всего региона. Этот исторический факт давно стал прописной истиной, но вопрос о том, как присутствие греческого населения повлияло на этнические процессы в Северном Причерноморье остается нерешенным.

К сожалению, останки погребенных из некрополей и культурных слоев античных городов Северного Причерноморья в течение долгого времени не входили в приоритетную категорию изучаемых археологами материалов. На это сетовал еще основоположник отечественной антропологии профессор Московского университета А. П. Богданов, который считал, что сбор и изучение «...остеологических останков антропологической древности обязанность каждого естествоиспытателя и антрополога, знакомого с требованиями своей науки...»¹. Эти слова, написанные более 125 лет тому назад, актуальны и сейчас.

Новые антропологические материалы, поступившие из раскопок последних лет, дают возможность воссоздать некоторые стороны биологической и социальной адаптации древнего населения Азиатского Боспора. Свидетельства из разнородных археологических памятников позволяют в общих чертах дать характеристику населения крупного античного города, рядового прибрежного поселения, и даже отдельной военизированной группы.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ ФАНАГОРИИ

Изучение антропологических материалов некрополей Фанагории является неотъемлемой частью исследования всего памятника. Систематический сбор и описание антропологических материалов был начат в 2005 г. в рамках работы Фанагорийской археологической экспедиции Института археологии РАН². К настоящему времени собраны данные о 130 индивидах из погребений Восточного некрополя, которые в целом датируются широким временным интервалом — с III в. до н.э. по рубеж IV—V вв. н.э.³, но погребения более 100 индивидов относятся ко II в. до н.э. — II в. н.э. К сожалению, сохранность значительной части антропологических материалов из Восточного некрополя плохая, и полученные за 2005—2007 гг. данные позволяют сделать лишь некоторые предварительные выводы.

Палеодемографические исследования показали, что половозрастная структура антропологических серий из некрополей отражает демографические особенности реально жившего населения⁴. Собственно палеопопуляцией может считаться только полностью раскопанный некрополь, однако составить представление о демографических особенностях группы населения позволяет и часть палеопопуляции⁵. Как известно, такие палеодемографические параметры, как средняя продолжительность жизни (средний возраст умерших), показатель фертильности, среднее число детей в семье, чутко реагируют на условия жизни социума, динамично отражают социальные изменения. Кроме того, половозрастные характеристики в коллективных погребениях зачастую помогают воссоздавать особенности погребальной обрядности.

Собранные к настоящему времени сведения позволяют высказать предположения об образе и качестве жизни населения фанагорийского населения в разные периоды существования города. Наиболее ранние исследованные погребения Восточного некрополя датируются III в. до н.э. К этому периоду

существования Фанагории относится группа из шести индивидов: трое мужчин возмужалого и зрелого возраста, две женщины молодого и возмужалого возраста и один младенец.

Подавляющее большинство погребений на Восточном некрополе были совершены со II в. до н. э. по II в. н.э. Антропологическая серия, относящаяся к этому периоду, насчитывает более 100 индивидов. Демографическая структура населения Фанагории этого времени свидетельствует о высоком уровне жизни городского населения. Так, средняя продолжительность жизни мужчин превышает 41 год, женщин приближается к 37 годам (рис. 1). Высокие значения палеодемографических параметров сходны с аналогичными характеристиками, полученными Дж. Энджелом при изучении городского населения Восточного Средиземноморья в эллинистическое и римское время⁶. Также близки к фанагорийцам по палеодемографическим особенностям группы населения римских провинций, расположенных на территории Британских островов, Иберийского полуострова, Северной Африки⁷ (табл. 1). Следует отметить, что более ранние и поздние эпохи, судя по антропологическим публикациям, характеризуются низкой продолжительностью жизни, а значит, и более низким качеством жизни.

Продолжительность жизни женщин Фанагории в среднем была на четыре года меньше жизни мужчин и составляла около 36 лет. Хотя средняя продолжительность жизни женщин отстает от показателя для мужчин, есть основания говорить также о достаточно высоком уровне жизни. Примерно такие же различие (четыре года) отмечены для населения Восточного Средиземноморья последних веков до н.э. — первых веков н.э.⁸. Эти палеодемографические показатели (особенно для эпохи эллинизма) контрастируют с данными классического времени, для которого характерны существенные расхождения в средней продолжительности жизни мужчин и женщин в семь лет.

Небольшая по численности (около 20 индивидов) группа поздних погребений IV—V вв. н.э. представлена в основном мужчинами (70%). Очевидно, что демографические характеристики группы с низким процентом женщин и детей деформированы. Причины этой деформации могут быть формальные — к настоящему времени раскопан небольшой участок

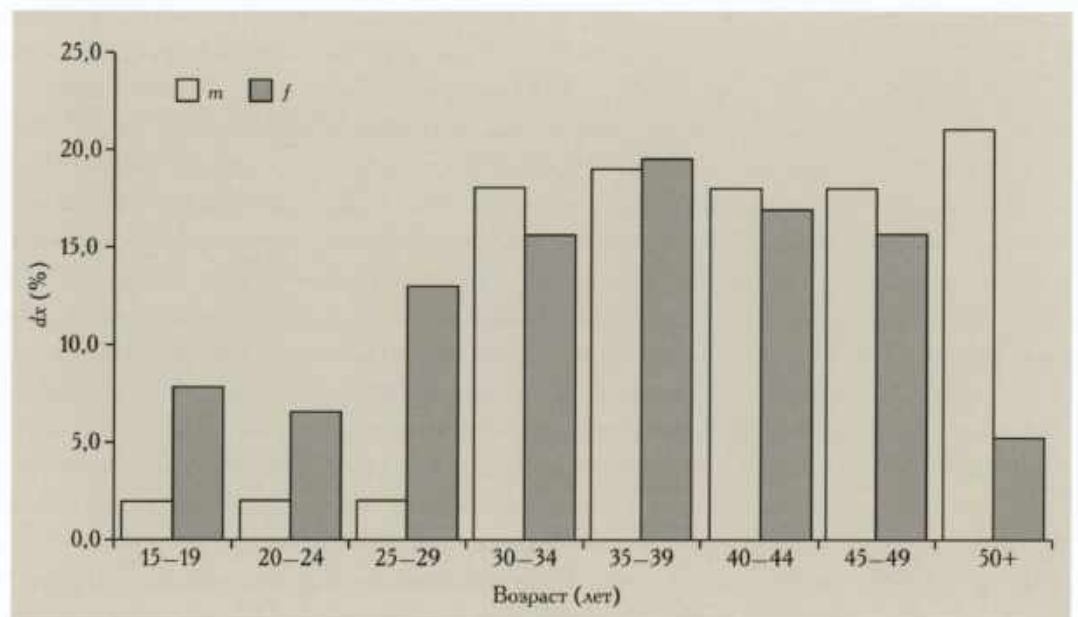

Рис. 1. Динамика смертности мужчин и женщин Фанагории (по материалам Восточного некрополя)

Таблица 1

Некоторые демографические характеристики группы из Восточного некрополя в сравнительном контексте

Группа населения	Эпоха	Средняя продолжительность жизни (мужчины/женщины)	Процентное соотношение мужчин и женщин
Восточный некрополь Фанагории	позднее эллинистическое время, римское время	41,6/36,1	56% – мужчины 44% – женщины
Африканские провинции Рима (по материалам эпитафий)	римское время	42,8 (оба пола)	–
Иберия, римские провинции (по материалам эпитафий)	римское время	38,1 (оба пола)	–
Восточное Средиземноморье	эллинистическое время	41,9/38,0	–
Восточное Средиземноморье	римское время	38,8/34,2	–

кладбища IV в. и на его площади случайно оказались преимущественно мужские погребения; возможно, были реальные причины, например, усиление военной активности города.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ФАНАГОРИИ

Огромный объем археологических и исторических сведений и материалов, накопленных за более чем полутора вековую историю изучения Фанагории, резко контрастирует с более чем скромным сводом знаний о происхождении и физическом облике населения этого города и всей азиатской части Боспорского царства.

Обобщающей работой по изучению антропологии населения Боспора явилась коллективная монография «Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы»⁹. В книге обсуждены проблемы этногенеза населения Азиатского Боспора на базе антропологических материалов, накопленных к началу 1980-х годов. Анализ краниологических серий различной численности, собранных при раскопках некрополей Фанагории, Гермонассы и Горгии, послужили основой для изучения антропологических особенностей населения городов Таманского полуострова. Исследователи пришли к выводу о смешанности антропологического состава городских жителей. Эта черта типична для всех периодов существования античных городов. Известная однородность населения фиксируется авторами лишь для последних веков до н.э. — первых веков н.э. Основа этой однородности — широкое распространение определенного краниологического типа: долихо-мезокранного с узким, невысоким лицом и высоким и узким носом. По мнению авторов монографии, происхождение этого морфологического типа было связано с местным, а не средиземноморским населением. Итак, констатируя общность антропологических характеристик населения Северного Причерноморья и Средиземноморья, авторы не находят достаточных оснований относить это сходство на счет греческого населения.

Однако новые краниологические материалы из Восточного некрополя Фанагории, несмотря на их немногочисленность, позволяют уточнить этот вывод. При сопоставлении краниологических материалов из Фанагории с

данными о населении южной и юго-восточной Европы выявляется их значительное сходство с «средиземноморцами» по таким важным характеристикам, как черепной указатель и высота лица. Краниологические варианты местного происхождения (из меотских некрополей) характеризуются большой высотой лица и большой высотой носа. Таким образом, имеются веские основания связывать присутствие долихокранного, узколицего, умеренно низколицего варианта, выделенного среди краниологических материалов Восточного некрополя Фанагории, с влиянием средиземноморского населения.

В целом вопрос о генетических связях «греческого» и «боспорского» (фанагорийского, в частности) населения останется открытым до тех пор, пока не будут получены репрезентативные данные о погребениях конца VI — начала V в. до н.э., а также сведения об антропологическом своеобразии населения метрополии.

МАРКЕРЫ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА

Данные о маркерах физиологического стресса могут быть использованы для реконструкции особенностей качества жизни жителей крупнейшего города Азиатского Боспора, выявления факторов, неблагоприятно сказывающихся на состоянии здоровья населения¹⁰. Накопленные к настоящему времени сведения о наличии маркеров стресса у индивидов из погребений Восточного некрополя Фанагории дают возможность провести исследование такого рода.

Эмалевая гипоплазия — один из широко используемых в биоархеологической литературе признаков, позволяющий констатировать задержку нормального формирования эмали зубной коронки во время роста зуба¹¹. Этот показатель может быть вызван стрессом от любого заболевания до психической травмы. Для фиксации этого признака на зубах индивидов из 121 погребения Восточного некрополя были привлечены 106 скелетов мужчин, женщин и детей. В этой группе были объединены погребения значительного временного диапазона. Наиболее ранние датируются III в. до н.э., наиболее поздние относятся к IV — началу V в. н.э. Однако только 14 индивидов происходят из погребений самого раннего (3 индивида) и самого позднего (11 индивидов) периодов истории некрополя. Наибольшее число индивидов приходится на период со II в. до н.э. по II в. н.э.

В целом частота встречаемости признака в группе невысока — около 20%, что может свидетельствовать о высоких показателях качества жизни населения Фанагории. Эта величина сопоставима с той, которая была определена для земледельческого оседлого населения кобанской культуры из погребений Клин-Яра в Северном Предкавказье¹².

Вместе с тем частота встречаемости эмалевой гипоплазии у населения Среднего Дона (курганские некрополи Колбино-I и Терновый I) в скифское время превышала 50%¹³, так же как в группе индивидов из царского кургана Чертомлык¹⁴ и в группе из раннескифского курганного некрополя Новозаведенное-II (Ставропольский край)¹⁵.

Частота встречаемости признака среди индивидов из Восточного некрополя Фанагории распределена крайне неравномерно. Если среди взрослых мужчин этот маркер стресса отмечен примерно у 7%, то среди погребенных женщин он был зафиксирован у 37%. Вряд ли такие различия можно отнести за счет случайности выборки. На зубах детей эмалевая гипоплазия также встречается довольно часто — примерно у 24%. Так как дефекты эмали формируются в детском возрасте, то можно предполагать, что условия, в которых протекало детство этих мужчин и женщин, были различными. Количество стрессов, преодоленных в детстве женщинами, было в несколько раз больше, чем у мужчин.

К настоящему времени нет убедительных данных ни в антропологических публикациях, ни в собранных нами материалах, говорящих о различиях в антропологических особенностях мужской и женской частей фанагорийского населения. Поэтому следует говорить о наиболее вероятном влиянии социальных факторов. В группах упомянутых выше номадов раннего железного века распределение частот встречаемости маркера носит иной характер: они сопоставимы в мужской и женской группах населения. Полученные наблюдения указывают на то, что в среде жителей Фанагории были приняты правила воспитания детей, существенно отличные от тех, что были нормой в среде кочевников.

Cribra orbitalia (продырявленность глазницы) формируется при патологических изменениях в капиллярах, вызванных анемией. Природа подобной анемии может быть самой различной. Обширный обзор, выполненный А.П. Бужиловой¹⁶, позволяет предполагать, что важную роль играют кровяные инфекции. В целом признак можно использовать как маркер распространения хронических инфекций. Частота встречаемости *cribra orbitalia* у индивидов из Восточного некрополя Фанагории крайне низкая. Всего 4 случая (все среди взрослых) обнаружены у 92 индивидов из погребений III в. до н.э. — II в.н.э. Отсутствие признака у детей свидетельствует о благополучном состоянии здоровья детей, что могло быть связано как с общим высоким экономическим уровнем, так и развитыми санитарными нормами. В целом, полученный результат указывает на отсутствие большого числа хронических инфекционных заболеваний у жителей античного города. Результат довольно неожиданный, так как условия города, к тому же крупного порта, как известно, способствовали развитию и распространению инфекций. Более того, обширные лиманы и мелкие озера могли быть местом выплода москитов, иных насекомых-переносчиков лихорадок, прежде всего, малярии.

Кариес, как любое бактериальное заболевание, способен развиваться в эпидемии. Одним из условий быстрого распространения кариеса можно считать структуру диеты с большой долей углеводов, в частности, сахаров. Случаи кариеса у детей Фанагории не отмечены, что свидетельствует о хорошем питании и благополучном иммунном фоне. У взрослых этот признак встречается умеренно часто: около 26% случаев у мужчин и около 31% у женщин¹⁷. Различия в показателях сохраняют градиент: женская группа менее благополучна, однако, частота кариеса у полов невелика, что, вероятно, указывает на довольно сходный состав пищевого рациона мужчин и женщин.

ТРАВМЫ

Среди независимых источников, информирующих об уровне агрессивности в обществе, следует назвать травматические изменения на скелете. Плохая сохранность скелетных материалов не позволяет обратиться к статистическим характеристикам. Поэтому опишем лишь травматические нарушения, обнаруженные на скелетах. Среди населения Фанагории римского и позднеэллинистического времени встречаются боевые травмы у мужчин. Так, при изучении следов черепной травмы мужчины зрелого возраста обнаружены свидетельства того, что ранение было нанесено сверху справа, и оружие прошло практически по касательной, не нанеся значительного урона. Такое ранение может быть получено, например, всадником от пешего воина. В другом случае (мужчина старше 50 лет) человек перенес травму плеча — перелом плечевой кости со смещением и вывихом плечевого сустава. Заживление прошло успешно, но весь сустав деформировался. Само повреждение не помешало человеку достичь преклонного возраста. Несмотря на травму, человек активно использовал правую руку. Другое черепное ране-

ние (мужчина зрелого возраста) было нанесено острым режущим орудием, заживление также прошло успешно.

Как следует из описаний, все замеченные травмы встречены лишь у мужчин зрелого и более старшего возраста. Все они не стали причиной смерти, заживление не было отягощено сепсисом. Указанные особенности могут быть связаны как с высоким иммунитетом фанагорийских воинов, так и с развитым врачеванием в Фанагории. Характер черепных травм свидетельствует о том, что мужчины участвовали в рукопашном бою. Ранения нанесены режущими или массивными колющими орудиями. Следов колющих проникающих ранений (например, стрелами) не обнаружено. Важно также отметить, что не засвидетельствованы травмы «бытового» происхождения.

ОТ ГОРГИППИИ ДО ТОРИКА: МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ И МИГРАНТЫ

(археологические памятники и антропологические материалы)

Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что вплоть до раннеримского времени на участке от Горгиппии (Анапы) до Торика (Геленджик) обитали племена керкетов и торетов¹⁸.

По-видимому, у боспорян земли, лежавшие к юго-востоку от Горгиппии, считались не столь привлекательными, что было связано с ландшафтным и климатическим своеобразием предгорий Северо-Западного Кавказа. По оценкам археологов, наиболее пригодными для жизни были долины рек Озерейка, Цемес, урочища Широкая Балка и Мысхако¹⁹. Рельеф местности и густой лес затрудняли доступ в регион из степных районов и, в целом, сообщение по суше.

До недавнего времени палеоантропологические исследования этого обширного региона практически отсутствовали, но активные археологические исследования последних пятнадцати лет в районе современного Новороссийска способствовали поступлению новых антропологических коллекций, это позволяет прояснить картину этнического многообразия жителей Боспорского царства. В нашем распоряжении имеются палеоантропологические материалы²⁰, происходящие из четырех разновременных и разнокультурных археологических памятников, раскопанных близ г. Новороссийска: Лобанова Щель, Мысхако, Широкая Балка и Цемдолина.

Согласно исследовавшему могильник в Лобановой Щели на Малом Утрише А.А. Малышеву²¹, некрополь, состоящий из каменных ящиков внутри кольцевых обкладок, был оставлен представителями аборигенной культуры полуострова Абрау. В результате изысканий экспедиции прослежено три периода, когда совершались захоронения (VI—V вв. до н.э., IV — начало III в. до н.э. и III—I вв. до н.э.). Нами были обследованы останки 21 человека, из них 6 скелетов относятся к первому периоду, 12 — ко второму и 3 скелета — к третьему²².

Цемдолинский могильник, как полагают археологи, принадлежал военизированному населению (специально организованному отряду), базировавшемуся в Цемесской долине и контролировавшему подступы к прибрежным поселениям Боспора²³. На сложность взаимоотношений этого населения с боспорянами указывает его предположительная причастность к гибели Цемдолинской и Владимировской укрепленных усадеб. Археологический комплекс свидетельствует о монокультурности Цемдолинского памятника и его явной близости кругу синхронных материалов меотской культуры из внутренних районов Прикубанья. Вместе с тем прослежены свидетельства тесных контактов с античными центрами Боспора: обильная и разнообраз-

ная импортная античная посуда, украшения при отсутствии подчиненных жертвенных захоронений, характерных для Закубанья. Подавляющее число захоронений Цемдолинского могильника было сделано во второй половине I — начале II вв. н.э. Самые ранние погребения — к рубежу н.э., поздние — к рубежу IV—V вв. Палеоантропологическому обследованию были подвергнуты останки 54 человек. В качестве сравнительных материалов, позволяющих реконструировать особенности демографической структуры меотского населения Кубани, мы привлекли данные по обследованным нами 97 скелетам из Тенгинского могильника IV—II вв. до н.э.²⁴

Еще одна антропологическая выборка представлена останками погибших в первой половине III в. н.э. при разгроме античного поселения Мысхако у отрогов горы Колдун²⁵. К сожалению, несмотря на одномоментность гибели этих людей, выборка с точки зрения демографии случайна и не отражает реального половозрастного состава жителей поселения. В хозяйственных ямах, где их застигла смерть, прятались преимущественно дети и женщины, всего 22 человека²⁶.

Последняя выборка происходит из раскопок обширного могильника в Широкой Балке. По-видимому, она может характеризовать местное население полуострова Абрау, но уже после его контактов с меотами и представителями античных поселений (обследованы останки 159 индивидуумов). В соответствии с данными археологии, антропологическая серия подразделена на три хронологические подгруппы: вторая половина I в. до н.э. — I в. н.э., I—III вв. (наиболее представительна) и III—V вв.²⁷

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ

О продолжительности жизни догреческих обитателей, погребенных в могильнике Лобанова Щель, судить сложно, учитывая небольшую представительность материалов. Большинство взрослых индивидуумов умерли до 40 и даже до 30 лет. Эти цифры ниже величин продолжительности жизни в центрах античной цивилизации. По данным Дж.Л. Энджела²⁸, в восточном Средиземноморье средняя продолжительность жизни мужчин составляла в раннем железном веке — 39 лет, в классический период — 44,1 год, в эллинистический период — 41,9 лет, в римский — 38,8 лет. Средний возраст умерших женщин в раннем железном веке достигал 30,9 лет, в классическую эпоху — 36,8 лет, в эллинистическую эпоху — 38,0 лет и среди римлянок — 34,2 года.

Сопоставление демографических показателей в группах из Цемдолина («поздние меоты»), Тенгинки (ранние меоты) и Широкой Балки (местные жители античного поселения) позволяет определить основные черты сходства и различия. Меотские группы сближаются по показателю численного соотношения полов. В выборке ранних меотов количественное преобладание мужчин выражено еще сильнее, чем в Цемдолине. Таким образом, примерно равное соотношение полов в группе из Цемдолинского могильника, возможно, объясняется не столько ее «гарнизонным» статусом, как мы считали раньше²⁹, сколько чертами, характерными для меотского населения в целом. Выборка из Широкой Балки, где на протяжении второго и третьего хронологических периодов, напротив, численно преобладают женщины, составляет контраст меотской группе.

Примечательно, что на всех этапах существования популяции в Лобановой Щели в ней численно преобладали мужчины. Если основу поселений в Широкой Балке и Мысхако составляли представители местного субстрата, то их популяции резко отличались от предковой по процентному соотношению полов из-за численного превосходства женщин (рис. 2).

При сравнении с Тенгинским могильником и Широкой Балкой, средний возраст смерти взрослого населения в Цемдолине наиболее низкий. При-

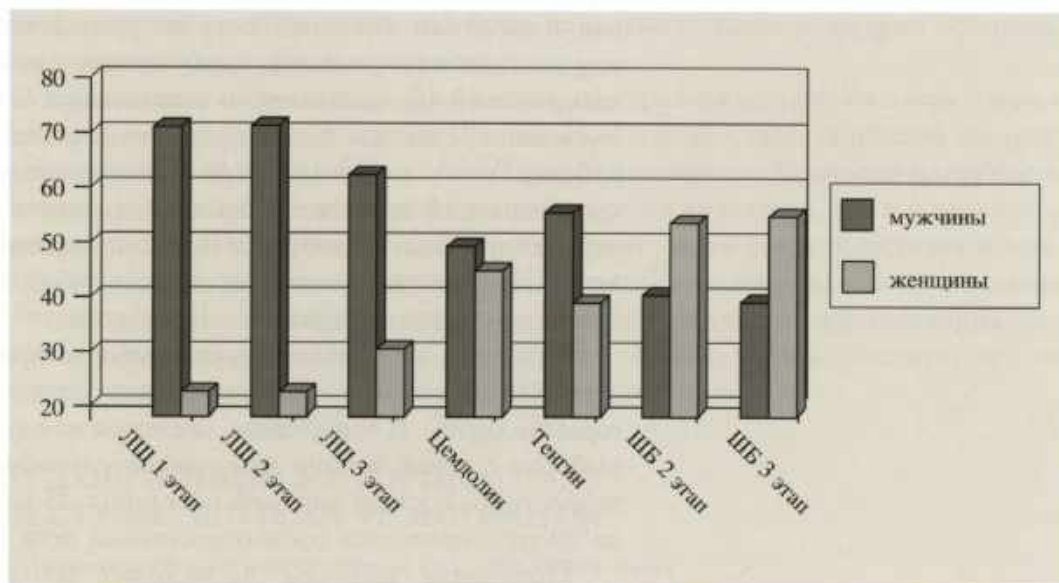

Рис. 2. Процентное соотношение полов в исследованных выборках

мечательно, что «меотские» выборки вновь сближаются из-за показателей смертности у мужчин и женщин. В Широкой Балке средний возраст смерти мужчин заметно превышает возраст смерти женщин.

Продолжительность жизни женщин во всех группах примерно одинакова, возраст же смерти мужчин в Широкой Балке выше. Такие данные можно интерпретировать как свидетельство относительного благополучия этой палеопопуляции. С учетом дисперсного распространения краниологических вариантов в близких территориальных выборках полуострова Абрау, можно высказать предположение, что по достижении определенного возраста жители военизированного поселения переселялись в «мирные» места. В римское время причерноморское население от Горгиппии до Торика, так же как и в предшествующее тысячелетие, имеет меньшую продолжительность жизни по сравнению с жителями Греции и Рима (табл. 2). Из взятых для сравнения групп срок жизни у цемдолинцев один из самых коротких, но объяснить эту закономерность пока не представляется возможным³⁰.

Таблица 2

Средний возраст смерти взрослого населения в античную эпоху (население Причерноморья и Средиземноморья)

Группа	Возраст, лет	Группа	Возраст, лет
Афины (Агора) и Коринф, V–II вв. до н.э.	41,3	Херсонес (склепы)	35,5
Неаполь Скифский, II в. до н.э. – I в. до н.э.	27,4	Тенгинский могильник	29,9
Неаполь, Мавзолей, II в. до н.э. – II в. н.э.	36,0	Лобанова Щель, VI–IV вв. до н.э.	27,5
Неаполь, Восточный мог. I–III вв.	37,1	Лобанова Щель, IV – нач. III в. до н.э.	31,3
Неаполь, Грунтовый мог. I–III вв.	35,7	Лобанова Щель, III–I вв. до н.э.	30,8
Золотая Балка	38,1	Широкая Балка, I в. до н.э. – I в. н.э.	26,5
Николаевка (Казацкое)	40,2	Широкая Балка, I–III вв.	31,8
Рим (эпитафии)	31,7	Широкая Балка, III–V вв.	30,3
Херсонес (грунтовый могильник)	34,6	Цемдолинский некрополь	27,8

КРАНИОЛОГИЯ

Имеющиеся в современной науке данные позволяют говорить о разных этносах на этой территории: местных меотских группах и выходцах из средиземноморского региона.

Археологический контекст обнаружения обследованных нами краниумов давал основания для предположений о том, что черепа из Лобановой Щели (наиболее ранние) принадлежат автохтонному населению VI–IV вв. до н.э.; Цемдолинская группа — это, возможно, меоты; материалы из Мысхако и Широкой Балки относятся к местному населению, подвергнутому культурному влиянию античного мира. Черепа из раскопок Раевского городища датируются IV в. до н.э.

Распределение морфологических признаков и комплексов их сочетаний отражает сложную этническую историю региона, определявшуюся соседством, взаимопроникновением и метисацией разных по происхождению популяций³¹, однако знаменательно, что сходные величины признаков и даже морфологические комплексы встречаются у населения разных могильников. Так, например, облик мужчины из погребения 14 Цемдолинского могильника сходен с обликом мужчины из погребения 322 Широкой Балки по ряду признаков: крайне длинная и узкая черепная коробка, высокое и наиболее широкое в верхней части лицо, высокий нос (рис. 3).

Мужчины из Мысхако и Широкой Балки (погребение 206), отличаясь от указанных индивидуумов более коротким и округлым черепом, объединяются с ними по таким характеристикам как высокое лицо, высокий нос, относительно широкий лоб (рис. 4). Вместе с тем, эти двое мужчин выделяются на общем фоне самыми широкими глазницами (мужчина же из Мысхако сближается с женщиной из Цемдолинского погребения 14, имея самые высокие глазницы).

Высоколицый, высоконосый и широколобый краниологический вариант, объединяющий большинство мужчин из погребений в Широкой Балке, Мысхако и Цемдолине (погребение 14), можно было бы, в силу большей его репрезентативности, рассматривать как местный.

Правда, имеющиеся в нашем распоряжении данные о строении мужского черепа из погребения 3 в Лобановой Щели пока указывают на преемственность высоколицего варианта от антропологического типа более раннего местного населения. «Аборигенный» краниум VI–IV вв. до н.э. из Лобановой Щели гораздо более короткий и мезокранный по сравнению с черепами из Мысхако и Широкой Балки. Верхняя ширина лица у него заметно меньше, однако некоторые черты сходства с мужчинами Мысхако и частично Широкой Балки проявляются в строении глазниц и относительной ширине лба.

Еще один морфологический вариант представлен мужским черепом из погребения 2 Цемдолинского могильника: с мезокранным черепом, малой относительной шириной лба, низким лицом, небольшой верхней шириной лица, низким, но широким носом (любопытно, что, хотя «цемдолинец» из погребения 14 по многим признакам тяготеет к Широкой Балке и Мысхако, нос у него более широкий). Примечательно, что оба «цемдолинца» демонстрируют некоторое повышение верхнего угла горизонтальной профилировки; у всех остальных она заметно ослаблена (единственное исключение мужчина из погребения 206 в Широкой Балке).

Мужчина из погребения 182 Широкой Балки с удлиненным черепом, средним по высоте лицом, узким лицом, более низким и узким носом, промежуточной шириной орбиты и наиболее слабым выступанием носа, демонстрирует отдельный комплекс особенностей (рис. 5). Этот умеренный грациль-

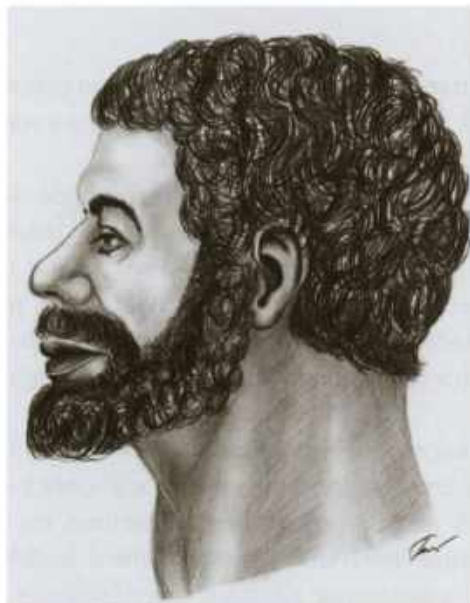

Рис. 3. Графическая реконструкция облика мужчины, погребенного в могиле 14 Цемдолинского могильника. Авт. Т.С. Балуева

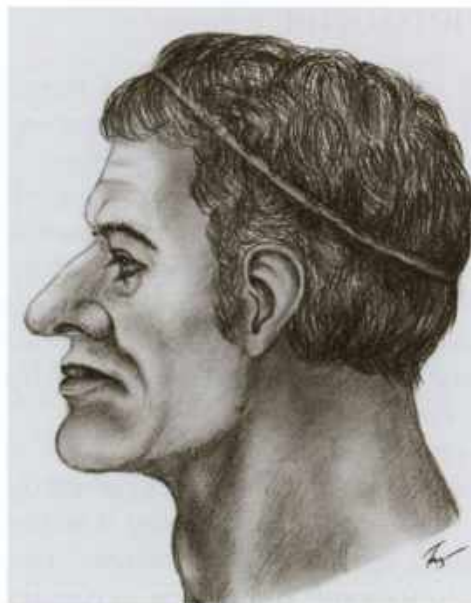

Рис. 4. Графическая реконструкция облика мужчины, погребенного в могиле 3, Мысхако. Авт. Т.С. Балуева

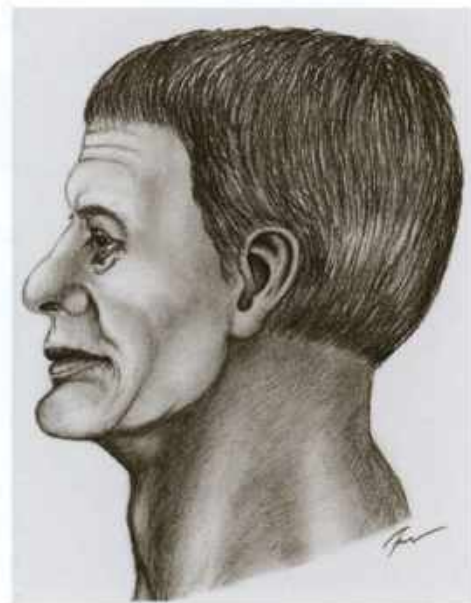

Рис. 5. Графическая реконструкция облика мужчины, погребенного в могиле 182 могильника в Широкой Балке. Авт. Т.С. Балуева

ный вариант находит наибольшее соответствие в кругу южных европеоидных (средиземноморских) форм, что позволяет ввести этот антропологический тип в общую картину расселения средиземноморцев.

Несмотря на немногочисленность краниологических данных, выявленный нами характер различий оказывается довольно специфичен. Имеющиеся материалы пока не позволяют с уверенностью говорить о преемственности антропологического состава жителей античных поселений Мысхако и Широкой Балки и керкетов или торетов Лобановой Щели. Напротив, после рубежа новой эры состав населения региона включил носителей разного антропологического облика: по-видимому, в этот момент начинается процесс активного смешения представителей разных этносов. Облик обитателей Цемесской долины тоже был весьма разнообразен, что позволяет допускать возможность присутствия в этом гарнизоне населения, пришедшего с побережья (например, из античных поселений Мысхако и Широкой Балки).

ПОСЛЕДСТВИЯ «КУЛЬТУРНЫХ МОДИФИКАЦИЙ ТЕЛА»

Специально следует остановиться на наличии последствий так называемых «культурных модификаций тела», отраженных в изменении формы головы или в нанесении специфических рубцов в строго определенных частях краниального свода. Эти следы были встречены только на черепках женщин из Мысхако и у некоторых погребенных в некрополе Широкая Балка. У мужчины из погребения 2 Цемдолинского могильника (меот?) встречена уплощенность теменных костей, возможно, вследствие долгого нахождения в детстве в твердой колыбели (так называемый «бешик»).

У женщины из ямы 29 с поселения Мысхако также наблюдается уплощенность теменного отдела, видимо, аналогичной этиологии, однако на этом краниуме заметна и слабая кольцевая деформация низкого типа с локальным понижением костной поверхности за брегмой. Кроме того, в центрально-задней части теменной кости на линии сагиттального шва имеется углубление округлой формы диаметром ок. 22 мм, представляющее собой зажившую символическую трепанацию.

Такие поверхностные процедуры стали «приметой времени» для раннего Средневековья, особенно широко распространившись среди населения, затро-

нутого «великим переселением»³². Часто этот обычай ассоциировался исследователями с протоболгарами и тюркскими народами, однако не исключено, что он распространялся и на другие этносы. А. Йорданов и А. Дмитрова изучили останки 364 индивидуумов из могильника Одартци в северо-восточной Болгарии на западном побережье Черного моря, датируемого X—XI вв.³³ Из ста тринадцати хорошо сохранившихся черепов тридцать шесть несут отчетливые признаки символического трепанирования.

Свод черепа из ямы 80 с поселения Мысхако (костяк 1) был затронут столь сильной кольцевой деформацией, что он не включен нами в общее рассмотрение. На теменных костях позади брегмы и в задней их части — глубокие вдавления, сочетающиеся с образованием валиков на лобной и на затылочной костях. На черепе из ямы 83 (костяк 4) локальное понижение костной поверхности в задней трети теменных костей в виде овала сочетается со слабо выраженными проявлениями «низкого типа» кольцевой деформации. Возможно, это пример другого искусственного воздействия — «точечной» деформации в результате длительного давления пряжки головного убора на голову ребенка.

На женском черепе из погребения 11 Широкой Балки наряду с ранним зарастанием венечного лба наблюдается ограниченное понижение костной поверхности (точечная деформация или символическая трепанация?) в задней части теменных костей на стреловидном шве. Кроме того, имеется слабая теменная деформация (широко известная, например, у хорезмийцев)³⁴. Обращает внимание сильное развитие выйных линий с образованием «клюва» — один из признаков, характерных для всадников. На мужском черепе из погребения 182 Широкой Балки распознаются очень слабые следы воздействия мягкой повязки в задней трети теменных костей. Также сильно развит затылочный «клюв» в результате тренированности мускулатуры шейного отдела. На мужском черепе 206 из Широкой Балки еле заметен низкий вариант кольцевой деформации (уплощенность в позадивенечной области, затылка); присутствует «клюв» на затылочной кости. На женском черепе из погребения 236 Широкой Балки (III—V вв.) присутствует кольцевая деформация. Повязка деформирующей конструкции располагалась позади брегмы, также уплощена верхняя часть затылочной кости.

Итак, жители поселений Широкой Балки и Мысхако вплоть до III в. н.э. уже проявляют большое внешнее разнообразие. Присутствие искусственной деформации головы (при преобладании кольцевой низкого типа), возникшей еще в детском возрасте, и символическое трепанирование (скорее всего, подростков) сближают прибрежные группы с другими группами I тысячелетия н.э. Однако наблюдаемая разнохарактерность искусственной деформации на одном памятнике (высокий и низкий тип кольцевой, теменная, бешик?) позволяет предположить, что такое скрещивание культурных традиций может отражать «механическую» смесь представителей разных этносов, либо, не всегда удачные попытки заимствования и имитации престижного обычая³⁵.

Лобно-затылочная деформация встречается в Пантикапее³⁶, в Крымском Приазовье, в некрополе городища Артезиан³⁷. Деформанты с поселения Мысхако, погибшие в первой половине III в. н.э., демонстрируют ряд своеобразных черт. Учитывая многократный рост населения этой части Боспора в I—III вв., можно предположить, что в это время усилилась миграция с определенной консолидацией на базе местного субстрата при участии выходцев (по-видимому, все же немногочисленных) из Средиземноморского региона и из Прикубанья.

ИНДИКАТОРЫ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА И ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Относительно низкий возраст умерших в группе Лобанова Щель побуждает внимательно рассмотреть характеристики зубной и костной ткани, отражающие состояние здоровья этих людей к моменту их смерти³⁸. Традиционные маркеры эпизодических нарушений процессов роста в возрасте до 6 лет — гипоплазия в виде нарушения эмалевого зубного покрова встречена дважды и только у женщин: в погребении 14 (первый период) и в погребении 9 (второй период). Структурные изменения зубной поверхности отразили моменты негативного воздействия, когда под влиянием резкого голода или лихорадки, рост детей был временно остановлен. Этот признак не встречен у мужчин, что позволяет высказать предположение о большей уязвимости девочек и о возможном различии качества жизни детей разного пола.

Заметим, что у средиземноморцев частота встречаемости эмалевого гипоплазии была также низка, снижаясь от классической к эллинистической эпохам с 1,4 до 1,2 %. Совершенно другая частота эмалевого гипоплазии в палеопопуляциях с военной и полукочевой скотоводческой ориентацией. По имеющимся данным, в серии ранних скифов из курганов Новозаведенное II встречаемость этого индикатора стресса достигала 57,1 %, в IV в. до н.э. в локальных группах скифского населения показатель варьирует от 56³⁹ до 63%⁴⁰.

О полноценности питания во многом свидетельствует здоровье зубочелюстного аппарата. В серии Лобанова Щель не было встречено ни одного случая кариеса, одонтогенного остеомиелита или прижизненной утраты зубов. Это свидетельствует о калорийном высокопротеиновом рационе, комфортных условиях существования и хорошем состоянии иммунной системы. Возможно, одной из генетических особенностей причерноморского населения I тысячелетия до н.э. была невосприимчивость к кариесу. Также, вероятно, благоприятным образом сказывалось геохимическое окружение. Повышенная концентрация таких микроэлементов, как ванадий и фтор, снижает, как известно, вероятность кариозного поражения зубов⁴¹.

Климатические условия, несомненно, оказывали влияние на здоровье. На степень этой взаимосвязи указывают симптомы васкуляризации в лицевой области и в верхней части свода черепа, которая была вызвана интенсификацией периферического кровообращения. По-видимому, этот признак связан с длительным пребыванием человека на открытом воздухе во время прохладной ветреной погоды с высокой влажностью⁴². В подгруппе первого периода последствия холодового стресса отмечены у двух человек из шести (33%, взрослые мужчина и женщина), в подгруппе из второго периода — у двух человек из 12 (16,7%, взрослый мужчина и ребенок). Вероятно, на протяжении VI—V вв. до н.э. климат был более суровым, чем в последующие столетия. Также возможно, что с течением времени жители Причерноморья выработали и такие способы защиты от холода и сырости.

В подгруппе, относимой ко второму этапу, у мужчины из погребения 3 и ребенка 7—8 лет из погребения 12 на эндокране обнаружено наличие индикаторов повышенного внутричерепного давления, что могло отражать генетическую особенность, присущую этой группе. В ряду непатологических наследственно обусловленных аномалий следует отметить срастание с крестцом (сакрализацию) пятого поясничного позвонка у мужчины из погребения 13. Предполагать генетическую преемственность населения между вторым (IV—III вв. до н.э.) и третьим (III—I вв. до н.э.) периодами позволяет присутствие морфологической вариации строения большеберцовой кости —

”саблевидной” формы голени (женщина из погребения 9 и мужчина № 1 из погребения 8).

В группе с поселения Мысхако (III в. н.э.) не обнаружено последствий хронических и эпизодических влияний негативных факторов биосоциальной природы (*cribra orbitalia*, эмалевая гипоплазия, периостальные реакции на черепе и костях посткраниального скелета, прижизненная утрата зубов, одонтогенный остеомиелит, кариес отсутствуют). Для скелетов данной серии нехарактерны заболевания крупных суставов; не встречены также энтесопатии — реактивные изменения костной ткани в результате интенсивных физических нагрузок⁴³.

Таким образом, отсутствие индикаторов физиологического стресса свидетельствует о достаточно полноценном питании и благоприятной санитарно-гигиенической обстановке в палеопопуляции Мысхако. Общественный статус людей, останки которых оказались в хозяйственных ямах поселения, мог быть достаточно высок.

ТРАВМЫ

Травматизм в группе «керкетов» из Лобановой Щели не высок, и, по-видимому, он бытового происхождения⁴⁴. Так, у женщины из погребения 14 (первый этап) обнаружена зажившая лицевая травма в центре лобной кости, а у мужчины № 2 из погребения 9 (второй период) травмирована теменная кость. Переломы посткраниального скелета, равно как и патологические изменения суставных поверхностей, не обнаружены.

Учитывая обстоятельства обнаружения скелетов в хозяйственных ямах поселения Мысхако, особое внимание было уделено поискам травматических повреждений, следов ранений, которые могли бы способствовать выяснению причин смерти этих людей, однако тщательный осмотр не выявил никаких травм⁴⁵.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Местное население (Лобанова Щель). При реконструкции особенностей физических нагрузок на индивидуальном уровне приходилось в большей степени опираться на признаки развития рельефа длинных костей и некоторые измерительные показатели. Так, для женщины, захороненной впоследствии в погребении 14 (первый этап), была характерна тренированность мышц, обеспечивавших интенсивные движения кисти и пальцев, а также управлявших движениями бедра и голени.

Близкий характер двигательной активности, сопряженной с усиленной работой кисти, обнаружен у мужчины из погребения 9 (кость 3, второй этап). Общей особенностью этих индивидуумов, а также женщины из погребения 8 третьего периода, можно считать уплощенность бедренной кости в подвертельной области. Ранее было показано, что сочетание платимерии с округлым сечением диафиза в срединной части бедра характерно для людей с детства привычных к верховой езде⁴⁶. Другой комплекс признаков, встреченный у мужчины из погребения 9 (№ 2), также возможно связан со всадничеством: энтесопатия в задней части плеча, гиперразвитие рельефа костей предплечья и линии камбаловидной мышцы⁴⁷.

Для женщины из погребения 9 (№ 1) были наиболее типичны такие движения, как поднятие-опускание руки с поворотом внутрь, сгибание, разгиба-

ние, приведение бедра. На скелетах людей, погребенных в могиле 8 на протяжении третьего периода, наблюдается преобладающее развитие костного рельефа пояса верхних конечностей. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается на мужских костях. Характер реконструируемых движений, скорее всего, говорит об усиленном занятии греблей. Особого рассмотрения заслуживает необычная, никак не связанная с возрастом, стертость зубов, отмечаемая на всех этапах существования могильника. У юноши из погребения 1 (первый этап), у ребенка 8–9 лет из погребения 12 (№ 2, второй этап) отмечаются передне-центральная стертость жевательной поверхности первого моляра. Аналогичная стертость — на зубах мужчины № 1 из погребения 8 третьего периода. Механическая нагрузка на резцы верхней челюсти молодого мужчины (погребение 3) вызвала укорочение зубов и изменение прикуса. Известно, что у древних охотников-собирателей Северной Америки на передних зубах фиксируются изменения жевательной поверхности, что связано с использованием зубов в качестве обрывания и временной фиксации сетей, веревок, корзин⁴⁸. Изменения жевательной поверхности моляров в древнеберингоморских сериях Эквен и Уэлен были изучены М.В. Козловской (Добровольской), соотнесшей интенсивность хозяйственной деятельности арктических охотников на морского зверя и травматические повреждения зубной поверхности⁴⁹. У эскимосов зубы выполняли во многих операциях роль «третьей руки», в том числе при протягивании нитей и при сверлении. Весьма вероятно, что изношенность зубов в серии Лобанова Щели объясняется особенностями хозяйственной специализации этого прибрежного населения, занимающегося изготовлением сетей и корзин.

Военизированное поселение поздних меотов (Цемдолина). Присутствие некоторых биологических маркеров на костях погребенных в Цемдолинском могильнике хорошо сочетается с археологическим контекстом скелетных находок. В частности, особое внимание было уделено рассмотрению останков, найденных вместе с оружием и в сопровождении лошадей, уложенных на ступеньку входной ямы (погребения 9, 50, 65, 68)⁵⁰. Судя по биологическим особенностям, исследованные погребения были сооружены для молодых мужчин — хорошо тренированных воинов-всадников. Они отличались отсутствием хронических заболеваний и хорошей физической подготовкой. Последствия заживших боевых ранений на костях не выявились, что, возможно, говорит о редкости серьезных военных столкновений на протяжении жизни этих людей. Вместе с тем, у цемдолинских всадников неоднократно отмечены бытовые микротравмы, связанные со спецификой их повседневной деятельности.

Прибрежное поселение Мысхако. В некоторых случаях, преимущественно у женщин 30–34 лет, удалось зафиксировать хрящевые грыжи в телах грудных позвонков, известные под названием узлов Шморля. Скорее всего, в данной группе формирование этих признаков было связано с поднятием и переносом тяжестей.

* * *

Результаты исследования антропологических материалов из разновременных и разнокультурных памятников Азиатского Боспора, позволяют воссоздать общую этническую картину пестрого по своему генезису населения. Относительно высоколицые, долихокраничные краниологические варианты, ассоциируемые с Предкавказьем, соседствуют с долихо-мезокраничными, низколицыми обладателями средиземноморского облика. Эти варианты выражены довольно четко, что указывает на сложный, мозаичный характер антропологического состава населения. Использование методов палеодемографии позволяет уточ-

нить и некоторые проблемы социальной структуры, влияние более высоких по уровню культур на жизнь местного населения Азиатского Боспора. Так, данные о половозрастном составе населения Фанагории в позднеэллинистическое и римское время дают веские основания предполагать высокий уровень жизни населения, сходный с римскими провинциями от Северной Африки до Британских островов. По сравнению со Средиземноморьем, для всех обитателей региона — от Горгии до Торики, независимо от их происхождения и специфики хозяйственной деятельности, было характерно явное сокращение продолжительности жизни. Продолжительность жизни у прибрежного населения была выше, чем у цемдолинцев.

Рассмотрение независимых биологических признаков у различных социальных структур (населения города, военного форта или сельской популяции) не выявляет каких-либо культурных традиций, связанных с кочевым миром. Информация об особенностях скелетной биологии населения дает основания судить о характере адаптационных процессов, протекавших в группах аборигенного и мигрантного населения. Несмотря на плохую сохранность многих скелетных останков, обследование палеоантропологических материалов из археологических памятников Северного Причерноморья от Фанагории до Геленджика позволило выявить довольно высокий уровень биологической и социальной адаптации к окружающим условиям. Это отразилось в отсутствии следов хронических заболеваний, в малой частоте маркеров физиологического стресса, низком травматизме. Характер травм, обнаруженных на скелетах из погребений Фанагории, дает основание предполагать, что военное ремесло занимало ведущее место среди обеспеченных слоев фанагорийского общества. В «керкетской» группе из Лобановой Щели, некоторые особенности, по-видимому, были связаны с добычей морских ресурсов. Иную специфику демонстрирует население Цемесской долины, в составе которого видное место занимала группа тренированных воинов-всадников.

¹ Богданов А.П. О черепах из крымских могил Херсонеса и Инкермана и из курганов Войска Донского // ИОЛЕАЭ. 1886. Вып. 1, ч. 1. С. 1–36.

² Обследование антропологических материалов из Фанагории производилось ведущим научным сотрудником Института археологии РАН, д-ром ист. наук М.В. Добровольской.

³ Все сведения о датировках и культурной принадлежности погребенных получены из полевых отчетов Фанагорийской экспедиции за 2006, 2007 гг.

⁴ Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи: Антропологическое исследование: (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003. С. 10. Бужилова А.П. Изучение возрастных пирамид и показатели среднего возраста умерших // Историче-

ская экология человека. М., 1998. С. 2.

⁵ Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи... С. 3.

⁶ Angel J. Health as a Crucial Factor in the Changed from Hunting to Developed Farming in the Eastern Mediterranean // Paleopathology at the Origin of Agriculture / Eds. by M. Cohen, G.J. Armelagos. London, 1984. P. 51–73.

⁷ Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи... С. 10.

⁸ Angel J. Health as a Crucial Factor. P. 51–73.

⁹ Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 81.

¹⁰ Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005. С. 155.

¹¹ Kerr N.W. Childhood Health of Two Scottish Medieval Populations as Revealed by Enamel (hypoplastic)

Defects // Journal of Paleopathology. 1989. N 2 (1). P. 23–32.

¹² Бужилова А.П. Homo sapiens... С. 157.

¹³ Добровольская М.В. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 69–106.

¹⁴ Schultz M. Archäologische Skelettfunde als Spiegel der Lebensbedingungen früher Viehzüchter und Nomaden in der Ukraine // Золото степу: Археология України / Под ред. Р. Ролле, М. Мюллер-Вилле, К. Шитцеля. Киев; Шлезвиг, 1991. С. 27–42.

¹⁵ Медникова М.Б. Антропология ранних скифов: могильник Новозаведенное II // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. А.П. Бужилова. Вып. 1–2. 2002. С. 128–140.

¹⁶ Бужилова А.П. Homo sapiens... С. 156.

- ¹⁷ Мы фиксировали наличие хотя бы одного кариозного поражения у индивида, а не число пораженных зубов на число здоровых зубов, как часто можно встретить в литературе.
- ¹⁸ *Мальшев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г.* Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 272–301.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Палеоантропологическое обследование производилось ведущим научным сотрудником Института археологии РАН, д-ром ист. наук М.Б. Медниковой.
- ²¹ *Мальшев А.А., Медникова М.Б.* Население полуострова Абрау в античную эпоху: этнополитический и экологический аспекты // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М., 2004. С. 182–183.
- ²² *Медникова М.Б.* Могильник Лобанова Щель: население Северного Причерноморья в I тыс. до н.э. по антропологическим данным // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир; Москва, 1999. Вып. 5. С. 58–66.
- ²³ *Мальшев А.А., Медникова М.Б.* Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // РА. 1999. № 4. С. 125–135.
- ²⁴ Раскопки Тенгинского могильника возглавляла Е.А. Беглова, Музей народов Востока.
- ²⁵ *Mednikova M.B.* Die menschlichen Skelettreste aus den Wirtschaftsgruben der antiken Siedlung Myschako // Eurasia Antiqua, 1991. В. 5. S. 470–474, 486.
- ²⁶ *Медникова М.Б.* Костные останки человека из хозяйственных ям античного поселения Мысхако // Проблемы истории, филологии и культуры. 2001. Вып. X. С. 216–221.
- ²⁷ *Дмитриев А.В., Мальшев А.А., Медникова М.Б.* Широкая Балка в античную эпоху: территория и население // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа): Тезисы докл. Нальчик. 2004. С. 72–74. *Мальшев А.А., Медникова М.Б.* Население полуострова Абрау в античную эпоху: этнополитический и экологический аспекты // Экология и демография человека в прошлом и настоящем: Тезисы международной конференции «Экология и демография человека в прошлом и настоящем», 15–17 ноября 2004. М., 2004. С. 182–183; *Мальшев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г.* Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 272–301.
- ²⁸ Angel J. Health as a Crucial Factor ... P. 51–73.
- ²⁹ *Мальшев А.А., Медникова М.Б.* 1995. Население Цемесской долины в римское время ... С. 125–135.
- ³⁰ *Мальшев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г.* Широкая Балка в античную эпоху... С. 272–301; *Медникова М.Б.* Могильник Лобанова Щель... С. 58–66.
- ³¹ *Медникова М.Б., Балужева Т.С.* Новые данные к краниологии населения полуострова Абрау // Abgau Antiqua: Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / Ред. А.А. Мальшев. М., 2009. С. 108–148.
- ³² *Медникова М.Б.* Костные останки человека... С. 216–221.
- ³³ *Yordanov A., Dmitrova A.* Symbolic Trephinations in Medieval Bulgaria // НОМО. 1991. Vol. 41/3. P. 266–273.
- ³⁴ *Ходжайов Т.К.* География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5: Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. С. 12–22.
- ³⁵ *Медникова М.Б.* Феномен искусственной деформации головы: евразийский контекст // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 206–229.
- ³⁶ *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 88.
- ³⁷ *Винокуров Н.И., Дробышевский С.В.* Погребения с деформированными черепами античного времени в крымском Приазовье: (по материалам некрополя и городища Артезиан) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 73–87.
- ³⁸ *Медникова М.Б.* Могильник Лобанова Щель... С. 58–66.
- ³⁹ *Schultz M.* Archäologische Skelettfunde... S. 27–42.
- ⁴⁰ *Добровольская М.В.* К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 69–106.
- ⁴¹ *Бужилова А.П.* Программа фиксаторов индикаторов механического стресса, связанного с верховой ездой // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М., 1998. С. 128.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Mednikova M.B.* Die menschlichen Skelettreste ... S. 470–474, 486. *Медникова М.Б.* Костные останки человека из хозяйственных ям античного поселения Мысхако // Проблемы истории, филологии и культуры. 2001. Вып. X. С. 216–221.
- ⁴⁴ *Медникова М.Б.* Могильник Лобанова Щель... С. 58–66.
- ⁴⁵ *Mednikova M.B.* Die menschlichen Skelettreste... S. 470–474, 486. *Медникова М.Б.* Костные останки человека... 2001. С. 216–221.
- ⁴⁶ *Медникова М.Б.* Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995.
- ⁴⁷ *Бужилова А.П.* Программа фиксаторов индикаторов... С. 169–175.
- ⁴⁸ *Larsen C.S.* Dental Bonification and Tool Use in the Western Great Basin // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 67. P. 77.
- ⁴⁹ *Kozlovskaya M.* Ancient Eskimo Hunting Activity and Dentition // Abstracts of XIIth European Meeting of the Palaeopathology Association. Prague; Pilsen, 1998. P. 54.
- ⁵⁰ *Медникова М.Б., Балужева Т.С.* Новые данные к краниологии...

Часть XII

ИСКУССТВО

ИСКУССТВО

Е. А. САВОСТИНА

Искусство античного мира, к которому, несомненно, принадлежал и Боспор, во многом определило развитие культуры и общественного сознания последующих веков. Именно оно легло в основу художественных ценностей эпохи Возрождения и всей позднейшей европейской цивилизации. Изучение искусства как *художественной культуры общества* помогает понять интеллектуальный и духовный уровень общества, проникнуть в более глубокие сферы господствующих идей и представлений. До нашего времени сохранились лишь материальные формы античного искусства: скульптура, архитектура, декоративная живопись и художественная керамика, которые греками относились к *конструктивным* видам¹. В каждом дошедшем до нас памятнике мы видим, оцениваем и исследуем как его внешний образ — форму, связанную с манерой исполнения — стилем, так и его содержание, которое раскрывается на основе анализа сюжета и иконографии. Темы, разрабатываемые в произведениях древнего искусства, в том числе античного, дополняют сведения об обществе, которые известны по другим источникам, в том числе о почитаемых богах, правителях, распространении мифологических сюжетов. Анализ памятников искусства, найденных на конкретной территории, позволяет судить о ее художественной среде, связи с общей традицией и своеобразии культурного развития.

Искусство Азиатского Боспора составляет неотъемлемую часть искусства Боспора Киммерийского, и шире — греческой периферии, — этого оригинального и исключительного явления в истории древнего и мирового искусства в целом. Его своеобразие связано с уникальностью самой модели освоения греками новых географических пространств и передачи от «ядра» к колонии полноценного содержательного импульса.

В Греции каждая выходящая из нее колония-апоikia являлась своего рода генетическим срезом целого, отражая общую структуру. В отличие от Рима, греческая колония, как росток, пересаженный от общего дерева, не управлялась им, но развивалась по сходным законам. В эволюции культуры, перемещенной из центра ее носителями, основополагающую роль играло содержание полученного импульса и новые условия, в которых она укоренялась. Взятые вместе, эти составляющие и определяли местный — локальный вариант греческой историко-культурной общности, в частности на Боспоре.

«Новые условия», в которых оказались и жили греки Боспора, оказали существенное влияние на их историю и культуру. Понять общие черты и специфику искусства Боспора, в том числе и его азиатской части, можно лишь при учете особенностей этнокультурной, социальной и политической истории этого региона, при учете специфики окружавшего греков Боспора мира, т.е. только в историческом контексте.

История Боспора известна в несравненно более общих чертах, чем история Эллады, что во многом определяет трудности датировки и характеристики памятников. Хронологическая шкала Боспора восстанавливается в основном на сведениях, собранных в «Библиотеке» Диодора Сицилийского, афинских декретах, в речи Динарха против Демосфена (324 г. до н.э.), боспорских надписях, данных, приведенных Страбоном, Полиеном и некоторыми другими античными авторами. Самобытность боспорской истории отражает соотношение многих событий в Элладе с теми, что имели место на Боспоре. Хотя в истории Боспора почти полностью отсутствуют явления, хронологически параллельные происходящим в самой Греции, нет оснований утверждать, что эта история совершенно независима от общегреческих процессов.

С одной стороны, Боспор остается в стороне от Греко-персидских войн и не теряет самостоятельности, когда Греция попадает под власть Македонии. Боспора не коснулись походы Александра, он оказался независим от Рима, который в середине II до н.э. завоевывает Грецию. Боспор еще живет как греческое государство, когда Митридат Евпатор находит в нем последнее убежище, отстаивая свободу эллинистического мира от Рима. Только потомки этого великого перса переустраивают государственную систему Боспора на более восточный лад. Так Боспор входит в новую эру. Пережив походы готов и гуннов, он плавно вливается в историю Византии. Таким образом, Боспор видится в полном смысле как «традиционное общество», т.е. общество «малоизменяющееся», что, возможно, и помогло ему сначала просуществовать до поздней античности, а потом сохраниться до эпохи Средневековья².

С другой стороны, начало объединения Боспора в V в. до н.э. можно связать с результатом консолидации Элады и усилением панэллинских тенденций. Изменение титулатуры боспорских правителей — давно уже царей по сути³ — с архонта на базилиевса в III в. до н.э. также отразило общую ситуацию в греческом мире — возникновение в конце IV в. до н.э. царств под властью последователей Александра Великого. Во времена «второго Александра», которым объявил себя Митридат Евпатор, Боспор стал активным участником в событиях мировой истории уже напрямую.

Нельзя не заметить хронологических разрывов между указанными выше кардинальными событиями в Эладе и на Боспоре. Это свидетельствует об отличных темпах развития боспорской истории по сравнению с Центром и о более длительных временных рамках для создания необходимой основы для новых преобразований. Сходные явления, по всей вероятности, происходили в культурных процессах греческих колоний Боспора. Однако должно было пройти определенное время, накоплена своего рода «критическая масса» в составе боспорского населения, сложиться общее мировоззрение, духовная общность, чтобы культура Боспора обрела свое лицо и дала ответ на импульс, заданный ей Элладой.

В жизни греков, поселившихся на окраине обжитой ими земли, — ойкумены, большую роль играли их соседи. В Кирене (Северная Африка) это были ливийцы, в Посейдонии — этруски. Ионийцы жили около лидийцев и персов. Боспорские греки также находились в окружении местных племен: скифов на севере (степи от Днепра до Дона) и западе Крыма, где жили тавры и саки; синдо-меотов — на землях теперешней Тамани⁴. Археологически мы знаем последних по отдаленным от Боспора, более восточным районам, соседствующим с савроматами-сарматами. Локализация псесов, дандариев, торетов и прочих племен до сих пор вызывает большие споры среди ученых: отсутствуют точные критерии идентификации местного населения⁵. Часто видим население этих областей уже испытавшим на себе влияние цивилизации греков, как это случалось с большинством их соседей и даже с противниками (персами)⁶. Однако совершенно очевидно, что племена, дружившие, воевавшие и торговавшие с Боспором⁷, либо жившие на подвластной ему территории, тоже оставили свой след не только в его судьбе, но и в историко-культурном развитии.

Художественный облик Боспора складывался как из привезенных сюда произведений искусства, так и изготовленных на месте, формируя особую культурную среду, которая питала развитие собственного искусства. Получил ли развитие на Боспоре заданный ему импульс или он был трансформирован

и размыт негреческим окружением? Насколько основополагающей оказалась греческая компонента в культуре Боспора?

Произведения искусства, известные на Азиатском Боспоре, составляли художественное пространство, определяли облик его культуры, начиная с момента переселения греческих колонистов и до конца существования Боспора. Чтобы ответить на поставленные вопросы, рассмотрим основные категории памятников искусства.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА. ВАЗОПИСЬ

На территории Азиатского Боспора найдены целые экземпляры и многочисленные фрагменты импортированной греческой расписной керамики. Самые ранние из них являются важнейшим источником для определения даты освоения греками мест их первоначального расселения. Необходимо иметь в виду, что ко времени своего появления в качестве импорта на Боспоре древнегреческая вазопись уже прошла длительный путь развития, пережив и период геометрики, и ранний этап чернофигурного стиля, который в различных областях Греции имел свои отличия. Связанные с особенностями формы, структуры декора, выбора сюжетов, темой которых были боги, герои, мифологические персонажи, эти отличия ярко проявлялись в формировании общей манеры росписи — стиля.

Для архаической эпохи в истории Боспора особенно характерны восточно-ионийские сосуды. По мнению ученых, основным местом изготовления в Северной Ионии имеющих роспись ваз были Клазомены — город, известный своими глиняными саркофагами, расписанными в своеобразном, легко узнаваемом и в вазописи, стиле⁸. Найденная на Таманском полуострове клазоменская амфора третьей четверти VI в. до н.э., группа Энман (Эрмитаж)⁹ относится к типу столовой посуды (рис. 1). В отличие от амфор, служащих тарой для перевозки вина, масла или зерна, этот сосуд имеет плоское дно и роспись. Верхнюю часть тулова занимает фигура пасущегося оленя, выполненная в чернофигурной технике — заполненный черным лаком изящный силуэт животного показан на неокрашенном фоне сосуда. Полосы лака заполняют резко сужающуюся нижнюю половину тулова, верхняя часть вазы — горло и ручки полностью покрыты лаком.

Другой тип сосуда из Клазомен представляет гидрия третьей четверти VI в. до н.э., группа Урла, найденная у станицы Таманской (ГМИИ)¹⁰. Центр круглого тулова заполняет изображение на незакрашенном фоне двух бойцовых петухов, обращенных друг к другу (рис. 2). На плечиках над горизонтальными ручками вазы размещен фриз с фигурками сирен. Горло гидрии также полностью покрыто лаком. Сирены изображены и на одном из клазоменских сосудов того же времени, найденных в Горгиипии (рис. 3); на другом показана фигура сатира (Анапский археологический музей-заповедник)¹¹.

Эпоха классики в расписной керамике, найденной на территории Азиатского Боспора, представлена краснофигурными сосудами, в отличие от чернофигурных, лаком заполнен фон, фигуры же, наоборот, не закрашены. В это время, как и во всем греческом мире, преобладала расписная посуда, изготовленная в Аттике — Афинах. Прекрасный образец аттической керамики этого периода — кратер с танцующими менадами и силенами конца V в. до н.э. был найден в Горгиипии (Анапский археологический музей-заповедник)¹². Система декора кратера характерна для этого времени (рис. 4). Венчик сосуда украшен стилизованным венком, по нижней части тулова про-

Рис. 1. Чернофигурная амфора с изображением оленя. Клазомены, группа Эрман, третья четверть VI в. до н.э. ГЭ

Рис. 2. Чернофигурная гидрия с петухами. Клазомены, группа Урла, третья четверть VI в. до н.э. ГМИИ

Рис. 3. Чернофигурная амфора с изображением сирен. Клазомены, группа Урла, третья четверть VI в. до н.э. Анапский музей

Рис. 4. Краснофигурный кратер с дионисийской процессией. Атика, конец V в. до н.э. Анапский музей

ходит орнаментальная линия меандра, как бы создающая горизонт главного изображения — сцены вакхического танца, исполняемого под аккомпанемент тамбурина, флейты и кифары. Фигуры менад и силенов — спутников Диониса — написаны в свободной манере. Выразительны и динамичны движения персонажей, передающие овладевающее танцорами состояние экзальтации — транса.

К комплексу вещей из кургана Большая Близнаца (склеп 1, так называемое «погребение жрицы») относится аттическая ваза с изображением Геракла, борющегося с кентавром, около 360 г. до н.э. (Эрмитаж)¹³. По шейке сосуда проходит широкий орнаментальный фриз из ов и «бегущей волны» (рис. 5). Поверхность тулова, роспись которого выполнена с применением белой краски и позолоты, полностью заполнена сложной многофигурной композицией, в которой персонажи расположены ярусами. В главной сцене

Рис. 5. Краснофигурная пелика с изображением Геракла, борющегося с кентавром. Агтика, около 360 г. до н.э. ГЭ

Рис. 6. Фигурный лекиф в виде торса Афродиты, окруженного створками раковины. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 7. Фигурный лекиф в виде фигурки сирены. IV в. до н.э. ГЭ

поверженный на колени кентавр Эвритион¹⁴, пытавшийся похитить невесту Пирифоя, обороняется от наступающего на него Геракла, который схватил его за волосы и замахивается палицей для решающего удара. Слева от Геракла, в восточных одеждах, показан, видимо, сам царь лапифов Пирифой. Справа от сражающихся, обернувшись, стоит его невеста Гипподамия. В верхнем регистре росписи изображена летящая Ника, предрекающая победу героя.

В некрополе Фанагории были обнаружены замечательные фигурные лекифы IV в. до н.э., также изготовленные в Афинах (Эрмитаж)¹⁵. Тулово одного из этих сосудов для благовоний выполнено в виде торса Афродиты, окруженной створками раковины — как обозначение связи богини с морем — намек на ее рождение из морской пены (рис. 6). Два других лекифа сделаны в виде фигурок сирен (рис. 7). Все изображения проработаны очень тонко, сохранилась детальная раскраска фигур, черт лица и украшений.

В различных местах Таманского полуострова был найден ряд аттических расписных рыбных блюд, имеющих плоскую поверхность и углубление в центре — для соуса. Чаще всего на этих сосудах-тарелках изображались дары моря — рыбы разных сортов, будто уже наполнившие блюдо. Таков, например, найденный на Тамани сосуд, приписываемый мастеру Пиеридесу, второй четверти IV в. до н.э. (Эрмитаж)¹⁶.

В упомянутом «погребении жрицы» в кургане Большая Близница были встречены блюда с мифологическим сюжетом росписи, также имеющим отношение к морской стихии (рис. 8). На блюдах первой четверти IV в. до н.э., группа Европы (Эрмитаж)¹⁷, изображена сцена из мифа о похищении Европы влюбленным в нее Зевсом, принявшим облик быка, на спине которого Европа пересекает море в сопровождении nereиды, плывущей на морском коне-гиппокампе, и эрота. По мнению А. Трендала, вся серия сосудов, относящихся к группе Европы, уникальна для греческого мира и известна только по находкам на Боспоре (Большая Близница, Пантикапей, Нимфей). Однако эти рыбные блюда необычны не только по сюжету или месту находки, но и по своим размерам, превышающим общепринятые в этом типе сосудов (до 55 см в диаметре)¹⁸. Эти особенности, считает Трендал, дают основание полагать, что блюда с сюжетом похищения Европы изготавливались аттическими мастерскими в

Рис. 8. Краснофигурное рыбное блюдо, группа Европы, первая четверть IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 9. Краснофигурная пелика с изображением битвы амазонки и грифона, мастер Грифа, около 350 г. до н.э. ГМИИ

первой половине IV в. до н.э. специально для боспорского рынка¹⁹. Он также предполагает, что богатые колонисты, которые видели или уже использовали рыбные блюда обычных размеров, пожелали для своих пиров-симпосиев или для жертвоприношений нечто особенное и пышное. Причины выбора в качестве темы росписи этих блюд сюжета мифа о похищении Европы не имеют, по его мнению, четкого объяснения.

Позднеклассический период в истории греческой расписной керамики (с середины IV в. до н.э.) отмечен еще одним весьма любопытным явлением. Необычайное распространение получают расписные пелики, массовое проникновение которых на Боспор, особенно в Пантикапей (Керчь), послужило причиной именованья их стиля как «керченского». Одно время предполагалось, что они изготовлялись в Пантикапее²⁰, однако сейчас установлено аттическое производство таких пелик²¹. По мнению ряда исследователей, в частности К. Шеффолда²², специальные мастерские ориентировали свою продукцию на северопричерноморские центры, что и определяло содержание росписей и выбор сюжетов, связанных с этими местами в греческой мифологии. Большое число росписей в этой группе сосудов посвящено теме сражения аримаспов — представителей мифологического народа, живущего, по представлениям греков, на крайнем севере, по соседству со стерегущими золото грифонами²³ (этот сюжет разрабатывался на Азиатском Боспоре и в торевтике, например, в декоре золотого калафа из Большой Близницы)²⁴. Еще один популярный сюжет на пеликах, найденных на Боспоре — битва с конными амазонками.

Роспись одного из экземпляров этой серии, относящаяся к работе так называемого мастера Грифа, около 350 г. до н.э. (ГМИИ)²⁵, отличается весьма примечательными особенностями (рис. 9). Сцена представляет сражение всадника — амазонки, скачущей влево, с грифоном (он показан белой краской). Довольно странно построена фигура всадницы, особенно в соединении ее головы и торса, направленных как бы в разные стороны: голова — влево, торс и рука — вправо. Необычность свойственна и другой части композиции: в изображении поднятого на дыбы коня амазонки не показаны передние ноги («обрезаны» почти у основания). Место, где им полагалось бы быть, закрашено лаком, использовавшимся в росписи как общий фон. Прекрасная

сохранность пелики исключает какое-либо реставрационное вмешательство. Следовательно, остается думать, что необычный характер росписи был связан с просчетом мастера. Такая ошибка, как и плохо объяснимое использование торса («от другого человека»), могли появиться только, если бы вазописец работал по составным шаблонам, по которым центральная часть фигуры изображалась бы одинаково в разных композициях, а положение отдельных частей фигур при этом изменялось. В данном случае изображение амазонки, скачущей влево, конструировалось из верхней части фигуры, обращенной вправо, и «компенсировалось» деталями. Очевидно, что при составлении фигуры коня такую существенную деталь, как изображение его передних ног, мастер просто упустил из виду. Однако благодаря этому просчету мы можем изучать технологию процесса изготовления продукции, поставленной «на поток».

Шаблонность, серийность и потеря качества росписи и самого лака характерны для всей керамики позднеклассического периода, что свидетельствует о постепенном затухании этого выдающегося вида искусства Греции, никем не превзойденного в позднейшие века.

До сих пор в полной мере не ясны причины отсутствия собственно боспорского производства расписной керамики. В качестве предположения можно назвать несколько факторов. Изготовление такого уровня продукции требовало качественного сырья, высокого мастерства и организации сбыта, окупающего производственные затраты. В то время, когда освоение территорий, относящихся к Боспору, только начиналось, основную массу колонистов составляли не ремесленники, а земледельцы, не имеющие навыков такого производства. Но очень скоро рынок был завоеван Аттикой, буквально наводнившей Средиземноморье своей продукцией. В этих условиях организация собственного производства расписной керамики была нерентабельной. Но это одна сторона дела — практическая. Другая возможная причина более глубокая. Она связана с истоками появления росписей на греческих сосудах, развитием смысловой системы декора и постепенным схождением ее в область «жанра», который сам по себе не смог послужить достаточным стимулом развития этой сферы искусства.

Все же некоторые попытки собственного производства керамики на Боспоре известны. Пелики «керченского стиля» были исключительно популярны на Боспоре, и их пытались воспроизвести, повторяя форму и нанося роспись, среди сюжетов которой встречались и амазономахия, и головы коня, амазонки, грифона²⁶. Однако изготавливавшие такую керамику мастера не овладели техникой наложения и обжига лака. Фон закрашивался черной краской, само изображение было полихромным. Нанесенный таким образом рисунок был неустойчив. Не случайно эти пелики, изготовление которых характерно для конца IV—III вв. до н.э., в научной литературе условно именуется «акварельными»²⁷. Расписные сосуды (леканы, пелики, чаши) с «акварельным» декором — уже не фигуративным, а геометрическим, существовали до I в. до н.э.²⁸

Дальнейшие примеры появления художественной керамики на Боспоре отражают общую эволюцию ее производства и ареал распространения в античном мире. Здесь известны экземпляры малоазийской краснолаковой керамики с рельефным узором — сосуд с цаплями (Эрмитаж)²⁹; краснолаковых фигурных сосудов в виде головы божества или фигурки животного³⁰ — монохромных, в отличие от найденных в Фанагории расписных фигурных лекифов IV в. до н.э. На рубеже нашей эры и в римское время на Боспоре появляются

сосуды, ручка которых оформлена в виде стилизованной фигурки животного, как на горшочке из Горгиппии (Анапский музей)³¹. Их появление нужно связывать уже не с Атикой или Малой Азией, а с негреческим окружением боспорских городов.

АРХИТЕКТУРА

В период первых греческих поселений на Боспоре архитектура самой Греции находилась на восходящей стадии развития. Только что две основные тенденции в архитектуре — ионическая и дорическая, были оформлены созданием двух ордерных систем, определяющих структуру, конструкцию и облик общественных зданий³². Установились виды сооружений (храм, гимнасий, булевтерий, и т.п.) и их типы (храм в антах, периптер и т.п.). Каждый греческий центр, каждый полис должен был иметь соответствующую городскую организацию, включавшую храмовый комплекс и общественный центр с агорой (площадь для торговли и собраний), и каждый старался превзойти соседей величиной или убранством своих зданий. Широко практиковалось приглашение опытных архитекторов и мастеров-строителей из разных областей Греции, перевозились (особенно в более позднее время) и детали архитектурного декора. Искусство архитектуры получило собственное развитие и на Боспоре, особенно когда усилилось его могущество. Уже со второй четверти V в. до н.э. известны детали монументального храма ионического ордера в Пантикапее³³. Части превосходного архитектурного оформления пропилей IV в. до н.э. были открыты в Нимфее³⁴. Благодаря многолетним археологическим исследованиям были раскопаны храмы и общественные сооружения и в других городах Европейского Боспора.

Вместе с тем, восстановить архитектурный облик городов Азиатского Боспора довольно сложно, и это связано с рядом причин. Главная из них — природные условия, отличающие «азиатскую» часть боспорских земель от его европейской половины. Здесь мало камня, нет близких выходов известняковых пород (они появляются только в районе Горгиппии, расположенной вблизи небольших гор), и древние постройки городов Таманского полуострова возводились в основном из сырцового кирпича, материала недолговечного. Изучение архитектуры городов Азиатского Боспора (как, впрочем, и всех древних поселений) осложняется тем, что жизнь города связана с его постоянными переустройствами, перестройками, во время которых старые здания разбирались, а камень их использовался вторично. При вторичном использовании применялись и архитектурные детали, и скульптуры, которые в случае строительной необходимости разбивались на части.

Лишь небольшое количество сооружений Азиатского Боспора, которые были выявлены на уровне фундаментов, могут быть соотнесены с общественными сооружениями и отождествлены с ордерными постройками по характерным для них планам³⁵. Основную информацию содержат сохранившиеся детали ордерных сооружений, однако идентификация их с конкретным сооружением не всегда однозначна. Одна из самых ранних архитектурных деталей, найденных на Азиатском Боспоре — известняковая капитель ионического ордера из Гермонассы (обнаружена в средневековом слое города), была определена как элемент архаического храма конца VI — начала V в. до н.э.³⁶ (рис. 10). В то же время некоторые конструктивные особенности капители (в том числе, небольшие углубления на ее верхней поверхности — следы креп-

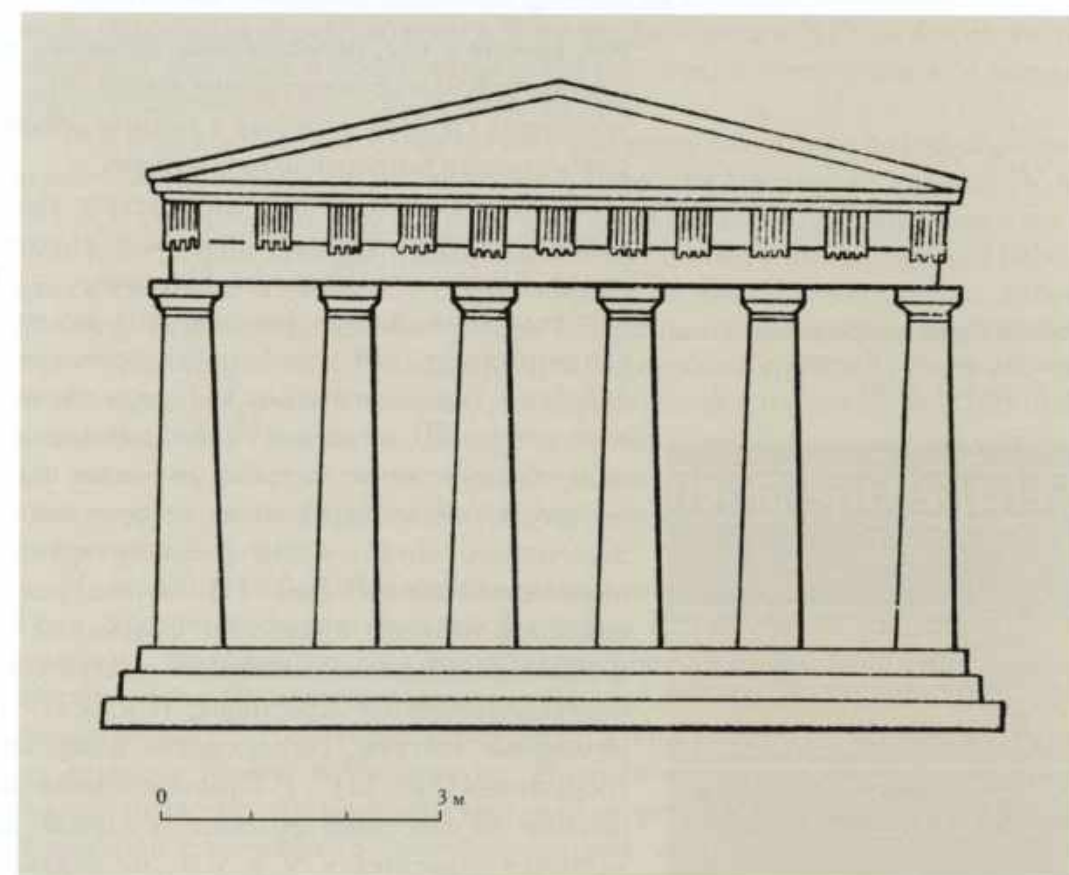

Рис. 10. Капитель ионического ордера, мрамор, конец VI — начало V в. до н.э. Таманский музей

Рис. 11. Реконструкция ордерного сооружения III—II вв. до н.э. в Горгиппии

ления), по мнению архитектора Г.-Г. Банкеля, могут свидетельствовать о том, что капитель служила постаментом для статуи или для треножника. Постаменты в виде колонн, увенчанных капителью, широко применялись в Греции с архаической эпохи, и архитектор был более свободен в их конструировании и сочетании элементов, чем в капители здания. Со специальным назначением памятника могут быть связаны и особенности декора гермонасской капители. Например, уплощенность ее объемных частей и резкость, линейность их границ, архаичность деталей, характерных для более раннего времени в развитии архитектурного декора, чем весь комплекс составляющих ее элемен-

Рис. 12. Кассеты с рельефным изображением. Мрамор. Первые века н.э. Анапский музей

тов. Вместе с тем, определенные архаизмы отмечаются и в нимфейском, и в пантикапейском архитектурном декоре, что, возможно, является отражением тех общих свойств, которые в полном объеме могут быть поняты лишь при рассмотрении боспорской скульптуры.

Архитектурные детали, датируемые эпохой классики и эллинизма, указывают на существование храмов и других общественных построек в городах Азиатского Боспора. Например, в Фанагории найдены ионийские капители IV в. до н.э. (из них одна, по-видимому, принадлежит к интерьерному ордеру, как и небольшая дорическая капитель), угловая капитель, барабан и базы ионических колонн, а также мраморные детали архитектурного декора III в. до н.э.³⁷ По отдельным частям и архитектурным деталям, обнаруженным во время раскопок, на основе ордерной системы можно восстановить общий облик сооружения. Так, в Горгииппии по фрагменту дорического антаблемента реконструируется ордерное сооружение эллинистической эпохи³⁸ (рис. 11). От сооружений римского времени в Горгииппии были найдены мраморные фрагменты храма — вероятно, привозные³⁹, а также антаблемент ионийского ордера с посвятительной надписью «Богу справедливому» от Хрестиона, II в. н.э.⁴⁰ К этому же времени относятся рельефные кассеты, составлявшие декор интерьера, возможно, культового сооружения (рис. 12)⁴¹. В Гермонассе найдены как самые ранние, так и самые поздние из известных фрагментов зданий: две известные здесь коринфские капители относятся к V в. н.э., по-видимому, уже к ранневизантийскому периоду⁴².

Ордерные детали помогают восстановить в основном только наружный вид сооружения, хотя известны капители и базы пилястр, применявшихся во внутреннем убранстве помещений (Фанагория, Горгииппия)⁴³. О существовании традиции декорирования интерьеров свидетельствуют многочисленные фрагменты расписной штукатурки, найденные в зданиях различных боспорских городов. На их основании в Пантикапее, например, восстановлена система декора стены жилого эллинистического дома⁴⁴. В Нимфее настенная живопись — знаменитая эллинистическая фреска с изображением корабля — была обнаружена в святилище. Опыт реконструкции росписи интерьеров предпринимался для помещений Фанагории II в. до н.э.⁴⁵ (рис. 13).

Рис. 13. Реконструкция росписи стены дома II в. до н.э. в Фанагории (Блаватский, 1956)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ. АРХИТЕКТУРА И ЖИВОПИСНЫЙ ДЕКОР

В большей степени об искусстве архитектуры боспорян можно судить по дошедшим до нас каменным гробницам — монументальным подкурган-ным склепам. Погребальные сооружения Азиатского Боспора связаны с общебоспорской традицией возведения подкурганных каменных гробниц, представляющей собой уникальную особенность его сакральной и художественной культуры⁴⁶. Истоки этой традиции нам пока неизвестны. Демократическая Греция — ни Иония, прародина боспорских переселенцев, ни тесно контактирующая с Боспором Аттика — не знала гробниц такого рода. Подкурганные монументальные сооружения имели распространение в соседних с греками землях, например, в малоазийской Карию, где найдены склепы с уступчатым перекрытием, во Фракии, знаменитой купольными гробницами V—IV вв. до н.э., в Македонии, где особую известность с IV в. до н.э. получили усыпальницы с полуцилиндрическим сводом⁴⁷. Не определено также и точное время появления каменных гробниц на Боспоре, поскольку большая часть склепов была разграблена, к тому же раскопана в XIX в. без соответствующей фиксации и документирования находок, и лишь несколько весьма важных памятников исследовано в наши дни.

И все же данные, которыми мы располагаем, указывают с большой достоверностью хотя бы на то, что склепы появились на Боспоре не позднее IV в. до н.э. (предположительно в V в. до н.э.) и что на основе сравнительного анализа архитектуры этих сооружений можно представить их эволюцию. Имеющиеся сведения показывают существование на Боспоре нескольких типов гробниц, различающихся конструкцией перекрытия, развитием внутренней структуры сооружений. По конструкции перекрытия гробницы разделяются на имеющие уступчатый свод, полуцилиндрический и плоский, выполненный из каменных плит или дерева. Внутренняя структура склепа зависела от того, для какого количества погребений он предназначался, как был организован вход в камеру и преддверие. Конструкция перекрытия и структура гробниц изменялись во времени.

На территории Азиатского Боспора каменные склепы найдены в курганах Таманского полуострова: Большая Близница (уступчатые и с плоским перекрытием), Васюринская гора (полуцилиндрические), в недавно раскопанном кургане около Фанагории (уступчатый), в Артиюховском кургане (полуцилиндрический)⁴⁸. Небольшие уступчатые склепы известны в могильнике южнее станицы Тамань — Черноморка. В самой станице недавно обследованы подкурганные полуцилиндрические склепы римского времени (2002). На территории современного Анапского района уступчатые склепы найдены в Тарасовских курганах, в кургане Султан-гора (район аэропорта). Гробницы с полуцилиндрическим сводом обнаружены в курганах у станицы Благовещенская, у станицы Анапская (1908) и в самой Анапе (1975)⁴⁹.

В ареал влияния боспорской культуры нередко включают и памятники, находящиеся за пределами его географических границ. В таком случае мы должны упомянуть курган Карагодеуашх (под современным Крымском), в котором была раскопана (к сожалению, с не очень точными описаниями) многокамерная гробница, имеющая роспись и содержащая к тому же богатый материал, чрезвычайно важный для изучения такой области прикладного искусства как торевтика⁵⁰.

Расположение на местности также является примечательной чертой подкурганных гробниц Азиатского Боспора. В эпоху классики и эллинизма они,

как правило, удалены от городов и, в отличие от пантикапейских курганов, в большинстве сконцентрированных на кряже Юз-Оба, расположены небольшими группами (Тарасовские склепы, склепы курганов Васюринской горы), нередко по несколько практически одновременных склепов в одном кургане (Большая Близица). Такое расположение гробниц можно поставить в зависимость от местоположения землевладений: усыпальницы сооружались на землях рода или на их границах. Подкурганые склепы первых веков нашей эры приближены к городу (Горгиппия, Гермонасса), очевидно, входя в территорию его некрополя. И в этом также можно видеть последствия неких структурных изменений, происходящих в обществе и государстве.

В создании боспорских усыпальниц были важны и организация структуры всего курганного комплекса, и решение основного архитектурного объема — погребальной камеры. Обычно камера представляла собой прямоугольное помещение, которому предшествовало еще одно крытое помещение (преддверие или «пронаос») либо коридор-дромос. Идеальную модель, можно сказать, архетип всей системы, выражающий идею в концентрированном виде, представляет архитектурно-пространственный комплекс IV в. до н.э. Царского кургана на Европейском Боспоре⁵¹. Гробница его находится в центре курганной насыпи, куда ведет длинный, крытый уступами дромос. Даже и теперь прохождение этим путем, с его сходящимися в высоту стенами, светотенью рустованных блоков создает впечатление пути гораздо более длительного, чем его реальная протяженность. Особенно если смотреть на удалившийся вход из главного помещения — камеры. Квадратная камера склепа Царского кургана перекрыта высоким уступчатым сводом, состоящим из нескольких концентрических окружностей. Последний круг свода закрывается плоской замковой плитой. Мерный ритм поднимающихся уступов также создает ощущение движения — торжественного, величавого подъема.

Идея, которая просматривается в организации погребальной системы, включающей склеп, не нова и, можно сказать, всесветна. Она связана с представлением о пути к вечной загробной жизни и воплощает его зримую модель⁵². Однако все памятники такого рода, обладая общими чертами, имеют и различия. Жесткие канонические правила не были свойственны грекам, поэтому каждый раз мастером составляется новое повествование, разрабатывается новый образ, интерпретирующий основную идею посмертного бытия.

Многие из раскопанных гробниц Боспора имели настенную декоративную живопись, сохранившуюся на момент раскрытия. Во многом благодаря ей (к сожалению, в большинстве известной нам по копиям, систематизированным наряду с другими материалами М.И. Ростовцевым) можно говорить о значении этих архитектурных сооружений и связанных с ними представлениях.

Развитие архитектурного замысла уступчатых гробниц (мотив склепа Царского кургана) прослеживается в знаменитом расписном склепе кургана Большая Близица (1865 г.) второй половины IV в. до н.э. около Фанагории (рис. 14)⁵³. Склеп — один из трех уступчатых гробниц, сооруженных под насыпью, — находился в поле кургана и имел не длинный дромос, а короткий коридор с плоским покрытием. Вход в него, как и вход в камеру, оформлялся профилированными выступами-пилястрами, наподобие антов с элементами ионийского ордера. Профилированы были также карнизы и дромоса, а также камеры. Свод камеры составляли ряды четырехсторонней уступчатой пирамидальной кладки, углы которой были скруглены. Заключительный ряд, находившийся под замковой плитой, образовывал круг. Архитектурные детали — карниз, находящаяся под ним лента фриза, пилястры — имели роспись

Рис. 14. Склеп (№ 2) кургана Большая Близица. IV в. до н.э. Во время раскопок (Ростовцев, 1914)

по камню, без предварительной штукатурки, в чем М.И. Ростовцев видел типично греческую черту, восходящую к росписи архитектурных деталей по мрамору⁵⁴. Фон главной композиции, помещенной на замковом камне, был окрашен в синий цвет (также по камню), имитируя небо. Богиня как бы заглядывала в это круглое отверстие (рис. 15)⁵⁵. Она была изображена погрудно, в цветочном венке с лентами, которые придерживала левой рукой, с цветами, что держала в правой, в серьгах, в золотом ожерелье. Лицо богини — греческого типа, с крупными ясными чертами — было показано прямо. Прямо — вниз — устремлен был и взгляд ее больших широко поставленных глаз. Под этим взглядом в центре камеры как раз и находился саркофаг с единственным погребенным в нем⁵⁶.

Богиня, увидевшая, *нашедшая* погребенного, несомненно принадлежит к богам хтонического плана, это Деметра или Кора (ср. изображения на золотых пластинах, найденные в гробнице 1 того же кургана)⁵⁷. Для умершего в этой встрече с божеством угадывается залог перехода в иной мир, где бытие его будет вечно. Художественное воплощение идеи перехода выражено в организации архитектурного пространства гробницы и прежде всего в уступчатом своде — метафорической лестнице, образе пути.

Рис. 15. Изображение богини на замковом камне склепа (№ 2) кургана Большая Близнаца. IV в. до н.э. (Ростовцев, 1914)

Еще одно художественное решение темы дает расписная гробница Васюринской горы (описание 1908 г.)⁵⁸. Этот склеп, как считается, датирующийся началом III в. до н.э., был перекрыт одним из первых полуцилиндрических сводов, известных на Азиатском Боспоре (рис. 16). Его камера более вытянута в плане, к ней подходит преддверие (пронаос) с таким же перекрытием. В него, в свою очередь, ведет коридор и лестница, по бокам которой устроены конские гробницы. Стены и свод гробницы были оштукатурены, роспись стен преддверия и камеры имитировала низкие стены, как бы ограждающие пространство под открытым небом. Сложенные в псевдоисодомной кладке, с узким цоколем и широким красным фризом, они напоминают, по мнению Ростовцева, систему росписи первого помпейского стиля, хотя и разделены на полосы⁵⁹. Кроме того, стены имеют нарисованное же ионийское архитектурное завершение: гусек с лесбийским киматием, полочки, сухарный карниз и водосток — симу с водометами в виде львиных голов. Между ними изображены деревянные балясины, на которых сидят птички (рис. 17).

Оштукатуренный свод не был окрашен, но в центре его изображен огромный ковер — синий, цвета неба, с каймой и кистями, как бы ниспадающий, покрывая саркофаг, стоявший в центре камеры.

Такую же схему росписи, имитирующей героон — святилище героя, полубога, каковым по смерти становился заслуженный перед обществом человек, имел эллинистический склеп из кургана у станицы Анапской (1908), с той разницей, что весь свод его был оштукатурен и окрашен в синий цвет⁶⁰. Раскопавший его Н.И. Веселовский разобрал и перевез склеп в Анапу, восстановив в городском саду. Совсем недавно склеп, роспись которого, разумеется, давно утрачена, был перенесен на новое место (площадка у музея).

До наших дней сохранились росписи только двух гробниц Боспора, обе с полуцилиндрическим перекрытием. В Пантикапее это так называемый Склеп Деметры (Керчь, 1895) рубежа нашей эры, на азиатской стороне —

склеп из Горгиппии (Анапа, 1975)⁶¹. Склеп Деметры, названный так по изображению, помещенному в центре его полуциркульного плафона, как и в расписном уступчатом склепе Большой Близницы (то, что это Деметра, здесь пояснено надписью), дошел до нас полностью, и сейчас масса усилий направлена на его сохранение. Склеп из Горгиппии (1975 г.) был разобран и пока, к сожалению, не восстановлен как сооружение, но фрески его спилены и находятся на реставрации. Архитектура этой гробницы традиционна: прямоугольная камера со смещенным от центральной оси входом — для размещения уже не одного, а трех саркофагов — соединяется с коротким дромосом.

Роспись склепа 1975 г. в целом характерна для античной системы декора и приемам живописи II—III вв. н.э. (рис. 18)⁶². Камера расписана в инкрустационно-цветочном стиле, в котором имитируется облицовка стен квадратами, ромбами и кругами разноцветного мрамора или яшмы. Росписи конструктивны, подчеркивают архитектурную основу стены, широкий нижний ярус которой темно-красный, монохромный, верхний оформлен в инкрустационной манере с нишами, обрамленными пилястрами с ионическими капителями.

В структуру архитектурно-геометрической росписи гробницы включены два параллельных фигурных фриза, идущих над стенами по обеим продольным сторонам камеры. Нижний из них состоит из ряда полотенец, развешанных под театральными масками (рис. 19)⁶³. Фриз, расположенный над ним, имеет сюжетную роспись и посвящен мифологической теме подвигов Геракла (рис. 20). На торцевой стене в люнете среди орнаментальных «инкрустационных» кругов представлено изображение сидящей

Рис. 16. Интерьер расписного склепа кургана Васюринской горы. Начало III в. до н.э. (Ростовцев, 1914 г.)

Рис. 17. Интерьер расписного склепа кургана Васюринской горы. Деталь. Начало III в. до н.э. (Ростовцев, 1914)

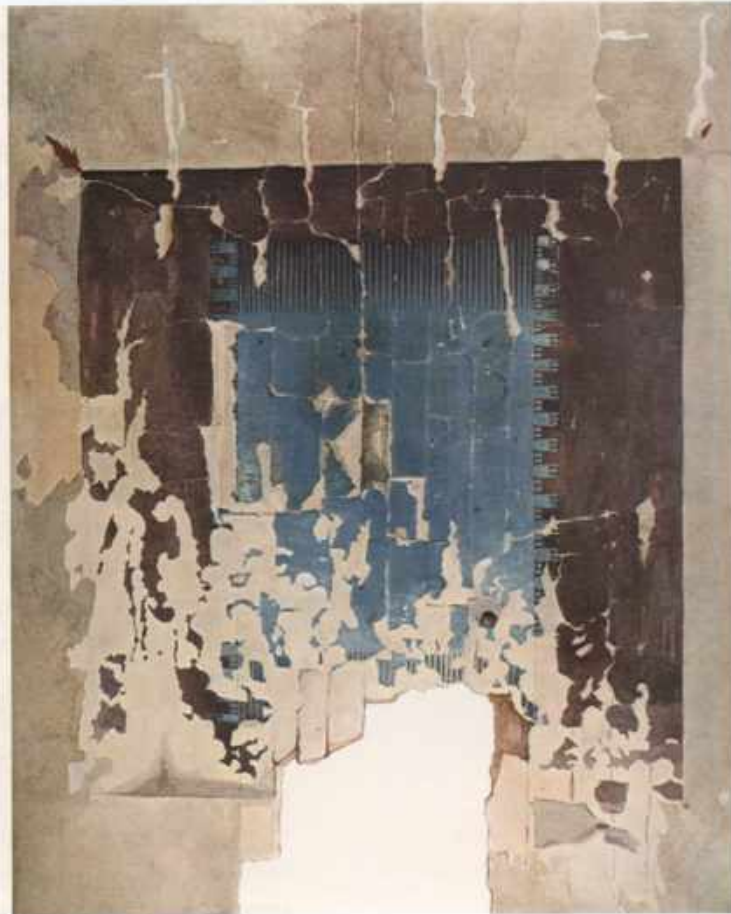
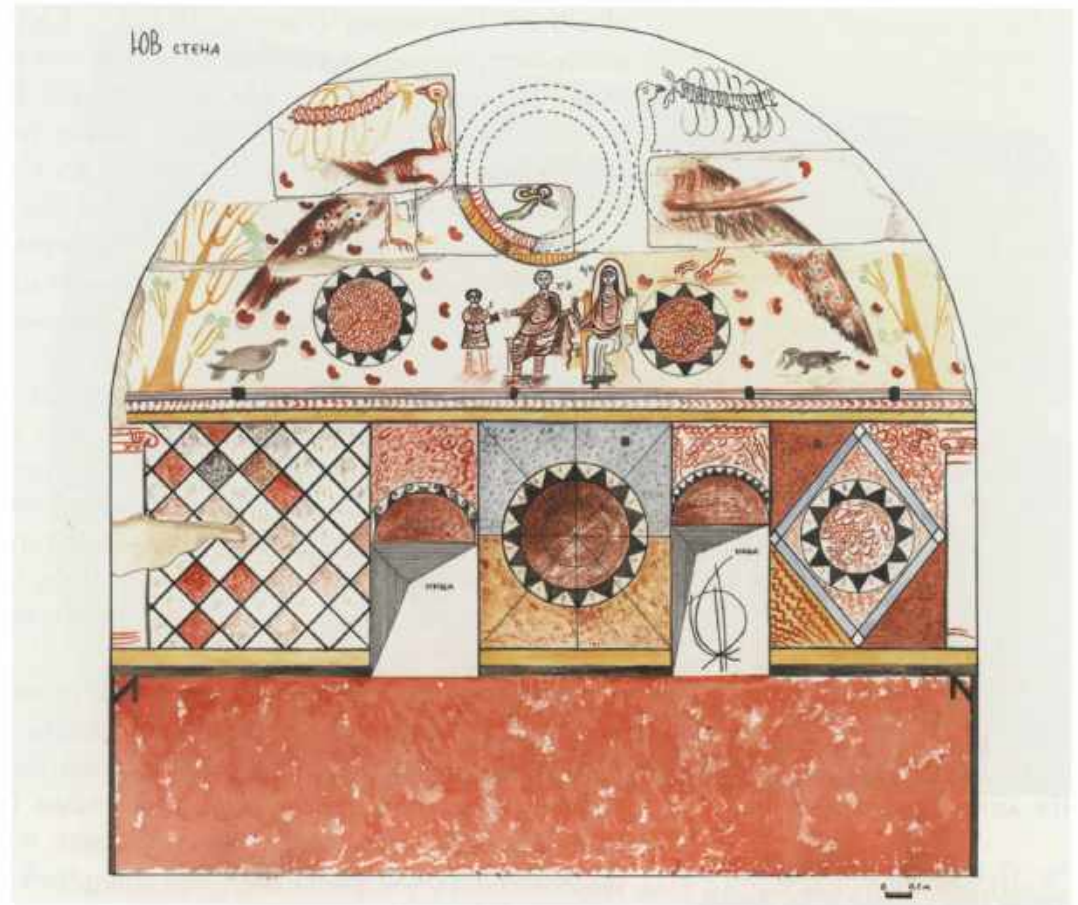

Рис. 18. Схема росписи анапского склепа 1975 г. II—III вв. н.э. (Алексеева, 1986)

пары и прислуживающего им персонажа (он как будто что-то записывает). Над ними размещены огромные фигуры павлинов⁶⁴. Потолок и lunettes, в отличие от традиции инкрустационного помпейского стиля, заполнены изображением лепестков (роз или маков), парящих в воздухе или ниспадающих с неба, как и покрывало, изображенное на своде Васюринской гробницы. Идея инкрустационной орнаментации проникла и в роспись потолка, где в центре плафона помещена размеченная по циркулю розетка (рис. 21).

Фриз, составленный серией сюжетов цикла о подвигах Геракла, особенно примечателен. Композиционно он разделен на отдельные эпизоды, соответствующие каждому событию мифа, но включает еще и сцену, интерпретируемую Е.М. Алексеевой как «семейный портрет». Насыщенная цветом роспись вместе с тем достаточно схематична и даже наивна. Фигуры показаны анфас, с повернутыми в профиль ногами, как это было характерно для древнеегипетской традиции. Анфас показаны и лица, так что герой побеждает своего противника, не глядя на него, ориентируясь только на зрителя (так, как это выглядело бы в греческом театре). Формы представлены плоскостно, с четким контуром силуэта, черты лица, части тела, предметы переданы дробным орнаментальным рисунком.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что от сцены к сцене — от подвига к подвигу — герой меняет свой облик (рис. 22). Он становится старше, обрастает сначала бородкой, потом бородой, изменяются пропорции его фигуры. Отличается и расположение ее в изобразительном поле, выделенном полукружьем, на котором всегда показан колчан с луком — атрибут героя, популярный на Боспоре наряду с традиционными палицей и шкурой

Рис. 19. Анапский склеп 1975 г.
II–III вв. н.э. Деталь
(схема росписи стены)

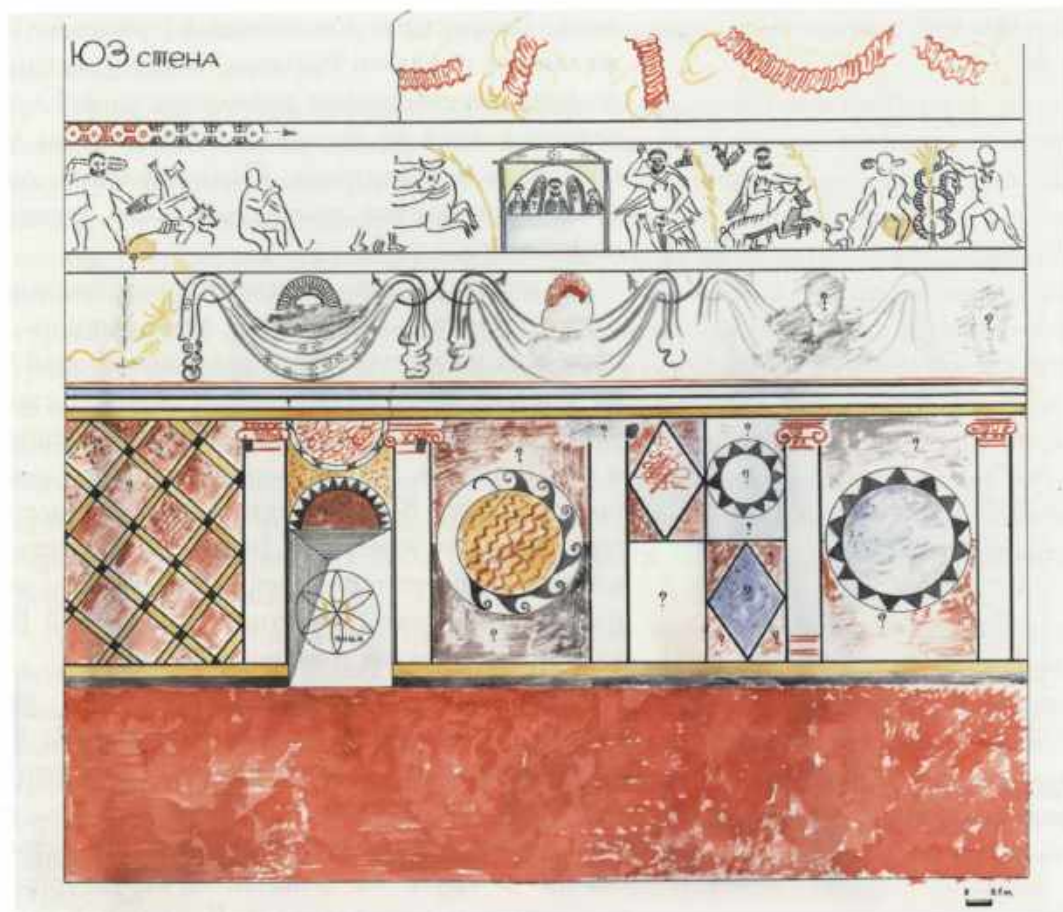
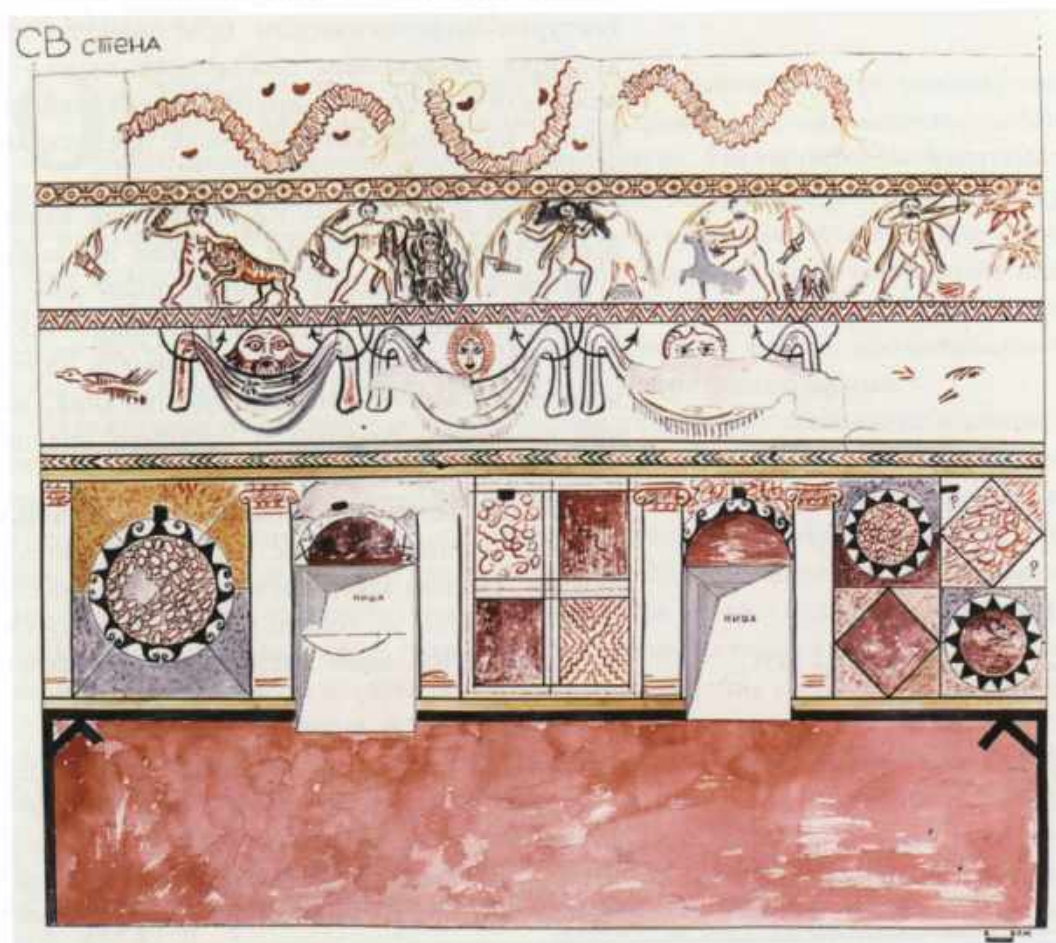

Рис. 20. Анапский склеп 1975 г.
II–III вв. н.э. Деталь
(фриз с подвигами Геракла)

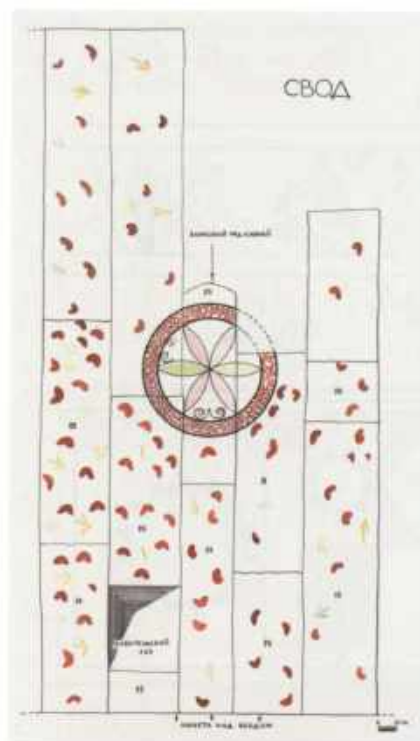

Рис. 21. Анапский склеп 1975 г. II—III вв. н.э. Роспись плафона

льва. Возрастные изменения в трактовке изображения Геракла связаны с желанием показать события, в которых он участвует, разворачивающимися во времени. Исполняя повеления царя Еврисфея, Геракл проживает судьбу человека, но в то же время подвигами он добывает себе место среди богов, становясь бессмертным. Представления, связанные с героизацией Геракла, объясняют частое появление этого персонажа в сюжетах погребальных памятников.

В целом роспись горгипийской гробницы II—III вв. н.э. поддерживает идею героона — открытого огороженного пространства святилища, таким образом свидетельствуя о сохранении этой традиции на Боспоре (как одной из тем) на протяжении шести веков. Естественно, что в росписи, как и в структуре гробницы, проявились изменения, свойственные времени: сюжет и стиль декора, мотивы орнаментики — появление лепестков, заполняющих пространство. Вместе с тем, некоторые несоответствия «чистой линии» идеи героона также заметны. Цветы падают будто бы с небес, но в центре потолка помещен инкрустационный орнамент. Его можно считать отголоском «изображения в круге», известного в Большой Близнице, на основании развития этой темы в других гробницах Боспора.

Изображение богини в круге мы видим также в пантикапейском склепе Деметры I в. до н.э. — I в. н.э., в отличие от гробницы из Большой Близницы не имеющем уступчатого перекрытия. Его полуцилиндрический свод, заполненный росписью, имитирующей лепестки цветов, уже, собственно, символизировал открытое пространство, и потому образ богини в круге на фоне неба структурно не был наделен тем значением, которым он обладал в Большой Близнице. С композиционной точки зрения круг неба с изображением божества являлся рудиментом в архитектурно-мифологическом пространстве героона. Другое дело — непреходящая религиозная значимость самого образа, благодаря которой его включали в роспись и других пантикапейских гробниц-героонов (склеп Алкима), на стенах которых были представлены сюжеты мифа о похищении Керы Плутоном.

Круги в люнете — т.е. появление каменных инкрустаций в эфемерном пространстве над стеной — такое же нарушение пространственных представлений, следующее за появлением розетты на плафоне. Но, кроме того, в общей системе росписи гробницы прослеживаются элементы другой идеи, оперирующей языком символов нарождающейся новой эпохи. С ней можно связывать изображение павлина, имеющего в ряде культур значение солярного символа и ставшего знаком бессмертия в раннехристианском мире.

Философским представлениям римской эпохи соответствует тема фриза с театральными масками: «жизнь — театр, окончание жизни — завершение пьесы». Весьма красноречиво в этом смысле выражение Апулея: «*personam vitae deponere*» — «снять маску жизни», т.е. умереть. Во времена Римской империи театральные маски часто использовались в декоре мраморных сар-

Рис. 22. Анапский склеп 1975 г. II—III вв. н.э. Геракл

кофагов⁶⁵. Известны они и как гипсовые накладки деревянных саркофагов, найденных на Боспоре⁶⁶.

В вопросе о существовании на Боспоре монументальных гробниц осталась незатронутой тема их принадлежности. Локальное распространение склепов наряду с ощутимыми затратами, необходимыми для их строительства, говорят об узости той общественной прослойки, с которой были связаны эти сооружения. Нет оснований сомневаться в том, что их владельцы принадлежали к высшей знати Боспора и к его правителям⁶⁷. Более того, переводя язык пространственной символики на социальный, можно сказать, что в боспорской гробнице отражена идея особой значимости и социального статуса представителя знати и, соответственно, правителя. Эти предположения соответствуют выводам В.В. Латышева. На другом материале — анализе дошедших письменных и эпиграфических источников, правовой и социальной ситуации — он приходит к тому, что власть Спартокидов в основе своей была монархической еще задолго до того, как была засвидетельствована официальным афинским декретом 286 г. до н.э.⁶⁸

В сопоставлении с другими названными выше традициями (карийская, фракийская, македонская) основная линия эволюции монументальной погребальной архитектуры Боспора показывает самостоятельность и в создании собственных форм, и в развитии типов. А также в сохранении основной идеи гробницы-героона, в отличие от гробницы-храма Македонии, о чем говорит оформление ее входа (двери), гробницы-шатра Фракии, купол которой также завершается архитектурным кругом, окрашенным в синий цвет, но в нем нет божества⁶⁹.

СКУЛЬПТУРА

Одним из доминирующих видов конструктивных искусств, полнокровно развитым на Боспоре и вполне представительно засвидетельствованным археологически, является скульптура. На территории Азиатского Боспора найдено несколько сотен памятников. Определенную группу образуют небольшие статуи божеств, а также детали крупномасштабных фигур богов и правителей Боспора. Самую обширную часть находок составляют надгробные и посвятительные стелы, украшенные рельефными изображениями. Архитектурная скульптура, составляющая основной массив монументальной пластики Эллады, здесь представлена немногими экземплярами.

Найденная на Боспоре монументальная скульптура выполнена в камне, в основном в известняке. Скульптура неоднородна по стилю, по темам и качеству исполнения. Совершенно очевидно, что часть ее была импортирована из Греции, другая часть изготовлена в причерноморских центрах, однако критерии установления места, где именно была выполнена найденная в Причерноморье скульптура, не всегда определены, в том числе и благодаря принятой в античном мире практике не только путешествия мастеров (мы с этим сталкивались в разговоре об архитектуре), но и перемещения самих произведений.

Определение времени и места изготовления изваяния осложняется тем, что большинство наиболее важных памятников Азиатского Боспора обнаружено вне синхронного им археологического контекста: это случайные находки или скульптура, использованная в более поздние времена в качестве строительного материала. Лишь несколько памятников составляют исключение: в «закрытом» комплексе — подвале погибшего в пожаре дома в Горгипии III—II вв. до н.э. — найдена статуэтка богини Тихе⁷⁰. Н.И. Сокольским от-

крыта серия надгробных стел и полуфигур (он определил их как синдские)⁷¹, использованных в фундаменте постройки начала I в. до н.э. — *terminus post quem* для этих находок⁷².

Как и архитектура, скульптура Древней Греции во времена вывода колоний в район будущего Боспора проходила этап формирования, когда определялись основные принципы построения ее художественной формы, освоения пространства, развития образа и смысла. Считается, что к 500 г. до н.э. сложились все жанры скульптуры, от надгробий до постаментов статуй⁷³, и виды скульптуры оставались теми же на протяжении веков⁷⁴. Количество их не росло, и эволюция сосредоточилась на внутренних резервах каждой формы, что повлекло за собой нарастание изменений содержательного плана, отразившееся в стремительном развитии художественного языка греческого искусства.

Скульптура архаики, как и последующих эпох, была неоднородна в стилевом отношении. Ионийские Самос и Милет так же различались между собой, как пелопоннесские Аргос, Коринф, Аттика, Сикион⁷⁵. Но именно в этот период наиболее отчетливо проявились те общие для каждого локального стиля элементы, которые вслед за Гербертом Каном можно назвать «языком эпохи»⁷⁶.

Они очевидны и в тех редких примерах архаической пластики, которые известны на сегодняшний день на Азиатском Боспоре (рис. 23). Найденная в Кечах небольшая мраморная голова юноши около 510 г. до н.э. (ГИМ)⁷⁷ демонстрирует основные принципы архаической скульптуры: ее условность, отвлеченность от натуралистичности и анатомической правильности в строении тела, фронтальность, а также принадлежность к одному из стандартных унифицированных типов — в данном случае, к типу статуи стоящего обнаженного юноши (курса). Лицо курса трактовано в ионийской манере, которой свойственны уплощенно-округлые формы⁷⁸. Некое внутреннее движение выражено в схематизированной трактовке рта с поднятыми уголками — так называемой «архаической» улыбке, присущей статуям раннего периода.

К этому же времени (около 510 г. до н.э.) относится голова известняковой женской статуи из окрестностей Фанагории (рис. 24), которую можно идентифицировать с изображением Афины (ГМИИ)⁷⁹. Несмотря на значительные утраты, очевидна целостность и монолитность построения объема изваяния, обтекаемость и вместе с тем уплощенность форм тонкого лица с высокими скулами, миндалевидными глазами, прямой линией рта⁸⁰. Линейность — архаическая черта, при которой каждый объем имеет свою специфическую линейную границу — отмечается здесь особенно в трактовке головного убора, вероятно, шлема с подшлемником, закрывающим шею, но оставляющим открытыми уши «кресаловидной» формы, которые развернуты в плоскости, как это было принято в пластике раннеархаического периода⁸¹. Судя по стилю и по материалу, скульптура была выполнена на Боспоре, но с учетом традиций восточно-греческой школы. В этом произведении можно видеть одну из первых боспорских работ и первое из обнаруженных здесь изображений богини, культ которой среди эллинов был необычайно популярен⁸².

С начала V в. до н.э. на Азиатском Боспоре известны стелы, имеющие рельефное изображение. Фрагмент ионийского надгробия с изображением мужчины в коротком плаще обнаружен в Фанагории⁸³. В этой стеле проступают черты ранней классики (так называемый «строгий стиль»), охватившей изменениями весь греческий мир⁸⁴. Многие последующие классицизирующие мастера следуют этому стилю. Его воспроизводил, копировал, им вдохнов-

Рис. 23. Голова статуи юноши-курса. Ок. 510 г. до н.э. Мрамор. ГИМ

Рис. 24. Голова статуи Афины (?). Ок. 510 г. до н.э. Известняк. ГМИИ

Рис. 25. Акротерий. IV в. до н.э. Мрамор. ГМИИ

лялся Рим, завоевавший Элладу, но сам «завоеванный ее искусством»⁸⁵. Принципы строгого стиля стали известны и на Боспоре.

Этому стилю свойственны известное упрощение форм или жесткость трактовки лиц и драпировок, тяжеловатость черт, в отличие от передачи их в архаической скульптуре (а также от мягкости переходов, свойственной развитой классике). Характерно осознание тектоники человеческого тела, которое строится из нескольких основных структурных блоков, и это контрастирует с недостатком артикуляции и пластических акцентов в схеме архаической статуи⁸⁶. Более правильно теперь было бы говорить не о типах, а о сюжетах изображения⁸⁷. Очевиден интерес к движению⁸⁸, выведший статую из фронтального поля, появляется характеристика (греч. *эмос*), внимание акцентируется на передаче эмоций. Возникают как «экспрессионистская», так и «идеализирующая» тенденции. Такие характеристики стиля как «упрощенность» и «жесткость» отмечаются и в скульптуре Боспора.

Рядом с архаикой и строгим стилем — этапами, которые имели место во всех частях греческого мира⁸⁹, особое место занимает высокая классика. Это ступень в эволюции античной пластики, признанная в последующие времена вершиной развития. Однако она характерна лишь для нескольких областей Эллады, прежде всего для Аттики. Тенденция к «натурализации» пластических форм приобрела здесь характер завершенной программы, в такой же степени был осуществлен и принцип идеализации. Искусство интеллектуализируется, ориентируется на развитую образно-смысловую концепцию. В качестве тем нередко выступают литературно-исторические сюжеты⁹⁰.

Язык классики в наименьшей мере сказался в скульптуре Боспора. Здесь мы не видим классических панорамных композиций, характерных построений формы, но стиль классики присутствует как в привозных произведениях, так и в отдельных элементах в работах боспорских мастеров. На Азиатском Боспоре эпоха классики представлена рядом выдающихся примеров. Один из них — мраморный акротерий IV в. до н.э. аттической работы (ГМИИ) — венчающая часть стелы, найденная в Фанагории

Рис. 26. Стела с двумя воинами. Третья четверть IV в. до н.э. Мрамор. ГМИИ

Рис. 27. Стела с изображением атакующего воина. Третья четверть IV в. до н.э. Мрамор. Таманский музей

(рис. 25)⁹¹. Среди фигуративных изображений стела с двумя воинами и фрагмент рельефа со сценой сражения (обнаруженные во вторичном использовании на усадьбе Юбилейное I), являются основополагающими в понимании «классической» и «боспорской» линий развития локального греческого искусства.

Мраморная стела третьей четверти IV в. до н.э. (ГМИИ)⁹² представляет двух воинов классически «идеального типа», фигуры которых выполнены в высоком рельефе (рис. 26). Оба воина изображены в коринфских шлемах и вооружены. Один (слева) — бородатый — имеет более полное вооружение (копье, поножи, щит). Другой, безбородый, вооружен копьем и мечом, а плащ его повязан необычным способом: перекинут через правое плечо, зафиксирован мягким поясом, завязанным узлом, — и показан плоскостно, с «жесткими» ровными складками (близкими к манере строгого стиля).

Еще в первых публикациях Таманского рельефа отмечалось как его сходство с надгробными стелами Аттики — в композиции, постановке и построении фигур⁹³ приближающихся к «натуралистичным», так и отличие от них⁹⁴. По поводу этих противоречивых черт дискуссия продолжалась и в последующих работах⁹⁵. И если не всегда можно говорить об однородности или чистоте аттического стиля памятника, то уникальный характер этого произведения не вызывает сомнений.

Один из важных вопросов составляет определение содержания изображения. На Таманской стеле воины не связаны рукопожатием (что было бы более обычно для аттических стел со сценой прощания) и показаны как солдаты, стратеги, предводители войска. В концепции этих изображений проявилась основополагающая тенденция трактовки идеального образа правителя в Элладе, сродни той, что видим в увенчанном коринфским шлемом бюсте Перикла, известного нам по римской копии. Это образ одновременно умудренного и героического человека, гражданина и воина. Бюст Перикла, как считают, в свою очередь восходит к его статуе, некогда стоявшей в Афинах. Тот же образ Перикла-воина запечатлен Фидием на щите Афины Парфенос. Не исключено, что в облике старшего персонажа на Таманской стеле отражено его статуарное изображение, также как отразилось и изображение шлема в его символической, знаковой роли⁹⁶. И в Элладе, и на Боспоре (причем, на Боспоре раньше) мы видим использование мотива шлема также в качестве самостоятельного символа — венчающей части надгробных стел⁹⁷.

До нас дошло крайне мало сведений об исторических персонажах Боспора, тем более — их изображений. Можно упомянуть аттический декрет из Пирея⁹⁸ с плохо сохранившимися фигурами трех Спартокидов, сыновей Левкона. Из того же источника известно о статуях их предков, стоявших в Пирее и в Афинах — на Акрополе и Агоре. В самом Пантикапее афиняне почтили статуей Левкона⁹⁹. Двух воинов, представленных на Таманском рельефе IV в. до н.э. в виде стратегов, мы также идентифицируем с членами правящей династии Спартокидов¹⁰⁰.

Еще одна стела греческой работы, найденная в Юбилейном и также относящаяся к эпохе классики, более традиционна по своей иконографии (третья четверть IV в. до н.э., Таманский музей) (рис. 27)¹⁰¹. Атакующий воин представлен в символическом поединке — обнаженным, в той «героической наготе»¹⁰², которая подчеркивала его полубожественную сущность. Помимо этих примеров в азиатско-боспорских стелах и эпохи классики, и более позднего времени, мы не встретим той эмоциональной окрашенности образа, которая возникла в памятниках Аттики, создав новую атмосферу духовности и повернув сюжет надгробия в сторону гуманистического осознания события смерти. Боспор в этом смысле более консервативен. Разрабатываемые им сюжеты — популярные в Греции в других жанрах искусства (например, в вазописи), как мы увидим далее, в основном связаны с идеей более архаической, с идеей загробного бытия и предстояния у пределов мира — встречи¹⁰³.

Обнаруженный среди строительных материалов той же античной усадьбы фрагмент известнякового рельефа со сценой сражения третьей четверти IV в. до н.э. (ГМИИ)¹⁰⁴ скорее всего относится к архитектурному фризу и свидетельствует о бытовании здесь архитектуры, имеющей пластический декор (рис. 28). Сцена битвы представлена в сложной многофигурной композиции, при этом ее построение необычно: отдельные сюжеты показаны в трех изолированных пространственных слоях. В каждом слое изображен поединок конного и пешего воина, по иконографии близкий греческой сцене амазономахия — битвы греков и амазонок. Но изображения бойцов имеют «варварский» колорит и практически неразличимы: воины вооружены негреческим оружием (горит, меч, акинак, дротик), одеты в одинаковые кафтаны с длинными узкими рукавами, перетянутые в талии. В таких кафтанах (типа кандиса — одежды персидской знати)¹⁰⁵ обычно изображаются все жители степей — от скифов до сарматов. В таком же одеянии греки представляли персов и других «варваров» в вазописи. Нет в рельефе никаких различий и

по возрастным приметам или признакам пола, так что определение сюжета является темой постоянной дискуссии между исследователями. Обсуждаются два основных варианта: сюжет битвы молодых скифов и «скифская амазономахия»¹⁰⁶. Мы придерживаемся второго определения.

Как пишет Геродот, бежавшие с греческих кораблей амазонки блуждали по степи. Похитив скифских коней, захватив их оружие и одежду, они приобрели вполне «скифский» вид, позволивший скифам принять их за отряд молодых мужчин из незнакомого племени. Лишь вступив с ними в сражение, они смогли определить, что воюют с женщинами. Прибегнув к определенным хитростям, скифам все же удалось установить с бывшими противниками мирные отношения и затем образовать брачные союзы, от которых пошел новый народ — савроматы¹⁰⁷.

По нашей трактовке, сюжет первого плана — и первого пласта рельефа — представляет именно момент узнавания: молодой скиф в поединке с предводителем противников (его статус отмечен обручем на шее — гривной), атакуя, схватил того за волосы. И спрятанные за кафтан (что отчетливо видно) волосы

Рис. 28. Фрагмент фриза со сценой сражения (амазономахия). Третья четверть IV в. до н.э. Мрамор. ГМИИ

рассыпались роскошной волной, оказавшись намного длиннее, чем их носили скифы-мужчины.

Особого обсуждения заслуживает манера исполнения рельефа, полного экспрессии, драматического напряжения. Обращает на себя внимание стилизация форм, что (в отличие от стремления к натурализации) является признаком архаического искусства; уплощенность фигур,двигающихся в узких слоях своего пространства, их постановка с показанным фронтально торсом, линейность — отграниченность отдельных объемов линией — и контурность изображения. И вместе с тем, как и сам «скифский» сюжет на греческую тему, стиль изображения, композиция в пределах его отдельных пластов, а также построение общей целостной картины имеют «классическую» греческую основу, хотя и окрашенную особым колоритом.

Нет никаких сомнений в том, что рельеф из Юбилейного принадлежит руке боспорского мастера, однако бесспорно и то, что этому мастеру были знакомы секреты греческого искусства. Можно определенно сказать, что он учитывал точку обзора рельефной композиции, а в изображении персонажей выдерживал «ось вращения» внутри разворачивающихся фигур¹⁰⁸. Скульптор сохранил также греческую основу изобразительного языка: уплощая фигуру, как диктовалось его пространственным видением, четко очерчивая ее контур и резко — складки одежды, он сохранил полутоновую пластику лиц («идеального типа»), пластику движений, трехчетвертной поворот головы. Вводя этнографически узнаваемые детали одежды, оружия, мастер оставался верен обобщенному принципу передачи событий. Можно сказать, что в композиции этого памятника мы видим развитие формы, имеющей классическую основу¹⁰⁹ и отвечающей «экспрессионистической» тенденции, в нечто иное, неизвестное миру греческого «центра», но, несомненно, гармоничное и обладающее собственной внутренней логикой.

Вопрос о дате фриза, также постоянно дискутируемый, может быть решен как на основании стилистического анализа, так и по типу изображенного здесь скифского вооружения¹¹⁰. Существование локальных особенностей стиля уже в IV в. до н.э. подтверждается и другими памятниками, известными на Боспоре.

В этом контексте важна найденная на Цукурском лимане мраморная двойная герма со скульптурным изображением и надписью, вырезанной на нижней части столба (Керченский музей (рис. 29))¹¹¹. Это посвящение Афродите Урании от Демарха, сына Скифа, сделанное в правление Левкона (389 — 349 гг. до н.э.). Надпись интересна и из-за особенности упоминаемой в ней титулатуры Левкона I, и из-за примененного ионийского диалекта¹¹². Но кроме того, это самый ранний текст, дошедший вместе с изображением. Сохранность фигуры (это закутанный в плащ мужчина (голова изваяния утрачена), а не изображение богини, как можно было бы ожидать из сопутствующего текста) затрудняет анализ стиля памятника. Однако в трактовке одеяния определенно прослеживается монолитность объема, сглаженность форм, уплощенность, более характерные для предыдущего периода, чем для классической эпохи. Очевидна и упрощенность формы, свойственная строгому стилю. Таким образом, архаичность, протяженность во времени некоторых более ранних черт подтверждены в боспорской пластике документально уже в первой половине IV в. до н.э.

Также в эту эпоху в греческой скульптуре Боспора уже существует своеобразная группа поколенных изваяний, так называемые «статуи-полуфигуры».

Этот тип статуй известен как в мужских, так и в женских изображениях. Они неоднородны по форме и иногда приближаются к такому виду варварского изваяния, как «скифская баба» у кочевников, в большинстве своем представлявших воинов-номадов. Изображения-полуфигуры были предназначены служить памятниками, надгробиями.

От одного такого памятника второй половины IV в. до н.э. (ГМИИ)¹¹³ сохранилась голова: представлен бородатый мужчина в мягком остроконечном уборе типа башлыка, концы которого в виде широких лент повязаны вокруг головы (рис. 30)¹¹⁴. Лицо так называемого «синда» с высокими скулами обрамлено кудрявыми волосами. В манере исполнения изваяния видится соединение классических и архаизирующих черт. Высокие скулы характеризуют определенный, не идеализированный тип лица. Характер обработки камня, сопоставимый с обработкой рельефа со сценой сражения: уплощенная поверхность, но мягкие переходы в моделировке ее частей, — также можно назвать архаическим. К тому же голова имеет фронтальную постановку — так в свое время изображали курсов и кор. Вместе с тем глаза изваяния трактованы в классической манере: форма их вытянута к наружному краю, рельефно подчеркнутые веки имеют плавные очертания, глазное яблоко выпуклое. Некоторая архаизация очевидна в передаче волос, противоречащей «гравировальной» трактовке бороды. Характер головного убора, изображенного здесь, явно «степной», негреческий. Однако нельзя сказать, что исполнивший его мастер не был знаком с искусством эллинских камнерезов¹¹⁵, и это ощутимо в мягком, пластичном «заломе» обвязывающей голову ленты и ткани башлыка.

Статуи-полуфигуры были известны на Боспоре вплоть до нашей эры. Упомянем еще один пример — эллинистическое изваяние воина III—II вв. до н.э., найденное в окрестностях Фанагории (Керченский музей (рис. 31))¹¹⁶. Воин изображен в полном вооружении: меч, лук, который он держит в руке, за плечом его висит горит. Помимо короткой одежды с рукавами¹¹⁷ на нем надеты пластинчатый панцирь и плащ, скрепленный застежкой на правом плече. Головной убор воина относится к типу башлыка, края которого спускаются на спину и плечи. Башлык оторочен опушкой-лентой, широкая полоса ее обхватывает голову и перевязывается слева. Из-под башлыка выбиваются волосы, показанные колечками. Лицо воина своеобразно, что дало повод М.М. Кобылиной предположить портретность изображения¹¹⁸: овальное, узкое, слегка сплющенное в районе глаз, из-за чего глаза кажутся расположенными в разных плоскостях, с характерными широкими скулами и сжатым ртом. Несмотря на выбоины и сколы, очевидно, что юноша не имел бороды. Другие детали лица плохо различимы. Интерпретация изваяния как надгробного¹¹⁹ кажется вполне убедительной, равно как и боспорская принадлежность изготовившего его мастера.

Эллинистическая эпоха принесла большие изменения в мир пластических искусств, сказавшихся, в том числе, в его многообразии. В аналитическом плане скульптура эллинизма с трудом соответствует хронологическим определениям: некоторые важные черты эпохи появляются еще до времени Александра, другие сохраняются в римском и западно-греческом искусстве долгое время и после Августа¹²⁰. По мнению исследователей, изучение этого периода должно основываться на осознании того, что различные стили могли сосуществовать во времени и являться скорее продукцией различных центров, чем разных времен¹²¹.

В этот период исторические условия переставили акценты внутри искусства, придав ему, по выражению Дж. Поллита, «другой темперамент»¹²².

Рис. 29. Герма с посвящением Демарха. Первая половина IV в. до н.э. Мрамор. Керченский музей

Рис. 30. Голова статуи «синда». IV в. до н.э. Известняк. ГМИИ

Рис. 31. Статуя-полуфигура воина. III–II вв. до н.э. Известняк. Керченский музей

Афины играют теперь второстепенную роль, их главенствующие позиции в культурной жизни перемещаются в Пергам¹²³. В некоторых центрах, например, таких как Делос и Родос¹²⁴, скульптурная продукция может быть идентифицирована. Однако в целом, как считает Р. Смит, «предложенные региональные школы — иллюзорны»¹²⁵. Эллинистические скульпторы передвигались еще более свободно, чем их предшественники.

В эллинистическое время изменилась функция статуи. Если в V и IV вв. до н.э. скульптура была в основном «на службе религии», то теперь ее чаще изготавливают для убранства частных домов¹²⁶, поэтому большое место занимает репродуцирование, ранние памятники эллинизма известны по позднеэллинистическим воспроизведениям и даже римским вариантам. Большие статуи и композиции «переводятся» в маломасштабную скульптуру, и потому определить дату таких работ весьма затруднительно.

В период эллинизма сама трактовка формы играет важную роль в разделении скульптурных типов. Архаистический стиль применяется, например, для изображения Аполлона, для декора некоторых видов зданий, классицизирующий — для изваяний Артемиды. В скульптурных изображениях в честь мужчин и женщин часто встречается шаблонное туловище¹²⁷.

В эпоху эллинизма, с ее многочисленными репликами и тиражированием образцов, на Азиатском Боспоре получили широкое распространение небольшие скульптуры богов и богинь. Принадлежность большинства изваяний определяется на основе иконографии изображения и его деталей. Так, например, найденная в упомянутом «закрытом комплексе» — горгипийском пожаре небольшая мраморная скульптура богини, сидящей на троне, по иконографии близка распространенному в античном мире изображению Кибелы, однако по атрибутам — рогу изобилия и фиале в ее руках — отождествляется с Тихе (Анапский музей (рис. 32))¹²⁸. Также к изображению Тихе — божества

счастливого случая — можно отнести известняковую голову богини в калафе из окрестностей Тамани (Таманский музей (рис. 33))¹²⁹. Такого рода скульптура, в большинстве своем привозная, играла значительную роль в формировании смыслового и художественного пространства боспорской культуры. В большом количестве она украшала жилища и общественные сооружения боспорян. Назовем хотя бы статуэтки Афродиты, найденные в Фанагории, Горгипии, Кепах¹³⁰ и представляющие различные варианты изображения богини: Афродита Анадиомена, Афродита Понтия или Евплойа — торс из Фанагории (ГМИИ (рис. 34))¹³¹.

Особое место среди эллинистической скульптуры, известной на Азиатском Боспоре, занимает статуя Афродиты, так называемая Афродита Таманская, обнаруженная при раскопках города Кепа (ГИМ (рис. 35))¹³². Относящаяся к тому же варианту развития иконографии, что и знаменитые статуи Афродиты Капуанской и Венеры Милосской, Афродита (голова и руки статуи утрачены) показана полуобнаженной, нижняя часть торса задрапирована мантией, спускающейся тяжелыми складками. Богиня стоит, опираясь левой ногой на скалу, слегка нагнувшись и развернувшись в три четверти. Мотив скульптуры, как и большинство вариантов изваяний стоящей Афродиты, восходит ко времени Праксителя, являясь одной из интерпретаций его статуи Афродиты Книдской (около 350 г. до н.э.). Полагают, что во II в. до н.э. в формирование указанного типа включаются и традиции Лисиппа, сказавшиеся в удлинении пропорций тела, подчеркнутым изгибе плавных линий. В конце II в. до н.э. появляется тип статуарной композиции, в которой фигура разработана для обзора с одной точки¹³³. К примерам такой «закрытой», сконцентрированной в себе композиции, сочетающейся с новой схемой постановки фигуры, рассчитанной на обзор с одной точки, относится и статуя Афродиты, найденная на Тамани.

Стремление к сохранению греческих традиций в потоке художественных течений эллинизма и особая мягкость в моделировке поверхности, чему здесь уделено специальное внимание, отмечаются как характерные свойства александрийской скульптурной школы¹³⁴. Эти черты не были чужды и школе Родоса¹³⁵, к которой предположительно относится таманская статуя. Как полагал Н.И. Сокольский, она принадлежала храму, посвященному богине¹³⁶.

В отличие от скульптуры Эллады, где известная часть произведений идентифицирована по данным письменных источников¹³⁷, дошедшие до нас боспорские памятники чаще не соотносятся с содержащейся в надписях информацией¹³⁸. Мы пока еще не знаем на Боспоре более масштабных статуй Афродиты, изваяний Аполлона или Артемиды Эфесской. Не обнаружены также какие-либо изображения Перисада, посвящения которому документированы надписями. Царица Динамия отождествляется лишь с небольшим бронзовым портретом, найденным под Новороссийском¹³⁹.

В этом случае заслуживает особого внимания посвященный рельеф из Гермонассы — редкий для Боспора пример изображения Геракла (рис. 36). Герой представлен стоящим с яблоками Гесперид, отдыхающим после совершенного подвига (ГМИИ)¹⁴⁰. Рельеф III в. до н.э. исполнен греческим мастером, несомненно знакомым с произведениями лисипповской

Рис. 32. Статуя Тихе. II в. до н.э.
Мрамор. Анапский музей

Рис. 33. Головы богини Тихе.
II в. до н.э. Известняк.
Таманский музей

Рис. 34. Торс Афродиты.
II в. до н.э. Мрамор. ГМИИ

Рис. 35. Статуя Афродиты.
II в. до н.э. Мрамор. ГИМ

Рис. 36. Стела с изображением
Геракла. III в. до н.э. Мрамор. ГМИИ

школы¹⁴¹. В иконографии Геракла из Гермонассы преобладают классические черты атлета, и именно поликлетовский образ, известный во многих репликах, является определяющим в замысле этой фигуры¹⁴². Характер работы в гермонасском рельефе свидетельствует о том, что перед нами отдаленная реплика изображения, связанного, может быть, с одним из не дошедших до нас памятников раннелисипповского времени.

Помимо ощутимой связи с сюжетами и приемами греческих мастеров, рельеф из Гермонассы важен для иконографии боспорской скульптуры, ибо, разрабатывая классическую схему стоящего героя, он становится ближе и мотиву героя-воина, воплощенному в найденных здесь стелах.

Характеризуя художественную среду азиатского Боспора эпохи эллинизма, нельзя не упомянуть мраморный фриз с изображением нимф, к которому относятся три блока, найденные в разных частях Тамани (ГМИИ (рис. 37–39))¹⁴³. Одно время его датировали первыми веками н.э., теперь относят к эпохе развитого эллинизма (200–150 гг. до н.э.)¹⁴⁴. Судя по расположению на торцах плит рельефных курильниц-фимиатериев, до нас дошли два окончания фриза или его частей. В одном блоке шествие нимф направлено в сторону фимиатерия, в другом, напротив — от него. Это означает, что в ленте фриза было, по крайней мере, два прерывающих ее проема, нимфы расходились у входа и затем сходились у выхода, двигаясь по кругу, как в хороводе.

Фигуры фриза с Таманского полуострова выполнены в архаистическом стиле, существующем как самостоятельное направление в пластике с IV в. до н.э.¹⁴⁵ Особенно популярной становится архаи-

стика в эллинистическое и римское время, широко распространившись в архитектурном декоре, вазописи, мелкой пластике¹⁴⁶. основополагающих примеров, ставших опорными точками в изучении стиля, известно немного. Для наших фрагментов первостепенное значение имеют изображения на афинской базе Четырех богов и архаистическая фигура Гебы на алтаре из Эпидавра¹⁴⁷. Очевидно их сходство со стилистикой боспорского фриза, проявившееся в постановке и очертаниях фигур. Более того, сопоставляя абрисы упомянутых персонажей методом наложения, можно установить ряд практически буквальных совпадений. Очертания фигуры II на блоке 1983 г. идентичны контурам изображения Гебы на базе из Эпидавра, а формы нимфы III того же блока чрезвычайно близки фигуре Афины на базе Четырех богов. Характерными линиями, сочно и выпукло обрисовывающими бедро, рисунок Афины, в свою очередь, напоминает фигуру Гефеста в зеркальном изображении¹⁴⁸. Близкое соответствие данному типу имеется и на боспорском фризе: нимфа II блока 1970 г. и особенно — фигура V блока 1983 г. Изображению Гермеса на той же базе Четырех богов соответствует абрис нимфы II на блоке 1972 г.¹⁴⁹

Эти наблюдения подводят нас к одной из примечательных технических особенностей изготовления архаистического рельефа — построению изображения по образцам. В свое время Г. Рихтер, изучавшая технику копирования, в том числе, в архаистическом и неонатическом направлениях античного искусства, предположила, что каждая фигура набиралась из нескольких разных частей с помощью копировальной машины¹⁵⁰. К. Хейвлок вслед за этим доказывал существование картонных шаблонов — отдельных для рук, ног, головы и торса. Последний, по его словам, благодаря «одеванию», приобретал пол — и некоторую индивидуальность, особенно необходимую в веренице повторяющихся типажей¹⁵¹. Как мы могли убедиться, шаблон был единым для мужских и женских персонажей.

Таким образом, архаистический фриз с Таманского полуострова подтверждает существование в скульптуре практики копирования с помощью профильных трафаретов, а также изображение модели в зеркальном повороте. Вместе с тем, он подтверждает и сделанные выше наблюдения, касающиеся применения шаблонов в вазописи (пелика ок. 350 г. до н.э., мастер Грифа).

Говоря о скульптуре эллинизма, нельзя обойти вниманием боспорские надгробные и посвяжительные стелы с рельефным изображением. Стелы ра-

Рис. 37. Блок фриза с хороводом нимф. II в. до н.э. (1970 г.). Мрамор. ГМИИ

Рис. 38. Блок фриза с хороводом нимф. II в. до н.э. (1972 г.). Мрамор. ГМИИ

Рис. 39. Блок фриза с хороводом нимф. II в. до н.э. (1983 г.). Мрамор. ГМИИ

боты эллинских мастеров V, IV и III вв. до н.э. упоминались выше (фрагмент из Фанагории, стела с двумя воинами, рельеф с изображением Геракла). В IV в. до н.э. в традициях локальной школы был исполнен и самый ранний из известных боспорских рельефов, он обнаружен в Трехбратнем кургане Европейского Боспора. Рельефные стелы, найденные на сегодняшний день на азиатской стороне, судя не только по стилю изображения, но и по манере письма сопровождающих их надписей, относятся к эллинистической эпохе, традиция их производства существует до первых веков нашей эры. Основная масса памятников выполнена в известняке. В большинстве это высокие и узкие стелы, часть их в свое время украшалась акротериями. В отдельном клейме или нескольких клеймах, расположенных ярусами, представлены сюжеты, среди которых часто встречается сцена пира (загробная трапеза, где умерший представлен как герой, пирующий среди богов); стоящий воин и всадник — стоящий, скачущий или остановившийся перед женщиной на троне (перед границей мира, где его встречает божество: сцена предстояния) (рис. 40).

Стилистически стелы разнообразны, но имеют несомненное сходство и в манере изображения, и в деталях. Необходимо отметить, что наряду с греческим одеянием — туникой, плащом-гиматием, распространен на селах и другой характерный костюм всадника — кафтан, шальвары, сапоги, в чем очевидно отражение реалий и влияние негреческого окружения.

Древнегреческая культура не принадлежала к числу культур замкнутого типа. Ее составляли разные области и полисы со своими традициями, особенностями государственного устройства, которые существовали в условиях «осознанного культурного единства»¹⁵². Распространяя свое влияние на широкий ареал, греки вместе с тем проявляли интерес к их соседям, при этом многое от них перенимали¹⁵³. Дж. Бордман, в частности, считает, что еще в раннее время эллины заимствовали от персов характерное безрукавное одеяние, ставшее потом их неизменным хитомом. Позже в их быт проник персидский *кандис* — рукавная одежда, а также фракийская шапка — *алопека*¹⁵⁴.

Греки Боспора также изменялись под влиянием варварского окружения. Костюм, который составляют *кандис* и шальвары, появляется еще на Трехбратней стеле IV в. до н.э. Однако, на наш взгляд, это не означает процесса варваризации (в плане смещения культур, умаления значимости греческих традиций), а связано с созданием армии, которая могла бы противостоять противникам-степнякам. Также вероятно участие в этом войске и собственно

«местных» племен. У последних тоже отмечаем, что близость эллинов отразилась в новых элементах костюма, в появлении так называемого «доспеха смешанного типа». Названные черты встречаем как в скифских погребениях, так и в греческом изображении скифов (гребень из кургана Солоха). В дополнение к сказанному можно отметить, что в художественной трактовке вооружения боспорцев, как и в реальности, которую описывает Диодор, соседствовали параллельно два вида: греческая паноупля и скифские — сарматские луки, мечи, акинаки.

Помимо этнографически точно показанных реалий, стелы объединяет условная манера изображения фигур, явная уплощенность их объемов, нередко — постановка фигур в рельефе с ориентацией на одну точку обзора. Постепенно фигуры приобретают все более схематичный, декоративный характер. Невысокий уровень художественного мастерства заметен даже в стелах, посвященных важным должностным лицам Боспора — двусторонний памятник Агафа, сына Саклея II в. н.э. (ГМИИ (рис. 41))¹⁵⁵.

Однако собственная продукция не была единственной составляющей, формирующей художественную среду Боспора и в римское время. Об этом свидетельствует, прежде всего, монументальная мраморная статуя, найденная в Анапе (рис. 42). По греческой надписи, обнаруженной неподалеку, она отождествляется с правителем Горгиппии Неоклом, сыном Геродора. Статуя представляет бородатого мужчину в тоге, стоящего в позе римского оратора — правая рука, заложенная за край плаща, поднята к

Рис. 40. Многоярусная стела. I в. н.э. Мрамор. Анапский музей

Рис. 41. Стела Агафа, сына Саклея. II в. н.э. Известняк. ГМИИ

Рис. 42. Статуя Неокла, сына Геродора. II в. н.э. Мрамор. ГМИИ

груди, левая опущена. На шее мужчины надета массивная, украшенная букранием гривна, что на Боспоре, безусловно, означало высокий статус, хотя этот знак более привычно видеть в «варварских» изображениях. Не противоречит дате, отмеченной в надписи (483 г. боспорской эры соответствует 187 г. н.э.), и трактовка волос, и характер изображения глаз, зрачки которых показаны высверленными углублениями. Лицо Неокла моделировано в традиции, близкой к греческой — с мягкими переходами частей, как и складки его тоги, что позволяет предположить, что к изготовлению римской по типу официальной статуи привлекались греческие мастера (из Малой Азии?).

При рассмотрении найденной на Боспоре скульптуры можно выделить две основные составляющие. Одну из них наполняют общераспространенные в Греции формулы смысла и стилевые предпочтения. Другая часть слагаемого представляет собой линии собственно боспорского развития. Однако и та, и другая составляющие опираются на общие греческие корни.

Существование на Боспоре нескольких памятников местного греческого производства с однородными признаками позволяет поставить вопрос о формировании здесь собственного «боспорского стиля», который детерминирует искусство Боспора в его греческо-местном (локальном) развитии. Этот стиль является важной характеристикой, хотя и не единственной, в определении феномена боспорского искусства¹⁵⁶. В общем плане это направление характеризуется архаическим подходом к решению объема, будь то форма круглой скульптуры или пространственные пласты рельефа. Ему свойственны условность — «ненатуралистичность» формы, фронтальность в построении фигур, линейность как контурная основа объемов, ограниченность элементов единой структуры, декоративность, достигаемая путем тщательной разработки деталей, подчеркивающей их знаковость. Кроме того, в этом направлении сочетается несколько стилевых составляющих, принадлежащих разным эпохам. Помимо архаики это могут быть черты строгого стиля, классики, т.е. изобразительные элементы, относящиеся к периодам более ранним, чем тот, в который выполнена вещь. «Боспорский стиль» лишен стилистической чистоты в классическом понимании.

Среди произведений скульптуры, найденных на Боспоре, примеры «боспорского стиля» можно видеть уже в поздней архаике — голова статуи из Фанагории. Ко второй половине IV в. до н. э. относится несколько памятников боспорского направления с азиатского Боспора: фриз со сценой сражения (амазономахия), голова статуи-полуфигуры («синд»), а также стела из Трехбратнего кургана и плита с грифоном, найденные на европейской стороне. Боспорские стелы, относящиеся ко времени позднего эллинизма и раннеримской эпохи, узнаваемы среди других по характерной стилизации. Независимо от того, что в них выделяются свои группы, свои отдельные мастера и мастерские, как неизменные сохраняются в них ряд типических черт боспорского стиля.

Хронологический диапазон памятников, выполненных в боспорском стиле, и наличие в нем черт, характерных для более древних этапов развития, приводит к выводу о том, что он складывался постепенно. Это позволяет исключить предположение о «порче стиля», опрощении навыков «хорошего греческого художника» под воздействием варварской среды. Длительность существования стиля свидетельствует о том, что он представляет собой художественное направление, а не только приемы отдельных мастеров определенного временного диапазона.

МАЛЫЕ ФОРМЫ

Рис. 43. Погрудное изображение (протома) богини. V–IV вв. до н.э. Глина. ГМИИ

Помимо монументальной скульптуры принципы греческой пластики развивались и в малых формах — терракотовых статуэтках, известных на Боспоре с VI в. до н.э. и существовавших до IV в. н.э. Как более массовая продукция ремесленников, терракоты имели чрезвычайно широкое распространение. Они также привозились из Малой Азии или Центральной Греции, но в огромном количестве изготавливались и на Боспоре. В Фанагории засвидетельствованы остатки мастерских коропластов. По характерной глине их продукция прослеживается на всем Таманском полуострове. Известны также терракотовые изделия Горгиппии. Специфика изготовления терракот — чаще всего они перед обжигом оттискивались в форме — привела к созданию устойчивых серий, повторяющих один образец. Темы их весьма разнообразны и соответствуют назначению статуэтки. Они могли быть приношением в святилище — как протомы женского божества V–IV вв. до н.э., около тысячи изображений которого найдено на Майской горе близ Фанагории (ГМИИ (рис. 43)); погребальным даром — как статуэтки, связанные с культом Деметры, IV в. до н.э. из «погребения жрицы» кургана Большая Близица (Эрмитаж (рис. 44)); украшением храма или жилища — статуэтки Афродиты, Эроса и другие многочисленные темы произведений эллинистического времени. Распространение терракотовых статуэток во многом способствовало созданию единого пространства в греческой культуре Боспора.

* * *

Рассмотрев основные виды античного искусства, представленного памятниками, найденными на Боспоре, мы можем говорить о том, что после образования здесь греческих поселений ход дальнейшего развития эллинских черт не являлся прямолинейным и поступательным (как, впрочем, и для самой Эллады). Но уже в конце VI в. до н.э. появляются первые отличительные черты локального варианта греческого искусства Боспора. Возможно, горо-

Рис. 44. Статуэтки из «погребения жрицы». IV в. до н.э. Глина. ГЭ

да Боспора оставались в стороне от развиваемой Милетом активности, что ощущается в меньшем потоке ионийского импорта по сравнению, например, с Ольвией. Произошло постепенное обособление его от «материнской» линии и очевидное проявление внутренней самостоятельности — начинающейся «непохожести» на другие малоазийские апойки.

На примере памятников архитектуры и скульптуры мы наблюдали развитие двух направлений: классического направления, параллельного «центру», и собственного, «локального», в котором возникали и развивались необычные формы погребальной архитектуры — склепы, вырабатываясь свой пластический стиль. Этот изобразительный язык локального варианта греческой культуры замечателен не только своеобразием, но и устойчивостью во времени, что говорит о традиционности боспорской цивилизации.

При всех очевидных проявлениях взаимовлияния боспорского общества и негреческого окружения, отразившегося в том числе в изменениях в costume, культура Боспора, где жили «греки» и «скифы», не является «греко-скифской», как можно было бы говорить по аналогии с искусством малоазийских центров IV в. до н.э.

Было бы слишком прямолинейно любое географическое соседство, протекающее на уровне разнопланового взаимодействия культур, объявлять как культуру смешанного типа, — а именно это детерминирует сложносоставной термин. Для определения культуры такого характера, как боспорская, можно отыскать более сущностную формулировку. Она не является однородной, монолитной, состоящей лишь из переселившихся эллинов (то есть гомогенной), а представляет собой некий многосоставной «раствор», гетерогенный тип, который все же предполагает существование и некой доминанты — эллинской по своей сути. Это доказывает и наше исследование, проведенное на материале художественной культуры.

¹ Татаркевич В. Античная эстетика. М., 1977. С. 7.

² Болгов Н.Н. Боспор на закате царства. Белгород, 1996. С. 107.

³ Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. С. 17.

⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 33–34.

⁵ Там же. С. 34, 38; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981; Он же. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.

⁶ Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. L., 1994. P. 11; *Idem.* Persia and the West: An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art. L., 2000. P. 15.

⁷ О неоднородном характере контактов см.: Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная

Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1: Становление и развитие полиса. С. 371; Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.

⁸ Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 58.

⁹ Инв. (Б. 3222) 17793. Энман Н. Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 92–95, рис. 1, табл. VII, 9; Phartakowsky V. Archäologische Funde im Jahre 1911. Rußland // AA. 1912. S. 334–337, Abb. 21; Книпович Т.М. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. С. 360, рис. 3; Она же. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений се-

верного побережья Черного моря // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 89–90, рис. на с. 98. № 2; Cook R.M. A List of Clazomenian Pottery // BSA. 1952. 47. P. 123, ff., 139 D4; Walter-Karydi E. Samische Gefässe des 6. Jahrhunderts v. Chr. (Samos VI, 1). Bonn, 1973. Taf. 113, Nr. 930. S. 79; Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля... С. 14, рис. 11; Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 75, рис. 52.

¹⁰ Инв. П 16 1364. Lossewa N. Zwei Klazomenische Vasen // AA. 1929. 44. S. 43–47. Abb. 2; Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. Рис. на с. 260; Cook R.M. A List of Clazomenian Pottery. P. 131–134, № 1; Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985. С. 10, табл. 14; Boardman J. Early Greek Vase Painting. L., 1998. N 345; Соколов Г.И. Искусство...

- С. 76, рис. 53; Коровина А.К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. IX, табл. 6, 1–2.
- ¹¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 21, рис. 14; С. 25, рис. 18.
- ¹² Там же. С. 12, рис. 3 (кратер ошибочно определен как италийский).
- ¹³ Инв. St 2016. КАВ. 32 а; Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России (далее — АДЖ). СПб., 1914. С. 12; Scheffold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. В., 1934. Taf. 31,1; Nr. 396; Соколов Г.И. Искусство... (описание и рисунок ошибочно даны в разделе «Искусство Европейского Боспора», с. 171–172, рис. 111, 112, ваза с изображением Геракла упоминается также в разделе Азиатский Боспор, с. 210).
- ¹⁴ АДЖ. С. 12.
- ¹⁵ Соколов Г.И. Искусство... С. 77, рис. 54–60 (указана дата V в. до н.э.). По поводу датировок сосудов различные мнения см.: Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 309–316, особенно с. 310. Там же см. список литературы по этому поводу.
- ¹⁶ McPhee I., Trendall A.D. Greek Red-figured Fich-plates. Basel, 1987. No. 118; Leningrad B 3207.
- ¹⁷ Ibid. No. 2–4; Leningrad BB 90, BB 110, BB 111.
- ¹⁸ Обычный диаметр аттических рыбных блюд от 18,5 до 28,5 см, но есть исключения: самое маленькое блюдо не более 5 см в диаметре (Браврон 479), самое большое — 55 см (Ленинград B 3207); Ibid. P. 19–20.
- ¹⁹ Ibid. P. 31.
- ²⁰ Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19. С. 136, сл.
- ²¹ MacDonald B.R. The Distribution of Attic Pottery from 450 to 375 BC: The Effects of Politics on Trade: (A Dissertation in Classical Archaeology). Pennsylvania, 1979. P. 193–198.
- ²² Sheffold K. Untersuchungen...
- ²³ Herod., IV, 13.
- ²⁴ Калаф из гробницы № 1 кургана Большая Близица: Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э.: Каталог выстав- ки. СПб., 1995. С. 268–269. Кат. № 203.
- ²⁵ Не опубликована.
- ²⁶ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 51, рис. 16.
- ²⁷ Примеры боспорских «акварельных пелик» известны как на Азиатском, так и на Европейском Боспоре: Кобылина М.М. Фанагория. С. 48–51; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 384, рис. 22, 29; Книпович Т.Н. Художественная керамика... С. 385, сл.; Она же. Основные линии развития искусства античных городов Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья... С. 181, рис. 4; Соколов Г.И. Искусство... С. 293, сл., рис. 209, 211.
- ²⁸ Кобылина М.М. Фанагория. С. 52.
- ²⁹ Соколов Г.И. Искусство... Рис. 283.
- ³⁰ Там же. Рис. 281, 282.
- ³¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 515, табл. 233, 3–4.
- ³² Dinsmoor W. The Architecture of Ancient Greece. 3rd. ed. L., 1950. P. 132; Gruben G. Griechische Tempel und Heiligtümer. 5. Ed. München, 2001. S. 33–38.
- ³³ По фрагментам ионического ордера предполагают существование в Пантикапее храма, посвященного, возможно, Аполлону, богу греческих колонистов: Блаватский В.Д. Пантикапей; Соколов Г.И. Искусство... С. 38.
- ³⁴ Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Нурбюргевус. 2002. Vol. 8. С. 99–121.
- ³⁵ Кобылина М.М. Фанагория. С. 24 (предполагаемый храм IV в. до н.э.).
- ³⁶ Арзаманов Г.Ф. Архаическая капитель из Тамани // ВДИ. 1989. № 4. С. 49–54; Коровина А.К. Гермонасса. С. 43, рис. 19. Анализ сочетания архаических и более поздних черт в этой капители допускает предположение и более поздней ее датировке: Буйских А.В. Новая капитель из Пантикапея: (к проблеме развития архитектуры ионического ордера на Боспоре) // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 165–166.
- ³⁷ Кобылина М.М. Фанагория. С. 26, рис. 7, 1, 2; С. 31, 36. Из последних находок упомянем фрагмент карниза, обнаруженный в подводной части Фанагории: Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. Пред- варительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 278, рис. 9 (на фотографии перевернут).
- ³⁸ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 320–321.
- ³⁹ Там же. С. 322.
- ⁴⁰ КБН 116. Памятник был найден в насыпи городского вала Анапы (не сохранился).
- ⁴¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 323.
- ⁴² Коровина А.К. Гермонасса... С. 93, рис. 48.
- ⁴³ Кобылина М.М. Фанагория. С. 24; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 323–329.
- ⁴⁴ АДЖ. С. 9; Алексеева Е.М. Фрагменты расписной штукатурки первых веков нашей эры из Пантикапея // История и культура античного мира. М., 1977. С. 3–5; Ермолин А.А., Сененко Р.Г. Фрагменты расписной штукатурки из охранных раскопок 2007 года на горе Митридат // БФ. 2007. Ч. 1. С. 120–124.
- ⁴⁵ Блаватский В.Д. Фанагорийская стенная роспись // МИА. 1956. № 57. С. 168–170, рис. на с. 168–169.
- ⁴⁶ АДЖ; Блаватский В.Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. № XXIV. С. 29–53; Гайдукевич В.Ф. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н.э. с уступчатым перекрытием // Боспорские города. Л., 1981. С. 6–54.
- ⁴⁷ Миков В. Происход на куполните гробници в Тракия // ИБАИ. 1955. Т. XIX. С. 17, 20, рис. 2; С. 22; Он же. Надгробните могили в България // Археологически открития в България. София, 1956. С. 230; Kurtz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. L., 1971. P. 275, fig. 60; P. 281, fig. 65; P. 289, fig. 75.
- ⁴⁸ АДЖ. С. 10, 30, 111; Максимова М.И. Артюховский курган. М., 1975.
- ⁴⁹ АДЖ. С. 110, 111; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 538.
- ⁵⁰ АДЖ. С. 87, сл.
- ⁵¹ Шалькевич А.А. Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ. XVII. 1976. С. 152.
- ⁵² Савостина Е.А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования

- в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 242.
- ⁵³ АДЖ. С. 10—20. Атлас. СПб., 1913. Табл. V—X.
- ⁵⁴ АДЖ. С. 18.
- ⁵⁵ АДЖ. Атлас. СПб., 1913. Табл. VI, VIII.
- ⁵⁶ Склеп был ограблен, но сохранился постамент саркофага. Замковый камень с росписью перевезен в Керчь, в дромос Царского кургана. Судьба его не известна: АДЖ. С. 19, примеч. 1, табл. V, 2 (изображение интерьера склепа с камнем от постамент саркофага, на котором стоит работник, разглядывающий роспись плафона).
- ⁵⁷ АДЖ. С. 12. Атлас. Табл. IX, 1, 2. На золотых нашивных пластинах имеются два погрудных изображения женщин. Одна из них показана анфас, в покрывале и венке из колосьев, как и персонаж, представленный на плафоне склепа. Голова другой — тоже в венке (из цветов?) повернута в три четверти и наклонена. Рядом изображен факел — один из атрибутов Деметры, разыскивающей свою дочь (*Rose H.J. A Handbook of Greek Mythology. L., 1985. P. 92*). Можно думать, что в этой паре анфас показана Кора. Но верно ли вслед за этим небольшим сюжетом однозначно — как изображение Коры — интерпретировать и роспись склепа Близницы? Ведь еще одно изображение богини, размещенное в круге плафона, подписано как «Деметра» (Склеп Деметры).
- ⁵⁸ АДЖ. С. 30—35; Атлас. Табл. XII—XV.
- ⁵⁹ АДЖ. С. 65.
- ⁶⁰ АДЖ. С. 84.
- ⁶¹ АДЖ. С. 119—226; *Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 188.*
- ⁶² *Алексеева Е.М. Горгиппия // АГСП. Табл. XLI. План. (Археология СССР).*
- ⁶³ *Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 538, табл. 256.*
- ⁶⁴ *Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 189, рис. 57; С. 541, табл. 259.*
- ⁶⁵ Маски: от мифа к карнавалу. М., 2006.
- ⁶⁶ *Соколов Г.И. Искусство... Рис. 285, 287.*
- ⁶⁷ *Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 250.*
- ⁶⁸ *Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 85.*
- ⁶⁹ *Василиев А. Античная гробница в Казанлыке. София, 1958. Табл. 44; Вылева Ю. Росписи раннеэллинистических гробниц Фракии и Боспора Киммерийского // БФ. Ч. 1. 2007. С. 113—114. Помимо справедливых наблюдений, касающихся различий в системе декора гробниц Фракии и Боспора, не может не вызвать удивления высказывание автора о Боспоре Киммерийском — «варварском по отношению к грекам мире», как и Фракия.*
- ⁷⁰ *Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 120, сл.*
- ⁷¹ *Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86—96; Он же. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 1966. С. 243—258.*
- ⁷² *Он же. Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967. С. 194.*
- ⁷³ *Robertson M. A History of Greek Art. Cambr., 1975. P. 56; Richter G.M.A. Three Critical Periods in Greek Sculpture. Oxf., 1951. P. 5; Stewart A. Greek Sculpture: An Exploration. New Haven, London, 1990. Vol. 1. P. 12; Greek Sculpture: Function, Materials, and Techniques in the Archaic and Classical Periods / Ed. O. Palagia. Cambr., 2006.*
- ⁷⁴ *Onians J. Classical Art and the Cultures of Greece and Rome. New Haven; London, 1999. P. 59. Автор предполагает, что это было вызвано соревнованием полисов друг с другом, проходившим в традиционных формах.*
- ⁷⁵ *Rolley C. La sculpture grecque. P., 1994. 1: Des origines au milieu du V siècle. P. 298.*
- ⁷⁶ *Cahn H.A. Kleine Schriften zur Münzkunde und Archäologie. Mainz, 1975. S. 62.*
- ⁷⁷ *Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. Кат. № 1; Соколов Г.И. Искусство... С. 71, сл., рис. 49.*
- ⁷⁸ *Stewart A. Greek Sculpture... P. 13.*
- ⁷⁹ *Инв. Ф-1569. Савостина Е.А. Голова архаической статуи из окрестностей Фанагории // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения. М., 1999. С. 97—98. Случайная находка из окрестностей городища Фанаго-*
- рия. Передана Фанагорийской экспедицией ИА АН СССР в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1983 г.
- ⁸⁰ Пластический стиль изваяния соответствует малоазийским памятникам второй половины VI в. до н.э. (ср. головы мраморных статуй из Смирны: *Akurgal E. Zur Entstehung der ostgriechischen Klein- und Großplastik // IstMit. 1992. 42. S. 80, Abb. 11; из Эфеса, Галикарнаса и Керамоса). Эти черты сближают время его изготовления с датой мраморной головы кургана из соседних Кеп (конец VI в. до н.э.: *Кобылина М.М. Античная скульптура... Кат. № 1*), хотя в отдельных чертах (монолитность объема, плавное сочленение частей, трактовка объема, материал) стилистика фанагорийской головы более архаична (ср. примеры 560—540 гг. до н.э.: *Kokkorou-Alevras C. Ionian Sculpture of the Archaic Period on Dorian Rhodes // Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecanese / Ed. I. Jenkins, G.B. Waywell. Cambr., 1997. P. 150. Fig. 269, 270, 274, 279, 280.**
- ⁸¹ *Tuchelt K. Didyma: Bericht über die Arbeiten der Jahre 1980—1983 // IstMit. 1984. 34. S. 183, Taf. 56, 1—2.*
- ⁸² С изображением Афины можно идентифицировать также голову позднеклассической статуи, найденную в засыпи пантикапейского колодца: *Tolstikov V.P. Panticapaeum: The Capital City of the Kingdom of Cimmerian Bosphorus in the Light of New Archaeological Studies // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II. P. 707—758.* Фигура сидящей Афины, в которой можно предполагать изображение официальной статуи, встречается на раннеэллинистических монетах Спартокидов вплоть до чекана последнего Перисада. Монеты этого образца восходят к статаграм Лисимаха, где на реверсе изображена та же сидящая богиня.
- ⁸³ Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина: Каталог. М., 1987. № 2. С. 2.
- ⁸⁴ *Ridgway B.S. The Archaic Style in Greek Sculpture. 2nd ed. Chicago, 1993. P. 2, 6.*
- ⁸⁵ *Richter G.M.A. Three Critical Periods... P. 3.*

- ⁸⁶ *Ridgway B.S.* The Severe Style in Greek Sculpture. Princeton, 1970. P. 8.
- ⁸⁷ *Ibid.* P. 10.
- ⁸⁸ *Stewart A.* Greek Sculpture... P. 24.
- ⁸⁹ Как проявление панэллинизма в искусстве рассматривает строгий стиль Кани (*Cahn H.A.* Kleine Schriften... S. 318).
- ⁹⁰ *Rolley C.* La sculpture greque... P. 298. Многие согласны с тем, что Аттика — «это не вся Греция»: *Boardman J.* Greek Sculpture: The Classical Period. L., 1995. P. 94.
- ⁹¹ Инв. П 1а 935. Найден в 1948 г. при сносе кургана близ ст. Сенная: *Кобылина М.М.* Фанагория. С. 37; Античная скульптура... Кат. № 8. С. 42.
- ⁹² Инв. Ф-1601. *Савостина Е.А.* Античное поселение Юбилейное I на Тамани: (предварительные итоги изучения) // СА. 1987. № 1. С. 58–71; Таманский рельеф: Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья: (Монография о памятнике. М., 1999. Т. 1 / Под ред. Е.А. Савостиной, Э. Зимон). С. 22, с подробной библиографией. (Далее — Таманский рельеф...).
- ⁹³ Тема стоящего воина близка надгробным рельефам аттической школы — несомненному лидеру среди греческих мастерских. Она встречается в стелах VI в. до н.э. (надгробие Аристана, Афины, НМ: *Καλτσας Ν. Τα ὑλῦπτα. Καταλογος. Αθήνα, 2001. Кат. No. 100*) и получает широкое распространение особенно в V и IV вв., со времени Пелопоннесской войны: *Knauer E.R.* Mitra and Kerykeion: Some Reflections on Symbolic Attributes in the Art of the Classical Period // AA. 1992. S. 394–399.
- ⁹⁴ *Савостина Е.А.* Античное поселение... С. 70.
- ⁹⁵ *Mrogenda U., Stupperich R.* Zu zwei Neufunden spätklassischer Reliefs aus Südrussland // Boreas. 1988. 11. S. 58–61; *Knauer E.R.* Mitra and Kerykeion. S. 392; *Clairmont Chr.W.* Classical Attic Tombstones. Kilchberg, 1993. Vol. I–VI. No. 2.345. P. 355–356; Таманский рельеф...
⁹⁶ *Knauer E.R.* Mitra and Kerykeion...
⁹⁷ Венчающая часть надгробия в виде шлема коринфского типа, середина IV в. до н.э. ГМИИ, Ф-1619: *Сokolov G.N.* Фанагорийский известняковый шлем // СА. 1972. № 2. С. 184–191, рис. 16.
- ⁹⁸ IG. II². 212; *Καλτσας Ν. Τα ὑλῦπτα. Кат. No. 494. P. 235.*
- ⁹⁹ *Кобылина М.М.* Античная скульптура... С. 172.
- ¹⁰⁰ Эту гипотезу в целом разделяет Эрика Зимон, с поправкой на более раннюю дату создания стелы и соответственно отождествлением младшего персонажа с Метродором: *Зимон Э.* Заключение // Таманский рельеф... С. 228; *Simon E.* Zur Stele von Taman im Pushkin-Museum // Autour de la mer Noir: Hommage a' Otar Lordkipanidzé. P., 2002. P. 221.
- ¹⁰¹ Инв. КМ-6462/1–3. *Савостина Е.А.* Античное поселение... С. 56–70; *Hind J.G.F.* // JHS — ARer. London, 1992/93. 39. P. 106, fig. 27 (фото до реставрации); *Moret J.* Le pierres gravées antiques représentant le port du Palladion. Mainz am Rhein, 1997. P. 119, fig. 264; Таманский рельеф... С. 28, 53, рис. 1, 8.
- ¹⁰² *Harrison E.B.* The South Frieze of the Nike Temple and the Marathon Painting in the Painted Stoa // AJA. 1972. 76. P. 353–354.
- ¹⁰³ *Савостина Е.А.* Таманский рельеф в контексте традиций Боспора и Аттики // Таманский рельеф... С. 268.
- ¹⁰⁴ Инв. Ф-1570. Античная скульптура... С. 186–189, № 124, рис. 124, 1–3 (до реставрации); Боспорский рельеф со сценой сражения: Амазономахия? М., 2001. Т. 2 / Под ред. Е.А. Савостиной. С. 35 (библиография). (Далее — Амазономахия...); *Knauer (Kezia) E.R.* Observations on the «Barbarian» Custom of Suspending the Heads of Vanquished Enemies from the Neck of Horses // AMIT. 2001. 33. S. 283–338; *Bouzek J.* Attic Art of 5th and 4th Century BC and the Art of the Cimmerian Bosphorus // Studia Hercynia. 2003. VII. P. 138–145; *Яценко С.А.* Образы сармато-аланов в искусстве северопонтийских греков // БФ. 2004. Ч. 2. С. 312–324; *Pirson F.* Betrachterinteressen und Identifikationsangebote in Kampfdarstellungen der graeco-skythischen Kunst // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: (Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2–15.2.2003 / Hrsg. von F. Fless und M. Treister. S. 103, Taf. 44–45.
- ¹⁰⁵ *Руденко С.И.* Искусство скифов Алтая. М., 1949. С. 95.
- ¹⁰⁶ Рельеф подробно и в самых разных планах рассматривался авторами посвященной ему монографии, которую пересказывать здесь не представляется возможным (см.: Амазономахия...). Иногда их позиции расходятся довольно значительно, особенно в вопросе датировки — от середины IV в. до н.э. (Р. Штупперих) до II в. до н.э. (И. Бергеман). В виду фрагментарной сохранности рельефа вряд ли окончательно будет определен его сюжет: битва скифов или же «скифская амазономахия». Споры продолжаются, и к мнению И. Бергемана относительно поздней даты рельефа присоединился С.А. Яценко, полагающий, к тому же, что конные сарматы сражаются здесь против пеших скифов (*Яценко С.А.* Образы сармато-аланов... С. 322). С интерпретацией сюжета как амазономахии (он назвал его «скифомахией») и ранней датировкой согласился Я. Боузек (*Bouzek J.* Attic Art... P. 141, f.).
- ¹⁰⁷ *Herod.* IV. 110–116.
- ¹⁰⁸ *Mrogenda U., Stupperich R. u.a.* Zu zwei Neufunden spätklassischer Reliefs... S. 57.
- ¹⁰⁹ *Штупперих Р.* Рельеф с изображением битвы скифов, найденный на Таманском полуострове / Пер. с нем. // Амазономахия... С. 83.
- ¹¹⁰ Как подтвердил В.С. Ольховский, тип вооружения не позднее второй — третьей четверти IV в. до н.э. (Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Амазономахия... С. 149, сл.).
- ¹¹¹ Инв. КЛ-794. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004. Т. I: Античная скульптура. Кат. № 30. С. 76–77. КБН 1111; КБН Альбом.
- ¹¹² *Яйленко В.П.* Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 433.
- ¹¹³ Инв. Ф-940, ГМИИ; Античная скульптура... С. 190. Кат. № 125.
- ¹¹⁴ *Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья... С. 9;

- Коровина А.К. Скульптура Боспора // *Античная скульптура...* С. 100; Соколовский Н.И. К вопросу... С. 245; Соколов Г.И. *Искусство...* С. 204, рис. 162.
- ¹¹⁵ Кобылина М.М. Скульптурный портрет из Фанагории // *СА*. 1962. № 3. С. 213.
- ¹¹⁶ Инв. КЛ-1092 (К-3202). Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника... Кат. № 53. С. 106–107.
- ¹¹⁷ Соколовский Н.И. К вопросу... С. 245.
- ¹¹⁸ Кобылина М.М. Скульптура Боспора // *МИА*. 1951. № 19. С. 184.
- ¹¹⁹ Там же. С. 184. Рис. 8; Соколовский Н.И. К вопросу... С. 246.
- ¹²⁰ Smith R.R.R. *Hellenistic Sculpture*. L., 1991. P. 9.
- ¹²¹ На этих принципах организован материал в монументальном труде Маргарет Бибер, до сих пор остающемся наиболее полным по составу рассмотренных памятников: Bieber M. *The Sculpture of the Hellenistic Age*. 2nd ed. N.Y., 1961.
- ¹²² Pollitt J.J. *Art in the Hellenistic Age*. Camb., 1986. P. 10.
- ¹²³ Stewart A. *Greek Sculpture...* P. 15.
- ¹²⁴ Jockey Ph. *Neither School nor Koine: The Local Workshops of Delos and Their Unfinished Sculpture // Regional Schools in Hellenistic Sculpture: Proceeding of an International Conference held at the American School of Classical Studies at Athens, March 15–17, 1996 / Ed. O. Palagia, W. Coulson. Oxf., 1998 (далее – Regional Schools...)*. P. 177–184; Mattusch C.C. *Rhodian Sculpture: A School, a Style, or Many Workshops?* // *Regional Schools...* P. 149–156.
- ¹²⁵ Smith R.R.R. *Hellenistic Sculpture*. P. 9.
- ¹²⁶ Havelock C.M. *Hellenistic Art*. L., 1971.
- ¹²⁷ Ridgway B.S. *Hellenistic Sculpture*. Madison, 1990. I: *The Styles of ca. 331–200 B.C.* P. 7.
- ¹²⁸ Инв. АМ-10833/61. Алексеева Е.М. *Культы Горгииппии // СА*. 1986. № 4. С. 34–52; Она же. *Античный город Горгииппия*. С. 120, сл., рис. 39; табл. 74 (описание табл. на с. 234).
- ¹²⁹ Таманский музей, б/н. Найдена в 1984 г. при сельскохозяйственных работах на пахотном поле в/с «Южный».
- ¹³⁰ Кругликова И.Т. Мраморная головка Афродиты из Горгииппии // *Новое в археологии*. М., 1972. С. 79–82; Марченко И.Д., *О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира*. М., 1977. С. 121–126; Tsatskheladze G.R., Kuznetsov V.D. *On the Cult of Aphrodite in Kerch // Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman / Ed. G.R. Tsatskheladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass*. L., 2000. P. 353–360; Савостина Е.А. *Торс Афродиты из Фанагории // Историко-археологический альманах*. Армавир; Москва, 1999. Вып. 5. С. 72–77.
- ¹³¹ Савостина Е.А. *Торс Афродиты...* С. 77.
- ¹³² ГИМ. Соколовский Н.И. *Афродита Таманская // Искусство*. 1964. № 7. С. 68–72; Соколов Г.И. *Искусство...* С. 217, рис. 217; LIMC. II, № 646. P. 70; мотив II, тип 7, «Нимфа». Высота 52 см.
- ¹³³ Pollitt J.J. *Art in the Hellenistic Age*. P. 268.
- ¹³⁴ Bieber M. *The Sculpture...* P. 89.
- ¹³⁵ Richter G.M.A. *Three Critical Periods...* P. 33. Richter G.M.A. *Three Critical Periods...*
- ¹³⁶ Соколовский Н.И. *Святынище Афродиты в Кепях // СА*. 1964. № 4. С. 111–118.
- ¹³⁷ Ср.: Romano I.B. *Early Greek Cult Images (Ph.D. Diss.) Univ. of Pennsylvania*, 1980.
- ¹³⁸ От части статуй, некогда украшавших боспорские города и святынища, дошли лишь постаменты. См.: Чубова А.П., Конькова Г.И., Давыдова Л.И. *Античные мастера: Скульпторы и живописцы*. Л., 1986. С. 5; Блаватский В.Д. *Имена мастеров искусства в Северном Причерноморье // Античная археология и история*. М., 1985. С. 165. Судя по надписям на некоторых из них, а также по углублениям, сделанным для установки скульптуры, это были посвящения, предполагавшие установку изваяний богов. Несколько статуй Аполлона были поставлены при Левконе и Перисаде (КБН 1037 – Гермонасса; КБН 6; Блаватская Т.В. *Посвящение Левкону I // РА*. 1993. № 2. С. 34–47). Фигуры Артемиды Эфесской возведены при Перисаде I (344–311 гг.); статуи Афродиты – при Спартоке, сыне Эвмела (304–284 гг. до н.э. – КБН 1043), и в 243 г. н.э. (КБН 1043 – Гермонасса). Некогда на таких же постаментах с надписями стояли и статуи правителей Боспора. Есть указания на то, что в Фанагории была поставлена скульптура Динамии (9 г. до н.э. – 7 г. н.э., см.: КБН 979). В Анапе, неподалеку от статуи закутанного в плащ мужчины была найдена надпись, упоминающая Неокла, правителя Горгииппии (II в. н.э.).
- ¹³⁹ АДЖ. Динамия.
- ¹⁴⁰ Инв. Ф-985. Зеест И.Б. *Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла // Культура античного мира*. М., 1966. С. 77–82, рис. 1 на с. 79; *Античная скульптура...* Кат. № 17. С. 52; Соколов Г.И. *Искусство...* С. 203, рис. 161.
- ¹⁴¹ Pollitt J.J. *Art in the Hellenistic Age*. P. 47.
- ¹⁴² Plin. NH. XXXIV. 61; Smith R.R.R. *Hellenistic Sculpture*. P. 51.
- ¹⁴³ Инв. Ф-1305, Ф-1306, Ф-1571. Найдены в 1970, 1972, 1983 гг. Кобылина М.М. *Античная скульптура Северного Причерноморья*. С. 10–11, рис. XVI; Соколов Г.И. *Архаистические рельефы с Таманского полуострова // ВДИ*. 1975. № 3. С. 80–95; *Античная скульптура...* С. 86–89. Кат. № 47–49; Havelock C.M. *The Archaistic Athena Promachos in Early Hellenistic Coinages // AJA*. 1980. 84. P. 41–50 (No. 50, 63); Hind J.C.F. // *JHS-ARep*. 1984. 30. P. 90, fig. 22; Ridgway B.S. *Hellenistic Sculpture*. T. I. P. 26–27, note 10 on p. 63; *Idem*. *The Study of Classical Sculpture at the End of the 20th Century // AJA*. 1994. 98. P. 462, pl. LXXVII, 11.152 a–b; Соколов Г.И. *Искусство...* С. 436, рис. 314–317; Савостина Е.А. *Архаистический фриз с хороводом нимф, найденный на Азиатском Боспоре // ДБ*. Вып. 2. 1999. С. 184–189.
- ¹⁴⁴ Hind J.C.F. // *JHS-ARep*. 30. P. 90; Ridgway B.S. *Hellenistic Sculpture*. T. I. P. 26, note 10.

- ¹⁴⁵ Архаистика — один из «возвратных» стилей: *Fullerton M.D.* Atticism, Classicism, and the Origins of Neo-Attic Sculpture // *Regional Schools...* P. 93–99.
- ¹⁴⁶ *Ridgway B.S.* The Archaic Style... P. 445.
- ¹⁴⁷ *Harrison E.B.* Archaic and Archaistic Sculpture // *The Athenian Agora*. Princeton; New Jersey, 1965. Vol. XI. Pl. 64; *Dickins G.* Catalogue of the Acropolis Museum. Cambr., 1912. P. 141–143, no. 610; *Havelock C.M.* The Archaistic Athena Promachos... Pl. 8, fig. 8; *Kosmopoulou A.* The Iconography of Sculptured Statue Bases in the Archaic and Classical Periods. Madison, 2002. P. 71. Cat. No. 45, fig. 68–69.
- ¹⁴⁸ *Havelock C.M.* Archaistic Reliefs of the Hellenistic Period // *AJA*. 1964. 68. P. 49.
- ¹⁴⁹ *Савостина Е.А.* Архаистический фриз... С. 187.
- ¹⁵⁰ *Richter G.M.A.* Three Critical Periods... P. 42, ff.
- ¹⁵¹ *Havelock C.M.* Archaistic Reliefs... P. 48.
- ¹⁵² *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2-е изд. СПб., 2001. С. 64.
- ¹⁵³ *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 11.
- ¹⁵⁴ *Boardman J.* Persia and the West... P. 209, f.
- ¹⁵⁵ Ф-373. КБН 1000; Античная скульптура... № 147. С. 212-213; КБН Альбом 1000. С. 381.
- ¹⁵⁶ Можно согласиться здесь с Л.И. Давыдовой в необходимости обоснования понятия и выделения собственно «боспорского искусства» (*Давыдова Л.И.* «Боспорский царь» и другие в контексте «боспорского искусства» // *БФ*. Ч. 1. 2001. С. 154), но нельзя понимать его как аналогию «этрuscoго» или «фракийского» искусства. Этруски и фракийцы представляют собой самостоятельные, отдельные этносы. Термин же «боспорский» обозначает греков, живущих на Боспоре, а не новое племя этнических боспорцев, возникшее в определенном географическом районе.

ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО И ТОРЕВТИКА

М. Ю. ТРЕЙСТЕР

Темой данного очерка являются изделия из благородных металлов (посуда, утварь, элементы оружия, доспеха и конской узда), а также украшения, происходящие как из некрополей античных городов и поселений азиатской части Боспорского государства, так и с территории варварской периферии из меотских и сарматских памятников.

Трудно переоценить значение памятников торевтики и ювелирного искусства для понимания экономики, культуры, идеологии и искусства Азиатского Боспора. Изделия из благородных металлов имели не только высокую материальную ценность, но являлись одновременно предметами социального престижа, в значительной своей части отражая этническое самосознание, идеологию и культуру высших слоев общества. Над созданием их работали зачастую мастера высочайшего уровня, среди которых были как торевты и ювелиры, постоянно проживавшие в городах азиатской части Боспора, так и мастера меотских, синдских и сарматских племен Прикубанья, а также странствующие ремесленники, выходцы из Средиземноморья. Определенная часть рассматриваемых ниже изделий выполнялась специально на заказ, другие памятники являются отражением интенсивных экономических связей этой части Боспорского государства, входившей в широкую орбиту античной цивилизации, а в некоторых случаях наглядным свидетельством конкретных исторических событий — войн, набегов или дипломатических связей.

Необходимость изучения Прикубанья как единого этнокультурного региона, без разделения на памятники античной цивилизации и варварского хинтерланда назрела давно. Этот подход, который был блестяще применен М.И. Ростовцевым¹, впоследствии, к сожалению, постепенно был утрачен в отечественной науке. Сейчас стало совершенно очевидно, что необходимо совместное рассмотрение торевтики и ювелирного искусства, что до сих пор исследователями не предпринималось. Но именно такая творческая позиция абсолютно правомерна: у древних мастеров обычно не существовало узкой специализации, а украшения и предметы торевтики зачастую изготавливали одни и те же мастера, используя в ряде случаев одни и те же инструменты и технические приемы².

К сожалению, во многих археологических, не говоря уже об исторических трудах, произведения ювелирного искусства и памятники торевтики рассматриваются не только отдельно, но и весьма упрощенно, по какому-нибудь одному признаку, произвольно вырванному из контекста, и потому нередко исследования произведений античной торевтики и ювелирного искусства отличаются дилетантским подходом. Зачастую важные археологические комплексы приобретают как ярлыки датировки, данные когда-то исследователями, как правило, без специального анализа погребального инвентаря. Так, например, датировка одного из самых богатых из известных нам погребальных комплексов Боспорского царства первых веков нашей эры склепа П/1975 Горгиппии — датировка в пределах первой половины III в. н.э. повторяется уже на протяжении почти 30 лет³, хотя даже предварительный анализ погребального инвентаря заставляет отнести склеп к более раннему времени — к середине — третьей четверти II в. н.э. и, естественно, предполагает новую историческую интерпретацию⁴. Другой тенденцией является использование неправильно датированных или неправильно атрибутированных изделий в исторических реконструкциях. Пример этого — интерпретация фибул-брошей, находки которых были широко распространены в Прикубанье во II—I вв. до н.э. как дипломатических подарков из Малой Азии или свидетельств участия сарматов в военных походах времени Митридата VI Евпатора⁵. При этом

не проводилась каталогизация находок, их сравнительный анализ, и даже не выяснялся вопрос о том, известны ли подобные находки в комплексах или они являлись случайными в Малой Азии. Специальное исследование таких брошей позволило показать несостоятельность предложенных гипотез⁶.

Данная работа в виду ее ограниченного объема в известной степени является очерком, а не в полной мере аналитическим исследованием, однако в своей значительной части она основана на специальном изучении произведений тореvтики и ювелирного искусства Северного Причерноморья эпохи позднего эллинизма и первых веков нашей эры⁷. Кроме того, автор использует свои собственные наблюдения по различным аспектам тореvтики и ювелирного дела V—IV вв. до н.э., опубликованные ранее⁸, публикации отдельных комплексов, включающих находки сосудов из благородных металлов и ювелирных украшений⁹, статьи, посвященные отдельным находкам или группам находок из них¹⁰, и выставочные каталоги и альбомы¹¹. Особое место занимают, безусловно, работы, посвященные отдельным группам и категориям сосудов¹² и ювелирных украшений¹³.

1. АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Наиболее представительную коллекцию произведений тореvтики и ювелирного искусства второй половины VII — начала VI в. до н.э., т.е. периода до основания на побережье Таманского полуострова первых греческих апойкий, дали раскопки курганов у ст. Келермесской, к северу от Майкопа в Закубанье. Отдельные заслуживающие внимания находки происходят из курганов у станиц Костромская и Ульская.

1.1. Произведения тореvтики

Сосуды представлены двумя золотыми чашами из кургана № I/III, образующими составной сосуд, и двумя серебряными ритонами с золотыми накладками из кургана № III/III.

Чаша. Внутренняя чаша имеет полусферическую форму и украшена розеткой на дне. Выполненные в технике металлопластики и чеканки изображения бегущих, идущих и лежащих птиц и животных (страусы, козлы и козы, тур, олени), а также сцены терзания (лев терзает козла, волк преследует козу) представлены тремя горизонтальными поясами, рельефом внутрь чаши. Внешняя чаша имеет тулово аналогичной формы, но с прямым горлом, обрамленным по краю двумя рельефными валиками. Тулово украшено чеканным рельефным декором: на плечиках — фриз из выпуклостей миндалевидной формы с зубчиками между ними, на тулове — горизонтальные ряды ромбов (рис. 1)¹⁴. Если наружная чаша демонстрирует параллели среди произведений ассирийской и урартской тореvтики IX—VIII вв. до н.э., что уже отмечалось исследователями¹⁵, а также имеет ближайшую параллель в бронзовой чаше VIII в. до н.э. из кургана W в Гордионе во Фригии¹⁶, то декор внутренней чаши в основных своих элементах сопоставляется с новоассирийским искусством эпохи Ашшурбанипала, а манера изображения оленя указывает на ориентацию на скифского заказчика. Не исключено, что при изготовлении составной чаши ассирийским тореvтом была выполнена только внутренняя чаша. Сам же сосуд мог использоваться для горячих ритуальных напитков¹⁷.

Ритоны. Рога для питья представлены одним сосудом с гладким серебряным туловом. Раструб по краю украшен шестью золотыми пластинками в

виде стилизованных цветков лотоса с прочеканным декором в виде поясков, кружков и зубчиков¹⁸. К нижнему концу раструба ритона при реставрации 1949 г. был приклепан серебряный плакированный золотом наконечник в виде скульптурной львиной головки. В таком виде ритон и был издан в обобщающей монографии по Келермесским курганам¹⁹. Высказанное М.И. Максимовой и поддержанное Л.К. Галаниной²⁰ предположение о каподокийском происхождении ритона основано на анализе наконечника, который, возможно, не имеет к нему отношения, а приведенные В.А. Киселем отдаленные параллели в форме накладок на сиро-финикийских чашах вряд ли могут служить основанием для атрибуции²¹.

Второй ритон, нижняя часть раструба с наконечником которого не сохранилась, в верхней части украшен горизонтальными фризами с изображением птиц и козлов. На треугольном поле изогнутой части ритона представлена профильная фигура Великой богини в коленапреклоненном беге с грифонами в руках. Нижняя часть ритона украшена пятью сюжетными композициями, среди них изображения скачущего всадника и льва; схватка героя со львом; бородатый кентавр, несущий ветку с привязанным к ней оленем. Изображения выполнены в технике металлопластики с дополнительной гравировкой (рис. 2)²². Ритон, вероятное всего, относится к изделиям ионийской школы, дата же его, которая М.И. Максимовой была установлена ок. 580—570 гг. до н.э., справедливо подвергается удревнению до середины — второй половины VII в. до н.э.²³.

Среди оружия и предметов вооружения выделяются находки из кургана № I/III.

Меч в ножнах с золотыми обкладками. На обкладке перекрестья изображены крылатые мужские фигуры, стоящие около священных деревьев. Лопать декорирована с двух сторон рельефными головками длинноклювых птиц и фигурой лежащего оленя. На лицевой и оборотной стороне футляра ножен между поясками плетенки представлены одинаковые рельефные чеканные композиции с изображением шествия фантастических зверей с туловищами львов и быков, головами грифонов, львов, быка и крыльями в виде зубастых рыб (рис. 3)²⁴. Предпринявший специальное исследование мечей из Келермесского и Мельгуновского курганов Е.В. Черненко датировал их концом VII в. до н.э.²⁵, Л.К. Галанина — второй половиной VII в. до н.э.²⁶ В декоре мечей выделяются как ближневосточные, так и скифские мотивы, что позволяет предполагать работу для скифского заказчика²⁷. О связи первой группы изображений с искусством Урарту писали многие исследователи²⁸. Работа К. Метдеппенниген показала, что декор келермесского и мельгуновского мечей выполнен в традициях урартского стиля эпохи Русы II и мечи следует датировать временем около середины — третьей четверти VII в. до н.э.²⁹

Церемониальная секира с прямой спинкой и симметрично расширяющимися к концам лезвием и обухом. На торце обуха — скульптурная группа в виде двух пар противоположающихся козлов. Широкое поле обуха украшено фигурами двух противостоящих козлов, поедающих листву древа жизни. На узких сторонах обуха — профильные мужские фигуры в остроконечных шапках с топорами в левых руках, а правые руки подняты вверх. По сторонам проушной части — фигуры лежащих козла и оленя с поджатыми ногами. На верхнем и нижнем торцах рукояти помещены соответственно изображения лежащего оленя и антитетическая композиция с изображением пары кабанов. Остальная часть рукояти украшена изображениями различных животных и фантастических зверей

Рис. 1. Составная золотая чаша из Келермесского кургана № 1/Ш. IX–VII вв. до н.э. ГЭ

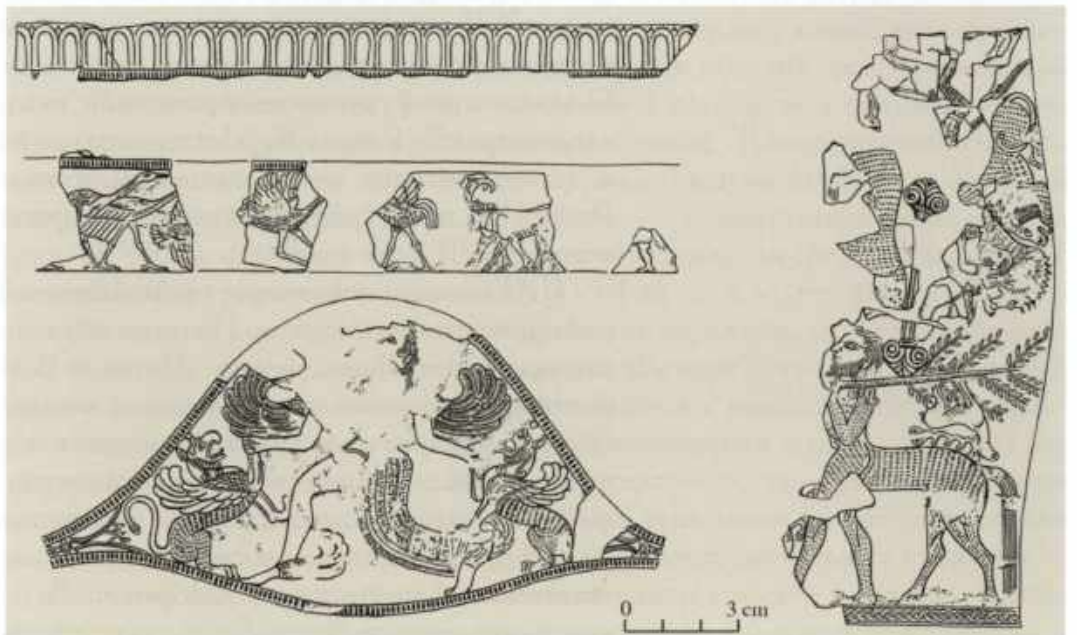

Рис. 2. Серебряный ритон из Келермесского кургана № 3/Ш. VII в. до н.э. ГЭ

Рис. 3. Меч в ножнах с золотыми обкладками из Келермесского кургана № 1/Ш, VII в. до н.э. ГЭ

(рис. 4)³⁰. По мнению В.А. Киселя, секира демонстрирует смешение черт художественных традиций Урарту, Ирана, Ассирии, Северной Сирии, Кавказа и скифо-сибирского мира. Исследователь полагает, что над ее созданием в первой — второй трети VII в. до н.э. работали два мастера, выходцы из Северо-Западного Ирана или с Кавказа, один из которых орнаментировал сам топор, а второй — рукоять³¹.

Пластина — украшение щита³² или горита, или колчана³³ в виде выполненного выколоткой в высоком рельефе контурного изображения стоящей с опущенной головой пантеры с прочеканенными деталями с петлями на обороте. Тело моделировано широкими плоскостями с четкими гранями. Хвост и окончания лап оформлены прочеканенными фигурками маленьких пантер, свернувшихся в кольцо. Обращает на себя внимание декор пластины: глаз в виде круглого углубленного гнезда, инкрустированного белой и серой пастой со зрачком в виде слегка выпуклой черной вставки из гематита. Переднее ухо выполнено в технике перегородчатой инкрустации — V-образные ячейки украшены вставками содового стекла, изначально бирюзового цвета (рис. 5)³⁴. Обращает на себя внимание близкая по размерам и стилю исполнения бляха, но в виде фигуры оленя, лежащего с поднятой головой, найденная в кургане у ст. Костромской³⁵.

Если костромской олень решен в чисто скифской манере, то пантера из келермесского кургана, несмотря на то, что многие исследователи продолжают относить ее к кругу скифского звериного стиля³⁶, входит в круг памятников торевтики, свидетельствующих о связи с искусством Передней³⁷ или Малой³⁸ Азии. Это предположение подтверждается также использованием перегородчатой инкрустации с клаузонами треугольной формы, находящей параллели и

Рис. 4. Секира с золотыми обкладками из Келермесского кургана № 1/Ш. VII в. до н.э. ГЭ

Рис. 5. Золотая пластина с изображением пантеры из Келермесского кургана № 1/Ш. VII в. до н.э. ГЭ

на некоторых других находках из Келермесских курганов, в частности элементах декора мебели (см. ниже). Ближайшие прототипы такого декора мы находим в Ассирии, в том числе среди находок из царских гробниц Нимруда³⁹. Интересно, что треугольные клуазоны украшают и несколько более поздний золотой наконечник в форме головы лошади из Ульского кургана № 2⁴⁰.

Предметы утвари представлены находками из кургана № 4/Ш (зеркало) и № 3/Ш (детали мебели?).

Зеркало в виде литого серебряного диска с фрагментарной центральной петлей по своей форме характерно для изделий скифо-сибирского круга, но дополнительно украшено электровой обкладкой из восьми сегментов с орнаментами и фигурными изображениями: крылатой богини с пантерами, различных животных, птиц и фантастических существ, сцен терзания, выполненными в технике металлопластики с доработкой чеканом (рис. 6)⁴¹. Помимо отмеченных различными исследователями ионийских и скифских изобразительных элементов в орнаментике зеркала⁴² В.А. Кисель пришел к выводу о том, что некоторые изображения имеют прототипы в художественных течениях Востока, прежде всего в сиро-финикийском искусстве, а зеркало, изготовленное в кочевнической среде, было украшено по скифскому заказу мастером выходцем из Малой Азии⁴³. Предложенная М.И. Максимовой датировка зеркала 580–570 гг. до н.э. в настоящее время пересмотрена в сторону удревления до 650–620⁴⁴ и даже до 670–640 гг. до н.э.⁴⁵

Украшением трона, возможно, его ручками⁴⁶ или обрамлением канделябра⁴⁷, является пара втулок с плоской тыльной (с отверстиями для фиксации) и выпуклой лицевой стороной, с напаянными сверху гнездами треугольной и прямоугольной формы, инкрустированными пластинками красного янтаря. К концам припаяны чеканные львиные головки с накладными пластинчатыми «ожерельями» с декором в виде центрального ряда с круглыми гнездами со вставками и боковых рядов, украшенных напаянными колечками с шариками внутри. По бокам к каждому «ожерелью» припаяны чеканные головки баранов, а по центру втулок — стилизованные плоды гранатов или коробочки мака (рис. 7)⁴⁸. Вероятно, также к декору трона или табурета относилась пара чеканных наконечников в виде скульптурных львиных головок, с глазами и «ожерельем», выполненными в виде напаянной рубчатой проволоки⁴⁹. Большинство исследователей видело в этих произведениях элементы трона или табурета ассиро-вавилонского или ассиро-урартского типа, впрочем, параллели в оформлении стилизованных плодов граната среди находок из Ионии дали основание Л.К. Галаниной отмечать, что «в стилистическом оформлении вещей проступают восточногреческие черты»⁵⁰. В настоящее время предположения об ассирийском происхождении этих изделий и их датировка в пределах VIII–VII вв. до н.э.⁵¹ представляются более обоснованными. Использование в декоре напаянной рубчатой проволоки — черта, появление которой связывается специалистами с ювелирными центрами второй половины VII в. до н.э. Северной Ионии, Родоса и Эгейского бассейна в целом⁵², фиксируется также на золотой диадеме из склепа № 3 в Нимруде⁵³.

Рис. 6. Серебряное зеркало с электровой обкладкой из Келермесского кургана № 4/Ш. VII в. до н.э. ГЭ

Рис. 7. Золотые украшения предмета мебели из Келермесского кургана № 3/Ш. VIII–VII вв. до н.э. ГЭ

1.2. Произведения ювелирного искусства

Они представлены главным образом *диадемами* в виде лент, вырезанных из золотого листа, с дополнительными украшениями. Одна из двух диадем, найденных в кургане № 1/Ш, орнаментирована рядами малых и крупных жемчужин, прочеканенных с оборота. На месте крупных жемчужин припаяны пятилепестковые цветки с пластинчатыми кастами для вставок в центре⁵⁴. К верхнему и нижнему краям второй диадемы приклепаны тисненные бляшки в виде фигурок птиц, дисков и розетт, выступающие за контур ленты, некоторые из них дополнительно украшены зернью. В центре диадемы напаяна розетта с янтарной вставкой, по сторонам от нее — тисненные фигурки птиц, украшенные зернью, чередующиеся с розетками; по краям — розетты, выполненные зернью⁵⁵. Первая из них, как правило, сопоставляется с находками из Зивие⁵⁶, по поводу второй высказывается мнение о промежуточном положении между изделиями ювелиров Ближнего Востока и Ионии⁵⁷. Действительно, среди известных нам диадем с накладными розетками, относящихся к так называемой «родосской школе» ориентализирующего стиля⁵⁸, не известны образцы, украшенные приклепанными бляшками, выходящими за контур лент.

Более сложным декором выделяется диадема из кургана № 3/Ш. В центре она увенчана скульптурной головкой грифона, вставленной в пластинчатую муфту и украшенной филигранью. Лента декорирована напаянными розетками, с инкрустацией из голубой эмали в центре. По нижнему краю лента украшена полыми каплевидными подвесками на проволочных колечках, а к петлям для завязывания на цепочках подвешены скульптурные головки баранов (рис. 8)⁵⁹. Эту диадему связывают с ионийской школой⁶⁰ или шире — с малоазийскими центрами торевтики VIII — середины VII в. до н.э.⁶¹ В пользу таких сопоставлений свидетельствуют довольно многочисленные ювелирные украшения с Мелоса и Родоса, элементами которых являются стилистически близкие скульптурные головки грифонов, украшенные зернью и филигранью⁶². В то же время,

Рис. 8. Золотая диадема с головкой грифона из Келермесского кургана № 3/Ш. VIII–VII вв. до н.э. ГЭ

довольно грубо исполненные восьмилепестковые розетты с остроко-
нечными лепестками отличаются от подобных по форме розетт на юве-
лирных украшениях с Мелоса и Родоса, практически всегда семилепе-
стковых, а полые подвески диадемы зерновидной формы не имеют ни
одной параллели среди рассмотренных выше украшений — подвески
ювелирных изделий ориентализирующего стиля Малой Азии и островов
всегда выполнены в форме полого шарика⁶³ или плода граната⁶⁴. Впро-
чем, подобные подвески известны среди находок из Эфеса⁶⁵ и восточной
части Лидии⁶⁶.

1.3. Общие замечания

В 1950-е годы М.И. Максимова, посвятившая специальные иссле-
дования ритону и зеркалу из Келермеса, пришла к выводу, что
это были работы одного мастера, грека из Эолии или Северной
Ионии, работавшего на Тамани или в Закавказье ок. 580–570 гг. до н.э.⁶⁷
Предположения об изготовлении шедевров торевтики из Келермесско-
го кургана на Боспоре в VI в. до н.э. высказывались вплоть до недавнего
времени, в том числе такими авторитетными учеными, как Д. Бордман,
хотя он не исключал возможности изготовления таких изделий греческим
торевтом, вероятнее всего, ионийцем, и непосредственно в Скифии⁶⁸.
Вероятное малоазийское происхождение торевта косвенно подтверж-
дается стилистически близкими изображениями на серебряных алабастрах
из Лидии⁶⁹.

В целом характерно, что происходящие из памятников VII в. до н.э. в
Прикубанье ювелирные изделия были изготовлены на Ближнем Востоке,
возможно, в Ассирии и в Малой Азии в VIII–VII вв. до н.э. В значитель-
но меньшей степени это касается памятников торевтики, преимущественно
деталей мебели или утвари, которые, вероятнее всего, использовались ски-
фами не по их первоначальному назначению. Что же касается большинства
других произведений торевтики, таких, как предметы оружия (меч, секира,
декоративные бляхи щитов или горитов), сосуды (чаша и ритоны) и зер-
кало, т.е. все основания считать их изделиями урартских, иранских и мало-
азийских торевтов, выполненными для скифских заказчиков⁷⁰ во второй —

третьей четверти VII в. до н.э.⁷¹ По мнению Л.К. Галаниной, на Ближнем Востоке могло существовать несколько таких мастерских⁷². Однако наличие повторяющихся стилистических элементов на изделиях, выполненных в разных художественных традициях⁷³, все же скорее свидетельствует в пользу гипотезы об одной мастерской, в которой могли работать торевты разного происхождения. Вероятно, эта «скифская мастерская», объединявшая торевтов из Урарту, Ирана, Лидии и Ионии, могла находиться при ставках скифских царей во время переднеазиатских походов, хотя высказывались и предположения о работе таких мастеров при скифской ставке в Прикубанье⁷⁴.

2. КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

2.1. Произведения торевтики

В грунтовых и курганных некрополях азиатской части Боспорского государства не известны находки посуды и утвари из благородных металлов. В отличие от некрополей греческих городов Таманского полуострова курганные могильники Прикубанья V — первой половины IV в. до н.э. дали целую серию произведений торевтики. Наиболее выдающиеся памятники этой эпохи происходят из Семибратних и Уяльских курганов, а также из так называемого «Майкопского комплекса».

Ритоны. Среди пяти ритонов из Семибратних курганов⁷⁵ выделяется ахеменидский серебряный ритон с протомой крылатого козла и рогом с горизонтальным рифлением и гравированным декором (рис. 9)⁷⁶ из кургана № 4. Другие рога для питья из Семибратних курганов (за исключением золотого с наконечником в виде протомы прыгающей собаки и рога, верхняя часть которого украшена перьевым орнаментом, а средняя — декором из двойных или тройных ромбов⁷⁷) однотипны и имеют наконечники в виде

Рис. 9. Серебряный ритон с протомой крылатого козла из Семибратнего кургана № 4. VI–V вв. до н.э. ГЭ

Рис. 10. Серебряный ритон с протомой Пегаса из Уляпского кургана № 4. V в. до н.э. ГМБ

Рис. 11. Серебряная фиала из Семибратнего кургана № 2. VI–V вв. до н.э. ГЭ

головки барана⁷⁸ или льва⁷⁹. В ритуальном комплексе Уляпского кургана № 4 были найдены серебряный ритон с протомой Пегаса, украшенный накладками и фризом со сценами гигантомахии (рис. 10)⁸⁰ (о месте и времени его изготовления были высказаны различные точки зрения⁸¹), а также золотой рог с наконечником в виде головки льва и сильно расширяющимся раструбом, украшенный накладной пластиной с филигранным декором⁸². Наконечник этого рога был, вероятно, выполнен в той же форме, что и наконечники рогов из «Майкопского комплекса»⁸³. Кроме того, в Семибратних курганах № 2⁸⁴ и 4⁸⁵, очевидно, были роговые сосуды, украшенные накладными золотыми пластинами треугольной формы со сценами терзания. Пластины с изображением орла, терзающего рыбу, известны и из «Майкопского комплекса»⁸⁶. За исключением ахеменидского ритона из 4-го Семибратнего кургана и ритона с протомой Пегаса из Уляпского кургана № 4, остальные ритоны из Семибратних и Уляпских курганов, а также из «Майкопского комплекса» были, вероятнее всего, изготовлены около середины V в. до н.э. в Прикубанье⁸⁷.

Фиалы. Серебряная фиала с фризом в виде головок силена вокруг омфала из Семибратнего кургана № 2 (рис. 11)⁸⁸ относится к типу, получившему распространение в Малой Азии, в Северном и Западном Причерноморье⁸⁹. К нему принадлежит также фиала из «Майкопа» в Берлине с фризом перьевого орнамента вокруг омфала⁹⁰, дополнительно украшенная гравированным изображением головки хищной птицы, а также серебряная фиала с омфалом, украшенным изображением змеи и тисненными протомами оленей на стенках⁹¹, которая попала в Прикубанье сложным путем, — через святилище Аполлона Гегемона в Фасисе (рис. 12)⁹². Указанные фиалы по своей форме обнаруживают близость к фиалам лидийского типа с палочным орнаментом вокруг омфала и известным по находкам конца VI — первой половины V в. до н.э. из Лидии, Троады, некрополей Саирхэ в Грузии и Синдоса в Македонии⁹³. К другому типу фиал, возможно, изготовлявшемуся на Балканах, относится фрагментарная серебряная фиала из ритуального комплекса Уляпского кургана № 4, поверхность которой украшена чередующимися миндалевидной формы выпуклостями, между которыми помещены изображения цветков лотоса⁹⁴. Две почти идентичные фиалы происходят из комплексов первой четверти V в. до н.э. в Македонии⁹⁵. Наконец, еще одна фиала, предположительно найденная в 1930-е годы в грабительских раскопках курганов в бассейне р. Белой, принадлежит к очень редкой группе серебряных сосудов с гравированными сюжетными изображениями с позолотой (см. ниже о киликах, выполненных в этом стиле). Вокруг омфала расположены фризы овов, масок силена и лесбийского киматия, а на основном фризе представлены сцены с изображением 12 фигур сатиров и менад, участников Дионисийских мистерий (рис. 13)⁹⁶. Ближайшей параллелью фиале по форме и декору основного фриза является фиала середины V в. до н.э. из Башовой Могилы во Фракии⁹⁷.

Килики. Семибратние курганы дали серию из четырех серебряных киликов с гравированными сюжетными изображениями на донцах; фигу-

Рис. 12. Надпись на серебряной фиале из кургана № 1 у хут. Зубова. Прорисовка В.И. Мордвицевой

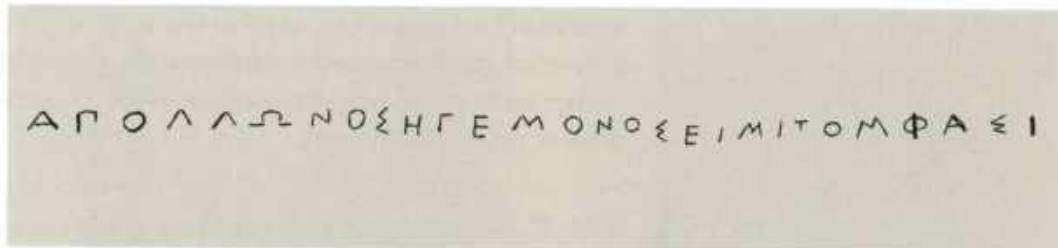

Рис. 13. Серебряная с позолотой фиала. V в. до н.э. Майкоп, Национальный музей Республики Адыгея. Фото И.В. Ксенофонтовой

Рис. 14. Серебряный килик с гравированным декором из Семибратнего кургана № 6. V в. до н.э. ГЭ.

Рис. 15. Серебряный кубок из ритуального комплекса № 1 Уляпского кургана № 1. ГМВ

ры и элементы декора дополнительно украшены позолотой⁹⁸ (сидящая на табурете Ника на килике ок. 470 г. до н.э. из кургана № 4⁹⁹; эпизоды мифа о Беллерофонте на килике из кургана № 2¹⁰⁰; Дионис и его спутники — на килике из «Малого» кургана¹⁰¹, оба килика относят ко второй четверти V столетия; трехфигурная композиция, возможно, с изображением сцены из трагедии Софокла — с сидящей в трауре Антигоной справа и стоящим слева царем Фив Креоном¹⁰² — на килике из кургана № 6 (рис. 14)¹⁰³). До сих пор, как правило, предполагается аттическое изготовление киликов¹⁰⁴ (относительно килика из кургана № 6, который датируют третьей четвертью V в. до н.э., высказывались также точки зрения о его изготовлении в ионийской мастерской)¹⁰⁵, хотя аналогичные по технике и декору серебряные сосуды непосредственно в Аттике не известны — ближайшими параллелями серебряным сосудам из Семибратних курганов являются чаши из богатых подкурганых погребений Фракии¹⁰⁶.

Кубки. Серебряный кубок яйцевидной формы, с розеткой на донце, орнаментированным туловом и сценой преследования копытного животного львом на горле происходит из ритуального комплекса № 1 Уляпского кургана № 1 (рис. 15)¹⁰⁷. По своей форме он находит параллели среди металлических сосудов из Лидии и Колхиды; декор кубка обнаруживает близость к декору кубка из Саирхэ в восточной части Колхиды¹⁰⁸.

Декоративная пластина горита. Серебряная бляха с изображением оленя и олененка в верхней части, под которыми помещено изображение орла вниз головой, терзающего зайца (рога оленя, крылья и хвост орла покрыты золотой фольгой) из Семибратнего кургана № 2 (рис. 16)¹⁰⁹, определялась вначале как нагрудное украшение панциря, но более убедительным представляется определение пластины как украшения горита¹¹⁰. По стилистическим

Рис. 16. Серебряная бляха из Семибратнего кургана № 2. VI–V вв. до н.э. ГЭ

признакам (например, оформление хвоста) бляха сопоставима с некоторыми другими памятниками торевтики из Семибратних курганов, например, упомянутыми выше обкладками ритонов, и, вероятно, была изготовлена в одной из местных мастерских.

2.2. Произведения ювелирного искусства

В богатых женских погребениях середины V — первой половины IV в. до н.э. курганных некрополей Фанагории¹¹¹ и Гермонассы¹¹², а также грунтовых некрополей Гермонассы¹¹³ и Кеп, были найдены ювелирные украшения, представленные серьгами и височными подвесками, ожерельями, браслетами¹¹⁴ и перстнями¹¹⁵. Остановимся подробнее на наиболее значимых находках.

Серьги. Золотые или серебряные спиралевидные подвески с наконечниками из накладных пластинок с филигранным декором и пирамидками из шариков зерна получают сравнительно широкое распространение в середине V — середине IV в. до н.э.¹¹⁶ и представлены находками из курганного некрополя Фанагории¹¹⁷, а также курганного и грунтового некрополя Гермонассы¹¹⁸. Подобные бронзовые подвески, обтянутые золотым листом, были найдены на груди воина, погребенного в Семибратнем кургане № 6¹¹⁹. Предполагают, что они использовались в качестве височных подвесок (П.Ф. Силантьева) или серег (Д. Вильямс). Последняя точка зрения опирается на изображение таких украшений на монетах ликийского династа середины V в. до н.э.¹²⁰ Гипотеза об изготовлении этих подвесок в боспорских мастерских находит подтверждение находками литейных форм в Нимфее¹²¹.

Ожерелья. Золотые округлой формы бусины, спаянные из двух половинок, оттиснутых в матрицах, украшенные филигранным декором, а также композициями из шариков зерна, получают распространение со второй половины V в. до н.э. и бытуют вплоть до конца IV в. до н.э.¹²² На азиатской стороне найдено три из одиннадцати подобных находок на Боспоре, каталогизированных П.Ф. Силантьевой¹²³, при этом бусы, украшенные филигранными пальметтами, представлены единственной находкой из Семибратнего кургана № 6 (рис. 17); предположительно они относятся к аттической продукции¹²⁴.

Ожерелье из чередующихся бус и зерновидных подвесок из Семибратнего кургана № 2¹²⁵ по своей структуре принадлежит к типу украшений, известных в курганном некрополе Нимфея¹²⁶ и в скифских комплексах Приднепровья¹²⁷. Подобные по структуре ожерелья, в которых такие пронизи-подвески чередовались с бусами, известны в V в. до н.э. и в Малой Азии; правда, декор подвесок малоазийских ожерелий — иной¹²⁸. Аналогичные зерновидные подвески использовались в ожерельях различных типов, происходящих из погребений V в. до н.э. как курганного некрополя Нимфея¹²⁹, так и из скифских курганов Поднепровья¹³⁰.

Подвески. Из погребения девочки второй половины V в. до н.э. грунтового некрополя Кеп происходит золотая подвеска в виде скульптурной головки льва (рис. 18)¹³¹. Типологически близка ей золотая подвеска из Уляпского кургана № 1¹³², предположительно изготовленная в той же форме, что и наконечники рогов из Уляпского кургана № 4 и «Майкопского комплекса»¹³³. Однако форма уха (полукруглого), трактовка пасти и гривы скорее сближают подвеску из Кеп с наконечниками гривен в виде головок

Рис. 17. Бусы, украшенные филигранными пальметтами, из Семибратнего кургана № 6. V–IV вв. до н.э. ГЭ

Рис. 18. Золотая подвеска в виде скульптурной головки льва из некрополя Кеп, V в. до н.э. ГИМ

львов из скифских комплексов IV в. до н.э.¹³⁴ С подвеской второй половины V в. до н.э., происходящей с острова Родос¹³⁵, кепскую подвеску объединяет подобное оформление шва рельефной части с задней пластинкой в виде рубчатой проволоки.

2.3. Общие замечания

В целом среди произведений торевтики и ювелирных изделий классического времени, найденных на территории Азиатского Боспора, преобладают изделия, которые можно приписать боспорским мастерским. К импортам относится серия серебряных аттических киликов, предположительно аттическое ожерелье и ахеменидский ритон из Семибратних курганов. Фиалы из Семибратнего кургана № 2 и Зубовского кургана № 1, вероятно, были выполнены в малоазийских, а фиала из Уляпского кургана № 4 — в северогреческой мастерской.

3. РАННИЙ ЭЛЛИНИЗМ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ IV – НАЧАЛО III в. до н.э.)

3.1. Произведения торевтики

Наиболее значительные памятники торевтики рассматриваемой эпохи из некрополей Таманского полуострова происходят из кургана на Зеленой горе¹³⁶. В Закубанье основные находки серебряных сосудов и утвари относятся к кургану Карагодеуашх, в мужском погребении которого были найдены три ритона, черпак, ситечко, два килика и фрагментарная серебряная с позолотой фиала¹³⁷, а в женском — серебряный кубок и медальон от кубка¹³⁸.

Восемь серебряных сосудов из погребения № 3 в Зеленском кургане, которое относят к началу III в. до н.э., — самая ранняя находка набора столового серебра в античных некрополях азиатской части Боспора¹³⁹. Богатство форм (лекиф класса Талькот, канфар, килик на низком поддоне и высокими закрученными ручками, фиала, ситула, черпак, ситечко, формиск) находит параллель с сериями сосудов из македонских гробниц в Вергине и Дервени. Большинство форм сосудов характерно для богатых македонских гроб-

Рис. 19. Серебряный формиск из Зеленского кургана, IV в. до н.э. ГЭ

ниц последней четверти IV в. до н.э. (Дервени, Паппа, Арзос, Потидея). Некоторые, такие, как формиск (рис. 19)¹⁴⁰, уникальны или относятся к сравнительно редким разновидностям своей категории, например, ситечко, с одной из ручек, оформленных в виде изогнутого стержня с лебединой головкой на конце, и другой — короткой, петлевидной формы¹⁴¹; это находит ближайшую параллель в «княжеском» погребении середины IV в. до н.э. в Иллирии и имеет этрусские прототипы. Некоторые сосуды датируются значительно более ранним временем, чем сами захоронения; показательно, что эти сосуды представлены как в Зеленском кургане, так и в македонских погребениях.

По своему набору и происхождению серебряные сосуды из Карагодеуашха близки сосудам из Зеленского кургана. Многие из них, например, кубок с лепестковым орнаментом в нижней части тулова, фризами плетенки и лесбийского киматия¹⁴²; внутренний медальон кубка с изображением женской головки (рис. 20)¹⁴³, ситечко и черпак с ручками, украшенными лебедиными головками¹⁴⁴, находят многочисленные параллели в погребениях второй половины IV — начала III в. до н.э. Македонии и Фракии¹⁴⁵. Фрагментарная, покрытая золотой фольгой фиала из Карагодеуашха (рис. 21)¹⁴⁶ украшена вокруг омфала несколькими фризами: из чередующихся пальметт и цветков лотоса, в виде гирлянды из побегов и листьев плюща, лесбийского киматия, находящимися параллели на произведениях торевтики из Македонии, Фракии и скифских курганов Приднепровья¹⁴⁷. А. Лаппо-Данилевский опубликовал лишь один из киликов, найденных в Карагодеуашхе¹⁴⁸. По своей форме килик отличается от большинства серебряных киликов, многочисленные находки которых известны в скифских курганах Северного Причерноморья IV в. до н.э.¹⁴⁹ и относится к типу аттических «асгосипс»¹⁵⁰. Среди серебряных киликов — его ближайшая параллель — кубок середины IV в. до н.э. из тайника Чмыревой Могилы с золотым медальоном на донце, с туловом, нижняя часть которого украшена вертикальными канелюрами¹⁵¹.

Особо следует указать на три серебряных ритона с гравированными фризами из Карагодеуашха¹⁵², которые имеют характерную форму — рог

Рис. 20. Внутренний медальон кубка из Карагодеуашха. IV—III вв. до н.э. ГЭ

слабо изогнут, у одного из ритонов, так называемого «малого», сохранился наконечник в виде бараньей головки, а под краем проходит фриз из пальметт, поочередно ориентированных вверх и вниз¹⁵³. На «среднем» ритоне — фриз с изображением сцен терзания, в частности двух пантер, напавших на оленя, и льва, пожирающего какое-то животное, в верхней части¹⁵⁴ и фриз с изображением уток с распростертыми крыльями¹⁵⁵. «Большой» ритон украшен особенно богато: нижняя часть рога покрыта рядами перьевого орнамента, а сцена основного фриза с изображением противостоящих всадников обрамлена сверху фризом растительного орнамента, а снизу — фризом, изображающим уток¹⁵⁶. Центральная сцена заслуживает особого внимания: всадник, изображенный слева, держит в правой руке ритон, а левой опирается на длинный скипетр или копье. Подъезжающий справа всадник поднял вверх руку; под ногами коней лежат обезглавленные трупы двух воинов¹⁵⁷. Изображение интерпретируется как сцена инвеституры¹⁵⁸, прославления отличившегося в бою воина¹⁵⁹ или адорации перед вступлением в священный брак с женским божеством¹⁶⁰. По своей форме карагодеаушские ритоны отличаются от других металлических ритонов из скифских погребений второй половины IV в. до н.э., для которых характерен рог со значительно более сильно выраженным перегибом. Кроме того, «средний» и «большой» ритон объединяют выполненные в близкой манере фризы с изображением водоплавающих птиц, а также трактовка листьев с зигзагообразными краями. По технике декора и его месторасположению они находят параллели на ритонах третьей четверти IV в. до н.э. из Дуровки¹⁶¹ в Среднем Подонье и Соболевой Могилы¹⁶² в Приднепровье. Есть основания полагать, что кроме серебряных ритонов в мужском погребении Карагодеуашха был и роговой или серебряный ритон, от которого сохранился золотой наконечник в виде трубки с головкой барана¹⁶³ и к которому, вероятно, относилась золотая обкладка с изображением пегасов по сторонам от пальметты¹⁶⁴, а также треугольная пластина с композицией из головок грифонов, по форме напоминающая пластины из Семибратних курганов¹⁶⁵.

Рис. 21. Фрагментированная серебряная фиала из Карагодеуашха. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 22. Фрагмент серебряной позолоченной обкладки горита из Карагодеуашха. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 23. Накладка в виде золотой пластины с изображением головы Афины Парфенос из Малой Близницы. IV в. до н.э. ГЭ

Обкладка горита. Сохранившаяся во фрагментах серебряная позолоченная обкладка горита из Карагодеуашха (рис. 22)¹⁶⁶ находит ближайшую параллель в золотой обкладке из так называемой «гробницы Филиппа» в Вергине (Македония)¹⁶⁷. Для изготовления накладок использовались отдельные матрицы, при помощи которых была набрана вся композиция: вертикальные края матриц заметны на двух основных фризах со сценами сражения на хорошо сохранившейся обкладке из Вергины¹⁶⁸, над которыми помещен фриз из летящих уток. На одном из выступов горита помещено изображение стоящей фигуры в шлеме с султаном, панцире, со щитом и с копьем. Другой выступ заполнен отдельными изображениями стоящих фигур, круглых щитов, шлемов и букраниев. Сцены на горитах карагодеуашхского типа интерпретируются либо как эпизод мифа троянского цикла (при этом с неизвестными иконографическими прототипами)¹⁶⁹, или, как было предложено сравнительно недавно, как сцена нападения эпигонов на святилище кабиров в Фивах, миф, известный в изложении Павсания (9.25.7)¹⁷⁰. Наконец, К. Штелер пришел к заключению о том, что, как и на обкладках горитов чертомлыцкого типа, сцены на обкладках горитов карагодеуашхского типа представляли эпизод иранского или скифского мифа¹⁷¹.

Накладка в виде золотой пластины с фронтальным изображением головы Афины Парфенос в шлеме с султаном, с изображением двух извивающихся змей, с ожерельем из бус округлой формы на шее из Малой Близницы (рис. 23)¹⁷² не привлекала внимания исследователей. Однако сравни-

тельно недавно Ю.А. Виноградов¹⁷³ абсолютно справедливо сопоставил его с изображением головы Афины на щитках куль-обских подвесок¹⁷⁴. Сам предмет мог быть частью поножи, закрывающей колено, подобно бронзовым поножам из погребения фракийского царя Севта III в кургане Голямата Косматка, наколенные части которых также украшены стилистически близкими рельефными изображениями головы Афины Парфенос¹⁷⁵. Очевидно, что значение этого памятника для истории Азиатского Боспора велико, однако какие-либо выводы можно сделать лишь после его полноценного введения в научный оборот.

Обкладка точильного камня, найденного в Малой Близнице¹⁷⁶, по своему филигранному декору близка украшению аналогичных предметов из Куль-Обы¹⁷⁷ и особенно из Талаевского кургана¹⁷⁸. При этом декор из пальметт, соединенных S-видными завитками и ориентированных в противоположную сторону, в филигранном исполнении находит параллели на фризах, украшающих диски височных подвесок с изображением Нереиды на гиппокампе из Большой Близницы¹⁷⁹.

3.2. Произведения ювелирного искусства

Наиболее значительные материалы происходят из курганов Таманского полуострова: Большой (прежде всего из гробницы № 1, погребение в которой часто обозначают как «погребение жрицы Деметры», а также из двух каменных ящиков, прежде всего из каменного ящика № 5 или так называемой «гробницы третьей дамы»¹⁸⁰) и Малой Близниц¹⁸¹, а также кургана на Зеленской горе¹⁸². Из памятников хинтерланда заслуживают внимания материалы из Карагодеуашха¹⁸³ и Курджипского кургана¹⁸⁴.

Украшения головного убора. Особого внимания заслуживает невысокий, слегка расширяющийся кверху золотой калаф из гробницы № 1 Большой Близницы (рис. 24)¹⁸⁵; он образован пластинами листового золота, нашитыми на основу из войлока, кожи или ткани с обручем внизу. На пластины между двумя орнаментальными фризами были приклепаны девять контурных бляшек со сценами сражения аримаспов с грифонами. Низкие калафы греческого типа¹⁸⁶ (по форме близка пластина калафа из погребения в Старшем Трехбратнем кургане на хоре Нимфея¹⁸⁷) отличаются от высоких головных уборов, расшитых рядами бляшек или пластин, которые были найдены в скифских погребениях степи¹⁸⁸. Украшения головного убора могли дополнять-

Рис. 24. Золотой калаф из склепа № 1 Большой Близницы. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 25. Золотая пластина
головного убора из Карагодеуашха.
IV в. до н.э. ГЭ

ся золотой стеленгидой из листового золота, подобно находке из склепа № 1 Большой Близицы с изображением прядей волос с рельефными изображениями Ники на концах¹⁸⁹ или находке из погребения «третьей дамы» в том же кургане¹⁹⁰.

Золотая пластина головного убора треугольной формы была найдена около черепа женщины, погребенной в Карагодеуашхе, и изначально была нашита на высокий головной убор. Пластина украшена тремя горизонтальными фризами. В нижнем ряду представлена сидящая женщина в длинной одежде и в высоком конусообразном головном уборе. Справа от нее изображен юноша, который правой рукой подносит ей ритон. Изображенный слева безбородый мужчина протягивает ей круглодонный кубок. За спиной сидящей женщины видны две стоящие задрапированные женские фигуры. В среднем ярусе пластины представлена en face колесница, запряженная парой коней, и сидящая в ней верхняя часть мужской фигуры в хитоне с V-образным вырезом. Вверху — женская фигура в длинных одеждах (рис. 25)¹⁹¹. Е.А. Савостина справедливо сопоставляет сцену на пластине с сюжетом надгробной из стелы из Старшего Трехбратнего кургана¹⁹².

Совершенно очевидно, что для украшения пластины были использованы различные матрицы; при этом были выбраны сцены, персонажи которых неполностью вписывались в контуры предмета. Отдельные элементы декора (точечный орнамент в виде «бегущей волны» и групп из трех точек на одеждах персонажей нижнего фриза) и композиции промежуточных фризов (грифоны в геральдической позе) находят параллели соответственно в декоре обложек мечей чертомлыцкого типа и обложек горитов чертомлыцкого и карагодеуашхского типов¹⁹³, а также на пластинах калафов из Чертомлыка¹⁹⁴ и Толстой Могилы¹⁹⁵.

Венки. Погребальные венки, относящиеся к типам, получившим распространение по всему античному миру и, вероятно, изготовливавшиеся в местных мастерских, представлены редкими находками, стебли которых выполнены из золотых трубочек, в отверстия которых вставлены черешки, образующие одно целое с листьями. Венок с листьями оливы происходит из Большой

Рис. 26. Пара височных подвесок
из склепа № 1 Большой Близицы.
IV в. до н.э. ГЭ

Близницы¹⁹⁶, подобный — с листьями и плодами — из Малой Близницы¹⁹⁷. Фрагментарный веноч в виде веточки с листьями дуба и желудями найден в кургане на Зеленской горе¹⁹⁸.

Височные подвески. Пара височных подвесок в виде дисков, украшенных изображениями Нереиды на гиппокампе, снабжена дополнительными подвесками в виде гирлянды из цепочек, образующих ромбовидную сетку с накладными розетками в местах пересечения звеньев, а также пятью рядами зерновидных подвесок (рис. 26)¹⁹⁹. Ближайшей параллелью подвескам являются аналогичные украшения из Куль-Обы с дисками, украшенными бюстом Афины²⁰⁰.

Серьги. Серьги в форме дисков с декором из филиграни и зерни имели подвески различной формы. Две пары серег из Большой Близницы — из склепа № 1 (рис. 27) и гробницы «третьей дамы» — ладьевидной формы с дополнительными подвесками в виде двух рядов зерновидных подвесок, соединенных цепочками²⁰¹, серьги из каменного ящика № 5 в виде пирамидки основанием вверх с рельефной фигуркой варвара на ней и боковые в виде зерновидных подвесок на цепочках (рис. 28)²⁰². Серьги с центральными подвесками в виде пирамидок и дополнительными подвесками и украшениями в качестве ближайших параллелей имеют украшения из Ким в Малой Азии, предположительно происходящих из комплекса с золотым статером Александра Македонского 330—325 гг. до н.э.²⁰³ Серьги с подвесками ладьевидной формы относятся к группе серег «роскошного стиля»²⁰⁴, которые, как правило, украшены богатыми скульптурными композициями в миниатюре с изображением Нереид, Ник или колесниц²⁰⁵. Большинство находок таких серег происходит с территории Северного Причерноморья преимущественно Боспорского царства (Феодосия, Куль-Оба, Большая Близница); известны также единичные находки в районе Дарданел, в Южном Причерноморье (Ризе), а также в Македонии (Дервени), Фракии (Враца) и на острове Крит²⁰⁶. И.И. Саверкина рассматривала их в качестве продукции мастерских Малой Азии и Северной Греции²⁰⁷.

По своему декору и форме щитка с серьгами двух рассмотренных выше групп связаны серьги в виде дисков, украшенных растительным орнаментом из филиграни и зерни, со штифтами. Пара таких серег, найденная в трупо-

Рис. 27. Пара серег из склепа № 1 Большой Близницы. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 28. Пара серег из каменного ящика № 5 Большой Близницы. IV в. до н.э. ГЭ

сожжении в кургане, раскопанном в 1855 г. на Таманском полуострове²⁰⁸, находит сравнительно многочисленные параллели в Малой Азии (Кимы) и на Кипре; отдельные находки таких серег, датирующихся второй половиной IV в. до н.э. происходят из Северной Греции, Южной Италии и Египта²⁰⁹. Интересно, что серьга такого типа представлена на форме для терракот в виде богини Кибелы из Олинфа²¹⁰.

Золотые серьги в виде дисков с пирамидальными подвесками, украшенные парными шариками зерни, из Карагодеуашха²¹¹ относятся к так называемому «типу Кимы» или «варианту с зернью»²¹², который получил распространение почти исключительно в Западной Малой Азии и Северной Греции во второй половине IV в. до н.э.²¹³ В качестве подвески серьги использовалась чрезвычайно выразительная золотая фигурка сирены, играющей на двойной флейте, найденная в кургане на Зеленской горе²¹⁴.

Ожерелья. В рассматриваемую эпоху получают распространение два основных типа ожерелий. Основу первого типа составляли бусы или чередующиеся бусы и пронизы, подвески зерновидные, основу второго — тесьма из нескольких переплетенных между собой цепочек, подвески — зерновидные или в виде буковых орешков. В качестве наконечников ожерелий могли использоваться львиные головки с манжетами, украшенными филигранным декором, или коробочки с филигранным декором в виде пальметт. Использование бус как основы ожерелья, с одной стороны, и зерновидных подвесок, подобных по декору подвескам ожерелий с тесьмой — с другой, позволяет рассматривать ожерелья с основой из бус как промежуточное звено между ожерельями середины V — первой половины IV в. до н.э. и упомянутыми выше ожерельями «роскошного стиля».

Ожерелья с основой из бус представлены находками из Карагодеуашха (рис. 29)²¹⁵ и каменного ящика № 5 Большой Близницы²¹⁶. Основу ожерелья из каменного ящика № 5 Большой Близницы составляет низка чередующихся гладких и украшенных филигранным орнаментом бус; снизу к каждой бусине припаяна розетка, к которой, в свою очередь, подвешены чередующиеся зерновидные подвески двух разных типов. На карагодеуашхском ожерелье бусины с продольным рифлением чередуются с пронизями-щитками, украшенными филигранным декором в виде двойных цветков лотоса с напаянными розетками. К бусинам подвешены крупные зерновидные подвески, к пронизиям-щиткам — мелкие. Центральным элементом ожерелья является подвеска в виде головки быка, к которой, в свою очередь, подвешена крупная зерновидная подвеска. Ожерелья с пронизиями в виде двойных цветков лотоса были распространены в IV в. до н.э. как в Северном Причерноморье, так и за его пределами (Южная Италия, Фессалия)²¹⁷. Рассматриваемое ожерелье, возможно, изделие провинциальной мастерской, отличается крупными размерами и некоторой небрежностью отделки; крупные зерновидные подвески, припаянные снизу к бусинам-пронизиям, были, вероятно, использованы вторично. Довольно близкой им параллелью по структуре является ожерелье, найденное в Огузе, с центральной подвеской в виде женской головки во фригийском колпаке²¹⁸.

Ожерелья в виде тесьмы могли быть украшены цепочками с тремя рядами зерновидных подвесок различных типов²¹⁹ или с тремя рядами подвесок в виде буковых орешков²²⁰. О том, что около середины IV в. до н.э. подвески обоих типов могли сосуществовать, свидетельствуют совместные находки в погребении «карийской принцессы» в Галикарнассе²²¹, в склепе № 1 Боль-

Рис. 29. Ожерелье из Карагодеуашха.
IV в. до н.э. ГЭ

шой Близицы²²², а также в женском погребении в кургане Карагодеуашх²²³. Ожерелья с подвесками в виде буковых орешков получили распространение в различных регионах античного мира — от Южной Италии до Северной Греции, Малой Азии и Северного Причерноморья²²⁴. Обычно их отождествляют с ἄρροι λοῦχωτοί, упомянутых в инвентарях Делосского святилища 279 и 276 гг. до н.э.²²⁵

Пектораль. В гробнице «третьей дамы» Большой Близицы была обнаружена пектораль, украшенная фризом в виде рельефных изображений козлов, баранов, овец, зайцев и собак, припаянных к основе в виде ложновитых трубок с бронзовым сердечником с поперечными пластинками, украшенными напаянными розетками. Наконечники пекторали соединяются при помощи шарниров с основной частью, оформлены в виде львиных головок с плоскими манжетами, украшенными филигранным декором из S-видных спиралей (рис. 30)²²⁶. Конструктивно пектораль из Большой Близицы сопоставима с находкой из Толстой Могилы. Исследователи считали, что обе пекторали были работой одного мастера²²⁷, либо, указывая на заметные стилистические различия, относили одну из пекторалей (из Толстой Могилы) к работе мастера, а другую — его круга, возможно, изготовленную в той же мастерской²²⁸. Наконец, третьи, датируя пекторали с разрывом в 30 лет, очевидно, исходят из того, что обе пекторали изготовлены в различных мастерских²²⁹. Было

Рис. 30. Пектораль из гробницы «третьей дамы» Большой Близницы. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 31. Золотая гривна из Курджипского кургана. IV в. до н.э. ГЭ

высказано предположение, что украшения этого типа («перитрахелион») упомянуты в надписи о приношениях вдовы Александра Македонского Роксаны в святилище Афины Полии на афинском Акрополе, датированной ок. 319 г. до н.э.²³⁰ В этой связи заслуживает упоминания и гипотеза об изготовлении обеих пекторалей в Восточной Македонии, в Амфиполе²³¹.

Гривна. Найденная в Малой Близнице фрагментарная гривна с наконечником в виде реалистично трактованной львиной головки, с манжетом, украшенным филигранным декором в виде пальметт и завитков²³², находит ближайшие параллели в находках из Куль-Обы²³³, Солохи²³⁴, кургана у Архангельской слободы²³⁵; подобный же наконечник неизвестного происхождения хранится в Берлине²³⁶. Золотая гривна из Курджипского кургана (рис. 31)²³⁷ отличаются пластинчатой конструкцией обруча и наконечниками в виде головок антилопы, не характерными для гривен из скифских комплексов Северного Причерноморья, которые были выполнены в греко-скифском стиле; предположительно она была изготовлена в одном из центров азиатской части Боспора²³⁸. Золотая гривна с наконечниками в виде льва, нападающего на кабана, из Карагодеуашха²³⁹ находит параллели с довольно многочисленными гривнами из скифских курганов IV в. до н.э. (Куль-Обы, Чертомлыка, Чайная и пр.), прут которых полностью или частично оформлен в виде «астроголов»²⁴⁰. В то же время указанные гривны имели наконечники в виде скульптурных фигурок лежащих львов; оформления наконечников гривны сценой терзания уникально в своем роде и находит параллель лишь в оформлении гривны из

Ставропольского клада, с изображением льва, терзающего голову барана²⁴¹. Также единично и оформление «астрагалов» косыми насечками.

Броши. Золотая брошь из Зеленского кургана украшена в центре резной головкой сатира из граната, по краю фризом из цветков и пальметт и меандром, и имеет двугольный аппарат (рис. 32)²⁴²: этот признак становится характерным для брошей III в. до н.э. — I в. н.э., распространенных главным образом в Прикубанье и на Таманском полуострове. Будучи наиболее ранним образцом в этой серии, находка из Зеленского кургана является свидетельством генезиса этого типа брошей на Азиатском Боспоре²⁴³.

Браслеты. Пара золотых браслетов с обручем, имеющим бронзовую основу, и окончаниями в виде скульптурных фигурок прыгающих львиц с обозначенной гривой из склепа I Большой Близицы (рис. 33)²⁴⁴, находят ближайшую параллель в браслетах с окончаниями в виде фигурок баранов из другого погребения в том же кургане²⁴⁵; вероятно, они были выполнены в одной мастерской. Золотые спиральные браслеты с фигурками гиппокампов на концах²⁴⁶ из Карагодеуашха имеют плоскую дужку с тремя продольными ребрами, украшенными поперечными насечками. Подобным образом оформлены дужки браслетов второй половины IV в. до н.э. из Македонии и Иллирии²⁴⁷.

Перстни. В склепе I Большой Близицы было найдено два конструктивно близких перстня со сложной плетеной дужкой и вращающимися щитками: один из щитков оформлен в виде скульптурной фигурки льва, лежащего на овальном щитке, на нижней стороне которого выгравирована фигура стоящей на постаменте Артемиды²⁴⁸ (ближайшая параллель этому перстню происходит из Денисовой Могилы²⁴⁹). Щиток второго перстня оформлен в виде полого скарабея, нижняя поверхность щитка украшена изображением стоящей Афродиты и Эрота, завязывающего ей сандалины²⁵⁰. Находки подобных золотых перстней с вращающимися щитками в форме скарабеев сконцентрированы главным образом в Южной Италии²⁵¹ и на территории Азиатского Боспорского царства. Д. Вильямс выделял западный и восточный тип таких

Рис. 32. Золотая брошь из Зеленского кургана. ГЭ

Рис. 33. Пара золотых браслетов из склепа № 1 Большой Близицы. IV в. до н.э. ГЭ

Рис. 34. Элементы ажурных поясных украшений из Курджипского кургана. IV в. до н.э. ГЭ

скарабеоидов²⁵². Подобную по конструкции дужку имеет происходящая из курганного некрополя Кеп подвеска в форме цилиндра из халцедона в золотой оправе с декором из филигрании со вставками гранатовых кабошонов на торцах²⁵³.

Пряжки. В состав погребального убранства женщины, похороненной в Курджипском кургане, входили детали ажурных поясных украшений, основу которых составляли «геракловы узлы», украшенные напаянными филигранными композициями в виде пальметт и розетт, декорированных темно-синей эмалью (рис. 34)²⁵⁴. Эти уникальные для Северного Причерноморья предметы являются единственным археологическим свидетельством использования поясов в женском костюме Прикубанья скифского времени²⁵⁵.

3.3. Общие замечания

Продемонстрированный выше широкий спектр произведений торевтики и ювелирного искусства предположительно северогреческого (македонского) производства, найденных преимущественно в двух курганах Прикубанья, заслуживает внимания. Предположение об обмене подарками уже высказывалось по отношению к кубку македонского типа из Карагодеуашха²⁵⁶. Я не исключаю, что это возможное объяснение находок из Карагодеуашха. Не следует ли нам в этой связи пересмотреть гипотезу об изготовлении обкладок горитов двух типов (чертомлыцкого и карагодеуашского) в боспорских мастерских? Не будет ли логичнее предположить, что обкладка горита из Карагодеуашха была изготовлена в македонской мастерской и, будучи частью дара, включающего металлические сосуды и ювелирные изделия, попала к одному из царей племен, проживавших на границах Боспора, предположительно царю племени фатеев²⁵⁷? Можно ли подобным образом объяснить происхождение набора металлических сосудов из Зеленского кургана, многие из которых имеют несомненно северогреческие параллели, или, скорее, их следует считать личными предметами наемника, который в свое время находился на службе в Северной Греции, а затем попал на Боспор? Такое объяснение прозвучало недавно в связи с погребением воина, раскопанным в 1834 г. в Керчи²⁵⁸. До появления новых материалов мы можем лишь

предполагать подобные гипотезы относительно контактов Северной Греции и Северного Причерноморья в IV—III вв. до н.э.

Исследователи уже высказывали обоснованные предположения об изготовлении некоторых украшений из Большой Близицы, имеющих близкие параллели с другими украшениями из Северного Причерноморья, в одной мастерской²⁵⁹. Относительно ожерелий в виде тесьмы с трехрядными подвесками исследователи, как правило, придерживались до недавнего времени точки зрения об их привозном характере, указывая на находки близких ожерелий в других регионах античного мира²⁶⁰. Если проследить генезис ожерелий с зерновидными подвесками, то малоазийское их происхождение предстает весьма вероятным, но проведенный нами анализ показал, что есть все основания для выделения особого северопричерноморского варианта зерновидных подвесок, которые в изделиях использовались, как правило, в нескольких вариантах, один из них был украшен эмалевыми вставками в филигранных кастах²⁶¹.

4. РАЗВИТЫЙ И ПОЗДНИЙ ЭЛЛИНИЗМ

(середина III — первая половина I в. до н.э.)

Посуда и ювелирные изделия из благородных металлов из городских некрополей азиатской части Боспорского государства и сарматских комплексов Прикубанья II в. до н.э. — II в. н.э. подробно описаны и проанализированы по категориям изделий в монографическом исследовании²⁶². В этой связи в данном разделе я сосредоточусь на не вошедших в указанную книгу изделиях III в. до н.э., а также на описании общих тенденций развития торевтики и ювелирного дела.

4.1. Произведения торевтики

Серебряная посуда эллинистического времени, представленная киликами, канфарами, чашами конической формы, ритонами, угвентариями и пиксидами, происходит из гробницы № 1 кургана, раскопанного в 1818 г. у Фанагорийской крепости²⁶³; из Буеровой Могилы²⁶⁴, гробницы в кургане № 2/1881 в окрестностях Анапы²⁶⁵, из трех гробниц Артюховского кургана²⁶⁶, а также из так называемого Ахтанизовского клада²⁶⁷. В целом формы сосудов относятся к типам, получившим широкое распространение на территории Средиземноморья и Причерноморья. Особенно показательны чаши конической формы, происходящие из комплексов II—I вв. до н.э. на Таманском полуострове: Ахтанизовской²⁶⁸, Артюховского кургана²⁶⁹, Буеровой Могилы²⁷⁰, известные также из меотских комплексов II—I вв. до н.э. в Прикубанье (Новоджерелиевская²⁷¹, Карстовый²⁷²) (рис. 35). Находки подобных чаш засвидетельствованы от Испании на западе до Причерноморья, Малой Азии и Закавказья на востоке²⁷³, а форма — *parabolic cup*, мастос — хорошо известна в керамике эллинистического времени²⁷⁴, в том числе в рельефной²⁷⁵ и в стекле²⁷⁶.

К раннеэллинистическим образцам относится килик в виде уплощенной чаши с двумя горизонтальными изогнутыми ручками с атташами листовидной формы (внутри — позолоченный гравированный декор в виде розетты в центре и гирлянды из листьев с двумя перевязями по краю)²⁷⁷ из кургана у Фанагорийской крепости (рис. 36), который датировался первой половиной II в. до н.э.²⁷⁸ или III в. до н.э.²⁷⁹ По форме он сопоставим с серебряными киликами рубежа IV—III вв. до н.э. из погребения первой половины III в.

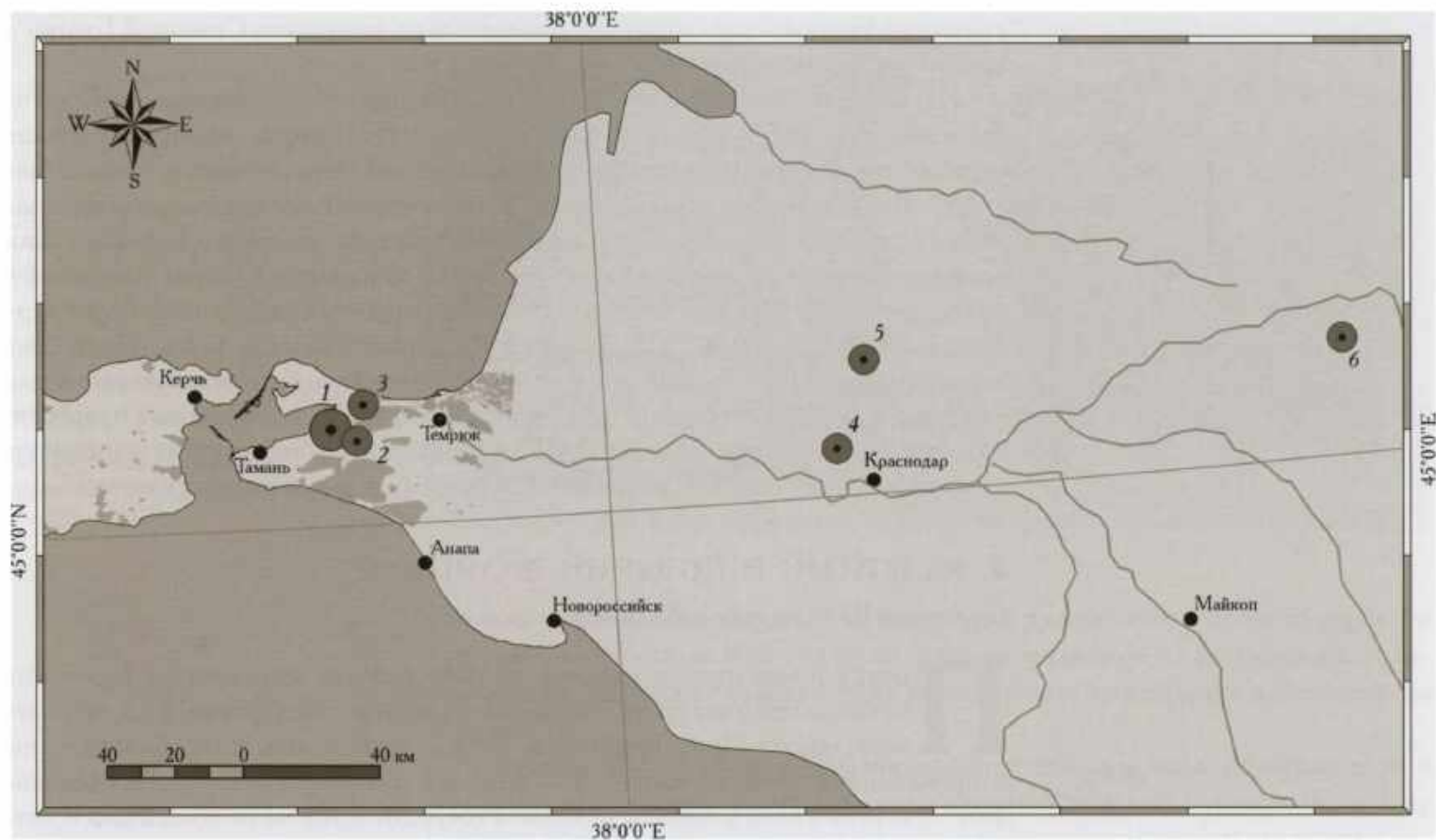

Рис. 35. Серебряные полусферические и конические чаши. II—I вв. до н.э.
Сост. М. Трейстер, 2007

до н.э. в Монтефортино, в Северной Италии²⁸⁰. Подобную форму ручек и поддонов имеет серебряный килик с высоким туловом яйцевидной формы из погребения у ст. Новоджерелиевской²⁸¹.

Датировка таманского килика III в. до н.э. подтверждается и фризом из листьев лавра, сопоставимым с декором на внешней стороне килика из Новоджерелиевской. Из того же погребения у Фанагорийской крепости происходит пиксида цилиндрической формы, с туловом, украшенным «бегущей волной» и гирляндой из листьев плюща, с профилированной нижней частью, украшенной позолоченным фризом лесбийского киматия, и с крышкой, украшенной фризами «бегущей волны» и высоким фигурным навершием²⁸²; она уже сравнивалась с пиксидой (предположительно происходящей из Малой Азии и хранящейся в Музее изящных искусств в Бостоне), датированной III в. до н.э.²⁸³ Впрочем, в декоре двух пиксид имеются отличия, а крышка бостонской пиксиды лишена высокого профилированного навершия.

Рис. 36. Килик из кургана у Фанагорийской крепости. III в. до н.э. ГЭ

Ритоны. Фрагменты золотых ритонов происходят из трех погребальных комплексов середины — второй половины II в. до н.э. в Прикубанье (рис. 37): кургана у с. Мерджаны под Анапой (рис. 38)²⁸⁴, Северского кургана²⁸⁵ и погребения № 3 кургана № 1/1973 у хут. Бойко-Понуры²⁸⁶. На верхней пластине обкладки ритона из Мерджан представлено в низком рельефе и довольно схематической манере фронтальное изображение сидящей на троне богини с прижатым к груди круглодонным кубком в правой руке и приближающегося к ней справа

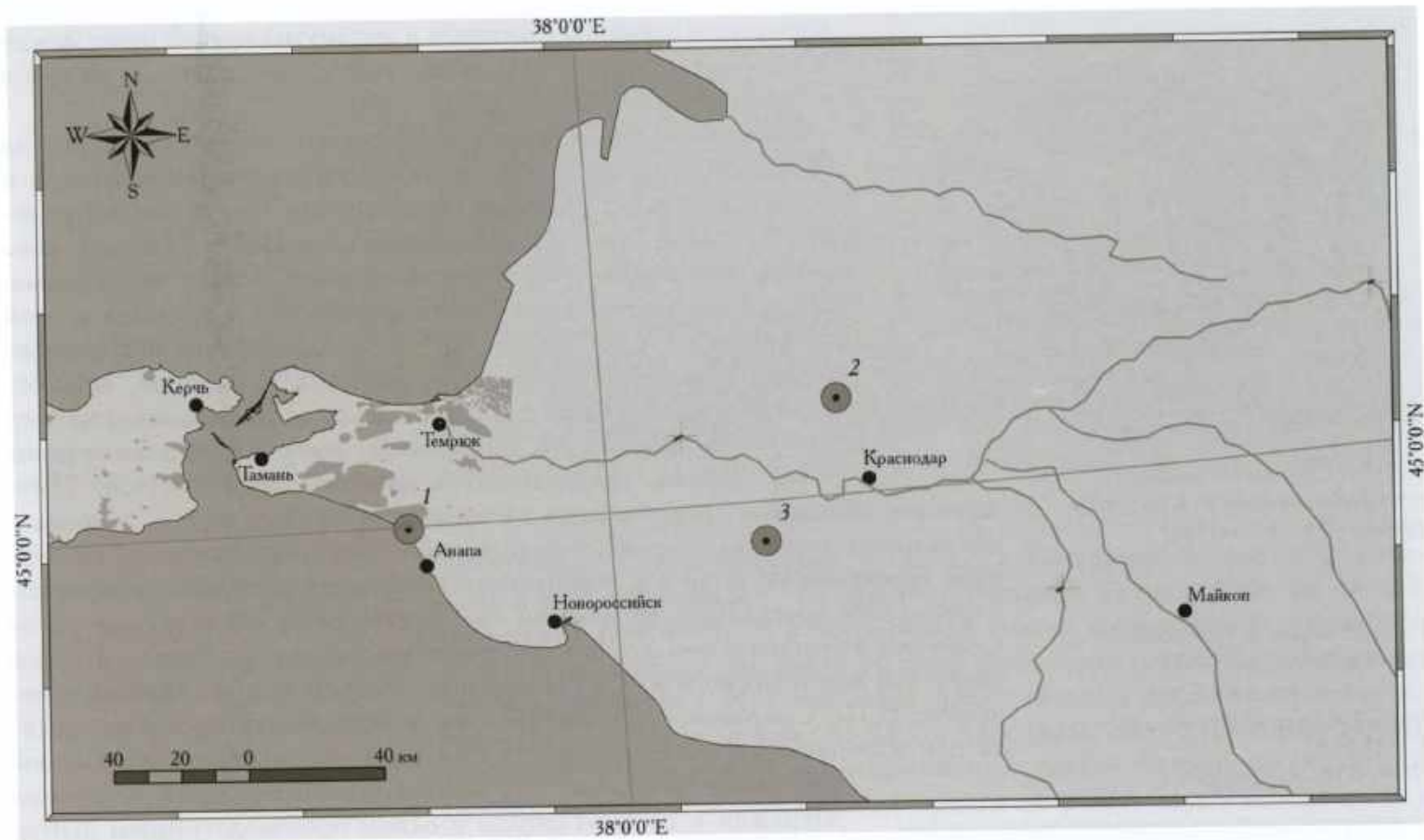

Рис. 37. Ритоны с золотыми обкладками. II в. до н.э. Сост. М. Трейстер, 2007.

Рис. 38. Золотые обкладки ритона из кургана у с. Мерджаны. ГЭ

Рис. 39. Стекланный канфар с золотой обкладкой из Северского кургана. II в. до н.э. ГИМ

Рис. 40. Фалар из Северского кургана. II в. до н.э. ГИМ

Рис. 41. Фалар из Курчанской. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвинцевой

бородатого всадника с ритонном в вытянутой правой руке; между всадником и богиней находится столб с закрепленным на нем в верхней части черепом коня.

Расширяющаяся кверху обкладка нижней части ритона из Мерджан, украшенная слегка изогнутыми листьями аканфа и прямыми узкими листьями *pythaea caerulea* в низком рельефе²⁸⁷, напоминает декор пластины из Бойко-Понуры, вторично использованной в качестве бляшки. Ритон из Мерджан датировался исследователями по-разному — в пределах второй половины IV — II в. до н.э.²⁸⁸ — и определялся как изделие меотских, сарматских²⁸⁹ или фракийских²⁹⁰ торевтов, возможно, возникшее под влиянием ритонов селевкидо-парфянского типа²⁹¹. Атрибуция М. Пфроммера, высказавшего последнюю точку зрения, представляется наиболее обоснованной. Име-

ются все основания предположить изготовление во II в. до н.э. ритонов с обкладками, конструктивно восходящих к изделиям греко-скифской и скифской торевтики IV в. до н.э., типологически близких ритонам селевкидско-парфянского круга. Круг параллелей изображениям на обкладке ритона из Северского кургана позволяет предположить мастерскую в одном из центров азиатской части Боспора или в Прикубанье. Укажем в этой связи на отмеченные К.Ф. Смирновым композиционные и технические просчеты торевта при изготовлении обкладки ритона из Северского кургана, украшенной фигурками грифонов²⁹². О возможном изготовлении ритонов из Мерджан и Бойко-Понуры в одном производственном центре свидетельствует аналогичная трактовка осевых линий на листьях. Обкладки ритонов из Северского и Мерджан имеют сходные украшения в виде филигранного орнамента из гладких и крученых проволочек.

В Северском кургане было найдено два литых стеклянных канфара второй половины II в. до н.э.²⁹³, украшенных золотыми обкладками. Верхняя часть тулова, ручки и кольцевой поддон оправлены тонким золотым листом, украшенным орнаментом из филигрании и зерни, вставками гранатовых кабошонов и голубой эмали в чередующихся пластинчатых кастов овальной и каплевидной формы. К обкладкам подвешены цепочки с круглыми сердоликовыми бусинами и полыми золотыми шариками на концах (рис. 39)²⁹⁴.

Фалары. Одной из наиболее ярких категорий торевтики, чрезвычайно характерной для эллинистических комплексов Прикубанья, являются фалары, украшения конской сбруи. По сравнению с другими, памятники торевтики и ювелирного дела фалары довольно неплохо исследованы и опубликованы²⁹⁵. Обращают на себя внимание переданные на некоторых фаларах из Прикубанья с разной степенью варваризации сюжеты: дионисийский — на фаларе из Северского кургана (рис. 40)²⁹⁶, с изображением Афродиты Пандемос, Гермеса и Эрота — на фаларе из Курчанской (рис. 41)²⁹⁷. В то же время некоторые комплексы конской узды с фаларами заслуживают специального комментария. В земляной гробнице, открытой в 1-м Среднем кургане Васюриной горы в 1871 г., были обнаружены обломки железных деталей каркаса и элементов декора в виде статуэток и накладных рельефов колесниц, а также конские

Рис. 42. Один из конских наборов из Среднего кургана № 1 на Васюриной горе. Эллинизм. ГЭ

захоронения с деталями узды²⁹⁸. Ни М.И. Ростовцев, ни другие исследователи этих памятников²⁹⁹ не обратили внимание на подробные описи, хранящиеся в деле ИАК³⁰⁰ и оперировали только находками, поступившими в Эрмитаж. Между тем часть фаларов была оставлена в Керченском музее и впоследствии утрачена. Нам представляется возможным выделить три конских набора, в каждом из которых было по шесть малых фаларов уздечки³⁰¹. Проведенный анализ элементов декора колесницы скорее всего свидетельствует в пользу их датировки не ранее первой половины II в. до н.э. Вместе с колесницей были захоронены по крайней мере три лошади с конскими уборами, два из которых относятся к лучшим образцам парадной конской сбруи эллинистического времени, привезенным из Южной Италии или Восточного Средиземноморья (рис. 42), а также из птолемеевского Египта³⁰².

4.2. Ювелирные украшения

Помимо упомянутых выше комплексов с находками серебряной посуды наиболее важные находки ювелирных украшений рассматриваемого времени происходят также из плитовой могилы³⁰³ и каменного ящика³⁰⁴ 1-го Среднего кургана на Васюриной горе, из погребения в районе Цукур-Лимана, инвентарь которого был куплен В.В. Шкорпиллом для Археологической комиссии на Тамани в 1913 г.³⁰⁵, отдельных погребений курганных и грунтовых некрополей Фанагории³⁰⁶ и Горгииппии³⁰⁷, погребения раскопанного Д.В. Карейшей в кургане у ст. Старо-Титоровской в 1845 г.³⁰⁸

Венки. Погребальные венки, имеющие каркас в виде трубочек с перевязанными концами, украшенные листьями оливы или лавра, продолжают употребляться в III–II вв. до н.э.³⁰⁹ Венок из Буеровой Могилы украшает круглый медальон с изображением Гелиоса с четверкой лошадей³¹⁰.

Диадемы. Фрагментарная диадема в виде полой трубки с цветками и окончаниями в виде львиных головок из плитовой могиле Среднего кургана № 1 на Васюриной горе³¹¹ по своей конструкции напоминает конструкцию диадемы из Tomba del Orì в Канозе (Южная Италия), датирующейся концом III – началом II в. до н.э.³¹² Характерной формой диадем II в. до н.э. являются изделия, центральная часть которых выполнена в виде «герак-

Рис. 43. Диадема из гробницы I
Артюховского кургана. II в. до н.э. ГЭ

лова узла», а боковые части — в виде уплощенных полых трубочек; при этом центральная часть диадем богато украшена вставками из гранатов из стеклянной пасты, а также в некоторых случаях, как на диадеме из гробницы I Артюховского кургана, дополнительными фигурными композициями (рис. 43)³¹³. М. Пфроммер отметил распространение подобных диадем с цветными «геракловыми узлами» в Северном Причерноморье, которые, по его мнению, изготовлялись не позднее середины II в. до н.э.³¹⁴ Отмеченная М.И. Максимовой реставрация фигурной композиции на диадеме из Артюховского кургана, при которой утраченная фигурка Ганимеда была довольно грубо заменена фигуркой эрота, свидетельствует о довольно длительном бытовании диадемы и ее починке местными боспорскими мастерами разной квалификации³¹⁵.

Стленгиды. В кургане № 1, раскопанном в окрестностях Горгиппии в 1881 г., была найдена золотая стленгида, восходящая к типу украшения из гробницы № 1 из Большой Близницы, с дополнительными подвесками в виде бляшек с женскими головками и полых биконических бусин³¹⁶. Стленгида из гробницы II Артюховского кургана³¹⁷ в виде выгнутой прямоугольной пластины с рельефным схематизированным «геракловым узлом» украшена вставками гранатовых кабошонов и стеклянными вставками треугольной формы в простых пластинчатых кастах (рис. 44). Схематизированное изображение «гераклова узла» сопоставимо с изображениями на золотых диадемах из погребения II в. до н.э. в Диме в Ахайе³¹⁸ и из Дарданского кургана в Троаде³¹⁹, что свидетельствует о широком распространении этой схемы одного из наиболее популярных декоративных мотивов в эллинистическом искусстве. Таким образом, необязательно определять стленгиду из Артюховского кургана как примитивное изделие мастера-кустаря, как это делала М.И. Максимова, отмечая контраст между примитивным исполнением самой пластины с неуклюжей «восьмеркой» «гераклова узла» и подвесками-кисточками, ничем не отличающимися от подвесок булавок и диадемы из Артюховского кургана³²⁰. Она была украшена вполне в духе своей эпохи, впрочем, это не отрицает разницу в уровне исполнения пластины и подвесок, которые, скорее всего, можно объяснить разделением труда в ювелирных мастерских и серийным изготовлением стандартных элементов (в данном случае кисточек-подвесок,

Рис. 44. Стленгида из гробницы II Артюховского кургана. II в. до н.э. ГЭ

Рис. 45. Ожерелье из погребения в районе Цукурского лимана. Эллинизм. ГЭ

которые могли быть использованы для украшения различных категорий ювелирных украшений).

Ожерелья. Наконечники ожерелья и пронизи в виде двойного ласточкиного хвоста известны исключительно по находкам в Северном Причерноморье³²¹ и происходят из погребения III–II вв. до н.э. № 15/1978 некрополя Фанагории³²² и кургана II в. до н.э. № 2, раскопанного в Анапе в 1881 г.³²³ Два варианта таких пронизей, украшенных оттиснутыми головками и розетками с эмалью либо розетками, украшенными зернью, образуют ожерелье из погребения в районе Цукурского лимана (рис. 45)³²⁴.

Ожерелья в виде цепочек или низок бусин с застежками в форме головок животных, посаженных на бусы и пронизи, чрезвычайно характерные для всего эллинистического мира³²⁵, были широко распространены в Северном Причерноморье. Их находки были каталогизированы М. Пфроммером, в сводку которого включены два экземпляра с наконечниками в виде головок газелей³²⁶; четыре экземпляра с наконечниками в виде головок быков³²⁷; одно — с наконечниками в виде головок коз³²⁸ и одно — с наконечниками в виде головок львиноголовых грифонов³²⁹ с территории азиатской части Боспорского царства, половина из которых была найдена во всех трех гробницах Артюховского кургана. Застежки в форме головок животных имеют также более редкие ожерелья, составленные из золотых, чередующихся золотых и гранатовых бус в золотых оправках. Образец подобного ожерелья с наконечниками в виде головок быка происходит из гробницы I Артюховского кургана³³⁰.

Рис. 46. Ожерелье из кургана у х. Песчаный. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвиновой

Ожерелье, центральная часть которого образована одним или тремя кастами с цветными вставками, обрамленными головками рысей, надетыми на бусины, имитирующие сардоникс, было найдено в гробнице I Артюховского кургана³³¹. Вероятно, ожерелье из Артюховского кургана и близкое ему, из кургана у хут. Песчаный (рис. 46)³³², были привезены на Боспор во II в. до н.э. — такие ожерелья изготавливались в различных центрах, включая Восточное Средиземноморье, Малую Азию и Северную Грецию³³³.

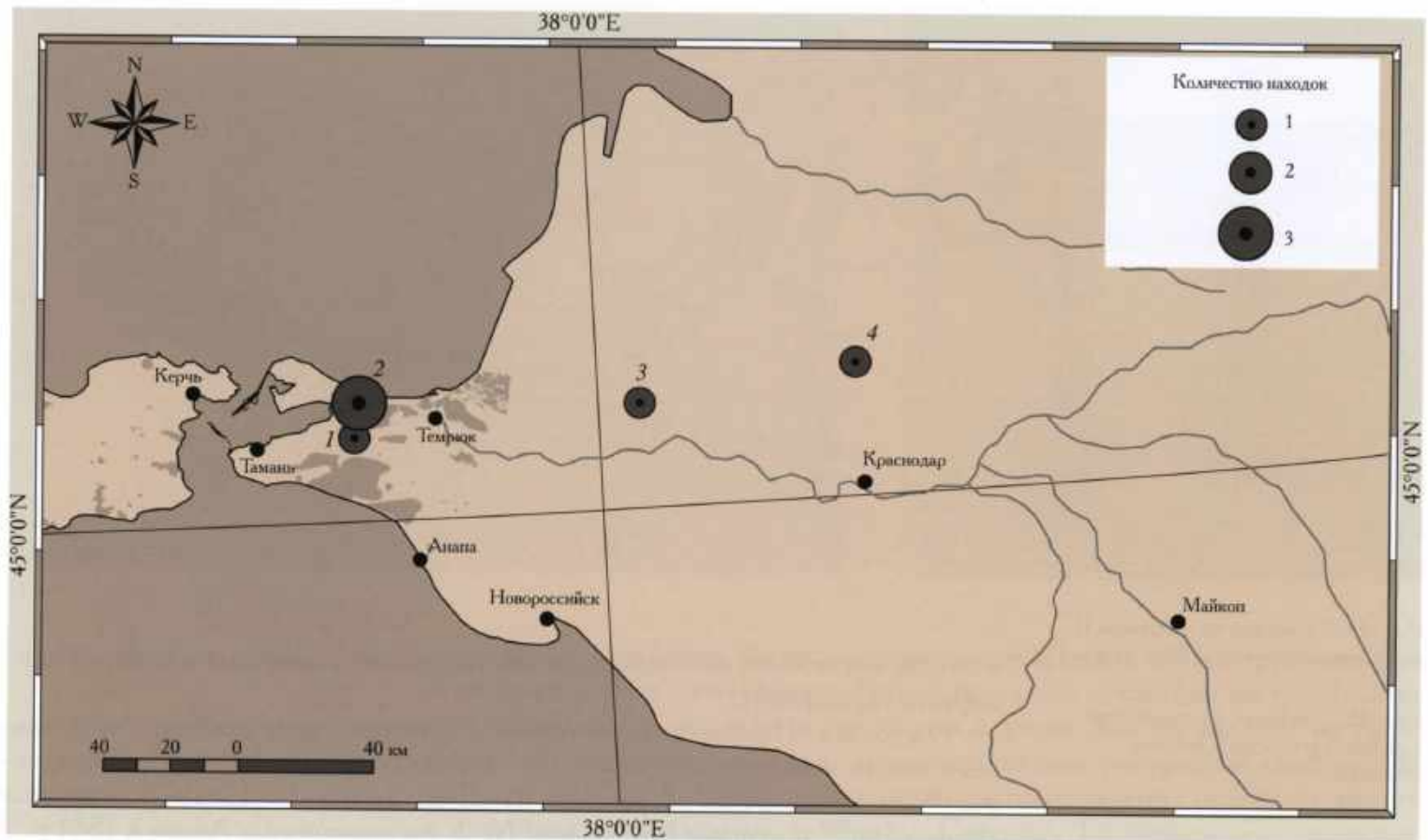

Рис. 47. Многоярусные гривны в виде плотных спиралей, состоящие из двух частей, соединенных шарнирами, с окончаниями в виде стилизованных головок животных. II—I вв. до н.э. Сост. М. Трейстер, 2007

Рис. 48. Гривна из кургана № 1/1881 в окрестностях Анапы. ГЭ

Гривны. В Прикубанье и на Таманском полуострове получают распространение полые многоярусные шейные украшения в виде плотных спиралей, состоящие из двух частей, соединенных шарнирами, с окончаниями в виде стилизованных головок животных (рис. 47)³³⁴. Прототипы этих украшений представлены, вероятно, находками из Сибири³³⁵, хотя высказывалась точка зрения о том, что «по своему стилю таманские гривны резко отличаются от сибирских и представляют другую, хотя и параллельную сибирской, но независимую от них линию развития»³³⁶. Гривна, происходящая из кургана № 1/1881 некрополя Горгиппии, состоит из двух полых трубок с запаянными

сзади концами, соединенными колечками; наконечники горгиппийской гривны оформлены в виде стилизованных головок оленя (рис. 48)³³⁷ и обнаруживают сходство с наконечниками рассмотренных выше многовитковых спиральных гривен из полых трубок из Буеровой Могилы³³⁸ и Ахтанизовской³³⁹. Редкие образцы гривен, выполненных в традициях ювелирного искусства раннеэллинистической эпохи, имеют свернутые из золотых пластинок полые обручи, которые завершаются наконечниками в форме львиных головок, оттиснутых в матрицах и спаяных из двух половинок. Голова и грива льва, как на гривне из гробницы I Артюховского кургана³⁴⁰, украшены филигранью, а грива предположительно была орнаментирована вставками из стеклянной пасты или эмали. Близкую параллель артюховской гривне с аналогичным оформлением манжетов представляет случайная находка в районе ст. Динской³⁴¹.

Рис. 49. Серьги из гробницы II Артюховского кургана. II в. до н.э. ГЭ

Серьги. Сравнительно немногочисленны среди находок из азиатской части Боспора пользовавшиеся огромной популярностью в эллинистическую эпоху серьги с головками животных на концах³⁴². Их могли украшать головки львов³⁴³, пантер³⁴⁴, коз³⁴⁵. Такие серьги с головками львов известны и в меотских некрополях Прикубанья³⁴⁶. В редких случаях головки животных могли дополнительно украшаться щитками со вставками³⁴⁷. Более характерны для некрополей азиатской части Боспора сравнительно редкие в Северном Причерноморье серьги с дужками, образованными выгнутыми фигурками эрота, с припаянной к спине иглой и к ногам — приемником-застежкой³⁴⁸. Такие серьги были распространены прежде всего в Иране³⁴⁹, а также Восточном Средиземноморье³⁵⁰. Весьма вероятно, что они изготавливались в парфянских мастерских.

Наиболее распространенным типом серег с полихромной орнаментацией были серьги в форме диска с подвесками. Круглые диски таких серег, как правило, украшают напаянные розетты, лепестки которых покрыты разноцветной эмалью. В центре розетты обычно имеются простые пластинчатые касты круглой формы со вставками-кабошонами из граната или стекла, как на серьгах из гробницы I Артюховского кургана³⁵¹. Иногда, как на серьгах из гробницы II Артюховского кургана³⁵², над круглым щитком серег имеется пластина, оформленная в виде «короны Исиды», обычно со вставками из круг-

лого граната-кабошона в касте, обозначающем солнечный диск, и перьями, украшенными разноцветной стеклянной пастой. В качестве наиболее распространенных подвесок таких серег использовались фигурки эротов с различными атрибутами³⁵³. Серьги из гробницы II Артюховского кургана имеют подвески в виде стоящих на постаментах голубей с туловом из стекловидной массы (рис. 49). Серьги с подобными подвесками из Среднего кургана № 1 Васюриной горы³⁵⁴ примечательны тем, что центральная подвеска соединена с круглым щитком через промежуточный медальон ромбовидной формы со

Рис. 50. Подвески из кургана № 1/1881 в окрестностях Анапы. ГЭ

Рис. 51. Булавка с медальоном из гробницы I Артюховского кургана. II в. до н.э. ГЭ

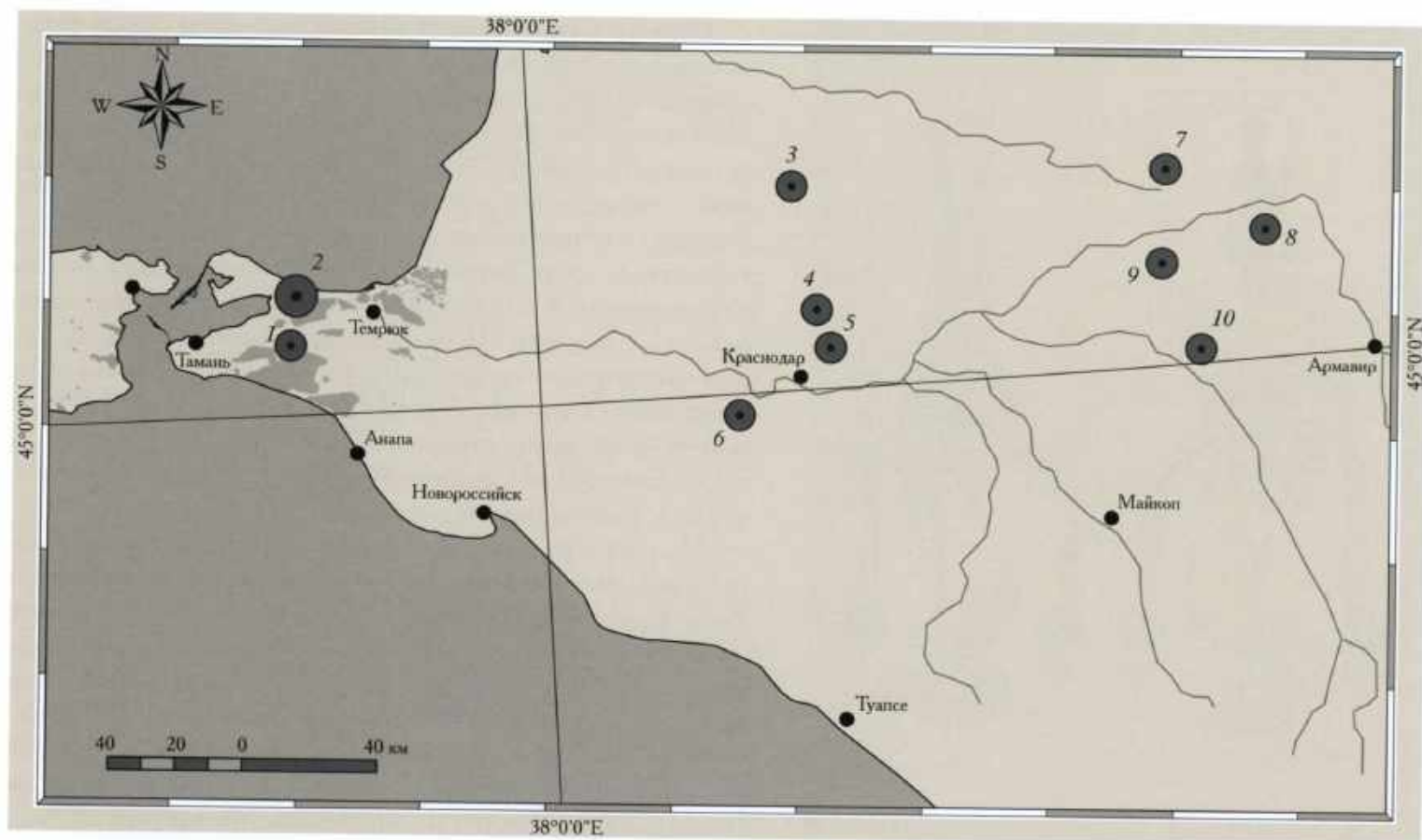

Рис. 52. Фibuлы-броши с двуугольным аппаратом и со сплошным овальным щитком. II—I вв. до н.э. Сост. М. Трейстер, 2007

вставкой граната, напоминающий по форме медальоны ожерелий из Аполлонии³⁵⁵ и Артюховского кургана³⁵⁶. Есть основания предполагать местное изготовление таких серег с использованием импортных или изготовленных на Боспоре по италийским образцам подвесок.

Серьги в виде колечек, украшенные целыми фигурками, относятся к сравнительно редкой категории античных серег эллинистического времени³⁵⁷. Серебряные серьги в виде дужек, заканчивающихся скульптурными фигурками сфинксов на постаментах, с головками, увенчанными высокими уборами с гранатовыми вставками из погребения некрополя Горгиппии II — первой половины I в. до н.э.³⁵⁸, находят ближайшие параллели в погребениях некрополей Амфиполя³⁵⁹ и Ахиноса³⁶⁰. Близка к рассматриваемому типу золотая серьга аналогичной конструкции в виде сидящей на низком постаменте сирены с круглым щитком, изначально украшенным вставкой, происходящая из фанаторийского склепа рубежа II—I вв. до н.э.³⁶¹ Приведенные параллели серьгам из Горгиппии свидетельствуют о распространении этого редкого типа серег в Греции, Македонии и Фракии, откуда, вероятно, и были привезены рассматриваемые образцы.

Височные подвески. Особого внимания заслуживают небрежно выполненные тисненые «погребальные» подвески из кургана № 1/1881 в окрестностях Анапы, восходящие по типу к украшениям из Куль-Обы и Большой Близницы, украшенные профильным изображением Сциллы с трезубцем (рис. 50)³⁶². Элементы декора в виде круглых бляшек с женскими головками позволяют относить эти украшения к одному «погребальному» гарнитуру вместе со стленгидой.

Булавки. Булавки из Артюховского кургана имеют характерную форму: к их головкам, оформленным в виде капителей, подвешены круглые медальоны, снабженные подвесками в виде гранатовых бусин в золотой оправе, к которым, в свою очередь, подвешены кисточки из золотых цепочек с проволока-

Рис. 53. Золотая брошь из кургана у х. Песчаный. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвицовой

ми и бусинами из сердолика или изумруда в оправках на концах. При этом булавка из гробницы I имеет медальон, украшенный розеттой со вставками, выполненными в технике клуазонне (рис. 51)³⁶³.

Броши. Вероятнее всего, в качестве изделий боспорских мастеров следует рассматривать броши со щитками и с двуугольным аппаратом, которые появляются на Боспоре уже в начале III в. до н.э. Для брошей II — первой половины I в. до н.э. характерно разнообразие форм (ажурные, в виде сплошных круглых или овальных щитков, ромбовидные, в виде ажурных «узлов Геракла» и др.) и их особенно широкое распространение в меотских комплексах Прикубанья (рис. 52). Безусловно, имеются определенные отличия в оформлении брошей, которые позволяют предполагать их изготовление как в боспорских мастерских, так и мастерами, работавшими в хинтерланде. Отметим, что значительная часть брошей была украшена плоскими удлинненно-овальными геммами с изображениями стоящих илидвигающихся женских божеств, например, брошь из кургана у хут. Песчаный (рис. 53)³⁶⁴; при этом большинство этих гемм обнаруживает близость геммам левантийского или александрийского круга, хотя в некоторых случаях может идти речь и об использовании гемм боспорской работы³⁶⁵.

Спиральные браслеты в виде змеи. Довольно грубо исполненные многовитковые браслеты в виде змеи получили широкое распространение в погребальных комплексах Греции, Восточного Средиземноморья и Причерноморья эллинистической эпохи³⁶⁶. На Боспоре они появляются, судя по находкам в Горгипии и в ст. Таманской, еще в комплексах III в. до н.э.³⁶⁷, а затем получают распространение и в более позднее время, о чем говорят находки в плитовой могиле Среднего Васюринского кургана № 1 (рис. 54)³⁶⁸ и в гробницах I и II Артюховского кургана³⁶⁹. Некоторые из спиралевидных браслетов, подобно васюринской находке, украшались вставками, как правило, из граната — подобную вставку, украшающую головку змеи, имеет один из браслетов, вероятно, происходящих из Фессалии (бывшая коллекция Е. Стататос³⁷⁰). Ключевым пунктом для датировки таких браслетов служит находка пары подобных украшений в так называемом комплексе из Тарента³⁷¹, датирующемся ок. 230—210 гг. до н.э.³⁷²

4.3. Общие замечания

Стилистический анализ орнамента некоторых серебряных сосудов, найденных в Артюховском кургане (канфары (рис. 55)³⁷³, унгвентарий³⁷⁴, пиксида³⁷⁵), их сравнение с фаларами из Федулова³⁷⁶ и Ахтанизовской (рис. 56)³⁷⁷, позволяет предполагать изготовление их в боспорских мастерских второй половины II в. до н.э.³⁷⁸ Очевидно, что на формирование художественного стиля боспорских торевтов повлияли традиции искусства эллинистического койне. Боспорские мастера, используя формы и технические приемы, широко распространившиеся в этот период, в ряде случаев применяли золочение фризов, технику получившую распространение в Южной Италии и на эллинистическом Востоке еще в III в. до н.э., а также украшение сосудов вставками-кабошонами из цветного камня; параллели этому известны среди изделий круга греко-бактрийских мастерских. И использование мотивов чередующихся листьев лотоса и аканфа в их специфических вариантах также свидетельствует о заимствованиях из торевтики птолемеевского Египта,

Рис. 54. Браслет из плитовой могилы Среднего Васюринского кургана № 1. Эллинизм. ГЭ

Рис. 55. Серебряный канфар из гробницы II Артюховского кургана. II в. до н.э. ГЭ

возможно, пришедших опосредованно через изделия мастерских Ближнего и Среднего Востока. К излюбленным деталям относятся украшения ручек сосудов «геракловым узлом», специфическая форма орнаментации перевязей на гравированных гирляндах.

С точки зрения набора серебряных сосудов погребения Артюховского кургана сопоставимы с богатыми погребениями второй половины II — первой половины I в. до н.э., открытыми в Испании, Италии и Греции, что, безусловно, является свидетельством унификации вкусов и предпочтений, сложившейся в эллинистическую эпоху на широких просторах Средиземноморья и Причерноморья. При сравнении наборов серебряных сосудов в погребениях Артюховского кургана с наборами серебряной посуды из хронологически близких или несколько более поздних сарматских погребений Прикубанья обращают на себя внимание отсутствие в этих варварских погребениях серебряных фимиатериев и унгентариев и наличие парных сосудов для питья: двух чаш — в Песчаном³⁷⁹, килика и чаши — в Новоджерелиевской³⁸⁰. Отметим также устойчивый для всех погребений Артюховского кургана обычай помещать один канфар.

Рис. 56. Серебряный позолоченный фалар из Ахтанизовской. II в. до н.э. ГЭ

Представленные материалы по фаларам из кургана на Васюриной горе свидетельствуют о проникновении в среду варваризованного населения азиатской части Боспора и меотв Прикубанья произведений птолемеевской тореvтики конца III — начала II в. до н.э., представленных не только бронзовым перстнем с портретом Арсиной III в погребении № 140/1998 Тенгинского могильника, датирующегося в пределах первой половины II в. до н.э.³⁸¹, но и парадным конским набором, которые трудно объяснить в контексте обычных торговых контактов. Очевидно, что дипломатические контакты Боспора с птолемеевским Египтом не ограничивались посольскими контактами, имевшими место в середине III в. до н.э.³⁸², но продолжались и на протяжении второй половины столетия, что косвенно подтверждается значительным количеством перстней с портретами Береники II и Арсиной III, найденных на Боспоре, в том числе на азиатской его части³⁸³.

Характерными чертами развития тореvтики и ювелирного дела в рассматриваемый период является возникновение и развитие полихромного стиля. Для него характерны вставки из цветных камней и стекла, использование гемм в качестве вставок не только в перстнях, но и в украшениях других категорий,

например, брошах³⁸⁴, а также переход от так называемого «филигранного» к настоящему клуазонне, когда вставки из эмали или камня украшают гнезда из полосок металла, напаянных на поверхность изделия, и создают тем самым цветные орнаментальные композиции³⁸⁵.

Наборы украшений из гробниц Артюховского кургана демонстрируют существенные отличия от традиционных для Греции, Малой Азии или Египта этого времени комплексов украшений: находки гривен в обоих женских погребениях³⁸⁶ следует считать, безусловно, признаком, характерным для местной боспорской культуры. Показательны в этом отношении приведенные выше параллели между гривной с львиными головками из гробницы I и из сарматских памятников Прикубанья. Если согласиться с предположением М.И. Максимовой, что погребенная в гробнице II женщина, на руке которой был найден перстень в форме сандалии с дарственной надписью Маммии от Гестиея³⁸⁷, является боспорянкой Маммией, то находит свое подтверждение вывод о синкретическом характере набора ювелирных украшений знатной боспорянки, включающей элементы, обычные для набора украшений жительниц Греции, Малой Азии и Восточного Средиземноморья, и элементы, заимствованные из варварской культуры Прикубанья.

Такие ювелирные украшения, безусловно, привозные и исполненные на высочайшем уровне ювелирного искусства, как ожерелье из Песчаного, сочетавшиеся с предметами столового серебра, могли быть приданы выданных замуж за вождей сарматских или меотских племен невест, дочерей представителей царских династий и знатных родов Причерноморья, в том числе и дочерей Митридата VI³⁸⁸.

Многие ювелирные изделия из Артюховского кургана объединяют также элементы, позволяющие говорить о создании гарнитуров украшений и их изготовлении в одной мастерской. Это касается, в частности, широкого использования подвесок в виде кисточек, состоящих из цепочек со стерженьками с обмоткой и насаженными на них бусинами из цветного камня, обрамленными золотыми полушариями, украшенными филигранным орнаментом. Такие подвески-кисточки использовались для украшения булавок, серег, стелгиды и диадемы. Данный орнаментальный элемент встречается на ювелирных изделиях, безусловно, небоспорского производства и получает широкое распространение в Египте, Малой Азии и Северной Греции³⁸⁹. Чрезвычайное значение для выделения ювелирных изделий именно боспорских мастерских II — первой половины I в. до н.э. являются находки из гробниц I и II Артюховского кургана. М.И. Максимова на основании анализа золотых украшений из этих погребений пришла к выводу о том, что некоторые из них с большой вероятностью могли быть изготовлены в боспорских мастерских³⁹⁰. Проведенный анализ позволяет считать боспорской продукцией медальоны с изображением бюстов Афродиты с одним или двумя эротами. Бронзовые штампы, которыми могли изготавливаться такие медальоны, происходят из Тиритаки³⁹¹ и Горгипии³⁹². В мастерских азиатской части Боспорского царства могли изготавливаться и броши с двуугольным аппаратом. Абсолютно точное разделение находок позднеэллинистического времени на изделия боспорских мастерских и «варварских» мастерских Прикубанья на основании только визуального исследования изделий невозможно. Однако некоторые наблюдения над формой, техникой декора, а также картографирование находок определенных категорий изделий позволяет говорить об их преимущественном бытовании в сарматских и меотских памятниках Прикубанья. Отличительная их особенность — подвески на цепочках в виде дисков, раз-

нообразные варианты филигранного декора, вставки из цветной эмали, полудрагоценных камней и стекла. Помимо ювелирных изделий рассматриваемые нами декоративные элементы используются также для украшения золотых обкладок стеклянных кубков из Северского кургана³⁹³.

5. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА I в. до н.э. — III в. н.э.

5.1. Произведения торевтики

В отличие от предшествующей эпохи городские некрополи Азиатского Боспора практически не дали находок посуды из благородных металлов. Редким исключением был несохранившийся кубок из саркофага I склепа II/1975 некрополя Горгиппии, судя по рисунку в полевом отчете, относящийся к канфарам «серии Высочино» с биконическим туловом на низком кольцевидном поддоне и литыми ручками, верхняя часть которых раздвоена. Подобные канфары происходят из сарматских погребений I — начала II в. н.э. в Нижнем Подонье и Прикубанье³⁹⁴. В склепе II в Горгиппии были найдены две серебряные ложки (рис. 57). Одна из них — лигула, ручка которой заканчивается копытцем³⁹⁵, вторая — кохлеар³⁹⁶, с ручкой заостренной на конце и характерным грушевидной формы вместилищем. Ложки относятся к двум основным типам римских ложек³⁹⁷. В Северном Причерноморье наборы серебряных ложек, состоящие из одной лигулы и одного кохлеара, известны только в горгиппийском склепе II и в более позднем погребении с «Золотой маской» в Керчи³⁹⁸, обнаруженном в 1837 г. Кроме того, серебряные ложки обоих типов были найдены при раскопках святилища на перевале Гурзуфское Седло³⁹⁹, впрочем, неизвестно, принадлежали ли они первоначально одному набору⁴⁰⁰.

Значительно шире представлена серебряная посуда находками из сарматских погребений «Золотого кладбища», в частности канфаром с туловом яйцевидной формы из кургана № 29/1902 у ст. Усть-Лабинской⁴⁰¹. Серебряные канфары с таким туловом обычно датируют в пределах позднереспубликанского—раннеимператорского периодов⁴⁰². Есть все основания считать довольно грубо выполненный канфар из Усть-Лабинской работой провинциальной мастерской второй половины I в. до н.э. Канфары с округлым туловом, сужающимся к устью, представлены двумя фрагментарными сосудами из кургана № 1/1978 у хут. Водный⁴⁰³ и кургана у ст. Воздвиженской. Поверхность воз-

Рис. 57. Две серебряные ложки из анапского склепа II/1975. II в. н.э. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвицовой

Рис. 58. Надпись на серебряном кубке из Даховской. Прорисовка. В.И. Мордвицовой

Рис. 59. Меч из анапского склепа П/1975. II в. н.э. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвицовой

движенского сосуда в верхней части тулова украшена фризом прочерченного орнамента из двух рядов ромбов с точками в центре, ниже изображены фигурки всадников и растительный орнамент в виде листьев винограда⁴⁰⁴. Выделяется также серия серебряных кубков на низких кольцевых поддонах с полусферическим туловом, на низких цилиндрических ножках и с вертикальными пластинчатыми ручками, верхняя часть которых нависает над краем кубка⁴⁰⁵. Их сравнительно примитивное исполнение, наличие сарматских тамг на ручках кубков, а также «тамги боспорского царя Тиберия Юлия Римиталка» на одном из кубков, найденных в некрополе у хут. Городского⁴⁰⁶, позволяют предположительно отнести кубки к продукции кустарных центров азиатской части (?) Боспорского царства первой половины — середины II в. н.э. К другому направлению в торевтике, круглодонным сосудам с ручками в виде фигурок птиц или животных⁴⁰⁷, получивших распространение в сарматских комплексах Северного Причерноморья, относятся полусферические чаши с ручками в виде фигурок хищных птиц из погребений «Золотого кладбища»⁴⁰⁸.

Среди металлической посуды из Прикубанья первых веков нашей эры выделяется кубок с рельефными изображениями дионисийских сцен и мотивов, найденный при грабительских раскопок в кургане у ст. Даховская⁴⁰⁹. По цилиндрической форме тулова его можно сопоставить с группой скифосов из богатых погребений II и IV вв. н.э. в Словакии⁴¹⁰. Некоторые исследователи сравнивали чашу из Даховской с серебряной чашей из Армении⁴¹¹, которая действительно очень близка скифосу из Даховской и по форме, и по сюжетам изображения, хотя маски на эрмитажной чаше более грубой работы. Дарственная надпись царя Пакора на донце кубка (ΠΑΡΑ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΚΟΡΟΥ) (рис. 58), предположительно Пакора III, брата парфянского царя Вологеза III (148—191 гг.), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие⁴¹², как будто бы подтверждает возможность изготовления кубка из Даховской в Парфии или Армении в середине II в. н.э.; впрочем, нет ничего удивительного в том, что парфянский царь мог использовать в качестве подарка и привозной кубок, вероятнее всего, производства мастерских Галлии⁴¹³.

Меч из Горгиппии. Из анапского склепа П/1975 происходит короткий железный меч в золотых ножнах, богато украшенных изображениями хищных птиц, павлина и сцен терзания зайца хищными птицами со вставками из гранатов и бирюзы (рис. 59)⁴¹⁴. Ножны из Горгиппии восходят по типу к ножнам, представленным находками из тайника сарматского погребения у пос. Дачи⁴¹⁵ и Тилля-тепе⁴¹⁶. Однако они оформлены мотивами, характерными для боспорского искусства и, вероятно, были изготовлены в боспорской мастерской по заказу представителя высшей боспорской знати⁴¹⁷.

5.2. Ювелирные изделия

Основные находки ювелирных изделий рассматриваемой эпохи происходят из грунтовых и курганных некрополей Горгиппии и Фанагории, некоторых склепов и погребений некрополей Тирамбы⁴¹⁸ и на мысе Тузле⁴¹⁹. Отметим также богатое погребение, раскопанное грабителями в 1903 г. в районе Цемесского болота под Новороссийском⁴²⁰.

Рис. 60. Золотой погребальный венок из анапского склепа П/1975. II в. н.э. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвицевой

Венки. Погребальные венки, как правило, с трехзубчатыми листьями апия или селедеря, широко распространенные в первые века нашей эры, представлены находками и из городских некрополей азиатской части Боспорского государства: Фанагории⁴²¹, Таманского полуострова⁴²², «Тирамбы»⁴²³, Горгииппии⁴²⁴. Серединой — третьей четвертью II в. н.э. датируются происходящие из Горгииппии (рис. 60)⁴²⁵ и окрестностей⁴²⁶ золотые погребальные венки в виде широких золотых лент, украшенных вставленными или приклеенными листьями; в центре лент закреплены пластины с изображением бюста женского божества с головками эротов по бокам, вероятно, выполненные одним штампом. На другой пластине от венка, также из Горгииппии, представлен солнечный бог на колеснице, по одному предположению — Нерон в образе Гелиоса, по другому, более вероятному, — Аспург в образе Митры-Гелиоса⁴²⁷.

Ожерелья. Ожерелья в виде цепочек с одним или несколькими медальонами в центре, без подвесок, появившиеся еще в позднеэллинистическую эпоху, продолжают бытовать и позднее. Вариантом этого типа ожерелий являются ожерелья, в которых центральные медальоны (медальон) обрамлены головками животных. К рассматриваемой группе относится ожерелье из погребения I в. н.э. у Цемесского болота⁴²⁸. Ожерелья из бус и пронизей с медальонами и наконечниками круглой или фигурной формы, украшенными вставками эмали, камней и цветного стекла происходят главным образом из детских погребений боспорских некрополей, в частности Горгииппии⁴²⁹. Они исполнены в традициях ювелирного искусства позднеэллинистического времени. В сарматских погребениях Северного Причерноморья подобные ожерелья или их элементы не известны. Ожерелье из полых золотых бус биконической формы, украшенных напаянными кручеными проволочками по шву и краям отверстий, происходит из саркофага II склепа П/1975 некрополя Горгииппии⁴³⁰. Ожерелье из подобных бус было найдено в погребении первых веков нашей эры, разграбленном на западном склоне горы Митридат в 1945–1946 гг.⁴³¹

В качестве элементов ожерелий (застежек или подвесок) могли использоваться золотые медальоны с петлями с изображениями бюста Афродиты и эрота (эротов)⁴³², масок медуз⁴³³, стоящих эротов, попирающих ногами бабочку⁴³⁴; орлов со сложенными крыльями⁴³⁵ или лягушек⁴³⁶. Такие медальоны происходят почти исключительно с территории Боспорского царства и, вероятнее всего, здесь же изготавливались, хотя некоторые их типы, например, с изображением головы Медузы, были широко распространены, особенно во II в. н.э., на территории Римской империи, главным образом в Египте⁴³⁷. На

Рис. 61. Золотой медальон из погребения № 43/1992 некрополя Горгиппии на ул. Терской. КГИАМЗ. Фото А.М. Бочкарева

Рис. 62. Золотой медальон из Прикубанья. III в. н.э. ГЭ

пластинах погребальных венков из Горгиппии⁴³⁸ и окрестностей⁴³⁹, а также на двух золотых медальонах из Горгиппии⁴⁴⁰ представлено синкретическое женское божество. Изображенный за правым плечом богини колчан, а также прическа так называемого книдского типа⁴⁴¹ характерны для изображений Артемиды; в то же время по обеим сторонам от богини изображены фигурки эротов, как на медальонах с изображением Афродиты. Медальон из детского погребения № 43/1992 украшен в нижней части фигурками животных, которые интерпретируются издателем как собака, охотящаяся на лису (рис. 61). На круглой пластине венка из окрестностей Горгиппии изображена сцена «погони собаки (?) за копытным животным». Очевидно, что к этой же группе можно отнести и «медальон из листового золота с изображением Артемиды, двух амуров, собаки, волка и дикой козы», происходящий из находок в Анапе, который Я.В.Э. Тетбу де Мариньи, нидерландский консул в Одессе, видел и нарисовал у коменданта крепости Анапа полковника фон Бринкена⁴⁴².

Выпуклые вставки из стекла или цветных камней украшают более поздние медальоны с изображениями в низком рельефе, вероятно, относящиеся уже к III в. н.э. К ним относится медальон из Кубанской области с изображением восседающей на троне богини, которую обычно отождествляют с Афродитой Уранией, со стоящими у ее ног фигурками эротов (рис. 62)⁴⁴³; сюда же можно включить происходящий из окрестностей Новороссийска медальон с довольно примитивным изображением бюста Гелиоса, лучевая корона которого передана зигзагом из зерни, а поле медальона «перегружено» рядами маленьких розетт из зерни⁴⁴⁴.

Рис. 63. Золотые серьги из окрестностей Анапы. ГИМ

В некрополях городов Северного Причерноморья получают распространение подвески ожерелий в виде объемных полых золотых кукишей (*fica*), известные также в стекле и фаянсе, со вставками в виде филигранных кастов в форме листьев плюща или кружков. Такие подвески происходят из погребений: в районе Цемесского болота⁴⁴⁵ и в Остром кургане у пос. Сенной, раскопанном в 1865 г.⁴⁴⁶ За пределами Боспора такие золотые подвески чрезвычайно редки. Напротив, золотые подвески в форме «палицы Геракла» с середины II по IV в. н.э. получают широкое распространение на территории провинций Римской империи от Британии и Северо-Западной Европы до Малой Азии и Сирии, которое связывают с распространением по инициативе Траяна культа Геркулеса с начала II в. н.э.⁴⁴⁷ Однако есть основания полагать, что в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, в частности на территории азиатской части Боспора⁴⁴⁸, этот тип подвесок был известен уже в I в. н.э.

Рис. 64. Золотая гривна из анапского склепа II/1975. II в. н.э. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвицевой

Рис. 65. Золотой браслет из анапского склепа II/1975. II в. н.э. КГИАМЗ. Фото В.И. Мордвицевой

Серьги. С начала I в. н.э. наиболее распространенным типом были серьги в виде колечка с петлевым замком и крючочка, которые представлены многочисленными экземплярами из бронзы, серебра и золота, хотя наиболее ранние находки таких серебряных серег известны еще в комплексах, суммарно датированных II—I вв. до н.э.⁴⁴⁹ Существовало множество вариантов таких серег, и, кроме того, они могли украшаться разнообразными подвесками. Особо остановимся на горгиппийской серьге с дужкой, украшенной группами поперечных насечек⁴⁵⁰, серьги с подобной орнаментацией были распространены на Кипре⁴⁵¹. Серьги с дужкой, образованной перевитыми гладкой и рубчатой проволокой, в том числе имеющие дополнительные украшения в виде бусин или напаянного щитка со вставками, представленные находками из некрополя Горгиппии второй половины I — начала II в. н.э.⁴⁵², свидетельствуют о распространении подобной системы орнаментации в ювелирных изделиях Боспора. Интересно, что за исключением боспорских находок серьги с аналогичной конструкцией дужки (серебряные) известны главным образом по находкам из Дура-Европос⁴⁵³.

Среди серег в виде колечек с подвесками следует отметить серьги с треугольными щитками, тремя каплевидными кастами и дополнительными подвесками, в частности находки из окрестностей Анапы со вставками из стекла, имитирующего полосатый агат и янтарь (рис. 63)⁴⁵⁴. Очевидно, что небольшая группа серег с тремя каплевидными вставками в пластинчатых кастах является переходным типом от серег с треугольным или фигурным щитком I в. н.э. к серьгам, получившим широкое распространение в комплексах III—IV вв. н.э. Для последних характерно дальнейшее увеличение количества вставок и все более широкое использование филигранны и зерни в орнаментации щитков⁴⁵⁵.

Небольшая группа серег, представленная находками с Таманского полуострова, украшена припаянными снизу к дужке двучастными конусами, снизу к которым припаяны четыре полые шарика (гроздь винограда или «палицы Геракла»?)⁴⁵⁶. Рассматриваемые серьги до сих пор ошибочно сопоставлялись с серьгами II—I вв. до н.э. из сарматских комплексов Нижнего Поволжья⁴⁵⁷.

Рис. 66. Золотой браслет из окрестностей Армавира. ГЭ

В действительности же обе группы серег не имеют между собой ничего общего; их конструкция различается: пирамидки из шариков зерни на серьгах из сарматских комплексов маленькие, а шарики литые. Датировка погребения некрополя Тузлы, основанная на находке сероглиняной миски и одноцветных стеклянных бус, II—I вв. до н.э.⁴⁵⁸, небесспорна. Очевидно, такая датировка возникла из-за предполагаемого сходства с серьгами из сарматских комплексов II—I вв. до н.э. Нижняя часть серег тузлинского типа в виде пирамидки из полых шариков с зернью, напоминающих виноградную гроздь, находит параллели среди подвесок серег из Северного Причерноморья, которые датируются в пределах второй половины II—III в. н.э.⁴⁵⁹

Рис. 67. Золотой перстень из погребения № 43/1992 некрополя Горгиппии. II в. н.э. КГИАМЗ

Гривны и пекторали. В первые века нашей эры в Северном Причерноморье в некрополях античных городов и в погребениях варварской знати, в мужских, женских и детских погребениях получают распространение гривны, выполненные из круглой в сечении, крученой или витой проволоки с замочком в виде петли и крючка⁴⁶⁰, с утолщениями на концах⁴⁶¹. Обычно распространение гривен в некрополях античных городов связывают с сарматским влиянием, впрочем, находки гривен в некрополях азиатской части Боспора еще в комплексах эллинистического времени, а разнообразие их форм заставляют критически относиться к этой точке зрения. В сарматских погребениях Прикубанья II—III вв. н.э. получают также распространение гривны с закрученными в петли концами⁴⁶². Известный до настоящего времени только по находкам с территории Боспора тип гривен, датирующихся в пределах второй половины I — начала II в. н.э., представлен образцами, которые выполнены из круглых в сечении витых проволок, в центральной части образующих ажурное переплетение в виде «гераклова узла», подобно гривне из мужского погребения в саркофаге II склепа II/1975 в Горгиппии (рис. 64)⁴⁶³. Аналогичная по конструкции гривна, центральная часть которой украшена «геракловым узлом» со вставкой геммы в медальоне, происходит из детского погребения, открытого в Керчи в 1953 г.⁴⁶⁴

Браслеты. К наиболее часто встречающимся формам золотых браслетов с дужкой из дрота круглого сечения относятся браслеты, концы которых примотаны к дужке спиральными оборотами проволоки. Они представлены как находками из некрополя Горгиппии⁴⁶⁵, так и сарматских комплексов Прикубанья⁴⁶⁶. Такие браслеты часто находят в детских погребениях, что хорошо объясняется тем фактом, что размер браслета легко менялся с ростом ребенка. Из мужского погребения в саркофаге II склепа II/1975 некрополя Горгиппии происходит браслет, концы которого украшают вставки из бирюзы, а центральная часть выполнена в виде овального медальона на шарнирном соединении, украшенного плоской вставкой из зеленого стекла (рис. 65)⁴⁶⁷. В качестве его прототипов можно рассматривать браслеты I в. до н.э. — I в. н.э. из так называемого «княжеского» погребения в Сисиане в Армении⁴⁶⁸ и из сарматского погребения в Петриках⁴⁶⁹, концы которых оформлены в виде львиных и лошадиных головок. Оправа овального щитка горгиппийского браслета близка тем, которые использовались для украшения серег, браслетов и ожерелий I в. н.э. в Северном Причерноморье⁴⁷⁰. Вставка с плоской поверхностью отличается от выпуклых вставок-кабошонов, характерных для ювелирных изделий I в. н.э. Это позволяет датировать горгиппийский браслет и другие предметы найденного в склепе гарнитура⁴⁷¹, скорее всего, II в. н.э., возможно, около его середины. Браслеты с плоской ажурной дужкой, украшенной петлевыми элементами, случайно найденные в 1904 г. в карьере у Армавира, снабжены наконечниками в форме скульптурных бараньих головок на шарнирных соединениях. Головки баранов украшены разнообразными декоративными элементами со вставками стеклянной пасты (рис. 66)⁴⁷².

Ножные браслеты. Находки серебряных ножных браслетов в виде двух изогнутых полукругом трубочек, как правило, полых (с заполнением из белой массы), соединяющихся друг с другом при помощи штифтов, зафиксированы в некоторых богатых погребениях городских некрополей Херсонеса и Боспора I—II вв. н.э. с многочисленными золотыми украшениями, в частности в Горгиппии⁴⁷³. По мнению Н.В. Пятышевой, мода ношения ножных браслетов пришла из Передней Азии, Кавказа и Закавказья, где подобные браслеты зафиксированы, например, в погребениях первых веков Мцхетского могильника⁴⁷⁴. Однако проведенный анализ показывает, что появление моды ношения ножных браслетов среди элиты Боспора и Херсонеса в I—II вв. н.э., вероятнее всего, связано с позднеэллинистической традицией. Форма и украшение двухчастных браслетов с замками в виде штифтов уникальны, и, вероятно, не они были заимствованы из Кавказа или Передней Азии, а напротив, послужили прототипами ножных браслетов, которые распространились с конца II в. н.э. в Грузии, Малой Азии и Западном Причерноморье.

Перстни. В первые века нашей эры в Северном Причерноморье получают распространение золотые перстни с полыми дужками, заполненными сернистой массой, со вставкой гранатовых гемм-кабошонов, которые выполнены в характерном плоскостном стиле с беглой, эскизной манерой изображения⁴⁷⁵. В богатых погребениях I в. н.э. некрополя Горгиппии были найдены широкие ажурные перстни с напаянными щитками, украшенными вставками из гранатов⁴⁷⁶. Чрезвычайно близкий по форме и декору перстень происходит из склепа № 213/2003 некрополя Илурата⁴⁷⁷. Ажурная шинка перстня из погребения № 43/1992 с орнаментацией из изогнутых проволочек, образующих двойные петлевидные элементы (рис. 67)⁴⁷⁸, находит параллель в оформлении дужек браслетов из Армавира⁴⁷⁹. Щиток перстня, найденного в 1904 г., стилизован в виде фигурки змеи с выделенной головкой; тулово

образуют касты каплевидной и квадратной формы, обрамленные зернью⁴⁸⁰. Подобные широкие перстни с каплевидными щитками изображаются на пальмирических надгробиях II в. н.э.⁴⁸¹

5.3. Общие замечания

Некрополи Азиатского Боспора первых веков нашей эры практически не дали находок посуды и утвари из благородных металлов. Находки, преобладающие в хинтерланде, представлены типами посуды преимущественно причерноморских типов, распространенных и в других регионах Северного Причерноморья. На общем фоне кинжал в ножнах с золотыми обкладками в полихромном стиле из погребения в горгиппийском склепе и кубок с дионисийскими сценами галльского производства из Даховской — подарок неизвестному адресату от царя Пагора. За редкими исключениями и ювелирные изделия, вероятнее всего, изготовлены в местных мастерских.

В целом боспорские изделия первых веков нашей эры, выполненные в полихромном стиле, характеризует преимущественное использование небольших филигранных кастов с эмалевыми и пастовыми вставками, которым отдавалось явное предпочтение. В отличие от изделий мастерских Ольвии и Херсонеса, здесь не были созданы крупноформатные ювелирные изделия с многочисленными крупными вставками из цветных камней и стекла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация в Северном Причерноморье с взаимными контактами, заимствованиями форм и мотивов ювелирных украшений способствовала появлению и развитию различных стилевых тенденций, некоторые из них восходили к традиции металлообработки Греции и Малой Азии, другие — к традициям ювелирного дела Востока и степи, третьи — представляли собой комбинации различных элементов. Это было связано как с изменением политических и торговых контактов рассматриваемого региона, так и с меняющейся этнополитической ситуацией в Прикубанье. В доколониционный период основные находки происходят из ранних скифских курганов, преимущественно Келермесских курганов в Закубанье, и представлены в меньшей степени изделиями мастеров Ассирии, Урарту и Малой Азии, в большей — изделиями, созданными специально для скифов в мастерской, в которой около середины VII в. до н.э., вероятно, работали мастера различного происхождения: из Урарту и Малой Азии, среди которых могли быть как лидийцы, так и ионийские греки. Если в V в. до н.э. центром аккумуляции произведений торевтики и ювелирных изделий в Прикубанье являлся курганный некрополь столицы Синдики и Уляпские курганы, то ситуация изменилась уже ко второй половине IV в. до н.э.: в курганных некрополях на территории Азиатского Боспора (Большая и Малая Близицы, курган на Зеленой горе) и в знатных варварских погребениях хинтерланда (Карагодеуаш, Курджипский курган) обнаруживаются близкие по составу и центрам изготовления наборы посуды и утвари из благородных металлов и ювелирные украшения.

Эта тенденция еще более усиливается в эллинистическую эпоху, когда большинство произведений, изготовленных как в мастерских городских центров, так и варварскими мастерами на периферии, было выполнено в полихромном стиле. Появление моды на полихромный стиль в античном мире приходится на раннеэллинистическую эпоху, когда украшенные вставками из

цветных камней, стекла и эмали ювелирные изделия получают широкое распространение в различных областях тогдашнего мира, в частности в Северном Причерноморье. Вероятно, был прав М.И. Ростовцев, который связывал феномен появления полихромного стиля с изменением моды, что вызвало перемены в массовой психологии, которые приводили к сходным явлениям в различных регионах античного мира, вступающих в контакт с Востоком⁴⁸².

Усилившиеся в первые века нашей эры тенденции аккультурации варваров и сарматизация городского населения — фактически два взаимонаправленных и шедших параллельно аспекта одного процесса (это проявилось, в частности, в смешанных браках) — привели, при всей специфике культурных особенностей, к образованию и распространению сравнительно единого стиля в ювелирном искусстве и торевтике.

¹ См., например: *Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia.* Oxf., 1922; *Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus.* В., 1931.

² Об этом, в частности, свидетельствует наше исследование использования матриц в античной торевтике и ювелирном деле, см.: *Treister M. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics.* Leiden; Köln; Boston, 2001 (*Colloquia Pontica*; V. 8).

³ См., например: *Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия.* М., 1997. С. 74, 182, сл., 189, сл.; *Alekseeva E.M. Gorgippia: Geschichte einer griechischen Polis an der Stelle der heutigen Stadt Anapa // Das Bosphoranische Reich: Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / Hrsg. J. Fornasier, B. Böttger.* Mainz, 2002. S. 108. Подробнее о датировке склепа Е.М. Алексеевой и в выставочных каталогах см.: *Treister M. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 excavations) // ACSS.* 2003. Vol. 9, N 1–2. P. 44.

⁴ *Treister M. The Date and Significance...; Idem. Gruft II von Gorgippia // Mordvinceva V.I., Treister M. Zum Verhältnis «griechischer» und «barbarischer» Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.–15. Februar 2003 / Hrsg. F. Fless, M. Treister.* Rahden, 2005. S. 70, ff.

⁵ *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 128; *Берлизов Н.Е., Еременко В.Е.* Латенские импорты

в сарматских памятниках Причерноморья: проблемы интерпретации // *Древности Кубани.* 1998. Вып. 7. С. 28; *Виноградов Ю.А.* Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в до-римскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. С. 27.

⁶ *Treister M. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria: (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology.* 2002. Vol. 8. P. 29–72.

⁷ *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: (2 в. до н.э. — 2 в. н.э.). Симферополь; Бонн, 2007.

⁸ Например: *Трейстер М.Ю.* Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуаша: (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э. // *БФ.* 2002. С. 180–186; *Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh // AWE.* 2003. Vol. 2. 1. P. 51–77; *Трейстер М.Ю.* Серебряная посуда из Соболевой Могилы // *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э.: Бабина, Водяна и Соболева Могила. Киев, 2005. С. 513–527; *Трейстер М.Ю.* Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н.э.: Материалы Международной конференции. Тамань, Россия 9–16 октября 2000 г.* СПб., 2006. С. 164–190.

⁹ Например, Келермесских курганов (*Галанина Л.К.* Келермесские курган-

ны: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997); кургана Карагодеуашх (*Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Древности Южной России: Курганы Карагодеуашх. СПб., 1894. (МАР; № 13); *Артюховского кургана (Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979); Северского кургана (*Смирнов К.Ф.* Северский курган. М., 1953. (Памятники культуры; Вып. 11.)); курганов Васюринской горы (*Власова Е.В.* Курганы Васюринская гора на Таманском полуострове // *Эллинистические штудии в Эрмитаже.* СПб., 2004. С. 158–174).

¹⁰ Например: *Придик Е.М.* Два серебряных ритона из коллекции Эрмитажа // *ЗООИД.* 1912. Т. XXX. С. 167–178; *Манцевич А.П.* О пластине из кургана Карагодеуашх // *АСГЭ.* 1964. Вып. 6. С. 128–138; *Максимова М.И.* Миф о похищении Ганимеда в передаче боспорского мастера // *КСИА.* 1965. Вып. 103. С. 23–27; *Горбунова К.С.* Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // *Культура и искусство античного мира.* Л., 1971. С. 18–38; *Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // *Скифия и Кавказ.* Киев, 1980. С. 7–30; *Кисель В.А.* Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // *ВДИ.* 1993. № 1. С. 111–123; *Он же.* Священная секира скифов: Об одной находке из Келермеса. СПб., 1997; *Ксенофонта И.В.* Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана // *ВДИ.* 1997. № 2. С. 60–78; *Metdepenninghen C.* La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II

- et les épées-akinakes de Kelermès et de Melgounov // *Iganica Antiqua*. 1997. T. 32. P. 109–136; *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из Семибратних курганов // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001. С. 20–27; *Она же.* О рогах для питья из Уяпского кургана № 4 // *ТС*. 2002. Вып. 4. С. 139–152.
- ¹¹ См. прежде всего: Античное художественное серебро: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. Л., 1985; *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV веков до н.э. СПб., 1995; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- ¹² Например: *Власова Е.В.* Скифский рог // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 46–67; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum / Ed. J. Boardman, S. Solovyov, G. Tsatskhelidze. Leiden; Boston; Köln, 2001. (Colloquia Pontica; V. 7). P. 71–111.
- ¹³ Например: *Силантьева П.Ф.* Спиралевидные подвески Боспора // *ТГЭ*. Т. XVII. 1976. С. 123–137; *Она же.* Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 49–58; *Мирошина Т.В.* Греческие головные украшения Северного Причерноморья // *КСИА*. 1983. Вып. 174. С. 10–17; *Неверов О.Я.* Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья: (опыт классификации) // Античная торевтика. Л., 1986. С. 17–27; *Саверкина И.И.* Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // Античное Причерноморье. С. 7–23; *Она же.* Греческие ожерелья на рубеже классики и эллинизма // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001. С. 95–102.
- ¹⁴ *Scheffold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1938. Bd. XII. S. 11–13, Abb. 4–5; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986. Fig. 24–27; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 49, 63 (внизу), 68–69; *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St.Petersburg* / Hrsg. R. Busch. Neumünster, 1993. S. 50–51, Nr. 14–15; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 146–148, 225–226, № 22–23; табл. 2, 32–33; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003. С. 66–71, 131, № 35–36.
- ¹⁵ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 146; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 66–67.
- ¹⁶ *Young R.* Three Great Early Tumuli. Philadelphia, 1981. P. 203–204. N TumW9. Fig. 119–120. Pl. 89, e. (The Gordion Excavations Final Reports. Vol. 1: University Museum Monograph; N 43); *Toker A., Öztürk J.* Metal Vessels: Museum of Anatolian Civilizations. Ankara, 1992. P. 100, 202. N 76. Курган W, один из самых ранних в Гордионе, датируется различными исследователями в пределах второй половины VIII в. до н.э.; см. *Köhler E.L.* The Lesser Phrygian Tumuli. Philadelphia, 1995. Pt. 1: The Inhumations. P. 191. Not. 2, 227. (The Gordion Excavations (1950–1973) Final Reports. Vol. II; University Museum Monograph; N 88).
- ¹⁷ *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 68–71.
- ¹⁸ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 148, 228, № 40; табл. 38–39; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 54–55, № 1; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 80, 132–133, № 40; *Алексеев А.Ю.* Хронография европейской Скифии. СПб., 2003. С. 383, рис. 10, 19.
- ¹⁹ Сомнения в правомерности этой реставрации высказывает В.А. Кисель (Шедевры ювелиров... С. 66, 131, № 34).
- ²⁰ *Максимова М.И.* Ритон из Келермеса // *СА*. 1956. № XXV. С. 215; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 148.
- ²¹ *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 80.
- ²² *Максимова М.И.* Ритон из Келермеса. С. 215–235; *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. L., 1994. P. 197–198, fig. 6, 15; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 148, 228–229, № 41; табл. 35–39; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 55, № 2 (с библиографией); *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 73–80, 132, № 39.
- ²³ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 148; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 80.
- ²⁴ *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 32–35; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 58–59; *Schiltz V.* Die Skythen und andere Steppenvölker. München, 1994. S. 89–95, Abb. 65–68; S. 394–395, Abb. 321; *Jacobson E.* The Art of the Scythians: The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 233–235, N VIII.A.1, 2, fig. 103; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 92–98, 222–223, № 1; табл. 7–9, рис. 25; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 28–30, 123, № 1.
- ²⁵ *Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи... С. 25.
- ²⁶ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 96.
- ²⁷ *Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи... С. 26; *Пограбовова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 142–144; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 29–30.
- ²⁸ См. обзор точек зрения К.В. Тревер, Б.Б. Пиотровского: *Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи... С. 22–24; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 94–96.
- ²⁹ *Metdepenninghen C.* La relation entre l'art urartéen... P. 109–136; *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001. С. 282, примеч. 1.
- ³⁰ *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 36–40; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 74–83; *Пограбовова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. С. 100–101, 141–142; *Schiltz V.* Die Skythen... S. 95–101, Abb. 70–76; S. 393, Abb. 320; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 223–224, № 6; табл. 10–11; *Кисель В.А.* Священная секира скифов...; *Он же.* Шедевры ювелиров... С. 30–44.
- ³¹ *Кисель В.А.* Священная секира скифов... С. 43; *Он же.* Шедевры ювелиров... С. 44.
- ³² *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 17; *Галанина Л.К.* Келермесские курганы... С. 116.
- ³³ *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров... С. 47.
- ³⁴ *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 17; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 66–67; *Gold der Skythen...* S. 48–49, Nr. 13; *Schiltz V.* Die Skythen... S. 20–21, Abb. 8; S. 86, Abb. 63; S. 87; *Jacobson E.* The

- Art of the Scythians... P. 256–257, N X.B.1. Fig. 122; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 224–225, № 13, табл. 3; 15; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 47–50, 126, № 13.
- ³⁵ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 16; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 84–85; Gold der Skythen... S. 46–47, Nr. 12; Boardman J. The Diffusion of Classical Art... P. 199–200, fig. 6, 17; Schiltz V. Die Skythen... S. 14–15, Abb. 5; S. 84, Abb. 62; S. 87, 159, Abb. 117; Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 258–259, N X.B.3. Fig. 123; Zwei Gesichter der Eremitage: Die Skythen und ihr Gold / Hrsg. L. Barkova, Ju. Kalašnik. Bonn, 1997. S. 76–77, Nr. 4; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 47–50, 126, № 14.
- ³⁶ Schiltz V. Die Skythen... S. 87.
- ³⁷ Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 118; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. С. 100.
- ³⁸ Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 48–50.
- ³⁹ См. подробнее: Treister M. Cloisonné- and Champlevé-Decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic–Early Imperial Periods // Acta Archaeologica. 2004. Vol. 75, N 2. P. 191.
- ⁴⁰ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 87.
- ⁴¹ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 47–50; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 64–65; Gold der Skythen... S. 56–57, Nr. 18; Boardman J. The Diffusion of Classical Art... P. 197–198, fig. 6.14; Schiltz. Die Skythen... S. 111–117, Abb. 83–84; Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 183–185, N V.A.1. Fig. 69; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 140–142, 230, № 52; табл. 1; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 75, Nr. 3; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 85–99, 134, № 46.
- ⁴² Scheffold K. Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 10; Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. № XXI. С. 281–305; Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966. P. 61, fig. 15. О специфических североионийских элементах в декоре зеркала: Вахтина М.Ю. О североионийских элементах в изобразительной системе электровый обкладки келермесского зеркала // БФ. 2001. Ч. 2. С. 108–113; Она же. Об иконографии женских божеств на зеркале и ритоне из Келермеса // БИ. 2004. Вып. 7. С. 63–88.
- ⁴³ Кисель В.А. Стилистическая и технологическая атрибуция... С. 111–123; Он же. Шедевры ювелиров... С. 85–99.
- ⁴⁴ Он же. Стилистическая и технологическая атрибуция... С. 122–123.
- ⁴⁵ Он же. Шедевры ювелиров... С. 85–99.
- ⁴⁶ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 43–44; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 154.
- ⁴⁷ Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 65.
- ⁴⁸ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 43–44; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 70–71; Gold der Skythen... S. 52–53, Nr. 16; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 154, 227, № 35, 36; табл. 4, 42–43; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 61–66, 130, № 30–31.
- ⁴⁹ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 42; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 63 (вверху); Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 154, 232, № 91–92; табл. 4, 27; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 61–66, 131, № 32, 33.
- ⁵⁰ Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 154. См., например, находки из Эфеса: Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck: Kulturgeschichte der Antiker Welt. Mainz, 1985. Bd. 27. S. 96, Abb. 49; Despini A. Greek Art: Ancient Gold Jewellery. Athens, 1996. P. 182, fig. 174.
- ⁵¹ Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 61–66.
- ⁵² Laffineur R. L'orfèvrerie rhodienne orientalisante. P., 1978. P. 172; Scheich Ch. Ein Stier- und Löwenkopfanhänger aus Gold aus dem Artemision von Ephesos // Der Kosmos der Artemis von Ephesos / Hrsg. U. Muss. Wien, 2001. S. 292, Taf. 8. (Österreichisches Archäologisches Institut. Sonderschriften; Bd. 37).
- ⁵³ Damerji M.S.B. Gräber assyrischen Königinnen aus Nimrud // JbRGZM. 1998. Bd. 45, Teil 1. S. 1–84, Abb. 42–45.
- ⁵⁴ Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 225, № 14; табл. 28; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 55–56, 127, № 15.
- ⁵⁵ Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 148–149, N III.A.2; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 225, № 15; табл. 28–29; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 56–59, 127, № 16.
- ⁵⁶ Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 134; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 55–56.
- ⁵⁷ Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 149; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 58–59.
- ⁵⁸ Laffineur R. L'orfèvrerie rhodienne... P. 222–228, Nos. 159–190, Pl. XIX–XXI; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. S. 105, Abb. 53; Despini A. Greek Art... P. 57, fig. 12.
- ⁵⁹ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 45–46; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 60–61; Schiltz V. Die Skythen... S. 386–387, Abb. 311; Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 145–147, N III.A.1. Fig. 30–31; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 227–228, № 38; табл. 30; Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 52–56, 127–128, № 17.
- ⁶⁰ Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 136.
- ⁶¹ Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 56.
- ⁶² Laffineur R. L'orfèvrerie rhodienne... Nos. 121, 124, 153, 157, 199, 203–205, 210, 211. Pl. XV, XVI, XVIII, XXIII, XXV; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 108–109, Abb. 56–57. Taf. VI; Despini A. Greek Art... P. 60–61, fig. 17–18.
- ⁶³ Laffineur R. L'orfèvrerie rhodienne... Nos. 13, 30, 31, 33. Pl. III–V; Despini A. Greek Art... P. 144, fig. 131.
- ⁶⁴ Laffineur R. L'orfèvrerie rhodienne... Nos. 36, 37, 43, 45, 56, 58, 66, 91, 98, 99, 114, 128, 199, 204. Pl. V–VIII, XI, XII, XIV, XXIII; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 100, Abb. 51. Taf. VI; Despini A. Greek Art... P. 146–148, fig. 133–134.
- ⁶⁵ Marshall F.H. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum. L., 1911. Nos. 1033–1034. Pl. X.
- ⁶⁶ Özgen I., Öztürk J. Heritage Recovered: The Lydian Treasure. Istanbul, 1996. P. 187, N 138; P. 189, N 140.

- ⁶⁷ Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса. С. 304–305; ср.: Она же. Ритон из Келермеса. С. 234–235. О том, что ритон и зеркало из Келермеса были работами одного мастера писал еще К. Шефольд (*Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 10).
- ⁶⁸ Boardman J. The Diffusion of Classical Art... P. 197, 200. Точка зрения о возможности изготовления вещей из Келермеса греческим мастером в Скифии преобладала в науке первой половины XX в., хотя К. Шефольд не исключал возможности того, что вещи смешанных стилей могли быть выполнены и скифским мастером, освоившим ионийскую традицию. См. об этом: *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 10.
- ⁶⁹ См. в целом: *Treister M.* The Toreutics of Colchis in the 5th – 4th Centuries BC: Local Traditions, Outside Influences, Innovations // ACSS. 2007. Vol. 13, N 1–2. P. 73, 75–77, fig. 7. Из грабительских раскопок курганов в Икиз-тепе: *Özgen I., Öztürk J.* Heritage Recovered... N 78. Из кургана в Басмаджи: *Ibid.* N 228.
- ⁷⁰ Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 212.
- ⁷¹ А.Ю. Алексеев (Хронография европейской Скифии. С. 104, примеч. 69) предполагает, что большинство их было изготовлено или в самом начале правления Ашшурбанипала или даже еще в эпоху Асархаддона.
- ⁷² Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 102.
- ⁷³ Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 100–103.
- ⁷⁴ Вахтина М.Ю. Келермесское зеркало, сектор б: лиса, медведь и птица // *Stratum plus.* 2000. № 3. С. 57–58.
- ⁷⁵ Власова Е.В. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 20–27.
- ⁷⁶ Ghirshman R. Perse, Protoiraniens, Mèdes, Achéménides. P., 1963. P. 358, fig. 462; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 106–107; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 55, № 3; Она же. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 20–23, рис. 1, 3; 25, 1.
- ⁷⁷ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 111; *Zwei Gesichter der Eremitage...* S. 89–90, Nr. 17; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 55, № 5; Она же. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 21, рис. 2; 22, 24, рис. 4, 1; 25–26, 2; *Kalashnik Yu.* Greek Gold: From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 2004. P. 51, fig. 25.
- ⁷⁸ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Prag, 1970. Abb. 58; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 110; *Aus den Schatzkammern Eurasiens / Hrsg. M. Karabelnik.* Zürich, 1993. Nr. 27; *Gold der Skythen...* Nr. 42; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 55–56, № 6; Она же. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 22, 24, рис. 4, 2; 26, 3.
- ⁷⁹ *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 56, № 7; Она же. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 22, 24, рис. 4, 3–4; 26, 4–5.
- ⁸⁰ Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. № 101; *Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen: Neue Entdeckungen im Nordkaukasus. München, 1990. Nr. 240, Abb. 191–197; *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* Nr. 28; *Schiltz V.* Die Skythen... S. 57, Abb. 108, 264; *Ксенофонтowa И.В.* Серебряный ритон с протомой Пегаса...; *Ksenofontova I.V., Zajtseva N.G.* A Silver Rhyton with the Protome of Pegasus from the 4th Ulyar Barrow // ACSS. 1997. Vol. 4, N 4. P. 265–293; *Nieswandt H.* Zum sog. Pegasos-Rhyton aus Kurgan 4 von Aul Uljar. I: Formgebung // *Boreas.* 1997. Bd. 20. S. 137–148; На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002. С. 124–125, № 613; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 57, № 9; Она же. О рогах для питья из Уляпского кургана № 4. С. 141–150, рис. 3–5.
- ⁸¹ См. их обзоры: *Treister M.* Hammering Techniques in Greek... P. 152–156; *Власова Е.В.* О рогах для питья из Уляпского кургана № 4. С. 143, сл.
- ⁸² *Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen... Nr. 239, Abb. 187–190; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 57–58, № 10; На краю ойкумены... С. 124–125, № 614; *Власова Е.В.* О рогах для питья из Уляпского кургана № 4. С. 139–141, рис. 1–2.
- ⁸³ *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. B., 1970. Bd. 1. S. 59, Taf. 35, 1 (вверху); 35, 3; 36, 1, 3, 5; *From the Lands of the Scythians.* N.Y., 1975. P. 157, N 6. (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. Vol. 32. 5, 1973/74); *Platz-Horster G.* Altes Museum: Antiker Goldschmuck: Eine Auswahl der ausgestellten Werken. B., 2001. S. 46–47, Nr. 27; *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 22, 24, рис. 4, 9–12; 25.
- ⁸⁴ *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 114; *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 22, 24, рис. 4, 8; 26, 6–7.
- ⁸⁵ *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 115–119; *Zwei Gesichter der Eremitage...* S. 90–91, Nr. 18; *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 22, 24, рис. 4, 5–7; 26, 8–10.
- ⁸⁶ *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. I. S. 55 ff., 57. Taf. 31, 1 (внизу); 31, 4; Farbtaf. VIII, 1; *From the Lands...* P. 157, N 5; *Platz-Horster G.* Altes Museum... S. 44–46, Nr. 26.
- ⁸⁷ *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 25; Она же. О рогах для питья из Уляпского кургана № 4. С. 141.
- ⁸⁸ Античное художественное серебро... С. 14, № 5; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 111.
- ⁸⁹ *Luschey H.* Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939. S. 139, ff.
- ⁹⁰ *Ibid.* S. 138, Nr. 2; S. 142, 162, Nr. 12. Abb. 12; *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 75, Pl. 14A; *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. I. S. 56, Pl. 29, 2; *From the Lands...* P. 156, N 1; *Platz-Horster G.* Der Silberfund von Paternò // *Jdl.* 2003. Bd. 118. S. 228, 278, Taf. 36, 1.
- ⁹¹ *Думберг К.* Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 98–100, рис. 18а–b; *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 75, f. Pl. 14B; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 115, № 120; табл. XII. (Труды ГИМ. 70); *Tsetskhladze G.R.* The Silver Phiale Mesomphalos from the Kuban (Northern Caucasus) // *Oxford Journal of Archaeology.* 1994. Vol. 13.2. P. 199–216; *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts: Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxf., 1994. P. 57–58, fig. 3, 1; *Treister M.* Metal Vessels from Dardanos // *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia: Atti del XV Congresso Internazionale sui*

- Bronzi Antichi / Ed. A. Giunliamair. Montagnac, 2002. P. 355. Fig. 3. (Instrumentum Monographies. 21); *Idem*. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the «Ampsalakos School» // ACSS. 2005. Vol. 11, N 3–4. P. 241, Fig. 16, 5–8.
- ⁹² Последняя была, вероятно, похищена во время разграбления святилища одним из сарматских воинов Фарнака и попала вместе с ним в Прикубанье, где ее новый владелец был похоронен в кургане у хут. Зубова во второй половине I в. до н.э.: *Щукин М.Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III Археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. 1. С. 112; ср.: *Он же.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 177; ср. другие точки зрения: *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks... P. 128; *Смирнов К.Ф.* Северский курган. С. 20; *Капошина С.И.* Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры // Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 149; *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxf., 1986. (BAR Intern. Ser. 278).
- ⁹³ См. подробнее: *Treister M.* Metal Vessels from Dardanos. P. 354–356; *Idem.* The Toreutics of Colchis... P. 92–97.
- ⁹⁴ Шедевры древнего искусства Кубани. № 102–103. Рис. 41; *Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen... Nr. 235. Abb. 186 (фиала); Nr. 246 (омфал).
- ⁹⁵ См. подробнее: *Treister M.* The Toreutics of Colchis... P. 88, Not. 80–81.
- ⁹⁶ *Ксенофонтowa И.В.* Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 150–152.
- ⁹⁷ См. примеч. 104.
- ⁹⁸ См. в целом: *Горбунова К.С.* Серебряные килики... С. 18–38; Античное художественное серебро... С. 13–14, № 1–4.
- ⁹⁹ *Горбунова К.С.* Серебряные килики... С. 20–23, рис. 5; Античное художественное серебро... С. 13, № 1 (с литературой); *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts... P. 130–132, Not. 117 (с литературой), fig. 5, 20.
- ¹⁰⁰ *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 78–79, pl. 15A; *Горбунова К.С.* Серебряные килики... С. 23–26, рис. 6, 7; Античное художественное серебро... С. 13, № 2 (с литературой).
- ¹⁰¹ *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 79, pl. 15B; *Горбунова К.С.* Серебряные килики... С. 26–29, рис. 8; Античное художественное серебро... С. 13–14, № 3 (с литературой).
- ¹⁰² *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* S. 164–165, Nr. 80.
- ¹⁰³ *Горбунова К.С.* Серебряные килики... С. 29–35, рис. 9, 10; Античное художественное серебро... С. 14, № 4 (с литературой); *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 117; *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* S. 164–165, Nr. 80 (с литературой); *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts... P. 136, fig. 5, 24.
- ¹⁰⁴ *Schefold K.* Attische Silberschale // RM. 1931. Bd. 46. S. 119–129; *Горбунова К.С.* Серебряные килики...; *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts... P. 130, ff. Полное отсутствие находок таких сосудов за пределами Западного Причерноморья и Прикубанья, а также некоторые детали декора, нехарактерные для аттической краснофигурной керамики, все же дают основание сомневаться в аттическом происхождении этой группы сосудов: *Platz-Horster G.* 'Griechische' Silbergefäße in thrakischen Fürstengräbern? // Die griechische Klassik: Idee oder Wirklichkeit. Mainz, 2002. S. 582–583.
- ¹⁰⁵ *Горбунова К.С.* Серебряные килики... С. 33–35.
- ¹⁰⁶ Фиала из Башовой Могилы: *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 74, 80, pl. 15B; *Venedikov I., Gerassimov T.* Thrakische Kunst. Wien; München, 1973. Taf. 170–172; Ancient Gold: The Wealth of the Thracians; Treasures from the Republic of Bulgaria / Ed. I. Marazov. N.Y., 1998. P. 138–139, N 64. Килик из Башовой Могилы: *Venedikov I., Gerassimov T.* Thrakische Kunst. Taf. 173–174; Die Thraker: Das goldene Reich des Orpheus / Hrsg. R. Eicht. Bonn, 2004. S. 155, Nr. 211d. Канфар из Голямата Могила: *Venedikov I., Gerassimov T.* Thrakische Kunst. Taf. 163–169; Ancient Gold... P. 148–149, N 77. Килик из Капиново: Ancient Gold... P. 174–175, N 104.
- ¹⁰⁷ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 106, № 104; табл. XIX, XX; *Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen... Nr. 59. Abb. 183–185; На краю ойкумены... С. 125–126, № 615.
- ¹⁰⁸ См. подробно: *Treister M.* The Toreutics of Colchis...
- ¹⁰⁹ Античное художественное серебро... С. 16, № 7; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 117.
- ¹¹⁰ *Черненко Е.В.* Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев, 1973. С. 67; *Он же.* Скифские лучники. Киев, 1981. С. 54, рис. 35, примеч. 140 (с литературой).
- ¹¹¹ Женское погребение третьей четверти V в. до н.э. на Таманском полуострове (*Силантьева П.Ф.* Спиралевидные подвески Боспора. С. 135, примеч. 23, с литературой). Курган на берегу залива близ ст. Сенной. Каменная гробница конца V в. до н.э. Раскопки 1852 г. (Там же. С. 127, 135, примеч. 28 с литературой). Курган близ Фанагории. 1869. Женское погребение (Там же. С. 127–128, 135, примеч. 29). Курган, раскопанный в 1855 г. К.Р. Бегичевым вблизи хут. Семеняки. Погребение с сожжением (*Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото... С. 172, № 109).
- ¹¹² Курган по дороге в Тузлу, в 2 км от Тамани. Женское погребение второй четверти IV в. до н.э.; *Силантьева П.Ф.* Спиралевидные подвески Боспора. С. 129, 136, примеч. 39; *Она же.* Филигранные бусы... С. 52, № 9, 58, примеч. 18. Курган близ Тамани. 1874 г. Погребение середины — третьей четверти IV в. до н.э. (*Она же.* Спиралевидные подвески Боспора. С. 129, 136, примеч. 38).
- ¹¹³ Могила № 110/1870 — детское погребение с золотыми спиралевидными подвесками: *Она же.* Спиралевидные подвески Боспора. С. 128, 136, примеч. 33.
- ¹¹⁴ Своеобразен золотой браслет в виде шнура из соединенных цепочек с наконечниками в виде змеиных головок из Семибратнего кургана № 4; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 103; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 92, Nr. 19; *Kalashnik Yu.* Greek Gold... P. 54, fig. 29.
- ¹¹⁵ Из Фанагории: *Невсров О.Я.* Металлические перстни... С. 19, примеч. 20. Из VI Семибратнего кургана: Там же. С. 20, примеч. 23; *Boardman J.* Greek

- Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. 2nd ed. L., 2001. P. 694.
- ¹¹⁶ Силантьева П.Ф. Спиралевидные подвески Боспора. С. 123.
- ¹¹⁷ Там же. С. 126, рис. 3, а; № 2 (Т. 1852.6); С. 126, рис. 3, в; С. 127, № 6, примеч. 28 (Т.1852.36); С. 126, рис. 4, а; С. 127, № 7 (ФА.1869.1).
- ¹¹⁸ Там же. С. 126, рис. 4, в; С. 128 (Т.1870.46), № 9; С. 128–129, рис. 6, а, № 12, 136, примеч. 38 (Т.1874.5): бронзовые, обтянутые золотым листом; С. 129, рис. 6, б, № 13; С. 136, примеч. 39 (Т.1868.21).
- ¹¹⁹ Там же. С. 126, рис. 4, б; С. 128; 135, примеч. 30.
- ¹²⁰ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 34, рис. 30; Williams D. The Kyme Treasure // Ancient Jewelry and Archaeology / Ed. A. Calinescu. Bloomington; Indianapolis, 1996. P. 118.
- ¹²¹ Силантьева П.Ф. Спиралевидные подвески Боспора. С. 133, рис. 8; 134; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 261, рис. 2; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 35, fig. 10.
- ¹²² Силантьева П.Ф. Филигранные бусы... С. 49, сл.
- ¹²³ Там же. С. 52, № 9–11: из курганного некрополя Гермонассы, из VI Семибратнего кургана и из кургана Большая Близица.
- ¹²⁴ Там же. С. 52, табл. 2, 2; 56. См. также: Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 104–105.
- ¹²⁵ Zwei Gesichter der Eremitage... S. 83, Nr. 7.
- ¹²⁶ Каменная гробница в кургане на хут. Таврова, 1862 г.: На краю ойкумены... С. 54–55, № 168.
- ¹²⁷ Яблоновка, курган № 2: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1–27. С. 64, № 227, табл. XXIII, 1; На краю ойкумены... С. 100, № 451.
- ¹²⁸ Например, из детского погребения середины V в. до н.э. в кургане Ки-зельдон в Западной Малой Азии: Özgen I., Öztürk J. Heritage Recovered... P. 57, fig. 126; Sevinç N., Ros C.B. A Child's Sarcophagus from the Salvage Excavations at Gümüşçay // Studia Troica. 1999. Bd. 9. P. 498–499, N 13, fig. 13–14; Meriçboylu Y.A. Antikçağ de Anadolu takilari. Istanbul, 2001. P. 100, fig. 1 (вверху).
- ¹²⁹ Погребение № 8 кургана № 17: Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 72–73, рис. 38; Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 90; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 133, № 76; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 132–133, Nr. 43. Погребение № 3/1868: Depert-Lippitz V. Griechischer Goldschmuck. S. 143, Abb. 92; Despin A. Greek Art... P. 150, fig. 136; Vickers M. Scythian and Thracian Antiquities in Oxford. Oxf., 2002. P. 34–35, pl. 11.
- ¹³⁰ Курган Бабы: Онайко Н.А. Античный импорт... С. 57, № 29, табл. XXI, 7. Курган № 404 у с. Журовка: Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 24, рис. 55; Schefold K. Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 35, Abb. 25; Онайко Н.А. Античный импорт... С. 64, № 229, табл. XXI, 2.
- ¹³¹ Погребение № 282(27)/1964: Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–102, рис. 37; На краю ойкумены... С. 53, № 167.
- ¹³² Leskov A.M. Grabschätze der Adygeen... Nr. 54, Abb. 151; Власова Е.В. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 4–25, рис. 4, 16.
- ¹³³ См. об этих вещах ниже; предположение высказано Е.В. Власовой (Сосуды в форме рога из Семибратних курганов. С. 25).
- ¹³⁴ См. ниже примеч. 233–236.
- ¹³⁵ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 88, № 39.
- ¹³⁶ Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1911. Rußland // AA. 1912. Sp. 335–336; Idem. Archäologische Funde im Jahre 1912. Rußland // AA. 1913. Sp. 179–187; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 22–33; Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus. S. 260–261; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 150–151; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990. S. 286. FK 161–163. (Istanbuler Forschungen; Bd. 37); Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 178.
- ¹³⁷ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до н.э. // Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Древности Южной России... С. 1–120; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // Там же. С. 121–192; Трейстер М.Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана... С. 182–184; Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 67–72.
- ¹³⁸ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх...; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства...; Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх // БФ. 1999. С. 204–208.
- ¹³⁹ Трейстер М.Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана... С. 180–186; Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 51–77.
- ¹⁴⁰ Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1912... Sp. 187, Abb. 18; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи... и в Алуште в 1912 г. С. 31, рис. 20; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. S. 150, Abb. 34 (внизу справа); Античное художественное серебро... С. 22, № 16; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 178, рис. 53 (справа); Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 56–58, figs. 4–6.
- ¹⁴¹ Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1912... S. 185–186, Abb. 12; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи... и в Алуште в 1912 г. С. 31, рис. 22; Античное художественное серебро... С. 24, № 18; Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 61–62, fig. 11.
- ¹⁴² Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 151–152, табл. V, 2; Schefold K. Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 27, Abb. 16.
- ¹⁴³ Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 157–158, табл. III, 12; Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. S. 80, Abb. 155.
- ¹⁴⁴ Черпак: Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства...

- С. 151, табл. VI, 2. Ситечко: Там же. С. 151, табл. VI, 3.
- ¹⁴⁵ См. подробнее об аналогичных кубках из Македонии и Фракии: *Трейстер М.Ю.* Металлические сосуды из Зеленского кургана... С. 182; *Treister M.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 67; о подобных медальонах серебряных кубков из Македонии и Фракии: *Трейстер М.Ю.* Металлические сосуды из Зеленского кургана... С. 182–183; *Treister M.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 68–69. Ближайшие параллели ситечку и черпаку происходят из рассмотренного выше набора серебряной посуды кургана на Зеленой горе.
- ¹⁴⁶ *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 152, сл., табл. VI, 4; *Саханев В.* Серебряные сосуды с золоченым орнаментом из Чмырева кургана // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 123; *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 21, Abb. 17; *Luschey H.* Die Phiale... S. 138, Nr. 10.
- ¹⁴⁷ Фриз из пальметт и цветков лотоса напоминает декор вокруг омафала фиалы из Башовой Могилы во Фракии (см. выше примеч. 106), а также одной из фиал из тайника Чмыревой Могилы (*Саханев В.* Серебряные сосуды... С. 118, 120, рис. 4; *Luschey H.* Die Phiale... S. 138, Nr. 8; *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. М., 1970. С. 100, № 398, табл. XIV. (САИ; Вып. Д1-27)). Ближайшую параллель гирлянде с листьями плюща мы находим на серебряной двуручной чаше со сценами охоты из Солохи (*Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Taf. 152–155; *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье... С. 103, № 435; С. 183, табл. XXIX; Античное художественное серебро... С. 18–19, № 10; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 157–160; *Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л., 1987. С. 88–92, № 61; *Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti* / Ed. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova, Milano, 2001, N 65), тогда как лесбийский киматий с трилистниками относится к варианту, характерному для декора кубков третьей четверти IV в. до н.э. из Македонии (см. об этом декоре подробнее: *Treister M.* The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays // *Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine* / Ed. E.D. Reeder. N.Y., 1999. P. 78, 80, Not. 56).
- ¹⁴⁸ *Лаппо-Данилевский А.* Древности кургана Карагодеуашх... С. 44–45, рис. 12.
- ¹⁴⁹ *Treister M.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 54–56; *Трейстер М.Ю.* Серебряная посуда из Соболевой Могилы. С. 513–515; *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса... С. 345.
- ¹⁵⁰ *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts... P. 118, fig. 5, 12, not. 52; *Vickers M.* Was ist Material wert? Eine kleine Geschichte über den Stellenwert griechischer Keramik // *Antike Welt*. 2004. Jg. 35, H. 2. S. 67, 69, Abb. 10.
- ¹⁵¹ *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1909. Rußland // AA. 1910. Sp. 219–220, Abb. 19; *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 29–30; *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 86; *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье... С. 101, № 400; С. 157, табл. XV; *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts... P. 118, fig. 5, 11; *Williams D.* Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // *RevArch*. 1996. P. 238–239; *Vickers M.* Was ist Material wert?... S. 67, 69, Abb. 9.
- ¹⁵² *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 140–150; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 134–135, 162–167.
- ¹⁵³ *Лаппо-Данилевский А.* Древности кургана Карагодеуашх... С. 44, рис. 11; *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 145–146, рис. 19–20; *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen, Abb. 156 (справа); *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 162–163; *Savostina E.A.* Les kourganés du Bosphore // *Le dossiers d'archéologie*. 1993. N 188. P. 62 (слева сверху); *Jacobson E.* The Art of the Scythians... P. 220–221, N VI.G.6.c; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 61, № 25; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn. P. 101–102, N 25, fig. 20, 1.
- ¹⁵⁴ *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 140–145, рис. 16, 18; *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen, Abb. 156 (слева); Taf. 317; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 166–167; *Jacobson E.* The Art of the Scythians... P. 220–221, N VI.G.6.b; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 61, № 26; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn. P. 101–103, N 26, fig. 20, 2.
- ¹⁵⁵ *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 144, рис. 18.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 146–150, рис. 21–23; *Придик Е.М.* Два серебряных ритона... С. 168, сл., табл. I–III; *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Abb. 157; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 164–165; *Jacobson E.* The Art of the Scythians... P. 220–221, N VI.G.6.a; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 61, № 27; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn. P. 102–104, N 27, fig. 20, 3.
- ¹⁵⁷ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Anhang. Taf. XXII; *Виноградов Ю.А.* О ритонах из кургана Карагодеуашх // ПАВ. 1993. N 6. С. 68, рис. 3; *Gajdukevič V.F.* Das Bosphoranische Reich. S. 148, Abb. 33; *Ustinova Yu.* The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 264–269, pl. 27.
- ¹⁵⁸ *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 3; *Блаватский В.Д.* Сцена инвентитуры на карагодеуашском ритоне // СА. 1974. № 1. С. 38–44; *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 116.
- ¹⁵⁹ *Маразов И.* Ритоните в древна Тракия. София, 1978. С. 18.
- ¹⁶⁰ *Виноградов Ю.А.* О ритонах из кургана Карагодеуашх. С. 70.
- ¹⁶¹ *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба // *Археологические вести*. 1999. Вып. 6. С. 164–165, рис. 2с; *Она же.* Скифский рог. С. 61, № 24; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn. P. 101, N 24, fig. 19d; *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: (публикация комплексов). М., 2001. С. 183, 208, рис. 6, 1.
- ¹⁶² *Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine*. N.Y., 1999. P. 312–314, N 163; *Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба. С. 164, сл., рис. 2d; *Трейстер М.Ю.* Серебряная посуда из Соболевой Могилы.

- С. 515–517, 523–524, рис. 160–161.
- ¹⁶³ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх... С. 42, № 47 (как наконечник ритона); Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 150–151 (как навершие скипетра), табл. VI, 1.
- ¹⁶⁴ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх... С. 25, № 1; С. 29, рис. 1; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 136–138, рис. 13; табл. VIII, 1–2. Оба исследователя, по аналогии с куль-обской пластиной, считали ее частью головного убора.
- ¹⁶⁵ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх... С. 52, № 9; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 133–135, табл. VIII, 9 (как украшение колчана).
- ¹⁶⁶ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх... С. 56–57, рис. 34–35; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 122–128, рис. 1, 2, 4–7; табл. IX; Scheffold K. Der skythische Tierstil in Südrussland. S. 23, Abb. 15; Schiltz V. Deux gorytes identiques en Macédoine et dans le Kouban // RevArch. 1979. P. 305–307, fig. 1; Черненко Е.В. Скифские лучники. С. 67–74, рис. 48–51; Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 228–230, VII, 4.
- ¹⁶⁷ Schiltz V. Deux gorytes identiques... P. 307–308, fig. 2; Eadem. Die Skythen... S. 144, Abb. 107; Черненко Е.В. Скифские лучники. С. 67–74, рис. 45–47; Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs. Athens, 1984. P. 180–186, figs. 146–149; Boardman J. The Diffusion of Classical Art... P. 204–205, fig. 6, 25; Daumas M. Des cabires Thébains aux grands dieux de Samothrace: Aspects d'une recherche sur un culte a mystères // RevArch. 1997. P. 206–207, fig. 7; Stähler K. Zum Gorytrelief aus dem sog. Philippsgrab in Vergina // Zur graeco-skythischen Kunst: Archäologisches Kolloquium Münster 1995 (Eikon. Bd. 4) / Hrsg. K. Stähler. Münster, 1997. S. 85–114, Abb. 34–35, 37.
- ¹⁶⁸ Treister M. Hammering Techniques... P. 136, 139–140, 431, fig. 66.
- ¹⁶⁹ Andronicos M. Vergina... P. 181; Schiltz V. Die Skythen... S. 302.
- ¹⁷⁰ Daumas M. Des cabires Thébains... P. 206–207; ср.: Andronicos M. Vergina... P. 181.
- ¹⁷¹ Stähler K. Zum Gorytrelief... S. 89, ff.
- ¹⁷² ОАК за 1882–1888 гг. Табл. VII, 8.
- ¹⁷³ Виноградов Ю.А. О датировке центрального погребения в кургане Малая Близнаца // БФ. 2002. Ч. 2. С. 178; Он же. Хронология кургана Малая Близнаца // БФ. 2004. Ч. 1. С. 273.
- ¹⁷⁴ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 134; Schiltz K. Die Skythen... S. 378, Abb. 294; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 144–145, № 87; Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung // Jdl. 1996. Bd. 111. S. 129, Abb. 17; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 166–167, Nr. 72.
- ¹⁷⁵ L'or des Thraces: Trésors de Bulgarie. Musée Jacquemart-André / Ed. V. Fol. P., 2006. P. 158–159, N 63.
- ¹⁷⁶ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 177; Aus den Schatzkammern Eurasiens. S. 113, Nr. 59.
- ¹⁷⁷ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 176; Aus den Schatzkammern Eurasiens. S. 113, Nr. 58; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 142, № 84.
- ¹⁷⁸ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 175; Aus den Schatzkammern Eurasiens. S. 112, Nr. 57.
- ¹⁷⁹ Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 251; Aus den Schatzkammern Eurasiens. S. 108, Nr. 54; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 186–187, № 120; Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blizniza... S. 128, Abb. 16; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 187–189, Nr. 86; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 105, fig. 64.
- ¹⁸⁰ См.: Пругло В.И. К вопросу о дате кургана Большая Близнаца // СА. 1974. № 3. С. 64–77; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 270–271; Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blizniza... S. 115–132. См. также находки, опубликованные в выставочных каталогах: Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 180–195, № 115–130; С. 268–271, № 203–208; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 184–202, Nr. 85–101; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 103–106.
- ¹⁸¹ ОАК за 1882–1888 г. С. 74, сл., табл. VII; Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора Киммерийского // БФ. 1999. С. 196–197; Он же. Хронология кургана Малая Близнаца.
- ¹⁸² См. выше примеч. 136.
- ¹⁸³ См. выше примеч. 137.
- ¹⁸⁴ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.
- ¹⁸⁵ Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 284–285, 291–294; Galanina L., Grach N. Scythian Art. Figs. 226–228; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 268–269, № 203.
- ¹⁸⁶ Мирошина Т.В. Греческие головные украшения... С. 15–17; Фиалко Е.Е. Греческие калафы из скифских могил // Международные отношения. 2002. № X. С. 82–84; Ключко Л., Васина З. Новые материалы для реконструкции скифских головных уборов // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников Двенадцатого colloquium (3–10 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 44–49.
- ¹⁸⁷ Кирилин Д.С. Трехбратные курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 181–183, рис. 4, примеч. 13; Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 223; Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 150, N III.A.5; Античные памятники Крыма: (Ancient Greek Sites of the Crimea). Киев, 2004. С. 269 (рис.); Chaikovskiy S.M., Rimar P.O., Strokova L.V., Starchenko O.V. Museum of Historical Treasures of Ukraine. Kiev, 2004. N 23; Трейстер М.Ю. Гарнитур украшений... С. 164–167, рис. 1–3; С. 186, № 1.
- ¹⁸⁸ Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. № 1. С. 30–45; Ключко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 118–130; Она же. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С. 37–53.
- ¹⁸⁹ Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 307; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 185, № 119.

- ¹⁹⁰ Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blizniza... S. 123, Abb. 10.
- ¹⁹¹ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх... С. 27, № 15; С. 29–34; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 159–160, табл. III, 1; Ростовцев М.И. Представление о монархической власти... С. 9, сл., табл. II, 1; Манцевич А.П. О пластине из кургана Карагодеуашх; Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 318, 320; Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 232; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 120, 132, 154–155; Gold der Skythen... S. 136–137, Nr. 67; Schiltz V. Die Skythen... S. 189, Abb. 138; S. 383, Abb. 304; Савостина Е.А. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995. Т. 1. С. 112, табл. II, 3; С. 118–119; Jacobson E. The Art of the Scythians... P. 157–158, N III.B.4, fig. 33; Ustinova Yu. The Supreme Gods... P. 123–127, pl. 9; Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах... С. 207.
- ¹⁹² Савостина Е.А. Тема надгробной стелы... С. 118–119.
- ¹⁹³ См. подробнее: Treister M. Hammering Techniques... P. 142, ff.
- ¹⁹⁴ Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991. С. 206–208, № 128.
- ¹⁹⁵ Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. С. 129–130, № 175а, рис. 112.
- ¹⁹⁶ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 180–181, № 115.
- ¹⁹⁷ ОАК за 1882–1888 гг. Табл. VII, 5.
- ¹⁹⁸ Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1911... Sp. 335–336, Abb. 19; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 179, № 113.
- ¹⁹⁹ См. выше примеч. 179.
- ²⁰⁰ См. выше примеч. 174.
- ²⁰¹ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 201–204, Taf. 27, 4; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 190, № 122.
- ²⁰² Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 309 (в середине); Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 181, № 116; Музы и маски: Театр и музыка в античности. Античный мир на петербургской сцене: Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. СПб., 2005. С. 176, № 138.
- ²⁰³ Marshall F.H. Catalogue of the Jewellery... Nos. 1662–1665, 1670–1673, pl. XXX; Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. B., 1975. Bd. II. S. 49, Taf. 40, 1; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 185–186, Abb. 131, Farbtaf. XX; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 96–97, № 49–50; Williams D. The Kyme Treasure. P. 119, fig. 2; Despini A. Greek Art... N 72; Jackson M. Hellenistic Gold Eros Jewellery: Technique, Style and Chronology. Oxf., 2006. P. 136–137, pl. 9, 2–5. (BAR Intern; Ser. 1510).
- ²⁰⁴ Подробнее о роскошном стиле см.: Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 161, ff.
- ²⁰⁵ Саверкина И.И. Роскошные серьги... С. 7–23.
- ²⁰⁶ Там же. С. 8–9.
- ²⁰⁷ Там же. С. 21.
- ²⁰⁸ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 172, № 109.
- ²⁰⁹ Там же. С. 172; Williams D. The Kyme Treasure. P. 120.
- ²¹⁰ Makedonen die Griechen des Nordens. Sonderausstellung 11.3.1994–19.6.1994. Forum des Landesmuseum Hannover / Hrsg. I.-K. Vokotopoulou. Athen, 1994. P. 210–211, N 252.
- ²¹¹ Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 156, табл. III, 6–7; IV, 10; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 156; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 223, Abb. 41, f; Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 69–72, fig. 15.
- ²¹² Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 223–225, Abb. 41; Williams D. The Kyme Treasure. P. 119–121.
- ²¹³ См. подробно: Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow... P. 71–72.
- ²¹⁴ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 54, 286, Taf. 6, 5; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 179, № 114; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 53, fig. 27.
- ²¹⁵ Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх... С. 27, № 23, 36–38, табл. IV, 1; Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства... С. 154–155; Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 319; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 166, Abb. 116; Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 254; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 160–161; Gold der Skythen... S. 138–139, Nr. 68; Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах... С. 205–206.
- ²¹⁶ Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Taf. 309 (внизу); Zwei Gesichter der Eremitage... S. 200–201, Nr. 100.
- ²¹⁷ Miller S. Two Groups of Thessalian Gold. Berkeley; Los Angeles, 1979. S. 11, ff.; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 153; Treister M. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae) // Ancient Greeks West and East / Ed. G.R. Tsatskheladze. Leiden, 1999. P. 368–369, Not. 3.
- ²¹⁸ Boltrik Ju.V., Fialko E.E. Der Oguz-Kurgan: Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1991. Bd. 18. S. 128, Taf. 13 (внизу); Dal Mille al Mille: Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milano, 1995. P. 92, N I, 76.
- ²¹⁹ Например, ожерелье из Большой Близицы: Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 230; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 188–189, № 121.
- ²²⁰ См. их сводку: Саверкина И.И. Греческие ожерелья...
- ²²¹ С пронизьями-подвесками зерновидной формы: Özet M.Y. The Tomb of a Noble Woman from the Hekatomid Period // Hekatomid Caria and the Ionian Renaissance: Acts of the Intern.: Symposium at the Dept. of Greek and Roman Studies, Odense University, 28–29 Nov. 1991 / Ed. J. Isager. Odense, 1994. P. 92–93, N 4, fig. 11. (Halicarnassian Studies. I); Özgen I., Öztürk J. Heritage Recovered... P. 58, fig. 130; Meriçboyu Y.A. Antikçağ de Anadolu takilari. P. 121, fig. 2. С подвесками в виде буквых орешков: Özet M.Y. The Tomb of a Noble Woman... P. 94, N 6b, fig. 14; Özgen I., Öztürk J. Heritage Recovered... P. 58, fig. 131; Meriçboyu Y.A. Antikçağ de Anadolu takilari. P. 121, fig. 3.
- ²²² С пронизьями-подвесками зерновидной формы: см. выше примеч. 219. С подвесками в виде буквых орешков: Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 191, № 123; Савер-

- кина И.И. Греческие ожерелья... С. 95–96, рис. 1.
- ²²³ С пронизями-подвесками зерновидной формы: см. выше примеч. 215. С подвесками в виде буковых орешков: *Лаппо-Данилевский А.* Древности кургана Карагодеуашх... С. 27, № 24; 36–38; табл. IV, 3; *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 156; *Саверкина И.И.* Греческие ожерелья... С. 95–96, рис. 2.
- ²²⁴ О распространении таких ожерелий см., например: *Treister M.* Hammering Techniques... P. 285–287. О находках таких ожерелий в Северном Причерноморье см.: *Саверкина И.И.* Греческие ожерелья...
- ²²⁵ *Amandry P.* Collection Hélène Stathatos: Les bijoux antiques. Strasbourg, 1953. P. 81; *Blanck I.* Studien zum griechischen Halsschmuck der archaischen und klassischen Zeit: Diss. Mainz; Köln, 1974. S. 40–41, 43.
- ²²⁶ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Taf. 295; *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck... S. 175, Abb. 123; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Figs. 255–256; *Schiltz V.* Die Skythen... S. 384–385, Abb. 310; *Jacobson E.* The Art of the Scythians... P. 118–119, fig. 15; *Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Großen Blizniza... S. 127–131, Abb. 15; *Fornasier J.* Das Pektoral aus der Tolstaja Mogila – Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion // Zur graeco-skythischen Kunst. Münster, 1997. S. 123–126, Abb. 41; *Themelis P.* Macedonian Dedications on the Acropolis // The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens. May 24–26, 2001 / Ed. O. Palagia, S.V. Tracy. Oxf., 2003. P. 165–166, fig. 3.
- ²²⁷ *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото... С. 127; *Themelis P.* Macedonian Dedications... P. 165.
- ²²⁸ *Рудольф В.* Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «Чертомлыцкого» мастера и его школы // Археологические вести. 1993. Вып. 2. С. 89–90; *Савостина Е.А.* Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // БФ. 1999. С. 200–201.
- ²²⁹ *А. Шварцмайер (Schwarzmaier A.)* Die Gräber in der Großen Blizniza... S. 127–128) датирует пектораль из Толстой Могилы 320-ми годами до н.э., а пектораль из Большой Близицы началом III в. до н.э.
- ²³⁰ *IG II² 1492; Themelis P.* Macedonian Dedications... P. 164–165.
- ²³¹ *Faklaris P.* Περίτραχίλιον // Αρχαιολογικόν Δελτίον. 1985 (1991). Т. 40.А. P. 16.
- ²³² ОАК за 1882–1888 гг. Табл. VII, II.
- ²³³ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Taf. 263; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 212.
- ²³⁴ *Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978. С. 46. Раздел VI, табл. 35, 2–2а. (САИ; Вып. Д4-5); *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 122–123; *Манцевич А.П.* Курган Солоха. С. 55–57, № 33; *Jacobson E.* The Art of the Scythians... P. 119–120, N II.B.1, fig. 16–17; *Williams D.* Identifying Greek Jewellers and Goldsmiths // The Art of the Greek Goldsmith: Proceedings of the International Conference, London, 4–6 October 1994 / Ed. D. Williams. L., 1998. P. 101, colour pl. 15.
- ²³⁵ *Leskov A.* Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries. Leningrad, 1972. Pl. 32, 40–41; *Idem.* Die skythische Kurgane: Antike Welt Sondernr. Zürich, 1974. S. 73, Abb. 103; *Петренко В.Г.* Украшения Скифии... Табл. 31, 2; Gold der Steppe: Archäologie der Ukraine / Hrsg. R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel. Schleswig, 1991. Nr. 105.
- ²³⁶ *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Taf. 19, 1–3; *Williams D.* Identifying Greek Jewellers... P. 101.
- ²³⁷ *Галанина Л.К.* Курджипский курган. С. 37–38, 84–85, № 18, табл. IV; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 241.
- ²³⁸ *Галанина Л.К.* Курджипский курган. С. 37–38.
- ²³⁹ *Лаппо-Данилевский А.* Древности кургана Карагодеуашх... С. 27, № 21, 35; Табл. II, 7–9; *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 136, рис. 12; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 240; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 157 (внизу); *Gold der Skythen...* S. 134–135, Nr. 66; *Королькова Е.Ф.* Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи // Ювелирное искусство. 2001. С. 72, 78, рис. 2, 2.
- ²⁴⁰ См. об этой группе гривен подробно: *Королькова Е.Ф.* Звериный стиль... С. 72, сл., рис. 2–4.
- ²⁴¹ Она же. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 80–81, рис. 3, 2; Она же. Звериный стиль... С. 72b, 78, рис. 2, 3.
- ²⁴² *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1912... Sp. 180, Abb. 2; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи... и в Алуште в 1912 г. С. 26, рис. 8; *Treister M.* Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style... P. 31, 67, pl. I, 1–2.
- ²⁴³ См. подробнее об эллинистических брошах на Боспоре: *Treister M.* Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style...
- ²⁴⁴ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Taf. 279; *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. S. 190, Abb. 139; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 234; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 342. TA 124, Taf. 16, 4; *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото... С. 192–193, № 124; Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. P. 101, fig. 63.
- ²⁴⁵ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Taf. 313; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 342. TA 125, Taf. 21, 2; *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото... С. 182–183, № 118.
- ²⁴⁶ *Мальмберг В.* Памятники греческого и варварского искусства... С. 157, табл. III, 8–9; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Fig. 250; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 158.
- ²⁴⁷ *Makedonen die Griechen des Nordens...* Nr. 306; Albanien: Schätze aus dem Land der Skipetaren / Hrsg. A. Eggebrecht. Mainz, 1988. Nr. 280.
- ²⁴⁸ *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. S. 74–75, Abb. 142, 143; *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото... С. 193, № 125; *Zwei Gesichter der Eremitage...* S. 194, Nr. 90; *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings... P. 233, pl. 819; *Kalashnik Yu.* Greek Gold... P. 58, fig. 33.
- ²⁴⁹ *Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях Орджоникидзе, Днепропетровского района (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия

- и Кавказ. Киев, 1980. С. 134–135, № 15, рис. 69, 70; Gold der Steppe... S. 316, Nr. 114; Gold aus Kiew: 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine; Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien / Hrsg. W. Seipel. Wien, 1993. S. 194–195, Nr. 57; Scythian Gold... P. 218, N 99.
- ²⁵⁰ Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. S. 75, Abb. 144; Taf. 280; From the Lands... N 64; Неве-ров О.Я. Металлические перстни... С. 23, табл. 2, 6–7; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 194, № 126; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 194–195, Nr. 91; Boardman J. Greek Gems and Finger Rings... P. 233, pl. 820.
- ²⁵¹ Williams D. Three Groups of Fourth Century South Italian Jewellery in the British Museum // RM. 1988. Bd. 95. P. 89–90, pl. 39, 1–3.
- ²⁵² Ibid. P. 89–90.
- ²⁵³ На краю ойкумены... С. 53, № 166.
- ²⁵⁴ Галанина Л.К. Курджипский курган. С. 38–40, 85–86, № 19, табл. IV (внизу); Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 231; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 172–173; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 311. НК 117, Taf. 4, 3.
- ²⁵⁵ Галанина Л.К. Курджипский курган. С. 39.
- ²⁵⁶ Völker-Janssen W. Kunst und Gesellschaft an den Höfen Alexanders d.Gr. uns seiner Nachfolger. München, 1993. S. 202–203, Anm. 120. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt; Bd. 15).
- ²⁵⁷ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 46.
- ²⁵⁸ Виноградов Ю.А. О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum+: ПАВ. 1997. С. 77.
- ²⁵⁹ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото... С. 188–189; Минасян Р. О первоначальном облике золотых подвесок с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1999. Вып. LVIII. С. 39.
- ²⁶⁰ Грач Н.Л. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба: (две реконструкции) // Античная торевтика. Л., 1986. С. 86.
- ²⁶¹ Трейстер М.Ю. Гарнитур украшений... С. 183–185.
- ²⁶² Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики...
²⁶³ См. подробнее: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 572–575.
- ²⁶⁴ О находках в Буеровой Могиле см.: ОАК за 1870–1871 гг. С. IX–XII; Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма Пг., 1918. С. 43, сл., табл. II, 4, 7–8. (МАР. 37); Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus. S. 547, f.; Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати... С. 197; Он же. «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб.; М., 2004. С. 127, сл.
- ²⁶⁵ ОАК за 1881 г. С. IX; ОАК за 1882–1888 гг, табл. II, 3, 6, 7, 16–18; Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus. S. 267, f.; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 261, FK 118.
- ²⁶⁶ Максимова М.И. Артюховский курган.
- ²⁶⁷ Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 19, сл.; Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus. S. 552, ff.; Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55–58; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 260, FK 114; Виноградов. Курганы варварской знати... С. 198; Он же. «Там закололся Митридат...». С. 174, сл., рис. 43.
- ²⁶⁸ Спицын А.А. Фалары Южной России. С. 22, № 17, 32, рис. 5 (надпись); С. 36, рис. 35; Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1970, № 718, табл. 45, 3. (САИ; Вып. Д1-27).
- ²⁶⁹ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 73, сл., рис. 23В1; С. 80, № 4–5, рис. 26.
- ²⁷⁰ Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus. S. 548; Максимова М.И. Артюховский курган. С. 81, примеч. 293.
- ²⁷¹ Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 184, сл., рис. 1, 4; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 40. Комплекс № 300.
- ²⁷² Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 40. Комплекс № 288, рис. 73, 4.
- ²⁷³ Strong D.E. Greek and Roman Gold... P. 108–109; Horedt K. Die dakischen Silberfunde // Dacia. 1973. T. XVII. S. 143–144, Abb. 8, G3a.
- ²⁷⁴ Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997. P. 109–110, Nos. 328–330. (The Athenian Agora; XXIX).
- ²⁷⁵ Meyer-Schlichtmann C. Die pergamenische Sigillata aus der Stadgrabung von Pergamon. B., 1988. S. 78, 217. Type B3, Abb. 58, Taf. 9. (Pergamenische Forschungen; Bd. 6).
- ²⁷⁶ Grose D.F. The Syro-Palestinian Glass Industry in the Later Hellenistic Period // MUSE. 1979. Vol. 13. P. 54–67; Rotroff S.I. Hellenistic Pottery... P. 109, not. 107.
- ²⁷⁷ Античное художественное серебро... С. 24, № 20; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 16, fig. 1.
- ²⁷⁸ Античное художественное серебро... С. 24, № 20.
- ²⁷⁹ Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 16, fig. 1.
- ²⁸⁰ Oliver A.Jr. Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 1977. P. 64–65, Nos. 31, 32; Platz-Horster G. Der Silberfund von Paternò. S. 216, 260–261, taf. 18, 19.
- ²⁸¹ Анфимов Н.В. Курганный комплекс... С. 184, сл., рис. 1, 3; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 41. Комплекс № 300; L'or des Amazones / Ed. V. Schiltz. P., 2001. P. 153, N 149.
- ²⁸² Античное художественное серебро... С. 24, № 19.
- ²⁸³ Oliver A.Jr. Silver for the Gods... P. 53, N 21.
- ²⁸⁴ Верхняя пластина: Ростовцев М.И. Представление о монархической власти... С. 133–137, табл. X, 1; Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. S. 85, Taf. 331; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. S. 140, Abb. 23; Маразов И. Ритоните в древня Тракия. С. 18, сл., рис. 12; Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993. P. 20, f, fig. 15, 79, not. 195; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 93, Nr. 20; Виноградов Ю.А. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // ТС. 1998. Вып. 1. С. 63, сл., рис. 1, 1; Власова Е.В. Скифский рог. С. 53, 62, № 29; Vlasova E.V. The Scythian

- Drinking Horn. P. 76, 107, N 30; *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 87, сл., рис. 21; *Емец И.А.* Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. М., 2002. С. 73, сл.; *Виноградов Ю.А.* «Там закололся Митридат...»... С. 128, сл., рис. 38, 2. Пластина нижней части раструба: *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти... С. 136, табл. X, 2–3; *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. P. 20, f.; *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. С. 63, рис. 1, 5; 65.
- ²⁸⁵ Оправа с изображением грифонов: *Спицын А.А.* Фалары Южной России. С. 25, № 27, 37, рис. 37; *Смирнов К.Ф.* Северский курган. С. 12, № 6; С. 26–28, рис. 11, табл. VIa; На краю ойкумены... С. 106, № 499. Гладкая оправа: *Смирнов К.Ф.* Северский курган. С. 12, № 5, табл. Vв; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 191 (рис. внизу).
- ²⁸⁶ *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 197 (внизу); *Раев В.А., Ситоненко А.В., Treister M.Y.* Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // *JbRGZM.* 1991. Bd. 38, Teil. 2. S. 478, Abb. 12, 1; *Марченко И.И.* Сираки Кубани. С. 123, рис. 104, 6; L'or des Amazones. P. 162, N 167.
- ²⁸⁷ Ср. листья аканфа на канфаре из гробницы II Артюховского кургана: *Kühmann H.* Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I // *JbRGZM.* 1958. Bd. 5. S. 106, ff., Taf. 6, 1; *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 114, pl. 31B; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 73–74, рис. 23, B3; С. 78–79, № 2, рис. 24; Античное художественное серебро... С. 35, № 39.
- ²⁸⁸ *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти... С. 138: конец IV–III в. до н.э.; *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. S. 85; III в. до н.э.; *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. P. 20–21: ок. 200 г. до н.э.; *Galani-na L.* // *Zwei Gesichter der Eremitage...* S. 93, Nr. 20: конец IV — начало III в. до н.э.; *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. С. 62–68: конец II в. до н.э.; *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 53, 62, № 29; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn. P. 76, 107, N 30: вторая половина IV в. до н.э.; *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. С. 87, сл.: IV–III вв. до н.э.
- ²⁸⁹ *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. С. 138; *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. S. 85; *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. S. 139, f.; *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. С. 88.
- ²⁹⁰ *Власова Е.В.* Скифский рог. С. 53; *Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn. P. 76.
- ²⁹¹ *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. P. 20–21, 47, f.
- ²⁹² *Смирнов К.Ф.* Северский курган. С. 12.
- ²⁹³ *Засеука И.П., Марченко И.И.* Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // *АСГЭ.* 1995. Вып. 32. С. 92–93, № 1, 2; 96, 103; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Краснодар, 2003. Вып. 3. № 19, 1–2, рис. 1, 19.1.
- ²⁹⁴ *Спицын А.А.* Фалары Южной России. С. 24–25, № 23–24; 37, рис. 38; *Ростовцев М.И.* Курганные находки... С. 137, табл. XIII, 4; *Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks... P. 127, fig. 16, 2; *Rostowzew M.I.* Skythien und der Bosphorus. S. 550, f.; *Смирнов К.Ф.* Северский курган. С. 9–11, № 1–2; 22, сл., табл. I–IV; *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... № 879; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 192–193; На краю ойкумены... С. 104–105, № 495; *Treister M.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection... P. 237, fig. 12, 9.
- ²⁹⁵ См., например: *Спицын А.А.* Фалары Южной России; *Treister M.* Some Classical Subjects...; *Mordvinceva V.I.* Sarmatische Phalaren. Rahden, 2001. (Archäologie in Eurasien; Bd. 11); *Трейстер М.Ю.* Фалары из станицы Успенской: (к вопросу о времени появления больших наплечных фаларов эллинистического времени) // *ДБ.* 2006. Вып. 10. С. 429–462.
- ²⁹⁶ *Спицын А.А.* Фалары Южной России. С. 25, рис. 41; *Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks... P. 136–137, pl. 27, 4; *Смирнов К.Ф.* Северский курган. С. 32–37, табл. 8; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 176, 185–189; *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. P. 9, 70, not. 21; *Treister M.* Some Classical Subjects... P. 567–571, fig. 2; *Трейстер М.Ю.* Заметки по поводу дискуссии «Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия» // *ВДИ.* 2001, № 4. С. 169–172, рис. 1.
- ²⁹⁷ *Treister M.* Some Classical Subjects... P. 571–579, fig. 6; ср.: L'or des Amazones. P. 156–157, N 157; *Хачатурова Е.А.* Серебряный наплечный седельный фалар из Темрюкского музея // *Международные отношения.* 2002. № X. С. 103–105.
- ²⁹⁸ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 51, сл.; *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора... С. 166, сл.
- ²⁹⁹ *Mordvinceva V.I.* Sarmatische Phalaren...; *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора...
- ³⁰⁰ Архив ИИМК. Ф. 1. Д. № 16/1871.
- ³⁰¹ Набор № 1 был представлен не одним фаларом, а наборы № 2 и 3 — не четырьмя фаларами каждый.
- ³⁰² *Трейстер М.Ю.* Колесница из 1-го Васюринского кургана Васюринской горы: (еще раз к вопросу о боспорско-египетских отношениях в эллинистическую эпоху) // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизации, катастроф.* Керчь, 2005. С. 306–313.
- ³⁰³ *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора... С. 168–169.
- ³⁰⁴ Там же. С. 169–170.
- ³⁰⁵ ОАК за 1913–1915 гг. С. 145, № 2–5; *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrubland // *AA.* 1914. Sp. 225.
- ³⁰⁶ Например, склеп в 1,5 км к востоку от городища Фанагория, открытый в 1962 г.: *Сокольский Н.И.* Фанагорийский склеп // *КСИА.* 1972. Вып. 130. С. 115–121.
- ³⁰⁷ Например, гробница в кургане № 1/1881 в окрестностях Анапы: ОАК за 1882–1888 гг. С. 31, сл.,

- табл. I; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 260–261, FK 116.
- ³⁰⁸ *Карейша Д.В.* Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845–1846): Извлечения из отчета Д.В. Карейши // ЖМВД. 1846. Т. 16, № 11. С. 284, ff.; *Rostowzew M.I.* Skythien und der Bosphorus. S. 554, f.; *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати... С. 198; *Он же* «Там закололся Митридат...» С. 175.
- ³⁰⁹ См., например, венок из плитовой могилы 1-го Среднего кургана на Васюринской горе: *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора... С. 169, рис. 28.
- ³¹⁰ ОАК за 1870–1871 гг. С. X; ОАК за 1875 г. С. 21, № 10.
- ³¹¹ *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора... С. 169, сл., рис. 30.
- ³¹² *Gli ori di Taranto in età ellenistica* / Ed. E.M. De Juliis. Milano, 1984. P. 122–125, N 54; *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck... S. 244, Abb. 179; *Despini A.* Greek Art... N 38.
- ³¹³ *Kühmann-Kusel H.* Thessalischer Goldschmuck im Hamburger Museum für Kunst und Gewerbe // Athenische Mitteilungen. 1925. Bd. 50. S. 189, f., fig. 3; *Максимова М.И.* Миф о похищении Ганимеда... С. 23–27, рис. 8–9; *Gajdukevič V.F.* Das Bosphoranische Reich. S. 151, f., Abb. 36; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 25 (цв. илл.), 45–48, рис. 6, 7; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 52, f., 72, f., 309, НК 99, Taf. 29, 32; *Despini A.* Greek Art... N 40; *Treister M.* Cloisonné- and champlevé-decoration... P. 190, fig. 1, 1–2; P. 209, N 1; *Jackson M.* Hellenistic Gold Eros Jewellery... P. 125, pl. 3, 13.
- ³¹⁴ *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 72, f.
- ³¹⁵ *Максимова М.И.* Миф о похищении Ганимеда...; *Она же.* Артюховский курган. С. 38, 48.
- ³¹⁶ ОАК за 1882–1888 гг. С. 31, сл., табл. I, 1.
- ³¹⁷ *Kühmann-Kusel H.* Thessalischer Goldschmuck... S. 191, Abb. 4; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 26 (цв. илл.), 48, сл.; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 309, НК 100.
- ³¹⁸ *Papapostolou I.* Κοσμήματα Πατρῶν καὶ Δίμης // Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς. 1990. P. 88, f., N 6, fig. 6.
- ³¹⁹ *Sevinç N., Treister M.* Metalwork from the Dardanos Tumulus // Studia Troica. 2003. 13. P. 222, N 11; P. 235, pl. II, 11–12.
- ³²⁰ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 37, сл., 49.
- ³²¹ *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 264, Anm. 2280.
- ³²² *Шавырина Т.Г.* Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 71, рис. 2.
- ³²³ ОАК за 1882–1888 гг. С. 45, сл., табл. II, 16; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 261, Anm. 2224.
- ³²⁴ ОАК за 1913–1915 гг. С. 145, № 2; *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1913... Sp. 225, Nr. 1; *Kalashnik Yu.* Greek Gold... P. 108, f., fig. 67.
- ³²⁵ См., например: *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 81, ff.
- ³²⁶ *Ibid.* S. 321, ТК 8, 10.
- ³²⁷ *Ibid.* S. 322, ТК 25, 27–29.
- ³²⁸ *Ibid.* S. 330, ТК 130.
- ³²⁹ *Ibid.* S. 326, ТК 76.
- ³³⁰ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 28 (цв. илл.), 57, № 4; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 89, f., 92, 262, 321, ТК 10.
- ³³¹ *Ruxer M.S., Kubszak J.* Naszynik grechi w okresach hellenistycznym i rzymskim. Warszawa; Poznań, 1972. S. 26; 183, il. V, 1; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 29 (цв. илл.), 57, № 5; *Higgins R.* Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. L., 1980, pl. 50A; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 92, 262, 328, ТК 106; *Despini A.* Greek Art... N 168; *Zwei Gesichter der Eremitage...* S. 204–205, Nr. 102; *Калашник Ю.П.* Два ожерелья из Херсонеса: (об эллинистических традициях в римском ювелирном искусстве) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 103, рис. 6; *Treister M.* Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period: (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants) // ACSS. 2004. Vol. 10, N 3–4. P. 232–235, N 3, fig. 3; *Idem.* Late Hellenistic Polychrome Necklaces // Common Ground: Archaeology, Art, Science, and Humanities, Proceedings of the XVI International Congress of Classical Archaeology / Ed. A. Brauer, A.A. Donohue, C. Mattusch. Oxf., 2006. P. 518, 520, N 1, fig. 1. (Oxbow Monograph; XX).
- ³³² *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 205; *Шедевры древнего искусства Кубани.* С. 137, № 174, табл. 37; *Ждановский А.М.* Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 105–106, рис. 35; *The Treasures of Nomadic Tribes.* Tokyo, 1991. P. 83, N 77; *L'or des Amazones.* P. 171, N 181; *Treister M.* Polychrome Necklaces... P. 232–235, N 3, fig. 3; *Idem.* Late Hellenistic Polychrome Necklaces. P. 518, 520, N 3, fig. 2.
- ³³³ См. подробнее: *Treister M.* Polychrome Necklaces... P. 221–224; *Idem.* Late Hellenistic Polychrome Necklaces... P. 519.
- ³³⁴ Например, из Буеровой Могилы: *Ростовцев М.И.* Курганные находки... С. 44, сл., табл. II, 4; *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. С. 178, сл., рис. 230; *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 108, рис. 8, 1; 110; *Она же.* Звериный стиль... С. 74, рис. 9, 1. Из Ахтанизовской: *Спицын А.А.* Фалары Южной России. С. 21, № 9, рис. 8, 10, 12; *Артамонов М.И.* Сокровища саков. С. 178, сл.; *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль... С. 108, рис. 8, 3–5; 110; *Она же.* Звериный стиль... С. 74, рис. 9, 3–5.
- ³³⁵ *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль... С. 108, рис. 8; 110; ср.: *Артамонов М.И.* Сокровища саков. С. 179.
- ³³⁶ *Артамонов М.И.* Сокровища саков. С. 179.
- ³³⁷ ОАК за 1882–1888 гг. С. 34, сл., табл. I, 12; *Rostowzew M.I.* Skythien und der Bosphorus. S. 266; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 57, 261, Anm. 2209. Наконечник см. также: *Артамонов М.И.* Сокровища саков. С. 179, рис. 231; *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль... С. 109, рис. 9, 2; *Она же.* Звериный стиль... С. 74, рис. 10, 2.
- ³³⁸ См. выше примеч. 334.
- ³³⁹ См. выше примеч. 334.

- ³⁴⁰ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 60, сл., № 1, рис. 16.
- ³⁴¹ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 206 (вверху) (как находка из могильника у хут. Ленина); Шедевры древнего искусства Кубани. С. 133, рис. 59, 136, № 166; The Treasures of Nomadic Tribes. P. 81, N 72.
- ³⁴² Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 143–187.
- ³⁴³ Ibid. S. 372, f., OR 245, 253.
- ³⁴⁴ Ibid. S. 381, OR 367. См. также серебряные серьги из некрополя Горгиппии на ул. Астраханской, могила № 27/1979: Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. М., 1982. Ч. II. С. 40, сл., рис. 22, 15. Погребение № 49/1979: Там же. С. 70, сл., рис. 40, 4.
- ³⁴⁵ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 397, OR 587.
- ³⁴⁶ Тенгинский могильник, погребение № 177/1999: Беллова Е.А. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4, № 15, рис. 3, 3. Курган № 10/1970 в Ново-Титаровской: Козенкова В.И. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 82, сл., рис. 7, 3–4; 85.
- ³⁴⁷ Например, золотые серьги с головками рыси из кургана II/1845 у ст. Титаровская на Таманском полуострове: Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 46, fig. 20.
- ³⁴⁸ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 187–193, 362–363, OR 119, 124–125: находки из Фанагории (ОАК за 1876 г. С. 151, сл., табл. III, 40) и Артюховского кургана (Максимова М.И. Артюховский курган. С. 52, сл., № 2, рис. 8 [справа]; Jackson M. Hellenistic Gold Eros Jewellery... P. 191, 23С, 3).
- ³⁴⁹ См. находки из Хатафшана (Platz-Horster G. Altes Museum... Nr. 49), из Хамадана (Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. S. 54, Taf. 43, 14–23).
- ³⁵⁰ См.: Hackens T. Catalogue of the Classical Collection: Classical Jewelry: Museum of Art, Rhode Island. School of Design. Providence, 1976, N 34 с обзором находок, в том числе из Селевкии и Дура-Европос; Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. S. 53, Nr. 2–3, Taf. 43 (Мелос); S. 54, Nr. 12–13, Taf. 43 (Египет). См. аналогичные серьги из Малой Азии: Meriçboyu Y.A. Antikçağ' de Anadolu takilari. P. 154, fig. 1; P. 157, fig. 3.
- ³⁵¹ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 52, сл., № 3, рис. 8; Jackson M. Hellenistic Gold Eros Jewellery... P. 150, pl. 10E, 1 (ошибочно, как из гробницы III).
- ³⁵² Максимова М.И. Артюховский курган. С. 27 (цв. илл.). С. 54, № 4; Higgins R. Greek and Roman Jewellery. P. 164, pl. 48B; Despin Ai. Greek Art... N 105; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 45, fig. 19; Treister M. Cloisonné- and champlévé-decoration... P. 209, N 2; Jackson M. Jewellery Evidence and the Lowering of South Italian Ceramic Chronology // Ancient West and East. 2004. 3. P. 295, f., fig. 5.
- ³⁵³ Серьги из гробницы I Артюховского кургана: см. выше примеч. 351. Из погребения в районе Цукур-Лимана: Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1913... Sp. 225, Nr. 2, Abb. 39; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 108, fig. 69; Jackson M. Hellenistic Gold Eros Jewellery... P. 148, pl. 10C, 14.
- ³⁵⁴ ОАК за 1870–1871 гг. Табл. VI, II–12; Власова Е.В. Курган Васюринская гора... С. 169, сл., рис. 32; цв. вкл.
- ³⁵⁵ Младенова Я. Наките от некрополя на Аполония // Apollonia: Les fouilles dans la nécropole d'Apollonia en 1947–1949 / Ed. I. Venedikov, T. Gerasimov, S. Dremsizova, T. Ivanov, Y. Mladenova, V. Velkov. Sofia, 1963. С. 294, табл. 158, № 909–910; Tonkova M. Hellenistic Jewellery from the Colonies on the West Black Sea Coast // Archaeology in Bulgaria. 1997. 1. 1. P. 91, fig. 10, 101, pl. V, 4; Tonkova M. Накити с полихромна украса от V–I в. пр. Хр. от Тракия // Известия на Народния Музей Бургас (Bull. du Musée national de Bourgas, Studia in honorem Ivani Karayotov). 2002. Вып. 4. С. 105, ил. 6; Treister M. Polychrome Necklaces... P. 240–242, N 1, fig. 9–10; Idem. Late Hellenistic Polychrome Necklaces... P. 521, N 12, fig. 3.
- ³⁵⁶ См. выше примеч. 331.
- ³⁵⁷ Higgins R. Greek and Roman Jewellery. P. 161 d.
- ³⁵⁸ Погребение № 49/1979 II – первой половины I в. до н.э. некрополя на ул. Астраханской в Анапе: Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 70, рис. 40, 2; 72.
- ³⁵⁹ Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 263.
- ³⁶⁰ Pantos P. Αχινός. Οικόπεδο Γ.Λ. Χαΐδου // Αρχαιολογικόν Δελτίον. 1983 (1989). Т. 38, В. 1. P. 174, pl. 74B.
- ³⁶¹ Серьги из склепа в 1,5 км к востоку от городища Фанагория, открытого в 1962 г.: Сокольский Н.И. Фанагорийский склеп. С. 119, рис. 49, 4.
- ³⁶² ОАК за 1882–1888 гг. С. 35, сл., табл. I, 14; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 188–189; Treister M. Hammering Techniques... P. 223, not. 59.
- ³⁶³ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 26 (цв. илл.), 49, сл., № 1; Higgins R. Greek and Roman Jewellery. P. 169, 171, pl. 53F; Despini A. Greek Art... N 177; Zwei Gesichter der Eremitage... S. 205–207, N 103; Kalashnik Yu. Greek Gold... P. 112, fig. 31; Treister M. Cloisonné- and champlévé-decoration... P. 190, fig. 1, 9; 209, N 3.
- ³⁶⁴ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 204; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 137, № 173, табл. 32; Ждановский А.М. Новое погребение кочевников... С. 105, 111, 216, рис. 35; The Treasures of Nomadic Tribes. P. 82, N 76; L'or des Amazones. P. 170, N 179; Treister M. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style... P. 34–35, pl. II, 3.
- ³⁶⁵ См. подробно: Treister M. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style...
- ³⁶⁶ См. обзор: Papapostolou I. Κοσμήματα Πατρῶν καὶ Διμῆς. P. 99–106, Nos. 14–19, fig. 14–18.
- ³⁶⁷ Горгиппия: ОАК за 1882–1888 гг. С. 34, сл., табл. I, 13; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 261, Anm. 2213. Таманская: ОАК за 1909–1910 гг. С. 214, сл., № 9.
- ³⁶⁸ Власова Е.В. Курган Васюринская гора... С. 169, сл., рис. 29.
- ³⁶⁹ Из гробницы I: Максимова М.И. Артюховский курган. С. 62, сл., № 2, рис. 17 (внизу). Из гробницы II: Там же. С. 62, № 1, рис. 17 (вверху).
- ³⁷⁰ Amandry P. Collection Hélène Stathatos... P. 116, N 255, pl. 45; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 129, 131, 134, 349, SR 16, Abb. 18, 24.

- ³⁷¹ *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck... S. 268, f., Abb. 201; *Platz-Horster G.* Altes Museum... Nr. 42; *Formigli E., Heilmeyer W.-D.* Tarentiner Goldschmuck in Berlin. B., 1990. S. 55, ff., Abb. 29. (130/131. Winkelmannsprogramm der archäologischen Gesellschaft zu Berlin).
- ³⁷² *Formigli E., Heilmeyer W.-D.* Tarentiner Goldschmuck in Berlin. S. 80, ff.
- ³⁷³ Из гробницы II: *Kühmann H.* Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. S. 106, ff., Taf. 6, 1; *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 114, pl. 31B; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 73–74, рис. 23, В3; С. 78–79, № 2, рис. 24; Античное художественное серебро... С. 34–35, № 39. Из гробницы III: *Kühmann H.* Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. S. 104, ff., Taf. 6, 2; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 31 (рис.), 78, № 1; Античное художественное серебро... С. 34–35, № 38.
- ³⁷⁴ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 73, 75, рис. 23, В5; С. 84–85, № 7, рис. 29; Античное художественное серебро... С. 36, № 41.
- ³⁷⁵ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 73, 75, рис. 23, В8; С. 83–84, 86, № 9, рис. 27 (внизу); Античное художественное серебро... С. 35–37, № 40.
- ³⁷⁶ *Берхин И.П.* О месте производства фаларов «Федуловского клада» // СГЭ. 1962. Вып. 22. С. 37–39; *Засецкая И.П.* Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1966. Вып. 7. С. 28–30; Античное художественное серебро... С. 31, 34, № 34; *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. P. 8–9, fig. 2; *Treister M.* Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // New Studies on the Black Sea Littoral / Ed. G. Tsatskheladze. Oxf., 1996. P. 107, fig. 26–27. (Colloquia Pontica; 1); *Mordvinceva V.I.* Sarmatische Phalieren. S. 71, Nr. 1, Taf. 1; *Treister M.* Hammering Techniques... P. 211, 452, fig. 97–98; *Трейстер М.Ю.* Фалары из станицы Успенской... С. 430, 456–457, рис. 7–8.
- ³⁷⁷ *Спицын К.Ф.* Фалары Южной России. С. 33, рис. 21; *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 111; Античное художественное серебро... С. 40, 43, № 48; *Mordvinceva V.I.* Sarmatische Phalieren. S. 72, Nr. 13, Taf. 6.
- ³⁷⁸ На мой взгляд, приведенные выше параллели и соображения дают основание для этого; отметим, что и М.И. Максимова (Артюховский курган. С. 77–78) с оговорками склонялась в пользу данной точки зрения.
- ³⁷⁹ Полусферическая чаша: *Ждановский А.М.* Новое погребение кочевников... С. 107, рис. 34, 3; The Treasures of Nomadic Tribes. P. 84, N 79; L'or des Amazones. P. 174, N 191. Сегментовидная чаша: *Ждановский А.М.* Новое погребение кочевников... С. 107, рис. 34, 5; L'or des Amazones. P. 174, N 190.
- ³⁸⁰ См. выше примеч. 271 (чаша); 281 (килик).
- ³⁸¹ *Beglava Je.* Kopflos und gefesselt – Bestattungen der ganz anderen Art: Ein Ritualkomplex mit menschlichen Opfergaben aus der Grabstätte von Tenginskaja // Antike Welt. 2002. H. 3. S. 303, Abb. 8, 1.
- ³⁸² О проблемах контактов Боспора с Египтом см., например: *Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126–139; *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 12–26; *Vinogradov Ju.G.* Der Staatsbesuch der 'Isis' im Bosporis // ACSS. 1999. Vol. 5, N 4. S. 271–302; *Vinogradov Ju.G., Zolotarev M.I.* Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea) // ACSS. 1999. Vol. 5, N 4. P. 357–381.
- ³⁸³ *Неверов О.Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115; *Kyrieleis H.* Bildnisse der Ptolemäer. B., 1975. S. 104. (Archäologische Forschungen; Bd. 2); *Неверов О.Я.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XVII. 1976. С. 169, сл., табл. II, 10; III, 1–7; *Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 70, сл.; *Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет...; *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxf., 1999. P. 49, f.; *Gerring B.* Sphragides: Die gravierten Fingerringe des Hellenismus. Oxf., 2000. S. 92, ff. (British Archaeological Reports, Intern. Ser.; Vol. 848); *Финогенова С.И.* Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164–167.
- ³⁸⁴ См. подробнее: *Treister M.* Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery // ACSS. 2002. Vol. 8. P. 48–49.
- ³⁸⁵ См. подробнее: *Ibid.* P. 46–48; *Treister M.* Cloisonné- and champlevé-decoration... P. 192–195.
- ³⁸⁶ Из гробницы I: *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 60, сл., № 1, рис. 16. Из гробницы II: Там же. С. 61–62, № 2, рис. 15.
- ³⁸⁷ *Pfeiler-Lippitz B.* Späthellenistische Goldschmiedearbeiten // Antike Kunst. 1972. Jg. 15, H. 2. S. 112, f., Taf. 36, 9; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 67, № 12, рис. 19 (в центре); *Higgins R.* Greek and Roman Jewellery. P. 170, fig. 25; *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck... S. 273, Abb. 207; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie... S. 310, НК 102, Taf. 14, 3; *Zwei Gesichter der Eremitage...* S. 207–208, Nr. 104.
- ³⁸⁸ По аналогии с предложенной недавно гипотезой о том, что женское захоронение в Ногайчинском кургане является погребением одной из дочерей Митридата VI, по сообщению Аппиана, выданных понтийским царем замуж за наиболее могущественных правителей скифских племен Меотиды (App. Mithr. 102). См.: *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // БФ. 2004. Ч. 2. С. 295, сл.
- ³⁸⁹ Ср. подобные подвески на диадемах масок-бюстов Афродиты из Мирини, датируемых первой четвертью II в. до н.э.: *Mollard-Besques S.* Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs et romains. P., 1963. Т. II: Myrina. P. 34, pl. 38, a–b; *Ελληνικά κοσμηματα. Αλότις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη* / Ed. A. Delivorrias. Athens, 1999. 202, fig. 43.
- ³⁹⁰ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 39, сл. Высказанное В.Ф. Гайдукевичем (*Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. S. 446) предположение об изготовлении на Боспоре полихромных украшений из Артюховского кургана или местными,

- или приезжими мастерами не было им никак обосновано.
- ³⁹¹ *Гайдукевич В.Ф.* Находка античного бронзового штампа в Тиритаке // СА. 1940. № VI. С. 298–306; *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. S. 131, Abb. 20; *Kolkówna S.* Antike Werkzeuge zur Produktion metallener Juwelierzeugnisse aus der nördlichen und westlichen Schwarzmeerküste // Archeologia. Warszawa. 1978. Т. XXIX. S. 62, Nr. 9, Abb. 10; *Eadem.* Remarques sur les sources archéologiques antiques relatives à la production d'orfèvrerie sur les rivages septentrionaux et occident de la Mer Noire // Études sur l'orfèvrerie antique: Studies in Ancient Jewelry / Ed. T. Hackens. Louvain-la-Neuve, 1980. P. 112–114. (Publication d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université Catholique de Louvain; XIV, Aurifex. 1); *Treister M.* Hammering Techniques... P. 173, N 8, not. 45 (с литературой).
- ³⁹² *Алексеева Е.М.* Античный город Горгияния. С. 184, рис. 56, 221; *Treister M.* Hammering Techniques... P. 297, N 1.
- ³⁹³ См. выше примеч. 294.
- ³⁹⁴ В частности, из кургана № 15 у ст. Тифлисской: *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 31, сл., 58, № 270; На краю ойкумены... С. 111–112, № 535.
- ³⁹⁵ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 173, № 267; С. 176, рис. 96; The Treasures of Nomadic Tribes. P. 141, N 188; L'or des Amazones. P. 281, N 337; *Treister M.* The Date and Significance... P. 63, ff., N 6, fig. 15 (слева); *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 74, 78, Taf. 33, 7 (слева).
- ³⁹⁶ L'or des Amazones. P. 281, N 338; *Treister M.* The Date and Significance... P. 63, ff., N 7, fig. 15 (справа); *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 74, 78, Taf. 33, 7 (справа).
- ³⁹⁷ *Riha E., Stern W.B.* Die römischen Löffel aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1982. S. 10, 20 (Forschungen in Augst; Bd. 5); *Martin M.* Esslöffel // Der spätromische Silberschatz von Kaiseraugst / Hrsg. H.A. Cahn, A. Kaufmann-Heinimann. Derendingen, 1984. S. 56–96, 92–93; *Gelsdorf F.* Wie nannten die Römern ihre Löffel? // Das Rheinische Landesmuseum Bonn. 1987. H. 3. S. 33–36.
- ³⁹⁸ *Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmérien. P., 1892. P. 80, pl. XXX, 3, 5.
- ³⁹⁹ Кохлаер: Dal Mille al Mille... P. 126, N III. 3. Лигула: Ibid. P. 131, N III. 31; Античные памятники Крыма... С. 254 (рис.).
- ⁴⁰⁰ Подробнее о металлических ложках первых веков нашей эры из Северного Причерноморья см.: *Treister M.* Löffelsets der ersten beiden nachchristlichen Jahrhunderte im nördlichen Schwarzmeergebiet // *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 78–80.
- ⁴⁰¹ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. С. 31, сл., 63, № 337, табл. 36.
- ⁴⁰² *Strong D.E.* Greek and Roman Gold... P. 134, fig. 27c.
- ⁴⁰³ *Марченко И.И.* Сираки Кубани. С. 38, сл., рис. 78, 7.
- ⁴⁰⁴ *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... № 720; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженской группы... С. 101, № 50, табл. IV.
- ⁴⁰⁵ Эта группа представлена находкой с одной ручкой из погребения № 31/1976 у аула Ленинохабль (L'or des Amazones. P. 153, N 150), и двумя двуручными кубками из погребений № 1 и 2 могильника у хут. Городского (*Савонов А.А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 247, сл., № 1, 2; 260–261, рис. 2, 1, 3; XI в.).
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 247, № 1; С. 260, рис. 2, 1.
- ⁴⁰⁷ См. об этой категории сосудов, например: *Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 28–59.
- ⁴⁰⁸ Из кургана № 43/1901 между станицами Казанской и Тифлисской: *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 31, сл., 48, № 114, табл. 2; На краю ойкумены... С. 110, № 526. Из кургана № 18/1902 у ст. Тифлисской: *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 32, 60, № 293 (ручки), № 298 (чаша), табл. 31.
- ⁴⁰⁹ *Лунин Б.В.* Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 220–223, рис. 9; Он же. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1940. Вып. 2. С. 40, сл., рис. 1, 2; *Гоян Г.В.* Черты своеобразия армянского эллинистического театра // ВДИ. 1950. № 3. С. 183, сл., рис. 2 а–в; *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.; Л., 1953. С. 242–245, рис. 35; *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... № 721, рис. 81, 3; *Трейстер М.Ю.* Гипеперия II? Еще раз о серебряной тарелке из Неаполя Скифского // ДБ. 2007. Вып. 11. Рис. 6.
- ⁴¹⁰ Скифос из погребения № 2 в Страже (*Stupperich R.* Römisches Silberschirr der mittleren bis späten Kaiserzeit in Germanien // Das Haus lacht vor Silber. 1997. S. 72–73, Abb. 1), которое датируется первой четвертью IV в. н.э. Скифос из погребения № 1 в Острованы (Meisterwerke aus der Antikensammlung des Kunsthistorischen Museums in Wien / Hrsg. A. Bernhard-Walcher, K. Gschwantler, B. Kriller, G.J. Kugler, W. Oberleitner. Mainz, 1996. Nr. 229, Abb. 178; *Stupperich R.* Römisches Silberschirr... S. 72; *Künzl S.* Römisches Tafelsilber – Formen und Verwendung // Das Haus lacht vor Silber. 1997. S. 15, 22, Abb. 11), которое датируется II в. н.э.
- ⁴¹¹ *Лунин Б.В.* Серебряная чаша... С. 46, сл.; *Кинжалов Р.В.* Об одной серебряной чаше, хранящейся в Эрмитаже // Известия АН Арм. ССР. 1955. № 9. С. 105–110; *Аракелян Б.Н.* Очерки по истории искусства древней Армении. Ереван, 1976. С. 85, табл. CI–CIII. По другим сведениям чаша, ранее хранившаяся в собрании С.Г. Строганова, была найдена не позднее 1870 г. в Прикамье или Прикубанье: *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... № 1311.
- ⁴¹² *Лунин Б.В.* Археологические находки 1935–1936 гг. ... С. 222; *Гоян Г.В.* Черты своеобразия... С. 183; *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры... С. 242–245; *Аракелян Б.Н.*

- Очерки... С. 84; SEG XV. 838; *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 606, Nr. 4; S. 641, Anm. 1.
- ⁴¹³ См. о кубке из Даховской в связи с близкой по декору и палеографии надписи серебряной тарелкой из Неаполя Скифского: *Трейстер, Гипперия ИР* ...
- ⁴¹⁴ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 165–166, № 250, табл. 46; *The Treasures of Nomadic Tribes*. P. 139, N 177; *Brentjes B.* Waffen der Steppenvölker.-I. Dolch und Schwert im Stepperraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit // *AMI*. 1993. Bd. 26. S. 34; L'or des Amazones. P. 278, N 335; *Alekseeva E.M.* Gorgippia: Geschichte einer griechischen Polis... S. 109, 111, Abb. 22; *Treister M.* The Date and Significance... P. 57, f., fig. 9; *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003, № 86, рис. 36; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 73, 76, Taf. 34.
- ⁴¹⁵ *The Treasures of Nomadic Tribes*. P. 102–103, Nos. 108–109; *Беспалый Е.И.* Курган сарматского времени у г. Азова // *СА*. 1992. № 1. С. 185, сл., № 8, рис. 11–12; *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. S. 251–253, Nr. 133; *Brentjes B.* Waffen der Steppenvölker... S. 30, f., Abb. 36 a–b; *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité*. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas, 1995. P. 74–79, Nos. 104–105; L'or des Amazones. P. 214–218, N 238; *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. № 76, рис. 31–32.
- ⁴¹⁶ *Sarianidi V.I.* Baktrisches Gold. Leningrad, 1985. S. 251–252, Nr. IV, 8, Taf. 157–161; *Brentjes B.* Waffen der Steppenvölker... S. 32–34, Abb. 37–38.
- ⁴¹⁷ *Treister M.* The Date and Significance... P. 59; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 73.
- ⁴¹⁸ Например, склеп № 40/1965: *Коровина А.К.* Тиранба: (городище и некрополь); Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // *СГМИИ*. 1968. Вып. 4. С. 77, сл.
- ⁴¹⁹ Некрополь у мыса Тузла. Погребение № 59(14). Раскопки В.В. Шкорпила, 1911 г.: *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // *ИАК*. 1914. Вып. 56. С. 25; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 36. (Труды ГИМ: Памятники культуры; Вып. 26).
- ⁴²⁰ *Веселовский Н.И.* Случайная находка близ Новороссийска // *ИАК*. 1904. Вып. 11. С. 167–168.
- ⁴²¹ Например, из погребений № 31(233), 36(238), 37(239)/1950 восточного некрополя Фанагории: *Марченко И.Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // *МИА*. 1956. № 57. С. 120.
- ⁴²² Например, из гробницы VII Артюховского кургана: *Макимова М.И.* Артюховский курган. С. 130, сл., № 1, рис. 59.
- ⁴²³ Из склепа № 40/1965: *Коровина А.К.* Тиранба... С. 78, 81, рис. 33 (вверху). Из склепа № 146/1969: *Она же.* Раскопки некрополя Тиранбы (1966–1970) // *СГМИИ*. 1987. Вып. 8. С. 52.
- ⁴²⁴ Склеп во дворе мещанина Леонтьева, 1904: *ОАК* за 1904 г. С. 126–127; раскопки И.В. Поздеевой 1955 г.: *Kharaldina Z.Ye., Novichikhin A.M.* Ancient Collections of the Anapa Museum // *ACSS*. 1996. Vol. 3, N 2–3. P. 365, fig. 13; погребение № 64/1956: *Крузлик И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // *Горгиппия*. 1982. Вып. 2. С. 137.
- ⁴²⁵ *Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 22; *Она же.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 183, сл., рис. 55, 214; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 170, № 261, табл. 47–48; *The Treasures of Nomadic Tribes*. P. 138, N 176; *Ustinova Yu.* The Supreme Gods... P. 163; *Treister M.* Hammering Techniques... P. 307, 309; L'or des Amazones. P. 269, N 324; *Treister M.* The Date and Significance... P. 53, ff., fig. 8; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 72, Taf. 32, 12–13.
- ⁴²⁶ На краю ойкумены... С. 56–57, № 180; *Treister M.* The Date and Significance... P. 54; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 72, f., Taf. 32, 15; *Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю.* Инвентарь богатого горгиппийского (?) склепа II в. н.э. в собрании Государственного Исторического музея // *ДБ*. 2005. Вып. 8. С. 184, сл., 188, № 1, рис. 1, 3.
- ⁴²⁷ Первая точка зрения: *Неверов О.Я.* Нерон-Юпитер и Нерон-Гелиос // *Художественные изделия античных мастеров*. Л., 1982. С. 107–108, рис. 21; вторая: *Сапрыкин С.Ю.* Золотая пластина из Горгиппии // *ВДИ*. 1983. № 1. С. 68–78, рис. 1.
- ⁴²⁸ *Веселовский Н.И.* Случайная находка... С. 167, рис. 2, a–b; *Treister M.* Polychrome Necklaces... P. 241, 243, N 2, fig. 11–12; *Idem.* Late Hellenistic Polychrome Necklaces. P. 519–521, N 13.
- ⁴²⁹ Некрополь по ул. Терской, погребение № 29/1991: *Alekseyeva E.M.* Gorgippia: A Bosporan Polis in Ancient Sindike // *Expedition*. 1994. 36. Nos. 2–3. P. 53, fig. 8.
- ⁴³⁰ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 165, 172, № 262, рис. 86; *The Treasures of Nomadic Tribes*. P. 141, N 183; L'or des Amazones. P. 271, N 328.
- ⁴³¹ *Марченко И.Д.* О художественной обработке металла на Боспоре // *Памятники искусства*. 1947. Вып. 2. С. 39, рис. 2.
- ⁴³² Например, из погребений I – начала II в. н.э. некрополя Горгиппии на ул. Астраханской, погребение № 10/1979: *Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 21–22, рис. 14; *Она же.* Античный город Горгиппия. С. 220–221, рис. 64. Погребение № 54/1979: *Она же.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 84–85, рис. 48; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 164–165, № 244, рис. 86 (в центре); *The Treasures of Nomadic Tribes*. P. 145, N 195; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. С. 220, рис. 63.
- ⁴³³ Например, из Горгиппии (погребение 52/1992 II в. н.э.): *Alekseyeva E.M.* Gorgippia: A Bosporan Polis in Ancient Sindike. P. 53, fig. 9; *Treister M.* Hammering Techniques... P. 310, fig. 124.
- ⁴³⁴ Например, из «Острого» кургана к юго-западу от пос. Сенной, раскопки А.Е. Люденко, 1865 г.: *ОАК* за 1866 г. С. 78, табл. 2, 35.
- ⁴³⁵ Например, из погребения в районе Цемесского болота: *Веселов-*

- ва // МИА. 1959. № 69. С. 239, сл., рис. 1–2; *Gajdukevič V.F.* Das Bosphoranische Reich. S. 428, Abb. 120; Gold aus Kiew... Nr. 70; *Treister M.* The Date and Significance... P. 45, f.; Античные памятники Крыма... С. 23, рис. 83.
- ⁴⁶⁵ *Alekseyeva E.M.* Gorgippia: A Bosphoran Polis in Ancient Sindike. P. 51, fig. 4e.
- ⁴⁶⁶ Между станицами Казанской и Тифлисской, курган № 49/1901: *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 50, № 146, табл. 15. Ст. Усть-Лабинская, курган № 32/1902: Там же, № 370, 1, табл. 41.
- ⁴⁶⁷ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 170, № 260, табл. 45; The Treasures of Nomadic Tribes. P. 140, N 180; L'or des Amazones. P. 273, N 331; *Treister M.* The Date and Significance... P. 48, fig. 4; P. 52, f.; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 71, f., Taf. 32, 4.
- ⁴⁶⁸ *Аракелян Б.Н.* Очерки... С. 83, табл. 19, 2; Arménie: Trésors de l'Arménie ancienne des origines au IVe siècle / Ed. J. Santrot. P., 1996. N 231.
- ⁴⁶⁹ *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия... № 1153; *Трейстер М.Ю.* Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье: (к находке из сарматского погребения в Петриках) // Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. С. 245, сл., рис. 3–4.
- ⁴⁷⁰ См. подробно: *Treister M.* Jewellery and Related Finds from a rich 1st Century AD Sarmatian Burial from the Crimea // AWE. 2002. Vol. 1, N 2. P. 374; *Трейстер М.Ю.* Ювелирная мастерская... С. 251.
- ⁴⁷¹ См. о garniture: *Treister M.* The Date and Significance... P. 48, ff.; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 71, 75, f. Пряжка: АГСП. С. 353, табл. CLV, 10; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 173, № 265, табл. 44 (слева); The Treasures of Nomadic Tribes. P. 140, N 181; L'or des Amazones. P. 276, N 334; *Treister M.* The Date and Significance... P. 48, ff., fig. 6; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 71, 75, Taf. 32, 3. Бляха: Шедевры древнего искусства Кубани. С. 170, № 257, табл. 44 (справа внизу); The Treasures of Nomadic Tribes. P. 141, N 185; L'or des Amazones. P. 276, N 333; *Treister M.* The Date and Significance... P. 48, f., fig. 5; *Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis «griechischer»... S. 71, 75, Taf. 32, 5.
- ⁴⁷² ОАК за 1904 г. С. 127, сл., рис. 230; *Rostowzew M.I.* Skythien und der Bosphorus. S. 568; *Манцевич А.П.* Находка в Запорожском кургане: (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 173, рис. 8; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 228; Entre Asie et Europe... P. 46, 48, N 73; *Мордвицева В.И.* Полихромный звериный стиль, № 85, рис. 35.
- ⁴⁷³ Погребение № 27/1991.
- ⁴⁷⁴ *Пятышева Н.В.* Ювелирные изделия Херсонеса... С. 38.
- ⁴⁷⁵ *Максимова М.И.* Боспорская камерная мастерская // СА. 1957. № 4. С. 75–82.
- ⁴⁷⁶ Перстень из саркофага, найденного во дворе мещанина Леонтьева в 1904 г.: ОАК за 1904 г. С. 126, сл., рис. 224, а–б. Из погребения № 43/1992: *Alekseyeva E.M.* Gorgippia: A Bosphoran Polis in Ancient Sindike. P. 52, fig. 5b.
- ⁴⁷⁷ *Захаренков Н.В., Христановский В.А., Трейстер М.Ю.* Выдающийся памятник погребальной архитектуры некрополя Илурата // Историк, археолог, литератор: К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова. СПб., 2004. С. 78, сл., рис. 7.
- ⁴⁷⁸ *Alekseyeva E.M.* Gorgippia: A Bosphoran Polis in Ancient Sindike. P. 52, fig. 5b.
- ⁴⁷⁹ См. выше примеч. 472.
- ⁴⁸⁰ См. выше примеч. 476.
- ⁴⁸¹ *Musche B.* Vorderasiatischer Schmuck... S. 228 (Types 6.1–2), Taf. LXXXI.
- ⁴⁸² *Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks... P. 182, f.; *Rostowzew M.I.* Skythien und der Bosphorus. S. 573, ff. См. подробнее о ювелирных изделиях из Прикубанья в контексте проблемы полихромного стиля: *Treister M.* Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style...

Часть XIII

ВОЕННОЕ ДЕЛО

АРМИЯ. ВООРУЖЕНИЕ. ФОРТИФИКАЦИЯ

В. П. ТОЛСТИКОВ, А. К. НЕФЕДКИН

Вооруженные силы эллинских общин, наряду с фортификационными системами, являлись одним из важнейших, фундаментальных элементов обеспечения существования полиса*. Они определяли во многом саму возможность его функционирования и развития¹. Основу экономики подавляющего большинства полисов составляло сельское хозяйство, организация землепользования и землевладение были основным полем приложения сил граждан общины². Однако другой, ничуть не менее важной, «священной» их обязанностью являлась служба в вооруженных силах полиса, организованных первоначально на милиционной основе, т.е. на принципе гражданского ополчения. Специфика экономики полиса, в основе которой лежало экстенсивное землепользование, во многом определяла и межполисные отношения. Одной из острейших проблем многих общин была *стенохория* — нехватка плодородных земель, источников пресной воды, полезных ископаемых. Практически на всем протяжении своей независимой истории эллинские полисы пребывали в состоянии военной конфронтации: более сильные стремились расширить свои владения за счет слабых общин; малые полисы объединялись в военные союзы-*симмахии*, чтобы более эффективно противостоять соседям-агрессорам. Частые конфликты были характерны и для полисов, сопредельных с варварскими народами.

Еще одной специфической, по сути полицейской, функцией значительного числа греческих, прежде всего дорийских полисов, было поддержание системы жесткого контроля над покоренным местным населением и организация его эффективной эксплуатации³. Дух соперничества, агона⁴, военного противостояния буквально пронизывал греческое общество, и не случайно Платон в сочинении «Законы» устами одного из своих персонажей декларирует: «...то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная, непримиримая война между государствами»⁵.

Сложнейший процесс формирования эллинских полисов, протекавший в IX—VI вв. до н.э., наполненный ожесточенной борьбой рядовых общинников против родовой аристократии за экономические и политические права, завершился в большинстве случаев победой демократических форм их организации⁶.

Полис превращался, по выражению Аристотеля, в «гоплитскую политию»⁷. Такое наименование рельефно отражало суть новой системы боевого построения полисных вооруженных сил — *фаланги*.

Следует, однако, иметь в виду, что процесс формирования этой новой системы военной организации и соответственно нового типа боевого построения не был повсеместным и единым для всех областей эллинского мира. В архаический период в соответствии с региональными различиями, складывались и сосуществовали разные модели военного дела. Так, в Фессалии, Македонии и полисах западного побережья Малой Азии доминирующую роль играли всадники. В Северной Греции, например, в горных областях Этолии и Акар-

* А.К. Нефедкиным написаны либо дополнены следующие разделы: историографический очерк; типология греческого вооружения на Боспоре, в частности, анализ предметов вооружения на стеле война-эктрома, найденной в 1951 г. на горе Митридат; на надгробных памятниках воинов из Синдики; на надгробном рельефе военачальника, венчаемого Никой; анализ снаряжения лучника на стеле Стафила, сына Главкии из Керчи и комплектов вооружения пехотинцев на боспорских рельефах II в. до н.э. — II в. н.э.; сделаны дополнения относительно вооружения и организации боспорской армии в первые века н.э., их участия в военных мероприятиях Римской империи. Дополнен раздел цитированной литературы.

нании, сохранялись способы ведения боя «дофаланговой» эпохи, в южных же областях Элады появилась фаланга гоплитов⁸.

Процесс формирования и внедрения в боевую практику тяжелого гоплитского вооружения также занял немалый промежуток времени. По мнению Э. Снодграсса, сначала появилось оружие гоплитов (ок. 675 г. до н.э.), а позднее, около середины VII в. до н.э., возникла фаланга⁹. В частности, в Ионии бронзовое гоплитское вооружение было самым обычным в 660-х годах до н.э., когда в дельте Нила высадились «медные мужи» — ионийские и карийские пираты¹⁰. Аристотель отмечал, что было время, когда существовали гоплиты, но еще не было фаланги: «И в Греции после упразднения монархического строя полноправными гражданами были в первое время воины, а именно вначале — всадники; объясняется это тем, что тогда на войне силу и перевес давала конница, а тяжеловооруженная пехота за отсутствием в ней правильного устройства была бесполезна: опытности в деле устройства пехоты, равно как и выработанных правил тактики, у древних не было, почему всю силу они и полагали в коннице»¹¹.

Однако в течение VI в. до н.э. основную ударную силу ряда полисов материковой Греции, прежде всего Пелопоннеса¹², начинают составлять тяжеловооруженные воины-гоплиты, т.е. граждане полиса, земельные собственники, владельцы хозяйств — *ойкосов*, которые имели возможность обеспечить себя полным комплектом тяжелого вооружения — *паноплией*.

Формировавшийся постепенно новый боевой порядок, рассчитанный на нанесение противнику сокрушительного фронтального удара, — так называемая классическая фаланга, — представлял собой нерасчлененное по фронту, линейное построение, обычно глубиной в 8 шеренг. Воины фаланги (*гоплиты*) были вооружены большим круглым щитом — *асписом* диаметром 0,8—1,2 м и длинным, более 2 м, копьем с железным листовидным наконечником и бронзовым граненым втоком — главным наступательным оружием пехотинца. Прямой железный меч служил вспомогательным оружием¹³. В архаическую эпоху гоплиты обычно защищались полным комплектом вооружения из бронзы: закрытым, украшенным гребнем шлемом коринфского типа, колоколовидной кирасой и поножами, прикрывавшими голени. На рубеже VII—VI вв. до н.э. митиленский поэт Алкей перечислил наиболее показательное вооружение богатого воина: шлем с белым конским султаном, поножи, льняной панцирь, аспис и меч из халкидской стали¹⁴.

Эффективность действия фаланги в бою основывалась не столько на индивидуальной подготовке и качестве вооружения воинов, но прежде всего на слаженности и полном тактическом взаимодействии каждого воина-гоплита, занимавшего строго определенное для него место в строю. Огромное значение приобретал отныне и моральный фактор, а именно осознание каждым гражданином-фалангитом себя как важного составного элемента боевой системы полиса.

Конница, служба в которой долгое время являлась привилегией представителей аристократических семейств, постепенно утрачивала свое былое значение на полях сражений, сохраняя во многом лишь вспомогательные функции¹⁵. Однако в ряде областей эллинского мира (в Македонии, Фессалии, Беотии, на Эвбее, в полисах Малой Азии) конные формирования в значительной степени все же сохранили свою ведущую роль. Наиболее известной из ионийских городов была конница Колофона и Магнезии на Меандре¹⁶. Вместе с тем Аристотель отмечает, что олигархические режимы «использовали для войн с соседями лошадей, например: эретрийцы, халкидяне, магнетцы,

живущие на Меандре, и многие другие в Азии»¹⁷. В данном случае имеются в виду греческие города на побережье Анатолии, и, видимо, Милет в том числе. Главным оружием всадника в эту эпоху была пара копий, прямой меч использовался как вспомогательное оружие. Шлем и панцирь надевали также, но на изображениях всадник чаще носит широкополую шляпу-*петас* и плащ, накинутый поверх хитона. Поножи и щит греческие конники не применяли¹⁸.

Этот столь краткий экскурс в историю военного дела Элады необходим для того, чтобы ответить на один из главных вопросов представленной главы: какой же из вариантов системы военной организации был перенесен из метрополии на далекую северо-восточную окраину ойкумены — на берега Боспора Киммерийского?

Эллинские *апойкии*, возникшие в европейской и азиатской частях Киммерийского Боспора в первой половине VI в. до н.э., — на завершающем этапе Великой греческой колонизации, должны рассматриваться в качестве составной части эллинского мира¹⁹. Конечно, вследствие географической удаленности от основных центров Эгеиды и Средиземноморья, а также в силу местных природно-климатических условий и главное из-за специфики взаимодействия с окружающим «варварским», прежде всего кочевым миром, боспорские эллины прошли собственный, самобытный исторический путь. Однако этот локальный боспорский вариант развития в течение многих столетий оставался, по сути своей, эллинским²⁰.

* * *

Несмотря на многолетние усилия нескольких поколений исследователей и бесспорные успехи в области археологического изучения боспорских древностей, история военного дела эллинских центров Киммерийского Боспора изучена явно недостаточно, таит в себе массу вопросов и неразгаданных загадок. «Киммерийский туман» застилал и, к сожалению, продолжает застилать историческую перспективу, это связано, прежде всего, с весьма ограниченной и фрагментарной источниковедческой базой. Подробная и надежная письменная традиция о раннем периоде истории Боспора, о событиях VI—V столетий в источниках практически не сохранилась, а сведения о военной истории и военном деле последующих периодов носят преимущественно отрывочный и случайный характер.

Начало систематического изучения военного дела Боспорского царства принадлежит классику советской причерноморской археологии В.Д. Блаватскому, посвятившему региону отдельную монографию²¹. Н.И. Сокольский на основании археологических данных исследовал в своей диссертации, еще ждущей публикации, главным образом вооружение²². Б.Г. Петерсу принадлежит небольшой очерк о военном деле (преимущественно о фортификации и флоте) в коллективной монографии об античных государствах Северного Причерноморья²³. Неопубликованными остались диссертации В.П. Толстикова «Фортификация античного Боспора», также Д.В. Григорьева, в которой наряду с военно-политической историей рассматривалось и военное дело царства в доримскую эпоху²⁴. Первая же изданная монография о боспорской армии принадлежит польскому археологу и нумизмату М. Мельчареку²⁵. Наконец, совсем недавно появились две монографии, написанные, впрочем, в научно-популярном, как того требовала серия *Militaria antiqua*, жанре, петербургских археологов Ю.А. Виноградова и В.А. Горончаровского, первая, рассматривающая доримский период развития военного дела Боспора, а вторая — имперскую эпоху²⁶. В целом можно констатировать тот факт, что на

волне возросшего интереса к военному делу древности, сюжеты, связанные с Боспорским царством, стали также интенсивно исследоваться.

Только в настоящее время благодаря результатам, полученным в ходе многолетних археологических раскопок боспорских центров, фортификационных сооружений²⁷, исследований некрополей²⁸, можно восстановить в общих чертах картину военного дела в истории Боспора, в том числе и азиатской его части. Ценный, но, к сожалению, весьма фрагментарный материал по этой теме предоставляют сохранившиеся памятники изобразительного искусства и нумизматики и эпиграфики.

* * *

Большинство специалистов сходится во мнении, что основание ранних боспорских апоекий приходится на первую половину VI в. до н.э.²⁹ Это Пантикапей, предположительно Феодосия, Нимфей, Мирмекий на европейской стороне Боспора, Гермонасса³⁰ и Кепы на азиатской его стороне. Около середины VI в. до н.э. возникают Тиритака, Фанагория и целый ряд мелких поселений. Среди метрополий ведущая роль принадлежала Милету, а в процессе колонизации Азиатского Боспора приняли участие ионийский Теос и эолийская Митилена.

Не останавливаясь на вопросе о политическом статусе ранних боспорских центров³¹, следует специально подчеркнуть, что уже на раннем этапе их истории ведущую роль играли аристократические роды. Так, на Боспоре одним из наиболее влиятельных был род Археанактидов³². Было высказано мнение о том, что в 90–80-е годы V в. до н.э. один из представителей этого рода мог установить в Пантикапейском полисе тираническую форму правления, получив полномочия стратега-автократора³³.

Бесспорно, что форма политической организации боспорских полисов на начальном этапе их истории непосредственным образом влияла на специфику организации военного дела. В этом взаимосвязанном процессе можно выделить несколько факторов.

В Милете — метрополии большинства боспорских апоекий — в VI в. до н.э. основной политической силой являлась землевладельческая аристократия и торговая олигархия, представители которой вели между собой долгую и жестокую борьбу за власть³⁴. Это обстоятельство могло способствовать тому, что, как и в ряде других центров, конница сохранила здесь свои ведущие позиции, а процесс формирования тяжеловооруженной пехоты и соответственно фаланги был далек от завершения³⁵. Также не надо сбрасывать со счета мощный «фактор врага», против которого следовало воевать адекватным образом: в течение VII — первой половине VI в. до н.э. лидийцы, обладавшие сильной конницей, были постоянными противниками ионийских полисов и в определенные периоды одерживали над ними верх. Причем сами лидийцы в середине VI в. до н.э. ценили именно ионийских гоплитов, а не всадников³⁶.

Другим фактором, препятствующим превращению фаланги гоплитов в решающую боевую силу на Боспоре в указанный период, могла быть относительно невысокая численность населения ранних апоекий, что не позволяло сформировать достаточно крупные и эффективные фаланги. Однако наиболее существенным обстоятельством была борьба боспорских греков с варварами. На степных пространствах Восточного Крыма и Прикубанья, где боспорским эллинам приходилось вступать в столкновения с контингентами скифов-номадов и другими конными группами варваров, необходимо было создать именно мобильные конные формирования.

Рис. 1. Шлем «кубанского типа» из Келермеса. VII в. до н.э. Бронза. ГЭ

Влияние местных «варварских» типов вооружения и тактических приемов на военное дело эллинов надежно фиксируется находками предметов наступательного и оборонительного оружия скифских и меотских типов, происходящими из раскопок ранних некрополей боспорских центров³⁷, в том числе и азиатской его части. Чтобы понять характер этой борьбы, необходимо в общих чертах выявить особенности вооружения и тактики ведения боя скифов — основного и наиболее грозного контрагента боспорских эллинов³⁸. В VI в. до н.э. практически уже сформировался весь комплекс скифского вооружения³⁹.

Оборонительное вооружение состояло из шлемов различных типов (от массивного литого «кубанского» типа (рис. 1), пластинчатых и чешуйчатых на кожаной основе до переделанных эллинских шлемов), наборных чешуйчатых панцирей, боевых пластинчатых поясов, щитов различной формы и размеров (часто с панцирным покрытием), доспехов для защиты ног: обычно греческих кнемид.

Наступательное оружие включало: метательное оружие дальнего боя — знаменитый составной лук скифского типа с асимметричными плечами, хранившийся в специальном колчане-горите вместе с комплектом стрел; иногда пращу с запасом снарядов к ней; метательное оружие средней дистанции — дротики, копья различных типов;

оружие ближнего боя — ударные копья, боевые топоры и клевцы, короткие мечи-акинаки (рис. 2), иногда длинные рубящие мечи, кинжалы, боевые ножи.

По мнению исследователей, уже в VI–V вв. до н.э. металлургическое и металлообрабатывающее производство в Скифии, основанное на использовании местного сырья, было развито очень высоко⁴⁰.

Помимо всеобщего ополчения номадов, состоявшего преимущественно из легковооруженных конных лучников, в Скифии в VI–V вв. до н.э. существовали специальные конные дружины во главе с военными вождями⁴¹. Именно этот слой военной аристократии — воинов-профессионалов, обладавших наиболее совершенным тяжелым оборонительным вооружением и наступательным оружием, образовывал обычно центр боевого порядка — ударный

Рис. 2. Меч из Келермеса. VII в. до н.э. Золото, железо. ГЭ

Рис. 3. Гребень из кургана Солоха. IV в. до н.э. Золото. ГЭ

«кулак», решавший, зачастую, исход сражения⁴² (рис. 3). Наличие у степняков довольно совершенных и эффективных типов вооружения, хорошо приспособленных, прежде всего для конного боя, заставляло боспорских эллинов заимствовать эти виды оружия и осваивать их производство⁴³. Такие заимствования, в свою очередь, предусматривали и овладение соответствующими «туземными» тактическими приемами ведения боя. К скифским предметам вооружения, активно использовавшимся жителями Боспора в VI–V вв. до н.э., следует отнести в первую очередь луки с горитами, акинаки, а также защитное вооружение — литые шлемы «кубанского типа» и пластинчатые панцири⁴⁴.

Материалы археологических раскопок определенно указывают на использование в эллинских центрах Боспора также и традиционных греческих предметов защитного вооружения: архаического иллирийского, коринфского, аттического, а в IV в. до н.э. фригийского типов шлемов, а также шлема типа пилос; панцирей типа кирасы, круглых щитов, кнемид, а также наступательного оружия — копий, прямых мечей типа *ксифос* и искривленных, похожих на турецкий ятаган, типа *махайра*, это вооружение применялось не только гоплитами, но и всадниками. Можно полагать, что принесенная переселенцами из Ионии традиция, в соответствии с которой именно коннице, возглавляемой представителями аристократических родов, отводилась ведущая роль в военной системе полиса, нашла здесь — на обоих берегах Боспора — объективные условия для дальнейшего существования и развития.

* * *

Выявление специфики военного дела в ранний период истории Боспора непосредственно связано с изучением организации обороны эллинских апоекий. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что фортификация отражала особенности колонизационного процесса на Боспоре, и не случайно, что этот процесс постоянно остается в центре внимания исследователей⁴⁵.

Прежде всего, прослеживается одна существенная деталь: несмотря на то что при выборе мест для поселений их основатели учитывали возможность возникновения военной угрозы и занимали вершины и склоны холмов, скалистые мысы, прикрытые балками и руслами рек плато (т.е. наиболее выгодные, защищенные самой природой места), реальная опасность вражеского нападения на первом этапе была минимальна. Освоение эллинами территорий по обеим сторонам пролива носило преимущественно мирный характер. На это указывает практически полное отсутствие оборонительных сооружений во всех ранних археологически исследованных колониях Боспора (и европейского, и азиатского) — в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии, Порфмии, Кехах, Гермонассе. Еще одним подтверждением отсутствия внешней угрозы служит и сам облик этих ранних поселений, образованных хаотично расположенными примитивными, заглубленными в грунт жилищами и хозяйственными постройками, так называемыми «землянками» и «полуземлянками»⁴⁶.

На азиатской стороне пролива, представлявшей собой в античный период группу островов (рис. 4), в ранний период эллины, как предполагается, селились на землях, контролировавшихся местными земледельческими племенами, уровень развития которых, по-видимому, позволял им очень быстро воспринять греческие обычаи и культуру. В третьей четверти VI в. до н.э.

здесь были основаны Фанагория и еще целый ряд более мелких поселений. В последнем десятилетии этого столетия и в начале V в. до н.э. наступает период интенсивной урбанизации боспорских центров, а также фиксируется приток новых групп переселенцев-эпойков из Ионии. В этом процессе основную роль сыграли, по-видимому, трагические события, связанные с подавлением персами Ионийского восстания и разгромом в 494 г. до н.э. Милета — метрополии боспорских центров.

И этот же период отмечен дестабилизацией военно-политической ситуации и серьезными испытаниями для молодых полисов Боспора Киммерийского⁴⁷. Археологическими свидетельствами тому служат слои пожарищ и разрушений в большинстве населенных пунктов по обеим сторонам пролива, включая Пантикапей⁴⁸, Порфмий, Мирмекий, Тиритаку, Нимфей, Кепы, Фанагорию⁴⁹. В этом контексте следует трактовать и материал боспорских некрополей, свидетельствующий о значительном росте числа погребений с оружием⁵⁰.

Источником военной опасности для боспорского эллинизма стали новые группы кочевников. Их появление в крымской степи во второй половине VI столетия фиксируется значительным количеством погребений воинов-кочевников с оружием. Исследователи обращают внимание на характерный факт «рассеянности одиночных могил, в которых погребены почти исключительно представители воинского сословия»⁵¹. Эти памятники можно соот-

Рис. 4. Палеогеографическая реконструкция Таманского полуострова (Паромов, 1992)

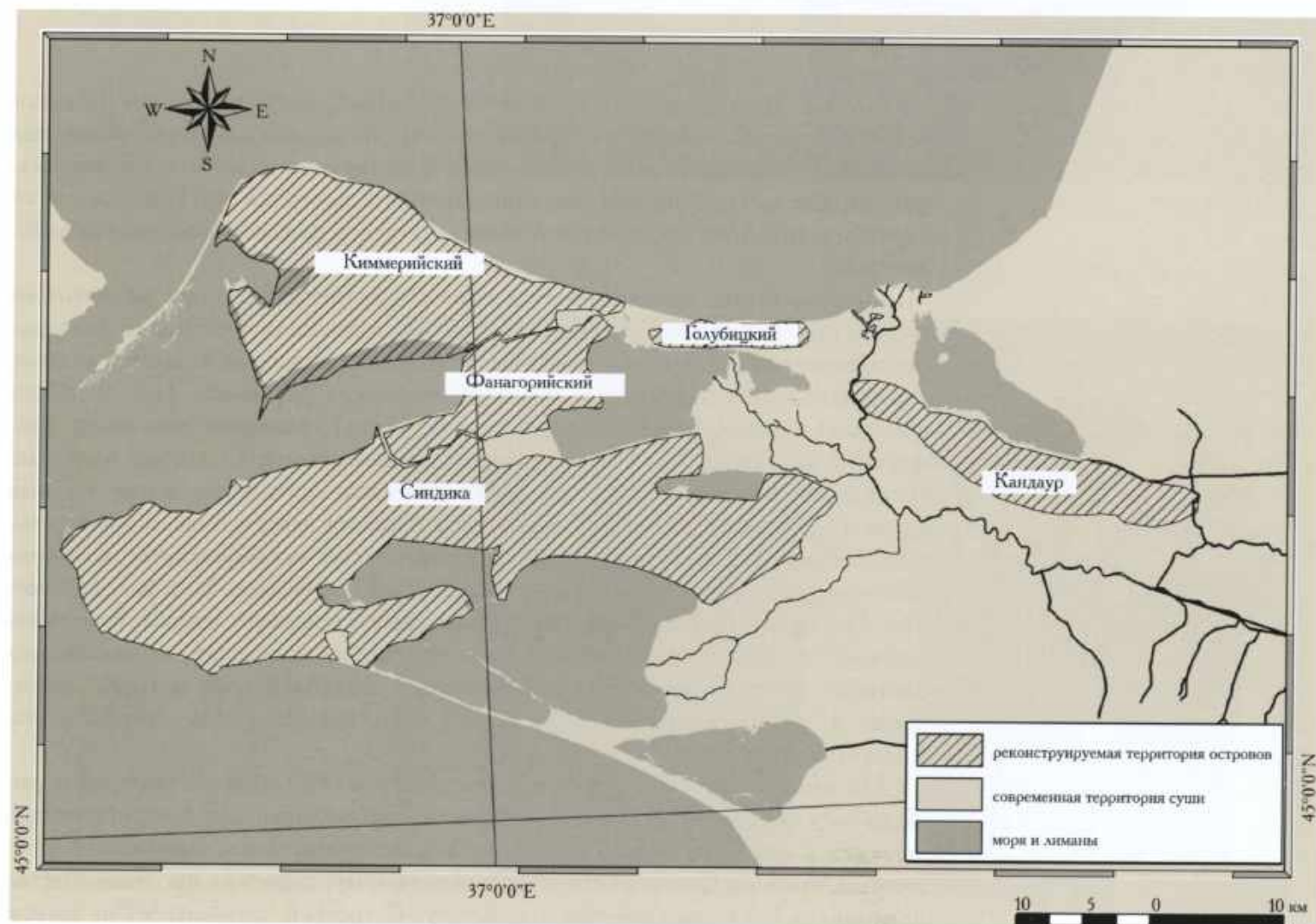
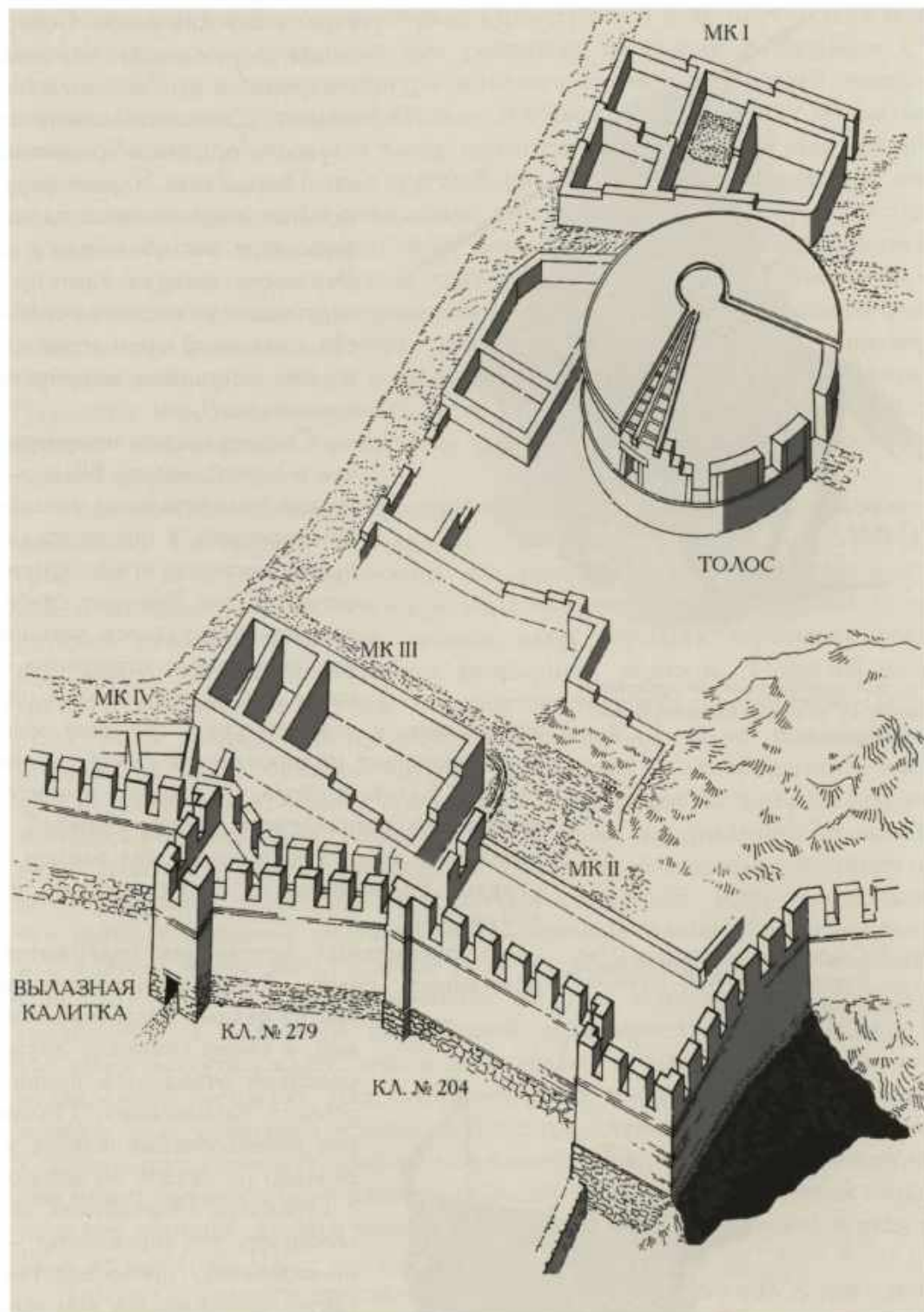

Рис. 5. Ранние укрепления акрополя Пантикапея. Около 490 г. до н.э.
Реконструкция-аксонометрия
В.П. Толстикова

нести именно с кочевыми скифами, не имевшими на территории Крыма родовых могильников. Набеги кочевников, действовавших по обеим сторонам пролива, на первых порах были весьма опасны, о чем свидетельствует факт возведения первых периметров оборонительных стен боспорских городов⁵². Особенно показательны в этом отношении ранние городские укрепления Тиритаки⁵³ и древнейшая стена акрополя Пантикапея⁵⁴ (рис. 5). В обоих случаях в трассы укреплений были специально включены внешние стены разрушенных зданий предшествующего периода, причем эти разрушения сопровождалась пожарами, а в слоях пожарищ обнаружены наконечники

Рис. 6. Скифский тяжеловооруженный конник. IV в. до н.э. Реконструкция М.В. Горелика

Рис. 7. Скифский конный лучник. IV в. до н.э. Реконструкция М.В. Горелика. Графическое исполнение В.П. Толстикова

стрел скифских типов. Совершенно очевидно, что эти укрепления сооружались в условиях серьезной военной опасности, и строители использовали наиболее быстрый и экономичный способ. Дополнительными свидетельствами военной угрозы служат и признаки временного запустения в центральной части Пантикапея, характеризующиеся разрушением монументальных общественных зданий и возвратом населения к примитивным, заглубленным в землю строительным структурам. Эту впечатляющую картину дополняют археологически фиксируемые здесь следы активной металлургической деятельности, связанной с ремонтом и производством предметов вооружения: панцирных чешуйчатых наборов, стрел, копий, мечей и кинжалов⁵⁵.

Свидетельства источников позволяют говорить о том, что в период между 60-ми—50-ми годами V в. до н.э., благодаря коллективным усилиям боспорских эллинов, которые объединились в оборонительный союз-симмахию во главе с представителем аристократического рода Археанактидов⁵⁶, ситуация на Боспоре стабилизировалась. Возможно, Археанактидам удалось установить с предводителями степняков договорные отношения, которые к концу V в. до н.э., когда к власти пришли Спартокиды, постепенно трансформировались в союзнические, положив начало устойчивой традиции. Это предположение подкрепляется свидетельством источников о том, что уже Левкон I, сын Сатира, — второго правителя новой боспорской династии, который подчинил своей власти Нимфей, Феодосию, Фанагорию и присоединил Синдику и ряд меотских племен — опирался именно на скифские отряды, унаследовав от своих предков эту боевую традицию и упрочив ее (рис. 6).

В письменных источниках содержатся сведения о том, что в вооруженных силах Левкона присутствовали и контингенты наемников из разных областей эллинского мира, вероятно, из Фракии, а также скифские дружины. Именно скифским формированиям отводилась привилегированная роль, как «частей особого назначения». Полиэн приводит в качестве примеров использования особых уловок и военных хитростей несколько рассказов об эпизодах в истории борьбы Левкона I с Гераклеей Понтийской за Феодосию⁵⁷. Он, в частности, сообщает, что гераклеоты — союзники Феодосии, — имея, по-видимому, превосходство на море, организовывали десанты, высаживаясь «по всей стране, где хотели»⁵⁸, т.е. как на европейской, так и на азиатской сторонах Боспора. Видя, что тяжеловооруженная пехота не проявляет надлежащего рвения при отражении нападений врага и что его гоплиты «действуют как изменники», Левкон приказал разместить позади них скифских лучников, отдавая им роль «заградительных отрядов», и это значительно повысило боеспособность наемников⁵⁹ (рис. 7).

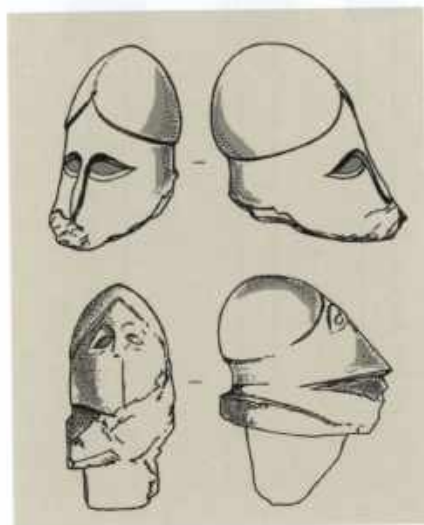
О характере тяжелого вооружения, применявшегося в том или ином объеме на Боспоре в IV в. до н.э., определенное представление могут составить памятники боспорского изобразительного искусства, происходящие главным

Рис. 8. Таманская стела с воинами.
Середина IV в. до н.э.
Мрамор. ГМИИ

Рис. 9. Изображения коринфских
шлемов на Таманской стеле с воинами.
Середина IV в. до н.э. Графическая
прорисовка В.П. Толстикова

образом с азиатской его территории. Прежде всего речь идет о двух мраморных рельефах, найденных при раскопках поселения Юбилейное I⁶⁰. На первом⁶¹ представлена фигура молодого воина в атакующей позиции вправо. Воин изображен обнаженным, в образе героя. Одежду составляет лишь наброшенный на плечи плащ, скрепленный у основания шеи круглой фибулой. В левой руке воина круглый щит, типа *аспис*, в правой меч, выполненный из металла (к сожалению, утраченный). С левой стороны торса видна верхняя часть ножен меча, форма устья которых свидетельствует о том, что воин был вооружен прямым двулезвийным мечом-*ксифосом*. Нет сомнения в том, что в древности рельеф покрывала полихромная роспись, с помощью которой были переданы некоторые детали (например, перевязь меча — *теламон*, а также детали орнамента рукояти щита). Элементы вооружения, прежде всего щит характерной формы и конструкции, имели целью представить изображенного на стеле персонажа воином-гоплитом.

Значительно более информативен второй рельеф, обнаруженный Е.А. Савостиной в процессе раскопок (хранится в ГМИИ)⁶² (рис. 8). На стеле представлены два героизированных воина — пожилой и молодой. Оба облачены в подпоясанные в талии хитоны с короткими рукавами и плащи, причем плащ молодого персонажа обернут вокруг фигуры совершенно необычным образом. Пожилой воин снабжен практически полным комплектом тяжелого вооружения (недостает лишь панциря): опущенной вниз правой рукой он придерживает стоящий на земле большой круглый щит-*аспис*, а левой держит лежащее на плече копьё. Голова его увенчана сдвинутым на затылок шлемом коринфского типа, под которым видны края специального подшлемника (рис. 9), голени защищены поножами-*кнемидами* с тщательно переданным рельефом мускулатуры. Молодой воин представлен без щита и поножей, но также в аналогичном шлеме с подшлемником и с копьем; кроме того, в левой руке он держит меч-*ксифос* в ножнах (рис. 10). Все предметы вооружения на стеле переданы исключительно реалистично, с подробной проработкой характерных деталей. Можно с уверенностью утверждать, что и этот рельеф в древности был снабжен полихромной росписью. Для датировки этого уникального, единственного в своем роде памятника особый интерес представляет изображение меча. Согласно предложенной нами эволюционной схеме, этот предмет вооружения может быть отнесен к раннему варианту *ксифоса* с утяжеленной гардой и, таким образом, должен быть датирован временем не позднее середины IV в. до н.э. (рис. 11).

Таманские рельефы определенно указывают на то, что в IV в. до н.э. на Боспоре (и прежде всего в азиатской его части) были известны практически все элементы панοπлии тяжелой пехоты; более того, в соответствии с атической традицией шлем коринфского типа, утративший боевое применение, служил лишь символом, знаковым атрибутом героя-предводителя, стратега. Среди рядовых воинов был распространен простой шлем типа *пилос*, как это показывают серебряные монеты из Фанагории, датированные началом IV в. до н.э.⁶³

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о роли тяжеловооруженной пехоты и о применении фаланги в военном деле Боспора. По мнению исследователей, наборы тяжелого вооружения происходят преимущественно из погребений всадников, большинство из которых принадлежало к элли-

Рис. 10. Костюм и воинское снаряжение молодого воина на Таманской стеле. Реконструкция В.П. Толстикова

низированной туземной аристократии⁶⁴ (Семибратние курганы — на азиатской стороне Боспора, Нимфейские курганы, Куль-Оба, курганы Пати-ниотти и Кекуватского — на европейской его стороне) (рис. 12). Причины тому следует искать прежде всего в специфике тактических приемов, выработанных в военном деле Боспора к IV в. до н.э. в ходе боевых контактов с конниками-номадами и под влиянием военных приемов и вооружения последних.

Само собой разумеется, что в качестве легкой, средней и тяжелой пехоты на Боспоре использовались как местные племенные ополчения, так и фракийские пельтасты и греческие наемные отряды. Пехота также служила в качестве основного рода войск при защите укрепленных пунктов, линий стратегической обороны, несении караульной службы. Одним из ярких тому подтверждений является оборонительная система Семибратнего городища, рассчитанная, как будет показано ниже, на гарнизон из наемных воинов-профессионалов. Упрочившиеся при Археанактидах экономические, культурные и политические связи Боспора с Синдикой особенно окрепли при первых Спартокидах⁶⁵. Весьма показательна в этой связи, что синдский царь Гекатей, свергнутый в результате какого-то заговора, был дважды возвращен на престол правителями Боспора⁶⁶.

Если прежде боспорские власти лишь активно вмешивались во внутривосточные дела Синдики, то при Левконе I произошло окончательное ее присоединение к владениям Боспорского государства. Как свидетельствует официальная титулатура Левкона I, это событие произошло уже после захвата Феодосии⁶⁷. Управление Синдикой, ставшей важной экономической и стратегической областью, форпостом Боспора против воинственных меотских племен и первоначально сохранявшей значительную автономию⁶⁸, осуществлял соправитель и брат Левкона Горгипп⁶⁹. На его долю, в частности, выпала тяжелая задача по урегулированию конфликта с меотами. Ю.А. Виноградов высказал справедливую гипотезу о том, что уникальный бронзовый панцирь с рельеф-

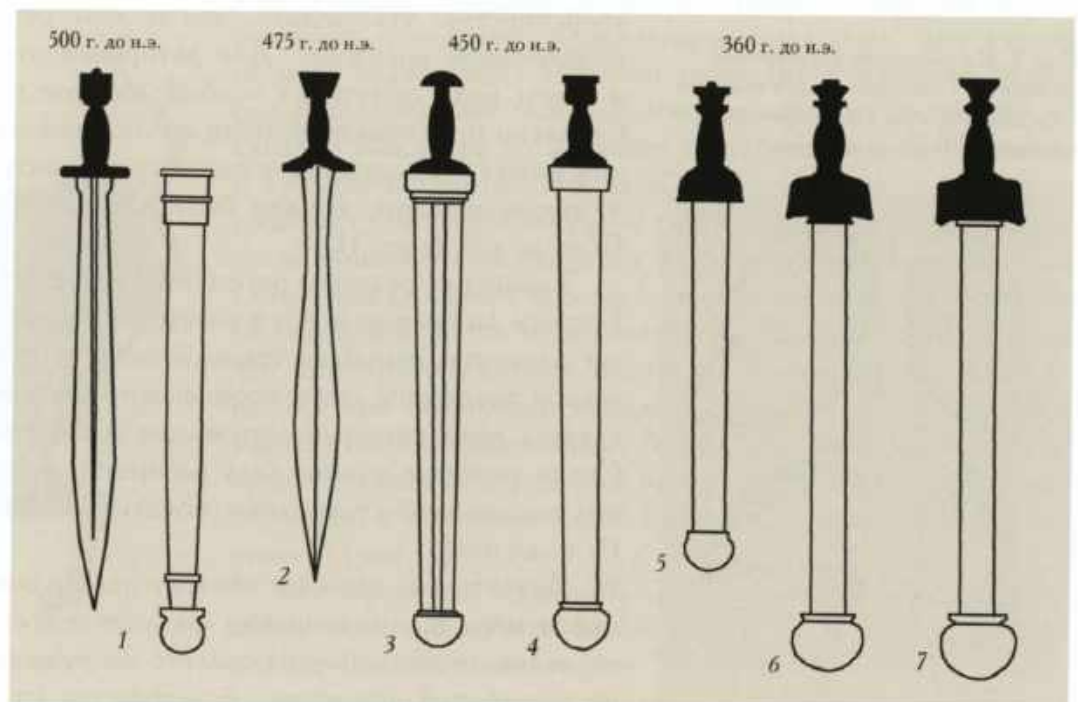

Рис. 11. Схема эволюции меча-кисфоса (Толстиков, ?):
 1 — меч с ножнами из некрополя Камповолано, близ Терма. Италия;
 2—4 — изображения мечей на аттических краснофигурных вазах;
 5 — меч, изображенный на Таманской стеле; 6 — меч из «гробницы Филиппа II» в Вергине (середина IV в. до н.э.). Греция;
 7 — изображение меча с конной статуи Деметрия Полиоркета с Афинской агоры (конец IV в. до н.э.)

Рис. 12. Комплекс вооружения из кургана Кекуватского. III в. до н.э. Бронза, золото. ГЭ

ным изображением Горгоны Медузы из Елизаветинского кургана (№ 6) мог относиться к числу «величайших даров» из фамильной сокровищницы Спартокидов, преподнесенных Горгиппом грозной предводительнице меотов Тиргатао и позднее попавших в курган одного из местных вождей⁷⁰ (рис. 13).

Археологические раскопки Семибратнего городища — одного из самых значительных центров Синдики — дают ценнейший материал для изучения развития фортификационного искусства и военного дела Азиатского Боспора, а также служат информативным источником по проблеме присоединения и освоения Синдской области (рис. 14). Принципиальное значение имеет вопрос о датировке ранних укреплений Семибратнего городища. Н.В. Анфимов, проводивший раскопки с 1938 по 1940 г. и с 1949 по 1952 г. и открывший значительные участки укреплений древнего города, относил их возведение к началу V в. до н.э.⁷¹ В течение многих лет эта датировка была принята большинством историков, а укрепления Семибратнего городища и само городище характеризовались как «чисто синдские», которые дают «наглядное представление о характере фортификации синдов»⁷². Иную точку зрения высказал В.Ф. Гайдукевич, считавший Семибратнее городище «боспорским периферийным поселением»⁷³. Относя его основание к рубежу VI—V вв. до н.э. он, тем не менее, полагал, что мощные каменные укрепления в городе были возведены лишь при Спартокидах⁷⁴. Окончательный ответ о времени сооружения первых каменных укреплений Семибратнего городища — Лабрита — смогут дать лишь широкомасштабные археологические исследования, но и имеющийся археологический материал позволяет в комплексе представить систему городских укреплений с военно-инженерной и архитектурной точек зрения⁷⁵.

Слой IV (по стратиграфии Н.В. Анфимова), в который были впущены фундаменты укреплений Семибратнего городища первого строительного пе-

риода, был прослежен на всей территории раскопа «Е»⁷⁶. Наряду с находками рубежа VI—V вв. до н.э. он содержал фрагменты керамики последней четверти — конца V в. до н.э. Среди них следует выделить фрагменты краснофигурного стамноса с изображением женской фигуры, относящегося к последней четверти V в. до н.э.⁷⁷, а также обломки амфор, бытовавших до конца V в. до н.э.⁷⁸ Таким образом, даже тот керамический материал из раннего слоя, который Н.В. Анфимов суммарно приводит в отчетах и публикациях, не позволяет датировать возведение первых монументальных укреплений Семибратнего городища ни первой половиной, ни, тем более, началом V столетия⁷⁹. Есть все основания полагать, что фундаменты оборонительных сооружений первого строительного периода, глубина заложения которых составляла лишь 0,5 м, прорезали уже накопившийся ко времени возведения стен культурный слой и строительные остатки поселения предшествующего периода⁸⁰.

Равнинное местоположение города, а также отсутствие серьезных естественных преград на подступах к нему поставили перед древними строителями сложную задачу создания эффективного фронта обороны. Эта задача была решена путем возведения системы мощных (толщиной до 2,25—2,65 м) куртин, фланкированных прямоугольными в плане башнями. Башни были снабжены помещениями в нижнем и среднем ярусах, а также боевой площадкой, образовавшей верхний — третий ярус. Они были выдвинуты вперед на 3,25 м за линию стен и расположены на расстоянии 15—18 м одна от другой, т.е. менее чем на половине дистанции эффективного прицельного выстрела из лука. Помимо фланкирования куртин башни должны были выполнять и другую функцию: блокировать примыкающие к ним отрезки стен в случае захвата их противником. Этой задаче отвечали особенности конструктивно-планировочного решения трассы укреплений (рис. 15).

Одной из особенностей фортификационной схемы, примененной при создании укреплений Семибратнего городища, было наличие у каждой куртины монументальной каменной лестницы, пристроенной с внутренней стороны. Эти лестницы вели не только на *верганги* куртин, но и обеспечивали доступ в помещения второго яруса башен, будучи пристроены с правой стороны к отрезкам их боковых стен, выступающим внутрь города.

Особенностью такой конструкции являлось то, что входные проемы, которые вели в помещения второго яруса башен, были расположены на тыльной их стороне и попасть в них, поднявшись по лестнице, можно было лишь по специальному деревянному мостку-настилу (*їкриц*). Опорами для съемного настила и служили два симметричных выступающих отрезка боковых стен башен, высота которых соответствовала уровню второго этажа. В случае необходимости эти настилы могли быть быстро сняты защитниками, что позволяло им оперативно прервать коммуникации между куртинами и башнями. Таким образом обеспечивалось блокирование тех участков укреплений, которые находились под угрозой захвата. В этом случае противник, сумевший ворваться на одну из куртин, оказывался в весьма затруднительном положении: находясь на относительно узком пространстве прохода по стене-*пародоса* под перекрестным фланговым обстрелом с двух прилегающих

Рис. 13. Панцирь из кургана Елизаветинский № 6. Конец VI — начало V в. до н.э., либо ранний эллинизм. Бронза. ГЭ

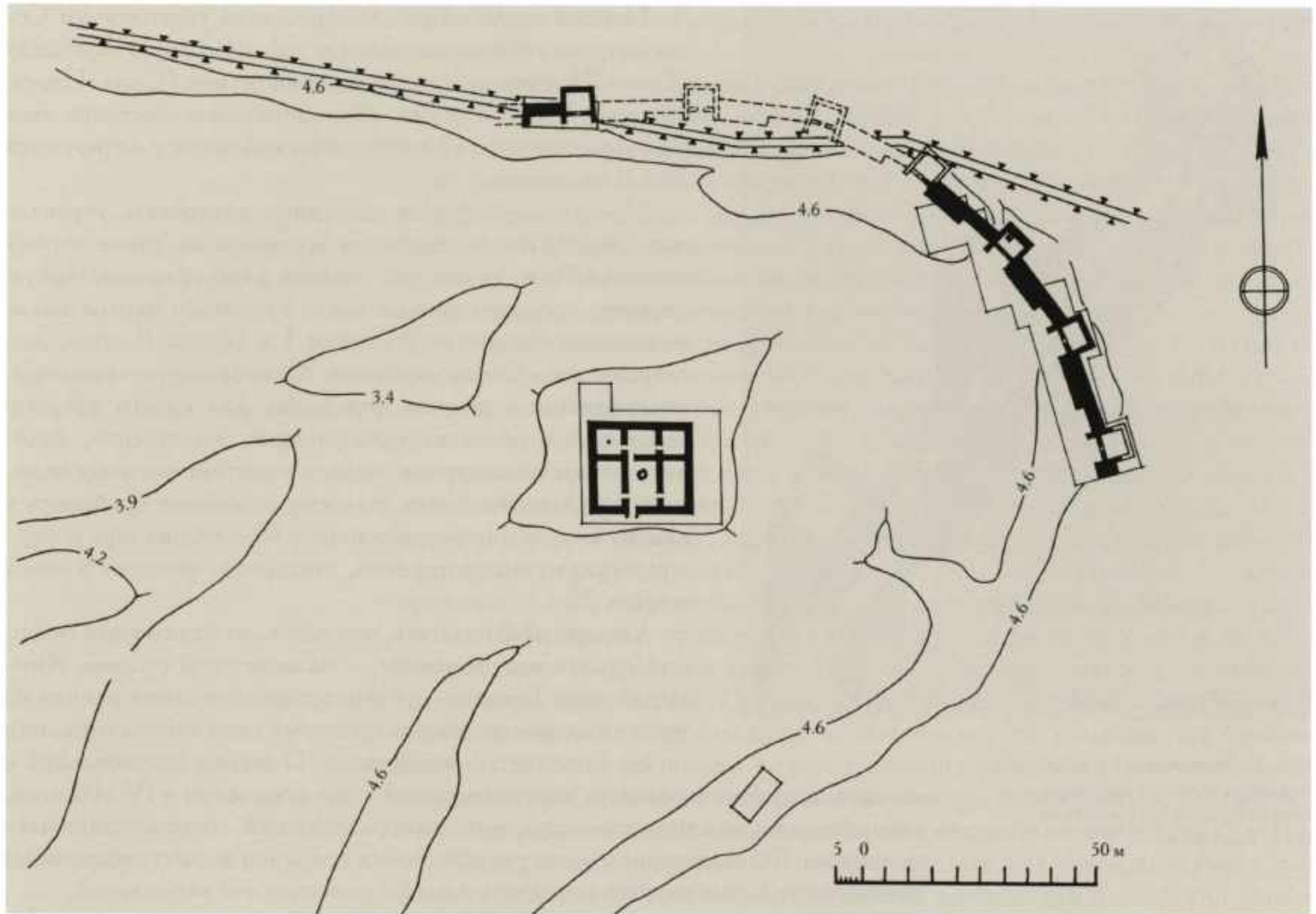

Рис. 14. Семибратнее городище.
План оборонительных сооружений
и укрепленного здания.
Реконструкция В.П. Толстикова по
архивным материалам Н.В. Анфимова

башен (с дистанции 7–8 м), а также с территории крепости, он был лишен возможности закрепиться и, овладев одной из башен, достиг тактический успех.

Анализ конструктивно-планировочной схемы, положенной в основу рассматриваемых укреплений, свидетельствует о том, что речь идет о вполне развитой, сформировавшейся фортификационной системе. Такая система предполагала многочисленный гарнизон, обладавший высокой профессиональной подготовкой и располагавший различными контингентами воинов, в том числе и вооруженных оружием дальнего боя (стрелков из лука, пращников, метателей дротиков и копий), а главное, имеющий навыки тактического взаимодействия при отражении штурма. Конструкция укреплений обеспечивала защитникам возможность оказывать эффективное организованное сопротивление даже в том случае, если какой-либо участок оборонительных сооружений был бы захвачен противником. Можно предполагать, что в городе находился гарнизон из воинов-профессионалов, скорее всего наемников⁸¹, распределенных по периметру укреплений по единой схеме: каждое подразделение отвечало за определенный сектор укреплений, образованный башней и прилегающей куртеной. Если в городе и присутствовало гражданское ополчение, то ему в обороне этих укреплений могли быть отведены лишь второстепенные, вспомогательные функции.

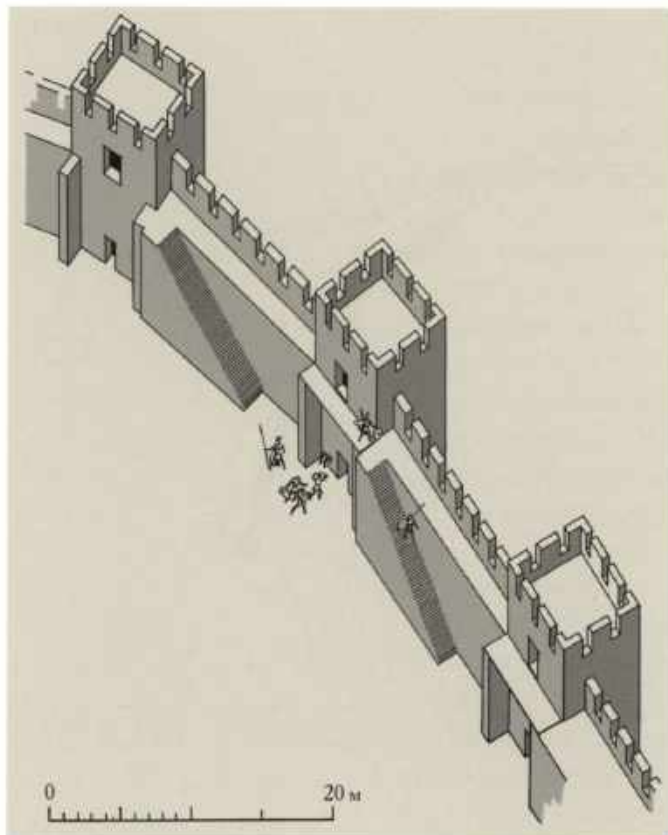

Рис. 15. Укрепления Семибратнего городища первого периода. Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова

Поиски аналогий рассматриваемым укреплениям Семибратнего городища приводят нас в Южную Арголиду (Галия)⁸², а также в малоазийский регион (Сида, Перга, Исавра, Милет)⁸³. Все оборонительные системы этих городов относятся к эллинистической эпохе и датируются IV—II вв. до н.э.

Приведенные факты позволяют датировать укрепления Семибратнего городища временем не ранее первой четверти IV в. до н.э., т.е. видеть в них оборонительную систему, сооруженную на месте туземного центра после включения Синдики Левконом I в состав Боспорского государства. Стены и башни Семибратнего городища, сооруженные с учетом передовых для своего времени тенденций в области фортификации, несомненно, являлись одним из ключевых звеньев в системе военных мероприятий Левкона I, что дало ему основание прибавить к своему титулу «архонт Боспора и Феодосии» еще и формулу «царь синдов, торетов, дандариев, псессов» и «всех меотов»⁸⁴.

Однако предполагать, что здесь, на отдаленной северной периферии ойкумены — на азиатской стороне Киммерийского Боспора — была применена самая ранняя из известных нам фортификационных схем такого типа, нам не представляется возможным. О весьма нестабильной и

опасной ситуации в области, контролируемой этим форпостом в IV столетии, говорят следы, как минимум, двух серьезных разрушений, сопровождавшихся пожарами. Об этом свидетельствуют прослойки пожарищ во внутрибашенных помещениях Семибратнего городища и следы ремонтов его укреплений.

Судя по имеющимся материалам, можно полагать, что укрепления первого периода были окончательно разрушены в начале III в. до н.э., но спустя некоторое время стены крепости были отстроены вновь, причем в основу планировки куртин и башен была положена прежняя конструктивно-планировочная схема. Однако в эту схему были внесены и некоторые изменения, обусловленные необходимостью повышения эффективности системы обороны крепости, с применением новых, прогрессивных тенденций в развитии эллинистической фортификации. На это указывают, например, обнаруженные в последние годы остатки круглой в плане башни диаметром ок. 5,4 м, которая располагалась в северо-восточном углу периметра укреплений этого периода⁸⁵.

* * *

Значительная, а порой и решающая роль в боевых операциях на Боспоре, в том числе и на азиатской его части, отводилась коннице, прежде всего союзным конным дружинам скифов. Примером тому служит сражение на реке Фат, информацию о котором сохранил Диодор⁸⁶. В его капитальном труде обстоятельно сообщается о событиях, происходивших преимущественно на Азиатском Боспоре в 310—309 гг. до н.э. Особенно ценно, что эти сведения были почерпнуты из местного боспорского источника. По мнению Е.В. Черненко, осуществившему вслед за В.Д. Блаватским⁸⁷ всесторонний анализ этих сообщений Диодора с военно-исторической точки зрения, дошедшие до нас сведения восходят к автору, который был современником описанных собы-

тий и жил в той части Северного Причерноморья, где происходили военные действия⁸⁸.

Информация, сохраненная Диодором, настолько существенна для рассматриваемой темы, что ее следует привести полностью: «...в Понте по смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Евмел, Сатир и Притан подняли между собой войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего 38 лет; но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелю, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников — скифов в количестве двадцати с лишним тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Евмела был царь фатеев Арифарн с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся у него на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Евмел, одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско»⁸⁹.

Анализ этих свидетельств позволяет сделать ряд принципиальных выводов относительно родов войск, которыми располагали боспорский царь и его противники, а также о соотношении сил, организации войска на походе, тактике ведения боя. Решающей силой в армии Сатира II, как видно из текста, были союзники-скифы, численность которых достигала 20 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы, основу составляли отборные дружины конных воинов-профессионалов, снабженных тяжелым защитным вооружением и имевших как оружие ближнего боя, так и луки. Двум тысячам эллинских наемников (видимо, гоплитов) и такому же числу наемников-фракийцев (вероятно, пельтастов) отводилась вспомогательная роль.

Вторжение войск Сатира на территорию племени фатеев было хорошо организовано: на походе их сопровождал значительный обоз, с которым следовало большое количество запасов продовольствия и припасов. Этим решалась важная задача обеспечения воинов всем необходимым во время нахождения их на вражеской территории на значительном удалении от основных опорных пунктов и баз снабжения. Из рассказа Диодора следует, что обоз выполнял не только транспортную функцию, но и использовался для организации обороны лагеря: повозки образовывали ограждающий периметр, своего рода полевую оборонительную систему, которая впоследствии, уже в Средневековье, получила название «вагенбург».

Е.В. Черненко был первым из исследователей, кто обратил специальное внимание на оборонительную функцию применения повозок обоза в военном деле Боспора, заимствованную эллинами у номадов, специально подчеркнув, что основным назначением подобного лагеря была защита от конницы, особенно в условиях глубокого вторжения во вражескую территорию⁹⁰.

Диодор, характеризуя действия Сатира II в описываемой военной операции, отмечал, что этот законный наследник Боспорского престола «...и по старшинству происхождения, и по храбрости он был достоин наследовать царскую власть»⁹¹. Из контекста следует также, что Сатир был не только храбрым воином, но и весьма опытным, талантливым полководцем, прекрасно знавшим как эллинские, так и варварские тактические приемы и активно применявший их на практике. Об этом свидетельствует прежде всего его выбор позиции перед решающим сражением: отдав приказ перейти реку Фат и разбить на берегу укрепленный повозками лагерь, он обеспечил войско крепкой позицией на случай неудачи, снизив риск возможного отступления, и одновременно снабдил надежным источником питьевой воды своих воинов и их коней.

Большой интерес представляет описание боевого построения противников перед боем. Диодор сообщает, что Сатир, выстроив войско, «сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя..., окруженный отборными воинами»⁹². Таким образом, центр боевых порядков боспорского царя был образован тяжеловооруженной скифской конницей, которую в данном случае Диодор именуется «фалангой». По мнению Е.В. Черненко⁹³, использование древним автором этого термина не случайно: речь идет о применении уже давно освоенного скифами глубокого построения тяжеловооруженных всадников, во главе которого и находился Сатир.

Окруженный отборными воинами в упорном встречном конном бою со свитой Арифарна, стоявшего против него также в центре своего боевого строя, после значительных потерь с той и другой стороны боспорский царь обратил в бегство предводителя фатеев (или сираков?). Преследуя отступающего противника, Сатир развивал достигнутый в центре успех, разя всех, попадавших у него на пути, однако услышав, что мятежный брат Евмел теснит стоявших на правом фланге его наемников под командой Мениска, царь прекратил преследование и ударом в тыл решил исход сражения. Е.В. Черненко справедливо подчеркивал, что маневр скифской конницы, выполненный по приказу Сатира в разгар преследования бегущего противника, свидетельствует о высокой дисциплине и индивидуальном мастерстве скифских дружинников, а также о непререкаемом авторитете для них боспорского царя. Провести организованное изменение направления удара могли лишь очень немногие конные войска, такие, например, как кавалерия Александра Македонского.

Сведения о военных событиях на азиатской стороне Боспора, содержащиеся в приведенном отрывке из сочинения Диодора, ценны также и тем, что позволяют определенно сделать вывод о той вооруженной силе, которая служила военно-политической опорой боспорским династам: это были наемники, набравшиеся из различных областей эллинского мира, и варварские, прежде всего, скифские дружины. Показательно, что именно скифские союзные контингенты оказались наиболее эффективной, дисциплинированной и преданной опорой законному царю Боспора Сатиру II в кровопролитной, братоубийственной борьбе за власть, в то время как наемники играли второстепенную роль⁹⁴. (Данные о наличии в этот период в боспорском войске полисного ополчения вообще отсутствуют.)

Совершенно очевидно, что коалиционные полиэтничные армии были типичными для властителей Боспора, во многом опиравшихся не только на силы наемников, но и на местные племенные ополчения, состоявшие как из подданных, так и из массы союзников. Лукиан в своем диалоге «Токсарид, или Дружба» (54–55) описывает войну скифов против боспорцев и

их союзников: махлиев⁹⁵, аланов и сарматов. Хотя данная новелла является художественным произведением, но все же мы можем почерпнуть из него определенные характерные черты военного дела населения Северного Причерноморья. Источник Лукиана не известен. М.И. Ростовцев полагал, что Лукиан в своем рассказе базировался на историко-этнографическом материале эпохи эллинизма, который он переработал «в духе своей новеллы»⁹⁶. Так вот, по сообщению Лукиана, аланы и сарматы поставили царю Боспора по 20 000 воинов, что увеличило численность его армии до 90 000 бойцов, из которых одну треть составляли конные лучники. Хотя количество войска явно завышено, но пропорциональное соотношение, видимо, передано верно: стрелки на конях в первые века нашей эры составляли подавляющую, значительную часть конницы народов Северного Причерноморья. Это были в основном аланы, сарматы и боспорцы. Две же трети армии приходилось на пеших боспорцев, пехотинцев союзных племен и в меньшей степени на всадников, главным оружием которых были копья.

Последующий ход военных действий, основным театром которых продолжал оставаться Азиатский Боспор, включавший тотальное опустошение Сатиром неприятельской страны и осаду укрепленной резиденции Арифарна, в ходе которой значительная роль была отведена пешим подразделениям наемников Мениска, ранение и смерть Сатира II, а также последовавшее за ней выступление Притана против Евмела и Арифарна, закончившееся его поражением, бегством в Кепы и гибелью, свидетельствуют о том, что этот конфликт имел особое значение, выходя далеко за рамки простой междоусобицы. Имеющиеся в нашем распоряжении данные античной традиции и археологические материалы уже не дают оснований видеть в этом событии лишь «небольшую гражданскую войну»⁹⁷, а позволяют рассматривать его как поворотный момент в боспорской истории⁹⁸.

По мнению Ю.А. Виноградова, эти события следует рассматривать в контексте формирования новой военно-политической ситуации, когда в Северное Причерноморье, и в частности в Прикубанье, начинают проникать сарматские племена⁹⁹. Действительно, с этим процессом связана постепенная переориентация боспорской политики на расширение и упрочение связей с прикубанскими, прежде всего сарматскими племенными объединениями. В этом же ракурсе можно говорить об одновременной трансформации прежних дружественных, союзных отношений правителей Боспора со скифами. Одним из «материальных» свидетельств этого служат находки из курганных погребений, в ряду которых наиболее показателен комплекс из кургана на мысе Ак-Бурун¹⁰⁰ (рис. 16). Ю.А. Виноградов вслед за В.Ф. Гайдукевичем видит в этом захоронении, сопровождаемом ажурным золотым шлемом, остатками железного пластинчатого набора панциря (?) неизвестного ранее на Боспоре типа¹⁰¹, а также элементами наступательного оружия — мечом длиной 99 см, предположительно меотского (прикубанского) типа¹⁰², четырьмя наконечниками дротиков, наконечником копья, железными наконечниками стрел, датированном статуром Александра Македонского, погребение одного из знатных сармато-меотских союзников Евмела¹⁰³. Именно поддержка такого рода военных предводителей прикубанских дружин обеспечила Евмелу приход к власти.

Некоторое представление об облике и вооружении воина этого периода дает полихромное изображение надгробной стелы, датированной концом IV—III в. до н.э., которая была случайно найдена в районе горы Митридат в 1951 г.¹⁰⁴ Безбородый молодой воин одет в длинный, до колен, красный

Рис. 16. Комплекс вооружения из погребения в кургане Ак-Бурун. Начало III в. до н.э. ГЭ

хитон с короткими рукавами. Из защитного вооружения на ногах воина видим высокие желтые (очевидно, бронзовые) поножи, а за спиной — круглый щит, закрывающий воина от плеча до верх бедра, из наступательного оружия — слева на плечевой портупее висит меч, судя по рукоятке, — махайра, а за спиной поверх щита торчат три небольших красных копья. Можно полагать, что в силу местных условий — борьба с местными племенами — греки восприняли от них их наступательное вооружение — несколько дротиков. Такое вооружение было особенно удобно для экдромов — гоплитов младших призывных возрастов, которые для борьбы с пельтастами противника выбегали из строя

фаланги и преследовали врага. При этом пурпурная одежда, щит (?) и меч у воина на стеле сохранились греческими гоплитскими, тогда как наличие поножей выглядит определенным архаизмом для III в. до н.э., отсутствие же шлема, который, возможно, снят при сцене возлияния, выглядит, наоборот, недостающей деталью. В целом на стеле изображен местный вариант эллинистического гоплита, который еще не перевооружился кельтским щитом, но уже имеет древковое метательное оружие — главное оружие эллинистического щитоносца, прикрывавшегося овальным щитом. Вооружение этого воина является, по существу, переходной стадией от традиционного гоплита, стоящего в типичной фаланге, к эллинистическому щитоносцу, сражающемуся в менее сплоченном боевом построении.

Походное или даже походно-парадное снаряжение пеших лучников IV—III вв. до н.э., — очевидно, наиболее распространенного рода пехоты, набираемой из местных ополчений, — мы видим на надгробных памятниках с Таманского полуострова, выполненных местными мастерами¹⁰⁵. Эти воины облачены в шапочки-пилосы, хламиды, под которым одета или короткая куртка (снизу из-под нее виднеются складки нижней рубахи), или же панцирь из мягких материалов с одним-двумя рядами коротких птериг. Стрелки вооружены скифским луком и горитом, висящим слева у бедра, а также коротким мечом, висящем на поясе справа, или же длинным мечом, который на рельефах воины держат в правой руке¹⁰⁶.

* * *

Первая половина III в. до н.э. характеризуется глобальными изменениями в этнокультурной, экономической и военно-политической ситуации в Северопонтийском регионе, на обширных пространствах степи и лесостепи от бассейна и дельты Дона до Нижнего Побужья¹⁰⁷. Материалы раскопок свидетельствуют о практически одновременной гибели подавляющего большинства укрепленных и неукрепленных греческих и варварских поселений, причем в ряде случаев фиксируется драматическая картина военного разгрома¹⁰⁸. С какими бы группами сарматских племенных объединений — савроматов-сирматов¹⁰⁹ или протоорсов и роксолан¹¹⁰ — не связывали исследователи эти драматические события, речь, очевидно, идет не о спорадических грабительских набегах, а о тотальном уничтожении населения занимаемых территорий. Материалы археологии служат наглядной иллюстрацией к сообщению Диодора о том, что сарматы истребили население Скифии, сделав страну пустынной¹¹¹. Была высказана точка зрения о том, что политика методичного уничтожения поселений скифской культуры сарматами не прекратилась и после фактического крушения державы скифов¹¹². По мнению ряда исследователей, специфика ситуации этого периода состояла в том, что восточная сарматская волна экспансии столкнулась в Поднепровье со встречной — западной кельтской (галатской) волной вторжения, и в результате степные пространства Северного Причерноморья до начала II в. до н.э. оставались «ничейной территорией»¹¹³.

Перипетии этих событий нашли отражение и в судьбе Елизаветовского городища — крупного торгового центра в дельте Дона, на северной окраине Азиатского Боспора. Данные, полученные в ходе многолетних раскопок свидетельствуют о том, что в конце IV в. до н.э. в связи с резким усилением угрозы сарматского вторжения туземное (оседлое и кочевое) население покидает территорию Северо-Восточного Приазовья; при этом фиксируется и полное запустение греческого торгового квартала на территории городища¹¹⁴.

Рис. 17. Рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). IV в. до н.э. Известия. ГМИИ

Однако такое положение просуществовало недолго, и вскоре, в начале III в. до н.э., здесь появляется новая волна населения. Именно в это время Боспор выводит сюда свою новую колонию, занявшую площадь, равную 7–8 га, т.е. большую часть акрополя Елизаветовского городища. Этот примечательный факт может рассматриваться как еще одно из свидетельств коренной переориентации в этот период вектора боспорской внешней политики, наступившей после победы Евмела, который опирался в борьбе за престол именно на сармато-меотские племена Прикубанья¹¹⁵. Относительная стабилизация наступает ко второй четверти III в. до н.э., одним из свидетельств чему служит основание в Северо-Восточном Приазовье третьей колонии Боспора — Танаиса¹¹⁶.

Существенно то, что опора правящих кругов Боспора на сарматов активизировала, по-видимому, проникновение последних не только в восточные пределы — на азиатскую часть государства, но и в его центральную область. В контексте этого процесса следует рассматривать и взаимовлияния вооружения меотов и сарматов в «прохоровское» время¹¹⁷, фиксирующее путь проникновения элементов сарматского оружия на Боспор¹¹⁸.

Анализ сарматского вооружения VI–II вв. до н.э. свидетельствует о значительной близости его на начальном этапе скифскому с последующим постепенным увеличением различий¹¹⁹ (рис. 17). Сарматские воины в эту эпоху были конными лучниками, которые, как и скифы, использовали плетеные щиты для боя с коня.

Основной силой сарматского войска являлась конница, в которой в этот период наряду с мужчинами сражались и женщины, возможно, девушки, проходившие таким необычным образом обряд инициации. Пехота же, хотя и была многочисленна, играла второстепенную роль в локальных конфликтах. К III–II вв. до н.э., по мере усиления расслоения сарматского племенного общества, выделяется родовая аристократия, которая образует немногочисленную, но наиболее боеспособную часть войска. Аристократические дружины использовали тактику конного «кулака», т.е. конного рукопашного боя, в то время как легковооруженные конники поддерживали их маневром и интенсивным обстрелом противника из луков.

Дальнейшее развитие дружинной конницы по пути усиления защитного вооружения всадника и коня, а также определенной стандартизации оружия ближнего боя, прежде всего тяжелого копья-*контоса* и длинного меча, привело к появлению у них нового типа тяжеловооруженного всадника, который в современной научной литературе именуется *катафрактариум* (или, что правильнее, *катафрактом*). Эти сарматские всадники были защищены железным каркасным шлемом, кольчугой, которая была римским импортным изделием, чешуйчатым панцирем, воспринятым от скифов, кожаным пластинчатым или ламинарным доспехом, принесенным из Центральной Азии. Конская же броня, кольчатая или чешуйчатая, использовалась редко. Одновременно сложилась и особая «героическая» традиция конного рукопашного поединка¹²⁰, ведь сарматы решались сразу переходить в рукопашную, тогда как другие кочевники или вообще предпочитали дальний бой с помощью лука, или, по крайней мере, сочетали дальний и ближний бой. В процессе форми-

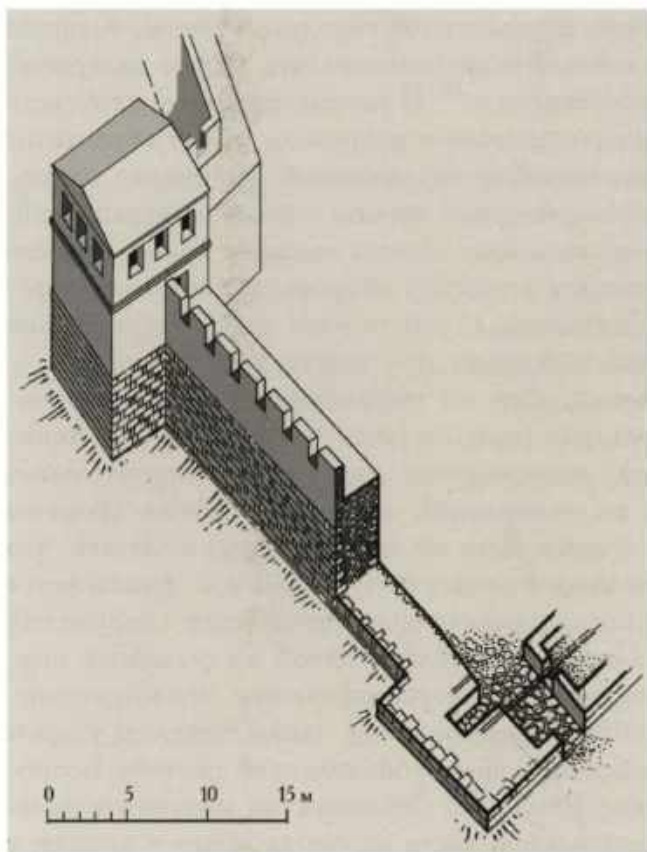

Рис. 18. Тиритака. Главные ворота и прилегающие укрепления. Начало III в. до н.э. Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова

рования этого рода войск определенную роль мог сыграть опыт взаимодействия с дружинами меотской и сиракской аристократии¹²¹, а равно и участие сарматских отрядов в военных мероприятиях Понтийской державы¹²².

Сопоставление военной ситуации, сложившейся в первой половине III в. до н.э. в азиатской и европейской частях Боспора, позволяет сделать вывод о существенных различиях. Если на Азиатском Боспоре наблюдается определенная стабилизация и отсутствие признаков серьезных военных потрясений, то в европейских владениях ситуация иная. Сарматское вторжение и крушение Великой Скифии стали причиной оттока части скифского населения в Крым¹²³ и образования здесь Крымского царства скифов со столицей в Неаполе Скифском. Захват и освоение скифами новых территорий в Крыму привели к войне с Херсонесом Таврическим, а также к общей дестабилизации обстановки на полуострове, в том числе и в восточной его части — на Боспоре¹²⁴.

Многолетние археологические исследования сельских поселений в Восточном Крыму показывают, что в период между 70-ми и 60-ми годами III в. до н.э. большинство населенных пунктов боспорской хоры, ранее не имевших оборонительных сооружений, спешно укрепляются. Тем не менее, вскоре все они гибнут в пожарах. В слоях пожарищ обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел и пращевые снаряды¹²⁵. Разрушенной оказалась, по сути дела, вся система земледелия европейской области Боспора¹²⁶. Рубеж IV—III — начало III в. до н.э. характеризуется активными мероприятиями центральной власти по повышению обороноспособности городов Боспора, включая его столицу Пантикапей.

В Мирмекии¹²⁷ около середины III в. до н.э. на разобранных до основания остатках восточной оборонительной стены Б возводится новая трасса укреплений — стена А, которая, имея толщину 3,2—3,8 м, значительно превосходила по мощности более древнюю стену. По мнению В.Ф. Гайдукевича, при этой реконструкции укреплений Мирмекия руководствовались исключительно военными соображениями, а не стремлением расширить городскую территорию к востоку¹²⁸. Существенно усиливаются укрепления Тиритаки: за счет пристройки с внешней стороны дополнительного квадратного панциря толщина куртины I доводится до 3,4 м; усиливается угловая привратная башня I; перестройке подвергаются и сами ворота¹²⁹ (рис. 18). В это же время возводится юго-восточная стена Нимфея, открытая раскопками на участке «С». Особо следует подчеркнуть, что при ее сооружении была сокращена обороняемая территория города, а в кладке самой стены использованы многочисленные камни и архитектурные детали разрушенных зданий и святилищ предшествующего периода¹³⁰. Все это указывает на спешный характер фортификационных мер, вероятно, в виду военной угрозы.

Серьезные меры принимаются и для защиты столицы Боспорского государства Пантикапея. Наиболее ответственный и уязвимый фронт обороны — западный — выдвигается к холму Второго кресла горы Митридат на наиболее выгодный естественный рубеж. В трассе этой линии укреплений, усиленной круглыми в плане башнями, были устроены двое главных ворот, от которых начинались дороги на Феодосию и Тиритаку. Как показали раскоп-

Рис. 19. Форт с сигнальной башней на акрополе Пантикапея. Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова

ки, при закладке фундаментов городской стены, толщина которой достигала 3 м, использовались плиты надгробий с некрополя IV в. до н.э.¹³¹ В рассматриваемом контексте факт разрушения столичного некрополя может свидетельствовать о чрезвычайно напряженной обстановке на момент сооружения западного фронта городских укреплений. Очевидно, именно в этот период вершина холма Второго кресла, включенная в систему обороны города, превращается в укрепленный узел, своего рода форт, защищавший подступы к юго-западному углу трассы укреплений¹³².

Раскопки последних лет показывают, что и на акрополе Пантикапея, где располагалась резиденция Спартокидов (*басилея*), производится ряд важных строительных мероприятий по укреплению северного рубежа обороны царской резиденции. В то же время следует отметить, что примерно для второй четверти III в. до н.э. фиксируется практически полное разрушение важнейших сооружений акрополя¹³³. Предположительно одной из основных причин этого могло стать катастрофическое землетрясение, последствия которого явились еще одним тяжелым ударом по военно-политической и экономической системе Боспора¹³⁴. В течение 10–15 лет большинство монументальных построек в центральной части акрополя лежит в руинах, а восстановительные работы приходится на середину — вторую половину III столетия, на период правления Левкона II

(фаза 3 строительного периода V, по предложенной В.П. Толстиком хронологической схеме). По-видимому, в это же время сооружается и так называемая «цитадель» на вершине Первого кресла горы Митридат, представлявшая собой небольшой изолированный укрепленный пункт с центральной сигнально-оборонительной башней, господствовавший над всем акрополем и прилегающей городской территорией¹³⁵ (рис. 19).

Археологические раскопки на азиатской стороне пролива также фиксируют определенную фортификационную активность, например, восстановление в III в. до н.э. оборонительной стены Фанагории — главного центра Азиатского Боспора¹³⁶. Выявлены слои разрушений и пожарищ в Горгииппии¹³⁷ и на ее хоре¹³⁸, свидетельствующие о каких-то локальных конфликтах, однако резкое ухудшение здесь общей стратегической обстановки не наблюдается.

Одним из знаковых явлений этого периода стало и основание города-крепости Танаиса¹³⁹ — торгового и ремесленного центра, а также порта, связывавшего Азиатский и Европейский Боспор с обширным регионом Нижнего Дона — Приазовья. Танаис стал в этом смысле преемником прекратившего свое существование элинского квартала-эмпория на Елизаветовском городище. Находясь на далекой северо-восточной окраине, в непосредственном контакте с многочисленными и воинственными сармато-меотскими племенами, Танаис получил своеобразную внутривосточную организацию¹⁴⁰ и структуру, нашедшую отражение в планировке и фортификации города¹⁴¹. К основной территории города — его восточному району, защищенному прямоугольным в плане периметром оборонительных стен, фланкированных квадратными башнями¹⁴², и сооруженному по принципам регулярной планировки, с западной стороны примыкал другой — западный район, защищенный собственной стеной. Сопоставление и анализ планировки укреплений и систем застройки этих двух районов позволяет сделать вывод об их неравнозначности

в общей структуре города, а именно: о вторичности и как бы функциональной подчиненности западного района восточному району города.

Принципиальные различия в характере планировки, качестве застройки, а также в конструкции и функциональном назначении оборонительных сооружений двух смежных районов Танаиса указывают на то, что в III—I вв. до н.э. население города было разделено на две неравные в правовом и экономическом отношении части. По мнению Д.Б. Шелова, объяснение столь своеобразному районированию следует искать прежде всего в «той уникальной административной системе, которая была создана в Танаисе и которая просуществовала, по крайней мере формально, целых пять столетий»¹⁴³.

Восточный район Танаиса служит примером самого раннего из известных в настоящее время образцов города-крепости, которые получили на Боспоре распространение в течение последующих столетий. Их отличают прямоугольные в плане очертания укреплений, которым подчинены плотная регулярная застройка и трассы улиц. Формирование этого нового типа сильно укрепленного, компактного города-крепости было обусловлено теми военно-политическими и социально-экономическими процессами и изменениями, которые характеризуют развитие Боспорского государства в первой половине III—II в. до н.э. Еще одним примером города-крепости нового типа может служить Порфмий¹⁴⁴. Его планировка и тесная связь застройки с оборонительными сооружениями указывают на то, что возведенная по единому, регулярному плану крепость имела постоянный гарнизон. Она выполняла как функции сторожевого пункта, контролировавшего переправу на азиатскую сторону Боспора, так и являлась определенным военно-административным и хозяйственным звеном в системе государства.

Вторая половина III — первая половина II в. до н.э. характеризуются как период относительной временной стабилизации в истории Боспора, которую М.И. Ростовцев именовал «периодом культурного возрождения»¹⁴⁵. Его предпосылки лежали во внешнеполитической области — в сфере установления царями Боспора союзнических отношений со Скифской державой в Крыму, а также нормализации отношений с сармато-меотскими племенами Нижнего Дона и Прикубанья¹⁴⁶. Наличие этих двух сил, стоявших у западных и восточных рубежей царства в лице соответственно крымских скифов и сарматских племен, создававшее для Боспора, так сказать, эффект «молота и наковальни», вынуждало его правителей маневрировать и вести весьма сложную политическую игру. Значительная роль в этой игре отводилась «дружественным дарам», предназначенным вождям варварских племен, а также бракам между представителями боспорской правящей элиты и варварской знати.

В контексте тесных союзнических отношений правителей Боспора с Крымской Скифией обращает на себя внимание изображение всадника на уникальном эпиграфическом памятнике — плите с рельефом и надписью, обнаруженной Ю.А. Зайцевым в многочисленных обломках близ Южного дворца Неаполя Скифского¹⁴⁷. Сооружение монумента убедительно датируется исследователями временем ок. 130 г. до н.э. На рельефном изображении, к сожалению, сильно фрагментарном, представлен, скорее всего, сам «многославный Аргот», для которого и была сооружена гробница-героон. Он изображен в виде всадника, по-видимому, в тяжелом доспехе и с овальным щитом, вооруженного огромным штурмовым копьем типа контоса¹⁴⁸. Активная деятельность и военные подвиги Аргота, сына Идантимида (Иданта?), супруга боспорской царицы Камасарии, приходится на период между 170—150 гг. до н.э.¹⁴⁹

Еще одним ярким примером таких политических брачных союзов может служить факт замужества дочери скифского царя Скилура царевны Синамотис за неким Геркалидом, по-видимому, одним из влиятельных приближенных или родственников последнего царя Боспора Перисада V¹⁵⁰, зафиксированный эпиграфическим документом, обнаруженным в остатках святилища на акрополе Пантикапея¹⁵¹.

Есть основания полагать, что уже Левкону II удалось не только в известной степени выправить экономическое положение государства, но и провести ряд успешных военных акций на Азиатском Боспоре, что позволило в каком-то объеме восстановить его власть над меотами. Разгром Горгииппии в третьей четверти III в. до н.э. связывают с результатом этих военных действий¹⁵². Одним из свидетельств тому может служить серия медей Левкона II с изображением овального щита кельтского типа и меча¹⁵³. Впрочем, как показывают резные фигурки саркофага из ст. Благовещенской близ Анапы, сами жители царства в III в. до н.э. еще активно использовали обычные гоэлитские асписы¹⁵⁴.

Изображение победоносного военачальника, венчаемого Никой, мы находим на одном полихромном рельефе, обнаруженном на горе Митридат (вероятно, начала II в. до н.э.)¹⁵⁵. Полководец изображен совершающим жертвоприношение над алтарем перед храмом. Он одет в хитон с короткими рукавами и греческий плащ, ниспадающий до середины голени, т.е. длиннее, нежели обычная хламида боспорцев. На воине типичный эллинистический панцирь: с наплечниками и птеригами, один ряд которых защищает плечо и два ряда — бедра; о статусе командира свидетельствует «офицерский шарф», обвязанный вокруг панциря. О местном происхождении воина свидетельствует, пожалуй, лишь борода и длинные волосы.

Новая угроза с востока, связанная с продвижением очередной волны кочевников-сарматов в первой половине II в. до н.э., вновь нарушила хрупкое равновесие сил и дестабилизировала ситуацию на Боспоре, а также в сопредельных с ним областях Прикубанья. Раскопки рисуют картину гибели ряда сельских поселений на азиатской стороне Боспора¹⁵⁶, прекращает свое существование и крупный культовый центр — Таманский толос¹⁵⁷. Страбон сообщает о воинственности варваров на восточных рубежах Боспорского царства и их претензиях на все возрастающий объем дани¹⁵⁸.

В этих условиях существовавшие между Боспором и Крымским скифским царством союзнические отношения утрачивают прежнюю эффективность. Основные силы крымских скифов отвлечены на ведение затяжной войны с Херсонесом Таврическим, а также, вероятно, для организации отпора рвавшимся в Таврику сарматским племенам. Во всяком случае, изучение фортификационного дела Крымской Скифии свидетельствует о возрастании количества укрепленных пунктов и повышении уровня фортификационного искусства, на развитие которого серьезное влияние оказали античная военная теория и практика. Есть основания говорить даже о создании крымскими скифами системы стратегической обороны против рвавшихся на полуостров сарматских орд¹⁵⁹. Итогом такого положения дел, приведшим Боспор на грань системного военно-политического кризиса и угрозы катастрофы, явилась, как известно, добровольная передача власти Перисадом V владыке Понта Митридату VI при посредничестве его полководца Диофанта. Возникший в результате этого *стасис* и убийство последнего царя из династии Спартокидов неким Савмаком, в котором есть основания видеть предводителя эллинизи-

рованной скифской гвардии, подвели итог независимой истории Боспорского государства¹⁶⁰.

Наши источники по военному делу Боспора в этот богатый событиями период его истории, к сожалению, весьма немногочисленны. Имеются свидетельства использования на Азиатском Боспоре наряду с обычными для него образцами оружия скифо-меотского круга¹⁶¹, предметов вооружения эллинистического и кельтского типа: больших кельтских по происхождению овальных щитов типа *фуреос* (*θυρεός*), с продольным ребром жесткости и вытянутым умбоном в конце III — первой половине I в. до н.э. и с круглым железным умбоном или, реже, без него со второй половины I в. до н.э.¹⁶², железных шлемов с округлой тульей, металлическим гребнем, подвижными нащечниками и козырьком так называемого «новоаттического» типа или шлемов кельтского типа с нащечниками и конической тульей; типичных эллинистических мускульных панцирей с подвесным подолом из лопастей-птериг (*πτερυγες*). Продолжает применяться и метательное оружие дальнего боя (лук «скифского» типа и стрелы), а также средства ведения боя на средней и ближней дистанции — дротики, копья. Причем наряду с луком «скифского» типа в регионе с конца I в. до н.э. стал распространяться новый композитный лук так называемого «гуннского» типа с костяными накладками, изображение которого мы встречаем на боспорских памятниках. Его носили со спущенной тетивой в чехле, входящим в саадак. Для подобного лука требовались и стрелы большей длины (свыше 80 см) с большим же наконечником и соответственно большего веса. А.М. Хазанов полагает, что лук «гуннского» типа позволял вести уже не массовую, а прицельную стрельбу по цели с более дальнего расстояния, поэтому и в колчане у погребенных уже не находят значительного количества стрел¹⁶³.

Снаряжение самого лучника показывает нам стела Стафила, сына Главкия, найденная в Керчи в 1896 г. Г. фон Кизерицким и К. Ватцингером она датируется началом II в. до н.э., а В.В. Латышевым — римской эпохой¹⁶⁴. Воин, одетый в хитон и узкие штаны, держит в правой руке длинную стрелу, а в левой — согнутый лук, не скифского типа, тогда как за его спиной висит цилиндрический колчан. Отличительной особенностью данного стрелка является наличие в левой руке большого овального со срезанными краями щита. Обычно лучники в древности щита не имели, а если и имели, то небольшой. Крайне же редкие изображения в вазописи воинов, стреляющих из лука и при этом вооруженных асписом, представляют зрителю варварские народы. Конные же боспорцы, когда враг был далеко, могли для придания эффективности и точности стрельбе спешиваться, оставляя коня конюху-оруженосцу, что нам представляет стела Эроса, сына Кинола, из Пантикапея (начало I в. н.э.), стреляющего из лука W-образного типа¹⁶⁵.

Обычных пехотинцев-копьеносцев мы видим на многочисленных надгробных боспорских рельефах II в. до н.э. — II в. н.э., где они представлены в походной одежде, с оружием, но без доспехов. Пехотинцы одеты в хламиду, короткую рубаху, узкие штаны и имеют на вооружении длинный меч, висящий слева, иногда кинжал, пристегнутый к правому бедру, овальный щит, высотой несколько выше пояса (т.е. примерно 1,2 м), и одно, два или три копья, в рост человека или даже несколько выше его. Похожий комплекс вооружения подтверждается и археологически: в некоторых погребениях в Керчи I—II вв. обнаружено по два или несколько наконечников копий¹⁶⁶. Овальный, кельтский по происхождению щит делался из досок. А поскольку на рельефах структура щита не видна, то, очевидно, он был сверху обтянут. Вооружение воинов ши-

том в форме овала со срезанными сверху и снизу краями, с круглым умбоном можно признать римским влиянием (римский переходный тип от овального к цилиндрическому щиту, существовавший в I в.), однако плоский овальный щит — это типично кельтское оружие. Относительно количества копий можно было бы предположить, что традиция вооружаться тремя копьями пришла от меотов, у которых в III—I вв. до н.э. половину пехотинцев составляли воины, имеющие именно это оружие, но мы ничего не можем сказать о меотских щитах и, следовательно, о традиции сражаться с большим щитом. Настоящий же аналог вооружению данных боспорских воинов мы находим в армиях эпохи эллинизма, военные традиции которого в царстве, вероятно, продолжались.

В эллинистический период значительную массу греческой пехоты составляли *фирефоры*, в основном бездоспешные воины в шлеме, вооруженные овальным щитом и копьем или копьем и дротиками. Мы можем говорить о комплексном изменении вооружения гоплитов на Боспоре при переходе от монолитной классической фаланги к менее сплоченной эллинистической. Если в первой воины были вооружены колющим копьем и большим круглым щитом, то во второй — овальным щитом и метательными копьями.

* * *

По-видимому, и для этого периода следует предполагать, что наиболее боеспособную часть боспорского войска составляли союзные варварские контингенты, в том числе и отряды тяжеловооруженной конницы. Большой интерес в этом отношении представляют граффити из святилища Афродиты Навархиды в Нимфее, среди которых имеются изображения сцен боя пеших лучников против атакующих всадников в тяжелом вооружении с копьями¹⁶⁷. Наличие такого рода изображений по штукатурке стен святилища, датируемого второй четвертью III в. до н.э., свидетельствует о широком знакомстве населения с этим видом конницы на Боспоре.

Рассматривая вопрос о предпосылках и возможных областях формирования комплекса вооружения катафрактов, следует привести весьма перспективное соображение, высказанное Г.В. Требелевой¹⁶⁸. В отличие от большинства специалистов, занимавшихся проблемой появления этого рода войск, она полагает, что именно Боспор был одним из возможных пунктов возникновения катафрактов. При этом, ссылаясь на надписи, она справедливо отмечает, что «боспоряне, ощущали себя единым народом (*Βοσποριανοί* — *Βοσπόρειοι*) (КБН 48, 133 и др.), а значит, в определенной мере были представителями античной культуры и противопоставляли себя окружающим их сарматским племенам. Но с другой стороны, многие культурные, бытовые, политические и другие черты скифо-сарматских племен были внутренне присущи и самим боспорцам». И далее: можно говорить о появлении катафрактов «у отдельных народов Северного Причерноморья», имея в виду как причерноморских сарматов, так и боспорян, а не «о появлении в I в. н.э. катафрактариев у сарматов» и «о появлении катафрактариев у боспорян под влиянием сарматов»¹⁶⁹.

Действительно, история развития военного дела Боспора свидетельствует о существовании здесь многовековой традиции активного использования конницы, применявшей элементы тяжелого защитного вооружения как эллинского, так и скифо-меотского типов. Именно полиэтничный Боспор с его развитой производственной, прежде всего металлургической, базой, которая пока археологически не фиксируется для сарматских племен¹⁷⁰, мог стать тем «горнилом», где в середине — второй половине I в. до н.э., «выплавился» этот новый грозный род «железных всадников». Скорее всего, именно бла-

Рис. 20. Сарматский катафрактарий III в. до н.э. Реконструкция М.В. Горелика

гоприятная для коневодства азиатская территория Боспора, граничащая с меото-сарматским миром, могла стать местом появления катафрактов как вида конницы¹⁷¹ (рис. 20).

По нашему мнению, окончательное формирование катафрактного снаряжения как комплекса тяжелого оборонительного и наступательного вооружения всадника на Боспоре следует относить именно к периоду правления Асандра. И речь должна идти именно о синтезе боспорско-эллинистического боевого опыта и сарматских инноваций, привнесенных как побежденными союзниками Фарнака — сираками и аорсами, так и союзниками Асандра — аспургианами. Одним из аргументов в пользу такой точки зрения может служить предложенная М.Ю. Трейстером уточненная датировка погребения знатного воина у с. Косика (Астраханская область) 30-ми годами I в. до н.э.¹⁷²

Недавно вопрос о «сарматизации» Боспора был вновь рассмотрен С.Ю. Сапрыкиным¹⁷³. Анализируя важнейшие аспекты проблемы, он убедительно показал, что процесс так называемой «сарматизации» Боспора лежал в русле сформировавшейся здесь в период господства Митридата VI системы целенаправленной интеграции варварских, прежде всего ираноязычных меото-сарматских племен (сираков, аорсов, дарданов), которые обитали на азиатской стороне Боспора, в

военно-политическую и хозяйственную структуру царства. При этом, согласно С.Ю. Сапрыкину, «варварское проникновение не подавляло исконно эллинские принципы, на которых строилось царство, его экономика и культура, а наоборот, содействовало их дальнейшему совершенствованию. То есть мы должны говорить не о варваризации Боспорского государства, ускорившей его развитие, а об эллинизации варварского населения царства и даже отчасти его ближайших соседей»¹⁷⁴.

Именно под таким углом зрения и следует подходить к решению проблемы появления катафрактов как вида войск на Боспоре. Как показывают изображения, в начале новой эры боспорские тяжелые всадники были вооружены массивным двуручным копьем и длинным мечом, а в качестве защитного снаряжения использовали железный каркасный шлем и чешуйчатый панцирь с разрезами в полах для удобного сидения на лошади. Последняя, по сарматской модели, обычно не была прикрыта доспехом, однако на пантикапейской стеле Афения, сына Мены (первая половина I в.), мы видим доспех из четырех рядов вертикальных пластин, закрывающих бока и грудь коня¹⁷⁵. Также конь мог прикрываться кольчужной броней, о чем свидетельствуют находки в курганах Прикубанья¹⁷⁶.

* * *

Бурные события периода вхождения Боспора в Понтийскую державу Митридата VI, поражение последнего в борьбе с Римом и его гибель привели, в конечном счете, к включению Боспорского царства в сферу влияния Римской республики, заинтересованной в использовании его в качестве буферного государства против сарматских племен на северо-восточной периферии территории, которая с этого времени вошла в сферу римского влияния. Приход к власти в 47 г. до н.э. Асандра — опытного полководца и администратора, воспрепятствовавшего возвращению на Боспор Фарнака¹⁷⁷, — ознаменовал

собой новый этап в истории Боспорского государства. Военно-административная реформа, проведенная Асандром, позволила осуществить ряд важных мер по возрождению системы стратегической обороны Боспора, созданию системы военно-хозяйственных укрепленных поселений и сторожевых пунктов по обеим сторонам пролива.

Одним из факторов, сыгравших существенную роль в успешной реализации этих первостепенных военно-политических и экономических задач, которые способствовали подъему Боспора, стали *аспургиане* — весьма влиятельная и многочисленная вооруженная группа представителей сарматской кочевой среды. Перечисляя меотские племена, Страбон сообщает, что «к ним относятся аспургиане, живущие на пространстве 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией»¹⁷⁸. Можно полагать, что с появлением этой сильной и многочисленной дружинной группы связан целый ряд важных нововведений в военном деле Боспора¹⁷⁹. В частности, как было отмечено выше, по мнению В.А. Горончаровского, включение аспургиан в состав вооруженных сил Боспора способствовало изменениям в структуре и вооружении кавалерии¹⁸⁰. Значительной могла быть также роль, отведенная Асандром аспургианам в созданной в годы его правления системе крепостей-фортов, превративших территорию нынешнего Фонталовского полуострова (одного из островов в античный период) в особый укрепленный район¹⁸¹.

Эта новая военно-административная структура, именуемая «Островом» в боспорских эпиграфических документах более позднего времени¹⁸², была расположена на пути из Понта в Меотиду, что позволяло контролировать самую узкую часть пролива в пунктах наиболее удобной переправы с азиатской на европейскую сторону Боспора Киммерийского. Такое исключительно важное в стратегическом и экономическом отношении местоположение Острова отводило ему особую роль в истории государства¹⁸³. Можно предполагать, что гарнизоны крепостей, оборонявших Остров, состояли из воинов-аспургиан, находившихся на службе у Асандра, «действовавшего в соответствии с общепринятой практикой раздачи земли военным поселенцам с освобождением их от всех налогов и обычных повинностей»¹⁸⁴. Для резиденции их предводителя, носившего имя Хрисалиск и бывшего, вероятно, первым «комендантом» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου) укрепленного района, было использовано укрепленное здание, возведенное около середины II в. до н.э. в восточной части Острова на руинах крупного культового центра Азиатского Боспора — святилища с толосом¹⁸⁵.

На территории Острова археологами локализовано и частично исследовано 12 крепостей, которые входили в единую систему обороны и были построены почти синхронно. Это крепости: у поселков Ильич, Кучугуры, «За Родину», Пересыпь, у ст. Татарской (Волна Революции), на городище Патрей, предполагаемая Н.И. Сокольским крепость на юго-западной оконечности Острова¹⁸⁶, крепость на городище Каменная батарея у поселка «Красноармейское», две крепости «Батарея I» и «Батарея II» (рис. 21). Изучение системы расположения крепостей-фортов позволяет заключить, что их создатели стремились защитить Остров, прежде всего с западной и южной сторон, т.е. в качестве наиболее важного (и угрожаемого) в стратегическом отношении считалось направление со стороны пролива и европейской части Боспора.

Раскопки и шурфовки, проведенные под руководством Н.И. Сокольского на высоком научном уровне, дали важные материалы по датировке, плани-

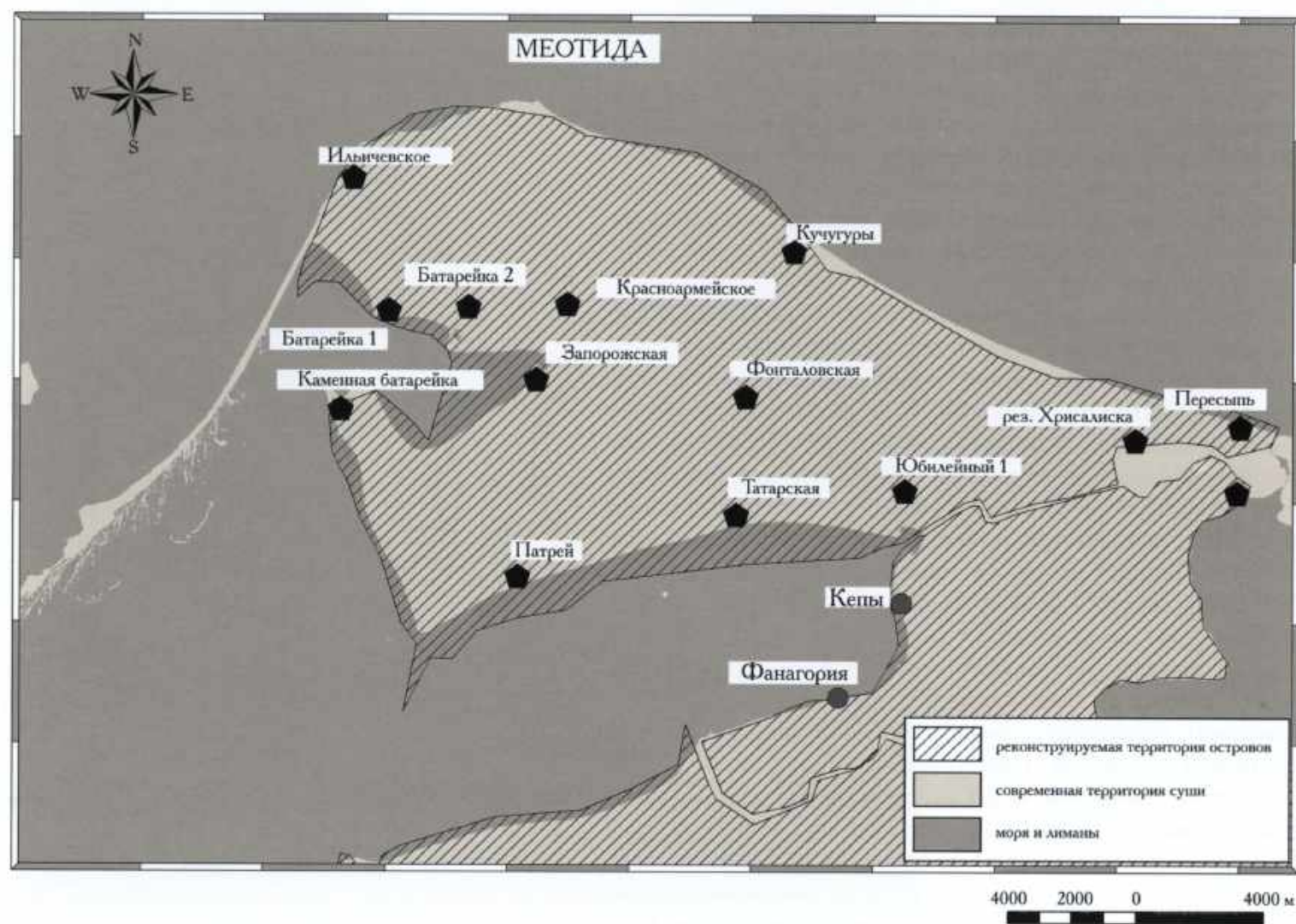

Рис. 21. Схема расположения крепостей Острова — Фонталовского укрепленного района

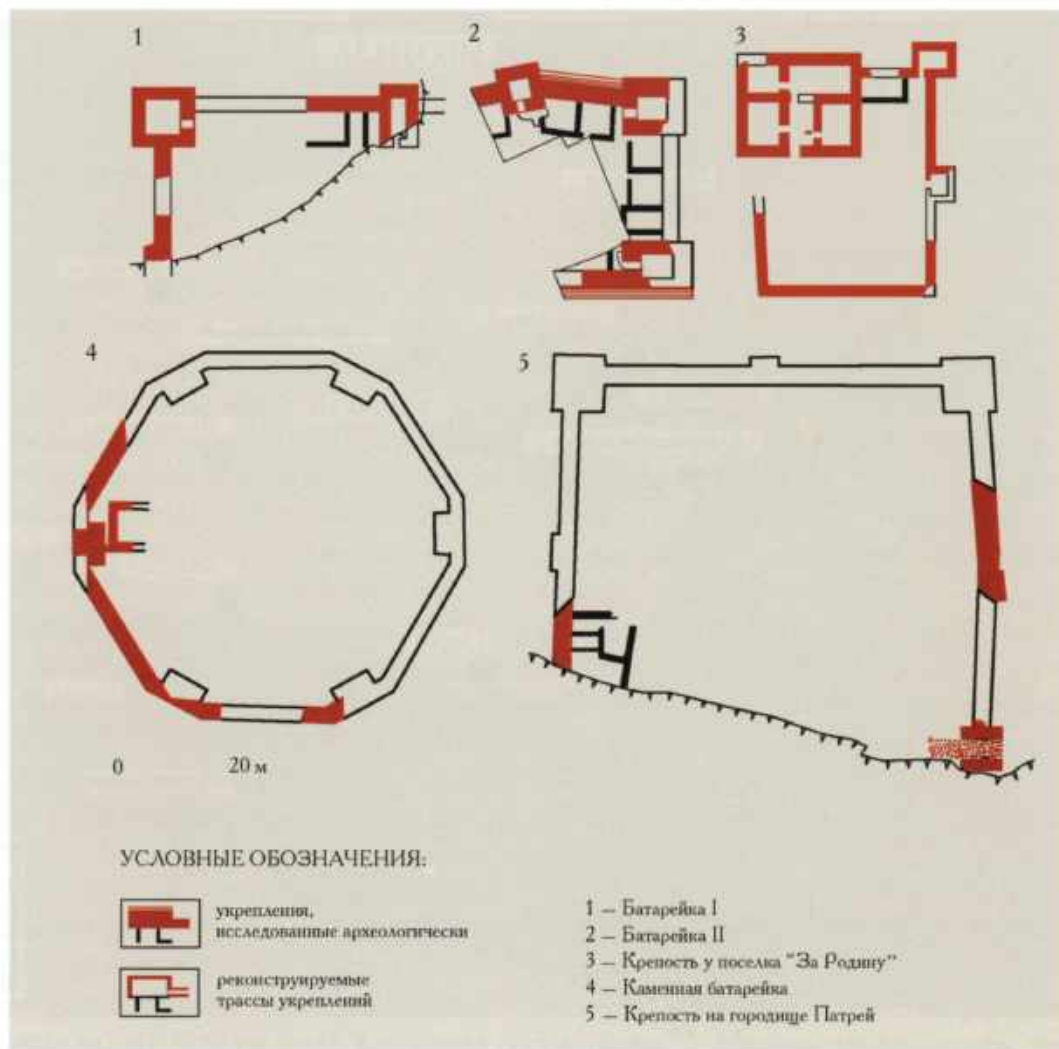
ровке, уточнили характер фортификационных элементов и их перестроек, что позволило воссоздать последовательность строительных операций при возведении укреплений. На основе материалов раскопок Н.И. Сокольского можно реконструировать этапы сооружения крепостей Острова и основные элементы их конструкции¹⁸⁷ (рис. 22).

Первый этап строительства состоял в сооружении вала, очерчивавшего план будущей крепости. Грунт для этой цели брался из рва, выкапываемого по периметру, с внешней стороны вала. Насыпь вала сооружалась из горизонтальных, плотно утрамбованных слоев глинистого грунта, которые укладывались на специально выровненный для этой цели горизонтальными подрезами материк. Высота вала достигала 3 м при ширине в основании до 10 м (рис. 23).

Второй этап предусматривал возведение башен, основания которых покоились на специальных фундаментах в виде двухпанцирных конструкций из рваного камня с забутовкой на глинистом растворе. Эти фундаменты заглублялись в верхнюю горизонтальную плоскость вала. Вероятно, уже в процессе сооружения вала и рва шло изготовление сырцовых кирпичей стандартных размеров: 0,52 × 0,52 × 0,07 м. Они формовались из хорошо промешанной глины с добавлением волокон морской травы-камки. В кладке башен кирпичи укладывались в перевязь на глинистом растворе; кладки армировались горизонтальными брусками фахверка прямоугольного сечения, равными по

Рис. 22. Планы крепостей Острова — Фонталовского укрепленного района. Реконструкция В.П. Толстикова по материалам Н.И. Сокольского

толщине кирпичам. В наиболее ответственных пунктах кладок, например, в пилонах ворот, применялись и крестообразно уложенные брусья. Фахверки значительно повышали надежность кладок укреплений и их сейсмостойкость (рис. 24).

Третий этап строительства включал сооружение куртин между башнями. Фундаментами для них служили тонкие настилы-субструкции из рваного камня и булыжника, заглубленные в вал. Оборонительные стены пристраивались к башням впритык, не образуя с ними единого конструктивного целого. Такой прием препятствовал образованию конструктивных трещин в случае неравномерного оседания столь различных по массе элементов оборонительной системы крепости, что согласуется с требованиями эллинистической фортификации¹⁸⁸ (рис. 25).

В ходе *четвертого этапа* с внутренней стороны к башням и куртинам пристраивались платформы из слоев глины, армированные каркасными кладками из сырцового кирпича и бута. Высота их достигала 2–3 м при ширине в основании 8–9 м. На этих платформах возводились пристенные помещения. Такая конструкция обеспечивала поднятие уровня внутренних помещений, а также значительно усиливала нижнюю зону укреплений. Это достигалось благодаря тому, что откос вала, переходивший в эскарп рва, с внешней их стороны, и монолитная платформа с внутренней, которые располагались на 2–2,5 м выше подош-

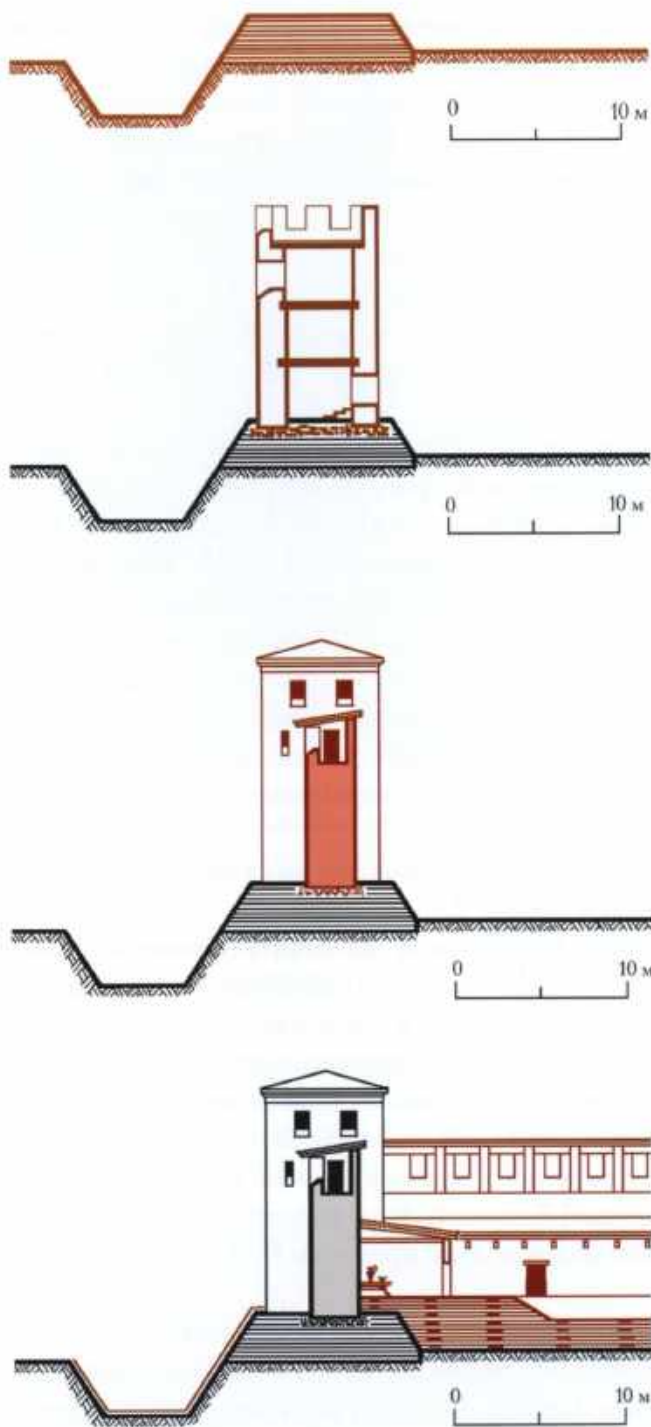

Рис. 23. Первый этап сооружения крепостей Острова

Рис. 24. Второй этап сооружения крепостей Острова

Рис. 25. Третий этап сооружения крепостей Острова

Рис. 26. Четвертый этап сооружения крепостей Острова

вы башен и стен, позволяли значительно ослабить действие таранов противника и эффективность его осадных подкопов (рис. 26). Прямоугольные башни крепостей, достигавшие в плане размеров $10,5 \times 9,6$ м, являлись мощными элементами обороны. Они были снабжены полуподвальными помещениями для хранения припасов и несколькими ярусами внутренних помещений. При толщине стен до 3 м их высота могла составлять 18–20 м (рис. 27).

Археологические материалы позволяют с большой степенью надежности графически реконструировать некоторые крепости Острова. Это сравнительно небольшие по площади (от 1200 до 7200 кв. м), но сильно укрепленные фортификационные комплексы, с довольно развитой функцией защиты ворот, включавшей и применение падающих створок-катаракт (рис. 28). Крепости были рассчитаны как на самостоятельную оборону, так и на тактическое взаимодействие в рамках единой стратегической системы укрепленного района Острова (рис. 29). Фортификационная система Острова была сооружена на высоком профессиональном уровне боспорскими специалистами, владевшими строительными приемами, которые сформировались в условиях практически лишнего строительного камня Азиатского Боспора. Очевидно, что местные фортификаторы были знакомы с основными достижениями эллинистического оборонительного зодчества и умело использовали их при решении конкретных локальных задач.

Своеобразие Фонталовского укрепленного района, высокая тщательность постройки крепостей, продуманность и завершенность как отдельных их элементов, так и всей системы планировки в целом и, наконец, наличие возле каждой крепости неукрепленного, но связанного с ней, синхронного поселения — все это позволяет датировать время его сооружения серединой I в. до н.э. Осуществление столь масштабной, трудоемкой и, несомненно, дорогостоящей фортификационной программы было возможно лишь под контролем сильной центральной власти и в один из более или менее стабильных периодов истории Боспорского царства. Можно согласиться с Н.И. Сокольским, который считал, что система обороны Острова как единого стратегического плацдарма и как особой военно-административной структуры государства, была создана именно в годы правления Асандра¹⁸⁹. Эта акция явилась составной частью обширной фортификационной стратегической программы, предпринятой этим деятельным правителем, сведения о которой сохранил Страбон, который пишет: «...по сообщению Гипсикрата, Асандр... построил на перешейке Херсонеса, поблизости от Меотиды, стену шириной 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен» (Strabo. 7.4.6).

Отмеченная выше специфика размещения фортов-крепостей в системе обороны Острова, которая давала возможность эффективно контро-

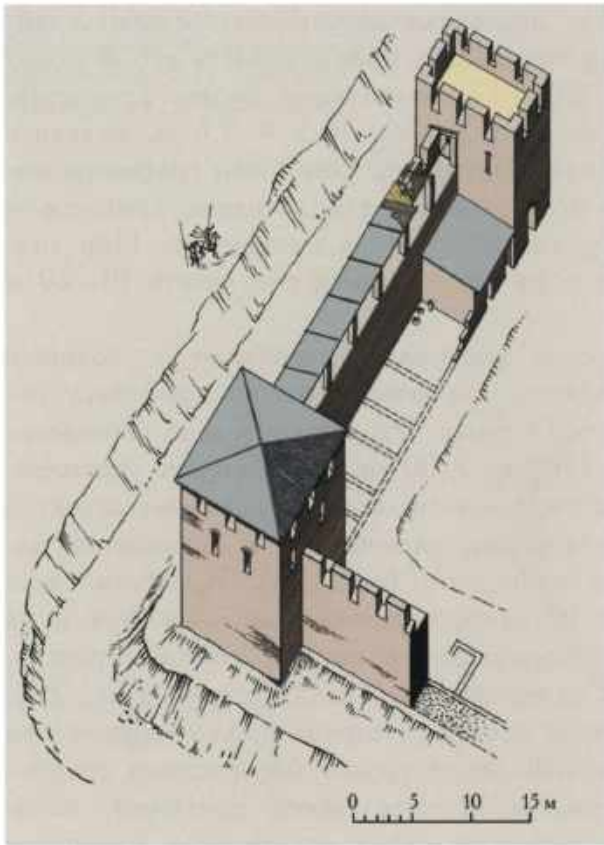

Рис. 27. Крепость «Батарейка I». Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова

ликовать побережье и отражать нападения со стороны пролива, позволяет полагать, что одной из задач, отводившейся данному укрепленному району, была защита этой ключевой области Азиатского Боспора от набегов пиратов. Именно победы, одержанные Асандром над терроризировавшими длительное время прибрежные районы Боспора морскими разбойниками (по мнению Ю.А. Виноградова, это были варвары-ахейцы¹⁹⁰), могли сыграть существенную роль в утверждении его римской администрацией в статусе «друга римлян»¹⁹¹ и царя Боспора¹⁹².

Однако Фонталовский укрепленный район был не единственной фортификационной программой, реализованной на Азиатском Боспоре в период правления Асандра. Е.Я. Рогов¹⁹³, опираясь на данные, полученные Я.М. Паромовым в ходе углубленных исследований археологической топографии Таманского полуострова¹⁹⁴, предположил существование еще нескольких линий укреплений, входивших в систему стратегической обороны всего Таманского полуострова. Он особо выделял восточную и южную линии, располагавшиеся по западному коренному берегу древней поймы р. Кубани.

В восточную линию были включены два городища — Старотитаровское 14 и Стрелка 2.

С южной стороны Таманского полуострова по берегу Кизилташского лимана были размещены четыре крепости, расположенные на дистанции от 4 до 6 км одна от другой. Самой западной в этой линии была крепость Вышестеблиевская 11, имевшая в плане вид прямоугольника со сторонами $80 \times 100 \times 90 \times 105$ м, находившаяся на обрывистом берегу лимана. С северной стороны укрепление было защищено глубокой балкой, с западной и южной — рвами, имевшими глубину не менее 1,5 м при ширине до 20 м. Въезд в крепость, вероятно, фланкированный башнями, был устроен с южной стороны периметра укреплений. Возникновение этой крепости Е.Я. Рогов относил еще ко II в. до н.э.

В 6 км к востоку на древнем береговом мысу лимана расположено поселение Старотитаровское 17¹⁹⁵ площадью около 12 га, защищенное с западной стороны широким и глубоким рвом и валом. Остатки укреплений фиксируются и со стороны лимана. В 4 км к северо-востоку на поселении Старотитаровская 15 расположены остатки крепости, именуемой Токаревская батарейка. Укрепление имеет в плане очертания прямоугольника размерами 85×75 м, периметр которого защищен рвами.

Неподалеку от пункта впадения древнего русла Кубани в Кизилташский лиман, на берегу Сухой балки, бывшей в древности одним из заливов лимана, находятся остатки крепости площадью не менее 16 га. С южной, западной и восточной сторон крепость защищена высоким обрывистым берегом лимана, а с севера — глубоким и широким рвом и валом. Крепость была сооружена и функционировала в I—III вв. н.э. в пределах обширного поселения, существовавшего с VI в. до н.э.

Как справедливо отмечал Е.Я. Рогов, перечисленные укрепления типологически и хронологически близки крепостям Фонталовского полуострова

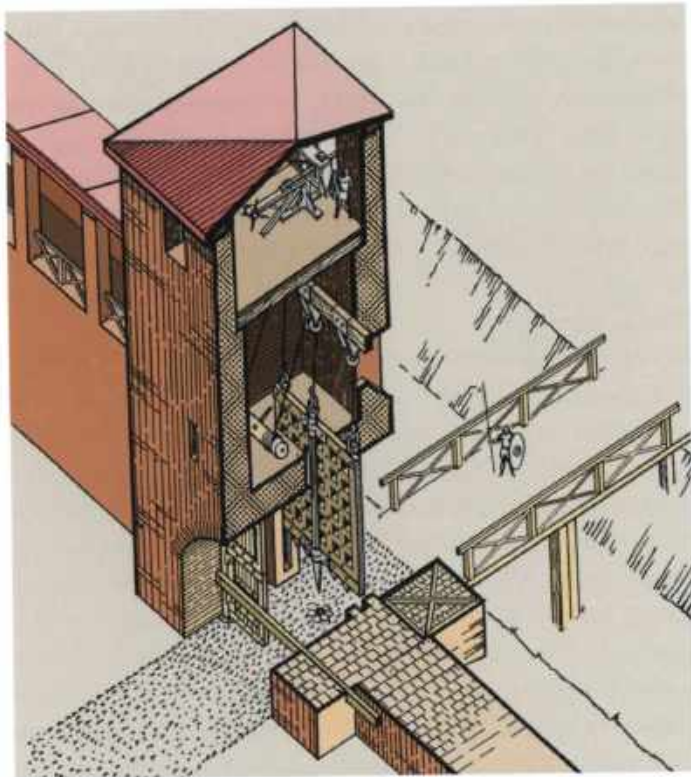

Рис. 28. Ворота с катарактой крепости Патрей. Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова

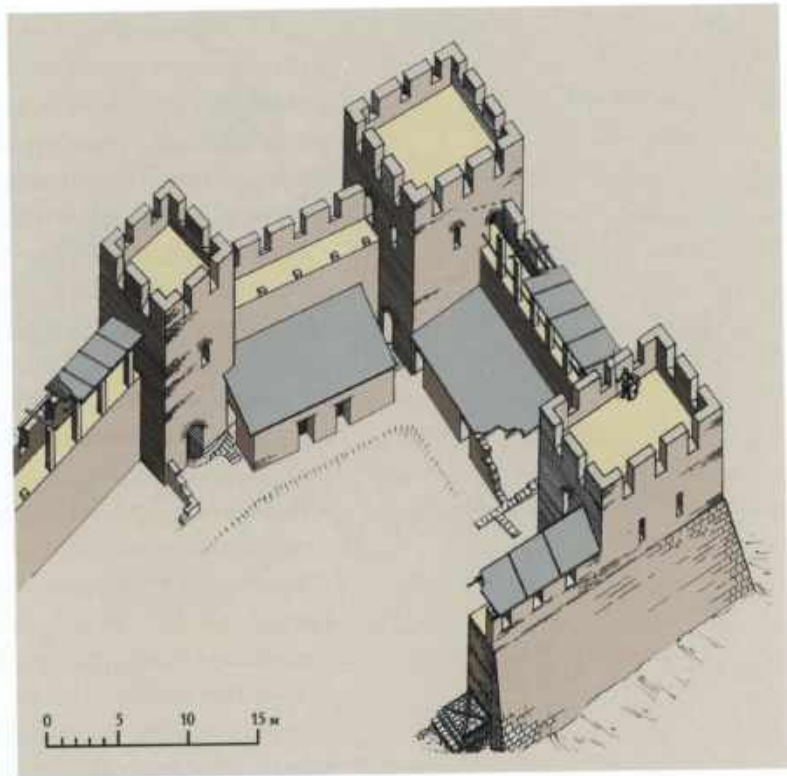
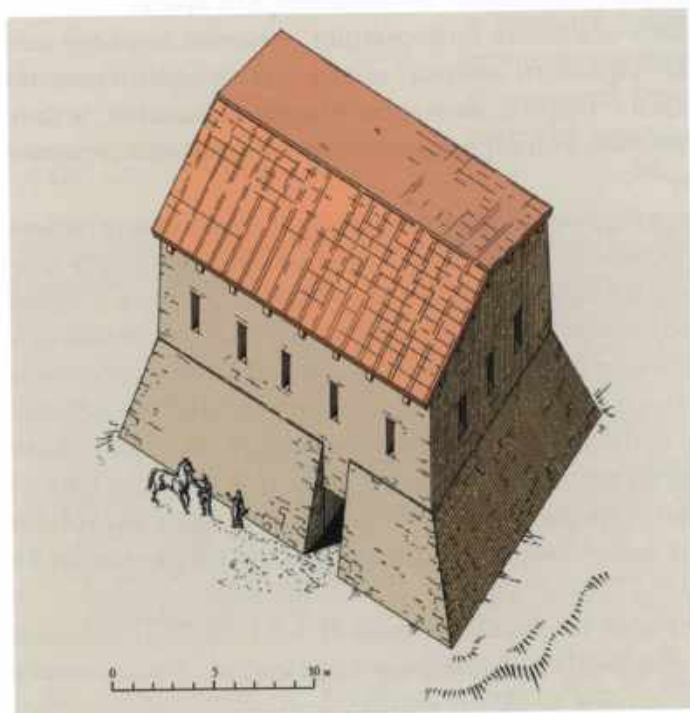

Рис. 29. Крепость «Батарейка II». Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова

Рис. 30. Укрепленное здание у хутора Рассвет. Реконструкция-аксонометрия В.П. Толстикова по материалам раскопок Ю.С. Крушкол

и с полным основанием могут быть отнесены к элементам единой системы стратегической обороны Азиатского Боспора второй половины I в. до н.э. — первых веков нашей эры (рис. 30).

Все эти крепости, расположенные, как и укрепления Острова, на расстоянии прямой видимости, были связаны между собой весьма эффективной системой световой и дымовой сигнализации, позволявшей получать и передавать информацию. Эта оперативно-тактическая информация, пройдя от границ государства через промежуточные сигнально-сторожевые пункты и башни крепостей, поступала в столицу Боспорского царства Пантикапей, где на вершине акрополя размещался изолированный форт с центральной сигнальной башней (рис. 19).

* * *

События боспорской истории конца I в. до н.э. — первой половины I в. н.э., наполненные внутренними военными конфликтами, заговорами и междоусобицами, при активном участии в них варварских племен, были отмечены все возрастающим стремлением Рима диктовать Боспору свою волю. На первых порах эта политическая линия реализовалась в попытках Рима возвести на боспорский престол своих ставленников, которые видели свою задачу в окончательном искоренении антиримских настроений Митридатовой эпохи¹⁹⁶. Неудачи римских ставленников — правителя Понта Полемона и Пифодориды, а позднее — Котиса I — вынуждали Рим применять свои вооруженные формирования в местных военных конфликтах, многие из которых разворачивались на азиатской территории Боспора¹⁹⁷.

О значении конницы в военном деле этого периода красноречиво свидетельствует рассказ Тацита о том, что в ходе борьбы за боспорский трон, развернувшейся между Митридатом VIII и Котисом, последний, несмотря на поддержку римских когорт Юлия Аквилы и наличия собственной пехоты, вооруженной по римскому образцу, не мог начать боевых действий. Не имея в своем распоряжении конных частей, он был вынужден привлечь на свою сторону предводителя племени аорсов Эвиона, который располагал мощной конницей. Очевидно, это было связано с тем, что Митридат опирался на конные дружины сираков Зорсина¹⁹⁸.

Вооружение самих боспорских всадников представляют нам надгробные рельефы начала нашей эры, на которых, как уже отмечалось, в силу сложившейся традиции конники представлены в походной, а не боевой одежде: греческом плаще-хламиде, оставлявшем, впрочем, обе руки свободными, короткой рубахе или кафтане, узких штанах и сапожках. Всадники вооружены либо скифским луком, висящим в натянутом состоянии слева в закрытом или открытом горите, либо луком гуннского типа, вложенным со спущенной тетивой в колчан, висящий у правого бедра, к которому по скифской моде привязан кинжал с кольцевидным навершием. Длинный меч в ножнах с тупой бутеролью висел рядом с горитом слева. Копье — главное оружие конника в ближнем бою — редко показано в его правой руке. Высота копья была выше всадника, сидящего на коне¹⁹⁹. Если исходить из пропорций, которые впрочем, лимитированы полем рельефа, то по примерным подсчетам, копье будет порядка 2,5 м. Чаще же это оружие нес оруженосец, снаряженный также большим овальным щитом и иногда остроконечным или эллинистическим с полями шлемом. Судя по рельефам, каждого всадника в походе сопровождал пеший или конный оруженосец, что соответствовало греческой и македонской практике. Этот оруженосец был, скорее всего, не только обычным походным слугой, подававшим оружие всаднику во время сражения, но он и сам мог при необходимости участвовать в бою²⁰⁰. Причем на рельефах конный оруженосец ведет вслед за своим господином одного или даже двух заводных оседланных коней²⁰¹. Это явно сарматский или, лучше сказать, кочевой обычай, позволявшийномадам быстро передвигаться, меняя в походе коней, и тем самым производить молниеносные набеги на большие дистанции, появляясь совершенно неожиданно для врага.

У Тацита содержится также и важная информация о боевом порядке построения союзного боспорско-римского войска, когда оно продвигалось по вражеской территории. Согласно Тациту, на марше боевое охранение, а также авангард и аррьергард составляла конница сираков, прикрывавшая римские когорты и боспорскую пехоту²⁰².

В.А. Горончаровский справедливо подчеркивает, что боспорская война 45—49 гг. имела большие последствия как для этнической ситуации в Северном Причерноморье, так и для развития военного дела Боспора²⁰³. Это был не только период непосредственного знакомства боспорян с римским вооружением и тактикой²⁰⁴, но и завершающий этап формирования и широкого применения в военном деле Боспора катафрактов как вида войск, и соответственно внедрения не только характерного для них комплекта оборонительно-доспеха и наступательного вооружения, но и нового типа конской сбруи и седла²⁰⁵ (рис. 31). Одновременно совершенствовалась тактика взаимодействия тяжелой конницы с легкой, а также формировались навыки координации ее действий с пехотой (рис. 32).

На фреске Стасовского склепа (первая половина II в.) (рис. 33) показан отряд, возглавляемый знаменосцем с знаменем-вексиллумом, украшенным длинной бахромой. За вексилларием следуют воины, вооруженные коротки-

Рис. 31. Боспорский катафрактарий в бою (АДЖ, таб. LXVIII, 1)

ми мечами (или кинжалами), висящими на поясе справа, двумя копьями и овальным щитом с умбоном, закрывающим бойца от плеч до середины бедра (если судить по пропорциям, примерно 70 см длиной). Причем первый воин и штандартносец снабжены еще и защитным вооружением: чешуйчатым панцирем и шлемом, тогда как остальные одеты в длинную до колен рубаху с боковыми разрезами для удобства ходьбы, штаны и сапоги²⁰⁶. Щиты показаны на фреске небольшими; возможно, тут присутствует некоторая стилизация в сторону уменьшения размера щита. Наступательное вооружение воинов стандартизировано: два одинакового размера копья, овальный с умбоном щит и короткий меч, висящий на поясе справа. Все это напоминает вооружение римских ауксилариев начала II в. В целом этих воинов можно рассматривать

Рис. 32. Катафрактарий при поддержке пеших воинов в бою (АДЖ, табл. LXXIX)

Рис. 33. Отряд боспорских пеших воинов со знаменем (АДЖ, табл. LXXXI, 2)

как боспорцев, вооруженных по римскому образцу, точнее по образцу римских вспомогательных: у них имелось на вооружении два копия одинакового размера, по-видимому, типа *lansea* — ударно-метательных копий; короткий меч типа *gladius*, висящий на плечевой портупее справа и плоский (не согнутый, как римский) овальный щит с умбоном, но без характерных для римских щитов узоров. Вместе с тем одежда и защитное нательное вооружение — местное. Наличие же доспеха лишь у знаменосца, передового в отряде можно объяснить как вооружение офицера и отборных.

Показательно, что в период между 45 г. и 157/158 г. боспорские всадники в составе I Боспоранской алы использовались римской администрацией как вспомогательные подразделения в Сирии, Мезии и Дакнии. Позднее, к середине II в., она, возможно, была объединена с частями галльской алы, образовав I алу галлов и боспорцев²⁰⁷. Вероятно, пешие лучники боспорцев в конических шлемах и чешуйчатых панцирях представлены как часть римской экспедиционной армии на колонне Траяна²⁰⁸. В 135 г. II милиарная конная когорта боспорских лучников (*cohors II Bosporanorum (Bosporiana) miliaria equitata sagittariorum*) участвовала в кампании Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию, куда она была переведена из Паннонии в первой четверти II в. Причем в данной кампании отряд состоял из пеших и, возможно, конных лучников²⁰⁹. Уроки борьбы с парфянами и сарматами, а также опыт боспорской армии были учтены римскими полководцами, создававшими, начиная со II в., собственные подразделения копейщиков-контофоров, панцирников-клибанариев и более легких катафрактариев, необходимые для эффективного противодействия усиливавшему натиску сарматов, парфян, персов и прочих конных противников²¹⁰.

Теоретическое обобщение боевого опыта борьбы с сарматскими конными отрядами и наставления по его практическому применению мы находим в «Диспозиции против аланов» (135 г.) — сочинении римского офицера-администратора и знаменитого писателя Флавия Арриана, который совершенно обоснованно предлагает использовать против конной

массы врага сплоченный строй тяжелой пехоты при мощной стрелковой поддержке²¹¹.

Несмотря на постепенный закат античной цивилизации и римское влияние в регионе, военная активность Боспора не прекращается. Если в I — начале III в., опираясь на поддержку империи, Боспор мог как-то контролировать порядок на своей территории и на море, то в середине III—IV в. это уже была вынужденная активность, направленная на защиту своей территории от варварских нашествий. В частности, нам известно, что в середине III в. в ходе Готских войн боспорцы вынуждены были предоставить варварам суда для набегов на территорию империи²¹². А если доверять свидетельству императора Константина VII Багрянородного, то ок. 291 г. боспорский царь, набрав войско из сарматов Меотиды, захватывает Лазику и вторгается в Анатолию вплоть до р. Галис, которую им воспрепятствовал перейти трибун и будущий император Констанций Хлор. Тогдашний император Диоклетиан обратился за помощью к оставшимся верными империи херсонесцам, которые, напав на Боспор с тыла, захватили Пантикапей и укрепления в Меотиде. Это заставило вторгшихся вернуться назад (ок. 293 г.) и даже отказаться от субсидий со стороны Рима²¹³. В данном рассказе показателен сам процесс набора армии: для большой экспедиции царь набирает в качестве наемников и/или союзников именно сарматов — конников, обладавших заводными конями, способных быстро совершать длительные марши.

В позднеантичное время конница Боспора продолжает развиваться, что нам показывает местная терракотовая фигурка всадника из Пантикапея, вооруженного большим круглым щитом, видимо, с умбоном²¹⁴. Судя по фрескам и надгробиям, конница Боспорского царства в I—II вв. щита по сарматской моде не носила. Большой круглый щит был типичным для греческого и римского всадника в эллинистическую и соответственно в республиканскую эпоху, тогда как раннеимперская кавалерия Рима носила овальный щит и лишь в эпоху поздней империи (конец III—IV в.) конники опять могли вооружаться круглым щитом, однако овальная форма оставалась доминирующей как в пехоте, так и в коннице империи²¹⁵. Поскольку терракота датируется III в., то можно полагать, что подобное вооружение было эллинистической традицией, которая с определенным запозданием пришла на Боспор. Ведь местные причерноморские всадники большой круглый щит, насколько нам известно, не использовали, поэтому влияние с их стороны можно исключить. Вероятно, принятие щита на вооружение некоторой частью конницы произошло несколько ранее. По крайней мере на бронзовой монете середины II — начала III в. среди царского конного вооружения (о чем свидетельствует протом коня) оказывается наряду с секирой, легким копьем, коротким мечом и коринфским или эллинистическим шлемом с султаном, также и круглый щит с рядом заклепок или круглых блях по периметру²¹⁶. Однако, естественно, не обязательно считать, что это убедительно свидетельствует о вооружении конников щитом — царское снаряжение могло или скорее должно было отличаться от вооружения других воинов, тем более на монете представлены лишь символические части паноплии. А царь вполне мог использовать щит для боя в пешем строю. В целом вооружение всадников щитом, вероятно, говорит и о трансформации тактики в сторону метательного боя, для которого всадники вооружались большим щитом и легкими, в первую очередь метательными копьями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военное дело Боспора Киммерийского, представляет собой один из своеобразных вариантов античного военного искусства. В почти тысячелетней истории Боспора азиатские его владения, граничившие с обширным и грозным миром меото-сарматских племен, занимали в военной истории государства особое место. Именно эти территории неоднократно становились ареной ожесточенных сражений и осад, в которых, зачастую, решалась судьба Боспорского царства.

Несмотря на отсутствие письменных источников по ранней истории ионийских апойкий на Боспоре, а также весьма неравномерное освещение ими последующих периодов истории Боспорского царства, мы, опираясь на данные археологических раскопок городищ и некрополей, а также на информацию, содержащуюся в сохранившихся памятниках изобразительного искусства и нумизматики, можем составить определенное представление о важнейших событиях военной его истории и тенденциях в развитии военного дела.

На первую половину — середину VI в. до н.э. приходится **первый период**²¹⁷ истории ионийских колоний на Боспоре. Он характеризуется установлением относительно мирных контактов эллинов с местным населением. Можно предположить, однако, и определенную специфику в характере этих контактов: если на азиатской стороне пролива ионийских переселенцев встретило оседлое земледельческое население Синдики, то на европейской его стороне им пришлось иметь дело со скифами-номадами. Тем не менее, факт отсутствия зафиксированных археологически укреплений во вновь основанных эллинских колониях не позволяет предполагать в этот период явной военной угрозы со стороны туземных обитателей.

Обстановка начинает меняться, по-видимому, с третьей четверти VI столетия. Одним из первых свидетельств тому может служить слой пожарища с находками этого времени, перекрывший развалины оборонительной стены акрополя Мирмекия. С этого момента можно говорить о начале **второго периода** в истории боспорского эллинизма, который характеризуется постепенной дестабилизацией ситуации в регионе. На это указывает как сам факт возведения укреплений акрополя, так и их разрушение, сопровождавшееся пожаром.

Разгром скифами карательной экспедиции персидского царя Дария I в 512 г. до н.э. превращает консолидированные силы кочевников под предводительством скифов царских в самую могущественную военно-политическую силу в Северо-Западном Причерноморье. Отголоски этих событий достигают и берегов Киммерийского Боспора, знаменуя начало **третьего периода** в истории боспорских полисов. В течение первой четверти V в. до н.э. большинство городов и населенных пунктов Боспора окружались оборонительными стенами. В обороне этих укреплений решающую роль, естественно, отводили пешим воинским подразделениям, в том числе лучникам, метателям копий и дротиков и пращникам.

Форма политической организации боспорских полисов на начальном этапе их истории непосредственным образом влияла на специфику организации военного дела. Относительно применения в ранний период на Боспоре такого боевого построения, как классическая фаланга, данные отсутствуют. Есть основания полагать, что основная роль здесь отводилась коннице. Существенным фактором в этом процессе могла стать перенесенная из метрополии традиция службы в коннице представителей аристократических семейств, представители которых играли ведущую роль в процессе выведения колоний

на Боспор. Вторым не менее существенным обстоятельством должна была стать необходимость организации эффективного отпора конным варварам на степных пространствах Восточного Крыма и Прикубанья. Благодаря постоянному взаимодействию боспорян — обитателей азиатских территорий Боспора — с воинственными варварскими племенами, именно эта часть государства могла стать той контактной зоной, в которой на практике происходил взаимообмен новыми видами вооружения, тактическими приемами и методами ведения боя. Греки перенимали тактику и вооружения соседей, а последние, в свою очередь, активно использовали качественное эллинское оружие (в этой связи, например, обращает на себя внимание высокая концентрация предметов эллинского защитного вооружения в погребениях V в. до н.э. варварской воинской знати на территории Адыгеи и Абхазии).

Археологическими свидетельствами дестабилизации военно-политической ситуации в этот период на Боспоре служат слои пожарищ и разрушений в большинстве населенных пунктов по обеим сторонам пролива, включая Пантикапей, Порфмий, Мирмекий, Тиритаку, Нимфей, Кепы, Фанагорию. В этом контексте следует трактовать и материалы боспорских некрополей, свидетельствующие о значительном росте числа погребений с оружием.

Между 60-ми—50-ми годами V в. до н.э., благодаря коллективным усилиям боспорских эллинов, объединившихся в оборонительный союз — симмахию во главе с представителем аристократического рода Археанактидов из Пантикапея, ситуация на Боспоре стабилизировалась, возможно, путем установления договорных отношений с предводителями степняков.

Конец V в. до н.э. знаменует начало **четвертого периода** в истории Боспора. Этот период характеризуется его активной наступательной внешней политикой, ставящей своей целью захват и присоединение к Боспору новых владений, как эллинских центров, так и областей, населенных туземными племенами, прежде всего на плодородной азиатской стороне пролива. С приходом к власти Спартока I — основателя новой династии, отношения со скифской военной аристократией постепенно трансформировались в союзнические, положив начало устойчивой традиции. Уже Левкон I, сын Сатира, который подчинил своей власти Нимфей, Феодосию, Фанагорию, присоединил Синдику и ряд меотских племен — опирался именно на скифские отряды, унаследовав от своих предков эту боевую традицию и упрочив ее. Наряду с союзными скифскими дружинами в вооруженных силах Левкона присутствовали и контингенты наемников из разных областей эллинского мира, в том числе и гоплиты — тяжеловооруженная пехота. О характере тяжелого вооружения, применявшегося в том или ином объеме на Боспоре в IV в. до н.э., определенное представление могут составить памятники боспорского изобразительного искусства, происходящие главным образом с азиатской его территории — рельефы из раскопок поселения Юбилейное I.

И в данный период роль конницы в военном деле Боспора остается очень значительной. Показательно, что наборы тяжелого вооружения происходят преимущественно из погребений всадников, принадлежавших к эллинизированной туземной аристократии (Семибратние курганы — на азиатской стороне Боспора, Нимфейские курганы, Куль-Оба, курганы Патиниотти и Кекуватского — на европейской его стороне). Причины тому кроются в специфике тактических приемов, выработанных в военном деле Боспора к IV в. до н.э. в ходе боевых контактов с конниками-номадами и под влиянием военных приемов и вооружения последних.

В боевых операциях на Боспоре, в том числе и на азиатской его части, значительная, а порой, и решающая роль отводилась коннице, прежде всего союзным конным дружинам скифов. Примером тому служит сражение на реке Фат, информацию о котором сохранил Диодор Сицилийский. Ее анализ позволяет сделать ряд принципиальных выводов относительно родов войск, которыми располагали боспорский царь Сатир II и его противники, а также о соотношении сил, организации войска на походе, тактике ведения боя. Сведения о военных событиях на азиатской стороне Боспора, содержащиеся в приведенном отрывке из сочинения Диодора, позволяют определенно сделать вывод о том, что военно-политической опорой боспорским династам служили наемники, набравшиеся из различных областей эллинского мира, и варварские, прежде всего, скифские дружины. Именно скифские союзные контингенты оказались наиболее эффективной, дисциплинированной и преданной опорой законному царю Боспора Сатиру II в кровопролитной братоубийственной борьбе за власть, в то время как наемники, в определенном смысле, играли вспомогательную роль. Данные о наличии в этот период в боспорском войске полисного ополчения вообще отсутствуют.

Об уровне развития фортификационного искусства в этот период позволяют судить данные, полученные в ходе раскопок Мирмекия и, особенно, Семибратнего городища — древнего Лабрита. Эта мощная крепость, возведенная в период правления Левкона I, служила стратегическим опорным пунктом, одним из ключевых форпостов Боспора в присоединенной к нему Синдике. Как показывает анализ, примененные здесь боспорскими фортификаторами планировка трасс и конструкция укреплений, были одними из наиболее передовых для своего времени. Они обеспечивали защитникам возможность оказывать эффективное сопротивление даже в том случае, если какой-либо участок периметра был бы захвачен противником. Можно предполагать, что в крепости находился гарнизон из воинов-профессионалов, скорее всего наемников, каждое подразделение которого отвечало за оборону определенного сектора укреплений, образованного башней и прилегающей куртеной.

Вооруженный конфликт законного царя Боспора Сатира II с инсургентами имел особое значение, выходя далеко за рамки простой междоусобицы. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют рассматривать его как поворотный момент в боспорской истории, переходный рубеж к новому — **пятому периоду**. Эти события следует анализировать в контексте формирования новой военно-политической ситуации, когда в Северное Причерноморье, и в частности в Прикубанье, начинают проникать сарматские племена, с которыми связана постепенная переориентация боспорской политики. Отныне она направлена на упрочение связей с прикубанскими, прежде всего сарматскими племенными объединениями. Одновременно происходит трансформация прежних дружественных, союзных отношений правителей Боспора со скифами. Одним из свидетельств тому служат находки из курганных погребений. В их ряду наиболее показателен комплекс из кургана на мысе Ак-Бурун, содержащий предметы вооружения меото-сарматского типа. Переориентация правителей Боспора на союзные отношения с подступающим к северо-восточным границам государства грозными меото-сарматскими племенами была вызвана объективными причинами. Первая половина III в. до н.э. характеризуется глобальными изменениями в этнокультурной, экономической и военно-политической ситуации в Северопонтийском регионе. Материалы раскопок свидетельствуют о практически одновременной гибели подавляющего большинства укреплённых и неукреплённых греческих и варварских по-

селений, причем в ряде случаев фиксируется драматическая картина военного разгрома. Они служат наглядной иллюстрацией к сообщению Диодора о том, что сарматы истребили население Скифии, сделав страну пустынной. Существенно, что опора правящих кругов Боспора на сарматов активизировала, по-видимому, проникновение последних не только в восточные пределы — на азиатскую часть государства, но и в его центральную область. В контексте этого процесса следует рассматривать и взаимовлияния вооружения меотов и сарматов в «прохоровское» время, фиксирующее путь проникновения элементов сарматского оружия на Боспор. К III—II вв. до н.э., по мере усиления расслоения сарматского племенного общества, выделяется родовая аристократия, которая образует немногочисленную, но наиболее боеспособную часть войска. Аристократические дружины использовали тактику конного «кулака», т.е. конного рукопашного боя, в то время как легковооруженные конники поддерживали их маневром и интенсивным обстрелом противника из луков. Дальнейшее развитие дружинной конницы по пути усиления защитного вооружения всадника и коня, а также определенной стандартизации оружия ближнего боя, прежде всего тяжелого копья — *контоса* и длинного меча, привело к появлению у них нового типа тяжеловооруженного всадника — *катафракта*.

Сарматское вторжение и крушение Великой Скифии стали причиной оттока части скифского населения в Крым и образования здесь Крымского царства скифов со столицей в Неаполе Скифском. Захват и освоение скифами новых территорий в Крыму привели к войне с Херсонесом Таврическим, а также к общей дестабилизации обстановки на полуострове, в том числе и в восточной его части — на Боспоре. Не случайно, что рубеж IV—III — начало III в. до н.э. характеризуется активными мероприятиями центральной власти по повышению обороноспособности городов Боспора, включая его столицу Пантикапей.

На азиатской стороне пролива также заметна определенная фортификационная активность, например, восстановление в III в. до н.э. оборонительной стены Фанагории — главного центра Азиатского Боспора. Выявлены слои разрушений и пожаров в Горгиппии и на ее хоре, свидетельствующие о каких-то локальных конфликтах, однако резкого ухудшения общей стратегической обстановки здесь не наблюдается. Одним из знаковых явлений этого периода стало и основание города-крепости Танаиса — торгового и ремесленного центра, а также порта, связывавшего Азиатский и Европейский Боспор с обширным регионом Нижнего Дона — Приазовья.

Вторая половина III — первая половина II в. до н.э. — период относительной временной стабилизации в истории Боспора. Его предпосылки лежали во внешнеполитической области — в сфере сохранения царями Боспора союзнических отношений со Скифской державой в Крыму, а также укреплением и расширением контактов с сармато-меотскими племенами Нижнего Дона и Прикубанья. Наличие этих двух сил, стоявших у западных и восточных рубежей царства, в лице, соответственно, крымских скифов и сарматских племен, создававшее для Боспора, так сказать, эффект «молота и наковальни», вынуждало его правителей маневрировать и вести весьма сложную политическую игру. Значительная роль в этой игре отводилась «дружественным дарам», предназначенным вождям варварских племен, а также бракам между представителями боспорской правящей элиты и варварской знати. В данном контексте обращает на себя внимание изображение всадника на уникальном эпиграфическом памятнике — плите с рельефом и надписью, обнаруженной

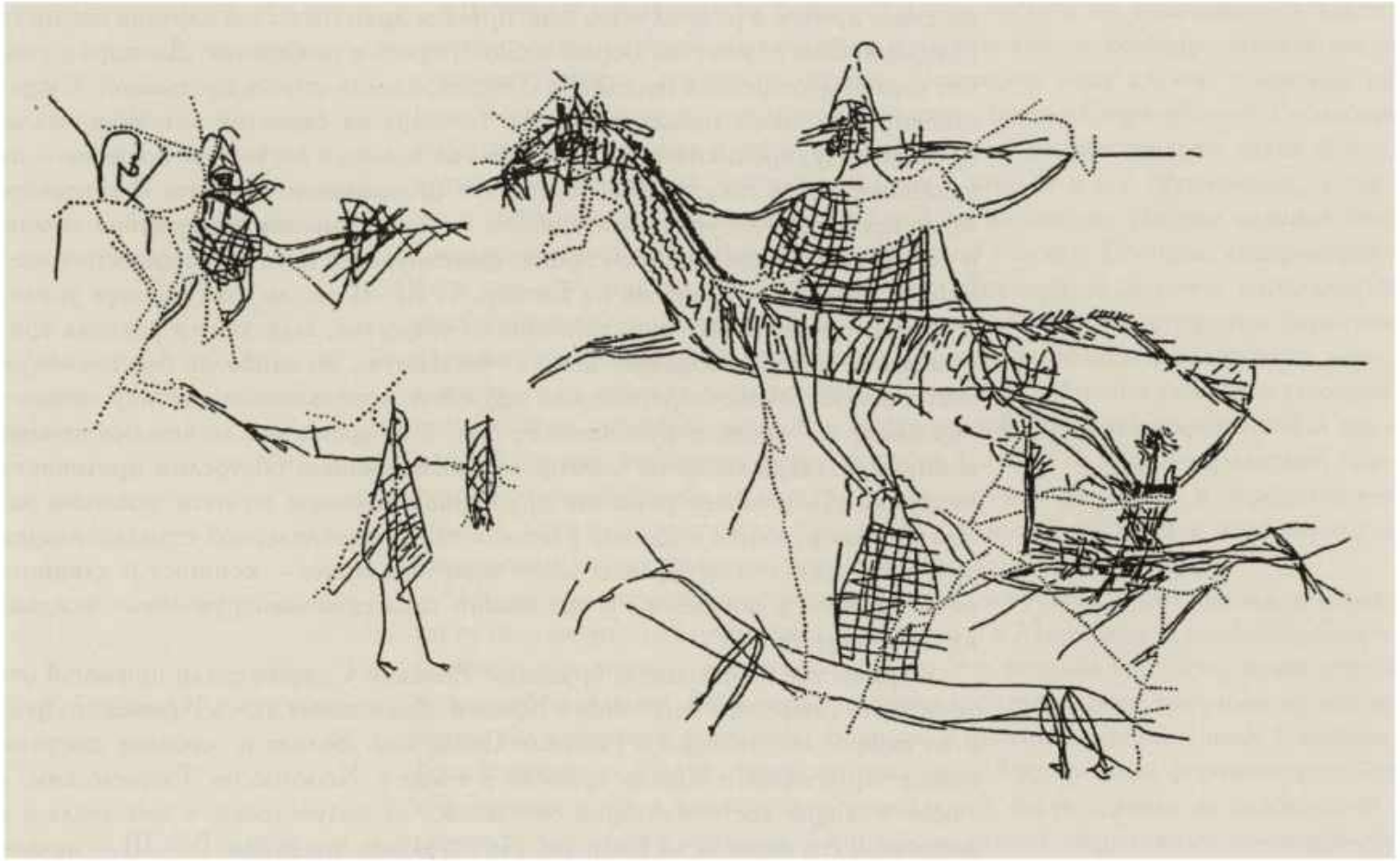

Рис. 34. Тяжеловооруженные конники против стрелков из лука. Граффити из святилища в Нимфее. Вторая четверть III в. до н.э. (Hockmann, 1999)

в многочисленных обломках близ Южного дворца Неаполя Скифского. На рельефе представлен «многоглавый Аргот», для которого и была сооружена гробница-героон, в виде всадника, в тяжелом доспехе и с овальным щитом, вооруженного штурмовым копьем, типа *контоса*. Активная деятельность и военные подвиги скифского воителя Аргота, сына Идантимида (Иданта?), бывшего супругом боспорской царицы Камасарии, приходится на период между 170–150 гг. до н.э.

О характере вооружения боспорского командного состава в рассматриваемый период мы можем судить по изображению на полихромном рельефе, обнаруженном на горе Митридат. Совершающий жертвоприношение полководец облачен в хитон с короткими рукавами и греческий плащ. На нем типичный эллинистический панцирь: с наплечниками и *птеригами*, один ряд которых защищают плечо и два ряда — бедра; о статусе командира свидетельствует «офицерский шарф», обвязанный вокруг панциря. О местном происхождении воина свидетельствует, пожалуй, лишь борода и длинные волосы.

Следует предполагать, что и в этот период наиболее боеспособную часть боспорского войска составляли союзные варварские контингенты, в том числе и отряды тяжеловооруженной конницы. Интересны в этом отношении граффити из святилища Афродиты Навархиды в Нимфее, среди которых имеются изображения сцен боя пешех лучников против атакующих всадников с копьями в тяжелом вооружении (рис. 34).

Новая угроза с востока, связанная с продвижением очередной волны кочевников-сарматов в первой половине II в. до н.э., вновь нарушила хрупкое равновесие сил и дестабилизировала ситуацию на Боспоре, а также в сопре-

дельных с ним областях Прикубанья. Раскопки рисуют картину гибели ряда сельских поселений на азиатской стороне Боспора, прекращает свое существование и крупный культовый центр — Таманский толос. Страбон сообщает о воинственности варваров на восточных рубежах Боспорского царства и их претензиях на все возрастающий объем дани.

В этих условиях существовавшие между Боспором и Крымским скифским царством союзнические отношения утрачивают прежнюю эффективность. Основные силы крымских скифов отвлечены на ведение затяжной войны с Херсонесом Таврическим, а также, вероятно, для организации отпора рвавшимся в Таврику сарматским племенам. Изучение фортификационного дела Крымской Скифии свидетельствует о возрастании количества укрепленных пунктов и повышении уровня фортификационного искусства, на развитие которого серьезное влияние оказали античная военная теория и практика. Есть основания говорить даже о создании крымскими скифами системы стратегической обороны против рвавшихся на полуостров сарматских орд. Итогом такого положения дел, приведшим Боспор на грань системного военно-политического кризиса и угрозы катастрофы, явилась, как известно, добровольная передача власти Перисадом V владыке Понта Митридату VI.

Возникший в результате этого *стасис* и убийство последнего царя из династии Спартокидов неким Савмаком, в котором есть основания видеть предводителя эллинизированной скифской гвардии, подвели итог независимой истории Боспорского государства. Эти драматические события открывают **шестой период** в истории Боспорского царства. Включение Боспора в состав Понтийской державы способствовало более активному проникновению в его пределы эллинистических предметов вооружения. Однако значительного влияния на развитие военного дела собственно Боспора этот период не оказал, поскольку эта территория рассматривалась Митридатом лишь как источник пополнения своих вооруженных сил и сырьевая база для снабжения войск.

В этот период на Азиатском Боспоре, наряду с обычными для него образцами оружия скифо-меотского круга, применяются и предметы вооружения эллинистического и кельтского типа: большие овальные щиты типа *фиреос* (*θηρεος*), с продольным ребром жесткости и вытянутым умбоном, железные шлемы с округлой тульей, металлическим гребнем, подвижными нащечниками и козырьком так называемого «новоаттического» типа или шлемы кельтского типа с нащечниками и конической тульей; эллинистические мускульные панцири с подвесным подолом из лопастей — *птериг* (*πτερυγεος*). Продолжает использоваться и метательное оружие дальнего боя (лук «скифского» типа и стрелы), а также средства ведения боя на средней и ближней дистанции — дротики, копья. В эллинистический период значительную массу греческой пехоты составляли *фиреофоры*, в основном бездоспешные воины в шлеме, вооруженные овальным щитом и копьем или копьем и дротиками. Можно говорить о комплексном изменении вооружения гоплитов на Боспоре при переходе от монолитной классической фаланги к менее сплоченной эллинистической. Если в первой воины были вооружены колющим копьем и большим круглым щитом, то во второй — овальным щитом и метательными копьями.

В **седьмой период** наиболее существенным моментом в военно-политической истории Боспора становится включение его в орбиту влияния Римской державы, заинтересованной в использовании этого зависимого царства в качестве буфера против сарматских племен на северо-восточной периферии ойкумены. Это, в той или иной степени, способствовало проникновению на Боспор наиболее передовых образцов вооружения, способов организации

армии и ведения боя. Определенные основы для этого были заложены еще в 64–63 гг. до н.э., в период личного присутствия Митридата Евпатора в Пантикапее и начатой им на Боспоре реорганизации своих вооруженных сил по римскому образцу ввиду подготавливаемого царем похода на Рим.

Приход к власти в 47 г. до н.э. Асандра — опытного полководца и администратора, воспрепятствовавшего возвращению на Боспор разгромленного Юлием Цезарем Фарнака, — ознаменовал собой новый этап в истории Боспорского государства. Военно-административная реформа, проведенная Асандром, позволила возродить и усовершенствовать систему стратегической обороны Боспора, создав серию военно-хозяйственных укрепленных поселений и сторожевых пунктов по обеим сторонам пролива. Одним из факторов, сыгравших существенную роль в успешной реализации этих первостепенных военно-политических и экономических задач, способствовавших подъему Боспора, стали *аспургиане* — весьма влиятельная и многочисленная вооруженная группа представителей сарматской кочевой среды. С ними, по-видимому, следует связывать и дальнейшее развитие тяжеловооруженной конницы — *катафрактов*. Эти всадники были защищены железным каркасным шлемом, кольчугой, которая была римским импортным изделием, чешуйчатым панцирем, воспринятым от скифов, кожаным пластинчатым или ламинарным доспехом, принесенным из Центральной Азии. Одновременно сложилась и особая «героическая» традиция конного рукопашного поединка. В процессе формирования этого рода войск определенную роль могло сыграть и участие сарматских отрядов в военных мероприятиях Понтийской державы.

К следующему — **восьмому периоду** следует отнести события боспорской истории конца I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. Они отмечены все возрастающим стремлением Рима диктовать Боспору свою волю. Неудачи римских ставленников вынуждали Рим к прямому вооруженному участию в местных военных конфликтах, многие из которых разворачивались на азиатской территории Боспора. О значении конницы в военном деле этого периода свидетельствует рассказ Тацита о ходе борьбы за боспорский трон, развернувшейся между Митридатом VIII и Котисом. Последний, несмотря на поддержку римских когорт Юлия Аквилы и наличия собственной пехоты, вооруженной по римскому образцу, не мог начать боевых действий, не имея в своем распоряжении конных частей. Он был вынужден привлечь на свою сторону предводителя племени аорсов Эвнона, располагавшего мощной конницей. Боспорская война 45–49 гг. имела большие последствия как для этнической ситуации в Северном Причерноморье, так и для развития военного дела Боспора. Этот был не только период непосредственного знакомства боспорян с римским вооружением и тактикой, но и завершающий этап формирования и широкого применения в военном деле Боспора *катафрактов*, как вида войск, внедрения характерного для них комплекта оборонительно доспеха, наступательного вооружения, а также нового типа конской сбруи и седла. Одновременно совершенствовалась тактика взаимодействия тяжелой конницы с легкой, формировались навыки координации ее действий с пехотой.

О высоком уровне боевой подготовки боспорских конных и пеших воинов свидетельствует тот факт, что в период между 45 г. и 157/158 г. в составе I Боспоранской алы они использовались римской администрацией как вспомогательные подразделения в Сирии, Мезии и Дакии. Около середины II в., эта ала, возможно, была объединена с частями галльской алы, образовав I алу галлов и боспорцев. Пешие лучники боспорцев в конических шлемах и чешуйчатых панцирях представлены как часть римской экспедиционной

армии на колонне Траяна. В 135 г. II милиарная конная когорта боспорских лучников участвовала в кампании Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию, куда она была переведена из Паннонии в первой четверти II в.

Уроки борьбы с парфянами и сарматами, а также боспорской опыт были учтены римскими полководцами, создававшими, начиная со II в., собственные подразделения *копейщиков-контофоров*, *панцирников-клибанариев* и более легких *катафрактариев*, необходимые для эффективного противодействия усиливавшемуся натиску сарматов, парфян, персов и прочих конных противников.

Азиатский Боспор, не имевший в достаточном количестве строительного камня, стал той территорией, где сформировался и успешно применялся местный, весьма эффективный вариант фортификационного зодчества, основу которого составляли мощные сырцово-кирпичные оборонительные сооружения, армированные деревянными фахверками. Навык возведения искусственных платформ за счет грунта, вынимавшегося из рвов, позволял фортификаторам Азиатского Боспора строить крепости в любом пункте обороняемой территории, делая процесс их сооружения менее зависимым от условий местности. Воздвигнутые таким способом укрепления, расположенные в зоне прямой видимости, образовывали укрепленные районы и оборонительные линии, входившие в единую систему стратегической обороны царства. Все эти тактически самостоятельные узлы обороны были связаны между собой с помощью светового и дымового «телеграфа», обеспечивавшего эффективную передачу оперативно-тактической информации от рубежей Азиатского Боспора в центр — в столицу Пантикапей и обратно.

Девятый период завершает историю Боспорского царства. Он приходится на середину III — IV в. Военная активность Боспора не прекращается, однако, если раньше, опираясь на поддержку Римской империи, боспорские цари могли более или менее эффективно контролировать порядок на своей территории и на море, то теперь они должны были бросить все силы на защиту от варварских нашествий. Борьба велась с переменным успехом: известно, что в ходе Готских войн боспорцы под нажимом варваров вынуждены были предоставить им суда для набегов на территорию Империи. Зависимость Боспора от варваров все более возрастала, что приводило порой даже к вторжениям правителей Боспора в союзе с сарматами в пределы Империи и к прямым боевым столкновениям с римскими войсками.

Гуннское вторжение завершает античный период истории Боспорского царства.

¹ Maier F.G. Griechische Mauerbauinschriften. Heidelberg, 1959. Т. I. S. 206; 1961. Т. II. S. 72.

² Кошленко Г.А. Древнегреческий полис // Античная Греция. М., 1983. Т. I: Становление и развитие полиса. С. 23–26.

³ Там же. С. 35, примеч. 121, 122.

⁴ Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 75–116.

⁵ Платон. Сочинения. М., 1994. Т. 4: Законы / Пер. А.Н. Егунова. С. 86. (Plat. Leg. I. 626).

⁶ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис: (гомеровский период). СПб., 2003. С. 220–222.

⁷ Там же. С. 223. См.: Arist. Polit. IV. 10. 10.

⁸ Нефедкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87–96.

⁹ Snodgrass A.M. The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. 85. P. 110–122.

¹⁰ Herod. II. 152.

¹¹ Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1984. Т. 4: Политика / Пер. С.А. Жебелева. С. 513–514.

¹² Обстоятельный обзор истории изучения вопроса, современное состояние проблемы формирования фаланги, а также обширный перечень зарубежной и отечественной литературы по теме см.: Нефедкин А.К. Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 453–464.

- ¹³ Baitinger H. Die Angriffswaffen aus Olympia. Berlin; New York, 2001. S. 33–75.
- ¹⁴ Афиней. Пир софистов. XIV. 627a.
- ¹⁵ Worley L.J. Hippieis: The Cavalry of Ancient Greece: (History and Warfare). Boulder; San Francisco; Oxford, 1994. P. 21–58; *Андерсон Дж.К.* Древнегреческая конница. СПб., 2006. С. 173–179.
- ¹⁶ Arist. fr. 611,51 Rose; Strab. XIV. 1. 28; Polyaen. VII. 2. 2; Aelian. Var. hist. XIV. 46.
- ¹⁷ Arist. Polit. IV. 3. 1 (перевод наш – авторы).
- ¹⁸ Greenhalgh P.A.L. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambr., 1973. P. 40–155, особенно p. 93–94, 143–145.
- ¹⁹ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция*. Т. 1. С. 366–394.
- ²⁰ Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. М., 2006. С. 236–244.
- ²¹ Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954; также см.: *Он же*. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // *ВДИ*. 1946. № 1. С. 101, слл.; *Он же*. О посадке боспорской конницы // *КСИИМК*. 1949. Вып. XXIX. С. 97, слл.
- ²² Сокольский Н.И. Военное дело Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. См. также: *Он же*. Боспорские мечи // *МИА*. 1954. № 33. С. 143, слл.; *Он же*. О боспорских щитах // *КСИИМК*. 1955. Вып. 58. С. 14, слл.
- ²³ Петерс Б.Г. Военное дело // *АГСП*. С. 187–197; *Он же*. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- ²⁴ Григорьев Д.В. Военно-политическая история и военное дело Боспора в VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- ²⁵ Mięczarek M. The Army of the Bosporan Kingdom. Łódź, 1999. (Studies in the History of the Ancient and Medieval Art of Warfare; Vol. IV).
- ²⁶ Горончаровский В.А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003 (*Militaria antiqua*; II); *Виноградов Ю.А.* «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху: (VI–I вв. до н.э.). СПб.; М., 2004. (*Militaria antiqua*. IV).
- ²⁷ Толстиков В.П. Фортификация Античного Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Иванов В.М.* Греческая фортификация Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- ²⁸ Существенное достижение последнего времени в области изучения истории Боспора VI–V вв. до н.э. – диссертация Н.И. Сударева «Погребальные памятники грунтовых некрополей боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник», в которой, в частности, содержится детальный анализ погребений с оружием. См. также: *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // *ДБ*. 2006. Вып. 9, ч. I. С. 101–151; *Они же*. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // *Там же*. Ч. II. С. 263–303.
- ²⁹ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 368–370; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху // *БИ*. 2006. Вып. XII. С. 13–36.
- ³⁰ О новейших материалах к датировке ранних слоев Гермонассы см.: *Финогенова С.И.* Архаическая керамика из раскопок Гермонассы последних лет // *ДБ*. 2006. Вып. 9. С. 337–354.
- ³¹ Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре: (эпоха архаики) // *ДБ*. 2001. Вып. 4. С. 237–253. Мы согласны с мнением В.Д. Кузнецова, что большинство поселений должны были представлять структуры полисного типа, поскольку других форм организации эллинское общество не знало. Другой вопрос, в сколь полной и развитой форме были представлены в них полисные институты? См. также: *Завойкин А.А.* Боспор: территориальное государство и полис // *БФ*. 2001. Ч. 1. С. 22–28.
- ³² Здесь античные авторы цитируются по: *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. I (Далее SC I). С. 473; *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 393–397. К другому аристократическому роду мог принадлежать некий Койран, владевший монументальным домом на акрополе Пантикапея (*Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // *МИА*. 1962. № 103. С. 13–14; *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 406).
- ³³ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 416–417.
- ³⁴ Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 57–60, 73.
- ³⁵ Григорьев Д.В. О некоторых вопросах военного дела Боспора // *БФ*. 2005. С. 140.
- ³⁶ Polyaen. VII. 8. 1; ср.: Xenoph. Cyr. II. 1. 5; VI. 2. 10.
- ³⁷ Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. ... С. 101–151.
- ³⁸ Мелюкова А.И. Вооружение скифов // *САИ*. М., 1964. Вып. Д 1-4.
- ³⁹ Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- ⁴⁰ Там же. С. 157–159.
- ⁴¹ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. С. 82.
- ⁴² Черненко Е.В. Скифский доспех. С. 167–168.
- ⁴³ Назаров В.В. Вооружение нижнебугских эллинов и варварские влияния // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1994. С. 32–33.
- ⁴⁴ Петерс Б.Г. Военное дело. Табл. LXXXI.
- ⁴⁵ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // *ДГ СССР*. М., 1985 (с подробной библиографией); *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора // *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 1992. С. 6–28; *Кузнецов В.Д.* Полис на Боспоре... С. 239–248; *Зинько В.Н.* Поселения VI в. до н.э. европейского побережья Боспора // *БИ*. 2004. Вып. V. С. 19–26; *Завойкин А.А.* Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III в. до н.э. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2004. Вып. XIV. С. 58–62; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху... С. 13–36.
- ⁴⁶ Бутягин А.М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре: (генезис и развитие) // *БФ*. 2001. Ч. 1. С. 36–40.
- ⁴⁷ Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen

- Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. 1980. 10; Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства: (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1985. № 3. С. 24—48; Виноградов Ю.А. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 183—196.
- ⁴⁸ Толстиков В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI—V вв. до н.э. // БФ. 2001. Ч. I. С. 45—57; Он же. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 385—426; Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI—V вв. до н.э. // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 307—350.
- ⁴⁹ Недавно А.А. Завойкиным был произведен повторный анализ всех имеющихся, в том числе и новейших, материалов по данной проблеме (Кризис «первой половины» V в. до н.э. на Боспоре: (состояние проблемы двадцать лет спустя) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 2005. С. 95; Завойкин А.А. Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. № 4. С. 103—111.
- ⁵⁰ Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI—V вв. до н.э. ... С. 101—151.
- ⁵¹ Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000. С. 68—69.
- ⁵² Пожалуй, единственное исключение представляет Мирмекий. Здесь речь идет об оборонительной стене акрополя, возведенной около середины VI столетия и разрушенной в пожаре в третьей его четверти: Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2006. Ч. I. С. 41—45.
- ⁵³ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритакки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 72—89; Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства... С. 28—29.
- ⁵⁴ Толстиков В.П. Археологические открытия... С. 31—32; Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Многокамерные строительные комплексы... С. 307—350.
- ⁵⁵ Марченко И.Д. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2. С. 148—156; Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора в VI—V вв. до н.э. // Eirene. 1988. Т. V, Pt. 25. P. 45—67.
- ⁵⁶ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 416—417.
- ⁵⁷ Полизн. Стратегемы / Под общей ред. А.К. Нефедкина. СПб., 2002.
- ⁵⁸ Там же. С. 214—215.
- ⁵⁹ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. С. 135—136.
- ⁶⁰ Савостина Е.А. Стела с двумя воинами: археологический аспект // Таманский рельеф. М., 1999. С. 25—30.
- ⁶¹ Ныне хранится в Таманском музее: КМ-6462 / 1—3.
- ⁶² Толстиков В.П. Костюм и вооружение на Таманской стеле с воинами // Таманский рельеф. С. 122—147; Кнауэр Э.Р. Некоторые соображения о стеле с воинами // Таманский рельеф. С. 163—176.
- ⁶³ АГСП. Табл. LXXVIII, 9.
- ⁶⁴ Черненко Е.В. Скифский доспех. С. 161—163.
- ⁶⁵ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. С. 124—136.
- ⁶⁶ Полизн. Стратегемы. С. 284; Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвятителной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. 1998. Vol. 4/2. С. 286—301; Он же. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // БФ. 2001. Ч. I. С. 63—79.
- ⁶⁷ КБН. 1111; Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в VI—V вв. до н.э. С. 109.
- ⁶⁸ Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в VI—V вв. до н.э. С. 108, примеч. 74а.
- ⁶⁹ Грач Н.Л. О Горгиипе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Археология, искусство и культура Северного Причерноморья. Л., 1968. С. 110, сл.
- ⁷⁰ Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // БФ. 2005. С. 264—271.
- ⁷¹ Анфимов Н.В. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 239, сл.; Он же. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 102, 110.
- ⁷² Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 35.
- ⁷³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 222.
- ⁷⁴ Там же. С. 223.
- ⁷⁵ Толстиков В.П. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985. С. 356—359.
- ⁷⁶ Анфимов Н.В. Исследования Семибратнего городища. С. 99, 102; Он же. Отчеты о раскопах Семибратнего городища в 1949, 1950, 1951, 1952 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 337, 486, 622.
- ⁷⁷ Анфимов Н.В. Исследования Семибратнего городища. С. 106; Он же. Отчет о раскопах Семибратнего городища в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 622. С. 10.
- ⁷⁸ Анфимов Н.В. Раскопки Семибратнего городища. С. 242—243.
- ⁷⁹ Некоторые образцы расписной аттической керамики из раскопок Н.В. Анфимова, обнаруженные в разные годы и на различных участках городища были недавно впервые опубликованы. См.: Вдовиченко И.И. Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. СПб., 2006. С. 32—35.
- ⁸⁰ Предпринимаемые в последние годы попытки вновь удревить датировку оборонительной системы Семибратнего городища — первая половина V в. до н.э., основанные на шурфовках, представляются необоснованными. Внести ясность в этот сложный вопрос могут лишь масштабные археологические исследования.
- ⁸¹ Скорее всего, здесь можно говорить о наемниках, состоявших на службе у Левкона I. Наличие воинов-наемников в составе вооруженных сил, сражавшихся в IV в. до н.э. на Азиатском

- Боспоре против меотов, зафиксировано эпиграфически: КБН 180.
- ⁸² Jameson M.H. Excavations at Porto Cheli and Vicinity // *Hesperia*. 1969. XXXVIII. P. 311–342.
- ⁸³ Lanckoronski C.L. Städte Pamphyliens und Pisidiens. В., 1890–1892. Тl. I–II. S. 133, 164; Swoboda H.S., Keil F., Knoll F. Denkmäler aus Lykaonien, Pamphylien und Isaurien. Prague, 1936. S. 119, f. Близкой аналогией фортификации Семибратнего городища на Боспоре служат городские стены Мирмекия IV в. до н.э.
- ⁸⁴ КБН 6, ба, 8.
- ⁸⁵ Горончаровский В.А. Исследование Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2004 гг. // *The Black Sea Area in the System of the Hellenistic World: The 11th International Symposium on the Ancient History and Archaeology of the Black Sea Area*. Vani. 26–29 September 2005. Tbilisi, 2005. P. 52–53.
- ⁸⁶ SC I. С. 474–479.
- ⁸⁷ Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. С. 85–88.
- ⁸⁸ Черненко Е.В. Битва при Фате и скифская тактика // *Вооружение скифов и сарматов..* Киев, 1984. С. 59–75.
- ⁸⁹ SC I. С. 475.
- ⁹⁰ Е.В. Черненко справедливо приводит в этой связи рекомендацию военного теоретика раннего Средневековья Маврикия, основанную на опыте античной эпохи: «Намереваясь дать сражение, следует также принимать меры на случай неудачного похода и таким образом избегать происходящей от этого опасности: прежде же всего позаботиться относительно съестных припасов на несколько дней, как для людей, так и для животных. Для устройства укрепленных лагерей (надо. — Е.Ч.) выбирать удобные места... и запастись водой на случай необходимости».
- ⁹¹ SC I. С. 475.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Черненко Е.В. Битва при Фате и скифская тактика. С. 69–70. В качестве серьезного аргумента в пользу такого понимания этого термина в данном контексте он приводит слова Ксенофонта — профессионального воина и одного из наиболее авторитетных военных писателей той эпохи. Ксенофонт, говоря о глубоком построении конников, сравнивает их с фалангой гоплитов (*Ксенофонт*. Греческая история / Пер. С. Лурье. Л., 1935. С. 198).
- ⁹⁴ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. С. 160–162.
- ⁹⁵ Махалии — возможно, махелоны из Северной Колхиды. М.И. Ростовцев, впрочем, считал, что они являлись неким меотскими народом (*Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 108, примеч. 2).
- ⁹⁶ М.И. Ростовцев полагал, что политическая ситуация, описанная в диалоге, ближе всего подходит к позднеэллинистической эпохе (Скифия и Боспор... С. 108). Ю.С. Гаглойти считает, что это произведение рассказывает о событиях ранее I в. н.э., тогда как С.А. Яценко относит действие диалога ко времени правления боспорских царей Рескупорида II (68–92 гг.) и Савромата I (93–123 гг.) (*Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э. // *ПАВ*. 1993. № 6. С. 86; *Гаглойти Ю.С.* К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // *Аланы: история и культура*. Владикавказ, 1995. С. 45 (*Alanica-III*)).
- ⁹⁷ *Rostovtzeff M.* The Bosphoran Kingdom // *САН*. 1930. Vol. VIII. P. 577.
- ⁹⁸ *Виноградов Ю.А.* «Там закололся Митридат...»... С. 94; *Виноградов Ю.А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар, 2003. Вып. 3.
- ⁹⁹ Там же. С. 94–99.
- ¹⁰⁰ ОАК за 1876 г. С. 5, сл. Атлас. Табл. II, I.
- ¹⁰¹ Впрочем, Е.В. Черненко видел в этих пластинах остатки покрытия щита (Скифский доспех. С. 109).
- ¹⁰² *Смирнов К.Ф.* О мечях синдо-меотского типа // *КСИА*. 1980. Вып. 162. С. 40, рис. 2, 22.
- ¹⁰³ *Виноградов Ю.А.* «Там закололся Митридат...»... С. 97–99.
- ¹⁰⁴ *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев, 1961. С. 108–110, рис. 52; *Нефёдкин А.К.* Пельтаст или гоплит? (К вопросу о влияниях в области вооружения) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Резюме докладов XI Международной научной конференции (31 мая — 5 июня 2003 г.)*. Ростов-на-Дону, 2003. С. 32–33.
- ¹⁰⁵ АГСП. Табл. LXXXII, 5, 21; СIII, 1; СXXVIII, 7.
- ¹⁰⁶ *Сокольский Н.И.* Надгробие синдского воина из Кеп // *Кавказ и Восточная Европа в древности: Посвящается памяти Е.И. Крупнова*. М., 1973. С. 179–182, рис. 1–3; ср. также похожий рельеф «...гена, сына Сареса» (имя не сохранилось) из Керчи (III–II вв. до н. э.): *Kieseritzky G. von, Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Suedrussland. В., 1909. S. 334, Taf. XXIII, 334.
- ¹⁰⁷ *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Г.Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // *ВДИ*. 1997. № 3. С. 93–94; *Виноградов Ю.Г.* Херсонесский декрет «О несении Диониса» IOSPE 12, 343 и вторжение сарматов в Скифию // *ВДИ*. 1997. № 3. С. 105; *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском*. СПб., 2006. С. 40–41.
- ¹⁰⁸ *Медведев А.П.* Новые материалы о финале лесостепной Скифии // *Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Азов, 1997. С. 33, сл.
- ¹⁰⁹ *Клепиков В.Н.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- ¹¹⁰ *Лысенко Н.Н.* Скифо-сарматские этические взаимоотношения в эпоху исторического заката Великой Скифии // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время*. Ростов-на-Дону, 2006. С. 78–80.
- ¹¹¹ SC I. С. 459. Об уточнении датировки этих событий см.: *Нефёдкин А.К.* Стратегия сарматов в I–IV вв. н.э. по свидетельствам античных источников // *БФ*. 1999. С. 267.
- ¹¹² *Лысенко Н.Н.* Скифо-сарматские этические взаимоотношения... С. 79.
- ¹¹³ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 40.
- ¹¹⁴ *Марченко К.К.* Греческие поселения в Северо-Восточном Приазовье // *БФ*. 1999. С. 233–234.
- ¹¹⁵ Там же. С. 233.
- ¹¹⁶ Там же. С. 234.
- ¹¹⁷ *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1975. С. 71.

- ¹¹⁸ *Каменецкий И.С.* Греки и меоты // БФ. 1999. С. 237.
- ¹¹⁹ *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. С. 69.
- ¹²⁰ *Нефедкин А.К.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. — V в. н.э. // *Militaria Antiqua*. М., 2004. V.
- ¹²¹ *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. С. 80.
- ¹²² SC I. Полибий. С. 444.
- ¹²³ *Зубарь В.М.* Из истории северо-западной Таврики рубежа IV—III — середины II в. до н.э. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004. Вып. XIV. С. 199—200.
- ¹²⁴ *Григорьев Д.В.* Об отдельных проблемах в изучении денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 156—167.
- ¹²⁵ *Масленников А.А.* Исследования сельской территории европейского Боспора: Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 63, 65.
- ¹²⁶ *Масленников А.А.* Эллинская хора на окраине Ойкумены. М., 1998. С. 59; 88—89; 196—197; 207—208; 268.
- ¹²⁷ *Чистов Д.Е.* Некоторые проблемы изучения Мирмекия второй половины V — начала III в. до н.э. // Греки и варвары... С. 193—201.
- ¹²⁸ *Гайдукевич В.Ф.* Отчет о работах Боспорской экспедиции за 1958 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 1852. С. 41.
- ¹²⁹ *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритакки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 17.
- ¹³⁰ *Худяк М.М.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 35.
- ¹³¹ *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1, 3, сл.; *Он же.* Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 45, сл.
- ¹³² Надо полагать, что Поль Дюбрюкс не случайно в описании к своему рукописному плану именует этот узел обороны «небольшим акрополисом». (Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних укреплений, некогда существовавших на берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук, включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. IV. С. 18 (№ по плану 30—33).
- ¹³³ *Толстикова В.П.* Новые материалы к изучению ансамбля базилики на акрополе Пантикапея // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 281—325.
- ¹³⁴ *Толстикова В.П.* К проблеме землетрясения III века до н.э. на Боспоре: (По материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: Международная конф., посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.А. Грач: Тез. докл. СПб., 1999. С. 72—75.
- ¹³⁵ *Толстикова В.П.* О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984. Вып. 7. С. 47—56.
- ¹³⁶ *Блаватский В.Д.* Раскопки Фанагории в 1936—1937 гг. // МИА. 1940. № 3—4. С. 291; *Кобылина М.М.* Фанагорийская экспедиция 1947 г. // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII. С. 46; *Она же.* Отчеты о раскопках Фанагории в 1947, 1951, 1960, 1964, 1965 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 638, 504, 2333, 2897, 3229.
- ¹³⁷ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 111.
- ¹³⁸ Там же. С. 45.
- ¹³⁹ *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. М., 1970. С. 35—37; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 98—99.
- ¹⁴⁰ *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. С. 219.
- ¹⁴¹ *Tolstikov V.P.* La fortification comme source pour l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde Grec: Actes du Colloque international: La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde Grec. Valbonne, decembre 1982. P., 1986. P. 171—172.
- ¹⁴² Новейшие исследования позволили, наконец, составить довольно полное представление о планировке и конструкции укреплений Танаиса эллинистического периода. См.: *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Оборонительные укрепления Танаиса: (по материалам раскопок 2003—2004 гг.) // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 18—61.
- ¹⁴³ *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. С. 219.
- ¹⁴⁴ *Веселов В.В.* Древние городища в районе Сипягино: (К вопросу о местонахождении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. I. С. 227, сл.; *Кастанаян Е.Г.* Раскопки Порфмия в 1975 году // АО 1975 г., 1976. С. 332; *Она же.* Отчет о работах Боспорской экспедиции в 1975 году // Архив ЛОИА АН СССР, КП 1938/7. С. 6—9.
- ¹⁴⁵ *Rostovtzeff M.* The Bosphoran Kingdom. P. 561—589.
- ¹⁴⁶ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 41.
- ¹⁴⁷ *Зайцев Ю.П.* Неаполь скифский: (II в. до н.э. — III в. н.э.). Симферополь, 2003. С. 43, 52, рис. 40—41.
- ¹⁴⁸ *Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П.* Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского: (предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1. С. 44—53.
- ¹⁴⁹ *Толстикова В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. М., 1999. С. 282—304.
- ¹⁵⁰ *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скикура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55—87.
- ¹⁵¹ *Толстикова В.П.* Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 88—114.
- ¹⁵² *Григорьев Д.В.* Военно-политическая история... С. 17.
- ¹⁵³ *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл. XLII, 17.
- ¹⁵⁴ *Иванова А.П.* Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I. С. 417, рис. 17.
- ¹⁵⁵ *Kieseritzky G. von, Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Suedrussland. S. 71—72, Taf. XXVIII, 407.
- ¹⁵⁶ *Онайко Н.А.* Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 155—167.
- ¹⁵⁷ *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 107, 116.
- ¹⁵⁸ SC I. С. 125, 131.
- ¹⁵⁹ *Колтухов С.Г.* Укрепления Крымской Скифии: (III в. до н.э. — III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1992. С. 15—17.
- ¹⁶⁰ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский... С. 42.
- ¹⁶¹ Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001.

- ¹⁶² Толстиков В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 80–90; Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88.
- ¹⁶³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 88.
- ¹⁶⁴ Kieseritzky G. von, Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Suedrussland. S. 80, Taf. XXXII, 450; КБН. С. 196, № 260. Судя по форме щита и гуннскому (?) типу лука, рельеф может быть датирован I в. н.э.
- ¹⁶⁵ Kieseritzky G. von, Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Suedrussland. S. 90, Taf. XXXV, 501.
- ¹⁶⁶ Подробнее и все необходимые ссылки см.: Нефедкин А.К. Воины с тремя копьями на надгробиях I–II вв., или к вопросу о тактике боспорской пехоты // БФ. 2002. Ч. I. С. 67–78.
- ¹⁶⁷ Hockmann O. Naval et Other Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1999. Vol. 5/4. P. 340, fig. 10, 1.
- ¹⁶⁸ Требелева Г.В. Боспорская конница в первые века нашей эры // Проблемы истории, филологии и культуры. 2003. Вып. XIII. С. 193–196.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 194.
- ¹⁷⁰ Десятчиков Ю.М. Появление катафрактариев на Боспоре // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. МГУ, 1968. С. 45.
- ¹⁷¹ Горончаровский В.А. Аспургинане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. СПб., 2006. С. 48.
- ¹⁷² Трейстер М.Ю. Сарматские воины Фарнака Боспорского: (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // БФ. 2005. С. 322–330.
- ¹⁷³ Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры. С. 236–244.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 240.
- ¹⁷⁵ См.: Kieseritzky G. von, Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Suedrussland. S. 116, Taf. XLVI, 650; Десятчиков Ю.М. Появление катафрактариев на Боспоре. С. 68–74; Он же. Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- ¹⁷⁶ Петерс Б.Г. Военное дело. С. 190.
- ¹⁷⁷ Трейстер М.Ю. Сарматские воины Фарнака Боспорского... С. 325.
- ¹⁷⁸ Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1964. С. 470.
- ¹⁷⁹ Горончаровский В.А. Аспургинане... С. 43–50.
- ¹⁸⁰ Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Севастополь, 2001. С. 72.
- ¹⁸¹ Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua philippopolitana. Studia archeologica. Sophia, 1963. С. 19.
- ¹⁸² КБН 40. См.: Болтунова А.И. К истории Танаиса: (по данным эпиграфики) // Кlio. 1964. Bd. 42. S. 204, Anm. 7.
- ¹⁸³ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. М., 1992. С. 41–65. (СГМИИ им. А.С. Пушкина; Вып. 10).
- ¹⁸⁴ Горончаровский В.А. Аспургинане... С. 43.
- ¹⁸⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. С. 89–110.
- ¹⁸⁶ Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philopolitana: studia archaeologica. Gerdicae. 1963. P.16.
- ¹⁸⁷ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. М., 1992. Вып. 10. С. 44–50.
- ¹⁸⁸ Diels G., Schramm E. Exzerpte aus Philons Mechanik 7, 8 // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philologisch-historische Klasse). 1919. Nr. 12.
- ¹⁸⁹ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. С. 107.
- ¹⁹⁰ Виноградов Ю.А. О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. С. 65–69.
- ¹⁹¹ КБН 30.
- ¹⁹² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 314. См. также: КБН 30 и комментарий к этой надписи.
- ¹⁹³ Рогов Е.Я. Укрепленные поселения Таманского полуострова // БФ. 1999. С. 153–157.
- ¹⁹⁴ Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М. ИНИОН РАН № 47103 1.10.1992.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 627–630, № 205.
- ¹⁹⁶ Gaidukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 326–347.
- ¹⁹⁷ Горончаровский В.А. Аспургинане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры. С. 43–44, 47.
- ¹⁹⁸ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. I: Анналы. С. 202–204; Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. С. 81–83.
- ¹⁹⁹ Kieseritzky G. von, Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Suedrussland. S. 113, Taf. XLV, 635a.
- ²⁰⁰ Ibid. S. 102–104, Taf. XL, 584, 585, 587, 591, 593; S. 104–105, Taf. XLI, 599, 600, 604; S. 111, Taf. XLII, 627; S. 108–110, Taf. XLIII, 618, 619, 624; S. 113–115, Taf. XLV, 633, 635a, 639, 647; S. 119, Taf. XLVI, 651, 664; S. 120, Taf. XLVII, 669, 670.
- ²⁰¹ Ibid. S. 101, 106, Taf. XL, 606; XLI, 575; Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России: Атлас. СПб., 1913. Табл. LI; Горончаровский В.А. Надгробие сыновей Панталеонта из Горгиппии // БФ. 1999. С. 176.
- ²⁰² Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I: Анналы. С. 202.
- ²⁰³ Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. С. 82.
- ²⁰⁴ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I: Анналы. С. 202.
- ²⁰⁵ Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. С. 74–85.
- ²⁰⁶ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России: Атлас. Текст. СПб., 1913–1914. С. 306–307. Табл. LXXIX, LXXXI, 2.
- ²⁰⁷ Sichorius C. Ala // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1234, 1245.
- ²⁰⁸ Idem. Die Reliefs der Trajanssaule. В., 1896. Bd. I. Taf. XLVII, N LXVI, 167; Bd. II. S. 305, 310 (считает их языгами).
- ²⁰⁹ Арриан. Диспозиция против аланов. С. 4, 18, 21.
- ²¹⁰ Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. С. 82. Об античных терминах, обозначающих тяжеловооруженную конницу

- см.: *Nikonov V.P. Catafracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identification // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. Р. 131–138.*
- ²¹¹ *Нефедкин А.К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Stratum plus. 1999. № 3. С. 173–188; Флавий Арриан. Диспозиция против аланов / Пер. С.М. Первалова // ВДИ. 2001. № 1. С. 236–243.*
- ²¹² *Зосим. Новая история. I. 31–32.*
- ²¹³ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. 53; также см.: Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Антич-*
- ное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 204–206; Грацианская Л.И. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора: («De administrando imperio». Сар. 53. лп. 1–492) // БФ. 2004. Ч. I. С. 87–94. К. Цукерман, исходя в основном из эпиграфических данных, считает, что подобные события могли происходить в эпоху императора Валента, во второй половине IV в. (Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. Вып. 4. 1994. С. 545–561).*
- ²¹⁴ *Терракотовые статуэтки. Ч. III: Пантикапей. М., 1974. С. 36. Таб. 50, 3. (САИ: Вып. Г1–11); АГСП. Таб. LXXXIII, 38; CXVII, 27.*
- ²¹⁵ *Philipp H. Parma // RE. Bd. XVIII. Bd. 2 (1949). Sp. 1540; Southern P., Dixon K.R. The Late Roman Army. L., 1996. P. 99–100, fig. 17–18.*
- ²¹⁶ *Wroth W. Catalogue of Greek Coins: Pontus, Paphlagonia, Bythynia, and the Kingdom of Bosphorus. L., 1889. Pl. XII, 2; XIII, 5, 6; XIV, 6; XVI, 5; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. S. 528, 530, Taf. V, 71; ср.: Taf. VI, 92: те же атрибуты, но с сидением и венком, представлены на монете Рескупорида III (210/1–226/7 гг.).*
- ²¹⁷ *Авторы отдают себе отчет, что предлагаемая здесь периодизация военной истории Боспора Киммерийского довольно условна. Она призвана, прежде всего, систематизировать излагаемый материал, облегчая его понимание и использование*

КОНТРОЛЬ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ

Г. В. ТРЕБЕЛЕВА

Проблема контроля над территорией, это, с одной стороны, военная проблема, с другой стороны, она теснейшим образом связана с системой расселения и системой организации государства. К сожалению, для истории Боспорского царства, на сегодняшний день еще недостаточно данных для периодов архаики и классики. Совсем другое дело римский период. Открытые еще Н.И. Сокольским на территории Таманского полуострова крепости, а также масштабные разведки, проводившиеся позднее Я.М. Паромовым, Ю.В. Горловым и другими исследователями, позволяют представить более или менее полную картину организации расселения и организации контроля над территорией на Таманском полуострове. Еще в 1981 г. В.П. Толстиком¹ была высказана идея о существовании единой системы обороны с середины I в. до н.э. по середину III в. н.э. на территории Боспорского царства, включающей в себя систему передачи сигналов между крепостями. Долгое время эта идея оставалась лишь гипотезой. Однако появление ГИС-технологий позволило построить модель, которая, в той или иной степени, дает возможность подтвердить или опровергнуть данную гипотезу. Анализ полученной модели основывался на характеристике подконтрольных крепостям территорий, корреляции между укреплениями и неукрепленными поселениями, а также анализе видимости, включающий в себя моделирование общего визуального контроля над территорией и реконструкцию непосредственных визуальных связей.

На территории Боспорского царства, в его азиатской части, можно выделить три основных региона: Таманский полуостров с прилегающей территорией Прикубанья, Северокавказское побережье, или Юго-Восточный Боспор, и район нижнего Дона, из которых особый интерес представляет Таманский полуостров, так как здесь мы видим самую развитую сеть оборонительных сооружений и самое большое количество крепостей, в которых могли дислоцироваться регулярные войска. При проведении пространственного анализа системы укреплений на Таманском полуострове использовались две модели реконструкции палеогеографической ситуации (Таманский полуостров как система островов² и как единый остров³). Однако выводы из анализа обеих моделей оказались одинаковыми. В первую очередь, следует сказать, что «римский этап истории Боспора» (середина I в. до н.э. — середина III в. н.э.) можно разделить условно на два хронологических периода. Своеобразным рубежом стал конец I — начало II в. н.э. (рис. 1). В это время Боспорскому царству пришлось столкнуться одновременно с натиском двух противников (скифов и псеханов)⁴ и вести борьбу на два фронта: на западе и на востоке. Натиск, вероятно, был настолько силен, что враг прошел через всю страну, дошел до столицы и разрушил множество укреплений (на Таманском полуострове было уничтожено 12 из 23 укреплений, или 52%). Однако боспорскому царю Савромату I удалось отстоять независимость своей державы и восстановить большую часть укреплений. Таким образом, в системе организации обороны выделяются два хронологических периода: середина I в. до н.э. — рубеж I—II вв. н.э. и рубеж I—II вв. н.э. — середина III в. н.э.

В первый хронологический период (середина I в. н.э. — рубеж I—II вв. н.э.) основной задачей, стоявшей перед всеми укреплениями, было, в первую очередь, обеспечение охраны коммуникаций (рис. 2). Задача защиты населения (возможность укрыться за стенами) имеющимися укреплениями по существу не решалась. Этот вывод сделан, в первую очередь, на основе анализа подконтрольных крепостям территорий: система расположения укреплений не имеет видимой связи с расположением неукрепленных пунктов (рис. 3).

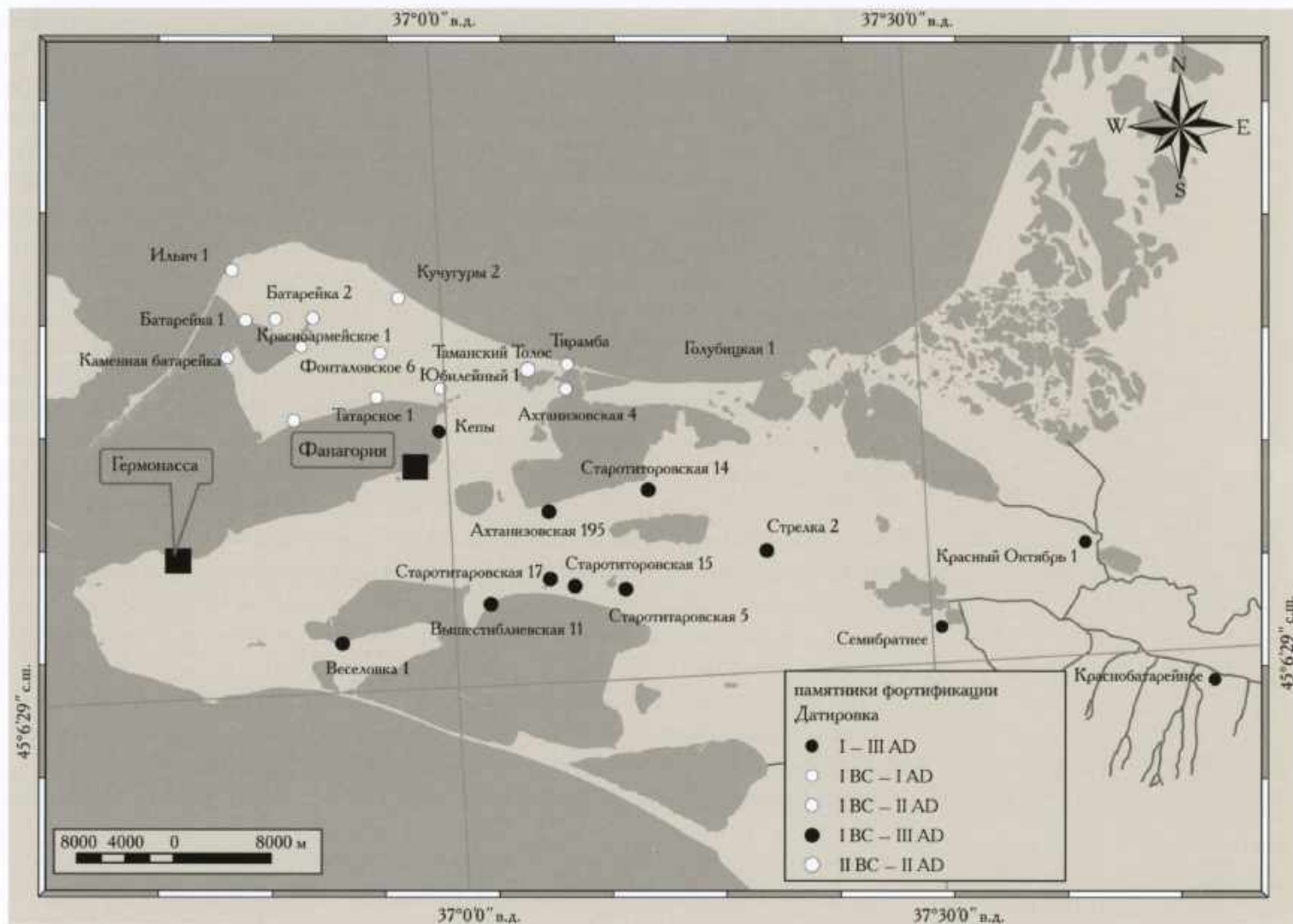

Рис. 1. Укрепления Таманского полуострова и Прикубанья: классификация по датировке

В то же время, укрепления привязаны к системе коммуникаций. Этот же вывод подтверждает и «анализ видимости» (рис. 4): согласно ему основной враг ожидался с востока и юго-востока, со стороны р. Кубань и Кизилташского лимана. Крепости были возведены так, чтобы вовремя получить информацию об опасности от приграничных укрепленных поселений и передать ее по цепочке.

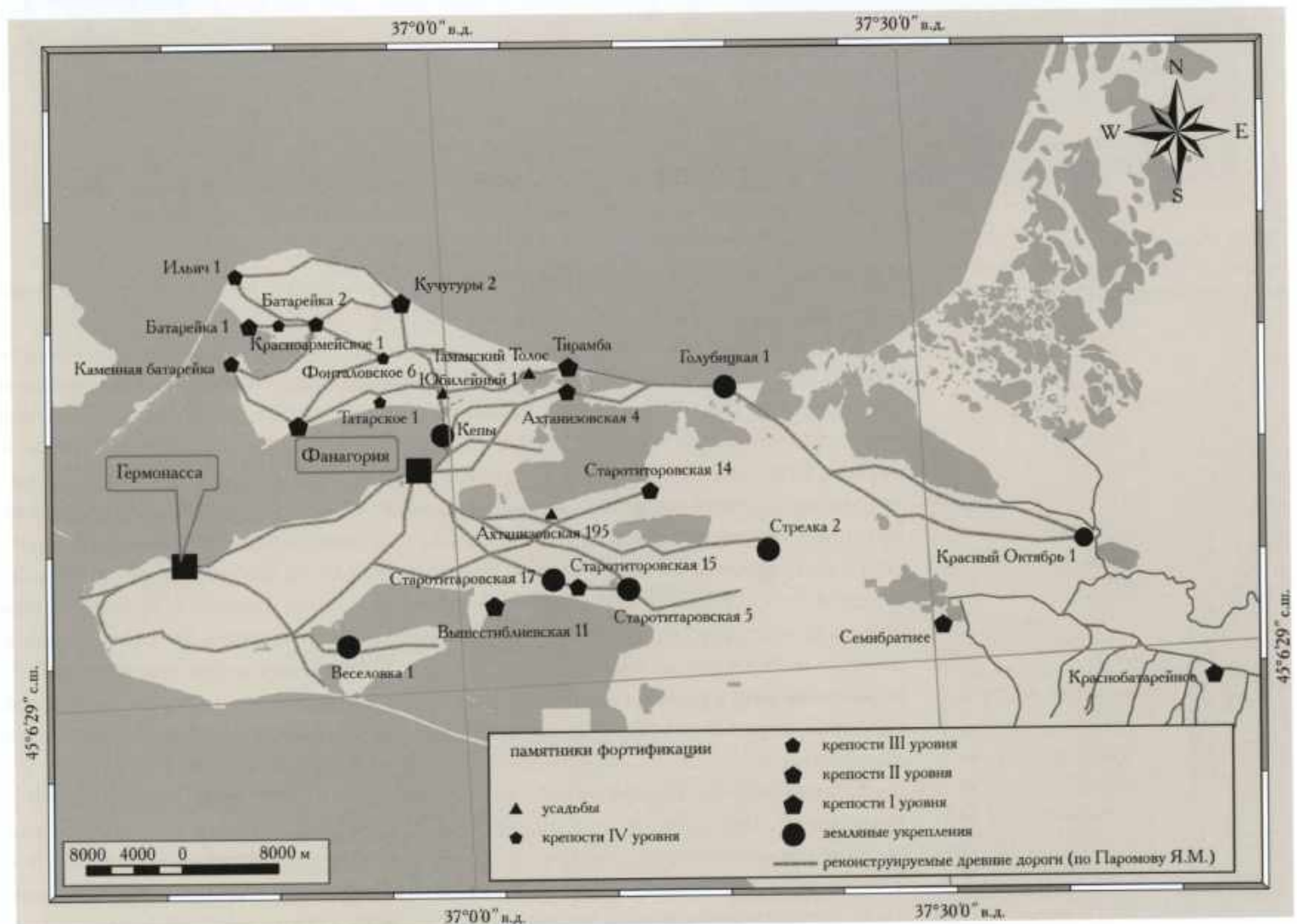
Анализ системы расположения укреплений по их типам также позволяет сделать некоторые выводы: на западе (в районе Фонталовского полуострова) находились сырцовые крепости, в которых скорее всего дислоцировались регулярные войска. Таким образом, эти крепости представляли собой форты, служившие для защиты коммуникаций. На востоке (в районе Голубицкого острова и восточной Синдики), кроме сырцовых крепостей, существовало значительное количество поселений, имевших земляные укрепления (системы валов и рвов). Целью таких укреплений в первую очередь являлась защита собственного населения, а во вторую — взаимодействие с системой крепостей. Наличие в западном районе только сырцовых крепостей говорит о его относительной безопасности, поскольку населению не приходилось возводить дополнительные укрепления вокруг своих поселений. В то же время этот район был стратегически важным, в связи с чем государство возводило здесь крепости для охраны коммуникаций и обеспечения надежной связи. Кроме того, более высокая плотность населения и развитая сеть дорог позволяли

сооружать здесь как крупные, так и небольшие укрепления. Ситуация в восточном регионе была иной. Меньшая плотность поселений и менее развитая сеть коммуникаций, возможно, обуславливали то, что крепостей было немного, и все они были крупными. Население, по всей видимости, ощущало постоянную военную угрозу и не чувствовало необходимой защищенности со стороны системы государственных крепостей, в связи с чем, в дополнение к ним, возводило земляные укрепления на своих поселениях.

Восточные укрепления Таманского полуострова имели визуальную связь с крепостью Семибратнего городища, расположенного восточнее, вверх по течению реки Кубань. Таким образом, под контролем всех этих укреплений оказывалась значительная часть поймы Кубани. Самые крайние прикубанские укрепления: Красный Октябрь 1, а также Краснобатареиное 1 и 2 являлись восточными форпостами Боспорского царства, однако не имели непосредственной визуальной связи с какими-либо другими укреплениями. В связи с этим, им, скорее всего, приходилось обеспечивать безопасность своими силами. Подобную ситуацию (выпадение крайних восточных крепостей из системы единой визуальной связи) можно объяснить тем, что государству не хватало средств на сооружение промежуточных укреплений. Кроме того, основную оборону необходимо было обеспечить району Таманского полуострова (как наиболее заселенному и стратегически важному), а укрепления Прикубанья рассматривались как дополнительные, на которые была

Рис. 2. Укрепления Таманского полуострова и Прикубанья: классификация по типам и связь с древними дорогами

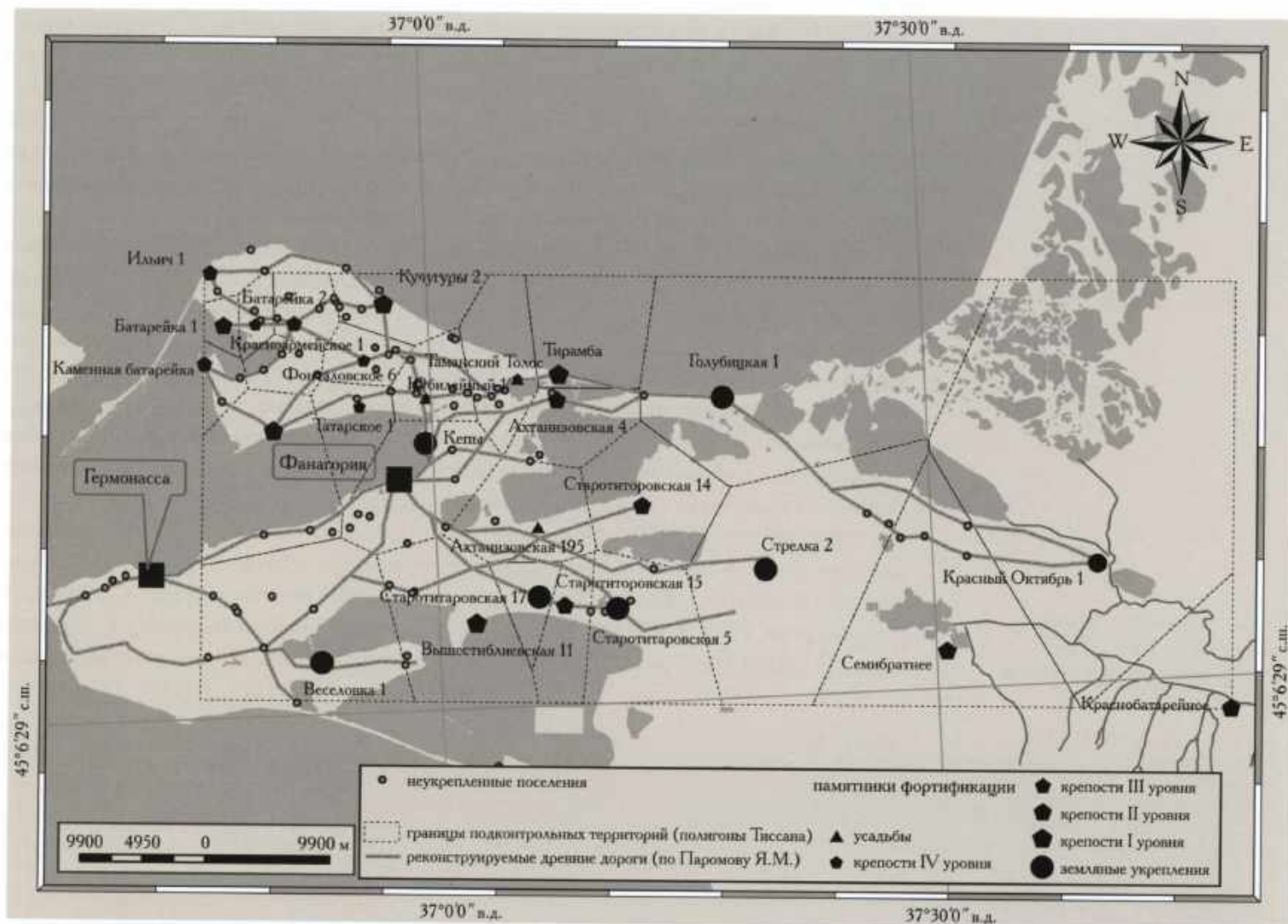

Рис. 3. Укрепления Таманского полуострова и Прикубанья: анализ подконтрольных территорий

возложена обязанность задержать врага, пока будет подготовлена оборона центрального региона.

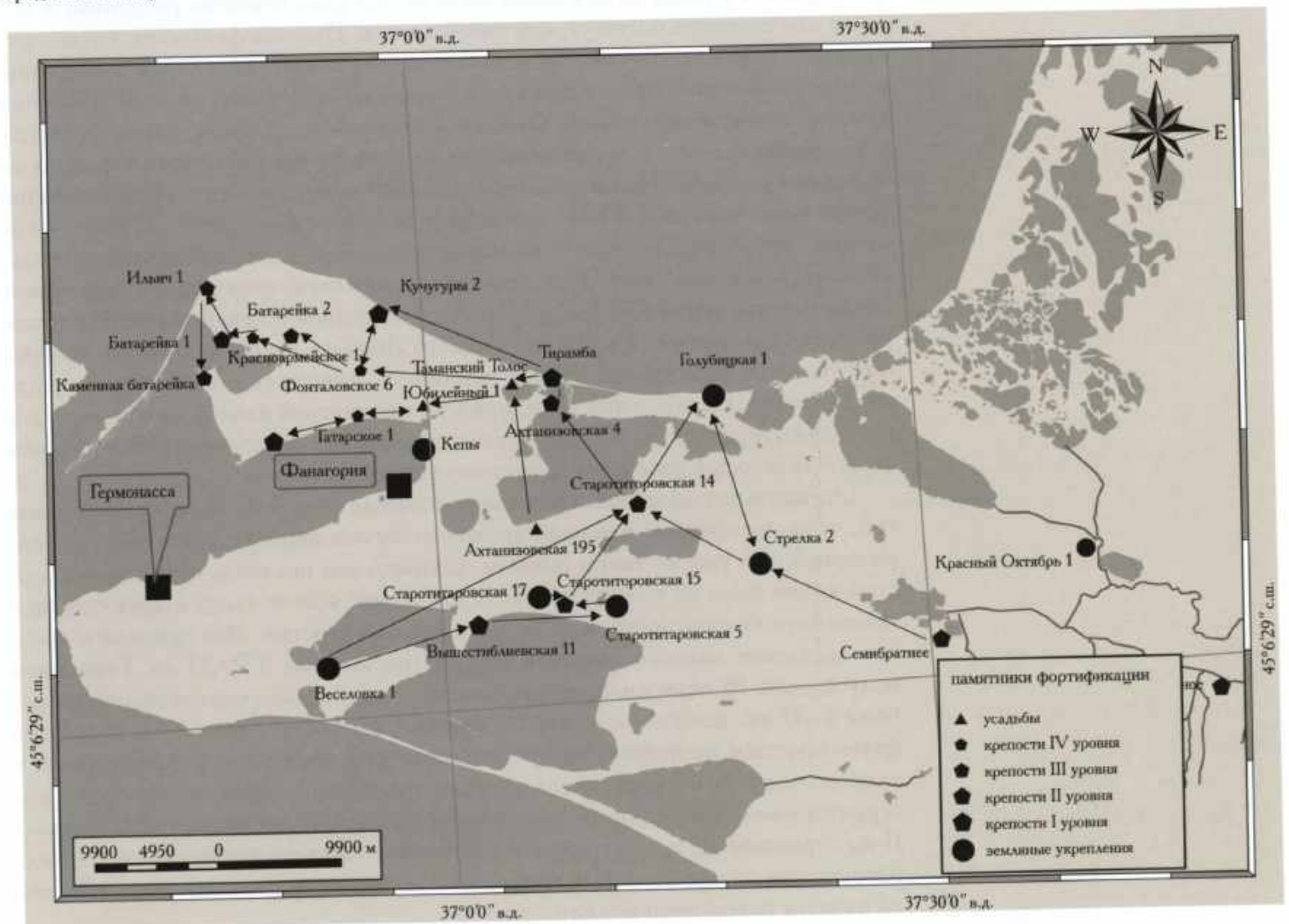
Однако, общая схема обороны оставляет без ответа вопрос: в чем заключалась стратегическая важность северо-западного района Таманского полуострова. Если посмотреть на карту всего Боспора, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот район являлся фактически внутренней частью Боспорского царства. Значит, внешний враг непосредственно данному району грозить не мог. С какой же целью возводились здесь укрепления? В данной ситуации можно предположить, что северо-западный район Таманского полуострова являлся частью царских земель на Боспоре и обеспечивал, с одной стороны, защиту интересов царской власти (являясь противовесом полисам, которые были расположены на юге и юго-востоке по отношению к нему, и откуда могла ожидать опасность). В пользу этого свидетельствует модель визуальных связей крепостей Киммерийского острова. С другой стороны, через эти крепости осуществлялась связь с восточными окраинами державы.

Общая модель обороны Боспорского царства, полученная на основе ГИС-технологий, показывает, что оборона региона Северокавказского побережья Черного моря и Нижнего Дона не была связана в единую систему с обороной Таманского полуострова – Прикубанья. Безопасность этих регионов должна была обеспечиваться собственным населением. Это естественно для района

Нижнего Дона ввиду его удаленности от основной территории царства. Что касается Северокавказского побережья Черного моря, то исключение его из единой системы может быть связано с тем, что население данного региона в этническом отношении несколько отличалось от населения Таманского полуострова — Прикубанья. Вероятно, этот район царской властью воспринимался скорее как зависимый, а не как часть территории единого царства. В пользу этого может говорить анализ типологии укреплений. До середины I в. н.э. основным типом укреплений на Северокавказском побережье Черного моря были так называемые укрепленные усадьбы. Фактически это были жилые дома, обитатели которых по тем или иным причинам считали необходимым возводить свои жилища в виде укреплений, какие-либо войска находиться в них не могли. Следует отметить, что три подобных дома-башни существовали и на Таманском полуострове (Юбилейное I, Таманский толос, Ахтанизовская № 195). Важным моментом является тот факт, что дома-башни погибли в середине I в. н.э. (укрепленные усадьбы на Северокавказском побережье Черного моря и Юбилейное I — окончательно, а Таманский толос и, возможно, Ахтанизовская № 195, возродились и вошли в систему обороны в новом качестве). Таким образом, возможно, население этих укрепленных усадеб, являясь, по всей видимости, этнически отличным от основного населения Азиатского Боспора, было либо уничтожено, либо изгнано в ходе династической войны.

Рис. 4. Укрепления Таманского полуострова и Прикубанья: реконструкция сети единой визуальной связи, на основе анализа видимости (стрелками указано направление передачи сигнала)

Исходя из общей модели обороны, можно сделать вывод, что ядром территории Азиатского Боспора являлся Таманский полуостров. Именно здесь царской властью обеспечивался полный контроль над территорией посредством создания единой системы обороны, нацеленной на обеспечение безопасности через охрану основных границ и коммуникаций. Одним из элементов этой системы следует считать сеть визуальных связей, которая обеспечивала своевременное предупреждение об опасности, прежде всего с востока и юго-востока. Район Прикубанья был тесно связан с Таманским полуостровом. Районы Северокавказского побережья Черного моря и Нижнего Дона государство даже не пыталось включить в единую систему обороны. Существовавшие там полисы (Горгиппию и Танаис) оно рассматривало как анклав и предоставляло им решать задачу обеспечения безопасности собственными силами и средствами.

Во втором хронологическом периоде форма организации обороны изменилась. В это время царской властью была восстановлена обороноспособность полисов и укреплений на востоке — и на Таманском полуострове, и в Прикубанье, поскольку последние обеспечивали безопасность границ. Укрепления на северо-западе Таманского полуострова не восстанавливаются, однако жизнь на поселениях, где ранее стояли крепости продолжается. Таким образом, можно заключить, что изменился приоритет территорий. Отказ от восстановления укреплений на северо-западе полуострова можно объяснить двумя факторами. Первым из них могло быть то, что царь перестал расценивать полисы как потенциальную угрозу своей власти. Вторым фактором, возможно, являлась нехватка государственных средств для восстановления укреплений во внутреннем районе государства, который не испытывал непосредственной угрозы. Значительно важнее было обеспечить безопасность границ со стороны р. Кубань и дать возможность населению в случае нашествия укрыться за крепкими стенами. Таким образом, в данный период изменился сам принцип организации обороны. Необходимо отметить, что, если в первый хронологический период между укреплениями существовала единая визуальная связь, то во втором хронологическом периоде таковая связь отсутствует. Это может свидетельствовать о том, что в данное время единой оборонительной системы уже не существовало. Регионам Нижнего Дона и Северокавказского побережья Черного моря также, по всей видимости, пришлось столкнуться с врагами. В начале II в. н.э. в них тоже, при участии царской власти, восстановились городские укрепления, но, как и ранее, дальнейшее обеспечение безопасности осуществлялось в основном за счет сил самого населения.

Организация обороны, возникшая в начале II в. н.э., по форме уступала той, что существовала в первом хронологическом периоде, контроль над территорией был уже не таким полным. Однако, как показала история, боспорская армия была не в силах отразить нападения врагов сразу с двух сторон и обеспечить безопасность всей территории государства. Это привело к тому, что население понесло большие потери (по данным ТРАП на Таманском полуострове 16 неукрепленных поселений прекратило существование на рубеже I—II вв. н.э.). После этих событий Савромату I пришлось перейти к более простым по форме, но лучше соответствующим насущным задачам и экономически более доступным методам организации обороны и контроля за территориями. Такая форма организации обороны функционировала с начала II до середины III в. н.э., когда в результате готского нашествия потерпели разрушения города и погибли многие населенные пункты, а для самого Боспора начался новый этап его истории.

¹ Толстиков В.П. Фортификация античного Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 20.

² Montperoux D.F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. P., 1843. Vol. VI. P. 38—80; Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Труды Московского археологического общества. М., 1970. Т. 2, вып. 3—4. С. 221; Пономчевый М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. II. С. 1—60; Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды Этнографо-археологического музея МГУ. 1927. № 3. С. 32; Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Северо-

ро-Кавказского общества археологии, истории и эпиграфики. P. н/Д., 1929. Кн. 1 (т. III), вып. 5—6. С. 5—7; Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. № 2. С. 45.

³ Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства. СПб., 1909. С. 124; Ростовцев М.И. Глава VI: Государство и культура Боспорского царства. Часть 2: Государство и социальный строй римского протектората // ВДИ. 1989. № 3. С. 195; Горлов Ю.В. Палеогеография Азиатского Боспора // Сборник 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани: Тамань археологическая. Ст. Тамань, 1996. С. 61; Горлов Ю.В., Поротов А.В. Палеографическая ситуация в устье Кубани (Таманский полуостров) в эпоху позднего голоцена // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые

методики: (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). М., 2000. С. 25.

⁴ Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta Antiqua Philopolitana: Studia archaeologica. Sofia, 1963. С. 11—25; Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 112; Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 111—113; Яйленко В.П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и Античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 223—224, 226; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). М., 1997. Часть I: Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. — 210/211 г. н.э. С. 120—122, табл. XLI, 2—5; XLVII, 15; КБН 32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамзон М.Г. — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Магнитогорского университета

Виноградов А.Ю. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Гарбузов Г.П. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН

Добровольская М.В. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН

Журавлев Д.В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологических памятников ГИМ; член-корреспондент Германского археологического института

Завойкин А.А. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН

Кошеленко Г.А. — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, член-корреспондент Германского археологического института, член-корреспондент Итальянского института Африки и Востока, член-корреспондент Французской Академии надписей и изящной словесности

Кузнецов В.Д. — доктор исторических наук, заведующий Отделом классической археологии Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института

Мальшев А.А. — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН

Медникова М.Б. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН

Мокроусов С.В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН

Нефедкин А.К. — доктор исторических наук, Теологический институт Церкви Ингрии

Савостина Е.А. — доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы реставрации РГГУ

Сапрыкин С.Ю. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. Ломоносова

Сударев Н.И. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН

Толстикова В.П. — кандидат исторических наук, заведующий Отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. Пушкина

Требелева Г.В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН

Трейстер М.Ю. — доктор исторических наук, независимый исследователь

Улитин В.В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Фролова Н.А. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела нумизматики ГИМ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

AA — Archäologischer Anzeiger

AAH — Acta Archaeologica Hungarica

ACSS — Ancient Civilization from Scythia to Siberia

AEMTH — Archäological Work in Macedonia and Thrace. Thessaloniki

АЕМФ — ΤΟ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΟ ΕΡΓΟ ΣΤΗ ΜΑΚΕΔΟΝΙΑ ΚΑΙ ΘΡΑΚΗ

AJA — American Journal of Archaeology. Princeton

AJPh — American Journal of Philology

AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran

AMIT — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. B.

ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B.

ATL — Meritt. B.D., Wade-Gery H.T., MacGregor M.F. The Athenian Tribute Lists. Cambr. (Mass.); Princeton, 1939–1953.

AWE — Ancient West & East. Leuven

BAR — British Archaeological reports. Oxf.

BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris

BMC — British Museum Catalogue

BSA — The American School of Classical Studies at Athens. Athens

Bull. Ép. — Bulletin épigraphique

BZ — Byzantinische Zeitschrift. Leipzig — München — Stuttgart

CAH — The Cambridge Ancient History. Cambr.

CRAI — Académie française des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus. P.

Das Haus lacht vor Silber 1997 — H.-H. von Prittwitz und Gaffron, Mielsch, H. (Hrsg.). Das Haus lacht vor Silber. Köln; Bonn, 1997

DHA — Dialogues d'histoire ancienne

HER — English Historical Review. L.

FHG — Fragmenta historicorum Graecorum

FGrHist — Jacoby F. Die Fragmente der griechischer Historiker. Berlin; Leiden, 1926–1958. Bd. I–III

GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies

IG — Inscriptiones graecae. Berolini, 1903–

IGCH — Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973.

IGUR — Inscriptiones Graecae urbis Romae / Ed. L. Moretti. Roma, 1968–1973

IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916

IstMit — Istanbul Mitteilungen. Istanbul

JbRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz

JdI — Jahrbuch des deutschen archäologischen Institut. B.

JdS — Journal des Savants. P.

JHS — The Journal of Hellenic Studies. Cambridge (Great Britain)

JRA — The Journal of Roman Archaeology

LGPN — Lexicon of Greek Personal Names

LIMC — Das Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Heidelberg

LSJ — A Greek-English Lexicon

NC — Numismatic Chronicle. L.

OJA — Oxford Journal of Archaeology

PLond — Greek Papyri in the British Museum

PNN — Polish Numismatic News. Warszawa

RCRF — Rei Cretariae Romanae Favtores

REA — Revue des Études Anciennes. Bordeaux

RevArch — Revue archéologique. P.

RhM — Rheinische Museum für Philologie

RM — Römische Mitteilungen. Roma

RN — Revue Numismatique. P.

RE — Pauli A.F., Wissowa G., Kroll W. et al. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894–1980

SC I — Scythica et Caucasia. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1900. Т. 1

Список принятых сокращений

- Scythica et Caucasia — Scythica et Caucasia e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis collegit et cum versione Rossica edidit Basilius Latyschew. Vol. 1: Scriptores Graeci, Fasc. 1–3; Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1900. Т. 1: Греческие писатели, вып. 1–3; Vol. 2: Scriptores Latini, Fasc. 1–2. СПб., 1904–1906. Т. 2: Латинские писатели, вып. 1–2
- SEG — Supplementum epigraphicum graecum. Leiden
- SNG BM — Sulloge Numorum Graecorum. British Museum
- ZfN — Zeitschrift für Numismatik. В.
- ZPE — Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik
- Zur graeco-skythischen Kunst 1997 — K. Stähler (Hrsg). Zur graeco-skythischen Kunst: Archäologisches Kolloquium Münster 1995 (Eikon. Bd. 4). Münster, 1997
- АГ — Античная Греция. М.
- АГСП — Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984 (Археология СССР)
- АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь
- АМА — Античный мир и археология: Межвузовский научный сборник. Саратов
- АН СССР — Академия наук СССР
- Античная торевтика — Античная торевтика / ред. Н.А. Грач. Л., 1986
- Античное Причерноморье — Античное Причерноморье: Сборник статей по классической археологии / ред. С.А. Соловьев. СПб., 2000
- АО — Археологические открытия. М.
- АСГЭ — Археологический сборник / Государственный Эрмитаж. СПб.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
- БС — Боспорский сборник. М.
- БФ — Боспорский феномен: Материалы международной научной конференции. СПб.
- БЧ — Боспорские чтения. Керчь
- ВВ — Византийский временник. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ГАОО — Государственный архив Одесской области
- ГИМ — Государственный исторический музей, Москва
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва
- ГЭ — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
- ДБ — Древности Боспора. М.
- ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.
- ДГ СССР — Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М.
- ЖМГИ — Журнал Министерства государственного имущества
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗООО — Записки Одесского археологического общества. Одесса
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ЗИОСХЮР — Записки Общества сельского хозяйства Южной России
- ИАИ — Историко-археологические исследования
- ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
- ИБАИ — Известия на Българския Археологически институт. София
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- ИОЛЕА — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры. Пг.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- ИЭ РАН — Институт этнографии Российской академии наук
- КБН — Корпус боспорских надписей / изд. В.В. Струве и др. М.; Л., 1965
- КГИКЭ — Керченский государственный историко-культурный заповедник
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- КХНБ — Диатропов П.Д., Емец И.А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. Вып. 2. С. 7–40.
- ЛО ИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Список принятых сокращений

- МАР — Материалы по археологии России. СПб.; Пг.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
- Международные отношения X — Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы X международной конференции 29 мая — 3 июня 2001 г. / ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2002
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани
- МИС — Граков Б.Н. Материалы к истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии
- НЗХТ — Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
- Нис — Нумизматика и сфрагистика. Киев
- Новое в археологии — Новое в археологии Северного Кавказа / ред. В.И. Марковин. М., 1986
- НСГИМ — Нумизматический сборник Государственного исторического музея. М.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАИБ — Очерки археологии и истории Боспора. М.
- ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ОАС ГЭ — Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа
- ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
- ООИД — Одесское общество истории и древностей
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
- Памяти Н.П. Сорокиной 2006 — Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной / ред. Д.В. Журавлев. М., 2006. (Труды ГИМ; Вып. 159).
- ПГКСВП — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси
- ПИАСХ — Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск
- ПС — Православный Палестинский сборник
- РА — Российская археология. М.
- РАН — Российская академия наук
- СА — Советская археология. М.; Л.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
- СПбГАСУ — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. СПб.
- Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- ТД ВНК — Тезисы докладов Всероссийской нумизматической конференции. М.
- ТОАМГЭ — Труды отдела античного мира Государственного Эрмитажа
- ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
- ТС — Таманская старина
- ХСб — Херсонесский сборник
- Эллинистические штудии 2004 — Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сборник статей: К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского / ред. Е.Н. Ходза. СПб., 2004
- Ювелирное искусство 2003 — Ювелирное искусство и материальная культура / ред. Н.А. Захаров. СПб., 2001

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ АНТИЧНЫХ И ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ¹

Aelian. Var. hist. — Aeliani Varia Historia
 Amm. Marc. (Res gest.) — Ammiani Marcellini Res gestae a fine Cornelii Taciti
 Anth. gr. app. — Anthologiae Graecae appendix
 App. Bell. civ. — Appiani De bello civili
 App. Mithr. — Appiani Mithridatica
 Arist. Polit. — Aristotelis Politica
 Arist., fr. Rose — Aristotelis fragmenta, ed. V. Rose. Leipzig, 1886
 Aster. Amas. Hom. — Asterii Amaseni Homiliae
 Athen. — Athenaei Deipnosophistae
 Bell. Alex. — Liber de bello Alexandrino
 Callim. fr. — Callimachi fragmenta nuper reperta / Ed. R. Pfeiffer. Bonnae, 1923
 Cic. De imp. Gn. Pomp. — Ciceronis De imperio Gnaei Pompeii
 Const. Porph. De adm. imp. — Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio
 Demosth. — Demosthenis orationes
 Dexipp. fr. — Dexippi fragmenta
 Dio Cass. — Dionis Cassii Historiae Romanae
 Dio Chrys. — Dionis Chrysostomi Orationes
 Diod. — Diodori Siculi Bibliotheca historica
 Dion. Perieg. — Dionysii Alexandrini (Periegetae) Descriptio orbis
 Eurip. Hercul. — Euripidis Hercules furens
 Eustath. ad Dion. — Eustathii Thessalonicensis Commentarii ad Dionysium Periegetam
 Flav. Ant. Jud. = Jos. Ant. — Flavii Iosephi Antiquitates Iudaicae
 Georg. Cedr. — Georgii Cedreni Compendium historiarum
 Harpocr. fr. (Müller) — Harpocratonis fragmenta // FHG (см.)
 Herod. — Herodoti Historiae
 Hes. Theog. — Hesiodi Theogonia
 Hippol. Refut. — Hippolyti Refutatio omnium haeresium
 Hipponact. fr. Degani — Hipponactis fragmenta // Hipponax. Testimonia et fragmenta / Ed. Degani H. Leipzig, 1991
 Hyg. Grom. — Hyginus Gromaticus
 Io. Malal. Thurn — Iohannis Malalae Chronographia / Ed. J. Thurn. Berlin — New York, 2000.
 Isocr. — Isocratis Orationes
 Johan. Chrys. Ad Olymp. — Iohannis Chrysostomi Epistulae ad Olympiadem
 Jord. Getica — Jordanis Getica
 Jos. Ant. — Flavii Iosephi Antiquitates Iudaicae
 Jos. Bell. Jud. — Iosephi Flavii Bellum Iudaicum
 Just. — Iustini Epitome (= Historiarum Philippicarum libri XLIV)
 L. Ampel(ius) — Lucii Ampelii Liber memorialis
 Liv. apud. Oros — Livius apud Orosium (см. Oros. Hist.)
 Liv. Per. — Titi Livii Periochae
 Luc. Macr. — Luciani Macrobbii
 Lucian. Tox. — Luciani Toxaris
 Lycophronis Chalcid. Alexand. Schol. — Lycophronis Chalcidici Alexandra, Scholia vetera
 Lycophronis Chalcid. Cassan. Schol. — Scholia in Lycophronis Chalcidici Cassandram
 Maen. Prot. De legat.
 Memn. — Memnonis historici fragmenta // FGrHist (см.)
 Oros. Hist. — Orosii Pauli Historiarum adversus paganos libri septem Plut. De fort. Rom. — Plutarchi De fortuna Romanorum
 Paus. — Pausaniae Descriptio Graeciae
 Plat. Conv. — Platonis Convivium
 Plat. Euthyd. — Platonis Euthydemus
 Plato. Protag. — Platonis Protagoras

¹ Сведения об изданиях приводятся только в тех случаях, когда от издания зависит нумерация в ссылках.

Список принятых сокращенных обозначений

Plin. NH. — Plinii Historia naturalis
 Plut. Ant. — Plutarchi Antonius
 Plut. De Stoic. rep. — Plutarchi De stoicorum repugnantiis
 Plut. Dem. — Plutarchi Demosthenes
 Plut. Galba. — Plutarchi Galba
 Plut. Luc. — Plutarchi Lucullus
 Plut. Lycurg. — Plutarchi Lycurgus
 Plut. Mor. — Plutarchi Moralia
 Plut. Pomp. — Plutarchi Pompeius
 Plut. Sull. — Plutarchi Sulla
 Polyen. — Polyeni Stratagemata
 Polyb. — Polybii Historiae
 Posid. apud Athen. — Posidonius apud Athenaeum (см. Athen.)
 Proc. Bel. Got. — Procopii Caesariensis De bello Gothico
 Procop. Caes. De aed. — Procopii Caesariensis De aedificiis
 Procop. Caes. De bell. — Procopii Caesariensis De bellis
 Ps.-Apoll. Bibl. — Pseudo-Apollodori Bibliotheca
 Ps.-Arist. Oec. — Pseudo-Aristotrlis Oeconomica
 Ps.-Arr. PPE — Pseudo-Arriani Periplus Ponti Euxini
 Ps.-Luc. Macr. — Pseudo-Luciani Macrobbii
 Ps.-Scyl. — Pseudo-Scylacis Periplus
 Ps.-Scymn. Diller — Pseudo-Scymnus // Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers (1952)
 Ps.-Scymn. Marcotte — Pseudo-Scymnus // Géographes grecs. Tome 1: Introduction générale. Ps.-Scymnos, Circuit de la terre. Texte établi et traduit par D. Marcotte. Paris, 2000
 Ptol. — Ptolemaei Geographia
 Res Gestae Divi Augusti = Monumentum Ancyranum
 Schol. ad Ovid. Ibim — Scholia ad Ovidii Ibim
 Schol. in Arist. Acharn. — Scholia in Aristophanis Acharnenses
 Schol. Theocr. — Scholia in Theocritum
 Sen. Hercul. Furios. — L. Annaei Senecae Hercules Furiosus
 SHA. Ant. Pius. — Scriptores Historiae Augustae, Antoninus Pius
 SHA. Div. Aurel. — Scriptores Historiae Augustae, Divus Aurelius
 SHA. Tac. — Scriptores Historiae Augustae, Tacitus
 Solin. — C. Iulii Solini De mirabilibus mundi
 St(eph). Byz. — Stephanus Byzantius
 Strab. — Strabonis Geographica
 Suda — Suda Lexicon
 Suet. Aug. — C. Suetonii Tranquilli Augustus
 Syncell. — Georgii Syncelli Chronographia
 Tab. Peut. — Tabula Peutingeriana
 Tac. Ann. — P. Cornelii Taciti Annales
 Tac. Germ. — P. Cornelii Taciti Germania
 Themist. — Themistii Orationes
 Theoph. Chronogr. — Theophanis chronographia
 Theophr. Plant. — Theophrasti De plantis
 Thuc. — Thucydidis De bello Peloponnesiaco
 Ulp. Schol. ad Dem. — Ulpiani Grammatici Scholia Demosthenica
 Xen. Hell. — Xenophontis Hellenica
 Xen. Mem. — Xenophontis Memorabilia
 Xenoph. Cyr. — Xenophontis Institutio Cyri (Cyropaedia)
 Zonar. — Iohannis Zonara Epitome Historiarum
 Zosim. — Zosimi Historia nova

Научное издание

**АНТИЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КУБАНИ**

В трех томах

Том II

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии РАН,
Ученым советом
Института всеобщей истории РАН*

*Заведующая редакцией Е.Ю. Жолудь
Редакторы И.В. Клюшкина, М.М. Леренман
Художник Э.Л. Эрман
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор Т.А. Резникова
Корректоры А.Б. Васильев, Г.В. Дубовицкая,
Е.А. Желнова
Компьютерная верстка И.В. Леоновой
Компьютерная графика Л.А. Дроновой, С.Г. Ковалевой,
Е.Ю. Костылевой, М.А. Октябрьского, О.Б. Черняк*

Подписано к печати 21.09.2010
Формат 70 × 90 1/8
Гарнитура Академическая
Печать офсетная. Усл.печ.л. 98,3
Усл.кр.-отт. 394,1. Уч.-изд.л. 66,0
Отпечатано в ООО «ЛД-ПРИНТ»
Тираж 1500 экз. Тип. зак. 3022.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Издательство «Северный паломник»
127018, Москва, ул. Трифоновская, 2
ppilgrim@mail.ru

ISBN 978-5-02-037381-5

9 785020 373815

